

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1880.

Редакция и контора журнала: Долгоруковская
улица, въ домѣ Дреземейеръ.

Типо-Литогр. И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/54

AP50
R875
v.1:12
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Изящная словесность.	
I. Между вѣчностью и минутой. Романъ. Часть IV. Окончаніе. <i>М. К. Гогеля</i>	1
II. Петербургское дѣйство. Истор. романъ въ 3-хъ част. Часть III. Окончаніе. <i>Гр. Е. А. Салиаса</i>	175
III. Пѣсня. Стих. <i>Л. И. Пальмина</i> .	
Русская жизнь.	
IV. Страница изъ исторіи общиннаго землевладѣнія. <i>С. К. тина</i> .	1
V. Русская земельная община. VIII. <i>Ф. А. Щербинь</i>	44
VI. Подробности аграрнаго вопроса въ черноземной Россіи. <i>А. Никольскаго</i>	61
VII. Шлиссельбургская крѣпость. Изъ лѣтнихъ экскурсій. <i>А. С. Пругавина</i>	123
VIII. Уѣздныя крестьянскія присутствія. <i>Н. Колупанова</i>	141
Внутреннее обозрѣніе.	
IX. Извѣстія о бѣдственномъ экономическомъ положеніи населенія. Необходимыя измѣненія въ нашей финансовой системѣ. Надежды на сенаторскую ревизію и опасенія относительно <i>саратовскаго половика</i> . Роль печати. Комиссія по пересмотру цензурныхъ правилъ. Управление народнымъ образованіемъ.	1—19
Политическое обозрѣніе.	
X. Россія и ея политическія задачи	19
XI. Пушкинскій вопросъ. <i>О. Ѡ. Миллера</i>	1
XII. Объявленія.	

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Федотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и рассказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Комдратовича Людвиг (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

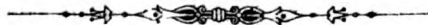
Кромѣ того: Мессалина. Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Абсакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изящная словесность.

- I. Между вѣчностью и минутой. Романъ. Часть IV. Окончаніе.
М. К. Гогеля 1
- II. Петербургское дѣйство. Истор. романъ въ 3-хъ част. Часть III.
Окончаніе. *Гр. Е. А. Салиаса* 175
- III. Пѣсня. Стих. *Л. И. Пальмина*.

Русская жизнь.

- IV. Страница изъ исторіи общиннаго землевладѣнія. *С. К. тина*. 1
- V. Русская земельная община. VIII. *Ф. А. Щербинь*. 44
- VI. Подробности аграрнаго вопроса въ черноземной Россіи. *А. Никольскаго* 61
- VII. Шлиссельбургская крѣпость. Изъ лѣтнихъ экскурсій. *А. С. Пругавина* 123
- VIII. Уѣздныя крестьянскія присутствія. II. *Колупанова* 141

Внутреннее обозрѣніе.

- IX. Извѣстія о бѣдственномъ экономическомъ положеніи населенія. Необходимыя измѣненія въ нашей финансовой системѣ. Надежды на сенаторскую ревизію и опасенія относительно *саратовскаго половика*. Роль печати. Комиссія по пересмотру цензурныхъ правилъ. Управленіе народнымъ образованіемъ. 1—19

Политическое обозрѣніе.

- X. Россія и ея политическія задачи 19
-
- XI. Пушкинскій вопросъ. *О. Ѡ. Миллера* 1
- XII. Объявленія.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

ВЫХОДЯЩИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНО

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

КНИГАМИ ОТЪ 28 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Условія подписки на 1881 годъ

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ, авторъ повѣсти «На Индію при Петрѣ», предполагавшейся для январской книги журнала «Русская Мысль», увѣдомилъ редакцію, что эта повѣсть, въ виду представившейся автору возможности напечатать ее еще въ текущемъ году, будетъ имъ помѣщена въ другомъ изданіи. Въмѣсто же этой повѣсти, съ января 1881 года, въ «Русской Мысли» будетъ печататься другой историческій рассказъ того же автора «Каменка», изъ временъ императора Александра I-го.

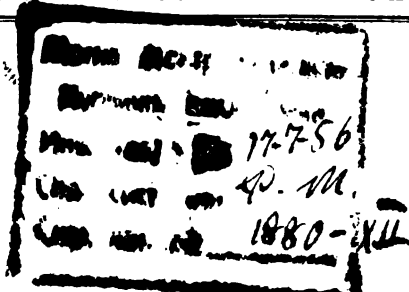
Долгоруковской улицѣ, домъ Дреземейера, и во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ.

Контора открыта ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней отъ 10 ч. утра до 5 ч. вечера.

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ тѣми подписчиками, которые подписываются въ ея конторѣ или высылаютъ деньги на имя послѣдней.

Подписка на 1880 г. продолжается.

ИЗЯШНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МЕЖДУ ВѢЧНОСТЬЮ И МИНУТОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ IV.

Глава J.

Апрѣльское полуденное солнце, яркое, горячее, высоко стояло надъ бѣляющими подъ кровлями красной черепицы зданіями, раскинутого по обрывистымъ окраинамъ, скученнаго внутри, города Скаль, главнаго въ губерніи Садовой, столь извѣстной своимъ теплымъ, благодатнымъ климатомъ и роскошною растительностью. Городъ былъ нѣкогда крѣпостью и его воинственный, суровый духъ, похоронивъ себя въ ветхихъ разсѣлинахъ, сырыхъ и затхлыхъ простѣнахъ средневѣковыхъ каменныхъ массъ, угрюмо-надмѣнно высматривалъ изъ мрачныхъ, мохомъ поросшихъ, отверстій турецкихъ башенъ и колоссальныхъ крѣпостныхъ стѣнъ на небрежно слѣпленные изъ сѣраго грубаго камня дома и домишки неуклюжіе, угловатые, съ торчачими изъ самыхъ стѣнъ камнями, маленькими окнами, какими-то зеленовато-грязными заплатами вмѣсто стеколъ. Окруженный съ трехъ сторонъ глубокими оврагами, съ четвертой, южной, спускающая свои каменные берега въ мутныя воды горнаго Глядича, онъ соединялся съ предмѣстьями, расположенными у его подножія уступами; съ низа до верха, одѣтыми въ густую зелень вишни и граба. По этимъ-то уступамъ, съ юго-восточной стороны города, начиная отъ середины скалы, пролегаютъ живообразныя узкія, тѣнистыя дорожки и, поднимаясь одна надъ другою, соединяютъ глухую чашу городского сада съ его открытою, широкою площадкою. Высокая, сквозная, чугунная рѣшетка, довольно

изящной работы, отдѣляетъ садъ отъ смѣшной съ нимъ губернаторской площади.

Въ саду было очень мало народа. По преимуществу дѣти, съ ихъ няньками и кормилицами. На самой крайней къ выходу скамейкѣ уже добрый часъ одиноко сидѣлъ худощавый, блѣднолицый, маленькаго роста, блондинъ, товарищ губернскаго прокурора, Чириковъ. Отъ времени до времени лѣниво поднимая вѣки, онъ, какъ бы не хотѣя, всматривался въ мелькавшія мимо лица и, опять понижая, еще внимательнѣе чертилъ на пескѣ тонкою, щегольской тростью какія-то фигуры. Трудно было угадать, что въ такой степени обособляло его отъ окружающаго: полнѣйшее ли равнодушіе къ этому недоразвитому человѣчеству, или какой либо, особо волновавшій его въ эту пору, интересъ, или просто тупость воспріятій... Судя по одеждѣ, приемамъ и движеніямъ, онъ былъ больше всего занятъ самимъ собою. Табачнаго цвѣта пальто съ бѣлыми, серебристыми крапинками отлично обрисовывало узкую въ плечахъ, соразмѣрную въ талии его фигуру; шляпа-цилиндръ, темнозеленыя перчатки въ обтяжку, галстукъ бабочкой, съ кокетливо выправленными изъ-подъ пальто концами, небрежно брошенное на грудь въ золотой оправѣ рипсепез, словомъ, все изобличало въ немъ крайнюю, нѣжную къ себѣ заботливость. Онъ былъ одинъ, онъ ни чуть не интересовался окружавшею его толпою и между тѣмъ въ каждомъ его движеніи сказывалась рассчитанность, въ каждомъ приемѣ щепетильность. На каедральномъ соборѣ пробило два. Густымъ, протяжнымъ басомъ надъ скалою, глухимъ, прерывистымъ раскатомъ у подножья ея пронесся бой часовъ каедральнаго собора, пробившихъ два. Чириковъ зѣвнулъ, сладко потянулся и внимательно всмотрѣлся въ даль губернаторской площади...

У входа въ садъ остановился извожичій фэтонъ, и въ ту же минуту по ступенькамъ каменной лѣстницы на площадку сада поднялась блондинка, маленькаго роста, вся въ черномъ. Бархатная кофта граціозно обнимала ея полную талию и широкія, соразмѣрно развитыя, плечи... Она шла прямо къ скамьѣ. Движенія ея, не смотря на излишнюю тучность, были легки и непринужденны... Это была жена предсѣдателя соединенной палаты, Марья Петровна Сытова.

Замѣтивъ ее, Чириковъ чуть-чуть приподнял шляпу и, лѣниво вставъ съ своего мѣста, какъ бы не хотѣя пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Что?... вы все еще гримасничаете? подавая ему свою пухлую, нѣжную руку, улыбнулась она.

— Если только быть нерасположеннымъ, значитъ—гримасничать, досадливо отвѣтилъ Чириковъ.

— Но съ вами силъ нѣтъ, Алексѣй Степановичъ!... Ну за что вы злитесь?... Чѣмъ же я виновата, что васъ каждый день что-то кусаетъ?... А между тѣмъ вы дуетесь, дуетесь безъ конца на всѣхъ, на все и даже на меня... Это безсовѣстно! и она рѣзко отвернулась.

— Ну и пусть безсовѣстно, пусть гримасничаю, а все жъ таки ни для кого ломать себя не стану, сухо отвѣтилъ онъ.

— Ни даже для меня? медленно, ударяя на каждое слово, проговорила она.

— Ни даже!

— Добраго утра, Марья Петровна, съ полуулыбочкою проговорилъ подошедшій молодой человѣкъ, высокій, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и въ высшей степени пронырливымъ выраженіемъ слегка сощуренныхъ глазъ. Это былъ чиновникъ особыхъ порученій Чижевскій.

— Ну, что новаго тамъ... у его сіятельства? спросилъ Чириковъ.

— Новаго много и даже... весьма интереснаго, опускаясь на скамью по лѣвую руку Сытовой и поправляя очки, медленно, какъ бы наслаждаясь лихорадочнымъ нетерпѣніемъ своего друга, проговорилъ Чижевскій. Во-первыхъ, губернаторъ человѣкъ,—началъ онъ, едва примѣтно шевеля губами и какъ бы процѣживая всякое слово черезъ зубы,—весьма серьезный, устойчивый.... Его ужъ не собьешь, какъ этого, нашего, Божіею милостью, въ сенатѣ почившаго.... Во-вторыхъ проектируются повышенія и большія перемѣны, какъ въ составѣ губернскаго правленія, такъ и въ полиціи.... Въ-третьихъ.... и Чижевскій, пріостановившись, внимательно посмотрѣлъ на Чирикова.

— Что же въ-третьихъ? нервно подтолкнулъ послѣдній.

— Въ-третьихъ.... и Чижевскій поправилъ очки.

— Да ну же, Чижевскій!... И когда ты научишься говорить.... Вѣдь тебя просто противно слушать!... Тянешь, тянешь, жуешь, жуешь, а проглатить все не можешь, раздраженно проговорилъ Чириковъ.

— А вотъ когда поступлю въ прокурорскій надзоръ и буду обвинять чаще, чѣмъ ты....

— Въ-третьихъ, снова протянулъ Чижевскій, на дняхъ слушается скорпешское дѣло.

— А кто обвиняетъ? горячо вмѣшалась Сытова.

— Бояриновъ, сквозь зубы пропустилъ Чириковъ.

— Всѣ собираются, перенося свой пронырливый взглядъ съ него на Сытову, а съ нея опять на него, продолжалъ Чижевскій и княгиня Плетнева, и баронеса Ридрихсъ, и Лисицына, п... губернаторъ, какъ-то особенно подчеркнулъ онъ.

— Ну ужъ это врешь! потому что дамамъ нельзя присутствовать на этомъ сальномъ дѣлѣ! горячо перебилъ Чириковъ.

— И потому онъ, не обращая вниманія на это заявленіе, продолжалъ Чижевскій, губернаторъ, будетъ, что во-первыхъ, дѣло само въ себѣ интересно, а, во-вторыхъ, обвиняетъ Бояриновъ, звѣзда, молъ, прокурорскаго надзора.

— И когда сломаешь себѣ шею эта проклятая выскочка, не выдержавъ, вскрикнулъ, точно ужаленный, Чириковъ, и его блѣдныя губы передернулись.

— Когда мы, вмѣсто того, чтобъ безъ толку бурчать себѣ подъ носъ, будемъ дѣйствовать!

— Звѣзда прокурорскаго надзора!... и Чириковъ желчно разсмѣялся.

— Да полноте, Алексѣй Степановичъ!... Охота вамъ волноваться изъ такого пустяга. Пусть дураки называютъ его хотя солнцемъ, не только звѣздою, а развѣ это мѣшаетъ вамъ и вообще людямъ, понимающимъ дѣло, сознавать, что онъ настолько же смыслить въ законахъ, насколько свинья въ апельсинахъ! съ багровыми пятнами волненія на лицѣ, проговорила Сытова.

— Онъ тамъ? перебилъ ее Чириковъ. Чижевскій молча наклонилъ голову.

— Какъ же!... Я видѣлъ, какъ онъ подѣхалъ, точно самъ губернаторъ!...

— Въ-четвертыхъ, опять затянулъ Чижевскій, сегодня у него обѣдаетъ губернаторъ.... Интимный кружокъ, и онъ усмѣхнулся.

— Да откуда эта дружба? вмѣшалась Сытова.

— Онъ же двоюродный братъ его жены.... Въ-пятыхъ, послѣ завтра пріѣзжаетъ губернаторша.

— Изъ кого же этотъ интимный кружекъ?

— Ну Соколинъ, конечно.... Градынская.

— Да Соколина и звать-то нечего.... Онъ и безъ того днюетъ и почуетъ у нихъ. Вѣдь Елена Павловна безъ него дышать

не можетъ. Это знаетъ весь городъ, перебивая слово словомъ, говорила Сытова.

— Что до губернаторши, медленно продолжалъ Чижевскій свой докладъ, какъ бы играя, и съ нетерпѣніемъ, говорятъ, весьма образованная женщина, красавица, но.... и онъ замаялся.

— Что, но? не спуская съ него оживленнаго взгляда, настояла Сытова.

— Крайне надменна!

— Надменна!... Но кому нужно особенно ея вниманіе?!... Да, напримѣръ, я!... плевать на нее хочу!

Чижевскій сгоромно опустилъ глаза.

— Ну это ужъ слишкомъ! напомнилъ Чириковъ и, мелькомъ глянувъ на Чижевскаго, хмуρο посмотрѣлъ на нее....

— Ахъ, простите, ш-г Чижевскій! Вѣдь вы ея адъютантъ по самой должности....

— Табъ что же?... донесу развѣ? и Чижевскій презрительно сощурился.

— Нѣтъ!... ни то, чтобы донесете!... Но....

— Что но?

— Во всякомъ случаѣ, неловко! оправлялась Сытова.

Бъ саду подѣхала карета барона Ридрихса.

— Однако до свиданія, и, наскоро простившись съ ними, Сытова, очевидно избѣгая пріѣхавшихъ въ каретѣ, быстро прошла въ противоположную сторону сада.

— Ну, еще бы, насмѣшливо проговорилъ ей вслѣдъ Чириковъ. *Que dira le monde!*

— Все еще амуришься? спросилъ Чижевскій.

— А ну ее! махнувъ рукой, глухо отвѣтилъ Чириковъ и, поправивъ *pince-nez*, заискивающи улыбаясь, пошелъ навстрѣчу барону Ридрихсъ.

Глава II.

Изъ окружающихъ городъ предмѣстей — «Зеленый холмъ» былъ, безспорно, самымъ виднымъ и красивымъ. Высоко поднимая надъ городскою скалою свою, нѣжнымъ, мягкимъ, какъ бархатъ зеленымъ ковромъ покрытую площадь, онъ буквально тонулъ въ охватывавшей его со всѣхъ сторонъ бѣлоснѣжной полосѣ вишни и граба. Воздухъ на немъ былъ легокъ, свѣжъ и полонъ аромата. Застроенный въ весьма незначительной части, по преимую

ществу по сторонѣ, обращенной къ городу, онъ по вершинѣ и отлогимъ спускамъ, покрытымъ богатою, тѣнистою растительностью, давалъ горожанамъ возможность отдыхать отъ смраднаго, тяжелаго, зараженнаго чеснокомъ и всякими миазмами, городского воздуха. Зеленый холмъ былъ любимымъ въ городѣ Скаль мѣстомъ. Особенно красива была главная улица, соединявшая обширную, поросшую травой, площадь холма съ его уходившимъ въ мутныя воды Глядича юго-восточнымъ берегомъ. На этой-то именно точкѣ, легкимъ деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ съ берега на берегъ, городъ соединялся съ предмѣстьемъ. Переулками, пересѣкавшими главную улицу, вся эта часть холма разбивалась на совершенно правильные квадраты густой, тѣнистой зелени, изъ-за которой лишь мѣстами то желтѣли, то бѣлѣли небольшіе, все одноэтажные дома жителей предмѣстья.

Близъ площади стоялъ недостроенный двухэтажный домъ. Онъ видимо составлялъ только третью часть предположеннаго при постройкѣ огромнаго зданія. Поэтому видъ его былъ уродливъ. Безконечно длинный по переулку, узкій и несоразмѣрно высокій со стороны, обращенной на площадь, онъ скорѣе походилъ на скворешню, чѣмъ на домъ. Его хозяинъ, итальянецъ Бернольди, самъ признавалъ его смѣшнымъ и, обвиняя всѣхъ и все, кромѣ себя самого, все-жъ таки не могъ собраться его достроить....

Въ глубинѣ двора этого дома, за сплошною, во всю ширину его, непроницаемою стѣною вѣтвистаго граба, скрывался отъ любопытнаго взгляда и палящихъ лучей юго-западнаго, жгучаго солнца очаровательный уголокъ холма, такъ называемый «садъ пташекъ».

Обвитый густою зеленью ели, сосны, березы, липы и граба, обособленный, какъ бы самъ въ себѣ замкнутый, онъ дышалъ нѣгою переполненнаго дивнымъ ароматомъ воздуха. Остроконечный, отъ основанія до вершины одѣтый только-что выступившею, свѣжею, берюзоваго оттѣнка зеленью, холмикъ высоко поднимался надъ центромъ сада своею, усыпанною краснымъ пескомъ, небольшою площадкой. На ней маленькій фонтанъ, по бокамъ два тяжелыхъ, плетенныхъ изъ металлическихъ прутьевъ, кресла. По крутому спуску холмика красиво вилась узкая дорожка, соединявшая его съ открытою, нижнею площадью сада, изрѣзаннаго по зеленому газону куртинами изъ всѣхъ цвѣтовъ. Ни огурка, ни единого спавшаго листка на дорожкахъ. Нѣсколько вправо отъ холмика—большая изъ березы въ необтесанной корѣ

бесѣдка. Въ ней березовый столъ, березовыя лавки. Противъ, по окраинамъ газона, высокія, пушистыя, нѣжныя, врытыя въ горшкахъ въ землю, альпійскія розы. Отъ нихъ, будто ускользая отъ жгучихъ лучей солнца, убѣгала дорожка подъ темный, непроницаемый сводъ входной аллеи. Вправо отъ этой аллеи, въ самомъ крайнемъ углу сада, за густою зеленью душистыхъ липъ, терялась такъ называемая «Раковая бесѣдка». Тонкою, ярко-красною полоскою вилась къ ней отъ холмика узкая дорожка и, постепенно закручиваясь, сразу вводила въ непроницаемую темь липовой спирали. Тутъ, въ самомъ ея центрѣ, вокругъ столика изъ сѣраго мрамора, только въ полдень, отвѣснымъ широкимъ лучомъ западало яркое солнце. Влѣво отъ Раковой бесѣдки, въ прямо противоположномъ ей концѣ сада, проходила аллея граба. Она даже въ полдень лишена была просвѣта. Къ этой-то именно аллеѣ съ особенною симпатіею относились лугавыя жительницы города Скаль въ тѣ былыя, добрыя времена, когда садъ былъ доступенъ имъ во всякое время дня и ночи. Въ ней назначались rendez-vous, въ ней, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мужа жена, какія нерѣдко встрѣчаются въ наши дни, неслышно цаловалась съ другомъ сердца.

Но съ той поры, какъ Бояриновы заняли бельэтажъ дома Бернольди, а этому истекло уже три года, на калиткѣ, выходящей изъ грабовой аллеи на зеленую площадь все чаще и чаще бѣлѣла ненавистная надпись: «входъ постороннимъ воспрещается».

Зеленый холмъ обыкновенно оживлялся съ 5 часовъ пополудни. Но въ описываемый день онъ къ четыремъ уже запертъ былъ нарядами всѣхъ цвѣтовъ, покрылся кавальадами и то отдѣльными парами, то цѣлыми группами гуляющихъ.... Пока общее вниманіе обращала на себя высокая, стройная, ловко и красиво сидѣвшая въ сѣдлѣ блондинка амазонка. Черты лица ея были тонки и правильны, приемы ѣзды смѣлы и граціозны. Красивымъ, блестящимъ на солнечныхъ лучахъ, роємъ вились вокругъ нея на статныхъ, горячихъ коняхъ офицеры-драгуны. Сдѣлавъ въ исходѣ площади, прямо противъ открытыхъ дверей балкона квартиры Бояриновыхъ, на короткомъ протяженіи, вольтъ на шагу, она разомъ подняла въ галопъ своего высокаго, темно-сѣраго коня и съ громкимъ «гигъ, гигъ» сопровождавшихъ ея офицеровъ уже карьеромъ пронеслась подъ самымъ балкономъ на главную улицу. Высоко къ небу поднялся за ними сѣробурый столбъ густой пыли.

— Тьфу, тьфу! заслоняясь обѣими руками, старательно отплевывалась, охваченная пылью съ ногъ до головы, маленькая, худощавая дама-штенка, въ черной шляпкѣ, съ красными цвѣтами и въ легкой драповой накидкѣ.—Чтобъ она провалилась, эта противная Клеопатра со всѣми ея бѣсноватыми поклонниками! громко, на всю улицу, выругалась она.

Веселымъ, безпечнымъ смѣхомъ встрѣтили этотъ отчаянный возгласъ молодыя дѣвушки, дочери генеральши Лисицыной, охотно согласившіяся сопровождать ее въ «садъ пташекъ», гдѣ такъ хотѣлось имъ видѣть новаго губернатора. Но на калиткѣ оказалась ненавистная надпись: «Входъ постороннимъ воспрещается».

— Боже мой, какъ досадно! воскликнула очевидно огорченная Зизи, полная, цвѣтущая блондинка, младшая изъ Лисициныхъ.

— Да и какое они имѣютъ право! вспыхнула Мими, третья по порядку ихъ фамильнаго списка, худенькая штенка съ острыми чертами лица.

Во входной аллее сада, со двора, рѣзко щелкнула калитка и въ нее вошли Бояриновъ и подъ руку съ нимъ высокая, худощавая, еще очень молодая и въ высшей степени граціозная штенка.

Бояриновъ значительно возмужалъ, поширѣлъ въ плечахъ, отпустилъ бороду. Она красиво отбѣняла его матово-блѣдное лицо.

— Войдемте на минутку на холмикъ, предложилъ Бояриновъ.

— Нѣтъ!... Я не хочу!... И такъ жарко. Что за охота лазить на эту пѣклу!...

— Ну, такъ подождите здѣсь, а я войду одинъ.

— И этого не хочу! почти касаясь его лица волосами пышной, шелковистой косы, шаловливо-настойчиво проговорила молодая женщина.

— Этого вы не можете не хотѣть! ошъ, смѣясь, возразилъ онъ.

— Гі!... Василій Андреевич!... Какой вы стали несносный! и ея худощавое, въ высшей степени капризное по складу губъ и бровей лицо вспыхнуло слабымъ, нѣжнымъ румянцемъ.—Ну, зачѣмъ вамъ туда?...

— Сказать свое здравствуй окрестностямъ.

— Ну, такъ это можно и послѣ.

— Нѣтъ!... по разъ навсегда установленному порядку, какъ только вхожу въ садъ.

— Ну, хорошо-же!... я пойду!... Только вы сами расквитесь, что настояли!

— Это отчего? улыбнулся Бояриновъ.

— Да оттого, что я не сама пойду, а вамъ придется тянуть меня волокомъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто!... Скрещу ноги и обѣими руками повисну на вашей рукѣ....

— Идешь!

— Идешь! и гибкая женщина крѣпко налегла на его руку.

— Что, тяжело? смѣясь, спросила она уже у площадки.

— Ничуть! Дорогая ноша никогда не тяжела....

— Будто? и гибкая женщина опять усмѣхнулась. — Вѣдь, я чужая ноша, а вамъ вотъ и своя, да нерѣдко тяжела бываетъ.

— Да развѣ, если своя, то уже непременно и дорогая?

Молодая женщина быстро отвернулась. На ея лицѣ на мигъ вспыхнула чуть примѣтная краска.

— Впрочемъ.... вы не подумайте, Владислава Францовна, что, такъ говоря, я разумѣлъ лично кого-нибудь, какъ бы оправдываясь, оговорился Бояриновъ.

— Мнѣ кажется, что, такъ говоря, вы могли разумѣть всѣхъ, кого хотите, кромѣ.... и молодая женщина запнулась.

— Кромѣ жены?

— Да, именно!... Это было бы слишкомъ безсовѣстно, быстро проговорила она, и ея тонкія брови сблизились. Бояриновъ побраснѣлъ.

— Какіе прекрасные виды открываются съ этого холмика!... Не правда-ли, Владислава Францевна? медленно проговорилъ онъ. Я почти каждый день бываю на немъ, и все-таки какъ будто впервые въ жизни люблюсь ими. Посмотрите, хотя взять вонъ тотъ бѣлый хуторъ, что такъ живописно теряется въ синевѣ лѣсовъ своихъ, или городъ. И,—точно волшебствомъ воздвигнутый замокъ, точно каменный гигантъ, утопающій въ зелени.

— Да.... потому что вдали!... А какъ войдешь, то сейчасъ же и разочаруешься.... Пыль да чеснокъ, сплетни да дрязги!... И такъ всегда!... Въ самомъ дѣлѣ, почему эта даль и въ природѣ, и даже въ отношеніяхъ такъ обманчива, такъ живо оча-

ровательна.... Смотришь изъ дали—улыбается, подойдешь—гримасничаетъ... Скажите на милость, оживляясь все болѣе и болѣе, говорила гибкая женщина, скажите изъ-за чего я буду десять верстъ идти къ этому хутору, изъ-за чего подвергать себя всѣмъ случайностямъ и непріятностямъ неизвѣстной дороги? Не изъ-за того же, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ убѣдиться, что онъ вовсе не такъ хорошъ, какъ казался мнѣ изъ дали, когда отсюда я на него смотрю и буду смотрѣть всегда съ удовольствіемъ... Вѣдь это прямо глупо!

— Ничуть! горячо перебилъ Бояриновъ. Напротивъ того. Не испытывать,—значить не жить!... Чѣмъ болѣе испытываю, тѣмъ глубже проникаю въ жизнь, чѣмъ ближе беру предметъ, чѣмъ крѣпче моя связь съ нимъ, тѣмъ дороже онъ мнѣ.

— Чѣмъ же объяснить тогда сотни примѣровъ? Молодые люди увлекаются, женятся по страстной любви и, въ концѣ-концовъ, до того надоѣдаютъ другъ другу, что получаютъ право взаимную ласку считать мученіемъ.

— Но зачѣмъ я буду забѣгать за десятки лѣтъ впередъ, когда я знаю, когда я чувствую, что отъ извѣстной близости къ данному лицу меня ожидаетъ наслажденіе?!

Оживленно разговаривая, Бояриновъ и граціозная женщина, незамѣтно подошли къ спирали.

— А вотъ и спираль... Какъ я люблю этотъ уголокъ, уютно усаживаясь въ самый уголокъ дивана изъ сѣраго мрамора, сказала она.

— За что?

— Вотъ этого я и сама не знаю!... Да вѣдь когда истинно любишь, то никогда опредѣленно не знаешь за что!

— Такъ почему же вы знаете, что любите?

— А потому, что мнѣ въ немъ и приятно, и страшно.

— Чего? съ выраженіемъ удивленія, перебилъ Бояриновъ.

— Чего? сближая брови, повторила гибкая женщина, ну, про то знаю я, въ полголоса отвѣтила она.

Бояриновъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Гибкая женщина опустила глаза. Живымъ румянцемъ покрылись ея щеки.

— Бояриновъ, перестаньте! не поднимая глазъ, проговорила она.

— Чего перестать?

— Такъ смотрѣть!... Знаете, терпѣть не могу! легко касаясь его руки горячею ладонью, чуть слышно добавила гибкая

женщина. Бояриновъ тихо приподнялъ ея руку, поднесъ къ губамъ, поцѣловалъ. У нея зардѣлись самыя уши, грудь ея вздымалась отъ волненія.

Въ аллеѣ шелбнула калитка.

— Гамъ-гамъ, какъ-бы захлебываясь, радостно залаялъ Неронъ, со всѣхъ ногъ бросаясь къ калиткѣ.

— Это жена!...

— Сядьте же, какъ слѣдуетъ!... Сядьте дальше, Бога ради!

— Да чего? Развѣ преступно сидѣть близко?

— Но это ее раздражаетъ!... Какъ вы не хотите понять, и притомъ....

— Вася!... Владислава Францовна!

— Ау!... Здѣсь! громко-весело откликнулась гибкая женщина.

Елена Павловна, приостановившись у березовой бесѣдки, внимательно осмотрѣлась. Она очень мало измѣнилась въ это время. Все также застѣнчиво смотрѣли изъ-подъ долгихъ рѣсницъ ея, точно бархатные, темно-голубые глаза; все также тонка была гибкая талія; лишь чуть-чуть раздались плечи, да какъ будто нѣсколько пополнила въ лицѣ.

— Здѣсь?... Да гдѣ-же здѣсь?! уже нетерпѣливо окликнула она.

— Ахъ, Боже мой!... Да здѣсь же, Лена!... въ боковой бесѣдкѣ, откликнулся Василий Андреевичъ.

— Подите! шепнула ему на ухо гибкая женщина.

— И въ самомъ дѣлѣ!... Что это я?

— Лена, идешь? обогнувъ первую спираль, окликнулъ онъ.

— Иду, уже спокойно отвѣтила Елена Павловна. Право!... спрячутся, и ищи ихъ два часа. Соколинъ пришелъ. И эта.... какъ она?...

— Не знаю, милая, охватывая правою рукою ея талію, улыбнулся Бояриновъ.

— Ну та, что я еще такъ не люблю.... такая противная трещотка.... сложивъ въ недовольную гримаску свои нѣжныя, алія губы, отрывисто объяснила Елена Павловна.

— Ахъ, это Камилина.... смѣясь, догадалась гибкая женщина.

— Да за что вы се такъ не любите, Елена Павловна?

— Во-первыхъ, она ужасно навязчива, а во-вторыхъ.... и Елена Павловна рѣшительно не могла объяснить теперь не только

имъ, но даже и себѣ, за что же это она, въ самомъ дѣлѣ, не любить ее во-вторыхъ.

— Чѣмъ же это она ужъ такъ особенно навязчива? перебилъ Бояриновъ.

— Чѣмъ? Да вотъ, кто ее звалъ сегодня?.. А она уже есть!

— Ну, ты просто несправедлива къ ней, Лена! Она такъ всегда внимательна къ тебѣ.

— Ну, да ты всегда любишь тѣхъ, кого я не люблю.

— Полноте горячиться, Елена Павловна. Развѣ стоитъ? вмѣшалась гибкая женщина.

— Ахъ!.. и когда это, наконецъ, прійдетъ твой губернаторъ, я такъ ѣсть хочу.

— А когда голодна, такъ и зла, улыбаясь, перебилъ ее Бояриновъ.

— Да, именно!.. Когда голодна, такъ и зла, игриво - капризно повторила Елена Павловна и, быстро сомгнувъ его смѣющіяся губы ладонью своей правой руки, ласково посмотрѣла ему въ глаза. Не сердись, нѣтъ?

— Полно, милая, когда же я на тебя сержусь, тихо отозвался Бояриновъ и, приподнявъ руки жены, медленно поцѣловалъ ихъ одну за другою.

— Вы тоже въ черномъ сегодня, Елена Павловна, слегка вспыхнувъ, отнеслась къ ней Владислава Францевна. Мы точно сговорились... И какой у васъ хорошенькій бантъ, Гдѣ вы купили?

— Я терпѣть не могу тратить деньги на такія глупости... Это онъ мнѣ привезъ на дняхъ изъ Кіева.

— Губернаторъ пріѣхалъ, баринь! громко перебилъ ее мужской голосъ за калиткою сада.

— Ну, вотъ, слава Богу! обрадовалась Бояринова. Неронъ! Неронъ! громко звала она, быстро выходя изъ спирали.

Глава III.

На балконѣ квартиры Бояриновыхъ, между двухъ пальмъ. Ольга Владиміровна Камилина, дѣвушка лѣтъ 18—19, весело болтала съ спокойно слушавшимъ ее Соколинымъ или, какъ его обыкновенно звали въ обществѣ, «нѣмымъ прокуроромъ», молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 22—23.

Камилина видимо заигрывала съ нимъ. Откинувшись всѣмъ корпусомъ на отлогую спинку плетенаго кабинетнаго бресла

скрестивъ у самыхъ ногъ его полныя, крохотныя ножки въ шелковыхъ чулкахъ и черныхъ фаевыхъ туфляхъ, она то и дѣло бросала ему въ лицо то игривую усмѣшку нѣжно-алыхъ губъ, то блестящій, оживленный взглядъ большихъ темно-синихъ глазъ. И надо было быть человѣкомъ въ высшей степени хладнокровнымъ, человѣкомъ совершенно равнодушнымъ къ женщинѣ вообще, чтобы выдержать перекрестный огонь этихъ взглядовъ и улыбокъ съ тѣмъ невозмутимо спокойнымъ выраженіемъ на лицѣ, съ какимъ выдерживалъ ихъ Соколинъ. Какъ будто они и не относились до него, какъ будто даже все, что говорила она, касалось не его, а какого-нибудь посторонняго, вовсе неизвѣстнаго ему лица.

— Нѣтъ, если бы вы, Анатолій Львовичъ, въ отвѣтъ на всѣ мои доводы, говорила она, отвѣчали не звуками и полусловами, а самыми пылкими увѣреніями, то и тогда бы я осталась при своемъ мнѣніи, что вы влюблены, влюблены и влюблены!.. Понимаете!.. Вотъ такъ! и Камилина, усмѣхнувшись, провела своимъ маленькимъ, тонкимъ, розоватымъ пальцемъ отъ лѣваго уха къ правому.

— Ну и прекрасно! отвѣтилъ Соколинъ такимъ беззвучнымъ голосомъ, какъ будто сказалъ ей, — а мнѣ-то что за дѣло до того, что ты обо мнѣ думаешь.

— Знаете, Анатолій Львовичъ, чтобы съ вами говорить, надо запастись нечеловѣческимъ терпѣніемъ!

— Такъ и не говорите, улыбнувшись, отозвался Соколинъ. Въ залъ торопливо вбѣжалъ лакей.

— Барыня здѣсь? осматриваясь, обратился онъ къ Камилиной.

— Губернаторъ пріѣхалъ?

— Точно такъ.

— Въ саду, спокойно отвѣтилъ Соколинъ, выходя въ залъ.

Камилина быстро прошла въ гостинную. Остановившись передъ зеркаломъ, она осторожно оправила подъ рукавами помявшійся рюшъ; ближе къ локтю надвинула спавшій на руку массивный золотой браслетъ; чуть-чуть коснулась своей пышной, черной, блестящаго отлива, косы и такъ игриво улыбнулась себѣ черезъ зеркало, какъ будто сказала:— «ну и развѣ я могу кому-нибудь не нравиться»? И она дѣйствительно была хороша въ эту минуту. Красивъ и холоденъ былъ маленькій, гладкій, точно изъ мрамора вы точеный, лобъ. Живымъ и тонкимъ румянцемъ рдѣлось нѣсколько смуглое лицо съ стро-

гимъ профилемъ. Чернаго барежа платье отлично обрисовывало талію маленькой, стройной фигуры; изъ-подъ его прозрачной ткани сквозили ея матово-блѣдныя, полныя, слитыя съ грудью плечи...

Въ передней что-то тяжело завозилось.

Камилина торопливо вышла въ залъ.

— Однако ни хозяина, ни хозяйки!.. Мы будемъ поставлены въ крайне неловкое положеніе! обратилась она къ Соколину.

— Сами представимся, спокойно отвѣтилъ онъ.

— Князь, что вы такъ долго? раздался въ передней громкій голосъ Бояринова.

— Какъ долго? Ровно пять!

— Сюда, сюда, князь, отворяя двери въ залъ, засуетился онъ.

Въ дверяхъ появилась широкоплечая, слегка согнутая въ плечахъ, фигура Долина на его неизмѣнныхъ костыляхъ.

Камилина сдвинула брови и съ такою кислою гримаскою посмотрѣла на Соколина, что онъ на этотъ разъ едва могъ сдержать улыбку.

— Сегодня, вѣроятно, какое - нибудь мѣстное торжество?! Такъ залита площадь народомъ, тяжело передвигая костылями, обратился Долинъ къ Бояринову.

— Никакого! Но вы забыли, князь, что въ первый еще разъ открыли горожанамъ возможность себя видѣть!

— Да развѣ я какая-нибудь рѣдкостная птица или никогда невиданный звѣрь?

Камилина звонко, весело размѣялась. Ей почему-то живо представилось, что онъ дѣйствительно напоминаетъ особой породы звѣря, такъ тяжелы и неуклюжи были его движенія.

Князь сдвинулъ брови. Бояриновъ смѣшался. Даже Соколинъ покосился на нее. — «Вѣдь экая, молъ, ты дура», какъ бы сказала онъ ей.

— Позвольте васъ познакомить, князь! Ольга Владиміровна Камилина, торопливо проговорилъ Бояриновъ.

Князь медленно протянулъ руку.

— Вамъ могъ показаться страннымъ мой смѣхъ, князь, играя губами, проговорила Камилина, но вы сами виноваты въ немъ. Если губернаторъ ни птица, ни звѣрь, то во всякомъ случаѣ и не совѣтъ человѣкъ.

— Какъ такъ? слегка отступая, уже улыбнулся Долинъ.

— Такъ! серьезно утвердила она. Онъ—губернаторъ, слѣдственно онъ уже не совсѣмъ человѣкъ.... Онъ что-то, и Камилина затруднилась.

Долинъ громко засмѣялся.

— Кто жъ вамъ это сказывалъ? сквозь смѣхъ перебилъ ее князь.

— Кто? слегка отступая, переповторила Камилина. Храни Богъ!... Этого никто не скажетъ, кромѣ меня, увѣрю васъ, князь, но зато всѣ, рѣшительно всѣ это чувствуютъ.

— И вы? усмѣхнулся на нее Долинъ.

— И я! чуть слышно проговорила Камилина и, смущенно опустивъ рѣсницы, граціозно отступила.

Бояриновъ даже забылъ представить барона, съ такимъ увлеченіемъ слѣдилъ онъ за Камилиной.

— Здравствуйте, князь! Сказала, входя, Елена Павловна.

— Ахъ, Елена Павловна! видимо обрадовался Долинъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ я васъ не видѣлъ! и онъ крѣпко сжалъ ей руку. Вѣдь цѣлую вѣчность!... Ужъ успѣли и влюбиться, и выйти замужъ!... А помните, съ какимъ задоромъ вы на меня напали, какъ на личного врага, за то, что я въ откровенную минуту поставилъ вамъ на видъ этого синьѣра, какъ пустаго мальчика! указалъ онъ на Бояринова. Ну, да вѣдь и по правдѣ онъ тогда былъ именно имъ.

— Да онъ и теперь не далеко ушелъ! тихо проговорила Бояринова.

— Ага! бойко словила Камилина.

— Будто? усмѣхнулся Василій Андреевичъ.

— Княгиня здорова, князь?

— Мегсі.... Вы попржнему гуманны, Елена Павловна! улыбаясь, замѣтилъ Долинъ.

— Гуманна?

— Забота даже о врагахъ развѣ не есть выраженіе высшей гуманности?... А вѣдь вы никогда къ ней особенно не благоволили!

— Что жъ изъ этого?... Вотъ видите, какъ я вамъ рада, а вѣдь это мнѣ не мѣшало нѣсколько минутъ тому назадъ на васъ злиться.... Да еще какъ! и Елена Павловна тихо сдвинула брови.

— За что?

— Да за то, что вы заморили меня голодомъ!... А я когда голодна, такъ и зла!

— Ну, простите, Елена Павловна. Впередь буду аккуратнѣе... Да вы въ которомъ же часу обѣдаете? смѣясь, оправдывался онъ.

— Всегда, всегда въ 4. Ахъ, Владислава Францовна!... Вотъ хороша!... Владислава Францовна Градынская. Князь Долинъ! спѣшно представила она.

— А вы, Анатолій Львовичъ, не знакомы?

Соколинъ, все это время съ улыбкой слѣдившій за нею, молча покачалъ головою.

— Анатолій Львовичъ Соколинъ!... Ну, а теперь ѣсть, сію же минуту ѣсть!... Иванъ, обѣдать.... Ахъ, Вася, да поди жь скажи, чтобъ поскорѣе.

Долинъ опять разсмѣялся. За нимъ и Градынская, и Камилина, до такой степени естественна была Елена Павловна въ ея желаніи ѣсть.

— Однако сколько ихъ, сколько собралось!... И преживленная картина! заинтересовался князь, подходя къ открытымъ дверямъ балкона. Для меня въ особенности интересно.... Вѣдь я почти никого изъ нихъ еще не знаю.

— Я вамъ помогу, если хотите! охотно вызвалась Камилина.

— А вы ихъ всѣхъ знаете?

— Рѣшительно!... Начиная вотъ съ этого пейсоватаго еврея въ бархатной фуражкѣ и кончая вице-губернаторшей, княгиней Плетневой.

— Кто же этотъ пейсоватый еврей?

— О! поднимая брови и слегка подергивая носомъ, увлеклась Камилина, это первѣющій листократъ—Мойшка Розенблитъ! нараспѣвъ протянула она.

Князь громко засмѣялся.

— А вотъ эту группу дамъ видите, князь? уже съ другимъ выраженіемъ лица продолжала она, да вотъ же вправо отъ балкона, что такъ старательно васъ обстрѣливаютъ и въ лорнетки и такъ.

— Вижу, вижу!... Дѣйствительно, довольно безцеремонно! Кто это такія?

— Это начальница женской гимназіи, титулярная совѣтница Халдѣева, со своимъ штабомъ.

— Какъ со своимъ штабомъ?

— Съ влассными дамами.... Это тоже особый, совсѣмъ особый народъ, не то что мы, простые смертные.... Отличаются, даже весьма!... Носить постоянно очки или рипсе-пез и отрицають бракъ, впрочемъ, собственно потому, что еще никто ни къ одной изъ нихъ не рискнулъ присвататься. Говорять уже очень учены.

— Ну, а это кто? сквозь смѣхъ спросилъ князь, указывая бровями на коляску Сытовой.

— Это? принимая серьезный видъ, повторила Камилина, это, медленно начала, какъ бы желая придать особенное значеніе, исключительную вѣскость своему опредѣленію, это — предсѣдательница соединенной палаты съ ихъ супругомъ и собственнымъ адъютантомъ въ лицѣ господина товарища прокурора Чирикова.

— Какъ такъ съ ихъ супругомъ?

— Вѣрно, князь!... Съ ихъ супругомъ!... Спросите хотя самого предсѣдателя, кто эта, молъ, дама, и онъ вамъ не скажетъ, на что хотите пари буду держать, не скажетъ, какъ всѣ говорятъ, что это его жена, нѣтъ! Онъ сладко улыбнется и процѣдитъ:—я ихъ супругъ-съ!

Князь засмѣялся раскатистымъ смѣхомъ.

— Князь, кушать! завидѣвъ въ дверяхъ человѣка съ мискою, почти строго прикрикнула Елена Павловна.

Въ залъ торопливо вбѣжалъ, вѣроятно уже по нюху, запоздавшій къ обѣду Неронъ. Но, замѣтивъ совершенно незнакомое ему лицо Долина, онъ споткнулся, коротко чавкнулъ и, удивленно раздвинувъ свои переднія, слегка вывернутыя, короткія лапки, вопросительно посмотрѣлъ на барыню: «что, молъ, хватить или помиловать?»

— Свой, свой! быстро отвѣтила, понявшая его, Елена Павловна.

— Что это за-англичанинъ? повертываясь по лаю, удивился Долинъ.

— Да развѣ вы его не помните, князь?

— Рѣшительно нѣтъ!

— Да какъ же, оживилась Елена Павловна, развѣ вы забыли, какъ онъ васъ сшибъ было съ ногъ, когда вы въ первый разъ пріѣхали къ намъ?

— Такъ это онъ же?

— Да.

— А мнѣ и въ голову не пришло, чтобъ онъ отважился совершить столь большое путешествіе.

— Напротивъ!... Онъ очень любитъ перемѣнять мѣста.... У него въ этомъ отношеніи есть много сходства съ Васею.

Всѣ засмѣялись, кромѣ Соколина.

— Садитесь же, господа.

Бпязъ занялъ мѣсто подлѣ хозяйки. Рядомъ съ нимъ сѣлъ Соколинъ. За нимъ, противъ Елены Павловны, Василій Андреевичъ, налѣво отъ него — Камилина.

Подали супъ изъ раковыхъ шеекъ и такъ аппетитно засмотрѣли съ блюда, точно готовые сами скользнуть въ ротъ, нѣжные, легкіе, какъ воздухъ, пирожки.

— А что же вы ничего не закусили, князь?... Вотъ допель-кюмель, поповка, горькая.

— А ни того, ни другаго, ни третьяго!... ничего не пью.

— Ну, а мы, Анатолій, выпьемъ?

— Выпьемъ! мягко улыбаясь, отвѣтилъ Соколинъ.

— Чего?... кюмеля?

— Ну, хоть кюмеля.... О, только рюмку поменьше!... А то ужъ слишкомъ.

— И вы, пожалуйста, поменьше, чуть слышно отнеслась Камилина къ Василю Андреевичу.

— Ну, ужъ это извините, еще тише отвѣтилъ онъ.

— Такъ я вамъ не дамъ.

— Вашъ мужъ, madame Градынская, если не ошибаюсь, служить инспекторомъ врачебнаго отдѣленія? громко перервалъ ея слова Долинъ.

— Да, князь!... Онъ вчера имѣлъ честь вамъ представляться.

— Какъ же, помню, помню! и князь снисходительно улыбнулся.

— Почему же не дадите? мелькомъ взглянувъ на Камилину, вполголоса проговорилъ Бояриновъ.

— Потому что вы, когда выпьете, забываете все и всѣхъ, серьезно проговорила она.

— Бромъ васъ!

— Тѣмъ хуже для меня, слегка вздохнувъ, отозвалась она, быстро опутивъ рѣсницы, — посмотрите, какъ уже слѣдитъ за вами ваша Владислава!

Бояриновъ взглянулъ на Градынскую и, покраснѣвъ, быстро отвернулся.

— Продолжайте, продолжайте! понялъ онъ ея острый взглядъ и скользнувшую въ тотъ же мигъ по ея губамъ тонкую, злую усмѣшку.

Разговоръ сталъ общимъ и, оживляясь съ минуты на минуту, увлекъ всѣхъ, кромѣ Соколова. Говорили о предполагаемомъ любительскомъ спектаклѣ, о балахъ въ клубѣ, объ особенностяхъ и странностяхъ обитателей Скаль, причемъ, по острымъ, мѣткимъ замѣчаніямъ Градынской, не оказалось почти никого въ городѣ, кто бы не былъ смѣшонъ или жалокъ.... Она говорила желчно, нервно, колола и язвила.... Камилина волновалась все болѣе и болѣе.... Ея видимо возмущало каждое слово Градынской.

— Нѣтъ, вы увидите, князь, сами увидите, говорила, между тѣмъ, Градынская. Это не люди!... Это какія-то пивки.... самоѣды!

— О, ужъ вы слишкомъ, Владислава Францовна, горячо возразила Камилина. Человѣкъ вездѣ одинаковъ. Есть люди со слабостями, есть и достойные полного уваженія! Надо только сумѣть отвыкнуть ненавидѣть свое дурное въ другихъ и слишкомъ любить свое хорошее въ себѣ!...

— Это правда, правда! торопливо согласился князь.

Градынская, поблѣднѣвъ, опустила глаза.

Наступила пауза, въ которой каждый чувствовалъ себя неловко. Выручилъ Бояриновъ. Воспользовавшись темою, данною Камилиной, онъ сталъ развивать тотъ взглядъ, что человѣкъ, въ особенности нашего времени, въ большинствѣ случаевъ, существо разбитое и больное, и что потому онъ не понимаетъ и никогда не пойметъ суроваго отношенія къ его слабостямъ. Онъ говорилъ отрывисто, сильно и горячо. Его съ восторгомъ слушали всѣ. Его взглядъ поддержалъ князь, даже Соколинъ, и разговоръ опять оживился. Обѣдъ закончили шампанскимъ и по предложенію Елены Павловны перешли пить кофе въ гостиную.

На стѣнныхъ часахъ зала пробило семь, когда Камилина, простившись, вышла въ залъ.

— Когда же, когда, Ольга?... быстро ее настигая у выходныхъ въ переднюю дверей, глухо спросилъ Бояриновъ.

— Сегодня, въ девять съ половиною часовъ, липовая аллея, три удара!... и, не взглянувъ даже, она исчезла въ передней.

Глава ЈУ.

Общество городских дам имѣло весьма поверхностное понятіе объ Еленѣ Павловнѣ Бояриновой. Однѣ говорили, что она женщина вспыльчивая, раздражительная, крайне ревнивая, болѣзненная; другія, что она гордячка и ни съ кѣмъ не хочетъ знакомиться оттого, что кичится своимъ княжествомъ; третьи, что она просто «нелюдима»; четвертыя, что она женщина весьма добрая и возможность помощи нуждающимся ставить чуть ли не выше всего въ жизни. Но всѣ согласны были лишь въ одномъ, что между нею и мужемъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго, что онъ слишкомъ уменъ для нея. Этого послѣдняго мнѣнія чуть ли не держался и самъ Василій Андреевичъ, предпочитавшій, въ особенности за послѣдніе мѣсяцы, трескотню всякой «юбки» ея обществу.

Почти никогда не видно было Елены Павловны въ собраніи, она рѣдко бывала въ театрѣ и даже въ городѣ и вообще вела свой особый, крайне замкнутый, образъ жизни, какъ будто ее не интересовало ничего, рѣшительно ничего въ этой, всегда одинаково возбужденной толпѣ, чужихъ ей людей. И эти люди были ей дѣйствительно чужіе и она никогда не поняла бы ихъ волненій, ихъ борьбы изъ-за ничего и не про что, какъ они не понимали ее.

Она вставала обыкновенно въ восемь часовъ. Наскоро выпивала уже готовую чашку чаю, набрасывала на себя легкій, бѣлый пеньюрь и, осторожно переступая, чтобы какъ не потревожить еще сладко и крѣпко спавшаго мужа, торопливо выходила во дворъ. Тутъ, у самыхъ дверей, ее всегда встрѣчалъ оживленный, радостный Неронъ громкимъ лаемъ, нѣсколько на распѣвъ. Изъ конюшни весело ржали лошади. «Петръ!» громко призывала она кучера и направлялась къ конюшнѣ.

Угостивъ Мишку и любимца Ваську хлѣбомъ, дождавшись, чтобы Петръ ихъ вычистилъ, она отправлялась въ садъ. Тутъ у нея обыкновенно начиналась война съ хозяиномъ Бернольди, нетерпѣвшимъ Нерона за то, что онъ по первому же абцугу ударялся носомъ въ рыхлую землю одной изъ ближайшихъ куртинъ, а затѣмъ уже валялъ губаремъ съ куртины на куртину.

— O, mon Dieu, mon Dieu! восклицалъ пылкій итальянецъ, et quand à la fin cet horrible animal cessera me tourmenter. И Елена Павловна не была даже въ силахъ сердиться на италья-

янца за его неумѣстное обращеніе къ Нерону, до такой степени искренно и живо было его горе. Тогда-то именно начиналось кѣлое дипломатическое объясненіе. Бернольди доказывалъ, что онъ живетъ для сада и любитъ его, какъ родное дѣтище, а Елена Павловна утверждала, что ей нѣтъ до этого никакого дѣла, потому что она наняла садъ съ квартирой и можетъ распоряжаться имъ, какъ ей угодно. Итальянецъ говорилъ, что ей самой должно быть пріятенъ порядокъ и что, соблюдая его, онъ заботится объ ихъ же удовольствіи. Елена Павловна отвѣчала, что она добрымъ расположеніемъ духа Нерона дорожитъ несравненно больше, чѣмъ всѣмъ его садомъ, и что Неронъ даже не нарушаетъ порядка, такъ какъ онъ всего только одинъ разъ въ день позволялъ себѣ такія экскурсіи. Въ концѣ концовъ, итальянецъ смирялся и, тяжело покряхтывая, начиналъ уравнивать взбитую Нерономъ землю.

Заключивъ временный миръ съ Бернольди, переговоривъ съ съ его женою о ея, madame Бернольди, впечатлѣніяхъ за вчерашній день и вовсе не потому, чтобы эти впечатлѣнія ея интересовали, а лишь чтобы доставить величайшее наслажденіе словоохотливой г-жѣ Бернольди и тѣмъ снискать ея покровительство Нерону, Елена Павловна въ началѣ одиннадцатаго часа уже нетерпѣливо шла будить мужа. Ее всегда такъ горячо интересовало знать, доволенъ ли онъ истекшимъ вечеромъ, гдѣ именно былъ, игралъ или танцевалъ, ухаживалъ ли и за кѣмъ, проигралъ или выигралъ. Напивъ его чаемъ, продержавъ дома насколько возможно дольше и медленно, крѣпко поцѣловавъ при прощаньи, хотя бы и на два часа времени, Елена Павловна, всегда недовольная, грустная въ тѣхъ случаяхъ, когда Василій Андреевичъ не обѣщалъ ей возвратиться скоро, задумчиво садилась за фортепіано и по долгу-долгу играла.

Къ обѣду приходилъ Анатолій Львовичъ Соколинъ и по большей части даже раньше мужа, всегда имѣвшаго въ городѣ кая-то особенныя, крайне задерживавшія его, дѣла. Въ рѣдкіе дни не бывало Соколина, и тогда Еленѣ Павловнѣ какъ будто чего-то не доставало, такъ привыкла она его видѣть. Соколинъ никогда не могъ стѣснить. Онъ такой простой, милый, спокойный, тихій. Никогда никого не осудить, ни надъ кѣмъ не посянется и такъ много разъ доказалъ ей свою дружбу къ Василю Андреевичу. Если ей надоѣдало говорить съ нимъ или она просто была не расположена, онъ уходилъ или слушалъ ея игру, а

иногда даже молча, только изрѣдка на нее взглядывая, просиживала и часъ, и два. Хотѣлось болтать съ нимъ — болтала, нѣтъ — такъ даже и забывала объ немъ. Въ городѣ давно уже говорили, что между ею и Соколинымъ все также ясно, какъ между Чириковымъ и Сытовою. Она объ этомъ слышала. Ей передавали и Градынская, и мужъ, и даже самъ баронъ, какъ-то смѣха ради.... Но что же ей за дѣло до того, что объ ней говорятъ, говорили и будутъ говорить въ городѣ?! Вѣдь между нею и ими, городскими дамами, никогда не было и никогда не будетъ ничего общаго.

Послѣ обѣда Елена Павловна обыкновенно каталась съ мужемъ въ шарабанѣ или верхомъ, въ сопровожденіи Соколова. Цѣлью прогулки всегда служило одно изъ окрестныхъ селеній, въ которомъ нужно ей было помочь больному или нуждающемуся. Въ этихъ ближайшихъ селеніяхъ всѣ ее знали, всѣ, отъ мала до велика, и дѣти шумно радовались ей. Соколинъ и Василій Андреевичъ въ особенности были обложены по этой статьѣ расхода весьма значительными податями. Дань бралась и съ каждаго выигрыша, и съ удобной минуты. Василій Андреевичъ теперь все чаще и чаще затруднялся въ исполненіи этихъ требованій, но за то Соколинъ шелъ всегда впередъ взысканія.

Вечера Елена Павловна обыкновенно проводила дома, но иногда ей приходилось пожертвовать собою дипломатическимъ соображеніямъ мужа и не рѣдко волею-неволею она отправлялась къ баронессѣ Ридрихсъ, къ княгинѣ Плетневой или даже и къ этой противной Сытихѣ. Къ ней Елена Павловна почему-то питала особенное отвращеніе.

Кромѣ Соколова, Елена Павловна была очень расположена къ Владиславѣ Францовнѣ Градынской. Да и нельзя было не любить ее. Она съ самыхъ первыхъ дней знакомства такъ сочувственно отнеслась къ ней, такъ часто и горячо отстаивала ее отъ требованій мужа по отношенію къ обществу, такъ помогала ей въ борьбѣ съ нимъ не только за мельчайшія желанія, но даже и за капризы. Самая ничтожная перемена въ выраженіи ея лица уже возбуждала тревогу въ Владиславѣ Францовнѣ и она не успокоивалась, она не унималась никакими доводами, пока не узнавала, что ее встревожило или огорчило.

Елена Павловна глубоко возмущалась ревностью мужа Градынской. Да еще къ кому?... къ Васѣ! Она до такой степени горячо упрекала Градынского за это подозрѣніе, что онъ, не-

смотря на общій говоръ въ городѣ, окончательно пасовалъ передъ ея доводами.

Она ее любила и она ей вѣрила.... Вѣрила глубоко, живо, безусловно.

Глава У.

Наступившій вечеръ былъ тепелъ и до того тихъ, что не нарушалъ даже спокойнаго, совершенно ровнаго горѣнія свѣчи, забытой на маленькомъ столигѣ балкона. Ни малѣйшаго шелеста въ густой зелени точно онѣмѣвшихъ въ сладостной дремотѣ пальмъ. Двери съ балкона были попрежнему открыты. На стѣнѣ большаго зала одинако горѣла лампа. Въ кабинетѣ, двери котораго были затворены, уже давно раздавались мужскіе голоса и, отъ времени до времени, спокойный, ровный, мягкій голосъ Соколина совершенно терялся въ взволнованномъ, громкомъ, порывистомъ голосѣ Василя Андреевича.

Въ блѣдно-голубой гостиной было тихо. Елена Павловна сидѣла на диванѣ, какъ разъ по срединѣ стола. Передъ нею давно уже лежала раскрытая книжка «Русскаго Вѣстника». Она то уходила въ ея страницы, то, откидываясь на самую спинку дивана, задумывалась. У ея ногъ, весь сжавшись на длинномъ шлейфѣ, тихо всхрапывалъ Неронъ. У противоположной стороны стола, склонившись къ свѣту, работала Владислава Францовна. Она доканчивала краснаго, шерстянаго пѣтуха и все ея вниманіе, казалось, было поглощено теперь его послѣднею лапкою. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ нельзя было не замѣтить, что пѣтухъ вовсе не интересовалъ ее въ такой степени. Не отводя глазъ отъ работы, она все чаще, все напряженнѣе прислушивалась къ говору въ кабинетѣ.

— Надоѣло!... скучно! рѣзко отталкивая книгу, отчетливо проговорила Елена Павловна.

— Ну, да вы, кажется, неособенно и углублялись. Если не ошибаюсь, больше четырехъ страничекъ не одолѣли, усмѣхнувшись, отозвалась Владислава Францовна.

— Ничего не хочется сегодня!... ни читать, ни играть!

Владислава Францовна, медленно сложивъ работу, внимательно посмотрѣла на нее.

— Васъ что-то мучить!... Вы раздражены съ утра.

— Не то чтобы мучило, а мнѣ досадно.... ужасно досадно на Васю.

— За что? опять развертывая полотенце, точно не хотя, протянула Градынская.

— Зачѣмъ онъ ѣдитъ встрѣчать эту протинную Долину? Вѣдь онъ же знаетъ, какъ мнѣ это непріятно! и ея голосъ слегка дрогнулъ.

— Да почему же именно встрѣчать?... Онъ ѣдитъ по дѣлу, тихо возразила Градынская.

— Вы думаете?

— Не только думаю, но даже убѣждена въ этомъ. Вѣдь онъ не былъ въ Чернорѣчинскѣ уже болѣе двухъ недѣль, и еще дней пять тому назадъ говорилъ мнѣ, что собирается. А ужъ разъ онъ тамъ будетъ, то, конечно, было бы крайне не ловко не встрѣтить и при томъ.... и Градынская, какъ бы испугавшись своей мысли, запнулась.

— Что притомъ? оживленно спросила Бояринова.

Градынская усмѣхнулась.

— Что прошло, то старо!... И зачѣмъ же гнаться за старымъ, когда намъ такъ старательно наклеивается новое, и юное, и не глупое, и красивое.

— Камилина? мгновенно вспыхнувъ, почти вскрикнула, точно ужаленная, Елена Павловна.

— Н-да, не хотя согласилась Градынская.

— И вы думаете.... онъ серьезно интересуется ею?

— Онъ?!.. О, нѣтъ!... Но что она, то въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Вотъ видите, чуть слышно проговорила Бояринова, не была ли я права, когда вовсе не хотѣла знакомиться съ нею... Вы уговорили меня, Владислава Францовна.

— Да, уговорила, и очень рада, горячо перебила Градынская. Неужели вы думаете, что было бы лучше, если-бъ она интриговала его заглазно? Тысячу разъ хуже! Тогда это дѣйствительно могло бы чѣмъ-нибудь разыграться, а теперь, если вы только будете имѣть настолько воли и самообладанія, что послѣдуете моему совѣту, она получить носъ, длинный, предлинный.... вотъ этакій!... и, сведя мезинецъ правой съ большимъ пальцемъ лѣвой руки, она нервно размѣялась.

— Что-жъ мнѣ дѣлать? почти сквозь слезы проговорила Бояринова.

— Что? Во-первыхъ, знать себѣ цѣну и не падать духомъ изъ-за глухихъ фокусовъ дѣвченки-интриганки. Во-вторыхъ,

даже и намекомъ не дать почувствовать Василю Андреевичу, что вы ее въ чемъ либо подозрѣваете; въ третьихъ, быть съ нею гораздо внимательнѣе, а въ-четвертыхъ, мы будемъ слѣдить за ними вмѣстѣ и... накроемъ, накроемъ ее, какъ дважды два—четыре! Тогда она....

— То-есть какъ это накроемъ? живо переспросила Елена Павловна.

— Ну, застанемъ ее съ Василюемъ Андреевичемъ при такихъ условіяхъ, что она ни какъ не могла бы ожидать...

— Какъ! почти вскрикнула Бояринова и, вся вспыхнувъ, мгновенно встала съ дивана, выпрямилась... Я! Чтобы я когда-нибудь рѣшилась подсматривать за мужемъ.... Да что съ вами, Владислава Францовна!... Пусть онъ человѣкъ увлекающійся, безхарактерный, все, все, что вамъ угодно, но я твердо увѣрена въ томъ, что онъ никогда не обманетъ меня и что если бъ онъ когда-нибудь полюбилъ другую, онъ самъ придетъ и честно скажетъ мнѣ.... Я лучше выгоню ее изъ дома, чѣмъ позволю себѣ унизиться до пристра, до подслушиванія.

Градынская быстро встала и, улыбаясь, крѣпко поцѣловала ее. Бояриновой показалось, что у нея на глазахъ набѣжали слезы.

— Что съ вами, Владислава Францовна?

— Что? едва слышно откликнулась Градынская. И вы еще спрашиваете?... Неужели сами не чувствовали, какъ прелестны были въ эти минуты, минуты вашего благороднаго гнѣва?... Да!.. Вотъ именно то настроеніе, которое я хотѣла вызвать въ васъ, вотъ именно тѣ средства, тотъ путь, которымъ вы всегда должны идти въ борьбѣ съ Камилиной и подобными ей интриганками.... Вѣра въ себя, вѣра въ мужа, и ни какая сила тогда не поколеблетъ въ немъ любви къ вамъ! Вѣдь вы не сердитесь на меня за мою маленькую хитрость? Да? протягивая ей обѣ руки, лихорадочно-бѣгло говорила Градынская.

— Такъ вы это пошутили, Владислава Францовна?

— И вы еще меня спрашиваете! игриво-укоризненно отозвалась Градынская. Но я имѣла серьезную цѣль... Имѣла и достигла. Я вызвала въ васъ самолюбіе и теперь спокойна за васъ, вполне увѣрена, что вы не только ничего не замѣтите Василю Андреевичу, но даже не измѣните и вашихъ отношеній къ Камилиной. Напротивъ того, будете нѣсколько внимательнѣе къ ней... Вы этимъ ей только докажете, что вполне вѣрите въ себя,

въ мужа и не придаете рѣшительно никакого значенія ея проискамъ.... Вѣдь такъ, не правда ли, такъ, Елена Павловна?

Елена Павловна не отвѣтила. Она только крѣпко пожала опять протянутую ей Градынскойю руку.

— Нѣтъ, по моему и одной паршивой овцы вполне достаточно, чтобы чужому взгляду и все стадо казалось паршивымъ, переходя изъ кабинета въ залъ, горячо говорилъ Бояриновъ.

— До свиданія, Владислава Францовна, входя въ гостинную, обратился Бояриновъ, впрочемъ.... я надѣюсь, что еще застану васъ.

— Это зависитъ отъ того, какъ скоро вы вернетесь, избѣгая его взгляда, сухо отвѣтила она.

— Ты куда, Вася?

— Въ тюремную контору. Да я черезъ полчаса вернусь, милая, и наскоро поцѣловавъ у жены руку, Василий Андреевичъ быстро вышелъ изъ гостиной. Градынская поблѣднѣла. По ея губамъ пробѣжала тонкая, злая усмѣшка.

Черная стрѣлка въ залъ показывала четверть десятого.

Глава У].

Елена Павловна не ошибалась въ Соколинѣ. Онъ не только расположенъ былъ къ ней, но и всѣмъ сердцемъ любилъ ея мужа. Любилъ въ немъ его открытый, прямой, пылкій характеръ; любилъ его горячее, порывистое слово. Но ихъ характеры, взгляды на вещи, самое отношеніе къ средѣ были совершенно различны. Соколинъ былъ всегда одинаково спокоенъ, ровенъ, холоденъ, молчаливъ. Бояриновъ, напротивъ, пылокъ, безтактенъ, горячъ, откровененъ и до того болтливъ, что даже самъ нерѣдко говорилъ, что языкъ его—врагъ его! Соколинъ развивалъ свою мысль холодно, сдержанно, невозмутимо спокойно и весьма рѣдко, весьма неохотно отказывался отъ разъ высказаннаго взгляда. Бояриновъ нападалъ въ спорѣ стремительно и весьма нерѣдко, увлеченный горячимъ потокомъ своихъ же мыслей, убѣждалъ окружающихъ въ томъ, чему самъ въ сущности вовсе не вѣрилъ, и тутъ же, уже спокойно взвѣсивъ все, имъ высказанное, начиналъ атаку противъ самого же себя. И Соколинъ, и Бояриновъ одинаково ясно сознавали, что какъ большинство изъ ихъ товарищей по службѣ, такъ, за весьма немногими исключеніями, и весь бомондъ, весь цвѣтъ общества города Скаль съ

каждымъ новымъ днемъ все глубже и глубже увязали въ тинѣ провинціальныхъ интригъ и совершенно чувственныхъ порывовъ, но далеко не одинаково относились къ нимъ.

Соголинъ всегда ровный, холодно-вѣжливый ко всѣмъ, кромѣ Бояриновыхъ, не сошелся рѣшительно ни съ кѣмъ. Его называли нѣмымъ прокуроромъ, человѣкомъ весьма страннымъ, и въ то же время онъ никому не былъ спицею въ глазу. Бояриновъ, напротивъ, въ понедѣльникъ сходилъ съ однимъ, во вторникъ съ другимъ, въ среду расходился съ ними обоими, и число враговъ его росло изо дня въ день. Но онъ не смущался, онъ даже радовался, онъ хотѣлъ видѣть и дѣйствительно видѣлъ въ этомъ самое сильное подтвержденіе мысли, что онъ единица не дюжинная и что ему, такъ сказать, свыше предписано бороться и покорять. Эта мысль ему улыбалась, въ высшей степени ласкала его самолюбіе, съ каждымъ новымъ днемъ росла въ немъ честолюбца. Онъ нерѣдко съ глубокимъ убѣжденіемъ и неподдѣльною горечью доказывалъ Соколину, какъ дважды-два—четыре, что окружающіе ихъ люди вовсе не люди, а произвольно двигающіяся куклы, живыя маріонетки, что у нихъ нѣтъ ни идей, ни вѣрованій, ни воли, ни характера, ни убѣжденій, ни осмысленной цѣли, и что они люди только по формѣ, въ особенности благообразной на парадахъ, когда выступаютъ въ мундирахъ и виць-мундирахъ. А что если, въ счастливую минуту и сболтнуть что либо неглупое, то это имъ кто-нибудь подшепнуть, или же, по старой памяти, своровали изъ учебника, а ни то подтибрили изъ газетъ! И, не смотря на такой взглядъ на окружающую среду, Василій Андреевичъ несравненно больше Соколина интересовался мнѣніемъ о себѣ, хотя бы даже и самой незначительной изъ этихъ куколъ. Бранили ли или же восторгались имъ, его обвинительными рѣчами, онъ былъ уже доволенъ, и даже болѣе любилъ, когда его бранили.— «Ну и что жъ, молъ, родимые! Потѣшайтесь, дорогіе! Мнѣ-то какое дѣло?! Сбѣсите, кусайте себѣ ногти до крови, сплетничайте, а все-жъ таки присядите, вотъ накажи меня Богъ, если не присядите!» какъ бы говорила въ такія минуты его снисходительно-насмѣшливая улыбка.

Но не всѣ и далеко не въ равной степени присѣдали ему. Многие даже съ трудомъ скрывали враждебныя къ нему чувства и при всякомъ удобномъ случаѣ прохаживались на его счетъ. Главною и единственною опорю ихъ, среди другихъ, дружившихъ

съ Бояриновымъ властей, былъ губернаторъ, предѣстникъ Долина, человекъ крайне настойчивый, желчный, болѣзненно-самодулюбивый и уже не разъ раздраженный заносчивостью тона Бояринова въ его требованіяхъ и предупрежденіяхъ къ полиціи. Полиція понимала это, спокойно клала предупрежденія подъ сукно и, не смотря на всѣ его усилія подавить ее своимъ вліяніемъ, держала себя въ высшей степени самостоятельно. Вотъ что бѣсило Василія Андреевича, вотъ что не мало перепортило ему крови, вотъ что открывало его врагамъ самое обширное поле для всевозможныхъ о немъ, даже нелѣпыхъ, анекдотовъ. Это въ особенности огорчало и тревожило его, потому что онъ никогда не позволялъ себѣ переступать границы предоставленнаго закономъ и въ упорствѣ губернатора ясно сознавалъ прямой вредъ самому дѣлу службы.

Теперь можно себѣ представить, въ какой степени взволновались враги Бояринова, какъ переполошилась полиція, когда по губерніи разнесся слухъ, что вновь назначенный губернаторъ, князь Долинъ, близкій его родственникъ. Василій Андреевичъ даже не могъ заснуть въ ночь, послѣдовавшую за вечеромъ, въ который вице-губернаторомъ была получена телеграмма о назначеніи Долина. И могъ ли онъ не радоваться? Могъ ли болѣе сомнѣваться въ томъ, что наступали золотые дни его служебной дѣятельности, что полиція, и безъ того уже начинавшая подпадать подъ его вліяніе, теперь однимъ мигомъ превратится въ слѣпое орудіе его указаній и разомъ протянетъ ему столько исполнительныхъ рукъ къ тому стремительному, энергическому преслѣдованію, съ которымъ онъ всегда поднимался противу враговъ личности и собственности.

Дѣйствительность превзошла ожиданія. На слѣдующее же утро мундирныя и виц-мундирныя лица, члены и секретари разныхъ правленій, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, радостно улыбались, привѣтливо и съ отгѣнгомъ надлежащаго почтенія раскланивались.

Особенно взволновался женскій мірокъ. Многія изъ нихъ, полагая свою крѣпкую надежду на дружбу къ нимъ Бояринова, высоко подняли свои задорные носики. Въ особенности возрадовались Лисицыны. Василій Андреевичъ бывалъ у нихъ довольно часто и даже жену заставилъ сдѣлать имъ визитъ. Да и не однѣ Лисицыны, десятки дамъ и барышень надѣялись черезъ него, игнорируя табель о рангахъ, создать себѣ болѣе или менѣе видное положеніе въ губернаторскомъ домѣ. Губернаторъ былъ

молодъ, богатъ, женатъ... Будутъ балы, пикники, вечера, обѣды.

Бояриновъ отчетливо сознавалъ всю выгоду своего положенія. Онъ понялъ, что всѣ первыя движенія княгини-губернаторши, не смотря на ея самостоятельность, будутъ болѣе или менѣе отвѣчать его взглядамъ, что, при его близкомъ знакомствѣ со всѣми наклонностями, интригами и слабостями женщинъ общества, ему будетъ одинаково легко и поднять, и унизить въ ея мнѣнїи ту или другую, что, словомъ, онъ—власть надъ ними. И эта мысль забавляла его до такой степени, что, намѣренно пригласивъ на обѣдъ съ губернаторомъ лишь только Градынскую съ Камилиной, онъ какъ бы уже слышалъ раздраженные голоса: «И чѣмъ эта Камилина, помѣщичья дочь, или эта докторшавыскачка, Градынская, выше другихъ?!... И какъ это глупо, какъ безтактно!» поочередно выкрикивали дамы и болѣзненно передергивались при этомъ губы княгини Плетневой, зло-насмѣшливо улыбалась Лисицына, багровѣла Сытова и сосредоточенно-угрюмо перебирала мясистыми губами баронесса Ридрихсъ.

Глава УІІІ.

Отъ зоркаго, лихорадочно-возбужденнаго вниманія Василя Андреевича не ускользнула брошенная въ его сторону Градынскою ѣдкая, злая усмѣшка. Эта усмѣшка говорила: «Ты лжешь! Ты идешь не въ тюрьму, а на свиданіе съ Камилиной. Я не Елена Павловна, я все вижу не хуже твоего, и пойми, что ты теперь въ моихъ рукахъ, что мнѣ достаточно одного слова, одного слабого намека, чтобы навсегда нарушить душевный покой твоей жены, чтобы вышвырнуть изъ твоего дома эту дѣвченку-пройдоху!» Сойдя во дворъ, онъ зорко осмотрѣлся. Никого. Озираясь, робко переступая, пошелъ онъ подлѣ самой стѣны дома, избѣгая освѣщеннаго луною двора. Вотъ уже нѣсколько шаговъ до входной аллеи. Но чтобы ихъ пройти, надо миновать совсѣмъ открытую, свѣтлую часть двора. «А если Градынская догадалась и слѣдить за нимъ черезъ окно кабинета, если она теперь увидитъ его и подговорить жену пойти въ садъ?»

Вся кровь прилила ему въ голову. Но медлить некогда, — съ минуты на минуту должна придти Камилина. И, какъ бы опасаясь самого себя, тѣни своей, Бояриновъ быстро миновалъ отдѣлявшее его отъ калитки пространство. Онъ вышелъ на пло-

падку сада. Съ каждою минутою все трепетнѣе билось его сердце, оживленное знойнымъ дыханіемъ южной ночи и этимъ невыносимо-тревожнымъ вопросомъ: «придетъ, не придетъ?!»

Въ глубинѣ темной аллеи, подъ сѣнью старыхъ липъ, что-то отчетливо стукнуло. Василій Андреевичъ нервно прислушался. Стукъ повторился. Онъ торопливо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Стукъ въ третій разъ. Теперь ужъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ скважинѣ большаго замка калитки рѣзко щелкнулъ металлическій языкъ и въ тотъ же мигъ отчетливо очертилась скользнувшая съ улицы въ аллею, вся черная съ головы до ногъ, женская фигура.

— Вотъ спасибо! съ трудомъ переводя духъ, прошепталъ онъ.

— Заприте же дверь!... Ахъ, Боже мой, какъ вы не осторожны.

И въ глубинѣ затишья сада опять, какъ бы во всѣхъ его концахъ, рѣзко щелкнулъ язычекъ замка.

— Чего вы такъ дрожите, Ольга? и онъ обнялъ ее.

— Чего? Вы чѣмъ рискуете?... Ничѣмъ!... Маленькой семейной драмой, о которой забудете завтра же, а я — всѣмъ! едва слышно добавила она.

— Да чего же вы опасаетесь?... Неужели вы допускаете мысль, что я рѣшился бы, какъ бы дорого не было мнѣ видѣться съ вами, подвергнуть васъ хотя малѣйшему риску?

Камилина разсмѣялась; отрывисто, нервно и, какъ-бы испугавшись своего же смѣха, зорко осмотрѣлась.

— Что съ вами, Ольга?

— Да что жъ вамъ думать, Василій Андреевичъ? Что вамъ думать о рискѣ моимъ именемъ, моимъ положеніемъ, когда вы, ни мало не думая, губите меня во всемъ, что есть во мнѣ честнаго, гордаго, недоступнаго!

Бояриновъ не отвѣтилъ. Онъ только еще крѣпче, еще ближе охватилъ ее талию.

Она молча дошла до конца аллеи.

— Куда пойдемъ спросила она.

— Въ спираль....

— Нѣтъ!... ни за что!... Спираль вся съвозная!... И такъ свѣтло къ тому же.... Насъ могутъ увидѣть....

— Но, Ольга.... вы знаете, какъ люблю я спираль, вы знаете, какъ дороги мнѣ проведенныя въ ней съ вами минуты. Никто не подслушаетъ, никто не подсмостритъ.... Бога ради,

пойдемте туда.... Я тутъ не вижу васъ.... и въ его голосѣ звучало искреннее къ ней чувство.

— А если?...

— Тутъ нѣтъ если!... я ручаюсь.

— Ну, такъ пустите жъ руку и, быстро опередивъ его, едва касаясь земли черными концами своихъ маленькихъ туфель, торопливо пошла она чрезъ ярко освѣщенную площадку сада къ серебрившимся вдали изгибамъ спирали. Темны были переходы. Темно въ самой спирали. Лишь надъ центромъ, вокругъ мраморнаго столика, довольно большимъ свѣтовымъ пятномъ мерцалъ лунный свѣтъ.

— Чего вы такъ боитесь, Ольга?

— Всего!... понимаете—всего!... каждаго лепестка!... Такъ всегда бываетъ, когда сознаешь, что поступаешь дурно.

— Опять, Ольга!... Вѣдь вы колите меня каждымъ вашимъ словомъ.... Какъ будто я вамъ не другъ, а самый злѣйшій врагъ, какъ будто не вѣрите рѣшительно ни во что, что говорилъ и говорю. Ну, чѣмъ же заслужилъ я эти укоры, въ чемъ виновать я передъ вами?! Или виновать, что не могу васъ видѣть равнодушно, что не могу дышать безъ васъ свободно, что только съ вами мнѣ.... и такъ сладостно, и такъ привольно. Я гублю въ васъ, гублю все, что только есть и честнаго, и гордаго?... Но вѣдь это жъ клевета, Ольга!... Развѣ актъ свободной воли не всегда честный актъ!... Или и вы даже не въ силахъ этого сознать?... Или и въ васъ нѣтъ настолько характера, чтобъ побороть лишенный смысла предрассудокъ, чтобъ разъ навсегда охранить святое право любви, и честной, и живой, отъ полуидіотскихъ, дикихъ взглядовъ?... Всѣ мои мечты, все счастье моей жизни въ рукахъ вашихъ, Ольга, но... голосъ его замеръ.

Онъ былъ блѣденъ, страшно блѣденъ въ эту минуту. Нервный трепетъ пробѣжалъ по плечамъ Камилиной.

— Какихъ бы жертвъ мнѣ не стоило, тихо, но явственно и твердо продолжалъ онъ, я не погублю васъ, какъ вы говорите, я... я рѣшился.... Все улыбалось здѣсь.... Такъ много чаръ, такъ много счастья сулили мнѣ и ты, Ольга, и этотъ чудный уголокъ любви. Но черезъ нѣсколько же дней меня.... меня не будетъ здѣсь, съ трудомъ выговорилъ онъ....

— Нѣтъ!... ты будешь здѣсь, Василій!... Ты будешь здѣсь, пока я хочу, а я-бы хотѣла, чтобъ всю жизнь ты былъ со мною,

чтобъ всю жизнь чувствовала я на себѣ твой лихорадочный взглядъ, всю жизнь слышала бѣ твое пылкое, порывистое слово.

— И ты сознательно говоришь это, Ольга? Ты никогда въ жизни ни въ чемъ больше не обвинишь, не упрекнешь меня.... Ни въ чемъ, Ольга, ни въ чемъ? и онъ чувствовалъ уже ея горячее, ягучее дыханіе, онъ видѣлъ, какъ вся она, вся, отъ плечъ до пятъ, дрожала, точно въ лихорадкѣ, подъ его страстнымъ, такъ много, много новаго говорившимъ ей полушепотомъ.

— Ни въ чемъ, никогда! чуть слышно прошептала Камила и, вся зардѣвшись, закрывъ лицо обѣими руками, безсильно опустила голову къ нему на грудь. Онъ осыпалъ поцѣлуями лицо, плечи, по локоть обнаженные руки. Все ближе и ближе льнула къ нему, какъ огонь, горячая, чуднымъ трепетомъ охваченная Ольга.

— Гамъ-гамъ, протяжно-громко залаялъ во дворѣ Неронъ.

— Ольга, Ольга! обѣими руками схватывая ее за руки и, быстро отстраняя отъ себя, глухо вскрикнулъ онъ.

— Кто это можетъ быть?!

— Жена, Градынская!...

— Гамъ-гамъ, уже подъ самую калиткою, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ спирали, лаялъ Неронъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже! судорожно сжимая руку Бояринова, растерянно шептала Камила. Она только теперь сознала положеніе.

— Неронъ, Неронъ! пронесся голосъ Елены Павловны.

Калитка задрожала. Что-то тяжелое ударилось въ нее.

— Вѣдь вотъ дуракъ! послышался опять голосъ Елены Павловны.

— А что? какъ-то особенно громко спросилъ Соколинъ.

— Да какъ же! какъ ни стараюсь его отучить, всякій разъ разобьетъ себѣ носъ. Раскатится, а удержаться ужъ и не можетъ. Вонъ, видите, и фыркаетъ, и головой трясеть! Навѣрное опять разбилъ.... О, бѣдный, бѣдный Нерончикъ, уже у самой калитки ласкала его Елена Павловна. Соколинъ громко смѣялся.

— Вотъ видите, Анатолій Львовичъ, какой вы гадкій!... Что жъ тутъ смѣшнаго? ни то шутя, ни то серьезно сердилась на него Соколова.

— Ну и долго ль мы будемъ здѣсь стоять? Пойдемте жъ въ садъ, Елена Павловна, нетерпѣливо перебила Градынская,

открывая калитку и первую входя подъ темный сводъ непроницаемой аллеи.

Въ глубинѣ сада, за спиралью, что-то отчетливо затрещало, какъ бы надломленная рѣзкимъ движеніемъ сухая, упругая вѣтка. Неронъ фыркнулъ и съ громкимъ лаемъ, опередивъ Градынскую, кинулся со всѣхъ ногъ по направленію раздававшегося треска.

— Здѣсь кто-то есть, вполголоса замѣтила Градынская.

— Да, согласилась Елена Павловна. Кто бы это? слегка приостанавливаясь, задалась она. И отъ привычнаго ко всѣмъ переходамъ ея голоса уха Соколова не ускользнулъ довольно отчетливо дрогнувшій въ этомъ вопросѣ оттѣнокъ безпокойства.

— Да никого, отвѣтилъ онъ съ увѣренностью.

— Да какъ же никого?!.. Развѣ вы не слышали, какъ треснула вѣтка? Вѣдь она жъ не могла сломиться сама. Такъ ясно было слышно. Очевидно, на нее кто-нибудь наступилъ, горячо возразила Градынская.

— Да! опять согласилась Бояринова и, выйдя изъ аллеи, обинувъ бѣглымъ взглядомъ открытую площадку сада, снова приостановилась, прислушалась.

— И какая вы нервная, Елена Павловна. Охота вамъ придавать значеніе всякому вздору. Треснула вѣтка вовсе не въ саду, а за изгородью. Я отчетливо слышалъ, съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ утвердилъ Соколинъ.

— А чего же такъ тревожно ищетъ Неронъ? снова подстрекнула Градынская, развѣ вы не слышите, Анатолій Львовичъ, какъ онъ фыркаетъ по дорожкамъ спирали?

— Неронъ, Неронъ! громко окликнула Елена Павловна. Неронъ даже не отвѣтилъ, такъ видно занятъ былъ онъ своими поисками.

Въ самомъ центрѣ спирали раздался громкій, родостный лай Нерона.

— Ну, вотъ видите!... Готова пари держать, что онъ когонибудь нашелъ, оживленно отнеслась къ Бояриновой Градынская.

— Неронъ, Неронъ! опять и уже нервно призывала Елена Павловна.

Неронъ, молча, скорѣе катился, чѣмъ бѣжалъ по спирали, что всегда бывало съ нимъ отъ быстроты движенія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ спѣшилъ сообщить Еленѣ Павловнѣ или Василю Андреевичу о чемъ-нибудь особо-важномъ. Онъ не заста-

вилъ себя долго ждать. Не прошло и 20 секундъ, какъ онъ уже выкатился изъ послѣдняго изгиба и, отфыркнувъ, тряхнувъ головою, подбросилъ къ самымъ ногамъ Елены Павловны что-то бѣлое.

Градынская быстро наклонилась и приподняла.

— Платокъ... и женскій, вся вспыхнувъ, съ удареніемъ проговорила она, батистовый, тонкій... вѣроятно какой-нибудь очень щепетильной особы, и она подняла его на свѣтъ.

— А мѣтка, мѣтка есть? пытаюсь овладѣть платкомъ, лихорадочно перебила Елена Павловна. Соколинъ поморщился.

— Очень блѣдная, еще зорче всматриваясь, тянула Градынская.

— Ну? нетерпѣливо подтолкнула Елена Павловна.

— Первая буква не видна, а вторая... «К»!

— «К»! и Елена Павловна выхватила платокъ.

— Но позвольте, однако, mes dames, это крайне странно. Платокъ очевидно женскій, да еще съ помѣтою въ послѣдней буквѣ «К». Значить, скорѣе всего, Камилиной. А, между тѣмъ, она не была сегодня здѣсь!... Такъ какъ же это? сказалъ Соколинъ.

— Значить, была! усмѣхнувшись, перебила Градынская. Почему же вы полагаете, Анатолій Львовичъ, что она должна давать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ?

— А я знаю, что она не была и даже не имѣла времени быть, потому что прошла прямо въ домъ и до вашего прихода говорила все время со мною, а послѣ обѣда ушла домой.

— Ну, а послѣ? точно нечаянно проронила Градынская.

— Какъ все это странно, нервно сжимая платокъ, громко высказалась Бояринова.

— И ничего нѣтъ страннаго, Елена Павловна. Я убѣжденъ, что платокъ не ея. Позвольте посмотреть.

— Да что же смотрѣть, когда ясно, что «К»? досадливо перебила Градынская.

— Ну, неужели вамъ тяжело разстаться съ нимъ даже на одинъ мигъ? смѣясь, настаивалъ Соколинъ.

Елена Павловна молча протянула ему платокъ. Градынская быстро перешла на его сторону.

— Какое же однако у васъ слабое зрѣніе, Владислава Францовна, рѣзко проговорилъ Соколинъ. И отчего вамъ показалась такою блѣдною первая буква? Она настолько же ясна, на-

сколько и вторая. И не въ одной изъ нихъ я не вижу «Б».... Посмотрите, Елена Павловна, оживленно обратился онъ. «А» и большое французское «В».

Елена Павловна быстро взмахнула вѣжами, склонилась и, слегка опершись рукою на его руку, зорко вглядѣлась въ буквы платка. Соколинъ чувствовалъ дрожь ея холодныхъ пальцевъ.

— Ну, конечно, «А» и «В», быстро отклоняясь, громко проговорила Елена Павловна, и такъ глубоко взволновались на груди сборчатая складка ея чернаго платья.

— Позвольте жъ, Елена Павловна! Вѣдь не можетъ же быть, чтобы мнѣ такъ ясно представилось «Б», когда тамъ «В», терпеливо перебила смутившаяся Градынская, протягивая руку къ платку.

— Дѣйствительно, В... Какъ это странно, слегка отставъ отъ нихъ, какъ бы сама къ себѣ обратилась Градынская.

— И ничего страннаго! Совсѣмъ обыкновенно! Развѣ мы рѣдко видимъ не то, что есть, а то, что намъ хотѣлось бы видѣть? въ полголоса кольнулъ ее Соколинъ.

— Градынская смолчала. Она только еще крѣпче сжала въ рукахъ платокъ.

— Анатолий Львовичъ, чувствуете? уже изъ третьяго изгиба спирали, весело спросила Елена Павловна.

— Что, Елена Павловна?

— Какой чудный запахъ! Здѣсь воздухъ всегда какъ-то особенно нѣженъ и ароматенъ. И вообще какой это прелестный уголокъ. Я прошлымъ лѣтомъ просиживала въ немъ по нѣскольку часовъ. Вѣдь ничего не дѣлаешь, ни о чемъ особенномъ не думаешь, а такъ хорошо, такъ отрадно становится на сердцѣ... Вѣдь правда, Анатолий Львовичъ? Вы испытывали?

— Почему же испытывалъ, чуть слышно отвѣтилъ онъ, а не испытываю теперь?

Елена Павловна не отвѣтила. Она ни то задумалась, ни то забылась. И какъ хороша она была въ эту минуту, какъ выступали изъ общаго мрака бесѣдки тонкія, нѣжныя формы ея высокой, гибкой фигуры, охваченной съ головы до ногъ блѣднымъ, но яснымъ потокомъ слабо мерцавшей надъ нею луны. Соколинъ любовался ею; Градынская уже давно зорко и насмѣшливо слѣдила за ними; но онъ ее не видѣлъ.

— Нѣтъ!.. Я рѣшительно не могу понять, какъ можно равнодушно относиться къ природѣ, не любить ее.

— Да кто же не любить природу, Елена Павловна? **Всѣ** болѣе или менѣе увлекаются ею, хотя каждый и понимаетъ ее по своему, сказала Градынская.

— Вотъ ужъ вовсе нѣтъ, Владислава Францовна, далеко не всѣ!.. Да, напримѣръ, Вася?

— Василий Андреевичъ? тономъ изумленья, переспросила Градынская.

— Да, Вася!.. Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не любить природу. Онъ часто даже не замѣчаетъ, что вокругъ него дѣлается. Пасмурно ли, ясно ли? И какъ бы ни былъ хорошъ вечеръ, никогда не предпочтетъ его картамъ или какой-нибудь глупой болтовнѣ. Какъ кто-нибудь есть посторонній, то готовъ трещать въ саду хоть до разсвѣта. Со мною же ни за что. Точно не хотеть или не можетъ понять, какъ бы было мнѣ отраднo, совсѣмъ тихо, съ какимъ-то особеннымъ усилениемъ надъ собою, досказала она.

— И вовсе нѣтъ, Елена Павловна, спокойно вмѣшался Соколинъ, вы напрасно обвиняете Василия Андреевича. Онъ, можетъ быть, не менѣе васъ любить природу, но его всегда что-нибудь волнуетъ, заботитъ въ такой степени, что ему трудно оторваться отъ дѣла, но когда приходитъ кто-нибудь посторонній, то ему волею-неволею приходится жертвовать временемъ. А вы своя, вы не взыщете. Вотъ и все!

Градынская внимательно посмотрѣла на него. «Что это? тактъ, уловка, приемъ или же щепетильная добросовѣстность?» какъ бы сказала ея, чуть примѣтно скользящая по губамъ, усмѣшка.

— Вотъ и все! чуть-чуть вспыхнувъ передразнила его Елена Павловна. Это, быть можетъ, по вашему все, потому что для васъ дѣло какой-то кумирь, которому вы поклоняетесь денно и ночью, а по моему такъ вовсе не все!... Я его жена, и мои желанія должны быть ему дороже и ближе всякаго вашего глупаго дѣла!... Поняли?! капризно-настойчиво порѣшила она.

Соколинъ видимо хотѣлъ возражать, но мелькомъ взглянувъ на Елену Павловну, онъ, вмѣсто возраженія тихо разсмѣялся, до такой степени естественна была она въ этой своей досадливой усмѣшкѣ.

— Ахъ! да что же это мы дѣлаемъ, господа? вдругъ встрепенулась Елена Павловна, и ея лицо въ тотъ же мигъ приняло серьезно-озабоченное выраженіе, — болтаемъ тутъ чуть не цѣлый часъ, а, между тѣмъ, самоваръ навѣрно заглохъ, чаю я не за-

варила, и кончится тѣмъ, что Вася придетъ изъ тюрьмы усталый, и ему даже не будетъ во время стакана чаю!... Идемте, идемте скорѣй! и она торопливо пошла изъ бесѣдки.

— Ну, это, положимъ, не велико преступленіе! Вѣдь мы же не пили и будемъ ждать, такъ и онъ можетъ! спокойно рассудилъ Соколинъ.

— Да мы-то болтали, а онъ, бѣдный, въ этой отвратительной тюрьмѣ возится.... Ну, да я скажу, что вы виноваты.... Неронъ, Неронъ!

Неронъ, громко отфыркиваясь, не спѣша бѣжалъ съ противоположнаго конца сада.

— Какъ уменъ!... Только-что не говорить, съ улыбкой слѣдя за Нерономъ, замѣтила Елена Павловна, а другъ настолько вѣрный, что ужъ, конечно, не встрѣтишь среди людей, и она тихо вздохнула.

— Полноте, Елена Павловна. Неужели Вы въ меня меньше вѣрите, чѣмъ въ него?! ни то шутя, ни то серьезно спросилъ Соколинъ.

— Нѣтъ! вы хорошій.... А все-таки въ вашемъ расположеніи больше эгоизма, чѣмъ въ его, и притомъ.... Елена Павловна, отворивъ калитку, пріостановилась.

— Что притомъ? живо перехватилъ Соколинъ.

— Я рѣдко встрѣчала такихъ, какъ вы. Вы какой-то особенный!... Всегда ровный, твердый.... не то, что Вася!... Онъ тоже хорошій!... Онъ даже, быть можетъ, лучше васъ.... Да только.... и Елена Павловна опять порвалась, еще глубже вздохнула.... *Семь пятницъ на недѣлю*.... совсѣмъ тихо добавила она.

— Ваша правда, Елена Павловна, смѣясь вмѣшалась Граднская, но едва-ли и Анатолій Львовичъ!... Въ наше время я даже не могу себѣ и вообразить человѣка съ одною пятницею.

Уже и самому чуткому уху былъ бы не доступенъ смыслъ постепенно удалявшагося отъ сада говора. За липами, въ глубинѣ липовой спирали, среди насѣдавшихъ другъ на друга коротко остриженныхъ, широкихъ елоговъ, снова затрепали сучья.

— Вотъ видишь, Василій, какъ ты неостороженъ, говорила Камилина, робко пробираясь между колючею двухъ сосѣднихъ сжавшихся елоговъ и застилая лицо обѣими руками.

— Ну, прости меня Бога ради, Ольга!

— Да что тутъ прости, прости!... Надо всегда раньше думать, чѣмъ дѣлать!... Я ни въ чемъ не могу тебя простить, потому что во всемъ виновата сама, и передъ собою, и передъ бѣдною моею матерью, и передъ женою твоею.... Несчастливая!... За что ты ее мучишь, Василій?... Она тебя такъ любитъ.... У меня навернулись слезы на глазахъ, когда она говорила, какъ отрадно ей всегда съ тобою.... И вѣдь это я, пойми ты, я виновата, я отрываю тебя, я ворую, понимаешь ли, ворую твои отъ нея минуты!... О, это безчеловѣчно! И зачѣмъ, къ чему наши отношенія?... Что изъ нихъ выйдетъ, кромѣ горя мнѣ, кромѣ горя ей?

— Опять, опять ты за свое, Ольга! беззвучно прошептала Бояриновъ.

Камилина вздохнула, глянула ему въ лицо и въ тотъ же мигъ опутивъ голову, точно скрыла себя отъ него.

— Нѣтъ, Василій, нѣтъ!... Порвемъ, порвемъ все это!... Прости меня!... забудь! и въ ея голосѣ отчетливо дрогнули слезы.

Онъ поблѣднѣлъ, выпрямился, лихорадочнымъ блескомъ загорѣлся его упорный взглядъ.

— Теперь все ясно, ясно, какъ бѣлый день!... То жаръ, то холодъ, то крайняя близость, то совершенный разрывъ!... Да!... вы смѣялись, вы смѣтаетесь.... Вы, шутя, давали слово!... Вы играли мною, моимъ честнымъ, правдивымъ чувствомъ, но играли лишь до той поры, пока не увидѣли, что игра становится вамъ самой опасной! Пусть сегодня умереть для меня мечта счастья съ вами, пусть умрутъ въ васъ всѣ лучшія мои надежды!... Я не унижусь ни до мольбы передъ вами, ни до ропота на васъ!... Быть можетъ, вы и не сознали вполнѣ всего, что вызвали!... Я уйду!... Уйду сегодня же изъ этого чуднаго и въ то же время проклятаго для меня края, чтобъ раз навсегда забыть о немъ.... Прощайте, простите, Ольга, лишь не поминайте лихомъ.

Камилина не отвѣтила. Закрывъ лицо обѣими руками, она только все ниже и ниже опускала голову. Василю Андреевичу казалось, что она падаетъ, такъ отчетливо колебалась, дрожала ея маленькая, стройная фигура.

— Ольга, Ольга, что съ вами?!... обнимая ее, прошептала онъ. Тихія, сдержанныя рыданія были ему отвѣтомъ. И напрасно пытался онъ успокоить ее, напрасно усиливался отвести ее горячія, какъ огонь, руки отъ овлаженного слезами лица.

— Ахъ, Боже мой!... Чего же вы такъ плачете, Ольга?... Да развѣ наше счастье не въ вашихъ рукахъ, развѣ я злоупотреблю когда-нибудь вашимъ добрымъ именемъ, развѣ дозволю измѣнить вашему честному чувству? Только вѣрьте мнѣ, Ольга, и мы будемъ счастливы и никогда не нарушимъ душевнаго покоя жены моей!... Перестаньте же, Бога ради, перестаньте, Ольга!... Быть можетъ, я увлекся, оскорбилъ васъ.... Простите, забудьте, забудьте разъ навсегда! Ольга, милая Ольга, перестаньте, Бога ради, перестаньте!

— О, Василий, что ты мучишь!... иль не понимаешь.... что нѣтъ силъ.... что больше жизни.... и она задохнулась.

— Ольга, Ольга! виѣ себя шепталъ онъ. Трепетная, горячая, все болѣе и болѣе льнула она къ нему, пока губы ея не слились съ его губами въ страстный, долгій поцѣлуй.

Глава УJIIJ.

— Ну, что это, Вася, такъ долго?... Вѣдь ужъ скоро двѣнадцать! Какъ я не терплю этихъ ночныхъ путешествій его въ тюрьму.... Такъ всегда страшно! Мало ли что можетъ случиться.... Ужъ думаешь, думаешь! отрывисто проговорила Елена Павловна.

— Да что жъ случиться-то можетъ? Вѣдь онъ даже и не въ тюрьмѣ, а въ конторѣ преспокойно подписываетъ арестантскіе билеты. Это ужъ вы такъ только привыкли, Елена Павловна, волноваться о немъ, едва онъ изъ дома! мѣшая ложкою сахаръ въ стаканѣ, спокойно рассудилъ Соколинъ.

— Нѣтъ! днемъ я не боюсь. Ну, а ночью.... да еще въ тюрьмѣ.

Чуть примѣтная усмѣшка скользнула по губамъ Градынской. Одно только ясно: его не было въ саду пташекъ. Ужъ Неронъ не далъ бы маху. Въ чемъ же она тогда дала ему слово? Быть можетъ, не сдержала и онъ самъ пошелъ къ ней! И такъ ясно очертилась, освѣщенная луною, бесѣдка сада Камилиныхъ. Она ее уже видѣла, трепетную, счастливую въ его объятіяхъ. Ее, эту отвратительную, низкую интриганку! Вся кровь прилила къ сердцу Владиславы Францовна, раздражающимъ, злымъ чувствомъ сжалась въ груди. На стѣнныхъ часахъ въ залѣ пробило 12.

— Идетъ, идетъ! вдругъ громко вскрикнула Елена Павловна, и ея щеки покрылись нѣжнымъ, живымъ румянцемъ. Это онъ! Я знаю его шаги!... Слышите, слышите!...

Шаги уже слышались у самой двери зала.

— Вася! радостно вскрикнула Елена Павловна и, бросивъ на стулъ полотенце, торопливо встрѣтила его у самага порога. Ну, какой ты гадкій! Развѣ можно такъ долго? и, раньше, чѣмъ онъ успѣлъ перевести духъ, не только что отвѣтить, обвивъ его шею обѣими руками, она нѣжно, тепло поцѣловала его въ губы.

Василій Андреевичъ слегка отступилъ, внимательно посмотрѣлъ ей въ глаза, медленно поднялъ ея маленькую, все еще холодную отъ волненія, руку, поцѣловалъ, вздохнулъ.

— Какая же ты странная, Лена! Чего же тутъ тревожиться?... Развѣ скоро просмотришь, провѣришь и подпишешь болѣе двухсотъ листовъ? Зато теперь уже спокоенъ. Все, какъ надлежитъ быть.

— Зачѣмъ же ты сказалъ, Вася, что придешь черезъ полчаса?! Ну, иди же пить чай, а то будетъ холодный.

— А Владислава Францовна? Уѣхала?

— Нѣтъ! она на балконѣ.... Владислава Францовна! Что вы тамъ притихли?

— Да здѣсь такъ хорошо, Елена Павловна, уклонилась Градынская.

Василій Андреевичъ быстро вышелъ на балконъ.

— Какъ я радъ, что вы еще здѣсь, Владислава! протягивая ей руку, вполголоса проговорилъ онъ.

— А я такъ очень сожалѣю, что еще здѣсь! Не дожидать ли было всю ночь, если бъ вамъ вздумалось до свѣта пріятно бесѣдовать съ вашимъ импровизованнымъ зрителемъ! не подавая руки, дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорила она.

— Фи, Владислава! И какъ вамъ не стыдно волновать себя первымъ попавшимся въ голову вздоромъ! серьезно упрекнулъ Бояриновъ и, круто повернувшись, ушелъ съ балкона.

Градынская сдѣлала шагъ къ дверямъ зала и, какъ бы испугавшись своего движенія, въ тотъ же мигъ отшатнулась. Неужели она ошѣбалась? Но онъ такъ ровень, такъ спокоенъ! Онъ такъ искренно возмущенъ ея подозрѣніемъ! И какъ это было дико съ ея стороны! Какъ дико вела она себя весь этотъ день! Да и чѣмъ же, чѣмъ, дѣйствительно, могла быть Ками-

лина въ его жизни? Вѣдь она еще дѣвушка, вѣдь ея единственная цѣль выйти замужъ. Тогда какъ....

— Баринъ, губернаторская карета пріѣхала! точно съвозъ сонъ разслышала она слова лакея.

— Ахъ, да! Положи пальто и скажи Затуркевичу, чтобы черезъ полчаса былъ готовъ.

— Полчаса! всего только полчаса! Но она должна объясниться! и, порывисто вздохнувъ, Градынская вошла въ залъ.

— Ахъ, я забыла еще тебѣ рассказать, Вася. Мы гуляли въ саду и нашли платокъ! Гдѣ онъ, Владислава Францовна?

— Право, не помню, Елена Павловна!... Я, кажется, передала Анатолію Львовичу.

— Нѣтъ! онъ у васъ.

— Да? Можетъ быть! Вотъ, вотъ! торопливо доставъ изъ гармана, подала она Бояринову.

— Августа Бернольди! внимательно посмотрѣвъ на мѣтку, прочелъ Бояриновъ.

— Вѣдь и то! оживленно перехватила Елена Павловна. И какъ это миѣ не пришло въ голову сразу. Она показывала эти платки, какъ только ихъ помѣтила. А мы думали сначала, что это Бамилиной платокъ.

— Да какъ же это можно было думать, когда такъ ясно въ мѣткѣ «А. В.» спокойно возразилъ Василій Андреевичъ.

— Владиславъ Францовиѣ показалось, что послѣдняя буква «К».

— А! это вамъ показалось! мелькомъ глянувъ на Градынскую, съ особеннымъ удареніемъ надъ словомъ «вамъ» отнесся къ ней Бояриновъ.

Градынская вспыхнула.

Въ залъ опять вошелъ лакей.

— Что, Иванъ, все готово?

— Точно такъ.

Лакей вышелъ. Елена Павловна задумчиво переглядывала по столу чайную ложку. Градынская все торопливѣе и торопливѣе подбирала отпавшія отъ хлѣба крошки. Соколинъ, отинивъ глотокъ чаю, громко засмѣялся.

— Что съ вами, Анатолій Львовичъ? спросила Елена Павловна.

— Да миѣ такъ живо представилась хлопотня нашихъ милыхъ аристократокъ по поводу пріѣзда губернаторши.... Можно

себѣ вообразить, что съ ними дѣлается? Какъ въ котлѣ кипятъ, несчастныя.

— Да развѣ онѣ собрались сегодня гдѣ-нибудь? оживленно спросилъ Бояриновъ.

— Какъ же, у Плетневой.... И самъ высокомудрый Чириковъ тамъ же. Цѣлый комитетъ.... Вѣроятно, разрѣшаютъ наиважнѣйшіе вопросы о томъ, моль, высока или мала, хороша или дурна, брюнетка или блондинка, горда или простосердечна и какъ себя поставить, и всѣмъ, и каждой, чтобы не попасть лицомъ прямо въ грязь. Вѣдь это цѣлая эпоха!... Столько лѣтъ безначалія и вдругъ.... начальство!...

— Да еще какое начальство!... горячо перебилъ Василий Андреевичъ, красивое, развитое, самостоятельное, надменное!

— А я такъ терпѣть её не могу! вся вспыхнувъ, рѣзко вмѣшалась Елена Павловна.

— Полно, Лена!... оставь разъ навсегда этотъ тонъ! Вѣдь она не сдѣлала лично тебѣ ничего злаго.

— У тебя на нѣкоторыя вещи слишкомъ короткая память, Вася!... А я такъ всегда знала и знаю ее за очень, очень злую женщину.

— Ну, перестань, перестань, милая!... Что прошло, то прошло, и никогда не вернется.

— Мало, что прошло!... Да она-то осталась такою же злою, какъ и была, если еще не сдѣлалась хуже!

— А можетъ быть, стала гораздо лучше?... Почему ты знаешь, чтобы говорить съ такою увѣренною, Лена?

— Горбатаго исправить только могила, горячо перебила Елена Павловна.

— Перестань говорить вздоръ, Лена! уже рѣзко перебилъ ее слова Бояриновъ.

Елена Павловна быстро встала и вышла.

— И какъ это вы не умѣете съ нею говорить, Василий Андреевичъ, тихо упрекнула Градынская.

— У нея просто глаза на мокромъ мѣстѣ, раздраженно отвѣтилъ Бояриновъ.

Соколинъ нахмурился, всталъ и, заложивъ руки за спину, крупными шагами пошелъ отъ стола въ противоположный конецъ зала.

— Что вы сегодня такой злой? чуть слышно спросила Градынская Бояринова.

— Ни что такъ не бѣситъ меня, какъ близорукость; Владислава Францовна! А тутъ какъ разъ страдаютъ ею... И вы, и онъ, и Камилина, и больше всѣхъ жена! И чего она цѣлится за эту ни въ чемъ неповинную Долину? Ну, развѣ это не досадно? Развѣ окружающее не заключаетъ въ себѣ бить можетъ, несравненно больше интереса для меня, чѣмъ эта Долина? Нѣтъ!... она видитъ только ее одну, потому что хочетъ видѣть.... И что ей до этого? Неужели не могла понять до настоящей минуты, что я ее люблю и всегда буду любить тихимъ, ровнымъ, снокойнымъ чувствомъ?... И что все-таки она никогда не въ силахъ отвѣтить мнѣ вполне.

— Да, вы стремитесь къ мнѣ, къ мнѣ во всемъ!... И въ женщинахъ, и въ занятіяхъ, и во взглядахъ, горячо перебила Градынская и, какъ бы испугавшись своего же голоса, внимательно посмотрѣла на продолжавшаго свою прогулку Соколина.

— Вовсе нѣтъ!... вовсе не къ мнѣ, но и не къ жизни, той тихой, ровной, какою она улыбается ей.... И я вовсе не измѣняю ей, я ее люблю и всегда буду любить, но изъ этого все жъ таки ни какъ не слѣдуетъ, что она можетъ измѣнить меня, заставить и чувствовать такъ спокойно, и думать такъ узко, какъ чувствуетъ и думаетъ сама!... Я хочу ощущеній горячихъ, пылкихъ, мысли развитой, широкой, и ничто, ничто не сдержитъ меня въ этомъ.

— Кто пылко чувствуетъ, тотъ и наслаждается коротко, опять тихо замѣтила Градынская.

— А зачѣмъ я объ этомъ буду думать, когда только и только при этихъ условіяхъ и полна, и сладостна мнѣ жизнь?! громко перебилъ ее Бояриновъ. Градынская снова посмотрѣла на Соколина и, слегка поднявъ брови, указала Бояринову на балконъ.

Въ воздухѣ замѣтно посвѣжѣло. Густой туманъ стоялъ надъ холмомъ. Не видно было за его дымчато-бурымъ покровомъ ни семинаріи, ни аллен, ни садовъ окрестныхъ дачъ: Лишь надъ самымъ центромъ зеленой лужайки правильнымъ кругомъ широкимъ, лучистыхъ потоковъ серебрилась луна.

— Вотъ и вы меня бѣсите сегодня цѣлый день!

— Чѣмъ?

— Да тѣмъ же! Неужели вы все еще не поняли ни меня, ни Соколина, ни Камилиной? Неужели не видите, что Соколинъ влюбленъ въ жену, а Камилина изъ силъ выбивается захватить его, и что въ этомъ-то именно мы и нужны другъ другу. Что

ей настолько же нуженъ я для Соколова, насколько она нужна мнѣ и вамъ, какъ самый надежный щитъ нашъ, щитъ отъ подозрѣній жены и Владиміра Казиміровича. Нѣтъ! вы этого даже не поняли! Не поняли въ такой степени, что вмѣсто друга видите въ ней врага!... Простите мнѣ мою откровенность, Владислава Францовна, но я никогда не подозрѣвалъ васъ въ такой близорукости. И притомъ... вдругъ порвался Бояриновъ.

— Что притомъ? уже лихорадочно перехватила Градынская.

— Мнѣ показалась крайне странною эта сцена, усмѣхнулся онъ, сцена ревности, что вы мнѣ изволили сдѣлать здѣсь нѣсколько минутъ тому назадъ. Положа руку на сердце, скажите мнѣ, развѣ вы имѣете право на это чувство, развѣ я не точно также вамъ чужой человѣкъ, какъ и годъ тому назадъ, развѣ не попрежнему Владиміръ Казиміровичъ—и все ваше прошлое, и все ваше будущее! И пусть!.. я и не оспариваю!.. Онъ законный вашъ супругъ и, несомнѣнно, имѣетъ всѣ, всѣ права вадъ вами! Любите—не любите его.... Хотя даже любите другаго, онъ все-жъ таки законный вашъ хозяинъ! И, если хотите, это даже похвально! Покорность въ женѣ — одно изъ первыхъ условій семейнаго благополучія! Такъ и по Домострою! Что ему за дѣло, любить-не любить, хотеть-не хотеть,—должна и баста! горячо высказался Василиій Андреевичъ и, глубоко вздохнувъ, зорко взглянулъ на Градынскую. Закрывъ лице обѣими руками, Градынская задыхалась.

— Полно же, полно, Владислава, охватывая рукою ея гибкую талію, шепталъ онъ. Его плечо касалось ея плеча и такъ лихорадочно, такъ трепетно билось подъ лѣвою ладонью ея горячее сердце. Вся кровь бросилась ему въ голову.

— Перестань же ребячиться, Владислава, перестань видѣть преступленіе тамъ, гдѣ все естественно, гдѣ нѣтъ на него даже и намека, перестань, наконецъ, мучить и себя, и меня, пусть обоимъ намъ жизнь улыбнется наслажденіемъ!

— А потомъ, что потомъ?... Мужъ, ревность, укоры, смѣхъ, позоръ! шептала блѣдная Градынская.

— Но, Влади....

— Вася, гдѣ же ты? громко проговорила въ залѣ Елена Павловна.

Точно ужаленная, отскочила Градынская. Онъ торопливо вышелъ въ залъ.

— Вотъ тебѣ рябчиги.

— Какіе рябчики, милая?

— Да на дорогу!

— На что же мнѣ? Вѣдь я пріѣду ночью, лягу спать, а утромъ развѣ нельзя было бы достать въ вокзалѣ?

— Ну, какіе тамъ!... Богъ ихъ знаетъ!... Можетъ, завалившиеся!... Еще желудокъ себѣ разстроишь!... Положила еще слое-ныхъ пирожковъ!... Только не утерпѣла, съѣла цѣлыхъ два!... Такіе вкусные, прелестъ! Впрочемъ, осталось еще десять.... Бутылку краснаго.

— Ну, какая ты у меня прелестная, Лена! вздохнувъ, тихо проговорилъ Василій Андреевичъ, и словивъ обѣ ея руки, крѣпко, крѣпко расцѣловалъ ихъ.

— Я-то вотъ прелестная, а ты все-жъ таки дрянъ!... Пожалуйста, тамъ.... не очень! за этой, за Долиной-то.

— Ахъ, Боже мой, половина втораго! Ну, до свиданія, Лена! Будь умница, поднося къ губамъ ея обѣ руки, торопливо говорилъ онъ, завтра, въ это время, даже нѣсколько ранѣе, жди.

— Чего ты всегда торопишься, Вася? Даже не дашь перекрестить тебя толкомъ....

— Ну, хорошо, хорошо! и, еще разъ поцѣловавъ одну за другою руки жены, Бояриновъ быстро вышелъ.

Елена Павловна и Соколинъ прошли на балконъ.

Бони шелохнулись, звякнули бубенчики. Карета чуть-чуть подалась впередъ.

— До свиданія, Лена! До свиданія, господа!

Дверца защелкнулась. Ямщикъ подобралъ возжи. Лошади тронулись. И чѣмъ дальше отъ балкона, тѣмъ быстрѣй и быстрѣй уносилась карета, пока не скрылась совсѣмъ во мглѣ тумана. Только бубенчики, дружно звякая, давали знать о ней. А Елена Павловна все еще смотрѣла въ даль дороги.

— О чемъ вы такъ задумались, Елена Павловна? тихо отвесивъ къ ней Соколинъ.

— Анатолій Львовичъ вы вѣрите въ предчувствіе?

— Конечно, нѣтъ!

— А я вѣрю!... У меня сердце-вѣщунъ.... Вотъ сама не могу понять.... чего!... А ноетъ и ноетъ съ той самой минуты, какъ онъ сказалъ, что поѣдитъ къ ней навстрѣчу.

— Да чего же? вмѣшалась Владислава Францовна.

— Да мало ли что можетъ быть въ дорогѣ.

— Э, полноте, Елена Павловна!... И придетъ же вамъ въ голову!... Вѣдь послѣ этого нужно вѣрить и въ предсказанія, и въ сны. А просто вы сами создали себѣ что-то ужасное изъ этой поѣздки, расстроили нервы, вотъ и заныло, тихо улыбаясь, возразилъ Соколинъ.

Елена Павловна не отвѣтила. Она только еще внимательнѣе всмотрѣлась въ даль.

Уже не слышно было больше и колокольчиковъ.

Г л а в а IX.

Залитая ярко-блещущими лучами солнца платформа Чернорѣчинскаго вокзала была занята толпою, среди которой преобладалъ чернорѣчинскій официальный и неофициальный beau monde.

— Идетъ, идетъ! слышалось отовсюду.

Поѣздъ подходилъ. Паровозъ ахнулъ, свиснулъ и, медленно перейдя на боковыя, ближайшія къ платформѣ, рельсы, тяжело пыхтя, уже поровнялся съ нимъ. Бояриновъ зорко всмотрѣлся. Вагонъ, другой, третій, четвертый... Все тише, все плавнѣе. Вотъ у открытаго окна пятаго вагона мелькнула стройная фигура княгини. Она внимательно смотрѣла на публику, но, очевидно, не узнала его, такъ равнодушно скользнулъ по немъ ея холодный взглядъ.

Василій Андреевичъ быстро поднялся въ вагонъ и, нажавъ пружину закрытой двери отдѣленія, разомъ отворилъ ее.

— Вася! милый!... радостно встрѣтила его княгиня и, притянувъ его къ себѣ за руку, поцѣловала въ губы дрящимся, теплымъ поцѣлуемъ. — Теперь отойди немного!... Дай мнѣ на тебя посмотреть, милый!... У!... да какой сталъ молодецъ!... Право!... Это даже смѣшно! и она усмѣхнулась.

— Да что жъ тутъ смѣшнаго, Наташа?

— Если хочешь—даже глупо! живо перебила княгиня. Ну какъ я не старалась себѣ представить тебя мужчиной, ты все представлялся мнѣ мальчикомъ!

— А ты такъ вотъ ни чуть не измѣнилась, Наташа. Какъ была, такъ и есть!.. Точно тебѣ все еще 18 лѣтъ.

— О, пожалуйста!... Какъ бы не такъ!... Вѣдь мнѣ уже 26... Понимаешь ли ты?... 26! и брови княгини сошлись. И трое дѣтей, тихо добавила она.

— Позови же кого-нибудь взять вещи, Basil. Ты ничего не пишешь? Я тебя всегда буду такъ звать!... А то какъ-то неловко, — Васей.

— Полно, Наташа!

— Да скажи, пожалуйста, Basil, что тутъ праздникъ сегодня какой-нибудь?

— Ровно никакого, усмѣхнулся Бояриновъ.

— Чего же онѣ разфуфырились такъ и стоять рты розиня? движеніемъ головы указала она на толпу.

— Вотъ странный вопросъ, смѣясь, перебилъ Бояриновъ, да развѣ ты первый день губернаторшей? На тебя смотреть!

— Ахъ, на меня! Терпѣть не могу, когда на меня смотреть, какъ на птицу особаго полета!... Лошади готовы?. Ты конечно, получилъ телеграмму?

— Да!... Лошадей еще, кажется, нѣтъ!... Но онѣ сейчасъ будутъ. Да вѣдь ты, вѣроятно, пожелаешь закусить?

— Если есть особая комната, а то ужъ лучше останусь голодною!... Что за охота ѣсть, когда десятки глазъ смотрятъ тебѣ прямо въ ротъ!

Бояриновъ весело разсмѣялся. Здѣсь есть — дамская.

— Веди же меня прямо туда и какъ можно скорѣе.

— Веле!

Мѣстный исправникъ Роджанскій встрѣтилъ княгиню и действительно представился ей, но встрѣтилъ такое холодное, надменное отношеніе къ себѣ, что, совершенно сконфуженный, не осмѣлился пригласить княгиню къ себѣ на закуску, мысль о чемъ онъ и жена его лелѣяли, какъ величайшее благо, съ помощью котораго они могли подняться еще на нѣсколько ступеней выше среди мѣстнаго общества и еще безцеремоннѣе увеличивать среди него число своихъ данниковъ. Роджанскій ограничился однимъ вопросомъ: «что прикажите» и получилъ въ отвѣтъ: «лошадей и какъ можно скорѣе». Княгиня даже не подала ему руки.

Во время обѣда Бояриновъ не только съ удивленіемъ, даже съ безпокойствомъ всматривался въ княгиню, такъ измѣнилась она за эти послѣднія семь лѣтъ. Ея голосъ какъ будто утратилъ свою мягкость и плавность, до такой степени часто порывался онъ въ отчетливыхъ ноткахъ раздраженія. Ея улыбка утратила свою непринудительность, ея смѣхъ — безпечность. И съ каждымъ новымъ на нее взглядомъ чувство грусти все глубже и глубже овлаживало имъ. Онъ предложилъ шампанскаго. Княгиня

охотно согласилась. Она добавила, что съ нѣкотораго времени любить все, что хотя нѣсколько кружить ей голову.

Въ залѣ ихъ встрѣтилъ Роджанскій и проводилъ до кареты. Княгиня опять не протянула ему руки. Она сухо, отчетливо проговорила: «благодарю!» и такъ надменно посмотрѣла на него, что даже у Бояринова сжалось сердце отъ этого взгляда. Будто пронизанный иглою, выпрямился Роджанскій. Онъ только въ эту минуту вполнѣ созналъ, что наступилъ конецъ его царству, что при новомъ губернаторѣ не будетъ царей-исправниковъ, а будутъ лишь нѣмые исполнители вельнй надменнаго князя.

— Ты ужасно насмѣшилъ меня, Basil! Нѣтъ! самое себя перебила княгиня, отклоняясь въ уголь кареты, когда мы вдвоемъ, я буду звать тебя Васею... Такъ живо тогда вспоминается мнѣ мое хорошее прошлое... И почему то, что прошло, почти всегда лучше того, что есть? проговорила княгиня, и въ ея матово-блѣдномъ лицѣ выразилось чувство неподдѣльной грусти.

— Да чѣмъ же я насмѣшилъ тебя, Наташа? улыбаясь, прервалъ ея мысли Бояриновъ.

— Ахъ, да! предположеніемъ этого эlegantнаго царя-исправника, что я буду у него обѣдать... И какая дерзость! вспыхнувъ, съ особенною рѣзкостью въ голосѣ, добавила она.

— Ну, дерзости въ этомъ, положимъ, нѣтъ, я не вижу, Наташа. Все, что можно сказать,—безтактность.

— Нѣтъ дерзость, прямо дерзость! горячо перебила княгиня.— Чтобы какой-нибудь исправникъ посмѣлъ подумать, что я буду держаться съ нимъ ровнею и чуть ли не готова отправиться съ поклономъ къ его супругѣ, дочери, навѣрное такъ, какого-нибудь заштатнаго попа! И притомъ жизнь въ провинціи достаточно доказала, сколько вреда самому дѣлу приносить малѣйшее вниманіе къ нимъ! Они сейчасъ же забываются и, воображивъ себя губернаторами, чинятъ безобразіе за безобразіемъ! Тогда имъ море по колѣно! Право такъ! Теперь даже Александръ убѣдился и больше не спорить со мною объ этомъ.

— Да оно такъ-то такъ, но что до меня, у меня бы духа не хватило, Наташа.

— Ну, ато потому, что ты баба! А если ты баба, такъ не служи! Какое же, въ самомъ дѣлѣ, имѣешь ты право жертвовать своими обязанностями личной слабости къ тому или другому изъ нихъ. Душно! и княгиня, подавшись къ окну лицомъ, глубоко вздохнула.

— Какая скучная мѣстность!... Вотъ ужъ именно, какъ говорится,—ни тычка, ни задоринки! Неужели всю дорогу такъ, Вася?

— Почти! До Сналь 60 верстъ. Изъ нихъ болѣе, чѣмъ на протяженіи 50, не встрѣтишь рѣшительно ничего! Только кой-гдѣ мелькнетъ жидовская корчма, да какъ бы случайно забытая группа двухъ-трехъ десятковъ деревьевъ!

— Вотъ тоска!

— Ты попрежнему не терпишь однообразія, Наташа! улыбнулся на нее Бояриновъ.

— Да и разнообразіе не доставляетъ мнѣ особеннаго удовольствія. Оно производитъ на меня то же вліяніе, что и два, три бакала шампанскаго,—кружить мнѣ голову.

— Ну, а сегодня такъ не помогло и оно?

— Это ужъ ты виноватъ. Ты такъ глубоко взволновалъ меня воспоминаніями прошлаго, тихо проговорила княгиня, а когда я возвращаюсь въ него, въ это свѣтлое, полное надеждъ время, еще тише продолжала она, мнѣ становится досадно на себя, жаль, до боли жаль *чего-то*, что мнѣ улыбалось въ немъ, что такъ сильно манило меня неясными образами и отчего я сама ушла, что я сама бросила со всею безпечною непонимающаго жизнь ребенка! Княгиня вздохнула. Сошлись брови, нервно сжались еще столь недавно игравшія веселою, безпечною улыбкою, губы.... Она дѣйствительно, по крайней мѣрѣ въ эти минуты, была лишь тѣнью своего самонадѣяннаго, гордаго прошлаго.... Бояринову стало жаль ее, жаль до боли въ сердцѣ, до стона въ груди....

— Мнѣ кажется, Наташа, что ты просто.... несчастлива въ замужествѣ.

— О, нѣтъ, быстро взглянувъ на него, горячо перебила княгиня,—это было бы несправедливымъ ропотомъ съ моей стороны, жестокимъ даже!... Я скорѣе ошиблась въ себѣ, чѣмъ въ немъ! Онъ далъ мнѣ все, что можетъ только дать чело-вѣкъ, глубоко развитый и честный.

— То-есть какъ же это въ самой себѣ?

— А вотъ именно въ самой себѣ! Я не поняла себя, я не додумалась до того склада жизни, который бы наиболѣе отвѣчалъ моимъ наклонностямъ!... Я.... Ну, да какъ бы объяснить тебѣ то, что я чувствую, что меня угнетаетъ, затруднилась княгиня. Я какъ будто не нашла себѣ точки.... своего интереса.... своего собственнаго дѣла!... Я, такъ сказать, *не чув-*

ствую себя!... Я смотрю и даже должна смотре́ть на все и на всѣхъ съ точки зрѣнія его положенія, его задачъ и цѣлей, потому что у меня нѣтъ ничего, рѣшительно ничего своего такого, что бы меня радовало, оживляло, помимо всѣхъ этихъ непрерывно двигающихся вокругъ меня буко́ль!... Понялъ-ли ты, что я хочу тебѣ сказать? понимаешь-ли?... Я и чувствую мою энергію, мое превосходство надъ этими людишками, и въ то же время мнѣ что-то мѣшаетъ подняться надъ ними, какъ будто во мнѣ нѣтъ настолько силъ. И я сознаю это, и меня съ каждымъ днемъ все упорнѣе давитъ мысль, что въ сущности, на дѣлѣ, я ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не выше ихъ!... Вотъ Вѣра Павловна!... Вѣдь она не губернаторша и ничего особеннаго не воображаетъ о себѣ, а, между тѣмъ, она счастлива, такъ счастлива, какъ я не буду никогда!... И Коваленко правъ!... Это все потому, что у нея есть свое собственное дѣло, что она чувствуетъ себя въ немъ, наслаждается имъ.... Вѣдь ты давно не видѣлъ ее, такъ ты не можешь себѣ и представить, что такое она теперь!... Она настолько же помолодѣла, ободрилась, насколько я устала, изнемогла въ той ложной, искусственной обстановкѣ, какую создала сама себѣ своими же руками.... И я ее понимаю!... Я понимаю, почему такъ отрадны ей и улыбки ея воспитанницъ, и ихъ успѣхи, и ихъ ласка!... Вѣдь она такъ живо чувствуетъ себя въ нихъ, вѣдь онѣ—ея мысль, ея сердце! Да! живо вспомнила княгиня, у нихъ есть сынъ! Петръ Игнатьевичъ и теперь уже видитъ въ немъ, въ его шесть лѣтъ, преемника своихъ убѣждений.

— Да я все-таки не могу понять, Наташа, что бы тебѣ, при твоихъ широкихъ средствахъ, мѣшало бы создать точно такую же жизнь, если она такъ улыбается?

— Что? и княгиня грустно усмѣхнулась. Все, рѣшительно все!... И положеніе моего мужа, и обусловленная имъ непремѣнная обязанность поддерживать отношенія со всею этою провинціальною мелюзгою, и привычки, да и весь вообще строй жизни!... И притомъ, я уже втянулась!... Я уже привыкла къ этому обаянію общаго поклоненія, мнѣ тяжело, говорю тебѣ, у меня бы не хватило даже силъ побѣдить себя въ этомъ отношеніи. Хотя ты мнѣ ровно ничего новаго не откроешь, если скажешь, что все это и глупо, и пошло. Я сама это знаю. Сама, безъ тебя! Но мнѣ оно, это значеніе, такъ же необходимо теперь, какъ воздухъ человѣку, какъ вода—рыбѣ. Видаль-ли ты

когда-нибудь морфинистку? Я знала одну, по-долгу разговаривала съ нею, убѣждала ее, и все безъ всякой пользы. У нея есть мужъ, есть дѣти. Она ихъ любитъ, ей тяжело сознать, что она сама ускоряетъ свою смерть, сама отходить отъ нихъ, и въ то же время она не имѣетъ настолько силы, чтобы побѣдить въ себѣ эту ужасную склонность, и каждый день принимаетъ морфій попрежнему и съ каждымъ часомъ угасаетъ, и угасаетъ вполнѣ сознательно. Ей уже измѣнила память. У нея путаются, мѣшаются мысли, нѣмѣютъ руки, ноги, нѣмѣетъ голова, а она идетъ да идетъ себѣ къ могилѣ! Вотъ это вполнѣ мое нравственное состояніе. Я и чувствую, что тону, и не имѣю въ себѣ настолько силы, чтобъ подняться, едва слышно кончила княгиня.

— Полно, Наташа! ты обманываешь себя! Твоя жизнь, по моему, вполнѣ отвѣчаетъ тебѣ! Развѣ твой характеръ — характеръ Вѣры Павловны, развѣ ея энергія — твоя энергія, и, повѣрь мнѣ, никогда ея жизнь спокойнаго довольства не дала бы счастья тебѣ. Ты бы все рвалась и рвалась впередъ къ борьбѣ, къ волненіямъ! Теперь тебя это утомило, а попробуй прожить мѣсяцъ въ деревнѣ и посмотри, съ какою силою снова потянетъ къ этому складу жизни.

— Да я и не спорю! Но что меня потянетъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Совсе не моя природа, а моя извращенность, мои привычки, словомъ — моя болѣзнь! глубоко понижая, опять порвалась княгиня.

— Ну, полно!... Перестань тревожить себя этими глупыми мыслями, чуть слышно, дрогнувшимъ отъ волненія, отъ сочувствія къ ней голосомъ проговорилъ Бояриновъ. Княгиня не отвѣтила. Ему показалось, что на долгихъ рѣсницахъ ея блеснули слезы.

Онъ медленно взялъ ея руку, какъ бы забытую подлѣ его руки, поднесъ къ губамъ, поцѣловалъ. Княгиня тихо отвела руку.

— А что, скоро станція, Вася? вздохнувъ, спросила она.

Василій Андреевичъ посмотрѣлъ въ окно.... Съ полей уже вѣяло вечернею прохладой. Въ дали, на горѣ, мельгала красная крыша станціоннаго дома.

Глава X.

Анатолий Львович Соколинъ, возвратившись, послѣ отъѣзда Бояринова, въ свои три маленькія, уютныя, чисто обставленныя комнаты, открылъ всѣ окна, закурилъ папиросу и, весь отдавшись впечатлѣніямъ пережитаго вечера, заходилъ крупными шагами. Отъ него ничто не ускользнуло: ни ревность Градынской и цѣлый рядъ ея прямо враждебныхъ къ Еленѣ Павловнѣ выходовъ, ни волненіе Камилиной и Бояринова за обѣдомъ. Многое представлялось ему совершенно непонятнымъ въ Бояриновѣ, многое до глубины души возмущало его въ немъ. Онъ любитъ жену; это не можетъ подлежать сомнѣнію. Ея улыбка всегда искренно-радостно встрѣчается имъ; ея ласка вызываетъ волненіе въ немъ; ея грусть тревожитъ, мучитъ его, и между тѣмъ онъ изо дня въ день измѣняетъ ей, обманываетъ ее!... Обманываетъ ее ради Градынской, Градынскую—ради Камилиной, да чуть-ли даже и не самое Камилину. Только ради кого—Соколинъ рѣшительно отказывался понять. Ложь, обманъ, притворство. Непріятное, близкое къ отвращенію чувство овладѣло Соколинымъ. Но развѣ не его пылкое порывистое слово слышалъ онъ съ прокурорской кафедры по дѣлу г-жи Лисевичъ, еще всего нѣсколько дней тому назадъ? Развѣ не бичевалъ ее именно за ложь, за притворство, за обманъ, съ увлеченіемъ, съ энергіею глубоко возмущенной, честной, правдивой природы? И онъ былъ искрененъ! Онъ ненавидѣлъ ее въ тѣ минуты. Да и развѣ разбираетъ когда-нибудь, что ему выгодно, что ему вредно? Развѣ стѣснитса бросить несдержаннымъ упрекомъ въ лицо хотя бы самому прокурору? Развѣ не изо дня въ день терпитъ и по службѣ, и въ личныхъ отношеніяхъ изъ-за этой прямоты нрава? И что же онъ послѣ всего этого?... И подлець, и честнѣйшій изъ людей! Въ немъ какъ бы два человѣка: одинъ прямъ, великодушенъ; другой лживъ, изворотливъ. Первый вѣруетъ во все, что честно, свято и правдиво; второй—изо дня въ день смѣется, издѣвается, глумится надъ этимъ чувствомъ... Первый любитъ жену, нѣжитъ, охраняетъ ее, второй—его же руками создаетъ ей жизнь страданій... Первый готовъ пожертвовать жизнью за правду, за законъ, второй—со всѣмъ равнодушіемъ, со всею жесткостью грубой природы не задумается ни минуты отдать и жену, и Камилину, и Градынскую, и многихъ другихъ на жертву своего чувственного порыва! Но она вѣритъ ему и жизнь ея свѣтла,

спокойна, какъ тихій, сладкій сонъ. И пусть! пусть спитъ! Онъ будетъ охранять ея сонъ, онъ будетъ устранять все, что могло бы омрачить, хотя на мигъ, ея радостный, свѣтлый мірокъ!

Уже дневной свѣтъ смотрѣлъ въ окна. Соколинъ очнулся, вспомнилъ, что завтра ему обвинять, быстро раздѣлся, легъ, но не спалось ему въ эту ночь.

На стѣнныхъ часахъ въ залѣ Бояриновыхъ пробило семь. Медленно склонявшееся солнце, золотясь надъ вершинами вишни и граба, играло всѣхъ цвѣтовъ огнями въ граненыхъ стеклахъ семинаріи. Легкій вечерній вѣтерокъ, тихій, нѣжный, какъ сладостный лепетъ первой любви, собравъ съ лужайки, садовъ и цвѣтниковъ ихъ душистый ароматъ, струилъ его въ залъ чрезъ открытыя двери балкона. Елена Павловна играла. Разсѣянно слѣдила за ея руками сидѣвшей возлѣ Соколинъ и, забывъ весь міръ, въ тотъ мигъ, все слушалъ и слушалъ ее, все глубже, все живѣе чувствовалъ дивныхъ звуковъ безотчетную тоску. Смогли, замерли....

Елена Павловна, оставивъ клавиши, откинулась, задумалась.

— Какъ это странно, смотря на клавиши, тихо, медленно проговорила она; когда играешь, совершенно забываешься! Чувствуешь и даже видишь вовсе не то, что есть, что окружаетъ. А какъ бы именно то.... затруднилась она, что въ звукахъ. Когда я начала эту піесу, я вовсе не думала о Васѣ, и она вздохнула. Но едва только раздались первые звуки, мнѣ такъ чего-то стало грустно.... И я все время видѣла его передъ собою, чувствовала даже, какъ будто, и въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ подлѣ меня.... Ахъ, какъ тянется сегодняшний день!

Соколинъ быстро всталъ, отошелъ къ балкону.

— Фу! Анатолій Львовичъ, вы просто несносный сегодня! живо вставая, уже съ яркою краскою въ лицѣ, досадливо прикрикнула на него Елена Павловна.—Право, легче дожидаться отвѣта изъ Москвы на письмо, чѣмъ отъ васъ хотя только нару словъ.

— Да о чемъ же я буду говорить вамъ, Елена Павловна? Развѣ я уже вамъ не говорилъ и развѣ на васъ хоть настолько, указавъ онъ на палецъ мизинца, повліяли мои слова? Я еще въ жизнь мою не встрѣчалъ женщину, настолько способную мучить себя изъ-за ничего, какъ вы, избѣгая ея взгляда, взволнованно высказался онъ.—И точно вы не можете понять, какъ это

мучить, терзаетъ самого меня, какъ бы досказали ей его волненіе, его вздохъ, его подавленный, глухой голосъ.

— Ну, перестаньте дуться! я буду пай! право буду! И въ самомъ дѣлѣ, это такъ что-то.... Я вѣрю вамъ, что ничего не случится съ нимъ.

Соколинъ не отвѣтилъ. Онъ только отчетливо хрустнулъ пальцемъ о палецъ.

— Опять ломаете себѣ пальцы! снова прикрикнула Елена Павловна. Вотъ видите, какой вы злой! А я еще о васъ сегодня думала! съ досадливой усмѣшкой сказала она.

— И что жъ вы придумали?

— Женить васъ! сдвинувъ брови, серьезно пояснила Елена Павловна.

Соколинъ улыбнулся.

— Ужъ не на Камилиной-ли?

— Вотъ именно!... на Камилиной!

— Это ради чего же?

— А потому, что мнѣ досадно на васъ, что вы ни для кого!

— А развѣ надо жить непременно для кого-нибудь?

— Конечно! Вотъ я живу для Васи, для моихъ деревенскихъ бѣдняговъ, для Нерона, для Васьги, Мишки.... Для васъ, чуть-чуть! нѣсколько подумавъ, медленно добавила она.

Соколинъ разсмѣялся.

— Вотъ мнѣ и пріятно! и я люблю жизнь, а если-бъ ихъ не было, для чего бы я жила, слегка вздохнувъ, совсѣмъ тихо добавила она.

«Вѣдь не для тебя же мнѣ жить», понялъ Соколинъ.

— А почему вы знаете, Елена Павловна? вздохнувъ, проговорилъ онъ.

— Что знаю?

— Да что у меня нѣтъ никакой привязанности, что я не люблю никого и ничего.

— Да потому, что вы всегда такой молчаливый, скучный, задумчивый!

— Что жъ изъ этого? живо перебилъ Соколинъ. Развѣ молчаніе всегда выражаетъ скуку или недовольство жизнью? Да вотъ, напримѣръ, вы играли болѣе двухъ часовъ и я все время молчалъ, а мнѣ, между тѣмъ, въ высшей степени.... и онъ, вспыхнувъ, не кончилъ.

— Ну, а вамъ было въ высшей степени.... улыбаясь, оживленно перебила его Елена Павловна.

Онъ упорно молчалъ.

— Приятно! смѣясь, докончила она. Ну, какой же вы смѣшной! Что-жъ тутъ такого ужаснаго въ томъ, что вамъ приятно было меня слушать?

У Соколина зардѣлись самыя уши.

Въ передней раздались легкіе шаги, зашуршалъ шлейфъ тяжелаго платья.

— А! Владислава Францовна, весело встрѣтила ее Бояринова. И какая вы сегодня интересная, разфранченная, съ улыбкою ее осматривая, добавила она.

— Да какъ же иначе, милая? нѣжно цѣлуя ее, отозвалась Градынская; вѣдь у васъ же сегодня цѣлый рауть!

— Какъ рауть? испуганно вскрикнула Елена Павловна.

— Ну да! рауть, цѣлый рауть!... Княгиня Плетнева, баронесса Ридрихсъ, Лисицына, Сытова.... конечно, съ адъютантомъ! усмѣхнувшись, добавила она.

— Здравствуйте же, Анатолій Львовичъ, вотъ мило! Или вы уже и не считаете меня за человѣка?

— Да чего ради онъ? перебила ее Бояринова.

Соколинъ молча протянулъ руку.

— Ну, не странная-ли она? а? улыбаясь Соколину, перебила Градынская. Еще спрашиваетъ, чего ради? Забываете, что вашъ мужъ двоюродный братъ губернаторши!... Ахъ! вспыхивая, почти вскрикнула она. Вѣдь вы не съумѣете! Вотъ если бъ я была на вашемъ мѣстѣ—вотъ вертѣла бы то ими.

— Вотъ, очень нужно! съ тономъ досады сказала Елена Павловна. Я вовсе не хочу ихъ видѣть и прикажу сказать, что меня дома нѣтъ.

— Ну, какъ же это, Елена Павловна? Нельзя! Какъ хотите, это крайне неловко.

— Да что мнѣ за дѣло, ловко или неловко, когда они мнѣ всѣ противны! И еще этотъ Чириковъ! Ну, если бъ Вася былъ дома, ужъ такъ и быть, а то еще безъ него повадятся! Да вѣдь это цѣлая пытка! все болѣе и болѣе горячилась Елена Павловна.

— Нѣтъ, нельзя, Елена Павловна! Это можетъ испортить отношенія Василія Андреевича.... Огорчить его.

Елена Павловна взглянула на Соколина.

— Василий Андреевич действительно будет недоволенъ, Елена Павловна. Примите ихъ. И при томъ, чѣмъ особенно они могутъ помѣшать вамъ? спокойно отозвался онъ.

— Ахъ, уже нервно перебила Бояринова, во-первыхъ, они меня всегда бѣсятъ, во-вторыхъ, изъ-за нихъ бѣдный Неронъ долженъ сидѣть весь вечеръ въ заперти.

— Да отчего же не съ нами?

— Оттого, что онъ знаетъ, что я ихъ не люблю! Фыркаетъ, бросается на нихъ, и я всегда въ лихорадкѣ.

— Ну, такъ они же болѣе двухъ часовъ не пробудутъ, снова вмѣшалась Градынская.

— Примите, Елена Павловна, поддержаль ее Соколинъ.

— И ничего у меня нѣтъ, разводя руками, все еще защищалась Бояринова, ни печенья, ни конфетъ, ни апельсинъ.... Ничего, ничего!

— Это дѣло можно поправить. Я сейчасъ съѣзжу и привезу вамъ все, что надо.

— Ну, вотъ и дѣло въ шляпѣ! оживленно сказала Градынская.—А я чай налью, съ удареніемъ добавила она.

— Налъете? Ну, ужъ такъ и быть!... Только, чтобы не разсердился Вася!

Глава XJ.

Уже болѣе двухъ часовъ носился оживленный говоръ надъ чайнымъ столомъ березовой бесѣдки сада «Пташекъ».

Баронесса Ридрихсъ, маленькая, тучная дама, съ сѣрыми, кошачьими глазками, томная княгиня Плетнева вице-губернаторша, генеральша Лисицына, высокая, стройная блондинка, съ поблекшими голубыми глазами, рѣзкая Несмѣлова, Градынская, Зизи, Мари, Сытова и Чириковъ, на перебой другъ другу спѣшили высказать свои предположенія на счетъ того, какъ поставить себя губернаторша. Не принимали участія лишь сама Бояринова и Соколинъ.

— О, какая бы она тамъ ни была современная, презрительно сощуриваясь, говорила княгиня Плетнева,—а я все-таки никогда не допущу самой мысли, чтобы она позволила себѣ сближаться съ какими-нибудь тамъ... Курниковыми и тому подобными.

— Конечно, конечно, медленно перебирая мясистыми губами, одобрительнымъ тономъ утвердила Ридрихсъ.

— Анатолій Львовичъ! обращаясь къ Соколину, перебила ее Елена Павловна. Слышите?

— Что, Елена Павловна?

— Да колокольчики! Это Вася!

— Не можетъ быть! Онъ сказалъ, что прїѣдетъ около двухъ, а теперь всего двѣнадцатый!

— Ну, какой же вы несносный, Анатолій Львовичъ! Подите, посмотрите.

Соколинъ вышелъ.

— Marie, пойдѣмъ и мы! оживленно пригласила Зизи.

— Это зачѣмъ?

— Увидимъ губернаторшу.

— Гі, Зизи!

— Быть можетъ, онъ пойдетъ проводить ее до дому, вслухъ сообразила княгиня.

— О, нѣтъ! Зачѣмъ? точно испугавшись ее мысли, горячо перебила Бояринова.

— Да вѣдь я слышала, они такъ дружны,—будто проронила Сытова.

Елена Павловна тревожно прислушалась. Все ближе, все отчетливѣе, все громче звягали колокольчики. Уже слышался глухой стукъ подѣхавшаго тяжелого экипажа. Вотъ сразу замерли. Вотъ звякнулъ одинъ, другой и снова все тихо.

— А что? Правда! Я ужъ знаю! оживленно вскрикнула Елена Павловна и, быстро поднявшись, торопливо вышла изъ бесѣдки.

— И я, и я! бѣгомъ ее настигая, воодушевилась Зизи.

Marie насмѣшливо посмотрѣла имъ вслѣдъ.

— Какой она чудный ребенокъ! вздохнувъ, запѣла баронесса.—*Savez-vous, mesdames*, вѣдь для нея ничего, ничего не существуетъ, кромѣ мужа!

— А еще говорятъ, что въ наше время нѣтъ семейнаго счастья! Да вотъ вамъ вполнѣ райское, усмѣхаясь, отнеслась Сытова къ княгинѣ.

— Ты княгинѣ обязана, милая, этою быстротою. Она такъ торопилась, что не дала даже мнѣ возможности вполнѣ покончить съ дѣлами,—громко говорилъ Бояриновъ уже у калитки сада. Блжняется тебѣ!.. Интересовалась нашимъ прошлымъ... Подробно разспрашивала о твоёмъ здоровьи, даже настроеніи.

— Измѣнилась?

— О, очень!

— Я только мелькомъ видѣлъ ее. Кажется, очень хороша, замѣтилъ Соколинъ.

— Ахъ! Но какъ досадно,—вскригнула Зизи.

— Что досадно?

— Что я не успѣла ее видѣть!

— Вотъ бѣда!.. Сто разъ еще увидите, усмѣхнувшись, успокоилъ ее Бояриновъ.

— Поздравляю васъ, mesdames, съ новою, веселою жизнью! торопливо входя въ бесѣдку, говорилъ онъ. Балы, обѣды, рауты, пикники смѣнять теперь наши тихія бесѣды вокругъ самовара и эту несносную, карточную игру.

— По правдѣ, Василій Андреевичъ?! Вы не смѣтаетесь? оживленно перебила Marie.

— Мы встрѣтили Владиміра Казиміровича. Куда онъ? протягивая руку, обратился Бояриновъ къ Градынской.

— По губерніи и въ Кіевъ, медленно отвѣтила Владислава Францовна.

— Такъ что княгиня будетъ знакома со всѣмъ городомъ? перебила Сытова.

— Рѣшительно со всѣмъ, медленно отвѣтилъ Бояриновъ.

— Какъ? выпрямляясь, почти съ ужасомъ вскригнула Лицицына.

— И съ Курниковыми, и съ Подтерухиными, и со всѣми, со всѣми? въ тонъ ей пропѣла баронесса.

— И съ Курниковыми, и съ Подтерухиными, и со всѣми, чуть примѣтно усмѣхнувшись, спокойно удостовѣрилъ Бояриновъ.

— Но это возмутительно, mesdames, горячо перебила Сытова,—въ какомъ же мы будемъ положеніи!.. Мы ихъ избѣгали, сторонились, и вдругъ, волею-неволею, должны будемъ принимать.

— По моему, княгиня поступитъ совершенно рационально. Во-первыхъ, Подтерухина, Курникова не прачки и не бѣлошвейки, а жены мировыхъ судей, положеніе которыхъ вовсе не ниже положенія большинства женщинъ нашего кружка.

— Да кто онѣ-то сами по себѣ, кто? вспыхнувъ, горячо перебила Сытова.

— Кто? Да ей до этого нѣтъ дѣла! Онѣ женщины съ положеніемъ, не лишеныя образованія, и довольно. Во-вторыхъ, положеніе губернаторши настолько высоко, дѣлая удареніе надъ каждымъ словомъ, спокойно продолжалъ онъ,—что никакое знакомство не можетъ ее ни унижить, ни поднять.

— Охота вамъ спорить объ этомъ, mesdames, вспыхнувъ, вмѣшалась Елена Павловна. Пойдемте лучше закусить!

Елена Павловна быстро поднялась и, не дожидаясь остальныхъ, торопливо вышла изъ бесѣдки.

— Въ самомъ дѣлѣ, mesdames, еще увидимъ, какъ это все будетъ, мягко поддержала Градынская.

Разговоръ во время закуски все вертѣлся вокругъ и около княгини. Онъ то вторгался въ ея прошлое, — и дамы допытывались отъ Бояринова, кто она сама по себѣ; то, смѣло засматривая въ ближайшее будущее, интересовались угадать ея движенія, самыя намѣренія, то спрашивали, какой у нея носъ, ротъ, какія уши, какого роста и какъ сложена, при чемъ каждая изъ нихъ, опираясь на этихъ данныхъ, спѣшила высказать свой взглядъ и на характеръ княгини, и на ея внѣшность, и на прошлое, и на будущее. А генеральша Лисицына разгулялась до того, что разобрала, какъ по пальцамъ, самую семейную жизнь княгини и, объявивъ, въ концѣ концовъ, съ достоинствомъ неоспоримаго авторитета, что княгиня стала княгинею вовсе не потому, что любила князя, а лишь для того, чтобы сдѣлаться княгинею и губернаторшей, — умозаключила, что она, княгиня, совсѣмъ несчастлива въ своей семейной жизни, а потому вотъ и ищетъ развлеченій въ свѣтѣ. Противъ смѣлаго вывода горячо поднялась княгиня Плетнева, ибо ей уже не одинъ разъ передавали подъ величайшимъ секретомъ, что Лисицына находитъ особенное наслажденіе обвинять въ томъ же самомъ и ее, Плетневу.

Сытова, уже давно точившая зубы на генеральшу за непрерывное попопзновеніе обвинить и ее въ томъ же преступленіи, въ свою очередь, радостно воспользовалась удобнымъ случаемъ разъ навсегда такъ отдѣлать генеральшу, чтобы она помнила надолго.

Баронесса, лукаво подмигивая, то Плетневой, то Лисицыной, все съ большимъ и большимъ наслажденіемъ смаковала новыя, и вотъ уже совсѣмъ, совсѣмъ неожиданныя данныя, и долго бы еще несчастной Еленѣ Павловнѣ пришлось выслушивать этотъ безконечный диспутъ, если бъ баронъ не сжалился надъ нею и, взявшись за шляпу, не объявилъ во всеуслышаніе, что уже два часа.

Глава ХІІІ.

— Фу! Наконецъ-то, ихъ разнесло! Я думала, что ужъ онѣ ночевать будутъ! Тр-тр-тр... Всю голову растрещали! горячо говорила Елена Павловна, крѣпко сжимая виски руками.

— И все ты, Вася! Если бѣ не боялась тебя огорчить, ну, ни за что не приняла бы ихъ. Вѣдь это чистая пытка! И чего онѣ пикируются? А еще ты ихъ поддразниваешь.

Бояриновъ и Градынская весело размѣялись.

— А я все-таки не могу понять, Лена, чего ты такъ волновалась, милая?! Да пусть ихъ! Хотя бы глотки себѣ перегрызли!

— Вотъ это мило! А! Какъ это вамъ нравится, Владислава Францовна? Да вѣдь ты пойми, Вася, что они чуть-ли не съ восьми забрались и вотъ почти до трехъ разбивали мнѣ нервы и мозолили глаза: А вотъ ты не поблагодарилъ даже, сложивъ губы въ досадливую гримаску, какъ бы теперь только надумавшись, что въ правѣ на него разсердиться, тихо добавила она.

— Милая! и, не отводя глазъ отъ ея оживленнаго лица, Бояриновъ обнялъ, поцѣловалъ ее.

— Вотъ такъ! А если другой разъ забудешь, то никогда, никогда не приму ихъ! пригрозила Елена Павловна.

— Если бѣ ты всегда была такая хорошая, какъ теперь, Лена, мы бы никогда съ тобою не ссорились! любуясь ею, медленно проговорилъ Василій Андреевичъ.

Градынская выпрямилась и, быстро отвернувшись, внимательно посмотрѣла на часы.

— А то вдругъ ни съ того, ни съ сего становится такая капризная, настойчивая, еще тише высказался онъ.

— Ну! Вася! Знаешь, терпѣть не могу! прикрикнула Елена Павловна и въ тотъ же мигъ, зажавъ ему ротъ рукою, поцѣловала въ глазъ правый, поцѣловала въ лѣвый.

Что-то отчетливо ударилось объ полъ.

Бояринова быстро взглянула въ сторону Градынской.

— Зонтикъ выронила. Вѣдь всегда отличаюсь особенною ловкостью, смѣясь, объяснила Градынская. А вы уже и испугались, Елена Павловна? Вотъ нервы.... До свиданія, однако.

— Да вы бы ночевали у насъ, Владислава Францовна. Мужа нѣтъ. Что вамъ дома?

— И придетъ же вѣдь въ голову, Елена Павловна! улыбаясь, перебила Градынская. Да завтра же по всему городу изъ

дома въ домъ сновали бы съ такою чрезвычайною новостью. На меня бы стали всё смотрѣть, какъ на звѣря. Нѣтъ, до свиданія, до свиданія!

Бояриновъ взялся за фуражку.

— Пожалуйста, не безпокойтесь, Василиій Андреевичъ, я и сама найду дорогу, сухо отнеслась она къ нему.

— Ужь вотъ ни за что-то не пущу васъ иначе! Какъ это можно.... одной, ночью! волнуясь, перебила Елена Павловна.

— Такъ я возьму лучше человѣка.

— И то нѣтъ! Я хочу, чтобъ онъ васъ самъ проводилъ.... Что это за новости!

— Вотъ, видишь! Опять деспотизмъ, милая, улыбаясь, вмѣшался Василиій Андреевичъ. Зачѣмъ ты стѣсняешь Владиславу Францовну? Ей удобнѣе идти съ человѣкомъ, и пусть.

— Не то, чтобъ удобнѣе, но я просто боялась стѣснить васъ послѣ дороги!...

— Вотъ, видишь, Вася, какой ты невѣжа!... Сейчасъ же иди самъ!

— Иду, иду, милая, иду! Только ты ложись, пожалуйста, а то и такъ устала.

Не проронивъ ни слова, вышли они за ворота. Непроницаемый туманъ окутывалъ зеленый холмъ, скрывалъ семинарію, сады, неприятною дрожью, пронизывающею сыростью дышалъ на нихъ отовсюду. Блѣднымъ, едва уловимымъ пятномъ катилась луна. Въ двухъ шагахъ трудно было различать предметы. Владислава Францовна молча подала руку Бояринову. Она какъ будто и не хотѣла этой близости къ нему и въ то же время, невольно подпадая вліянію закрадывавшагося въ нее жуткаго чувства, все бѣпче и бѣпче налегала ему на руку. Василиій Андреевичъ не видѣлъ лица. Онъ только чувствовалъ легкую дрожь въ ея рукѣ.

— Что съ вами, Владислава Францовна? Вамъ холодно?

Градынская не отвѣтила.

— Владислава! слегка касаясь ея руки, прошепталъ онъ. За что вы сердитесь? Что же тутъ такого особо ужаснаго въ томъ, что я былъ внимателенъ къ ней?

Градынская нервно разсмѣялась.

— Полноте, Владислава!... Развѣ я вамъ уже не говорилъ, что любилъ ее и люблю, но совсѣмъ особымъ чувствомъ, совсѣмъ не тѣмъ, что связываетъ меня съ вами.

— Да я это всегда такъ и понимала, а теперь поняла еще яснѣе, перебила Градынская сильно дрогнувшимъ голосомъ. Именно совсѣмъ особымъ чувствомъ!... Ее вы любите, а мною хотѣли играть. Но нѣтъ, Василий Андреевичъ! Играть въ наше время можно развѣ такими дурами, какъ Несмѣлова, и ей подобными.

— Что вы хотѣли сказать, Владислава Францовна, въ этомъ «ей подобными», быстро снимая руку съ ея руки, сухо и рѣзко перебила Бояриновъ. Вѣдь не все то золото, что блеститъ, и не все то умно, что болтливо.

— Только не для васъ! Вамъ и мѣдь представляется золотомъ, когда она не ваша, и золото—мѣдью, какъ скоро вы забрали его въ руки!... И несчастна та женщина, которая довѣрится вамъ. Вѣдь по вашему жизнь, это—игра, а женщина первая въ ней игрушка. Пока она нова, такъ и хороша, а тамъ и забыта.... Не такъ-ли? и, глухо размѣявшись, Градынская судорожно вздохнула.

Бояриновъ потерялся. Онъ въ первую минуту не нашель даже, что возразить, до того правдивъ и мѣтокъ былъ выраженный ею взглядъ.

Развѣ онъ, въ дѣйствительности, не обманывалъ жену для нея, и ее ради Камилиной, а Камилину, быть можетъ.... Тутъ мысль порвалась и такую холодную, неприятную зыбью пробѣжала по немъ. Но въ чемъ же онъ-то виноватъ? Развѣ жена, отдѣльно отъ Градынской, или Градынская отдѣльно и отъ нея, и отъ Камилиной, могла наполнить его жизнь? Конечно, нѣтъ!... Большому кораблю—большое и плаваніе, мелькнуло ему, и такъ высоко, такъ гордо поднялась теперь его грудь.

— Владислава Францовна! медленно выпрямляясь, твердо, отчетливо произнесъ онъ, и какъ бы отчеканивая слово къ слову: Вы могли обвинять меня въ мимолетности увлеченій, въ безхарактерности, въ безотчетности даже моихъ движеній къ женщинѣ, но уже никакъ не во лжи! Никогда и ни въ чемъ не шелъ путемъ обмана!... Скажите сами, положи руку на сердце, говорилъ-ли я вамъ, что люблю васъ и вѣчно буду любить васъ одну, что вы, молъ, весь мой свѣтъ и всѣ мои радости?! Ни вамъ и никому, кромѣ жены моей, въ ту лучшую пору, пору грѣзъ и безотчетныхъ, пылкихъ порывовъ, когда всею душою вѣровалъ, что люблю и вѣчно буду любить ее, и Василий Андреевичъ, приостановившись, съ трудомъ перевелъ духъ. Но ошибившись въ этомъ чувствѣ, могу-ли я вамъ клясться въ вѣчности любви

моей?! Да и не любви, а, быть можетъ, просто увлеченія.... Я говорилъ вамъ, что мнѣ пріятна близость ваша, что она, эта близость, — прижимая ея руку, уже лихорадочно продолжалъ онъ: — манить, дразнить, зоветь меня къ себѣ, но.... дастъ-ли она намъ долгое счастье или лишь мигъ, лишь одинъ только сладостный мигъ, не знаю и не могу даже знать!... Да и едва-ли встрѣчу я женщину, способную заставить меня забыть, что не одна она на землѣ, едва слышно добавилъ онъ.

Градынская не отвѣтила. Она съ каждымъ шагомъ все крѣпче и крѣпче налегала на его руку, дыханіе ея было горячо, рука дрожала. Бояриновъ понялъ ее. Она и боялась этого мимолетнаго сладостнаго мига, и безотчетно влекло ее къ нему. Онъ медленно поднималъ ея руку и поднесъ ее къ губамъ. Градынская порывисто вздохнула. Они молча дошли до калитки тѣнистаго сада.

— Я зайду на минутку, Владислава.

— О, нѣтъ, нѣтъ!... Какъ можно!... Скоро свѣтаетъ!... Ждетъ жена, перебивая слово словомъ, лихорадочно, едва слышно возразила Градынская.

— Но когда же, когда, Владислава?

Она не отвѣтила, быстро отняла руку, склонилась, связала его губы горячимъ, страстнымъ поцѣлуемъ и въ тотъ же мигъ исчезла за калиткой. Вся кровь ударила въ голову Бояринову. Онъ вздохнулъ, медленно осмотрѣлся. Все та же непроницаемая мгла, все та же мертвая тишина вокругъ. На губахъ его еще мѣлалъ горячій поцѣлуй. Никогда еще не представлялась она ему такъ хороша. И чѣмъ ближе подходилъ онъ къ своему дому, тѣмъ болѣе жалко было ему этой, быть можетъ, навсегда потерянной минуты.

Г л а в а XJII.

Поздно проснулся въ наступавшій день Василій Андреевичъ. Только въ двѣнадцать часовъ вышелъ онъ въ залъ. Уже въ третій разъ закипалъ передъ Еленю Павловною самоваръ и теперь, какъ бы раздраженный столь неделикатнымъ къ нему отношеніемъ, бурлилъ съ особеннымъ ожесточеніемъ. Но, чуть-ли не больше его раздражена была Елена Павловна. Утро для нея было особенно дорого. Вѣдь только въ эти часы она и могла быть съ нимъ съ глазу на глазъ, а, между тѣмъ, онъ, какъ на смѣхъ, тутъ-то именно и спалъ, и сладко, и крѣпко.

— Наконецъ то, Вася! вслѣхнувъ, встрѣтила она его. И какъ тебѣ не стыдно спать такъ долго?...

Василій Андреевичъ сладко потянулся и, молча поцѣловавъ протянутую ею руку, занялъ свое обычное направо отъ нея мѣсто.

— Неронъ!... Что-жъ ты нездороваяешься съ бариномъ! съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ отнеслась Елена Павловна.

Неронъ сконфузился, оставилъ тарелку, съ которой ѣлъ, чихнулъ, облинулся, вильнулъ хвостомъ и, снова обратившись къ тарелкѣ, еще съ большимъ усердіемъ сталъ вылизывать молоко по краямъ.

— Дуракъ, усмѣхнувшись, выбрала Елена Павловна. Точь въ точь ты, Вася!... Что для него молоко, то для тебя сонъ!... Ужъ какъ приметесь, то хоть трава не рости.

— И дѣльно!... Что началъ, то долженъ кончить, внимательно мѣшая сахаръ въ стаканѣ, какъ бы самъ тяготаясь своимъ отвѣтомъ, отозвался Василій Андреевичъ.

— Вася! досадливо перебила Елена Павловна. Да ты спишь или проснулся?

— А что?

— Терпѣть не могу, когда ты говоришь такимъ тономъ, точно изъ милости.... Не хочешь говорить, молчи!... Никто тебя не принуждаетъ.

— Да полно, милая!... Что съ тобою сегодня?... Съ лѣвой ноги встала?

— Совсе не съ лѣвой, но, вѣдь, ты разбѣсишь самого ангела, Вася. Неужели я такъ ждала тебя лишь для того, чтобы смотрѣть, какъ ты зѣваешь и потягиваешься? Утро сегодня такое было хорошее, свѣжее, Неронъ, какъ сумасшедшій, бросался по саду за мухами.... Бернольди злился, смѣшилъ.... А главное, что меня порадовало, оживляясь все болѣе и болѣе, продолжала она,—у Васьки затянуло царапину, а я ужъ такъ боялась, и, приостанавливаясь, какъ бы перебивая самое себя, она спросила, ты не слушаешь?

— Ахъ, какъ это глупо, Лена! вспльчиво вскрикнулъ Василій Андреевичъ.

Елена Павловна отвернулась и, бросивъ полотенце, быстро вышла изъ зала.

— Какъ это глупо!... Нестерпимо глупо!... подумалъ онъ, рѣзко черкнувъ о бортъ бочки-спичечницы. Вѣдь, четвертый

годъ думаетъ и все еще не можетъ додуматься до той простой истины, что у нея жизнь, а у меня своя и что мнѣ вовсе не интересны ея интересы!... Васьки, Мишки, Нероны!... И что за страсть такая несчастная!... И, наконецъ.... Что она во мнѣ цѣнить, что она во мнѣ любить, если даже не можетъ понять, что я никогда не могу снизойти до этихъ.... ея, чисто бабьихъ интересовъ?... А вотъ и добрая, любящая, честная.... а никто мнѣ такъ не наскучаетъ, какъ она!... И какой это дуракъ выдумалъ, что семейная жизнь можетъ дать счастье?!.. Онъ видно никогда не былъ самъ женатъ! рѣшилъ Василій Андреевичъ и, нетерпѣливо бросивъ свою мысль о женѣ, опять ушелъ отъ окружавшей его тихой обстановки, опять и еще лихорадочнѣе разбросался въ неуловимомъ разнообразіи волновавшихъ его въ тѣ минуты ожиданій и стремленій. Все увлекало его, все радовало, все улыбалось ему, все, кромѣ жены, такъ нервно, такъ настойчиво стремившейся удержать его подлѣ себя.... И что же, что она могла ему дать въ замѣнъ этой кипучей жизни, жизни страстей, жизни наслажденій?... Любовь!?! Да развѣ она, эта любовь, не довольно еще надоѣла ему втеченіе четырехъ лѣтъ, развѣ она сегодня не точно такъ же скажется въ ней, какъ сказывалась вчера, третьяго дня, и съ той самой первой минуты, что сошелся съ нею?... А тутъ еще тихіе укуры, грустные улыбки, слезы на глазахъ.... О, Боже мой, Боже!...

Давно перестала горѣть истлѣвшая въ рукѣ папироска. Остылъ уже чай въ стаканѣ. Самоваръ заглохъ. Василій Андреевичъ медленно приподнялъ голову, но онъ не видѣлъ ни зеленого холма, ни даже пальмъ на балконѣ. Иная жизнь кипѣла въ немъ!... Жизнь славы, жизнь торжества надъ тайными и явными врагами; жизнь пикниковъ, баловъ, обѣдовъ, и такъ ласкало его мысль, — надменной губернаторши вниманье; такъ знойно-трепетно улыбалась ему Камилина; такъ лихорадочно, такъ страстно уносила она его за собою на свой хуторъ, въ свой цвѣтникъ, подъ сѣнь столѣтняго дуба.

— Баринъ.

Василій Андреевичъ вздрогнулъ, обернулся.

— Отъ губернаторши, громко доложилъ лакей, подавая письмо. Просятъ отвѣтъ....

— Скажи, что сейчасъ буду. Лошади готовы?

— Точно такъ.... Подаетъ.

— Ты куда, Вася? неслышно входя въ залъ, тихо спросила Елена Павловна.

Василій Андреевичъ, мелькомъ взглянувъ на нее, молча передалъ письмо Долиной. По краснотѣ подъ глазами видно было, что Елена Павловна только что плакала.

— Ребенокъ, все еще совершенный ребенокъ и такъ всю жизнь, должно быть, останется ребенкомъ, мелькнуло Василю Андреевичу, и онъ опять посмотрѣлъ на нее, но теперь уже долгимъ, вдумчивымъ, сострадающимъ взглядомъ.

«Я тебя сейчасъ-же жду, мой секретарь и дипломатъ, надо кое-что обсудить и въ особенности нѣкоторые весьма немаловажные въ маловажномъ пункты..... Ната....» прочла Елена Павловна.

— И ты поѣдешь?

— Конечно, милая.

— Вотъ я такъ и знала! вспыхнувъ по самыя уши, взволнованно перебила Елена Павловна. Теперь и пойдеть, и пойдеть.... Каждый день, каждый день.... Я, кажется, и такъ особенно часто видала тебя дома.

— И когда ты перестанешь меня бѣсить, Лена?... Вѣдь, нельзя же видѣть несчастіе тамъ, гдѣ нѣтъ на него даже и намега!... Не сидѣть же намъ цѣлые дни съ глаза на глазъ?...

— Бѣсить! отчетливо, дрогнувшимъ голосомъ, повторила Елена Павловна и сплошнымъ румянцемъ покрылось ея лицо.

Василій Андреевичъ хотѣлъ что-то сказать, но сдержался и, быстро взявъ шляпу со стола, вышелъ изъ зала.

Г л а в а X J Y .

— Можно, Наташа? медленно повертывая въ двери будуара массивную, бронзированную ручку, нерѣшительно проговорилъ Бояриновъ.

— Входи, секретарь-дипломатъ, входи! весело отозвалась княгиня изъ глубины будуара.

Василій Андреевичъ вошелъ. Княгиня стояла спиною къ дверямъ, лицомъ къ зеркалу, слегка склонившись и внимательно распредѣляя по рѣзнымъ, высокимъ горкамъ неполированного орѣховаго столика отдѣльные предметы изъ цѣлой массы туалетныхъ бездѣлушекъ. Легкое, черное платье изъ баржевыхъ, прозрачныхъ и шелковыхъ, непроницаемыхъ полосокъ, ѣмко охватило ея тонкую, гибкую талію.

— Люблю исполнительность!... Люблю и хвалю ее въ тебѣ, мой секретарь!... Только что послала,—и ты ужь у меня, говорила княгиня, со всѣмъ вниманіемъ продолжая свое дѣло. Если-бъ ты видѣла, какой я хаосъ застала здѣсь, то пришелъ бы въ ужасъ.... Вотъ съ восьми часовъ обставляю, съ ногъ сбилась, и все еще не могу достигнуть даже и намека на порядокъ.

— Но, однако, какъ ты ни занята, все-жъ таки здравствуй! досадливо перебилъ Василій Андреевичъ.

— Ахъ, да!... Развѣ это такъ необходимо? медленно отозвалась княгиня, протягивая ему руку и съ лукавою улыбкою всматриваясь въ выраженіе лица только что поставленной на мѣсто фарфоровой гризетки.

— Вася!... Посмотри на эту гризетку!... Ну, что за милая плутовка!... восторгалась княгиня.

Василій Андреевичъ вспыхнулъ. Его окончательно взбѣсилъ этотъ восторгъ княгини надъ гризеткой въ ту именно минуту, когда съ такимъ теплымъ чувствомъ пожалъ онъ ей руку.

— Да ты поцѣлуй ее! досадливо перебилъ Бояриновъ.

— Тебѣ прискучило мое занятіе, Вася? мелькомъ взглянувъ въ его сторону, догадалась, наконецъ, княгиня.

— По правдѣ сказать, твое занятіе не особенно интересно.

— А для меня такъ очень!... Ну, такъ ты посиди, а я скоро кончу. Это дѣло первой важности, а потомъ совѣтъ съ тобою о немаловажныхъ пунктахъ въ маловажномъ предметѣ.

Василій Андреевичъ, закуривъ папиросу и усѣвшись на козетку, повидимому, совершенно спокойно отдался самому себѣ, но чѣмъ глубже вдумывался онъ въ мельчайшія подробности полувнимательнаго, полунебрежнаго пріема княгини, тѣмъ досаднѣе становилось ему на нее. Онъ не былъ ни княземъ, ни губернаторомъ, но уже четыре года жилъ въ провинціи и давно пересталъ въ себѣ видѣть нѣчто обыденное, заурядное, нѣчто такое, что было бы только, глядя по обстоятельствамъ, или терпимо, или необходимо! А, между тѣмъ, княгиня вѣдь именно въ такомъ тонѣ приняла его. Поблагодарила его за исполнительность и даже не кивнула ему, не взглянула на него, какъ на человѣка вовсе для нея неинтереснаго, а лишь только нужнаго въ данную минуту!... Или она все еще продолжаетъ въ немъ видѣть Щебринскаго Васю, или же московскаго, до безумія влюбленнаго въ нее мальчишку?!... О, тогда ошибается, горько ошибается! и онъ ей докажетъ, что онъ уже не Вася, не маль-

чишка, и что ни чѣмъ не хуже ея женщины были ни больше ни меньше, какъ игрушками его каприза.... А быть можетъ.... Быть можетъ она видитъ въ немъ челоуѣка, поставленнаго на лѣстницѣ общественныхъ градацій неизмѣримо ниже ея?! Василий Андреевичъ вспыхнулъ и такъ рѣзко повернулся, что даже треснуло что-то въ козеткѣ.

— Вася, что ты тамъ ломишь? быстро обернувшись въ его сторону, заинтересовалась княгиня.

— Ничего!... Это такъ, осматриваясь, медленно отвѣтилъ онъ.

— Какъ ничего!... Когда трещить!... Ну, вотъ наконецъ-то, а то уже начинало надоѣдать, вслухъ сообразила княгиня и, вспрыснувъ полотенце духами, обтеревъ имъ руки, быстро подошла къ козеткѣ. Даже устала!... Пусти меня, пожалуйста, Вася!... А самъ возьми стулъ или садись на скамью.... Помнишь, какъ тамъ, въ Москвѣ, въ моемъ миломъ, голубомъ будуарѣ.... А ты замѣчаешь?...

— Что? придвигая стулъ, какъ бы не хотя отозвался Василий Андреевичъ.

-- Въдѣ мѣбель здѣсь вся изъ Москвы!... Вотъ видишь, какъ я люблю прошлое.... А помнишь, какъ ты поцѣловалъ меня сонную, а я потомъ, уже не сонная, тебя за это наказала? тихо, какъ бы сама въ себя проговорила княгиня и, медленно приподнявъ на него глаза, улыбнулась, ни то ему, ни то этому хорошему прошлому.

— Конечно, помню, но только избѣгаю вспоминать.

— Это почему?

— Неприятно!... Какъ неприятно все, что насъ унижаетъ, что надъ нами смѣется.... А я и по сю пору не могу объяснить себѣ этого бараньяго состоянія.

— А я такъ вспоминала и вспоминаю съ истиннымъ удовольствіемъ! оживленно перебила княгиня. Тираннія любви, конечно, для того, кто ее держитъ, а не для того, кто ей подвергается, усмѣхнувшись, точно проронила она, — одно изъ въ высшей степени сильныхъ и пріятныхъ ощущеній.

— Ну, вотъ въ томъ-то и штука, что я теперь предпочитаю ее держать, а не ей подвергаться, мелькомъ взглянувъ на княгиню, отчетливо, какъ бы ударяя на каждое слово, далъ себя почувствовать Бояриновъ.

— Будто? и княгиня усмѣхнулась.

Бояринова опять кольнуло.

— А вѣдь это чистый вздоръ! чуть-чуть сближая брови, уже серьезно отнеслась она къ нему, что любить можно только одинъ разъ!... Да и если-бъ отъ жизни, да еще провинціальной, отнять эти увлеченія, эту игру, всегда новую, всегда интересную, всегда полную страсти, что бы осталось отъ нея?

— Тоска! быстро докончилъ Василій Андреевичъ.

Княгиня тихо, медленно вздохнула. По ея лицу скользнула тѣнь ни то безотчетной грусти, ни то сознательной борьбы съ чѣмъ-то, что и страшило ее, и въ то же время улыбалось ей.

Нѣтъ!... Она несчастлива, положительно несчастлива! мелькнуло Василю Андреевичу, и онъ даже самъ не могъ отдать себѣ отчета въ эту минуту, почему такъ пріятна была ему эта мысль.

— Да и кто-жъ мѣшаетъ въ наше время жить каждому такъ, какъ ему угодно?! Вѣдь это глупо, просто глупо!... И не естественно, и даже нечестно, потому что ради устарѣлыхъ, уже отжившихъ воззрѣній, приходится ломать себя и все свое, и даже врываться передъ самимъ собою.

— О, нѣтъ! быстро взглянувъ на него, оживленно сказала княгиня. Ты не совсѣмъ понялъ меня! Я бы никогда не допустила и мысли. Ну, какъ бы тебѣ это выразить, затруднилась она. Ну, да ты меня понимаешь!

— Такъ тогда что же?... Развѣ иная игра стоитъ свѣчъ?... Боль скоро въ ней нѣтъ цѣли, такъ нѣтъ ни интереса, ни смысла даже!

— Напротивъ! мгновенно выпрямляясь и останавливая на его лицѣ свой занескрившійся взглядъ, горячо возразила княгиня. И горячій интересъ, и полный смыслъ, и цѣль, но только цѣль, какъ неуловимый, свѣтлый призракъ! Пусть онъ его видитъ, управляется имъ, идетъ къ нему, порывисто, страстно, но весь интересъ борьбы, вся прелесть торжества именно въ томъ, чтобы никогда не дать ему вполнѣ, понимаешь, вполнѣ овладѣть имъ!

— Благодарю!... Благодарю за такую игру!... Но я, съ своей стороны, никогда не пожелалъ бы держать въ ней партіи!

— Т-ты? насмѣшливо сближая брови, протянула княгиня.

— Да, я! твердо отвѣтилъ онъ.

— И неужели въ-заправду? и княгиня звонко, весело разсмѣялась.

— Ты судишь по прежнему, Наташа, и если будешь такъ продолжать судить, горько ошибешься! горячо перебилъ онъ.

— Даже горько? сблизивъ брови, вѣско проговорила княгиня и, какъ бы подмигнувъ самой себѣ лѣвою бровью, разсмѣялась своимъ прежнимъ до-Щебринскимъ смѣхомъ.

— Ваше сіятельство, господинъ полицеймейстеръ, проговорилъ за дверью уже знакомый Василию Андреевичу голосъ.

— Хорошо!... проси обождать въ залѣ. Вася, возьми, голубчикъ, съ туалетнаго столика вонъ тотъ листъ, потрудись передать полицеймейстеру и скажи, чтобы онъ попросилъ отца протопопа сказать эту проповѣдь въ одно изъ ближайшихъ воскресеній.

— Какъ такъ проповѣдь? изумился Василий Андреевичъ.

— Ну да, проповѣдь.

— Да какъ же она къ тебѣ попала? Да еще на туалетный столикъ, въ цѣлый разсадникъ гризетокъ?...

— Гдѣ же ей быть? Когда я ее сама составляла.

— Т—ты?

— Ахъ, Боже мой, да что-жъ тебя въ этомъ поражаетъ?

— Не можетъ быть, Наташа?

— А вотъ прочти, такъ и увидишь!... Собственной рукой. Василий Андреевичъ быстро вскрылъ листъ.

— Только громко, добавила княгиня.

— Православные!... Не велика семья наша, на далекой окраинѣ отечества нашего, медленно, какъ бы взвѣшивая каждое слово, началъ Василий Андреевичъ: она не составляетъ и десятой доли общаго населенія города. И, между тѣмъ, съ каждымъ новымъ днемъ все громче, все отчаяннѣе раздаются въ ней стоны страждущихъ, стоны нужды, стоны голода, стоны собратій, угнетенныхъ трудомъ, обремененныхъ семьею!... И не насталъ-ли часъ сознать намъ, православные, что у нихъ, бѣдняковъ нашей окраины, нѣтъ здѣсь ни близкихъ, ни родныхъ, что мы одни имъ и покровъ, и защита!... И чье-же сердце не стѣснится болью надъ еще свѣжею могилою труженника Миролюбова?!.. Онъ оставилъ за собою горемъ убитую, неспособную къ труду жену. За гробомъ его шли босыя, полураздѣтыя малютки-дѣти.... И кто-жъ изъ насъ не приласкаетъ ихъ, чья рука не протянется къ нимъ на помощь?!.. А развѣ Миролюбовъ одинъ? Развѣ не десятки еще такихъ бѣдняковъ стоятъ за нимъ?... Вотъ списокъ имъ, православные! Положимъ же починъ, положимъ сегодня нашему честному, святому дѣлу!... Аминь, слегка дрогнувшимъ голосомъ дочиталъ Василий Андреевичъ и, быстро свернувъ

листь, вдумчиво взглянулъ на княгиню. То безотчетная, какъ-бы случайно навѣнная грусть, то беззаботная, игривая насмѣшка надъ нимъ, надъ всѣмъ, надъ всѣми, то восторгъ надъ гризеткою, то проникнутое глубокимъ сочувствіемъ обращеніе къ нуждѣ, къ горю совсѣмъ, совсѣмъ чуждыхъ ей людей. Слегка наклонивъ голову, княгиня небрежно перебирала бахраму козетки.

— Только смотри, Вася!... Меньше 10 рублей не смѣй власть, ни то шутя, ни то серьезно, предостерегла она.

— И это ты по сочувствію, Наташа?

— То-есть, какъ тебѣ сказать. Скорѣе по прищипу, чѣмъ по сочувствію. Да и странно было бы сочувствовать людямъ, которыхъ я вовсе не знаю, и въ нужду которыхъ должна вѣрить по списку какого-нибудь Курочкина.

— Такъ ради чего же, тогда?

— Говорю тебѣ, ради принципа!... Власть настолько сильная, какъ губернаторская, прежде всего должна идти на встрѣчу нуждѣ, идти сама по себѣ, даже безъ призыва, потому что первая ея задача—благоденствіе населенія.

— Хотя бы даже вовсе не сочувствовала? горячо переспросилъ Василій Андреевичъ.

— Хотя бы даже, уже серьезно и холодно подтвердила княгиня.

Василію Андреевичу опять стало досадно. Онъ не вѣрилъ ей. Ему почему-то казалось, что она въ эту минуту намѣренно, такъ сказать, на зло самой себѣ уродовала себя и въ его, и даже въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ вышелъ....

— Ну что, приказалъ?

— Да! коротко отвѣтилъ Василій Андреевичъ, занимая опять свой стулъ подлѣ княгини.

— Онъ, вѣроятно, предполагалъ, что я сама къ нему выйду?

— Кажется!... По крайней мѣрѣ, какъ увидѣлъ меня, то такъ вытянулъ физиономію, точно три дня не ѣлъ.

Княгиня весело разсмѣялась.

— И какая смѣшная фамилія.... Курочкинъ! и опять разсмѣялась съ такимъ удовольствіемъ, что Василій Андреевичъ невольно увлекся ея смѣхомъ.

— Ну, что онъ вообще-то за птица?

— То-есть какъ тебѣ опредѣлить это съ точностью, затруднился Василій Андреевичъ. По моему, такъ одна изъ самыхъ ничтожныхъ. Если чувствуетъ свою силу, такъ хищнымъ ястре-

бомъ, а если подь кулакомъ, то воробьемъ безголосымъ, такъ-таки совсѣмъ безголосымъ!

— Ну, вотъ видишь! И это большинство изъ нихъ, громадное большинство! Ты ему палецъ къ губамъ, а онъ уже и всю руку въ ротъ. А тутъ еще тебя же обвиняють!... Горда, надменна, невѣсть что о себѣ думаетъ! Да какъ же съ ними иначе? горячо высказалась княгиня.

— Да вотъ тебѣ примѣръ. Мое столкновение съ нимъ въ приемной губернатора. Онъ до того захлебнулся внимательнымъ отношеніемъ къ нему предмѣстника князя, что, разговаривая со мною по одному очень серьезному дѣлу, въ присутствіи многихъ, позволилъ себѣ коснуться моего плеча рукою. Какъ это тебѣ нравится, а?! Ну и развѣ это не дерзость?! быстро вставая, горячо обратился онъ.

— По моему нѣтъ, спокойно возразила княгиня.

— Какъ нѣтъ?! и Василій Андреевичъ даже отступилъ, до такой степени не ожидалъ онъ этого возраженія.

— Конечно, нѣтъ!... Все, что хочешь. Незнаніе приличія, безтактность, фамиллярность, но только не дерзость.

— Да это почему-же?... Развѣ фамиллярность не та же дерзость?!

— Вовсе нѣтъ! Дерзость, по моему, это высшая степень фамиллярности. Такое отношеніе между равными по положенію составляетъ только фамиллярность, но со стороны ниже поставленнаго, особо означила, какъ-бы подчеркнула княгиня, уже дерзость!

— Такъ, значить, по твоему, мое положеніе ничѣмъ не выше его, вспыхнувъ, перебилъ Василій Андреевичъ.

— По моему, да!... По моему, положеніе полицеймейстера совершенно отвѣчаетъ положенію товарища прокурора.

— Что за вздоръ, говоришь ты, Наташа!... Да ты послѣ этого не имѣешь ни малѣйшаго представленія о степени власти и общественномъ значеніи лицъ прокурорскаго надзора! Да развѣ лица прокурорскаго надзора въ своей сферѣ не точно такъ же власть надъ полицейскими чиновниками, какъ губернаторъ въ своей?... Развѣ полицейскій чиновникъ не безпрекословный исполнитель ихъ требованій, развѣ я не въ правѣ давать ему предостереженія, подвергать его дѣйствія разсмотрѣнію суда или настаивать у губернатора о самомъ увольненіи?

— Во-первыхъ, перебила его дрогнувшимъ голосомъ, уже блѣдная княгиня, я попрошу тебя запомнить разъ навсегда, что никогда не говорю вздора, потому что никогда не увлекаюсь до такой степени, чтобы не сознавать даже, что я говорю. Во-вторыхъ, прими на видъ, что, если бы въ твоихъ словахъ была хоть доля здраваго смысла, то каждая губернія вмѣсто одного имѣла бы, по крайней мѣрѣ, 35 губернаторовъ! Если товарищи прокурора вообразятъ себя губернаторами, усмѣхнувшись, снова особенно означила она, то отчего бы отстать отъ нихъ начальникамъ отдѣльныхъ частей!... И въ-третьихъ, что каково бы ни было положеніе должностнаго лица въ губерніи, отдѣляя слово отъ слова, уже горячо продолжала она, его общественное значеніе, его вѣсъ и степень вліянія все-жъ таки опредѣляются степенью близости къ губернатору!...

— Такъ что, по твоему, губернаторъ—это солнце, а мы, всѣ остальные смертные, лишь только случайныя, едва примѣтныя планеты, получающія отъ него и свой свѣтъ, и свою теплоту? нервно разсмѣявшись, перебилъ Василій Андреевичъ.

— А вотъ именно! едва слышно утвердила княгиня.

— Однако на дѣлѣ выходитъ вовсе не то!... Предмѣстникъ князя терять меня не могъ, и я былъ такъ далеко отъ его оживляющихъ лучей, что уже, конечно, не могъ воспріять отъ нихъ ни теплоты, ни свѣта, однако это нисколько не воспрепятствовало мнѣ составить себѣ болѣе широкую популярность, чѣмъ какою пользовался онъ самъ.

— А я такъ думаю, что ты и дѣлъ-то остался лишь только потому, что онъ былъ не губернаторъ, а лишенная всякой энергіи старая баба. И будь на его мѣстѣ человекъ съ моимъ характеромъ, ручаюсь тебѣ, ты бы теперь и забылъ, что былъ когда-нибудь лицомъ прокурорскаго надзора?!

-- Будто?! насмѣшливо перебилъ Бояриновъ. Да если бы въ дѣйствительности было такъ, какъ тебѣ нравится, то прокурорскій надзоръ утратилъ бы всякій смыслъ!... Если бъ губернатору было предоставлено распоряжаться лицами прокурорскаго надзора, какъ пѣшками, то какъ бы тогда прокуроръ могъ налагать свое veto на то или другое, по его мнѣнію, противозаконное распоряженіе губернатора? Да и ты это знаешь, ты этого не можешь не знать, а если такъ упорно утверждаешь противное, то единственно потому, что съ такимъ порядкомъ не можетъ помириться твое чопорное, княжески-губернаторское тщеславіе!

Точно пронизанная электрическою искрою встала, выпрямилась княгиня. Ея блѣдныя губы дрожали, грудь волновалась, широко открытые глаза сверкали блескомъ энергіи, блескомъ гнѣва, и, въ тотъ же мигъ, изиѣривъ его съ ногъ до головы, полузакрылись, сощурились, на губахъ замелькала презрительная усмѣшка.

— Чувство зависти—презрѣнное чувство, чувство не людей, а людишекъ!... Его языкъ—мѣщанскій языкъ!... И я, понимаешь,—я, не какъ я, а, какъ княгиня Долина, не считаю себя въ правѣ отвѣчать тебѣ на немъ, и, быстро повернувшись, отошла къ окну.

— О, ты заблуждаешься, Наташа, грубо заблуждаешься, если только, въ самомъ дѣлѣ, смотришь на меня такъ. И въ этомъ взглядѣ тебя заставитъ раскаться ближайшее же будущее! и Василій Андреевичъ вздохнулъ. Я слишкомъ глубоко сознаю себя, слишкомъ вѣрю въ свои силы, свою энергію, свое свѣтлое будущее, слишкомъ гордъ настоящимъ для того, чтобъ подобное чувство могло когда-нибудь найти себѣ во мнѣ мѣсто, уже твердо, холодно высказался онъ.

Легкій, нервный трепеть пробѣжалъ по плечамъ княгини. Она безотчетно оглянулась. Ея глаза встрѣтились съ гнѣвнымъ взглядомъ блѣднаго Василя Андреевича. Она смущенно опустила голову. Нѣтъ, это былъ уже не прежній, скромный, робкій, безумно-влюбленный въ нее мальчикъ Вася! Это былъ какой-то совсѣмъ новый человекъ! Она его никогда не знала, никогда не видѣла даже. Онъ впервые предсталъ предъ нею гордымъ, страстнымъ!... Въ его голосѣ, въ словахъ, во взглядѣ дрогнуло что-то. Что-то такое, что столь давно уже и въ такихъ обаятельныхъ образахъ носилось передъ нею безсонною, ночью порою, что-то, что и манило ее къ себѣ, и смущало собою. Княгиня быстро подняла голову, мелькомъ взглянула на Василя Андреевича, опять опустила рѣсницы, размѣялась....

— Чего ты, Наташа?

— Пресмѣшная мысль мелькнула мнѣ! улыбаясь, едва слышно отозвалась она. Ты, я думаю, быстро поднимая голову, уже громче продолжала она, не одно женское сердце успѣлъ погубить здѣсь?

— Какая ты странная, Наташа!... Вѣдь вотъ переходъ, котораго, ужъ чѣмъ хочешь можно поручиться, никто бы не могъ предугадать. И почему тебѣ пришло это въ голову?

— Почему? сближая брови, задалась княгиня, — ну, это скорѣе женскій вопросъ, чѣмъ твой, и даже въ прямой выгодѣ женщины, чтобы ты не зналъ, — почему, — смѣясь, уклонилась она.

Княгиня совершенно невольно заставила заговорить въ Василии Андреевичѣ самую живую, самую игривую его струнку. Онъ нерѣдко и самъ задавался этимъ вопросомъ и, хотя не могъ дать себѣ яснаго, опредѣленнаго отвѣта, но въ тѣ минуты ему такъ улыбалась эта мысль, такъ пріятно раздражала его самолюбіе сознаниемъ, что въ немъ несомнѣнно есть что-то особенное, что такъ мѣшаетъ женщинамъ въ борьбѣ съ нимъ и такъ часто даетъ ему возможность себя чувствовать въ побѣдѣ надъ ними. Да вѣдь это почувствовала даже и она. Эта гордая, надменная орлица! мелькнуло теперь Василию Андреевичу. Онъ улыбнулся.

— Чего ты такъ улыбаешься, Вася?! пригривнула княгиня. Пожалуйста, не воображай! капризно-досадливо сблизивъ брови, дополнила она.

— Да я ничего и не вообразилъ, а только сообразилъ, смѣясь, объяснилъ Василий Андреевичъ.

— И что жъ ты сообразилъ? живо заинтересовалась княгиня.

— Что ты прежде, чѣмъ сознать это, — почему, должна была почувствовать.

Княгиня вспыхнула по самыя уши.

— Князь Плетневъ, баронъ Ридрихсъ, ваше сіятельство, доложилъ за дверью тотъ же голосъ.

— Проси, проси! быстро отозвалась княгиня и, подойдя къ зеркалу, внимательно поправила косу.

— Чтобъ ихъ чертъ взялъ! — про себя выругался Василий Андреевичъ, поднимая съ ковра забытую имъ у козетки шляпу.

— Это что за шалости, Вася?

— Какъ шалости, Наташа? Уже четвертый часъ, пора домой.

— Глупости! Я не пушу.... Ты обѣдаешь у насъ.

— Право не могу, Наташа!.... Лучше въ другой разъ! Я не предупредилъ жену, и притомъ она не здорова сегодня.

— Ахъ, оставь эти тарлатановыя нѣжности! нетерпѣливо перебила она. Я желаю этого, — и довольно!

— Но, если жена больна, Наташа?

Княгиня, не проронивъ ни слова, не взглянувъ даже на него, быстро направилась къ дверямъ будуара. У Василия Андреевича отчетливо ёкнуло сердце. Ему почему-то казалось, что онъ на-

всегда терялъ ее въ эту минуту. А она такъ игрива, остроумна, оживлена, такъ много непонятнаго, чарующаго въ ней.... Онъ медленно поставилъ шляпу на подоконникъ.

— То-то! слегка сдвинувъ брови, уже съ порога отозвалась нягиня, и, какъ-то странно усмѣхнувшись, вышла.

Глава XV.

Было около восьми часовъ, когда Елена Павловна въ сопровожденіи Соколова выѣхала въ этотъ день изъ воротъ дома Бернольди.... Темно-синяя амазонка красиво охватывала ее тонкую, гибкую талию, спокойно, увѣренно сидѣла она въ сѣдлѣ, лишь чуть сильнѣе рдѣвшійся румянецъ выдавалъ въ ней то волненіе, какое она начинала испытывать, лишь нога ея касалась стремена.

— Куда мы поѣдемъ, Елена Павловна?

— А у васъ есть деньги?

— Есть.

— Такъ на Бужовъ.... Помните ту больную старуху, которой я при васъ обѣщала помочь? Вѣдь я до сихъ поръ еще не дала ей ни гроша.

— Ну, такъ дадите сегодня!...

— Положимъ, а все дурно.

— Что дурно?...

— Такъ много думать о себѣ, чтобы забывать даже о такихъ несчастныхъ. А знаете, что иногда мнѣ думается, Анатолій Львовичъ?

— Что? тихо сказалъ онъ, восторженно всматриваясь въ глубокое, грустное выраженіе ея глазъ.

— Что эти бѣдняки, не смотря на нужду, на трудъ, на лишенья, счастливые насъ, и, опустивъ голову, она чуть слышно добавила: по крайней мѣрѣ они хотя цѣнятъ жизнь и не коверкаютъ ее такъ, вотъ какъ Вася и мою, и свою....

— Перестанете-ли вы, наконецъ, мучить себя изъ-за ничего, Елена Павловна? съ глубокой укоризной проговорилъ Соколинъ.

— Ахъ, нѣтъ! Что можетъ быть мучительнѣе сомнѣнья, и, вспыхнувъ еще ярче, она подняла въ карьеръ своего сѣраго. Все ближе и ближе къ спуску мелькала вдали зеленого холма ея темно-синяя, красивая фигура. Въ двухъ—трехъ шагахъ отъ нея тѣнью скользила по дорогѣ стройная фигура точно вшитаго въ сѣдло Соколова. Лучи склонявшагося солнца теряли уже свой

блескъ, свою жгучесть.... Отъ мутныхъ водъ Глядича вѣяло прохладой.... Торопливо-весело щебетали въ гнѣздышкахъ, размѣщаясь на покой, дневнымъ трудомъ утомленные птички.... Подъ мостомъ, громко квакали лягушки; гдѣ-то тамъ, въ дали, задорно лаяла охрипая отъ безсильной злобы собака.... Нѣгою дышала роскошнымъ ароматомъ юга упоенная земля.... Вотъ опять показались на верхней точкѣ противоположнаго берега Глядича.... Все быстрѣе и быстрѣе неся разгорячившійся сѣрый... Едва успѣвалъ за нимъ вороной.... Вотъ уже у роици, вотъ и совсѣмъ скрылись за раскидистою зеленью пушистаго граба....

Глава ХУІ.

Прошла недѣля. Княгиня назначила пріемъ мужчинъ. Когда Бояриновъ вошелъ въ ея гостиную, то въ числѣ другихъ онъ нашелъ Чирикова и Чижевскаго. Они быстро встали при его появленіи, но княгиня не протянула имъ руки и, объяснивъ съ очаровательною улыбкою, что терпѣть не можетъ официальныхъ визитовъ, какъ бы на зло ему удержала ихъ.

Чириковъ и Чижевскій вспыхнули отъ удовольствія и, торопливо опустивъ шляпы на коверъ, уже гораздо свободнѣе усѣлись на свои мѣста.

Чириковъ до того воодушевился, что, пропѣвъ печальную мелодію на тему одичалости провинціальныхъ нравовъ, однообразія, скуки и дразгъ, отравляющихъ существованіе мало-мальски развитаго человѣка, заключилъ ее игривою варіаціею надежды на иную, лучшую жизнь подъ ея «обаятельнымъ началомъ!»

Не смотря на все желаніе княгини выслушать эту мелодію серьезно и даже съ чувствомъ, ея губы передернулись усмѣшкой. Впрочемъ княгиня очень быстро овладѣла на этотъ разъ своими не всегда послушными губами, и, коротко отвѣтивъ, что она дѣйствительно желаетъ оживить городъ удовольствіями, въ свою очередь выразила надежду, что они, молодежь, всѣми силами помогутъ ей въ ея заботахъ о нуждающихся.

— Мы не должны раньше начать веселиться, чѣмъ они перестанутъ плакать,— тихо закончила она и, слегка вздохнувъ, со всею привѣтливостью обратилась въ сторону барона Ридрихсъ, князя Плетнева, полковника Дедде и другихъ, болѣе почтенныхъ посѣтителей.

— О, княгиня, вы можете быть увѣрены! прижимая руку къ сердцу, горячо началъ было Чириковъ свою вторую мелодію.

— Я слышалъ уже о вашемъ желаніи, княгиня, сердечно ему порадовался и уже отдалъ распоряженіе, чтобы господа офицеры были въ воскресенье въ соборъ, не моргнувъ даже въ сторону Чирикова, перекрылъ его тоненькій голосокъ своимъ густымъ басомъ баронъ Ридрихсъ.

Чижевскій черезъ очки усмѣхнулся глазами на Чирикова.

— Или, братъ, еще не понялъ, что она сказала тебѣ свое adieu.

Чириковъ сконфуженно взялся за шляпу.

Но едва Чириковъ и Чижевскій взялись за шляпы, какъ княгиня опять вся—привѣтъ и вниманіе, объяснивъ, что она принимаетъ ежедневно отъ двухъ и до четырехъ, присовокупила, что всегда будетъ рада ихъ видѣть въ это время, въ особенности, если они оправдаютъ ея надежды въ дѣлѣ служенія нуждающимся. Чириковъ опять рѣшился выпустить руладу, но его на этотъ разъ перебила сама княгиня, обратившись съ какимъ-то вопросомъ къ князю Плетневу.

Бояриновъ едва сдерживалъ свое негодованіе, видя такое вниманіе и даже кокетливое заигрываніе княгини съ столь незначительными людьми.

Ровно въ четыре княгиня окончила приѣмъ.

— Вася, я съ тобою поссорюсь, право поссорюсь, если ты еще второй разъ вздумаешь такъ смѣшить меня твоимъ благороднымъ негодованіемъ, какъ сегодня за вниманіе къ Чирикову съ Чижевскимъ, входя въ будуаръ, весело обратилась княгиня.

— Но, помилуй, Наташа! Вѣдь это хоть кого взбѣситъ! Ты хотя бы спросила меня, что это за сеньоры? Вѣдь пошлѣе, отвратительнѣе ихъ я не знаю никого въ городѣ. И они теперь уже готовы вообразить не вѣсть что! Чуть-ли что ты не влюбилась въ нихъ обоихъ разомъ! горячо заговорилъ Василій Андреевичъ.

— Вотъ, вотъ! вотъ именно, что досадно! Вѣдь тебѣ бы такъ хотѣлось, чтобъ въ городѣ всѣ говорили, что я влюбилась въ тебя еще въ колыбели и останусь вѣрна до гроба! Вѣдь такъ, а?—и княгиня весело, звонко разсмѣялась.

Василій Андреевичъ вспыхнулъ.

— И если бъ даже, не обращая вниманія на его волненіе, оживленно продолжала она, если-бъ эти дурни и вообразили, что я въ нихъ влюбилась, да еще по первому абцугу, или что я

ихъ считаю, такъ сказать, единственными въ своемъ родѣ представителями мѣстной интеллигенціи, тѣмъ забавнѣй, тѣмъ веселѣй! Неужели ты думаешь, что я хотя на одинъ мигъ могу остановиться на нихъ съ серьезнымъ вниманіемъ? О, это было бы дико! Они—моя забава, мой смѣхъ! Все равно, что шуты въ доброе, старое время, и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть полезны, даже очень, полезнѣе тебя!

— Это въ чемъ?

— Въ регулированіи общественныхъ отношеній, стало быть, въ главнѣйшей и ближайшей моей задачѣ.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю! По моему, въ какія условія ихъ не поставь, они могутъ только вредить.

— Совсе нѣтъ! предоставленные сами себѣ, они—зло, они—ядъ, но какъ зло несамостоятельное, зло, руководимое разумною силою, они—противоядіе!

— И ради чего-же все это?

— Какъ ради чего? быстро поднимая голову, опять оживилась княгиня. Ради добра, ради борьбы, ради торжества въ ней разума надъ предразсудками, надъ прожорствомъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого выраженія! И ты замѣть, все болѣе и болѣе увлекаясь, продолжала она, никто не способенъ такъ быстро откормиться, весь міръ забыть въ своей особѣ и заснуть, какъ провинціалъ! И въ то же время никого такъ легко нельзя заставить совсѣмъ задаромъ плясать по своей дудкѣ, какъ опять-таки провинціала. И вотъ для такой-то цѣли подобныя Чириковы и Чижевскіе, повторяю тебѣ, кладь! Одинъ болтливъ, какъ сорокъ бабъ базара, другой молчаливъ, какъ рыба, и оба одинаково завистливы, оба озлоблены, вотъ и будутъ вѣрою и правдою служить мнѣ въ одно время, но разными путями. Нужно мнѣ раздражить, возьмусь за горчишникъ: пуцу въ ходъ Чирикова! Нужно уколоть, отсосать избытокъ сгустившейся крови черезъ-чуръ захлебнувшагося сеньора или обкушавшейся сеньоры, прикажу шиваѣ, — подползетъ Чижевскій.

Василій Андреевичъ весело, громко разсмѣялся.

— Право! И ты не думай, Вася, чтобы я шутила. Вотъ увидишь, когда пойдетъ все какъ по маслу! Пусть они себѣ и воображаютъ; и корчатъ изъ себя птицъ орлинаго полета, но за то я черезъ нихъ буду все знать, всѣхъ держать въ рукахъ, и у меня не будетъ больныхъ. Только вздумай какая-нибудь шалуныя прихворнуть, а я ей сейчасъ горчишникъ или

піввугу, смотришь, а ужъ она и здорова, опять и танцуетъ, и улыбається!

Василій Андреевичъ размѣялся еще веселѣе.

— Ну, однако, быстро вставая съ козетки, точно испугался онъ. Уже пять. Опять жена тревожится! И все ты виной, Наташа! Съ тобою часы летать, какъ минуты.

— И, что ты? Да неужели, да въ самомъ дѣлѣ? какъ бы изумляясь, спросила княгиня и, опустивъ руки, вся—смущеніе, вся—робость, выпрямилась передъ нимъ.

— Наташа! вспыхнувъ, прошепталъ Василій Андреевичъ.

— А что? мелькомъ заглянувъ ему въ глаза и въ тотъ же мигъ опускаая рѣсницы, не поняла княгиня.

— А то, что если въ другой разъ примешь такую позу, то накажу, непременно накажу.

— Это чѣмъ?

— Поцѣлую!

— И что ты? Да неужели, да въ заправду? слегка откинувъ голову, спросила княгиня, и ея губы слегка дрогнули.

— Наташа!

— Ну, да кто жъ тебѣ мѣшаетъ? подстрекнула княгиня, отступивъ, какъ будто уже ждала обѣщаннаго поцѣлуя.

— Прелесть! прошепталъ Василій Андреевичъ. Княгиня тихо размѣялась и, сжавъ ему губы ладонью, сама поцѣловала его въ лобъ.

Василій Андреевичъ, не проронивъ ни слова, не взглянувъ даже на нее, быстро вышелъ изъ будуара.

— Какъ видишь самъ теперь, я въ правѣ судить по прежнему, громко проговорила ему вслѣдъ княгиня.

Княгиня не ошиблась въ Чириковѣ. Онъ съ слѣдующаго же дня, съ 11 часовъ утра, уже вступилъ со всею энергіею въ отправленіе присвоенныхъ ему, по положенію горчишника, обязанностей. Онъ взволновалъ все общество, раздражилъ всѣхъ дамъ и даже въ извѣстной степени задалъ страха собою. Онъ сдѣлалъ сорокъ визитовъ, и въ каждомъ домѣ, не смотря на различіе общественнаго положенія занимающихъ его лицъ, съ одинаково равною любезностью довелъ до свѣдѣнія, что княгиня-красавица, но что ея красота физическая меркнетъ, блѣднѣетъ предъ высокимъ сіяніемъ ея красоты нравственной, что она великодушна, привѣтлива ко всѣмъ, рѣшительно ко всѣмъ, под-

черкнулъ онъ, что ее послало имъ само небо на утѣху бѣдняковъ и ихъ общую радость, что первымъ ея дѣломъ будетъ дѣло вспоможенія нуждающимся, въ видѣ сбора, въ соборѣ, завтра, и что кто хочетъ заслужить ея привѣтъ, ея улыбку, тотъ долженъ со всею возможною щедростью выступить къ ней на встрѣчу въ этомъ святомъ дѣлѣ, и что пора, давно пора было протянуть руку помощи угнетеннымъ нуждою братьямъ и что онъ самъ, конечно, не считаетъ возможнымъ положить менѣе 10 рублей.

Бнягиня достигла цѣли. Она дала себя почувствовать раньше, чѣмъ ее увидѣли.

Городскія дамы взволновались. Къ тремъ часамъ пополудни онъ, какъ бы по предварительному уговору, затѣяли борьбу съ мужьями. Въ четыре мужья сознали себя въ осадномъ положеніи, а въ пять оно уже было безусловно критическимъ. Крики, укоры, попреки. И, несмотря на всѣ доводы благоразумія, ни одна не согласилась положить менѣе пяти рублей, ни тѣмъ болѣе объявить себя больною. Прислуга сбилась съ ногъ: все гладилось, чистилось, выправлялось. Въ соборъ собирались точно на губернаторскій раутъ.

Глава ХУІІ.

Карета Бояриновыхъ, запоздавшихъ, къ досадѣ Василя Андреевича, благодаря долгимъ сборамъ Елены Павловны, быстро подъѣзжала къ собору.

— Губернаторша пріѣхала? выскакивая изъ коляски еще на ходу и протягивая руку женѣ, обратился Бояриновъ къ жандарму.

— Никакъ нѣтъ, ваше высочородіе! пробасилъ жандармъ и, снявъ кэпи, пошелъ впередъ Бояриновыхъ.

Толпа раздвинулась узкимъ корридормъ, вплоть до губернаторскаго ковра, и очистила дорогу. Протодіаконъ густымъ басомъ читалъ евангеліе. Сотни глазъ обратились на Бояриновыхъ. У Василя Андреевича закружилась голова отъ общаго къ нему вниманія. Даже Елена Павловна почувствовала это движеніе. Она вспыхнула, опустила рѣсницы. Долинъ, слышавъ шорохъ, быстро оглянулся и, привѣтливо улыбнувшись ей, отодвинулся, открылъ мѣсто на своемъ коврѣ, подлѣ себя. Василю Андреевичу вздохнулъ, осмотрѣлся. Баронъ Ридрихсъ, князь Плетневъ, Дедде, баронъ Дорфъ, губернскаго прокуроръ Сытовъ

и другіе представители мѣстной аристократіи окружали его. Никого изъ дамъ, кромѣ Бояриновой, въ этой сторонѣ собора. Зато лѣвая весело пестрѣла нарядами всѣхъ цвѣтовъ. Тамъ и Лисицына со всею шестернею, и Заболотная съ ея дочками-пышками, и баронесса Ридрихсъ, Камилина.... безъ дочери. Ея нѣтъ, положительно нѣтъ. «Почему бы?» мелькнуло Василю Андреевичу и его встревожила эта мысль. Онъ не могъ понять, какъ могло случиться, что онъ совершенно забылъ о ней за эти дни.

Соколинъ внимательно слѣдилъ глазами за Еленою Павловною. Онъ какъ будто не видѣлъ никого въ соборѣ, кромѣ ея, и такъ долго, такъ глубоко, такъ полонъ чувства былъ его взглядъ.

«Чудакъ, право, чудакъ! Вѣдь дохнетъ, совсѣмъ дохнетъ! И чего, какая цѣль? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно любить платонически, да еще находить въ этой любви что-нибудь, кромѣ раздраженія?» думалъ Бояриновъ, и онъ по совершенно невольному движенію взглянулъ на жену, какъ будто хотѣлъ самъ увидѣть, за что именно такъ глубоко, такъ безкорыстно полюбилъ ее этотъ странный человѣкъ. «А вѣдь въ ней дѣйствительно есть, именно въ эту минуту, что-то особенное, неуловимое, что выдѣляетъ ее изъ всего окружающаго. Другіе переглядывались, перешептывались, непрерывно смотрѣли то на двери, то другъ на друга, то на нее, а она ни на кого. Она никого не видитъ, ничего не замѣчаетъ, какъ будто бы забыла и гдѣ она, и что съ нею. На нее вотъ теперь взглянулъ и Долинъ, и такъ привѣтливъ, такъ внимателенъ былъ его взглядъ. Но она и его не замѣтила, она молится, очевидно молится! Отчего же бы иначе такъ горѣло ея лицо, отчего бы былъ такъ безпредѣленъ ея взглядъ? Молится? Но за что же?... Не за святѣйшей же синодъ? И какъ это странно! Да развѣ она чувствуетъ какъ-нибудь иначе, чѣмъ я чувствую? И отчего прежде я самъ молился, даже находилъ что-то пріятное въ молитвѣ, а теперь»....

У собора раздался стукъ колесъ. Василій Андреевичъ прислушался. Съ паперти понесся шорохъ. Отъ дверей собора опроретью бросился Курочкинъ. Изъ толпы выдвинулся Чижевскій. У Василя Андреевича отчетливо ёкнуло сердце. Десятки головъ повернулись ко входу, и въ тотъ же мигъ изъ дверей очертилась высокая, стройная фигура княгини, вся въ черномъ. Ея взглядъ былъ холоденъ, серьезенъ и спокоенъ. Она что-то тихо сказала Курочкину. Курочкинъ вытянулся въ струнку и, держась лѣвою рукою за эфесъ шпаги, скрылся въ толпѣ дамъ.

Она бѣгло оглянула толпу и, слегка склонивъ голову, быстро прошла къ ковру, улыбулась Василию Андреевичу, мужу и, молча пожавъ руку Еленѣ Павловнѣ, опередила и ее, и князя.

— Примите, ядите, сіе есть тѣло мое, пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя новаго завѣта! сосредоточенно, медленно, спокойнымъ, мѣрнымъ голосомъ провозгласилъ въ царскихъ дверяхъ протопопъ, отецъ Никонъ, и, едва закрылись царскія двери, на предпоследней ступенькѣ вѣлроса показались двѣ дѣвочки и два мальчика. Глубокой трауръ рѣзко противорѣчилъ ихъ младенческимъ лицамъ. Старшей изъ дѣвочекъ было не болѣе девяти лѣтъ, младшему мальчику не болѣе трехъ. Брѣвно держась за руку сестры, недоумѣло озираясь, онъ, повидимому, еще въ высшей степени робко держался на своихъ малоопытныхъ ножкахъ, да и вообще это былъ очень слабый, очень хилый ребенокъ, по первому взгляду вызывавшій къ себѣ живое участіе. Его больше, впалые, голубые глаза все какъ будто чего-то робѣли; острый, рѣзкій носикъ отъ времени до времени нервно подергивался. Этотъ мальчикъ — плодъ скорби и нужды, плодъ борьбы изъ-за куска хлѣба, безъ словъ молилъ о помощи. Старшая изъ дѣвочекъ, темная шатенка, съ большими сѣрыми глазами, худенькая и слабая, не менѣе его отражала на себѣ печать нужды и лишений. Двое остальныхъ какъ-то терялись между ними. Ихъ сопровождала молодая женщина лѣтъ 29 — 30. По первому же взгляду въ ней нельзя было не признать матери этой дѣвочки, до такой степени поразительно было сходство между ними. Плѣрезы по подолу, по рукавамъ, по вороту чернаго сукна платья. Опухли покраснѣлыя отъ слезъ вѣки. Ея губы, ея носъ непрерывно подергивались. Нестерпимую болью стиснулось при взглядѣ на нихъ сердце Василия Андреевича. Онъ теперь даже не могъ понять, какъ до этой минуты самъ не подумалъ о нихъ. Елена Павловна взглянула въ ихъ сторону и въ тотъ же мигъ вспыхнула, отвернулась. Княгиня внимательно и, повидимому, совершенно спокойно всматрѣлась въ каждого изъ нихъ, какъ будто по выраженію ихъ глазъ, по складу лицъ гадала она ихъ будущее, ихъ судьбу. И вся толпа обратилась на нихъ, сотни глазъ слѣдили за ними, кто съ участіемъ, а кто просто изъ любопытства.

Прислужникъ поставилъ нагой и въ тотъ же мигъ въ дверяхъ алтаря обрисовалась высокая, величественная фигура отца Никона. Онъ медленно подошелъ къ наю, вздохнулъ, вскрылъ

листъ, откашлянулся. Глаза всѣхъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ устремились на него.

— Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, тихо, внятно началъ онъ.

Василій Андреевичъ зналъ уже проповѣдь, и онъ со всѣмъ вниманіемъ сосредоточился надъ Миролюбовыми. Его въ высшей степени интересовало, почувствуютъ-ли ее дѣти, поймутъ-ли, какое впечатлѣніе произведетъ, что вызоветъ въ ихъ лицахъ самое воспоминаніе о покойномъ отцѣ, о собственномъ ихъ бездолю. Нервная судорога передернула все лицо Миролюбовой. Старшая изъ дѣвочекъ мгновенно выпрямилась, пододвинулась къ наю и, вперивъ взглядъ въ лицо протопопа, казалось, боялась дышать, съ такимъ лихорадочнымъ вниманіемъ слушала его. Мальчикъ, робко осмотрѣвшись, еще ближе прижался къ матери.

— И чье же сердце не стѣснится болью надъ еще свѣжею могилою честнаго труженника Миролюбова? сильно дрогнувшимъ голосомъ произнесъ отецъ Никонъ.

Холодною струею пробѣжалъ теперь по Василію Андреевичу этотъ искренній призывъ. Княгиня вспыхнула и въ тотъ же мигъ поблѣднѣла. На рѣсницахъ Елены Павловны заисбрились слезы. Толпа шелохнулась, надвинулась.

— Онъ оставилъ за собою горемъ убитую, неспособную къ труду, жену. За гробомъ его шли босыя, полураздѣтыя малютки дѣти, и отецъ Никонъ порвался, вздохнулъ. И кто жъ изъ насъ не приласкаетъ ихъ, чья рука не протянется къ нимъ на помощь?

Глухія, сдержанныя рыданія Миролюбовой прервали тишину. Тихо плакала дѣвочка.

— Мама! пролепеталъ, испуганный ея рыданіями, мальчикъ.

— Положимъ же починъ, положимъ сегодня нашему, честному, святому дѣлу!... Аминь! заключилъ отецъ Никонъ и, благословивъ подошедшую къ нему княгиню, подалъ ей большое серебряное блюдо.

Мертвая тишина воцарилась въ соборѣ. Княгиня выпрямилась, вздохнула, подошла къ князю. Ея взглядъ былъ попрежнему спокоенъ, даже холоденъ, лицо блѣдно. Князь положилъ двадцати пять рублей. За нимъ Елена Павловна десять рублей, за нею Василій Андреевичъ пятнадцать рублей. Княгиня медленно проникла въ глубь собора. Сотни глазъ слѣдили за нею, всѣ прощипались величіемъ минуты, всѣ чувствовали, сознавали въ ней

друга горя и нужды, и такъ холодна, такъ величественно-спокойна была она въ своемъ честномъ, святомъ дѣлѣ. Василий Андреевичъ забылся. Лицо его горѣло, мысли путались, живымъ, глубокимъ, радостнымъ чувствомъ волновалась грудь. Онъ какъ бы вновь переживалъ мечты юности, въ немъ просыпались съ прежнею силою подавленные обыденной пошлостью стремленія жить ради общаго блага, сознанія себя въ счастіи другихъ. И не ея-ли вѣяньемъ ожили во мнѣ эти высшія стремленія, не имъ-ли дышали теперь эти чужіе ей люди, такъ лихорадочно, такъ охотно шедшіе навстрѣчу ея святому дѣлу? Но что ей за дѣло до нихъ, этихъ маленькихъ людей, въ ея великомъ дѣлѣ, и вотъ она холодна, безстрастна, одинаково недосягаема и ихъ хвалѣ, и ихъ порицанію.

Княгиня вышла изъ толпы. На блюдѣ горкой лежали ассигнаціи. Она передала его церковному старостѣ. Отецъ Никонъ вышелъ съ крестомъ къ ней навстрѣчу. Она приложилась. Отошла. За нею князь, Елена Павловна. Миролюбова подошла къ княгинѣ, что-то невнятное сказала ей и, зарыдавъ, смѣшалась, отступила. За нею дѣти. Дѣвочка-шатенка, молча, нервно приподняла ея руку, поднесла къ губамъ. Княгиня отвела руку и, быстро склонившись, поцѣловала ее въ лобъ.

— Приходите ко мнѣ праздникомъ, разслышалъ Василий Андреевичъ. Я буду много, много говорить съ вами. Будьте умница, вы старшая! Не огорчайте мать слезами.

Бояриновъ первый подошелъ къ княгинѣ.

— И не грѣхъ-ли было тебѣ, Наташа, грустить надъ собою! сильно дрогнувшимъ голосомъ отнесся къ ней Василий Андреевичъ. Не ты-ли доказала намъ сегодня, что въ мірѣ есть наслажденія совершеннѣйшія, и не ты-ли только одна, одна, среди безчисленнаго множества женщинъ и мужчинъ, способна вызывать ихъ въ людяхъ?

— Ты все тотъ же, все попрежнему восторженный юношамладенецъ, тихо сжимая его руку, отозвалась княгиня.

— Кто это, Вася? слегка вспыхнувъ, вмѣшалась Елена Павловна.

— Да онъ, вашъ неисправимый Вася, и княгиня улыбулась. Все такой же сумасшедшій!... Елена Павловна, вы, я надѣюсь, не откажетесь поѣхать къ намъ отсюда?

— О, нѣтъ, княгиня, шегсі, ни какъ не могу сегодня!... Я такъ устала.

— Д-д-а? протянула княгиня.

— Вы въ полномъ смыслѣ слова героиня сегодняшняго дня, княгиня! быстро подходя, обратился къ ней князь Плетневъ.

— Полноте, Елена Павловна, поѣдемте къ намъ. Только позавтракаемъ, вѣдь это не долго, попробоваль было убѣдить Долинъ.

— Нѣтъ, князь, нѣтъ!... Ёдемъ же, Вася, уже лихорадочно торопила Елена Павловна.

— Да полно, Лена, что жъ, что устала?

— А ты, Basil, конечно, будешь у насъ? перебила его княгиня.

Къ ней подошли баронъ Ридрихсъ, Дорфъ и другіе.

— Ты уже обѣщаль, Вася, ѣхать со мною послѣ завтрака въ Бужокъ! горячо вмѣшалась Елена Павловна.

Василій Андреевичъ покрасѣлъ. Князь невольно улыбнулся. По тонкимъ губамъ княгини, бойко говорившей съ барономъ Дорфомъ, скользнула усмѣшка.

— До свиданія, княгиня, торопливо протягивая руку, едва слышно проговорила Елена Павловна.

— О, я увѣрена, баронъ, что скоро у насъ не будетъ дѣйствительно нуждающихся, какъ бы не замѣчая протянутой ею руки, оживленно говорила княгиня.

Бояринова, растерявшись, все продолжала держать руку въ воздухъ.

— Ната! громко напомнилъ князь.

— Ахъ, до свиданія!... и что мы многихъ и многихъ предотвратимъ отъ преступленій, баронъ! не взглянувъ даже въ ея сторону, продолжала княгиня.

— Идемъ же, Вася!

— До свиданія, Наташа!

— Я слѣдила, я вдумывалась, и, по моему, нужда—одна изъ главныхъ причинъ преступленій. Да вы развѣ сами не наблюдали того же, баронъ?

— До свиданія же, Наташа!

— Да вѣдь ты къ намъ?

— Нѣтъ, ужъ извини, я заѣду вечеромъ.

— Вотъ какъ! и, медленно протянувъ руку, княгиня насмѣшливо взглянула на него.

— Я думала, что ты тамъ останешься до вечера, раздраженно встрѣтила мужа въ коляскѣ Елена Павловна. Никогда моя нога не будетъ у княгини.

— Это отчего?

— А оттого, что она дерзкая, и въ голосѣ Елены Павловны уже слышались слезы.

— Виновата вовсе не княгиня, а твое дурацкое упрямство! вспылчиво перебилъ Василій Андреевичъ. И что это за тонъ!.. И когда я тебѣ общалъ ѣхать сегодня въ Бужокъ, и какъ это все вышло глупо! Я просто сгорѣлъ за тебя. То ты устала и не можешь заѣхать даже на минуту, то можешь ѣхать за пять верстъ.

У Елены Павловны нервно дрогнулъ подбородокъ. Она сжала губы, отвернувшись.

Опять, опять слезы. И ни разу еще въ жизни не были онѣ, эти неожиданныя слезы, такъ ненавистны Василю Андреевичу, какъ въ эти минуты, такъ ничтожна, такъ жалка была она въ нихъ передъ величественною въ своей надменной холодности княгинею. И между тѣмъ она его связала, его тормазъ, его тюремщикъ! И онъ опять ненавидѣлъ ее, онъ снова видѣлъ въ ней скорѣй врага, чѣмъ друга, онъ даже не могъ понять теперь, чѣмъ еще столь недавно вызвала она въ немъ къ себѣ и живое, и глубокое и, какъ будто бы, какъ казалось по крайней мѣрѣ въ тѣ минуты, правдивое чувство. Не проронивъ ни слова другъ другу, доѣхали они до дома.

Глава ХУІІІІ.

Елизавета Михайловна Камилина, мать Ольги Владиміровны, провела младенчество и юность въ Петербургѣ, молодые годы въ губерніи Садовой, гдѣ мужъ ея, Владиміръ Львовичъ, былъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ губернскимъ предводителемъ дворянства, въ зрѣломъ возрастѣ она опять возвратилась въ Петербургъ и, потерявъ мужа года два съ чѣмъ-нибудь тому назадъ, снова переселилась въ губернію Садовую. Здѣсь всѣ ее знали, дружили съ нею, глубоко чтили память Владиміра Львовича.

Елизавета Михайловна перемѣнила разнообразную петербургскую жизнь на тихую, провинціальную, скорѣе по желанію Ольги Владиміровны, чѣмъ по собственному. Ольга Владиміровна не любила Петербурга. Она называла его городомъ чванства, холоднаго *эгоизма* и интригъ, и даже теперь съ неудовольствіемъ вспоминала о немъ.

Елизавета Михайловна, будучи женщиною весьма доброю и далеко не глупою, всею душою любила Ольгу Владиміровну, любила въ ней ея свѣтлый умъ, ея вспыльчивый, прямой характеръ, ея честные взгляды. Но, на ряду съ этимъ чувствомъ, близкимъ къ обожанію, многое, въ особенности за послѣднее время, и тревожило, и огорчало ее въ ней. Она какъ-то обособилась, замкнулась, стала скрытна и даже раздражительна. Рѣдко выѣзжая, она видимо уклонялась отъ общества. Прѣжнее, добродушно-игривое отношеніе къ людямъ смѣнила насмѣшкой, и ея, еще столь недавно беззаботная, веселая улыбка уступила свое мѣсто глубокому раздумью, и все чаще и чаще теперь болѣло сердце Елизаветы Михайловны при взглядѣ на нее. За послѣдніе дни она даже измѣнилась въ лицѣ, румянецъ положительно потерялъ свою свѣжесть и яркость игры. И все дома, все съ книгою въ рукахъ, все съ тѣмъ же безпредметнымъ взглядомъ надъ книгою, то наверху, у себя, то въ саду подъ тѣнью раскидистой липы.

Возвратившись отъ обѣдни, Елизавета Михайловна застала дочь наверху, въ ея веселомъ, уютномъ, розоваго ситца будуарѣ, на креслѣ, передъ открытыми дверями балкона. Опершись локтемъ о ручку кресла, она задумчиво смотрѣла въ даль. Елизавета Михайловна, остановившись у порога, посмотрѣла на нее внимательнымъ, долгимъ взглядомъ, и не могла сдержать себя, быстро отвернувшись, вздохнула: такую болью сказался въ ней истомленный видъ ея блѣднаго лица.

— Оля! тихо окликнула она.

Ольга Владиміровна нервно оглянулась.

— Ахъ, это ты, мама!... Пробыла до конца?

— Да, милая!

— Много было? Да сядь же, расскажи мнѣ.

— О, еще бы!... Весь городъ, буквально весь городъ! Всѣ, кромѣ тебя! Меня засыпали вопросами о твоемъ здоровьи. Всѣ, всѣ и баронъ Дорфъ, какъ-то особенно вѣско добавила она.

— Онъ съ нѣкотораго времени совсѣмъ твой любимецъ, мама, тихо улыбувшись, чуть слышно замѣтила Ольга Владиміровна.

— Съ той именно поры, какъ я узнала его, оживленно перебила Елизавета Михайловна. И я была бы очень рада, если бъ онъ сталъ и твоимъ.

— Это для какой надобности? быстро взглянувъ на нее, бѣгло спросила Ольга Владиміровна.

— Вотъ странный вопросъ, Ольга! Да я въ твои лѣта уже два слишкомъ года была замужемъ. Баронъ молодъ, красивъ, уменъ, образованъ, съ прекраснымъ положеніемъ! Какой же еще партіи лучше, и я увѣрена, что, если бы ты обратила на него хотя нѣкоторое вниманіе, онъ былъ бы твоимъ. Да онъ и теперь даже, не смотря на всю твою холодность къ нему, очень внимателенъ къ тебѣ! Припомни послѣдній балъ въ собраніи. Вѣдь онъ не отрывалъ глазъ отъ тебя, и это всѣ замѣтили.

— Какъ же не помнить? усмѣхнувшись, горячо перебила Ольга Владиміровна. Это именно тотъ самый вечеръ, когда не было Горбовой. Будь Горбова, онъ бы даже не посмѣлъ подумать такъ увиваться подлѣ меня! И какая ты странная мама! не видишь ты этого, или намѣренно не хочешь видѣть? Точно не знаешь, что Горбова уже давно баронесса Дорфъ, что мужу ея не видѣть бы мѣста мирового судьи, какъ своего собственнаго затылка, если бы это не было именно такъ! Милая, очень милая постановка, и даже весьма нравственная, весьма хорошо характеризующая барона! Сдѣлать извѣстнаго взяточника мировымъ судьей лишь за то, что у его жены есть пара игривыхъ, черныхъ глазокъ! И я, понятно, не стану оспаривать, что онъ никакъ не будетъ прочь назвать меня баронессою Дорфъ. Я богата, не дурна собою. Но, я только не была и никогда не буду ничьею пѣшкой! Онъ, по моему, второй Пантелѣевъ! Возьми на себя трудъ припомнить, какъ тотъ блестящій конногвардеецъ увивался подлѣ меня, какъ увѣрялъ, что любить меня больше жизни, пока ты не послушала меня и не рѣшилась ему сказать, что за мною ничего нѣтъ! И не превратилась-ли въ тотъ же мигъ вся его любовь въ неуловимый дымъ! О, нѣтъ! Я слишкомъ глубоко должна убѣдиться въ челоуѣкѣ, что онъ любить меня и только меня, прежде, чѣмъ я соглашусь быть его женою, а не встрѣчу такого, предпочту остаться тѣмъ, что я есть!

— Если такъ строго будешь смотрѣть на людей, Ольга, то разумѣется никогда не выйдешь замужъ, и я не вижу рѣшительно ничего безнравственнаго въ отношеніяхъ барона къ Горбовой. Она, это дѣло другое! Но, онъ! Онъ молодъ, холостъ, вполне свободенъ, и кто бы на его мѣстѣ поступилъ иначе?

— Может быть! Я и не спору, я и не беру на себя уважать ему, как онъ долженъ жить, но я не могу уважать его, какъ челоуѣка, а, стало быть, и полюбить, и быть съ нимъ счастливою! Да и гдѣ это счастье? все болѣе и болѣе увлекаюсь, уже съ живымъ румянцемъ въ лицѣ, продолжала Ольга Владиміровна. Посмотри внимательно вокругъ себя! Кого ты увидишь?! Сытовыхъ, Чириковыхъ, Чижевскихъ, Будряцевыхъ, Плетневыхъ, Несмѣловыхъ, Градынскихъ и всѣхъ этихъ до мозга костей изолгавшихся людишекъ!.. Вездѣ обманъ, вездѣ притворство, во всѣхъ и въ каждомъ одинаково равное глумленіе надъ самымъ понятіемъ правды и честнымъ чувствомъ! Ты удивляешься, отчего я перестала выѣзжать, теперь тебѣ ясно,—вотъ именно отъ того, что мнѣ опротивѣли ихъ кривлянья, и что самой надоѣло ломаться за одно съ ними! Развѣ они могутъ, развѣ они въ силахъ отличить дѣйствительное чувство отъ ихъ мелкихъ страстишекъ, и не готовы-ли всегда и всѣ, какъ одинъ челоуѣкъ, забросать грязью за искреннее волненіе лишь только потому, что оно свободно, чистосердечно, правдиво! О, нѣтъ, не говори мнѣ лучше объ этихъ Дорфахъ, если не хочешь еще болѣе раздражить меня! порвавшись, горячо проговорила Ольга Владиміровна,—а вотъ лучше расскажи, что тамъ въ соборѣ! уже тише и ровнѣе добавила она.

— Я очень сожалѣла, что ты не была, Ольга, столь отрадное впечатлѣніе произвела на меня княгиня въ ея помощи несчастнымъ Миролюбовымъ. У меня сердце обливалось кровью при взглядѣ на эту убитую горемъ женщину, на ея малютокъ! Старшая такая миленькая, но по ней то больше, чѣмъ по комънибудь изъ другихъ дѣтей видно, что нужда не свой братъ. Такая худенькая она, слабая, такой истомленный, болѣзненный видъ у нея. Отецъ Никонъ прочелъ проповѣдь. Очень хорошо! Говорятъ, что ее составила сама княгиня. И какъ она хороша, Ольга, я рѣшительно не помню, чтобы когда-либо встрѣчала такую красавицу!

— Да собрали-то сколько?

— Я полагаю, что не менѣе 500 рублей. Большое блюдо было полно десяти, пяти рублевыми бумажками, а самъ князь положилъ двадцать пять.

— Бояриновы были? взглянувъ въ даль, спросила Ольга Владиміровна.

— Какъ же! Она такъ горячо молилась. Славная она!

— Ну, а онъ?

— Ну, гдѣ жъ! Ему было не до молитвы! Онъ весь сіялъ, и даже не подошелъ ни ко мнѣ, ни къ кому. Все время не отводилъ взгляда отъ княгини. Смѣшно становилось видѣть, такъ слѣдилъ онъ за нею глазами, когда она обходила соборъ.

— Она сама собирала? вспыхнувъ и быстро поникая, едва слышно спросила Ольга Владиміровна.

— Сама! медленно отвѣтила Елизавета Михайловна, внимательно всматриваясь въ выраженіе ея лица. Снизу донесся стукъ подѣхавшаго къ дому экипажа.

— Ну и вотъ видишь! нервно усмѣхнувшись, перебила ее Ольга Владиміровна. Вотъ тебѣ образецъ супружескаго счастья! И этотъ еще одинъ изъ лучшихъ людей. Умень, неоспоримо образованъ, а какъ онъ оскорбляетъ свою бѣдную жену, какъ мучить ее! Нѣтъ! Душно, противно, все противно! быстро вставая, раздражительно высказалась она. Только и отдыхаешь душой, когда хотя не на долго удастся заснуть.

— Баронесса Ридрихсъ! доложилъ лакей.

— Ты сойдешь, Оля?

— О, нѣтъ! Уволь! Что ей до меня?

— Ну, какъ хочешь! и, слегка вздохнувъ, Елизавета Михайловна медленно оставила будуаръ дочери.

Ольга Владиміровна очень мало ѣла за обѣдомъ, почти ничего не говорила и все, рѣшительно все, даже вниманіе матери раздражало ее. Она унаслѣдовала отъ отца его гордое сознаніе своей силы, своего достоинства, и самый намекъ на состраданіе уже возмущалъ ее, а между тѣмъ Елизавета Михайловна въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ, въ самомъ тонѣ голоса, какъ будто говорила ей: «Ты страдаешь, Оля! Я это вижу, я давно это знаю. Сознайся же, наконецъ, и я приду къ тебѣ на помощь!» И Ольга Владиміровна уже самой себѣ представлялась несчастною, униженною, оскорбленною, осмѣянною, и къмъ же, къмъ? Имъ! Человѣкомъ, улыбки котораго къ ней было достаточно, чтобы она пожертвовала ему и честью, и самою жизнью, и не осмѣивалъ ли онъ теперь въ ней все громче и громче самую готовность такъ безотчетно отдаться ему?! Ольга Владиміровна, холодно поцѣловавъ руку матери, торопливо сошла съ террасы на площадку огромнаго, тѣнистаго сада. «Смѣшно становилось видѣть, такъ слѣдилъ онъ за нею глазами, когда она обходила соборъ»

живо вспомнились ей слова матери. «Такъ вотъ причина его охлажденія, вотъ кто заставилъ его забыть, и забыть такъ скоро о самомъ существованіи моемъ! И когда же бывало, чтобы въ теченіи слишкомъ недѣли не нашелъ мнѣ даже и минуты! О, Боже мой, Боже, и зачѣмъ же я такъ безотчетно, такъ слѣпо отдавалась ему?! Зачѣмъ вѣрила, зачѣмъ и теперь такъ глубоко, такъ живо вѣрю въ немъ во что-то, что сулитъ мнѣ съ нимъ столько счастья! И неужели это опять лишь призракъ, неужели и въ немъ обманулась я, какъ въ Пантелѣевѣ?! Неужели въ немъ нѣтъ ни сердца, ни правды, а все только притворство, ложь, обманъ?! Что же тогда такое жизнь, что тогда въ ней люди, если даже душа этого человѣка, человѣка, такъ разомъ, однимъ мигомъ пробудившаго во мнѣ мои мечты, мои лучшія надежды, вся изъ лжи, изъ притворства, какъ и всѣхъ этихъ Чириковыхъ, Чижевскихъ, Бударцевыхъ! И онъ же, онъ еще рѣшился упрекнуть меня, что смѣялась, смѣюсь надъ его честнымъ, живымъ, глубокимъ ко мнѣ чувствомъ! Да гдѣ же оно, гдѣ это честное, живое, глубокое чувство?»

«Развѣ не такъ же горячо и правдиво увѣрялъ онъ жену свою въ своей любви, развѣ не говорилъ самъ, что готовъ былъ лишиться себя жизни, если бъ не согласилась выйти за него, и развѣ теперь самъ же не удивляется себѣ въ этомъ своемъ прошломъ, не тяготится ею, не изо дня въ день измѣняетъ ей? И чѣмъ же я выше, чѣмъ святѣе, почему же со мною не будетъ того же самаго завтра, что съ нею сегодня? Или мало любить? Или не вся ея жизнь его улыбка, его къ ней вниманіе, его радость? Нѣтъ, я ниже, я неизмѣримо ниже ея! Она взяла его свободнымъ, я ворую отъ нея, я отнимаю у нея въ немъ счастье всей жизни, надежду, я за одно съ нимъ, рука объ руку, обманываю ее!... Ахъ, зачѣмъ такъ далеко зашла я, зачѣмъ тогда же, съ перваго же раза, не положила предѣлъ этому увлеченію? И за что же такъ презирала, презираю этихъ Чириковыхъ, Чижевскихъ, Бударцевыхъ? Да развѣ я сама,—не ложь, не обманъ, не притворство? Развѣ не дурачила, не дурачу ее за одно съ нимъ, развѣ не отводила, не отвожу ей глаза то на Соколина, то на Дорфа, то на Бударцева? ужаснулась на самое себя Ольга Владиміровна. О, нѣтъ, нѣтъ! Я ни за что, ни за какое счастье, ни за какія блага въ мірѣ не приму на совѣсть ея укора, ея страданій! Я сама пойду къ ней, все разскажу, во всемъ сознаюсь!... А если она и не подозреваетъ даже? Если Градын-

ская еще не успѣла въ этомъ, то зачѣмъ же, зачѣмъ вызову эту пытку? Лучше не говорить, лучше отойти отъ него молча!... Пусть! пусть думаетъ, что смѣялась, смѣюсь!... Прости, прости, золотая мечта, прости, послѣдняя надежда!» Она судорожно выпрямилась, разсмѣялась.

За крайнею аллеєю сада рѣзко шелкались сухіе сучья все ближе и ближе. Сквозь зелень акаціи мелькнула въ фаятнѣ стройная фигура Бояринова.

— Барыня у себя? донесся со двора его голосъ.

— Ни какъ нѣтъ-съ, онѣ въ городѣ.

— А барышня?

— Барышня въ саду-съ.

Подъ сводомъ аллеи изъ акацій отчетливо шелкнулась калитка. Ольга Владиміровна вспыхнула, быстро положила руку на сердце, такъ встрепенулось оно, такую живую, глубокою радостью забилося въ ней.

— Я должна во что бы то ни стало овладѣть собою! Я не допущу теперь въ немъ и самой мысли. Пусть, пусть онѣ признаетъ меня злою кокеткою, пусть возненавидитъ даже, я все жъ таки, ему въ глаза, осмѣю самую вѣру его въ меня, въ мое къ нему чувство! Да и что жъ ему до этого? Развѣ я что-нибудь больше въ его жизни, чѣмъ эти Градынскія, Долины!? и, глубоко вздохнувъ, она медленно пошла ему навстрѣчу. Но, едва только Василій Андреевичъ показался въ глубинѣ аллеи, какъ ея лицо, еще въ ту минуту холодное и даже строгое, приняло веселый, оживленный видъ.

— Вотъ кстати! Я только что хотѣла за вами послать.

— А что? Развѣ случилось что-нибудь особенное? цѣлуя ея руку, участливо отнесся Василій Андреевичъ.

— Особенное.... Да, пожалуй, если хотите! Это зависитъ отъ взгляда. Вся штука въ томъ: остаться-ли мнѣ тѣмъ, что я есть, или же разомъ стать нѣжно любящею супругою вовсе не интересующаго меня человѣка?

— Вы шутите, Ольга Владиміровна? внимательно въ нее всматриваясь, перебилъ Бояриновъ.

— Я?... ничуть! Напротивъ, очень серьезно намѣрена говорить съ вами. Если только въ жизни есть что-нибудь серьезное!

— А то какъ же! Развѣ, по вашему, нѣтъ?

— По моему, нѣтъ! По моему, жизнь для большинства, громаднаго большинства, къ которому и я, и вы несомнѣнно имѣемъ

честь принадлежать, ни больше, ни меньше, какъ вѣчная игра, игра въ понятія, во взгляды, въ убѣжденія, въ счастье и даже въ самую жизнь другихъ! Я давно уже усвоила себѣ этотъ взглядъ и если разсуждаю иногда, и даже весьма горячо, о правдѣ, о глубокихъ чувствахъ, о благѣ ближняго и о прочемъ, то только ради минутнаго развлеченія, ради красоты слога, но чтобы я чувствовала тамъ, это все, что говорю, о, нѣтъ, никогда, храни Богъ, я чувствовала всегда, и теперь чувствую, и буду чувствовать лишь то, что меня непосредственно колетъ, кусаетъ или же пріятно волнуетъ. Право! Что вы на меня такъ удивленно смотрите, даже съ ужасомъ! И не думайте, что я шучу, нѣтъ, я серьезно. Я только очень рѣдко говорю правду, но сегодня расположена излить вамъ ее всю и отъ чистаго сердца, если оно только не засорилось раньше, чѣмъ я родилась.

— Что съ вами, Ольга Владиміровна? не сводя съ нея глазъ, тревожно спросилъ онъ.

— Со мною ничего, ровно ничего особеннаго! Я только сегодня правдивая, такая, какъ я есть, а не такая, какъ хотѣла казаться и дѣйствительно казалась вамъ! И я вамъ совѣтую, пользуйтесь этимъ счастливымъ мигомъ, если хотите когда-нибудь меня понять, а то я опять скроюсь, опять буду жить, какъ вы, какъ всѣ, ложью, обманомъ, притворствомъ. Опять буду увѣрять въ своихъ чувствахъ, вовсе ничего не чувствуя; опять буду цѣловаться съ Градынской, въ душѣ ее лишь презирая; опять буду крѣпко на-крѣпко жать руку вашей женѣ, а у нея за глазами воровать въ лицѣ вашемъ все ея счастье, всю ея жизнь! И я рѣшилась!... Но... и Ольга Владиміровна, тихо сдвинувъ брови, приняла серьезный, и даже озабоченный видъ. Мнѣ, понимаете-ли, какъ бы это повозвышеннѣе выразиться, нужна обстановка, дипломъ женщины съ именемъ, чтобы я подъ его защитой могла чинить всевозможныя мерзости! и, нервно разсмѣявшись, она насмѣшливо посмотрѣла на него.

— Смѣю спросить, кто этотъ счастливецъ? вспыхнувъ, едва слышно спросилъ Василій Андреевичъ.

— Ахъ, Боже мой, да какой же онъ счастливецъ, онъ просто спекулянтъ, торгашъ, какъ и я тоже! Я ему даю 60,000 и въ придачу себя, а онъ взамѣнъ того сообщаетъ мнѣ дипломъ на свободное распоряженіе собою и сознательно закрываетъ глаза на всѣ мои фокусы. Ну, развѣ это не идеаль свободы нашихъ дней? И вотъ предварительно я намѣрена переговорить съ вами,

во-первыхъ, о томъ, какъ оформить эти нецензурныя условія, чтобы онъ потомъ не вздумалъ забрать и меня самое въ лапы вмѣстѣ съ моими 60-ю тысячами, а во-вторыхъ, спросить вашего мнѣнія о семъ моемъ поступкѣ, потому что я все-таки чту васъ образцомъ современной нравственности! и Ольга Владиміровна, не сводя глазъ съ пылавшаго лица Василя Андреевича, звонко разсмѣялась.

— Прежде всего, Ольга Владиміровна! сильно дрогнувшимъ голосомъ перервалъ онъ ея смѣхъ. Прежде всего, я ни одному слову не вѣрю въ томъ, что вы мнѣ только что сказали, я слишкомъ глубоко уважаю васъ, слишкомъ увѣренъ въ честности вашихъ убѣжденій и поступковъ, чтобы допустить самую мысль, что вы, вы способны посмѣяться надъ бракомъ, этимъ чистѣйшимъ выраженіемъ нравственности.

— Нравственности! горячо перебила Ольга Владиміровна. Да не вы-ли сами еще всего пять дней тому назадъ называли его предразсудкомъ? И какою искренностію, какимъ чувствомъ дышалъ въ тѣ минуты вашъ взглядъ. Припомните! Припомните, какъ сильно, какъ красиво вы это выразили! Или и въ васъ, Ольга Владиміровна, нѣтъ настолько характера, сказали вы, чтобъ поборотъ лишенный смысла предразсудокъ, чтобы разъ навсегда охранить святое право любви и честной, и живой отъ полуидіотскихъ, дикихъ взглядовъ!... Прелестъ! Не смѣялись-ли вы надъ самою идеею брака? Вы признавали бракъ формою, желательною лишь только для полуидіотовъ, а для насъ, людей высшихъ стремленій и понятій, вы признали актъ свободной воли всегда честнымъ актомъ. Вѣдь да, такъ, да? и Ольга Владиміровна, пріостановившись, въ упоръ взглянула на Василя Андреевича.

— Вовсе нѣтъ! Я вовсе не отрицаю ни святости брака, ни его значенія, и тѣмъ болѣе никогда не позволю себѣ смѣяться надъ нимъ. Я только говорилъ, что бракъ—это форма, что, стало быть, онъ одинаково можетъ служить выраженіемъ, какъ нравственнѣйшаго изъ союзовъ, такъ и безчестнѣйшаго изъ нихъ, вотъ именно такого, какъ вы только что указали, что, стало быть, сила вовсе не въ немъ, а въ его основѣ, и что если основою вѣнчающаго союза является глубокое, правдивое чувство, то я признавалъ и всегда признаю его союзомъ, заслуживающимъ неизмѣримо большаго уваженія, нежели десятки тысячъ браковъ-сдѣлокъ нашего времени.

— Да развѣ вашъ бракъ сдѣлка, развѣ онъ, по вашимъ же убѣжденіямъ, не совершеннѣйшій изъ союзовъ, и между тѣмъ, на дѣлѣ, развѣ вы ни изо дня въ день смѣтаете надъ нимъ, оскорбляете жену вашу, играете ея любовью, счастіемъ, жизнью? Я, тяжело переводя духъ, лихорадочно продолжала она, презираю васъ.... за нее, за себя, за Градынскую, за легкомысліе, за безволіе, за ту безотчетность, съ которою вы всѣхъ и все игнорируете ради вашихъ порывовъ. Да вы-то, вы-то что такое сами, чтобы смотрѣть на женщину, лишь какъ на забаву, какъ на игрушку?

Василій Андреевичъ поблѣднѣлъ; каждый нервъ дрожалъ въ немъ.

— Вы кончили, Ольга Владиміровна, и, надѣюсь, кончили разъ навсегда, смѣривъ ее съ ногъ до головы холоднымъ взглядомъ, съ трудомъ владѣя голосомъ, едва слышно отозвался онъ.— Не думайте, чтобъ я сталъ защищаться, возражать или, тѣмъ болѣе, нападать на васъ съ тою несдержанностью, съ тою запальчивостью, съ какою вы позволили это себѣ! Нѣтъ! я не затрудню васъ, я лишь замѣчу, что разумомъ мы судимъ, а живемъ кровью и нервами, и что придетъ время, когда вы поймете меня, глубоко раскаетесь, но, быть можетъ, тогда ужъ будетъ поздно! и, глубоко вздохнувъ, гордо выпрямившись, не протянувъ руки, не взглянувъ даже, онъ быстро пошелъ отъ нея.

Ольга Владиміровна пошатнулась, сдѣлала шагъ за нимъ и въ тотъ же мигъ, овладѣвъ собою, замерла на мѣстѣ.

Туманомъ подернулась ярко освѣщенная солнцемъ площадка сада. Какія-то мурашки роились.... вотъ тутъ, у нея на глазахъ, въ немъ, этомъ туманѣ. Ныло, щемило, стонало судорожною болью стиснутое сердце.

Глава XIX.

Не мудрено, что Елена Павловна, въ теченіи слишкомъ четырехъ лѣтъ жизни съ Василіемъ Андреевичемъ, не могла понять его, не мудрено, что и Камилина сбивалась въ представленіяхъ о немъ, а также и Соколинъ.

Василій Андреевичъ и самъ еще ни разу не додумался до того, чего онъ хочетъ, къ чему идетъ, что выйдетъ изъ столь противорѣчивыхъ отношеній его къ окружающему.

Въ немъ было какъ бы двѣ души, два самостоятельныхъ міра. Въ первомъ онъ жилъ безопасно, широко, весело,

игриво, какъ безотчетный рабъ волновавшихъ его чувственныхъ движеній. Во второмъ онъ содрогался надъ ними, этими странными, унижающими самое достоинство человѣка, порывами и, уходя въ глубь самого себя, судилъ ихъ, грустилъ надъ ними.

И напрасно пыталась княгиня въ послѣдовавшій вечеръ разогнать его тоску. Ни шутки, ни остроты, ни игриво-кокетливый тонъ не помогли ей въ этомъ. Онъ уѣхалъ отъ нея въ исходѣ второго часа пополудни, и едва только закрылась за нимъ дверь будуара, княгиня дала въ себѣ полную волю чувству тоски, вызванной въ ней его взглядами, отрицавшими самую надежду на счастье. Она и прежде, еще задолго - долго до этого вечера, сознала, что ея собственная жизнь—разбитая жизнь, разбитая ею самою, и чувство тоски вовсе не было для нея новымъ чувствомъ, но еще никогда Василій Андреевичъ не былъ къ ней такъ близокъ, какъ въ этотъ вечеръ, никогда еще такъ глубоко, такъ живо не чувствовала она своей вины передъ нимъ, столь гнѣтушаго за него укора. Не спалось ей въ наступившую ночь. И все стоялъ и стоялъ онъ передъ нею, блѣдный, взволнованный воспоминаніями былаго, минувшихъ надеждъ, желаній, со взглядомъ, полнымъ безотчетной грусти.

Напрасно пытался заснуть въ эту ночь и самъ Василій Андреевичъ.

Передъ нимъ стояла вся прошлая жизнь, безцѣльная, пошлая. Съ презрѣніемъ смотрѣла на него Камилина, съ нѣмымъ укоромъ жена. Тѣснились воспоминанія, одно другаго тяжелѣе, одно другаго позориѣе. «Нѣтъ, это пытка! чистая пытка!» подумалъ онъ и, глубоко вздохнувъ, быстро одѣвшись, вышелъ изъ дома.

По восточному склону огромнымъ, золотистымъ шаромъ величественно-медленно вздымалось солнце. Легкій вѣтерокъ скользилъ по самымъ верхушкамъ деревьевъ. Соловей, заливаясь звукою, безконечною трелью, пѣлъ въ глубинѣ спирали, про любовь, про счастье.

Василій Андреевичъ приостановился, вслушался. Сладостнымъ чувствомъ замерла въ его груди полная нѣги, полная любви, неуловимая въ своихъ переливахъ, безконечная по своей глубинѣ, соловьиная пѣснь. Ни то безпредметно тоскуетъ, ни то томится въ наслажденіи, ни то поетъ золотыя мечты, ни то груститъ, страдаетъ надъ чѣмъ-то.

— И чего онъ, чего? Или онъ глубже чувствуетъ и шире понимаетъ, чѣмъ мы, люди? Какъ все дивно въ природѣ, какъ все любовью, счастьемъ, наслажденіемъ дышетъ въ ней! И почему же это наслажденіе нами и ближе, и живѣе чувствуется въ соловьиномъ пѣніи, чѣмъ въ насъ самихъ? Какъ будто онъ, этотъ соловей, имѣетъ больше правъ на наслажденіе, чѣмъ я, чѣмъ всѣ другіе! А, быть можетъ, потому именно, потому, что онъ невольникъ всецѣльной природы, что онъ можетъ желать и дѣйствительно желаетъ лишь только того, что она ему внушаетъ, чего отъ него требуетъ, а мы злоупотребляемъ своею свободою, сами извращаемъ себя, сами жизнь тихихъ, радостныхъ минутъ обращаемъ въ адъ сомнѣній, лихорадочной борьбы, интригъ, распрей, самообмановъ! Изъ-за чего мы бѣдемъ изо дня въ день, какъ не изъ-за нарушенія законовъ природы? Отчего всякій крестьянинъ и сосредоточеннѣе, и естественнѣе, и устоячивѣе насъ въ своихъ склонностяхъ, какъ ни отъ того же, что онъ ближе къ природѣ, зависимѣе отъ нея. Не наша-ли свобода, или, точнѣе, не наша-ли разнузданность уже могла самой надежды на счастье?! Онъ, этотъ соловей, онъ неизмѣримо счастливѣе меня, потому что онъ *не можетъ того, чего не долженъ*. И мало того, счастливѣе, въ немъ даже больше смысла, чѣмъ во всѣхъ моихъ обвинительныхъ рѣчахъ и актахъ! Онъ всегда у своей цѣли, всегда всѣмъ сердцемъ у своей задачи и никогда во всю жизнь не отойдетъ отъ нея, не онъ-ли воспитываетъ душу малютокъ, не онъ-ли смягчаетъ сердца, не онъ-ли поетъ юнымъ дѣвамъ про любовь, про вѣрность? А я что? Вотъ уже болѣе недѣли, что и не заглянулъ даже ни въ одну бумаженку, потому что вовсе и не люблю своего дѣла, а люблю въ немъ лишь говоръ о себѣ, лесть, улыбки. И Камиллина права! Именно, что я такое, особенное? ровно ничего! Я неизмѣримо ниже стою этого соловья, а, между тѣмъ, я, по моему, не рѣдко выхожу и царемъ природы, и орломъ, даже орломъ среди орловъ! Какъ это пошло! додумался Василій Андреевичъ и даже разсмѣялся, досадливо, нервно, до такой степени пошлымъ представился ему въ эту минуту взглядъ на самого себя, какъ на нѣчто особенное. И она права, совершенно права! Она если и не сознала вполне отчетливо, то почувствовала, что я въ сущности ничто, такое же пошлое ничто, какъ Чириговъ, Чижевскій, Кудрявцевъ, Несмѣловъ и другіе, и вотъ ей стало и смѣшно, и досадно, что я въ то же время и воображаю, и корчусь

изъ себя что-то особенное, великое! Василиій Андреевичъ, вздохнувъ, забылъ и спираль, и сквозную аллею, и его живая мысль лихорадочно искала разумнаго, глубоко прочувствованнаго дѣла, чтобъ въ этомъ дѣлѣ подняться надъ своими же порывами, надъ Градынскими, надъ Долиными. Все оживленнѣе пѣлъ соловей; все громче щебетали безпечныя пташки, все ближе и ближе подступало къ зеленому холму игривое солнце.

Василиій Андреевичъ уже не ложился болѣе. Ровно въ 8 часовъ онъ осторожно вошелъ въ спальню жены. Елена Павловна уже проснулась.

— Откуда ты, Вася? испуганно встрѣтила она его.

— Изъ сада, милая! тихо цѣлуя ея руку и садясь возлѣ, спокойно отвѣтилъ Василиій Андреевичъ.

— Вотъ странно! Такъ отчего же ты вскочилъ такъ рано сегодня?

— Я вовсе не спалъ.

— Какъ вовсе не спалъ? и Елена Павловна съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Сначала мнѣ не спалось, какъ обыкновенно, потому наступило такое чудное утро, такъ радостно, весело засмотрѣло къ намъ въ окно яркое солнце, я всталъ и пошелъ въ садъ. Тамъ слушалъ соловья. Онъ такъ хорошо пѣлъ мнѣ, Лена, про любовь нашу, про счастье. Я слушалъ его все съ большимъ и большимъ наслажденіемъ. Мнѣ казалось, что онъ грустилъ надъ твоими нерѣдкими по мнѣ слезами, что онъ упрекалъ меня за мое легкомысленное къ тебѣ отношеніе, вообще за безпорядочность моей жизни, за разбросанность, за безцѣльность, и я надумалъ, я рѣшился.

— На что рѣшился? крѣпко, нервно сжимая его руку, лихорадочно спросила Елена Павловна.

— Что я больше никогда не вызову твоихъ слезъ, милая, что отдамся вполнѣ дѣлу. Въ немъ найду себѣ цѣль, въ тебѣ трудовъ отраду, и, быстро склонившись, онъ скрылъ лицо на ея взволнованной радостнымъ чувствомъ груди.

— Милый, милый! шептала Елена Павловна, осыпая поцѣлуями его голову.

Счастливо встрѣтила Елена Павловна Соколина, и онъ отъ всего сердца порадовался за нее, за эту перемѣну въ Василиіи

Андреевичъ. Послѣ завтрака, оставивъ его съ женою, Василій Андреевичъ ушелъ заниматься.

Онъ нашелъ массу закрытыхъ еще конвертовъ; многіе акты, уже болѣе недѣли валявшіеся не переписанными; не одинъ десятокъ экстренныхъ требованій безъ удовлетворенія и болѣе десятка арестантскихъ дѣлъ. Точно сквозь сонъ, поднялась, очертилась высокая фигура Ревекки Зиберманъ, обезчещенной однимъ изъ полицейскихъ баши - бузуковъ Чернорѣчнска. Она опять, какъ живая, предстала передъ нимъ въ своемъ стыдѣ, въ своемъ смущеніи, въ своей обидѣ, и такъ сжалось въ немъ сердце, такъ упрекнула его Ревекка за равнодушіе къ ея страданіямъ, къ ея униженію. И тутъ же, рука объ руку съ нею, нахалъ Бѣлинскій, квартальный, ее опозорившій. «А что, молъ, взяла? говоритъ онъ. Вотъ и день за днемъ, а тамъ и недѣля за недѣлей, а ты все сиди у моря, да дожидай погоды! Да и кому какое дѣло до тебя! Онъ и забылъ о тебѣ думать,—есть ты или нѣтъ тебя на свѣтѣ!» Совѣстно стало Василю Андреевичу передъ самимъ собою и за Ревекку, и за другія жертвы насилия и грабежа даже со стороны тѣхъ, кто призванъ охранять честное, доброе имя и имущество гражданъ, и за этотъ десятокъ и даже болѣе арестантовъ, что, быть можетъ, сидѣли теперь уже не одну недѣлю въ тюрьмѣ безъ достаточнаго основанія, единственно потому, что ему, Василю Андреевичу, вздумалось перебѣгать безъ всякой цѣли и безъ смысла отъ Кампилиной къ Градынской, отъ Градынской къ Долиной, а отъ Долиной снова къ Кампилиной, и онъ позвалъ своего письмоводителя, усадилъ за переписку и, горячо, нервно принявшись за дѣло, всею мыслью, всею сердцемъ отдался ему. Къ обѣду онъ уже составилъ три обвинительныхъ акта, сдѣлалъ распоряженіе объ освобожденіи двухъ арестантовъ, сообщилъ губернатору въ высшей степени сильныхъ выраженій о преступленіи Бѣлинскаго, о немедленномъ устраненіи его отъ должности и преданіи суду, о постановленіи полицейскаго управленія по дѣлу Эдмондъ и другихъ, не менѣе возмутительныхъ, уже личныхъ распоряженій исправника Роджанскаго.

За обѣдомъ онъ былъ въ высшей степени внимателенъ къ женѣ, привѣтливъ къ Соколину, оживленъ, веселъ, игривъ, и Елена Павловна и Соголинъ любовались имъ.

Часа черезъ два послѣ обѣда онъ опять ушелъ заниматься. Онъ не вышелъ даже и къ чаю, не смотря на присутствіе Гра-

дынской. Онъ снова вошелъ въ свою колею, увлекся дѣломъ, логикою своихъ мыслей, быстротою успѣха, силою отдѣльныхъ опредѣлений, и такъ кипѣла работа, такую энергію дышали его обвинительные акты. Онъ не былъ одинъ въ кабинетъ: Многіе и многіе окружали его, и среди этой нѣмой и въ то же время такъ много, такъ живо говорившей его сердцу группы въ сѣрбенности рѣзко выступали рельефныя фигуры: знойнаго юга красоты Ревекки Зиберманъ, надзирателя Бѣлинскаго, исправника Роджанскаго, арестантовъ Лозинскихъ, несовершеннолѣтнихъ братьевъ, питомцевъ голода, нужды, и плачущей сиротки, дочери покойнаго старообрядца Пономарева, нѣсколько недѣль тому назадъ, убитаго злодѣемъ Федоровымъ, грозю евреевъ и мѣстныхъ поселянъ. Онъ чувствовалъ себя въ нихъ, ихъ въ себѣ. Онъ какъ бы безъ словъ бесѣдовалъ съ ними: то живую местию дышалъ онъ за жертвы преступленій, то тихо наслаждался признательностью потерпѣвшихъ. Со срезетомъ безсильной злобы въ зубахъ смотрѣлъ на него изъ-подъ навислыхъ, густыхъ бровей убійца Федоровъ; блѣднѣлъ самоувѣренный Роджанскій; терялся Бѣлинскій, и уже нервно-лихорадочно вслушивалась въ каждое слово его энергической, бичующей рѣчи возмущенная толпа. Да! онъ уже обвинялъ и они проклинали его! Но развѣ въ то же время Лозинскіе не благословляли его за свободу, за пощаду, за гуманное, вполне человѣческое отношеніе къ ихъ преступленіямъ, вызваннымъ безвоіемъ, нуждою? Развѣ съ густымъ, живымъ румянцемъ глубокаго волненія, благодарности и мольбы не слѣдила за нимъ, защитникомъ своихъ человѣческихъ правъ, своей дѣвичьей чести, красавица Ревекка? Развѣ не улыбалась ему сквозь слезы, вѣрная памяти отца, сиротка Пономарева? И онъ облегчить ея участь, ему поможетъ въ этомъ княгиня! Въ часъ пополудни онъ кончилъ занятія и такъ легко, такъ весело стало у него на сердцѣ, такимъ гордымъ чувствомъ вздымалась теперь его взволнованная сознаниемъ своей силы, своего значенія грудь. Онъ не коптилъ небо, онъ не прозябалъ, онъ не исполнялъ своихъ обязанностей какъ другіе, изъ-за содержанія, изъ-за награды; нѣтъ, онъ любилъ свое дѣло, онъ создалъ въ немъ свой особый міръ, онъ населилъ его живыми, онъ правду далъ имъ почувствовать въ себѣ.

На слѣдующій день послѣобѣденныя занятія Василя Андреевича были прерваны пріѣздомъ Долиныхъ. Елена Павловна при-

вѣтливо приняла ихъ. Она какъ будто и забыла даже о выходѣ съ нею княгини въ соборъ. Она окружала ее всѣмъ вниманіемъ, охотно общалась бытъ у нихъ на обѣдъ послѣ-завтра, упомянула, что ей бы было очень пріятно встрѣтиться съ Градынской, которую очень и очень любить, и, оживленно перебѣгая съ предмета на предметъ, такъ бѣгло-весело говорила, что княгиня рѣшительно отказалась въ ней признать прежнюю нервную, раздражительную и нерасположенную къ ней княжну Елену Гордѣеву. Князь оживился. Онъ такъ любилъ миръ и такъ угнетала его до этой минуты неловкость, допущенная его женою по отношенію къ Еленѣ Павловнѣ. Онъ, такъ сказать, на лету ловилъ мысли Бояриновой, сообщалъ имъ игривые отгѣнки и съ такимъ нагляднымъ удовольствіемъ слѣдилъ за нею глазами, что княгиня, конечно шутя, допустила въ ней свою мгновенную соперницу, она даже намекнула, что если это будетъ продолжаться, то волею-неволею должна будетъ отважиться на самое рѣшительное нападеніе на него, на Васю, указала она движеніемъ бровей и при этомъ беззаботно-весело, вызывающе разсмѣялась. Затѣмъ она въ томъ же тонѣ перешла на Соколина и, великодушно простивъ ему его неловкость въ томъ, что еще не былъ у нея съ визитомъ, попросила на обѣдъ, такъ какъ она не можетъ допустить и самой мысли, что онъ, по столь извѣстной всѣмъ застѣнчивости, лишитъ удовольствія видѣть себя среди избраннаго ею кружка. Соколинъ смѣшался, пробормоталъ что-то невнятное, но зато Елена Павловна рѣшительно объявила, что она привезетъ его сама. Разговоръ мало по малу перешелъ на серьезную тему. Князь съ полнымъ негодованіемъ отозвался о Роджанскомъ и тутъ же объявилъ, что онъ телеграммой устранилъ отъ должности Бѣлинскаго и уже командировалъ чиновника особыхъ порученій Богусевича для производства слѣдствія надъ нимъ совмѣстно съ участковымъ слѣдователемъ.

— Ахъ, да! горячо перебила княгиня, обращаясь въ сторону Василя Андреевича, у меня даже похолодѣли руки, когда я читала твое сообщеніе. Возмутительно! и, надо тебѣ отдать справедливость, — ты въ совершенствѣ владѣешь перомъ! Если такъ же говоришь, какъ пишешь, то я не прочь тебя послушать.

— Да вѣдь не даромъ же онъ слыветъ звѣздою прокурорскаго надзора, улыгнувшись, вмѣшался князь.

— А я, снова и еще оживленнѣе перебила княгиня, не могла допустить и мысли.... Теперь, не боясь оскорбить тебя, могу

покаяться, что мнѣ даже смѣшнымъ казался этотъ отзывъ о тебѣ, какъ о звѣздѣ прокурорскаго надзора. Ты все почему-то казался мнѣ еще, ну, какъ бы это.... не вполне человѣкомъ, право!

— Да когда же и кто былъ пророкомъ въ своемъ городѣ! смѣясь, полу-шутя, полу-серьезно отвѣтилъ Василий Андреевичъ.

Просидѣвъ около двухъ часовъ, Долины уѣхали, оставивъ за собою самое благопріятное впечатлѣніе не только въ примирившейся вполне съ княгинею Еленѣ Павловнѣ, но даже и въ недовѣрчивомъ Соколинѣ.

Глава XX.

Стрѣлка показывала ровно четыре. Василий Андреевичъ, совсемъ готовый къ обѣду, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и гриде-перль перчаткахъ, точно куда-то спѣша или пытаясь обогнать собственные мысли, торопливо расхаживалъ вдоль кабинета. Быстро подойдя къ дверямъ будуара, онъ нетерпѣливо крикнулъ:

— Лена, ты скоро?

— Скоро, Вася, минутъ черезъ десять, глухо долетѣло изъ будуара.

— И Градынской нѣтъ! Какъ это скучно!

Въ залъ вошла Градынская.

— La voila! Какъ можно меньше вниманія, какъ можно больше ироніи и.... и, улыбнувшись самому себѣ, Василий Андреевичъ быстро вышелъ къ ней навстрѣчу.

— Что вы такъ запоздали, Владислава Францовна? Я уже хотѣлъ поѣхать за вами.

— Чѣмъ же запоздала, вѣдь еще нѣтъ пяти, а пріѣздъ назначенъ въ пять.

— То-есть обѣдъ въ пять, а пріѣздъ отъ четырехъ.

— И Елена Павловна еще не готова.

— Да, если бъ вы не пріѣхали еще два часа, то она все не была бы готова. Вѣдь это всегда такъ, вы на нее, она на васъ, а я отвѣчай за обѣихъ.

— Скажите, какой всеобщій опекунъ, и, иронически усмѣхнувшись, Градынская прошла на балконъ.

— Съ вами нельзя говорить съ нѣкотораго времени, Владислава Францовна, что ни слово, то укусъ.

Градынская не отвѣтила и стояла смущенная и подавленная.

— Теперь ваше настроеніе мнѣ совершенно понятно, наслаждаясь ея смущеніемъ, ея борьбою между своимъ достоинствомъ

и тягою къ нему, медленно продолжалъ онъ. Но уже скоро конецъ вашему томленію, вашей скугѣ, Владислава Францовна. Не нынче—завтра онъ вернется, и опять мѣрно и плавно потечетъ ваша счастливая супружеская жизнь. Такъ тихо, спокойно.

— Василий Андреевичъ! мгновенно блѣднѣя, вскрикнула точно ужаленная Градынская.

Наконецъ, показалась Елена Павловна.

— Вотъ умница, Лена, что надѣла это платье! Посмотри, какая ты прелестная! Владислава Францовна, правда, что къ ней очень идетъ голубой цвѣтъ? весело обратился онъ.

— Терпѣть не могу! Ни за что бъ не надѣла, если бъ не знала, что ты его любишь, перебила Елена Павловна.

— Почему же именно голубой? Къ ней идутъ всѣ цвѣта, насколько я замѣчала, съ трудомъ владѣя собою, медленно отозвалась Владислава Францовна.

— Ну, Лена, ручаюсь тебѣ, ты совсѣмъ погубишь сегодня Соколова.

— Вотъ скажи еще при немъ такой вздоръ, Вася! вспыхнувъ по самыя уши, живо перебила Елена Павловна.

— Что съ вами, Владислава Францовна? Вы на себя не похожи въ эти дни! тревожно отнеслась къ ней Елена Павловна, сядясь въ карету.

— Владислава Францовна оправдала на себѣ пословицу, что вмѣстѣ скучно, а врозь тошно, смѣясь, перебила вопросъ жены Василий Андреевичъ.

— Это скорѣе подходитъ къ вамъ, чѣмъ ко мнѣ, Василий Андреевичъ! Я никогда не скучала съ моимъ мужемъ, сильно дрогнувшимъ голосомъ отпарировала она.

— Будто? насмѣшливо перекрылъ Бояриновъ.

— Какъ тебѣ не стыдно?! вспыхнувъ, тихо укорила Елена Павловна.

Градынская быстро скрыла отъ нея свой взглядъ.

— Право, такъ досадно. Мнѣ было такъ весело сегодня, я такъ охотно ѣхала, а вотъ теперь.... И все ты, Вася.

— Ахъ, Боже мой, Лена, да чѣмъ же я виновата, что онъ все ѣдетъ, ѣдетъ и не доѣдетъ?

— Вы перестанете глумиться, Василий Андреевичъ? Или вы хотите, чтобы я вышла изъ экипажа и вернулась домой пѣшкомъ? рѣзко проговорила Градынская, блѣднѣя; я никогда не думала, чтобы вы были такъ дерзки! едва слышно добавила она.

— А я, съ своей стороны, слегка вспыхнувъ, сказалъ Бояриновъ, никакъ не предполагалъ, чтобы столь серьезная, какъ вы, женщина, могла волноваться по такому пустому обстоятельству.

Градынская нервно разсмѣялась. Что-то хрустнуло въ ея рукахъ, и на коврикъ кареты упало нѣсколько обломковъ ея тонкой работы изъ слоновой кости вѣера.

— Вася, Вася! краснѣя по самыя уши, голосомъ, полнымъ угоризны, прошептала Елена Павловна. Ему показалось, что у Градынской на рѣсницахъ дрожали слезы.

Глава XXJ.

Между тѣмъ, во второй губернаторской гостиной собрались почти всѣ приглашенные къ обѣду лица. Кромѣ Бояриновыхъ и Градынской, не было только Соколина и Плетневыхъ.

Князь Долинъ серьезно разговаривалъ съ полковникомъ Дезде объ униатскомъ вопросѣ. Баронъ и баронесса Ридрихсъ, Лисицыны, Сытовы, Камилины, баронъ Дорфъ, Чижевскій, Чириковъ, Будрявцевъ составляли кружокъ княгини. Шель оживленный, веселый говоръ. Сопоставляли жизнь столичную съ жизнью провинціальною, причеиъ каждый и каждая заботились только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе высказаться, дать почувствовать ей, княгинѣ, что и мы, молъ, кой-что смыслимъ, кой-что видѣли, кой-что знаемъ, и не хуже тебя понимаемъ жизнь. Это видимо забавляло княгиню. Она весело бросала имъ какую-нибудь оригинальную мысль и, мгновенно умолкая, съ едва сдерживаемою усмѣшкою, слѣдила за тѣмъ задоромъ, съ какимъ они, эти мелкотравчатые, урѣзывали и перекраивали ея мысль по своему фасону.

— О, mesdames, томно закатывая свои поблеклые глазки, сладенькимъ голоскомъ пропѣла генеральша Лисицына. Да развѣ возможно Петербургъ сравнить съ какою-нибудь провинціею, хотя бы даже съ Москвою? C'est un grand village. Въ Петербургѣ театры, опера, балетъ, которые нельзя и сравнивать съ московскими. А гвардія, кирасиры, кавалергарды, парады, маневры! какой блескъ, какая прелесть!

— Не все то цѣнно, что позолочено, Александра Ивановна, горячо перебила Камилина. Роскошь, пустота, холодъ, чопорность, крайній, узкій эгоизмъ, вотъ, по моему, господствующія

черты петербургскаго быта. Въ немъ нѣтъ мѣста ни радушному привѣту, ни серьезной мысли, и это-то желательная сфера для развитаго человѣка!...

— Вы правы, Ольга Владиміровна, внимательно посмотрѣвъ на нее, сказала княгиня. Да и притомъ Александра Ивановна совершенно уклонилась отъ высказанной мною мысли. Я вовсе не думала сопоставлять провинціальную жизнь съ столичною съ внѣшней стороны, съ точки зрѣнія обстановки. Это было бы нелѣпо, это дало бы право даже младенцу возражать мнѣ, все горячѣе и горячѣе продолжала она.

Сытова насмѣшливо посмотрѣла на Лисицыну. Баронесса торопливо зажевала. Глаза всѣхъ обратились на княгиню.

— Не обстановка создаетъ человѣка, а человѣкъ обстановку! Я могу тяготиться жизнью при самой блестящей обстановкѣ и, наоборотъ, находить ее въ высшей степени пріятною при самыхъ, повидимому, невыгодныхъ условіяхъ, внѣшнихъ, чисто внѣшнихъ, какъ здѣсь въ Скалахъ. Положимъ, отсутствіе музыки, театра ограничиваетъ насъ во многомъ, но кто же мѣшаетъ намъ выписывать лучшія произведенія, устроить любительскіе спектакли, заняться музыкою самимъ, словомъ, сложить жизнь болѣе или менѣе соотвѣтственно нашимъ требованіямъ. Все отъ человѣка! Поставьте неразвитую женщину въ самыя выгодныя условія, и она все-таки будетъ интересоваться Петромъ Федоровичемъ и Анною Петровною лишь потому, что они, по ея мнѣнію, слишкомъ часто сидятъ другъ возлѣ друга, или потому, что Анна Петровна всегда краснѣетъ, когда входитъ въ комнату Петръ Федоровичъ.

Общій, дружный смѣхъ покрылъ голосъ княгини. Въ гостиную вошелъ Соколинъ.

— А! М-г Соколинъ! весело протягивая ему навстрѣчу руку, привѣтливо встрѣтила княгиня. Какая точность и сколько строгости вмѣстѣ съ тѣмъ: вы не хотѣли подарить намъ даже и одной лишней минуты.

— Ровно пять, княгиня, вспыхнувъ, защитился Соколинъ.

— Ну, вотъ, именно, смѣясь, согласилась княгиня.

— Княгиня, вы производите чудеса! Чуть-ли не въ первый разъ за два года вижу его въ обществѣ, съ добродушной усмѣшкой сказалъ баронъ Дорфъ.

— Тѣмъ пріятнѣе мнѣ.

Вошли Плетневы. Воспользовавшись общимъ движеніемъ, Камилина отошла къ окну.

— И чего я пріѣхала на этотъ скучный обѣдъ? Кривляются, ломаются, и все лишь изъ-за того, чтобы снискать ея улыбку! И на что имъ эта снисходительная улыбка?... Какъ это глупо! А вѣдь хороша, очень хороша! Умна!... Уже пять!... Всѣ пріѣхали. Неужели не будетъ? думала Ольга Владиміровна, и ея лицо выражало досаду и грусть.

— Чего вы сердитесь, Ольга Владиміровна? не слышно подойдя къ окну, спросилъ Дорфъ.

— Съ чего вы взяли? Я вовсе не сержусь. Миѣ просто скучно.

— Премного обязанъ.

— За что?

— Развѣ не на меня падаетъ главное обвиненіе въ этомъ?

— Во все не на васъ, а на среду, условія, на самое меня, наконецъ.

— Однако, я съ вами по преимуществу говорилъ.

— Ну, и что жъ изъ этого?

— Какъ что жъ изъ этого?

— Конечно! Вы спрашивали, я отвѣчала, вы говорили, я слушала, и все-таки вы остались сами по себѣ, а я сама по себѣ.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, внимательно перебирая брелками цѣпочку, едва слышно замѣтилъ Дорфъ.

— Чья? моя или ваша? усмѣхнувшись, перебила Камилина.

— Ольга Владиміровна!

— Что, баронъ?

— Скажите, наконецъ, какъ смотрите вы на меня? Я почти годъ знакомъ съ вами, и вы еще ни разу не взяли на себя хотя минутнаго труда отнестись къ словамъ моимъ серьезно?

— Я имѣю неосновательное обыкновеніе только къ дѣйствіямъ серьезно относиться, баронъ! Къ дѣйствіямъ, какъ бы подчеркнуть, повторила она. Слово это—звукъ!

— То-есть какъ это къ дѣйствіямъ? Есть случаи въ жизни, въ которыхъ слово такъ близко подходитъ къ дѣйствию, что трудно опредѣлить, гдѣ конецъ первому и начало второму.

— Я подъ дѣйствіемъ разумѣю лишь совершившійся фактъ, баронъ! Человѣкъ видѣнъ только въ фактахъ. Слово весьма часто есть выраженіе того, что должно, на что вынужденъ, а дѣй-

ствіе всегда или, по крайней мѣрѣ, по преимуществу отъ всей природы, отъ того, чего дѣйствительно хочу. Только этимъ и объясняется столь часто наблюдаемое нами противорѣчіе словъ съ дѣйствіями.

— Вы хотите сказать, Ольга Владиміровна, что я думаю одно, а говорю другое?

— Зачѣмъ? Почему же непременно вы, а не.... почти всѣ!

— Да потому, что весь разговоръ касался насъ двоихъ.

— Ничуть!... Это вамъ такъ показалось.... Я и не думала о васъ.

Дорфъ внимательно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Впрочемъ, понимаете, какъ знаете, тихо добавила она.

— Вы меня за послѣднее время все чаще и чаще ссорите съ самимъ собою, Ольга Владиміровна!

— Чѣмъ это?

— Вашимъ умомъ.... право! Я впервые въ жизни столкнулся съ такимъ.... и баронъ не кончилъ, замялся.

— Женскимъ умомъ, вы хотите сказать, баронъ? Съ той еще поры, какъ я сознательно отнеслась къ жизни, мнѣ стало уже извѣстно, что мужчины признаютъ умъ въ женщинѣ только въ минуты праздности или же подносятъ ей это признаніе въ видѣ конфетной любезности, чтобы путемъ ея какъ можно скорѣе и осязательнѣе убѣдиться въ противномъ.

Дорфъ громко разсмѣялся.

— Вотъ видите, какъ не далеко отъ серьезнаго до смѣшнаго, насмѣшливо взглянувъ ему въ глаза, перекрыла его смѣхъ Камила.

— Что это? Новая иронія?

— Ничуть! Это только ваше зеркало.

— Вы хотите сказать, что я только кажусь серьезнымъ во взглядахъ, въ отношеніяхъ къ женщинѣ, а въ дѣйствительности смѣюсь надъ нею.

— Да! Только, къ сожалѣнію, вы упускаете изъ виду, что, смѣясь надъ нею, еще глубже смѣетесь надъ самимъ собою, вспыхнувъ, перебила она.

Дорфъ весь ушелъ въ свои брелочки. Ольга Владиміровна осмотрѣлась. Кружокъ еще тѣснѣ замыкалъ княгиню. Десятки глазъ слѣдили за нею.

— Мушина правитъ міромъ, князь, обращаясь въ сторону Плетнева, оживленно говорила она, но это ни чуть не исклю-

часть моей мысли, что женщина царствуетъ надъ нимъ. Не женщина-ли украшаетъ землю, не ея-ли любовь высочайшая награда вамъ? А если это такъ, то на что намъ управленіе, когда самъ правитель покоренъ намъ?

— Но не всякая же женщина, княгиня, способна на это, брютя свои длинные, какъ лунь, сѣдые усы, мягко возразилъ Ридрихсъ и, слегка сощутивъ лѣвый глазъ на княгиню, правымъ, какъ бы совершенно невольно покосился на жену.

— Исключеніе, по моему, составляютъ только отошедшія въ архивъ и физически уродливыя, усмѣхнувшись, разъяснила княгиня.

Сытова потупилась, баронесса безпокойно задвигалась, Лисицына зло посмотрѣла на княгиню.

— А нравственно уродливыя? тихо вмѣшался Соколинъ.

— Что до нихъ, то онѣ имѣютъ еще большее вліяніе, чѣмъ добродѣтельныя! Да и притомъ, что такое добродѣтельная женщина? Это нѣчто вовсе не осязаемое, усмѣхнувшись, добавила княгиня.

Соколова кольнулъ тонъ возраженія княгини. Ему почему-то базалось, что она осмѣяла именно такихъ женщинъ, какъ Бояринова и ей подобныя.

— Мнѣ кажется, что нравственно-уродливыя женщины, княгиня, могутъ вліять лишь только на такихъ же мужчинъ! Разумный и честный человѣкъ никогда не пойдетъ за ними, горячо, даже запальчиво, возразила Ольга Владиміровна.

— Это вамъ кажется лишь потому, что вы слишкомъ еще малоопытны, смѣривъ ее съ головы до ногъ холоднымъ, пристальнымъ взглядомъ, медленно, внятно, отдѣляя слово отъ слова, отвѣтила измѣнившаяся въ лицѣ княгиня. Не правда-ли, mesdames? усмѣхнувшись, отнеслась она.

Дамы улыбнулись. Чижевскій, Чириковъ и Кудрявцевъ поспѣшили преклонить головы въ знакъ своего безусловнаго согласія. Бамина вспыхнула.

— Что до меня, я бы была вполне счастлива, если бъ моя дочь во всю свою жизнь сохранила этотъ взглядъ, княгиня, дрогнувшимъ голосомъ высказалась оскорбленная выходкою княгини Елизавета Михайловна.

— Что до меня, я бы и при такихъ даже условіяхъ оставила за собою право судить по дѣйствіямъ, вспылчиво перебила княгиня.

Долинъ безпокойно посмотрѣлъ на жену. Дамы переглянулись.

— Тогда бы впали въ новую ошибку, княгиня! Дѣйствиѣ безъ мотива ничего не даетъ. Что можетъ быть выше благотворительности? Однако, развѣ мы рѣдко наблюдаемъ, что люди управляются въ ней тщеславіемъ, снова и еще заносчивѣе кольнула Камилина. У княгини поблѣднѣли губы.

— Однако, не пора-ли закусить, господа? предложилъ Долинъ.

— О, еще бы, даже давно. Я не понимаю, что это Бояриновы, воспользовалась княгиня.

Въ саду, подъ открытыми окнами столовой, грянулъ оркестръ военной музыки.

— Вы позволите предложить вамъ руку, Ольга Владиміровна? тихо отнесся Дорфъ.

Ольга Владиміровна молча подала ему руку. Пары выдвинулись, смѣшались и потянулись одна за другою. Впереди всѣхъ шла княгиня съ барономъ Ридрихсомъ. Ни тѣни раздраженія. Не спуская взгляда съ оживленныхъ, еще не утратившихъ блеска и жизни, черныхъ глазъ барона, она игриво-весело выслушивала что-то, что почти на самое ухо нашептывалъ ей онъ.

— Мой-то, мой-то! увѣсисто опираясь на руку полковника Деде, указала баронесса бровями на мужа.

— Я все время любовался имъ, баронесса. Да и нельзя не любоваться! Дожить до этихъ лѣтъ, вѣдь онъ старше меня, и все еще быть способнымъ къ увлеченію съ юношескимъ пыломъ. Впрочемъ, княгиня такъ хороша, такъ оживленна, что можетъ заставить улыбаться себѣ даже мертвеца.

— Даже и васъ? перебирая губами, озадачила его баронесса.

— Да развѣ я мертвецъ? обидѣлся полковникъ.

— Я нахожу, князь, что во всемъ этомъ виновата одна только M-elle Камилина. По моему, она просто забылась. Что она такое передъ княгинею? Дѣвчонка! презрительно передернувъ губами, вполголоса высказалась Плетнева.

— Но я не думаю, княгиня, чтобъ такъ думали даже въ Битаѣ, усмѣхнувшись, громко возразилъ Долинъ.

— По моему, это непочтительно, ужасно непочтительно, горячась, говорила въ слѣдующей парѣ Зизи Лисицына Чижевскому.

— Конечно, конечно! авторитетнымъ тономъ согласился Чижевскій.

— Я кое-что замѣтила, тихо говорила Сытова Чирикову.

— Что это кое-что? бѣгло взглянувъ на нее, заинтересовался Чириковъ.

— Что вы.... что на васъ княгиня уже успѣла произвести свое дѣйствіе.

— Когда вы перестанете оскорблять меня своими подозрѣніями? вспыхнувъ, почти полнымъ голосомъ окрысился Чириковъ.

— Тише, тише! тревожно оглянувшись на слѣдовавшихъ за ними Дорфа и Камилину, сдержала его Сытова.

— Я рѣшительно не могу понять, что взволновало васъ въ такой степени въ словахъ княгини, Ольга Владиміровна? спросилъ Дорфъ.

— Терпѣть не могу самохвальства.

Подъ окнами зала раздался стукъ подѣхавшаго экипажа. Камилина нервно прислушалась.

— Нѣтъ! вы сегодня, рѣшительно какая-то особенная! внимательно посмотрѣвъ на нее, тихо замѣтилъ Дорфъ.

— Вотъ ужъ ничуть-то! Такая-жъ, какъ всегда! не отводя глазъ отъ дверей зала, разсѣянно отвѣтила она.

Баронъ невольно посмотрѣлъ въ ту же сторону. Въ залъ вошли Бояриновы и Градынская. Камилина покраснѣла, быстро отвернулась. Дорфъ опустилъ глаза. По губамъ Градынской скользнула тонкая, злая усмѣшка.

— Здравствуйте, Елена Павловна, сколько лѣтъ, сколько зимъ я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть! видимо намѣренно повернувъ къ нимъ навстрѣчу и быстро протягивая ей руку, сказалъ Дорфъ. Ни въ театрѣ, ни въ городскомъ саду, ни въ городѣ даже, ну нигдѣ, рѣшительно нигдѣ нельзя васъ встрѣтить. И какъ не стыдно! полушутя, полусерьезно упрекнулъ онъ.

— Нѣтъ, это вамъ стыдно, баронъ, столько времени лишать меня кофе.

— Какъ лишать кофе?

— А такъ, потому что я только съ вами и люблю его пить. Вы такъ аппетитно всегда смотрите въ стаканъ и такъ вкусно его пьете.

Дорфъ громко разсмѣялся.

— Вотъ и вы совсѣмъ забыли насъ, Ольга Владиміровна! говорилъ, между тѣмъ, Бояриновъ, избѣгая ея взгляда.

— Все время нездоровилось.

— Мнѣ кажется, что у васъ и теперь даже лихорадка! участливо всматриваясь въ нее, перебила Градынская. У васъ рука холодна, какъ ледъ.

— Ну, это скорѣе отъ удовольствія встрѣчи съ вами, нежели отъ лихорадки! еще ярче вспыхнувъ, громко кольнула Ба-милиа.

Дорфъ улыбнулся. Градынская поблѣднѣла.

Бояриновъ тревожно посмотрѣлъ на жену.

— Mesdames, вы, кажется, рѣшились уморить насъ голодомъ сегодня! тономъ шутливаго упрека встрѣтила княгиня.

— Вина не на мнѣ, княгиня. Это Елена Павловна такъ долго кокетничала передъ зеркаломъ.

— Вася, слышишь? А кого жъ мы ждали почти до пяти?

— Тебя, милая!

Общій смѣхъ покрылъ отвѣтъ Бояринова.

— Вотъ гадкій! А еще мужъ, сдвинувъ брови, пожаловалась Елена Павловна.

Вошли въ столовую. Голоса смолкли. Закуска видимо поглотила общее вниманіе. Подали супъ. Задвигались стулья... Все засуетилось.

— Я буду мѣшать вамъ ѣсть, Ольга Владиміровна? тихо проговорилъ Бояриновъ.

— Едва-ли! Я обѣдаю съ барономъ, сухо отвѣтила она. Бояриновъ вспыхнулъ и, быстро отойдя, занялъ мѣсто подлѣ Градынской.

Глава XXJJ.

Надъ столомъ носился громкій, болѣе или менѣе общій, оживленный говоръ.

— Я никогда не говорю о томъ, что я буду чувствовать или чувствовалъ, а лишь что въ данный моментъ чувствую.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что вы и сами-то моментъ.

— Это почему? Доводилось мнѣ испытывать моменты, за которые я не прочь былъ бы и теперь отдать жизнь. И почему же вы исключеніе?

— Благодарю, не ожидала. Вамъ алашь говорить сегодня большія любезности.

— Нѣтъ, скорѣе вамъ! и Бояриновъ, какъ бы совершенно невольно коснулся концомъ сапога носка ея туфли.

— Да не дурите же! На насъ смотреть всѣ, всѣ!

— И я на нихъ! Хотите краснаго?

— Нѣтъ.

— Ну такъ шато-д'ивемъ?

— Съ тѣмъ, чтобъ вы больше ничего не пили.

— Какъ, да для чего же вино-то поставлено?

— Чтобъ вы на него смотрѣли издали, желали бы, любовались и все-жъ таки не могли бы получить.

— Благодарю! Да я бы сталъ тогда кусаться больнѣе вашего! и, наливъ ей рюмку шато-д'ивемъ, онъ налилъ себѣ стаканъ краснаго.

— Я весьма нерѣдко завидую настроенію Василя Андреевича! говорилъ, между тѣмъ, Дорфъ Ольгъ Владиміровичъ. Посмотрите, какъ онъ веселъ, оживленъ, сколько энергій въ немъ. Да! Говорить и говорить! Если не языкомъ, то движеніями, взглядами. Со стороны можно подумать, что Градынская вся его жизнь, а мнѣ вотъ почему-то кажется, даже я почти увѣрена, что онъ вовсе не интересуется ею.

— Ну, нѣтъ! Что онъ интересуется ею—это несомнѣнно, и кто жъ оживилъ его въ такой степени, какъ не она?

— Ничуть! Алашь и красное вино, а она побочное обстоятельство! усмѣхнувшись, возразила Камилина.

Дорфъ громко разсмѣялся.

— По моему, онъ скорѣе вызываетъ состраданіе, чѣмъ зависть, серьезно добавила она.

— Это почему?

— Да развѣ такое отношеніе къ жизни нормально? Онъ хочетъ все, разбрасывается, съ каждымъ днемъ мельчаетъ въ своихъ стремленіяхъ и кончить тѣмъ, да еще кончить въ ту пору, когда другіе начинаютъ только дышать полною грудью, что утратить самую способность къ серьезному, устойчивому счастью!

— Напротивъ. Я думаю, что вся жизнь его промелькнетъ, какъ одинъ счастливый мигъ, а въ убыткѣ останется не онъ, а всякая сближающаяся съ нимъ женщина.

Камилина подавила вздохъ.

— Какъ мнѣ весело смотрѣть на Васю, говорила въ то же время Елена Павловна Соколину. Ну, посмотрите, посмотрите, какой онъ оживленный, довольный! И я рада за Градынскую.

— Это почему?

— Ахъ, если бъ вы знали, какъ мнѣ досадно было на него за нее всѣ эти дни! Онъ такъ мучилъ ее, бѣдную, такъ зло

смѣялся надъ нею. Я чуть не поссорилась съ нимъ за это сегодня. Знаете, мнѣ кажется, что она увлечена имъ? Вотъ чего мнѣ прежде не приходило въ голову.

— Э, нѣтъ! просто болтаетъ. Вѣдь съ ея Владиміромъ Казиміровичемъ не больно-то разговоришься.

— Да если бѣ даже, что за бѣда? Пусть весело, когда весело, и при томъ я вполне увѣрена, что... что она никогда не позволитъ себѣ ничего серьезнаго, и такъ меня любить, что не пожелаетъ сдѣлать мнѣ злое.

— А если?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Вотъ княгиня, Камилина—это дѣло другое.

— Вы, кажется, въ особенности пристрастны къ княгинѣ, Елена Павловна, и Соколинъ улыбнулся на нее своею открытою, привѣтливою улыбкою.

— Вы ее не знаете! Она ужасная женщина, вспыхнувъ, горячо перебила Бояринова. Она способна свести съ ума. Она свезла въ могилу Бернсдорфа, заставила брата Мишу надѣлать кучу глупостей, наконецъ, и Вася, еще мальчикомъ, чуть не погибъ изъ-за нее. Да, я ее не люблю и боюсь. У меня какой-то инстинктивный страхъ къ ней. Мнѣ даже неприятно, когда она подходитъ къ нему или смотреть на него.

— Полноте, Елена Павловна, что было, то прошло.

— Подай Богъ, но... и Елена Павловна вздохнула, задумалась.

— Что но? избѣгая ея взгляда, перебилъ Соколинъ.

— Я увѣрена, что стоитъ ей только захотѣть—и онъ опять начнетъ сумашествовать.

— Елена Павловна?

— Что?

— Если вы хоть настоличко расположены ко мнѣ, указавъ онъ на ноготь мизинца, то перестаньте мучить себя этими несуществующими ужасами.

— Да я и не думаю себя мучить ими! Мнѣ, напротивъ, сегодня очень весело.

— За здоровье княгини, ура! высоко поднимая бокаль, громко, густымъ басомъ, провозгласилъ Ридрихсъ.

Василій Андреевичъ поднялся, за нимъ другіе, и вереницею потянулись въ сторону княгини. На всѣхъ лицахъ заискивающія улыбки; въ движеніяхъ какая-то исключительная, нервная суетливость. Одинъ на перебой другому стараются заглянуть ей въ

глаза, словить ея улыбку... И она это чувствуетъ, сознаетъ, что достаточно ей улыбнуться, взглянуть, бросить слово, чтобъ это баранье стадо, забывъ долгъ и совѣсть, со всѣхъ ногъ кинулось плясать ей въ угоду. Досадливое, близкое къ презрѣнью, чувство овладѣло Ольгою Владиміровною и она, какъ бы на зло самой себѣ, какъ бы съ прямою цѣлью раздражить себя въ конецъ и разъ навсегда возненавидѣть эту пошлую среду, все внимательнѣе, все зорче всматривалась въ толпившіяся вокругъ княгини лица. Ближе всѣхъ къ ней Бояриновъ. Онъ блѣденъ, взглядъ его лихорадоченъ. Говорить что-то ей и такъ горячо, съ такимъ энтузіазмомъ, какъ будто отъ ея отвѣта зависитъ его быть или не быть. Она избѣгаетъ его взгляда. Полуопущены рѣсницы и такъ красивъ овалъ ея оживленнаго лица. Но вотъ онъ кончилъ и теперь въ упоръ надъ княгинею заискрился его оживленный взглядъ. Она быстро взмахнула на него рѣсницами, на одинъ мигъ, какъ бы намѣренно, задержала надъ нимъ свои большіе, выразительные глаза и, слегка склонившись къ нему, чокнувшись съ нимъ бокаломъ, улыбнулась, отступила, а Василій Андреевичъ, видно забывшись, все еще слѣдилъ за нею, все любовался на нее. Вся кровь ударила въ голову Ольгѣ Владиміровнѣ, туманомъ подернулся залъ. Вотъ опять кто-то крикнулъ: ура!... Подъ огнями грянула музыка.

Г л а в а XXIII.

Черезъ настѣжъ открытыя окна зала далеко разносились звуки оживленнаго вальса. Кружились пары, какъ сумашедшія вились онъ то передъ Ольгою Владиміровною, то за нею, то такъ близко, что даже чувствовала она на лицѣ, на плечахъ ихъ горячее, порывистое дыханіе. Въ дали зала, въ томъ концѣ, Бояриновъ, оживленный, веселый, какъ рѣдко, склонился передъ княгиней. Онъ крѣпко охватилъ ея гибкую, стройную талію и въ тотъ же мигъ закружились они. Какъ, дѣйствительно, хороша была она въ этомъ, общемъ съ нимъ, безумномъ порывѣ! Едва касаясь паркета, вся, вся въ его рукѣ, и легка, и граціозна, какъ серна. Онъ былъ блѣденъ, онъ, какъ будто, и на одинъ мигъ даже не имѣлъ силъ отвести отъ нея своего лихорадочнаго, возбужденнаго взгляда. Полуопущены ея рѣсницы, нѣжно рдѣетъ румянецъ на матово-блѣдномъ лицѣ. Вотъ все ближе и ближе. Вотъ, вотъ сейчасъ пронесутся мимо. Онъ что-то тихо говоритъ ей. Ольга Владиміровна чутко вслушалась.

— Тише, тише, Вася! точно порвался въ Ольгѣ Владиміровнѣ голосъ княгини.

Она вздрогнула. Она и безотчетно презирала, и сознательно ненавидѣла ее въ эту минуту,—и ее, и Бояринова.

Княгиню смѣнила Градынская. Она такъ близко къ нему, что Ольгѣ Владиміровнѣ казалось, что его губы касались ея губъ, что отъ его порывистаго, жгучаго дыханія горѣла она, такую густою, живою краскою рдѣлись ея плечи. Какимъ-то туманомъ подернулся залъ. Сбились пары. Лица потеряли свою рельефность. Все смѣшалось, спуталось, закружилось, завертѣлось. Ольга Владиміровна пошатнулась. Мертвенная блѣдность покрыла ея лице и, положивъ руку на лобъ, примѣтно колеблясь, точно опьяненная, вышла она на террасу. Свѣжею струею пахнуло ей въ лицо. Не слышно больше было звуковъ вальса, только все громче и громче смѣялись надъ нею и Градынская, и Долина, и Дорфъ, и Зизи, и онъ, даже онъ, и такой нестерпимую болью жалъ сердце этотъ адскій смѣхъ.

— Оля, куда ты? взволнованно окликнула ее Елизавета Михайловна, настигая уже въ аллеѣ.

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ! и ея губы судорожно передернулись.

Вальсъ продолжался. Василій Андреевичъ, уже третій разъ шель съ княгинею. Елена Павловна тревожно слѣдила за ними. Кругъ за кругомъ, все тѣснѣй, все ближе къ нему, носилась княгиня. Она какъ будто навсегда забылась въ его рукѣ.

— Какъ восхитительно хороша она! не отводя глазъ отъ княгини, громко отнеслась къ Еленѣ Павловнѣ Градынская. Сколько граціи, женственности, кокетства въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ движеніи!

— Женственности? вспыхнувъ, горячо перебила Елена Павловна. Вотъ уже вовсе нѣтъ! У нея для этого слишкомъ мало сердца.

— Быть можетъ! Но, развѣ она отъ этого теряетъ? Нисколько! На что мужчинамъ сердце?... Вотъ вамъ доказательство: у насъ есть сердце, а у нея нѣтъ, и, между тѣмъ, подлѣ нея всѣ, а подлѣ насъ никого.

— А развѣ я ничто по вашему? усмѣхнувшись, вмѣшался Соколинъ.

— Довольно, упаду, торопливо снимая руку съ плеча Бояринова, прерывающимся голосомъ, остановилась княгиня въ двухъ—трехъ шагахъ отъ нихъ.

— Какой ты сумашедшій, Вася! едва слышно добавила она.

У Елены Павловны все сильнѣе дрожало вѣрѣ въ рукахъ.

— Да развѣ ты встрѣчала когда-нибудь человѣка, способнаго сохранить подлѣ тебя разсудокъ? оживленно отозвался Василий Андреевичъ. Я увѣренъ, что если бы захотѣла, ты свела бы съ ума самаго Ридрикса, не смотря на его почти семьдесятъ лѣтъ.

— Да вотъ это именно; надъ чѣмъ надо подумать, кого интереснѣе, тебя или Ридрикса, и тихо разсмѣявшись своимъ внутреннимъ, загадочнымъ смѣхомъ, княгиня отошла отъ него къ барону.

— Ъдимъ домой, Вася! нервно взмахнувъ на него рѣсницами, отрывочно проговорила блѣдная Елена Павловна.

— Нѣтъ!... Я не могу. Еще будетъ кадрили. Я общалъ, и притомъ, я полагаю, что ты не разсыпишься, если пробудешь еще полчаса.

— А если я устала, если мнѣ дурно!?

— Ну, такъ поѣзжай! Тебя, вѣроятно, не откажется проводить Соколинъ.

— Но, Вася, вѣдь я жъ тебѣ сдѣлала удовольствіе, я пріѣхала, такъ неужели не можешь бросить твою несносную кадрили? Извинишься!... Неужели для тебя эта кадрили больше значить, чѣмъ я, чѣмъ мое спокойствіе, здоровье? перебивая слово словомъ, точно въ лихорадкѣ, говорила она, и все сильнѣе дрожали на его рукѣ тонкіе пальцы ея маленькой, слабой, нервной руки.

— Если я далъ слово, ну, какъ же ты хочешь? очевидно, колеблясь, уже слабо возразилъ онъ.

— Ну, я прошу тебя, милый! не спуская съ его лица умоляющаго взгляда, чуть слышно прошептала она.

Градынская пасмѣшливо посмотрѣла на него.

— О, нѣтъ, нѣтъ, не могу, Лена!... Разъ сказалъ, что нѣтъ, и нѣтъ, и быстро отвернувшись, какъ бы боясь ея взгляда, онъ пошелъ къ дверямъ террасы.

Елена Павловна быстро опустила голову и не проронивъ ни слова, не взглянувъ даже на него, торопливыми шагами пошла изъ зала. Соколинъ едва поспѣвалъ за нею.

«Какъ это и глупо, и безтактно!... ревность утромъ, ревность вечеромъ. Что можетъ быть ужаснѣе ревности? Она можетъ отравить и сонъ, и аппетитъ! И чего она, чего?... Отчего же я не ревную ее къ Соколину?... Да я даже былъ бы очень радъ! Хотя бы на нѣсколько недѣль оставила меня въ покоѣ! А все глупость! Глупость—это мать пороковъ! Неужели такъ трудно ей понять, что я могу увлекаться другими и что это нисколько не измѣнитъ меня къ ней, что я бы даже больше любилъ ее, если бъ вѣчно не становилась мнѣ поперекъ дороги. И что теперь подумаетъ княгиня? Какъ выдти изъ этого нелѣпаго положенія?... Связалъ же меня Господь!... Судьба!... И вовсе не судьба, а прежде всего собственное самодурство, мальчишество. И какъ это странно! Вѣдь мнѣ тогда казалось, что я и одного дня не могу дышать безъ нея!! Видно правъ былъ отецъ, говоря, что не суйся въ воду, не спросясь броду, закуривъ на террасѣ папиросу, досадливо думалъ Василий Андреевичъ.

Раздался сигналъ кадрили.

— Гдѣ это Камилина? Вотъ еще странное существо! Тоже все ищетъ какой-то любви особенной, неземной! И къ чему родятся такіе люди? Только чтобъ мучить себя и другихъ.

Василій Андреевичъ вздохнулъ. Его брови сошлись. Чья-то рука тихо коснулась его руки. Онъ быстро оглянулся. Это была Градынская. Ея глубокіе, темносѣрые глаза дышали укоризной.

— Что съ тобой? Ты не вѣришь мнѣ, Василій?

— Если бъ я обманулся въ тебѣ сегодня, я бъ разъ навсегда отошелъ отъ тебя.

— Ну, такъ не любишь! вспыхнувъ и быстро поникая, едва слышно прошептала она.

— Это предоставляю сознать тебѣ самой, досадливо отшатнувшись и внимательно всматриваясь въ даль, отвѣтилъ онъ.

— Но, Василій, ты жестокъ! Развѣ можно, развѣ добросовѣстно мучить такъ, какъ ты мучишь меня? Кто любить, тотъ не глумится надъ чувствомъ, тотъ не въ силахъ рассчитывать каждое слово, каждый взглядъ, каждое движеніе, какъ ты! Тотъ отдается слѣпо, безсознательно.

— Какъ ты у калитки, съ тѣмъ же досадливо-насмѣшливымъ выраженіемъ перебилъ Василій Андреевичъ.

— Василій! сильно дрогнувшимъ голосомъ упрекнула Градынская, и ея взглядъ былъ полонъ нѣги: онъ точно томился въ любви къ нему.

— Нѣтъ, не я, а ты, Владислава, ты мучишь и меня и себя твоими то да, то нѣтъ, мгновенно вспыхнувъ и крѣпко сжимая ея руку, горячо проговорилъ Василій Андреевичъ. Сознай же, наконецъ, что почти годъ играешь мною, что, то подавая надежду, то снова колеблясь, отстраняясь, ты сама обращаешь жизнь наслажденій въ рядъ пытокъ и укоровъ! И чего же медлишь ты? То манишь, то смѣешься? Ни сегодня—завтра прїѣдетъ твой мужъ. Теперь дорога уже каждая минута. Нѣтъ, нѣтъ, Владислава, или сегодня, или никогда! Она молчала. Она не смѣла взглянуть ему въ лицо. Она дрожала передъ малѣйшимъ шорохомъ въ саду, передъ каждымъ словомъ слабо долетавшаго изъ гостиной оживленнаго говора. Живымъ, сплошнымъ румянцемъ горѣли щеки, горѣла кровь въ ушахъ. Все отчетливѣе колебались на груди сборчатаго лифа складки. Онъ безъ словъ, въ глубокомъ затишьи, любовался ею. Все сильнѣе дрожала ея рука въ его рукѣ. Да! она рѣшилась! Ужъ не было больше борьбы! Она отдавалась ему въ этотъ мигъ.... безсознательно, слѣпо! Она вся дышала мечтою наслажденія съ нимъ.

— Владя, Владя! виѣ себя прошепталъ онъ и, мгновенно высвободивъ руку, обнялъ и прижалъ къ своей груди, и страстный поцѣлуй замеръ на ея губахъ.

— Ахъ! рѣзко, протяжно вскрикнулъ кто-то на дорожкѣ у газона, подъ самую террасой.

Градынская вырвалась и, закрывъ лицо руками, опрометью бросилась съ террасы. Нервною дрожью пронизалъ Василія Андреевича этотъ рѣзкій, полный и ужаса, и отвращенія крикъ. Онъ смущенно взглянулъ по голосу. Его глаза встрѣтились съ сжатымъ, суровымъ взглядомъ Камилиной. Судорожная усмѣшка и гнѣва, и презрѣнія на ея блѣдныхъ губахъ, и въ тотъ же мигъ скрылась она.

Глава XXV.

Непроницаемая тишь царила въ глубинѣ садовъ зеленого холма. Кой-гдѣ мелькали огоньки и, какъ бы дразнясь, еще тѣснѣй сгущали общій сумракъ. Такъ тихо было вокругъ, что малѣйшій шорохъ уже вызывалъ и дрожь, и зоркое, чуткое вниманіе. Гдѣ-то робко гавкнула собака и, какъ бы испугавшись своего же голоса, смолкла въ тотъ же мигъ.

— Что съ тобой, Владислава? Чего ты дрожишь, точно въ лихорадкѣ?

— Ну, не сердись, Василий, я сама знаю, что это глупо, ужасно глупо, и все-таки не могу овладѣть собою, Вася! нервно сжимая его руку, спросила она: слышишь, слышишь шорохъ?

— И не бывало!

— Мнѣ все кажется, что это кто-нибудь, что насъ увидятъ, подсмотреть, подслушаютъ.

— Полно, что за вздоръ! Кому какое дѣло! и, медленно склонившись, онъ прижалъ къ горячимъ губамъ ея холодную руку.

— Василий, вѣдь ты любишь, ты... не посмѣешься?

— Какъ не грѣхъ тебѣ, Владя! тономъ глубокой укоризны возразилъ онъ.

— Опять, слышишь, Василий? и, боязливо прижавшись, она нервно осмотрѣлась.

— Ровно ничего. Это все чудится тебѣ, милая!

— Какъ же чудится? Я опять отчетливо слышала, какъ хруснула за нами вѣтка. Кто-то идетъ, право же идетъ.

— Э, полно, Владя! Твое собственное воображеніе бѣжитъ за тобою. И какъ можно быть такою трусихою. Ну, вотъ и пришли, слава Богу!

— Ты знаешь, гдѣ крючекъ? Тихе, Бога ради тихе, я такъ боюсь, чтобы не услышали люди.

Василій Андреевичъ безъ малѣйшаго шума открылъ калитку и, пропустивъ ее впередъ, съ тою же осторожностію закинулъ крюкъ на петлю.

Они вошли подъ темный сводъ вишневой аллеи.

— Здѣсь, здѣсь останься, Василий, Бога ради! Ни шагу дальше. Пока... пока не увидишь на окнѣ будуара свѣчу. Тогда иди черезъ террасу и затвори за собою двери въ залъ и въ будуаръ. Нѣтъ, нѣтъ! Я боюсь, ты забудешь! Я запрю сама, а ты лучше войди въ будуаръ черезъ окно. Есть лавка, не высоко, торопливымъ шепотомъ проговорила она и, крѣпко сжавъ его руку, исчезла изъ аллеи. На террасѣ звонко, отчетливо щелкнуло что-то. Василій Андреевичъ вздрогнулъ. Теперь онъ самъ и съ каждымъ шагомъ волновался все болѣе и болѣе. У него холодѣли руки, замирало сердце, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ на террасу. Ничего не видно. Вотъ опять что-то щелкнуло, но уже глуше, тише. Очевидно, ключъ въ двери.

Въ залѣ вспыхнулъ огонекъ, побѣжалъ, все дальше и дальше, пока не скрылся совсѣмъ за густою зеленью, заслоняющей окна.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, за калиткою, хруснула вѣтка. Онъ вздрогнулъ. Неужели показалось? Да нѣтъ же! Не можетъ быть! Какъ это, однако, странно! Э, глупости! Кому какое дѣло! стараясь онъ успокоить себя. Но, не смотря на всю ясность соображенія, что некому и не зачѣмъ, подозрѣніе росло и съ каждою минутою все сильнѣе тревожило его. Онъ то опять слышалъ трескъ вѣтки, то различалъ даже шаги.

Мучительно долго тянулись минуты, а все нѣтъ и нѣтъ сигнальной свѣчи. Въ окнахъ будуара мелькнулъ огонекъ. Онъ не могъ долѣе выносить выжидательнаго положенія; онъ подошелъ къ окну и, затаивъ духъ, прижавшись къ стѣнѣ горячимъ лбомъ, съвѣзъ широкую щель разошедшейся драпировки, заглянулъ внутрь будуара. Владислава Францовна, опустивъ голову, закрывъ лицо обѣими руками, задумчиво стояла передъ туалетнымъ зеркаломъ простѣика. Но вотъ она нервно выпрямилась, отвела руки, зорко осмотрѣлась и, подойдя къ дверямъ, замкнувъ ихъ быстро, возвратилась къ зеркалу.

Ея тонкіе, длинные пальцы, срывая петли съ пуговицъ, торпливо побѣжали отъ ворота къ талии туго стянутаго чернаго платья. Стянула рукавъ правый, лѣвый. Спаль лифъ по талию. Все порывистѣе билось сердце въ груди Василя Андреевича, все зорче, все лихорадочнѣе слѣдилъ онъ за малѣйшимъ ея движеніемъ... Обнажились руки, плечи. Опять выпрямилась, переступила платье, юбку и распустила косу. Окутала шелковистая, долгая коса и плечи, и спину волнистыми кольцами далеко за талию, побѣжала за ней. Быстро собравъ платье, юбки, скрылась за зеленою портьерою. Опять вернулась. Бѣлый съ розовымъ пеньюаръ свободно охватывалъ ея гибкую фигуру. Открыла окно, поставила свѣчу и, чуть внятно, прошептала: «Василій». Отдернувъ тяжелую портьеру, онъ вошелъ въ спальню. Она вся вспыхнула, быстро, быстро закрыла глаза рукою и, теряясь, робѣя, какъ бы самой себя страшась, вся, вся ушла отъ него въ уголокъ козетки.

— Владя, милая Владя! и, вставъ передъ нею на колѣна, онъ, какъ безумный, цѣловалъ ея руки.

— Милый, милый—порывисто шептала она.

Онъ поднималъ ее за талию, крѣпко обнялъ.

Рѣдѣлъ туманъ. Вдали востока огромнымъ золотистымъ шаромъ медленно вздымалось солнце. Легкій, ранній вѣтерокъ, играя

надъ холмомъ, влудясь надъ Глядичемъ, все оживленнѣе, лепеталъ въ вершинахъ густой зелени окрестныхъ садовъ. Василій Андреевичъ, жадно вдыхая прохладу свѣжаго утра, торопливыми шагами приближался къ дому Бернольди. Его тревожила мысль о женѣ. Ему почему-то казалось, что она все еще не спитъ, все ждетъ его, недоумѣваетъ, плачетъ, и какъ ни пытался онъ успокоить себя мыслию, что ея слезы—младенческія слезы, что ея горе—младенческое горе, что она была и всегда останется ребенкомъ, чуждымъ глубокихъ ощущеній,—все живѣе чувствовалъ ея скорбь, все нагляднѣе представлялась она ему взволнованная, вся въ слезахъ, оскорбленная, уничтоженная. Онъ теперь даже не могъ понять, какъ рѣшился въ такую пору пойти къ Градынской и такъ долго пробыть у нея.

Глава XXV.

Уже съ восьми часовъ утра, тѣснилась въ двери огромнаго зала соединенной палаты лихорадочно-возбужденная толпа. Слушалось дѣло дворянки Казиміры Юсифовны Орловской, обвиняемой въ убійствѣ своего мужа, Фердинанда Орловскаго. Толпа волновалась, тѣснилась впередъ. Всѣмъ хотѣлось видѣть подсудимую, въ нее взглянуть, прочесть въ лицѣ,—виновна или нѣтъ? Въ переднихъ рядахъ мельгали шляпки, платья всѣхъ цвѣтовъ, погоны, виц-мундиры, сюртуки. Отъ времени до времени звякали сабли, шпоры, поднимался легкій шорохъ и, какъ бы смущенный самъ собою, въ тотъ же мигъ стихалъ до окружающей его чуткой, нервной тишины.

Говорилъ теперь защитникъ. Его мысли порывались, его голосъ дрожалъ. Онъ видимо терялся, робѣлъ, онъ былъ не въ силахъ побороть волновавшаго его сочувствія къ подсудимой. Не на одномъ молодомъ, женскомъ лицѣ отразилась тревога, не на однихъ глазахъ набѣгали слезы.

Высоко скрестивъ на груди исхудалая, блѣдныя руки; опустивъ голову, боясь взглянуть въ глаза толпѣ, неподвижно стояла она за массивною, дубовою рѣшеткой. Блести на яркихъ, солнечныхъ лучахъ лезвіями обнаженныхъ сабель, спойкойны и безучастны,—два жандарма за нею. Блѣдна, одѣта въ черномъ, открыта исхудалая шея; нѣженъ овалъ молодого лица. Въ сжатыхъ, тонкихъ губахъ что-то судорожное, рѣзкое. Василій Андреевичъ, взволнованный, блѣдный, не спуская глазъ съ за-

щитника, лихорадочно, нервно схватывалъ каждое его слово и со всякимъ новымъ доводомъ, со всякимъ новымъ возраженіемъ, все брѣлъ, росъ, мужалъ и раздражался въ немъ надменный обвинитель.

— Я не буду утомлять васъ, господа судьи, болѣе подробнымъ анализомъ обстоятельствъ дѣла! говорилъ, между тѣмъ, защитникъ. Оно ясно, какъ день. Подсудимая сама созналась, сама разъяснила все то, что не удалось обнаружить слѣдствию, и я, далекій отъ мысли поставить ее виѣ отвѣтственности, обращаю ваше вниманіе лишь на тѣ несомнѣнные данныя, по которымъ, твердо убѣжденъ, требованіе, предъявленное вамъ обвинительною властью, представится не только чрезмѣрнымъ, но даже жестокимъ. Всякое увлеченіе... но, поднимаясь у дверей сумятица заставила его приостановиться. Подсудимая вздрогнула и точно съвздохъ сонъ оглянула залъ. Василій Андреевичъ досадливо обернулся. Предсѣдатель, сурово сдвинувъ брови, схватился за звонокъ, но въ тотъ же мигъ брови его разошлись и лицо приняло въ высшей степени заискивающее, приторно сладенькое выраженіе. Толпа разступилась. Къ рѣшеткѣ медленно, спокойно, безъ малѣйшаго шороха, подходила княгиня. Она тотчасъ же заняла, уступленное ей въ первомъ ряду какимъ-то виц-мундиромъ, мѣсто. Виц-мундиръ осклабился, почтительно склонился и, вытянувшись въ струнку, исчезъ въ толпѣ. Княгиня, какъ будто и не замѣтила ни смущенія предсѣдателя, ни почтительнаго виц-мундира, ни даже самой толпы. Она оправила шляпку, слегка вздохнула и, медленно приподнявъ рѣсницы, холодно взглянула въ сторону подсудимой.—Всякое увлеченіе, вспыхнувъ, продолжалъ защитникъ прерванную рѣчь, — въ пользу - ли обвиненія, въ пользу - ли оправданія одинаково опасно и даже преступно. Я не буду касаться чистосердечнаго сознанія подсудимой, которое уже по самому закону есть смягчающее вину обстоятельство, но я не могу объяснить себѣ, какъ могло оно ускользнуть отъ безпристрастнаго вниманія г. прокурора.

Чуть примѣтная усмѣшка передернула губы княгини; она взглянула на Бояринова. Десятки глазъ обратились въ его сторону. Василій Андреевичъ нервно загнулъ листы книги законовъ. Все болѣе и болѣе раздражался онъ и такъ рвалось на волю горячее слово. Въ немъ кровь кипѣла, билась въ сердца, въ вискахъ; ему теперъ каждый мигъ тянулся часомъ.

— Не буду касаться ни ея внѣшности, ни голоса, исключающих самую возможность допустить въ ней сознательную, преступную волю! Нѣтъ, господа судьи, все это ничто передъ тѣми данными дѣла, по которымъ болѣе чѣмъ очевидно, что преступленіе ею совершено въ порывѣ, а порывъ вызванъ самимъ же покойнымъ! Мы можемъ воспретить дѣйствіе, можемъ заставить молчать, но можемъ ли заставить другаго и думать, и даже чувствовать такъ, какъ мы бы желали?! А не этого ли именно добивался покойный отъ подсудимой въ безумныхъ припадкахъ своей дикой ревности? Какъ могла любить его, когда любила другаго; какъ могла выказывать чувство, когда въ ней его не было; какъ могла, наконецъ, принадлежать ему, когда былъ ей противенъ!? А развѣ онъ не добивался этого со всею несдержанностью человѣка, ослѣпленнаго чувственною страстью!? Да именно чувственною.... Если бы онъ любилъ ее, какъ утверждаютъ свидѣтели Каминскій и Ананьевъ, то никогда бы не позволилъ себѣ такъ тиранить!... Тѣ же свидѣтели, друзья покойнаго, сторонники обвиненія, развѣ не достаточно еще выяснили, что онъ лишалъ ее свободы, запиралъ у нея платье, ее самое, что, возвративъ отъ матери, послѣ побѣга, въ теченіи почти цѣлаго мѣсяца, не позволялъ ей сдѣлать шага изъ дому безъ себя или надзора въ лицѣ того или другаго изъ нихъ!? И кто-жъ изъ насъ не возмущился бы этимъ?!... Какая бы женщина снесла спокойно цѣлый рядъ столь возмутительныхъ насилій, да и если бъ снесла даже, не поставила ли бы себя ниже всякой терпимости?!... Но, натура нервная, впечатлительная, развитая, могла-ль стерпѣть, могла-ль не возненавидѣть тирана?! И она возненавидѣла, она его убила!... Но не самъ ли онъ вызвалъ ее на это преступленіе?!... Какой оставался ей исходъ? Бѣжать!... Къ кому?... Къ матери?... Къ матери она и бѣжала. Но мать забыла, что ею обута, одѣта, накормлена, что ею жила и живетъ; забыла, выдала и выдала лишь потому, что знала, что онъ богатъ, а она бѣдна, что онъ точно также имъ можетъ дать довольство, какъ и повергнуть въ нищету?... Это ли еще не раздражающій поступокъ? Это ли еще не настолько отвратительное дѣйствіе, чтобы вызвать не только отчаянный порывъ, но даже и свести съ ума!? И это не предположеніе, а фактъ!... Тѣми же свидѣтелями удостовѣрено, что за нѣсколько дней до отравленія мужа, она ходила, какъ тѣнь, всѣхъ избѣгала, заговаривалась!...

— Вдумайтесь же, господа судьи, вдумайтесь, какъ можно глубже во всё эти обстоятельства, и вы сознаете, какъ созналъ ужея, что она совершила преступленіе не обдуманно, не намѣренно, а именно въ томъ состояніи души, въ какомъ человѣкъ становится уже безусловнымъ рабомъ стѣснившихъ его условій! Ваша совѣсть не допуститъ васъ осложнить ея несчастную долю, осложнить ея и безъ того нестерпимыя, душевныя страданія чрезмѣрно суровымъ приговоромъ!... и онъ замолкъ: его голосъ замеръ, его мысли изсякли. Онъ сказалъ все, что могъ только сказать въ ея оправданіе; онъ честно исполнилъ свой долгъ!

Поднялся легкій шорохъ. Вздохнулась толпа. Княгиня слегка вздохнула, съ видимымъ усиліемъ отвела взглядъ отъ подсудимой.

Бояриновъ медленно поднялся, порывисто вздохнулъ и, слегка опершись о кафедру, бѣглымъ взглядомъ окинулъ толпу, судей. Мертвая тишина встрѣтила его. Сотни глазъ съ напряженнымъ, лихорадочнымъ вниманіемъ загорѣлись надъ нимъ. Подсудимая, какъ бы подавленная непреодолимымъ гнетомъ, тяжело опустилась на стулъ. Онъ все молчалъ, онъ какъ будто наслаждался тѣмъ гробовымъ затишьемъ, съ какимъ дождала его рѣчи нетерпѣливая, въ послѣдней степени возбужденная толпа. Вотъ выпрямился, скрылъ взглядъ отъ толпы, отъ судей. Вотъ, вотъ, сейчасъ! Княгиня замерла.

— Всякое увлеченіе въ пользу ли оправданія, въ пользу ли обвиненія одинаково опасно и даже преступно, господа судьи, сказала намъ защита, быстро поднимая голову, сильно дрогнувшимъ голосомъ, началъ онъ. И намъ-ли, намъ-ли, борцамъ за благоденствіе, за честь, за жизнь согражданъ противъ страсти, противъ порыва, противъ преступныхъ движеній, злой воли, стать возражать!? Нѣтъ, мы не оспариваемъ, мы напротивъ того, принимаемъ этотъ взглядъ съ теплою вѣрою, даже положимъ его въ основу нашей второй, сильнѣйшей части обвиненія. И, если-бъ сама защита не увлеклась, если-бъ все время стояла она въ предѣлахъ совѣсти и долга, возмутились ли бы мы, почувствовали ли бы ту скорбь, то негодованіе, какими съ этого мгновенія станетъ дышать наша рѣчь!? Но, защита увлеклась, защита забылась!... Иначе, какъ бы позволила себѣ преступленіе поднять до высоты подвига, лукавство назвать правдой, исказить самыя обстоятельства дѣла и въ своемъ порывѣ, пасть даже до клеветы на покойнаго?! Вотъ гдѣ не сможемъ мы молчать, вотъ

гдѣ поднимемся со всею энергіею на защиту того честнаго на-
правленія, что соткало тебѣ, страдалецъ, вѣчную, добрую память.
Покойный—тиранъ!? и прокуроръ быстро поднялъ голову, глухо
разсмѣялся.

Нервнымъ трепетомъ пробѣжалъ этотъ странный, холодный
смѣхъ по плечамъ княгини. Толпа тревожно шелохнулась, надви-
нулась, стиснула, сжала первые ряды. Тяжело вздохнулъ за-
щитникъ. Ни движенія, ни взгляда, ни малѣйшаго шороха за
рѣшоткою. Какъ будто слитая со стуломъ холоднаго мрамора
статуя, сидѣла за нею подсудимая.

— Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, господа судьи, не повѣрить-ли
намъ защитѣ на слово, не допустить-ли, хотя на одинъ лишь
мигъ, что покойный самъ себѣ подписалъ смертный приговоръ,
а подсудимая лишь выполнила его волю, что цѣлымъ рядомъ
возмутительныхъ насилій возбудилъ онъ въ ней тотъ понятный,
естественный гнѣвъ, подъ неотразимымъ влияніемъ котораго под-
нялась ея рука на его молодую жизнь?! Нѣтъ! Мы не увлечемся
примѣромъ защиты: мы не построимъ всего на ни чемъ, мы не
позволимъ себѣ отъ себя и единого слова! Пусть факты гово-
рятъ за насъ, пусть самъ собою скажется въ нихъ души под-
судимой преступный моментъ!... Моментъ притворства, моментъ
лукавства, моментъ обмана изо-дня въ день, изъ часа въ часъ!!
и, вспыхнувъ, опъ нервно выпрямился.

Княгиня, то блѣднѣла, то краснѣла. Местью къ подсудимой,
презрѣніемъ къ защитѣ, гордымъ сознаніемъ своей силы, высоты
своего назначенія продышалъ въ ней его, случайно мелькнув-
шій, какимъ-то страннымъ фосфорическимъ блескомъ освѣщенный
взглядъ. Она еще стояла на сторонѣ подсудимой, она дрожала
за нее, она, сама себѣ не отдавая отчета, скорѣе чувствовала
въ ней жертву, чѣмъ преступницу, и въ то же время, и съ
каждымъ новымъ мигомъ, съ каждымъ новымъ, пылкимъ дово-
домъ обвиненія она терялась и, какъ-бы въ чемъ-то сама передъ
нимъ, передъ этимъ нещаднымъ прокуроромъ виноватая, не смѣла
даже взглянуть на него. Вѣдь онъ обвинялъ не подсудимую,
не Орловскую, нѣтъ!... Онъ обвинялъ вообще женщину,—не-
вольницу обстановки.

— Вспомните же, господа судьи, вспомните ту лучшую пору
жизни покойнаго, тѣ немногіе счастливые его дни, когда въ
одинъ изъ чудныхъ, майскихъ вечеровъ, тихо разговаривая съ
друзьями своими, Каминскимъ и Ананьевымъ, проводилъ онъ

свои честные взгляды на жизнь, смѣло засматривалъ въ будущее и такъ много, много тихаго, радостнаго счастья сулила ему, такъ злобно, такъ нещадно подсмѣившаяся надъ нимъ судьба! Миръ праху твоему, страдалецъ!... О, мы не оскорбимъ честнаго имени твоего, мы не станемъ на сторону защиты, мы не повторимъ за нею безъ основанія, безъ данныхъ, незаслуженной тобою клеветы! Помните, что въ ту радостную, свѣтлую пору, пору жизни, въ которой онъ еще не подозрѣвалъ существованія подсудимой, онъ былъ всегда добръ, веселъ, оживленъ, на столько же вспыльчивъ, на сколько и великодушенъ. Такъ говорятъ объ немъ друзья, знакомые, такимъ зналъ его весь чернорѣченскій уѣздъ. Онъ былъ богатъ, молодъ, не дуренъ собою, когда, по окончаніи курса юридическихъ наукъ, поселившись въ своемъ имѣніи, принялъ должность мирового посредника. Не долго, впрочемъ, надѣялся на радостную жизнь, не долго, спокойно засыпая, мечталъ о счастьи. Онъ встрѣтилъ его, обманчивое, лживое, въ лицѣ подсудимой. Ей было тогда 18 лѣтъ. Дочь раззорившагося, еще недавно богатаго дома, она привыкла къ роскоши, къ обстановкѣ, смотрѣла на жизнь совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ. Съ первой же встрѣчи она окружила его своимъ вниманіемъ. Это было на балѣ въ Скалахъ. — Не долго колебался онъ. Не прошло и недѣли, и она стала его женою, естественной хранительницею его имени, чести, самой жизни!... Тогда-то только узналъ онъ, что за долго до ихъ встрѣчи она уже была любовницей Казницкаго и что отъ этой связи есть у нея сынъ!... Но, кто любить, тотъ вѣритъ, кто вѣритъ, тотъ прощаетъ, — и онъ простилъ. — Чѣмъ же отвѣтила ему подсудимая?... Но нѣтъ!... зачѣмъ я буду опять возмущать васъ, господа судьи, этими частностями, этими кровъ холодящими воспоминаніями?!.. Зачѣмъ опять стану омрачать совѣсть вашу мыслью, что и среди людей образованныхъ, встрѣчаются еще натуры, способныя изумить своею жестокостью, своимъ безсердечіемъ даже и дикаря-самоѣда!?! Зачѣмъ?! Или все еще не достаточно и живъ, и нагаденъ вамъ обликъ души ея?! Обликъ лукавый, обликъ обманчивый!... То полный нѣги, горячей, нервной ласки, любви, то... корыстный, чувственный, способный на ласку даже и въ тотъ страшный вечеръ, когда, его цѣлуя, съ нимъ тихо, враждебно говоря, поднесла ему въ лѣкарствѣ мышьякъ?!.. И онъ принялъ ядъ, принялъ съ тѣмъ слѣпымъ, младенческимъ довѣріемъ, съ какимъ ужъ нѣсколько лѣтъ и радостно, и беззаботно пилъ

любви ея отраву. Миръ праху твоему, злосчастный человѣкъ!... Ты любилъ, тебя ограбляли; ты довѣрялъ, тебя обманывали; ты поклонялся, надъ тобою глумились; ты молилъ себѣ тихихъ радостей, счастья, тебѣ дали тѣснаго гроба покой!... Не примѣтевъ твой крестъ среди массы кладбищенскихъ крестовъ.... Но не за тебя ли наше волненіе, не за тебя ли совѣсть, законъ, не за тебя ли скорбь друзей твоихъ надъ могилою твоею, не за тебя ли справедливость, не за тебя ли все, что только есть въ душѣ честнаго, правдиваго, святаго, и.... мы не посмѣемся надъ смертію твоею, какъ посмѣялась надъ жизнію судьба! Княгиня, блѣдная, взволнованная, скрестивъ руки, казалось, вся сосредоточилась во взглядѣ, устремленномъ на Бояринова. Что-то лихорадочное, напряженное томило ее, и каждаго, и всѣхъ, какъ одного. Непонятный холодъ стоялъ вокругъ, и такъ неприятно шевелился въ волосахъ ея пышной косы. Ужъ не холодомъ ли смерти вѣяло на нее?!.. Княгиня вздрогнула, закрыла глаза. Чувство ужаса все глубже и глубже завладѣвало ею. Она теперь безъ страха не могла бы взглянуть на подсудимую.

— Есть ли въ природѣ даръ выше дара жизни, господа судьи, уже спокойно, тихо, внятно, какимъ-то совѣмъ другимъ, какъ бы не своимъ голосомъ, продолжалъ прокуроръ. — Страшна смерть всѣмъ возрастамъ, всѣмъ положеніямъ. И старецъ, и юноша, и богачъ, и бѣднякъ не одинаково ли гонять отъ себя самую мысль объ ней? Страшна смерть на полѣ брани; но не даромъ же говорится, что на людяхъ и смерть красна. Страшна смерть отъ болѣзни среди родныхъ, друзей; но ихъ слезы надъ умирающимъ, ихъ искренняя скорбь надъ нимъ развѣ не отрада ему, и въ холодныхъ объятыхъ смерти. Страшна смерть отъ ножа убійцы, отъ воды, отъ огня; но есть ли смерть ужаснѣе смерти отъ отравы, да еще принятой съ довѣріемъ, съ благодарностью изъ руки любимой женщины, — женщины, для которой всѣмъ жертвовалъ, всѣмъ, что только было дорого ему на землѣ!? Пройдутъ десятки лѣтъ и все жъ не замретъ объ ней народная молва. Расскажутъ дѣды внукамъ.... Въ легенду обратится, въ ней навсегда станетъ жить, и глубокою, ночью порою не одинъ младенческій сонъ, не одну дѣвичью грезу нарушить, смутить, кровь холодящій призракъ жены—отравительницы!... Тутъ ли мѣсто пощадѣ, тутъ ли мѣсто снисхожденію, господа судьи!?. Тутъ ли, гдѣ мутится мысль, гдѣ стынетъ кровь при одномъ воспоминаніи!? И какъ бы ни былъ суровъ

вашъ приговоръ, ничто, никакія, хотя бы самыя тяжелыя, послѣдствія его, ни физическія усилія, ни нужда и лишенія, ничто не можетъ дать испытать подсудимой и слабой доли тѣхъ нравственныхъ страданій, тѣхъ физическихъ мукъ, что вынесъ покойный, стораая медленнымъ огнемъ ею въ него подъ личиною любви, подъ видомъ помощи влитой отравы!

Прокуроръ замолкъ, съ трудомъ переводя духъ и, тихо отступивъ отъ кафедры, блѣдный, утомленный, медленно опустился въ кресло. Мертвая тишина царила въ залѣ. Точно онѣмѣла, скованная ужасомъ, толпа. Глубоко потупивъ голову, тихо плакала подсудимая.

— Господа судьи, едва слышно началъ блѣдный защитникъ. Я не стану отрицать ни факта, ни обстановки преступленія, ни даже степени преступности подсудимой, я только попрошу васъ обратить вниманіе на ту сильнѣйшую часть обвинительной рѣчи, въ которой господинъ прокуроръ призналъ Казницкаго роковымъ человѣкомъ въ жизни покойнаго. Такъ-ли это, господа судьи?!.. Не скорѣе-ли Казницкій роковой человѣкъ въ судьбѣ самой подсудимой! Не онъ-ли втолкнулъ ее въ этотъ несчастный бракъ, не ради-ли его ея корысть, не ему-ли въ жертву принесла она: и дѣвичій стыдъ, и семью, и совѣсть?!.. Не онъ-ли опьянилъ ее страстью, навелъ на самое убійство?! Не онъ-ли, наконецъ, первый бѣжалъ отъ нея въ несчастіи?!.. Будьте же великодушны, будьте справедливы, господа судьи и, карая подсудимую, какъ преступницу, примиритесь въ вашей совѣсти съ нею, какъ человѣкомъ!

Глухія, судорожныя рыданія покрыли его голосъ.

Опять поднялся прокуроръ. Онъ былъ все также блѣденъ, но, повидимому, совершенно спокоенъ. Онъ взглянулъ на подсудимую, но въ этомъ взглядѣ не было и тѣни прежняго раздраженія. Онъ какъ будто примирился съ нею за эти минуты, примирился, какъ каждый изъ насъ примиряется съ врагомъ обезсиленнымъ, уничтоженнымъ: онъ теперь смотрѣлъ на нее скорѣе, какъ на недужнаго друга, чѣмъ на врага, скорѣе готовъ былъ спасти ее, помочь ей подняться изъ-подъ гнета давившаго обвиненія, чѣмъ подавить ее еще глубже.

— Я кончилъ свое дѣло, господа судьи!... Я все разъяснилъ, я указалъ вамъ и на обдуманность, и на рѣшительность преступной воли подсудимой... Спало съ души моей тяжкое бремя, и онъ вздохнулъ, и не одинъ вздохъ слился въ эту ми-

нугу съ его вздохомъ. Вдохнула и княгиня. Она еще не понимала, что хотѣлъ онъ сказать, но она уже предощуцала въ немъ: во всей его фигурѣ, въ его спокойномъ голосѣ, въ его влажномъ взглядѣ что-то теплое, живое, что соединяло его въ эту минуту, и съ толпой, и съ подсудимой, что побуждало его въ одно и то же время и требовать наказанія ей, какъ преступницѣ, и сострадать по ней, какъ рабынѣ независимыхъ отъ воли условій.

— Два міра въ нашей природѣ, господа судьи, два міра въ каждомъ изъ насъ!... Міръ чувственныхъ волненій.... страстей, порывовъ, злодѣяній не всегда-ли рука объ руку съ міромъ совѣсти въ насъ??!. Первый осязаемъ и нагляденъ, второй неуловимъ, какъ воздухъ.... И не настолько-ли же первый грубъ, пошлъ, отвратителенъ, низокъ, на сколько второй правдивъ и прекрасенъ!?. *Мы его не видимъ, но не его-ли исповѣдуемъ?*... Мы глумимся надъ нимъ въ преступленіяхъ; но не отъ него-ли, съ ужасомъ бросивъ ножъ у трупа, бѣжить, спасается преступникъ отъ воображаемой погони!? И не жалокъ-ли, не смѣшонъ-ли онъ въ эти минуты? Гдѣ можетъ укрыться, гдѣ спастись, когда въ немъ самомъ и судъ, и наказаніе!? Непонятно, странно было бы для меня, господа судьи, если бъ ваша совѣсть смутилась предположеніемъ, что въ вашихъ рукахъ удѣлъ Орловской? Нѣтъ! вы только случайная форма, виѣшнее выраженіе совѣсти, которая преслѣдуетъ, грозитъ, угнетаетъ и мучить ее съ момента совершеннаго ею преступленія!... Кто отринетъ въ подсудимой натуру впечатлительную, натуру развитую, натуру на столько же способную къ наслажденію, на сколько и къ страданію, и тѣмъ хуже для нея, тѣмъ глубже, тѣмъ живѣе страдала она и будетъ страдать въ тщетной борьбѣ съ сознаніемъ своей преступности! Нѣтъ, господа судьи, не вамъ шутить правосудіемъ, не вамъ играть судьбой людей, не вамъ играть ихъ честью, жизнью, не вамъ забыть, что отъ пощады до малодушія, какъ отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ!

— Будьте же великодушны, будьте справедливы, и хотя ради тѣхъ страданій, что несла, несетъ, какъ женщина, пощадите въ ней человѣка! сказала вамъ защита. Да, именно!... Будьте великодушны, будьте справедливы, господа судьи, и ради страданій, что испытываетъ теперь ея молодая, развитая жизнь, ради тѣхъ нравственныхъ пытокъ, что несла, несетъ, какъ преступница, какъ убійца, придите на помощь къ ней и вашимъ неумолимымъ, какъ самъ законъ, приговоромъ, откройте ей воз-

можность тамъ, подъ холоднымъ небомъ Сибири, среди трудовъ, лишеній и нужды примириться съ совѣстію своею!... Она молода, полна энергіи, силъ!... Совѣсть можетъ убить ее разомъ, трудъ никогда.... И спокойно, и безропотно вынесетъ она свой удѣлъ, — заслуженную преступленіемъ кару и, чрезъ посредство этой кары примирившись съ совѣстію своею, благословитъ васъ, облегчившихъ ея нравственныя страданія, станетъ тамъ, среди поселянъ, но уже не какъ преступница, а какъ опора нравственности, какъ опора долга!... Сколькихъ удержитъ, сколькихъ спасетъ! Укажите мнѣ страну, гдѣ солнце не свѣтитъ, укажите мнѣ страну, гдѣ въ сердцахъ людей нѣтъ правды, и кто-жъ помѣшаетъ ей даже тамъ, въ Сибири, если примиренная совѣсть допустить, стать авторитетомъ и ума, и нравственной силы!!

Оживилась, дрогнула воодушевленная толпа. Дружные апплодисменты покрыли его порвавшійся голосъ. Улыбнулись ему молодыя, женскія лица. Улыбнулась и княгиня. Ея лицо горѣло, какъ въ огнѣ. На глазахъ были слезы. Подсудимая рыдала. Кто-то судорожно вторилъ ей вдали зала. На второй скамьѣ, закрывъ лицо платкомъ, тихо плакала Камилина. Звонко, второй.... Стихла толпа.

— Подсудимая, вамъ по закону, принадлежитъ послѣднее слово. Что скажете вы въ свое оправданіе? обратился предсѣдатель. Онъ какъ будто опасался, что у него не хватитъ силъ, не хватитъ голоса на этотъ послѣдній къ ней вопросъ, и такъ учащенно, такъ нервно замигали при этомъ его добродушныхъ, сѣрыхъ глазъ, непослушныя вѣки.

Она молчала. Она какъ будто и не слышала его.

— Подсудимая! Что можете сказать суду въ свое оправданіе?

Она встала, отвела платокъ отъ глазъ. Ея лицо пылало отъ слезъ, ея челюсти конвульсивно подергивались, ея губы, сухія, блѣдныя, были судорожно стиснуты. И страшенъ, и жалокъ былъ ея видъ. Ея умоляющій взглядъ въ упоръ остановился надъ защитникомъ. «О, ради всего, что свято, пощадите, перестаньте мучить меня», поняла княгиня; «да и кто жъ поможетъ, кто теперь спасетъ, кто отъ терзающей совѣсти станетъ мнѣ защитой?»

— Подсудимая ничего не желаетъ сказать, господа судьи! проговорилъ защитникъ, и точно потонулъ его голосъ въ ея спазматическихъ, отрывочныхъ рыданіяхъ.

— Судь удаляется для совѣщанія. Задвигались тяжелыя кресла. Дрогнула и еще глубже стихла толпа. Еще громче, еще судорожнѣ зарыдала подсудимая.

— Выведите ее на воздухъ, дайте холодной воды! приблизившись къ рѣшеткѣ, отрывочно приказалъ Бояриновъ жандармамъ и, быстро отвернувшись, подошелъ къ выходу.

Оживилась, загудѣла толпа. Улыбки, лесть, пожатія, поклоны. Всѣ, какъ одинъ, спѣшили выразить ему свое изумленіе. Тутъ и багровая отъ зависти, отъ злости Сытова, тутъ и блѣдный, взбѣшенный Чириковъ. Но, что ему до нихъ? Онъ ихъ не видѣлъ, не замѣчалъ. Не то-ли они въ этой толпѣ, что недѣлимыя капли въ морѣ? Толпа ихъ увлекла, толпа за одно съ собою заставила преклониться передъ нимъ, и онъ былъ гордъ сознаниемъ своей непобѣдимой надъ толпою силы. Онъ каждому нашель что отвѣтить, каждому пожалъ руку. У него не было и не могло быть враговъ въ эту минуту. Всѣ ему дороги, всѣ близки, какъ братья, какъ сестры одной съ нимъ, однимъ чувствомъ, одною мыслью оживленной семьи. Онъ былъ одинъ. Имъ нѣтъ числа. Но не онъ-ли во всѣхъ, какъ каждый въ немъ: въ его честномъ, святомъ дѣлѣ, дѣлѣ охраны ихъ благоденствія, чести, жизни, ихъ общихъ съ нимъ опасеній, вѣрованій, надеждъ? Княгиню окружали: баронъ Дорфъ, полковникъ Лосевъ, баронесса Ридрихсъ, княгиня Плетнева, генеральша Лисицына съ дочерьми: Маріе и Зизи, Сытова, Чириковъ, словомъ, за весьма ничтожными исключеніями, весь губернской beau monde. Всѣ чего-то торопились, лихорадочно пробивались впередъ, наперерывъ другъ другу спѣшили наговорить княгинѣ, по поводу рѣчи Бояринова, какъ можно больше теплыхъ словъ, но больше всѣхъ хлопотала баронесса Ридрихсъ.

— О, mon Dieu, это ужасно! И это женщина! Перестаньте, mesdames, какая она женщина?! Она никогда не была женщиной, торопливо перебирая мясистыми губами, спѣшила она. Она все, что хотите! Она змѣя, она драконъ, но ужь никакъ не женщина!

— Но, какъ онъ говоритъ, какъ говоритъ, mesdames! томно закатывая глазки, слегка въ носъ заплѣла Лисицына. Ахъ, какъ говоритъ! А главное, вѣдь вотъ ужь кончилъ, совсѣмъ кончилъ, и опять, опять, откуда только берется.

— Но я все-таки не могу понять, тамап, что это онъ вдругъ сталъ за нее заступаться? Развѣ она стѣдитъ? горячо виѣшалась Зизи.

— Ахъ, tu es bette, ma chère, вполголоса перебила Marie.

— Не всёмъ же быть такими умницами! вспыхнувъ, окрысилась Зизи.

— Finissez donc, mes chères amies, осадила генеральша.

— Но, maman, точно ты сама не слышала, что онъ за нее заступался. Ты еще меня толкнула.

— Да вотъ это мѣсто, moi-même, я не понимаю, созналась генеральша.

По лицу княгини отчетливо скользнула тонкая, ироническая усмѣшка. Она бы разогнала ихъ всѣхъ, она бы воспретила имъ разъ навсегда окружать ее и, между тѣмъ, она должна была на нихъ смотрѣть, ихъ слушать, имъ улыбаться! Ахъ, Боже мой, какъ это тяжело!

— Вы не совсѣмъ такъ поняли, ваше превосходительство, скрывъ улыбку, мягко вмѣшался Дорфъ. Онъ вовсе ее не оправдывалъ, тѣмъ болѣе, не заступался, онъ, напротивъ того, утверждалъ, что даже совѣсть самой подсудимой требуетъ ей строжайшаго наказанія.

— Вотъ видишь, Зизи? вслухъ обрадовалась Marie.

— Superbe, superbe! вздыхая, точно захлебываясь наслажденіемъ, восторгалась между тѣмъ Плетнева.

— Какъ вы полагаете, баронъ, кончится это сегодня? и, досадливо сжавъ зонтикъ въ рукѣ, княгиня нетерпѣливо выступила на нѣсколько шаговъ.

— Вася!

Бояриновъ оглянулся. За нимъ стояла блѣдная княгиня. Она была взволнована, она порывисто дышала. Она мелькомъ взглянула на него и, чуть внятно прошептавъ: въ шесть часовъ будь у меня, скрылась въ толпѣ.

Глава XXVJ.

Счастливый пережитыми впечатлѣніями, гордый собою, возвратился изъ суда Василій Андреевичъ.

Онъ засталъ Градынскую.

Во время обѣда весело было Еленѣ Павловнѣ смотрѣть на него, до такой степени онъ былъ оживленъ, шутилъ, острилъ, описывая улыбки-гримасы Сытовой, Чирикова, Чижевскаго, взбѣшенныхъ его успѣхомъ.

Лакей подаль Еленѣ Павловнѣ блюдо съ воздушнымъ пирогомъ.

— Куда ты, Лена, столько? Вѣдь я не вожжъ.

— Кушай, кушай! Ты любишь, продолжая накладывать, оправдывалась она.

— Да будетъ же, будетъ!

— Нѣтъ, вотъ еще, вотъ эту корочку! Видишь, какая поджаристая, прелесть, и она, торопливо отстранивъ его руку, сбросила ему на тарелку всю верхушку.

— Владислава Францовна, можетъ быть, вы любите? Возьмите, пожалуйста!

— Вася! строго перебила Елена Павловна, и ея брови сжались.

Дружный смѣхъ Владиславы Францовны и Бояринова открылъ ея голосъ.

— Владислава Францовна не разсердится. Она знаетъ, что пирогъ для тебя. Иванъ, поставь блюдо это Нерону, да прикажи закладывать Викторію.

— Ты куда, Лена?

— Бататься.... И ты, и Владислава Францовна.

— Только не я!

— Это почему? вспыхнувъ, точно отъ укола, горячо перебила Елена Павловна. Градынская изумленно взглянула на него.

— Даль слово!

— Кому?... Книгинѣ?... И голосъ Елены Павловны дрогнулъ.

— Да! поникая надъ тарелкою и какъ бы проглатывая вмѣстѣ съ ложкою сливокъ это отрывочное «да», отвѣтилъ Василій Андреевичъ.

— Нѣтъ! Ты не сдѣлаешь этого, Вася!... Ты не поѣдешь къ ней!... Ты пожалѣешь меня! Вѣдь ты былъ у нея вчера, можешь быть завтра, а сегодня ты съ нами, съ нами, Вася! Мнѣ было такъ весело, меня такъ радовала эта прогулка! Вѣдь я же все, все дѣлаю, что тебѣ приятно, зачѣмъ же ты такъ часто отказываешь мнѣ? Пошли ей сказать, что тебѣ нездоровится, что ты не можешь! Да, пошлешь, вѣдь пошлешь? волнуясь, перебивая слово словомъ, лихорадочно высказалась она и, перегнувшись черезъ край стола, сжавъ его руку, нервно поцѣловала его своими, какъ огонь горячими губами.

— Какой ты ребенокъ, Лена! Ну какъ же я напишу ей, что нездоровъ и въ то же время поѣду съ вами?

— Ну, не поѣдемъ! Велика важность! Останемся дома и такъ хорошо, хорошо проведемъ съ тобою вечеръ!

— Нѣтъ, не могу, Лена! Не давши слово крѣпись, а давши держись!

— Вася! Милый! Ну, я прошу тебя, прошу!... еще крѣпче сжавъ его руку, не спуская глазъ съ его лица, вся нѣжная, горячая ласка, вся мольба, все еще пыталась склонить она его.

— Какъ это скучно, Лена! избѣгая ея взгляда, досадливо отвѣтилъ онъ.

— Ну, я прошу тебя послѣдній разъ! и, въ ея голосъ, уже слышались слезы.

— Нѣтъ и нѣтъ! и, отстранивъ ея руку, онъ быстро всталъ, отбросилъ салфетку. Еще ярче вспыхнула Елена Павловна. Быстро, быстро опустила голову надъ столомъ. Что-то судорожное скользнуло по лицу. Дрогнувъ подбородокъ, сжались губы, на рѣсницахъ набѣжали слезы. Она встала, вышла.

— Въ тебѣ нѣтъ сердца, Василий! Вспыльчиво проговорила Градынская.

— Ну, ужъ, не знаю, чѣмъ меньше, чѣмъ у васъ, къ вашему Казиміровичу, усмѣхнувшись, отвѣтилъ Бояриновъ и, взявъ шляпу, быстро вышелъ изъ залы.

Градынская поблѣднѣла. Ненавистью, гнѣвомъ сказался ему вслѣдъ взглядъ ея блеснувшихъ глазъ.

Глава XXVJJ.

Если бъ теперь, въ эту именно минуту, когда Василий Андреевичъ, такъ лихорадочно - торопливо, какъ бы боясь, что его остановятъ, возвратятъ, сходилъ съ своей лѣстницы, кто-либо спросилъ бы его: изъ-за чего онъ такъ рѣзко оттолкнулъ отъ себя жену, изъ-за чего такъ оскорбилъ Градынскую, онъ бы отвѣтилъ, что естественно развитому искать развитого, что отрадна ему восторженная бесѣда княгини, на столько же отрадна, на сколько не въ силахъ онъ больше терпѣливо выносить слезъ жены, кривляній Градынской. И онъ былъ бы искрененъ. Онъ отвѣтилъ бы именно то, что думалъ. Но такъ-ли было въ дѣйствительности? Не обманывалъ-ли онъ самого себя, какъ обманывается каждый изъ насъ, желая, если не быть, то по крайней мѣрѣ казаться другимъ, себѣ самому, лучшимъ, чѣмъ онъ есть? Вотъ почему такъ слабъ, такъ близорукъ человекъ, какъ судья надъ самимъ собою. Вотъ почему и Василий Андреевичъ, обвиняя жену въ недоразвитости, въ вялости, въ мелочности

наклонностей, Градынскую въ чувственности и крайней несдержанности, видѣлъ въ себѣ самогь человѣка въ высшей степени развитыхъ стремленій, такого человѣка, котораго никогда не понять имъ!

Близость къ княгинѣ была мечтою его дѣтскихъ грѣзъ; безотчетное стремленіе овладѣть ея любовью составляло душу его юности; вотъ почему и теперь, болѣе даже чѣмъ когда либо, кружилась у него голова, при самой мысли о возможности обращенія мечты въ дѣйствительность; вотъ почему ея недовольство жизнью, повидимому, печалившее его, въ глубинѣ души только радовало и, подавая хотя еще очень слабую надежду, побуждало его все лихорадочнѣе идти къ ней на встрѣчу. Вотъ почему, отъѣхавъ отъ дома Бернольди, онъ тотчасъ же забылъ жену и Градынскую и, не замѣчая даже встрѣчныхъ поклоновъ, былъ весь — одна мысль, что значило то волненіе, какимъ сказалась княгиня на его блестящую рѣчь.

Между тѣмъ, княгиня, возвратившись домой и, подъ предлогомъ головной боли, отказавшись отъ обѣда съ княземъ, переживала въ высшей степени странное и тяжелое состояніе. Послѣдствіемъ пылкой, обвинительной рѣчи Бояринова поднялась въ ней вся ея прошлая жизнь и, взглянувъ на нее съ однимъ лишь укоромъ, съ каждою новою минутою, съ каждымъ новымъ воспоминаніемъ все сильнѣе раздражала ее противъ самой себя, противъ князя, противъ всего окружающаго. Она опять была въ судѣ, опять видѣла судей, опять не смѣла взглянуть на подсудимую, опять обдавали ее то холодомъ, то жаромъ страстные звуки могучей обвинительной рѣчи, и снова казалось ей, что Бояриновъ обвиняетъ не Орловскую, а ее самое, за себя, за барона, за князя, за дѣтей, за все, за все, что только когда либо окружало, когда либо любило ее. О, это ужасно, ужасно!

Бояриновъ вошелъ въ будуаръ и, взглянувъ на княгиню, невольно отступилъ отъ нея, столько раздраженія сказалось въ встрѣтившемъ его холодномъ взглядѣ, такъ мертвенно блѣдна была она.

— Что съ тобою, Наташа?

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ! сжавъ брови, вспыхнувъ, раздражительно вскрикнула княгиня и въ тотъ же мигъ изъ-подъ ея руки раздался рѣзкій звонокъ.

— Ты больна?

Княгиня не отвѣтила. Только еще рѣзче позвонила.

Вошла Лиза.

— Гдѣ ты пропадаешь? Сколько разъ говорила, чтобы ты не смѣла отлучаться, когда я дома. Прикажи подавать карету.

— Ты уѣзжаешь?

— И ты со мною! Въ Надгорное. Верстъ десять отсюда.

— Но, вѣдь это будетъ очень долго, Наташа! А, между тѣмъ, я общалъ женѣ....

— Ахъ, какъ это скучно! нетерпѣливо перебила княгиня и вдругъ быстро взглянула на него. Если ты еще когда либо позволишь себѣ опять напомнить мнѣ о ней, то повѣрь, я не стану больше искать твоего общества, и, рѣзко отвернувшись, она вышла изъ будуара.

Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное, порывистое. Василию Андреевичу казалось, что она сама себя раздражала въ этомъ настроеніи. Онъ терялся все болѣе и болѣе.

У подъѣзда уже стояла дорожная карета четвернею вьюжъ.

— Въ Надгорное, Максимъ! приказала княгиня. Василій Андреевичъ, опасаясь самымъ прикосновеніемъ потревожить ее, осторожно сѣлъ возлѣ.

Замелькали дома, сады, прохожіе, проѣзжіе. Все веселѣе, все быстрѣе несли карету задорныя вятки. Уже виднѣлись бурога камня шмуругія стѣны построеннаго корридоромъ турецкаго моста, соединявшаго обрывистую скалу города съ болѣе пологимъ берегомъ предмѣстья, называемаго Новосельцы. Дальше, въ рассыпную, то остроконечныя, уродливыя вершины грубаго, дикаго мрамора горъ и предгорій, то разбросанныя тамъ и сямъ зеленаго граба незначительныя группы.

Княгиня была совершенно чужда окружающему. Ея брови то вдругъ сжимались, то выравнивались, слетало на мигъ тревожное раздумье, и она жадно, съ видимымъ удовольствіемъ, вдыхала освѣжавшую ей грудь прохладу.

— Ваше сіятельство, осаживая лошадей, пробасилъ Максимъ. Извольте встать?

— Отчего? изумленно спросила княгиня.

— Опасливо! По самому откосу! Храни Богъ, скользнетъ!

— Вотъ вздоръ! Вѣдь тотъ-то разъ проѣхалъ же?

— Царой то было, ваше сіятельство, четвернею опасливо!

— Вздоръ, Максимъ, поѣзжай! Ты ни разу не проѣзжалъ здѣсь, Вася?

— Нѣтъ! а что?

— Посмотри, какъ круто! Если сорвется, то ужъ отсюда не вернуться! и, высунувшись по талию въ окно, княгиня заглянула въ глубь обрыва. У!.. Даже дна не видно!.. Прелесть!.. и, быстро закрывъ глаза руками, она опять откинулась въ уголъ кареты.

— Выйдемъ лучше, Наташа!..

— Да, ни за что на свѣтѣ!.. Я такъ люблю эту дрожь опасности!.. И такъ рѣдко приходится испытывать ее!.. и, снова взглянувъ изъ кареты, она стала зорко, нервно слѣдить за лѣвою пристяжною, за лѣвыми колесами экипажа. Перескакивая съ камня на камень по самому борту дороги шли они... Вотъ, вотъ... скользнетъ, перевѣситъ и, увы, прощай жизнь!.. Максимъ круто стянулъ возжи, совсѣмъ, совсѣмъ одну къ другой сжалъ лошадей... Пристяжная, почувя опасность, прижалась къ сосѣдѣ; наставивъ уши, фыркая, робко вздрагивая, боясь касаться земли, переступала она по самому склону откоса.

— Вѣдь вотъ охота! съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ прошептала Бояриновъ.

— Молчи! раздраженно перебила княгиня, не сводя глазъ съ пристяжной... Пристяжная оступилась, скользнула, карета дрогнула, зашаталась. Княгиня вспыхнула и въ тотъ же мигъ поблѣднѣла. Максимъ не потерялся. Онъ буквально поднялъ пристяжную на возжѣ. Дорога расширилась.

Княгиня порывисто вздохнула.

— Молодецъ, Максимъ!.. Три рубля тебѣ на чай! уже вѣ село крикнула она изъ кареты. А на тебя, Вася, я все-таки зла, зла и зла!.. и, опустивъ рѣсницы, она слегка вздохнула.

— За что? изумленно взглянувъ, спросилъ Бояриновъ.

— И ты еще спрашиваешь!.. вспыхнувъ, перебила княгиня. Да развѣ ты публично не билъ побитую?.. Развѣ ты взялъ на себя трудъ подумать, что выносила она, подавленная и страхомъ и стыдомъ въ эти ужасныя минуты, когда за прокуроромъ, за бывъ въ себѣ человѣка, металъ ты въ нее грязью на глазахъ цѣлой толпы!.. Ты достигъ!.. Тебѣ апплодировали, но мнѣ... только жаль тебя было въ тѣ минуты!.. Ты взялъ на себя обвинить женщину, но взялъ ли трудъ подумать надъ ея сердцемъ?!... Ты, главнымъ образомъ, обвинялъ ее въ томъ, что не любя мужа, вышла за него, дѣлала видъ, что любить!... Но не всѣхъ-ли почти женъ тогда бы пришлось обвинять тебѣ

Защитникъ правъ!.. Убила Орловскаго не она, убилъ Казницкій. Будь онъ человѣкъ самостоятельный, онъ бы вышелъ самъ и вывелъ ее. Но онъ пролетарій, онъ такъ же былъ лишенъ возможности добывать себѣ средства къ жизни, какъ и она, по самому положенію женщины!.. И вотъ въ чемъ именно, въ самомъ положеніи женщины, какъ рабыни безысходной нужды, какъ рабыни сердца, кроется зародышъ преступленія, а ужъ ни какъ не въ ней самой, не въ ея преступной волѣ!.. Ты этого не понималъ, ты даже не взялъ труда подумать надъ этимъ, и вотъ почему, не смотря на твое, дѣйствительно, замѣчательно вліятельное слово, на всю твою энергію, на весь блескъ и картинность твоей рѣчи, защитникъ, этотъ скромный, робкій молодой человѣкъ, сталъ неизмѣримо выше тебя!.. И это понятію!.. Въ немъ я чувствовала человѣка, въ тебѣ же только прокурора!.. Его рѣчь была проникнута глубокимъ чувствомъ. Твоя же, не смотря на всю тонкость анализа, скорѣе изумляла, поражала, чѣмъ возбуждала сочувствіе.

— Все нѣтъ! горячо перебилъ Василій Андреевичъ. Причина въ историческомъ прошломъ, причина въ томъ, что въ нашу плоть и кровь всосался нелѣпый взглядъ, что преступникъ— это несчастный.

— Перестань, Бога ради, перестань!.. Довольно объ этомъ, не раздражай меня!.. Если только хочешь, чтобъ не была я такою, какою засталъ ты меня.

Карета въѣхала во дворъ и, обогнувъ заглохшій въ травѣ цвѣтникъ, остановилась у поросшихъ мохомъ бѣлыхъ колоннъ огромнаго барскаго дома.

— Максимъ, возьми изъ кареты чайницу и прикажи приготовить самоваръ во второй гостиной! торопливо выходя изъ кареты, приказала она.

— Это-то хваленое Надгорное! съ усмѣшкой спросилъ Бояриновъ.

— Тебѣ не нравится?

— Чему же нравится? Это скорѣе какая-то могила, чѣмъ жизнь!

— Пойдемъ, дай руку, и ты самъ почувствуешь то же, что испытала я здѣсь нѣсколько дней тому назадъ.

Они обогнули домъ и, миновавъ огромный, густою вологнистой травой поросшій дворъ, вошли подъ столѣтнюю, непроницаемую тѣнь липовой аллеи.

— Каковъ воздухъ?

— Хорошъ! и, приостановившись, Василий Андреевичъ вздохнулъ жадно, съ наслажденіемъ.

— Хорошъ! досадливо перебила княгиня... Да развѣ ты дышала когда-нибудь такимъ?.. Когда я была здѣсь первый разъ, я долго-долго не рѣшалась уѣхать отсюда! Дикая природа, полный тайнъ домъ, все это, все, чего такъ долго не касалась рука человѣка, окончательно оторвало меня отъ пошлой городской дѣйствительности и унесло мое воображеніе въ тотъ лучшій міръ, міръ людей, а не людишекъ, міръ страстей, а не страстишекъ, міръ жизни, а не того пошлаго прозябанія, что со дня на день сушитъ въ пась и мозгъ, и сердце!.. восторженно высказалась она и, порывисто вздохнувъ, взглянула въ даль... Смотри!.. Вонъ озеро Вигри!.. Пойдемъ! Сядемъ вонъ тамъ, на этой скамьѣ, и, бросивъ его руку, она опередила... Это мѣсто всегда будетъ любимое у меня!.. Носится преданіе, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ здѣсь потонулъ, катаясь въ лодкѣ, молодой владѣлецъ съ красавицей женой, и, опустивъ голову, она задумалась.

Съ лихорадочнымъ волненіемъ, съ нервнымъ трепетомъ слѣдилъ Василий Андреевичъ за каждою малѣйшею переменною въ ея непрерывно измѣнявшемся оживленномъ лицѣ... Она стихала, и онъ замолкалъ; она оживлялась, и снова жизнь кипѣла въ немъ... Вотъ она быстро подняла голову, опять блеснулъ ея взглядъ.

— Приходилось-ли тебѣ когда либо стоять на берегу моря, Вася, въ тѣ чудныя минуты, когда бушующія волны, волна отъ волны дробясь, пѣнясь, какъ сумашедшія, ударяясь о скалы, бьютъ тебѣ подъ самыя ноги, и такъ тянетъ, тянетъ въ себя ихъ страшная пѣна!?

— И отдайся ей, этой волнѣ, отдайся наслажденью, счастью! Тебя осудить идиотъ, на твой счетъ съослить болванъ, но, что тебѣ до нихъ, когда удѣломъ твоимъ будетъ счастье! вспыхнувъ горячо проговорилъ онъ.

— А совѣсть?.. Та самая совѣсть, о которой такъ хорошо говорилъ ты сегодня въ судѣ? и, быстро вставъ, она нервно разсмѣялась...

Холодною струею пробѣжалъ по немъ этотъ загадочный, такъ неприятно оборвавшійся вдали дикаго парка смѣхъ.

— Дай руку! глубоко вздохнувъ, уже спокойнѣе проговорила она и, пройдя нѣсколько шаговъ, насмѣшливо взглянула на

него изъ-подъ слегка сжатыхъ бровей. Вотъ ты, господинъ пророръ, такъ горячо и такъ много трактовавшій сегодня о совѣсти, скажи-ка, что такое совѣсть?

— Совѣсть? вдумчиво повтѣрилъ Бояриновъ.

— Совѣстно, по моему, только то, что протiwоестественно! горячо отвѣтила она самой себѣ! А эту-то совѣсть, ту, что ты проповѣдуешь, измышленную людьми, предразсудками, никогда не признавала и никогда не признаю! и, презрительно усмѣхнувшись, она ускорила шагъ.

Не проронивъ ни слова, дошла она до дома. Во второй гостиной уже готовъ былъ чай. Тепло и уютно было въ этой маленькой комнатѣ, у чайнаго стола, освѣщеннаго большою лампою подъ розовымъ абажуромъ.

За чаемъ княгиня опять перешла въ тонъ раздраженія. Она ярже отрицала всякую устойчивость, всякое значеніе во взглядахъ, убѣжденіяхъ людей, въ ихъ привязанностяхъ и отношеніяхъ и, все нервиѣе смѣясь надъ крѣпостниками любви, какъ надъ идиотами, какъ надъ глупцами, въ концѣ концовъ, пришла къ выводу, что жизнь лишь игра въ ощущенія и что чѣмъ чужбе, чѣмъ живѣе они, тѣмъ отраднѣй живетъ человѣку.

— Только жизнь, какъ борьбу, только жизнь, какъ волненіе, понимаю я!... заключила она и, скрестивъ руки на грудь, ткнулась въ уголъ дивана.

Все болѣе и болѣе терялъ Василій Андреевичъ власть надъ собою. Кружилась голова, горѣла кровь въ вискахъ, какъ ледъ холодны были руки, все неопределимѣе влекло его къ ней. Но какъ ее зналъ, онъ опять боялся насмѣшекъ и, затаивъ въ глубинѣ души свой порывъ, онъ въ этотъ мигъ даже не смѣлъ взглянуть ей въ глаза.

Но вотъ она быстро приподнялась, сама подошла къ нему, положила руку на его плечо и чуть внятно прошептала:

— Вася! снизу въ верхъ взглянула на него своимъ дощечническимъ, кокетливо-заигрывающимъ взглядомъ. Ея лицо горѣло; все трепетиѣе и трепетиѣе вздрагивали губы.

Онъ ее обнялъ, привлекъ.

— А твоя совѣсть? прошептала она и, сжавъ его губы голочью ладонью, тихо засмѣявшись, быстро вышла изъ гостиной.

— Но, это просто глупо, Наташа! всыхнувъ, крикнулъ ей вслѣдъ Василій Андреевичъ.

Глава XXUJJJ.

Напрасно Елена Павловна не спала въ эту ночь, напрасно такъ долго дожидалась его. Онъ вернулся около четырехъ часовъ утра и, опасаясь, чтобы подозрѣніями, упреками, слезами не омрачила вызваннаго въ немъ княгинею восторженнаго настроенія, легъ въ кабинетъ. Мечта общаала быть дѣйствительностью и всю ночь представлялась ему княгиня въ ея голубомъ, свободномъ пеньюарѣ, съ распушенной косой, со взглядомъ, отуманеннымъ страстію, съ улыбкой нѣги на раскрасившемся лицѣ.

Онъ проснулся около полудня.

— Вася!... Да ты съ ума сошелъ!... Гдѣ ты пропадалъ всю ночь?! войдя въ кабинетъ, рѣзко проговорила Елена Павловна. Мало того, что ты позволишь ей оскорблять меня, какъ тогда въ соборѣ; что ты совсѣмъ, совсѣмъ бросилъ меня ради ея, что съ утра и до ночи торчишь у ея юбки, еще вздумалъ устраивать такія милыя ночныя tête à tête. Нѣтъ!... я все сносила, я на все смотрѣла сквозь пальцы, но этого я не снесу, я не позволю, понимаешь, не позволю тебѣ играть мною ради этой... и нервный спазмъ сдавилъ ей горло.

— Ты забываешься, Лена! Наташа мнѣ кузина и между нами не мѣсто ночнымъ tête à tête! вспыхливо отвѣтилъ онъ.

— О, да, конечно! съ трудомъ передохнувъ, еще порывистѣ перебила его Елена Павловна. Я забыла, все забыла! Забыла какъ ты изнывалъ подлѣ нея еще мальчишкой, забыла, какъ она, ледяная, бездушная, играла твоимъ отчаяньемъ!... Забыла какую милую жизнь, благодаря ей, велъ ты потомъ!... Нѣтъ я довольно терпѣла!... Я... ее ненавижу! и она вспыхнула выпрямилась.

— Ну, и что жъ ты намѣрена? избѣгая ея взгляда, холодно насмѣшливо спросилъ Василій Андреевичъ.

— Что я намѣрена?! и у нея задрожали рѣсницы, зардѣлись уши. Я поѣду къ князю, я открою ему глаза, я попрош его разъяснить ей, наконецъ, что такъ вести себя неприлично гадко, что это безсовѣстно, безчеловѣчно!

— О, дѣйствуй!... Только забудь разъ навсегда, что я когда либо былъ твоимъ мужемъ!

— Какъ?! и она точно окаменѣла въ пристальномъ, широко-открытомъ взглядѣ, полныхъ ужаса, глазъ.

— Такъ! насмѣшливо пожавъ плечами, коротко утвердилъ Василій Андреевичъ.

— Т-ты? и судорожно выпрямившись, она схватилась за грудь, вышла.

— Боже мой, Боже, какая пытка!... И когда, наконецъ, пойметъ она, что наши жизни—разныя жизни, что между нами нѣтъ ничего, рѣшительно ничего общаго!... Что она всегда была и останется по отношенію ко мнѣ ребенкомъ, къ которому я могу снисходить, котораго я могу баловать, но никогда, никогда не подниму до себя!

— Ваше высокородіе! останавливаясь въ дверяхъ, громко проговорилъ курьеръ. Господинъ предсѣдатель приказали просить ваше высокородіе въ сѣздъ. Уже всѣ собрались.

— Въ сѣздъ? разсѣянно повторилъ Василій Андреевичъ. Да развѣ сегодня 20?

— Точно такъ, ваше высокородіе!

— Чтобъ чертъ побралъ эти сѣзды! досадливо подумалъ онъ и, подойдя къ столу, рѣзко позвонилъ.

Еще никогда Бояриновъ не былъ настолько разсѣянъ при отправленіи служебныхъ обязанностей, какъ въ это утро. Онъ дошелъ до того, что, давая заключеніе по второму дѣлу, привелъ въ подтвержденіе его обстоятельствъ показанія свидѣтелей, выслушанныхъ судомъ по первому.

Все время засѣданія стояла подлѣ него Елена Павловна и, не сводя съ его лица широко-открытыхъ, полныхъ ужаса, глазъ, все сильнѣе возмущала противъ него его же совѣсть!

Возвратившись домой прямо изъ сѣзда и узнавъ отъ чело-вѣка, что жена заболѣла, что у нея докторъ, онъ торопливо про-шелъ въ ея спальню.

Онъ засталъ ее на постели, съ закрытыми глазами, съ ли-хорадочнымъ румянцемъ на лицѣ. Подлѣ нея, опустивъ голову, сидѣлъ Градынскій. Не трудно было по морщинистымъ складкамъ между бровей, по суровому выраженію его глазъ, угадать, что положеніе ея было серьезно и что онъ соболѣзновалъ отъ всей души. У окна — блѣдный Соколинъ. Скрестивъ руки на груди, онъ задумчиво смотрѣлъ въ даль.

Не смѣя подойти, не смѣя шелохнуться, какъ вкопанный остановился Василий Андреевичъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ постели.

— Вотъ она... вонъ, вонъ!... Прочь, прочь отъ меня!... вся волнуясь, отрывисто-рѣзко произносила Елена Павловна. О, Боже мой, Боже!... Подкрѣпи меня, дай мнѣ силъ! чуть внятно прошептала она и, вздохнувъ, выпрямилась.

Градыньскій тяжело вздохнулъ, всталъ, приподнялъ ея горячую руку, высчиталъ пульсъ и, рѣзко пожавъ плечами, вышелъ изъ спальни.

— Что съ нею?... Она бредитъ, останавливая его въ гостиной, глухо спросилъ Бояриновъ.

Градыньскій опять пожалъ плечами и, положивъ руку на лобъ, отрывочно проговорилъ.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю!... Пока далъ сильнѣйшій пріемъ кали бромати! Если подѣйствуетъ, нервный припадокъ, вызванный какимъ-либо крайнимъ волненіемъ, пройдетъ. если же нѣтъ,—горячка!

Бояриновъ поблѣднѣлъ.

— Бога ради... спасите ее!

— Увидимъ! глухо отвѣтилъ Градыньскій, угрюмо посмотрѣвъ на него изъ подлобья, быстро вышелъ изъ гостиной.

— Громъ не грянетъ, русскій мужикъ не перекрестится! сходя съ лѣстницы, желчно думалъ онъ.

И онъ былъ правъ. Бояриновъ какъ будто-бы впервые въ жизни созналъ въ этотъ мигъ, мигъ возможности утраты, что ея жизнь была дорогою для него жизнію, что она, эта молодая, полная правъ на счастье, жизнь, всѣмъ, всѣмъ пожертвовала для него, и любовью къ матери, и къ брату Михаилу, и ко всей семьѣ, и что въ отвѣтъ онъ далъ ей лишь одни мученія. Онъ теперь толькопонялъ, что, то пренебрегая ею, то увѣряя ее въ любви, онъ еще сильнѣе заставлялъ ее страдать, и въ тотъ мигъ онъ далъ себѣ твердое слово всѣмъ пожертвовать, все забыть, лишь-бы вознаградить ее за пережитыя страданія!

Потянулись тяжелые, скучные, невыносимо-скучные дни. Елена Павловна поправлялась медленно. Она была крайне слаба и, измѣняясь въ лицѣ, вся вздрагивая при малѣйшемъ намежѣ

Василія Андреевича на необходимость выѣхать, все настойчивѣе удерживала его.

— Скучно!... Главное, о чемъ съ нею говорить!... И такъ хотѣлось бы видѣть княгиню! и принимая веселый видъ, онъ безотлучно былъ съ нею.

Княгиня, взбѣшенная отказомъ Елены Павловны принять ее, раздраженная еще болѣе того самимъ Василиемъ Андреевичемъ, не находившимъ для нея даже и одной свободной минуты, никого не принимала, нигдѣ не показывалась.

Градынская окончательно охладѣла къ Еленѣ Павловнѣ и, бывая у нея очень рѣдко, видимо избѣгала Василія Андреевича. Но, за то Камилина бывала у нихъ все чаще и чаще, и Елена Павловна уже начинала измѣнять взглядъ на нее. Даже Соколинъ сталъ къ ней внимательнѣе.

Г л а в а XXIX.

Прошло двѣ недѣли. Елена Павловна поправилась окончательно, по крайней мѣрѣ, по наружности. Василій Андреевичъ вздохнулъ свободнѣе и, опять оживленный, опять веселый, счастливый при самой мысли увидѣть, наконецъ, княгиню, подарилъ Еленѣ Павловнѣ еще одинъ отрадный вечеръ... Была Камилина, былъ Соколинъ, была Градынская и, оживленная его теплымъ къ ней вниманіемъ, она все простила ему, и снова весело ей было заглянуть въ это будущее, въ это радостное завтра, въ съѣздъ, гдѣ онъ долженъ былъ давать заключенія, на балу Ридрихсъ, гдѣ въ саду, съ глазу на глазъ, могъ опять онъ дать ей столько пріятныхъ минутъ.

Насталъ день разбирательства въ съѣздѣ возбуждавшаго столько толковъ, столько противорѣчивыхъ предположеній дѣла Розенталя. Волновались съѣхавшіеся помѣщики, волновались евреи, волновались даже дамы, все одной и той же мыслью: кто побѣдитъ, законъ или губернаторъ?

Рано всталъ въ это утро Василій Андреевичъ и тревожными шагами расхаживалъ по залу, нервно потирая рука объ руку, рѣшительно теряясь, какъ поступить, какъ выйти и съ честью, и цѣлымъ, изъ этого исключительнаго дѣла. Дать заключеніе въ пользу губернатора—невозможно! Дать заключеніе въ пользу Розенталя, не значило-ли разорвать навсегда отношенія къ До-

линымъ и, быть можетъ, даже лишиться положенія! Онъ колебался.

Но едва только сѣлъ на свое прокурорское кресло, едва только почувствовалъ надъ собою сотню взглядовъ толпы, едва увидѣлъ зеркало, какъ не бывало сомнѣній, и все лихорадочнѣе, все нетерпѣливѣе билось его сердце горячимъ желаніемъ, не смотря ни на что, отстоять Розенталя во имя закона.

На стѣнныхъ часахъ каедральнаго собора, пробило четыре. Ступеньки лѣстницы сѣзда покрылись сплошною массою евреевъ. Они, очевидно, лиговали.

— Гашпадинъ прикароръ! гашпадинъ прикароръ, слышалось отовсюду.

— Что вы толчетесь, анафемы?! рѣзко крикнулъ Чижевскій. Толпа разступилась.

— Къ губернатору! крикнулъ онъ подѣхавшему извощику.

Княгиня приняла его въ будуарѣ.

— Ну, что?... Чѣмъ кончилось дѣло?

Чижевскій почтительно склонился и, тихо откашлянувшись въ руку, во весь ростъ вытянулся передъ нею. Княгиня, нетерпѣливымъ движеніемъ руки, указала ему на стулъ подлѣ письменнаго столика.

— Я долженъ, прежде всего, медленно опускаясь на стулъ и отставляя слово отъ слова, началъ онъ: прежде всего поздравить васъ, княгиня, съ высшей степени, громкимъ и блестящимъ успѣхомъ. И, пріостановившись, онъ поправилъ очки.

— Значить, приговоръ утвержденъ? живо встрѣтила княгиня.

— Нѣтъ-съ! Отмѣненъ! взглянувъ на нее по верхъ очковъ, спокойно удостовѣрилъ Чижевскій.

— Такъ съ какимъ же успѣхомъ вы меня поздравляете?

— Вашего кузена! добродушно пояснилъ онъ.

— Но, если не ошибаюсь, вспыхнувъ, рѣзко проговорила княгиня, я просила васъ прослѣдить за ходомъ дѣла, а не за кузеномъ?

— Залъ былъ полонъ народа. Всѣ городскія дамы, барышни въ толпѣ. И Чижевскій, описавъ въ воздухъ рукою полукругъ, взглянулъ на княгиню по верхъ очковъ.

— Ну-съ?

— Масса незнакомыхъ лицъ, вѣроятно, пріѣзжихъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Я не могу понять, и по сю пору, кому было

интересно сообщить такую огласку столь щекотливому дѣлу, и, Чижевскій, опять пріостановившись, откашлянулся.

— Ну-съ? упорно избѣгая его взгляда, уже съ дрожью въ голосѣ, проговорила княгиня.

— Въ заключеніе онъ предложилъ сѣзду, во первыхъ, поправивъ очки, многозначительно проговорилъ Чижевскій, приговоръ мирового судьи, основанный скорѣе на неизвѣстныхъ суду побужденіяхъ, чѣмъ на законѣ, отмѣнить; во вторыхъ, исправника признать превысившимъ власть и дѣйствія его подвергнуть разсмотрѣнію губернскаго правленія, и, въ третьихъ, губернатора самъ призналъ вовлеченнымъ въ заблужденіе исправникомъ.

— Что?! мгновенно поблѣднѣвъ и быстро вставая со стула, почти вскрикнула княгиня.

— Губернатора призналъ вовлеченнымъ въ заблужденіе исправникомъ, медленно, какъ бы врѣзая каждое слово въ княгиню, повторилъ Чижевскій.

— Какъ?... Онъ это позволилъ себѣ сказать?

— Сказалъ, княгиня.

— О!... Это не пройдетъ ему даромъ! Князь не можетъ, не долженъ оставить этого такъ! и ея блѣдныя губы дрожали, гнѣвомъ горѣли широко открытые глаза.

Но это было дѣломъ одной минуты и, пройдя нѣсколько разъ по будуару, княгиня овладѣла собой, одна лишь блѣдность выдавала ее.

— И что-же?... Общественное мнѣніе?...

— Общественное мнѣніе — это волна, княгиня! Куда одна, туда и всѣ! и, пожавъ плечами, онъ вздохнулъ.

Княгиня нервно усмѣхнулась.

— Попросите ко мнѣ князя!

— Чижевскій почтительно поклонился и, поднявшись на носки сапогъ, безъ шороха прошелъ, безъ шороха закрылъ за собою дверь будуара.

— Чижевскій! мгновенно оживившись, какъ бы обрадованная внезапною мыслью, громко крикнула ему вслѣдъ княгиня.

Чижевскій вернулся.

— Вы будете сегодня у баронессы Ридрихсъ?

— Какъ-же-съ, буду.

— Пріѣзжайте, насколько возможно, раньше и, между прочимъ, вскользь, какъ бы случайно, потрудитесь высказать, что губернаторъ не придалъ никакого значенія дѣлу Розенталя и что

онъ въ высшей степени снисходительно отнесся къ выходкѣ господина Бояринова, какъ... какъ къ необдуманному порыву самообольщенной молодости и, что, щадя въ немъ и родственника, и способнаго молодаго человѣка, онъ не хочетъ сообщать этому дѣлу дальнѣйшаго движенія! Поняли?

— Понялъ, княгиня.

— Пошла писать губернія, потирая рука объ руку, радостно думалъ онъ, подходя къ кабинету князя.

Г'лава XXX.

— О, Василій Андреевичъ, да у васъ есть ногти, и предлинные! Вы даже начинаете ими царапаться! Вы не шутили тогда, вы говорили серьезно, вы даже, кажется, хотите на дѣлѣ доказать мнѣ теперь, что вы однимъ вашимъ умомъ, одною вашею энергіею можете затмить всѣхъ, все и даже меня! Но, нѣтъ! Вы глубоко раскаетесь въ этомъ! Васъ всегда хватить на столько, чтобы заставить о себѣ говорить, но хватить-ли на столько, чтобы снести презрѣніе?!

Изъ гостиной послышался стукъ костылей.

— Вотъ онъ... ковыляетъ! и княгиня досадливо усмѣхнулась.

Князь вошелъ.

— Изволили слышать, ваше сіятельство?

— Что слышать? и князь грузно опустился въ кресло. Княгиня досадливо отвернулась.

— Какое заключеніе далъ Бояриновъ по вашему дѣлу?

— Во-первыхъ не по моему, а по дѣлу еврея Розенталя, и во-вторыхъ, въ этомъ заключеніи не вижу ничего особеннаго.

— Ничего особеннаго! еще ярче вспыхнувъ, горячо перебила княгиня. Да вы, значить, не слыхали, что сказалъ онъ лично о васъ?

— Нѣтъ, слышалъ! Онъ выразился, дѣйствительно, не совсѣмъ ловко, но это такъ. Исправникъ сообщилъ мнѣ невѣрныя свѣдѣнія.

— Иными словами, одурачилъ! Вовлекъ въ заблужденіе!? Да что вы малютка, птенецъ, котораго водятъ на помочахъ исправники и могутъ всегда, когда сочтутъ за благо, повязкой закрыть вамъ глаза, ватой заткнуть уши, или же человѣкъ самостоятельный, губернаторъ, отъ одной мысли солгать которому любой исправникъ готовъ бы былъ повѣситься!? И это еще не особенно!

О! Боже мой, да тутъ есть отъ чего поимѣшаться! Вѣдь вы должны помнить, что вы только начинаете здѣсь вашу многополезную дѣятельность, что никто не знаетъ вашего вліянія въ министерствѣ, и что если вы будете продолжать видѣть сны, вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами, то о васъ составятъ самое основательное понятіе, какъ о пѣшкѣ, которою можетъ распоряжаться всякая полицейская чинашка! и, порвавшись, княгиня въ упоръ остановила на лицѣ князя свой расширившійся, блестящій гнѣвомъ взглядъ.

— Все это, быть можетъ, такъ, княгиня, но, во всякомъ случаѣ, я бы просилъ васъ нѣсколько строже обсуждать ваши выраженія! Тѣмъ болѣе, что въ моихъ отношеніяхъ къ моимъ обязанностямъ вы, кажется, не несете отвѣта, холодно-спокойно отвѣтилъ князь.

— Да, если бы это такъ! Если бы не несла, то, конечно, не взяла бы даже труда говорить съ вами; но, къ несчастію, на дѣлѣ это не такъ, и всякая ваша служебная безтактность, подрывая вашъ авторитетъ, подрываетъ и мое положеніе. Вы еще третьяго дня говорили мнѣ о Бояриновѣ, какъ о пустомъ фразерѣ, какъ о мальчишкѣ. Полюбуйтесь же теперь сами, на сколько этотъ мальчишка и энергичнѣе, и находчивѣе, и выше васъ! Вчера онъ громилъ Орловскую—и восторженная толпа апплодировала ему; сегодня онъ казнилъ васъ,—и объ немъ уже гудитъ весь городъ, а завтра заговоритъ и вся губернія! А вы, вы, что сдѣлали такого, что-бъ о васъ говорили?... Ничего! ровно ничего! Вы заставите говорить о себѣ, какъ о болванчикѣ подъ краснымъ колпакомъ, котораго можетъ водить за носъ всякій исправникъ, и княгиня, сощурившись, взглянула на него насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ. Князь медленно вприподнялся, твердо опершись на костыли, остановилъ на ея лицѣ мгновеннымъ гнѣвомъ вспыхнувшій взглядъ. Онъ былъ страшно блѣденъ. Его губы судорожно подергивались.

— Вы забылись, княгиня! Я отвѣчу вамъ завтра, но простите, никогда не говорилъ и никогда не позволю себѣ говорить на вашемъ языкѣ, и тяжело повернувшись, онъ вышелъ изъ будуара.

— На вашемъ языкѣ! ха!... Нѣтъ, князь, вы опять ошибаетесь! Это не мой языкъ, это языкъ той горечи, какою перекипѣла моя душа, благодаря вашей неподвижности! Всегда вялы, всегда сонливы, а если проснетесь на одинъ мигъ, то лишь затѣмъ, что-бъ

заснуть еще глубже! Завтра! что-же будет завтра? То же, что и сегодня, и вчера, и шесть лѣтъ тому назадъ! Тошно, противно, и, стиснувъ горячую голову холодными руками, княгиня бросилась на вазетку.

Глава XXXJ.

Ровно въ три четверти одиннадцатаго Василій Андреевичъ выѣхалъ къ Ридрихсъ. Его тревожила мысль о княгинѣ, о самой возможности разрыва съ нею, но, не смотря на всѣ опасенія, онъ уже радовался при одной мысли о томъ, что его теперь ждуть тамъ, на балѣ, что о немъ всѣ говорятъ, что ему каждый завидуетъ. Вѣдь это нѣчто необыкновенное! Нѣчто такое, чего никогда еще не слыхала губернія. Губернаторъ—это царь; это—Богъ, это—все! Его воля—законъ, его слово—приказъ; его улыбка—отраднѣйшая награда; его презрѣнье—смертный приговоръ! Вотъ именно та высота, на которой такъ непоколебимо твердо и столь еще недавно стоялъ надмѣнный предмѣстникъ Долина. Губернаторъ, словомъ, могъ и можетъ все! И, между тѣмъ, онъ первый, впервые доказалъ теперь, что и губернаторъ, какъ и всякій простой смертный, можетъ лишь то, что законно! Да, это неприятно, конечно, неприятно княгинѣ, но въ глубинѣ души она, какъ женщина весьма развитая, сознаетъ, что онъ честно выполнилъ свой долгъ. Онъ чувствовалъ себя борцомъ, героемъ дня, онъ съ каждымъ мигомъ росъ въ сознаниіи своего исключительнаго значенія, и теперь даже сама княгиня не была бы въ силахъ поколебать въ немъ вѣры въ себя, въ свою энергію, въ свою популярность. Растетъ молва о немъ. Онъ уже звѣзда прокурорскаго надзора не тутъ, не въ этихъ Богомъ забытыхъ Скалахъ, а въ Петербургѣ. Объ немъ говорятъ всѣ журналы и газеты. Правительство осыпаетъ его наградами, общество гордится имъ; предъ нимъ меркнутъ столичные, первой величины, свѣтила.

Коляска остановилась у подъѣзда ярко-освѣщеннаго двухъ-этажнаго дома барона Ридрихсъ. Уже! удивился онъ.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Имъ завладѣли офицеры-драгуны. За ними почти не видно было фраковъ. Все оживленнѣй проносились пары, все веселѣй становилось Василю Андреевичу. Имъ овладѣло нетерпѣливое желаніе смѣшаться, закружиться, заодно со всѣми потонуть въ этомъ общемъ вихрѣ. Мелькнула княгиня. Черное платье на ней, въ волосахъ люби-

мица—блѣдная роза. Она, то какъ будто вся отдавалась овладѣвавшему ею безумному вихрю, то опять сдерживала его порывы, и такъ живо вспомнилось ему Надгорное, волненіе княгини, ея страхъ за себя.

— Pardon! и кто-то рѣзко толкнулъ его подъ локоть.—Корнетъ Хлѣбниковъ съ Градынскою. Встрѣтивъ его взглядъ, Градынская покраснѣла, опустила глаза. — Манерничаетъ! какъ это глупо! досадливо подумалъ онъ ей вслѣдъ и, осмотрѣвшись, пошелъ чрезъ залъ къ тому мѣсту, на которомъ Дробишинъ только что остановился съ княгинею. Ему мѣшали, его задерживали. Его предупредилъ корнетъ Чайковскій. Они неслись уже сомкнутою парюю и прямо на него. Слегка запрокинувъ голову, опустивъ рѣсницы, трепетно дыша тонкими ноздрями, уносила она въ сильной рукѣ Чайковскаго. Василій Андреевичъ вспыхнулъ.... Вотъ какъ будто нѣсколько отклонилась, и опять, опять вся, вся въ его рукѣ, горячая, трепетная.... Боже мой, Боже какъ хороша! взволнованно думалъ онъ. Вотъ скрылись въ толпѣ, вотъ выдѣлились и теперь опять несутся прямо на него.... Остановились.... Бояриновъ поспѣшно подошелъ къ ней.

— Туръ вальса, Наташа?

Она лѣниво-небрежно отдалась ему въ руку.

— Наташа! ты сердисься?

— Не на тебя-ли? и презрительно передернувъ губами, она отвернулась.

— Но ты вчера, и ты сегодня? оставляя ея талію, глухо проговорилъ онъ.

— А ты повѣрилъ мнѣ, вчерашней?

— Такъ это была игра, комедія?

Княгиня насмѣшливо посмотрѣла ему въ глаза и, быстро отвернувшись, подозвала вѣромъ Чайковскаго.

Бояриновъ поблѣднѣлъ.

— Что это новая забава.... Вотъ какъ вчера я, сегодня онъ, на завтра кто-нибудь третій! Онъ судорожно усмѣхнулся, и, бросивъ ей вслѣдъ взглядъ, полный ненависти и гнѣва, пошелъ въ кабинетъ.

Тамъ въ дыму, какъ въ туманѣ, надъ зелеными столиками, поочередно возвышались голоса, спорили, горячились: Долинъ, Ридрихсъ, Деде и предводитель дворянства Эдгартъ составляли вѣнть перваго разбора, а тамъ дальше, орлы, опять таки орлы, но только втораго, третьяго, десятаго полетовъ. Члены палаты,

мировые судьи, члены губернскаго правленія, полицеймейстеръ, исправникъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе.... Словомъ—губернія! И вѣдь довольны!... Чего-жъ имъ больше надо? Утромъ, носъ вверхъ въ засѣданіи, вечеромъ, носъ внизъ надъ карточнымъ столомъ, желчно подумалъ Василій Андреевичъ, подходя къ орламъ перваго полета.

— А, Василій Андреевичъ! мелькомъ взглянувъ на него, про-басилъ баронъ и, наскоро пожавъ ему руку, громко объявилъ: два трефы.

— Два черви, сдѣлавъ видъ, что его не замѣчаетъ, перебилъ Долинъ.

Эдгартъ, какъ бы намѣренно спрятавъ глаза въ карты, то-ропливо пошелъ въ трефу, и лишь только полковникъ Дедде, проговоривъ:—виновать, привѣтливо взглянулъ въ его сторону. Васи-лій Андреевичъ, слегка вспыхнувъ, перешелъ ко второму столу. За нимъ играли члены губернскаго правленія: Мироновъ и Пе-тровъ, потерпѣвшій поражение исправникъ Федоровъ и полицей-мейстеръ Бурочкинъ. Они положительно его не замѣчали.

— Холопые отродье! окончательно взбѣшенный, мысленно про-изнесъ онъ и, презрительно усмѣхнувшись, быстро пошелъ къ дверямъ зала.

— На два слова, громко проговорилъ Дорфъ. Воспользуйтесь этимъ же вечеромъ вашими добрыми отношеніями къ кузинѣ ва-шей, Василій Андреевичъ, и попытайтесь во что бы то ни стало смягчить князя.

— Смягчить?! и, слегка отступивъ, Бояриновъ изумленно взглянулъ на него.

— Онъ крайне раздраженъ. И онъ правъ! Ваше заключеніе прямо безтактно.

— Извините, баронъ, но я рѣшительно не знаю такой статьи закона, въ силу которой прокуроръ обязанъ ради такта или, иными словами, страха ради придавать незаконному видъ закон-наго, сильно дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ Бояриновъ.

Дорфъ сурово сжалъ брови.

— Это дѣло вашего личнаго вкуса! Я только считалъ сво-имъ долгомъ предупредить, что въ противномъ случаѣ я вынуж-денъ буду донести министру о самой формѣ заключенія.

— О, если такъ, то совершенно напрасно тревожились, ба-ронъ! мгновенно поблѣднѣвъ, перебилъ Бояриновъ. При чемъ же я тутъ? Не моей, вашей совѣсти дѣло разъяснить вамъ вашъ

долгъ, а я все-жъ таки смѣю думать, что я давалъ заключеніе въ качествѣ охранителя законовъ, а ужъ никакъ не въ роли кузена губернаторши, и что, отстоявъ законъ, я лишь честно исполнилъ свой долгъ. Поймутъ меня—прекрасно! Нѣтъ, я, повѣрьте, безъ раскаянія оставлю мѣсто, на которомъ меня не нынче, завтра, пожелаютъ сдѣлать шашкой великихъ фигуръ! отчеканивая слово къ слову, рѣзко проговорилъ Бояриновъ.

— Завтра въ 2 потрудитесь быть въ камерѣ, сухо проговорилъ Дорфъ и, не взглянувъ даже на него, отошелъ къ Сытову.

Бояриновъ потерялся. Онъ глубоко уважалъ и любилъ барона. Онъ сегодня еще, точно такъ же, какъ три года тому назадъ, чтилъ въ немъ его самостоятельность, его готовность служить честно сознанному долгу, и вдругъ онъ же чуть-ли не предлагаетъ ему оставить службу лишь за то, что онъ отстоялъ законъ. И всѣ, какъ одинъ, всѣ повертываютъ ему спины, видимо избѣгаютъ его, точно онъ что-то укралъ у нихъ.— Или, быть можетъ, это заговоръ? Заговоръ княгини! Ея смѣхъ надъ нимъ, надъ его значеньемъ! и все сильнѣе кружилась голова, все лихорадочнѣе билась кровь въ жилахъ. Онъ порывисто вздохнулъ и, слегка припавъ горячимъ вискомъ къ холодной притолкѣ двери, оглянулъ залъ. Начиналась вторая фигура. Княгиня оживленно говорила съ Чайковскимъ, то кокетливо улыбалась ему, то тихо, какъ бы заигрывая съ нимъ, смѣялась едва слышнымъ журчащимъ смѣхомъ.

— Новое увлеченье?!.. И дураки даже пошли въ ходъ!... и судорожно, глухо разсмѣявшись, Бояриновъ вышелъ изъ зала.

Густой мракъ уже давно спустился надъ Скалами, окутавъ вершины граба, ели и сосны огромнаго сада барона Ридрикса, слилъ все, и небо, и землю въ одно загадочное, суровое цѣлое. Тихо было въ воздухѣ, такъ тихо, что даже не мерцали свѣчи въ разноцвѣтныхъ фонарикахъ, такъ тихо, какъ бываетъ предъ грозой, что-то давило, что-то угнетало, свинцомъ ложилося на грудь Василія Андреевича, и все безотраднѣй и безотраднѣй становилось у него на душѣ... Онъ стоялъ на балконѣ, опершись лѣвымъ плечомъ о массивную колонну и, высоко скрестивъ руки на груди, отъ времени до времени порывисто вздыхая, все глубже и глубже уходилъ въ себя, въ свои тревожныя, мрачныя думы. За нимъ оживленный, шумный говоръ. Черезъ настѣжъ открытыя двери балкона все чаще и чаще доносился изъ зала веселый,

беззаботный смѣхъ, и все ближе, все напряженнѣе сжимались его брови.

— Болтають, пляшуть, смѣются.... О, Боже, да когда же, наконецъ, даруешь Ты мнѣ силы побѣдить себя въ своихъ же порывахъ!!.. Или жь осужденъ подобно имъ, этимъ недоноскамъ, весь вѣкъ провести въ пустыхъ забавахъ, въ спорахъ, кто первый, кто второй?!.. Да развѣ въ этомъ цѣль существованія?! и по блѣдному его лицу скользнула судорожная, сжатая усмѣшка, усмѣшка безсильной злобы, досады на себя и въ прошломъ, и теперь.

— Василий, что съ тобою?, чуть слышно прошептала женскій голосъ. Онъ слегка вздрогнулъ, оглянулся. Его взглядъ встрѣтился съ участливымъ, тревожнымъ взглядомъ Градынской. Ты страшень!... на тебѣ лица нѣтъ! Ты нездоровъ, Василий?

— Нѣтъ!... Не кашляю, и даже не чихаю!... Какъ это по вашему, по женскому, здоровъ значить?

Градынская, отступивъ, еще зорче, еще тревожнѣе заглянула ему въ лицо. Станнымъ холодомъ пронизала ее его надорванный голосъ. Въ немъ было больше горечи, чѣмъ смѣха.

— Уйдемъ, уйдемъ отсюда!

— Куда?

— Ну, хоть въ садъ.

— Et que dira le monde?! и онъ разсмѣялся, отрывочно, желчно.

Градынская вздрогнула, робко осмотрѣлась. Никого не было видно, ни на балконѣ, ни у дверей.

— Не стыдно-ли тебѣ, Василий! протягивая ему дрогнувшую въ воздухѣ руку, прошептала она.

— Что никого?! и, взявъ ея руку, онъ опять усмѣхнулся.

Они молча сошли съ балкона, молча миновали первый перекрестокъ аллея, и съ каждымъ новымъ шагомъ все скорѣе шла она, все отчетливѣе дрожала ея рука въ его рукѣ.

— Ты будешь со мною откровененъ, Василий? Ты скажешь все, все, что лежитъ у тебя на сердцѣ?! Да, ты скажешь, скажешь?... не сводя съ его лица умоляющаго взгляда, точно въ бреду, перебивая слово словомъ, говорила она.

— И на что тебѣ это, Владислава?! Вѣдь ты не въ силахъ спасти меня отъ моихъ страданій, ты не въ силахъ мнѣ помочь....

— О, ты не любишь меня, Василій!... Если бы ты любилъ, ты бы никогда не сказалъ этого... и она отвернулась. Онъ упорно молчалъ. Ему въ эту минуту невыносимо тяжела была ея близость. И она это почувствовала, она отвела руку, отстранилась.

— Не сердись на меня, Владислава!... Слово любимой женщины можетъ быть отрадно сердцу, но когда болить душа, можетъ спасти, обновить лишь вѣра, лишь надежда на нѣчто болѣе свѣтлое, разумное, чѣмъ все то, что меня окружало, окружаетъ!... Я не знаю, что со мною, но мнѣ противно все, всѣ, и больше всѣхъ я самъ въ сознаниіи своей безхарактерности, своего малодушія, того маленькаго, маленькаго мѣщанскаго самолюбивца, благодаря которому даже до нихъ снизошелъ, въ нихъ искалъ, отъ нихъ, лишь людей по формѣ, ни-то полунстукановъ, ни-то полукуколь ждалъ безпристрастной оцѣнки, ждалъ уваженія къ закону, къ правдѣ, другъ къ другу, къ благу общественному?! И не смѣшонъ-ли я, не жалокъ-ли самому себѣ, теперь, въ мои 26 лѣтъ, какъ и въ ту младенческую пору, когда подъ неотразимымъ вліяніемъ свѣтлыхъ идеаловъ, лихорадочно искалъ я по землѣ Руслановъ, людей безъ страха и упрека, когда въ Наташѣ я видѣлъ идеалъ красоты, идеалъ несокрушенной, нравственной силы?!.. И чѣмъ же, чѣмъ сказалась она теперь?! Кто можетъ быть веселъ, беззаботенъ, счастливъ среди пошлецовъ, какъ только не пошлецъ?... А она довольна.... Она имъ улыбается, жметъ руки, она въ нихъ какъ будто ищетъ даже!...

— Вотъ ты и договорился! съ горячностью прервала его Градынская. Договорился до того, что Елена Павловна права, что ты любилъ и любишь княгиню, ее одну цѣнилъ и цѣнишь!... Она была къ тебѣ внимательна, и ты былъ счастливъ; она отвернулась, и тебѣ всѣ противны!...

— О, перестань, перестань городить вздоръ! Можно-ли любить, что разъ презираешь?! И такъ судить, какъ ты, способна лишь женщина, да еще женщина, рожденная въ этой пошлой, себялюбивой средѣ, средѣ, никогда не сознававшей и никогда не сознающей ни къ чему она, ни ради чего!... Не возражай мнѣ, Владислава!... Ты только сильнѣе отравишь меня. И за что я отдалъ имъ лучшихъ четыре года жизни?... Къ чему мои усилія, моя энергія, мои труды?!.. И его голосъ, взволнованный, звучный, какъ-то странно порвался и, пробѣжавъ трепетнымъ

холодомъ по плечамъ Градынской, замеръ тамъ въ дали, въ ущельяхъ Глядича. Она молчала. Она все ближе и ближе жались къ нему, все вѣпче налегала на его руку, въ ней, въ этой его близости, безотчетно ища себѣ защиты отъ овладѣвшаго ею жуткаго чувства. Они теперь подходили къ павильону, послѣднему освѣщенному въ саду пункту. Онъ былъ убранъ коврами. По угламъ горѣли канделябры. Надъ его входомъ красовался сплетенный изъ разноцвѣтныхъ огней вензель барона и баронессы Ридрихсъ. Фрукты, цвѣты на столѣ. Суевливая толпа лакеевъ вокругъ. Изъ дали все яснѣе доносился говоръ. Василій Андреевичъ оглянулся. Со ступенекъ балкона шумно сходила облитая оранжевыми, пурпуровыми, золотистыми огнями толпа.

— Идутъ, и Градынская торопливо свернула въ боговую аллею.

— Нѣтъ!... Ты не любишь меня, Василій... Ни теплаго взгляда, ни ласковаго слова, ни улыбки!..

— Какъ это скучно, Владислава!... ну, заплачь еще для полноты картины! и онъ желчно усмѣхнулся.

Она не отвѣтила. Но все сильнѣе дрожала въ его рукѣ ея рука.

— Нѣтъ, это невыносимо, просто невыносимо, Владислава!... Ну, за что ты мучишь меня!? Ты пришла помочь, вѣдь да, помочь, и только усиливаешь мои страданія!... Неужели такъ трудно понять, что женщина и мужчина двѣ самостоятельныя, независимыя силы, что у нихъ своя особая жизнь, свои ощущенія, свои взгляды, понятія, что они, какъ два параллельныхъ ручья, текутъ рядомъ, текутъ вмѣстѣ, но никогда, никогда не сольются въ одно общее, нераздѣльное теченіе!? Для тебя любовь—жизнь, для тебя наслажденіе—все; для меня же лишь одно изъ условій, лишь награда или отдыхъ! А въ минуты тяжкаго раздумья, въ минуты разочарованія въ лучшихъ своихъ надеждахъ, въ минуты, когда упрекъ за упрекомъ поднимается въ груди и мучить сознаніе своего безсилія, безцѣльности существованія, сознаніе своего ничтожества, что тогда мнѣ женщина, что ея нѣга, что ея ласка!? и глубоко, порывисто вздохнувъ, онъ отшатнулся, онъ какъ бы навсегда отошелъ отъ нея.

— Василій, Бога ради, что съ тобою?! судорожно сжимая его руку, едва слышно простонала она.

— Ахъ, уйди!

Отступивъ, какъ ужаленная, въ тотъ же мигъ исчезла Граднская изъ аллеи. Уйди! рѣзко возвратило ему далекое эхо его громкій, надорванный голосъ.

Еще одна! и ему живо вспомнилась Камилина, — тѣнь той, къ которой еще столь недавно, полный радостной надежды на наслажденіе, на счастье, оживленно подошелъ онъ.... За нею жена!... Ихъ по немъ слезы, ихъ неизгладимое горе! О, Боже мой, это — цѣлая пытка! Есть отъ чего сойти съ ума! глухо прошепталъ онъ и, рѣзко хрустнувъ палець о палець, судорожно выпрямившись, тихо пошелъ къ просвѣту аллеи.

Все яснѣе въ павильонѣ голоса.... То вдругъ сольются въ одинъ общій, неразличимый говоръ, то покроются смѣхомъ.

— Да и чего же имъ унывать?! Жены дурачатъ мужей, мужа подъ видомъ дружбы, солятъ другъ другу. Любовницы надуваютъ любовниковъ, любовники во взаимную услугу тоже.... Сплетничаютъ, болтаютъ всякій вздоръ, пляшутъ, въ карты играютъ!... И это-ли еще не жизнь!... Ха! О, да есть-ли у нихъ совѣсть? Люди-ли они?! А ты, ты? шепталъ ему какой-то внутренней голосъ, и онъ все больше и больше находилъ наслажденія раздражать себя сознаниемъ ихъ тупоумія, ихъ разврата. Стихъ павильонъ. Въ немъ раздавался лишь едва слышный мелодично-пѣвучій голосъ княгини. Молчать и внемлуть!... Да и кто бѣ посмѣлъ поднять голосъ, когда ихъ сіятельство говорятъ! и желчно усмѣхнувшись, онъ прислушался.

— Нѣтъ, что ни говорите, я-бѣ желала стоять передъ толпою, говорить къ ней, волновать, вотъ, какъ онъ! Въ этомъ есть что-то обаятельное, что-то такое, чему невольно поклоняешься, что-то, что кружить голову, что томить восторгомъ.

— Да-съ!... Это такъ-съ! Это конечно-съ!... Это даже неоспоримо-съ!... Но (поднялся теперь вкрадчивый, пискливый голосъ Чирикова), во всякомъ случаѣ, смѣю думать-съ, что съ просвѣщенной точки зрѣнія, эта самая толпа, сама по себѣ, ничто-съ!... Рѣшительно ничто-съ, и все болѣе ободряясь, уже довольно твердо продолжалъ онъ. Что такое толпа?... Это прежде всего сбродъ, сбродъ неучей, мужиковъ-съ, мелкихъ чиновекъ, полуидиотовъ, жидовъ-съ!... Толпа-съ, толпа.... это.... стадо барановъ.... Одинъ завопилъ и всѣ вопять!... А чего они вопять и сами не знаютъ! А общественное мнѣніе—это дѣло другое-съ.... и точно о что-то споткнувшись, онъ смущенно откашлянулся....

Глаза всѣхъ невольно обратились за его глазами къ дверямъ павильона. Княгиня слегка сощурившись, нервно выпрямилась.

— Ай! рѣзко кригнула Зизи.

— Боже мой! Что съ нимъ?... взволнованно прошептала баронесса, и всѣ, переглянувшись, какъ бы по невольному толчку, опять обратили глаза къ дверямъ павильона.

У порога стоялъ Бояриновъ, неподвиженъ, какъ статуя. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и эта мертвенная блѣдность рѣзко противорѣчила его черной фигурѣ. Сжавъ губы въ судорожную усмѣшку, онъ упорно держалъ все болѣе и болѣе терявшагося Чирикова подъ огнемъ презрительно сощуренныхъ надъ нимъ глазъ. Всѣ точно замерли. Никто не смѣлъ не только словомъ, малѣйшимъ шорохомъ даже нарушить грозную тишину. Княгиня сама не могла отдать тебѣ отчета, что съ нею. Вѣдь она же сознавала со всею наглядностью, что это не видѣніе Бояринова, а онъ самъ, что онъ взбѣшенъ, что по обыкновенію обрѣжетъ Чирикова и тѣмъ все кончится, и все-таки не могла овладѣть собою, какой-то непонятный холодъ пробѣгалъ по всему тѣлу, какъ будто всѣхъ ихъ, съ мига на мигъ, ожидало что-то роковое, ужасное.

— Ну и что же общественное мнѣніе?... медленно переступивъ порогъ, отнесся онъ прямо къ Чирикову.

— Общественное мнѣніе..... быстро отступая и нервно пощипывая свою тщедушную эспаньолку, растерянно повторилъ Чириковъ.

— Толпа—сбродъ, сказали вы! вѣско проговорилъ Бояриновъ, порывисто вздохнувъ, — сбродъ мужиковъ, жидовъ!... И кто это говорить? Кто себя—раба пошлости, раба выслуги, раба лжи, обмана и притворства смѣетъ ставить на эту высоту, на высоту людей независимыхъ, развитыхъ понятій?! Кто сбродомъ смѣетъ называть собраніе людей, въ груди которыхъ честно бьется свободное отъ пристрастій сердце?! Кто?... Ужъ не тотъ ли, кто сегодня унижается передъ Иваномъ, завтра передъ Петромъ, послѣ-завтра передъ Сидоромъ, смотря по тому, который изъ нихъ держитъ въ рукахъ благодать чиновъ, повышений и доходцевъ?! Ужъ не тотъ-ли, кто укралъ мать у дѣтей, жену у мужа, и черезъ ея же вліяніе надъ мужемъ силится снискать себѣ теплѣй мѣстечко?! Ужъ не тотъ-ли, кто съ восторгомъ жметъ мнѣ руку, а черезъ нѣсколько минутъ доноситъ на меня, какъ на врага порядка?!... О перестаньте, замолчите!... И если разъ позволили себѣ честный порывъ толпы назвать воплемъ бара-

новъ, то какъ назовете ту среду, въ которой вы вращаетесь?!... Въ ней высокія рѣчи; въ ней громкія фразы; въ ней и честь, и совѣсть, и долгъ на словахъ, а на дѣлѣ ложь, обманъ, интрига, женское лукавство! Въ ней жены, играя въ тѣ же истины, какъ и мужья, глумятся надъ всѣмъ, что свято и правдиво!... И надъ религіей, и надъ семьей!... Въ ней все по рангу, по звонку!... Въ ней мелкія страстишки, точно черви изо дня въ день кишать и топчуть и правду, и законъ, и всѣхъ, и все, что поперекъ дороги!... Зависть ей — влчка, позоръ ей — вѣнецъ! сильно дрогнувшимъ голосомъ закончилъ онъ и, обинувъ всѣхъ бѣглымъ, презрительнымъ взглядомъ, тихо вышелъ изъ павильона.

Мертвая тишина смѣнила собою страстные звуки его взволнованнаго голоса, и все отчетливѣе, все рѣзче раздавались въ павильонѣ его удаляющіеся тревожные шаги.... Княгиня слегка вздрогнула и, медленно приподнявъ рѣсницы, оглянула павильонъ. Баронесса, блѣдная, тяжело дыша, тревожно перебирала мясистыми губами. Княгиня Плетнева, понигнувъ, ощипывала бахраму изящныхъ бантиковъ своего роскошнаго платья. Генеральша Лисицына, томно закативъ свои поблеклыя глазки, казалось, теперь въ эту минуту живѣе, чѣмъ когда-нибудь, воображала себя Бояринова героемъ своей давно отцвѣтшей молодости. Зизи, вся красная, чего-то усиленно мигала, какъ бы готовясь всхлипнуть отъ умиленія. Сытова, багровая отъ злости, сидѣла, опустивъ глаза.

Чириковъ нервно пощипывалъ эспаньолку, Чижевскій дрожащею рукою поправлялъ очки. Чайковскій чего-то такъ глупо улыбался, точно радовался, что его убѣдили, наконецъ, въ томъ, что и онъ точь въ точь такой же пошлецъ, какъ и всѣ эти остальные, окружающіе его, пошлецы. Презрительная усмѣшка скользнула по губамъ княгини и, слегка дрогнувъ въ углахъ рта, мгновенно уступила свое мѣсто холодно-надменному выраженію. Она еще разъ оглянула всѣхъ присутствовавшихъ безстрастнымъ взглядомъ и, не проронивъ ни слова, встала, вышла. Но, едва только переступила въ аллею, какъ опять, какъ живой, поднялся въ ней Бояриновъ.... Блѣдный, взволнованный, готовый отдать жизнь за все, что честно, свято, что правдиво! И снова, то зажигая въ ней кровь, то обдавая ее всю, съ плечъ до пятъ, зыбкимъ холодомъ, закружились въ ея головѣ, точно въ вихрѣ, его могучія, такой ненормальною страстью дышавшія мысли.... Она въ нихъ, въ этихъ обрывчатыхъ, разочарованія,

горечи полныхъ мысляхъ, чувствовала себя самое, свое ближайшее прошлое, свое настоящее, свою тоску, свое безотчетное стремленіе къ чему-то, болѣе свѣтлomu, болѣе устойчивому, разумному, чѣмъ все то, что ее окружало и окружаетъ. Она, то ненавидѣла Бояринова, какъ человѣка, такъ необдуманно, публично позволившаго себѣ смѣшать ее съ ними, съ этими рабами пошлости, рабами лжи, обмана и притворства, то.... гордилась имъ. Повернувъ въ непроглядный мракъ липовой, душистой аллеи, все тревожнѣе, все быстрѣе уходила она отъ раздававшихся за нею, все громче и громче голосовъ. О, если бы она встрѣтила его теперь, въ эту минуту, онъ измѣнилъ бы на нее свой взглядъ! онъ бы тогда только понялъ, что она способна глубоко любить, что она и кажется-то ему пустою, лишь потому, что не любила, не любить и теперь.... даже не въ правѣ полюбить!... Книгиня пріостановилась и, глубоко вздохнувъ, медленно провела дрожащими пальцами по горячему лбу.... Изъ зала отчетливо доносились громкіе звуки вальса.... Книгиня смутно осмотрѣлась. Она стояла на склонѣ горы сада, покрытой густою, влажною травою. Влѣво отъ нея сквозь частую зелень мелькали то тамъ, то сямъ разноцвѣтные огни. Гдѣ-то вдали задорно квакали лягушки, подъ самыми ногами тихо журчалъ Глядичъ, и все громче, все яснѣе покрывали его звуки вальса.... Ее ждала тамъ цѣлая толпа. Ее искали, о ней говорили!... И она должна, должна была стать въ ихъ ряды, какъ такая же, точь въ точь такая же раба пошлости, какъ и всѣ они. Да почему жъ должна? Потому что связана!... Связана своимъ положеніемъ, общественнымъ мнѣніемъ!... Общественное мнѣніе?!... Книгиня презрительно усмѣхнулась, и опять всталъ передъ нею Бояриновъ, блѣдный, могучій, взволнованный однимъ только презрѣніемъ къ нимъ, къ этимъ людишкамъ, изъ которыхъ ни одинъ не нашелся даже чѣмъ отвѣтить ему.... И я брошу все, все.... Губернаторство, мужа, дѣтей!... Я стану на его высоту! восторженно подумала она и, оживившись, точно воскреснувъ, торопливо пошла изъ сада.

Черезъ нѣсколько минутъ ея уже не было на балѣ, но никто не зналъ еще объ ея отъѣздѣ....

Глава XXXII.

На слѣдующій день Василій Андреевичъ, пославши прокурору вѣдомленіе о болѣзни, сидѣлъ въ маленькомъ будуарѣ жены, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея рабочаго столика. Крайне довольная, что онъ дома, что онъ съ нею, она по временамъ весело на него взглядывая, обанчивала прелестный цвѣтокъ, вышитый на черномъ атласѣ ему подѣ часы. Приближался день его пиянннз и не прошло еще ни единого, въ который бы она не подарила ему что-либо собственной работы.

— Вася, хорошъ? съ улыбкою поднося ему цвѣтокъ, спросила она.

— Хорошъ, милая! разсѣянно взглянувъ на него, сухо отвѣтилъ онъ и, подумавъ: вѣдь экія же глупости занимають ее, рѣзко черкнулъ спичкою о бронзовый борть спичешницы.

— Ну, какой ты гадкій, Вася!... Опять гримасничаешь! Вотъ я выброшу его, и все тутъ! вспыхнувъ, проговорила она.

— Что ты, что ты милая! какъ можно! живо перебилъ онъ, самъ почувствовавъ ту боль, какую вызвалъ въ ней столь холоднымъ отношеніемъ къ этому цвѣтку, плоду ея нѣжной къ себѣ заботливости.

— Такъ чего жъ ты киснешь?

— А, Боже мой, Лена, неужели ты не можешь понять, какъ тяжело мнѣ сознавать, что всѣ труды мои напрасны, что среди всей этой толпы, въ которую я вѣрилъ, сочувствія которой такъ искренно искалъ, не нашлось даже и единого, оцѣнившего меня! горячо отвѣтилъ онъ.

— Есть о чемъ! оживленно откликнулась Елена Павловна. Ты дѣлаешь такъ, какъ долженъ дѣлать, совѣсть твоя покойна, вотъ и все, что надо!... Я по себѣ сужу. Мнѣ пріятно сознавать, что я могу помочь, но что мнѣ до того, оцѣнить это или нѣтъ!... Мнѣ легко на сердцѣ, и я счастлива!

Василій Андреевичъ вздохнулъ и, быстро вставъ, тревожными шагами зашагалъ вдоль будуара. Ему теперь не ловко было передъ самимъ собою. Не то, совсѣмъ не то тревожило его. Всю ночь грезилась ему внягиня, всю ночь раздражали его подозрѣнія... Напрасно старался онъ успокоить себя мыслью, что гнѣвъ ея мимолетенъ, что не можетъ онъ разорвать отношеній, что всѣ эти Чириковы, Чижевскіе опять запляшутъ передъ нимъ, что вниманіе къ Чайковскому напускное, лишь съ единственною цѣлью

еще чувствительнѣе уязвить его самолюбіе.... онъ, этотъ мундирный молокососъ, все стоялъ и стоялъ передъ нимъ въ каре съ книжкою, и все кокетливѣе ея улыбка, все ближе къ нему она.

— Вася! тихо окликнула Елена Павловна.

— Что?

— Если бы я была эгоистка, я бы радовалась всегда, когда тебя что либо огорчаетъ.

— Это почему?!

— Да хоть потому, что ты только тогда и внимателенъ ко мнѣ,—и, усмѣхнувшись, она весело заглянула ему въ глаза.

Въ будуаръ вошелъ Затуркевичъ.

Елена Павловна, нервно взмахнувъ рѣсницами, вспыхнула, быстро отвернулась. Она всегда одинаково ненавидѣла его, и стоило ей только встрѣтиться съ хитрою улыбкою его толстыхъ, мясистыхъ губъ, съ пронырливымъ взглядомъ его сѣренькихъ, узкихъ, матомъ подернутыхъ глазокъ, какъ уже чувство непреодолимаго отвращенія овладѣвало ею.... Но еще никогда, никогда не былъ онъ ей такъ противенъ, какъ въ эту минуту.

Затуркевичъ отгащанулъ и, мигнувъ Василю Андреевичу лѣвою бровью, громко проговорилъ....

— Курьеръ принесъ отъ прокурора обвинительный актъ. Просить подписать. Вы изволили забыть, Василій Андреевичъ.

— Такъ дайте его сюда!... Этотъ актъ! оживленно вмѣшалась Елена Павловна.

— Нѣтъ, нѣтъ!... торопливо перебилъ Василій Андреевичъ. Вѣдь это же одна минута! и онъ вышелъ изъ будуара.

Елена Павловна быстро оставила работу, и въ тотъ же мигъ между ея тонкихъ бровей рѣзко обозначилась складка тревожнаго раздумья. Она сама не могла объяснить себѣ, — почему ей казалось, что это все вздоръ, что никакой курьеръ не приносилъ никакого акта, и она была увѣрена, что Затуркевичъ солгалъ.... чего бы иначе такъ ёкнуло, такъ заняло сердце?...

— Да гдѣ же она? выходя въ залъ, оживленно спросилъ Затуркевича Бояриновъ.

Затуркевичъ зорко осмотрѣлся и, высоко приподнявъ брови, сложивъ губы въ воронку, чуть внятно прошепталъ: у воротъ.... со стороны сада.

— Умно! тихо замѣтилъ Бояриновъ.

Безъ малѣйшаго скрипа миновали они и переднюю, и лѣстницу.

— Позовите её сюда! и, остановившись на нижней площадкѣ, онъ скрылся за открытою дверью. Что бъ значило?... Ужъ здорова-ли?... Да, нѣтъ же, нѣтъ! Къ чему бъ тогда эта тайна?! и все взволнованнѣе билось его сердце.... Изъ-за угла дома слышались шаги, донесся явственный шелестъ сапогъ, и Василий Андреевичъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ и, торопливо отступивъ, скрылся опять. Это была Градынская. Чортъ бы ее побралъ! и отъ его зоркаго безпокойнаго взгляда не ускользнула передергивавшая ея губы тонкая, злая усмѣшка. Она очевидно была взбѣшена въ послѣдней степени. Неужели она ее видѣла? и онъ тревожно посмотрѣлъ ей вслѣдъ, но она уже скрылась за поворотомъ лѣстницы.... Теперь опять шелестъ, торопливые шаги. Это была Лиза. Василий Андреевичъ, оживленно вздохнувъ, взялъ отъ нея письмо и, нервно разорвавъ конвертъ, прочелъ.

«Сегодня въ семь я тебя жду, мой открытый врагъ!... Не дуйся больше и будь! Скрой, что у меня. Разорви письмо.

Твоя Наташа».

Радостная улыбка освѣтила лицо Василя Андреевича. Онъ дружески кивнулъ Лизѣ и, сунувъ ей въ руку три рубля, исчезъ.

Между тѣмъ, Владислава Францовна, войдя въ будуаръ и по первому же взгляду замѣтивъ волненіе Елены Павловны, подавила вздохъ и, заглянувъ ей въ глаза долгимъ, участливымъ взглядомъ, быстро отошла отъ нея, стала у окна.

Еще ближе сошлись брови Елены Павловны. Она теперь была уже увѣрена, что Затуркевичъ совралъ, что случилось что-то, что касалось вовсе не служебныхъ, а личныхъ отношеній Василя Андреевича.

— Владислава Францовна, милая, скажите Бога ради, вы что-то знаете?! взволнованно обратилась она.

— Милая вы моя, хорошая! сильно дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила Градынская и, снова подойдя, вздохнувъ, поцѣловала ее въ глаза и отошла.

— Но, Бога ради, не мучьте меня, Владислава Францовна!... Не бойтесь, скажите всю, всю правду мнѣ!... волнуясь все болѣе и болѣе, умоляла она.

Градынская молчала.

— Вы все, все знаете, навѣрное знаете!... зачѣмъ Затуркевичъ вызвалъ мужа!?... Вѣдь вы видѣли ихъ, да видѣли!... А Боже мой, да говорите же Владислава Францовна, говорите!...

Я увѣрена, что это вздоръ!... что тутъ нѣтъ никакого дѣла, что это что-либо опять отъ нея.... отъ княгини! всыхнувъ, чуть слышно добавила она.

— А почему же вы думаете, что у княгини тоже не можетъ быть какого-либо дѣла до Василія Андреевича? съ удареніемъ проговорила она и, снова взглянувъ на Елену Павловну, какъ-то странно усмѣхнулась.

Въ будуаръ вошелъ Василій Андреевичъ.

— Вася, голубчикъ, что случилось?...

— Да ровно ничего, милая! Прислалъ прокуроръ актъ, я подписалъ, и все тутъ!

Градынская рѣзко пожала плечами. Отъ возбужденнаго, чуткаго вниманія Елены Павловны не ускользнуло и это движеніе.

— Нѣтъ, ты лжешь, лжешь, Вася! всыхнувъ, уже запальчиво проговорила она. Это опять было что-то отъ княгини, и ты долженъ, долженъ, если хоть чуточку любишь меня, сказать мнѣ правду, всю, всю правду, и, не сводя съ его лица тревожно-пытливаго взгляда, она крѣпко, нервно сжала его руку.

— Да, говорю же тебѣ, милая!

— Нѣтъ!.. Ты скрываешь, скрываешь что-то Вася! Я чувствую, что ты меня обманываешь!.. Бога ради, не мучь, скажи! правда лучше, всякая правда лучше, чѣмъ сомнѣніе!.. Вотъ ты отвертываешься, ты не можешь на меня смотрѣть, и глубоко вздохнувъ, она быстро опустила голову и сквозь слезы заглянула ему въ лицо снизу вверхъ.

— А, Боже мой, какъ это скучно! рѣзко проговорилъ онъ и, вырвавъ руку, вышелъ изъ будуара.

Ровно въ семь Василій Андреевичъ вошелъ въ будуаръ княгини... Увидѣвъ его, она быстро встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу и, вдругъ опустивъ голову, высоко скрестивъ на груди красивыя, по локоть открытыя руки, смущенно остановилась... Густымъ, живымъ румянцемъ рдѣлось ея лицо... Не смѣя взглянуть, не смѣя вздохнуть, стояла она.

— Вася!.. Ты не злишься?

— На тебя-то!.. Что ты, Наташа! восторженно любуясь ею, чуть слышно отвѣтилъ онъ.

— По правдѣ?

— По правдѣ!...

— А, ну! и, медленно приподнявъ рѣсницы, она заглянула ему въ лицо....

— Какой же ты, хорошій! чуть слышно проговорила она и, быстро отойдя, сѣла въ уголь козетки....

— Чѣмъ хорошій? садясь возлѣ, сильно дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ....

— Тѣмъ, что не злишься!

— За что? За вчерашнее?!

Княгиня слегка кивнула.

— Да развѣ новость мнѣ твой смѣхъ!.. Мнѣ, конечно, было тяжело, горько, и его брови сжались... но скорѣе за тебя, чѣмъ за себя... Мнѣ было невыносимо тяжело сознать, что ты, даже ты, рѣшилась скрыться за толпу этихъ людишекъ.

— Вася! и снова тихо....

— Что?

— Не вспоминай этого никогда, слышишь!... Никогда, никогда!...

— Какая ты прелестная сегодня, Наташа!.. Совсѣмъ, совсѣмъ прежняя... Ну, вотъ совсѣмъ такая, какою любилъ я тебя, вздохнувъ, глубокимъ, груднымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Любилъ? и ея брови слегка сжались. Ты вѣришь въ сны, Вася?

— Конечно, нѣтъ!.. А что?

— Мнѣ долго не спалось эту ночь, и она еще ниже опустила голову. Потомъ... мнѣ снился ты и, слегка вздохнувъ, мы были въ Надгорномъ и такъ хорошо, легко намъ было тамъ... помнишь, какъ въ тѣ чудные, послѣобѣденные часы, что проводили мы въ гостинной у бабушки, когда такъ охотно выслушивала я твои чудеса полныя сказки, когда... прижавъ головою ко мнѣ на колѣна, подолгу, долгу смотрѣлъ ты мнѣ въ глаза и, играя моими волосами, цѣловалъ ихъ, ласкалъ... Ахъ, и отчего, за чѣмъ безвозвратно гибнуть въ нашей жизни младенчество и юность?! Отчего тогда не спрашиваешь себя: зачѣмъ, къ чему?... А вотъ теперь на каждомъ шагу отравляешься ими... этими несносными запросами!.. Я проснулась... и такъ все, все стало противно мнѣ...

— И даже теперь?!.. въ эту минуту?!.. съ трудомъ преодолевая свое вниманіе, чуть внятно прошептала Василій Андреевичъ и, глубоко вздохнувъ, взглянулъ на нее...

— Чудной ты, Вася! и, вся зардѣвшись, низко, низко опустивъ рѣсницы, она встала, вышла изъ будуара.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже выѣхали въ Надгорное. Въ каретѣ стояло два короба. Одинъ маленькій съ чаемъ, другой большой....

— Что это за коробокъ, Наташа? и онъ указалъ глазами на послѣдній.

— Угадай!...

— Да право же не знаю!..

— Я сама не могу понять, Вася, почему мнѣ сегодня, въ особенности сегодня, такъ хочется дѣлать тебѣ все пріятное.... и я!... и, покраснѣвъ, она не договорила.

— И ты?

— Взяла, чтобъ тамъ надѣть, твой любимый голубой пеньюаръ, и у княгини загорѣлись уши.

— О, милая! и, оживленно вздохнувъ, онъ ее обнялъ, привлекая, горячо поцѣловалъ въ ея нѣжныя, слегка дрогнувшія губы.

Княгиня порывисто вздохнула, выпрямилась и, закрывъ лицо руками, откинулась въ уголокъ кареты... смущенная, счастливая.

Около половины девятого вблизи губернаторскаго подъѣзда остановилась извозчицья коляска. Изъ нея торопливо вышла Градынская и, робко озираясь, какъ бы боясь всякой встрѣчи, быстро подошла къ дверямъ, позвонила. Ее встрѣтилъ швейцаръ.

— Княгиня у себя?

— Никакъ нѣтъ!

— А гдѣ-жъ она?... Мнѣ крайне нужно ее видѣть.

— Въ Надгорномъ!

— Да вы вѣрно знаете!?

— Какъ же не знать, сударыня!

— На те!... Только не говорите ни князю, ни княгинѣ, что я была, и, сунувъ ему въ руку рубль, она опять возвратилась въ коляску...

Наступила ночь... теплая, тихая, свѣтлая... ни единого облачка на блѣдно-голубомъ горизонтѣ; ни малѣйшаго шороха среди густолиственныхъ липъ, окаймлявшихъ берега озера Вигри.... По его гладкой, какъ сталь, поверхности тихо плыла лодка и, чуть колеблясь, все глубже врѣзалась въ осеребренную луною даль, и все дальше и дальше Бояриновъ и княгиня отъ повседневныхъ заботъ, отъ суеты, отъ волненій... Давно уже не было такъ легко у нихъ на сердцѣ, такъ пріятно имъ.... Что-то бе-

зотчетно-сладостное, безконечно-отрадное томилось въ нихъ и, кружа и волнуя, влекло ихъ все впередъ и впередъ.... туда въ самую глубь луннаго сіянія, на ту узкую, свѣтлую полосу, что такъ красиво серебрилась подь сѣнью висѣвшихъ надъ нею вѣтвей... Все шире взмахъ весель, все дальше отъ пристани они, все богаче, все картиннѣе берега. И налѣво, и направо, по густолиственнымъ прибрежьямъ толпы причудливыхъ тѣней... то трепетныхъ, робкихъ, какъ юной дѣвы сама собою смущенная мечта, то мрачныхъ, неподвижно суровыхъ, какъ грозное обличіе жаждой мести, жаждой крови, объятыхъ великановъ.... Вотъ рѣзко выступилъ одинъ изъ нихъ и, понуря огромную косматую голову, скрестивъ на груди могучія руки, сурово взглянулъ княгинѣ въ лицо.... а тамъ, внизу, подь стальною гладью водъ, другой, точь въ точь такой же,—голова его космата, взгляды угрюмы, и еще мрачнѣе смотрѣлъ онъ, но только не сверху внизъ, какъ тотъ, а снизу вверхъ.... Княгинѣ вспомнилось преданіе,—зыбкою дрожью пробѣжало оно теперь по ея плечамъ, по всему тѣлу.

— Довольно, Вася!... Ёдемъ домой!

— А что?... Видно страшно стало? усмѣхнувшись, тихо отблизнулся онъ.

— Дорога жизнь, когда любишь! чуть внятно прошептала она, вздохнувъ, и улыбнулась....

На нихъ упала лучъ и, осеребривъ ея матово-блѣдное, красивое лицо, ея долгія рѣсницы, ея волнистую, пышную косу, казалось, приподнял ея надъ лодкой, приблизилъ къ нему...

Онъ бросилъ весло, онъ протянулъ руку.... Лодка заколебалась.

— Что ты, Вася!... Храни Богъ, перевернется лодка!... и, быстро отстранившись, она торопливо добавила: ёдемъ, ёдемъ скорѣй... И все быстрѣй и быстрѣй неслась лодка... Вотъ ужъ берегъ, вотъ ужъ пристань....

Тихо надъ озеромъ, тихо надъ пристанью, тихо въ саду и въ усадьбѣ.... лишь въ глубинѣ дикаго парка, томясь въ наслажденіи, все громче, все звучнѣе пѣлъ соловей.

— Боже мой, Боже, какъ дивенъ миръ, какъ все любовью дышетъ въ немъ!—чуть слышно проговорилъ Василій Андреевичъ.

Княгиня не отвѣтила, только еще крѣпче сжалась ея рука въ его руку.... И чѣмъ дальше шли они, тѣмъ сильнѣе сгущались тѣни, и все ближе къ его плечу ея плечо, все ближе къ

его лицу ея горячее дыханіе.... И все медленнѣе ихъ движенія, все отрадиѣ имъ эта сердце захватывающая, тайны полная, тишина...

Тихо было въ маленькой гостиной Надгорнскаго огромнаго дома. Не горѣла тамъ, какъ прошлый разъ, розовая лампа, лишь томной луны блѣдный полусвѣтъ, слабо пробиваясь черезъ густую зелень растений, слегка оттѣняяль фигуры Бояринова и княгини... Тихо... лишь изрѣдка слышались въ этой тишинѣ отрывочныя слова, короткіе вздохи, да долгіе, долгіе, сладостно-томящіе поцѣлуйи....

— Слышишь, Вася?.. Опять!.. Что за странность!.. Слышишь, слышишь?.. Ни то чьи-то шаги, ни то шелестъ платья... тамъ, въ залѣ и, нервно приподнявшись, опершись локтемъ на его колѣно, княгиня чутко вслушалась.... Вслушался и Василій Андреевичъ.... Тихо, до того тихо, что ухомъ слышалъ онъ сердца своего удары.

— Да тебѣ все кажется, Наташа... перестань, будь покойна!.. и, обнявъ ея, опять склонилъ ея голову къ себѣ на грудь и, осторожно откинувъ косу, съ наслажденіемъ провелъ рукою по ея шелковымъ прядямъ... Княгиня вздохнула и, слегка приподнявшись, тихо поцѣловала его... Опять, опять шорохъ....

— Въ самомъ дѣлѣ, странно!... Надо-бъ зажечь огонь и посмотрѣть, быстро вставая, съ дрожью въ голосѣ проговорила княгиня.... Слышишь?... Такъ ясно теперь!..

Да это шаги, и Василій Андреевичъ теперь весь—чуткое и нервное вниманіе, прислушался.... Все ближе и ближе слышались легкихъ шаговъ ступни, очевидно, кто-то подкрадывался къ дверямъ будуара. Нервный холодъ пробѣжалъ по плечамъ княгини, по всему тѣлу... Она инстинктивно отступила отъ двери и, широко открывъ глаза, зорко всматривалась въ даль комнаты...

Дверь тяжело открылась, и въ тотъ же мигъ у порога появилась Елена Павловна. Ухомъ можно было слышать ея дыханіе, такъ тяжело, такъ отрывисто было оно....

— Да, это была она, Лена! Василій Андреевичъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ....

— О, стыдно, стыдно вамъ, княгиня! едва владѣя голосомъ, гнѣвно проговорила она... Стыдно!... У васъ мужъ, у васъ дѣти, губернаторство!.. Онъ одинъ у меня!.. Одинъ!.. За что же, за что отняли у меня все въ немъ, что только дорого было въ

жизни!.. и, пошатнувшись, она судорожно выпрямилась, схватилась за ручку кресла.

— Успокойся, Бога ради, успокойся, Лена!... Какъ пришло тебѣ въ голову, какъ рѣшилась?

— Нельзя любви отнять, Елена Павловна! мгновенно овладевъ собою, твердо проговорила княгиня... Если-бъ онъ любилъ васъ, не полюбилъ бы меня!.. А разъ не любить, вольна была я взять его любовь!.. и, гордо выпрямившись, княгиня спокойно отошла....

Кресло отскочило отъ Елены Павловны... Она упала... Зажгли огонь... Судорожно скрестивъ руки на груди, безъ чувствъ, безъ сознанія, блѣдная, какъ смерть, лежала она на коврѣ.... У нея пошла кровь носомъ....

Ужасна одна только минута, какъ бы ни было скорбно происшествіе и, чѣмъ дальше мы отходимъ отъ нея, тѣмъ холоднѣе, тѣмъ безучастнѣе обсуждаемъ и ея причины, и ея послѣдствія. Не прошло и трехъ дней, а ужъ Василій Андреевичъ, взглянувъ на припадокъ жены, какъ на вполне естественное явленіе, на кровотеченіе, какъ на ничтожное обстоятельство, надъ которымъ не стоитъ и задумываться, былъ вполне счастливъ, что ей стало повидимому легче, и все рѣже и рѣже бывая дома, почти все время проводилъ въ Надгорномъ, гдѣ безвыѣздно жила княгиня вдали отъ князя и дѣтей.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ!...

Все чаще и чаще шла кровь носомъ у Елены Павловны, стали пухнуть ноги, ужъ больше не вставала она и, въ высшей степени безучастно относясь ко всему окружающему, даже къ уходу безотлучныхъ свидѣтелей ея нѣмыхъ страданій—Соколина и Кампиной, она оживлялась лишь въ тѣ рѣдкія минуты, когда вспоминалъ объ ней Василій Андреевичъ.... Она не только не переставала любить его, она какъ будто бы еще больше привязалась къ нему за тѣ страданія, что давалъ онъ ей... Въ этотъ день его ждали и, едва владѣя руками, она все-таки причесалась и какъ будто высматривала нѣсколько бодрѣ обыкновеннаго. Ей сказалъ Соколинъ, что Василій Андреевичъ примѣтно холодѣетъ къ княгинѣ, и что онъ опять, и уже твердо, сознательно вернется къ ней....

На стѣнныхъ часахъ пробило пять, когда Василій Андреевичъ вошелъ въ ея спальню и, поблѣднѣвъ, инстинктивно отступилъ

отъ ея кровати, такъ поразили его ея пожелтѣвшее лицо, ея угловатая плечи, ея безобразно удлинившіяся, исхудалыя руки...

— О, Боже мой, Боже, прости меня, прости! и, ставъ передъ нею на колѣна, онъ припалъ головой къ ея рукѣ....

— Полно... Вася!.. Не горюй!.. и, сильно дрогнувшею рукою, поднявъ его голову, она улыбнулась ему сквозь слезы... И все смотрѣла и смотрѣла на него, точно на вѣчность врѣзала она въ память свою эти дорогія ей черты....

— Не встану... я... Вася!...

— Полно, полно, Лена, что за вздоръ, тебѣ грезится.

— Что жъ и... вся вспыхнувъ, низко, низко склонивъ голову, ты будешь свободенъ... а я... и тамъ буду любить тебя, и тамъ буду за тебя молиться и, отвернувшись, она тихо заплакала.— Зарыдавъ, какъ ребенокъ, вышелъ онъ.

Съ этой минуты онъ не отходилъ ужъ больше отъ ея кровати и, проклиная всѣ порывы, увлеченья, лишь объ одномъ молилъ Создателя—продлить ея существованіе!

Г л а в а XXXIII.

Давно уже погасли и послѣдніе лучи знойнаго осенняго солнца.... Надъ Глядичемъ поднялся туманъ и, обутавъ своимъ темно-сѣрымъ саваномъ городъ, скалы прибрежій, Зеленый холмъ, слилъ небо съ землею въ одинъ общій, непроглядный сумракъ. Изъ города выѣхала губернаторская карета и, миновавъ тускло-уныло мерцавшіе фонари брамы, стала тихо спускаться по дорогѣ къ мосту, соединявшему городъ съ Зеленымъ холмомъ. На стѣнныхъ часахъ каѳедральнаго собора пробило восемь.

— Скорѣй же, Максимъ! высунувъ голову изъ окна кареты, рѣзко крикнула княгиня.

— Ни зги не видно, ваше сіятельство!

— Скорѣй, говорю тебѣ! уже гнѣвно приказала она и, чуть внятно прошептавъ:—а, Боже мой, какая пытка! опять откинулась въ уголокъ кареты.

Карета, медленно миновавъ мостъ и обогнувъ самую крутую точку подъема, быстро покатила по немощенымъ улицамъ предмѣстья.

Все пусто, все мертво!... Все, все!... и все ощутительнѣе исчезала въ представленіяхъ княгини неуловимая грань между жизнью и смертью, все порывистѣе билось охваченное необъ-

яснымъ страхомъ сердце... Что-то блеснуло слѣва отъ кареты. Княгиня, слегка вздрогнувъ, зорко всмотрѣлась... Изъ мрака рѣзко выступилъ неуклюжій домъ Бернольди и, блеснувъ еще разъ, повернулся къ ней ярко-освѣщенными боковыми окнами огромнаго зала... Карета остановилась у подъѣзда, внутри двора... Княгиня торопливо вышла.

Глухія, отрывистыя рыданія встрѣтили ее... То плакали какія-то старушки, и, припавъ головами къ холодному полу, низко, низко опустивъ ярко-мерцавшія восковыя свѣчки, что-то невнятное шептали.—Нѣтъ ужъ больше ихъ доброй панны прокурорши, мелькнуло княгинѣ, и ея сердце судорожно сжалось... Она порывисто вздохнула и, быстро поднявшись по лѣстницѣ, зорко взглянула впередъ. Настежъ открыты всѣ двери; вокругъ бѣлаго гроба десятки огней.

— O, mon Dieu, mon Dieu! съ усиленіемъ выговорилъ кто-то, точно вырывая изъ себя нѣчто ему дорогое, кровно близкое. Княгиня отстранилась, быстро взглянула. Это былъ Бернольди. Конвульсивно подергивались смуглаго лица его скулы и все упорнѣе смотрѣли въ гробъ отуманенные слезами, широко открытые, черные глаза... Нервный трепеть пробѣжалъ по плечамъ княгини... Она торопливо перекрестилась и, опустивъ рѣсницы, вышла въ залъ... Пахнуло ладономъ... Кто-то подаль ей зажженную свѣчку.

— Упокой, Господи, душу новопреставленной рабыни твоей боярыни Елены! сильно дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ священникъ.

— Упокой, Господи, душу новопреставленной рабыни твоей боярыни Елены! со стономъ повторилъ тутъ же голосъ въ ея груди. Она судорожно выпрямилась; ея взглядъ упалъ на Василю Андреевича. Блѣдный, какъ смерть, стоялъ онъ у изголовья покойной, и все упорнѣе и упорнѣе, смотря ей въ лицо широко открытыми, полными ужаса, глазами, казался, окаменѣлъ у гроба.... Ни слезы, ни признака печали, ни даже волненія. Все, все умерло въ немъ. За нимъ Соколинъ, мужъ, Камилина, Градынская.... Но, нѣтъ, то не они, не они, то не живые люди, то лишь мрачныя, блѣдныя облики душъ, молящихся безъ слезъ, безъ словъ, за упокой души Елены...

Дисканты запѣли вѣчную память.... Нервный трепеть пробѣжалъ по плечамъ княгини. Кто-то зарыдалъ за гробомъ и со стономъ упалъ на полъ.... Это была Камилина.... Мимо быстро прошелъ Соколинъ и, нечаянно взглянувъ на нее, отвернулся.

Вся кровь ударила ей въ голову.... Затуманился залъ.... лишь все рѣже и рѣже выступалъ изъ этого тумана бѣлый, глазетовый гробъ, съ его ярко горѣвшими тремя свѣчами: «Вѣч-ная па-а-мять, вѣч-ная па-а-мять!» слышалось ей отовсюду.... А гробъ все тутъ, все передъ нею.... Вотъ чего-то задрожалъ и, слегка приподнявшись надъ возвышеніемъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, заколебался.... Вотъ тихо шелохнулась въ немъ покойная, вздохнула и, медленно отрывъ глаза, остановила ихъ на ней съ глубокою укоризною.... Все смотреть и смотреть.... Бняги-ня задрожала и, трепетно перекрестившись, торопливо вышла....

Всю дорогу пѣли пѣвчіе «вѣчную память», всю дорогу, все съ той же укоризной, смотрѣла на нее Елена Павловна.

Своихъ шаговъ боясь, шороха платья, убѣгая быстро, прошла она пріемныя, тускло - освѣщенныя комнаты и, торопливо замкнувъ за собою дверь будуара, зажгла и канделябры, и свѣчи на столѣ.... Но, не смотря на яркій свѣтъ, проникавшій теперь во всѣ углы комнаты, все также ясно представлялся ей гробъ, еще настойчивѣе смотрѣла на нее Елена Павловна, и все живѣе овладѣвалъ ею суевѣрный страхъ. Въ зеркалѣ мельнула тѣнь... Она вздрогнула и, въ тотъ же мигъ сознавъ, что это ея же отраженіе, досадливо подошла къ письменному столу и, доставъ бумагу, начала письмо къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Боже мой, Боже, какъ дорого бы я дала, какъ многимъ бы пожертвовала, чтобы видѣть васъ въ эту минуту, дорогая Вѣра Павловна! писала она.... Сегодня, въ четыре часа по полудни скончалась ваша любимица, бѣдная Елена Павловна!... И если бъ вы могли только сознать, могли-бъ почувствовать, какимъ тяжелымъ гнѣтомъ, невыносимо тяжелымъ, пала мнѣ на душу ея смерть, вы бы не винили меня такъ сильно, какъ, быть можетъ, вините! О, это ужасно, ужасно!... Развѣ я желала этой смерти, ея смерти, какъ смерти барона, какъ страданій мужа, нѣтъ, видитъ Богъ, нѣтъ!... Я не предвидѣла и могла-ли предвидѣть?! Я виновата лишь въ томъ, что никогда не была въ силахъ бороться съ своимъ упрямымъ «хочу»!... Но, и въ этомъ, я-ли виновата, Вѣра Павловна?... Вспомните, какъ во все вы, и всѣ потакали мнѣ?! и, порывисто вздохнувъ, она положила перо, задумалась.

Вся прошлая жизнь проносилась теперь передъ нею, и съ каждымъ новымъ воспоминаніемъ все невыносимѣе страдала она...

Но къ чему, къ чему эти воспоминанія, когда и безъ нихъ такъ ясно сознаю, что погубила все, что только было близко мнѣ, что сама же разбила и свою жизнь, и жизнь любившихъ меня! и, вдругъ приостановившись, она чутко, нервно вслушалась.... По гостиной кто-то шелъ, едва слышною, но тяжелою ступнею.... Нервный холодъ пробѣжалъ по плечамъ, по спинному хребту, по лѣвой ногѣ, по правой рукѣ. Вотъ отчетливо поднялся въ волосахъ и, онѣмѣвъ въ груди, связалъ ей и руки, и ноги. Все явственнѣе, все ближе шаги. Она хотѣла подняться — и не въ сплахъ, хотѣла крикнуть — голоса нѣтъ.... Вотъ открылась уже дверь.... Она слышала, ясно слышала.... Вотъ кто-то вошелъ и сталъ возлѣ.... И все трепетише, трепетише пробѣгало по ея тѣлу холодное дыханіе вошедшаго.... Она собрала послѣднія силы и, судорожно опершись рукой о край шатнувшагося стола, взглянула.... Странно вытянувшись, стоялъ передъ нею баронъ.... Страшенъ былъ взглядъ его широко-открытыхъ, мертвенно холодныхъ глазъ. Чего, чего вамъ, чего?! и баронъ глухо размѣялся и, отступивъ на шагъ, высоко приподнял правую руку.... Рука задрожала и, медленно подвигаясь все впередъ и впередъ, остановилась на зелени дальняго лѣваго угла будуара. Изъ-за густой зелени выступила Елена Павловна, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, вся въ цвѣтахъ и, не шевелясь, какъ вкопанная, остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.... Бнягиня дико вскрикнула и, пошатнувшись, упала безъ чувствъ. У ней началась нервная горячка.

Э П И Л О Г Ъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Марья Кондратьевна Щебринская умерла, и Петру Игнатьевичу нѣкому больше читать объ утопленникахъ.

Все по прежнему живутъ Бояриновы. Андрей Петровичъ всею душою полюбилъ музыку. Александра Игнатьевна поигрываетъ себѣ по-поль и даже по копѣйкѣ.

Неволины... да что Неволины?... Николай Ермолаевичъ полысѣлъ, утѣшился и всѣ силы своего разума направилъ къ наживѣ. Юлія Игнатьевна разбрюзгла еще болѣе и, кажется, сознала, наконецъ, что ревновать ей ужъ нѣсколько поздно.

На Наталью Игнатьевну ударъ за ударомъ. Потеряла мать, а за нею.... Жужу!... Только развѣ въ картахъ находитъ она себѣ утѣху.

Неронъ не выдержалъ тоже и скоро, скоро ушелъ онъ въ землю, за свою доброю, такъ любившею его, госпожею.

Бояриновъ, на себѣ сознавъ, какъ глубоко заблуждаются люди, карая своихъ братій за то, что сами же развиваютъ въ нихъ, оставилъ прокуратуру и, всецѣло отдавшись дѣлу защиты, ищетъ забвенья всему прошлому въ откровенности, въ дружбѣ, въ охранѣ жизни, чести и здоровья тѣхъ, которыхъ мы признаемъ преступниками; но которыхъ онъ теперь признаетъ жертвами ротившихъ ихъ условій.

Княгиня Долина непрерывно ѣздитъ за границу и по Россіи даже, переѣзжая изъ города въ городъ, все ищетъ и ищетъ себѣ забвенья.... Но напрасно!... Повсюду одинаково преслѣдуютъ ея глубоко возмущенную совѣсть призраки: Бояринова, Берндорфъ, и никогда уже ея душа не найдетъ себѣ ни тихой радости, ни счастья, ни даже покоя.

Князь Долинъ въ дѣтяхъ нашелъ себѣ цѣль существованія и, зорко охраняя ихъ отъ самообольщенія, болѣзни ихъ несчастной скиталицы матери, всѣми силами развиваетъ въ нихъ твердую волю.

Чириковы, Чижевскіе все по прежнему то подыгрываются, то кусаютъ, смотря по тому, что выгодно имъ.

Градынская... да что же дѣлается съ такими, какъ Градынская?... Она себя оправдала, всѣхъ обвинила и, глубоко затанувъ въ своей душѣ ненависть къ Бояринову, мститъ за него, кому можетъ отомстить.

Соколинъ женился на Камилиной. Онъ полюбилъ ея свѣтлый умъ, ея честные взгляды, ея чуткое отношеніе къ нуждамъ меньшихъ братій, и теперь все чаще и чаще раздаются въ окрестностяхъ города Скаль голоса благословляющихъ ихъ бѣдняковъ.

Жизнь Вѣры Павловны и Петра Игнатьевича течетъ по прежнему, тихо, ровно и счастливо. Ихъ сыну, кличкою Петру Коваленко, минуло двѣнадцать. Весело смотрятъ на жизнь, изъподъ слегка приподнятыхъ рѣсницъ, его свѣтло-голубые глаза, и Петръ Игнатьевичъ, съ каждымъ новымъ днемъ, все болѣе радуясь росту въ немъ своихъ убѣжденій и взглядовъ, все чаще и чаще внушаетъ ему, что все въ жизни мимолетно, все тлѣно и прахъ, все, кромѣ того лишь, что неизмѣнно, что вѣчно въ человѣкѣ.... это—его—правъ или неправъ?

М. Югель.

К О Н Е Ц Ъ .

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДѢЙСТВО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Прошло двѣ недѣли послѣ маскарада у Гольца, а много воды утекло.

Бружокъ братьевъ Орловыхъ увеличивался не по днямъ, а по часамъ. Наконецъ квартира Григорія Орлова уже не могла вмѣстить всѣхъ лицъ, которыя собирались по утрамъ, иногда поздно вечеромъ и далеко за полночь. Приходилось подумать о другомъ мѣстѣ для собраній. Неизвѣстно, долго-ли Орловы про-собирались бы найти новое помѣщеніе, если бы осторожный Тепловъ не взялся за дѣло самъ.

За послѣднее время стали появляться въ квартирѣ Орловыхъ личности, которыхъ они не приглашали, и которыя сами навязывались въ дружбу. При этихъ личностяхъ, за которыхъ ни одинъ изъ братьевъ не могъ отвѣчать, приходилось, конечно, осторожно молчать или просто играть въ карты.

Одинъ изъ этихъ незваныхъ гостей, особенно навязчиво пристававшій къ Орловымъ повсюду, гдѣ встрѣчалъ ихъ, и раза два уже явившійся на ихъ сборища, былъ пріятель Фленсбурга, членъ бружка Гудовича—Будбергъ. Первый, сообразившій въ чемъ дѣло, былъ, конечно, Тепловъ.

— За нами начали присматривать, — объявилъ онъ, — Будбергъ таскается не с проста.

И Тепловъ отгадалъ вѣрно.

До принца Жоржа съ одной стороны, до Гудовича съ другой дошли положительные слухи, что въ квартирѣ Григорія Орлова, гдѣ прежде бывали только кутежи и картежная игра, теперь собирается много народа уже не для вина и картъ, а для бе-

сѣдъ о разныхъ государственныхъ вопросахъ. Конечно, ни принцу, ни начальнику тайной канцеляріи, лѣнивому Гудовичу, не могла и на умъ придти та причина, которая руководила сборищемъ Орловыхъ. Если-бы кто-либо сказалъ, что тамъ замышляется государственный переворотъ, то, конечно, каждый изъ «голландцевъ», т. е. приверженцевъ императора, похотѣлъ бы до слезъ надъ такой глупостью.

Единственный человѣкъ, который отнесся къ извѣстію объ этихъ сборищахъ серьезно, былъ Фленсбургъ, и онъ отрядилъ къ Орловымъ своего пріятеля Будберга съ просьбой поразнюхать, что тамъ творится.

Причина, руководившая Фленсбургомъ, была личная. Онъ искалъ теперь повсюду кругомъ себя средство какъ-нибудь отличиться въ глазахъ государя. За послѣднее время личныя дѣла Фленсбурга шли скверно. Фортуна отвернулась отъ него; графиня Маргарита почти перестала его принимать и обращалась съ нимъ сухо и рѣзко; а между тѣмъ Фленсбургъ былъ влюбленъ въ нее еще болѣе прежняго и болѣе чѣмъ когда либо ревновалъ ее ко всѣмъ, и къ доктору Вурму, и къ старому Скабронскому, и къ самому Гольцу, и, наконецъ, за послѣдніе дни ревновалъ болѣе всего къ мальчишкѣ, котораго Маргарита съ дѣйствительно невѣроятною ловкостью сдѣлала въ одинъ мѣсяцъ изъ рядоваго офицеромъ.

Что касается Шепелева, то Фленсбургъ имѣлъ право ревновать къ нему графиню на основаніи того, что слышалъ и видѣлъ собственными глазами. Помимо неудачи въ своихъ сердечныхъ дѣлахъ, Фленсбургъ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ еще недавно,—хотя и тайнымъ, случайнымъ, но все-таки самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Петербургѣ. Еще недавно онъ имѣлъ полное вліяніе надъ принцемъ Жоржемъ, который, въ свою очередь, имѣлъ вліяніе надъ племянникомъ, т. е. надъ государемъ. Теперь принцъ точно также любилъ своего фаворита и переводчика, но самъ не пользовался прежнимъ значеніемъ при государѣ. Принцъ, а слѣдовательно, и Фленсбургъ были побѣждены и уничтожены человѣкомъ, который обращался съ ними крайне любезно и мило.

Этотъ побѣдитель, захватившій теперь въ свои руки чуть не всю Россію, по крайней мѣрѣ судьбы Россіи, былъ, конечно, прусскій посоль. Первый же другъ Гольца въ Петербургѣ была теперь графиня Скабронская. И влюбленный, ревнующій Флен-

сбургъ ясно предвидѣлъ, къ чему приведетъ вскорѣ дружба Гольца съ государемъ и съ красавицей иноземкой. Фленсбургъ не сомнѣвался въ скоромъ возвышеніи графини Скабронской, если только она не испортитъ все дѣло своимъ неосторожнымъ поведеніемъ. Онъ не сомнѣвался тоже, что первый человѣкъ въ Петербургѣ, который при этомъ пострадаетъ, будетъ, конечно, онъ. Вдобавокъ одинъ изъ голштинскихъ офицеровъ, бывшій въ маскарадѣ Гольца, слышалъ ясно, какъ пріятельница Маргариты и всеобщая незнакомка «Ночь» просила государя о высылкѣ Фленсбурга.

И вотъ честолюбивый шлезвигскій дворянинъ сталъ мечтать теперь о томъ, чтобы помимо принца какъ-нибудь приблизиться къ государю. Прежде всего онъ сталъ ухаживать за Гудовичемъ болѣе чѣмъ когда-либо и собирался, бросивъ мѣсто адъютанта ничего незначащаго теперь Жоржа, поступить членомъ въ канцелярію для разбора тайныхъ дѣлъ. Онъ уже намекалъ объ этомъ Гудовичу, обѣщая работать день и ночь, что, конечно, лѣнивому Гудовичу было на руку, и тотъ обѣщалъ ему поговорить объ этомъ съ государемъ.

Одновременно съ этимъ Фленсбургъ сталъ присматривать за вращкомъ Орловыхъ. Какъ умный и тонкій человѣкъ, онъ рѣшился слѣдить за ними какъ можно осторожнѣе и накрыть только тогда, когда время приспѣетъ и ему можно будетъ блистательно отличиться и сразу сдѣлаться близкимъ человѣкомъ къ государю. И вотъ тогда-то, видая государя часто, онъ помѣряется силами съ Гольцемъ и съ отвергнувшей его красавицей. Силенъ Гольць, красива Маргарита, но Фленсбургъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Надъ Гольцемъ онъ имѣлъ то преимущество, что зналъ страну ближе и говорилъ по-русски, надъ Маргаритой онъ имѣлъ то преимущество, что зналъ за ней кое-что, могущее, въ случаѣ нужды, погубить ее въ глазахъ государя.

Впрочемъ, первая попытка Фленсбурга слѣдить за Орловыми не удалась. Послѣ двухъ или трехъ назойливыхъ посѣщеній Будберга сборища въ квартирѣ прекратились. И не смотря на всѣ свои старанія и даже не смотря на наемныхъ солдатъ изъ голштинскаго войска, говорящихъ по русски, Фленсбургъ не могъ узнать, продолжаютъ-ли гдѣ-нибудь сборища. Говорить же объ этомъ онъ никому не хотѣлъ, даже принцу Жоржу ни слова ни разу не сказалъ о своемъ новомъ занятіи, потому что ему хотѣлось вести дѣло одному, и, накрывъ подозрительныхъ людей, присвоить себѣ всю честь великаго дѣла.

Между тѣмъ, орловскій кружокъ, далеко не въ томъ видѣ въ какомъ былъ великимъ постомъ, перебрался въ огромный вновь нанятый домъ глухаго квартала Выборгской стороны. Теперь въ этомъ домѣ, кое-какъ меблированномъ на общія средства, собирались уже не одни молодцы гвардейцы. Здѣсь стали появляться люди пожилые, даже старые, изъ самыхъ разнообразныхъ кружковъ столицы. Тутъ было уже нѣсколько чиновныхъ людей, занимавшихъ разныя довольно видныя должности въ разныхъ вѣдомствахъ, было уже нѣсколько сенаторовъ и, наконецъ, нѣсколько духовныхъ лицъ. Въ числѣ послѣднихъ появился, хотя правда только одинъ разъ, извѣстный на всю Россію первенствующій членъ синода Сѣченовъ.

Дѣятельность кружка, подъ управленіемъ Теплова, стала кипучая, хотя простая. Она заключалась въ двухъ вещахъ: находить деньги пожертвованіями для раздачи въ разныхъ полкахъ черезъ офицеровъ и, затѣмъ, вербовать... и вербовать! И всякій вербовалъ другаго и обращался къ нему съ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ вопросомъ:

— Пойдете-ли вы противъ перемѣны дѣлъ?... Помѣшаете-ли вы чѣмъ-либо дѣйству противъ существующаго правительства, если таковое будетъ?...

И подобнаго человѣка въ столицѣ почти не оказывалось!

Если бы Орловы и вся компанія заговорщиковъ обращались съ просьбой о помощи, съ требованіемъ дѣйствовать, то, конечно, они никого-бы не нашли. Но они только заручались обѣщаніемъ ничего не дѣлать противъ тѣхъ, кто что-либо начнетъ.... И отовсюду было полное согласіе.

Въ трехъ полкахъ гвардіи—въ конномъ, измайловскомъ и преображенскомъ, можно было насчитать человѣкъ только съ двадцать офицеровъ, къ которымъ нельзя было приступить съ какими бы то ни было откровенными рѣчами... Всѣ остальные офицеры принадлежали уже кружку и сорили сборными деньгами въ своихъ полкахъ. Въ преображенскомъ солдаты обожали Алексѣя Орлова, Пассека и Баскакова, въ семеновскомъ также обожали и повиновались Федору Орлову, въ измайловскомъ—Ласунскому и братьямъ Рославлевымъ, а въ конномъ дѣлали, что хотѣли, офицеры: князь Волконскій, Хитрово и Бибииковъ.

Тепловъ игралъ ту же роль въ сенатѣ и могъ перечестъ не малое количество сенаторовъ, которые обѣщали въ случаѣ чего-либо «пальцемъ не двинуть». Что касается духовенства, то Сѣ-

ченовъ ручался, что во всемъ Петербургѣ не найдется ни одного человѣка, носящаго рясу, который бы былъ «самъ себѣ врагъ». Послѣ отнятія вотчинъ у монастырей и послѣ указа дѣтямъ духовныхъ поступать въ солдаты, кто же бы изъ нихъ согласился ратовать за правительство, приводившее въ исполненіе эти пагубныя для нихъ мѣры.

Наконецъ, всякій изъ собиравшихся на бесѣды во вновь нанятомъ домѣ ручался за свой собственный домъ, за домочадцевъ, за прислугу, за холоповъ и послѣдняго мальчишку.

Прислуга была въ свой чередъ распространителемъ извѣстныхъ рѣчей по кабачкамъ и трактирамъ.

Такимъ образомъ, въ скоромъ времени тайныя нити опутали столицу. Центромъ всего былъ Теплоу и братья Орловы, изъ которыхъ одинъ бывалъ всякій день у императрицы. Но многіе въ кружкѣ этого даже не знали.

Сама государыня тоже не теряла времени. Не было ни одного крупнаго сановника въ столицѣ, начиная съ графовъ Разумовскихъ, Панина, канцлера Воронцова, у котораго бы она не выштыала, какъ поступить онъ въ случаѣ, если будетъ проявленіе недовольства и какое бы то ни было дѣйство народное. Часто по очереди государыня бесѣдовала со всякимъ изъ этихъ вельможъ, но никогда ни разу не звала ихъ вмѣстѣ на общую бесѣду объ этомъ предметѣ. Разумовскіе и не подозрѣвали, что государыня осторожно бесѣдовала съ ними о томъ же, о чемъ бесѣдовала вчера съ Сѣченовымъ, третьяго дня съ Панинымъ....

И, такимъ образомъ, всѣ и все отъ перваго вельможи въ государствѣ до послѣдняго кабатчика знали, ожидали и мечтали объ одномъ и томъ же, но между собой объ этомъ не говорили, воображая, каждый въ свою очередь, что только одинъ онъ посвященный, а другіе всѣ чуть не «голландцы».

Единственный человѣкъ во всемъ Петербургѣ, который неосторожно, рѣзко и откровенно заговаривалъ о невозможности положенія дѣла, о необходимости что-либо совершить, — была нягиня Дашкова. Она чуть не самому государю говорила при встрѣчахъ, что «такъ царствовать нельзя!» Но никто не обращалъ на нее вниманія, всякій пожималъ плечами и объяснял все словомъ «баба» или словомъ «верченая».

Вести себя такъ Дашкова могла, конечно, только въ качествѣ родной сестры фаворитки и благодаря добродушію государя.

Разумѣется, изъ того, что зналъ Тепловъ, что зналъ Григорій Орловъ, что знала государыня, Дашкова ничего не знала. Вреда принести она не могла, но и пользы отъ нея не было никакой. Она предлагала государынѣ дѣйствовать, заручаться друзьями и приверженцами, и государыня только улыбалась. Она предлагала государынѣ разныя мѣры, но особенныя, характерныя. Однажды она предложила, чтобы всякій приверженецъ императрицы, негодующій на правительство и готовый стать на сторону ея и наследника, долженъ имѣть какое-нибудь отличіе; долженъ, на примѣръ, подавая руку, дѣлать франкъ-массонскій знакъ и, наконецъ, долженъ на лѣвой рукѣ носить браслетъ. Особенно браслетъ съ замысловатой надписью по латыни преслѣдовала княгиню и днемъ, и ночью, и съ нимъ преслѣдовала она государыню на столько, что Екатерина однажды, размѣявшись, отвѣчала:

— Ахъ, голубушка, да закажите вы себѣ его, да и носите!

И часто государыня, оставаясь одна, послѣ визита Дашковой, весело усмѣхалась и думала:

— А, вѣдь, если Богъ дастъ совершится что-либо счастливо и удачно, то, вѣдь она всю честь на себя возьметъ!

И ей невольно приходила на умъ одна басня Лафонтена о мухѣ и путешественникахъ.

Муха, въ баснѣ, назойливо кружившаяся надъ лошадьми, людьми и экипажемъ, который съ трудомъ поднимался въ гору, наконецъ, отстала, усѣлась на деревѣ и съ пріятнымъ чувствомъ исполненнаго долга объяснила себѣ, что послѣ всѣхъ хлопотъ, она можетъ и отдохнуть!...

И такъ, цѣлая сѣть, невидимая и тонкая, лежала надъ столицей, и нити отъ этой сѣти были въ рукахъ государыни.

Но, однако, одна вещь была совершенно никому неизвѣстна: когда? что? какъ будетъ совершено? Черезъ мѣсяць? Или черезъ годъ? Открытый бунтъ и кровопролитіе?! Или что-либо еще ужаснѣе? Нападеніе и покушеніе на личность государя?!...

Пассежъ, у котораго были всѣ бумаги кружка, а равно и деньги, выработалъ цѣлый проектъ народнаго дѣйства, но онъ былъ немислимъ.

Близкій пріятель Орловыхъ, Баскаковъ, жертвовалъ собой и предлагалъ покончить однимъ разомъ все...

Но его предложеніе было единогласно отвергнуто и даже Григорій Орловъ говорилъ, что не рѣшится довести до свѣдѣнія государыни, что именно беретъ на себя одного—Баскаковъ.

— Много было переворотовъ въ Питерѣ съ Петра Алексѣевича по наши дни, говорило большинство, но ни одинъ изъ нихъ не былъ запятнанъ пролитіемъ крови! Нѣтъ, нужно христіанское общее отъ всѣхъ состояній дѣйство, безъ преступленія заповѣдей Божьихъ и во славу отечества и свою собственную.

II.

Если молодцы гвардейцы шли на дѣйство съ чистыми помыслами безъ честолюбивыхъ замысловъ, то хитрый и честолюбивый Тепловъ пошелъ на пагубное дѣло съ расчетомъ за пропасть или получить при дѣлежѣ львиную долю.

— Похѣрять нынѣшнее правительство можно, а что на его мѣсто поставить? Отъ формы новаго правительства будетъ зависѣть и мое положеніе! разсудилъ Тепловъ. И вскорѣ онъ додумался.

Чрезъ недѣлю послѣ маскарада у Гольца, около полудня, государыня сидѣла у себя въ кабинетѣ и перелистывала какую-то французскую книгу, но нехотя и разсѣянно. Она ожидала къ себѣ съ первымъ визитомъ Теплова, пожелавшаго имѣть аудіенцію—глазь на глазь.

За послѣднее время въ государынѣ произошла видимая и даже рѣзкая перемена: она стала бодрѣй, веселѣй, даже лицо ея и взглядъ чаще свѣтились радостью.

О посѣщеніи Теплова и цѣли этого секретнаго посѣщенія—еще за день предупредилъ ее Григорій Орловъ. И теперь государыня съ утра исключительно думала о Тепловѣ и съ нетерпѣніемъ ждала его. По своему положенію, этотъ человѣкъ былъ далеко не вліятельный вельможа, не могущественный сановникъ на іерархической лѣстницѣ и даже не древняго рода столбовой дворянинъ. Но это былъ человѣкъ крайне образованный, воспитавшійся и учившійся за границей, человѣкъ, быть можетъ, самый образованный изъ всего Петербургскаго общества и притомъ злой и хитрый до крайности. Григорій Орловъ уже прозвалъ его заглазно въ послѣдніе дни дружбы «тѣска Искаріотычъ».

Григорій Николаевичъ Тепловъ былъ сынъ жены истопника и монаха.... Истопникъ отказался отъ него, но Теофанъ Прокоповичъ призрѣлъ его. Фамилія была дана подходящая къ занятіямъ мужа наложницы.—Явился Тепловъ на свѣтъ въ Псковскомъ архіерейскомъ домѣ. Ставъ юношей, онъ пачалъ учиться

серьезно и солидно у самого Теофана Прокоповича. Благодаря безпримѣрному по времени образованію, онъ, будучи еще очень юнымъ, уже сдѣлался секретаремъ всесильнаго Волинскаго. Но когда всѣ окружающіе опальнаго казеннаго кабинетъ-министра пострадали тоже, Тепловъ остался цѣлъ, невредимъ и даже поправился Бирону. Въ началѣ царствованія Елизаветы, онъ имѣлъ уже репутацію человѣка на столько умнаго и ученаго, что вновь народившійся первый вельможа въ государствѣ призвалъ его для самаго важнаго и близкаго сердцу дѣла. Вчерашній пѣвчій, нынѣ графъ Разумовскій, вызвалъ изъ Малороссіи своего младшаго брата пастуха и приставилъ къ нему Теплова, въ качествѣ ментора и воспитателя. Тепловъ вмѣстѣ съ своимъ питомцемъ уѣхалъ за-границу и, послѣ долгихъ и усердныхъ занятій въ германскихъ университетахъ, вернулся, обучивъ многому юнаго Кирилла Разумовскаго, но одновременно обучился окончательно и самъ. Съ этой минуты онъ сталъ почти членомъ семьи временщиковъ. Когда Кириллъ Григорьевичъ былъ назначенъ гетманомъ Малороссіи, съ нимъ отправился и за него, конечно, управлялъ Тепловъ. И много лѣтъ правилъ онъ полновластно какъ обоими братьями, такъ и краемъ.

Единственный промахъ Теплова въ жизни былъ тотъ, что, считая императрицу долголѣтней, онъ свысока обошелся раза три съ наследникомъ престола. И теперь, не смотря на позднія заискиванія и лесть, новый императоръ отставилъ его отъ всѣхъ должностей и даже наконецъ... не стѣснился дать приказъ арестовать его на балѣ, какъ простаго офицера.

И вотъ послѣ этого оскорбительнаго ареста и освобожденія, судьба внезапно перебросила его изъ лагеря правительственнаго въ лагерь елизаветинцевъ или, лучше сказать, ненавистниковъ нѣмцевъ и приверженцевъ государыни.

Вступивъ въ кружокъ молодцевъ гвардейцевъ, не умѣвшихъ ступить шагу въ своемъ пагубномъ дѣлѣ и способныхъ только положить свои головы на плаху, Тепловъ замѣтилъ пріятелямъ, что рѣшимость власть головы—последнее дѣло. Всякій дуракъ съумѣетъ это сдѣлать. А главная суть дѣла: не рисковать, а идти на-вѣрняка!

Около полудня государынѣ доложили, наконецъ, о Тепловѣ.

Она ласково приняла его, и разговоръ сначала зашелъ о разныхъ мелочахъ и городскихъ слухахъ.

Государыня давно знала Теплова, какъ прежняго воспитателя гетмана, его наперсника по управленію Малороссіей и, наконецъ, какъ друга обоихъ братьевъ, но въ прямыя сношенія ей никогда не приходилось вступать съ нимъ. Теперь она отчасти боялась его.

Тепловъ былъ прежде всего хитеръ, прежде всего нравственно шатовъ. Оскорбленіе, ударъ самолюбію заставилъ его сблизиться съ кружкомъ Орловыхъ и явиться теперь къ ней. Но что будетъ, если завтра государь обласкаетъ и наградитъ Теплова? И это отчасти смущало государыню.

Теперь въ полчаса времени, перемолвившись нѣсколькими словами пустыми и незначущими, и она, и онъ какъ бы пронесли другъ друга насквозь. Тепловъ почувствовалъ, что эта женщина легко глядитъ въ самую глубину его души своими свѣтлыми, но пронизательными глазами.

— Что-жъ молчать, скрывать то, что она и безъ того видитъ, подумалъ онъ.

И вдругъ, какъ бы встряхнувшись, Тепловъ пристально поглядѣлъ въ лицо государыни и, желая бросить систему туманныхъ фразъ и намековъ, выговорилъ:

— Ваше Величество, позвольте мнѣ говорить прямо и искренно, сказать, зачѣмъ я собственно пріѣхалъ.

Государынѣ показался въ эту минуту взглядъ этого человѣка добрѣй и честнѣй. Глаза его, маленькіе и лукавые, какъ будто остановились на ней, перестали мигать и бѣгать изъ стороны въ сторону. И еще болѣе простымъ и искреннимъ голосомъ она выговорила:

— Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали. Говорите и будьте увѣрены, что я съумѣю сохранить втайнѣ все то, что вы пожелаете мнѣ довѣрить.

Тепловъ кратко и ясно очертилъ положеніе дѣлъ, возбужденіе умовъ въ народѣ, невозможное положеніе истинно русскихъ людей и перешелъ къ тому, что общественное мнѣніе возлагаетъ на нее всѣ свои надежды.

— Но что-жъ я могу? прервала государыня.

Тепловъ подробно изложилъ свой образъ мыслей или, лучше сказать, планъ дѣйствій. По его мнѣнію, государыня должна была войти въ непосредственную близкую связь со всякаго рода людьми сановными, не проводить жизнь затворницей, а видѣть весь вельможный міръ и прямо или чрезъ кого-нибудь зару-

чаться ихъ молчаливымъ согласіемъ въ случаѣ дѣйствія кого либо другаго....

— Я это дѣлаю давно, подумала государыня, но однако вслухъ не вымолвила.

Черезъ нѣсколько минутъ молчанія или какъ будто колебанія, Тепловъ выговорилъ.

— Но къ чему мы будемъ стремиться, какая наша цѣль? Мы до сихъ поръ говорили о томъ, что не нужно, что вредно, что надо измѣнить или, скажемъ, уничтожить. Но теперь позвольте спросить, что же намъ нужно и чѣмъ мы уничтожаемое замѣнимъ? Ваше Величество понимаете, что вы не находитесь въ такомъ положеніи, въ какомъ была до воцаренія покойная государыня. Она была дочь Великаго Петра. Если равнять, то вы скорѣе въ положеніи правительницы Анны Леопольдовны.

— Конечно, заговорила Екатерина какъ бы съ искусственною поспѣшностью, я такъ и понимаю.

Однако, хитрый Тепловъ понялъ и почувствовалъ въ звукѣ ея голоса, что, говоря эти слова, она въ сущности думала совершенно иначе.

— Вы не можете быть императрицей, монархомъ, какъ иностранная принцесса. Этого за все существованіе русской земли не было и быть не можетъ. Если исключить императрицу Екатерину. Но тамъ была воля Петра... Теперь есть законное лицо, имѣющее права законныя на престолъ въ качествѣ потомка русскихъ царей. Я говорю о великомъ князѣ. Но такъ какъ онъ малолѣтній, то и онъ самъ по себѣ не можетъ быть монархомъ. Слѣдовательно, исходъ какой же? Примѣровъ искать не далеко, они были и есть теперь во всѣхъ европейскихъ государствахъ, былъ и у насъ при младенчествѣ Іоанца Антоновича.

— Конечно, выговорила государыня, единственный исходъ, единственно возможное—это регентство.

— Конечно! Но объ этомъ я и желалъ бы знать ваше мнѣніе. Регентство регентству розъ. Бываетъ одна личность регентомъ, какъ былъ регентъ французскій, какимъ былъ у насъ Биронъ. Затѣмъ бываетъ и иной видъ правительства. При малолѣтнемъ монархѣ состоитъ синклитъ государственныхъ людей, правящихъ его именемъ. Мнѣ кажется, что у насъ было бы всего разумнѣе, если бы при великомъ князѣ состоялъ совѣтъ изъ русскихъ людей, числомъ хоть десять или болѣе. Конечно, изъ русскихъ вельможъ, отличныхъ происхожденіемъ и умомъ.

Они могли бы быть выборными и мѣняться по очереди, но должны бы были быть всегда избираемы изъ членовъ россійскаго дворянства. Наконецъ одинъ изъ нихъ, наиболѣе просвѣщенный, могъ бы быть президентомъ этого синглита.... даже пожизненнымъ, пожалуй....

«Нѣчто въ родѣ олигархіи на новый ладъ» снова подумала государыня, но снова промолчала.

— Согласны-ли вы со мной? спросилъ Тепловъ.

— Конечно. И даже знаю, кто могъ бы быть душой этого синглита и самымъ полезнымъ членомъ его.... тонко намегнула государыня, и Тепловъ невольно просіялъ.

Побесѣдовавъ еще около часу, хитрый честолюбецъ попросилъ позволенія у государыни бывать у нея изрѣдка, чтобы передавать ей, на сколько общественное мнѣніе болѣе и болѣе клонится на сторону переменъ положенія дѣлъ.

Когда Тепловъ всталъ, то государыня проводила его до двери и, вернувшись къ своему мѣсту, стала предъ окномъ и, скрестивъ руки на груди, глубоко задумалась. Но лицо ея и взглядъ были не печальны, напротивъ, она, какъ будто внутренно тихо смѣялась. Но не прошло и четверти часа, какъ громкіе шаги привели ее въ себя. Она обернулась и увидѣла предъ собой фигуру Никиты Ивановича Панина.

Онъ быстро вошелъ въ комнату, очевидно взволнованный. Панинъ всегда ходилъ также тихо и важно, какъ тщательно одѣвался.

Съ утра поднявшись, даже у себя въ горницѣ одинъ, онъ былъ всегда въ парикѣ, который не снималъ до вечера. Для всякаго парикъ былъ то же, что и перчатки для выѣздовъ и пріемовъ; для Панина это было необходимою. Про него говорили, что онъ чуть не спитъ въ парикѣ.

— Что случилось? вымолвила государыня, увидя его лицо.

— Случилось, началъ Панинъ взволнованнымъ голосомъ, случилось, что я уѣду, я буду просить должности опять въ Швецію, а не дадутъ, я уѣду къ себѣ въ вотчину. Я не могу здѣсь оставаться! Я шутомъ не былъ и въ скоморохи не пойду.

— Да что такое?

Панинъ сѣлъ въ кресло и заговорилъ быстро и гнѣвно.

— Вы знаете, что вчера я добился наконецъ, чтобы государь сдѣлалъ испытаніе великому князю въ наукахъ.

— Ну, знаю! Что жъ? Вѣдь онъ остался доволенъ?

— Ну, да. Онъ остался доволенъ. Онъ даже сказалъ принцу и другимъ присутствующимъ при испытаніи, что Павелъ Петровичъ, конечно, гораздо умнѣе и ученѣе ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Принцъ Жоржъ даже обидѣлся.

— Ну такъ въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что сегодня я получилъ награду за успѣхи моего воспитанника.

— И слава Богу!

— Нѣтъ, не слава Богу, а слава шуту гороховому! крикнулъ Панинъ. Спросите, какую награду!...

— Какую же?

— Какую? Какую? привскочилъ онъ на мѣстѣ. Пожалованъ въ генералы отъ инфантеріи! отчаянно закричалъ Панинъ во все горло. Я, теперь, въ мои года, надѣну дурацкій купцій кафтанъ, ботфорты, шпоры нацѣплю себѣ, эскадронъ или ружье возьму и буду тоже разные выверты прусскіе дѣлать, буду тоже на плацѣ, какъ Трубецкой или Разумовскій, разводы дѣлать солдатамъ. Я, который съ дѣтства ненавидѣлъ военщину и солдатчину! Вѣдь это на смѣхъ! А за что?! За усердіе. Тогда прямо взять другаго воспитателя, а меня отправить. А развѣ это возможное дѣло? Это шутство! Скроморошество! Государыня молчала и не могла удержаться, чтобы не улыбнуться.

— Да, хорошо вамъ! воскликнулъ Панинъ, а для меня это все равно, что ссылка. Я не знаю, что дѣлать. Я буду проситься въ какое-нибудь посольство, лучше всего въ Швецію. Я ее знаю и люблю. Я такъ и сказалъ Гудовичу, когда онъ пришелъ ко мнѣ поздравить меня съ этой шутовской наградой. Какими глазами будетъ на меня смотрѣть мой воспитанникъ, когда я буду учить его со шпорами, саблей и тремя ружьями за спиной, и, пожалуй, даже съ кипжаломъ въ зубахъ, какъ рисуютъ разныхъ предводителей дикихъ племенъ. Знаете-ли вы, что съ тѣхъ поръ, что гетманъ, Трубецкой и другіе сами водятъ на плацъ свои полки, сами разставляютъ часовыхъ, то въ гвардіи солдаты ропщутъ и говорятъ, что это не дѣло генеральское, что ихъ, генераловъ, унизили, осрамили, опакостили, что это для нихъ, солдатъ, черезъ-чуръ велика честь. Стало быть, мужикъ и тотъ понимаетъ нелѣпность этакого указа.

— Что-жъ дѣлать, выговорила наконецъ государыня. Слава Богу, если бы только такія мѣры были и такіе указы. Это ничто въ сравненіи съ какимъ-нибудь мирнымъ трактатомъ. Вамъ, Ни-

кита Ивановичъ, ваше генеральство кажетъ важнѣй прусскаго мирнаго договора, гдѣ продана Россія. Какъ вы, однако, себя-любивы.

— Да! Что жъ? Понимайте и судите, какъ хотите. А я вамъ говорю, что такъ жить нельзя! Если государь не возьметъ назадъ это дурацкое генеральство, то я тотчасъ же уѣду. Воспользуюсь закономъ о вольности дворянства и уѣду за-границу, или....

Но Панинъ вдругъ смолкъ. Государыня взглянула ему въ лицо и вымолвила.

— Или, что жъ?

Панинъ посмотрѣлъ въ ея смѣющееся лицо съ вызывающимъ взглядомъ и, будто сообразивши, выкрикнулъ громко:

— Или надо это пережѣнить. Повторяю, такъ жить нельзя.

— Надо, надо! Я давно слышу, что надо, отвѣчала Екатерина.

— Надо намъ, умнымъ людямъ, подумать, наконецъ, о томъ, что сдѣлать. Государыня, умирая, говорила мнѣ, что опасается и боится того правленія, которое наступитъ на Руси. Умирая, она поручила государю, накрѣпко заказала не обижать Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, и онъ обѣщалъ. Ей надо было заставить его побожиться, что онъ не будетъ обижать всю Россію. Нѣтъ! Пора, наконецъ, за умъ взяться! Надо.... А что надо? съ отчаяніемъ воскликнулъ Панинъ.

— Надо, Никита Ивановичъ, регентство! твердо выговорила государыня. И вамъ, конечно, какъ воспитателю и ближайшему лицу къ наследнику престола слѣдуетъ быть этимъ регентомъ. Вотъ мое мнѣніе, о которомъ я часто вамъ намекала, теперь же говорю прямо. Но для этого мало только думать, охать и волноваться, надо дѣйствовать. Вы знаете весь Петербургъ почти, можете поручиться за дружбу первыхъ сановниковъ столицы, дѣйствуйте, выдайтесь, говорите.

Панинъ смолкъ и долго сидѣлъ, не поднимая головы и раздумывая.

Наконецъ, видимо успокоившись, онъ всталъ и выговорилъ твердымъ голосомъ.

— Да, пора перестать только браниться, ахать да охать. Да, что вы будете дѣлать съ этими російскими сановниками. Вотъ хоть бы недавній примѣръ, Тепловъ?! Схватили его два солдата за шиворотъ, стащили съ бала въ одномъ мундирѣ въ сибирку,

а тамъ выпустили. И ходить себѣ довольный, даже не обидѣлся! Онъ не возмущенъ тѣмъ, что его, ошибкой, зря, и какъ мальчишку на хлѣбъ и на воду посадили. Чему вы улыбаетесь? вдругъ выговорилъ Панинъ.

— Ничему.

— Вы знаете этого Теплова?

— Разумѣется. Но близко не знаю, прежде видѣла у Разумовскихъ.

— Ну вотъ, всѣ они таковы. Ихъ бьютъ по рожѣ, а они ухмыляются и руку цѣлуютъ. Что-жъ можно сдѣлать съ такимъ народомъ? Или Скабронскій, который хвораетъ, когда нужно свое мнѣніе высказать.

— Выслушайте меня, Никита Ивановичъ, выговорила вдругъ государыня, какъ будто рѣшаясь.

И въ длинной рѣчи она стала доказывать, что Панинъ долженъ немедленно для отечества, для своего воспитанника, котораго любить, наконецъ, для себя самого — начать дѣйствовать, заручаться согласіемъ всѣхъ столичныхъ вельможъ въ пользу регентства....

Панинъ слушалъ, конечно, внимательно....

III.

Графиня Маргарита чувствовала, что совершенно счастлива и довольна, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она боялась. Она сомнѣвалась, какъ выйдетъ изъ того труднаго положенія, въ которое себя поставила.

Когда-то, давно, будучи проездомъ въ Венеціи, она пристрастилась къ мѣстной забавѣ венеціанцевъ, т. е., къ театру маріонетокъ и часто проводила въ театрѣ вечера, глядя, какъ большія куклы въ ростъ человѣческой на ниточкахъ, ясно видимыхъ глазомъ, разыгрывали разныя комедіи и драмы.

Она помнила, какъ однажды невидимыя руки, водившія этими куклами, перемѣшали вдругъ всѣ нитки, и ту нелѣпую смѣшную путаницу, которая произошла на сценѣ. Вся публика, какъ и она сама, хохотала до слезъ. Какая-то невидимая сила вдругъ заставила главную куклу, изображавшую королеву, поднять неприлично ногу и тотчасъ потащила ее, притянула къ фигурѣ какого-то герольда, стоявшаго на другой сторонѣ сцены. И нога королевы очутилась на плечѣ этого герольда. Первый министръ

и наперсникъ ея вдругъ упалъ, а еще двѣ-три фигуры столкнулись вмѣстѣ и шлепнулись лбами. И всѣ дѣйствующія лица попали въ такое положеніе, что даже дѣти въ театрѣ начали восторженно кричать и хохотать. Не прошло секунды, какъ въ облакахъ раздалась отчаянная брань двухъ голосовъ, и одинъ другаго ругалъ за неосторожность. Затѣмъ послышался трескъ и съ неба на землю свалились на кучу маріонетокъ двое дерущихся. Но это были уже не куклы, а два живыя существа: самъ антрепренеръ театра и провинившійся управитель курами.

Теперь Маргаритѣ поневолѣ приходилъ этотъ случай на умъ. Она тоже заставляла четырехъ лицъ разыгрывать комедію и руководила ими, какъ этотъ итальянскій импрессарио водилъ своихъ маріонетокъ на ниточкахъ, привязанныхъ къ ихъ рукамъ и ногамъ. И она чувствовала, что теперь перемѣшала неосторожно свои нитки, и что ей грозитъ то же самое, что случилось съ итальянцемъ. Ей грозитъ тоже, на потѣху общества, упасть съ высоты своего положенія, среди куколъ, которыми она управляла.

Съ самаго маскарада Маргарита все болѣе запутывалась въ своей кокетливой игрѣ съ юношей, съ дѣдомъ, съ Фленсбургомъ, и, наконецъ, съ самимъ... государемъ, который былъ сильно заинтригованъ,—кто именно пріятельница графини — «Ночь». Юноша оказался тѣмъ огнемъ, съ которымъ шутить было невозможно. Чувство его было на столько сильно и бурно, что не могло удержаться ни въ какой рамкѣ, не могло стерпѣть никакихъ преградъ. Маргарита увидала, но поздно, что онъ именно своимъ чувствомъ, нехотя, невольно, можетъ погубить ее. Когда-то она была удивлена и даже какъ-то польщена этимъ безграничнымъ восторженнымъ чувствомъ, которое съумѣла внушить. Его обморокъ у гадалки могъ быть для нея предсказаніемъ,—какъ бурно можетъ чувствовать этотъ красивый полу-ребенокъ.

— Да! Это молоденькій, маленькій львенокъ, рассуждала теперь Маргарита. Молоденькій, неопытный... но все-таки хищный львенокъ, у котораго хватить силы растерзать человѣка. Покинуть свой планъ дѣйствій Маргаритѣ пришлось вскорѣ и очень просто.

На другой же день послѣ маскарада, или, лучше сказать, въ тотъ же день, такъ какъ они разстались уже на зарѣ, — Шепелевъ въ сумерки явился у подъѣзда дома графини. Ему сказали, что она почиваетъ съ самаго бала. И это была правда.

Вечеромъ, когда три окна угольной гостиной, дотогѣ темныя, засвѣтились огнемъ, Шепелевъ снова смѣло вошелъ въ домъ. Послѣ доклада лакея вышла все та же нѣмка и объяснила юношѣ, что графиня просить его пожаловать завтра въ полдень.

Всю ночь Шепелевъ не могъ глазъ сомкнуть. Даже его новый офицерскій мундиръ не радовалъ его. Онъ до утра, не раздѣваясь, просидѣлъ у окна и продумалъ, споря самъ съ собой:

— Кто «Ночь»?! Очевидно, «Ночь»—Маргарита! А, между тѣмъ, сколько доказательствъ противъ этого предположенія. Вѣдь кармелитка была въ залѣ съ Скабронскимъ, когда онъ вышелъ изъ уборной. Вѣдь Маргарита разговаривала съ *той*, когда онъ стоялъ потомъ передъ дверью уборной! Да, но лицо Маргариты уже на подъѣздѣ, ея взглядъ, ея улыбка, ея шутки объ раздавленной звѣздѣ... Она почти созналась!... Или *та* рассказала ей все!... Было нѣчто и еще, что смущало юношу. Послѣ бала, когда всѣ разбѣхались, онъ рѣшился обратиться къ послу съ вопросомъ, кто была «Ночь»? Гольцъ, шутя, отозвался, что это была одна красивая дама въ маскѣ, и что назвать ее теперь было бы равносильно тому, какъ если-бы онъ сорвалъ съ нея маску на балѣ. Юноша не удовольствовался отвѣтомъ посла и сталъ умолять Гольца сказать ему: есть-ли у графини Маргариты—сестра. Гольцъ разсмѣялся и выговорилъ:

— Есть! И вторая она! Такое сходство!

И теперь Шепелевъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что, быть можетъ, онъ былъ игрушкой случайности.

Утромъ, продремавъ немного у окна, Шепелевъ проснулся и, приведя себя въ порядокъ, отправился снова къ дому графини.

Предстоящее свиданіе являлось ему вопросомъ жизни и смерти. Что скажетъ она? Признается окончательно и будетъ мила съ нимъ, какъ была мила на подъѣздѣ. Или будетъ холодна и несономѣрна, какою была въ дверяхъ уборной.

Шепелевъ почти не помнилъ, какъ доложили о немъ, какъ вошелъ онъ въ маленькую гостиную, и онъ очнулся только тогда, когда къ нему вышла Маргарита.

Она какъ-то сіяла своей красотой! Никогда не казалась она и не была дѣйствительно—такъ хороша! Фантастическій пунцовый халатъ съ золотыми бранденбургами и кистями былъ въ сущности тоже костюмомъ, годнымъ для маскарада, и удивительно шелъ къ ней, отбѣняя ея пышные и черные какъ смола волосы....

Она усмѣхнулась и, лукаво заглядывая ему въ глаза, подошла и протянула ему руку. Шепелевъ взявъ руку и стоялъ смущенный и еще болѣе встревоженный мыслью о предстоящемъ объясненіи.

— Поцѣлуйте руку! вымолвила Маргарита шутливо-грозно. Это невѣжливо.... Еще разъ, господинъ офицеръ.

Шепелевъ повиновался и, касаясь губами ея руки, онъ вдругъ внезапно будто.... не разумомъ догадался, не душой проникъ, а просто всѣми фибрами своего существа ясно почувствовалъ, что стоящая предъ нимъ—она, «Ночь»! Вдобавокъ отъ этой руки повѣяло тѣми же знакомыми духами, и этотъ запахъ въ одинъ мигъ будто воскресилъ предъ нимъ всю уборную дома Гольца и все то, что теперь сводило его съ ума.

— Ну-съ, садитесь. Довольны-ли вы вашимъ чиномъ? вымолвила Маргарита, усаживаясь на диванъ и оправляя складки своего халата.

— Да. Благодарю васъ.... Но мнѣ не до этого....

— Вы должны сегодня же поѣхать и поблагодарить Эмилию; если-бъ не она, то вы никогда не были бы офицеромъ, т. е., были бы имъ чрезъ пять лѣтъ....

И Маргарита дѣлала видъ, что не замѣчаетъ широко раскрытыхъ изумленныхъ глазъ Шепелева.

— Графиня, я васъ прошу прежде всего прекратить эту пытку. Я не могу.... Да я и не понимаю ничего! Что это? Игра? забава? Можно-ли играть тѣмъ, что для людей должно быть всегда свято. Скажите мнѣ.... прямо и сейчасъ.

— Что? Я васъ не понимаю.

— Ахъ, Боже мой! Вы были одѣты «Ночью». Вы были въ уборной. Вы или нѣтъ?...

— Нѣтъ, Эмилиа. Мой лучший другъ, съ дѣтства....

— А я говорю, что это были вы, что никакой Эмилии на свѣтѣ нѣтъ! почти вспылчиво произнесъ Шепелевъ. Скажите, зачѣмъ эта комедія? Зачѣмъ вамъ нужно мучить меня? Или вы хотите, чтобы все это такъ и кончилось, чтобы наша, наша.... Ну, наше знакомство—на этомъ и оборвалось, то....

— Я васъ не понимаю. Эмилиа мнѣ говорила, что....

— Довольно, графиня. Я знаю, что это вы.... Я чувствую это.... Я голову сейчасъ за это отдамъ. Вы не сознаетесь. Стало быть, для васъ—это не святое чувство, а забава, потѣха.

Нынче одинъ, завтра другой, а тамъ и третій.... Фленсбургъ, Орловъ, Пассекъ.... самъ Гольцъ!...

— Какъ вы смѣете это говорить! съ чувствомъ вымолвила Маргарита, и лицо ея вспыхнуло.

— Про что? Что говорить?! воскликнулъ радостно Шепелевъ. Про что я говорю? Если это Эмилія.... то почему же вы оскорбляетесь.... Стало быть, вы знаете....

— Эмилія мнѣ во всемъ призналась.... Я нахожу это безуміемъ.... но что же дѣлать....

— Такъ вы не хотите сознаться! Стало быть, всему конецъ.... Это, какъ тотъ поцѣлуй.... Выходка, которая не должна имѣть никакихъ послѣдствій! Это ужасно! Это даже безчеловѣчно! съ отчаяніемъ въ голосъ произнесъ Шепелевъ.

Маргарита молчала и, задумавшись, будто колебалась.

— Ну, такъ прощайте, графиня! Пожалѣйте вы меня, когда будетъ поздно....

И слезы выступили на глазахъ юноши. Онъ провелъ рукой по измѣнившемуся лицу и выговорилъ глухо:

— Я надѣюсь, что у меня хватитъ силы....

Маргарита пристально глядѣла на его красивые глаза. Она замѣтила искренность и почти наивность чувствъ, которыми звучали его слова.

— Нельзя! нельзя! бормоталъ онъ самъ себѣ. Да и зачѣмъ?... Лучшаго не будетъ ничего въ жизни.... Но помните, графиня, никогда никто не будетъ любить васъ, какъ я люблю. Прощайте....

— Что же вы хотите дѣлать?

— Я хочу.... Я попробую застрѣлиться....

— Какой вздоръ. Никогда вы этого не сдѣлаете. Полноте, мой милый ребенокъ.

Шепелевъ взглянулъ на Маргариту печально, но спокойно и тихо вымолвилъ:

— Не знаю.... Но я попробую. Я не могу такъ оставаться. Это пытка.... Я думалъ.... Я вѣрилъ, что это вы.... Если это были не вы или даже и вы, но вы не хотите сознаться и не сознаетесь. И это такъ и останется!... Никогда не повторится!...

Юноша восторженно всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Зачѣмъ же я буду жить! Умирать надо! Надо! И скорѣе!...

И онъ двинулся къ дверямъ. Маргарита бросилась, догнала его и сильно схватила за руку.

— Стойте! выговорила она упавшимъ отъ волненія голосомъ. Погодите.... Я вамъ скажу....

И она зашнулась, будто снова колебалась.

— Ну, ну.... шептала она сама себѣ и вдругъ вскрикнула: Что-жъ тутъ дѣлать? Святая Марія!...

— Ахъ, это слово! Это слово! воскликнулъ Шепелевъ. Вѣдь оно за васъ говорить. Оно все говорить....

Маргарита вдругъ, будто съ отчаяніемъ рѣшимости, взяла его за руку и потянула въ свою спальню-гостиную.

— Ну, вотъ! Гляди! Глупый, упрямый, капризный! нѣжно выговорила Маргарита, введя его въ комнату.—Заставилъ меня измѣнить моему слову! Гляди!

Шепелевъ поглядѣлъ по направленію ея руки и увидѣлъ на диванѣ черный газовый костюмъ, а на столѣ кучу сложенныхъ брилліантовыхъ звѣздъ съ полумѣсяцемъ.

Онъ боялся понять, что это, наконецъ, признаніе.

— А «Ночь»? Она? Вѣдь вы «Ночь»? Вы?!...

Маргарита, молча и слегка смущаясь, двинулась къ нему, тихо вскинула руки ему на плечи и, обвинивъ его шею, припала къ нему и прильнула губами къ его губамъ. Шепелевъ вскрикнулъ слабо и прошепталь:

— О, Маргарита! Теперь я.... Да что говорить! Нечего.... Не надо, не надо говорить....

IV.

Маргарита понимала, что послѣ этого признанія дерзкій и прихотливый поступокъ ея становится роковымъ. Связь съ Шепелевымъ ставила ее въ трудное положеніе съ дѣдомъ и съ Фленсбургомъ. Приходилось играть и хитрить еще болѣе! Маргарита къ тому же не обманывала себя и предугадывала, что рано или поздно и тотъ, и другой поймутъ и увидятъ ея игру. Въ дѣдѣ она теряла тогда огромное состояніе, о которомъ мечтала такъ давно, а въ Фленсбургѣ наживала безпощаднаго врага.

— Все это бессмысленная прихоть! Уступка разуму сердцу! думала она теперь. Любовь заставила меня быть глупой, неразсчетливой.... Но любовь-ли это? Не вспышка-ли? И вспышка, которая такъ сильна, что не можетъ быть долговѣчной.... Богъ знаетъ!! Я сама не знаю!... Будь, что будетъ! Авось, все это еще не скоро спутается!...

И Маргарита ошиблась. Все спуталось гораздо скорѣе и неожиданнѣе.

Іоаннъ Іоанновичъ, поддавшійся ея недавней искусной игрѣ, былъ, однако, достаточно проныцателенъ, чтобы не начать вскорѣ же подозрѣвать вначу.

Послѣ маскарада онъ былъ уже нѣсколько разъ, сидѣлъ у нея по-долгу, полуплутя, полусерьезно и намѣками предъявляя уже разныя требованія, общая, однако, при этомъ сдѣлать немедленно завѣщаніе въ ея пользу, такъ, чтобы все его состояніе могло перейти ей.

Маргарита и прежде колебалась, и отвращеніе часто являлось у нея къ этому старику; теперь же она окончательно не знала, какъ быть и что дѣлать. Она опять играла на сколько могла умнѣе, но хитрый старикъ начиналъ уже угадывать, подозрѣвать и раздражаться. Уже раза два страннымъ голосомъ Іоаннъ Іоанновичъ спросилъ у нея, кто и что молоденькій офицеръ, который сажалъ ее въ карету послѣ бала посла и котораго онъ уже дважды встрѣтилъ у нея въ гостяхъ. Іоаннъ Іоанновичъ по счастью, какъ всякій старикъ, былъ убѣжденъ, что женщина не можетъ увлечься юношей.

— Что у тебя за дѣла съ этимъ щенкомъ? спросилъ Іоаннъ Іоанновичъ. Что онъ влюбленъ что-ли въ тебя?... Такъ прогони, чѣмъ возиться съ молокососомъ.

И Маргарита объяснила, что юноша—родственникъ одной ея пріятельницы, которая просила покровительствовать ему. Но старикъ не совсѣмъ остался доволенъ этимъ объясненіемъ.

И Маргарита начинала бояться, что Іоаннъ Іоанновичъ вдругъ прямо и круто поставитъ вопросъ, на который она не знала что отвѣчать. Конечно, въ крайнемъ случаѣ могло воспослѣдовать только одно—возвратить брилліанты, за исключеніемъ броши, проданной Гольцу для Воронцовой. Но чтобы можно было поссориться съ дѣдомъ снова, для этого надо было себя обезпечить иначе. Гольцъ уже не разъ предлагалъ ей денегъ, но какъ ни велика была эта сумма, все-таки она не могла равняться съ тѣмъ, что могъ дать дѣдъ.

Наконецъ, на другой же день послѣ того же маскарада явился и Фленсбургъ. Она три раза отказала ему, но чрезъ недѣлю онъ вошелъ почти насильно и прямо, рѣзко объяснилъ ей, что онъ все знаетъ. И дѣйствительно, тонкій шлезвигскій уроженецъ разсказалъ Маргаритѣ ея игру съ дѣдомъ и ея отношенія къ Ше-

целеву такъ, какъ если бы она сама ему все передала на исповѣди.

Сидя у Маргариты, Фленсбургъ былъ, однако, очень взволнованъ. Лицо его было слегка блѣдно, голосъ прерывался.

— Я отлично понимаю, сказалъ онъ, что мое положеніе крайне глупо, даже позорно. Для мужчины нѣтъ положенія смѣшвѣй, какъ быть влюбленнымъ и ревновать, не имѣя на это никакого права. Вы со мной тоже играли, игра вамъ надоѣла и вы бросили. Это для кокетки не преступленіе. Она даже можетъ сама сознаваться въ этомъ.... Но.... одно время вы не играли! Вы были даже искренни. Но съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Во-первыхъ, въ домѣ вашемъ появился этотъ отвратительный старикъ и, не смотря на то, что онъ вамъ приходится дѣдомъ, онъ влюбленъ въ васъ.... и вы терпите это.... Это вамъ выгодно!...

— Какая нелѣпость! воскликнула Маргарита и разсмѣялась, но смѣхъ этотъ былъ неестественный.

— Главное не въ этомъ.... Это пустяки. А вотъ, что не пустяки! Послѣ вашей дружбы съ барономъ Гольцемъ мнѣ стало казаться, что вы сильно заняты.... что у васъ новая цѣль... какъ бы вамъ это сказать? Что самъ Гольцъ надоумилъ васъ начать войну или осаду кокетствомъ нѣсколько выше, т. е. выше насъ, простыхъ смертныхъ. Но въ ту минуту, когда я былъ убѣжденъ, что вы заняты тѣмъ, чтобы понравиться и влюбить въ себя.... Скажу прямо! Государя! Въ это время оказалась для меня невѣроятная вещь! Оказалось, что вы играете, но очень серьезно, съ мальчишкой, съ рядовымъ, почти съ ребенкомъ. Признаю, я пересталъ понимать то, что видѣлъ! Этотъ гадкій, отвратительный старикъ, съ одной стороны, и, съ другой, мальчуганъ, едва вышедшій изъ пеленокъ. Признаю, отъ всего этого на меня повѣяло Петербургомъ. Хотя вы иноземка, но и въ вашей личности сказались вліяніе Петербурга, т. е. привычки и нравы здѣшняго высшаго общества. Вся его мерзость, развратъ, даже преступленія, противъ самыхъ простыхъ, самыхъ святыхъ законовъ общежитія и нравственности! Вы знаете, я не преувеличиваю! Я не ненавижу.... Я просто презираю это общество. Вы знаете такъ же, какъ и я, всю эту грязь. Возьмемъ прихѣрь. Вы знаете, что здѣсь, въ обществѣ, тоже что и въ народѣ русскомъ есть чуть не обычай, что жена юноши-сына,—

сплошь и рядомъ, любовница свекра-отца. Ну, а дѣдъ мужа.... это еще законнѣе для нихъ....

Фленсбургъ говорилъ тихимъ, но дрожащимъ голосомъ и при послѣднихъ словахъ слегка поблѣднѣлъ. Но эти слова его заставили и Маргариту переимѣниться въ лицѣ.

— Вы кончили? произнесла она едва слышно.

— Да, хотя не совсѣмъ еще.

— Ну, съ меня и этого достаточно. Хотя вся ваша рѣчь есть рѣчь безумнаго, но тѣмъ не менѣе я отчасти довольна, что вы высказались. Вы мнѣ дали право на этотъ разъ окончательно попросить васъ оставить меня и не посѣщать.

— Стало быть, это полный разрывъ? выговорилъ Фленсбургъ.

— Даже не разрывъ, потому что никогда никакой связи между нами не было, выговорила Маргарита, злобно усмѣхаясь. Вы говорите, что я когда-то была искренна, и хотите сказать, что я, хотя не долго, любила васъ. Вы ошибаетесь, никогда ни единого дня этого не было. На это есть свидѣтель. Хотите его... это Лотхенъ!

— Графиня! Не наживайте во мнѣ заклатаго врага. Какъ я умѣю сильно, долго любить, такъ же умѣю и ненавидѣть. И я не на столько христіанинъ, чтобы платить добромъ за зло. Съ той минуты, какъ я узнаю, что мы съ вами враги, я буду дѣйствовать противъ васъ! И беспощадно!...

— Сколько вамъ угодно, усмѣхнулась Маргарита. Надѣюсь только, что вы меня не зарѣжите изъ-за угла. А все остальное мнѣ не страшно.

— Даже не страшно, если я поѣду къ вашему вѣрному другу Гольцу и скажу ему нѣчто, мнѣ одному извѣстное и послѣ чего.... нога его не будетъ у васъ.

— Я даже не понимаю!

— Я поѣду рассказать Гольцу, что иноземка графиня Скабронская рѣшилась на такой поступокъ, который хотя очень обыкновенный и простой при здѣшнихъ дикихъ и распущенныхъ нравахъ, но который самъ по себѣ, со стороны иноземки и относительно Гольца,—есть поступокъ не честный и мерзкій. Вы меня поняли?!

— Я даже не хочу беспокоиться понимать. Всѣ эти угрозы смѣшны, повторяю, дѣлайте, что вамъ угодно....

И Маргарита поднялась съ своего мѣста. Фленсбургъ всталъ поневолѣ.

— Въ такомъ случаѣ, графиня, я начинаю мщеніе, выговорилъ онъ. И тотчасъ ѣду разсказать Гольцу, какъ въ его маскарадѣ «Ночь» проводила время въ устроенной для ея отдыха уборной. Я знаю, видѣлъ и могу доказать.... Да! Доказать! Что внесла въ честный и приличный домъ прусскаго посла чешка авантюристка Маркета Гинекъ.

Маргарита вдругъ поблѣднѣла какъ полотно, и отъ разоблаченной тайны, и отъ своего прежняго имени, котораго не могла слышать равнодушно. Какимъ образомъ Фленсбургъ узналъ это имя, котораго она никогда никому въ Петербургъ не сообщала? И какимъ образомъ онъ зналъ объ ея дерзкомъ поступкѣ въ ночь маскарада?

Наступило гробовое молчаніе.

Фленсбургъ ожидалъ, что вотъ сейчасъ побѣжденный врагъ какъ бы подъ угрозой смертельнаго удара попросить пощады.

Маргарита, дѣйствительно, стояла, опершись дрожащей рукой о кресло. Ея красивые пальцы съ острыми ногтями какъ бы впились въ спинку кресла, чтобы удержаться на ногахъ. Голова ея была слегка наклонена, глаза полузакрыты, и длинныя рѣсницы скрывали теперь отъ Фленсбурга тотъ пламень, который горѣлъ въ ея опущенномъ взорѣ.

— Что дѣлать, какъ быть? стучало въ головѣ ея, какъ молотомъ, какъ обезоружить его, какъ заставить молчать?

Въ одно мгновеніе Маргарита обсудила свое положеніе и рѣшила, что заставить молчать врага можно только слишкомъ дорогой цѣной, — слѣдовательно, совершенно невозможно. Приходилось поневолѣ поднять перчатку.

— Снова повторяю вамъ, едва слышно вымолвила Маргарита, не поднимая глазъ, что я прошу васъ избавить меня отъ вашего присутствія и отъ вашихъ дальнѣйшихъ посѣщеній.

Она повернулась и пошла къ дверямъ своей спальни.

— Одумайтесь! крикнулъ въ волненіи Фленсбургъ. Я предлагаю безпредѣльное искреннее чувство на всю мою жизнь, или безпощадную месть.

Маргарита, не оборачиваясь, громко размѣялась и вышла изъ комнаты, заперевъ за собой дверь на ключъ. Она серьезно боялась преслѣдованія Фленсбурга, лицо котораго показалось ей даже страшнымъ въ послѣднюю минуту.

Часа два спустя Маргарита писала записку Гольцу, прося его пріѣхать тотчасъ же по одному очень важному дѣлу.

Гольцъ, уже считавшій графиню Слабронскую однимъ изъ своихъ тайныхъ агентовъ, подумалъ, что дѣло касается до какихъ-нибудь важныхъ вѣстей, которыя графиня могла узнать въ городѣ и тотчасъ явился къ ней.

Маргарита рѣшилась объяснить прямо, но въ послѣднюю минуту, когда Гольцъ уже сидѣлъ противъ нея на креслѣ, она стала колебаться. Зачѣмъ начинать самой свою исповѣдь, просить прощенья, когда Фленсбургъ, быть можетъ, только грозился и не рѣшится такъ низко и подло метить ей.

— Не думайте, баронъ, начала Маргарита, что дѣло, о которомъ я писала вамъ, особенно важно. Оно, во-первыхъ, не касается васъ или короля Фридриха, черезъ силу усмѣхнулась Маргарита. Оно касается меня или, лучше сказать, одного офицера, хорошо вамъ извѣстнаго, Фленсбурга.

— А, такъ я знаю въ чемъ дѣло! воскликнулъ Гольцъ. Фленсбургъ былъ уже у меня. Мнѣ кажется, что онъ или безумно влюбленъ въ васъ и при этомъ несчастливо или просто... безумный. Онъ былъ у меня часъ назадъ и наговорилъ мнѣ вучу такихъ нелѣпостей, что я серьезно опасаясь за его разсудокъ.

— Что-жъ онъ сказалъ вамъ? невольно потупляясь, вымолвила Маргарита.

— Разный вздоръ.

— Скажите, какой вздоръ?

— Полноте, стану я передавать слухи или клевету, созданную отвергнутымъ влюбленнымъ. Но признаюсь, я считалъ Фленсбурга болѣе достойнымъ уваженія.

— Что онъ сказалъ вамъ? повторяла вызывающе Маргарита, словно сама идя на встрѣчу опасности, скажите мнѣ все, передайте мнѣ все до послѣдняго слова. Я этого требую.

— Это невозможно, графиня, все это слишкомъ глупо наконецъ, чтобы передавать.

— Я требую, баронъ.

— Такъ и вы обладаете мелкими женскими недостатками и, между прочимъ, празднымъ любопытствомъ, разсвѣялся Гольцъ. Я считалъ васъ болѣе серьезной женщиной.

— Но вѣрите-ли вы тому, что говорилъ вамъ Фленсбургъ?

— Нѣтъ, не вѣрю, потому что мудрено повѣрить этому. Я попросилъ у него, конечно, шуты, доказательствъ того, что онъ утверждалъ.

— И что-жъ онъ?

— Общала ихъ на-дняхъ.

— Ну, такъ выслушайте, баронъ, я сама расскажу вамъ то, что могъ низкими, недостойными средствами узнать господинъ Фленсбургъ.

И Маргарита подробно, но краснорѣчиво и горячо рассказала Гольцу все, что могла рассказать какъ-бы на исповѣди. Начавъ почти съ своего дѣтства, передавъ все, черезъ что пришлось ей пройти, она окончила эту исповѣдь признаніемъ въ странной, для нее самой непонятной любви къ юношѣ. И, наконецъ, призналась въ своемъ свиданіи съ нимъ во время маскарада въ уборной.

Искренность чувства, которымъ дышало всякое слово Маргариты, тронула Гольца.

И то, что онъ узналъ, почти выкупалось этимъ чувствомъ.

Гольцъ увидѣлъ передъ собой одну изъ сотни женщинъ, которыхъ было много во всѣхъ столицахъ Европы, при всѣхъ дворахъ. И Гольцъ зналъ этотъ типъ. Онъ долженъ былъ сознаться, что изъ всѣхъ ему знакомыхъ подобныхъ женщинъ, т. е. авантюристокъ высшаго полета, созданныхъ распущенностью нравовъ при европейскихъ дворахъ, Маргарита была еще лучше всѣхъ, все-таки выше всѣхъ. Въ ея жизни играли роль чувство, сердце, душа, и не было холоднаго разврата, не было, наконецъ, простыхъ мошенническихъ продѣлокъ. Единственно, что неприятно подѣйствовало на Гольца, это тѣ отношенія, въ которыхъ Маргарита невольно поставила себя къ старику Скабронскому.

Тонкій и умный дипломатъ, которому эта красавица была нужна для его собственныхъ цѣлей, болѣе выспихъ, тотчасъ же взвѣсилъ все, сообразилъ и рѣшилъ мысленно, какъ поступить. Да и какое ему было дѣло до нравственности этой женщины, чуждой ему вполне! И Гольцъ, смѣясь, выговорилъ, протягивая руку Маргаритѣ.

— Благодарю васъ за довѣріе и за искреннее признаніе. Теперь мы съ вами окончательно друзья. На столько друзья, что я начинаю съ того, что беру васъ подъ свою защиту противъ Фленсбурга и заставляю его молчать; если мнѣ это не удастся простыми средствами, то я пользуюсь достаточнымъ вліяніемъ, чтобы добиться его высылки изъ Петербурга. Остается только ваша прихоть... вашъ капризъ, т. е. этотъ мальчуганъ,

который может сдѣлаться тоже опаснымъ по молодости и опрометчивости. На все остальное я смотрю какъ на капризъ милой, умной, но, главнымъ образомъ, странной женщины, которая изъ всего Петербурга выбрала.... обратила милостивый взоръ на юнаго птенца. Это принадлежитъ къ сферѣ тысячи и одного секрета женскаго сердца. Вы знаете, что существуютъ сказки арабскія: «Тысяча и одна ночь», которымъ подражаютъ писатели равныхъ странъ. Я удивляюсь, что до сихъ поръ ни одинъ изъ писателей не попробовалъ рассказать: тысячу и одинъ капризъ женскаго сердца.

— Такъ вы меня не презираете? вдругъ горячо воскликнула Маргарита.

— Также презираю, какъ вотъ эту милую ручку, выговорилъ Гольцъ, взявъ ея руку и цѣлуя. Говорю вамъ, за вашу искреннюю исповѣдь я отплачу вамъ тѣмъ, что беру васъ подъ свою защиту. Только одно прибавлю, мы должны съ вами заключить еще болѣе тѣсный союзъ. И если мнѣ случится поручить вамъ.... Гольцъ запнулся и будто не рѣшался говорить.

— Если бы пришлось мнѣ когда-нибудь. Можетъ быть не придется! Но если бы была необходимость, то я надѣюсь.... Если бы непременно нужно было.... Гольцъ видимо колебался и, наконецъ, запнувшись, смолкъ.

— Говорите, говорите прямо! Что бы то ни было! Я почти уже понимаю! Слѣдовательно, выражайтесь прямо, хотя бы рѣзко.

— Если бы мнѣ пришлось, графиня, ради высшихъ цѣлей и высшихъ политическихъ соображеній, ради дѣла, которое для меня святое дѣло, великое дѣло, просить васъ.... Вотъ видите-ли.... Часто великія дѣла, даже великія историческія событія зависятъ отъ самыхъ мелкихъ, самыхъ незначущихъ, пустыхъ и, даже очень часто, отъ самыхъ глупыхъ причинъ! Если бы мнѣ пришлось попросить васъ, дать вамъ порученіе, передать въ ваши руки, судьбы.... Я тоже, какъ видите, начинаю свою исповѣдь! размѣялся Гольцъ.

— Да, говорите! Говорите!... воскликнула Маргарита весело.

— Если-бъ я былъ вынужденъ вслѣдствіе важныхъ соображеній просить васъ пожертвовать собой, не жизнью, конечно, но пожертвовать очень многимъ! И Гольцъ умышленно сдѣлалъ удареніе на эти послѣднія два слова.—Могу-ли я надѣяться, что вы не откажете мнѣ?

— Выслушайте, баронъ: вамъ, никогда, ни въ чемъ! Понимаете! Это съ моей стороны клятва! Вамъ, никогда, ни въ чемъ, не будетъ отказа! Что бы вы завтра или хоть сейчасъ ни приказали мнѣ, все будетъ исполнено немедленно.

— Такъ, что если бы, началъ Гольцъ, опустивъ глаза, если бы я попросилъ васъ употребить ваше искусство, ваше конетство, чтобы сблизиться, сойдтись совершенно съ человѣкомъ крайне непригляднымъ, некрасивымъ и ради высшихъ цѣлей отдаться ему.... то вы согласитесь! Я надѣюсь, что нечего говорить яснѣе!

— Я васъ понимаю и отвѣчаю: да и да! И отвѣчаю искренно. Наконецъ, это будетъ мнѣ даже не трудно, такъ какъ прямая выгода отъ этого будетъ самой мнѣ.

— Само собой разумѣется. Но знаете-ли вы, графиня, понимаете-ли вы, какая эта сила—нашъ союзъ! Догадываетесь-ли вы, что мы современемъ можемъ быть въ состояннн уничтожать и созидать герцогства, королевства.... Вы, безъ меня—красавица, кокетка.... но и только.... Я безъ васъ искусный дипломатъ, но и только.... Мы оба, вмѣстѣ, если только все пойдетъ, какъ имѣю основанія надѣяться.... Мы—великая сила.... Архимедовъ рычагъ.... Ну, вы этого не понимаете.... И такъ союзъ на жизнь и на смерть!...

— Зачѣмъ такія страшныя вещи! размѣялась Маргарита. Скажемъ лучше: на жизнь и на власть....

Посоль и красавица весело расстались....

У.

Въ домѣ Тюфякиныхъ была прежняя тишина и скука. Ни Гарина, ни княжны не ѣздили никуда, у нихъ-же только изрѣдко бывали гости. Но такъ какъ всякій знакомый замѣчалъ, что въ семьѣ что-то не ладится, всякому бывало неловко и скучно, то вскорѣ эти посѣщенія прекратились окончательно.

Единственный человѣкъ, который бывалъ чуть не всякій день, былъ новый пріятель Гаринной, а въ особенности Васильга, лейбъ-компанецъ Бвасовъ. Тетка была попрежнему постоянно угрюма и задумчива, и только одинъ Акимъ Акимовичъ могъ разшевелить ее и привести если не въ веселое, то въ болѣе оживленное состояннн духа.

На Оминой недѣлѣ Гарина пробовала объясниться съ Настей и съ «киргизомъ». Бнязь Глѣбъ и племянница, успѣвшие сгово-

риться, признались теткѣ просто и искренно въ томъ, что Настя часто и подолгу бывала у брата на квартирѣ.

— Неужели тебѣ было веселѣй сидѣть у этого вертопраха, чѣмъ въ гостяхъ? спросила тетка.

Настя объяснила, что у брата бывали иногда голштинскіе офицеры и что одинъ изъ нихъ ее очень забавлялъ. При этомъ она прибавила, что офицеръ этотъ все-таки ей не нравится на столько, чтобы она согласилась выйти за него замужъ.

— Да онъ и не нашей вѣры, тетушка, объяснила Настя, стало быть за него и нельзя идти замужъ.

Все это, разумѣется, былъ вымыселъ, но Гарина повѣрила.

За объясненіе съ княземъ Тюфякинымъ опекунша взялась совсѣмъ иначе. Она начала бесѣду со словъ:

— Ужь такъ и быть! На праздникахъ я тебѣ ничего не дала, такъ теперь дамъ.

Гарина вынесла племяннику пятьдесятъ червонцевъ и будто бы встати заговорила о томъ, что снѣдало ее за послѣднее время.

— Ну, вотъ тебѣ деньги, вертопрахъ. А все-жъ таки я на тебя сердита.

И понемногу Гарина свела бесѣду на то, что наиболѣе озабочивало ее. Она была слишкомъ прямая женщина, чтобы умѣть хитрить незамѣтно и искусно, князь тотчасъ же догадался, за что онъ получилъ деньги, и подумалъ:

— Старая думаетъ, дала горсть червонцевъ, такъ я самого себя сейчасъ ей продамъ.

Князь, которому ложь и игра были послѣднимъ дѣломъ, на этотъ разъ сыгралъ особенно искусно и совершенно успокоилъ тетку.

— Велика бѣда, что сестра бывала на моей квартирѣ. Нашли вы чѣмъ беспокоиться! изумился онъ.

Но въ началѣ этой бесѣды князь все-таки немножко смущался. И только одинъ вопросъ тетки сразу сдѣлалъ его веселымъ. Князь успокоился вполне, догадавшись, что тетка въ сущности лучшаго о немъ мнѣнія, нежели онъ думалъ и боялся.

— Скажи мнѣ по совѣсти, побожись вотъ передъ иконой святой, что ты не солжешь, спросила Гарина. Съ кѣмъ ты Настю у себя сводилъ?

Этотъ именно вопросъ объяснилъ князю все и успокоилъ его. Онъ сталъ клясться и божиться, и могъ, конечно, клясться, что у него никого не бывало. И это была правда.

— А одинъ голштинскій офицеръ, про котораго Настя сказывала?

— Да онъ всего четыре раза и былъ, это она такъ похвастала.

И Тюфякинъ такъ влялся, что у него на квартирѣ Настя ни съ кѣмъ не видалась, кромѣ какъ съ нимъ, да съ однимъ евреемъ, что Гарина не могла не повѣрить.

Осталось только одно сомнѣнiе, почему Настя не хотѣла говѣть, но и на это нашелся отвѣтъ у князя, да вдобавокъ таковой, который былъ вдвойнѣ выгоденъ.

— Однимъ камышкомъ двухъ воробьевъ убью! подумалъ князь.

И онъ подробно объяснилъ теткѣ, что такъ какъ онъ постоянно нуждается въ деньгахъ и дошелъ до того, что не знаетъ, что дѣлать и какъ прожить, то Настя, не имѣвшая сама денегъ, рѣшилась выручить его изъ бѣды не совсѣмъ чистымъ образомъ. Одна прiятельница передала ей сколько-то червонцевъ съ порученiемъ что-то купить, а Настя изъ жалости отдала ему эти деньги и сказала прiятельницѣ, что потеряла ихъ и когданибудь возвратить.

— Стало быть, выходитъ, что она изъ жалости ко мнѣ чуть не украла. Такъ какъ-же ей было тогда говѣть, сами посудите, закончилъ князь.

Гарина одновременно и пришла въ ужасъ, и обрадовалась. Дѣло было поправимое. Въ тотъ-же вечеръ князь искренно хотелъ вмѣстѣ съ Настей о томъ, какъ они одурачили тетку. Даже деньги, будто бы потерянные Настей, были получены отъ тетки и перешли, конечно, въ карманъ своднаго брата.

Болѣе всѣхъ была счастлива и довольна Василекъ. Она даже укоряла тетку за ея напрасныя подозрѣнiя.

Однако, по временамъ Гарина все-таки бывала задумчива и, часто лежа съ спать, когда Василекъ садилась около ея кровати, тетка говорила любимицѣ:

— А все-таки какъ-то на душѣ скверно, все какъ будто чувствуешь бѣду какую. И вѣрю имъ, и будто не вѣрю. Сдается мнѣ все, что есть обманъ.

— Не грѣхъ-ли вамъ, тетушка!

— Грѣхъ, отвѣчала Гарина, а все не могу. Иной разъ кажется все-таки дѣло не чистымъ. Не могу я уразумѣть, на какой прахъ молодая дѣвица будетъ сидѣть цѣлые вечера у брата

своего, вмѣсто того, чтобы на вечерѣ гдѣ хохотать и веселиться. Сдается все, что кто-нибудь да бывалъ тамъ, съ кѣмъ Настѣ хотѣлось видаться. А видаться они могли у насъ. Сказала бы и стали-бы приглашать сюда, если человекъ хорошій. А коли нужно было соблюдать тайну, стало быть, дѣло не чистое. Вскорѣ Гарина, чтобы успокоиться совершенно, залучила черезъ людей лѣниваго и лохматаго Егора, лакея князя, и съ помощью всякихъ обѣщаній и подарковъ заставила его признаться, что барышня бывала часто, но что помимо жида Лейбы никогда никого не было. Даже о появленіи голштинскаго офицера Егоръ ничего не зналъ.

Однако, на душѣ опекуниши все-таки было смутно, и она стала подумывать—пристроить скорѣе младшую племянницу. Гарина, еще недавно не хотѣвшая брака ея съ Шепелевымъ, теперь уже начала мечтать объ этомъ и снова начались у нея совѣщанія съ любимицей, какъ-бы поскорѣе женить Шепелева на Настѣ.

Каждый разъ, что Васильку приходилось говорить съ теткой объ этомъ дѣлѣ, сердце ея сжималось и замирало. Она могла съ трудомъ скрыть отъ тетки свое волненіе, и теперь уже Васильку приходилось, точно такъ же какъ и сестрѣ, хитрить съ теткой и лгать черезъ силу.

— Ты его будто не любишь, будто разлюбила. Прежде ты горой за него стояла и хотѣлось тебѣ съ нимъ породниться. А теперь воѣ чудно такъ отзываешься, или отмалчиваешься, замѣтила Гарина.

Опекунишѣ, конечно, и въ умъ не могло прійдти, какая причина заставляетъ ея любимицу бесѣдовать о бракѣ сестры сдержанно и какъ-то неохотно, или же стараться перевести бесѣду на что-нибудь другое.

По первому же слову Гариной о томъ, что можно приняться за сватовство, князь даже обрадовался мысли опекуниши и въ тотъ же день поѣхалъ знакомиться съ Квасовымъ.

Неожиданный, рѣшительный, даже рѣзкій отказъ Шепелева смутилъ всю семью. Гарина всегда замѣчала, что юноша относился къ Настѣ хладнокровно, сама Настя считала Шепелева слишкомъ глупымъ, чтобы думать о возможности его отказа. Князь тоже не ожидалъ отъ медвѣженка такой прыти, но онъ не отчаявался въ успѣхѣхъ, онъ думалъ, что вмѣстѣ съ Квасовымъ женить юношу на Настѣ чуть не силкомъ. Но когда Шепелевъ разошелся съ дядей, переѣхалъ на свою собственную

квартиру, и вдругъ произведенный въ сержанты зажилъ гораздо шире, тратя большія деньги, князь Тюфякинъ смекнулъ въ чемъ дѣло и понялъ, что все пропало. Только одна Василекъ приняла этотъ отказъ Шепелева не такъ, какъ вся семья. Съ перваго мгновенія Василекъ почувала такую глубокую искреннюю радость на сердцѣ, что сама за себя испугалась. Въ этотъ день она сказала больной и нарочно, чтобы скрыть свое волненіе отъ всѣхъ, пролежала цѣлый вечеръ на постели. Съ сумерекъ и до поздней ночи пробыла она въ своей комнатѣ безъ свѣчи, притворяясь спящей, когда ее окликали и, широко раскрывъ глаза въ темнотѣ, сама не знала, что въ ней происходитъ. На душѣ ея была почти такая же тьма, какъ и въ горницѣ. Только одно ясно сказывалось—радость. Василекъ теперь только стала понимать, стала сознаваться сама себѣ, что сердце ея, всякое движеніе, всякій помыселъ ея принадлежать этому человѣку.

— Господи, грѣхъ какой! внутренно повторяла Василекъ, крестясь среди темноты.

Послѣ своего отказа Шепелевъ пересталъ бывать въ домѣ Тюфягиныхъ. Василекъ только разъ мелькомъ видѣла его на улицѣ верхомъ на великолѣпной лошади, красиваго, но печальнаго. Слишкомъ близокъ былъ ей этотъ человѣкъ, чтобы не догадаться, не почувать сердцемъ, что у него есть тоже свое большое горе. Но Василекъ, сама влюбленная, не догадалась, какое горе у Шепелева. Ей на умъ не пришло, что его печаль та же самая, что и ея печаль.

Новый другъ Василька, Акимъ Акимовичъ, сталъ бывать все чаще и уже нѣсколько разъ прямо объяснилъ княжнѣ, что онъ въ жизнь свою никого такъ не любилъ, какъ ихъ семейство.

По цѣлымъ вечерамъ случалось Васильку бесѣдовать съ Акимомъ Акимовичемъ, но о Шепелевѣ никогда не было рѣчи. Акимъ Акимовичъ былъ глубоко оскорбленъ поступкомъ племянника, отчасти тѣмъ, что онъ не захотѣлъ по его совѣту жениться, но главнымъ образомъ тѣмъ, что съѣхалъ съ его квартиры и зажилъ самостоятельно. Вдобавокъ Квасовъ былъ недоволенъ, что Шепелевъ живетъ на какія-то темныя средства.

— Вотъ, думалъ онъ, считалъ я его добрымъ малымъ, честнымъ, а онъ на такой же страхъ пошелъ, какъ и другіе офицеры.

Василекъ еще болѣе Квасова набѣгала не только говорить о Шепелевѣ, но даже упоминать его имя, она боялась, что при

одномъ имени своего племянника этотъ новый другъ ея прочтеть въ ея глазахъ дорогую для нея и сокровенную тайну.

Наконецъ, прошелъ весь апрѣль мѣсяцъ. Въ городѣ много говорили о предстоящемъ балѣ у прусскаго посла по поводу заключеннаго мирнаго договора. И до Тюфякиныхъ достигла эта вѣсть. Если бы Гарина захотѣла, то, конечно, могла бы получить приглашеніе черезъ своихъ родныхъ. Но Настя отказалась ѣхать, а Василекъ отвѣчала теткѣ, какъ всегда:

— Гдѣ мнѣ съ моимъ лицомъ рядиться, да плясать. Только осмѣютъ!

Разумѣется, Василекъ преувеличивала свое положеніе. Лицъ, испорченныхъ оспой, было такъ много, это было такимъ простымъ явленіемъ, что почти не было семьи, въ которой бы не нашлось одного человѣка, пострадавшаго отъ распространенной въ Европѣ и Россіи болѣзни. Самъ императоръ имѣлъ явные слѣды ея.

Если бы Василекъ знала, кого она можетъ встрѣтить въ маскарадѣ Гольца, то, конечно, поѣхала бы хотя подь маской. Но она не могла знать, что сержантъ Шепелевъ будетъ выбранъ, чтобы дежурить на балѣ посланника.

На другой же день послѣ этого бала, Акимъ Акимовичъ особенно быстрой походкой шелъ черезъ Чухонскій Ямъ, и лицо его сіяло довольствомъ. Какъ ни убѣждалъ себя добрый лейбъ-компанецъ, что онъ ненавидитъ и презираетъ своего племянника, однако, при внезапно распространившейся вѣсти въ полку, что тотъ на балѣ лично произведенъ государемъ въ офицеры, Квасовъ отъ радости чуть совсѣмъ не лишился разсудка.

Многіе офицеры въ полку, явные враги всѣхъ мѣръ, и важныхъ, и пустыхъ, новаго правительства, приняли производство, не въ примѣръ прочимъ, сержанта Шепелева, какъ странное и обидное для всѣхъ. Дѣйствительно, производство это было странное, очевидно, сильная рука покровительствовала юношѣ. Въ одинъ мѣсяцъ рядовой сдѣлался офицеромъ, тогда какъ другимъ приходилось прослужить восемь и десять лѣтъ до офицерскаго чина.

Новаго офицера приняли въ полку такъ недружелюбно, что юношѣ было даже неловко. На вопросы всѣхъ онъ самъ не зналъ, какъ объяснить свое неожиданное повышеніе. Конечно, многіе подумали, что онъ скрываетъ истинную причину, по невозможности признаться въ ней.

Одинъ Акинъ Акинъвичъ догадался отчасти, что и квартира, и деньги, и чины идутъ изъ одного источника. Лейбъ-компанецъ почти ворвался въ домъ новыхъ друзей и объявилъ вѣсть Васильку.

— Офицеръ! Да-съ! Офицеръ! И самъ государь поздравилъ! Василекъ вспыхнула и вся затрепетала отъ радости. Но не прошло получаса, какъ она уже сидѣла передъ Квасовымъ блѣдная, какъ полотно. И особенно некрасиво было теперь лицо блѣдой дѣвушки.

Квасовъ, объясняя повышеніе племянника покровительствомъ, понемногу высказался откровенно....

— Замѣчательная красавица, которая всѣхъ сводитъ съ ума, — сошла съ ума отъ юности!

Вотъ что неожиданно и негаданно узнала Василекъ!

Квасовъ ничего не могъ услышать объ этомъ въ городѣ. Онъ догадался.... И уже не въ первый разъ въ жизни — догадался вѣрно!

Однако теперь, когда княжна Василекъ вдругъ, внезапно стала жаловаться на смертельную головную боль и блѣдная, пошатываясь, вышла изъ гостиной и кой-какъ добрела въ свою горницу, то догадливый лейбъ-компанецъ.... не догадался!...

VI.

Десятаго мая съ утра началось по улицамъ столицы особенное движеніе. День этотъ былъ назначенъ для празднованія мира съ Пруссіей.

Около полудня вся площадь около дворца была покрыта экипажами придворныхъ, съѣхавшихся съ поздравленіемъ къ государю.

Въ этотъ день всѣ, сколько-нибудь причастные къ дѣлу трактата, были щедро вознаграждены государемъ. Многіе получили ордена; даже жена и дочь принца Голштинскаго сдѣлались навалерственными дамами ордена святой Екатерины.

Государь былъ очень въ духѣ, весело разговаривалъ со всѣми во время приѣма и, на поздравленія первыхъ вельможъ государства, а равно иностранныхъ посланниковъ, отвѣчалъ, что этотъ день «счастливейшій въ его жизни!» Государь самъ лично многихъ приглашалъ на большой парадный обѣдъ, назначенный въ этотъ день.

За исключеніемъ государя и барона Гольца, никто не праздновалъ въ душѣ этого праздника. Даже принцъ Жоржъ въ это:

утро, любуясь на своихъ двухъ кавалерственныхъ дамъ, покачалъ головой и прибавилъ:

— А все-таки этотъ миръ не принесетъ ему пользы, а только вредъ, во мнѣніи его подданныхъ. Русскій народъ не любитъ нѣмцевъ, потому что онъ чувствуетъ, что нѣмцы—люди, а русскіе—скоты. Эта ненависть происходитъ отъ зависти и невѣжества.... Баронъ говоритъ правду, Россію по справедливости слѣдуетъ называть не Russland, а Thier'sland!!..

Несмотря на то, что при утреннемъ приѣмѣ государь былъ ласковъ со всѣми, многіе были обижены или какой-нибудь шуткой его или неосторожнымъ словомъ.

— Думали-ли вы когда-нибудь, сказалъ государь фельдмаршалу Разумовскому, что наступитъ день, въ который Россія будетъ праздновать вѣчный миръ съ Фридрихомъ?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ фельдмаршалъ, озираясь на ближайшихъ, никогда ни на умѣ, ни на сердцѣ сего не держалъ. Если бъ годъ тому назадъ сказали мнѣ про такое празднество, то я бы не повѣрилъ. Покойная государыня никогда бы сего мира не заключила.

— Конечно, конечно! визгливо воскликнулъ Петръ Федоровичъ. Тетушка была вообще немного глупа, по правдѣ-то говоря. Она бы и не могла понять ту политическую систему, которая явится плодомъ мира моего съ Фридрихомъ.

Посламъ иностранныхъ державъ, каждому по очереди, государь полусуто, полусерьезно сказалъ, что онъ приглашаетъ ихъ къ парадному обѣду не въ зачетъ, такъ какъ они своимъ поведеніемъ этого не заслужили.

Французскій посолъ Бретель послѣ такого объясненія уѣхалъ домой и рѣшился не быть на обѣдѣ. Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ своему правительству, что положеніе его становится окончательно невозможнымъ и что Франція должна его отозвать, а выслать на его мѣсто простаго повѣреннаго въ дѣлахъ.

На этомъ же приѣмѣ многіе поневолѣ замѣтили новую придворную даму въ великолѣпномъ костюмѣ, покрытомъ брилліантами. По этимъ брилліантамъ многіе узнали «Ночь» маскарада Гольца.

Хотя у графини Скабронской было много знакомыхъ въ столицѣ, но все-таки первые чины двора, первые вельможи не были съ ней лично знакомы. Красота Маргариты, изящество ея костюма и брилліанты теперь поневолѣ поразили многихъ. Кромѣ того

всѣ обратили на нее особенное вниманіе вслѣдствіе изысканной любезности, съ которой государь долго говорилъ съ ней и много смѣялся, часто повторяя слово «Ночь». Затѣмъ онъ пригласилъ ее на парадный обѣдъ, прося сѣсть не очень далеко отъ него.

Наконецъ, государь, очевидно говоря о костюмѣ Маргариты, сказалъ фразу, отъ которой нѣкоторыя старыя дамы смутились, а двѣ изъ нихъ даже рѣшились отойти, не зная, чѣмъ кончится любезность государя и кокетничаніе новой придворной дамы.

Государь, осмотрѣвъ всѣ звѣзды Маргариты, спросилъ вдругъ:

— Et votre croissant? Est-il deja pleine lune? Ah! Si c'était une lune de miel et que vous me l'accordiez!!..

Маргарита вспыхнула, однако дерзко выговорила по нѣмецки и на столько тихо, что кромѣ Петра Ѳедоровича никто не могъ слышать.

— Подавать надежды съ тѣмъ, чтобы потомъ забыть, что общаешь, есть злое кокетство, не присущее мужчинамъ. Я знаю, что Людвигъ XV и ваше величество, два современника, любящіе съ безсердечной ловкостью дѣлать несчастныхъ.

— Людвигъ XV можетъ быть, но не я, болѣе искренно и менѣе шутливо произнесъ государь, невольно любуясь Маргаритой, и прибавилъ многозначительно: все въ вашихъ рукахъ! Графиня снова вспыхнула уже отъ радости и отошла.

Послѣ приѣма государь отправился къ себѣ въ кабинетъ, пригласивъ съ собой только дядю, Гольца и полицеймейстера Корфа. Вслѣдъ за ними явился и Гудовичъ.

Бесѣда зашла о недавней исторіи съ брилліантовымъ букетомъ, о которой узналъ государь еще въ маскарадѣ, и Петръ Ѳедоровичъ, вдругъ разсердясь, отпустилъ Корфа со словами:

— Дѣлай, что хочешь, а букетъ этотъ мнѣ найди. Если не найдешь, то изъ своихъ денегъ заплати барону, или, если онъ не хочетъ, то мнѣ или «Романовнѣ».

Затѣмъ государь отправился въ большую залу, выходившую окнами на Неву и оглядѣлъ самъ приготовленія къ парадному обѣду. Потомъ онъ послалъ Перфильева и Гудовича осмотрѣть приготовленія къ фейерверку и доложить ему, все-ли въ исправности. Въ четыре часа снова начался сѣздъ, и дворецъ скоро наполнился блестящей толпой. Садясь за столъ, многіе замѣтили, что государь, бывшій веселымъ съ утра, немного угрюмъ и не въ духѣ. На вопросъ Жоржа, нѣтъ-ли чего новаго, государь отвѣчалъ довольно громко:

— Северное, но не новое. Жена чудить! При тетушкѣ чудила, ни ея, ни меня не боялась! Ну, а теперь я не позволю.

Когда стали садиться на заранѣе назначенныя мѣста, государыня заняла свое обыкновенное мѣсто среди стола. Государь долженъ былъ сѣсть противъ нея, но вдругъ, взявъ Гольца подъ руку, увелъ его на самый конецъ, гдѣ сидѣли меньшіе чины двора и, между прочимъ, Фленсбургъ.

— Пойдемте туда, разсмѣялся государь, не хочу я сидѣть визави съ этой дамой.

— Съ какой дамой? изумился Гольцъ.

— Ну, съ Алексѣевной моей....

Гольцъ двинулся съ государемъ, но вдругъ ловкимъ маневромъ покинулъ его, сказавъ что-то тихо и смѣясь почти ему на ухо.

— Отлично! отвѣчалъ государь.

И черезъ мгновение Гольцъ появился, ведя даму въ крайне эффектномъ платьѣ, черномъ бархатномъ съ красной отдѣлкой огненнаго цвѣта. Покроемъ оно напоминало костюмы времени Екатерины Медичи.

Маргарита была необыкновенно хороша въ этомъ платьѣ. Эти огненные языки на черномъ бархатѣ и какое-то злорадство на лицѣ придавали что-то демонское всей ея фигурѣ. И всѣ взоры снова обратились на нее; и ради костюма, и ради поправки всякаго придворнаго этикета.

Такимъ образомъ, на концѣ стола между молодыми офицерами очутились вмѣстѣ четыре человѣка — государь, Гольцъ, Маргарита и Фленсбургъ. Принцъ Жоржъ всячески съ своего мѣста, и руками, и глазами, и головой показывалъ Фленсбургу уйти. Онъ даже самъ собирался перейти туда же, умышленно, захвативъ съ собой канцлера, чтобы этотъ край стола сдѣлать болѣе приличнымъ. Но всѣ уже разсѣлись по мѣстамъ, переглядываясь молча и удивленно.

Государыня очутилась противъ пустаго куверта, такъ какъ мѣсто государя никто не посмѣлъ занять. Но она была весела, и любезно, ласково начала говорить съ своими сосѣдами.

За ея кресломъ стоялъ, чтобы прислуживать ей, камергеръ графъ Строгановъ, родственникъ княгини Дашковой и любимецъ ихъ обѣихъ. Государыня шопотомъ начала шутить съ нимъ по поводу поступка государя и, смѣясь, показывала глазами на пустое кресло. Строгановъ, одинъ изъ первыхъ остряковъ двора, вѣро-

ятно, тоже острилъ, потому что государыня едва сдерживалась отъ смѣха. Но эти шутки не ускользнули отъ косаго взгляда, который бросилъ внезапно государь на средину стола.

— Чему она тамъ радуется? обернулся вдругъ государь къ Гудовичу, который стоялъ за его кресломъ. Поди скажи Строганову, что онъ здѣсь не въ трактирѣ, и чтобы велъ себя приличнѣе, а то я его выгоню вонъ!

Гудовичъ обошелъ столъ, шепнулъ что-то на ухо Строганову, и тотъ, нѣсколько смутившись, пересталъ разговаривать съ государыней.

Съ этой минуты государь не обращалъ вниманія ни на что, усердно кушалъ, запивая мадерой, своимъ любимымъ виномъ, и угощая двухъ своихъ сосѣдей, Гольца и сіявшую самодовољствомъ, счастливую, но гордую и высокомерную графиню Скабронскую.

Обѣдъ шелъ медленно и молчаливо, только раздавался шумъ посуды и приборовъ; этотъ шумъ покрывался веселымъ и визгливымъ голосомъ государя. Взоры всѣхъ присутствующихъ почти не покидали конца стола; но по мѣрѣ того, какъ государь дѣлался разговорчивѣе, Гольцъ становился пасмурнѣе и все чаще взглядывалъ черезъ столъ на принца Жоржа. Маргарита тоже чувствовала себя неловко, и въ душѣ она не рада была, что сѣла на это мѣсто.

Наконецъ, не дождавшись послѣднихъ блюдъ, государь поднялъ бокалъ съ венгерскимъ и громко провозгласилъ тостъ—за здоровье императорской фамиліи!

Всѣ поднялись на ноги, гремя стульями и при громкихъ кликахъ; одна государыня осталась на мѣстѣ.

Петръ Федоровичъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, сильно покраснѣлъ и, обернувшись къ стоящему за его стуломъ Гудовичу, выговорилъ:

— Поди, спрости у нея, зачѣмъ она не встаетъ?

Гудовичъ видимо колебался.

— Ну, ну, живѣй! любопытно, что она отвѣтитъ?!

Государь сѣлъ, всѣ опустили тоже на мѣста. Но всѣ глядѣвшіе на государя, когда онъ обернулся къ Гудовичу, теперь слѣдили глазами за фаворитомъ.

Гудовичъ, наклонясь, тихо передалъ что-то государынѣ и, получивъ ея спокойный, но нѣсколько удивленный отвѣтъ, медленными шагами обошелъ опять столъ и также, наклонясь надъ стуломъ государя, заговорилъ шепотомъ.

— Громче, громче! нечего шептаться! воскликнулъ государь.

— Ея величество приказали сказать, не твердымъ голосомъ произнесъ Гудовичъ, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ изъ государя, государыни и отсутствующаго наслѣдника престола, то она не сочла нужнымъ вставать.

— Императорская фамилія состоитъ не изъ трехъ лицъ, воскликнулъ Петръ Федоровичъ, а изъ пяти лицъ, даже болѣе. Принцъ Георгъ Голштинскій и принцъ Голштейнбергскій съ своими семьями принадлежатъ тоже къ императорской фамиліи, и она должна это знать. Поди скажи, что она дура.

Гудовичъ остолбенѣлъ, и всѣ близъ сидящіе нѣсколько смутились. Гольцъ, тоже смущенный, заговорилъ что-то государю, но онъ не слыхалъ.

— Ступай, скажи! Да нѣтъ! вскрикнулъ вдругъ Петръ Федоровичъ, пожалуй надуешь.

И, обернувшись быстро въ ту сторону, гдѣ сидѣла государыня, онъ выговорилъ громко черезъ столъ:

— Ты, дура!...

Это слово магически подѣйствовало на всю залу. Наступило гробовое молчаніе и полная тишина; ни одинъ голосъ не слышался, ни вилка, ни ножикъ не стукнули по тарелкѣ, никто даже не кашлянулъ. Будто всякій затаилъ дыханіе! И среди этого гробоваго молчанія въ огромной залѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько сотъ человѣкъ... послышался сдержанный плачъ! Государыня сидѣла, закрывъ лицо платкомъ. Эта внезапная и мертвая тишина будто накрыла все какимъ-то тяжелымъ покровомъ и гнетомъ лежала надъ всѣмъ и надо всѣми. Но вдругъ государь поднялся на своемъ мѣстѣ и... провозгласилъ новый тостъ.

— За друга моего, учителя и покровителя, короля прусскаго!

И затѣмъ онъ прибавилъ по-французски:

— A la santé du roi, mon maître!

Послѣ сдержаннаго клика гостей, государь провозгласилъ третій тостъ за процвѣтаніе счастливаго мира, только что заключеннаго между двумя народами, русскимъ и нѣмецкимъ.

Онъ чокнулся съ Гольцомъ и затѣмъ, поцѣловавъ его, началъ снова весело болтать. Но за столомъ отъ двухъ послѣднихъ тостовъ, а отчасти и отъ случая съ государыней, было попрежнему особенно тихо. Одинъ государь становился все веселѣе и оживленнѣе и громко говорилъ Гольцу, изъявляя надежду, что миръ съ Пруссіей будетъ вѣчный, что за его царствование Россія пой-

метъ, какое благо миръ искренній и вѣрній съ сильнымъ сосѣдомъ, что Пруссія, идя по стопамъ Фридриха, сдѣлается первой державой въ Европѣ, а если Россія будетъ слѣдовать его политической системѣ, то процвѣтетъ тоже и равно сдѣлается сильной державой.

— Вы и мы, воскликнулъ наконецъ государь, когда Петра III и Фридриха II уже не будетъ на свѣтѣ, конечно, вы и мы, завоемъ миръ. Имперія Маріи Терезіи будетъ уничтожена, стерта съ лица земли, французское королевство снизойдетъ на степень второстепеннаго государства.

Австрійскій посолъ Мерсій, издали слышавшій нѣмецкую рѣчь государя, обернулся къ гетману Разумовскому, сидѣвшему около него и выговорилъ:

— Спасибо за пожеланіе! Вашъ государь человѣкъ черезчуръ откровенный.

Гетманъ лугаво усмѣхнулся.

— За столомъ держать языкъ за зубами мудрено....

VI.

Обѣдъ кончился. Государь поднялся изъ-за стола, всѣ послѣдовали его примѣру, и шумная толпа разошлась по многочисленнымъ комнатамъ дворца. Петръ Федоровичъ отправился въ свой кабинетъ, пригласивъ съ собой первыхъ сановниковъ и пословъ.

— Я васъ тамъ угощу такимъ виномъ, выговорилъ онъ, котораго на свѣтѣ только десять бутылокъ осталось! Венгерское, которому около тысячи лѣтъ!

— О! воскликнулъ вдругъ Жоржъ, нѣсколько печально и пошатываясь, такъ какъ за столомъ успѣлъ малую толику хватить черезъ край. Это невозможно, ваше величество, такого вина нѣтъ. Венгрія, тысячу лѣтъ тому назадъ не....

— А васъ я прошу, ваше высочество, и совѣтую... мнѣ никогда не противорѣчить. Я слишкомъ искусенъ на шпагахъ, чтобы мнѣ кто-нибудь смѣлъ давать.... démenti.

Принцъ опѣшилъ, сконфузился, даже ротъ разинулъ.

— Впрочемъ, воскликнулъ вдругъ государь, я забылъ, что вы по-французски не понимаете. Вы и не знаете, что такое un démenti. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ вести себя осторожнѣе со мной, а то я могу васъ вызвать на дуэль.... и уничтожить.

Никто из присутствующих не понималъ, шутить государь или нѣтъ, на столько серьезень и искренень былъ его голосъ.

Уже при выходѣ изъ залы, ему на глаза попалась фигура Строганова.

— А! воскликнулъ онъ. Ты! Шутникъ! Убирайся вонъ! Хотя въ какое-нибудь изъ твоихъ помѣстьевъ! И ко двору носа не показывай. Чтобъ я тебя никогда не видалъ! Норр! Норр!... Zum Teufel!...

Строгановъ поблѣднѣлъ, поклонился и пошелъ.

Государь снова послѣ этихъ словъ сталъ веселѣе и, обернувшись къ Жоржу, взявъ его подъ руку, ввелъ въ кабинетъ и, отведя въ сторону, выговорилъ.

— Ну, дядюшка, не обижайтесь, съ вами я пошутилъ. А вотъ что, въ эту ночь извольте лично арестовать жену и отвезти ее въ Шлиссельбургъ.

— Ваше величество! воскликнулъ Жоржъ, всплеснувъ руками. Бога ради! Это ужасно! Вы не можете себѣ представить, что произойдетъ во всемъ Петербургѣ, даже во всей Россіи. Это невозможно!

Жоржъ такъ потерялся, что даже хмѣль отчасти выскочилъ у него изъ головы.

— Пустяки! Дѣлайте, что я говорю....

— Не вѣрите, спросите у Гольца.

Жоржъ сталъ звать барона, но видя, что онъ не слышитъ, самъ пошелъ къ нему за помощью.

— Пустяки! Оставьте, завтра забудетъ, сказалъ Гольцъ какъ-то разсѣянно и будто думая о чемъ-то другомъ.

Въ это время кабинетъ сталъ наполняться лично приглашенными государемъ отвѣдать венгерскаго.

Черезъ часъ въ кабинетѣ государя было настолько весело, что вѣроятно онъ былъ правъ, когда говорилъ, что его венгерскому тысяча лѣтъ. Только три небольшія бутылки были опорожнены гостями, но смѣхъ, шумъ, шутки далеко разносились по сосѣднимъ горницамъ.

Нѣкоторымъ лицамъ, которыя еще не были въ кабинетѣ государя, послѣ его переѣзда въ новый дворецъ, онъ показывалъ разныя мелочи и, между прочимъ, пару новыхъ эспадроновъ, полученныхъ изъ Берлина.

Наконецъ, государь развеселился настолько, что велѣлъ снова подать шишучаго венгерскаго. Когда всѣ бокалы были наполнены,

онъ вызвалъ всѣхъ за собой въ свою спальню и, ставъ передъ портретомъ Фридриха, который висѣлъ надъ его кроватью, говорилъ, поднимая руку съ бокаломъ:

— Пью за твое здоровье, великій человекъ, мудрецъ и геній, другъ и учитель, отнынѣ покровитель мой! И что-бъ доказать вамъ, господа, вдругъ воскликнулъ государь, насколько я люблю и уважаю этого человека. Смотрите! А вы, бароны, напишите ему, больше я сдѣлать не могу.

Государь вдругъ упалъ на колѣни, вытянулъ руку съ бокаломъ къ портрету, а затѣмъ осушилъ его до дна.

— Вивать! воскликнулъ онъ, вставая.

— Вивать! воскликнули всѣ и громче всѣхъ Жоржъ и Гольцъ.

— Еще, еще! воскликнулъ Жоржъ. Наливайте! Я тоже хочу.... Я тоже сейчасъ хочу на колѣни, бурчалъ принцъ Жоржъ, уже сильно захмѣлѣвшій.

— Нѣтъ, не позволю! крикнулъ государь, вы недостойны этого!

— Какъ недостойны!? воскликнулъ Жоржъ запальчиво. Какъ это.... 'недостойнъ'?

— Молчите! Я вамъ говорю, вы недостойны! Ставъ на колѣни и подражая мнѣ, вы унижите мой поступокъ. Да и для Фридриха... что вы такое?...

Жоржъ вдругъ обидѣлся чрезъ мѣру и побагровѣлъ. Если-бъ не Гольцъ, появившійся между спорящими, то Богъ знаетъ, что произошло бы вдругъ.

Между тѣмъ, на дворѣ все темнѣло. Набережная воеругъ дворца уже давно начала покрываться густыми толпами народа. Противоположный берегъ за Невой тоже шумѣлъ и гудѣлъ, заливаемый волнами веселаго любопытнаго люда.

Всѣ ожидали давно заготовленнаго фейерверка, который былъ устроенъ на мысу Васильевскаго острова, выдающагося противъ дворца. На площади и набережныхъ, затѣсенные густой толпой стояли уже давно, не имѣя возможности двинуться, нѣсколько экипажей. Вся рѣка была унизана лодками, барками и всякаго рода челноками, тоже переполненными зѣваками. Овна дворца и въ особенности большой залы, гдѣ былъ обѣдъ и предполагался вечеромъ балъ, ярко освѣщали толпу, сплошь наполнявшую всю набережную.

Наконецъ, на углу Васильевскаго острова вспыхнулъ букетъ изъ нѣсколькихъ сотенъ ракетъ и тотчасъ же, среди восстано-

вившейся тьмы, зажглись въ двухъ разныхъ концахъ на Невѣ и на Невѣ двѣ гигантскія фигуры, въ которыхъ болѣе просвѣщенные изъ публики узнали символическое изображеніе Россіи и Пруссіи. Обѣ сіяющія фигуры двинулись, пошатываясь, и сошли у края острова. Въ ту-же минуту между ними загорѣлся высокій щитъ, изображавшій жертвенникъ. Двѣ огромныя фигуры протянули надъ жертвенникомъ руки и послѣ этого символическаго дружескаго пожатія стали тухнуть. А на островѣ вспыхнулъ и загорѣлся, протянувшись далеко въ обѣ стороны, цѣлый рядъ арокъ, колоннъ, порталовъ и шпицевъ, свергающихъ разноцвѣтными огнями; это было феерическое и великолѣпное зданіе, долженствовавшее изобразить храмъ мира.

Фейерверкъ продолжался долго. Когда на Васильевскомъ островѣ прогорѣли всѣ щиты, то на самой Невѣ стали появляться плавучія фигуры, которыя зажигались и, медленно скользя, спустились по рѣкѣ. Когда рѣка и обѣ набережныя были особенно ярко освѣщены разноцвѣтными огнями, въ концѣ набережной, не далеко отъ дворца принца Жоржа, гдѣ было менѣе народа и гдѣ экипажи могли двигаться, стояла на берегу большая колымага, запряженная цугомъ лошадей. Въ эту минуту, мимо нея шагомъ двигалась небольшая берлина, и въ ней сидѣли два офицера, преобразенецъ и кирасиръ. Они о чемъ-то спорили громко, но интонація ихъ голосовъ была странная, будто они шутили, а не сердились. Въ колымагѣ была княжна Василекъ, пріѣхавшая посмотреть фейерверкъ въ сопровожденіи одного Квасова. Въ ту минуту, когда легкая берлина поравнялась съ колымагой, Василекъ невольно высунулась въ окно, ахнула и снова скрылась. Она, конечно, сразу по одному голосу узнала этого преобразенца, а яркій букетъ, загорѣвшійся на островѣ, позволилъ ей разглядѣть обоихъ офицеровъ и обоихъ узнать. Но она не повѣрила себѣ и, обернувшись къ Квасову, рѣшилась вымолвить слегка дрожащимъ голосомъ.

— Съ кѣмъ же онъ?

— Да съ ней же! отозвался Квасовъ. Я ужь во второй разъ вижу ее въ офицерскомъ одѣяніи. Шальная, что жь ей! Ей все святыи, она хоть трубачистомъ нарядится. И какъ это позволяютъ? Арестовать бы ее?

Василекъ ничего не сказала и глубоко задумалась, а чрезъ минуту приказала вучеру ѣхать шагомъ домой. Колымага повер-

нула и тихо двинулась черезъ площадь къ Невскому проспекту. Бвасовъ тоже молчалъ и только косился на свою спутницу.

А въ берлинѣ, двигавшейся по набережной, длился веселый разговоръ и смѣхъ. Шепелевъ и Маргарита говорили по нѣмецки, что бы не быть понятыми кучеромъ и окружающей толпой. Они шутили на счетъ того, что Маргарита поставила въ гостиной съ куполомъ огромный шкафъ, будто бы для своихъ платьевъ, а въ сущности за тѣмъ, чтобы прятать юношу, когда къ ней прѣзжали неожиданные гости. И уже разъ шесть высидѣлъ Шепелевъ въ огромномъ шкафу и однажды даже часа два не могъ быть освобожденъ, благодаря долгому визиту стараго Юанна Юанновича. Шепелевъ жаловался только, что благодаря величинѣ шкафа и массѣ платьевъ онъ не могъ ни видѣть, ни слышать, того, что происходитъ въ горницѣ.

Фейерверкъ давно былъ сожженъ... Вся столица уже спала, а берлина съ двумя офицерами, все еще тихо колесила по окраинамъ Петербурга. Наконецъ, Маргарита завезла юношу на его квартиру, пробыла у него далеко за полночь и вернулась домой полусонная.

И въ этотъ разъ она потребовала у Лотхенъ двойную порцію своего любимаго, но убійственнаго питья.

Новыя отношенія юноши и красавицы были теперь, конечно, таковы, что они потеряли счетъ времени, днямъ и часамъ. Они не помнили себя и не думали ни о чемъ болѣе, какъ только видаться чаще, видаться отъ зари до зари. Шепелевъ былъ, конечно, безъ ума влюбленъ въ красавицу. Да это было и не мудрено! Можно было и не юношѣ потерять рассудокъ отъ такой женщины, какъ Маргарита. Она же, съ своей стороны, ребячески отдалась странной прихоти и, казалось, была еще болѣе ребенокъ чѣмъ онъ. Неосторожность Маргариты по отношенію къ любовнику совершенно не согласовалась съ ея тайными помыслами, мечтами и планами, составленными вѣрнымъ союзникомъ Гольцемъ.

Пруссакъ легко заставилъ молчать оскорбленнаго Шлезвигца, но сама Маргарита себя выдавала постоянно. Ежедневно общалась она Гольцу быть осторожнѣе и продолжала дѣйствовать какъ бы въ опьяненіи.

Только съ дѣдомъ довольно искусно вела она игру. Юаннъ Юанновичъ то обижался, дулся на внучку, сидѣлъ дома, то снова прощалъ ее, заискивалъ и ухаживалъ за ней, вѣря ея обещаніямъ.

Вообще же между красавицей кокеткой и четырьмя обожателями была видимая путаница въ отношеніяхъ, такая же путаница, какая была и въ душѣ Маргариты. Она говорила себѣ ежедневно:

— Покуда пускай такъ!... А тамъ видно будетъ!... Авось я не упаду среди моихъ маріонетокъ.

Юношей красавица, разумѣется, забавлялась, какъ игрушкой, чувствуя, что когда-нибудь она эту новую милую игрушку все-таки разобьетъ.... сломаетъ. Теперь начинала свазываться только одна вещь, удивлявшая обоихъ.... Имъ не о чемъ было говорить! Часто цѣлые вечера приходилось молчать и только любоваться другъ на друга. Между ними оказывалось мало общаго.

Сначала они до сотни разъ говорили все о маскарадѣ Гольца, о томъ, какъ искусно Маргарита разыграла роль «Ночи», явившись на балъ въ двухъ костюмахъ и одѣвъ кармелиткой Лотхень, чтобы обмануть и Шепелева, и публику. Сначала Маргарита часто рассказывала любовнику всю свою жизнь.... искренно, правдиво, описывала свои путешествія до и послѣ замужества....

Но все это было скоро исчерпано! И часто, и все чаще, приходилось послѣ поцѣлуя.... сидѣть, глядѣть другъ на друга и молчать!...

Юноша былъ все-таки счастливъ. Но Маргарита думала: — однако.... какъ все это странно.... даже глупо.... Ну вотъ и все!... А потомъ что же?!...

VIII.

Однажды вечеромъ, въ ясную лунную ночь, когда Гарина была уже въ постели, Василекъ въ своей горницѣ усердно и печально молилась на колѣняхъ передъ своимъ кіотомъ. Ей было со дня праздника и фейерверка особенно тяжело. Настя въ своей комнатѣ сидѣла недвижимо у открытаго окна, не смотря на свѣжесть ночи и, казалось, давно замерла подъ гнетомъ своей думы о томъ, — въ чемъ еще боялась сознаться себѣ самой и виновнику его, т. е. князю Глѣбу. Среди затишья ночи и тишины въ окружающихъ домъ пустыряхъ, на дворѣ вдругъ послышался стукъ экипажа, топотъ лошадей и голоса. Люди, на половину уже спавшіе, на половину ужинавшіе и собиравшіеся тоже спать, — повскакали на ноги.

Ночные посѣтители не столько испугали всѣхъ, сколько изумили. Никогда еще ничего подобнаго не бывало въ домѣ. Василекъ слишкомъ горячо молилась, чтобы услышать этотъ шумъ, Настю слишкомъ угнетала ея тяжелая дума; одна Пелагея Михайловна услышала этотъ шумъ на дворѣ, но это было на столько невѣроятно, что она протерла себѣ глаза, чтобы убѣдиться, не снится-ли ей весь этотъ гвалтъ во снѣ.

Шумъ въ домѣ все росъ, раздались шаги на большой лѣстницѣ, затѣмъ раздались въ корридорѣ, уже не шаги, а бѣготня десятка человѣкъ и крики. Если бы шайка грабителей ворвалась въ домъ, то, конечно, переполохъ былъ бы не бѣльшій.

Настя, еще одѣтая, и Василекъ, раздѣтая на половину, выскочили обѣ тоже въ корридоръ. Гарина сѣла на постель и даже перекрестилась. Нѣсколько мгновений ломала она себѣ голову, чтобы придумать, что могло быть, и ничего не придумала.

Наконецъ, въ комнату влетѣла Василекъ и, задохнувшись, замахала руками.... Она хотѣла что-то сказать теткѣ, но опустилась на кресла и, если не лишилась сознанія, то лишилась способности произнести хоть одно слово.

А въ корридорѣ шумъ увеличивался и приближался къ горницѣ Гариной. И вдругъ Пелагея Михайловна, глядѣвшая въ растворенную Василькомъ дверь, вскрикнула, какъ если бы ее ударили ножомъ.

Въ дверяхъ показался совершенно незнакомый кирасиръ. Черезъ нѣсколько секундъ появленіе ночныхъ посѣтителей объяснилось и, какъ громъ, поразило всѣхъ въ домѣ. Офицеръ съ двумя компаньями явился арестовать госпожу Гарину и двухъ княженъ Тюфякиныхъ.

Всѣ три женщины совершенно помертвѣли отъ страха. Первая, пришедшая въ себя, Василекъ обратилась къ незнакомому кирасиру съ вопросомъ:

— Не ошибаетесь-ли вы? Насъ-ли?

Офицеръ съ нѣмецкимъ акцентомъ объяснилъ, что ошибки нѣтъ никакой.

— Да за что же? вымолвила Василекъ. По чьему приказанію?

— По приказанію изъ канцеляріи, по приказу Гудовича, а за что собственно, вамъ лучше знать!

— Намъ?... Но мы ничего не знаемъ....

— Странно.... Впрочемъ всегда, всѣ такъ говорятъ. Я только слышалъ, что вы кого-то ограбили. Вашъ братецъ уже арестованъ.

При этихъ словахъ Настя, стоявшая недалеко отъ офицера, вскригнула и упала на полъ безъ чувствъ. Криги и вопли людей, плачь, сумятица продолжались около полу-часа.

Одна княжна Василекъ понемногу стала совершенно спокойна, только вѣчно ясные, добрые глаза ея, быть можетъ, въ первый разъ за все ея существованіе были холодно — злобны. Она медленно, спокойно, сдержанно и говорила, и распоряжалась. Сначала привела она въ чувство сестру, потомъ стала помогать теткѣ одѣваться.

— Не тревожьтесь. Полноте! Не кричите! Не плачьте! повторяла она всѣмъ, бѣды никакой нѣтъ. Мы знаемъ, что ни въ чемъ не виновны. Тутъ ошибка какая-нибудь. Только срамъ будетъ великъ, а бѣды никакой нѣтъ.

Офицеръ хотѣлъ посадить всѣхъ трехъ на большую телѣжку, въ которой приѣхалъ. Василекъ стала просить его дозволить имъ ѣхать въ своей каретѣ.

— Смотри по тому, какихъ коней впрягутъ, холодно сказалъ офицеръ. Если плохіе кони—можно; а на хорошихъ нельзя, а то вы у насъ изъ виду ускачете.

Однако, въ концѣ концовъ, офицеръ все-таки позволилъ ѣхать женщинамъ въ своемъ собственномъ экипажѣ.

Черезъ часъ времени послѣ появленія кирасира и переполоха въ домѣ карета Тюфякиныхъ, запряженная цугомъ, тихо двинулась среди ночной тишины. На козлахъ сидѣлъ одинъ кирасирскій солдатъ, а около кареты ѣхали верхомъ офицеръ и еще два солдата.

Путешествіе это продолжалось долго, такъ какъ арестованныхъ прямо везли въ канцелярію Гудовича. По крайней мѣрѣ имъ не пришлось срамиться и ѣхать днемъ черезъ весь городъ. Арестованные были тотчасъ заперты въ большую горницу дворянскаго отдѣленія.

Опекунша, казалось, лишилась всѣхъ чувствъ и сознанія окружающаго и всего совершающагося съ нею. Настя глядѣла косо, холодно и злобно. Одна Василекъ была совершенно спокойна, не много грустна и еще нѣжнѣе обращалась съ теткой и съ сестрой.

— Бѣды не будетъ! Господь не попуститъ правымъ пострадать! Крѣпко вѣрила и думала Василекъ. Но срамъ великъ.... Тѣ же арестантки....

На утро Пелагею Михайловну позвали первую къ допросу, затѣмъ обѣихъ княженъ. Гудовичъ обходился со всѣми тремя

вѣжливо, но всѣ три женщины вернулись съ допроса смущенныя. Всѣмъ тремъ показалось, что ихъ умышленно хотятъ во что бы то ни стало запутать въ дѣло, о которомъ онѣ не имѣли никакого понятія. Изъ допросовъ онѣ поняли, что ихъ подозреваютъ въ кражѣ чего-то.... Имъ не сказали даже въ чемъ дѣло. Ихъ спрашивали о разныхъ непонятныхъ имъ вещахъ. У Гариной долго допытывались, знаетъ-ли она бриллианщика Позье.... Бывала-ли на квартирѣ Глѣба? Есть-ли у нея знакомые жида?...

Между тѣмъ, дѣло было самое простое. Вѣчно сонный лакей князя Егора, продержавъ футляръ съ недѣлю у себя, пошелъ, наконецъ, шататься изъ магазина въ магазинъ, продавая этотъ красивый, пунцовый ларецъ отъ неизвѣстной ему вещи. Наконецъ, онъ зашелъ и въ лавку нѣмца, пріятеля Позье, который давно зналъ исторію пропажи букета, а когда-то видѣлъ у Позье и букетъ, и футляръ. Разумѣется, Егоръ тотчасъ же былъ схваченъ и признался, что нашелъ вещь въ печи, куда ее кто-то запряталъ, вѣроятно, самъ баринъ....

Гудовичъ сразу догадался, когда именно князь его обокралъ. Онъ вызвалъ его къ себѣ и прямо поставилъ вопросъ и предложеніе.

— Гдѣ букетъ?... Или кнутъ и Сибирь!

Пораженный внезапнымъ раскрытіемъ своего преступленія и своей сокровенной тайны, Тюфягинъ чуть не лишился чувствъ и тотчасъ же сознался во всемъ....

По дорогѣ въ Митаву былъ тотчасъ же посланъ фельдъ-егерь въ догонку за жидомъ.

Князь ни слова не сказалъ про сводныхъ сестеръ и тетку. Онъ даже самъ забылъ о нихъ подъ ударомъ, его постигшимъ. Гудовичъ не ечелъ нужнымъ ихъ спрашивать, какъ свидѣтельница, но въ канцеляріи нашлись люди, «приказныя півки», наслѣдье еще Бироновыхъ временъ, которые убѣдили лѣниваго и безхарактернаго Гудовича притянуть къ дѣлу богатыхъ княженъ и ихъ богатую опекуншу, не какъ свидѣтельница, а участница преступленія. И Гудовичъ согласился.... Одинъ изъ главныхъ воротилъ канцеляріи, родомъ мордвинъ, но статскій совѣтникъ и кавалеръ, намѣтилъ Тюфягинныхъ и началъ, какъ паукъ, раскидывать паутину.... А наивный Гудовичъ ничего не видѣлъ. Даже Гольцу, заѣхавшему утромъ, показался страннымъ допросъ княженъ. Самъ князь Глѣбъ, узнавъ про арестъ сестеръ, былъ въ негодованіи и рѣзко, дерзко выговаривалъ Гудовичу, что одинъ онъ виноватъ, и что сестры слишкомъ богаты, чтобы воровать.

Однако, послѣ перваго допроса и Гарина, и княжны были оставлены для дальнѣйшаго разслѣдованія дѣла!...

На утро, черезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста княженъ и опекуниши, Квасовъ, по обыкновенію, отправился пѣшкомъ къ своимъ новымъ друзьямъ.

Когда онъ вошелъ во дворъ, то увидалъ кучку людей, сидѣвшихъ на скамеечкахъ, около флигеля. Всѣ они сразу повскакали съ мѣстъ и бросились на встрѣчу къ доброму барину Агиму Акимовичу, котораго всѣ успѣли полюбить. Они обступили Квасова, предполагая, что онъ все знаетъ, и стали спрашивать о господахъ. Что съ ними? живы-ли они, что съ ними будетъ и за что такая бѣда?!

Квасовъ, ничего еще не понявшій вполне, стоялъ, какъ громомъ пораженный, почуявъ несчастье. Разспросивъ людей въ своей чередѣ подробно о ночномъ арестѣ Мариной и княженъ, Квасовъ не вымолвилъ ни слова, кое-какъ доплелся до ближайшей скамейки и тяжело опустился на нее. Онъ чувствовалъ, что не устоитъ на ногахъ.

Люди окружили его, и снова наступило мертвое молчаніе. За что были арестованы господа, люди, конечно, не знали и многіе изъ нихъ, уже пожилые, помнившіе царствованіе Анны Иоанновны, рѣшили дѣло по своему.

— «Языкъ» опять пошелъ ходить, говорили они, «слово и дѣло» кто-нибудь сказалъ на барышенъ и на барыню.

Наконецъ, Квасовъ какъ-бы пришелъ въ себя.

— Есть у васъ какая телѣжка? вымолвилъ онъ. Если есть, запрягай скорѣй, поѣдемъ въ городъ разузнавать и хлопотать, а пѣшкомъ и до вечера ничего не сдѣлаешь.

Главный вучеръ Тюфякиныхъ бросился къ конюшнѣ, и черезъ четверть часа Квасовъ уже выѣзжалъ со двора на дуплетѣмъ рысакъ княженъ.

Прежде всего Агимъ Акимовичъ вернулся въ полкъ и отправился спрашивать всѣхъ старшихъ офицеровъ, имѣвшихъ связи въ городѣ. Всякій передавалъ ему по своему про неожиданный арестъ бывшаго преображенца Тюфякина и всякій предполагалъ затѣмъ уже прямымъ послѣдствіемъ его и арестъ родственницъ, сестеръ и тетки. Вѣсти были разнорѣчивы.

Квасовъ увидѣлъ, что истины добиться невозможно. Онъ уже рѣшилъ ѣхать прямо въ канцелярію Гудовича, добиться свиданія съ арестованными, чтобы разспросить у нихъ въ чемъ дѣло.

— Не допускать! подумалъ онъ. Все попробую, съѣзжу. И въ совершенномъ отчаяніи, лейбъ-компанецъ вышелъ на улицу и снова сталъ садиться въ телѣжку.

Въ эту минуту на ротный дворъ возвращался верхомъ Баскаковъ. Оба офицера были давнымъ-давно, если не враги, то въ очень холодныхъ, натянутыхъ отношеніяхъ. Квасовъ не долбилъ Баскакова, какъ близкаго друга бунновъ Орловыхъ и вдобавокъ челоуѣка, часто даящаго и угощающаго солдатъ безъ всякой видимой цѣли. Баскаковъ, съ своей стороны, не любилъ Квасова за его беспощадныя отношенія къ солдатамъ. За послѣднее время, однако, Баскаковъ сдѣлался съ Квасовымъ любезнѣе и снова раза два приглашалъ его отъ имени Алексѣя Орлова на ихъ вечеринки. Орловымъ былъ теперь положительно нуженъ лейбъ-компанецъ, игравшій одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ дни переворота въ пользу покойной государыни.

Квасовъ, завидя теперь Баскакова, вдругъ рѣшился обратиться къ нему, но тотъ предупредилъ его.

— Что съ вами, Акимъ Акимовичъ? На васъ лица нѣтъ! Квасовъ объяснился и прибавилъ:

— И ничего не добьешься, никакого толку, всякій рассказываетъ на свой ладъ. Не знаешь, что и дѣлать!

— Такъ вы бы прямо ко мнѣ обратились, усмѣхнулся Баскаковъ. Я все дѣло знаю! Этотъ поганый князекъ укралъ обманомъ брилліантовую вещь въ нѣсколько тысячъ и оговорилъ тетку и сестеръ.

— Господи! воскликнулъ Квасовъ. Убилъ-бы я собаку! Да не ужъто жъ въ канцеляріи не разберутъ праваго отъ виноватаго?

Баскаковъ пожалъ плечами.

— Мудрено. Для этого нужно попросить! А такъ Гудовичъ по своей лѣни всѣхъ подъ одинъ законъ подведетъ. Да вы чего же тревожитесь, у васъ есть ходы, есть кого попросить, и все дѣло устроится.

— Кого же? воскликнулъ Квасовъ.

— Полно, Акимъ Акимовичъ, притворяйтесь, укоризненно выговорилъ офицеръ. У васъ за одинъ мѣсяць покровитель, какъ грибокъ послѣ дождя, выросъ.

— Да, кто? кто? вопилъ Квасовъ на всю улицу.

— Да племянникъ вашъ, Шепелевъ! Вѣдь дѣло-то затѣяно прусскимъ посломъ и графиней Скабронской, для которой онъ брилліанты эти и заказывалъ. Ну, а вашъ племянникъ, кажись,

не только днюетъ, а и ночуетъ у этой полуумной графини. Такъ, чего же проще?

Квасовъ онѣмѣлъ отъ изумленія при этомъ откритіи. Онъ стоялъ неподвижно, глядя въ лицо Баскакова, и долго не могъ выговорить ни слова.

— Поѣзжайте къ племяннику и, смотрите, все уладится. Вамъ бы ближе знать все это, а вы не знаете; а вотъ Орловы, да и всѣ мы отлично знаемъ, кого съ кѣмъ въ столицѣ чертъ веревочкой перевязаль.

Квасовъ не слушалъ, а все думалъ и думалъ. Наконецъ, онъ выговорилъ вслухъ то, что вертѣлось у него въ головѣ.

— Да ѣхать-ли?

— Куда? Къ племяннику-то?

— Да. Ѣхать-ли?

— Ну, ужъ это ваше дѣло!

Баскаковъ вошелъ на ротный дворъ. Квасовъ нерѣшительно поѣзъ въ телѣжку. Гордость его не позволяла ему ѣхать съ поклономъ къ племяннику, къ «поросѣ», съ которымъ онъ поссорился, который его даже оскорбилъ.

— Поѣзжай шажкомъ, а я покуда на мысляхъ раскину, сказалъ онъ глухо вучеру.

Проѣхавъ одну улицу, Квасовъ велѣлъ остановить лошадь, онъ окончательно не зная, что дѣлать.

— Нѣтъ, ужъ вы, Акимъ Акимовичъ, будьте благодѣтель, выговорилъ вучеръ, слышавшій разговоръ двухъ офицеровъ. Хоть и не охота вамъ, а поѣзжайте къ Митрію Митричу. Подумайте, мы съ вами вотъ по городу колесимъ, а наши княжны теперь на хлѣбѣ и на водѣ сидятъ, а, можетъ быть, ихъ и пытаются каленымъ желѣзомъ. Хоть для Василисы Андреевны будьте благодѣтель. Она нашъ Анделъ Хранитель.... Для Василисы Андреевны.

И эти три послѣднія слова вдругъ заставили Квасова вздрогнуть, и онъ воскликнулъ:

— Пошелъ! А самъ невольно подумалъ: для Василисы Андреевны! Для нея, моей неощенной, не то что къ поросенку этому поѣду, а хоть въ Невѣ утоплюсь!

IX.

И черезъ нѣсколько минутъ Квасовъ входилъ въ маленькую, но красивую квартиру Шепелева. Въ обыкновенное время, онъ

бы, конечно, оглядѣлся кругомъ себя и замѣтилъ бы роскошную обстановку, но теперь ему было не до того.

— Какъ-то приметь меня? Что скажете? робѣлъ Квасовъ за свое самолюбіе.

Деньщикъ Шепелева пошелъ доложить барину о пріѣздѣ Квасова, и, прежде чѣмъ Акимъ Акимовичъ успѣлъ переступить порогъ изъ столовой въ гостиную, онъ услышалъ быстрые шаги. Юноша бѣгомъ летѣлъ къ нему на встрѣчу и черезъ мгновеніе повисъ у него на шеѣ.

— Голубчикъ, дяденька! Родной мой! Вотъ подарили!

И Шепелевъ въ порывѣ радости и восторга, что дядя первый его навѣстилъ, схватилъ его красную и жесткую руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ.

Это движеніе юноши поразило Квасова въ самое сердце, или быть можетъ отъ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ волненіи, сердце матераго лейбъ-компанца наболѣло. И теперь онъ не выдержалъ, слезы вдругъ полились по его суровому лицу. Шепелевъ схватилъ его за руки и потащилъ въ крайнюю горницу, спальню.

Квасовъ собирался сказать ему, входя въ домъ, что онъ не мирится пріѣхалъ, а просить заступиться за семейство, которое всегда считалось родней и друзьями его отца, и съ которымъ онъ чуть-чуть самъ не породнился. Но теперь Акимъ Акимовичъ молчалъ и на благодарность Шепелева за этотъ первый шагъ не отвѣчалъ ничего.

— Я бы самъ давно къ вамъ пришелъ прощенія просить, да боялся, думалъ, разсержу еще пуще. Вотъ какъ передъ Господомъ Богомъ правду говорю! восклицалъ Шепелевъ. Простите меня! И вина моя не великая! Я вамъ все расскажу, ничего не скрою.

— Ну, слушай, пороса, мягко выговорилъ Квасовъ, послѣ поговоримъ обо всемъ, а теперь времени терять нельзя. Отвѣчай мнѣ по совѣсти, кто тебя одарилъ и въ офицеры вывелъ, въ одинъ мѣсяць? Правда-ли, что Скабронская? Не ради пустаго любопытства, а ради дѣла спрашиваю.

— Правда, правда, дядюшка! Что жъ тутъ за грѣхъ? Она первая красавица въ городѣ. А вы знаете, на счетъ какихъ старухъ вѣдьмъ наши-же офицеры живутъ.

— Знаю, не въ томъ дѣло, перебилъ Квасовъ. Стало-быть можешь ты.... Захочетъ она для тебя заступиться за невинныхъ?

— Еще бы! воскликнулъ Шепелевъ.

И Квасовъ разсказалъ племяннику то, что слышалъ отъ Баскакова.

Шепелевъ, конечно, узналъ наканунѣ отъ Маргариты о мошенничествѣ и арестѣ князя Глѣба, но судьба, постигшая все семейство, была для него новостью. Онъ вскопчилъ съ мѣста и всплеснулъ руками. Квасовъ, было, продолжалъ разсказъ, но юноша замахалъ руками.

— Полноте, дядюшка, что вы, чего тутъ объяснять! Я ихъ лучше васъ знаю. Мало того, что постараюсь сдѣлать все, а впередъ вамъ говорю, что, пожалуй, къ вечеру же ихъ и выпустятъ. Ёдемъ сейчасъ!

— Куда?

— Ёдемъ къ Маргаритѣ!... Къ графинѣ Скабронской, вдругъ вспыхнулъ Шепелевъ, поправившись.

— Какъ-же? Что ты! смутился Квасовъ. Какъ-же я?

— Непремѣнно, сами ей все и разскажите.

Черезъ полчаса веселая, довольная, смѣющаяся Маргарита и какъ и всегда красивая, изящно одѣтая, принимала у себя въ гостиной юношу и дико озиравашагося лейбъ-компанца.

Акимъ Акимовичъ, всегда отличавшійся медвѣжьими ухватками, теперь сидѣлъ въ гостиной графини Скабронской совсѣмъ бугой.

Съ первыхъ же словъ Маргарита поняла все и рѣшила немедленно, чтобы Шепелевъ съ дядей посидѣли у нея, покуда она съѣздитъ къ Гольцу узнать, что дѣлать.

— А вы не тревожьтесь, господинъ Квасовъ, прибавила она. Не нынче-завтра всѣхъ освободятъ. Это дѣло совершенно просто. Я надѣюсь, что господинъ посланникъ самъ будетъ просить Гудовича, а то и государя освободить невинно пострадавшихъ.

Маргарита быстро собралась и выѣхала изъ дома.

За отсутствіемъ хозяйки Шепелевъ тихо разсказалъ дядѣ всю исторію своего сближенія съ графиней и затѣмъ снова попросилъ прощенія у дяди.

— Что-жь! развелъ руками Акимъ Акимовичъ. Вотъ какъ посидишь около нея, такъ оно понятно. Въ сорочкѣ ты родился, что тутъ сказать! Красавица такая, что даже удивительно, почему она тебя, пороса, предпочла. Въдь не одинъ ты въ столицѣ. Ч! даже для меня, пороса, это загадка! Или, можетъ быть, ты одинъ изъ двѣнадцати, изъ дюжины?

— Какъ? воскликнулъ Шепелевъ.

— Какъ! Извѣстно какъ.... Если у нея вась дюжина! Тогда легче попасть въ милость.

— Что вы, дядюшка, не грѣхъ-ли вамъ?!

— Можетъ быть, и грѣшу, да такъ по совѣсти сказываю. Бываетъ и это въ столицѣ. И, вѣстимо, никто изъ дюжины другъ другу не знаетъ.

Маргарита вернулась домой менѣе довольная. Она объяснила Квасову, что не застала дома посла, увидеть его на другой день и постарается все дѣло справиться.

Отпуская Квасова, она остановила Шепелева словами:

— Погодите, мнѣ надо съ вами перетолковать еще.

Шепелевъ остался и узналъ отъ Маргариты, что она застала Гольца дома, но привезла нехорошія вѣсти.

Гольцъ зналъ уже объ арестѣ семьи Тюфякиныхъ, зналъ даже подробности, присутствовалъ при одномъ изъ допросовъ и вынесъ полное убѣжденіе, что въ дѣлѣ кражи не было ничего общаго и не могло быть между княжнами-богачками и ихъ своднымъ братомъ. Но Гольцъ подозрѣвалъ, что въ этомъ дѣлѣ, въ ихъ арестѣ есть какія-то тайныя пружины.

— Гольцъ думаетъ, закончила Маргарита, что ихъ арестовали нарочно. И что онѣ не отвертятся; ихъ сошлютъ въ ссылку ради того, чтобы отписать все ихъ большое состояніе на казну. А, затѣмъ, государь подарить его кому вздумается.

— Кому же? изумился Шепелевъ.

— Извѣстно, судьямъ, ихъ судившимъ.

— Что вы! какъ это можно! воскликнулъ Шепелевъ.

— Это, мой милый, практикуется въ Россіи уже со временъ императора Петра II съ легкой руки Меншикова, который первый получилъ богатая помѣстья, отписанныя у ссыльныхъ.

— Да, но Гудовичъ и Нарышкинъ не такіе люди, замѣтилъ Шепелевъ.

— Не знаю. Такъ думаетъ Гольцъ. Во всякомъ случаѣ, я вамъ обещаю сдѣлать все. Завтра государь будетъ утромъ въ гостяхъ у барона, и я поѣду, чтобы встрѣтить его.... какъ будто нечаянно....

Маргарита вымолвила это съ такимъ страннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ и, притомъ, такъ быстро взглянула въ лицо Шепелева и отвела глаза, что юноша вдругъ будто оробѣлъ чего-то. Онъ стоялъ неподвижно и пылливо глядѣлъ въ лицо красавицы.

— У Гольца! выговорилъ онъ, наконецъ. И мы у Гольца въ первый разъ сошлись....

— Что ты хочешь сказать? Ты съ ума сошелъ!...

— Нѣтъ.... Все можетъ быть съ такой, какъ ты.... красавицей.

Маргарита размѣялась, но какъ-то неестественно.

— Этого не доставало, чтобы ты меня ревновалъ ко всѣмъ и, наконецъ, даже къ государю!

— Нѣтъ, не ко всѣмъ и не «наконецъ» къ государю. А прежде всего къ нему! воскликнулъ Шепелевъ. Ты честолюбива. Ужь это не въ первый разъ приходитъ мнѣ на умъ. Всѣ говорятъ, что не даромъ ты стала придворной дамой послѣ маскарада.

— Если вамъ угодно, господинъ офицеръ, полусхута произнесла Маргарита, то я завтра не поѣду къ посланнику, но тогда ваша бывшая невѣста и все семейство поѣдутъ въ ссылку. Это единственное средство спасти ихъ. Я расскажу сама подробно все государю, даже намекну ему о причинѣ, по которой хотять запутать Тюфякиныхъ. Я не боюсь сказать это, а онъ прямодушень и добръ! Если онъ будетъ знать истину и повѣритъ, а я знаю, что онъ мнѣ повѣритъ, то Тюфякины будутъ освобождены сейчасъ-же. Завтра-же вечеромъ онъ будутъ дома и счастливы. Но если вы, господинъ ревнивый младенецъ, изъ глупаго подозрѣнія, хотите пожертвовать цѣлой семьей, то какъ вамъ угодно. Я буду повиноваться. Для меня Тюфякины ничто, я ихъ даже не видала.

— Поѣзжайте! глухо выговорилъ Шепелевъ. Я не мужъ, но.... прибавилъ онъ и запнулся. Я теперь же скажу то, что уже нѣсколько дней мнѣ спать не даетъ, преслѣдуетъ меня и день, и ночь. Пойми, что если когда-нибудь я узнаю и замѣчу. Пойми, Маргарита! Услышу что-нибудь.... если будетъ поводъ. Однимъ словомъ, если ты меня обманешь, то помни, Маргарита, это будетъ пахнуть смертью. И самъ я себя убью, но прежде тебя.

Маргарита начала хохотать, вскинула ему руки на плечи и стала цѣловать его. Но юноша поблѣднѣлъ, взявъ на нее сверкающими глазами и выговорилъ:

— Да ты не вѣришь? Божусь тебѣ всѣми святыми, что я не шучу, не стращаю, зря.... Это я давно рѣшилъ!

— Вѣрю, вѣрю! Но этого никогда не будетъ! воскликнула Маргарита, но съ тѣмъ же страннымъ отъвѣтомъ въ голосъ,

который появлялся всегда независимо отъ нея, когда она притворилась или лгала.

Шепелевъ ушелъ домой блѣдный и задумчивый.

На другой день графиня около полудня начала одѣваться съ помощью Лотхенъ и провела часа полтора за туалетомъ.

— Да старайтесь, старайтесь! шутила Лотхенъ, стоять повертѣться передъ зеркаломъ. И какъ это быстро идетъ, будто круговоротъ какой! Давно-ли мы съ вами сидѣли безъ гроша денегъ и были счастливы, что къ намъ ѣздитъ такая важная птица, какъ господинъ адъютантъ принца. А теперь не нынѣ завтра къ намъ явится съ визитомъ, пожалуй.... самъ императоръ.

— Что-жь, можетъ быть! отозвалась Маргарита. Одно скверно, Лотхенъ, что я заразъ за нѣсколькими зайцами гонюсь и, пожалуй, всѣхъ упущу.

— Самый-то дрянный пойманъ! подумала Лотхенъ про себя и сказала:

— Да, ужъ дѣдушку, кажется, упустили. Въ послѣдній разъ, что вы не приняли его, на немъ лица не было отъ злости. Почему онъ озлился, я даже не поняла.

Около двухъ часовъ Маргарита выѣхала въ гости къ прусскому посланнику.

Въ этотъ день у него былъ завтракъ. Государь обѣщался быть, и Гольцъ предупредилъ его, что, за неимѣниемъ жены, онъ просилъ одну изъ самыхъ красивыхъ женщинъ столицы быть у него хозяйкой на этотъ день.

Государь не догадался, что это будетъ Маргарита, которая начинала сильно ему нравиться, или забылъ все, о чемъ Гольцъ намекалъ ему. Онъ пріѣхалъ къ барону съ дадею и съ цѣлой свитой.

Послѣ оживленнаго завтрака, продолжавшагося очень долго, Маргарита храбро взялась за дѣло. Она завела съ государемъ споръ о статуѣ, бывшей въ дальней гостиной, и тотчасъ же предложила идти въ эту гостиную. Но тамъ они и остались, и она рассказала ему все, даже подозрѣнiе Гольца, и просила пощады невинному семейству.

Черезъ полчаса послѣ этого государь вернулся въ столовую, гдѣ весело бесѣдовали гости, и, слегка румяный, крикнулъ Гудовичу:

— Это что у тебя завелось въ канцеляріи? Грабежъ! Клеветы! Шемякинъ судъ! Кто это у тебя вздумалъ невинныхъ хватать и судить?

Гудовичъ, слегка измѣнившись въ лицѣ, вымолвилъ:

— Я не понимаю, ваше величество.

— Вы, господинъ Шемякинъ, арестовали семью, какъ тамъ..

Подушечныхъ...

— Тюфякиныхъ, подсказалъ Гудовичъ.

— Ну, да! Затѣмъ, чтобы сослать ихъ, а вотчины описать и у меня, въ награду, себѣ выпросить! Такъ я васъ!... Васъ всѣхъ сошлю! Васъ!!

— Ваше величество! вспыхнулъ Гудовичъ. Этого упрека я, кажется, не заслужилъ.

— Ну, такъ пошелъ, скачи сейчасъ, и чтобы черезъ полчаса онѣ были на свободѣ! крикнулъ Петръ Федоровичъ визгливо.

— Довольны-ли вы, графиня? обернулся онъ затѣмъ къ Маргаритѣ.

Графиня низко поклонилась и невольно взглянула въ лицо проходившаго мимо Гудовича. Государь быстро отошелъ отъ нея къ Жоржу, а Гудовичъ вдругъ пріостановился около красавицы и выговорилъ злобнымъ шепотомъ.

— Клеветать на себя, чернить мое честное имя, я никому не позволю, а въ особенности всякой иноземкѣ! Всякой прохвосткѣ!...

— Господинъ Гудовичъ! воскликнула, вспыхнувшая отъ стыда, Маргарита. Благовоспитанный человѣкъ не оскорбляетъ... но отъ волненія она не могла договорить.

— Я знаю, куда вы мѣтите! виѣ-себя, злобно продолжалъ Гудовичъ, но я вамъ говорю, не попадете! А попадете вы ко мнѣ въ канцелярію! И я общаюсь вамъ, что я васъ, иноземную путешественницу, здорово отодравъ розгами, отправлю опять путешествовать, только не въ Европу, а въ Пелымъ.... Каналья эдакая!... прошипѣлъ Гудовичъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

Маргарита вспыхнула и схватилась за голову, затыкая уши. Всѣ обернулись. Гольцъ, а затѣмъ и Государь съ дядей быстро подошли, спрашивая, что съ ней.

Маргарита не могла выговорить ни слова. Гудовичъ, взявъ шляпу, исчезъ изъ комнаты въ одно мгновеніе.

— Что съ вами? уже третій разъ спрашивалъ государь.

Маргарита, прійдя въ себя, рѣшила не говорить теперь ничего.

— Гудовичъ васъ удивилъ чѣмъ-нибудь? спросилъ Гольцъ.

— Да, удивилъ!... прошептала Маргарита. Но я не скажу чѣмъ.... Теперь не скажу, ваше величество. Но послѣ, скоро.... объщаюсь вамъ все сказать.... Да, удивилъ! Хотя здѣсь въ Петербургѣ, т. е. въ Россіи—это дѣло обыкновенное, простое.... Только со мной еще этого не бывало!... говорила Маргарита, все еще пунцовая.

Гольцъ вдругъ догадался.

— Графиня! Я знаю.... Я понялъ. Мы это обсудимъ съ вами.... Вашъ мужъ при смерти.... Я попрошу его передать мнѣ свои права.

Государь стоялъ, открывъ ротъ, и ничего не понималъ.

— Скажите, въ чемъ дѣло?

— Послѣ! Послѣ! воскликнулъ Гольцъ за графиню. Пойдете... Вышлемъ венгерскаго за царя Соломона и всѣхъ справедливыхъ царей!... воскликнулъ онъ, шутя.

Графиня вернулась отъ посла поздно вечеромъ, но довольная, веселая, счастливая.... Счастливые, чѣмъ когда-либо.

Она нашла у себя Шепелева. Онъ дожидался ее, чтобы сказать, что княжны съ теткой уже освобождены. Онъ хотѣлъ остаться до полуночи и далѣе. Но Маргарита объявила ему, что падаетъ отъ усталости и хочетъ тотчасъ лечь спать! А, между тѣмъ, глаза ея были далеко не сонные, а блестящіе, искрящіеся.

Шепелевъ печально поцѣловалъ ея руки и вышелъ изъ дома будто съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ.

Х.

Въ половинѣ мая въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ къ государю лицъ было нѣчто новое. Всѣ они были нѣсколько смущены. Даже Жоржъ, сидя дома по цѣлымъ днямъ, волновался и все совѣтовался съ женой, какъ поступить въ трудныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ.

Гольцъ, въ виду этой новости, работалъ неутомимо, рѣже бывалъ у Маргариты, и по два курьера въ недѣлю скакали съ его депешами изъ Петербурга въ Магдебургъ, гдѣ находился Фридрихъ.

Государь Петръ Фёдоровичъ за всю свою жизнь, а затѣмъ и за свое пяти-мѣсячное царствованіе переходилъ изъ-подъ одного вліянія подъ другое. Теперь онъ вдругъ оказался упрямо самостоятеленъ, и затѣя громадная по своимъ размѣрамъ и послѣд-

отвѣямъ глубоко запаала ему въ душу, будто застряла въ головѣ. Онъ ни о чемъ болѣе не думалъ и не говорилъ, какъ объ этой смутившей все и всѣхъ чудовищной затѣѣ.

Онъ увѣрялъ всѣхъ, что это было всегда его заповѣдной мечтой, что онъ мечталъ объ этомъ, когда былъ еще ребенкомъ въ Билѣ, мечталъ, когда былъ наслѣдникомъ русскаго престола, за все двадцатилѣтнее царствованіе своей тѣтки и, наконецъ, что онъ давно твердо рѣшилъ, хотя никому объ этомъ не сообщалъ, привести въ исполненіе это давнишнее намѣреніе, при первой возможности. Теперь послѣ подписанія мирнаго трактата съ Фридрихомъ, по его мнѣнію, насталъ часъ исполнить это завѣтное желаніе, удовлетворить и отдаться давнишнему заповѣдному чувству.

Эта затѣя, эта мечта, это заповѣдное чувство, внезапное признаніе въ которомъ, смутило всѣхъ, даже Гольца, и затѣмъ смутило несказанно самого Фридриха... было не что иное, какъ война съ Даніей! За Шлезвигъ!! Государь былъ искретенъ отчасти. Дѣйствительно, въ Голштиніи испоконъ вѣка глядѣли завистливымъ окомъ на Шлезвигъ. Будучи наслѣдникомъ, Петру Федоровичу, конечно, изрѣдка случалось тоже мечтать о завоеваніи Шлезвига. Вступивъ на русскій престолъ, онъ вспомнилъ объ этомъ и рѣшилъ когда-нибудь, воспользовавшись какими-нибудь смутами на политическомъ горизонтѣ, добыть этотъ Шлезвигъ. Но почему вдругъ теперь собрался онъ внезапно на этотъ подвигъ, какимъ образомъ рѣшилъ онъ вдругъ немедленно приступить тотчасъ же къ этому дѣлу и вдобавокъ съ такой легкостью, какъ будто дѣло шло не о войнѣ, а о прогулкѣ, никто изъ фаворитовъ ни догадаться, ни понять не могъ.

Черезъ день или два послѣ празднованія во дворцѣ по поводу мира съ Пруссіей, государю стало какъ-то особенно скучно. Съ первыхъ дней царствованія онъ былъ занятъ смотрами, эскерциею, новыми мундирами, переѣздомъ въ новый дворецъ, и, наконецъ, заключеніемъ трактата съ Фридрихомъ. Теперь, вдругъ, мысленно оглядѣвшись кругомъ себя, онъ увидѣлъ, что многія мудренныя задачи достигнуты, исполнены... и дѣлать больше нечего!

— Просто бѣда! Что же мнѣ дѣлать теперь!? воскликнулъ онъ. И даже очень скучно! Что-жъ теперь придумать?

Къ этой скукѣ скорѣ присоединилось какое то грустное настроеніе. Какъ всякая болѣзненная натура, всякій щедушный организмъ легко падаетъ, легко уступаетъ, такъ и Петръ Фе-

доровичъ вдругъ почувствовалъ себя хворымъ и слабымъ, а въ особенности грустно настроеннымъ.

Въ эти минуты онъ всегда, еще наследникомъ престола, становился раздражителенъ и привязчивъ; ко всѣмъ близкимъ людямъ онъ начиналъ относиться придирчиво, дерзко, и чѣмъ ближе былъ къ нему человекъ, тѣмъ болѣе доставалось ему. Наоборотъ, ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ считалъ онъ своими врагами, онъ начиналъ относиться благосклонно, заискивалъ въ нихъ, будто бы мгновенно начиналъ ихъ бояться. Но въ сущности это происходило изъ очень хорошаго, хотя и болѣзненнаго источника. Въ это время государь относился къ врагамъ своимъ совершенно искренно, прощая имъ ихъ дѣйствительные или вымышленные вины и проступки. А равно вспоминалъ онъ и все то, что могъ сдѣлать дурнаго кому либо, и старался всячески загладить свою вину.

На утро послѣ пироваія во дворцѣ, принцъ Жоржъ явился къ государю и напомнилъ ему о приказѣ арестовать государыню и свести на Смольный дворъ. Жоржъ горячо сталъ доказывать государю, что мѣра эта произведетъ такой страшный переполохъ, такую сумятицу во всей столицѣ и всей имперіи, что трудно даже исчислить всѣ пагубныя послѣдствія.

Государь раздражительно и ребячески на всѣ доводы дяди отвѣчалъ:

— Она мнѣ надоѣла! Она со мной дерзко обращается! Она будто знать не хочетъ, что я императоръ. Надо арестовать! Мнѣ такъ хочется!... Но однако послѣ двухъ-часовой бесѣды государь успокоился и отвѣчалъ:

— Ну, хорошо, пускай! Покуда подождемъ, а если будетъ также продолжать... тогда проучимъ.

Именно на другой день послѣ этой бесѣды съ дядей и послѣ свиданія за завтракомъ Гольца съ красавицей графиней Скабронской напала на государя та грусть и тоска, которая являлась у него, какъ болѣзнь, на нѣсколько дней. Приходила она, повидимому, всегда безпричинно, но отчасти отъ слабаго сложенія, которое не выносило непрерывныхъ обѣдовъ, завтраковъ и ужиновъ, гдѣ всѣ, по обычаю времени, воздавали обильное возліяніе бахусу.

Прежде всего государь замѣтилъ своего жирнаго Молса и вспомнилъ, что дня за два онъ его сильно высѣкъ за что-то. Петръ Федоровичъ позвалъ къ себѣ собаку, сталъ ласкать ее, за-

мѣтилъ, что подушка у «Мопсиньки» слишкомъ жестка и, позвавъ Нарциса, велѣлъ тотчасъ же сдѣлать другую, большую и пуховую, а покуда велѣлъ класть «бѣдную собачку» на диванъ.

И мысль его двинулась по направленію прощенія обидъ и заглаживанія его собственныхъ обидныхъ для кого либо поступковъ! Онъ вспомнилъ о Тепловѣ и приказалъ явившемуся съ докладомъ государственному секретарю Волкову поѣхать поздравить Теплова отъ его имени съ чиномъ тайнаго совѣтника. Онъ вспомнилъ, что обидѣлъ на празднествѣ графа Алексѣя Разумовскаго словомъ «крѣпко-лобый хохоль» и заставилъ его покраснѣть при многихъ вельможахъ. Разумовскому, фельдмаршалу и всѣхъ російскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ кавалеру и вдобавокъ милліонеру нечего было пожаловать или подарить. И государь послалъ сказать Разумовскому, что будетъ у него пировать со многими гостями въ будущій праздникъ и просить сдѣлать пиръ на весь міръ для своего перваго и искренняго друга русскаго императора. Такимъ образомъ, дня три къ ряду, кромѣ милостей и ласки, никто ничего не видалъ.

Но за это же время всѣ близкіе люди, Жоржъ, Гудовичъ, даже Гольцъ, даже Воронцова боялись подступить къ государю. Каждый изъ нихъ онъ находилъ чѣмъ попрекнуть, разбранить.

Гудовича государь постоянно принимался бранить за его лѣнь, за то, что онъ не служитъ примѣромъ другимъ офицерамъ и генераламъ, ѣздитъ верхомъ, какъ баба-кухарка, ведетъ дѣла въ канцеляріи, спустя рукава, оправдывая виновныхъ и осуждая невинныхъ, и, наконецъ, дошелъ до того, что про него въ городѣ ходятъ слухи, будто онъ первый грабитель въ имперіи. Основаніе для этого у государя было; помимо исторіи съ княжнами Тюфякиными, за которыхъ вступилась Маргарита, до него дошла еще другая исторія. Ходатай по дѣламъ колонистовъ-славянъ на югѣ Россіи, нѣкто Хорватъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, далъ тремъ приближеннымъ къ государю лицамъ и въ томъ числѣ Гудовичу, по тысячѣ червонцевъ за рѣшеніе неправаго дѣла.

Принца Жоржа государь, вдругъ, началъ преслѣдовать за то, что онъ ничего не дѣлаеть, не имѣетъ собственнаго мнѣнія ни о чемъ, слушается во всемъ проходимца Фленсбурга. Это ему нашентала Маргарита. А этотъ адъютантшишко хвастается по всей столицѣ, что принцъ дѣлаеть все то, что онъ хочетъ, а государь будто дѣлаеть только то, что принцъ хочетъ.

— Стало быть, Фленсбургъ императоръ? визгливо и запальчиво вскрикивалъ онъ, налѣзая на дядю. Скажите, скажите! Стало быть, Фленсбургъ русскій императоръ?!

Это повторялось каждый разъ, какъ принцъ являлся. И, наконецъ, добродушный Жоржъ исчезъ и, сказавшись больнымъ, не выѣзжалъ никуда изъ дому, а только все совѣщался съ женой.

Но и тутъ государь не оставилъ его въ покоѣ. Однажды утромъ онъ прислалъ дядѣ сказать, что онъ никогда курляндскимъ герцогомъ не будетъ и что Россія будетъ поддерживать Саксонскаго принца. Объ герцогствѣ уже мѣсяць и рѣчи не было, но государю хотѣлось хоть заглазно чѣмъ-нибудь уязвить дядю. Въ другой разъ Петръ Ѳедоровичъ послалъ Гудовича потребовать у принца подробную генеалогію его жены, принцессы Амалин.

— Объясни ему, сказалъ государь, что я недавно сдѣлалъ ее кавалерственной дамой ордена Екатерины и не справился, имѣеть-ли она право на это, королевской-ли она крови. Можетъ быть, былъ какой-нибудь мессальянсъ....

На этотъ разъ Жоржъ не стерпѣлъ и оскорбился до того, что у него даже сдѣлалось маленькое разстройство желудка. Генеалогію жены принцъ не далъ, а положилъ звѣзду и ленту въ футляръ и отослалъ ее съ Гудовичемъ.

— Ну, что-жъ! И хорошее дѣло! разсердился Петръ Ѳедоровичъ.... На.... Мопсинька! Возьми себѣ.

И онъ положилъ футляръ на подушку любимой собаки.

Барону Гольцу всякій разъ при свиданіи государь принимался доказывать, что трактатъ, заключенный съ Пруссіей, безобразный и обидный для Россіи, что онъ пошелъ на него только изъ любви къ Фридриху, но при этомъ отчасти продалъ интересы Россіи и раскаивается, и что скоро придется поневолѣ опять переписать трактатъ. Гольцъ, ожидавшій всего, все-таки не ожидалъ подобныхъ бесѣдъ черезъ два или три дня послѣ празднованія мира.

Петръ Ѳедоровичъ при этомъ ссылался на всѣхъ пословъ, на городскіе слухи и на мнѣнія первыхъ лицъ государства. И на этотъ разъ онъ былъ совершенно правъ, говоря, что мирный трактатъ во всемъ полезенъ Пруссіи и вреденъ Россіи. Въ этомъ онъ могъ сослаться на всѣхъ первыхъ сановниковъ, начиная съ Разумовскихъ и кончая канцлеромъ Воронцовымъ.

Гольцъ отмалчивался на все, разводилъ руками, пожималъ плечами, ёжился и кривлялся, какъ обезьяна, и, конечно, не могъ

ничего сказать. Да и нечего было сказать! Дома онъ только изумлялся и искалъ мысленно того человѣка, подъ чьимъ вліяніемъ, по его мнѣнію, находится теперь государь. Скоро и онъ пересталъ бывать во дворцѣ.

Наконецъ, съ Воронцовой произошла самая бурная сцена. Государь сталъ упрекать ее въ томъ, что она постоянно клевететь и обносить государыню. Тогда какъ государыня тихо, мирно и безобидно живетъ въ своей половинѣ, Воронцова постоянно видитъ во всѣхъ ея дѣйствіяхъ только умыселъ и дурное намѣреніе. Кромѣ того, онъ сталъ упрекать Елизавету Романовну въ непомѣрной ревности ко всякому хорошенькому личику, ко всякой женщинѣ, съ которой онъ скажетъ два слова во дворцѣ или гдѣ либо на вечерѣ. На этотъ разъ онъ припомнилъ ея поведеніе въ маскарадѣ Гольца, какъ два или три раза подходила она къ нему во время бесѣды съ «ночью» и какъ, наконецъ, чуть не насильственно заставила его покинуть маску и подать ей руку.

— И что взяла? Ничего! восклицалъ государь. Мы съ ней теперь первые пріятели. Понимаешь? И она почище тебя, попадьи.

Воронцова знала лучше всѣхъ про эти болѣзненные припадки государя, и знала, что это длится иногда недѣлю, но никогда не болѣе, и Елизавета Романовна засѣла у себя дома съ пастилой въ ожиданіи переменъ погоды.

— Это все отъ цыганки! думала она. Да пройдетъ, небось....

За это время государь заглазно старался тоже уязвить и еѣ. Въ тотъ день, когда Гудовичъ ѣздилъ къ принцу и привезъ Екатерининскую звѣзду вмѣсто генеалогіи, Петръ Федоровичъ тотчасъ же послалъ его къ Воронцовой.

— Ступай, скажи этой толсторожей дурѣ, что въ Петербургѣ ходятъ слухи, будто я на ней хочу жениться, сдѣлать ее императрицей. Стали это говорить потому, что я ей далъ звѣзду, которую могутъ носить только принцессы крови. Поэтому скажи ей, что если этотъ слухъ будетъ все ходить по городу, то я отниму звѣзду и прикажу ей поѣхать попутешествовать по Россіи или за границу.

Гудовичъ сѣздилъ къ пріятельницѣ и засталъ ее, какъ всегда, въ полу-ночномъ туалетѣ. Если она была не въ салонѣ и не передъ печкой, потому что была уже теплынь на дворѣ, но въ какой-то полинялой куцавейкѣ совершенно неизвѣстнаго цвѣта. Когда онъ передалъ Елизаветѣ Романовнѣ слова государя, она

отмахнулась рукой, какъ если бы ее облѣпили мухи или если-бъ ей сказали самую старую, давно извѣстную вещь.

— Э! Гудочекъ! равнодушно произнесла она, не впервые нашло на него. Пройдетъ недѣлька и самъ прїѣдетъ прощенья просить.

— Да и я такъ-то думаю, Романовна, а все какъ-то страшно, ужъ не завелся-ли какой врагъ у насъ. По правдѣ сказать, боюсь я малую толику этой цыганки поганой, Маргаритки. Сдается мнѣ, что государь съ ней черезъ край хватилъ. Ужъ больно хороша она. Да и Гольцъ сводить, бестія!

— Это другое дѣло, выговорила Воронцова, этого и я боюсь, но думаю, что провозится онъ съ ней и бросить! И опять ко мнѣ! Не разъ ужъ бывало, Гудочекъ. Вѣдь всѣ эти красавицы самоинительны, горды, умничать любятъ, а ему этого не надо. А я, онъ знаетъ, простота! Какъ ни надумаешь, что ни прикажетъ, я все дѣлаю. Такой другой не сыщеть!

Вотъ именно въ эти дни тоски и придирчивости, однажды около полудня, государь отправился на половину жены, вошелъ къ ней безъ доклада и, отчасти испугавъ государыню внезапнымъ появленіемъ, сѣлъ около нея и съ первыхъ же словъ сталъ просить прощеніе за обиду за столомъ при всей столицѣ.

Онъ сознался ей откровенно въ своемъ приказѣ въ ту ночь арестовать ее и сослался на дядю, Воронцову и Гудовича, которые постоянно клеветаютъ ему на нее.

Государыня, разумѣется, лучше чѣмъ кто либо знала, что случилось съ Петромъ Федоровичемъ и какой стихъ нашелъ на него. Она знала отлично, что не пройдетъ и недѣли, и снова онъ отдастъ приказъ арестовать ее, а, быть можетъ, когда-нибудь и даже скоро подобный приказъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Но этими днями надо было воспользоваться. Слишкомъ умна была эта женщина, чтобы не пользоваться всячески всѣмъ, что посылала ей судьба въ помощь.

Въ тотъ же день вечеромъ, по приглашенію государыни, Петръ Федоровичъ снова явился къ ней на чашку чая и нашелъ у нея обоихъ Разумовскихъ, Панина, Дашкову, старика Миниха и нѣкоторыхъ другихъ. Въ концѣ вечера государь заявилъ, что онъ давно уже не проводилъ время такъ прїятно съ такими умными людьми, а что всѣ его окружающіе и приближенные только и знаютъ, что пьянствуютъ, только и умѣютъ, что лгать и играть въ карты. Онъ попросилъ государыню на другой день снова

собрать всёхъ. Такимъ образомъ, дня четыре къ ряду бывали эти, по выраженію княгини Дашковой «нечаянные чайные вечера.»

Все, что говорилось на этихъ вечерахъ немногими лицами, было сохранено ими втайнѣ, а, между тѣмъ, здѣсь и возникла мысль, здѣсь воскресла мечта государя, здѣсь была брошена искра въ его душу, отъ которой потомъ загорѣлся цѣлый пожаръ.

Искусно, умно, тонко и льстиво напомнили государю о Шлезвигѣ, о давнишней враждѣ Голштинскаго дома съ Датскимъ. Почему государыня, Дашкова или братья Разумовскіе заговорили о Шлезвигѣ и Даніи, было ихъ общей тайной. Почему захотѣлось имъ начать воевать за маленькое герцогство, — они одни знали.

Минихъ же ораторствовалъ болѣе всёхъ по другой причинѣ, старику полководцу хотѣлось снова понюхать пороху и, какъ бывало прежде, заставить говорить о себѣ всю Европу. Онъ зналъ, что въ случаѣ войны онъ будетъ главнокомандующимъ.

Наконецъ, однажды почти не спавъ нѣсколько ночей отъ картинъ сраженій, побѣдъ и подвиговъ, которые тѣснились въ головѣ и смѣняли одна другую, одна другой кровавѣй, страшнѣй и славнѣй, государь пришелъ къ женѣ и объявилъ ей, что все рѣшено! Сдѣлавъ достаточно для внутренняго спокойствія и счастья Россіи, онъ можетъ, долженъ вспомнить теперь и о счастьи, правахъ Голштиніи, о своихъ обязанностяхъ уже не русскаго императора, а принца Голштинскаго.

На вопросъ его, чтобы жена высказала свое искреннее мнѣніе, государыня отвѣчала, что не сомнѣвается въ полномъ успѣхѣ, въ цѣломъ рядѣ блестящихъ побѣдъ. Но совѣтовать объявить войну она, конечно, не возьметъ на себя, враги ее не преминутъ сказать, что она умышленно совѣтуетъ пагубное для Россіи и императора дѣйствіе.

Однако, въ тотъ же день всё самые близкіе люди государю, и тѣ, которые бывали у него, и тѣ, которые рѣшились не показываться нѣсколько дней, всё узнали о новомъ окончательно рѣшенномъ предпріятіи, войнѣ съ Даніей.

Дни тоски, болѣзненной придирчивости къ друзьямъ, болѣзненнаго миролюбія по отношенію къ своимъ врагамъ прошли, но Шлезвигъ, Данія и война вѣско засѣли въ головѣ государя.

Два вечера ораторствовалъ появившійся Гольцъ въ кабинетѣ Петра Федоровича и, какъ умный человекъ, краснорѣчиво, убѣдительно

доказывалъ невозможность этой войны. Онъ доказывалъ, что навѣрное мысль эта подсказана государю его врагами, чтобъ удалить его изъ Петербурга и изъ Россіи, дабы за его отсутствіемъ произвести Богъ вѣсть что! Гольцъ привезъ даже два письма своего короля, въ которыхъ Фридрихъ говорилъ о томъ, что онъ готовъ помогать Петру въ дѣлѣ Шлезвига, но считаетъ всякую войну для русскаго императора, на первыхъ порахъ царствованія, пагубной и немислимой. Король совѣтовалъ прежде всего подумать о поѣздѣ въ Москву и коронаціи. Принцъ Жоржъ тоже появился, получилъ обратно женину звѣзду, былъ обласканъ, помирился съ племянникомъ и присоединился тотчасъ къ послу. Но ужъ чего Гольцъ не могъ сдѣлать, то Жоржу и подавно было не по силамъ. Всѣ они стали надѣяться, что грѣзы пройдутъ, какъ прошла его придирчивость, но всѣ ошиблись....

Мѣра за мѣрой, указъ за указомъ доказывали, что намѣреніе государя будетъ приведено въ исполненіе и даже очень скоро, очень энергично и во что бы то ни стало!

Курьеръ государя, тайно отъ всѣхъ, даже тайно отъ канцлера имперіи поскакалъ въ Германію, въ мѣсто расположенія корпуса русскіхъ войскъ подъ командой Румянцева, и повезъ никому неизвѣстную депешу.

А, между тѣмъ, государь крайне любезно обращался съ Датскимъ посланникомъ Гаке-Гакстаузенемъ, и Датскій дворъ не подозрѣвалъ о той грозѣ, которая надвигается на страну со стороны Россіи.

XI.

Еще полнаго мѣсяца не прошло послѣ перваго свиданія «Ночи» и юноши въ уборной дома Гольца, а безумный пылъ страсти у своенравной кокетки прошелъ! Быть можетъ, влюбленный юноша былъ дѣйствительно невыносимо ревнивъ, но Маргарита уже искренно начала раскаяваться въ томъ роковомъ шагѣ, который связалъ ее существованіе съ этимъ «львенкомъ», какъ она его называла.

Вдобавокъ у влюбленнаго было особенное чутье. Къ Гольцу Шепелевъ не ревновалъ ее нисколько, хотя за послѣднее время посолъ и красавица видались ежедневно и постоянно о чемъ-то совѣщались и иногда очень долго. Но всѣмъ поѣздкамъ Маргариты во дворецъ юноша мѣшалъ, сколько могъ. Онъ зналъ, какъ и многіе въ Петербургѣ, что государь становится съ каждымъ

днемъ все равнодушіе къ замѣчательной красавицѣ. Воронцова уже, замѣтно для многихъ, отходила на второй планъ. А другъ ея, Гудовичъ, возненавидѣвшій графиню Скабронскую, и грубо обошедшійся съ ней, тоже начиналъ пользоваться меньшимъ благорасположеніемъ государя.

— Ты совсѣмъ мужикъ! замѣтилъ ему Петръ Федоровичъ. Съ женщинами обращаться не умѣешь! Но болѣе этого государь ничего объяснить не захотѣлъ.

Насколько когда-то баронъ Гольцъ былъ занятъ мирнымъ трактатомъ Россіи съ Пруссіей, настолько теперь онъ былъ поглощенъ другимъ дѣломъ, расположить государя къ умной и замѣчательно красивой женщинѣ, конечно, повиновавшейся ему слѣпо.

И чѣмъ болѣе былъ государь милъ и внимателенъ къ Маргаритѣ, тѣмъ болѣе становился невыносимымъ этотъ юноша, искренно, глубоко и чисто любившій ее первую любовью, и тѣмъ болѣе раскаявалась она въ своемъ недавнемъ легкомысленномъ поступкѣ. Иногда, хотя смутно, но у Маргариты уже стала являться мысль, какъ бы поскорѣе разойтись и отдѣлаться отъ львенка. Но это было, разумѣется, мудрено. Это былъ не Фленсбургъ. Во-первыхъ, потому, что онъ пользовался бѣльшими, чѣмъ тотъ, правами, а вдобавокъ и потому, что, какъ юноша, не остановился бы ни передъ чѣмъ. Если бы ему сказали, что онъ будетъ сосланъ въ Сибирь за малѣйшую огласку его отношеній къ графинѣ Маргаритѣ, то онъ ни минуты не поколебался бы! Все чаще, въ своихъ бесѣдахъ съ Маргаритой, онъ горячо доказывалъ ей, что сочтеть святымъ долгомъ убить всякаго, къ кому будетъ имѣть поводъ ревновать ее. Слова его дышали при этомъ такою искренностью, что Маргарита не могла не вѣрить, и ей становилось еще страшнѣе и, конечно, еще досаднѣе.

Наконецъ, къ затруднительному положенію присоединилось вдругъ нелѣпое и ужасное происшествіе. Такъ какъ Шепелевъ настоятельно требовалъ отъ Маргариты, чтобы она ежедневно бывала у него по вечерамъ, и это было сопряжено со всякаго рода затрудненіями, то Маргарита рѣшилась довѣрить свою тайну, помимо Лотхеня, еще другому полу-русскому лакею, исправлявшему должность швейцара.

И Шепелевъ сталъ появляться уже всякій день въ домъ Маргариты, скрываясь, какъ и прежде, въ большомъ платяномъ шкафу, поставленномъ въ гостиной съ куполомъ, вся-

бій разъ, когда кто либо изъ близкихъ знакомыхъ проникалъ дагѣ маленькой гостинной. Но вскорѣ, благодаря этому шкафу, юноша сталъ оставаться въ домѣ графини по два дня безвыходно, такъ какъ по вечерамъ они не могли бояться чьего либо визита, ночью, рано утромъ, и подавно.... И кто бы могъ подумать, что шкафъ превратился въ квартиру, куда спасался его жилецъ, при появленіи людей или гостей. Одна нѣмка знала все!... Каждый день Лотхенъ накрывала столъ, подавала обѣдъ или кофе, или ужинъ на два куверта, а затѣмъ утрумо и мрачно дѣлала реверансъ и уходила къ себѣ.

Лотхенъ давно перестала смѣяться, она ходила темнѣе ночи. Съ перваго же дня она была поражена открытіемъ, что барыня рѣшилась на такую невѣроятную глупость: влюбиться въ мальчишку. Съ перваго же дня Лотхенъ искренно возненавидѣла Шепелева, потому что онъ сдѣлался помѣхой всѣхъ ея плановъ на счетъ судьбы графини и ея собственной. Первое время она горячо спорила, упрекала и уговаривала друга—барыню, но, наконецъ, ей осталось только одно: молчать и ненавидѣть Шепелева отъ души.

— Авось этотъ капризъ пройдетъ, мечтала она. Вѣдь этотъ еще хуже Фленсбурга. Тотъ хоть вліятельное лицо у принца, а этотъ просто щенокъ, красавецъ, правда, но, *lieber Gott*, такихъ въ столицѣ можно найти нѣсколько дюжинъ.

Внезапное событіе въ домѣ все перевернуло...

Однажды поздно ночью, когда влюбленные только-что окончили ужинъ и молчали, такъ какъ давно все было уже переговорено, все было старо, глупо, скучно.... кто-то быстрыми шагами прошелъ черезъ маленькую гостинную. Довольно рѣзко попробовавъ дверь, и, найдя ее запертой, смѣлая рука стала стучать.

Маргарита смутилась, догадавшись, что это не Лотхенъ и, совершенно не понимая, кто среди ночи, предполагая, что она давно спитъ, смѣетъ такъ стучать. Вдругъ за дверью раздался голосъ камердинера, француза Эдуарда, который громко кричалъ:

— *Madame! Madame! Ouvrez-moi!*...

Шепелёвъ моментально скрылся въ большой шкафъ, но при этомъ отъ смущенія и неожиданности забылъ на стулѣ снятый мундиръ.

Маргарита отворила. На порогъ появился Эдуардъ, нѣсколько взволнованный, блѣдный и выговорилъ:

— Monsieur le comte n'est plus! Онъ скончался.

Маргарита перемянулась въ лицѣ и стояла, не шевелясь, пораженная извѣстіемъ. Полтора года ожидала она смерти мужа и все-таки была теперь поражена. Она окаменѣла на мѣстѣ, тяжело переводя дыханіе.

Эдуардъ въ то же время обвелъ глазами всю комнату и, не смотря на свое душевное состояніе, поневолѣ замѣтилъ и забытый мундиръ преображенца, и главное, два куверта на столѣ. Онъ вдругъ злобно усмѣхнулся и выговорилъ:

— Ma foi! C'est beau! Un défunt par là, un amant par ici!..

Маргарита настолько была поражена извѣстіемъ и смущена замѣчаніемъ Эдуарда, что не нашлась даже отвѣчать. Вѣрный лакей снова усмѣхнулся грустно, пожалъ плечами и пошелъ наверхъ.

Шепелевъ, догадавшись, что свидѣтеля уже нѣтъ, вышелъ и нашелъ Маргариту среди комнаты молчаливую и встревоженную.

— Что такое? спросилъ онъ. Что онъ говорилъ?

— Мужъ умеръ! тихо произнесла Маргарита.

Шепелевъ ахнулъ, но черезъ секунду взялъ ее за руку и выговорилъ:

— Ну, такъ что-жь? Богъ съ нимъ! Царство небесное! Намъ же лучше!..

Маргарита все молчала и не подымала глазъ. Юноша потянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лицо. Она сразу пришла въ себя и легко вскрикнула:

— Что ты! Теперь! Въ эту минуту!

И, быстро окинувъ глазами комнату, она прибавила тихо:

— Даже страшно! Да, да! Ей-Богу, страшно! Послушай....

И послѣ минутнаго колебанія Маргарита прибавила:

— Мнѣ страшно!

— Чего? изумился Шепелевъ.

— Мнѣ страшно! полу-безсмысленно, но съ дѣтской интонаціей въ голосѣ повторяла Маргарита.

Шепелевъ сталъ спрашивать ее, но она сѣла на диванъ, задумалась глубоко, не слушала его и не отвѣчала.

Мысли Маргариты улетѣли далеко. Она невольно вернулась мысленно въ свое прошлое, въ тѣ дни, когда молодой красивый бояринъ безъ ума влюбился въ нее въ Барлсбадѣ и, наконецъ, не смотря ни на что, далъ ей свое имя, далъ состоя-

ніе и изъ положенія мѣщанки и вдобавокъ авантюристки, поставилъ ее въ возможность сдѣлаться первой придворной дамой русскаго императора.

Когда онъ былъ живъ и желтый, худой лежалъ въ маленькой душной комнатѣ съ затхлымъ, аптечнымъ воздухомъ, онъ былъ для нея тяжелой ношей и ей было его не жаль. Когда онъ, давно тому назадъ, сталъ упрекать ее во многомъ, за что имѣлъ право упрекать, она выслушала его холодно, улыбнулась презрительно и насмѣшливо и, спустившись къ себѣ внизъ, говорила въ первый разъ:

— Какъ это скучно! Когда же онъ умретъ!?

Съ этого дня она перестала ходить къ мужу и болѣе его не видала.

Она не сказала себѣ, что болѣе не пойдетъ! это вышло какъ-то само собой! Каждый день откладывала она свой визитъ къ больному, и день за день, недѣля за недѣлей, прошло страшно много времени! Вспомнишь теперь, — кажется невѣроятнымъ! Почти не вѣрится! Изъ дня въ день, прошло полгода, что она не была на верху. Какъ это случилось, Маргарита сама теперь не понимала.

Часто думала она, представляла себѣ, какъ и когда узнаетъ, наконецъ, о смерти мужа. Какъ-нибудь днемъ прибѣжитъ Лотхенъ или пріѣдетъ она изъ гостей и ей объявятъ объ этомъ. На всѣ лады представляло ей воображеніе, какъ получить она это извѣстіе, и ей каждый разъ казалось, что кромѣ радости ничего это извѣстіе въ ней не разбудитъ. Теперь оказалось совершенно иначе.

Ночью, послѣ ужина, въ присутствіи любовника, запрятаннаго въ шкафу, отчасти наскучившаго, она узнала про это, давно ожидаемое событіе! И ей стало не весело, но и не тяжело, не грустно, а только страшно! И все болѣе и болѣе страшно! Ей, суевѣрной женщинѣ чудится, что вотъ сейчасъ явится онъ передъ ней, ужасный, карающій! Онъ теперь уже въ новомъ мірѣ тайномъ, темномъ, таинственномъ! Когда онъ лежалъ въ постель почти безъ движенія, въ послѣднемъ градусѣ страшной болѣзни, онъ не могъ прійти къ ней! Теперь же онъ можетъ!.. Но иначе.... Хуже!..

Между тѣмъ, Шепелевъ догадался, что надо скорѣй собираться домой и уже одѣтый, при шпагѣ, со шляпой въ рукахъ,

подошелъ къ Маргаритѣ и сталъ говорить ей. Но она такъ глубоко задумалась, что пришлось ее взять за плечо.

— Маргарита, прійди въ себя, мнѣ надо скорѣе уходить!

Она подняла на него задумчивые глаза и, очевидно, не принимала словъ. Три раза повторялъ онъ ей то же самое.

— Что?! Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что!! вдругъ воскликнула Маргарита и схватилась за него изъ всѣхъ силъ. Нѣтъ, нѣтъ, не пушу! Оставайся здѣсь. Я... Я боюсь!... Я боюсь....

— Господь съ тобой! Что ты?! Какъ не стыдно... изумился юноша.

Но, не смотря на всѣ увѣренія Шепелева, что ему невозможно оставаться, что на зарѣ подымется въ домѣ сумятица и весь день будутъ появляться знакомые, Маргарита не слушала и повторяла:

— Ни за что! Я боюсь!

Когда онъ, освободясь на мгновеніе, двинулся къ дверямъ, она кинулась за нимъ и страшно закричала... Съ нервной, невѣроятной въ ней силой, оттащивъ его отъ дверей, она бросилась снова къ двери и заперла ее на ключъ, также быстро и ловко, какъ когда-то, будучи «Ночью», сдѣлала это въ маскарадѣ прусскаго посла.

— Что ты дѣлаешь! съ отчаяніемъ воскликнулъ Шепелевъ и невольно вспомнилъ уборную дома Гольца.... Выпусти меня! Но она не слушала и только повторяла!

— Я не могу одна остаться, я боюсь! Ты будешь здѣсь теперь на долго, на недѣлю, на двѣ, все равно....

ХII.

Все, что предвидѣлъ Шепелевъ, то и случилось. Чуть свѣтъ началась въ домѣ полная сумятица. Люди постоянно вызывали барыню для разныхъ распоряженій и, наконецъ, безъ ея вѣдома, по приказанію Эдуарда, дали ранехонько знать Франну Іоанновичу о смерти внука.

Когда прошло часа три, послѣ перваго мгновенія страха и трепета, Маргарита сидѣла въ своей временной спальнѣ, нѣсколько успокоившись. Она даже согласилась отпустить Шепелева до ночи, выбравъ удобную для этого минуту, чтобы его не видалъ разный чужой людъ, шнырявшій на подъѣздъ и по передней. Но въ эту минуту въ дверь ее постучался кто-то и поз-

валъ ее.... Маргарита обмерла, узнавъ голосъ дѣда! И во второй разъ перепугалась и смутилась она, точно такъ же, какъ отъ извѣстiя, принесеннаго ночью Эдуардомъ.

— Ну, вотъ и поздравляю! отчаянно прошепталъ Шепелевъ, узнавъ тоже голосъ старика. Приходилось скорѣе прятаться въ шкафъ. Злобный, взбѣшенный влѣзъ онъ туда....

Маргарита поневолѣ тотчасъ отворила дверь и впустила старика-дѣда.

Иоаннъ Иоанновичъ былъ бодръ, веселъ и румянь, все лицо его улыбалось.

— Ну, что жъ! Поздравляю, красавица! Теперь совсѣмъ оwdѣла, лучше чѣмъ на половину-то вдовой быть.

Но старикъ вдругъ смолкъ, и лицо его вытянулось отъ удивленiя. Онъ ожидалъ встрѣтить такую же веселую женщину, какъ и онъ самъ былъ веселъ и доволенъ, а вмѣсто этого нашелъ теперь блѣдную, встревоженную и смущенную женщину.

Помолчавъ немного, онъ выговорилъ:

— Охъ, бабы-то, глупы! На бабу и самъ Господь не потрафитъ! Ей-Богу! Что же теперь плакать что-ли учнешь, убиваться, причитать, да завывать.... Ахъ, прихотницы вы! Самъ чортъ васъ не разберетъ, чего вы хотите. Старикъ махнулъ рукой на внучку и, помолчавъ, прибавилъ.

— Ну, пойду на верхъ, погляжу на «пути-фица». Не долго онъ по свѣту нашпацировалъ, какъ нѣмцы сказываютъ. Всего кажись двадцать шесть годиковъ шпацирь-то продолжался.

Иоаннъ Иоанновичъ двинулся было къ дверямъ, но обернулся и прибавилъ, будто въ укоръ Маргаритѣ.

— Вотъ, ка-бы я тогда въ ѣстранже не пустилъ его, такъ поди-ка теперь бы живъ еще былъ.

Маргарита не слушала и выжидала; въ ту минуту, когда Иоаннъ Иоанновичъ былъ въ передней, она бѣгомъ бросилась къ шкафу, что бы быть наготовѣ и успѣть, когда дѣдъ подыметъ на верхъ, мгновенно выпустить Шепелева. Но вдругъ на лѣстницѣ дома раздались тяжелые шаги и возня нѣсколькихъ человѣкъ. Эти звуки Маргаритѣ напомнили что-то знакомое. Точь въ точь такой же шумъ раздавался въ домѣ, когда ее большую голубую кровать спускали сюда съ верху. Она недоумѣвала и, робѣя, вернулась къ дверямъ. Сначала она глядѣла, ничего не понимая, но вдругъ ахнула! Устремивъ глаза черезъ анфиладу комнатъ, черезъ всѣ отворенныя настежь двери, она увидѣла дѣда, кото-

рый стоялъ, передъ лѣстницей, потомъ попятился и, глядя на верхъ, перекрестился!

Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ Іоаннъ Іоанновичъ, воротился назадъ, а вслѣдъ за нимъ нѣсколько человѣкъ тащили что-то въ бѣлой простынѣ.

Маргарита вскрикнула и отскочила отъ дверей къ окну. Въ этомъ крикѣ сказалось многое. Много различныхъ чувствъ шевельнулось въ ней. Но боязнь близости этого мертвеца была заглушена боязнью за невѣроятное стеченіе обстоятельствъ; она испугалась срама, позора и такой огласки, которая погубить все. Всѣя надежды и мечты разлетятся въ прахъ! Маргаритѣ и на умъ не приходило, что кто-то помимо ея воли распоряжается въ домѣ. Въ ея смущеніи ей казалось, что ее губить невидимая рука, рука карающаго провидѣнія или мстящая рука усопшаго.

Но черезъ нѣсколько секундъ она могла догадаться, наконецъ, кто распорядился всѣмъ и поставилъ ее въ невозможное положеніе. Въ комнату вошелъ Эдуардъ съ той же демонской улыбкой на лицѣ и выговорилъ графинѣ:

— Такъ какъ эта комната самая большая и самая приличная, то надобно покойника положить здѣсь, на постели, куда мы не устроимъ столъ, а за тѣмъ мы постель вынесемъ. Появившійся за Эдуардомъ Іоаннъ Іоанновичъ понялъ въ чемъ дѣло и подтвердилъ то же.

— Разумѣется! Народъ будетъ. Толчея будетъ. Здороваго всѣ забыли, а теперь всѣ эти шатуны къ мертвому такъ и полѣзутъ, какъ мухи на медъ. Случая пошататься нельзя упустить! Да! Такъ! Такъ! Французъ! Же ву при! Молодецъ! Комса! Комса! И въ этой даже комнатѣ на силу умѣстятся всѣ шатуны.

Маргарита, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, потерялась совершенно. Она стояла у окна, опершись рукой на подоконникъ, чувствуя, что ноги ея подкашиваются, и не могла выговорить ни слова. Она понимала, что это Эдуардъ, вѣрный слуга, мститъ ей за любимаго барина, но дѣлать было нечего... Она была безоружна.

И черезъ часъ въ этой красивой комнатѣ съ куполомъ и великолѣпной мебелью, на большомъ устроенномъ столѣ, уже лежалъ покойникъ, устанавливались подсвѣчники и свѣчи, а большая кровать была уже разобрана и вынесена; всѣ лишнія вещи, туалетъ ея, мелочи разныя... Все было убрано... А шкафъ

остался! Люди взялись было и за него.... Дѣдъ приказалъ. Но Эдуардъ остановилъ людей и упорно настоялъ оставить шкафъ!... Этотъ Эдуардъ распоряжался всѣмъ такъ хладнокровно, спокойно, но твердо и самоувѣренно, что никто и не вздумалъ ему прекословить. Приказавъ не трогать шкафъ, Эдуардъ только взявъ три кресла и приставилъ ихъ къ дверцамъ, а ключъ вынулъ и положилъ въ карманъ. При этомъ движеніи лакея, Маргарита отъ злобы сразу пришла въ себя. Она сѣла у окна, отвѣчала дѣду сдержанно и холодно на всякіе его разспросы и слѣдила за разными незнакомыми людьми, которые хлопотали вокругъ покойника. Она глядѣла, какъ дьячокъ пристраивался съ аналоемъ, глядѣла, какъ толстый мѣщанинъ съ черной бородой протягивалъ вдоль лежащаго на столѣ какую-то веревочку и завязывалъ узелки, но однако не догадалась, что это былъ гробовщикъ, снимавшій мѣрку. Только объ одномъ думала Маргарита: какъ освободить любовника и спастись отъ позора?

— Вотъ наказаніе! повторилось у ней гдѣ-то на сердцѣ безъ конца. Огласка! И притомъ самая страшная, самая невѣроятная! Когда будутъ объ этомъ говорить, то никто вѣрить не будетъ. Все это случилось само собой. И какъ просто случилось! Да, это онъ мститъ мнѣ чрезъ Эдуарда. Въ комнату вошли два священника и поклонились ей. Маргарита съ ужасомъ оглядѣла ихъ, соображая, что теперь, въ комнатѣ до ночи не будетъ ни минуты свободной, чтобы безъ свидѣтелей освободить офицера. Какъ пережить этотъ день? Дожить до ночи? Хлопотавшая любимица, вошла, наконецъ, къ барынѣ и опустила передъ ней на колѣни. Лотхень, видя графиню въ смущеніи, молча начала руками гладить по ея лежащей рукѣ.

— Что же вы, liebe gräfin, выговорила она, наконецъ, Богъ съ нимъ! Мы давно ожидали. Вы теперь свободны.

— Да, Лотхень. Но онъ здѣсь! шепнула Маргарита.

— Кто? не поняла Лотхень.

— Онъ здѣсь, Шепелевъ.

Лотхень разинула ротъ, раскрыла широко глаза, поняла, но думала, что не понимаетъ.

— Онъ здѣсь! шептала Маргарита — не успѣлъ уйти. Въ шкафу. Пойми, что изъ этого будетъ!

Лотхень вскрикнула такъ же, какъ нѣсколько часовъ назадъ, при извѣстіи Эдуарда о смерти графа. Она подумала мгновеніе, встала и вышла.

Между тѣмъ, мысли юноши въ шкафу душномъ и темномъ были совершенно противоположны мыслямъ Маргариты. Шепелеву казалось его приключеніе настолько невѣроятнымъ, что онъ готовъ былъ смѣяться, если бы не боялся, что его смѣхъ услышать. По шуму шаговъ, звуку голосовъ, по нѣсколькимъ отдѣльнымъ фразамъ, которыя онъ поймалъ на лету, онъ догадался, что произошло въ этой комнатѣ, гдѣ нѣсколько часовъ назадъ, они спокойно бесѣдовали за ужиномъ. Впрочемъ Шепелевъ былъ убѣжденъ, что Маргарита съумѣетъ его освободить, а съ другой стороны, если бы даже и случился скандалъ, то это не пугало юношу.

Черезъ нѣсколько минутъ Лотхенъ прибѣжала къ графинѣ, вызвала ее въ другую горницу и объявила: Эдуардъ прямо грозитъ вывести офицера изъ шкафа въ ту минуту, когда съѣдутся всѣ гости. Маргарита едва устояла на ногахъ.

— Позови его! воскликнула она черезъ нѣсколько минутъ. Позови его!

Маргарита съела и закрыла лицо руками. Надо было унизиться передъ лакеемъ.

Французъ явился, догадываясь, зачѣмъ графиня вызываетъ его. Она ожидала увидѣть нахальное лицо и ошиблась.

— Эдуардъ! произнесла Маргарита спокойно, — вы, вѣроятно, хотите денегъ. Вы хотите, чтобы я выкупала у васъ мою честь? Я согласна. Сколько хотите вы, чтобы все устроить?

— *Bien, madame la comtesse! Rien!* спокойно отвѣчалъ Эдуардъ.

— Однако, чего же вы хотите? Я не понимаю, что вамъ нужно? Я вамъ повторяю, я не обману васъ, сдѣлайте все, устройте и берите, что хотите.

— Я ничего не хочу! былъ снова отвѣтъ Эдуарда.

— Что же вамъ нужно? За что жъ вы меня губите?

Эдуардъ помолчалъ немножко, лицо его изъ суроваго стало грустное, и онъ выговорилъ тихо:

— *Je veux venger mon bienfaiteur!* Отомстить за единственнаго человѣка, котораго любилъ, какъ отца роднаго! Французъ говорилъ такъ спокойно, что чувствовалось по неволѣ, что вся его затѣя давно и окончательно рѣшена и ничто на него не подѣйствуетъ.

— Я васъ велю сейчасъ же выгнать изъ дому! вспыхнула Маргарита, поднимаясь съ своего мѣста. Вы забываете, что вы лакей!

— Напрасно начинать исторію. Я тотчасъ же выведу l'amant de madame la comtesse! холодно отвѣчалъ Эдуардъ. И все равно будетъ то же, тотъ же скандалъ.

Маргарита сообразила, что надо рѣшиться скорѣй. Она бы не повѣрила, но лицо его, взглядъ его, были еще краснорѣчивѣе. Когда онъ говорилъ, что выведетъ l'amant de madame, то по лицу его можно было видѣть, что онъ это сдѣлаетъ.

— Вѣдь сейчасъ начнутъ съѣзжаться! вдругъ подумала Маргарита! И какъ-то взмахнувъ руками, будто рѣшаясь броситься въ пропасть съ какого-нибудь обрыва, она кинулась снова въ гостиную, гдѣ былъ покойникъ. Подбѣжавъ къ Іоанну Іоанновичу, она порывисто, нервно, едва переводя дыханіе, потащила его за собой въ маленькую гостиную.

— Дѣдушка! воскликнула она. Помогите! Послѣ все скажу. Помогите! Я пропала!

— Что ты? Что? растерялся и отчасти перепугался Іоаннъ Іоанновичъ, думая по лицу внучки, что она сошла съ ума или тоже вдругъ смертельно заболѣла и умираетъ.

— Здѣсь въ шкафу, — указала Маргарита рукой на гостиную, и рука ея страшно дрожала. Тамъ офицеръ! Офицеръ! Помогите! Тотъ, вы знаете.... Шепелевъ. Помогите!

Старикъ разинулъ ротъ, и такъ растопырилъ руками, что выронилъ свою табакерку на полъ.

— Какъ? Что? пролепеталъ Іоаннъ Іоанновичъ и, поднявъ табакерку, застылъ, олицетворяя собой вопросъ.

— Въ шкафу спрятанъ былъ.... Спасите меня! Офицеръ! Надо.... Надо....

Іоаннъ Іоанновичъ, наконецъ, понялъ, сообразилъ, все взвѣсилъ и, вдругъ разведя руками еще болѣе, поклонился внучкѣ въ поясъ.

— Спасибо, внучка! Разодолжила. Ай, да.... Ай, да.... Ай, да финтъ!

— Ахъ, дѣдушка! Помогите! Вы понимаете, что будетъ! Я послѣ все объясню.

— Чего жъ тутъ объяснять! Само собой понятно! Вчерась заночевалъ, да на похороны безъ приглашенія и попалъ.... Ну, финтъ, цыганочка, не ожидалъ. Да этакого на моей памяти не бывало, а мнѣ семь десятковъ. На столъ покойникъ, а въ шкафу-то любовникъ! Ну будетъ Питеръ еще сто лѣтъ стоять — и до того финта не достоинся!

— Дѣдушка! уже съ отчаяньемъ воскликнула Маргарита. Хотите-ли вы мнѣ помочь? Сейчасъ съѣдутся, Эдуардъ грозитъ выпустить его при всѣхъ, нарочно....

— Ну, это онъ вретъ! вдругъ разсердился старикъ. Я его лакея... убью. Но, вотъ что, внучка, радъ бы я, но сама посуди, вѣдь сдѣлать-то ничего нельзя. Только и можно, что попросимши у батюшекъ извиненія, выпустить его при нихъ. Лучше при нихъ, чѣмъ передъ всѣмъ Питеромъ позорище устраивать, совсѣмъ скоморошество выйдетъ.

Между тѣмъ, Маргарита давно опустила на ближайшее кресло, опустила голову на руки и не отвѣчала ничего.

Іоаннъ Іоанновичъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ-то семянилъ ногами, потомъ вдругъ будто разсердился на себя и быстро пошелъ въ гостиную, гдѣ былъ покойникъ.

— Вотъ онъ шкапище-то! Какъ въ немъ не прятать! Домъ цѣлый! Въ немъ жить можно! подумалъ онъ, останавливаясь. Фу! Создатель! Вотъ финтъ, такъ финтъ!

Между тѣмъ, священники, дьяконы, дьячки и еще два какіе-то причетника уже распорядились въ гостиной, какъ если бы они наняли теперь этотъ домъ и эти горницы для себя. Въ каждомъ движеніи каждаго изъ нихъ чувствовалась хозяйская самоуверенность.

Іоаннъ Іоанновичъ вдругъ усмѣхнулся, обернулся къ нимъ и вымолвилъ, почесывая за ухомъ.

— Иереи честные, окажите мнѣ старому слугѣ царскому и російскому столбовому дворянину великое одолженіе! Произойдетъ сейчасъ въ сей горницѣ удивительное и даже грѣховное происшествіе. Общайтесь мнѣ не выносить сора изъ избы. Хотя соръ этотъ воистину такой, какаго вамъ и видѣть въ жизнь не удавалось. Оттого-то и прошу я васъ сохранить все въ тайнѣ.

Всѣ духовные, конечно, ни слова не поняли, но, однако, еще нѣсколькими словами Іоаннъ Іоанновичъ имъ объяснилъ дѣло. Внучекъ его пьетъ сильно. Съ вечера пьяный остался у сестры, графини. Вдругъ событіе, покойникъ! Его спрятали въ шкафъ. Теперь авось проспался. Ну, и надо выпустить.

И затѣмъ Іоаннъ Іоанновичъ, чувствуя, что никто ни слову не повѣрилъ, а только изумлены, самъ тоже невольно усмѣхаясь, пошелъ къ шкафу, отодвинулъ кресла, отворилъ дверь и выговорилъ:

— Ну, ты, пьяница! проспался? Вылѣзай на свѣтъ! Авось теперь пить бросишь послѣ такого грѣха. Только сестру срамишь, да и меня... Ну, ну, вылѣзай, говорятъ! Кабѣя тутъ прятки? На панихидѣ?!

И при изумленной публикѣ человѣкъ въ восемь, изъ-за двухъ яркихъ эlegantныхъ юбокъ, висѣвшихъ въ шкафу, появилась фигура красиваго, но совершенно пунцоваго юноши.

— Эхъ! пьяница-то! При шпагѣ и при шляпѣ! Тотчасъ сообразилъ старикъ.

Юноша не помня себя прошелъ между духовенства. Конечно, во всю свою жизнь онъ болѣе смущенъ не бывалъ. Пройдя мимо Маргариты, онъ даже не замѣтилъ ея въ углу горницы.

— Грѣховно! Замѣтилъ только ему вслѣдъ одинъ изъ священниковъ, разглаживая бороду.

Іоаннъ Іоанновичъ, покачивая головой, проводилъ юношу до самой передней. И какъ ему хотѣлось треснуть его сзади тростью по спинѣ. Потомъ вызвавъ Эдуарда, онъ погрозился поступить съ нимъ посвойски, просто отодрать на конюшнѣ за малѣйшее слово. Затѣмъ старикъ вернулся къ Маргаритѣ, все еще сидѣвшей на томъ же креслѣ, и, опять почесывая за ухомъ, сѣлъ около нея. Она видѣла Шепелева, прошедшаго мимо, но еще не успокоилась вполнѣ....

— Это не останется въ тайнѣ! думала она. Они всѣ всюду расскажутъ. Вотъ я и погибла! А я не хуже другихъ. Такое-ли бываетъ въ этой столицѣ!? Только не при такой обстановкѣ! А между тѣмъ, какъ это просто вышло!

— Ну, внучка... Вдовушка моя! заговорилъ ласково Іоаннъ Іоанновичъ. Вѣдь я мыслилъ, ты воструха баба. А вѣдь ты, прости меня, ты дура! Къ любовникамъ ходятъ, а къ себѣ не водятъ. Такъ на свѣтѣ заведено, и не намъ мудрить и свѣтъ учить.

ХІІІ.

Среди дня домъ графини Скабронской переполнился народомъ. Іоаннъ Іоанновичъ былъ правъ, говоря, что всѣ тѣ, которые живаго графа забыли, къ мертвому тотчасъ поѣхали. Впрочемъ, была еще и другая причина большаго стеченія публики. Петербургъ началъ чують въ овдовѣвшей иноземной красавицѣ — нарождающуюся силу!

— Чѣмъ чертъ не шутить! думали сановники. И чего только Питеръ не видалъ за все время отъ Петра Перваго до Петра Третьяго! Кто была Екатерина Алексѣевна, русская императрица? Была Марта! А тутъ Маргарита! Даже прозвища сходны. На другой день, Государь, узнавъ о смерти графа, вновь пожалованнаго придворнымъ званіемъ, заѣхалъ на панихиду, любезно и много шутилъ со вдовой, долго оставался въ домѣ, и, уѣзжая, сказалъ:

— Если бы не смотрѣ у Котцау, остался бы утѣшить васъ до вечера!

И послѣ визита государя, уже началась полная ярмарка. Кто былъ почти незнакомъ съ Маргаритой, и тотъ пріѣхалъ потолкаться и ей поклониться.

Государь, дѣйствительно, въ этотъ день долженъ былъ снова быть на испытаніи новой партіи учениковъ Котцау. Первое испытаніе показалось Петру Федоровичу настолько забавнымъ, что онъ съ тѣхъ поръ не пропускалъ ни одного.

На этотъ разъ, на открытомъ плацу близъ Адмиралтейства, благодаря великолѣпной погодѣ, собралась вокругъ офицеровъ куча народу и зѣвагъ, поглазѣть на «нѣмецкую драку», т. е. на фехтованіе. Снова воснослѣдовало здѣсь то же самое, что было когда-то въ кирасирскомъ манежѣ. Снова Государь смѣялся, сердился, хвалилъ или бранилъ по-очереди многихъ изъ состязавшихся съ Котцау, съ его помощниками и затѣмъ между собой.

Но на этотъ разъ Государь уѣхалъ особенно довольный, такъ какъ случилось неожиданное нѣгѣмъ, неожиданное даже самимъ Котцау, происшествіе.

Въ числѣ послѣднихъ поединщиковъ выступилъ изъ рядовъ пожилыхъ офицеровъ преображенецъ, старый лейбъ-компанецъ Квасовъ и попросилъ позволенія у Государя показать и свои успѣхи.

— А! вспомнилъ Государь. Ты опять хочешь наболванить! Опять тебя Котцау высѣчетъ! А ты думаешь ему по головѣ попадешь! Небось во второй разъ не дастся. Брось! Уходи!

Квасовъ стоялъ на своемъ; спокойно, но настойчиво просилъ позволенія показать свое умѣнье, такъ какъ за все послѣднее время усердно занимался фехтованіемъ.

— Изволь, упрямая голова! Начинай! крикнулъ государь. Котцау назначилъ состязаться съ Квасовымъ офицера Будберга,

такъ какъ онъ фехтоваль довольно порядочно. Однако, едва успѣлъ онъ скрестить шпагу съ Квасовымъ, какъ лейбъ-компанецъ послѣ двухъ или трехъ пасъ, вышибъ шпагу изъ рукъ противника и, обратясь къ государю, вымолвилъ:

— Ваше величество, прикажите съ кѣмъ-нибудь потягаться, кто поискуснѣе. Этотъ совѣтъ ступить не умѣеть.

Государь, обрадованный, хотя нѣсколько удивленный, воскликнулъ весело:

— Чего же лучше! пускай самъ Котцау встанетъ. И государь лукаво разсмѣялся, увѣренный, что поймалъ лейбъ-компанца, хвастливаго не въ мѣру.

Котцау сталъ отказываться, объясняя, что опять этотъ поединокъ между ними окончится тѣмъ, что лейбъ-компанецъ разозлится и забудетъ, что здѣсь смотрь, а не настоящая драка или война.

И Котцау, не дожидаясь отвѣта государя, приказалъ своему помощнику Шмиту выдти потягаться съ Квасовымъ.

Акимъ Авимовичъ съ особенно серьезнымъ лицомъ, спокойный, отчасти даже важный, если не торжественный, всталъ на мѣсто противъ нѣмца. Шпаги скрестили.

Не прошло пяти минутъ, какъ Шмитъ началъ волноваться, бѣситься. Ему еще ни разу не удалось тронуть лейбъ-компанца. Онъ думалъ, что ихъ поединокъ будетъ потѣхой для всѣхъ, что онъ черезъ секунду осрамитъ Квасова, а вдругъ оказывается, что лейбъ-компанецъ искусно парируетъ каждый ударъ. И по цѣлымъ минутамъ стоятъ они другъ противъ друга не выпадая, по невозможности поймать противника въ распахъ. Только обѣ шпаги ярко блестятъ на солнцѣ и незамѣтно вздрагиваютъ.

Но вдругъ Квасовъ вскрикнулъ на весь плацъ:

— Держись, поросенокъ, убью!

И тотчасъ же три удара самыхъ ловкихъ и сильныхъ упали на нѣмца, ударъ по колѣну, по плечу, и послѣдній прямо въ грудь съ такой силой, что шпага согнулась въ дугу между обоими противниками! Криги изумленія, похвалы и громкій говоръ раздался кругомъ. Зѣваки тоже почували, что «свой братъ» нѣмца одолѣлъ и въ народѣ тоже гулъ одобренія пошелъ.

Государь поднялся и приблизился къ лейбъ-компанцу.

— Не ожидалъ! Спасибо тебѣ, молодецъ! Ты, стало-быть, работалъ много за это время!

— Почитай, цѣлыхъ два мѣсяца, ваше величество! часовъ по восьми въ сутки занимался. И какъ видите, не хуже другихъ! Теперь могу помѣриться и съ самимъ господиномъ Котцау. Разумѣется, мнѣ съ нимъ совладать нельзя, но и тронуть я себя не дамъ ему.

— Ну, это вздоръ! воскликнулъ государь. Ужь ты и пошелъ!... Вотъ русскій человѣкъ видѣнь. Не можетъ не зазнаться....

— Говорю, не дамъ себя тронуть, упорно стоялъ Квасовъ на своемъ.

Котцау ухмылялся и трясъ головой.

— Что-жь, mein Herr, деучь, воскликнулъ Квасовъ. Дайте мнѣ вздохнуть малость и начнемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ лейбъ-компанецъ и Котцау скрестили шпаги. Нѣсколько мгновений Квасовъ не далъ себя тронуть ни разу.

Измученный Котцау, но довольный, какъ любитель своего дѣла, невольно восхищался своимъ противникомъ. Каждый разъ, что ему не удавался его ударъ, не удавалось тронуть Квасова, онъ восклицалъ весело, съ искренней радостью:

— Bravo! Карашо! Молодесъ. Карашо!

И поединокъ этотъ вышелъ совершенно иной, чѣмъ когда-то въ манежѣ. Котцау былъ въ восторгѣ отъ своего противника, Акимъ Акимовичъ былъ, конечно, польщенъ, и насколько онъ былъ злобенъ тогда, такъ что глаза его наливались кровью, настолько теперь былъ доволенъ, и улыбка не сходила съ его лица.

Поединщики кончили.

Всѣ присутствующіе съ государемъ и принцемъ впереди обступили ихъ кругомъ, расхваливая лейбъ-компанца.

Отдохнувъ немного, Котцау произнесъ по-нѣмецки:

— Ну, теперь еще одинъ разъ! Теперь скажите ему, что я его сейчасъ же трону секретной пасой, противъ которой онъ ничего не можетъ сдѣлать.

Квасову перевели, но лейбъ-компанецъ отвѣчалъ:

— Пуцай, это будетъ не обидно!

И едва только оба снова скрестили шпаги, Котцау ловкимъ маневромъ такъ ударилъ по шпагѣ лейбъ-компанца, что вся шпага задрожала, затряслась и рука лейбъ-компанца, державшая эфесъ, на секунду онѣмѣла отъ сотрясения. И въ этотъ моментъ пруссакъ ударилъ его два раза въ плечо и болю и отступилъ.

Котцау боялся, что лейбъ-компанецъ озлится, полѣзеть, и не будетъ опять конца поединку.

Но Акимъ Акимовичъ добродушно разсмѣялся и выговорилъ:

— Молодецъ! Да вѣдь вы фехтъ-мейстеръ, людей мастеръ крошить, а я только по сю пору былъ табакъ-мейстеръ, только табакъ умѣлъ крошить, какъ никто во всей столицѣ.

Государь былъ въ полномъ восторгѣ и ласково обнялъ Квасова.

— Вотъ, кабы вы все такъ учились! обернулся онъ къ гетману, стоявшему за нимъ, и тотчасъ же поздравилъ его маюромъ. Акимъ Акимовичъ даже зарумянился отъ удовольствія и благодарности. Государь, сказавъ нѣсколько словъ окружающимъ, чтобы взяли примѣръ съ Квасова, — сѣлъ на подведенную лошадь.

Все, что было офицеровъ на плацу, тотчасъ обвружили героя дня съ поздравленіемъ. Всѣ искренно удивлялись, какимъ образомъ человѣкъ его лѣтъ могъ въ такой короткій срокъ такъ навестриться.

— Самъ не знаю, добродушно говорилъ Акимъ Акимовичъ, сдается мнѣ, что и прежде у меня способность къ тому была, да случая не выходило заняться. Ну, а тутъ по восьми часовъ въ день упражнялся. И всякій-то день, все легче да легче выходило. Я такъ полагаю, что россійскій человѣкъ все умѣетъ, и все сдѣлать можетъ, только бы охота была.

Въ эту минуту весь преображенскій полкъ двигался чрезъ плацъ и повернулъ на Невскій проспектъ. Всѣ, слѣдившіе за нимъ, — замѣтили, что нѣсколько далѣе, впереди, остановился и государь, окруженный своей верховой свитой и толпой народа. Очевидно, что-то случилось.

Многіе изъ офицеровъ съ плаца тотчасъ же побѣжали на мѣсто происшествія.

Въ ту минуту, когда государь отъѣзжалъ отъ плаца верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ и въ томъ числѣ гетмана, онъ увидалъ среди улицы хорошо знакомый ему нѣсколько фантастическій мундиръ, единственный въ городѣ. Это былъ арапъ его и любимецъ, лакей Нарцисъ. Арапъ отчаянно драгся на кулачкахъ съ какимъ-то мѣщаниномъ и былъ весь обрызганъ грязью, такъ какъ противникъ, отнявъ метлу у разчищавшаго грязь дворника, уже успѣлъ раза два хлестнуть «черномазаго». Но затѣмъ Нарцисъ отвоевалъ метелку, два раза ударилъ мѣщанина палкой — и, переломивъ ее на его головѣ,

бросился въ рукопашную. Негръ, разсвирѣпѣвъ какъ дикое животное, яростно кидался на сильнаго и рослаго врага, получалъ могучіе удары въ грудь и голову, но и самъ билъ изъ всѣхъ силъ.

Государь, узнавъ любимца, подскакалъ къ нему, окруженный свитой, звалъ его, кричалъ, бранилъ, но Нарцисъ никогда бы не покинулъ своего противника, если бы тотъ самъ, при видѣ государя, не отскочилъ въ сторону, снимая шапку. Въ мѣщанинѣ государь узналъ извѣстнаго въ городѣ палача.

— Это ужасно! воскликнулъ государь. Я лишень моего лучшаго слуги! Господа! Кирилль Григорьевичъ? Гетманъ! что же мнѣ теперь дѣлать? Это ужасно! Я долженъ его прогнать, отправить. Гетманъ не понималъ, и государь объяснилъ ему, что арапъ подрался съ палачемъ и что послѣ такого позора Нарцисъ, имѣющій воинское званіе, настолько обезчещенъ, что государь уже не можетъ терпѣть его около своей священной особы, а равно пользоваться его услугами.

Сначала гетманъ, Гудовичъ и другіе смѣялись, но вдругъ увидѣли къ своему удивленію, что государь говоритъ совершенно серьезно, и на лицѣ его написано полное отчаяніе. Всѣ лица стали сразу серьезны.

— Какъ же быть теперь? Какъ же быть? Я люблю Нарциса и не могу безъ него обойтись! горячо говорилъ государь, обращаясь съ сѣдла ко всѣмъ присутствующимъ.

Всѣ молчали, окончательно не зная, что сказать, и не зная, что будетъ далѣе.

— Онъ долженъ кровью смыть это безчестье! воскликнулъ государь. Понимаете?!

— Такъ мы ему немножко крови и пустимъ, выговорилъ вдругъ гетманъ, полушутя. Вѣдь не на поединкѣ же ему драться съ палачомъ?

— Какъ? воскликнулъ государь. Какъ пустить....

— А вотъ возьмемъ, да куда-нибудь царапнемъ! Кровь у него и потечетъ. И довольно! шутилъ гетманъ.

— Отлично! воскликнулъ государь.

Гетманъ удивился.

— Отлично! Отлично! продолжалъ, Петръ Ѳедоровичъ. Сейчас же берите его! приказалъ онъ.

Стопившіеся кругомъ офицеры подступили, но Нарцисъ, уже перенуганный, что съ нимъ хотять дѣлать нѣчто совсѣмъ ему

непонятное, сталъ въ оборонительное положеніе, приготовясь встрѣтить кулаками и самихъ офицеровъ.

— Сдавайся! кричалъ государь, наѣзжая на негра, но Нарцисъ упрямо трясъ головой.

Государь приказалъ кликнуть солдатъ изъ проходившаго преобразенскаго полка. Полкъ остановился, нѣсколько солдатъ окружили Нарциса и, получивъ нѣсколько здоровыхъ тумаковъ, наконецъ осилили его, схватили и держали за руки и за ноги. Никто ничего, однако, не понималъ, начиная съ Нарциса и кончая даже гетманомъ.

— Давайте сюда знамя! воскликнулъ государь. Прикройте его. Это тоже смоесть безчестье.

И офицеръ съ двумя солдатами—знаменосцами вышли изъ рядовъ со знаменемъ и по приказу государя наклонили его надъ арапомъ. Въ то же время Петръ Ѳедоровичъ велѣлъ одному изъ солдатъ разстегнуть сюртукъ на негрѣ и по обнаженной рукѣ близь плеча—царапнуть чѣмъ нибудь, чтобы вызвать нѣсколько капель крови.

Нарцисъ вырывался, ревелъ, ругался отчаянно, грозился и визжалъ, оскаливая свои собачьи зубы.

Сдержанный смѣхъ раздавался кругомъ. Со всей улицы прохожіе и проѣзжіе бѣжали поглядѣть, что случилось среди густой толпы и кто оретъ, какъ бѣлуга, на весь Невскій проспектъ.

— Ну, вотъ отлично! выговорилъ, наконецъ, государь, совершенно довольный и счастливый. Ступай скорѣй домой! Спасибо вамъ, Кириллъ Григорьевичъ, что надоумили! Теперь я даже счастливъ, а то мнѣ приходилось лишиться вѣрнаго слуги.

И Петръ Ѳедоровичъ веселый, съ сіяющимъ лицомъ, двинулъ лошадь въ галопъ. Свита поскакала за нимъ.

Офицеръ, знаменосцы и солдаты преобразенцы вошли въ ряды, и полкъ вновь двинулся. Народъ долго не расходился. Со всѣхъ сторонъ только и слышно было:

— Да что такое? Бѣлый, чтоль, арапъ-отъ?

— Въ чемъ дѣло-то? Сѣкли, что-ль....

— Оралъ! Стало, не пряникомъ кормили!

— Не пойму. Спросите у кого-нибудь.

— Да никто не знаетъ.

— О, дурни! Кровь пуцали арапу.... захворалъ!... Ну, докторъ въ себя и приводилъ его. Это первое дѣло отъ застуженья, бровь пустить.

— О, чертъ, вретъ! Въ жару эдаку, вишь, застудился онъ, у него?!

— Да вѣдь онъ, братецъ ты мой, арапъ!! Понялъ ты это?

XIV.

Гарина, съ самаго дня своего ареста и немедленнаго освобожденія, была такъ потрясена, что почти не вставала съ постели. Изрѣдка на нѣсколько минутъ она пробовала встать, но, посидѣвъ немного въ креслѣ, снова ложилась. Сильное здоровье было будто надорвано; при малѣйшемъ звукѣ на дворѣ, она вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по горницѣ, чувствовала, что ноги подкашиваются, а въ рукахъ она не могла удержать ничего, даже чайная чашка и та казалась ей страшной тяжестью.

Настя на видъ была еще хуже. Она страшно похудѣла, по-дурнѣла и тоже почти не выходила изъ своей комнаты, не ходила къ теткѣ, извиняясь нездоровьемъ.

Василекъ проводила день, переходя отъ одной больной къ другой; усердно ухаживая за теткой, она не могла видѣть безъ боли положеніе сестры. Она чуяла, что помимо перепуга, ареста, страха за судьбу своднаго брата, котораго Настя давно любила, есть у сестры еще что-то на душѣ. Отъ зари до зари въ полномъ смыслѣ слова была Василекъ на ногахъ въ хлопотахъ и заботахъ домашнихъ. Иногда ей случалось съ утра и до сумерекъ не успѣть или просто забыть: выпить чашку чая. Случалось, что тетка, сильно разсерженная, выговаривала своей любимицѣ, упрекала ее въ недостаткѣ попеченія о себѣ, въ недостаткѣ любви, по поводу какого-нибудь поданнаго ей пережареннаго горшка простокваши или пережареннаго пирога. И Пелагея Михайловна, конечно, не знала, что Василекъ, молча и терпѣливо выслушивающая выговоры, сама уже часовъ восемь не имѣла еще маковой росинки во рту.

Насколько Пелагея Михайловна нетерпѣливо и рѣзко относилась теперь къ своей любимицѣ и была болѣзненно придирчива, настолько сестра Настя всегда гордо, чуть не презрительно относившаяся къ старшей сестрѣ, теперь была лѣжна къ ней и ласкова. Раза два уже случилось Настѣ сказать сестрѣ:

— Обними меня, поцѣлуй!

Часто Василекъ утѣшала сестру, что Глѣба не постигнетъ строгое наказаніе, что какъ-нибудь все сладится, хоть со вре-

менемъ, хоть черезъ нѣсколько годовъ. Настя слушала, молча, и не отвѣчала ничего. Василекъ чувствовала, что говорить пустяги, что дѣло въ сущности не въ томъ.... А въ чемъ?!.. Какая тайна чувствуется ей у сестры, чувствуется ей сердцемъ, безсознательно....

Однажды вечеромъ, Василекъ, сидя съ сестрой, снова стала утѣшать ее, что Глѣбъ отдѣляется только тѣмъ, что будетъ года три солдатомъ гвардіи.

— Не Богъ вѣсть какое наказаніе. Вонъ Шепелевъ недавно еще безъ всякой вины, а только за молодостью лѣтъ былъ рядовымъ.

— Ахъ, Василечекъ, вдругъ воскликнула Настя. Да развѣ въ этомъ дѣло! Воръ онъ, воръ! Пойми ты это!

И Настя вдругъ зарыдала.

— Ужъ лучше пускай въ Сибирь идетъ, тогда хоть будетъ наказанъ и, стало быть, несчастный.

— Такъ вотъ что ей горько! подумала Василекъ. Вотъ ея тайна! и, снова принимаясь утѣшать сестру, она вымолвила наконецъ:

— Ну, положимъ такъ. Жаль тебѣ его, и мнѣ тоже жаль, но вѣдь все жъ таки, Настенька, онъ намъ не родной братъ. Такъ вотъ, какъ ты убиваешься, ты могла бы только убиваться по женихъ или по мужъ.

Настя вдругъ перемѣнилась въ лицѣ и воскликнула:

— Молчи! Молчи!

Василекъ не поняла тайнаго значенія этого порыва.

— Конечно, только по любимомъ человѣгѣ, женихъ-ли или мужъ можно такъ убиваться.

Настя вдругъ зарыдала, бросилась на шею сестрѣ и выговорила шепотомъ, отъ котораго у Василька сердце замерло.

— Молчи! Сама не знаешь, что говоришь! Не будемъ больше никогда говорить объ этомъ.

Такъ какъ Пелагея Михайловна и обѣ княжны узнали, конечно, отъ Квасова, кто былъ главнымъ ихъ защитникомъ, то Василекъ была теперь несказанно счастлива, что онъ всѣмъ обязаны Шепелеву.

Пелагея Михайловна тотчасъ по возвращеніи домой вытребовала чрезъ лейбъ-компанца юношу, обняла, разцѣловала и просила его забыть все старое, забыть, что онъ былъ нарѣченнымъ, и бывать запросто какъ пріятель. И теперь Квасовъ и

Шепелевъ по очереди приносили въ домъ Тюфякиныхъ вѣсти о князѣ.

Однажды, чрезъ недѣли двѣ послѣ освобожденія княженъ, Квасовъ принесъ извѣстiе и передалъ Васильку, что Глѣбъ разжалованъ, лишень чиновъ, дворянства и ссылается въ Сибирь, въ рудники. Пелагеѣ Михайловнѣ тотчасъ же было это передано. Лицо ея освѣтилось злобной радостью.

— Угодиль, киргизъ! Туда ему и дорога, поганому! воскликнула она раздражительно и злобно. Его бы на родину, его возвратить—въ степи киргизскія. Ну, да въ рудникахъ еще почище будетъ.

Василекъ, конечно, уговорила съ Квасовымъ скрыть на время ужасную вѣсть отъ сестры. Но Настя будто чуяла, догадывалась или, быть можетъ, неосторожное слово кого-либо изъ людей заставило ее подозрѣвать истину. На всѣ ея вопросы, цѣлый день Василекъ и Квасовъ не отвѣчали правды, но Настя догадалась, какъ добиться истины.

Рано утромъ она написала Шепелеву, прося извѣстить о судьбѣ князя, и подписалась: «княжна Василиса». Тайкомъ посланный ею мальчишка, черезъ два часа былъ уже обратно и вручилъ ей отвѣтъ.

Настя пробѣжала его глазами и тутъ же среди передней за-мертво упала на полъ. Очнувшись въ постели, куда перенесли ее, и открывъ глаза, Настя не сразу пришла въ себя, даже не сразу узнала Василька.

Наконецъ, она выговорила глухимъ, полубезумнымъ шепотомъ:

— Рудники! Далеко! Да и работать не умѣю! Зачѣмъ меня не учили, хоть лопату держать?....

И Настя осталась въ постели на нѣсколько дней. Скрытно отъ всѣхъ, цѣлые дни плакала она....

Гарина, наоборотъ, обрадованная извѣстiемъ о Глѣбѣ, будто отомщенная, казалась на видъ спокойнѣе, будто выздоровѣла. Она подозрѣвала, конечно, канцелярiю и Гудовича за ихъ глупое арестованiе, но, главнымъ образомъ, она обвиняла, оговорившаго будто бы ихъ, негодяя киргиза. Василекъ оправдывала брата, но опекуна не вѣрила....

Такъ прошла еще недѣля.

Однажды утромъ явился въ домъ Тюфякиныхъ, никогда до тѣхъ поръ не бывавшій у нихъ, Алексѣй Орловъ. Узнавъ, что Гарина въ постели, онъ велѣлъ доложить о себѣ старшей княжнѣ

Васильку Орловъ объявилъ, что у него есть первѣйшей важности дѣло до ея тетки, и просилъ непременно, чтобы Гарина приняла его.

Пелагея Михайловна взволновалась, почувяла новую бѣду и, кое-какъ поскорѣе одѣвшись, сѣла около постели въ кресло и приняла преображенца, о которомъ только слыхала, какъ о буянѣ. Съ первыхъ же словъ этотъ буянь, Богъ вѣсть почему, необыкновенно понравился Пелагеѣ Михайловнѣ. Она глядѣла на него, дивилась и думала:

— Скажи на милость, какъ часто про человѣка, зря, дурно сказываютъ. Просто витязь, молодець, красавецъ! Да какой вѣжливый, почтительный!

Еъ несказанному удивленію Василька, Орловъ просидѣлъ глазъ на глазъ съ теткой три часа. Заперевъ дверь по ея же приказанію, Василекъ невольно рѣшилась раза два подойти къ дверямъ и прислушаться, чтобы знать чего надо ожидать, бѣды или радости.

Бесѣда тетки съ преображенцемъ была тихая, мирная. Василекъ слышала только голосъ Орлова. Онъ говорилъ краснорѣчиво, горячо и мягкимъ убѣдительнымъ голосомъ. Тетка все молчала и только слушала.

— Что онъ ей рассказываетъ? недоумѣвала княжна.

Наконецъ, Пелагея Михайловна позвала Василька и приказала ей достать изъ сундука, стоявшаго близъ образницы, тысячу червонцевъ. Василекъ достала деньги и, удивляясь, положила на столъ.

— Ну, бери, голубчикъ, только меня и моихъ племянницъ не загубите! А если съумѣете все сохранить подъ спудомъ, то пріѣзжай, еще дамъ.

Орловъ взялъ деньги, обѣщался бывать, какъ знакомый, поцѣловалъ ручку Пелагеи Михайловны и уѣхалъ.

Василекъ ничего не понимала. Гарина, видя изумленное лицо любимицы, усмѣхнулась насмѣшливо и выговорила:

— Диву далась! Ну, и дивись! А знать тебѣ этого не приходится. А пріѣдетъ онъ, еще дамъ. Десять разъ пріѣдетъ, десять разъ дамъ! Онъ не обманщикъ, не киргизъ! Душа парень! Я его три раза тутъ цѣловать принималась, а меня краснорѣчивымъ не проймешь. А денежки эти, Василекъ, на такое дѣло!... Ну, просто скажу, на святое дѣло!! Да и имъ-то.... На, вотъ, подавись! И Пелагея Михайловна злобно стала стучать по столу жостлявыми пальцами.

— Подавись! Подавись! Коли только за этимъ дѣло стало, за деньгами... половину всего своего иждивенія Орловымъ отдамъ, чтобы только оплатить разбойникамъ этотъ стыдъ, да срамъ! Чтобы столбовыхъ дворянокъ тащить съ солдатами, зря, въ холодную, на допросъ и пытку!... И Гарина прибавила будто себѣ самой, или мысленно обращаясь къ Алексѣю Орлову:

— Пріѣзжай, голубчикъ, пріѣзжай! Хоть до пятидесяти тысячъ дойду! А только сверни ты имъ шею....

Въ тотъ же вечеръ громовый ударъ, но уже послѣдній, разразился надъ домомъ Тюфякиныхъ.

Василекъ, вставшая очень рано, прохлопотавшая цѣлый день, почувствовала себя вдругъ дурно. Здоровье ея, хотя крѣпкое, тоже не выдержало, наконецъ, всѣхъ заботъ и хлопотъ. За всѣ эти дни у нея бывала только одна радость, когда Шепелевъ появлялся къ нимъ провѣдать о здоровьѣ Гарипой. Но онъ каждый разъ спѣшилъ, и она едва успѣвала перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами.

Василекъ въ сумерки, чувствуя себя слабой, рѣшилась уйти къ себѣ и прилечь на минуту. А, между тѣмъ, покуда Василекъ глубокимъ сномъ заснула у себя, Настя, за два дня вставшая на ноги, оправившаяся немного, но давно рѣшившаяся на объясненіе съ теткой, вдругъ поднялась съ мѣста, прошла корридоръ и, постоявъ нѣсколько мгновеній у двери тетки, быстро, порывомъ вошла....

Пелагея Михайловна сидѣла на постели и раскладывала у себя на колѣняхъ, на откинутаго одѣялѣ, свой любимый пасьянсъ. При звукѣ шаговъ она подняла глаза и увидѣла передъ собой племянницу, которую не видала давно.

— А! выговорила Гарина язвительно, собралась провѣдать! Хворую изображаешь! Почему? Отца роднаго, что-ли, въ Сибирь угоняютъ? Киргиза на его родину посылаютъ, а тебѣ горе. Блажишь все.... Одного жениха вотъ упустила ужъ.... Смотри, въ дѣвкахъ останешься.

— Тетушка! выговорила Настя глухимъ голосомъ, остановившись за задкомъ кровати Гарипой. Я вамъ.... Выслушайте! Вы миѣ не мать. Вы меня не любите. И я васъ не люблю. Сестру теперь полюбила.... Ее миѣ жаль.... А васъ не жаль.... Я ухожу за.... нимъ. Въ Сибирь за нимъ....

Гарина уронила карты на колѣни, спутала пасьянсъ и, вытаращивъ глаза на Настю, молчала отъ изумленія.

— Вы, опегунша, вы, хозяйка по закону надъ моими деньгами, все также глухо и медленно заговорила Настя, только глаза ее засверкали ярче. Надо мной вы ничего не можете.... Оставайтесь съ моими деньгами. Я ухожу безъ нихъ.

— Да, какъ смѣешь ты.... зашептала Пелагея Михайловна, теряясь и робѣя отъ лица и голоса Насти.... Да ты.... Василекъ! Василекъ! вдругъ закричала Гарина, невольно призывая на помощь любимицу. За киргизомъ! Ухожу! Что ты? Что?!..

— Глѣбъ для меня дороже всего на свѣтѣ.... Онъ.... онъ.... Но Настя не могла договорить. Она ухватилась руками за кровать, поблѣднѣла, закрыла глаза и, наконецъ, шепнула:

— Онъ больше брата.... Онъ мнѣ теперь.... Тамъ въ Сибири законовъ людскихъ нѣтъ. Тамъ все можно.... И Настя прибавила еще нѣсколько словъ, едва шевеля губами, невнятно.... ослабѣвшимъ голосомъ....

Но Пелагея Михайловна слышала, поняла, повѣрила.... Она страшно перемѣнилась въ лицѣ и мгновенно ухватилась за голову.... помотала головой, тихо ахнула, затѣмъ застонала еще тише и повалилась на подушки.

Настя, шатаясь, вышла и держась за стѣну корридора, дошла съ трудомъ въ свою горницу.

Пелагея Михайловна лежала и, при полномъ сознаниіи своего положенія, чего-то ужаснаго съ ней, не могла двинуться и не могла позвать....

Только черезъ часъ Василекъ была разбужена горничной, которая тормошила ее за руку. Прійдя въ себя, она услышала:

— Барышня! Барышня! Барынѣ не хорошо.... И давно.... Полумертвая....

Василекъ вскочила на ноги и не могла даже ничего понять. Она испугалась, но не понимала то страшное, что говорятъ ей про тетку. Поблѣжавъ въ спальню Гариной, она нашла ее въ постели въ страшномъ видѣ, котораго Василекъ тоже испугалась и тоже не понимала.

Все лицо Пелагеи Михайловны покосило на сторону, она глядѣла только однимъ глазомъ, слегка закатившимся, ротъ былъ скривленъ. Увидя Василька, Пелагея Михайловна зашевелила ротомъ, но вмѣсто словъ Василекъ услышала какіе-то страшные ужасные гортанные звуки, которые можно было принять за шутку, если бы они были произнесены ребенкомъ.

По счастью, пришедшій Акимъ Акимовичъ, давно уже дожидавшійся Василька въ гостиной, чтобы по обыкновенію сѣсть за чай, — понялъ въ чемъ дѣло. Тотчасъ же на лошадяхъ Тюфякиныхъ онъ поскакалъ за докторомъ. Затѣмъ до полуночи прохлопотали всѣ около Пелагеи Михайловны. У нея сдѣлался ударъ....

Василекъ была настолько потрясена, что прежній арестъ ужъ казался ей чуть не шуткой сравнительно съ теперешней бѣдой. Она даже не замѣтила присутствія въ домѣ, далеко за полночь, человѣка, который все-таки былъ для нея — дороже всего въ мірѣ, т. е. Шепелева.

Около часу ночи, когда Квасовъ сидѣлъ у больной, а докторъ уѣхалъ, Шепелевъ, оставшись въ гостиной наединѣ съ Василькомъ, обратился къ ней съ вопросомъ, почему случился ударъ у Пелагеи Михайловны.

Василекъ отозвалась невѣдѣніемъ и внезапно догадалась пойти къ сестрѣ! Спросить! Но тутъ только она вдругъ всплеснула руками и выговорила:

— А Настя-то? Гдѣ жъ Настя? Ея не было....

Она вспомнила, что Настя за все это время хлопотъ около тетки не появилась ни разу.

— Да и я хотѣлъ все спросить, воскликнулъ Шепелевъ. Какъ же въ это время, да не прійти помочь.

Василекъ тотчасъ же рѣшила мысленно, что, стало быть, сестра лежитъ тоже безпомощно въ своей горницѣ. Она бросилась туда. Горница Насти была пуста. Только ящики комодовъ были выдвинуты, многое выброшено на полъ. Нѣкоторыхъ вещей, одного образа изъ кіота и маленькаго ларчика, гдѣ были ея вещи, не было.

Черезъ четверть часа новой сумятицы въ домѣ, Василекъ и всѣ домочадцы убѣдились, что княжны Настасьи не было въ домѣ.

XV.

И странно распорядилась судьба! Самое тяжелое время въ домѣ Тюфякиныхъ оказалось для Василька самымъ счастливымъ временемъ ея жизни.

Тетка была въ постели почти безъ движенія, докторъ не ручался за ея жизнь. Сестра бѣжала изъ дому, сама оговорила себя въ канцеляріи Гудовича и добилась того, что послѣдовала за ссыльнымъ братомъ.

Но за то здѣсь бывалъ теперь всякій день Шепелевъ. Вмѣстѣ съ Василькомъ ухаживалъ онъ за больной, просиживалъ цѣлые часы около ея постели, проводилъ иногда цѣлые дни наединѣ съ Василькомъ. Видать ее сдѣлалось для него потребностью. Ей одной изливалъ онъ свою душу, ей одной передавалъ всякій день то, что приходилось перечувствовать и выстрадать отъ безсердечной кокетки.

Кончилось тѣмъ, что Шепелевъ разсказалъ Васильку всю свою исторію съ Маргаритой, начиная со встрѣчи въ оврагѣ и поцѣлуя въ домѣ гадалки. Только объ одномъ умолчалъ онъ: о дерзкомъ свиданіи въ маскарадѣ. Но Василекъ знала, что именно съ этого маскарада началась ихъ связь. И наивный юноша не подозрѣвалъ, какъ терзалъ онъ сердце бѣдной княжны. Онъ и не воображалъ, какъ тяжело было ей выслушивать всю эту исповѣдь, всѣ эти признанія. Но за эти дни взаимныя отношенія Шепелева и Василька измѣнились. Юноша посмотрѣлъ на некрасивую княжну совершенно иными глазами. Безконечная доброта ея закупила его, и княжна стала его первымъ другомъ. Василекъ по прежнему, но уже сознательно, не боясь своего чувства, любила его и на свой ладъ ревновала къ Маргаритѣ. Ей казалось, что ея любовь и любовь этой женщины—совершенно два различныя чувства. Ей казалось, что та страсть, въ которой сознался Шепелевъ къ этой кокеткѣ, ея бы не удовлетворила. Въ грезахъ своихъ о немъ когда-то, представляя себѣ, какъ онъ могъ бы полюбить ее, она никогда не думала и не могла даже предполагать возможности такого чувства, какое было у этого юноши къ красавицѣ иноземкѣ. Она ревновала и ненавидѣла графиню только за тѣ мученія, которыя претерпѣвалъ отъ нея юноша.

Василекъ теперь перестала смущаться Шепелева, была проще, искреннѣе. Юноша, съ своей стороны, послѣ своей полной исповѣди обращался съ ней совершенно какъ бы съ сестрой. День за день Маргарита все болѣе и болѣе мучила его, а чистота души и безконечная доброта Василька все болѣе привлекала его. Кончилось тѣмъ, что, послѣ каждой бурной сцены съ Маргаритой, Шепелевъ безъ оглядки бѣжалъ въ домъ Тюфякиныхъ, къ единственному человѣку на землѣ, съ которымъ онъ могъ говорить откровенно обо всемъ.

Однажды, случайно убѣдившись, что есть что-то ужасное и отвратительное въ поведеніи Маргариты относительно стараго дѣда, Шепелевъ снова бросился къ другу. На этотъ разъ онъ былъ

особенно блѣденъ и печаленъ, но сказать этому милому, чистому существу, что подозрѣваетъ онъ и на что способна та женщина, было совершенно невозможно.

— Что съ вами? приставала на этотъ разъ Василекъ.

Но Шепелевъ долго молчалъ и, наконецъ, отозвался.

— Даже и рассказать вамъ нельзя. Много было всего, но подобнаго, конечно, и ожидать было нельзя. Да, конечно, вамъ сказать нельзя. Но если это правда, если я не ошибаюсь, то кажется.... Кажется, у меня все пройдетъ....

Шепелевъ сидѣлъ, опустивъ голову, глядѣлъ на полъ и не могъ видѣть, какъ измѣнилось лицо Василька. Она пристально смотрѣла на него, собиралась произнести два слова, и у нея не хватало духу.

— Да, тогда все пройдетъ, прошептала снова Шепелевъ.

— Что пройдетъ? еще тише, черезъ силу, выговорила, наконецъ, Василекъ.

— Что? эта безумная страсть! Развѣ можно любить.... Да нѣтъ, я и говорить вамъ не стану. Господи, если бы она была то, что вы! Если бы въ пей была хоть малая толика той ангельской души, какая въ васъ!

Шепелевъ смолкъ на минуту, потомъ вдругъ поднялъ голову, взглянулъ на Василька и выговорилъ внезапно.

— Скажите, любили-ли вы когда-нибудь?

— Что? едва слышно прошептала Василекъ и вся вспыхнула. И въ ту же минуту она подумала какъ всегда, что покрасившее лицо ея особенно некрасиво. И отъ этой мысли она покраснѣла еще болѣе....

— Скажите правду! Вотъ я вамъ всю душу свою выкладываю, все рассказалъ, чего и не слѣдовало. Про такую женщину, какъ графиня, и съ такой, какъ вы, и говорить бы не надо. Но я сознаюсь.... я съ вами душу отводилъ, мнѣ легче бывало, какъ я ворочался отъ васъ къ себѣ. А вы, какъ мнѣ кажется, со мною не откровенны. Я правду говорю. Я васъ люблю. Мнѣ бы теперь безъ васъ трудно было остаться въ Петербургѣ. А вы постоянно со мною какъ-то странно и непонятно мнѣ поступаете. Да, есть что-то! Вотъ видите, вы все краснѣете, стало-быть, я правду говорю.

Дѣйствительно, Василекъ сидѣла пунцовая. Вдобавокъ она, ни передъ кѣмъ никогда не опускавшая своихъ глазъ, теперь не знала куда смотрѣть, не знала что дѣлать, не знала что сказать.

— Ну, да не объ этомъ рѣчь, заговорилъ Шепелевъ, это ваше дѣло. Коли я вамъ немножко не по сердцу, и вы изъ жалости только позволяли мнѣ всякій день исповѣдываться и плакаться такъ, и за то спасибо! А вотъ, что я хочу спросить, совсѣмъ другое: любили-ли вы когда-нибудь?

Василекъ тихо подняла руки къ лицу, медленно отгачнулася на спинку своего кресла и едва слышно выговорила.

— Ахъ, полноте, Дмитрій Дмитриевичъ!...

— Отчего же? Я у васъ не спрашиваю кого. Да это мнѣ и не нужно знать. Я спрашиваю только, знали-ли вы это дьявольское чувство, которое меня теперь совсѣмъ измучило. Я знаю, что моя любовь къ графинѣ можетъ пройти. Она можетъ завтра сдѣлать что-нибудь, за что я ее возненавижу. Прежде я думалъ, что я способенъ убить ее, но теперь я вижу, что если она такая... Такихъ убивать не стоитъ, такихъ можно только презирать. Такъ вотъ, скажите! Понимаете-ли вы то чувство, которое во мнѣ. Бывало-ли съ вами что-нибудь такое. Любили-ли вы? скажите, княжна! Я не отстану! грустно улыбнулся Шепелевъ.

Василекъ сидѣла по прежнему, закрывъ лицо руками. Ей казалось, что она стоитъ на краю обрыва, на краю пропасти, въ которую ей хочется броситься. Она чувствовала, что сейчасъ бросится и погибнетъ. Она сейчасъ непременно скажетъ ему одно слово, которое все превратитъ въ прахъ. Онъ испугается, онъ перестанетъ бывать. То чувство, которое явится въ немъ къ ней, будетъ, вдобавокъ, оскорбительно, горько для нея! Ихъ братскія отношенія будутъ уничтожены сразу. А, между тѣмъ, Василекъ чувствовала, что вотъ сейчасъ онъ повторитъ свой вопросъ, а она отвѣтитъ, бросится въ эту пропасть!

Шепелевъ протянулъ руки, взялъ ее за руки и отнял ихъ отъ лица. Онъ почувствовалъ, что эти руки дрожать, но не понялъ. Онъ увидалъ ея совершенно измѣнившееся лицо съ страдающимъ выраженіемъ, онъ увидалъ что-то новое, странное, тревожное въ ея великолѣпныхъ, вѣчно спокойныхъ глазахъ, но тоже не понялъ.

— Понимаю, выговорилъ онъ, это для васъ тяжелое воспоминаніе. Простите меня! Такъ, стало быть, вы знаете, или хоть знали, какъ я мучаюсь теперь. Вы все-таки любили, или можетъ быть до сихъ поръ любите?

Послѣ первой мгновенной тревоги, Василекъ остановила на его лицѣ тотъ ясный и глубоко западающій въ душу взоръ,

который такъ ненавидѣлъ князь Глѣбъ, который такъ часто тяготилъ многихъ. Но только въ этомъ взорѣ теперь была глубокая, безконечная скорбь. Она долго глядѣла на юношу и вымолвила наконецъ:

— Да, любила и люблю теперь. И кого?—Вы знаете!

Шепелевъ широко раскрылъ глаза. Онъ не понималъ.

— Нѣтъ, не знаю. Ей-Богу! Вѣдь не дядюшку же моего.... усмѣхнулся онъ.

Но, въ эту минуту, сидѣвшая передъ нимъ княжна вдругъ зарыдала и, закрывъ лицо, быстро вышла изъ горницы.

Шепелевъ, наконецъ, понялъ.... и доброе чувство шевельнулось въ немъ!

XVI.

Между тѣмъ, въ палатахъ фельдмаршала Разумовскаго все приняло праздничный видъ и все было готово къ пиру, на который государь самъ назвался.

Безчисленное количество дворни, козачковъ, гайдуковъ, скормороховъ въ разноцвѣтныхъ фантастическихъ костюмахъ, ожидали съѣзда гбѣтей и самаго императора.

Въ большой залѣ, выходящей окнами въ садъ, былъ накрытъ обѣденный столъ, свергавшій при лучахъ заходящаго солнца бѣлизной скатертей и серебромъ. Столъ былъ убранъ цвѣтами и большими канделябрами изъ литаго серебра, изображавшими различные роды охоты. Каждый канделябрь имѣлъ болѣе пуда вѣса и каждый изображалъ какое-нибудь развѣтвленное дерево, подъ которымъ группировались кругомъ ствола фигуры охотниковъ въ иноземныхъ платьяхъ и какіе-нибудь звѣри; на одномъ кабанъ, на другомъ медвѣдь, на третьемъ лиса или волкъ и т. д. Канделябры эти были подарены покойной государыней и выписаны изъ Парижа. Домъ Алексѣя Григорьевича Разумовскаго былъ, что называется, полная чаша. Состоянія фельдмаршала никто не зналъ, и самъ онъ почти счетъ потерялъ своимъ доходамъ. Это было самое огромное состояніе въ Россіи, и въ ту минуту, когда въ государственномъ казначействѣ было только миллионъ двѣсти тысячъ рублей наличными деньгами, графъ Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ нѣсколько миллионѣвъ.

Послѣ кончины императрицы весь домъ его былъ отдѣланъ чернымъ сукномъ съ плѣрезами, и онъ думалъ оставить этотъ трауръ на два, на три года, а теперь, по капризу государя, прихо-

дилось придать дому праздничный видъ ровно черезъ пять мѣсяцевъ послѣ кончины государыни.

Но, если палаты приняли праздничный видъ, освободившись отъ чернаго сукна, крепа и газа, то самъ хозяинъ далеко не имѣлъ веселаго и праздничнаго вида.

Въ ту минуту, когда государь, Жоржъ, Гольцъ и другіе гости собирались на пирь, графъ Алексѣй Григорьевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ полномъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ, но лицо его было особенно мрачно и встревожено. Причина этому была не маловажная.

За два дня передъ тѣмъ, другъ и наперсникъ брата гетмана, Тепловъ, былъ у него, уговаривая открыто стать на сторону императрицы, въ случаѣ, если произойдетъ въ Петербургѣ какое-нибудь дѣйство въ ея пользу. Разумовскій отказался на отрѣзъ, онъ обѣщалъ только остаться безпристрастнымъ зрителемъ, а въ случаѣ всеобщаго поворота въ пользу Екатерины, присягнуть однимъ изъ первыхъ.

Тепловъ остался недоволенъ своимъ неуспѣшнымъ предпріятіемъ, но, уѣзжая, объявилъ графу нѣчто на столько важное, что смутилъ Разумовскаго на цѣлыхъ два дня. Какъ другъ дома давнишній и вѣрный, Тепловъ передалъ Разумовскому великую тайну, что государь, въ виду печальнаго состоянія финансовъ и нужды въ деньгахъ для содержанія корпуса Чернышева, перешедшаго на сторону Фридриха, имѣетъ виды на громадное состояніе Разумовскаго. Однимъ словомъ, Тепловъ объяснилъ графу, что государь собирается, придравшись къ чему-либо, сослать Разумовскаго въ Малороссію и конфисковать почти все его состояніе.

Графъ сначала, хотя и встревожился, но не повѣрилъ хитрому Теплову. Онъ подумалъ, что это выдумка для того, чтобы склонить его въ пользу заговора и пожертвовать крупную сумму денегъ для заговорщиковъ. Тогда Тепловъ досталъ изъ кармана бумагу.

Она была писана рукой, хорошо извѣстной графу, тайнаго секретаря Волкова. На большомъ листѣ въ заглавіи было написано: «промеморія». Въ этой докладной запискѣ Волковъ объяснялъ государю, какія есть средства поднять русскіе финансы. Одно изъ главныхъ средствъ было предложеніе сдѣлать то, что цѣлое столѣтіе дѣлалось постоянно, примѣровъ было безъ числа, начиная съ знаменитаго князя Меншикова и кончая Минихомъ,

Бестужевымъ и Лестокомъ. Временщикъ, отправляемый въ ссылку и теряющій громадное состояніе, конфискуемое въ пользу правительства, а иногда въ пользу фаворита, было дѣломъ на столько зауряднымъ, что Волковъ ничего новаго, въ данномъ случаѣ, не придумалъ, а только повторилъ зады. Въ концѣ записки стояло одно слово. Графъ узналъ руку государя и разобралъ слова: *апробую*.

Тепловъ уѣхалъ, Разумовскій тотчасъ же съѣздилъ къ нѣкоторымъ старымъ пріятелямъ, съѣздилъ къ Панину и всѣхъ просилъ разузнать, правда-ли, что онъ наканунѣ ссылки и раззоренія. Свѣдѣнія, собранныя имъ, были совершенно различны. Одни, близко знавшіе Волкова, увѣряли, что онъ дѣйствительно объ этомъ проговорился, но не ради злобы противъ графа выдумалъ это, а ради того, что это было единственнымъ средствомъ поправить російскіе финансы.

Наконецъ, фельдмаршалъ черезъ Екатерину, государыню черезъ Дашкову, Дашкова черезъ болтушку сестру, цѣной двадцати фунтовъ калужскаго тѣста, узналъ, что государь поговаривалъ на счетъ конфискованія имущества Разумовскаго, но, однако, рѣшиться боялся, такъ какъ въ Петербургѣ слишкомъ любили и уважали графа Алексѣя Григорьевича. Однимъ словомъ, Разумовскій вернулся домой совершенно смущенный, не узнавъ навѣрное ничего. Одно только понялъ онъ, что если теперь не совершится ничего, то черезъ полгода, черезъ годъ, рано или поздно, эта бѣда все-таки постигнетъ его.

Наканунѣ назначеннаго пира, утромъ, гетманъ заѣзжалъ къ брату и нашелъ его въ полной формѣ, отправляющагося къ государю.

— Что ты, батя? спросилъ гетманъ.

— Да вотъ, поѣду къ нему, нехай сниметъ съ меня всѣ кавалеріи и отпустить до дому.

Гетманъ уговорилъ брата ничего не дѣлать, доказывая, что если дѣйствительно государь позволить ему уѣхать въ малороссію, то вдали отъ двора онъ скорѣе лишится всего. И, два брата хохла, носители національныхъ чертъ характера, побесѣдовали и рѣшили, какъ горю пособить.

И вотъ теперь передъ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, ожидавшимъ пріѣздъ государя и гостей, стоялъ на столѣ большой золотой подносъ съ его вензелемъ, на немъ лежалъ кара-

вай хлѣба, а на караваѣ солонка, отдѣланная драгоценными каменьями. Подъ хлѣбомъ виднѣлась пачка разныхъ бумагъ.

Разумовскій сидѣлъ, задумавшись, изрѣдка прислушивался къ шуму на улицѣ, изрѣдка косился на поднось и на пачку бумагъ подъ караваемъ и раза два или три пожалъ плечами. Этотъ жестъ ясно говорилъ:

— Что-же дѣлать! По неволѣ!

И разъ, послѣ долгой думы, переведя глаза снова на поднось съ караваемъ, онъ усмѣхнулся досадливо и выговорилъ:

— Нехай съѣсть!

Когда раздался громъ копытъ на дворѣ, графъ Алексѣй Григорьевичъ быстро всталъ. Два лакея, которымъ заранѣе было отдано приказаніе быть наготовѣ, вошли въ кабинетъ и подняли поднось. Разумовскій быстро двинулся на встрѣчу государю, а за нимъ понесли и поднось.

Государь всегда, слѣзши съ любимой лошади, долго гладилъ ее, ласкалъ, разговаривалъ съ ней, показывалъ ее въ десятый, сотый, тысячный разъ своимъ приближеннымъ, увѣряя, что такого коня на свѣтѣ нѣтъ, что этотъ конь много призовъ выигралъ въ Англіи, хотя конь тамъ никогда не бывалъ.

Прежде, чѣмъ государь покинулъ лошадь, Разумовскій успѣлъ спуститься на самый подъѣздъ.

— А! здорово! Ну, вотъ мы и приѣхали покутить. Раскошеливайся, хозяинъ! Жаль мнѣ, что самага бѣднаго человѣка въ Питерѣ раззоряю, да что дѣлать! шутилъ государь.

И эти слова по неволѣ какъ бы подтвердили мысль Разумовскаго, что слухи о Волковѣ не есть выдумка.

Фельдмаршалъ, когда государь вошелъ на подъѣздъ, опустился на одно колѣно и вымолвилъ:

— Ваше величество, примите приношеніе на пользу государственную отъ вашего вѣрнаго раба.

— Что это такое? воскликнулъ Петръ Федоровичъ.

— Хлѣбъ-соль. Солонка эта по праву ваша. Она принадлежала еще Великому Петру Алексѣевичу и была дана мнѣ покойной государыней. А подъ хлѣбомъ мое вѣрноподданическое приношеніе.

Государь сдвинулъ хлѣбъ съ мѣста и взялъ пачку бумагъ.

— Да, что это?

— Деньги, ваше величество.

— Деньги! Ну, спасибо. А много-ли? .

— Милліонъ.

— Чего?! разинулъ ротъ Петръ Федоровичъ.

— Тутъ милліонъ, ваше величество, то-есть бумаги, по которымъ его можно получить отъ петербургскихъ и иностранныхъ банкировъ.

— Ну, Алексѣй Григорьевичъ! развелъ руками государь, голось его дрогнулъ чувствомъ. Ну!... Прости меня, голубчикъ! Какая я передъ тобой... какъ бы сказать, какой я передъ тобой... Или, какая я... Да, нельзя при чужихъ людяхъ себя обругать. Вѣдь, я хотѣлъ у тебя все отнять, а ты вотъ самъ даришь. А все разные подлецы, завистники твои.

И государь съ взволнованнымъ лицомъ крѣпко обнялъ Разумовскаго, взялъ его за руку и все повторялъ:

— Прости меня, голубчикъ! Вотъ ты человѣкъ, а это все свиньи! показалъ онъ на свою свиту, забывъ, что тамъ и принцъ Жоржъ, и Гольцъ, и другіе ни въ чемъ неповинные.

Приношеніе Разумовскаго, конечно, произвело на свиту дѣйствіе оглушительнаго удара грома. И дѣйствительно, кромѣ Алексѣя Григорьевича, во всей Россіи никто не могъ поднести такой подарокъ.

Съ этой минуты, переступивъ порогъ палаты Разумовскаго, государь особенно развеселился. Да и вся свита, всѣ гости, которые начали съѣзжаться, хотя имъ было ни тепло, ни холодно отъ милліона, перешедшаго изъ рукъ Разумовскаго въ руки государя, все-таки повеселѣли отъ одной близости къ этому милліону.

XVII.

Черезъ часъ всѣ гости уже сидѣли въ огромной залѣ за большимъ столомъ и пировали. Государь былъ веселѣй всѣхъ. Принцъ Жоржъ былъ не менѣе веселъ, потому что, садясь за столъ, государь хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Ну, mein Onkel. Такъ и быть! Я вамъ пятьдесятъ тысячъ изъ этихъ денегъ подарю. Это будетъ, какъ разъ, ваше жалованье, за два года впередъ.

Когда разлили первую бутылку шипучаго венгерскаго, государь провозгласилъ тостъ въ честь хозяина. Всѣ шумно поднялись, и громкіе крики «вивать», вошедшіе въ моду при новомъ царствованіи, огласили палаты.

Государь снова обнялъ Разумовскаго, поблагодарилъ его за подарокъ и, обращаясь къ сидѣвшимъ около него двумъ посланникамъ, австрійскому Мерсію и датскому Гакстгаузену, вымолвилъ по нѣмецки:

— А что, господа резиденты, случалось-ли подобное въ аналахъ вашихъ странъ, чтобы подданный дарилъ своему монарху такую сумму? У васъ, прибавилъ государь, обращаясь къ Гакстгаузену, оно и быть не могло. У васъ самый богатый вельможа имѣетъ пять крейцеровъ въ день на все свое пропитаніе. А вотъ у васъ, господинъ Мерсій? Хотя бы за все царствованіе Маріи Терезіи могло-ли бы случиться когда-либо нѣчто подобное!

— Не знаю, ваше величество. Но ея величество императрица никогда не нуждалась въ деньгахъ.

— Этого не можетъ быть! воскликнулъ государь.

Мерсій вспомнилъ вдругъ, что во время прошлой войны съ Фридрихомъ понадобилось около полмилліона, чтобы закупить главныхъ сановниковъ одного союзнаго государства, и деньги эти были собраны по подпискѣ въ средѣ венгерскихъ магнатовъ. Подъ шумъ к ликованію гостей, намекъ резидента прошелъ незамѣтно, да и государь не разслышалъ хорошенько словъ посланника, а, обратившись ко всѣмъ гостямъ, вымолвилъ:

— Сдѣлайте удовольствіе хозяину и мнѣ! Напейтесь сегодня всё, какъ можно пьянѣй.

Это приказаніе государя было принято всѣми съ удовольствіемъ, и его начали быстро приводить въ исполненіе.

Не прошло часа, какъ гулъ, крики и хохоть раздавались на весь домъ, слышны были даже на улицѣ. Принцъ Жоржъ подпивалъ рѣдко, полицеймейстеръ Корфъ еще рѣже, но когда эти два человѣка бывали во хмѣлю, то приходили въ неописанный азартъ.

Принцъ теперь кричалъ такъ громко, что покрывалъ гулъ всѣхъ голосовъ. Онъ доказывалъ что-то черезъ столъ Гольцу, единственному, вполне трезвому за столомъ, но не только Гольцъ не могъ понять, о чемъ говоритъ Жоржъ, но принцъ и самъ ужъ не зналъ.

Но вдругъ гулъ голосовъ притихъ сразу, ибо раздался голосъ государя, уже не веселый, а гнѣвный. Онъ сидѣлъ за столомъ, полу-оборотомъ обращаясь къ Гакстгаузену, лицо его было красно, глаза блестяли. Онъ вдругъ швырнулъ салфетку на столъ и выговорилъ громко, при наступившей полной тишинѣ:

— А я вамъ говорю, господинъ резидентъ, что я далѣе этого терпѣть не хочу. Я двадцать лѣтъ дожидался, за все царствованіе тетушки, и теперь на моей улицѣ праздникъ. Шлезвигъ долженъ быть моимъ! И будетъ моимъ! Я одинъ въ недѣлю справился бы съ Даніей, а что же будетъ, судите сами, когда король Фридрихъ обѣщалъ уже мнѣ свою помощь. Въ два дня мы разнесемъ все ваше капельное государство, и отъ него слѣда не останется на географической картѣ.

Гакстгаузенъ сидѣлъ блѣдный, выпуча глаза, и не зналъ, какъ понять слова государя, какъ вспышку гнѣва, угрозу, о которой онъ завтра же забудетъ, или какъ правду, о которой тотъ случайно, противъ воли, проговорился.

— Да вы, кажется, не вѣрите! воскликнулъ государь. Баронъ,—обратился онъ къ Гольцу,—скажите ему, что это тайный пунктъ въ нашемъ трактатѣ съ королемъ. Онъ мнѣ не вѣритъ, скажите ему, что я не лгу.

Гольцъ, смущенный столько же, сколько и Гакстгаузенъ, не зналъ, что сказать, языкъ не повиновался ему. Важнѣйшій тайный пунктъ договора сдѣлался вдругъ достояніемъ всѣхъ. Гольцъ, по привычкѣ, обратился черезъ столъ къ принцу, какъ бы призывая его себѣ на помощь. Но принцъ, пунцовый, съ разинутымъ ртомъ, не отъ удивленія, а отъ хмѣля, бессмысленно кивалъ головой, какъ китайская кукла. Если бы даже часъ цѣлый прошелъ, то и тогда Гольцъ не нашелся бы что отвѣтить. По счастью, государь, не дождавшись его отвѣта, снова заговорилъ:

— Да, наконецъ, всѣ распоряженія сдѣланы. Гонецъ мой посланъ уже къ Румянцеву недѣлю назадъ, приказать, чтобы онъ считалъ войну уже объявленной. Объ этомъ можете узнать у Волкова и у Гудовича. А я съ войскомъ, команду надъ которымъ поручаю гетману, выступаю черезъ мѣсяць.

— Ваше величество, вымолвилъ, наконецъ, Гакстгаузенъ, какъ прикажете считать мнѣ ваши слова, формальнымъ объявленіемъ войны? Прикажете мнѣ дать знать это моему королю?

— Какъ? Что?! визгливо вскрикнулъ Петръ Ѳедоровичъ. Да я вамъ цѣлый часъ толкую. Это, наконецъ, удивительно! И государь началъ стучать пальцемъ по столу. Я вамъ цѣлый часъ толкую, что двадцать лѣтъ дожидался я взять у васъ Шлезвигъ и вотъ теперь его возьму. Да что объ этомъ толковать! Кончили мы, что-ли? обернулся онъ къ Разумовскому и, подъ влияніемъ гнѣва, поднялся, не дожидаясь отвѣта.

Разумовскій поспѣшилъ послѣдовать примѣру государя, и всѣ гости встали изъ-за стола безъ пирожного.

Шумной толпой двинулись всѣ во внутреннія комнаты. Нѣкоторые изъ гостей, болѣе трезвые, горячо спорили или шептались, большинство, сильно охмѣлѣвшее, или не слышало ничего, или забыло. И снова смѣхъ и веселые голоса огласили палаты.

Гакстгаузенъ немедленно исчезъ изъ дома Разумовскаго. Дипломатъ былъ страшно встревоженъ. Что скажетъ ему его правительство, что онъ, какъ ребенокъ, прозѣвалъ все. Еще вчера доставлялъ онъ успокоительныя депеши, а русскій дворъ уже былъ готовъ къ войнѣ.

Гольцъ, выйдя изъ-за стола, прямо подошелъ къ государю, встревоженный не менѣе Гакстгаузена.

— Ваше величество, зачѣмъ вы огласили эту тайну? Наконецъ, самъ я, пользующійся довѣріемъ вашего величества, признаюсь, ничего не зналъ. Я думалъ, что война съ Даніей можетъ быть, но.... но въ отдаленномъ будущемъ. Король будетъ на меня разгнѣванъ, а, между тѣмъ, я не виноватъ.

— Не сердитесь, милый баронъ, я и самъ не хотѣлъ сегодня объявлять, да разсердилъ меня этотъ старый грибъ, я и сказалъ. Да что за важность, не нынѣ, такъ черезъ мѣсяць, не черезъ мѣсяць, такъ черезъ годъ, а все равно я эту войну начну. Признаюсь вамъ, однако, что теперь, поговоривъ объ этомъ, мнѣ бы хотѣлось хоть сейчасъ выступить. Вѣдь я въ три дня всю Данію завоюю, не только что Шлезвигъ.

И государь постепенно, покуда Гольцъ становился мрачнѣе, развеселился снова.

— Не нравится вамъ? воскликнулъ вдругъ государь, смѣясь и трепля по плечу посла. Мало что! Вѣдь вотъ вы какіе, я вамъ отдалъ даромъ обратно цѣлое, завоеванное тетушкой, королевство, а вы не хотите, чтобъ я себѣ взялъ маленькое герцогство.

Гольцъ пробормоталъ что-то въ объясненіе, но самъ почувствовалъ, что говорить нечего.

Государь двинулся отъ него къ кучкѣ весело хохотавшихъ гостей, вокругъ окончательно захмѣлѣвшаго Жоржа. Но Гольцъ снова догналъ государя и спросилъ:

— Ваше величество, окончательно-ли рѣшенъ этотъ вопросъ и прикажете-ли мнѣ, по долгу посла, дать знать немедленно королю?

Лицо государя омрачилось.

— Я не понимаю васъ, баронъ, вымолвилъ онъ, слегка завинувъ голову назадъ. Что жъ я, наконецъ, императоръ или нѣтъ? Миѣ кажется иногда, что около меня люди самые близкіе забываютъ, что я императоръ російскій. Я вамъ говорю при всѣхъ, что я... заговорилъ государь громко, но залпъ хохота охмѣлѣвшихъ вельможъ покрылъ голосъ его на столько, что Гольцъ не слышалъ ничего.

— Ваше величество недавно писали королю, что собираетесь въ Москву короноваться, а потомъ....

— Короноваться! Все глупости,— успѣю сто разъ.... Это бабы.... Все вздоръ! воскликнулъ государь. Черезъ мѣсяцъ я выступаю съ войскомъ и со всей гвардіей. А королю напишите отъ меня, что онъ обязанъ миѣ помогать деньгами или войскомъ, какъ это стоитъ въ нашемъ трактатѣ.

— Король, выговорилъ глухо Гольцъ, не ожидалъ, что война эта будетъ объявлена вашимъ величествомъ такъ скоро. Это поразить короля, моего монарха. Огорчить его даже! Огорчить!

— А миѣ какое дѣло! вдругъ визгливо вскрикнулъ Петръ Федоровичъ. Да вы, наконецъ, право, кажется.... съ вашимъ королемъ вмѣстѣ....

Но Петръ Федоровичъ запнулся, такъ какъ крайне рѣзкія слова на счетъ Фридриха просились ему на языкъ, и затѣмъ выговорилъ:

— Что я, адъютантъ, что-ли, вашего короля! Я повелитель громаднаго государства, монархъ, который если захочетъ, то можетъ снова возвратить себѣ всѣ тѣ земли, которыя недавно вамъ, сказать ужъ по правдѣ, опрометчиво подарилъ.

Гольцъ даже поблѣднѣлъ.

— Да-съ, опрометчиво! менѣе горячо сказалъ государь. Спросите любого вельможу столицы. Спросите перваго попавшаго мужика на улицѣ! Всякій вамъ скажетъ, что вы и вашъ монархъ искусно провели меня. Ну-съ, размѣялся вдругъ государь весело, вотъ теперь и извольте-ка миѣ помогать бить датчанъ и брать Шлезвигъ. А какъ только мы это кончимъ, хлопнулъ государь въ ладоши, такъ извольте миѣ помогать противъ Польши и Саксоніи, дядю курляндскимъ герцогомъ посадить. А какъ мы и это кончимъ, извольте опять... Ну, тамъ видно будетъ... Это ужъ мой секретъ. А я секрета не разболтаю.

И государь весело двинулся къ кучкѣ гостей, замѣтивъ, что всѣ они выходятъ изъ гостиной на балконъ, а нѣкоторые отътуда уже спустились въ садъ.

Гольцъ тотчасъ же уѣхалъ изъ дома Разумовскаго и поскакалъ прямо къ Гакстаузену.

Государь двинулся со всѣми въ садъ и, сѣвъ на послѣднюю ступеньку каменной лѣстницы, позвалъ къ себѣ хозяина.

— Алексѣй Григорьевичъ, иди, голубчикъ! садись со мной! Каково я отъэспадронилъ ихъ всѣхъ! Знатно! Не ожидали они отъ меня!

Между тѣмъ, вельможи, спустившись въ садъ, по предложению кого-то, начали запросто играть въ чехарду. Зрѣлище это было на столько удивительно и смѣшно, что государь сталъ невольнo хохотать.

Сановники въ мундирахъ, покрытые орденами, бѣгали мимо него, становились по очереди, прыгали, вертѣлись, хохотали, падали.

Наконецъ, пришелъ чередъ принца. Жоржъ, первый разъ въ жизни игравшій въ русскую игру, сталъ на дорожкѣ, растопыривъ ноги. Кто-то, Корфъ или Трубецкой, кричалъ принцу выставить одну ногу впередъ, но Жоржъ не слушалъ и стоялъ. Трубецкой побѣждалъ первый, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, оперся руками въ спину принца, подскочилъ черезъ силу.... но отъ старости, а можетъ, и отъ хмѣля, застрялъ верхомъ на Жоржѣ, неуклюже растопырившимъ ноги. И оба кубаремъ покатились въ траву. Залпъ хохота раздался кругомъ нихъ. Государь хохоталъ болѣе всѣхъ. Два молодца, одинъ отъ удара въ грудь и голову при паденіи, а другой отъ старости, недвижно лежали на травѣ, не имѣя возможности подняться. Ихъ окружили, съ трудомъ подняли на ноги. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ, кромѣ нихъ, снова играли въ горѣлки. Государь присоединился къ прочимъ, но будучи моложе всѣхъ, бѣгалъ проворнѣй и ловчѣе и, не будучи ни разу пойманъ ни однимъ изъ нихъ, вдругъ разсердился.

— Что-жъ, вы, поддаваться вздумали! Потому что я государь! Развѣ такъ играютъ! Это лакейство! Играйте, какъ слѣдуетъ. Догоняйте! Ты, Корфъ.... Ну-ка....

— Да.... Гдѣ-же мнѣ.... ва-ше.... ва-а-ше.... забормоталъ ошалѣвшій отъ вина и отъ усталости Корфъ.

— Вздоръ! Догонять.... Гетманъ! Ну.... За коровами бѣгать умѣлъ, а теперъ, вишь....

И въ ту же минуту государь запнулся; онъ замѣтилъ что-то сіявшее на дорожкѣ и, быстро сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, нагнулся и поднялъ звѣзду своего любимаго голштинскаго ордена святой Анны.

— Это кто потерялъ? громко воскликнулъ онъ, слегка мѣняясь въ лицѣ. Топтать ногами орденъ, учрежденный въ память моей покойной матери! А?! Кто потерялъ?! Кто по-те-рялъ?!.

И сразу всѣ хотавшіе и возившіеся шалуны, изъ которыхъ самому молодому было лѣтъ пятьдесятъ, присмирѣли, и со страхомъ каждый шарилъ руками по своей груди. Владѣлецъ звѣзды не нашелся. Оказалось тотчасъ кавалеровъ семь этого ордена, но у всѣхъ звѣзда была на груди. Оглядѣвъ себя, оглядѣвъ другъ дружкѣ, пересчитавшись, компанія замѣтила, что не всѣ были на лицо, не было и самого хозяина дома. При наступившей внезапно тишинѣ всѣ разслышали странные вопли за кустами. Базалось, что это овца бляела.

Государь, держа звѣзду въ рукахъ, двинулся на это бляеніе и увидѣлъ Разумовскаго, который поддерживалъ Жоржа. А Жоржъ этими овечьими печальными звуками разставался съ тѣми блюдами, которые покушалъ за обѣдомъ и растревожилъ въ чехардѣ....

Звѣзда оказалась его! Но дядя былъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что государю нельзя было и разсердиться.

— Ну, хорошо, mein Onkel... воскликнулъ государь, снова весело, все-таки накажу. Она бриллиантовая! У кого изъ васъ нѣтъ еще Анны?

— У меня нѣтъ! У меня! У меня! раздалось сразу пять голосовъ.

— Лови! воскликнулъ государь и бросилъ звѣзду вверхъ.

Кучка сановниковъ шарахнулась съ воплями... и ринулась. Одинъ упалъ, другой насѣлъ верхомъ на третьяго, четвертый подмялъ пятаго... И все сразу очутилось и елозило на землѣ, отбивая другъ у дружки засорившуюся въ песокъ звѣзду.

XVIII.

Наступилъ уже іюнь мѣсяцъ и принесъ много новаго.

Такіе два искусные союзника, какъ баронъ Гольцъ и графиня Скабронская, не могли не достигнуть цѣли, къ которой стремились всѣми силами разума, хитрости и искусства.

Маргарита была, наконецъ, на той высотѣ, о которой когда-то тайно мечтала. Грезы стали дѣйствительностью и, главнымъ образомъ, конечно, благодаря содѣйствію тонкаго дипломата. Уже съ недѣлю какъ высшіе сановники государства перешептывались при встрѣчахъ, ахали и разводили руками, поминная графиню Скабронскую и графиню Воронцову. Кто радовался, а кто ужасался, опасаясь того, что можетъ произойти изъ новой Гольцевой стряпни.

Дѣйствительно, эта новая стряпня пруссака была не хуже мирнаго трактата. Если прежде Гольцъ имѣлъ вліяніе на самые важные вопросы російскаго государственнаго строя, то теперь вліяніе его могло сдѣлаться безграничнымъ при помощи такой союзницы, какъ Маргарита.

А она была предана ему всей душой, потому что чувствовала, что ей теперь мало одного кокетства, ей нужно многое, чего ей не дало ни воспитаніе, ни образованіе, и чѣмъ богаты Гольцы. Только при его помощи она можетъ сдѣлаться изъ простой авантюристки, хотя и русской графини, всесильной личностью въ этой странѣ, куда забросила ее судьба. Маргарита была совершенно счастлива. Голова кружилась у нея отъ неожиданнаго поворота въ ея судьбѣ, и только раскаяніе въ недавнемъ роковомъ шагѣ, который казался ей теперь бессмысленнымъ, мѣшало полному счастью.

Если у нея былъ вѣрный союзникъ, который помогалъ ей всячески, даже въ мелочахъ, то одновременно съ этимъ было около нея другое существо, способное и готовое погубить ее ежедневно. Это былъ, конечно, юноша Шепелевъ. Остатки чувства къ нему, которые были въ ней еще недавно, хотя слабые, теперь исчезли окончательно. Она относилась къ нему такъ же, какъ когда-то къ большому мужу. Она почти не вѣрила себѣ, что еще недавно могла увлечься красивымъ мальчуганомъ. Прежде она ждала смерти мужа и все мечтала о томъ, какъ отъ него избавиться, теперь она ужъ хладнокровно обдумывала и обсуждала, вмѣстѣ съ Гольцемъ, какъ избавиться отъ Шепелева. Передъ собой она оправдывалась просто.

— Я, стало быть, никого любить не могу, думала она.

Въ Шепелевѣ первый пылъ страсти, конечно, прошелъ, но у него осталось искреннее, глубокое чувство къ этой женщинѣ, которая первая познакомила его со всѣми восторгами и страданиями первой любви. Маргарита рѣже принимала его, избѣгала

встрѣчь и, очевидно, пережъвившись къ нему, становилась день ото дня все равнодушнѣе и къ его чувству, и къ его мученіямъ. Сначала Шепелевъ безумно, злобно ревновалъ ее, но затѣмъ и это бурное чувство должно было пройти, душа изболѣлась на столько, что уже не могла попрежнему чувствовать также сильно. Буря улеглась въ душѣ его; ее замѣнила грусть, даже глубокая скорбь. Снова ходилъ юноша блѣдный и печальный, какъ потерянный, не зная куда дѣваться съ своимъ горемъ..

Единственный человѣкъ, съ которымъ отводилъ онъ душу, была княжна Василекъ. Только бесѣды съ Василькомъ, ея кроткій голосъ, ея дивные глаза, которые теперь Шепелевъ оцѣнилъ и полюбилъ, низводили миръ и тишину въ его наболѣвшее сердце. Скоро жизнь его распалась будто на два отдѣльных міра, на міръ горя и злобы, гдѣ властвовала Маргарита, и на міръ тишины и добра, гдѣ царила Василекъ. И Шепелеву случалось теперь, послѣ бурной сцены ревности съ Маргаритой, съ наслажденіемъ бѣжать къ новому другу, княжнѣ, и въ тишинѣ полудеревенскаго дома Тюфякиныхъ находить покой и отраду.

Когда-то въ дѣтствѣ, потомъ уже юношей, передъ отъѣздомъ на службу, онъ всегда мечталъ о сестрѣ, всегда жалѣлъ, что у него нѣтъ сестеръ. Теперь здѣсь онъ вдругъ какъ-то нечаянно, неожиданно нашелъ эту сестру. Ему казалось теперь, что онъ любитъ Василька столько же, сколько и Маргариту. Столько же, но не такъ же. Однажды нечаянно ему пришелъ на умъ простой вопросъ: что если бы эти обѣ женщины тонули, которую бы изъ двухъ вытащилъ онъ на берегъ первую? Онъ не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, и невозможность дать отвѣтъ поразила его. Стало быть, онъ любилъ обѣихъ равно.

— Да, равно, рѣшилъ онъ наконецъ, но не на одинъ ладъ и, пожалуй, даже княжну люблю больше! И чувство это хорошее, ничѣмъ не испорченное!

Не смотря на видимую холодность Маргариты, Шепелевъ, какъ и всѣ влюбленные, всячески, на разные лады старался объяснить ея холодность какими-нибудь пустяками, то капризомъ, то нездоровьемъ, то ревностью. Во всякомъ случаѣ Шепелевъ хотя и ревновалъ ее, но еще твердо вѣрилъ, что до полной измѣны далеко. Графиня бокетничаетъ направо и налево даже съ самыми высшими лицами въ городѣ, но и только! Покуда она принадлежитъ ему одному.

Наконецъ, однажды судьба будто нарочно захотѣла такъ устроить, что онъ получилъ два роковыхъ удара въ самое сердце въ одинъ день.

Утромъ на парадѣ государь остался доволенъ преображенскимъ полкомъ, подозвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и сталъ весело и ласково бесѣдовать съ ними объ экзерциціи и объ ихъ успѣхахъ.

Государь хвасталъ теперь тѣмъ, что старый полководецъ Минихъ въ себя не можетъ придти отъ удивленія, какъ быстро измѣнилась гвардія.

— Я во всю мою службу, говорилъ Минихъ, ничего не могъ изъ нихъ сдѣлать, какъ ни просила меня о томъ царица Анна Іоанновна, а вы, ваше величество, въ пять мѣсяцевъ поставили гвардію на одну линію съ фридриховскими солдатами.

Отчасти Минихъ льстилъ, отчасти былъ правъ.

Ежедневные смотры, разводы, парады и разнаго рода экзерциціи подтянули и стараго, и молодаго. Полки смотрѣли бодрѣ, и если не веселѣй, то стройнѣй. Полкъ пересталъ казаться случайнымъ сбродомъ или шайгой одинаково одѣтыхъ парней.

На этотъ разъ государь, замѣтя большіе успѣхи офицеровъ, долго и милостиво разговаривалъ со всякимъ изъ нихъ. Наконецъ, глянувъ черезъ Баскакова и Квасова, онъ увидѣлъ Шепелева, узнавъ въ немъ сержанта, поздравленнаго офицеромъ на балѣ Гольца, и позвалъ его.

Шепелевъ сдѣлалъ два шага впередъ и очутился впереди.

— Вѣдь это ты былъ дежурнымъ у Гольца? спросилъ государь.

— Точно такъ, ваше величество!

— Помню, помню. Какъ твоя фамилія?

— Шепелевъ, ваше величество.

— Шепелевъ. Родня гофмаршала и толсторожей Мавры Егоровны, тетушкиной пріятельницы?

— Точно такъ, ваше величество.

— Шепелевъ, повторилъ государь. Скажи на милость. А я вѣдь думалъ, ты нѣмецъ. Я, по правдѣ сказать, оттого на балѣ тогда.... но государь запнулся и не договорилъ. Ну, русскій, такъ русскій, твое счастье.

Государь повернулся за чѣмъ-то къ принцу Жоржу.

Шепелевъ хотѣлъ снова встать на свое мѣсто, но вдругъ Петръ Ѳедоровичъ снова обернулся къ нему и выговорилъ быстро, какъ если бы слова невольно сорвались у него съ языка:

— За что она тебя вдруг не влюбила? воскликнул онъ. Шепелевъ, не понимая, молчалъ.

— Тогда вѣдь графиня за тебя просила на балѣ, а теперь все просить—тебя выслать изъ Петербурга.

Юноша, стоя на шагъ отъ государя, такъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, что Петръ Федоровичъ даже изумился.

— Да, ты не бойся, разсмѣялся онъ. Она уже дней десять проходу мнѣ съ этимъ не даетъ. Но я разъ сказалъ, что не хочу—и баста, этого не будетъ. Нельзя всѣ бабы капризы исполнять. Нынѣ станеть просить произвести въ фельдмаршалы кого-нибудь, а завтра станеть просить въ каторгу сослать или повѣсить. Это невозможно! Есть русская пословица, что у бабы.... Ну, не помню!! Мудреная пословица!

— У бабы, ваше величество, выговорилъ Квасовъ, сто двѣ увертки въ день....

— Нѣтъ, не та, другая! разсмѣялся государь.

— Бабѣ вранье на свиньѣ не объѣдешь, снова сказалъ Квасовъ.

— Вѣрно! А ты много знаешь пословиць! и государь повернулся снова къ принцу.

Принцъ ухмылялся и, показавъ пальцемъ на все еще блѣднаго Шепелева, вымолвилъ:

— Es ist unser hegg nicht-nicht!...

Шепелевъ, пораженный слышаннымъ отъ государя, стоялъ, какъ истуканъ, и не слыхалъ словъ принца. За то Квасовъ слышалъ и подумалъ:

— Охъ, заладила Маланья, про свои алады!

По отъѣздѣ государя, Квасовъ бросился къ племяннику.

— Что-же это, пороса, за притча? Вѣдь не зря-же болтаеть онъ? Вотъ онъ, бабы-то, родимый! Ей теперь, стало-быть, нужда отвязаться отъ тебя, такъ ты упаси самъ себя, брось ее, не перечь, не мѣшай. Коли просить о высылкѣ, стало-быть, ты у нея бѣльмомъ на глазу, ну и брось, пушай ее. А то и впрямь добьется высылки. Государь мягкосердъ, да и вдобавокъ: баба—пила, хоть кого перепилить. Ты знаешь-ли, самой малюсинькой пилочкой можно столѣтній дубъ свалить на землю?

Долго говорилъ Акимъ Акимовичъ, но Шепелевъ, грустно задумавшись, не слушалъ дядю.

XIX.

Въ тотъ же день Шепелевъ рѣшился на объясненіе съ самой Маргаритой. Не заставъ ея дома, онъ вернулся въ сумерки, видѣлъ самъ, какъ она подъѣхала, вышла изъ экипажа, но швейцаръ снова ему отказалъ. Наконецъ, вечеромъ, въ ту минуту, когда онъ подъѣзжалъ къ дому графини, она случайно опять садилась въ маленькую карету и видимо спѣшила.

Шепелевъ еще ни разу не видалъ у нея ни этой кареты, ни этой красивой вороной лошади, ни этого кучера, одѣтаго нѣмецкимъ почталыономъ, въ курткѣ, красномъ жилетѣ и ботфортахъ. И будто что-то подсказало Шепелеву не появляться, а тайно ѣхать за ней. Эта чужая карета возбудила его подозрѣнія.

Онъ остановилъ извозчика, далъ Маргаритѣ сѣсть и уѣхать и въ недалекомъ разстояніи двинулся за ней. Темная ночь легко могла укрыть его.

По направленію, взятому каретой, Шепелевъ не могъ понять, куда ѣдетъ Маргарита. Онъ зналъ теперь всѣхъ ея знакомыхъ, ихъ дома, и зналъ, что въ этой части города у графини знакомыхъ нѣтъ. Проѣхавъ большую дворцовую площадь, затѣмъ, миновавъ небольшой дворецъ, гдѣ жилъ принцъ Жоржъ, карета выѣхала на набережную къ тому мѣсту, гдѣ когда-то они вмѣстѣ любовались фейерверкомъ. Проѣхавъ берегомъ мимо нѣсколькихъ домовъ, карета остановилась. Шепелевъ нагналъ ее. Маргарита не выходила.

Наконецъ, въ огняхъ мелькнулъ свѣтъ, дверь крыльца отворилась, и къ каретѣ вышелъ офицеръ.

Въ ту же минуту Шепелевъ соскочилъ съ дрожекъ и былъ тоже около Маргариты. И она, и офицеръ невольно вскрикнули отъ неожиданности.

— А, такъ вотъ что! Вотъ гдѣ ты теперь бываешь! воскликнулъ Шепелевъ.

— Безумный мальчишка! выговорилъ Фленсбургъ. Тише! Знаешь-ли ты, что дѣлаешь? Знаешь-ли ты, кто...

Но Маргарита схватила Фленсбурга за руку, и онъ запнулся.

— Миѣ дѣла нѣтъ! Я не позволю! почти теряя разсудокъ, воскликнулъ Шепелевъ.

Неизвѣстно, что произошло бы здѣсь, но Маргарита схватила юношу за обѣ руки и стала изъ всѣхъ силъ толкать его въ свою карету.

— Садись! Я съ тобой. Садись скорѣй! Я тоже, понимаешь? Я съ тобой, заговорила она тихо, будто совершенно потерявшись.

И въ голосѣ ея звучала и боязнь, и полная покорность, готовность на все, что бы въ эту минуту ни приказалъ онъ.

Не помня себя, почти не зная, что онъ дѣлаетъ, Шепелевъ вскочилъ въ эту маленькую карету. Маргарита прыгнула за нимъ и велѣла кучеру скорѣй отъѣзжать отъ дома.

Карета быстро повернула и помчалась вдоль набережной.

Фленсбургъ остался среди тьмы передъ крыльцомъ, въ положеніи истукана или статуи, изображавшей полное изумленіе.

Дорогой Шепелевъ осыпалъ Маргариту упреками, то угрожалъ ей, то молилъ, то клялся, что убьетъ ее, то, покрывая ея руки поцѣлуями и слезами, просилъ не губить его, просилъ даже уѣхать, бѣжать изъ Петербурга къ нему въ вотчину къ его матери, чтобы обвиняться съ нимъ.

Маргарита сидѣла недвижимо, тоже какъ статуя. Руки ея были холодны, какъ ледъ, и только изрѣдка она нервно, судорожно сжимала ихъ, такъ что ея маленькіе пальчики хрустѣли отъ судорожныхъ движеній. Если-бъ было не совершенно темно, то Шепелевъ могъ бы увидѣть ея блѣдное лицо, свербающій взглядъ и даже отчасти побѣлѣвшія губы, по временамъ вздрагивающія и бормотавшія что-то на ея родномъ языкѣ. И въ эту минуту она походила вполнѣ на олицетвореніе злобы и зла.

Когда Шепелевъ сталъ усиленно требовать отъ нея, хотя одного слова объясненія, она порывисто отвѣтила:

— Молчи! Дома все скажу.

И въ этотъ вечеръ въ той же красивой гостиной съ куполомъ, гдѣ когда-то бывали они такъ счастливы и гдѣ еще недавно лежалъ на столѣ покойникъ, а съ юношей произошелъ невѣроятный и глупый случай, въ этой же самой комнатѣ теперь произошла еще болѣе невѣроятная сцена.

Сначала Маргарита, запершись съ офицеромъ на ключъ, призналась ему искренно во всемъ. Шепелевъ ревновалъ ее къ Фленсбургу, она объяснила ему всю ничтожную роль самого Фленсбурга въ томъ, чему внезапно помѣшалъ Шепелевъ. Она думала полнымъ признаніемъ обезоружить юношу и къ ужасу своему увидѣла, что ошиблась, что дала ему еще болѣе сильное оружіе въ руки! Своею откровенною исповѣдью она сама себя погубила! Чувство юноши было настолько велико, что онъ не могъ идти ни на какія уступки и уговоры и сдѣлки съ

своею совѣстью. Все было мало, мизерно и ничтожно для него, сравнительно съ тѣмъ чувствомъ, которое поглощало все его юное существо.

— За тебя, воскликнулъ онъ безумно, я на самаго сатану не побоюсь....

Маргарита знала его давно, а вполнѣ узнала только теперь. Она думала найти въ немъ такую испорченную натуру, какъ и всѣ ея окружающіе. Она думала задѣть его за честолюбіе, оказалось, что у юноши есть только одно—его любовь къ ней! И вотъ это одно онъ ни за что, никому, никогда не отдастъ!

— Сама, сама себя погубила! думала Маргарита, сидя теперь передъ Шепелевымъ съ опущенной на руки головой и стараясь придумать какой-нибудь исходъ изъ того положенія, въ которое она себя безмысленною исповѣдью поставила.

Но отъ всего перечувствованнаго за этотъ вечеръ, отъ усилій нравственныхъ, которыя она дѣлала надъ собой, голова ея будто устала, разумъ будто отуманился. Она ничего и придумать не могла.

— Что дѣлать? Что дѣлать? безъ конца повторяла она мысленно и, наконецъ, невольно выговорила слова эти вслухъ, съ полнымъ отчаяніемъ въ голосъ.

— Одно дѣлать! воскликнулъ Шепелевъ, опускаясь передъ ней на колѣни. Брось это все и люби меня! Меня! Слышишь-ли, одного меня! Уѣхать отсюда! Стоитъ-ли губить меня, да и себя изъ-за двухъ недѣлей или мѣсяца прихоти. Вѣдь это прихоть его! Ты сотая или тысячная женщина у него. Черезъ мѣсяць онъ забудетъ даже твое имя, а наша любовь погибнетъ, будетъ опозорена.

Маргарита долго молчала, не отнимая головы отъ рукъ. Наконецъ, она вдругъ подняла голову, лицо ея было блѣдно, какъ полотно, глаза страшно какимъ-то дикимъ огнемъ засверкали на юношу. И вдругъ Маргарита расхохоталась какимъ-то металлически-звонящимъ, отвратительнымъ смѣхомъ.

У Шепелева даже сердце замерло отъ этого смѣха. Онъ никогда въ жизни не слыхалъ подобнаго.

Маргарита потрясла головой, оглянулась на комнату и на него, передъ ней на колѣняхъ, и снова также свергнули глаза ея и снова тѣмъ же ужаснымъ смѣхомъ разсмѣялась она.

— Что съ тобой? невольно, почти робѣя, выговорилъ Шепелевъ.

— Ничего, я рѣшилась! странно улыбаясь, выговорила Маргарита.

Голосъ ея звучалъ странно, казалось, что это говорить существо неразумное, не понимающее собственныхъ своихъ словъ.

— Да, я рѣшилась. Рѣшилась! Рѣшилась!

— На что? вымолвилъ юноша.

— На конецъ. Понимаешь, надо кончить это.

— Ты согласна уѣхать?

— Да, да, согласна на все. Дай мнѣ сроку три дня. Черезъ три дня все будетъ сдѣлано такъ, какъ ты пожелаешь.

— Правда-ли это? воскликнулъ Шепелевъ.

— Блянусь всѣмъ, чѣмъ хочешь. Три дня, слышишь-ли ты? Три дня. И ты даже не придешь сюда, даже не напишешь, ничего не спросишь. Въ три дня я все сдѣлаю и на третій день сама пошлю за тобой или приѣду. Ну, теперь поздно, ступай къ себѣ!

Шепелевъ поднялся, недоумѣвая, и пристально смотрѣлъ ей въ лицо.

— Мнѣ нездоровится, вымолвила, Маргарита. Все это слишкомъ сильно потрясло меня; сейчасъ я лягу. Я чувствую себя дурно, прощай! Уходи!

И Шепелевъ черезъ нѣсколько минутъ былъ уже на улицѣ, задумчивый и грустный. Что-то говорило ему, а, быть можетъ, само лицо Маргариты, ея злые глаза, ея смѣхъ ужасный, дѣйствительно, отвратительный, что она рѣшилась на зло, а не на добро.

— Но, что-же? Что она сдѣлаетъ? вопрошалъ самъ себя Шепелевъ, тихо двигаясь среди пустынной улицы.

XX.

Маргарита, оставшись одна, просидѣла нѣсколько мгновений неподвижно на креслѣ, потомъ снова странно мотнула головой и начала быстро ходить по горницѣ изъ угла въ уголь, такъ какъ будто-бы ей было душно и тѣсно въ этой горницѣ.

Она была внѣ себя отъ гнѣва. Ей все еще чудилось, что совершившееся въ этотъ вечеръ было сномъ и самымъ ужаснымъ проницескимъ сномъ. Дѣйствительно, судьба будто издѣвалась надъ ней. До сихъ поръ въ жизни все удавалось ей, никогда не случалось ей запутаться; а теперь мальчуганъ, которымъ она

непонятно, бессмысленно увлеклась на минуту, запуталъ ее въ какія-то простыя, но крѣпкія сѣти, изъ которыхъ она не знала какъ выбраться.

Въ этотъ вечеръ почти рѣшалась судьба ея. Въ этотъ вечеръ должно было состояться первое свиданіе, о которомъ еще недавно она не смѣла бы и мечтать. А куда должно было привести это свиданіе, къ какимъ послѣдствіямъ, къ какому громадному перевороту въ ея жизни, трудно было и опредѣлить. И все это зданіе, долго, съ трудомъ, съ искусствомъ возводимое, рухнуло отъ простаго толчка взбалмошнаго юноши. Можно-ли еще вернуть потерянное? Поправима-ли нынѣшняя бѣда? Въ этомъ домѣ она должна была встрѣтиться съ государемъ, который за послѣднее время явно и сильно ухаживалъ за ней. Всѣ говорили, что онъ серьезно увлекся красивой иноземкой, серьезно не равнодушенъ къ ней. Всѣ знали, что государь былъ влюбчивъ, что за послѣдніе десять лѣтъ не было ни одной женщины при дворѣ и въ обществѣ, за которой онъ не ухаживалъ бы хотя мѣсяць. Всѣ знали, что не было ничего болѣе шаткаго, какъ всѣ эти мимолетныя связи и вспышки влюбливаго сердца. Единственная женщина въ Петербургѣ, чувство къ которой было крѣпче другихъ и продолжалось около трехъ лѣтъ, была графиня Воронцова, самая некрасивая и самая глупая женщина всей столицы. Но здѣсь была уже простая дружба, и эти дружескія отношенія не мѣшали государю продолжать поочередно быть занятымъ и иногда поглощеннымъ на время разными красавицами.

Гольцъ и Маргарита знали это, но они знали еще и другое. Гольцъ зналъ, что ни у одной изъ этихъ женщинъ, мимолетно-любимыхъ государемъ, не было вѣрнаго союзника, такого, какъ онъ. Маргарита знала, что изъ прежнихъ красавицъ петербургскихъ, нравившихся государю, не было ни одной такъ красивой, какъ она. Когда-то она не была увѣрена, что государь обратитъ на нее вниманіе, хотя большое общество уже поклонялось передъ ея красотой и умомъ. Но она была увѣрена вполнѣ, что государь, разъ обративъ на нее вниманіе, на долго, если не на всегда, останется подъ ея вліяніемъ, полнымъ и исключительнымъ.

— Заставить его первый шагъ сдѣлать, вотъ что мудрено!.. думала она. А второй, десятый, сотый... будетъ для меня шуткой и забавой.

За послѣднее время ей нуженъ былъ второстепенный помощникъ, нуженъ былъ не вполнѣ опрятный душой человѣкъ, хи-

трый, честолюбивый и скрытный. Тотъ же Гольцъ указалъ графинѣ на Фленсбурга, и Маргарита сразу согласилась, что именно таковъ шлезвигскій уроженецъ. Мировая съ Фленсбургомъ совершилась быстро. Фленсбургъ и Маргарита примирились искренно, поняли другъ друга на полсловъ и повяли дѣйствовать искренно и дружно.

Фленсбургъ, собиравшійся было дѣйствовать противъ Гольца и графини и выдвинуться доносомъ и захватомъ орловскаго кружка, съ радостью вступилъ въ союзъ со своими врагами, когда этотъ союзъ подвигалъ его еще болѣе на пути честолюбія. Благодаря ходатайству Гольца, Фленсбургъ тотчасъ же бросилъ свое, ничего незначущее теперь, мѣсто адъютанта у принца и поступилъ въ канцелярію Гудовича. Тамъ нашлись у него средства еще дѣятельнѣе слѣдить за орловскимъ кружкомъ, но все, что онъ предпринималъ съ этой цѣлью, не зналъ даже самъ начальникъ канцеляріи Гудовичъ. Этотъ трудъ Фленсбургъ бралъ на себя, наслаждаясь мыслью, что вскорѣ и весь успѣхъ возьметъ на себя одного.

Фленсбургъ нанялъ квартиру на набережной, не вдалекѣ отъ дворца принца, гдѣ когда-то жилъ.

Государь уже чаще заговаривалъ съ Фленсбургомъ при встрѣчахъ. Роль помощника Маргариты, которая выпала теперь на его долю, не только не казалась ему унижительной, но даже льстила его-самолюбію. Эта роль была прежде всего выгодна. Любовь и ревность къ красавицѣ Маргаритѣ не могли побороть его честолюбія и отодвинуть его на второй планъ.

Но въ то же время влюбленный юноша ничего, конечно, не знавшій, но все-таки ревнующій, безпокойный, связывалъ Маргариту по рукамъ, и она, дѣйствительно, рѣшилась просить государя о высылкѣ его изъ Петербурга. Но государь, отчасти добродушный, отчасти прихотливый, съ перваго же раза воскликнулъ съ удивленіемъ:

— За что? Славный парень! Богъ съ нимъ! Да и зачѣмъ, что за капризъ? То награждай и повышай, то ссылай, чуть не казни!

И государь былъ совершенно правъ. И чѣмъ чаще настаивала Маргарита, тѣмъ болѣе шутилъ государь и упримо отказывалъ. Въ этихъ случаяхъ, какъ всегда у людей слабодушныхъ, у него являлось какое-то подобіе характера, то, что называютъ упрямствомъ. Послѣ трехъ или четырехъ просьбъ Маргариты,

государь уже окончательно рѣшилъ имъ за что не соглашаться на высылку ничѣмъ неповиннаго юноши. Онъ требовалъ повода и причинъ у Маргариты, а она, конечно, не могла сказать правды; а придумать было нечего.

Наконецъ, однажды, наступилъ давно ожидаемый вечеръ, который долженствовалъ измѣнить судьбу графини Скабронской. Фортуна подавала ей руку, чтобы вести за собой. А куда? Какъ далеко и какъ высоко? Никто, кромѣ самой фортуны, знать не могъ. Маргарита чувствовала только, что ей нужна рука этой фортуны, чтобы подняться только на первыя ступени безконечно-высокой лѣстницы, а затѣмъ она уже не сомнѣвалась достигнуть собственнымъ разумомъ и искусствомъ до послѣдней ступени, чего бы это ей ни стоило.

И вотъ, именно въ этотъ самый день, благодаря неосторожнымъ словамъ государя на плацу, судьба толкнула Шепелева въ домъ Маргариты, а затѣмъ привела его и на подъѣздъ дома Фленсбурга.

И теперь Маргарита, оставшись одна, не могла въ себя придти. Гнѣвъ душилъ ее, и именно этотъ гнѣвъ заставилъ ее смѣяться тѣмъ смѣхомъ, звенящимъ, металлическимъ, безчувственнымъ, который показался юношѣ такъ отвратителенъ. Въ то мгновеніе, когда Маргарита хотела такъ, она рѣшила въ сердцѣ отдѣлаться отъ этого юноши, уничтожить его, какъ преграду, уничтожить какимъ-бы то ни было образомъ, хотя бы самымъ безчеловѣчнымъ. Честолюбіе и въ ней тоже заглушило все, что было въ ней добраго и хорошаго. Казалось, что честолюбіе это есть главный фибръ ея существа. И едва только обстоятельства коснулись этой слабой струны, всѣ лучшія и добрыя стороны души замолкли. Когда-то она говорила Лотхенъ, что никогда никого не любила и не полюбитъ, что она сама—ея первая и послѣдняя любовь. Теперь она чувствовала это болѣе, чѣмъ когда-либо.

Планъ, какъ дѣйствовать, мгновенно зародился и созрѣлъ въ головѣ ея въ тѣ самыя минуты, когда Шепелевъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, покрывая руки ея поцѣлуями и слезами такой любви, которой эта женщина и не стоила.

И теперь она окончательно рѣшилась на исполненіе этого плана. Нѣсколько разъ собиралась Маргарита позвать Лотхенъ и лечь въ постель, но каждый разъ ей снова и снова вспоминалось, какъ юноша заставилъ ее изъ боязни пагубной развязки броситься въ карету, уѣхать, увозя и его. И каждый разъ бур-

ное чувство злобы будто приливомъ душило ее, и ей было не до сна.

Наконецъ, она вымолила вслухъ:

— И отлично! Отлично! Дѣло поправить можно, и по крайней мѣрѣ теперь, благодаря этой комедіи, я возненавидѣла его окончательно. Святая Марія! Какъ я ненавижу тебя! воскликнула она, стоя среди комнаты и будто обращаясь мысленно къ Шепелеву. Да! Отлично! Все къ лучшему, отлично! Еще уторми мнѣ было жаль тебя, теперь же я готова собственными руками...

Маргарита подняла руки надъ головой и въ ея жестѣ сказались злоба тигрицы. Въ эту минуту казалось, что ея маленькія, красивыя и бѣленькія ручки способны въ самомъ дѣлѣ растерзать человѣка.

Наконецъ, она позвала Лотхенъ, но не смотря на всѣ расспросы нѣмки, ничего ей не объяснила, сказала, что у ней болитъ голова, и только велѣла на другой день по-раньше разбудить себя.

XXI.

На утро, Фленсбургъ, проведеній самый непріятный вечеръ, какой когда-либо удавалось ему провести въ жизни, получилъ отъ графини записку быть у нея немедленно. Она вышла къ нему въ черномъ атласномъ платьѣ и черномъ вуалѣ, которые надѣвала крайне рѣдко. Ей захотѣлось надѣть трауръ!...

Вѣсти, привезенныя Фленсбургомъ, не оказались дурными, и въ тотъ же вечеръ Маргарита могла, если того пожелаетъ, быть снова у него.

— Но что жъ намъ дѣлать съ этимъ сумасшедшимъ теперь? воскликнулъ Фленсбургъ.

Маргарита разсмѣялась короткимъ смѣхомъ, уже легкимъ отголоскомъ вчерашняго. Та же нота отвратительной злобы и бездушной жестокости звучала въ этомъ смѣхѣ, но только слабѣй.

— Вы смѣетесь, а я у васъ серьезно спрашиваю. Надо кончить. Что жъ намъ съ нимъ дѣлать?

— Все! отозвалась вдругъ Маргарита тихо и спокойно.

— Что?

— Все, говорю я вамъ.

— Я васъ не понимаю.

— Странно. Вы спрашиваете, что съ нимъ дѣлать. Я отвѣчаю: все. Поняли?

Фленсбургъ подумалъ мгновеніе и выговорилъ нѣсколько нерѣшительнымъ голосомъ:

— Да, т. е. не совсѣмъ. Я понялъ такъ, что бы ни случилось съ этимъ мальчуганомъ, вы все одобрите?

— Все! кратко и сухо повторила Маргарита. Но я сама не могу. А кто пойдетъ на это все? Фленсбургъ усмѣхнулся. Улыбка его говорила:

— Разумѣется, ты рассчитываешь на меня. Опять я! И на этотъ разъ я долженъ даже рисковать собой, я долженъ изображать кошачью лапу, достающую каштаны изъ огня. Я рискую, а ты только воспользуешься успѣхомъ.

— Вотъ видите-ли, вымолвила Маргарита, я рѣшилась на все, а помочь мнѣ некому.

Фленсбургъ пожалъ плечомъ.

— Полноте! Зачѣмъ мы будемъ играть. Я понимаю, что вы выбрали меня, иначе вы бы не стали говорить. Ну, что жъ, я пойду на это все.

— Но какъ? Вотъ вопросъ. Что? Какимъ образомъ!

— Ну, да нечего играть съ вами! вдругъ вымолвилъ Фленсбургъ. Вѣдь его убить надо?

И онъ пристально взглянулъ въ лицо Маргариты. Она нетерпѣливо дернула плечомъ и отвернулась.

— Что жъ? вымолвилъ Фленсбургъ.

— Ахъ, Боже мой! Вамъ хочется заставить меня сказать то, что вы понимаете. Извольте. Да, его надо убить, потому что другаго исхода нѣтъ. Выслать нельзя. Купить тоже ничѣмъ нельзя. Даже оклеветать нельзя....

— И вамъ будетъ его не жаль? уже съ любопытствомъ выговорилъ Фленсбургъ.

— Какъ это глупо! отозвалась Маргарита.

Наступило мгновенное молчаніе.

— Странныя вы существа—женщины! задумчиво проговорилъ Фленсбургъ. Странныя! Вчера рѣшаются на безумный поступокъ, рискуютъ своимъ положеніемъ, добрымъ именемъ, безумствуютъ, какъ бы отъ самой сумасшедшей страсти, которая какъ будто поглотила все существо, способна вести хоть на смерть, а сегодня....

— Да, ужъ вы бы лучше поступили въ проповѣдники! прервала его Маргарита, усмѣхаясь. Поступайте, вотъ сюда, напротивъ, въ церковь нашу, да по воскресеньямъ съ амвона и про-

повѣдуйте объ испорченности нравовъ и о слабостяхъ дочерей праматери Евы.

— Простите! Это явилось поневолѣ. Но не въ томъ дѣло, надо подумать! Рѣшиться мало, надо сѣумѣть довести дѣло до успѣшнаго конца. Обѣщаюсъ вамъ подумать.

— Не забудьте однако, что я вамъ даю только три дня срока.

— О! Этого для меня совершенно достаточно. Такъ до свиданія! Будете ли вы сегодня вечеромъ?

Маргарита разсмѣялась и выговорила:

— А какъ вы думаете?

— Но если онъ опять явится?

— Нѣтъ, ужъ за это я вамъ отвѣчаю. Три дня онъ будетъ ждать у себя того, что я ему обѣщала.

— Т. е. смерть! разсмѣялся Фленсбургъ. Глупо, а все-таки скажу, бѣдный юноша! Зачѣмъ онъ замѣшался на вашемъ пути? Знаете-ли, что мнѣ его жаль!

— Святая Марія! раздражительно воскликнула Маргарита. Вы нынче невозможны. И я боюсь даже, что вы колеблетесь, что вы ничего не сдѣлаете. Даете-ли вы мнѣ слово?

— Даю, даю, успокойтесь! Это «все», это прелестное женское «все» будетъ исполнено прежде трехъ дней.

Маргарита пристально глядѣла въ лицо Фленсбурга, чтобы убѣдиться окончательно въ искренности его словъ. Лицо шлезвигца было спокойно, рѣшительно и холодно. Онъ не рѣшался въ минуту вспышки, а рѣшался просто, безтрепетно, почти равнодушно.

Маргарита повѣрила ему и почувствовала, что судьба юноши рѣшена ими двумя, безповоротно и безжалостно. Она тихо опустила глаза съ лица Фленсбурга на полъ, а затѣмъ незамѣтно, будто подъ какою-то тяжестью тихо опустила и голову.

Фленсбургъ простился, пожалъ ея слегка похолодѣвшую руку и вышелъ.

Маргарита все стояла на томъ же мѣстѣ. Наконецъ, она очнулась, какъ бы отъ сна, подняла голову, увидѣла себя въ зеркалѣ и вздрогнула. Она испугалась своей собственной черной фигуры съ матово-блѣднымъ лицомъ. Тихо сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она сѣла на диванъ, и вдругъ слезы показались на ея лицѣ.

— Что жъ дѣлать? Иначе нельзя, выговорила она шопотомъ. Нельзя! Нельзя иначе!

Въ сосѣдней горницѣ раздалися шаги, и Маргарита быстро стерла слезы съ лица.

Гость оказался не простой, а визитъ много значущимъ.... Генералъ-полицеймейстеръ Борфъ явился засвидѣтельствовать графинѣ свое почтеніе. И больше ничего! А прежде онъ никогда не бывалъ у красавицы-иноземки.

Фленсбургъ, между тѣмъ, спокойно вернулся домой и не успѣлъ еще доѣхать къ себѣ, какъ уже рѣшилъ, что дѣлать. Еще когда-то въ маскарадѣ, подъ наплывомъ ревности, онъ рѣшился было вызвать на поединокъ простаго сержанта. Но отъ этой глупости отговорилъ его пріятель Будбергъ. Теперь Шепелевъ былъ офицеромъ, они были равны, и онъ могъ, не унижаясь, драться съ нимъ.

Для Фленсбурга, шлезвигскаго уроженца, покинувшаго родину еще юношей, памяты были постоянные и безконечные поединки студентовъ разныхъ университетовъ, о которыхъ такъ много и такъ часто слыхалъ онъ. Если бы онъ самъ остался въ Германіи, то, конечно, теперь уже разъ двадцать подрался бы. Для него поединокъ казался вещью самой простой и естественной. Разница была только въ томъ, что тамъ поединокъ случался изъ разныхъ пустяковъ и кончался почти всегда легкими ранами, здѣсь же приходилось драться на смерть, или вѣрнѣй сказать: здѣсь приходилось рѣшаться на убійство, идти навѣрняка убивать юношу, едва умѣвшаго держать шпагу.

И теперь роли какъ-то перемѣнились и перепутались, теперь этому же Фленсбургу жалъ было прежняго соперника. Но и онъ, какъ и Маргарита, кончилъ разсужденіемъ: что жъ дѣлать! Иначе нельзя!

XXII.

Ровно черезъ сутки на преображенскомъ ротномъ дворѣ офицеры и даже солдаты толковали о безобразномъ случаѣ, который всѣ видѣли на плацу.

Бывшій адъютантъ ненавидимаго Жоржа привязался ни съ того, ни съ сего къ недавно произведенному офицеру Шепелеву, котораго именно за это въ полку не долюбивали, какъ выскочку и голштинца. Но поступокъ Фленсбурга былъ настолько не справедливъ и рѣзокъ, что всѣ офицеры невольно были на сторонѣ Шепелева.

Фленсбургъ послѣ развода заспорилъ съ юношей по поводу его неправильно будто бы считаго новаго мундира и назвалъ его словомъ: щенокъ!

Юноша вспыхнулъ, бросился къ Фленсбургу, но тутъ же получилъ ударъ въ лицо, настолько сильный, что опрокинулся навзничь. Вскочивъ снова на ноги, онъ снова бросился на оскорбителя и, не смотря на новый ударъ въ грудь, успѣлъ изорвать на Фленсбургѣ мундиръ и ударить его въ лицо. Тогда подошли офицеры и розняли обоихъ.

— Ну, черезъ часъ ты обо мнѣ услышишь! воскликнулъ Фленсбургъ. Дорого тебѣ это обойдется!

И эти слова были поняты на ротномъ дворѣ совершенно иначе. Всѣ офицеры поняли, что Фленсбургъ нажалуется Жоржу и государю, а Шепелевъ будетъ тотчасъ разжалованъ, и во всякомъ случаѣ высланъ изъ Петербурга.

Но Фленсбургъ, произнося эти слова, предполагалъ совершенно иное и даже рѣшился спѣшить. Онъ зналъ отлично, что если дѣло успѣетъ дойти до государя, то, конечно, Шепелевъ не окажется виноватъ, потому что въ дѣйствительности онъ и не былъ виноватъ. Но огласка, допросъ Шепелева, могли повести къ его нескромнымъ заявленіямъ, могли запутать все дѣло и погубить Маргариту.

Послѣ нежданнаго происшествія, Шепелевъ, едва пришедшій въ себя отъ случившагося, сидѣлъ въ квартирѣ дяди, а Квасовъ громадными шагами метался по своей маленькой горницѣ внѣ себя, чуть не натыкаясь на стѣны. Лицо его было блѣдно, губы ежеминутно тряслись. Но съ самой минуты драки и до сихъ поръ онъ не вымолвилъ ни единого слова. Раза два или три Шепелевъ спросилъ что-то у дяди, но Квасовъ вскинулъ только на него помутившимся взглядомъ и не отвѣчалъ ни слова, только закусывалъ дрожащія губы и продолжалъ шагать.

Черезъ часа два въ квартирѣ Квасова появился Будбергъ, и хотя зналъ обоихъ офицеровъ въ лицо, однако спросилъ объ имени и отчествѣ каждаго. Квасовъ остановился, молча, сложивъ руки за спиной, и глядѣлъ на Будберга тѣми же мутными глазами. И Шепелеву, назвавшему себя, пришлось отвѣчать и за дядю.

— Да, это Акимъ Акимовичъ Квасовъ.

Будбергъ въ короткихъ словахъ объяснилъ, что оскорбленный Шепелевымъ его пріятель Фленсбургъ присылаетъ его секундантомъ для вызова Шепелева.

Въ первую минуту ни юноша, ни лейбъ-компанецъ, не поняли словъ голштинца и оба глядѣли на него, почти разинувъ рты.

Будбергъ объяснялся какъ бы съ двумя дѣтьми, передавъ имъ подробно и обстоятельно въ чемъ дѣло. Шепелевъ вдругъ радостно вскочилъ съ своего мѣста, будто лучъ свѣта ярко блеснулъ для него среди полной тьмы. Дѣйствительно, за минуту назадъ, онъ сидѣлъ, не зная какъ выйти изъ своего положенія, а здѣсь ему сразу показали, что сдѣлать, и онъ радостно ухватился за это предложеніе. Онъ слыхалъ о поединкахъ когда-то и не понималъ ихъ, считалъ безумствомъ, грѣхомъ, заморской выдумкой, теперь же ухватился за предложеніе Будберга, какъ утопающій за соломинку.

Квасовъ также понялъ, наконецъ, что надумалъ нѣмецъ.

— Да, протянулъ Акимъ Акимовичъ. Тѣкъ, Тѣкъ!

И это были первые звуки его голоса послѣ двухъ-часоваго молчанія.

— Такъ, теперь понятно! заговорилъ онъ будто самъ себѣ, совсѣмъ понятно! Это, стало быть, по законному, по заморскому. Не влюбилъ человѣка, убилъ на дорогѣ, изъ-за угла или хотъ при всей честной компаніи. Виновать! Въ Сибирь! А это по законному! Не влюбилъ, отдулъ, самъ же обидѣлся и зову: дай, жолъ, себя убить. Ай-да нѣмцы! У васъ всякая мерзость и та такъ отглажена, что просто золотомъ блеститъ. Слыхалъ я всегда, что вы нѣмцы....

И Квасовъ прибавилъ такое слово, отъ котораго Будбергъ покраснѣлъ до ушей.

— Ну, а теперь самъ буду знать, что вы.... И Квасовъ снова повторилъ то же слово.

— Послушайте, господинъ Квасовъ, заговорилъ спокойно Будбергъ. Я не затѣмъ пришелъ, чтобы слушать отъ васъ оскорбительныя выраженія. Я знаю, что намъ будетъ очень мудрено втолковать вамъ всѣ правила поединковъ такъ, какъ они исполонъ вѣла совершались и совершаются въ Европѣ. Я зналъ заранѣе и говорилъ Фленсбургу, что прежде, чѣмъ вы поймете и согласитесь, надо будетъ, какъ говорится, выпить цѣлое море.

— Пей, голубчикъ, что хочешь! Хотъ море, хотъ другое, что вотъ тутъ у меня, осуши до дна! А вотъ, что я тебѣ скажу. Поѣзжайте въ Фленсбургу и скажите ему, что дядя съ племянникомъ на все согласны. Скажите ему, что нѣтъ человѣка, котораго бы я такъ любилъ и уважалъ, какъ господина Фленс-

бурга, и кстати, припомните ему про колбасу, которую я ему въ кабуру вложилъ тому мѣсяца два или три будеть.

— Такъ вы согласны? прервалъ его Будбергъ.

— Согласны, согласны! въ одинъ голосъ отвѣчали Квасовъ и Шепелевъ.

— Гдѣ же и когда мы должны встрѣтиться?

— Гдѣ прикажете,—говорилъ Квасовъ, заслоняя племянника, какъ если бы дѣло шло о немъ самомъ.

— По дорогѣ въ Метеловку, самое лучшее. Тамъ глухо всегда.

— Самое настоящее разбойничье мѣсто, заговорилъ Квасовъ. Тамъ и будемъ другъ дружку по заморскому и законному рѣзать.

— Такъ завтра въ шесть часовъ утра мы будемъ тамъ съ Фленсбургомъ.

— И мы будемъ.

— И я надѣюсь, прибавилъ Будбергъ, что до тѣхъ поръ никто кромѣ насъ объ этомъ знать не будетъ. Иначе, какъ вы, вѣроятно, понимаете, начальство прикажетъ не допустить поединка, вразумительно говорилъ Будбергъ Квасову.

— Стало быть, вы предполагаете, отозвался Акимъ Акимовичъ, что мы, такъ сказать, сбѣгаемъ сейчасъ къ тетенькѣ пожаловаться на васъ. Не бойтесь, въ шесть часовъ будемъ тамъ.

Будбергъ вышелъ совершенно довольный, не ожидавшій такого быстрого успѣха. Онъ полагалъ, что ему придется часа три поучать русскихъ офицеровъ и чуть не упрашивать и умасливать идти на поединокъ, а вмѣсто этого юноша видимо обрадовался предложенію, а Квасовъ тоже, если не обрадовался, то хладнокровно поневолѣ согласился.

Послѣ ухода Будберга дядя и племянникъ остались глазъ на глазъ.

Шепелевъ сѣлъ на кровать дяди, понурился и задумался. Квасовъ стоялъ передъ нимъ среди горницы, не двигаясь, не шевелясь, какъ истуканъ, и наступило мертвое молчаніе во всей квартирѣ.

Наконецъ, Квасовъ шагнулъ къ юношѣ, положилъ ему руки на плечи. Шепелевъ пришелъ въ себя, поднялъ голову.

Лицо Квасова было въ слезахъ. Едва только глаза ихъ встрѣтились, лейбъ-компанецъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, шлепнулся на постель около него и, обхвативъ его сильной рукой, навалился на него, всхлипывая....

— Дядюшка! дядюшка! повторялъ Шепелевъ. Голосъ его дрожалъ и рвался отъ наплыва различныхъ чувствъ, поднявшихся на сердцѣ. И горе, и стыдъ, и боязнь, все спуталось въ немъ и будто застало ясное сознание того, что совершилось, того, что будетъ завтра.

XXIII.

На другое утро, чуть свѣтъ извоищичи большіе дрожки тащились шагомъ по скверной дорогѣ изъ Петербурга въ Метеловку.

Это былъ десятокъ избъ на крайнемъ концѣ Фонтанки, и мѣсто это было разбойничьимъ гнѣздомъ. Никакія полицейскія мѣры не могли прекратить разбоевъ, и шайка, здѣсь жившая, была, казалось, неуловима.

Шепелевъ сидѣлъ слегка блѣдный. Красивые глаза его блестяли ярче, отчасти лихорадочнымъ блескомъ, но выраженіе блѣднаго лица было не тревожно, а безконечно грустно. Онъ зналъ отлично, что ѣдетъ на смерть.

Онъ понималъ, что оскорбленіе Фленсбурга было умышленное, чтобы вызвать его, а вызовъ понадобился ему затѣмъ, чтобы убить.

Была-ли тутъ при чемъ Маргарита, онъ подозрѣвалъ, но какъ-то боялся думать объ этомъ.

— Лучше умереть, не зная этой мерзости! думалось ему.

Ему будто не хотѣлось уносить на тотъ свѣтъ съ собой не свѣтлый и не чистый обликъ предмета первой любви своей. Разумѣется, Квасовъ увѣрялъ его, да и сердце подсказывало, что Маргарита не чужда всему происшествію, но насколько замѣшана она въ немъ, онъ не хотѣлъ, даже просто боялся думать.

Объ исходѣ поединка онъ тоже сомнѣваться не могъ. Фленсбургъ, какъ иностранецъ, какъ адъютантъ принца, ежедневно учившійся у Котцау, владѣлъ шпагой если не безукоризненно ловко, то, конечно, гораздо лучше Шепелева, онъ же успѣлъ только взять нѣсколько уроковъ, когда заставлялъ своего дядю усиленно, ревностно, изъ всѣхъ силъ трудившагося и ломавшаго себя на всѣ лады, чтобы отмстить публично Котцау.

Квасовъ наоборотъ сидѣлъ бодрый, чуть не веселый, шутилъ съ извоищикомъ, подшучивалъ даже надъ двумя хромоногими влячами, которыя ихъ тащили.

Шепелевъ грустно поглядывалъ на дядю и недоумѣвалъ, какииъ образомъ можетъ этотъ самый Акимъ Акимовичъ, вчера ры-

давший надъ нимъ, сегодня относиться такъ безучастно къ его судьбѣ.

А Квасовъ былъ просто доволенъ собой. Еще наканунѣ вечеромъ, онъ объѣжалъ чуть не всѣхъ офицеровъ своей роты, съѣздивъ къ кому-то еще въ городъ и собралъ всевозможныя свѣдѣнія о всевозможныхъ дуэляхъ и поединкахъ.

Вернувшись онъ домой ночью, вполне обученный, узнавшій и понявшій до тонкостей всѣ многообразныя правила многообразныхъ заморскихъ поединковъ. Вдобавокъ теперь у Квасова въ рукахъ была пара новенькихъ шпагъ одинаковаго размѣра. Этимъ онъ готовился удивить самихъ нѣмцевъ. Квасову объяснили, что если у Фленсбурга шпага будетъ хоть на вершокъ длиннѣй шпаги Шепелева, то дѣло плохо. И Акимъ Акимовичъ вечеромъ съѣздивъ къ оружейнику на Невскомъ и купилъ пару новыхъ шпагъ, лихо отточенныхъ и блестящихъ, какъ серебро.

Наконецъ, послѣ часа ѣзды по рытвинамъ и лужамъ, они достигли до поворота, за которымъ открылись пустыри. Вдали видѣлась деревня, а ближе, саженяхъ въ восьмидесяти, стояла щегольская берлина безъ вучера, и около нея два офицера.

Противники и секунданты раскланялись.

Шепелевъ при видѣ врага какъ бы встрепенулся. Лицо его оживилось, но стало еще блѣднѣе.

— Противъ этого ничего не имѣете! вымолвилъ Квасовъ на смѣшливо, доставъ и покрывая шпаги.

— Ничего.... Все равно! отозвался Фленсбургъ, косо глядя на оружіе.

— Отпустите извозчика, замѣтилъ Будбергъ, обращаясь къ Квасову. Нельзя же при немъ. Онъ перепугается, начнетъ кричать, пожалуй, прибѣгутъ изъ деревни.

Квасовъ приказалъ извозчику вернуться назадъ, стать за угломъ и дожидаться.

Извозчикъ, будто подозрѣвая что-то, охотно и живо погналъ своихъ клячъ обратно и вскорѣ скрылся за поворотомъ.

— Ну-съ, вымолвилъ Квасовъ, мы, помощники, встанемъ тоже, каждый около своего, на всякій случай!

— Конечно, конечно, холодно выговорилъ Фленсбургъ, но вдругъ пристально взглянувъ въ лицо Квасова страннымъ взглядомъ, какъ будто удивился этимъ словамъ, которыхъ онъ не ожидалъ отъ лейбъ-компанца.

Будбергъ предупредилъ пріятеля, что Квасовъ за послѣднее время удивительно обучился фехтованію и что если бы Фленсбургъ пришлось драться съ лейбъ-компанцемъ, то, пожалуй бы, дѣло окончилось скверно. Будбергъ отлично помнилъ, какъ Квасовъ на смотру у государя въ одну минуту вышибъ у него шпагу изъ рукъ.

Выбравъ удобное мѣсто, противники сняли скюртуки и камзолы и получили отъ Квасова по шпагѣ. Фленсбургъ оглядѣлъ свою, блестящую и славно отточенную и ухмыльнулся. Шепелевъ перекрестился три раза на сіявшій гдѣ-то вдали золотой крестъ церковный. Противники стали другъ противъ друга и скрестили шпаги.

Лицо Шепелева покрылось яркимъ, но неестественнымъ румянцемъ, а губы сжались въ судорожную и горькую улыбку. Лицо его будто говорило:

— Я знаю и понимаю всю эту подстроенную комедію. Ну, и пускай! Убивайте!...

Прошло нѣсколько мгновеній, и ни одинъ изъ противниковъ не тронулъ другаго.

Шепелевъ напрягалъ всѣ силы разума, всю силу руки. Ему самому казалось, что онъ будто бы въ виду опасности ловчѣе, искуснѣе держитъ шпагу.

Фленсбургъ, съ своей стороны, будто наоборотъ, зная, что все въ его рукахъ, что когда захочетъ онъ, тогда и нанесетъ смертельный ударъ, выжидалъ и не спѣшилъ. Но кромѣ этого было и нѣчто неожиданное!... странно измѣнившееся лицо лейбъ-компанца, стоявшаго за его противникомъ, тоже съ обнаженной шпагой, мѣшало ему дѣйствовать, смущало его. Это лицо стало совершенно другимъ. Черты лица Квасова страшно измѣнились въ одно мгновеніе, и онъ не смотрѣлъ на Будберга, стоявшаго тоже съ обнаженной шпагой. Едва только шпаги засверкали на солнцѣ, какъ Квасовъ съ помутившимися отъ злобы глазами, похожій на какого-то голоднаго волка, водилъ ими за всѣми движеніями не Будберга, а его, Фленсбурга, и слѣдилъ за кончикомъ его шпаги, въ позѣ, которая говорила, что каждое мгновеніе онъ готовъ ринуться, даже вопреки правиламъ,—на помощь племяннику. Эта фигура Квасова, и это лицо съ судорожно измѣнившимися чертами, и эти кровью налитые глаза, упорно вливавшіеся въ Фленсбурга, мѣшали ему, и онъ чувство-

валь, что нѣчто очень похожее на робость начинаетъ вкрадываться въ его сердце.

Сжавъ зубы, онъ крикнулъ что-то по-нѣмецки Будбергу. Квасовъ былъ до такой степени на чеку, что даже вздрогнулъ отъ непонятнаго нѣмецкаго слова. Шепелевъ тоже не понималъ. Въ его положеніи, полу-сознательномъ, было не до того. Онъ замѣтилъ только, что секунданта противника болѣе приблизился, болѣе надвинулся впередъ и не спускаетъ уже глазъ съ Квасова. Если бы Шепелевъ въ эту минуту болѣе владѣлъ собой, то онъ увидѣлъ бы, что не только Фленсбургъ отчасти смущенъ, но Будбергъ блѣднѣетъ все болѣе и, надвигаясь впередъ позади пріятеля, держитъ шпагу въ дрожащей рукѣ.

Наконецъ, шпага Фленсбурга зазвенѣла, какъ-то свиснула, блеснула съ боку. Шепелевъ вскрикнулъ, отступилъ, и кровь фонтаномъ брызнула у него изъ плеча.... Но Фленсбургъ налѣзалъ.... И Шепелевъ, не видя уже ничего передъ собой, ожидалъ другаго и послѣдняго удара!!.. И въ тотъ же мигъ, какое-то страшное, адское ощущеніе холода въ груди заставило его дико вскрикнуть и опрокинуться навзничъ.... Фленсбургъ новымъ ударомъ поразилъ его недалеко отъ первой раны, но уже въ грудь. И въ то мгновеніе, когда Шепелевъ упалъ, Фленсбургъ бросился на него съ опущенной шпагой, чтобы поразить еще разъ уже лежащаго на землѣ. Шпага его, вѣрно направленная въ сердце, вдругъ уперлась въ образокъ на груди юноши, согнулась, скользнула, зазвенѣла и вонзилась въ землю около головы.

Но въ то же мгновеніе кто-то заревѣлъ:

— Мерзавецъ! лежащаго!

И Фленсбургъ увидѣлъ передъ собою другую шпагу, а за ней не человѣка, а разъяренное животное съ глазами, налитыми кровью. Ему надо было защищаться! Э тотъ звѣрь налѣзалъ на него, грозя пронзить ежеминутно.

— Будбергъ! Будбергъ! вскрикнулъ онъ отчаянно, понимая сразу, что можетъ произойти.

Будбергъ бросился мгновенно на Квасова съ поднятой шпагой и что-то кричалъ ему.

Квасовъ ловко отскочилъ влѣво, но въ то же время со стороны снова напалъ на одного Фленсбурга, и снова тотчасъ явились передъ нимъ обѣ шпаги. Но въ одно мгновеніе одна изъ нихъ зазвенѣла и полетѣла подъ ноги Фленсбурга. Обезоруженный Будбергъ ахнулъ.... Онъ не могъ даже поднять своей шпаги,

такъ какъ отчаянно защищающійся пріятель наступилъ на нее ногой.

— Я усталъ! это не честно! Нельзя! кричалъ Фленсбургъ, парируя быстрые и сильные удары противника.

Но лейбъ-компанецъ давно лишился, казалось, всѣхъ чувствъ и жилъ только глазами и только рукой. Шпаги такъ взвизгивали, сверкая на солнцѣ, что у потерявшагося Будберга при видѣ ихъ рябило въ глазахъ.

Но вдругъ раздался дикій и ужасный вопль. Шпага Квасова была въ груди Фленсбурга и вышла насквозь за спиной. Мгновенно онъ вырвалъ ее и, казалось, собирался снова вонзить. Но Фленсбургъ, обливаясь потоками крови, тяжело и грузно грянулся о землю. Ужасные стоны его огласили пустырь.

Квасовъ вдругъ онѣмѣлъ, застылъ на мѣстѣ, не спуская глазъ съ упавшаго противника, рука его, державшая шпагу, съ которой текла кровь, дрожала.... Онъ тяжело дышалъ и шепталъ:

— Царица небесная! Прости и помилуй!

Будбергъ бросился къ товарищу, сталъ подымать его, повторяя безсмысленно какія-то нѣмецкія слова. Но Фленсбургъ отвѣчалъ только страшными стонами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, пришедшій въ себя Шепелевъ приподнялся и сидѣлъ на землѣ. И, кромѣ полного изумленія, ничего не было на лицѣ его. Наконецъ, онъ будто понялъ вдругъ все совершившееся, поднялъ руку, чтобы перекреститься, но отъ боли рука только тронула лобъ и упала.

Фленсбургъ, мотая головой изъ стороны въ сторону, прижимая обѣ руки къ груди, судорожно дергался на землѣ и стоналъ. Вдругъ онъ повернулъ лицо къ Будбергу, будто хотѣлъ что-то выговорить, но кровь хлынула горломъ.... Онъ задохнулся, захрипѣлъ и, какъ-то потянувшись, замеръ недвижно.... Будбергъ подложилъ ладонь подъ голову товарища и, стоя около него на коѣнкахъ, шепталъ что-то по-нѣмецки, какъ будто молитву.

Квасовъ, будто придя въ себя, обернулся къ племяннику, увидѣвъ его сидящимъ и перекрестился.

— Ну, вотъ онъ! Господь на небеси! Не даромъ я поучился Фридриховскимъ артикуламъ. Можешь встать? Будешь живъ? Какъ сдается?

— Не знаю, шепнулъ чуть слышно Шепелевъ. Что онъ?...

И юноша показалъ глазами на недвижно протянувшагося на землѣ Фленсбурга.

— Тамъ ничего, пороса, тамъ готово! Царство небесное, коли, по грѣхамъ, пустячь!

Въ это мгновеніе Фленсбурга сильно передернуло всего. Ноги, уже протянутыя, дернуло еще нѣсколько разъ. Но это было послѣднее движеніе, и на землѣ замеръ уже не человѣкъ, а трупъ...

XXIV.

Дня три, конечно, только и было рѣчи въ Петербургѣ, что о поединкѣ двухъ офицеровъ. Вся исторія рассказывалась на разные лады, съ разными подробностями. Не смотря на то, что все дѣло было хитро придумано Маргаритой и дорого поплатившимся Фленсбургомъ, а поединокъ состоялся, повидимому, вслѣдствіе драки офицеровъ на плацу, но, тѣмъ не менѣе, какъ часто бываетъ, истина не укрылась отъ общественнаго мнѣнія.

Весь городъ, если не зналъ, то понялъ, что вся исторія произошла изъ-за Маргариты. Теперь уже всѣ въ городѣ знали, въ какихъ отношеніяхъ она къ юношѣ, произведенному ею же въ одинъ мѣсяцъ изъ солдатъ въ офицеры. Только одного никто не могъ понять, какую роль играла Маргарита въ этомъ поединкѣ. Конечно, никто не могъ догадаться, что она упростила Фленсбурга избавить ее отъ юноши. Всѣ говорили, что Фленсбургъ изъ ревности захотѣлъ уничтожить счастливаго соперника и поплатился самъ.

Во всякомъ случаѣ, огласка, которой боялась Маргарита, вышла полная, и если былъ человѣкъ, который не зналъ истины, то это былъ одинъ государь. Даже принцъ Жоржъ, искренними слезами оплакивавшій потерю любимца, зналъ, что Фленсбургъ убить счастливымъ любовникомъ красавицы иноземки. Но принцъ не рѣшился сказать это государю.

Среди офицеровъ гвардіи болѣе всего, болѣе, чѣмъ о Фленсбургѣ и Шепелевѣ, говорили, спорили, даже ссорились по поводу Квасова. Мотивомъ этихъ споровъ и ссоръ было вмѣшательство лейбъ-компанца на дуэли. Ставился вопросъ: имѣли ли онъ право, на основаніи обычныхъ правилъ и законовъ поединковъ, выступить дѣйствующимъ лицомъ и, защищая Шепелева, перейти въ наступленіе и убить его противника. Этотъ вопросъ рѣшить было мудрено. Одни говорили, что Квасовъ

могъ защищать Шепелева, но не убивать Фленсбурга. Другіе отвѣчали, что если шлезвигскій уроженецъ рѣшился на такую подлость, чтобы лежачаго дорѣзать, то Квасовъ имѣлъ право защищать его, а при упорствѣ противника и самозащитѣ случайно и убить его.

Будбергъ, единственный очевидецъ всего, по неволѣ долженъ былъ исказить всѣ факты и лгать, такъ какъ его роль оказалась на поединкѣ самая плачевная. Если Квасовъ такъ яростно напалъ на Фленсбурга, благодаря своимъ недавнимъ, невѣроятнымъ успѣхамъ въ фехтованіи, то что-жъ дѣлалъ Будбергъ, зачѣмъ не защитилъ, какъ умѣлъ, товарища? Вдвоемъ они, конечно, обезоружили бы, если бъ не убили Квасова. Будбергъ могъ только извиниться однимъ, что Квасовъ тотчасъ же вышибъ у него шпагу изъ рукъ, а Фленсбургъ въ эти нѣсколько секундъ борьбы съ противникомъ наступилъ на нее ногами. Но шпага Шепелева была свободна! Да! Но хорошо потомъ разсуждать!.. Тогда онъ потерялся.

Около полудня Квасовъ на своемъ извозицѣ доставилъ племянника на его квартиру, но безъ чувствъ. Раны Шепелева оказались не опасными, но, при переѣздѣ отъ Метеловки до центра города, онъ потерялъ слишкомъ много крови. Когда онъ двинулся въ путь съ мѣста поединка, то былъ въ полномъ сознаніи, спокойно говорилъ съ дядей, благодарилъ его и все повторялъ:

— Вотъ милость-то Божія! Вѣдь все это почти чудо!

— Молодецъ Анимъ Квасовъ! Кабы могъ, расцѣловалъ! шутливо отзывался сіяющій довольствомъ лейбъ-компанецъ.

Но затѣмъ, не смотря на всякаго рода перевязки, кровь лила ручьемъ, и на полъ-дорогѣ юноша лишился сознанія и пришелъ въ себя только въ постели.

Одновременно Будбергъ привезъ въ городъ трупъ своего пріятеля. Когда онъ ѣхалъ въ берлинѣ по улицамъ Петербурга, то многіе офицеры, встрѣчавшіе экипажъ, увидѣвъ, узнавали безжизненно лежащаго Фленсбурга, который хорошо былъ извѣстенъ гвардіи. Всѣ были такъ поражены новостью, что вѣсть о смерти ненавистнаго адъютанта Жоржа, какъ молнія, обѣжала столу.

Едва Будбергъ успѣлъ доставить тѣло на квартиру, какъ уже весь лагерь голштинцевъ и принцъ Жоржъ, прежде всѣхъ, былъ уже вокругъ убитаго. Будбергъ тутъ же въ первый

разъ, но въ совершенно искаженномъ видѣ, передалъ подробности поединка.

Такъ какъ государь уѣхалъ наканунѣ въ Ораніенбаумъ, то Жоржъ тотчасъ своею властью приказалъ арестовать Квасова и Шепелева.

Не успѣлъ Акимъ Акимовичъ позвать доктора, не успѣли фельдшера сдѣлать Шепелеву первыхъ перевязокъ, какъ явились—офицеръ и два кирасира съ приказаніемъ принца. Но докторъ, вызванный Квасовымъ, извѣстный въ Петербургѣ Вурмъ, объявилъ, что онъ не позволитъ трогать раненаго офицера, покуда не получитъ письменнаго приказа отъ принца.

Такъ какъ Вурмъ лѣчилъ у принца, то, поэтому, рѣшилъ тотчасъ же ѣхать и объяснить Жоржу, что арестовать офицера и перевозить опять, значить убить его.

Квасовъ повиновался кирасирамъ безпрекословно, не смутился и только съ ужасомъ воскликнулъ, увозимый съ квартиры племянника.

— Кто-жь за нимъ ходить будетъ? Вѣдь у него во всемъ городѣ ни души родной нѣтъ. Не Маргаритка же эта проклятая придетъ ходить за больнымъ?

Дѣйствительно, когда Квасовъ былъ сданъ на свой же ротный дворъ и посаженъ въ ту горницу, гдѣ сидѣли когда-то братья Орловы, то Шепелевъ остался одинъ, съ глухимъ деньщикомъ.

Между тѣмъ, Маргарита на разсвѣтѣ этого дня вдругъ проснулась, какъ отъ толчка. Она сразу поднялась, сѣла на постели и, взглянувъ въ окно, подумала:

Да, теперь.... теперь они ѣдутъ на мѣсто, а, быть можетъ, теперь его уже нѣтъ на свѣтѣ!

И красавица опустила голову, просидѣла такъ неподвижно, сама не замѣчая, около двухъ часовъ времени. Ей теперь было искренно жаль этого юношу, котораго въ сущности она же завлекла въ свои сѣти.

Лотхень, которая со дня смерти графа спала на диванѣ въ той же комнатѣ около барыни, проснулась, увидала Маргариту, сидящую, съ опущенной головой, и тотчасъ же поднялась. Она уже знала, что совершается въ это утро, и понимала, что заставляеть графиню сидѣть неподвижно и задумчиво съ опущенной головой. Лотхень встала, подошла къ Маргаритѣ, сказала ей что-то, привела ее въ себя.

Маргарита вздохнула и выговорила.

— Да, все-таки грѣхъ! Бѣдный мальчикъ, не долго онъ прожилъ на свѣтѣ.

— Ложитесь-ка лучше опять спать, покуда не пріѣдетъ Фленсбургъ! уговаривала Лотхенъ. Во снѣ ни горя, ни заботы.

— Нѣтъ, нѣтъ! вдругъ воскликнула Маргарита. Напротивъ. Надо вставать, надо одѣваться!

И дѣйствительно, Маргарита быстро одѣлась и сѣла къ огню. Лотхенъ подала ей кофе. Маргарита не притронулась ни къ чему и, не отрываясь, глядѣла на улицу, гдѣ понемногу увеличивалось дневное движеніе. Въ каждомъ мундирѣ, который показывался вдали, на Невскомъ, ей чудился Фленсбургъ съ извѣстіемъ о томъ, что она уже знала, рѣшила на умѣ, и только ожидала подтвержденія.

Наконецъ, ей вдругъ пришла мысль, и она передала ее Лотхенъ. Горничная немедленно распорядилась.

Былъ посланъ лакей къ квартирѣ Шепелева стоять какъ бы на часахъ и прійти съ извѣстіемъ, если случится что-нибудь особенное.

Около полудня, когда Фленсбургъ все не ѣхалъ, Маргарита увидала собственнаго лакея, бѣгущаго по панели. Она не держала, бросилась черезъ всѣ комнаты, и, не найдя Лотхенъ, сама отперла дверь на подъѣздѣ. Она не вымолвила ни слова, но лакей по лицу ея понялъ вопросъ.

— Привезли мертваго, сударыня! воскликнулъ онъ.

Маргарита не сказала ни слова, повернулась и тихо пошла въ свою спальню. Она сѣла на то же кресло, у окна, долго сидѣла, не двигаясь, наконецъ, слезы показались у нея на глазахъ. И долго тихо плакала она.

Черезъ часъ, незнакомый ей офицеръ, голштинскаго войска, вдругъ явился у ея подъѣзда верхомъ, передалъ лошадь и велѣлъ о себѣ доложить. Маргарита вышла, удивляясь, и офицеръ передалъ ей отъ имени Будберга судьбу Фленсбурга.

Маргарита всплеснула руками и выговорила только:

— Какъ! Оба!?

Офицеръ объяснилъ графинѣ, что одинъ Фленсбургъ убить, а что молодой офицеръ, его противникъ, раненъ, и очень не опасно, такъ, что его приказано арестовать.

Маргарита вскрикнула, въ одну секунду бросилась къ офицеру и вскинула ему руки на плечи. Еще секунда, и она бы поцѣловала его за извѣстіе. Опомнившись, она воскликнула:

— Простите! Да правда-ли это? Правда-ли?

— Навѣрное, графиня! Я самъ видѣлъ Будберга и Квасова, отвѣчалъ офицеръ, удивившійся, что въ этомъ дѣлѣ Маргарита интересовалась судьбой только преображенца.

Офицеръ уѣхалъ, раздумывая. Ему приказывали осторожно сообщить графинѣ о смерти Фленсбурга... А тутъ вотъ что!..

Лотхенъ, которая стояла все время въ горницѣ и слышала все, вдругъ расхохоталась безумнымъ смѣхомъ.

— Что скажите! Liebe Gräfin? Какова исторія! Нѣтъ, Фленсбургъ-то, Фленсбургъ! воскликнула Лотхенъ и снова покатила отъ смѣха. Подумайте! Фленсбургъ-то!

И Лотхенъ, не имѣя возможности держаться на ногахъ отъ хохота, почти упала на диванъ.

Маргарита, съ блестящими глазами, съ румянымъ лицомъ, по неволѣ тоже начала улыбаться. Дѣйствительно, ей казалось, что, помимо страшнаго, во всемъ этомъ дѣлѣ есть что-то необыкновенно глупое, если не смѣшное.

— Фленсбургъ-то, Фленсбургъ! повторяла Лотхенъ и хохотала до искреннихъ, крупныхъ слезъ.

Первое движеніе Маргариты было одѣться, чтобы идти прямо на квартиру Шепелева, но Лотхенъ остановила ее словами:

— Развѣ вы не помните, вѣдь офицеръ сказалъ вамъ, что онъ арестованъ.

— Я поѣду туда, гдѣ онъ арестованъ.

Долго Лотхенъ отговаривала барыню не усугублять положенія и не дѣлать огласки и, наконецъ, убѣдила ее. Маргарита осталась, но съ тѣмъ условіемъ, что Лотхенъ сама отправится на преображенскій дворъ, все узнаетъ, а, главное, узнаетъ, въ какомъ положеніи юноша, куда онъ раненъ, и что думаютъ доктора.

Лотхенъ собралась тотчасъ-же, но, вмѣсто того, чтобы отправиться на ротный дворъ, отправилась къ своимъ пріятелямъ, людямъ принца Жоржа, чтобы узнать прежде всего подробности невѣроятнаго событія, которое приводило ее въ такое искренно-веселое настроеніе. Даже дорогой Лотхенъ мысленно повторила два два имя Фленсбурга и снова не могла удержаться отъ смѣха.

XXV.

Въ это же роковое утро княжна Василекъ, проснувшись по обыкновенію очень рано, одѣлась, потомъ по обыкновенію помолилась и пошла въ горницу больной тетки.

Гарина не только не поправлялась, но положеніе ея было еще хуже. Она была жива на половину; мозгъ былъ отчасти парализованъ, и больная смотрѣла безсмысленными глазами на все, произносила какіе-то дикіе гортанные звуки вмѣсто словъ или же спала большую часть дня и ночи съ сильнымъ, неестественнымъ храпомъ, который тяжело дѣйствовалъ на Васильга. Присутствіе ея у постели больной не имѣло никакого смысла, а этотъ сонъ тетки, или безсмысленный взглядъ ея, дѣйствовалъ такъ на княжну, что она не могла долго выносить ни того, ни другаго, и принималась плакать. Поэтому Василекъ стала сажать по очереди, около постели больной, старшихъ горничныхъ, любившихъ барыню, а сама сидѣла у себя. Ее вызывали каждый разъ при малѣйшемъ движеніи больной.

На этотъ разъ Василекъ, постоаявъ около постели и видя, что Пелагея Михайловна крѣпко спитъ, вернулась снова къ себѣ.

Каждый разъ, что она оставалась теперь одна, на нее всегда нападала тоска. На выздоровленіе тѣтки надежды не было. Сестра была Богъ въсть гдѣ, и Василекъ понимала, что Настя никогда не вернется изъ своей добровольной ссылки. Единственно, что она считала долгомъ сдѣлать, это переслать сестрѣ ея часть состоянія немедленно послѣ выздоровленія или смерти тѣтки. Можетъ быть, тогда она откупитъ Глѣба! Василекъ не знала, но только смутно и боязливо чуяла, что заставило сестру пойти за княземъ, и чѣмъ убила она тетку.

Единственной отрадой Васильга была мысль о Шепелевѣ. Послѣ ея внезапнаго и страннаго полу-признанія прошло много времени, она привыкла къ мысли, что высказалась, что онъ догадался и знаетъ все. И въ лицѣ его, въ глазахъ, она читала теперь такое доброе чувство къ ней, что если это и не была любовь, то для нея, для ея счастья и этого было довольно. На этотъ разъ, вернувшись въ свою комнату, Василекъ сѣла, не зная что дѣлать. Но вдругъ безъ всякаго повода, безъ всякой причины, она почувствовала такую тоску, такъ щемило сердце, такъ ныла душа ея, что суетѣрная Василекъ вдругъ заволновалась, вдругъ перекрестилась, вдругъ заговорила, успокаивая самое себя.

— Что-жь это? Съ чего это я? Помилуй Богъ! Точно будто еще какая новая бѣда и съ нимъ! Съ нимъ!!..

И совершенно невольно, бессознательно, Василекъ очутилась у своего кюта и снова помолилась.

Побывавъ еще раза два или три у тетки, которая проснулась, бессмысленно поглядѣла на нее и снова заснула, Василекъ, подъ вліаніемъ все того же тревожнаго чувства, вышла и стала гулять по двору. Наконецъ, уже въ изнеможеніи она сѣла на скамейку около полисадника и не понимала, почему такая усталость сказывается въ ней. Она не замѣтила, что часа четыре пробродила по двору.

Въ эту минуту раздался среди тишины, окружающей всегда ихъ домъ, рѣзкій, отчетливо звонкій топотъ скачущей лошади, и въ ворота галопомъ въѣхалъ преображенскій офицеръ.

Василекъ затрепетала вся, тихо вскрикнула, и во всемъ ея существѣ будто раздалось кѣмъ то громко сказанное слово:

— Вотъ!

Да, она была убѣждена, она знала впередъ, что и о комъ скажетъ этотъ незнакомый вѣстникъ. Замирая, она двинулась ему на встрѣчу и выговорила:

— Ну? такъ, какъ если бы ожидала его давно и знала, что онъ привезетъ страшную вѣсть.

Въ двухъ словахъ офицеръ объяснилъ княжнѣ все случившееся и просилъ отъ имени Квасова прислать какую нибудь женщину—горничную или няню, такъ какъ офицеръ, хотя не опасно раненъ, но все-таки нуждается въ уходѣ и помощи.

Но Василекъ не слыхала послѣднихъ словъ. Дворъ, домъ, красивая вороная лошадь, офицеръ, небо ясное, синимъ сводомъ покрывавшее ихъ, все сразу исчезло изъ глазъ Василька! Она очнулась въ своей комнатѣ! Съ княжной сдѣлалось дурно, и если бы не люди, окружавшіе ее въ ту минуту, когда въѣхалъ на дворъ всадникъ, то Василекъ упала бы на землю къ ногамъ лошади.

Очнувшись, открывъ глаза, оглядѣвъ всѣ добрыя и тревожныя лица прислуги, Василекъ спросила, истинно-ли было это все, или ей приснилось. И она увидала по лицамъ, что все это было не сонъ.

Василекъ поднялась, перекрестилась, потомъ двинулась, оглядываясь, тихо, спокойно, какъ если бы ей приходилось привести все въ порядокъ въ своей комнатѣ. Еще спокойное одѣлась она

и велѣла закладывать лошадь, на которой всегда отправлялась въ городъ или къ обѣднѣ. Затѣмъ она прошла къ тѣткѣ, поглядѣла на больную, крѣпко спящую, нагнулась, поцѣловала худую руку, свиснувшую съ кровати, и ровнымъ шагомъ, спокойно вышла и съѣла въ дрожки.

— Бюртиру Дмитрія Дмитриевича знаешь... Туда! И поскорѣе! произнесла она кучеру въ воротахъ.

И эти слова звучали какъ-то особенно спокойно, ласково и мягко.

Черезъ нѣсколько минутъ, не смотря на крупную рысь лошади, она снова повторила кучеру:

— Поскорѣе, Иванъ!

Въѣхавши въ улицы города, снова повторила она то же слово. И если лицо ея и голосъ были совершенно спокойны, то на душѣ бушевало такое чувство, которое не могло бы удовольствоваться движеніемъ экипажа. Если бы лошадь мчалась, какъ вихрь, то и тогда бы это чувство заставило Василька повторять безъ конца:

— Поскорѣе!

Почти черезъ полчаса ѣзды Василекъ вошла въ незнакомую квартиру и ровнымъ, твердымъ шагомъ прошла горницу за горницей, покуда не увидала въ углу кровать, на которой лежалъ дремавшій Шепелевъ, блѣдный, уже похудѣвшій. Какъ тихо вошла она, такъ же тихо опустилась на колѣни около этой кровати и недвижно, но долго осталась въ этомъ положеніи. Сколько времени пробыла она такъ, глядя въ лицо его, она сама не знала.

Деньщикъ, отлучившійся куда-то по сосѣдству, вернулся и увидѣлъ на колѣняхъ, около постели, какую-то барыню въ бѣломъ платьѣ, всю въ бѣломъ, даже на головѣ что-то бѣлое.... Лица ея, обращеннаго къ больному, деньщикъ видѣть не могъ.

Наконецъ, спустя много времени, Шепелевъ проснулся, открылъ глаза и съ изумленіемъ остановилъ ихъ на Василькѣ. Очевидно было, что онъ принималъ дѣйствительность за собственный бредъ.

— Это я... Ходить за вами... шепнула Василекъ, быстро вставая и краснѣя въ первый разъ.

Шепелевъ молчалъ и не двигался. Только глаза его, обращенные къ ней, все и много сказали ей.

— Я буду вашей сидѣлкой.... старалась шутить княжна.

— Нѣтъ! Ангель-хранитель.... снова выговорилъ Шепелевъ.

Черезъ минуту раненый, отъ слабости, опять закрылъ глаза и будто опять забылся. Василекъ сѣла на стулъ у его изголовья и скоро глубоко задумалась. Какое странное чувство, тяжелое, будто болѣзненное, заставило ее вдругъ очнуться и поднять голову.

И Василекъ тихо вскрикнула, затрепетала, задохнулась. Она увидѣла близъ кровати недвижно стоящую женщину, всю въ черномъ, которая ястребиными глазами впиалась въ блѣдное лицо юноши.

Василекъ, конечно, узнала ее сразу, но все-таки на нее напалъ какой-то суевѣрный страхъ. Она безотчетно шагнула между нею и кроватью и, опустившись на колѣни, заслонила руками и грудью, будто защищая юношу не только отъ врага, но отъ демона или отъ смерти, пришедшей за нимъ.

— Оставьте! Оставьте!... Уйдите! умоляя и будто страдающая отъ суевѣрной боязни, прошептала Василекъ.

Маргарита не шевельнулась, только глаза ея блеснули ярче на эту незнакомку. Она догадалась также, что это княжна Тюфякина. Догадалась, что если она здѣсь, то имѣетъ право на это.

— Оставьте! снова шептала Василекъ.

Маргарита опустила голову, постояла мгновение, потомъ вздохнула, повернулась и, не вымолвивъ ни слова, тихо вышла изъ комнаты.

Василекъ бросилась къ окну и видѣла, какъ графиня сѣла въ карету. Долго и недвижно простояла Василекъ у этого окна и упрекала себя.

XXVI.

Государь въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца переѣхалъ въ Ораніенбаумъ, его любимое мѣстопробываніе, гдѣ онъ подолгу жилъ, будучи наслѣдникомъ престола. Не смотря на то, что Петръ Федоровичъ, по характеру, не былъ способенъ стѣсняться и соблюдать извѣстнаго рода этикетъ, сдерживаться въ своихъ привычкахъ, тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ онъ чувствовалъ себя менѣе свободнымъ въ большомъ новомъ дворцѣ, и, напротивъ, ему нравилась обстановка Ораніенбаума. Она могла напоминать ему тотъ маленькій нѣмецкій дворъ, въ обстановкѣ котораго онъ родился и провелъ свое дѣтство.

Здѣсь жизнь пошла совершенно иная. Здѣсь, во-первыхъ, стоялъ любимый его голштинскій полкъ, составъ котораго былъ

самый странный. Весь полкъ, за исключеніемъ десятка человѣкъ, состоялъ изъ нѣмцевъ всякаго наименованія: и бранденбургцевъ, и баварцевъ, и швейцарцевъ, и силезцевъ. Были и другіе иноземцы: полуславяне, полувенгерцы; были личности совершенно неизвѣстнаго происхожденія. Въ добавокъ все это былъ обрывъ Европы. Это были люди военные не по призванію, а личности, не годныя ни на какое дѣло, какъ только носить мундиръ и справлять службу въ мирное время, брѣпко вѣруя и надѣясь, что сражаться никогда не придется.

Пополнять армію наемниками и сбродомъ со всякихъ странъ было еще въ ходу во всѣхъ странахъ. Фридрихъ прусскій еще болѣе ввелъ это въ моду. Нуждаясь въ солдатахъ и офицерахъ и не имѣя возможности пополнять ряды своими подданными, Фридрихъ завербовывалъ всѣхъ, кого только могъ, убѣжденный, что человѣкъ почти безъ роду и племени, даже настоящій мошенникъ или разбойникъ, должны быть самыми лучшими воинами.

Недостатокъ въ рекрутахъ былъ настолько великъ въ Пруссіи, погибавшей отъ ударовъ, семь лѣтъ наносимыхъ ей союзниками, Россіей и Австріей, что король завелъ особый способъ вербовки: всякаго, всячески, различныя власти заманивали, а то и насильно дѣлали солдатомъ. Всѣ европейскія державы постоянно жаловались королю Фридриху, что различные подданные, попавшіе въ Пруссію, завербовывались насильственно подъ его знамена. Всякій молодой человѣкъ, иноземецъ, попавшій за какой-либо проступокъ въ руки полиціи, лаской и угрозами дѣлался солдатомъ, а разъ надѣвъ мундиръ, не могъ уже бѣжать, рискуя быть разстрѣляннымъ. Подобныхъ примѣровъ вербовки и разстрѣливанія было много.

Петръ Федоровичъ, любившій военщину болѣе всего, зналъ отлично и порядки фридриховскіе, и мечталъ завести точно такую же армію и у себя.

Въ Россіи общее мнѣніе, сильно укоренившееся, было то, что «вольность дворянская», данная государемъ тотчасъ по вступленіи на престолъ, была не льгота, а былъ очень тонкій способъ очистить ряды отъ русскаго элемента и замѣнить его иноземнымъ. И въ этомъ была своя доля правды. Государь мечталъ завести иностранное войско, на манеръ фридриховскаго и, опираясь на этотъ сбродъ всякаго рода авантюристовъ, иноземцевъ, болѣею частью сомнительной репутаціи и дурнаго поведенія, замѣнить имъ гвардію, главную дѣятельницу во всѣхъ переворотахъ.

Голштинское войско, помѣщавшееся въ Ораніенбаумѣ, было сколовъ съ арміи Фридриха. На улицахъ городка продолжались постоянно безпросыпное пьянство, буйство и драки, и слышалась постоянно, если не исключительно нѣмецкая, то всякая иноземная рѣчь. Сѣченовъ, побывавшій разъ въ Ораніенбаумѣ, говорилъ, что дворецъ и мѣстечко напомнили ему сказаніе библейское о столпотвореніи вавилонскомъ, гдѣ раздавались всѣ языки земные.

Съ первыхъ же дней переѣзда въ свою любимую резиденцію, государь ежедневно занимался смотрами, экзерциціями и обученіемъ войска. Но главной его задачей были приготовленія, всевозможныя и дѣятельныя, къ войнѣ съ Даніей, уже рѣшенной окончательно. Подарокъ графа Разумовскаго облегчилъ, конечно, во многомъ эту задачу.

Утро государя проходило въ занятіяхъ по поводу войны, въ совѣщаніяхъ съ Минихомъ и гетманомъ Разумовскимъ, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать начальниками частей будущей дѣйствующей арміи, оставляя главное командованіе за собою. Помимо этого, по совѣту Жоржа, государь занимался сортировкой лицъ, которыхъ слѣдовало взять съ собою или оставить въ Петербургѣ. Всѣ, кто казались подозрительными новому правительству, хотя бы и не военные, и какихъ бы лѣтъ и чина ни были, должны были послѣдовать за государемъ въ дѣйствующую армію, въ качествѣ волонтеровъ.

Баронъ Гольцъ, понявши, что отговорить государя отъ непріятнаго для его короля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пагубнаго для самого государя предпріятія нѣтъ никакой возможности, старался теперь всячески какъ-нибудь оттянуть время и ослабить будущія дурныя послѣдствія войны. Гольцъ бывалъ въ Ораніенбаумѣ постоянно и зналъ все, что дѣлается, зналъ всѣ приготовленія и тонко, искусно мѣшалъ предпріятію государя.

Но одинъ Гольцъ не могъ бы ничего сдѣлать, если бы у него не было вѣрнаго союзника. Этотъ союзникъ теперь при маленькомъ дворѣ Ораніенбаума ежедневно пріобрѣталъ все большее и большее значеніе. Этотъ союзникъ была страшная сила, тотъ архимедовъ рычагъ, которымъ можно земной шаръ свернуть. Крайне умная, замѣчательно красивая, энергическая и изящная женщина всегда сдѣлаетъ, всегда совершитъ, что захочетъ. И не разъ въ исторіи подобныя личности совершали великія историческія событія, держали въ рукахъ своихъ судьбы цѣлаго государства, иногда

судьбы нѣсколькихъ странъ. Въ интимной и простой обстановкѣ маленькаго дворца появилась Маргарита. Добродушнымъ, мягкосерднымъ, слабохарактернымъ поклонникомъ женской красоты, было вообще завладѣть не трудно. Графиня увидала вскорѣ, что задача ея гораздо легче, нежели она думала: это былъ императоръ всероссійскій, но вѣдь это былъ маленькій, болѣзненный, щедушный человекъ, падкій на лесть и, конечно, падкій на кокетство такой красавицы, какою была Маргарита.

Не прошло и двухъ недѣль со времени переѣзда государя въ Ораніенбаумъ, какъ Маргарита въ качествѣ придворной дамы уже переѣхала туда на житье. И скоро, все, что окружало государя, — и тотъ же Минихъ, и тотъ же Корфъ, и, наконецъ, самъ принцъ Жоржъ, — все было у ногъ красавицы, одушевлявшей ежедневныя вечеринки во дворцѣ. И всѣ они были даже искренны!

Эта иноземка, русская только по фамилии, но, однако, славынка, была на столько очаровательна, на столько увлекательна въ малѣйшихъ пустякахъ, въ простой бесѣдѣ, въ простыхъ играхъ и шуткахъ, что нельзя было устоять противъ нея. Въ добавокъ Маргарита чувствовала теперь, что она совершенно въ своей сферѣ, и будто родилась для того, чтобы вести придворцовую интригу, изящно обманывая всѣхъ придворныхъ, и старыхъ, и молодыхъ. Многие изъ посѣщавшихъ Ораніенбаумъ бывали нѣсколько скандализированы ролью красавицы, но не могли не согласиться, что эта женщина, въ интимномъ кругу, даже опасна для всякаго. Даже два посланника, Мерсій и Бретейль находили удовольствіе въ бесѣдахъ съ вѣчно веселой и остроумной кокеткой.

Маргарита объяснялась свободно на трехъ языкахъ, и это тоже не мало помогало ей. Пребываніе ея послѣ замужества въ Версалѣ, въ придворномъ кружкѣ Людовика XV, хотя и краткое, тоже отчасти теперь помогало ей. Она вспоминала все, что когда-то видѣла тамъ. Маркиза Помпадуръ не выходила у нея изъ головы, была идеаломъ ея грезъ, всѣхъ ея помысловъ, всѣхъ ея стремленій. Но чтобы сдѣлаться здѣсь, въ Россіи, тѣмъ же, чѣмъ была та женщина во Франціи, сдѣлаться повелительницей всей страны, мало было одного кокетства. Надо было овладѣть государемъ вполне, властвовать надъ каждой его слабостью, надъ каждымъ его помысломъ, не дѣлясь ни съ кѣмъ. Слѣдовательно, надо было прежде всего избавиться отъ его фаворитовъ и друзей, и Маргарита, уже ненавидѣвшая Гудовича, стала

стараться удалить главнаго фаворита. Послѣ Гудовича приходилось вступить въ борьбу съ Воронцовой, но и это было не трудно. Глупая, крайне дурная собою, графиня Воронцова, которую Бретейль окрестилъ именемъ «servante de cabaret», не только совершенно ступшевывалась около блестящей Маргариты, но даже помимо своей воли служила тѣмъ, что Бретейль называлъ теперь «geroussoir». Когда Маргарита садилась около краснорожей, толстой, неуклюжей, съ глупымъ взглядомъ женщины, то отъ сравненія казалась, конечно, еще красивѣе, изящнѣе и очаровательнѣе. Мерсій однажды, видя этихъ двухъ женщинъ рядомъ, даже не выдержалъ и, невольно обратившись къ Миниху, сказалъ ему шепотомъ:

— Посмотрите на этихъ двухъ личностей, на этихъ двухъ графинь. И эта женщина, и та тоже женщина! Но одна приближаетъ васъ къ небу, возвышаетъ вашу душу, ваши помыслы своимъ изящнымъ обликомъ, другая низвергаетъ васъ въ Дантовъ адъ, напоминаетъ его безобразныя исчадія. Впрочемъ нѣтъ, даже и не это.... Въ исчадіяхъ ада есть все-таки какое-то безобразное значеніе, безобразная мощь, а эта фигура скорѣе сорвалась съ какой-нибудь картинки Теньера. У преддверій кабаковъ Голландіи я видалъ часто такихъ подпившихъ и пляшущихъ матронъ.

Если бы чувство государя зависѣло отъ лица и ума Воронцовой, то, конечно, побѣда была бы на сторонѣ Маргариты давно. — Но у государя была привычка къ «Романовнѣ.» Кромѣ этой привычки, было еще что-то.

Маргарита всячески и давно старалась разгадать, что могло привязать Петра Федоровича къ этой невозможной женщинѣ, и теперь Маргарита начала догадываться. Когда-то Воронцова говорила Гудовичу, что графиня Скабронская скоро надоѣстъ государю и что онъ снова вернется къ ней, потому что она:

— Простота! что онъ ни скажетъ, все сдѣлаю, а другія умничать начнутъ!

Тонкая Маргарита однажды именно это и поняла! А глупая Воронцова вдругъ однажды догадалась, что эта изящная красавица и умница ей подражаетъ. Она тоже теперь: «простота, и что ей ни прикажутъ, все дѣлаетъ!»

И въ этотъ день Воронцова цѣлыхъ два часа совѣщалась съ Гудовичемъ и въ первый разъ стала бояться за свое вліяніе, въ первый разъ заплакала. Впрочемъ, и плакать она не

могла: она разревѣлась, какъ деревенская баба, причитая на всѣ лады. Гудовичъ на этотъ разъ ушелъ отъ нея тоже смущенный.

XXVII.

Наконецъ, однажды вечеромъ, государь позвалъ къ себѣ Жоржа и, немножко смущаясь, попросилъ его совѣта: возможно-ли, не возбудить-ли черезъ чуръ много шума, если онъ рѣшится сдѣлать графиню Скабронскую кавалерственной дамой ордена св. Екатерины. Жоржъ смутился, но отвѣчалъ, что если есть на свѣтѣ изящная женщина, на которую бы слѣдовало надѣть всевозможныя регалии всѣхъ странъ, то, конечно, это графиня Скабронская. Но, однако, Жоржъ уговорилъ Государя обождать, такъ какъ и безъ того много клеветъ, много лжи изъ-за пребыванія графини въ Ораніенбаумѣ.

— Вся столица увѣрена, что вы влюблены въ графиню! замѣтилъ Жоржъ.

— Что жь! это правда! отозвался государь добродушно.

Жоржъ нѣсколько опять сконфузился и прибавилъ:

— Она красавица... Но въ Петербургѣ говорятъ злые языки, что вы хотите постричь государыню и... и жениться на графинѣ Скабронской, сдѣлать ее императрицей.

— И это правда... Можетъ быть.

Жоржъ опѣшилъ и замолчалъ.

— Скажите, дядюшка, что дѣдъ мой, Великій Петръ, былъ дуракъ по вашему? Нѣтъ! Хорошо! А онъ развѣ не развелся съ своей женой, развѣ не женился второй разъ.... А на комъ? Кто была Марта? солдатская жена. А потомъ кто была она? Императрица Екатерина всероссійская. А чѣмъ Маргарита хуже Марты? Сравненія нѣтъ!... Марта была необразованная женщина, но любившая моего дѣда. А Маргарита блестящая женщина! И умна, и красавица, и обожаетъ меня. Что скажете?!..

Принцъ Жоржъ ничего не сказалъ, а только повторялъ про себя:

— Ungeheuer! Ungeheuer!!..

Дѣйствительно, вліяніе графини надъ государемъ уже зашло далеко.... И многое казалось уже возможнымъ....

Вліяніе это всѣ увидѣли на первыхъ же порахъ, и поводомъ послуужилъ поединокъ Шепелева.

Принцъ Жоржъ прискакалъ въ Ораніенбаумъ, передалъ государю вѣсть о поединкѣ, о смерти своего любимца,—человѣка,

который еще на днях вѣрой и правдой служилъ лично государю. Жоржъ передалъ подробности поединка со словъ Будберга и въ добавокъ еще присочинилъ. Шепелевъ и Квасовъ вышли какими-то голыми разбойниками, которые заманили двухъ нѣмцевъ въ пустырь за городъ и чуть не умертвили обоихъ.

Государь былъ пораженъ смертью Фленсбурга, котораго видѣлъ за два дня передъ тѣмъ, но онъ вспомнилъ и тѣ успѣхи, которые сдѣлалъ въ фехтованіи старый лейбъ-компанецъ, и понималъ теперь, что такой противникъ, конечно, долженъ былъ оказаться опаснымъ для всякаго. Государь будто чуялъ, что въ рассказѣ принца не все ясно, тѣмъ не менѣе онъ отдалъ приказъ немедленно судить Квасова и Шепелева военнымъ судомъ и тотчасъ же разжаловать обоихъ въ простые рядовые.

Одна изъ первыхъ узнала объ этомъ, пріѣхавшая изъ города, Маргарита. Государь тотчасъ же передалъ ей о своемъ намѣреніи примѣрно наказать виновныхъ и отплатить за смерть ея друга Фленсбурга. Петръ Федоровичъ думалъ въдобавокъ, что онъ этимъ сдѣлаетъ большое удовольствіе графинѣ. Онъ не зналъ того, что знала вся столица; онъ не зналъ, кто юноша для этой прихотливой кокетки.

Маргарита, одна знавшая какъ было все дѣло, какъ они съ швезвигцемъ послали на вѣрную смерть бѣднаго юношу, пришла въ ужась.

Жоржъ поскакалъ въ Петербургъ исполнять приказъ государя, а Маргарита осталась съ нимъ. По ея просьбѣ черезъ часъ поскакалъ гонецъ въ Петербургъ съ приказаніемъ доставить въ Ораніенбаумъ тотчасъ же и Квасова, и Будберга.

На другой же день Будбергъ и наканунѣ подъ конвоемъ привезенный Квасовъ явились къ государю, и Петръ Федоровичъ самъ разспросилъ подробно и того, и другаго, по очереди, обо всѣхъ подробностяхъ поединка. Будбергъ путался болѣе, чѣмъ когда либо, вралъ, самъ себя опровергалъ, не желая сознаться въ своей жалкой роли товарища и секунданта.

Квасовъ послѣ него рассказалъ государю все въ мельчайшихъ подробностяхъ, и каждое слово лейбъ-компанца дышало негодованиемъ и искренностью. Болѣе всего поразило государя, что Фленсбургъ бросился уже на упавшаго и безоружнаго Шепелева, намѣреваясь просто зарѣзать, такъ какъ первая рана, полученная при законныхъ условіяхъ, была совершенно легкая.

— Такъ онъ его зарѣзать хотѣлъ, какъ рѣжутъ изъ-за угла! воскликнулъ государь, когда дрались законно, не сдумѣлъ убить, а тутъ лежачаго дорѣзать захотѣлось! Не зналъ я, что онъ такой негодяй! А еще нѣмецъ! Это бы тебѣ подѣ статью....

— За что же, ваше величество, вспыхнулъ Квасовъ, чѣмъ же мы, россияне, заслужили такого объ насъ разсужденія! У насъ и пословица есть на нашемъ россійскомъ нарѣчїи: лежачаго не бьютъ!

— А развѣ есть такая пословица? удивился государь.

И Квасовъ не съ разу убѣдилъ государя, что такая пословица давнымъ давно существуетъ.

Государь, конечно, понялъ все дѣло, какъ слѣдуетъ, разсудилъ его совершенно справедливо. Онъ взялъ во вниманіе, что Фленсбургъ первый нанесъ оскорбленіе безо всякаго повода и вызвалъ на поединокъ юношу, едва умѣвшаго держать шпагу въ рукѣ, съ тѣмъ, чтобы навѣрняка убить его. И это непременно случилось бы, если бы не Квасовъ, недавно, будто по волѣ Божіей, выучившійся мастерски владѣть оружіемъ.

Квасовъ былъ тотчасъ же освобожденъ самимъ государемъ. А послѣ этого, при встрѣчѣ съ Маргаритой, Петръ Федоровичъ поблагодарилъ ее при всѣхъ за совѣтъ вызвать участниковъ поединка и допросить ихъ лично. И при человѣкахъ двадцати придворныхъ государь произнесъ нѣсколько горячо:

— Я не привыкъ къ умнымъ совѣтамъ! Мнѣ все глупости совѣтуютъ. Спроси я по поводу этого поединка хоть бы вотъ «Романовну», или Гудовича, или хоть дядю. Непремѣнно бы заставили сдѣлать чертъ знаетъ что?! Какъ они только сунутся разсуждать, такъ у нихъ сейчасъ Шемякинъ судъ. Благодарю васъ, графиня! Я отнынѣ буду пользоваться только вашими совѣтами, когда будетъ къ тому случай. А за нынѣшнее позвольте мнѣ при всѣхъ разцѣловать ваши ручки.

XXVIII.

Наступили, наконецъ, и послѣдніе дни іюня мѣсяца.

Весь этотъ мѣсяцъ государь прожилъ въ Ораніенбаумѣ почти безвыѣздно. Государыня сначала оставалась въ Петербургѣ одна въ большомъ новомъ дворцѣ и здѣсь на свободѣ принимала всѣхъ петербургскихъ сановниковъ, все чаще являвшихся къ ней, все долѣе засиживавшихся у нея по вечерамъ. Но затѣмъ вскорѣ ей приказано было переѣхать въ Петергофъ.

Еще съ первыхъ чиселъ іюня, когда по городу распростра-
нилась громовая вѣсть о новой предпринимаемой войнѣ съ Да-
ніей за Шлезвигъ, никому ни на что не нужный, вся столица
заволновалась: и дворъ, и дворянство, и простой народъ. Мало
того, что правительство примирилось съ исконнымъ врагомъ, съ
Фридрихомъ, и стало помогать ему въ его войнѣ съ прежними
своими союзниками! Мало того, что отданы Фридриху, даромъ,
годами завоеванныя земли! Теперь начиналась война съ госу-
дарствомъ, съ которымъ отношенія были отличныя, изъ-за ма-
ленькаго клочка земли, котораго, конечно, Данія не можетъ от-
дать безъ упорной и кровавой борьбы. Недавно подарили Фрид-
риху чуть не цѣлое королевство, а теперь хотятъ завоевать ма-
ленькое герцогство!

Но болѣе всѣхъ заволновалась гвардія. Дармоѣды солдаты,
привыкшіе по ротнымъ дворамъ къ жизни между курами, дѣть-
ми и бабами, валяться на печи отъ зари до зари, негодовав-
шіе еще недавно на простые парады и смотры, были совершен-
но поражены мыслью о войнѣ.

Сначала прошла вѣсть, и ей никто не вѣрилъ, а затѣмъ
вѣсть была подтверждена указомъ государя, что первая высту-
пить на войну и первая понюхаеть пороху, конечно, гвардія.
Люди, пользовавшіеся каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы въ
превратномъ видѣ представить всѣ распоряженія правительства,
тотчасъ же распустили слухъ, которому всякій солдатъ радъ
былъ вѣрить. Слухъ этотъ былъ, что государь, хотѣвшій прежде
раскассировать гвардію, подѣлавъ изъ нея полевыя команды, те-
перь хочетъ отдѣлаться отъ нея болѣе жестокимъ способомъ,—
всю положить на поляхъ иноземныхъ подъ пушками датчанъ.
Ему не Шлезвигъ нуженъ! Зачѣмъ ему маленькое герцогство?
Ему нужно средство, законное и хитрое, истребить гвардію. Кто
и не вѣрилъ этой нелѣпости, повторялъ, клялся, что будто бы
государь прямо и искренно говорилъ объ этомъ многимъ, и со-
вѣтъ этотъ поданъ ему Фридрихомъ.

Такъ или иначе, но гвардейскіе полки, въ особенности пре-
ображенскій и измайловскій, весь іюнь волновались безъ конца.
Бабы плакались и причитали отъ зари до зари о томъ, что
мужья осуждены на смерть.

Чи-то деньги щедрой рукой сыпались въ ряды солдатъ. Кон-
ная гвардія, измайловцы, семеновцы, преображенцы, отъ капрапа
до рядоваго, съ утра ходили во хмѣлю. Случаи неповиновенія,

открытаго буйства, относительно нелюбимыхъ офицеровъ все учащались. Въ преображенскомъ полку три ненавистныхъ солдатамъ офицера, Текутьевъ, Воейковъ и Квасовъ, даже опасались за свою жизнь.

Текутьевъ однажды вечеромъ на собственномъ ротномъ дворѣ, въ темную ночь, получилъ страшный ударъ кулакомъ по головѣ. Онъ не могъ поймать оскорбителя, но видѣлъ, однако, на немъ свой преображенскій мундиръ.

Квасовъ, проходя, тоже ночью, по корридору ротной казармы, получилъ ударъ, но уже не кулакомъ, а ножомъ. По счастью ножикъ скользнулъ, распоролъ ему сюртукъ, прорѣзалъ обшлагъ мундира и только разцарапалъ плечо. На его крикъ выскочило нѣсколько солдатъ, но злоумышленникъ тоже не былъ найденъ. На утро, когда Квасовъ и Воейковъ требовали выдачи этого челоуѣка, котораго солдаты, конечно, не могли не знать, то изъ толпы раздался крикъ:

— Небось, не выдадимъ! Обожди малость, скоро васъ всѣхъ голштинцевъ передушатъ!

И Квасовъ уже опасался бывать въ сумерки и по вечерамъ на собственномъ ротномъ дворѣ.

Впрочемъ, лейбъ-компанецъ, теперь маіоръ, рѣдко бывалъ даже на своей квартирѣ. Онъ проводилъ дни, а иногда и ночи около выздоравливавшаго племянника.

Вмѣстѣ съ нимъ, не отходя ни на шагъ, ухаживала за юношей и Василекъ.

Шепелевъ поправлялся медленно, но къ концу мѣсяца былъ уже на ногахъ, и только не много блѣдный, немного слабый отъ большой потери крови. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возмужалъ. Въ лицѣ его и красивыхъ глазахъ уже не было прежняго юношескаго наивнаго выраженія. Глаза его будто подернулись легкой дымкой печали, дымкой пережитаго, выстраданнаго. Такія драмы, какъ его сердечная драма, не проходятъ даромъ, и даже не рана отъ шпаги Фленсбурга, и не потеря крови, а главнымъ образомъ, рана, нанесенная въ сердце его Маргаритой, подѣйствовала на него, и если не состарѣла, то заставила возмужать.

Впрочемъ, со дня поединка, со времени болѣзни юноши, уже случились два событія, которыя въ жизни Шепелева и жизни княжны отдалили и будто поставили на второй планъ преступный и отвратительный поступокъ Маргариты.

Василекъ была неотлучно день и ночь у изголовья юноши, вопреки всѣмъ приличіямъ, вопреки собственнымъ свойствамъ характера, и, на увѣщанія Квасова, отвѣчала спокойно и твердо:

— Что мнѣ! Пускай! Будь, что будетъ! Вѣдь я ему сказала! Онъ знаетъ! Что-жь тутъ скрывать! А что про меня выдумаютъ злые люди, мнѣ все равно. Господь видитъ, что я дурного не дѣлаю. А ходить за нимъ, мнѣ — сердце и совѣсть велеть.

Черезъ недѣлю послѣ этого, почти безотлучнаго пребыванія у Шепелева, Василекъ, бывшая только раза два около больной тетки на минуту, собралась однажды снова провѣдать больную. Но явившіеся на квартиру Шепелева люди объявили, что барыня приказала долго жить, что по утру ее нашли скончавшейся.

Василекъ вздохнула, перекрестилась, пожелала теткѣ царства небеснаго, но совѣсть не укорила ее. Тетка лежала за послѣдніе дни въ совершенно безсознательномъ положеніи, Василекъ ничѣмъ не могла ей помочь, а здѣсь около этого человѣка, который былъ ей дороже всего на свѣтѣ, она была полезна. Здѣсь именно сердце и совѣсть приказывали ей быть безотлучно. Вдобавокъ докторъ Вурмъ, пользовавшій юношу, сказалъ ей совершенно серьезно, что Шепелевъ многимъ обязанъ ей.

Василекъ вмѣстѣ съ Квасовымъ прохлопотали три дня, похоронили Гарину, и княжна, приказавъ запереть опустѣлый домъ, вернулась снова въ маленькую квартиру выздоравливающаго.

А черезъ дней пять послѣ этого перваго событія случилось другое, даже не внезапное или нежданное, а понемногу не замѣтно готовившееся, но про него покуда знали только Василекъ и Шепелевъ.

Однажды вечеромъ Квасовъ, прійдя съ ротнаго двора въ квартиру племянника, засталъ Шепелева уже сидящимъ на креслѣ, а Василекъ наливала ему чай.

Квасовъ остановился, поглядѣлъ на нихъ, нюхнулъ съ присвистомъ изъ тавлички и выговорилъ:

— Вотъ только тутъ и душу отведешь! Молодець, пороса, давно бы тебѣ сидѣть! Завалялся! Небось, поди и ноги трясутся, какъ у столѣтняго старца. Да, прибавилъ лейбъ-компанецъ, тутъ вотъ тишь да гладь, а что, пороса, у насъ творится, такъ бѣжалъ бы за тридевять земель.

— На ротномъ дворѣ? спросилъ Шепелевъ.

— Да, кажись не нынче, завтра, ей Богу, офицеровъ пере-
рѣжутъ. А рѣчи такія слышишь, что волосъ дыбомъ стано-
вится. А главное, чего, подлецы, захотѣли? За нами тянутся!
Мы щенка нѣмецкаго свергли съ престола и російскую дѣвицу
да дочь Петрову возвели на его мѣсто. А они чего захотѣли?
Вьявъ орутъ, законнаго государя и законнаго внука того же
Великаго Петра низвергнуть, а на его мѣсто нѣмецкую принцессу
посадить! то-есть шиворотъ на выворотъ — верхъ тормашкой!

И Квасовъ злобно расхохотался.

— Поглядѣлъ бы я, хоть однимъ глазкомъ, каково бы это
правленіе и царствованіе было, кабы Екатерину Алексѣевну ца-
рицей или регентшей объявить? Покуда Павелъ Петровичъ выро-
стетъ, да приметъ правленіе, какихъ бы, голубушка, она пустя-
ковъ натворила!

Квасовъ помолчалъ и прибавилъ снова съ презрительнымъ
смѣхомъ:

— За нами тянутся! Мы, вишь, примѣръ! Нѣтъ, голубчики,
это то же, да не то. Я теперь костью лягу, коли какое только
буйство на улицѣ будетъ. Законный царь всероссійскій, каковъ
бы онъ непорядливый ни былъ, по его добротѣ сердечной и не-
большому разуму, все-таки Петръ Ѳедоровичъ. А Павелъ Петро-
вичъ еще мальчуганъ! И если бы Екатерина Алексѣевна попала
за него въ правительницы, въ родѣ Анны Леопольдовны, то опять
будетъ на Руси полная беспорядица и смута. Все-таки она чужая
намъ, ангалтская принцесса.

— Да, это истинно, вымолвила Василекъ, хотя она и добрая,
и ласковая, и совѣмъ нѣту въ ней ничего нѣмецкаго, а все-
таки рожденіемъ своимъ она чужая для нашего отечества. Все-
таки она чужеземная принцесса, стало быть, опять то же, что
была Анна Леопольдовна.

— Еще меньше того! воскликнулъ Квасовъ. Анна Леополь-
довна происхожденіемъ все-таки нашего царскаго дома была, а
Екатерина Алексѣевна такая же русская, какъ вотъ графиня Скаб-
ронская. Только по имени.

Шепелевъ вздрогнулъ, поднялъ глаза на дядю и вдругъ вы-
говорялъ слабо, но отчетливо и рѣзко.

— Дядюшка! просьба у меня до васъ: никогда вы эту....
эту.... Ну ее!... Не называйте при мнѣ. Она для меня померла,
но я не могу ея какъ мертвую добромъ поминать. Я не могу
даже имени ея слышать. Можете вы сдѣлать это для меня?

— Господь съ тобой, порося, все, что прикажешь. Вотъ я дьявола не люблю поминать, ну, теперь буду знать, что есть два дьявола, которыхъ поминать не слѣдъ. Никогда больше не услышишь. А придется при случаѣ по какому дѣлу сказать, буду говорить второй, и это будетъ значить: второй, моля, дьяволь.

Наступило молчаніе. Только лейбъ-компанецъ, закусивъ губу, постукивалъ ложечкой по стакану и слегка сопѣлъ. Онъ соби-рался сказать нѣчто, что собирався сказать давно. Но каждый разъ слова не сходили съ языка, духъ спирало въ груди, сердце замирало въ немъ. Онъ боялся вымолвить эти нѣсколько словъ, потому что боялся того впечатлѣнія, которое произведетъ это на Шепелева и на Василька. Онъ боялся, что нѣчто, ставшее для него его единственной дорогой мечтой, окажется вдругъ несбы-точной вещью.

Но на этотъ разъ Квасова особенно что-то толкало загово-рять и высказаться. Наконецъ, онъ вдругъ бросилъ ложку и вы-молвилъ:

— Слушай-ка, порося. Я твою просьбу исполню. Это не мудро! Никогда втораго дьявола именемъ не звать. А вотъ что! У меня есть до тебя просьба. Давно собираюсь, да все страшно вымолвить. Откажешь ты мнѣ, прощай, братъ, на вѣчныя времена.

— Что вы, дядюшка!

— Да, не что вы! не про пустое сказываю, а дѣло великое, святое. Грѣхъ даже, что ты не понимаешь и не догадываешься, про что я говорю. Ты бы долженъ давно самъ заговорить. Чего ждешь? А если просьбу мою не уважишь, вотъ видишь,—лежить, шляпа, надѣну се, скажу гуть-моргенъ, и никогда меня не увидишь.

— Такъ объяснитесь, дядюшка, а то, ей-ей, ничего не по-нимаю.

— Ты сказывалъ не разъ, что хочешь попользоваться новою вольностью дворянской и, выздоровѣвъ, просить абшидь и уѣхать къ матери, благо ужъ офицеръ.

— Правда.

— Ты и меня звалъ съ собой.

— Вѣстимо, отозвался Шепелевъ. Что вамъ тутъ дѣлать? Слава Богу, наслужились довольно. Да и всякій день сказываетъ, что служить болѣе нельзя, что не нынче, завтра зарѣжутъ какой-нибудь солдатъ.

— Все это вѣрно, я, пожалуй тоже, абшидь подамъ. Ну, а потомъ что жъ? Мы съ тобой такъ и поѣдемъ къ твоей матери?

— Вѣстимо, дядюшка.

— И только того и будетъ?

— Да чего же вамъ еще?

— Да, что ты! Одервенѣлъ, что-ли? Стувнулъ Квасовъ кулакомъ по столу такъ, что всѣ стаканы зазвенѣли. Что ты, каменный, что-ли? Или у тебя Фленсбургъ весь разумъ проковырять своей шпаженкой, и совѣсть отшибъ! Пойми, про что я тебѣ сказываю.

Шепелевъ сидѣлъ, вытараща глаза на лейбъ-компанца, и лицо его ясно говорило, что онъ ничего не понимаетъ. Княжна Василекъ еще болѣе удивленно глядѣла на своего дорогаго друга, наконецъ, скрестила руки и своими чудными глазами какъ будто хотѣла проникнуть въ душу лейбъ-компанца и увидѣть, что тамъ бушуетъ.

— Такъ ты, да я, поѣдемъ въ Калугу? выговорилъ Квасовъ.

— Да, отозвался Шепелевъ, удивляясь.

— А княжна? вдругъ выговорилъ лейбъ-компанецъ такимъ голосомъ, какъ если бы произносилъ самую страшную вѣсть.

И, дѣйствительно, въ этомъ словѣ, въ этомъ вопросѣ теперь заключилось сразу все то, что бушевало въ немъ давно, все то, что не могъ онъ произнести, боясь узнать какъ бы свой собственный смертный приговоръ.

Шепелевъ, молча, поглядѣлъ на дядю слегка блеснувшими глазами и улыбнулся. Княжна Василекъ вспыхнула и отвела глаза.

Наступило молчаніе.

— Да! проговорилъ, наконецъ, укоризненно лейбъ-компанецъ. Да! Вотъ что! Ваше дѣло, какъ знаете! Хорошая дѣвушка всегда готова себя загубить, но Каинъ тотъ, кто губить. Я могу сказать: дай, моль, я за тебя помру, да ты-то этого не долженъ допускать. Ну, стало-быть, пѣший конному, гусь свиньѣ, честный подлому, а я тебѣ—не товарищи.

Голосъ Квасова задрожалъ при послѣднихъ словахъ; онъ поднялся и пошелъ въ уголъ, гдѣ была его шляпа. Когда онъ обернулся, то Шепелевъ сидѣлъ, улыбаясь, и глядѣлъ на Василька. Затѣмъ онъ сдѣлалъ едва замѣтный знакъ бровями.

Она встала, обернулась къ лейбъ-компанцу, тихо, будто робко подошла къ нему, вскинула руки ему на плечи и вдругъ поцѣловала его.

Квасовъ, какъ-то ахнулъ, будто его ударили дубиной по головѣ.

— Что? выговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Акимъ Акимовичъ, да, вѣдь, это давно.... давно кончено!

— Что кончено? заоралъ вдругъ Квасовъ на всю квартиру, такъ что на улицѣ двое прохожихъ вздрогнули и остановились подъ окошками.

— Дядюшка, идите сюда, сказалъ Шепелевъ. Я еще вставать боюсь. Поцѣлуемся, простите меня! Я уже и матери писалъ и отвѣтъ имѣю. Какъ въ Калугу прїѣдемъ, такъ и пиръ горой.

— Такъ какъ же ты смѣлъ! заревѣлъ Квасовъ совершенно серьезно, наступая съ кулаками на племянника. Какъ же ты смѣлъ, щенокъ поганый!

— Вамъ не сказать? отозвался Шепелевъ. Ну, ужъ, если вы хотите драться, такъ бейте Василька, а не меня. Она виновата.

— Вы виноваты? обернулся Квасовъ, тоже наступая, но уже опустивъ руки и разжавъ кулаки.

— Я, Акимъ Акимовичъ! Мнѣ хотѣлось васъ попытать, мнѣ хотѣлось, чтобы вы сами и первый заговорили....

Квасовъ остался среди горницы, какъ истуканъ, поглядѣлъ по очереди на Василька и на Шепелева, досталъ тавлинку и, нюхнувъ чуть не цѣлую горсть, выговорилъ едва слышно, качая головой и щелкая пальцемъ по тавлинкѣ.

— Ахъ, вы разбойники, ахъ, вы людоеды! Да, васъ темеръ надо.... Что надо?... А? До смерти васъ надо избить!..

И при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, близъ самовара, Шепелевъ и Василекъ увидели суровое коричневое лицо лейбъ-компанца, мокрое отъ слезъ. Василекъ бросилась и обняла друга. Шепелевъ, черезъ силу, тоже поднялся и протянулъ руки къ дядѣ.

— Второй разъ завылъ по бабѣ! шепнулъ Квасовъ въ его объятія. Первый разъ, передъ рѣзней по заморски.... И вотъ опять....

XXIX.

Въ Ораніенбаумѣ дѣлались большія приготовленія въ празднованію дня Петра и Павла—дня именинъ императора и наследника престола. Предполагался фейерверкъ, иллюминація всего мѣстечка и, наконецъ, концертъ, въ которомъ долженъ быть участвовать самъ государь, недурно игравшій на скрипкѣ. Все должно

было закончиться баломъ, на который уже разосланы были приглашенія всѣмъ лицамъ, имѣющимъ на то право.

По поводу этого бала въ Петербургѣ уже шель смутный говоръ. Говорили, что императрица, находящаяся въ Петергофѣ, почти въ заключеніи, обставленная часовыми и шпионами, не будетъ приглашена на праздникъ и именины мужа и сына, и что Панинъ одинъ привезетъ наслѣдника. Къ этому прибавляли невѣроятный слухъ, что принимать, въ качествѣ хозяйки на празднествѣ, будетъ графиня Скабронская.

Государь на время бросилъ экзерциціи и смотры и съ увлеченіемъ принялся разучивать свою партитуру квартета, въ которомъ долженъ былъ участвовать.

Въ Петрѣ Ѳедоровичѣ была положительно жилка артиста, и не было только выдержки и прилежанія. Въ музыкѣ онъ могъ бы достигнуть извѣстнаго совершенства, если бы усидчиво занялся. Но онъ всегда бросался на музыку случайно, временно, мимо-летно, предавался ей запоемъ и потомъ снова бросалъ на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда на цѣлый годъ.

Однажды, будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ самъ и Елизавета Петровна, по его просьбѣ, розыскивали для него по всей Европѣ купить самую лучшую скрипку. Послѣ многихъ хлопотъ, переписки и крупной суммы, обѣщанной за первую скрипку въ мірѣ, была найдена такая въ Венеціи. Говорили, что скрипкѣ 200 лѣтъ, что она диво дивное, чуть не сама играетъ и поетъ, какъ живой человѣкъ. Тагъ, по крайней мѣрѣ, описалъ ее, въ донесенія государынѣ російской, посолъ при Венеціанскомъ дожѣ. Но, когда скрипка достигла Ораніенбаума, Петрѣ Ѳедоровичъ и не взглянулъ на нее. Въ это время онъ муштровалъ своихъ голштинцевъ и выдумалъ какое-то построеніе для атаки, которое будто бы когда-то любилъ и предпочиталъ македонскій царь Филиппъ, отецъ знаменитаго Александра.

Теперь государь бросилъ всѣ свои заботы въ сторону, о войнѣ и приготовленіяхъ не смѣлъ никто и заикаться. Государственный секретарь не смѣлъ появляться съ докладами, какъ бы они важны не были. Даже съ Маргаритой государь пересталъ бесѣдовать и болтать, какъ прежде, по цѣлымъ часамъ. Онъ сидѣлъ за скрипкой, едва успѣвалъ позавтракать или пообѣдать и снова садился за пюпитръ съ нотами и снова разучивалъ квартетъ.

Однажды утромъ, недовольный своей игрой, онъ, въ припадкѣ гнѣва, схватилъ скрипку и, ударивъ ею о пюпитръ, сломалъ его,

и скрипка, конечно, разлетѣлась на десятки кусковъ. Черезъ минуту Петръ Федоровичъ опомнился и понялъ, что самъ себя погубилъ, что къ скрипкѣ этой онъ все-таки привыкъ и на новой окончательно не могъ бы играть. Тогда все, что только было въ Ораніенбаумѣ придворныхъ, офицеровъ, адъютантовъ, — было послано въ Петербургъ въ одинъ день розыскать скрипку такого же размѣра, какъ разбитая. Даже принца Жоржа чуть-чуть не заставилъ государь тоже ѣхать и розыскивать по столицѣ инструментъ.

Въ числѣ лицъ, посланныхъ на поиски, былъ Будбергъ, который теперь замѣнилъ убитаго пріятеля въ должности адъютанта принца. Будбергу посчастливилось: онъ тотчасъ же, по пріѣздѣ въ столицу, отыскалъ нѣмца музыканта, у котораго была цѣлая коллекція скрипокъ. Одну изъ нихъ очень дорогую, съ которой бы нѣмецъ никогда не рѣшился разстаться, какъ съ другомъ или любимымъ дѣтищемъ, онъ, конечно, пожертвовалъ для государя съ удовольствіемъ.

Когда Будбергъ у подъѣзда дворца принца садился съ инструментомъ въ бричку, запряженную тройкой ямскихъ, чтобы скакать въ Ораніенбаумъ, къ дворцу подъѣхалъ на извозникѣ и подошелъ къ бричкѣ незнакомый ему офицеръ, толстый, громадный, на короткихъ ногахъ.

Будбергу показалось, что онъ гдѣ-то видалъ это чудовище и прежде. Но вспомнить его фамилію онъ не могъ.

Неуклюжий и огромный офицеръ былъ Василій Игнатьевичъ Шванвичъ.

Угрюмо, не называя себя, онъ, молча, передалъ Будбергу письмо и записку. Затѣмъ тотчасъ сѣлъ на извозника обратно и уѣхалъ. Большое письмо было на имя его императорскаго величества съ обозначеніемъ, что содержитъ государственную тайну. Записка была для Будберга, и въ ней незнакомая личность говорила офицеру, что письмо императору заключаетъ въ себѣ открытіе самаго страшнаго заговора противъ правительства. Одинъ изъ участниковъ, именно преображенскій офицеръ Баскаковъ беретъ на себя адское намѣреніе убить государя. А если же Будбергъ или даже самъ государь не повѣрятъ неизвѣстному доносчику, то могутъ, арестовавъ офицера Пассека, немедленно найти при немъ всѣ данныя, всѣ списки участниковъ, даже документы, отличающіе все и всѣхъ.

Будбергъ былъ пораженъ, прочитавъ записку. Въ ней было сказано, что она есть краткое изложеніе того же, что въ подробностяхъ сказано въ письмѣ къ императору.

Будбергъ и многіе другіе нѣмцы офицеры такъ мало обращали вниманія на все, что не касалось ихъ маленькаго честолюбиваго мірка, что они не знали, не подозрѣвали даже того, что было извѣстно въ любомъ кабакѣ, въ любомъ трактирѣ, чуть не на улицѣ. Весь Петербургъ за послѣдніе дни чуялъ что-то. Всякій, отъ вельможи до простолюдина, зналъ навѣрное, что какъ только будетъ государь въ отсутствіи изъ столицы и начнется датская война, то здѣсь произойдетъ событіе, послѣ котораго будетъ малолѣтній императоръ и правительница, или регентъ.

Будбергъ поскакалъ еще шибче въ Ораніенбаумъ, везя скрипку и доносъ. Только на дорогѣ вспомнилъ онъ, что сдѣлалъ глупость, не арестовавъ незнакомаго неуклюжаго офицера и потерялъ слѣды, по которымъ можно было бы, въ случаѣ нужды, узнать многое другое. Въ случаѣ правдивости доноса государю и наградить не кого будетъ.

Вечеромъ Будбергъ былъ въ Ораніенбаумѣ, передалъ лично государю инструментъ, и Петръ Ѳедоровичъ былъ въ восторгѣ. Скрипка оказалась еще лучше, еще удобнѣе его собственной.

Письмо, заключающее въ себѣ государственную тайну, Будбергъ побоялся передать лично, такъ какъ онъ, подобно многимъ, боялся внезапныхъ и непонятныхъ вспышекъ государя. Съ Петромъ Ѳедоровичемъ было легче, чѣмъ съ кѣмъ-либо, нажать себѣ бѣду, разсердить, угождая ему, или возбудить сильный гнѣвъ исполненіемъ долга, иногда даже исполненіемъ его собственнаго приказанія.

Будбергъ передалъ письмо принцу. Жоржъ, выслушавъ все то, что могъ рассказать Будбергъ, и прочитавъ, конечно, записку на имя офицера, тотчасъ же взялъ пакетъ и направился на половину, занимаемую государемъ. На дорогѣ ему попался Нарцисъ, говорившій очень порядочно по-нѣмецки.

На вопросъ, что дѣлаетъ государь, негръ отвѣчалъ:

— Пилить.

— Какъ пилить? воскликнулъ Жоржъ. Кого пилить?

— Скрипку, отозвался Нарцисъ, оскаливая свои громадные собачьи зубы.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить! невольно замѣтилъ Жоржъ.

— Это не я говорю, онъ самъ всегда это говорить.

— Ну, пошелъ, доложи государю, что мнѣ нужно его видѣть.

— Не приказалъ, отвѣчалъ Нарцисъ, ни за что не пойду, онъ меня убьетъ. Сказалъ: никого не пускать, сказалъ, если будетъ потопъ, свѣтопредставленіе, то и тогда не пускать!

Жоржъ вытаращилъ глаза.

— Ей-Богу, ваше высочество, это такъ онъ самъ сказалъ: потопъ будетъ, то и тогда не смѣй мѣшать.

Принцъ, понимая все важное значеніе своего дѣла, смѣло пошелъ далѣе и приблизился къ двери кабинета. Оттуда долетали до него звуки какого-то Allegro и топанье въ тактъ каблукъ по паркету.

Жоржъ попробовалъ дверь, она была заперта на ключъ. Онъ сталъ стучать, но громкая музыка, очевидно, заглушала его постукиваніе. Принцъ началъ вертѣть ручку двери, музыка продолжалась.

— Ваше величество! закричалъ Жоржъ громко, на сколько могъ собрать силы и духа въ своей тощей груди.

Отвѣта не было, и музыка продолжалась.

— Ваше величество! еще два или три раза прокричалъ Жоржъ, задохся и, стоя передъ запертой дверью, даже носъ опустилъ.

Постоявъ мгновеніе, принцъ рѣшился и началъ стучать кулаками въ дверь. Нарцисъ, выглядывавшій черезъ комнату изъ-за занавѣски на дѣйствія принца, снова оскаливалъ свои зубы, смѣялся своими толстыми негрскими губами и думалъ:

— Ну, погоди, дастъ онъ тебѣ!

Дѣйствительно, черезъ мгновеніе дверь сразу отворилась настежь, оттолкнутая сердитымъ движеніемъ, и чуть не треснула Жоржа въ лобъ.

На порогѣ появился государь, блѣдный, съ поднятымъ смычкомъ, какъ если бы онъ собирался хлестнуть того, кто смѣлъ нарушать его занятія.

— Was wollen sie?! визгливо воскликнулъ, какъ всегда, по-нѣмецки Петръ Федоровичъ. Вы видите, вы знаете, заперто. Что вамъ?

— Ваше величество, извините, смутился принцъ, боясь познакомиться ближе со смычкомъ. Но тутъ важнѣйшее дѣло, вотъ письмо, въ которомъ до вашего свѣдѣнія доводить....

— Письмо! Изъ-за письма вы.... воскликнулъ государь.

— Но тутъ заговоръ, васъ убить хотятъ! закричалъ Жоржъ съ такимъ отчаяніемъ, что даже Нарцисъ выбѣжалъ изъ засады и перепугался чуть не на смерть.

Петръ Федоровичъ, нѣсколько успокоившись, медленнымъ движеніемъ взялъ письмо тою же рукой, въ которой былъ смычекъ, повернулъ его два раза, покачалъ головою и выговорилъ:

— Мерзавцы, проклятый народъ! Ужъ это десятое, коль не двѣнадцатое; кабы мнѣ хоть одинъ изъ нихъ попался.

— Тутъ, кажется, всѣ названы, произнесъ Жоржъ.

— Кто названы? Заговорщики, такъ я ихъ всѣхъ наизусть выучилъ! А доносители, мерзавцы, себя не называютъ. Ихъ бы я перебралъ всѣхъ. Какіе нравы, какіе люди! Администраторовъ нѣтъ, командировъ нѣтъ, солдатъ нѣтъ, духовенства нѣтъ, никого нѣтъ! закричалъ государь. Понимаете вы, никого въ государствѣ нѣтъ. А доносители есть! Доносчиковъ полно въ Петербургъ! И какіе доносчики: артисты, виртуозы!

Жоржъ стоялъ, изображая статую изумленія. Нарцисъ стоялъ за Жоржемъ, какъ-то скорчившись, вытянувъ черную, длинную шею впередъ, распустя толстыя губы. Онъ, не сморгнувъ, глядѣлъ на государя, виѣ себя кричавшаго съ порога:

— Но, послушайте, дядюшка, кончилъ государь спокойно, прошу васъ отнынѣ и навсегда не беспокоить меня, когда и занять дѣломъ, подобнаго рода письмами. Даже если вы завтра получите доносъ въ аршинъ величиною, съ самой страшной надписью, то и тогда прошу васъ сжечь его въ каминѣ, а ко мнѣ съ пустяками не приставать. Вамъ это въ диковину, а я вамъ говорю, что я цѣлый мѣсяць живу въ Ораніенбаумѣ подъ этими доносами, какъ подъ перекрестнымъ огнемъ въ пылу сраженія.

Государь снова стихнулъ, обернулся къ Нарцису и прибавилъ:

— А ты, черный чертъ, если еще кого допустишь до моихъ дверей, то черезъ часъ сядешь въ бричку и поѣдешь въ Сибирь! А послѣ твоей Африки, тамъ тебѣ покажется нѣсколько свѣжо.

И при этомъ государь уже добродушно улыбнулся и заперъ дверь. Жоржъ развелъ руками, повернулся и такъ, съ разведенными руками, прошелъ черезъ весь дворецъ на свою половину.

XXX.

На другой день вечеромъ была назначена репетиція квартета. Государь заранѣе позволилъ ближайшимъ лицамъ пріѣхать чтобы критиковать и подавать совѣты.

Одна изъ маленькихъ залъ была освѣщена, а на срединѣ разставлены юпитры, и государь, какъ ребенокъ, суетился, самъ поправлялъ все и замѣчалъ, что было не въ исправности.

Гостей пріѣхало изъ столицы человекъ двадцать помимо тѣхъ, которые жили въ Ораніенбаумѣ. Конечно, для нихъ не было ничего интереснаго въ этомъ квартетѣ, который имъ пришлось бы еще другой разъ прослушать въ Петровъ день. Но не пріѣхать на приглашеніе государя теперь было гораздо опаснѣе, нежели отсутствовать на большомъ выходѣ или на большомъ придворномъ балѣ. Это былъ праздникъ для самолюбія государя-артиста, и отсутствующій показалъ бы свое презрѣніе къ таланту монарха. А это, конечно, могло бы ему не пройти даромъ.

Выборъ участниковъ квартета доказывалъ какъ нельзя болѣе, на сколько увлекался государь, когда запоемъ отдавался музыкѣ. Квартетъ состоялъ изъ фаворита Гудовича, съ которымъ онъ былъ за послѣдніе дни крайне рѣзокъ и придиричивъ, изъ какого-то сморщенного, какъ грибокъ, съ отталкивающей фізіономіей, старика шведа, когда-то найденнаго въ Петербургѣ именно ради этихъ концертовъ съ государемъ. Старикъ, конечно, былъ замѣчательный скрипачъ, но все-таки его никто, помимо Петра Федоровича, никогда бы не рѣшился допустить до себя. Старикъ шведъ, отчасти грязно одѣтый, съ какими-то красными, крючковатыми руками, въ какомъ-то нелѣпомъ одѣяніи изъ коричневаго полинялаго бархата, съ какой-то пелериной на плечахъ, съ какимъ-то хвостомъ замасленнымъ сзади, былъ похожъ на невѣдомую хищную птицу и, конечно, не европейскую, а развѣ австралійскую.

Но этого было мало. Нужна была віолончель. А лучше всѣхъ игралъ на віолончели и даже особенно любилъ играть тотъ квартетъ, который былъ выбранъ теперь государемъ, никто иной, какъ Григорій Николаевичъ Тепловъ. Опять таки ненавистное лицо государю.

Но государь-артистъ будто не имѣлъ ничего общаго съ государемъ-монархомъ. Музыка могла примирить его, хотя мимо-летно, со всякимъ. И онъ самъ, за нѣсколько дней, написалъ письмо, прося злѣйшаго врага своего обрадовать его участіемъ въ квартетѣ. Тепловъ, конечно, не замедлилъ отвѣчать согласіемъ и благодарностью за предложенную честь. Объяснивъ Орловымъ, что онъ будетъ участвовать въ концертѣ, онъ предупредилъ ихъ не удивляться и, чего добраго, не сомнѣваться,

что онъ, разыгрывая совершенно иную преступную музыку въ оркестрѣ заговорщиковъ на сходкахъ Орловыхъ, ѣдетъ разыгрывать квартетъ въ Ораніенбаумъ.

Около восьми часовъ вечера гости были въ сборѣ. Музыканты сѣдѣли на мѣста, и государь, не только довольный, но счастливый, съ сіяющимъ лицомъ, добрый, ласковый, предупредительный со всѣми, былъ, казалось, теперь готовъ обнять каждаго, хотя бы злѣйшаго врага.

Онъ любезно разговаривалъ и съ австралійской птицей, и съ Тепловымъ. Голосъ его звучалъ такимъ дѣтскимъ довольствомъ и такимъ дѣтскимъ добродушіемъ, что если бы явился сюда на одно мгновеніе посторонній человѣкъ, не знающій ничего объ императорѣ Петрѣ III и объ его самодержавствѣ, то этотъ человѣкъ унесъ бы воспоминаніе, что видѣлъ однажды олицетвореніе самаго добра, искренности, наивности и мягкосердія.

Музыка началась. У всѣхъ трехъ партнеровъ этого добродушнѣйшаго монарха-артиста сердце щемило. Каждый изъ трехъ зналъ навѣрное, что если совреть хотя на іоту и советъ меломана-монарха, то этотъ добродушнѣйшій человѣкъ Богъ вѣсть что скажетъ при всѣхъ. Болѣе всѣхъ, конечно, боялся Тепловъ. Онъ уже не въ первый разъ игралъ съ государемъ и зналъ, что иногда случалось изъ-за ошибки, часто даже собственной ошибки государя. Но Тепловъ былъ слишкомъ искусный музыкантъ, чтобы соврать въ квартетѣ, который зналъ вдобавокъ наизусть уже лѣтъ шесть.

Менѣе всѣхъ боялась австралійская птица, т. е. старикъ шведъ, хотя и ему давно объяснили, что онъ въ случаѣ чего можетъ послѣ концерта улетѣть изъ Петербурга, если не въ далекія страны, то на родину, а это вовсе не соответствовало его нахреніямъ и семейнымъ дѣламъ.

Квартетъ былъ страшно великъ и длился безъ конца при мертвой тишинѣ публики. Но вся эта публика видимо относилась совершенно безучастно къ музыкѣ. Приказали пріѣхать! Ну, и пріѣхали! А приказать слушать, по счастью, нельзя!...

Болѣе всѣхъ дремалъ и поклевывалъ носомъ принцъ Жоржъ. Не менѣе вздремывалъ гетманъ Одинъ только генералъ-полицеймейстеръ Корфъ сидѣлъ, вытянувъ шею, какъ вытягивалъ часто свою Нарцисъ, и такъ же, какъ онъ, выпуча глаза, глядѣлъ въ лицо монарха, отчаянно махавшаго и мотавшаго смычкомъ, рукой, скрипкой и головой.

Остальная публика не спускала глазъ не со скрипки государя, не съ музыкантовъ вообще, а съ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ впереди остальныхъ гостей за спиной государя.

Одна, красавица, въ пышномъ изящномъ нарядѣ, сидѣла такъ близко, что даже положила красивую ручку свободно и безцеремонно на стулъ государя. Это была, конечно, Маргарита, уже озиравшаяся кругомъ въ этомъ дворцѣ, какъ можетъ озираться только хозяйка.

За нею, нѣсколько отступя, сидѣла, какъ насѣдка на вновь выведенныхъ цыплятахъ, графиня Воронцова и, какъ-то, раскатуившись на креслѣ, недвижно сложила безобразныя толстыя руки на животѣ. Она точно такъ же, какъ и Корфъ, глядѣла не сморгнувъ на играющихъ; но при этомъ она не глядѣла на кого либо изъ нихъ. Маленькіе сѣрые глаза ея уперлись въ самый центръ, т. е. въ пустое пространство между четырехъ попитровъ. Ей казалось, должно быть, что это самый настоящій пунктъ и есть. Оттуда, видно, вылѣзаетъ музыка. Гудить надъ ея ушами безо всякаго смысла, безъ толку, безъ конца!... То шибче, шибче, громче, то почему-то опять тише, совсѣмъ тихо, почти нѣтъ ничего, замолчали... Кончили, знать. Анъ нѣтъ!... Вдругъ опять, Богъ вѣсть зачѣмъ, такъ дерганули, да такъ завознили смычками, что даже у нея за ушами зачесалось. И Воронцова, не сморгнувъ, не шелохнувшись, сидѣла, какъ истуканъ, и только думала:

— И кто это музыку выдумалъ! И зачѣмъ собственно ее выдумали? И, наконецъ, свѣтлая мысль осѣнила ее, она догадалась.

— А плясать то, подъ что же бы было тогда людямъ?

Наконецъ, наступилъ антрактъ. Раздались рукоплесканія, комплименты, похвалы. Вся публика проснулась и восторгалась, разумѣется, игрою государя. Государь отказывался, благодарилъ Теплова и старичка за игру, благодарилъ Будберга за скрипку. Но они тоже отказывались. И всѣ ахали, и всѣ охали, и всѣ, кромѣ этого государя, добродушнаго и, строго говоря, честнаго и хорошаго человѣка, только не для царствованія надъ громаднымъ государствомъ,—всѣ равно чувствовали, что ведутъ себя подло. У него, у одного, совѣсть была чиста. Онъ съ ребяческимъ восторгомъ предавался теперь запоемъ тому, что обожалъ. И если онъ игралъ плохо, то эта игра все-таки доставляла ему самому великое, невинное, никому не зловердное наслажденіе.

Во время этого антракта одна графиня Скабронская не вымолвила ни слова, никого не похвалила, сидѣла спокойно и улыбалась. Петръ Федоровичъ замѣтилъ это, быстро обернулся къ красавицѣ и выговорилъ:

— Ну, а вы, графиня, молчите? Что-же? Скверно я сыгралъ свою партію?

— Для меня, все... востлииво и мило склонивъ головку, выговорила Маргарита, все, что вы дѣлаете, хорошо. А искусны ли вы—я не могу судить. Я въ музыкѣ мало понимаю.

— Дипломатъ, дипломатъ! весело погрозился государь пальцемъ. Ученица Гольца.

Маргарита хотѣла, шутя, отвѣчать, но въ ту же минуту глаза ея остановились неволью на дверяхъ, ведущихъ въ другую гостиную. Взоръ ея мгновенно вспыхнулъ, она даже вздрогнула и слегка измѣнилась въ лицѣ.

Вдали за анфиладой освѣщенныхъ комнатъ, за нѣсколькими настѣжъ растворенными дверями, стояла фигура преображенца. Никто бы не узналъ этого человѣка, если бы увидѣлъ его теперь такъ далеко и вдобавокъ въ этомъ дворцѣ. Но Маргарита увидала и сразу узнала его не глазами, а скорѣе сердцемъ, совѣстью своею узнала! Это былъ тотъ, котораго она недавно осудила на смерть, и который спасся только чудомъ.

Но зачѣмъ онъ здѣсь? Какъ попалъ онъ во дворецъ? Онъ не имѣетъ на это права! Онъ еще недавно лежалъ въ постели, едва поправляясь отъ ранъ, а теперь онъ здѣсь! И Маргарита чувствовала, что догадывается, чувствовала, что сейчасъ способна упасть въ обморокъ, здѣсь, на полу, среди концерта.

Шепелевъ, очевидно, являлся мстить, являлся въ одно мгновение погубить ее, заставить государя и этотъ блестящій дворъ вышвырнуть на улицу развратную и жестокую до преступленія иноземку авантюристку!

XXXI.

Всякая другая женщина, конечно, упала бы въ обморокъ, но въ Маргаритѣ было слишкомъ много силы воли, было слишкомъ много не женской отваги, заставлявшей ее не бѣжать, а бросаться впередъ не только на опасность, но хотя бы на вѣрную смерть.

Красавица спокойно поднялась съ мѣста, твердыми шагами, даже граціозно, даже съ изящнымъ движеніемъ въ походкѣ, и,

шума пышнымъ шлейфомъ по паркету, вышла изъ залы и пошла чрезъ всѣ комнаты прямо на этого вѣстника, если не ея смерти, то паденія и гибели, паденія съ той высоты, которой она достигла цѣною всякихъ усилій!

Идя на блѣднаго, неподвижно стоящаго юношу, еще слабого отъ болѣзни, съ лихорадочно свербающими, слегка печальными, глазами, Маргарита двигалась, какъ двигается на поединкѣ человекъ на мѣткѣй, вѣрный и ежеминутно ожидаемый выстрѣлъ, который положить его за мертво. Но она шла....

Давно-ли этотъ кратко, но страстно обожаемый, любовникъ былъ ея игрушкой, теперь она становилась игрушкой въ его рукахъ!? Ему стоитъ только пройти эти комнаты, войти въ залъ, приблизиться къ государю и только сказать ему:

— Ваше величество! прогоните отъ себя мою любовницу и преступницу, рѣшившуюся отдѣлаться отъ меня простымъ убійствомъ.

И все будетъ кончено для нея!...

Маргарита подошла къ неподвижному, какъ статуя, Шепелеву и стала передъ нимъ. Но если когда-либо въ жизни случилось ей робѣть, падать духомъ, дрожать всѣмъ существомъ отъ ожидаемаго удара въ самое сердце, то, конечно, теперь...

Въ ту ночь, когда полиція въ Карлсбадѣ требовала отъ графа Кирилла ея паспорта,—конечно, она не такъ робѣла, какъ теперь. Тогда она меньше теряла!...

Маргарита остановилась, глядя юношѣ въ лицо, и молчала. Что же ей было сказать? Остановить поздно, нельзя. Онъ оттолкнетъ ее и пройдетъ въ эту залу. Просить, умолять, хотя бы упасть на колѣни,—не поведетъ ни къ чему! Обмануть, клясться въ любви, снова вернувшейся,—безмысленно! Кто же повѣритъ? Конечно, онъ не проститъ ей теперь, когда прежняго страстнаго любовника въ немъ нѣтъ и помину!

Уже есть другая женщина, которая еще недавно заслоняла его, какъ ангелъ хранитель, отъ нея, принявъ ее за воплотившагося демона.

— Ты меня убить пришелъ! дрожащимъ голосомъ выговорила, наконецъ, Маргарита. Ты пришелъ сказать ему, что я тебя любила какъ безумная. За это ты хочешь раздавить меня, какъ насекомое! Я любила тебя не долго, правда, но вѣдь ты знаешь—какъ любила!... Что же? Это теперь преступленіе передъ тобой? Что я, разлюбивъ тебя, послала на смерть,—это ложь! Я и те-

перь также люблю тебя! Но, что же мнѣ дѣлать, если инныя чувства заглушаютъ во мнѣ эту любовь? Мнѣ захотѣлось иного. Честолюбіе заговорило.... Иди, дѣлай, что хочешь, но всю жизнь свою ты будешь жалѣть меня! Ты слишкомъ добрый, хорошій человѣкъ, чтобы дѣлать зло. Но, помни, милый.... голосъ Маргариты дрожалъ и сталъ едва слышенъ.... Помни, что за мою любовь къ тебѣ, хотя и не долгую, тебѣ грѣхъ....

Она не договорила, отступила въ сторону и, будто очищая ему дорогу въ залу, хотѣла прибавить:

— Иди....

Но это слово отъ волненія и прилива чувства осталось у нея въ гортани, и Шепелевъ не слышалъ его, а только понялъ.

Въ залѣ взвизгнули смычки музыки, и началась вторая часть концерта.

Шепелевъ двинулся, но не въ залу, а назадъ, и вымолвилъ голосомъ, отчасти слабымъ отъ болѣзни:

— Идите, графиня, за мною!

И Маргарита повиновалась быстро и почти безотчетно. Она смутно понимала только, что они двигаются въ противоположную сторону отъ той пропасти, въ которую она была уже готова пасть. А куда ведетъ онъ ее, все равно. Если даже онъ пришелъ исполнить ту угрозу, которую когда-то, среди безумныхъ ласкъ, постоянно ей повторялъ! Если онъ хочетъ просто зарѣзать ее на подъѣздѣ дворца или въ садахъ, окружающихъ дворецъ?

Въ эту минуту гордой и самолюбивой красавицѣ, царившей въ придворномъ кружкѣ этого дворца, казалось, что позоръ среди залы хуже смерти въ глуши дворцоваго сада.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Шепелевъ вымолвилъ:

— Гдѣ ваша горница? Проведите меня туда и не бойтесь. Я вамъ простилъ. Я не для мести здѣсь. Я исполняю святой долгъ вѣрноподаннаго, многимъ лично обязаннаго особѣ государя. Хотя и ради вашей прихоти, но онъ все-таки сдѣлалъ мнѣ много добра, и я здѣсь ради него. Я усталъ, едва стою на ногахъ, я недавно началъ вставать съ постели, пробѣжался.... Дайте мнѣ сѣсть!

И Шепелевъ вдругъ тяжело опустился среди прихожей на первую попавшуюся скамью. Маргарита стала надъ нимъ, скрестивъ руки, и вдругъ странное чувство щеvelьнулось на душѣ ея, и странная мысль ясно и глубоко смазалась въ головѣ.

— Если бъ я была другая женщина, какъ бы я любила тебя!

Много перечувствовала Маргарита въ эти минуты! Рѣзкій переходъ отъ убѣжденія, что юноша пришелъ губить ее, къ извѣстію, что онъ простилъ ей все и, больной, явился по чувству долга и любви къ государю, — заставило встрепенуться ея сердце.

Черезъ мгновение Шепелевъ снова поднялся и тихо двинулся за графиней, которая вела его въ свои комнаты.

Шепелевъ объяснилъ Маргаритѣ, что онъ долженъ сообщить ей ужасную вѣсть о громадномъ, правильно организованномъ заговорѣ противъ государя, во главѣ котораго находятся ближайшіе къ нему вельможи. Тотъ, который душа этого заговора, теперь, быть можетъ, въ залѣ сидитъ около государя.

Юноша передалъ графинѣ большой листъ бумаги, исписанный кругомъ, полученный имъ отъ Квасова и перешедшій, быть можетъ, черезъ нѣсколько рукъ. Это былъ доносъ, въ которомъ повторялось почти то же самое, что было въ письмѣ Шванвича, поданномъ Будбергу, и упоминались братья Орловы, братья Всеволожскіе, Тепловъ и другіе, какъ главные заговорщики; упоминался Баскаковъ, какъ будущій цареубійца, упоминался Пасека, въ рукахъ котораго найдутся всѣ доказательства....

Маргарита не даромъ была въ лагерь голштинцевъ, не даромъ была близкимъ лицомъ теперь къ двору и государю. Это обстоятельство уже какъ будто обязывало ее ничего не знать и не вѣдать, что вѣдалъ или, по крайней мѣрѣ, чужалъ всякій петербургскій мѣщанинъ.

Маргарита была настолько поражена, что нѣсколько времени не могла придти въ себя.

— О, какъ вы оплачиваете мнѣ! воскликнула она, наконецъ. И за то, что я заставила васъ выстрадать, вы даете мнѣ средство сразу достигнуть той цѣли, которая была все-таки еще далека. Теперь, передавъ въ руки государя эту бумагу, которую принесли вы мнѣ, я спасаю его. Онъ обязанъ мнѣ своею жизнью, своимъ царствованіемъ. Поймите, что вы даете въ мои руки. Въмѣсто того, чтобы повергнуть, вы еще болѣе возносите меня!

— Не въ этомъ дѣло, графиня! отозвался Шепелевъ. Не вамъ я хочу помогать, для достиженія великаго званія однопредней или мѣсячной фаворитки. Мнѣ все равно, выиграете-ли вы отъ этого или потеряете. Мое дѣло обязать васъ клятвой

сегодня же передать это государю. Меня можете не называть. Мнѣ не награда, не чинъ или крестъ нужны! Я на дняхъ выхожу въ отставку и уѣзжаю къ матери....

Шепелевъ загнулся и выговорилъ страннымъ голосомъ:

— Съ невѣстой!

Маргарита на это послѣднее слово хотѣла что-то сказать, но слова показались ей неумѣстны, невозможны съ ея стороны, и она промолчала. Шепелевъ поднялся и взявъ шляпу, собираясь выйти и уѣхать. Маргарита подняла руку, протянула ее къ нему.

— Погодите, быстро вымолвила она, вы навѣрно уѣзжаете изъ Петербурга?

— Да.

— Быть можетъ, вы никогда, или Богъ вѣсть когда, вернетесь въ Петербургъ. Быть можетъ, я долго не увижу васъ. Исполните мою послѣднюю просьбу, которая прежде была бы шуткой, а теперь.... Теперь я не знаю, что это такое!... Но теперь я хочу этого, я умоляю объ этомъ....

— Что прикажете! холодно и все-таки слабымъ голосомъ отозвался Шепелевъ.

— Дайте мнѣ на прощаніе, въ послѣдній разъ.... поцѣловать вашу руку! прошептала Маргарита.

Шепелевъ удивленно раскрылъ глаза и не понималъ. Сто разъ дѣлала это Маргарита, но при иныхъ условіяхъ, въ иные минуты. Теперь то же самое казалось ему какой-то неумѣстной затѣей.

— Извольте! тихо произнесъ онъ и протянулъ руку.

Маргарита схватила ее, прижала къ губамъ, прижала къ лицу. И вдругъ она упала передъ нимъ на колѣни и зарыдала такъ громко, что посторонніе свидѣтели изъ сосѣднихъ комнатъ могли услышать это рыданіе. Кто-нибудь могъ приближаться, увидѣть ее въ ногахъ офицера и точно также погубить, сдѣлать то же, что боялась она отъ Шепелева за полчаса назадъ.

— Прости меня! едва слышно, прерывая рыданіями, повторяла Маргарита.

Тутъ только юноша понялъ, какое значеніе было для нея въ этомъ поцѣлуѣ въ послѣднюю минуту передъ разлукою.

Шепелевъ освободилъ руку, всю покрытую слезами и, не смотря на слабость, которую чувствовалъ, двинулся быстрыми шагами. Въ какомъ-то опьяненіи горя, отчаянія и воспоминаній прошлыхъ

дней любви, которые тѣснились теперь въ его воображеніи, онъ быстро, какъ бы безъ оглядки вышелъ изъ этого дворца.

Очутившись въ тѣнистомъ саду, подъ чистымъ звѣзднымъ куполомъ неба, онъ, обезсиливъ, упалъ на скамейку, попавшуюся на дорогѣ, и прошепталъ, почти теряя сознание:

— Маргарита! Маргарита! Когда я забуду тебя!?.

XXXII.

Маргарита осталась одна, на колѣняхъ, среди комнаты, и нѣсколько мгновений не подымалась. Она не видала, но слышала быстро удалявшіеся шаги Шепелева. Слезы все еще тихо лились на руки, которыми она закрыла лицо, когда Шепелевъ отнял свою руку.

Но Маргарита почувствовала себя теперь лучше, спокойнѣе, счастливѣе, будто тяжелое бремя спало съ души. Онъ сказалъ, что прощаетъ ее, простилъ, и голосъ его звучалъ искренностью! Онъ живъ, женится, но, кажется, что еще любить ее. И Маргарита поднялась на ноги, перекрестилась на свой ладъ, т. е. по католически, и тотчасъ вспомнила, какъ уже давно не случалось ей креститься. Она даже и не знала, когда это было. Она помнила, что на похоронахъ мужа ни разу не осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ.

И въ эту минуту Маргарита поглялась сама себѣ, что если судьба допуститъ ее когда-либо до той высоты общественнаго положенія, о которой, она мечтаетъ и къ которой теперь уже близится,—непремѣнно повкитаться съ Шепелевымъ. Она дастъ ему все, что только будетъ въ ея власти. И высокое положеніе, и состояніе. Но только одного никогда нельзя будетъ сдѣлать—дозволить ему пребываніе въ столицѣ. Ихъ обоихъ стѣснить это....

Маргарита быстро отерла лицо и хотѣла уже, взявъ бумагу идти въ залу, но остановилась. Она посмотрѣла на себя въ зеркало и увидала, что съ такимъ лицомъ невозможно показаться въ ярко освѣщенную горницу. Слѣды тревоги, слѣды слезъ, обильныхъ и горькихъ, были такъ явны, что всѣ гости тотчасъ же замѣтили бы ихъ. Лицо ея было красно, прическа разстроена, такъ какъ она въ порывѣ прижималась головой къ рукѣ Шепелева. Обшлагъ его рукава унесъ половину пудры съ головы. Маргарита стала звать Лотхенъ, но нѣмки не было. Она быстро крошла въ остальные горницы, отведеннаго ей аппарата.

Лотхенъ не было. Она вышла, встрѣтила двухъ камеръ-лакеевъ и послала ихъ скорѣй розыскать горничную.

Въ ожиданіи Лотхенъ, Маргарита скорѣй отерла себѣ лицо душистымъ притираниемъ, снова нарумянилась, обильнѣе напудрила волоса, посидѣла, немного успокоилась.... Лотхенъ все не было!

Наконецъ, поглядѣвъ на себя снова въ зеркало, она рѣшила, что можетъ вернуться въ залъ. Лицо ея было нѣсколько спокойнѣе и свѣжѣе.... Но за то сама она была точно разбитая.... Слабость сказывалась во всемъ тѣлѣ. Маргарита взяла бумагу, но тотчасъ одумалась и рѣшила, что нельзя подавать ее государю во время концерта, не обративъ на это всеобщаго вниманія.

— А Богъ знаетъ! Быть можетъ, въ этомъ же залѣ найдется кто-нибудь, какъ говорилъ Шепелевъ, какой-нибудь участникъ заговора; онъ можетъ незамѣтно ускользнуть изъ дворца, броситься въ Петербургъ—и все дѣло будетъ испорчено.

Маргарита пробѣжала глазами бумагу и, читая ее, невольно качала головой. Только въ одномъ мѣстѣ она странно улыбнулась, пріостановилась читать и задумалась на минуту. Государыня была настолько замѣшана въ заговорѣ, что и она можетъ быть уничтожена, арестована, пострижена! И тогда онъ будетъ вдовъ! Казалось, сама судьба устраняетъ всѣ препятствія на пути Маргариты къ тому, что было еще недавно безумными грѣзами.

Маргарита тотчасъ-же взяла маленькій клочекъ бумаги, быстро написала записку и передала содержаніе всей бумаги въ короткихъ словахъ.

Послѣ писанья, она почувствовала себя еще слабѣе, и хотя не твердыми шагами, но наружно почти спокойная.... вернулась въ залъ.

Она боялась опоздать, но, по счастью, когда квартетъ кончился, послѣ долгаго антракта, государь предложилъ еще сыграть двѣ три вещи къ великому, но, конечно, скрытому, неудовольствію всѣхъ гостей. Когда Маргарита снова появилась среди гостей, всѣ невольно обратили на нее вниманіе и, конечно, все таки замѣтили въ ней слѣды, если не тревоги, то нѣкотораго волненія. Еромъ того, по первому движенію графини всѣ увидѣли, удивились, а нѣкоторые даже догадались, что случилось за это время....

Когда красавица вмѣсто того, чтобы сѣсть на свое мѣсто, протянула руку и положила на юпитръ государя маленькую

записку, Петръ Федоровичъ, не переставая играть, быстро взглянулъ на нее съ такимъ выраженіемъ нетерпѣнія и досады, что она даже слегка смутилась.

Маргарита сѣла на свое мѣсто, дожидаясь перерыва, чтобы просить государя прочесть записку. По счастью, этотъ перерывъ вскорѣ же былъ сдѣланъ среди новаго взрыва рукоплесканій и комплиментовъ, но уже болѣе холодныхъ, такъ какъ всѣмъ начинала надоѣдать эта безконечная музыка.

Маргарита обратилась къ государю и вымолвила:

— Ваше величество, прошу васъ прочесть немедленно эту записку.

— Хорошо, хорошо! повторилъ государь, очевидно, думая о другомъ. И обернувшись къ старику датчанину, онъ заговорилъ съ нимъ и заспорилъ о какомъ-то мѣстѣ партитуры, увѣряя, что старичекъ играетъ его совершенно невѣрно.

Между тѣмъ, Маргарита чувствовала себя все хуже и все слабѣе. Она была въ сущности настолько потрясена встрѣчей, объясненіемъ съ Шепелевымъ, его извѣстіями, что теперь пережитая тревога сказывалась все сильнѣе. Она чувствовала, что окончательно не можетъ досидѣть до конца вечера. Вдобавокъ лицо ея выдавало эту слабость, а ей не хотѣлось, чтобы придворные замѣтили насколько она встревожена.

Маргарита обратилась къ Воронцовой и попросила ея помощи.

— Миѣ очень нездоровится. Я уйду, но прошу васъ, графиня, добейтесь, чтобы государь прочелъ записку, которую я положила на пюпитръ.

— Хорошо, матушка, отозвалась Воронцова, сидѣвшая по прежнему насѣдкой въ креслѣ. Скажу, да небось все пустое! Цидулька-то, небось, вздорная, только подведешь меня....

— Напротивъ, графиня, это очень важное дѣло. Если бы я чувствовала себя хоть немного лучше, я бы осталась и заставила бы государя тотчасъ прочесть ее.

Не надѣясь на Воронцову, Маргарита, пользуясь антрактомъ, подошла къ Жоржу и попросила его тоже заставить государя прочесть записку. Жоржъ, конечно, тотчасъ же догадался.

— Вѣсти изъ Петербурга? спросилъ онъ по-нѣмецки.

— Да, ваше высочество.

— Я знаю, онъ только взбѣсится....

И Жоржъ быстро передалъ Маргаритѣ сцену свою съ государемъ наканунѣ.

— Я умоляю васъ это сдѣлать, даже до утра нельзя отложить.

— Хорошо! Я сошлюсь на васъ.... Напомню, что вы его о чемъ-то просили. Но о запискѣ ни за что говорить не буду!...

Маргарита вышла, вернулась къ себѣ и чувствовала себя все хуже съ каждой минутой.

Она снова позвала и стала искать Лотхенъ, чтобы раздѣться и лечь спать. Но нѣмки не было нигдѣ. Отъ лакеевъ, которыхъ она посылала за горничной, Маргарита узнала, что Лотхенъ не нашли нигдѣ, обшаривъ весь дворецъ и весь садъ.

Маргарита поневолѣ встревожилась. Дѣлать было нечего. Она не могла и не умѣла раздѣваться одна и, потому только растегнувъ и сбросивъ корсажъ, накинула на себя свой любимый пунцовый платокъ и уместилась кое-какъ на диванчикѣ, въ ожиданіи нѣмки.

Черезъ нѣсколько минутъ появилась женщина, которая въ свой чередъ исполняла должность горничной Лотхенъ, и объявила графинѣ, что нѣмка, вѣроятно, по приказанію самой графини уѣхала на тройкѣ въ Петербургъ, еще въ началѣ концерта.

Маргарита раскрыла широко глаза и отъ изумленія не могла выговорить ни слова. Этотъ поступокъ Лотхенъ былъ совершенно невѣроятенъ, и Маргарита готова была вѣрить, что женщина просто сочиняетъ.

Однако, раздѣвшись при ея помощи, Маргарита поспѣшила лечь. Ей было настолько дурно, что вдругъ въ тотъ моментъ, когда она засыпала, ей пришла безумная мысль въ голову: ужъ не отравили-ли ее? Есть такіе яды, медленно дѣйствующіе! Ужъ не Лотхенъ-ли отравила ее и спаслась бѣгствомъ? Неужели она заснетъ и не проснется завтра!...

Но обсудивъ хладнокровно все, Маргарита поняла, что ея состояніе было не что иное, какъ послѣдствіе тѣхъ рѣдкихъ, но бурныхъ душевныхъ потрясеній, на которыя она бывала съ дѣтства склонна.... Скоро ея тревожныя мысли перешли въ крѣпкій сонъ.

XXXIII.

Между тѣмъ, въ залѣ всѣ поднялись, собираясь переходить въ столовую.

Только одинъ человѣкъ сидѣлъ, какъ приговоренный къ своему мѣсту и не двигался. Глаза его тревожно обѣгали всѣхъ и затѣмъ, подолгу, будто прикованные, не покидали записки, лежащей на пюпитрѣ государя.

Григорій Николаевич Тепловъ, сидѣвшій лицомъ къ тѣмъ дверямъ, въ которые выходила Маргарита, видѣлъ въ концѣ анфилады комнатъ фигуру преображенца и узналъ Шепелева еще прежде Маргариты. И этого было довольно!...

Тепловъ зналъ, когда ѣхалъ сюда, что въ преображенскомъ полку, по словамъ Алексѣя Орлова, произошла бурная сцена между Пассекомъ и Квасовымъ. Квасовъ грозился, что въ тотъ же день онъ или его племянникъ будутъ въ Ораніенбаумѣ и доведутъ до свѣдѣнія государя то странное, что творится на ротномъ дворѣ и все, что узналъ случайно Квасовъ отъ пьянаго солдата. Орловъ, передавая это Теплову, считалъ все за пустую угрозу, хотя Квасовъ грозился, что имѣетъ доказательства. Давно уже бывали подобные разговоры и ссоры во всѣхъ полкахъ, и многие офицеры грозились довести до свѣдѣнія государя то, что въ сущности имъ только чужалось, но чего доказать они не могли. И угрозы всегда оставались угрозами!...

Тепловъ, ѣдучи въ Ораніенбаумъ, все-таки думалъ объ этомъ случаѣ на ротномъ дворѣ. И тутъ, вдругъ, во время квартета, въ ту минуту, когда онъ наиболѣе былъ спокоенъ и водилъ смычкомъ по своей виолончели, вдругъ предстало передъ его взоромъ ужасное видѣніе. Этотъ преображенецъ Шепелевъ, конечно, смутилъ Теплова не менѣе Маргариты. Если Маргарита боялась въ немъ своего палача, то и для Теплова точно также это былъ палачъ. Если преображенецъ явился во дворецъ, вопреки этикета, проникъ до первыхъ комнатъ и стоитъ въ ожиданіи выхода государя, то, очевидно, онъ не съ пустыми руками. А если у него есть хоть что-либо, то и судьба Теплова тоже въ его рукахъ.

И въ ту минуту, когда Маргарита вышла къ Шепелеву и говорила съ нимъ у дверей, затѣмъ исчезла за нимъ, Тепловъ, не спускавшій съ нихъ глазъ, началъ отчаянно врать и ошибаться на всякомъ шагу. Государь уже раза три гнѣвно взглянулъ на него и два раза нетерпѣливо воскликнулъ, не относясь ни къ кому...

— *Quelle mazette!*...

Во время антракта Тепловъ нѣсколько успокоился, но затѣмъ, когда Маргарита снова появилась въ залѣ и положила записку на пюпитръ государя, онъ мгновенно измѣнился въ лицѣ. Тонкій Тепловъ замѣтилъ тотчасъ въ графинѣ слѣды страшной тревоги. Спокойное и красивое лицо ея за полчаса назадъ было, по

его наблюденію, съ совершенно измѣнившимися чертами. Вдобавокъ она не усидѣла въ концертѣ и ушла не твердыми шагами. Скоро все поднялось съ мѣста, и многіе уже прошли въ столовую вслѣдъ за государемъ, а въ залѣ оставались только нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ принцъ, гетманъ и Корфъ. Тепловъ почувствовалъ, что сердце его затрепетало отъ радости. Записка, забытая государемъ, лежала на пюпитрѣ. Тепловъ былъ убѣжденъ, что это доносъ Квасова на Баскакова и Пассека и что поэтому его жизнь и жизнь его новыхъ друзей зависятъ отъ этой бумажки.

— Надо уничтожить этотъ клочекъ какъ бы то ни было! рѣшилъ онъ.

Тепловъ слышалъ и зналъ, что графиня, сказавшись больной, ушла спать. Онъ понималъ, что завтра Маргарита или, наконецъ, тотъ же Шепелевъ или Квасовъ снова повторять, доведутъ до свѣдѣнія государя то, что теперь написано на этомъ клочкѣ. Но главное не въ томъ, надо выиграть время! завтра, не сегодня! Ночью онъ уже побываетъ у Орловыхъ, и что либо предпримутъ они. Григорій Николаевичъ отважно подошелъ къ пюпитру государя будто для того, чтобы проглядѣть его ноты. Скоро рука его уже двигалась около записки...

Въ ту минуту, когда онъ началъ перевертывать страницы тетради, послѣдніе, находившіеся въ залѣ, вышли въ столовую. Но вдругъ Тепловъ, къ ужасу своему, замѣтилъ, что принцъ Жоржъ не послѣдовалъ за другими, слѣдить за нимъ!... И вотъ онъ близится къ тому же пюпитру и, ставъ около него, косо поглядываетъ на записку.

— Взять нельзя! Онъ знаетъ! Онъ понялъ! простучало молотомъ въ головѣ Теплова.

Дѣйствительно, было ясно, что Жоржъ пришелъ стать стражемъ надъ этой запиской. Тепловъ ожидалъ каждое мгновеніе, что принцъ протянетъ руку, возьметъ записку и просто снесетъ ее государю. Онъ не зналъ, какъ досталось Жоржу наганунъ отъ племянника, чтобы онъ рѣшился теперь на новую головоломку. Жоржъ твердо рѣшился только караулить записку! Тепловъ быстро сообразилъ что дѣлать. Онъ предложилъ руку принцу, чтобы вести его ужинать. Принцъ охотно согласился, и оба двинулись въ столовую. Маленькій бѣленькій клочекъ бумажки остался на пюпитрѣ.

Тепловъ тотчасъ заговорилъ о Германіи, въ которой долго жилъ, но, проходя первыя комнаты, онъ вдругъ покинулъ на минуту Жоржа, подошелъ къ гетману и быстро выговорилъ.

— Кирилль Григорьевичъ! Идите въ залъ, уничтожьте записку! Или завтра, и мнѣ, и вамъ, и многимъ, снимутъ головы!

Гетманъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Онъ, конечно, какъ и другіе, замѣтилъ продолжительное отсутствіе Маргариты, замѣтилъ ея тревогу, видѣлъ записку.

Тепловъ быстро вернулся къ Жоржу и снова завелъ рѣчь о германскихъ университетахъ. И снова, любезно подавъ ему руку, провелъ въ столовую.

Гетманъ, отъ природы трусливый, по національности осторожный, стоялъ на мѣстѣ и не зналъ что дѣлать. Онъ вѣрилъ Теплову на слово, потому что передъ тѣмъ самъ ему предсказывалъ доносъ. Онъ не зналъ, что государь, уже получивъ нѣсколько доносовъ, не вѣрилъ имъ. Кирилль Григорьевичъ думалъ, что это первый доносъ. А онъ самъ, какъ на грѣхъ, со дня объявленія войны съ Даніей вступилъ черезъ Теплова въ сношеніе съ кружкомъ Орловыхъ, который былъ уже теперь не кружокъ, а многочисленное сборище съ развѣтвленіемъ по всему городу.

Гости почти всѣ уже были въ столовой. Веселый хохотъ государя раздавался оттуда.

Гетманъ взглянулъ въ залу. Въ ней только одинъ полусонный камеръ-лакей поправлялъ свѣчи и стулья. Инструменты лежали на мѣстахъ. Гетманъ, какъ и другіе, зналъ, что государь послѣ ужина непременно вернется къ своему пюпитру и будетъ снова играть, слѣдовательно, найдетъ записку, вспомнить и прочтетъ! И гетманъ, мѣняясь въ лицѣ, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, быстро двинулся въ залу, не помня себя, съ какимъ-то туманомъ передъ глазами, отъ котораго будто кружилось все, и будто потухали свѣчи, онъ приблизился къ пюпитру. Черезъ мгновенье скромканная записка была въ его карманѣ.

Быстрыми шагами догналъ онъ нѣсколькихъ человѣкъ, еще бесѣдовавшихъ въ сосѣдней съ столовой горницѣ, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ столовую.

И записка эта въ боковомъ карманѣ камзола гетмана жгла его въ продолженіе всего ужина. А что если хватится государь? Пошлютъ за запиской и ее не найдутъ! Государь такой человѣкъ, что способенъ, полу-шутя, приказать немедленно запереть

двери, раздѣть, или просто обыскать всѣхъ! записка скромнанная найдется въ его карманѣ! И онъ будетъ въ Сибири!

— Нѣтъ! съѣмъ! рѣшилъ гетманъ, но, однако, не успокоился. И будто въ ожиданіи этого рѣдкаго блюда онъ не только не ѣлъ ничего, но сидѣлъ, тяжело переводя дыханіе и не смѣя ни разу взглянуть на Теплова. Онъ чувствовалъ, что тотъ не спускаетъ съ него взгляда и вопросительно впивается въ него глазами, но не отвѣчалъ.... даже взглядомъ.

Черезъ часъ или полтора веселая, слегка захмѣлѣвшая, компанія расходилась и разѣзжалась. Государь, довольно веселый, но сильно уставшій, послалъ Гудовича за своей скрипкой въ залу.

— А то и другую мнѣ разобьетъ кто-нибудь! вымолвилъ онъ.

Гудовичъ лѣниво пошелъ въ залу, взялъ скрипку, вспомнилъ о запискѣ взволнованной графини и, не видя ее на пюпитрѣ, удивился. Онъ помнилъ хорошо, что государь не бралъ ея, уходя ужинать.

— Ну, и чертъ съ ней! подумалъ онъ. Маргариткины штуки! И чего она выходила, да еще, кажись, ревѣла. Вернулась съ распухлыми глазами.

Еще черезъ часъ весь Ораніенбаумскій дворецъ спалъ безпробудно!

XXXIV.

На утро Маргарита, проснувшись, вспомнила все случившееся наканунѣ, и съ первыхъ минутъ пробужденія для нея начался день такой же тревожный.

Лотхенъ положительно нигдѣ не было, она скрылась. Маргарита знала ее давно, любила, вѣрила ея честности, но тѣмъ не менѣе прежде всего бросилась къ тому комоду, гдѣ лежали ея брилліанты и деньги. Все было цѣло. Затѣмъ она вспомнила о бумагѣ и, сдѣлавъ наскоро пакетъ, хотѣла переслать его государю, но рѣшила, что это невозможно, что надо дожидаться свиданія и передать лично. Нѣсколько разъ спрашивала она, поднялся-ли государь и можетъ-ли она его видѣть, но получала въ отвѣтъ, что государь еще спитъ.

Наконецъ, около двухъ часовъ дня, графинѣ подали письмо. Она быстро распечатала его, пробѣжала глазами и опустила руки.

— Что! вымолвила она вслухъ сама себѣ. Какъ! Лотхенъ! Что я съ ума схожу?!

И она снова пробѣжала письмо. Нѣтъ это ей не чудится! Она не бредитъ! Это длинное нѣмецкое письмо, красиво написанное кѣмъ-то, подписано каракулями, изображающими «Лотхень». То, что говорится въ немъ, было бы нелѣпой шуткой, безсмыслицей и поэтому должно быть правдой. Содержаніе письма, которое подписала Лотхень каракулями, дѣйствительно, должно было изумить Маргариту.

Лотхень начинала съ того, что просила у графини, которую искренно любила и любить попрежнему, прощенье. Смыслъ длиннаго письма былъ слѣдующій:

— Всякій самъ за себя, писала она. Вы старались для себя и достигли того величія, на которомъ отъ всей души желаю вамъ остаться. Я стремилась къ другому и тоже достигла и тоже, надѣюсь, долго удержу то, что съумѣла завоевать. Ваше положеніе настолько высоко, что вы не можете мнѣ завидовать и не должны на меня сердиться. Покуда вы безумствовали, полюбивъ мальчишку, который васъ могъ погубить и, по счастью, не погубилъ, я тоже устраняла свою судьбу. Теперь я въ домѣ графа Іоанна Іоанновича полная хозяйка надъ всѣмъ, а равно и надъ нимъ самимъ. Но этого мнѣ мало. Я слишкомъ самолюбива, чтобы удовольствоваться ролью простой любовницы, и надѣюсь, что вскорѣ буду носить ту же фамилію, которую носите вы. Да, liebe Gräfin, я надѣюсь, и даже скоро, быть графиней Шарлотой Скабронской, а покуда остаюсь любящая васъ «Лотхень».

Маргарита такъ потерялась отъ этого письма, что не знала, что дѣлать. Наконецъ, она расхохоталась и произнесла вслухъ:

— Ну, Лотхень! Этого я, признаюсь, отъ тебя не ожидала!

Дѣйствительно, Лотхень не гнала въ письмѣ и въ эту минуту, когда Маргарита читала его, веселая нѣмка, «верченая», какъ звалъ ее когда-то Іоаннъ Іоанновичъ, была у него въ отведенныхъ ей горницахъ и властвовала въ домѣ.

Іоаннъ Іоанновичъ послѣ невѣроятнаго приключенія на похоронахъ внука, выведя красиваго преображенца изъ шкафа внучки, рѣшилъ окончательно бросить мысль о «цыганкѣ». Онъ собирався уже снова не бывать въ ея домѣ, прекратить всякія сношенія, но съ этого же дня его стала преслѣдовать «верченая», т. е. красивая нѣмка Лотхень. Она казалась кукольной около серьезной красоты Маргариты, но сама по себѣ была очень хорошенькая, а, главное, была непрерывно и неизчерпаемо весела и

смѣшлива. Іоаннъ Іоанновичъ пересталъ ѣздить къ внучкѣ, но Лотхенъ начала ѣздить къ нему, выдумывая всякія порученія отъ барыни.

И вскорѣ старикъ догадался, въ чемъ заключается игра Лотхенъ. Іоаннъ Іоанновичъ не долго думалъ и рѣшился. Мало-ли у него перебивало «вольныхъ женокъ!» Одной больше, что за важность! И кончилось все побѣгомъ Лотхенъ и переѣздомъ въ его домъ.

Часа въ четыре Маргарита добилась свиданія съ государемъ, и первыя слова ея были:

— Я надѣюсь, что вы уже распорядились?

— На счетъ чего, графиня? отозвался государь быстро, такъ какъ спѣшилъ на парадъ голштинскаго войска.

Маргарита изумилась, напомнила о вчерашней запискѣ и была несказанно поражена, узнавъ, что Петръ Ѳедоровичъ ея и не читалъ и не видалъ....

Маргарита тотчасъ же передала государю полученную наканунѣ бумагу, и глазамъ своимъ не вѣрила, когда государь, пробѣжавъ ее, разсмѣялся.

— Ну, знаете, графиня, только на васъ развѣ я сердиться не стану. А слѣдовало бы и съ вами дня три не говорить!

— Я васъ не понимаю! воскликнула Маргарита.

И государь передалъ графинѣ, что эти доносы, дѣйствительно, надѣли ему. Все это вранье, клевета. Конечно, есть въ Петербургѣ лица-вельможи и гвардейскіе офицеры, которые не любятъ его за симпатіи къ нѣмцамъ, но что отъ этого недовольства нѣсколькихъ лицъ до заговора—цѣлая пропасть.

— Я знаю, прибавилъ онъ, что жена меня ненавидитъ и что она хитрая, лукавая, на все способная женщина. Она, конечно, готова была бы стать во главѣ заговора, чтобы даже убить меня. Но что же она можетъ сдѣлать одна? А приверженцевъ у нея нѣтъ. Одна семнадцати-лѣтняя Дашкова, которая къ тому же: *une tête fêlée!*...

Маргарита почти насильно заставила государя отложить на время парадъ и вернуться въ кабинетъ. И тамъ въ продолженіи часа на всѣ лады, чуть не умоляя его на колѣняхъ, горячо просила повѣрить всему и распорядиться.

— Наконецъ, сдѣлайте это для меня! воскликнула Маргарита, исполните мой капризъ! Умоляю васъ только объ одномъ, прикажите арестовать этого офицера Пассека, и если доносчикъ

лжетъ, если у Пассека не окажется этихъ документовъ, компрометирующихъ всѣхъ остальныхъ заговорщиковъ и императрицу, то тогда я готова на все! Накажите меня, какъ хотите! Прогоните отъ себя....

Государь обѣщаль, наконецъ, исполнить прихоть и капризь красавицы, но послѣ смотра и парада, забывъ объ обѣщаніи, отправился прямо въ маленькій ораніенбаумскій театръ, гдѣ въ этотъ вечеръ должно было идти представленіе. Государь самъ осматрѣлъ, все-ли въ порядкѣ, и здѣсь, когда онъ оглядывалъ театръ, еще подъ впечатлѣніемъ вчерашняго концерта, ему вдругъ пришла новая мысль. Музыкальный запой еще продолжался. Ему сегодня хотѣлось бы поиграть на скрипкѣ, а надо ждать три дня до 29 числа. Онъ подумалъ и велѣлъ послать сказать музыкантамъ, что вечеромъ онъ самъ сядетъ съ ними въ оркестръ и будетъ играть вторую скрипку. И, озабоченный новой затѣей, государь быстро вернулся во дворецъ, досталъ ноты и сталъ репетировать свою часть той увертюры, которую намѣревался приказать играть.

Маргарита догадалась, будто чуяла, что ничего еще не сдѣлано. Она смѣло, точно такъ же, какъ еще недавно Жоржъ, направилась прямо къ дверямъ кабинета.

На этотъ разъ дверь была не заперта. Маргарита безъ церемоніи, потому что имѣла уже на это право, вошла. Государь точно также собирался разсердиться, но Маргарита вдругъ стала на колѣни и, полушутя, полусерьезно, объявила, что не уйдетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ приказанія арестовать Пассека.

Петръ Ѳедоровичъ покачалъ головою, какъ-бы говоря:

— Охъ, ужъ вы, женщины!

Кликнувъ Нарциса, онъ велѣлъ позвать къ себѣ кого-нибудь изъ адъютантовъ. Тотчасъ же явился Перфильевъ.

— Ну, вотъ и отлично! воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ. Этотъ самый у меня умный. Вотъ видишь-ли, Степанъ Васильевичъ, ступай ты въ Петербургъ исполнять дамскій капризь. Прежде всего на тотъ преображенскій ротный дворъ, гдѣ теперь чай распиваетъ и ничего худого себѣ не ждетъ офицеръ Пассекъ. Арестуй его и приставь къ нему такую стражу, какъ если бы онъ былъ самый страшный государственный преступникъ. Ужъ шалить, такъ шалить! разсмѣялся государь. Понялъ?

— Понялъ, ваше величество!

— Ну, а потомъ, прибавила Маргарита отъ себя, не мѣшало бы вашему величеству приказать г. офицеру захватить и поглядѣть, что дѣлаютъ офицеры Орловы.

— Извольте! Это Степанъ Васильевичъ сдѣлаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ тоже картежникъ и тоже выпить любитъ, а у Орловыхъ безпробудное пьянство и карты. Такъ вотъ, обернулся государь къ Перфильеву, сначала сдѣлай глупое дѣло, а потомъ ступай къ Орловымъ и сдѣлай умное: награди себя за порученіе. Можешь оставаться у нихъ хоть цѣлыхъ трое сутокъ. Играй въ карты и пей.

— Ваше величество, отозвался Перфильевъ, и то, и другое я исполню съ особеннымъ удовольствіемъ и усердіемъ, въ особенности второе порученіе, такъ какъ я уже нѣсколько дней какъ имѣю свѣдѣнія, что къ Орловымъ стоитъ приставить кого нибудь для надзора. Но, признаюсь откровенно, побоялся доложить объ этомъ вашему величеству, такъ какъ его высочество принцъ Жоржъ предупредилъ меня, что я могу этимъ предложеніемъ навлечь на себя гнѣвъ вашего величества.

— Ну, здравствуйте! И этотъ тоже въ доносчики полѣзъ... Фу, Господи! Ну, вотъ и отлично, стало быть, долженъ быть доволенъ! Ступай! выговорилъ Петръ Федоровичъ и, чтобы скорѣе отвязаться отъ Перфильева и Маргариты и вернуться къ нотамамъ и скрипкѣ, онъ прибавилъ:

— Графиня! Уведите его къ себѣ и расскажите.... объясните.... все, что хотите!

XXXV.

Вечеромъ 26 числа Ораніенбаумскій театръ былъ полонъ приглашенными.

Государь, дѣйствительно, сѣлъ въ оркестръ, игралъ мало затверженную партитуру и усердно сбивалъ съ толку всѣхъ музыкантовъ.

Представленіе раздѣлялось на двѣ части, — на серьезную и веселую.

Публика тоже мало интересовалась пьесами, которыя повторялись за послѣднее время часто. Многіе знали ихъ наизусть, видѣвши сотни разъ еще при Елизаветѣ Петровнѣ. Публику интересовало гораздо больше другое обстоятельство.

Въ театрѣ въ двухъ ложахъ направо и налѣво отъ публики, другъ противъ друга, будто умышленно занимая два крайніе по-

мера, сидѣли двѣ женщины, на которыхъ постоянно, при малѣйшемъ ихъ движеніи, обращалось всеобщее вниманіе.

Налѣво сидѣла въ эффектноиъ оранжевомъ костюмѣ, отдѣланномъ чернымъ бархатомъ и вышитомъ серебромъ по черному, какъ всегда красивая, но нѣсколько неспокойная, тревожная, нервно настроенная, графиня Скабронская. Она вовсе не смотрѣла на сцену и, не переставая, шепталась съ прусскимъ посломъ, котораго вызвала изъ города и назначила свиданіе въ театрѣ. Гольцъ былъ тоже видимо неспокоенъ. Не смотря на то, что публика не спускала съ нихъ глазъ, они не переставали шептаться.

Предметъ ихъ бесѣды, очевидно, былъ не простой, а крайне важный. Покинуть театръ и поговорить наединѣ они боялись, такъ какъ Петръ Ѳедоровичъ могъ бы принять ихъ отсутствіе на свой счетъ, приписать своей дурной игрѣ на скрипкѣ. Приходилось говорить въ театрѣ и при тысячѣ нескромныхъ глазъ.

Направо, прямо противъ ихъ ложи, сидѣла другая красавица, которая не уступала красотой Маргаритѣ. Одежда ея траурная, черная съ головы до ногъ, рѣзко бросалась въ глаза среди пестрыхъ, разноцвѣтныхъ костюмовъ всѣхъ дамъ. Лицо ея было не только сумрачно, но даже печально. Она не смотрѣла на сцену, но и не шепталась ни съ кѣмъ, а, опустивъ глаза и глубоко задумавшись, сидѣла неподвижно. За нею въ глубинѣ ложи сидѣла фрейлина и какой-то придворный. Это была императрица, которой приказали пріѣхать изъ Петергофа и присутствовать на спектаклѣ. Это было сдѣлано ей на смѣхъ.

Наканунѣ Петръ Ѳедоровичъ узналъ отъ Гудовича, что жена говорила кому-то и радовалась, что ее не приглашаютъ на увеселенія и празднества Ораніенбаума.

— Ну, такъ я заставлю ее пріѣхать! воскликнулъ онъ.

И въ этотъ вечеръ государыня явилась въ театръ, но рѣшила протестовать, хотя бы своимъ чернымъ траурнымъ платьемъ, съ котораго только ради приличія сняла плѣрезы.

Нѣсколько разъ во время спектакля государыня и Маргарита обмѣнивались странными взглядами. Маргарита, глядя на нее, думала:

— Знаешь-ли ты, что не нынче-завтра я буду просить арестовать тебя, сослать въ монастырь и разстричь. А эта просьба моя будетъ исполнена охотно. И тогда, знаешь-ли ты, кто можетъ вскорѣ занять твое мѣсто?...

И эти мысли заставили сердце Маргариты замирать какъ-то особенно. Ничего подобного она не чувствовала никогда за всю свою жизнь.

Императрица, съ своей стороны, взглядывала спокойнымъ взоромъ, будто мѣряя эту авантюристку, явившуюся въ Петербургъ Богъ вѣсть откуда, прикрываясь именемъ глупаго полурусскаго вельможи.

Государыня знала отлично, что эта красавица—не глупая Воронцова и вообще не изъ тѣхъ безграмотныхъ и глупыхъ женщинъ, которыми такъ много и часто на ея глазахъ увлекался государь. Государыня смотрѣла на Маргариту и думала:

— Я одна, быть можетъ, знаю, чѣмъ ты можешь быть, если судьба не захочетъ заступиться за меня. Въ этой странѣ, добродушной и слабодушной, съ горстью просвѣщенныхъ людей, съ легионами темнаго народа—все возможно! Какъ легко и просто могу я черезъ мѣсяць, покуда онъ будетъ тамъ на войнѣ, сдѣлаться регентшей государства, а, можетъ быть, и болѣе.... Такъ точно и ты!... Завтра меня могутъ легко и просто при помощи солдатъ свезти и бросить въ келью дальняго монастыря на окраинѣ громадной страны. Тогда съ тобой также легко и просто можетъ быть то же, что было всего сорокъ лѣтъ тому назадъ на памяти многихъ еще живыхъ. Ту звали Мартой, тебя звать Маргаритой. До сихъ поръ судьба ваша почти одинакова. Онъ неумѣренно ниже того, глупѣе, безхарактернѣе, а ты неумѣренно умнѣе и красивѣе той. Сначала изъ Маргариты ты сдѣлаешься Анной или Елизаветой, какъ я изъ Софii-Фредерики стала Екатериной. А затѣмъ болѣзненный императоръ можетъ преждевременно сойти въ могилу, а у тебя, быть можетъ, уже будетъ сынъ. И вотъ явится на глазахъ удивленнаго.... даже нѣтъ... не удивленнаго, а боязливаго или равнодушнаго люда.... явится императрица Анна II или Елизавета II. Все это кажется сказкой изъ тысячи и одной ночи. Но я вѣрю въ возможность этихъ сказокъ здѣсь на берегахъ Невы. Такая сказка можетъ быть и со мной, можетъ быть и съ тобой. И теперь въ эту минуту никто не знаетъ, одинъ Господь знаетъ, про кого услышитъ Россiя и Европа: про Екатерину II или про Елизавету II. Если эти слова: «Елизавета II» кажутся безсмыслицей, то слова «Екатерина II» еще болѣе безсмыслица! Въ пользу Елизаветы II императоръ, дворъ, часть гвардii, ему подвластной. Эта сказка нѣшетъ за собою законную силу! А сказка объ Екатеринѣ II—

сказка противозаконная. За нее, если дурно и не искусно расскажут ее, — законъ снимается съ плечъ много умныхъ и благородныхъ російскихъ головъ.

И отъ мыслей этихъ государыня надолго поникла головой. Ее привелъ въ себя вѣжливый голосъ фрейлины, говорящей, что представление кончилось.

Она очнулась и вздохнула. Всѣ въ театрѣ были на ногахъ, нѣкоторые выходили, а противъ нея въ своей ложѣ уже стояла эта авантюристка... стройная, изящная, и какъ-то величественно, дерзко и гордо оглядывалась кругомъ на публику. И государыня, грустно улыбаясь, шепнула невольно:

— Чѣмъ не Елизавета II!..

И въ этотъ же самый мигъ, будто какимъ-то тайнымъ, невѣдомымъ людямъ вѣяньемъ, Маргарита, оглянувъ пеструю толпу, взглянула на поднявшуюся съ своего мѣста государыню и встрѣтилась съ нею не только глазами, но встрѣтилась и помыслами:

— Ты красавица императрица! Но, подумалось мгновенно Маргаритѣ.... Но, если бы я была на твоёмъ мѣстѣ, то... я чувствую!... я была бы не ниже!... я была бы просто и только.... на своёмъ мѣстѣ!...

XXXVI.

На разсвѣтѣ государь въ шлафрокѣ прошелъ изъ одной половины дворца въ другую къ себѣ въ спальню.

Нарцисъ, дожидаясь возвращенія государя, не смѣлъ ложиться спать и теперь, положивъ руки на столъ, а на нихъ свою курчавую голову, храпѣлъ на всю комнату.

Государь былъ въ веселомъ настроеніи духа и подшутилъ надъ Нарцисомъ такъ, что негръ вскочилъ и, со сна, началъ орать на весь дворецъ.

— Тише, дуракъ! это я! испугался Петръ Федоровичъ, что Нарцисъ со сна не узнаетъ его и полѣзетъ драться.

Государь прошелъ въ свою спальню, сѣлъ на кровать и протянулъ ноги негру. Нарцисъ, какъ и всегда, бережно сталъ стаскивать съ нихъ узкіе башмаки и длинныя чулки.

— Слушай, Нарциска! воскликнулъ Петръ Федоровичъ, знаешь-ли ты, что сегодня будетъ?

— Знаю! соннымъ голосомъ отвѣчалъ Нарцисъ. Сегодня 27-е, ну, стало быть, въ гасилицу къ Разумовскому графу пировать поѣдете.

— Эка диковина! А что я тамъ сдѣлаю?

— Венгерскаго или какаго другаго....

— Врешь! прервалъ государь. Это тоже не диво! Я тамъ «Алексѣевну» увижу и прямо оттуда ее въ монастырь сошлю. Дѣло рѣшенное, сейчасъ честное слово далъ. Понимаешь, дуракъ? Я своему честному слову никогда не измѣняю. Если монархи не будутъ держать своего слова, то тогда и міру конецъ, весело болталъ государь и, улегшись въ постель, велѣлъ Нарцису разбудить себя не ранѣе часу дня.

— Въ два Разумовскіе уже кушаютъ, замѣтилъ Нарцисъ.

— Не твое дѣло, черный чертъ!

Въ два часа дня государь уже всталъ и быстро собирался. Экипажи уже были поданы. Онъ прошелъ снова на половину Маргариты и, найдя ее въ утреннемъ пеньюарѣ, остановился въ удивленіи.

— Развѣ вы все таки не ѣдете въ Гастилицу?

— Я вамъ сказала, что нѣтъ! отозвалась графиня, улыбаясь и не вставая съ своей кушетки.

Государь глядѣлъ на нее въ удивленіи и, наконецъ, сталъ упрашивать. Маргарита отказалась на отрѣзъ.

— Отчего вы не хотите? Ну, пожалуйста. Для меня.

— Ни за что! сказала Маргарита. Во первыхъ, ни фельд-маршалъ, ни гетманъ меня не звали. Во вторыхъ, тамъ будетъ, я знаю навѣрное, императрица. Хотя она російская государыня, а я простая придворная дама, но тѣмъ не менѣе я не могу позволить ей унижать мое чувство собственного достоинства.

— Что это значитъ? вспыхнулъ слегка государь.

— Этого я не скажу.... Богъ съ ней!...

— Нѣтъ, я требую! Скажите. Что она сдѣлала? Когда!

— Извольте.... Вчера въ театрѣ она хохотала каждый разъ, какъ вы играли соло.... Я, невольно глядя на нее, пожала плечомъ.... Она такъ взглянула на меня, съ такимъ презрѣньемъ, что я хотѣла выйти изъ ложи и уйдти къ себѣ. И если я осталась, то только потому, что мнѣ хотѣлось дослушать ваше соло на скрипкѣ.

Государь-артистъ слегка покраснѣлъ.

Говоря это, Маргарита думала:

— Какъ я скоро выучилась великолѣпно лгать.

— Но вѣдь я вамъ общалъ, слово далъ и исполню его сегодня-же! При васъ ее возьмутъ и прямо изъ Гастилицы по-

везуть въ Петербургъ. А затѣмъ или на Смольный дворъ или, можетъ быть, прямо въ Шлиссельбургъ.

— Сдѣлайте это, ваше величество, и тогда я повѣрю. И тогда и Разумовскіе, и другіе не посмѣютъ меня не приглашать. Я знаю, что я не особенно знатнаго происхожденія, и графиня только по мужу. Но что-же такое — Разумовскіе? Простые козацкіе пастухи!

Государь стоялъ почти печальный, Маргарита хотѣла испортить ему весь день.

— Такъ не поѣдете? выговорилъ онъ.

— Не поѣду, не поѣду и не поѣду.... воскликнула Маргарита горячо. Мое положеніе настолько тяжело при встрѣчахъ съ ней, что если-бы я знала навѣрное, что вы способны не исполнить слова, даннаго мнѣ сегодня т. е. вчера, нѣтъ т. е. сегодня....

И Маргарита улыбнулась....

— Если бы я знала навѣрное, что вы изъ Гастилицы не отдадите приказа ее арестовать, то я бы сейчасъ-же покинула Ораніенбаумъ, а, можетъ быть, и Россію.

— Ну, этого не будетъ! воскликнулъ государь. Вотъ увидите. Я ей задамъ!

Черезъ нѣсколько часовъ, въ пышной резиденціи графа Разумовскаго, гдѣ было мало приглашенныхъ, но была государыня, разыгралась тяжелая, многимъ памятная сцена. Но эта сцена между мужемъ и женой, между императоромъ и императрицею—была послѣдняя. Съ этой минуты они уже никогда не видались. Государь, въ припадкѣ гнѣва, передалъ все, что зналъ черезъ доносы и объявилъ, что покуда они въ Гастилицѣ, правитель дѣлъ общества заговорщиковъ, уже, вѣроятно, арестованъ, а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе.

И Петръ Ѳедоровичъ приказалъ государынѣ быть готовой, чтобы въ тотъ же вечеръ или на утро быть отвезенной въ крѣпость или монастырь.

— Еще я этого не рѣшилъ! воскликнулъ онъ.

Въ тотъ же вечеръ государыня, вернувшись къ себѣ въ Петергофъ, замѣтила, что она уже почти подъ арестомъ, что число часовыхъ вокругъ дворца и въ паркѣ увеличено, а двое вѣра-сирь поставлены у самаго маленькаго зданія Монплезира, въ которомъ она жила. Не смотря на усталость, она не легла спать, а только перемѣнила платье и сѣла за письмо къ Григорію Ор-

лову, въ которомъ писала о сценѣ, разыгравшейся въ Гастилицѣ. Письмо кончалось словами:

— Или все кончено, или все начинается! Подумайте, рѣшите! Если вы отвѣчаете, какъ говорили на-дняхъ, за пятьдесятъ человѣкъ офицеровъ, и за десять тысячъ рядовыхъ разныхъ полковъ, какъ за самого себя, то я бы могла сказать: все начинается! Если же вы введены въ обманъ, то все кончено.

Въ это же самое время государь, вернувшись въ Ораніенбаумъ, рассказывалъ Маргаритѣ все, случившееся въ Гастилицѣ.

— Довольны вы? прибавилъ онъ.

— Чему-жь? ваше величество!

— Какъ чему?

— Вы ничего не сдѣлали! Вы только побранились съ ней, надѣлали много угрозъ, наговорили много неприятныхъ вещей и горькихъ истинъ, но въ сущности ничего не сдѣлали! Она не арестована и не свезена нигуда! Впрочемъ, я такъ и думала. Вы человѣкъ слишкомъ добрый и поэтому не способный сдѣлать даже то, что есть государственная необходимость. Вы общаете, а потомъ....

Маргарита не договорила, потому что государь вспыхнулъ и, наступая на нее, крикнулъ во все горло.

— Какъ вы смѣете это говорить?

Маргарита мгновенно смутилась, эта была первая вспышка гнѣва государя на нее.

— Простите меня, залепетала она, предполагая, что государь оскорбился.

— Ну, такъ завтра же, ранехонько утромъ, мы цѣлой компаніей поѣдемъ въ Петергофъ и сами арестуемъ ее. Если желаете, вы сами прикажите офицерамъ посадить ее въ бричку и вести на Смольный дворъ. А черезъ недѣлю мы, пожалуй, сдѣлаемъ ие partie de plaisir на ея постриженіе. Если я этого не сдѣлаю завтра, то даю вамъ право назвать меня нечестнымъ человѣкомъ и немедленно покинуть Ораніенбаумъ.

Государь, уставшій отъ переѣздовъ въ Гастилицу и обратно, отъ цѣлаго дня волненій и вспышекъ гнѣва, ушелъ къ себѣ и скоро спалъ крѣпкимъ сномъ.

Маргаритѣ, взволнованной до крайности, напротивъ, не спалось. Она сѣла къ открытому окну.

Дивная, теплая июньская ночь, синее небо, все усѣянное звѣздами, теплый вѣтерокъ, проносившійся съ моря и шумѣвшій

предъ окнами темными вѣтвями деревьевъ, тишина, наступившая во всемъ дворцѣ, — все это поманило Маргариту вонъ изъ горницы. Тревога на душѣ, но счастливая, сладкая, радостная, не позволяла ей остаться въ четырехъ стѣнахъ маленькой горницы.

Она накинула на себя большой пунцовый шелковый платокъ и тихо прошла нѣсколько горницъ, гдѣ было свѣтло, какъ днемъ, отъ звѣзднаго неба, глядѣвшаго во всѣ окна, но гдѣ все спало крѣпкимъ сномъ; Маргарита вышла на большую террасу, откуда сразу открылось передъ ней огромное пространство, покрытое и окаймленное синимъ сводомъ неба, усыяннымъ мириадами звѣздъ. Вдали тихо, будто ласково ворчало море.

Маргарита оглянулась, прислушалась и задумалась.

И Богъ вѣсть почему, Маргаритѣ вдругъ вспомнилось ея дѣтство въ странѣ, гдѣ чаще бываютъ такія теплыя и ароматныя ночи. Ей вспомнилась ея старая няня, родомъ кроатка, и ласковое ворчаніе ея надъ ея кроваткой. Эта старая няня всегда предсказывала дорогому дитяткѣ великое будущее. И красоту, и честь, и славу, и деньги, и любовь! И многое уже сбылось въ жизни Маргариты. Почему же не сбудется и все!

Но почему вспомнила она объ этой нянѣ теперь? Какое странное совпаденіе!

Она вѣрить теперь, что завтра онъ рѣшится.... И въ Россіи не будетъ императрицы! И мѣсто будетъ вакантно! А кто же теперь въ Петербургѣ легче всѣхъ можетъ занять его?

И Маргарита оперлась на бѣлую баллюстраду террасы, подъ которой шумѣла сплошная чаща вѣтвей и деревьевъ, облитая ночной синевою. Она склонила голову на руки и вся обмирала отъ собственныхъ же мыслей.

— Да! Завтра! Черезъ нѣсколько часовъ! Даже страшно! И какъ это просто все совершилось!

Мѣсяца два тому назадъ, думая объ этомъ, она считала себя глупенькой мечтательницей, сама надъ собой часто подсмѣивалась.

— А теперь?!.. Маргарита вдругъ поднялась, отошла отъ перилъ и, ставъ среди пустой и бѣлой террасы, изящно увитая съ руками, съ головой и до полу пунцовымъ платкомъ, гордо оглянулась кругомъ себя.

Въ эту минуту съ высокой террасы, дѣйствительно, и весь Ораніенбаумъ, и дома, и сады, и окрестность, и вдалекѣ ворчащее море, — все это было какъ будто у ногъ этой красавицы-

женщины, въ ногахъ у той, которая на дняхъ будетъ по закону повелительницей не только надъ тѣмъ, что можетъ окинуть теперь ея взглядъ, но и надъ всѣмъ тѣмъ, что простирается далѣе, за видимымъ кругозоромъ, на громадномъ пространствѣ, между двухъ частей свѣта, между четырехъ морей, включая въ себя почти всѣ языцы земные.

Маргарита невольно подняла голову и окинула, будто влюбленнымъ взоромъ, все небо, широко и далеко разверзающееся надъ ней. И всѣ сотни и тысячи этихъ яркихъ звѣздъ глянули вдругъ съ мягкой и чудной синевы въ ея красивое лицо и отразились таинственно-мерцающимъ свѣтомъ въ ея влажныхъ, восторженныхъ глазахъ. Будто всѣ онѣ разгадали тайну, узнали великую долю земную этого маленькаго изящнаго существа и будто привѣтствуютъ ее.... И Маргаритѣ почудилось, что она стремительно взлетаетъ!... Она стала вдругъ ближе къ этимъ звѣздамъ! А вся окрестность, даже вся земля и все земное, остается тамъ, далеко внизу.... и рабски ложится у ея ногъ!...

XXXVII.

Въ тѣ же минуты, около полуночи, въ квартирѣ Григорія Орлова, сидѣло нѣсколько человѣкъ друзей изъ самыхъ близкихъ и человѣка четыре постороннихъ, такъ же, какъ когда то великимъ постомъ. Теперь только особенно преобладалъ одинъ элементъ: измайловцы. Ихъ тутъ было восемь человѣкъ: три брата Всеволожскіе, два брата Рославлевы, Ласунскій, Похвисневъ и Вырубовъ. Кромѣ нихъ, были Баскаковъ, Бярятинскій и, наконецъ, Федоръ Орловъ, отлучавшійся за вечеръ уже четыре раза.

Въ числѣ постороннихъ былъ здѣсь адъютантъ государя Перфильевъ. Онъ почти двое сутокъ не выходилъ отъ Орловыхъ, пилъ и игралъ въ карты.

Григорій, конечно, не сомнѣвался, почему Перфильевъ, почти безвыходно, сидитъ у него. Да и самъ откровенный и добродушный Степанъ Васильевичъ промолвился, что государь на время приставилъ его къ нимъ.

Григорій, сумрачный, тревожный, переходилъ изъ комнаты въ комнату, отъ игорнаго стола къ другому, заставленному закуской и блюдами, и на неоднократные вопросы Перфильева отвѣчалъ уже въ десятый разъ.

— Голова трещить, чертъ съ ней! Да и знобить....

Но наиболѣе мрачный и озлобленный на всѣхъ былъ старикъ Агафонъ. Онъ чуялъ, что господа, перепуганные утромъ на смерть арестомъ Петра Богдановича, затѣвають что-то.

— Должно быть, силкомъ освободить его! думалъ старикъ.

Озорникъ его, Алексѣй Григорьевичъ нанялъ четверку дивныхъ коней, посулилъ за нее шальные деньги, благо ихъ совсѣмъ нѣтъ въ домѣ.... и поскакалъ куда-то въ самую полночь. Ужъ, конечно, какое-нибудь глупство или озорничество! Федоръ Григорьевичъ тоже все бѣгаетъ. А вдобавокъ еще младшаго братишку, кадета Владиміра Григорьевича, тоже впутали. Также среди ночи гоняютъ «робенка-то», то туда, то сюда! Два раза тайкомъ и заднимъ ходомъ гоняли на квартиру къ княгинѣ Дашковой. И зачѣмъ? Поглядѣть у себя-ли она сидитъ и не собирается-ли въ Рамбовъ къ государю? Очень нужно!

И Агафонъ злился и ворчалъ, вымѣщая злобу то на полотенцѣ, то на тарелкѣ, то на мухахъ, гудѣвшихъ на кухнѣ.

На зарѣ въ квартирѣ игра карточная пріостановилась и компанія съѣла ѣсть и пить. Но, противъ обыкновенія, никто не былъ пьянъ....

Только одинъ человѣкъ, страшно захмѣлѣвъ, не выдержалъ. повалился на диванъ и скоро храпѣлъ. Это былъ Перфильевъ. Онъ страшно обыгралъ другихъ, а это съ нимъ случалось такъ рѣдко, что на радостяхъ онъ хватилъ черезъ край....

Когда солнце показалось надъ городомъ и сверкнуло въ огняхъ квартиры Орлова, офицеры тревожно переглянулись, нѣкоторые перекрестились, и всѣ поднялись на ноги.

Лица ихъ были далеко не таковы, какія бываютъ всегда у людей, встающихъ изъ-за стола, покрытаго остатками ночнаго ужина и бутылками.

— Ну, съ Богомъ! вымолвилъ глухо Григорій. По мѣстамъ! Ну, братцы, вы, измайловцы.... Вамъ первая, трудная доля.... Вамъ Богъ помочь! А мы за вами....

Офицеры, не прощаясь, смущенно, молчаливо развѣхались въ разныя стороны.

Только одинъ Бяратинскій остался... и молчалъ, стоя у окна.... Перфильевъ громко храпѣлъ на диванѣ. Григорій Орловъ тоже молчалъ и шагалъ по комнатѣ.

— Что-жь? Спать-то? Не надо! Полуночники!.. буркнулъ Агафонъ, собирая посуду. Но никто не отвѣтилъ....

Черезъ часа два Григорій тихо вымолвилъ Бяратинскому.

— Ну, пора!... Охъ, что-то будетъ.... Мы то.... наплевать!... Спаси Богъ ее!...

Еще чрезъ часъ оба были уже за заставой и мчались въ каретѣ по дорогѣ на красный кабакъ.

Отъѣхавъ пять верстъ, они остановились, вышли изъ кареты и стали, не спуская глазъ съ дороги.

— Охъ, Алеханъ!.. Боюсь, загналъ коней! Пали на дорогѣ... А мы здѣсь прождемъ!...

Было уже десять часовъ....

— Вотъ! Вотъ!! вскрикнулъ Бярятинскій.

Вдали за версту показалась мчащаяся съ каретой четверга коней, и пыль громаднымъ серебрястымъ облакомъ, сверкающимъ на солнцѣ, взвивалась за ней.

Будто шелъ на столицу ветхозавѣтный столпъ огненный! И если не руководилъ, не велъ мчащихся путниковъ, то шелъ слѣдомъ....

XXXVIII.

Были тѣ же девять часовъ утра, когда изъ Ораніенбаума многолюдное общество вельможъ и дамъ, гдѣ были Воронцовы и Нарышкины съ женами, Минихъ, Гудовичъ, Корфъ, старикъ Трубецкой, Шуваловъ и другіе, двинулось въ шести экипажахъ по дорогѣ въ Петергофъ.

Въ передней каретѣ, вмѣстѣ съ государемъ, ѣхали Минихъ и Трубецкой, но старики сидѣли на переднемъ мѣстѣ, такъ какъ, рядомъ съ государемъ, сидѣла красивая, красивѣе чѣмъ когда либо, графиня Скабронская.

Всѣ знали, какое событіе совершится въ Петергофѣ, и кто его вызвалъ, и болѣе всѣхъ воспользуется послѣдствіями.

Черезъ часъ всѣ были въ Петергофѣ.... Но теперь все общество, смущенное, сначала обходило всѣ горницы Монплезира, а затѣмъ всѣ горницы большаго дворца. А вскорѣ, всѣ уже не обходили, а бѣгали за бѣгающимъ и потерявшимся императоромъ... Государыни не было нигдѣ.

Петръ Федоровичъ былъ внѣ себя, но не гнѣвъ, а смущенъ, и, обшаривъ всѣ комнаты, оглядѣвъ всѣ шкафы, шаря чуть не въ комодахъ, восклицалъ безъ конца:

— Вотъ, вы видите, на что она способна! Вотъ вы видите! Я всегда говорилъ!...

Болѣе всѣхъ была смущена Маргарита. Одинъ Минихъ успокоивалъ Петра Федоровича, говоря, что найти государыню будетъ не трудно.

— А если даже она бѣжала съ цѣлью пробраться за границу! То и пускай! стоитъ-ли тревожиться? говорилъ Минихъ. Черезъ день, два полиція узнаеть, гдѣ она, розыщеть.

— Конечно, конечно, будьте спокойны! воскликнулъ полицеймейстеръ Борфъ, а на душѣ его кошки скребли.

— Какъ? думалъ онъ въ эту минуту. Неужели то, что я знаю и о чемъ изъ боязни давно молчу, теперь начинается! А я здѣсь....

Обшаривъ всѣ шкафы, всѣ углы, чуть не чердакъ Петергофскаго дворца, государь вернулся со свитой снова въ маленький Монплезиръ.

Всѣ сѣли и сидѣли, не зная что подумать и что дѣлать...

Было уже далеко за полдень, часа три....

На дорожкѣ парка, близъ Монплезира показалась фигура добродушнаго мужика съ окладистой бородой. Борфъ сразу узналъ своего спасителя.

Это былъ новый Минихъ,—Сеня. И теперь въ эту трудную минуту, если Сеня появлялся, то, конечно, не зря и не съ пустыми руками.

Зная хорошо государя въ лицо, послѣ своей бесѣды съ нимъ въ церкви Самсонія объ иконахъ и идолопоклонствѣ, Сеня самъ отличилъ Петра Федоровича и, подойдя къ нему, протянулъ ему записку.

Государь узналъ почеркъ и подпись француза Брессана, котораго онъ сдѣлалъ директоромъ новой Гобеленовой фабрики. Пробѣжавъ записку, Петръ Федоровичъ вскрикнулъ и онѣмѣлъ.

Брессанъ писалъ, что въ Петербургѣ полная сумятица, бунтъ и три гвардейскихъ полка и конная гвардія грабятъ и пьянствуютъ, а что онъ самъ былъ свидѣтелемъ въ Казанскомъ соборѣ присягѣ, приносимой государыней отъ всѣхъ сословій...

Слезы показались на глазахъ государя. Онъ взялъ себя за голову, тихо вошелъ въ первую горницу домика и опустился на первый попавшійся стулъ. Все общество будто помертвѣло отъ ужаса.

— Ваше Величество! выступилъ первый, старикъ Никола Юрьевичъ Трубецкой. Позвольте мнѣ поѣхать въ Петербургъ. Можетъ быть, все это вздоръ. Я увижу все и привезу вѣрныя вѣсти.

— Да, да! бессознательно отвѣтилъ государь.

И Трубецкой быстро исчезъ изъ Монплезира.

Не прошло десяти минутъ, какъ Шуваловъ обратился къ государю съ такимъ же предложеніемъ. Полагаться на хитраго Трубецкаго, по его мнѣнію, было нельзя, и онъ просилъ позволить ему съѣздить. Послѣ согласія—онъ исчезъ, а вслѣдъ за нимъ тотчасъ же подступилъ самъ канцлеръ Воронцовъ, вызываясь, если есть бѣда, предотвратить ее, и точно также и онъ быстро покинулъ Монплезиръ.

Не прошло еще двухъ часовъ, какъ при государѣ оставались только женщины, а изъ мужчинъ не болѣе трехъ, четырехъ человѣкъ.

Старикъ Минихъ преобразился съ первой минуты, помолодѣлъ, и старые глаза его блестѣли ярче, быть можетъ, такъ, какъ когда-то блестѣли подъ Очаковымъ.

— Ваше величество, терять время нельзя! горячо восклицалъ онъ. Я вѣрю тому, что пишетъ Брессанъ. Всѣ тѣ доносы, которыми вы не вѣрили, теперь оправдываются. Если этой женщинѣ, умной и дерзкой, присягаютъ въ соборѣ, то, конечно, не одни гвардейскіе солдаты. Конечно, тамъ весь сенатъ, синодъ и вся администрація. Но сила не въ нихъ! Во всякой странѣ, при всѣхъ тревожныхъ и незаконныхъ обстоятельствахъ сила въ булавъ т. е. въ ружьѣ, въ штыкѣ. Пошлите за войскомъ своимъ въ Ораніенбаумъ, мы окопаемся здѣсь, будемъ принимать перебѣжчиковъ вѣрныхъ, которые придутъ къ вамъ изъ Петербурга и черезъ два-три дня у насъ будетъ здѣсь десяти-тысячное войско изъ вѣрнопопданныхъ волонтеровъ. Съ ними, я, Минихъ, отвѣчаю вамъ, что возьму приступомъ Петербургъ, если бунтовщики сами не явятся съ повинной.

Взглядъ стараго полководца сверкалъ такимъ огнемъ надъ опущенной головой потерявшагося императора, что всякій бы повѣрилъ ему. Но государь покачалъ головой и не двигался.

— Позвольте послать въ Ораніенбаумъ за голштинскимъ войскомъ, выговорилъ Гудовичъ.

— Посылайте! Посылайте! воскликнулъ Минихъ.

И Гудовичъ вышелъ.

— Я говорилъ! Я говорилъ! воскликнулъ Петръ Федоровичъ. Я всегда говорилъ! Она на все способна! Вотъ видите-ли, моя правда....

Женщины, сидѣвшія кругомъ государя смущенныя и перепуганныя, начали плакать.

И только одна графиня Скабронская сидѣла, выпрямившись, неподвижна, какъ статуя, да и блѣдна, какъ статуя. Широко раскрытые глаза смотрѣли на голову императора, опущенную на руки, и Маргаритѣ минутами казалось, что она бредитъ. Минутами ей казалось, что вчера въ эту дивную ночь, эти звѣзды, говорившія съ ней, подняли ее на неизмѣримую высоту, а сегодня она падаетъ съ этой высоты, и все падаетъ, и нѣтъ конца этому паденію!... Голова туманилась, сердце будто холодное. ледяное, будто кусокъ льда, странно, рѣзко и отчетливо стучало въ ней и замирало послѣ каждаго удара. А тяжелые часы бездѣйствія, слезъ, пустыхъ и бессмысленныхъ жалобъ, тянулись, время уходило!...

Глаза Миниха уже скоро потухли и не сверкали, какъ прежде. И полководецъ, и красавица, многое могли бы сдѣлать за это время, но не одни! Пускай скажетъ онъ хоть слово, дастъ право!

Но онъ, въ которомъ вся сила, который облеченъ священнымъ званіемъ, онъ все сидитъ у стола, все также кладетъ на него локти, опускаетъ на руки голову! А изрѣдка, прійдя въ себя, снова жалкимъ, визгливымъ и слезливымъ голосомъ вторяетъ.

— Я всегда говорилъ! Вотъ она какова!...

Вечеромъ, по настоянію Миниха и Маргариты, все общество преимущественно состоящее изъ женщинъ, сѣло на небольшую яхту и двинулось къ Бронштадту. Въ немъ одномъ было еще спасеніе. Въ крѣпости можно было спастись и держаться.

Но Бронштадтъ уже оказался для нихъ неприступной и непріятельской крѣпостью. На слова, что самъ императоръ пріѣхалъ и выходитъ на берегъ, комендантъ черезъ часовыхъ отвѣчалъ:

— Въ Россіи нѣтъ императора, а есть императрица самодержица Екатерина Алексѣевна.

Минихъ настаивалъ выйти на берегъ и принять начальство надъ крѣпостью. Чей-то голосъ среди тьмы ночи крикнулъ, наконецъ, съ берега:

— Отъѣзжайте скорѣй, а то дамъ залпъ по васъ изъ всѣхъ орудій.

Петръ Федоровичъ будто пришелъ въ себя и быстро съ палубы спустился въ каюту, гдѣ перепуганныя женщины слышав-

шія угрозу, бросились передъ нимъ на колѣни, умоляя скорѣй отчалить.

Но корабль уже отчалилъ по приказу Гудовича. На палубѣ оставались одни матросы, а на кормѣ сидѣлъ, не боясь, конечно, залпа орудій, старикъ Минихъ и думалъ:

— Всякій ребенокъ защищается, упирается даже, когда его спятъ посылаютъ! Если такъ, то и по дѣломъ!....

Около согнувшагося на скамейкѣ и понурившагося старика Миниха стояла въ ужасѣ Маргарита.

Она тоже не боялась теперь угрозы залпа изъ орудій. Было мгновеніе, она желала всей душой исполненія этой угрозы. Погибнуть здѣсь на этой императорской яхтѣ, вмѣстѣ съ императоромъ, въ обществѣ статсъ-дамъ и вельможъ, конечно, заманчивѣе того, что ждетъ ее впереди, что ждетъ ее не за горами, а, быть можетъ, завтра.... Завтра она будетъ тѣмъ же, чѣмъ была когда-то.... Маркетой Гинебъ.... даже хуже! Лотхень! Да! горничная Лотхень завтра будетъ выше ея. У ея Лотхень есть деньги, а у нея, мечтавшей прошлую ночь о престолѣ, на завтрашнюю ночь не будетъ, быть можетъ, и крова, не будетъ куска хлѣба.... И надо будетъ опять, какъ когда-то графу Кириллу—продавать себя.... Да, если «она» не сошлетъ ее въ Сибирь!!..

Яхта давно отчалила, была уже среди темныхъ водъ и слегка бачалась на волнахъ....

Маргарита, стоя неподвижно, какъ статуя, свѣсилась черезъ бортъ и глядѣла почти безумными глазами въ темныя волны. Если бы она знала навѣрное, что все кончено, то она видѣла въ себѣ достаточно, даже болѣе чѣмъ нужно, мужества, чтобы броситься въ эти волны. Но слабый лучъ надежды мерцалъ въ ея потрясенной душѣ, обманывалъ ее и удерживалъ за бортомъ императорской яхты, удерживалъ на землѣ....

И какъ сожалѣла она потомъ всю жизнь, что не рѣшилась покончить все въ темныхъ волнахъ русскаго залива....

XXXIX.

А когда еще начинался этотъ день, 28 іюня, въ тѣ часы, когда Маргарита мечтала на террасѣ ораніенбаумскаго дворца, полная чудныхъ грезъ, а въ Петербургѣ Перфильевъ, обыгравъ Орлова, храпѣлъ на диванѣ, въ маленькомъ Монплезирѣ среди

петергофскаго парка, Еватерина кончала свое письмо къ Григорію Орлову. Отъ волненія и скорби она не могла лечь спать.

Солнце поднялось, начинался великолѣпный жаркій, лѣтній день, а она грустно встрѣчала солнечный восходъ, золотившій морскія волны, плескавшія о берегъ и о гранитъ того домика, въ которомъ она сидѣла, почти подъ арестомъ.

Она задумалась и была пробуждена голосами подъ окномъ. Выглянувъ, она узнала высокую и статную фигуру Алексѣя Орлова.

Черезъ минуту вошла къ ней камеръ-фрейлина и доложила, что поручикъ Орловъ, котораго часовые не пропускаютъ, желаетъ съ ней переговорить.

Государыня быстро одѣлась, какъ-бы для прогулки, и вышла изъ домика....

Часовымъ было приказано наканунѣ никого не пропускать въ Монплезиръ, но приказа не выпускать государыню прогуляться по парку не было, конечно, отдано.

Государыня перешагнула порогъ, Орловъ весело подавъ ей руку, и они, тихо прогуливаясь, пошли по дорожкѣ.

Алексѣй Орловъ сказалъ ей тотчасъ нѣсколько словъ, отъ которыхъ она вздрогнула, задохнулась, пошатнулась и, если бы не его помощь, то, можетъ быть, упала бы....

Повернувъ на другую дорожку, они пошли быстрѣй и черезъ нѣсколько минутъ государыня была уже въ каретѣ. Алексѣй сѣлъ на козлы, подобралъ возжи, молодецки крикнулъ на взмыленныхъ уже коней и карета помчалась.

При выѣздѣ изъ Петергофа, изъ чащи кустовъ выскакалъ къ нимъ верховой офицеръ Бибииковъ, весело раскланялся и пустился рядомъ около дворецъ кареты.

Верстахъ въ пяти отъ Петербурга, когда лошади, не смотря на отчаянные удары влута, уже, выбившись изъ силъ, готовы были пасть, Алексѣй Орловъ завидѣлъ на дорогѣ другую карету! То былъ братъ Григорій и Бярятинскій, выѣхавшіе навстрѣчу.

Черезъ часъ государыня была у казармы ожидавшихъ ее измайловцевъ.

Ласунскій и съ нимъ нѣсколько офицеровъ и три роты солдатъ радостными криками встрѣтили государыню, цѣлуя ея одежду....

Затѣмъ привели полковаго священника, и всѣ присягнули на вѣрность.

Отсюда, съ барабаннымъ боемъ, двинулись всѣ въ семеновскій полкъ. Но тамъ Федоръ Орловъ уже сдѣлалъ тревогу, и семеновцы бѣжали къ нимъ навстрѣчу. Во главѣ двухъ полковъ государыня двинулась въ казанскій соборъ.

Духовенство, собранное ночью Сѣченовымъ, было на лицо. Весь синодъ былъ тоже на лицо. Сенаторы, предупрежденные тоже ночью Тепловымъ, были почти всѣ. Народъ заливалъ кругомъ паперть собора, не понимая, что творится въ немъ, и вскорѣ узналъ, что идетъ присяга государынѣ Еватеринѣ Алексѣевнѣ, потому что государь наканунѣ упалъ съ лошади и убился до смерти.

Ежеминутно десятки экипажей подъѣзжали къ собору, и сановники въ блестящихъ мундирахъ выходили изъ нихъ. Служба кончилась. Государыня вскорѣ показалась на паперти собора, окруженная свитой.

На ступеняхъ этой паперти, въ первыхъ рядахъ толпы, стояли два красавца богатыря, два брата.

— Я крикну сейчасъ въ народъ. Или теперь.... или никогда! шепнулъ Алексѣй.

— Обожди! отвѣчалъ Григорій. 'Хуже бы не вышло.

— Чего ожидать! Какая бѣда отъ того? А потомъ поздно будетъ!

Григорій смущенно молчалъ.

Въ ту минуту, когда государыня появилась на верхней ступени паперти, Алексѣй Орловъ поднялъ высоко шляпу надъ головой. Толпа, заливавшая кругомъ паперть, двинулась, и сотни, тысячи рукъ тоже снимали шапки.

— Ура! первые крикнули могучимъ голосомъ два богатыря. И ура это пронеслось по всей площади, и тысячи голосовъ схватили его.... Базалось, вся площадь содрогнулась и колыхнулась....

— Да здравствуетъ государыня императрица, самодержица всероссійская! крикнулъ снова Алексѣй Орловъ къ народу....

Легкое, но замѣтное волненіе сдѣлалось въ рядахъ блестящей свиты государыни.

— Что ты? схватилъ брата за руку Григорій.

Но богатырь-поручикъ, уже обернувшись къ блестящей свитѣ, первыхъ сановниковъ государства, вымолвилъ громко и дерзко:

— Что жъ не подхватываете, бояре?... и, обернувшись къ народу, выкрикнулъ могуче:

— Братцы, нутко мы.... Да здравствуетъ самодержица все-россійская!

И ревъ тысячей голосовъ загремѣлъ на всю окрестность.

— Да здравствуетъ государыня, самодержица! наша матушка!...

Для этихъ голосовъ, что «матушка», что «самодержица» было одно и то же.... Хорошее, ласковое слово!... У могучаго крика этого былъ слабый откликъ, будто эхо. Свита тоже повторила слова:

— Самодержица всероссійская!

И въ этой свитѣ былъ одинъ человекъ, поблѣднѣвшій теперь, какъ смерть, Никита Ивановичъ Панинъ.

Сейчасъ близъ алтаря говорили ему, и государыня, и высшіе чины государства—про регентство.... Начавшись на словахъ у алтаря собора, оно уже окончилось теперь на паперти.

Начался разѣздъ, сумятица, влики радости, вопли, давка, безурядица. Народъ лиговалъ, кто, зная о чемъ, а кто, и не зная, а такъ!... Только сановники, съ трудомъ находя свои экипажи и разсаживаясь, будто сговорились и всѣ повторяли одно и то же другъ дружѣ:

— Да, какъ же?! Да что же?! Да кто же?!.. Какъ же самодержица?... Говорили: регентство.... Совѣтъ вельможъ....

— Ловко!... Ей-богу ловко!... Первый сортъ!!..

XL.

Черезъ часъ въ новомъ зимнемъ дворцѣ была еще бóльшая сумятица.

Уже весь Петербургъ, придворные, сенатъ и синодъ, высшее общество, всѣ резиденты иностранныхъ державъ, кромѣ одного, конечно, Гольца, сотни разряженныхъ дамъ, густой толпой наполняли залы и гостиныя дворца. Нѣмецкая принцесса Софія-Фредерика Ангальтъ-Цербстъ, по замужеству герцогиня Голштейнъ-Готторпъ, принимала всенародное поздравленіе съ восшествіемъ на всероссійскій прародительскій престолъ. //

Не будь на свѣтѣ младенца наследника Павла Петровича все бы это всякому показалось бессмыслицей!!

Ликованіе было общее! Не прошло получасу, какъ австрійскій посоль Мерсей узналъ нѣчто, что заставило и его тоже ликовать, а въ его лицѣ и Европу! Бретейль узналъ, что его просить взять назадъ грамоты и остаться посломъ. Гакстгаузенъ узналъ, что о войнѣ съ Даніей, конечно, и помину не будетъ.... И Фридрихъ тоже вскорѣ возликуетъ.

Покуда во дворцѣ толпилась и шумѣла блестящая толпа, на улицахъ столицы уже начиналась своевольная безпорядица. Кабакамъ приходилось плохо!...

Преображенцы, съ утра волновавшіеся по своимъ ротнымъ дворамъ, безъ всякаго приказанія офицеровъ, собрались, наконецъ, на полковомъ дворѣ, и здѣсь, Пассекъ, освобожденный силкомъ Баскаковымъ, принялъ надъ ними начальство. Преображенцы тотчасъ, кое-какъ выстроившись въ ряды, двинулись ко дворцу.

Только одинъ рядовой запоздалъ во время присоединиться къ своей ротѣ и теперь догонялъ ее—Державинъ. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ, но отъ иныхъ причинъ,—въ это утро безпорядицы и самоуправства на ротномъ дворѣ у него украли его послѣднія деньги.

Едва Преображенцы вышли на Литейную, имъ на встрѣчу не шелъ, а почти бѣжалъ, запыхавшись, офицеръ ихъ же полка.... Виѣ себя, онъ выхватилъ шпагу, бросился на первые ряды и крикнулъ:

— Назадъ!! Крамольничать! Противъ законнаго государя!! Бунтовать! Назадъ мерзавцы! Перекрошу всѣхъ!!

И шпага его засверкала надъ головами ближайшихъ. Это былъ лейбъ-компанецъ Квасовъ.

Но десятки голосовъ заревѣли вдругъ на ненавистнаго офицера:

— Бей его! Коли! Въ штыки! Зачѣмъ? Бей просто.... Не пакости штыка объ лѣшаго!...

И чрезъ полъ-минуты Акимъ Акимовичъ, окруженный, какъ волкъ собаками, замертво повалился среди улицы, отъ жестокихъ ударовъ прикладами. Только чрезъ часъ очнулся онъ въ какой то цирюльни, куда подобрали его изъ жалости прохожіе.

Между тѣмъ, за угломъ Литейной, на Симеоновской, куда завернули солдаты, другой офицеръ верхомъ наскочилъ на нихъ и вломился въ ряды, тоже обнажая шпагу. Это былъ Воейковъ.

— Стой! Вольница! Кто смѣлъ безъ моего приказу собой ударить?... заворачивай назадъ!

И Воейковъ ударилъ ближайшаго солдата плашмя по головѣ, но чрезъ мгновенье раздалась команда Пассека:

— Ребята! Валяй его, бунтовщика....

Солдаты бросились, одинъ ударъ вышибъ у офицера егошпагу, другіе два ранили лошадь. Она взвилась на дыбы и, отскочивъ, запрыгала хромая, но разъяренные солдаты бѣгомъ пустились по Симеоновской, преслѣдуя обезоруженнаго, и скоро прижали его къ берегу фонтанки. Воейковъ, не видя спасенія отъ штыковъ, въѣхалъ въ рѣчку по грудь лошади.

— Не мочиться же изъ-за него! крикнулъ кто-то. Брось! Не время!... Опосля всѣхъ переколимъ, кто противничаетъ матушкѣ....

И солдаты бросились на мостъ и уже на рысяхъ пустились къ зимнему дворцу, гдѣ гудѣла на лугу несмѣтная толпа, окружая Измайловцевъ, Семеновцевъ и отдѣльные отряды, прибѣжавшіе отъ разныхъ полковъ.

Часа черезъ два городъ уже волновался весь, по всѣмъ улицамъ. Бой-гдѣ уже были драки, кое-гдѣ уже были разбиты кабаки, а въ нѣкоторыхъ ненавистныхъ домахъ было уже все разграблено.

И вскорѣ, поневолѣ была назначена стража охранять нѣкоторые дома и въ томъ числѣ палаты прусскаго посланника. Но Гольца уже не было въ домѣ. Онъ при первыхъ признакахъ уличной сумятицы укрывся въ опустѣломъ домѣ Маргариты, а чрезъ часъ, по совѣту нѣмца лакея, не считавшаго и этотъ домъ безопаснымъ, вмѣстѣ съ нимъ перешелъ въ квартиру Шепелева, какъ офицера и знакомаго.

Бняжна Василекъ, перепуганная сама на смерть, скрыла посланника въ спальнѣ жениха.

Она была въ страшномъ волненіи, и душа ея уже изболѣлась въ мысляхъ о томъ, кто былъ ей дороже всего въ мірѣ. Да и было отчего! Юноша, еще слабый, при первыхъ кликахъ на улицѣ, понялъ, что творится здѣсь, и, нанявъ тройку, ускакалъ въ Ораніенбаумъ, стать на сторону законнаго государя и своего благодѣтеля.... А если нужно, то и умереть, защищая его!...

На большой Морской, около полудня, толпа зѣвакъ была гуще, плотнѣй и особенно весела. Смѣхъ, шутки, прибаутки гудѣли кругомъ.... Одни расходились, другіе прибывали, и здѣсь безъ конца передавалась милая вѣсточка, и на всѣхъ лицахъ была написана радость.

Здѣсь съ часъ назадъ конно-гвардейцы замѣтили въ каретѣ проѣзжавшаго Жоржа, тотчасъ вытащили его вонъ, и ненавистный принцъ тутъ же среди улицы былъ нещадно избить.... Быть можетъ, несчастный былъ бы и умерщвленъ, если бы генераль-полицеймейстеръ Корфъ слезно не выпросилъ его у толпы именемъ государыни и не увезъ къ себѣ, обѣщаясь и клянясь посадить его на хлѣбъ и на воду....

— Онъ насъ съ мужьями всѣхъ развести хотѣлъ! вопили двѣ бабы съ преображенскаго ротнаго двора.

— Поучили таки Жоржушку!... радовались всѣ обыватели.

Это было самое радостное событіе дѣйства петербургскаго за весь этотъ памятный, дикій, пьяный, но не кровопролитный день.... если не считать въ кровь разбитый Жоржинъ носъ.

Зато конно-гвардейцы, выпустившіе поневолѣ изъ рукъ свою жертву, тотчасъ бросились во дворецъ принца, и чрезъ два часа въ немъ было все раззорено или разграблено, а перепуганная челядь спаслась въ рассыпную по сосѣднимъ улицамъ. Только одной маленькой комнаты не могли тронуть солдаты. Въ ней ничего не было дорогаго! Но въ ней сидѣли принцессы почти безъ чувствъ отъ страха, а у дверей ихъ стоялъ добровольнымъ стражемъ отъ расходившихся янычаръ офицеръ Голицынъ. Не явись онъ случайно сюда, то, вѣроятно, и обѣ принцессы пострадали бы такъ же, какъ Жоржъ, если не хуже....

Во всѣхъ домахъ столицы было то же движеніе, что и на улицѣ.

Господа и челядь выѣзжали, выбѣгали, ворочались и суетились. Только въ двухъ домахъ на весь городъ было спокойно. Въ домѣ Воронцова, отца глупой, толстой, ненавистной питерцама «Романовны», было тихо. Радоваться домохозяевамъ было нечему, суетиться отъ сборовъ во дворецъ или въ гости, побесѣдовать на радостяхъ, не приходилось, а народу или солдатамъ шумѣть въ горницахъ и грабить было тоже нельзя. Съ утра многочисленный караулъ занималъ дворъ, подъѣздъ и всѣ двери, по приказанію государыни, во время вспомнившей и опасавшейся здѣсь народной мести и расправы. Былъ другой домъ, гдѣ было не только тихо, но мертво, хотя караула тутъ ставить было не зачѣмъ. Вороты на дворъ были затворены, двери главнаго подъѣзда заперты, ставни нижняго этажа закрыты. Хозяинъ дома хворалъ!... И хворалъ онъ уже седьмой разъ за свою жизнь. Онъ хворалъ при всѣхъ, какъ законныхъ перемѣнахъ правитель-

ства, такъ равно и при всѣхъ переворотахъ за все XVIII столѣтіе. Теперь, какъ и всегда, при всякой повторяющейся болѣзни, онъ хворалъ еще тяжелѣй, т. е. боялся и трусилъ болѣе, чѣмъ когда-либо.... Да и было отчего! Не одно еще дѣйство народное не заставляло его такъ врасплохъ, такъ внезапно и непостижимо!...

Разумѣется, это былъ Іоаннъ Іоанновичъ Скабронскій. Старикъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, прислушивался къ шуму на улицѣ, вздыхалъ, качалъ головой и думалъ про себя, или же шепталъ тихонько:

— Господи! Да когда же этому конецъ будетъ? Что жъ у насъ вѣкъ вѣковъ такъ и будутъ камедь, да скаморшество разыгрываться, чудеса въ рѣшетѣ представляться!

И умный старикъ, конечно, видѣлъ ясно и глубоко вѣрилъ, какъ и многіе, что теперешній переворотъ самый беззаконный и отчаянный изъ всѣхъ, а новое правительство самое ненадежное и самое недолговѣчное. Онъ помнилъ хорошо, какъ если бы то случилось вчера, переворотъ въ пользу российской цесаревны. Но тогда свергался младенецъ императоръ и ненавистное иноземное регентство. А здѣсь свергается внукъ Петровъ и законный монархъ, а провозглашается,—и не правительницей, а самодержицей, чужая женщина, иноземка, нѣмецкая принцесса. А покуда подростеть наследникъ, Павелъ Петровичъ, который теперь младенецъ, что еще придется увидѣть, что еще будетъ! Дѣйство за дѣйствомъ!...

И Іоаннъ Іоанновичъ въ отчаяніи прибавилъ.

— Умирать пора! Хоть и не хочется, а пора! А то хуже въ Сибири умрешь!

Лотхенъ была въ домѣ и, не смотря на сумятицу въ городѣ, не смотря на тѣ удивительныя вѣсти, которыя приносились тайкомъ отлучившимися дворовыми, нѣмка была все-таки весела. Она не отходила отъ огня, глядѣла на толпы народа и улыбалась. Но если бы теперь кто-нибудь увидѣлъ ее, то пожалуй бы не узналъ.

На Лотхенъ было великолѣпное, сплошь вышитое серебромъ, бархатное платье, а въ ушахъ, на груди, на рукахъ, сияли брилліанты и разноцвѣтные камни, въ серьгахъ, браслетахъ, кольцахъ....

Нѣмка была уже три дня на седьмомъ небѣ отъ счастья. И не знала бѣдная хохотунья, что въ людскихъ дома графа Скаб-

ронскаго, холопы, испуганные появленіемъ и властью новой «вольной жѣнки» стараго графа опасаясь за недолговѣчность барина, опасались за завѣщаніе, которое онъ сдѣлалъ въ ихъ пользу. Холопы призадумались! И тотчасъ нашлись двое, самые отчаянные, пообѣщавшіе всѣмъ остальнымъ, не нынче-завтра, отдѣлаться отъ новой барыньки, коли не просто дубинкой, такъ ножемъ, коли не во время ея прогулокъ по городу, такъ ночью, въ самыхъ горницахъ, ей отведенныхъ....

И бѣдная хохотунья не чуяла, что обречена на смерть!

И на какую смерть?... Ужасную, мученическую....

XLI.

Василекъ промучалась часа четыре и не выдержала.... Она рѣшилась тоже ѣхать, быть около милаго и раздѣлить его судьбу. Въ городѣ уже говорили, что къ вечеру назначенъ походъ гвардіи на Ораніенбаумъ и что, вѣроятно, тамъ и произойдетъ сраженіе между голштинскимъ и русскимъ войскомъ.

— Онъ не пожалѣетъ себя.... А если умирать—такъ вмѣстѣ... рѣшила Василекъ.

И княжна спокойно все взвѣсила и обдумала.... Она нашла въ шкафу сержантскій мундиръ жениха и надѣла его.... Онъ оказался какъ разъ по ней.... Черезъ часъ преображенскій сержантъ сѣлъ въ бричку и тихо, спокойно приказалъ кучеру не жалѣть лошадей.

— Иванъ, доvezутъ-ли они насъ не кормя до Рамбова?

Кучеръ поручился, что къ вечеру они будутъ на мѣстѣ.

На поль-дорогѣ къ Красному кабачку, версть за пять отъ столицы оказался пикетъ и караулъ.

Не приказано было никого пропускать изъ города по дорогѣ на Петергофъ и Ораніенбаумъ.... Офицеръ конной гвардіи сначала хотѣлъ было дозволить преображенцу вернуться обратно, но затѣмъ догадался, что имѣетъ дѣло съ ряженой женщиной.... Ему показалось это въ такое смутное время — крайне подозрительнымъ.... Черезъ нѣсколько минутъ княжна была арестована при пикетѣ, въ ожиданіи начальства.

За часъ времени на глазахъ княжны, смущенной и печальной отъ неудачи, тотъ же пикетъ вернулъ обратно въ городъ трехъ офицеровъ и съ десятокъ солдатъ разныхъ полковъ, а одного сопротивлявшагося офицера тоже арестовалъ.... Въ этотъ

день только два человѣка проскользнули въ Ораніенбаумъ, покуда еще только шла присяга въ соборѣ, — Шепелевъ и Пушкинъ, — а въ полдень все дороги, въ сторонѣ Петергофа, были заняты, и сообщеніе прекращено.

Поздно вечеромъ явился гусарскій отрядъ, авангардъ уже выступившаго изъ столицы войска.

Командиръ отряда и Василекъ узнали другъ друга. Последній разъ, что они видѣлись, покойная Гарина дала ему большія деньги при племянницѣ. Это былъ Алексѣй Орловъ...

Разумѣется, Василекъ была тотчасъ по его приказу освобождена и общала ему вернуться въ городъ. Но едва только гусары, захвативъ и пикетъ, скрылись вдали, — княжна перекрестилась и двинулась за ними... пѣшкомъ, давъ себѣ слово быть хитрѣе и, укрываясь въ лѣсу отъ всѣхъ, тропинками достигнуть Ораніенбаума хотя бы чрезъ сутки!

Прошло уже часа два, что ряженный сержантъ бодро, хотя задумчивый, двигался по пустынному лѣсу, то чащей, то полянками, и вдругъ увидѣлъ, понялъ, взглянувъ на звѣздное небо, что сбился съ дороги. Василекъ съ отчаяньемъ догадалась, что она заплуталась въ лѣсу и, помимо усталости и голода, ей грозитъ еще потерять цѣлую ночь даромъ. А завтра, Богъ вѣсть, что уже будетъ тамъ.... сраженіе, убитые.

Храбро двинулась княжна обратно и, послѣ быстрой часовой ходьбы, ахнула отъ радости. Предъ ней, освѣщенная луной, мельнула за чащей бѣлая полоса большой дороги. Она рѣшилась отдохнуть немного и снова двинуться лѣсомъ, не спуская съ дороги глазъ.

Опустившись на траву, уже покрытую росой, Василекъ почувствовала, что голодъ начинаетъ мучительно сказываться въ ней, за то тихая, ароматная ночь, смѣнившая знойный и душный день, возбуждительно дѣйствовала на грудь, вызывала ея силы на борьбу и достиженіе цѣли. Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ Васильку вдругъ, среди тишины всей окрестности, почудился странный гулъ вдали.... Онъ шелъ со стороны Петербурга, очевидно по дорогѣ....

— Войско!... Да! Это войско идетъ! догадалась Василекъ. Она собиралась уже снова укрыться въ чащу, когда вдругъ близкій шепотъ ясно и отчетливо раздался въ нѣсколькихъ шагахъ.

На бѣлой дорогѣ, обрамленной съ двухъ сторонъ темной и высокой чащей и ярко, какъ днемъ, облитой луннымъ свѣтомъ —

показалась кучка всадниковъ.... Всѣ они подвигались молча ровнымъ шагомъ.... Впереди всѣхъ на бѣломъ конѣ Василекъ увидѣла преображенскаго офицера, юнаго, красиваго.... Но на боку его лошади падаетъ изъ-подъ мундира, вьется и блеститъ бѣлая, атласная юбка.... Длинные женскія косы рассыпались по плечамъ изъ-подъ шляпы, увитой зеленымъ вѣнкомъ....

— Это она! ахнула Василекъ.... Она сама предводительствовать, вѣдетъ войска!... На бой, на смерть!...

И преображенскій сержантъ, укрываясь за кустомъ черемухи, шагахъ въ двадцати отъ дороги, устремилъ свой чудный, кроткій взоръ, теперь грустный и влажный отъ слезъ, — на этого преображенскаго офицера, задумчиваго, но не печальнаго....

И Васильку вдругъ захотѣлось остановить государыню, смущенной невѣстѣ захотѣлось крикнуть мстящей женѣ:

— Поднявшій мечъ—мечемъ погибнетъ!

А между тѣмъ, какъ чудно тиха и полна любви была эта ночь! Какой миръ и покой царилъ кругомъ, и на землѣ, и въ небѣ! Теперь-ли поднимать мечъ, брату на брата.... Спокойный бѣлый свѣтъ луны разливался съ необозримой синевы небесъ и окутывалъ все въ серебристое мерцанье: и темный, лохматый, недвижный лѣсъ, и свѣтлую дорогу, и мѣрно, въ безмолвіи, двигающихся по ней всадниковъ, и бѣлаго коня впереди всѣхъ, на которомъ тревожно глядя впередъ.... въ невѣдомое, таинственное будущее.... задумчиво покачивается въ сѣдлѣ красавица-преображенецъ!...

XIII.

Въ пять часовъ утра Алексѣй Орловъ отрядомъ своихъ гусаръ занялъ Петергофъ, а вслѣдъ за нимъ прибывали одинъ за другимъ гвардейскіе полки.

Ровно сутки назадъ онъ здѣсь въ волненіи бѣжалъ по дорожкѣ парка къ Монплезиру и думалъ:

— Что-то будетъ! Быть можетъ, чрезъ сутки она будетъ въ крѣпости... Мы всѣ подъ судомъ, или даже осуждены на казнь!...

Прошло ровно двадцать четыре часа, и онъ, хотя и поручикъ, а на дѣлѣ командиръ цѣлаго войска, разставляетъ его, занимая караулы по всему Петергофу и по дорогѣ на Ораніенбаумъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ явилась со свитой и государыня, переночевавъ кой-какъ въ Красномъ кабанѣ, въ той самой гор-

ницѣ, гдѣ когда-то богатыри-буяны нарядили въ миску фехт-мейстера.

А если бы эти два брата уѣхали тогда въ ссылку, — что было бы? Совершилось-ли бы то, что совершается теперь? Одинъ Богъ знаетъ!...

Три гонца вскорѣ, одинъ за другимъ, явились сюда отъ имени государя.

Первый гонецъ государя принесъ приказъ и угрозу тотчасъ явиться къ нему скорѣе съ повинной за прощеньемъ, или же онъ наставитъ висѣлицъ сплошь по всей дорогѣ отъ Ораніенбаума до Петербурга и перевѣшаетъ всѣхъ бунтовщиковъ безъ различія пола, званія и состоянія!...

Второй гонецъ привезъ извѣстіе или, лучше, предложеніе раздѣлить власть пополамъ, раздѣливъ имперію Россійскую на двѣ совершенно равныя части.

Государыня разсмѣялась и спросила: какъ раздѣлить? Вдоль или поперекъ? И какую часть ей дадутъ? сѣверную, южную, восточную или западную?... Посоль, конечно, этого не зналъ....

Третій гонецъ привезъ согласіе Петра Федоровича отречься отъ престола, съ условіемъ отпустить его въ Голштинію.

— Отпустить въ Голштинію я не могу! отвѣчала государыня. И обманывать не стану обѣщаніями. Онъ можетъ обратиться за помощью къ другу своему Фридриху и явиться во главѣ его войска въ Россію....

Въ четыре часа по полудни карета ѣхала изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ. Въ ней сидѣли только Григорій Орловъ и офицеръ Измайловъ.

На улицахъ мѣстечка Орловъ увидѣлъ смущенно толпящихся солдатъ и офицеровъ голштинскаго войска, которые противъ обыкновенія всѣ были трезвы. Во дворцѣ же была мертвая тишина и пустота. Всѣ, пировавшіе здѣсь еще недавно, или укрылись въ Петербургъ, или пировали и ликовали въ Петергофѣ, въ свитѣ новой императрицы. Остались вѣрны вполнѣ императору только Минихъ, Нарцисъ и Мопса.... А кромѣ нихъ, еще, по неволѣ, изъ приличія, его генералъ-адъютантъ Гудовичъ и, по доброй волѣ, Шепелевъ и другой ему неизвѣстный юноша — Пушкинъ, оба, прискакавшіе изъ столицы.

Только одна личность изъ всего придворнаго круга, блестящая Маргарита, еще наканунѣ находившаяся на неизмѣримой высотѣ надеждъ и мечтаній, не могла бѣжать ни въ Петербургъ,

ни въ свиту императрицы. Теперь отъ ужаса и отчаянiя потерявшая разумъ, она укрылась въ маленькомъ домишкѣ на краю Ораниенбаума, гдѣ прiютилъ ее тоже смущенный и оробѣвшiй фехтъ-мейстеръ Котцау. И Маргарита, въ маленькой бѣдной горницѣ этого домика то недвижно сидѣла, близкая къ умопомѣшательству, то, ломая руки надъ головой, металась изъ угла въ уголь, не находя себѣ мѣста, и задыхалась... будто львица, неожиданно попавшая изъ простора и воздуха необозримыхъ пустынь, въ грязь и духоту узкой кѣлѣтки.

Миновавъ улицы и подѣхавъ ко дворцу, Григорiй Орловъ и Измайловъ вышли изъ кареты и поднялись по лѣстницѣ дворца, среди полной тишины, только два камеръ-лакея попались имъ на встрѣчу. Пройдя нѣсколько горницъ, они увидѣли у дверей двухъ офицеровъ, стоявшихъ будто на часахъ. Орловъ по мундирамъ догадался въ чемъ дѣло. Приблизясь, онъ узналъ обоихъ. Шепелевъ былъ у него однажды и объяснилъ первый, кого они съ братомъ нарядили въ миску. Пушкинъ присталъ было къ ихъ кружку, а въ послѣднее время снова исчезъ.

— Петръ Федоровичъ здѣсь? спросилъ Орловъ Пушкина, насмѣшливо глядя въ его лицо.

— Государь? Да, здѣсь, въ кабинетѣ! отвѣчалъ Пушкинъ, мѣняясь въ лицѣ отъ улыбки Орлова.

— Ну, а вы двое какъ здѣсь? Почему не при своихъ полкахъ.... Скорохои!...

Шепелевъ двинулся, схватился за шпагу и вымолвилъ внѣ себя:

— Вы, скорохои и клятвopеступники!

— Смирно! Именемъ государыни императрицы, самодержицы всероссiйской, вскрикнулъ Орловъ, я арестую васъ обоихъ. Ступайте въ Петергофъ и сдайте себя сами подъ караулъ.

— Никакой самодержицы нѣтъ, съ тѣхъ поръ, что скончалась Елизавета Петровна, отвѣтилъ Пушкинъ. А есть законный государь....

— Государыня Екатерина Алексѣевна.... началъ Орловъ, уже горячася.

— Бунтовщица! воскликнулъ Шепелевъ, которую бы слѣдовало....

Орловъ поднялъ уже на юношу могучую руку, свивавшую кочерги въ кольцо....

Но въ это мгновеніе дверь отворилась, и Гудовичъ съ удивленнымъ лицомъ появился на порогѣ. Но, увидя Орлова, онъ иронически улыбнулся, и, не сказавъ ни слова, оставивъ дверь открытой, вернулся въ кабинетъ.

Орловъ и Измайловъ пошли вслѣдъ за нимъ.

Государь сидѣлъ на окнѣ въ шлафроктѣ и, задумавшись, глядѣлъ въ полъ. Не далеко отъ него стоялъ старикъ Минихъ и что-то горячо объяснялъ.

При появленіи Орлова, Петръ Ѳедоровичъ поднялъ голову, и лицо его слегка измѣнилось. Минихъ презрительно и гордо смѣрилъ Орлова съ головы до пятъ и, повернувшись спиной, отошелъ къ Гудовичу, который сѣлъ на диванъ.

— Вы отъ нея.... вымолвилъ государь.

— Государыня императрица и всея Россіи самодержица прислала меня.... началъ было Орловъ спокойно, но твердо.

Но государь улыбнулся и прервалъ его.

— Самодержица? Еще не совсѣмъ! Но, скажите мнѣ, зачѣмъ васъ послала она? Именно васъ! Развѣ я могу въ качествѣ императора.... вѣдь я все-таки еще императоръ! вести переговоры чрезъ артиллерійскаго офицера и трактирнаго кутилу.... Неужели приличіе васъ не нашлось?...

Орловъ, будто и не слыхавъ словъ государя, повторилъ спокойно:

— Государыня императрица изволила прислать меня просить васъ добровольно, не доводя дѣла до междоусобія и напраснаго кровопролитія, отречься отъ російскаго престола и подписать отреченіе, которое я привезъ! Вотъ оно!...

Орловъ вынулъ бумагу изъ кармана и прибавилъ:

— Безъ этого я не только не уѣду, но и не выйду отсюда!

— О-о!... воскликнулъ съ негодованіемъ Минихъ.

Гудовичъ разсмѣялся презрительно....

— Ваше величество! вступился Измайловъ, вы изволили меня послать.... Вы было рѣшились.... Что же теперь.... Стоить-ли?...

— Зачѣмъ она мнѣ прислала этого.... этого....

— Ваше величество! подступилъ Минихъ и заговорилъ по нѣмецки, гордо закинувъ голову, а старые глаза его снова сверкали отвагой, какъ когда-то въ павильонѣ Монплезира... Рѣшайтесь!... Или подписывайте отреченіе, не взирая на то, кого прислали за этимъ, или.... Лошади уже два часа осѣдланы.... Я готовъ за вами, хоть на край свѣта!... Наконецъ, вотъ здѣсь

двое благородныхъ юношей, добровольно прискакавшихъ умереть за васъ.... Рѣшайтесь.... Мы арестуемъ этого неблаговоспитаннаго гонца и къ вечеру будемъ за сто верстъ отсюда. Повторяю вамъ только до перваго порта достигнуть!... А тамъ на корабль и на Данцигъ, а тамъ въ Кёнигсбергъ, Берлинъ, Митаву, Петербургъ и Москву.... для коронаванія!... Минихъ говоритъ вамъ это! Минихъ слово даетъ, что все это совершится.... и легко! Минихъ не любитъ, не можетъ любить русскихъ, но всегда поклонялся предъ ихъ слѣпымъ повиновеніемъ закону, ихъ любовью къ законности, къ законному....

Государь молчалъ и опустилъ голову.

Гудовичъ вдругъ всталъ и, подойдя къ нимъ, вымолвилъ спокойно и слегка насмѣшливо.

— Лошади уже давно разсѣдланы; арестовать господина Орлова мало двухъ юношей, а надо влигнуть роту Голштинцевъ, да и то силы будутъ не равны!... Скагать къ порту, какому?... Въ Ригу? Близко!! Да тамъ насъ губернаторъ Броунъ арестуетъ и вернетъ во свояси.... Но если бы даже мы и проскочили за границу къ Фридриху, то онъ теперь на просьбу о помощи и войскѣ, чтобы завоевывать престолъ, отвѣтитъ только государю:.. *Trinken sie Bier und lieben sie mir*.... Полноте, ваше величество! Поздно.... Вчера надо было.... Да и не вчера.... Шестъ мѣсяцевъ тому назадъ надо было.... Ну, да вѣдь мы всѣ Россіяне—заднимъ умомъ богаты.... Одѣвайтесь, подписывайте и.... и поѣдемъ!.... Отпустятъ васъ въ Голштинію, и слава тебѣ Господи!.. И вамъ будетъ хорошо, да и Россіи не худо!...

Гудовичъ предъ тѣмъ молчалъ уже сутки, какъ нѣмой, и только глядѣлъ и слушалъ.... И теперь слова его магически подѣйствовали на государя....

— Я сейчасъ.... Только.... обратился онъ къ Орлову, отпустить она меня въ Голштинію?.... Она вѣдь отказала и въ этомъ....

— Онъ этого знать не можетъ! вымолвилъ Гудовичъ. Да и не его это дѣло. Одѣвайтесь!...

Черезъ полчаса государь написалъ отреченіе отъ престола, подъ диктовку Григорія Орлова и подписалъ его, а еще чрезъ часъ былъ уже перевезенъ въ Петергофъ.

Здѣсь государя провели прямо въ отдѣльныя комнаты. Императрица не пожелала видѣть его. Вечеромъ три офицера, Алексѣй Орловъ, Пассекъ и Баскаковъ отвезли Петра Федоровича въ Ропшу, и Баскаковъ остался при немъ въ качествѣ начальника караула,

приставленнаго къ нему.... За ними вслѣдъ явился Нарцисъ съ Мопсой.... И тутъ только вечеромъ государь вспомнилъ странную случайность, странную насмѣшку судьбы!...

Нынѣшній роковой и смутный день былъ двадцать девятое! Петровъ день! День его именинъ! Двадцать лѣтъ праздновался этотъ день торжественно и великолѣпно. При жизни тетки, за все ея царствованіе, этотъ день именинъ наслѣдника престола праздновался по ея приказанію съ большимъ торжествомъ не жели пятое сентября. А за свое собственное царствованіе онъ еще ни разу не праздновалъ свое тезоименитство, и въ первый же разъ—вотъ какъ пришлось провести этотъ день!...

XLIII.

На утро, въ Петербургѣ стоялъ ясный вѣтреныи день.

По голубому небу быстро мчались округлыя бѣлыя облака, по временамъ застилая яркое солнце.

Городъ снова ликовалъ, и снова густыя толпы народа заливали со всѣхъ сторонъ Казанскій Соборъ. Въ немъ шелъ молебень.... Государыня стояла предъ царскими вратами одна, а за ней тѣснились вся знать, весь дворъ, сенать и синодъ, и все наличное дворянство. Никто не посмѣлъ отсутствовать, хотя уже были недовольные, одумавшіеся, спохватившіеся или просто смущенные, робѣющіе за темное будущее....

Даже Іоаннъ Іоанновичъ былъ здѣсь въ числѣ господъ сенаторовъ и уже передалъ нѣкоторымъ свое намѣреніе предложить въ первое же присутствіе—воздвигнуть императрицѣ, какъ спасительницѣ отечества,—золотую статую!... Въ третій разъ!!

Достойный представитель не дворянства, а столичной знати!... Въ нечиновной толпѣ, въ заднемъ углу собора тоже былъ здѣсь и задумчиво глядѣлъ на все и на всѣхъ юноша Шепелевъ, а около него усердно молилась Василекъ.... За все!... За все, что съ трудомъ, будто не хотя, но все таки дала ей судьба, что отвоевала она себѣ, уступая все всѣмъ!...

Шепелевъ былъ уже вчера арестованъ въ Ораніенбаумѣ, по приказу Григорія Орлова, и къ вечеру освобожденъ Алексѣемъ по просьбѣ Васильга, но съ условіемъ выйти въ отставку и выѣхать изъ столицы навсегда. Юноша не горевалъ. Ему и слѣдъ жить въ захолустьи! Онъ, представитель исконнаго дворянства, а не безродной знати! А правъ-ли онъ былъ? Не въ томъ дѣло! Онъ ему присягалъ!..

Послѣ молебна паперть собора гульливо залили блестящія волны сановниковъ, выливаясь изъ главныхъ дверей.... Государыня, при громкихъ кликахъ, шагомъ двинулась въ открытой коляскѣ, среди сѣраго моря людскаго, бушевавшего на площади....

Въ этомъ морѣ людскомъ, затертый густой кучкой обывателей, стоялъ, дивился на все и охалъ, какъ отъ боли, прїѣзжій мужиченка костромичъ.... И вдругъ онъ не стерпѣлъ и спросилъ сосѣда:—Кто жъ энто такая будетъ?...

— Государыня императрица!

— А какъ же свазывали,... воскликнулъ онъ укоризненно, что императрица померла! А она вонъ, матушка, въ телѣжкѣ золотой ѣдетъ....

— Дурень! То другая.... Ты знать изъ трущобы какой?....

— Другая! Ври, ты.... Вишь ей всѣ шапку ломятъ. Стало быть, не другая, а сама наша матушка Россійская, жива и здорова! А баяли, помре!...

— Да, то была Лизавета Петровна, огалтѣлый, и померла. А это Катерина Алексѣвна, тоже императрица, новая.

— Д-да, новая?.... Такъ бы и говорилъ. То ино дѣло! Да! Вонъ оно что! Новая?!.. Ну, что жъ, ничего, пуцай ее!...

Гр. Салиасъ.

К О Н Е Ц Ъ .

Лѣсной,
ноябрь 1890.

ПѢСНЯ.

Будто крыло херувима свѣтла,
Пѣсня надъ міромъ страданій и зла
Въ тихомъ сіяньи преносится,
Съ радостной, чудной улыбкой своей
Въ сумракъ печали, тоски и скорбей
Гостьей небесною просится.
Празднично-свѣтлый таинственный звонъ
Вѣетъ изъ пѣсни, и радостно онъ
Въ душу людскую вливается.
Смѣхъ со слезами волной серебра,
Словно божественной арфы игра,
Въ пѣснѣ волшебю мѣшается.
Трубы побѣды и громъ боевой,—
Все замолкаетъ своей чередой,
Въ вѣчность идутъ поколѣнія,
Рушатся троны и падаютъ въ прахъ,
Но неумолчно несется въ вѣкахъ
Пѣсня—дитя вдохновенія.
Гдѣ же ты, пѣсня, и кѣмъ рождена?
Не изъ лучей-ли святыхъ соткана
Въ горней небесной обители?
Или изъ звуковъ божественныхъ лиръ
Свивши тебя, ниспослали къ намъ въ міръ
Съ дальнихъ свѣтилъ небожители?
Вѣтеръ-ли вешній изъ чашечекъ розъ
Къ намъ изъ эдема тебя перенесъ,
Виѣсть съ волшебными звуками?
Нѣтъ! ты печали и грусти полна,
Ты на холодной землѣ рождена
И убаюкана муками!
И не чертоги могучихъ царей
Дали пріютъ колыбели твоей
Въ гордомъ гнѣздѣ самовластія,
Но, какъ Мессія, среди нищеты,—
Такъ же на свѣтѣ родилась и ты
Въ лонѣ борьбы и несчастія....

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

СТРАНИЦА

изъ

ИСТОРИИ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Въ нашей періодической печати часто говорилось въ послѣдніе годы относительно «общиннаго землевладѣнія», существовавшего въ западныхъ государствахъ Европы до обезземеленія въ ней крестьянства, а также о земледѣльческой общинѣ въ той части Азіи, которая считается колыбелью челоуѣчества — Индіи; но, кажется, ни разу еще не упоминалось о тѣхъ *особенностяхъ* землевладѣнія, которыя существовали въ самомъ древнѣйшемъ государствѣ міра — Китаѣ, государствѣ, которое въ незапамятныя времена было впереди всѣхъ другихъ народовъ въ дѣлѣ воздѣлыванія земли.

Ознакомиться съ этими особенностями китайскаго землевладѣнія мы можемъ въ настоящее время всего удобнѣе по работѣ извѣстнаго нашего ориенталиста *И. И. Захарова*. Результаты этой работы изложены у него въ весьма мало распространенной у насъ книгѣ «Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ» (Т. II, изд. 1853 г.).

Отлично знакомый съ языкомъ, литературою и современнымъ бытомъ Китая и прожившій тамъ почти около двухъ десятилѣтій, И. И. Захаровъ является однимъ изъ авторитетовъ по части какъ наблюденія явленій китайской жизни, такъ и объясненія политическаго и экономическаго значенія этихъ явленій. Въ напечатанномъ въ названной книгѣ трудѣ его, подъ заглавіемъ «Поземельная собственность въ Китаѣ», представленъ цѣльный, яркій очеркъ исторіи землевладѣнія въ Китаѣ.

Изъ очерка этого мы узнаемъ, что Китай не былъ во все время его семитысячелѣтней исторической жизни государствомъ

ной линiи этихъ князей, высшихъ и низшихъ чиновниковъ. Народъ въ принципѣ потерялъ право собственности на обрабатываемую имъ землю и хотя продолжалъ владѣть ею фактически, но уже на правѣ арендаторскомъ.

Но такъ какъ установившiеся въ жизни народа и дѣйствовавшiе въ теченiи тысячелѣтiй порядки не измѣняются вдругъ и скоро никакими реформами, никакими революцiями, то самая раздача земель въ аренду первоначально подчинялась, какъ надобно полагать, всецѣло тѣмъ порядкамъ, которые существовали прежде. Такъ, именно, узаконенная китайская аренда явилась со слѣдующими, очевидно, не вдругъ къмъ бы то ни было выдуманнiми особенностями: земля раздается въ аренду равными одинъ другому участками, земельные участки являются приведенными въ строго опредѣленную мѣру и каждая ихъ группа распределяется въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ, каждый опредѣленной мѣры участокъ, приведенный въ форму квадрата, дѣлится на *девять* равныхъ участковъ, тоже квадратной формы.

Среднiй участокъ назначается быть общимъ или казеннымъ; онъ обрабатывается общими силами поселенныхъ вокругъ него восьми семействъ, а сборъ съ него идетъ въ пользу того лица или учрежденiя, которому данная земля отдана въ собственность. Остальные, окружающiе этотъ среднiй квадратъ, восемь квадратовъ поступаютъ въ пользованiе восьми семей, для удовлетворенiя ихъ собственныхъ нуждъ. Каждый квадратъ заключаетъ въ себѣ 100 «му», равняющихся приблизительно нашимъ 6-ти десятинамъ *).

ч	а с	т
н	общ. участ.	ы
е	учас	тки.

Изъ 100 «му» средняго казеннаго участка обрабатывается только 80, а остальные 20 «му» идутъ подъ домъ и огородъ для восьми семействъ, каждому по 2½. Для орошенiя полей, между каждымъ квадратомъ проводятся канавки, въ которыя течетъ вода изъ малыхъ и большихъ каналовъ, устроенныхъ между 10, 100, 1000, 10000 такихъ участковъ.

*) Въ русской десятинѣ содержится около 17-ти „му“.

Въ подобномъ же размѣрѣ рядомъ съ каналами пролагаются тропинки и большія и малыя дороги. При раздачѣ земель для обработыванія, обращается вниманіе на возрастъ: мужчина 20 лѣтъ, какъ человекъ, пришедшій въ силу, способный къ работамъ и уже семейный, получаетъ на себя 100 му (иногда, впрочемъ, и менѣе) и владѣеть ими до 60 лѣтъ, когда преклонный возрастъ и слабость силъ не позволяютъ ему обработывать такого количества земли и нести казенную службу. Отобранная земля отдается его сыну или родственнику, *который обязанъ былъ пропитывать старика до конца жизни.*

Такъ какъ свойство земли было не одинаково и всѣ пашни дѣлились на три разряда, съ подраздѣленіемъ каждаго изъ нихъ на три вида, то земледѣльцы, для уравниенія въ поземельныхъ налогахъ и въ средствахъ пропитанія, получали иногда болѣе 100 му или переводились на болѣе лучшую землю.

Послѣднее имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, если почва выдѣленнаго участка была самаго низшаго качества; первое же тогда, когда у земледѣльца было многочисленное семейство, между членами котораго находилось довольно мужчинъ, уже способныхъ къ работамъ. Равно обращалось вниманіе и на то, въ какомъ мѣстѣ находится земля: близко къ столицѣ или въ удѣлахъ. Въ первомъ случаѣ давалось меньшее количество, а во второмъ болѣе.

Кромѣ земледѣльцевъ, получали земли и другія сословія, торговцы и ремесленники, но только въ меньшемъ количествѣ, именно: пятую часть противъ землепашцевъ, т. е. 20 му; такое количество давалось иногда и подросткамъ въ земледѣльческихъ домахъ, если они уже были способны къ работамъ и если въ ближайшихъ мѣстахъ находились свободные участки земли.

Уступка земли другому посредствомъ продажи, заклада и одновременной отдачи на посѣвъ не допускалась. Такимъ образомъ, явившаяся на развалинахъ общественнаго землевладѣнія частная собственность была ограничена извѣстными порядками, большинство которыхъ взято прямо изъ жизни и сложилось, какъ по всему видно, еще въ то время, когда земля состояла въ общественной собственности. Конечно, часть этихъ порядковъ подвергалась ломкѣ, измѣненію, при желаніи законодателя подогнать ихъ подъ новый принципъ; но и при всемъ этомъ почти каждый изъ этихъ порядковъ говоритъ весьма ясно о своемъ происхожденіи изъ понятій общественной собственности, выработанныхъ

народомъ. Относительно этихъ порядковъ можно сказать, что они представляютъ собою прежнюю форму землевладѣнія, лишенную только своей идеи.

На сколько прежде была могущественна эта форма, подымавшая земледѣліе до степени развитія невысказанной за семь тысячъ лѣтъ тому назадъ ни для одного народа земнаго шара, создавшая на земномъ шарѣ государство изъ всѣхъ самое старѣйшее, на столько же вынужденіе изъ нея ея души было губительно для этого государства.

Дальнѣйшіе факты исторіи крестьянскаго землевладѣнія указываютъ, что несчастная реформа 2205 г. до Р. Х. составляетъ сама по себѣ главнѣйшую причину послѣдовавшихъ въ Китаѣ неурядицъ, остановившихъ его нормальное развитіе и заковавшихъ его цивилизацію въ ту неподвижность, въ которой застылъ онъ уже нѣсколько вѣковъ.

Такъ, изъ очерка г. Захарова видно, что, не смотря на различныя регламентаціи, ограничивающія распоряженія собственниковъ земли своими арендаторами, послѣдніе начинаютъ терпѣть различныя стѣсненія; у собственниковъ является стремленіе къ увеличенію дохода съ участковъ; затѣмъ начинается дробленіе собственности до крайнихъ предѣловъ и, наконецъ, какъ несомнѣнное послѣдствіе этого, — закладываніе и продажа земли обѣднѣвшими собственниками болѣе счастливымъ.

Начавшіяся затѣмъ войны, отвлекавшія руки отъ земли, только способствовали неурядицамъ, имѣвшимъ послѣдствіемъ обѣднѣніе народа; такъ, на примѣръ, начались побѣги въ мѣста, которыя пользовались большимъ спокойствіемъ, и захватъ оставленныхъ земель зажиточными владѣльцами. Смуты по временамъ утихали, бѣглецы возвращались, но земли были уже въ другихъ, болѣе сильныхъ рукахъ.

Въ это время получила въ Китаѣ мѣсто свободная аренда земель по цѣнамъ, назначаемымъ владѣльцемъ.

Въ это же время распространилась и *личная кабала*, рабство. Правительство (династія Ханьская) однако не было нечувствительно къ бѣдствіямъ народа и принимало разныя мѣры къ тому, чтобы обогатить его, или, по крайней мѣрѣ, поставить его въ состояніе снискивать достаточныя средства пропитанія. Оно раздавало даромъ всѣ пустопорожниа земли, общественныя и царскіе сады, поощряло наградами чиновниковъ, которые пеклись о развитіи земледѣлія, постоянно прощало подати, увѣще-

вало жителей взаимно помогать другъ другу ссудою сѣмянъ и скота, за недостаткомъ котораго совѣтовало самимъ запрягаться въ соху и общими силами нѣсколькихъ человѣкъ замѣнять недостатокъ въ рабочихъ животныхъ; оно придумывало способы лучшей обработки земли, совѣтовало, напримѣръ, при запашкѣ, дѣлать борозды по футу въ ширину и глубину для того, чтобы удобнѣе было выпалывать и обсыпать корень хлѣбнаго растенія землею во время вѣтровъ и зноя и чтобы такимъ образомъ сбереженный и закрытый корень могъ дать гораздо большій урожай.

Въ это время начало мало-по-малу распространяться въ государствѣ мнѣнiе о необходимости возвращенiя къ прежней системѣ общественныхъ полей.

Но это мнѣнiе, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило сильную оппозицію. Явились радикалы, совѣтовавшiе совершить земельный переворотъ безъ колебанiй и уступокъ, явились болѣе умѣренные прогрессисты и полнѣйшiе консерваторы. У г. Захарова очень подробно изложены, весьма интересные съ какой угодно точки зрѣнiя, доводы всѣхъ этихъ партiй по земельному вопросу. Споры этихъ партiй продолжались долго, нѣсколько столѣтiй, и только въ 9 году по Р. Х. приступлено было къ практическому ихъ рѣшенiю.

Въ это время министръ Ванъ-Манъ, похитивъ престолъ у Ханьскаго дома и видя, что бѣдствiя безземельныхъ достигли крайней степени, что никакiе милостивые манифесты, прощавшiе налоги, не могли поправить дѣла и что сосредоточенiе земель въ рукахъ немногихъ имѣло послѣдствiемъ лишь увеличенiе порочной роскоши и безнравственности, издалъ слѣдующее повелѣнiе:

*«Всѣ земли въ государствѣ переименовать въ государевы (ванъ-тянь *)».*

*«Всякiй подданный имѣеть право владѣть землею только не болѣе одного цина **»); продажа такого опредѣленнаго участка вовсе запрещается для того, чтобы каждый, съ потерюю земельной собственности, не лишился средствъ къ своему существованiю.*

«Земли, по этому узаконенiю, оказавшiяся лишними, у кого бы онѣ не находились, — всѣ берутся въ казну и отдаются

*) Равно ограничено право владѣнiя рабами не болѣе 8 душъ мужскаго пола; самое слово «рабъ» замѣнено другимъ словомъ „зависимый“.

***) Цинъ равняется 5 дес. 1371 саж.

въ отдѣльные слободы и деревни и, смотря по требованію, выдаются безземельнымъ.

«Кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что эта мѣра общественныхъ пашень не есть мудрое учрежденіе, тѣхъ ссылать на границу; кто же нарушитъ постановленіе касательно владѣнія опредѣленнымъ количествомъ не болѣе одного цина, или кто продастъ свой участокъ другому, тѣхъ казнить смертію».

Такому строгаго приговору подверглось множество лицъ, начиная съ князей и доходя до простоллюдиновъ.

Но партія сильныхъ въ то время личныхъ собственниковъ на столько имѣла значенія, что чрезъ три года Ванъ-Манъ отменилъ свой указъ.

Однако же, мысль *ограничить право владѣнія землею* не исчезла совершенно. Возстановленіе «Ханьскаго» дома въ 25 году по Р. Х., во время котораго погибло $\frac{8}{10}$ (восемь десятыхъ) народонаселенія Китая, а большая часть полей поросла травой, и затѣмъ смуты и перевороты въ III и IV столѣтіяхъ затормозили осуществленіе означенной мысли.

Въ концѣ IV вѣка послѣдовалъ, впрочемъ, законъ *о раздѣленіи способныхъ къ работамъ людей на разряды, съ надѣленіемъ* соотвѣтственнымъ разряду количествомъ земли.

Но законъ этотъ получилъ примѣненіе только въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Въ концѣ V вѣка въ Сѣверномъ Китаѣ, покоренномъ иностранною династіею «Вэй», было постановлено: давать имѣющимъ отъ 15 до 60 лѣтъ, мужчинѣ 40 «му», женщинѣ—20, для посѣва хлѣба; кромѣ того, каждому дому надѣлять по 20 «му» подъ шелковицу и другія простыя или плодовые деревья; всѣ малолѣтніе, старыя и вдовы, если они составляютъ отдѣльный домъ,—всѣ получаютъ для пропитанія половину земель противъ полновозростныхъ. *Пахотныя земли принадлежатъ казнѣ* и ежегодно въ первой лунѣ производится раздача земель достигшимъ 15-лѣтняго возраста и возвращеніе ихъ въ казну, если кто переступилъ уже за 60 лѣтъ и сдѣлался неспособнымъ къ работамъ, или если владѣвшій ими померъ.

На этихъ земляхъ воспрещается садить деревья, чтобы не подать чрезъ то повода присвоить эти земли въ частную собственность: ибо *земли, выдѣленные подъ деревья, должны составлять вѣчную, потомственную собственность каждаго* и никогда не возвращаются въ казну; если бы у кого и было ихъ болѣе закономъ опредѣленнаго количества—20 «му», то и тогда

излишекъ не отбирается въ казну; но всякой можетъ продать его другому, только нельзя продавать своего участка и покупать болѣе законеннаго количества.

По пресѣченіи рода, земли, оставшіяся безъ владѣльца, берутся въ казну и раздаются безземельнымъ; при раздачѣ бѣдный имѣеть преимущество предъ богатымъ, родственникъ предъ чужимъ.

Гдѣ земли не достаточно, а, между тѣмъ, полновозростные имѣютъ нужду въ ней, тамъ дозволяется переселяться въ мѣста малонаселенныя, не ограничивая переселенца извѣстною провинціею или уѣздомъ, но предоставляя это собственному его выбору.

Если же никто изъ полновозростныхъ, не смотря на недостатокъ земли, не желаетъ переселяться въ другое мѣсто, то земли, прежде назначенныя подъ деревья, обращать въ пахотныя и удовлетворять ими нуждающихся.

Это *ограниченіе поземельной собственности* коснулось и высшаго сословія въ государствѣ. Князья, родственники царскіе и вельможи—всѣ, *по степени своего достоинства*, должны владѣть опредѣленнымъ участкомъ земли, а остальнымъ высшимъ и низшимъ чиновникамъ, смотря по классу, выдѣлены были такъ называемыя *должностныя земли* *), приписанныя къ извѣстной должности, но не составлявшія собственности лица, исправлявшаго должность.

Это уравненіе земель надолго осталось образцомъ, которому подражали послѣдующія династіи. Достигло оно полнаго развитія по вступленіи на престолъ «Танг-Ской» династіи (царствовавшей съ 619 по 907 по Р. Х.). Этою династіею, при началѣ ея царствованія, было постановлено, что *всякій, безъ различія пола и возраста, если составляетъ отдѣльный домъ, получаетъ въ вѣчную собственность участокъ земли и, какъ лицо способное къ работамъ и несенію казенныхъ повинностей и службъ, временно имѣетъ особый подушный участокъ*.

Земли, выдѣленныя въ вѣчную собственность землепашцамъ, гущамъ и ремесленникамъ, могли переходить отъ одного владѣльца къ другому посредствомъ продажи или завѣда (при Вэйской династіи этого не допускалось), но только въ случаяхъ, указанныхъ закономъ: Продажа могла имѣть мѣсто, если владѣ-

*) Отъ 6 до 15 цвнѣ.

лецъ умиралъ и оставшееся семейство, по причинѣ крайней бѣдности, не могло совершить погребенія покойника, или если владѣлецъ переселялся въ другое селеніе; при чемъ никто не могъ приобретать болѣе узаконеннаго количества, и продавшій свой земельный участокъ не могъ просить у казны новаго. Закладываніе же допускалось въ томъ случаѣ, если кто отправлялся на отдаленную службу и не имѣлъ ближайшаго родственника, который охранялъ бы его земельный участокъ.

Кромѣ этой родовой собственности, правительствомъ раздавались еще другія земли и уже въ гораздо бѣльшемъ количествѣ—это *подушныя земли*. Всякій полновозрастный мужчина съ 18 лѣтъ получалъ себѣ подушный участокъ въ 80 му; недостигшіе этого возраста—подростки, старики, больные, вдовы, если они жили особымъ домомъ, также получали подушный участокъ, но только половинный противъ первыхъ.

Купцы и ремесленники могли также получать себѣ *половинный* подушный участокъ, если въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ они приписаны, находились пустопорожнія земли. Излишнія, послѣ надѣленія всѣхъ, земли должны были оставаться въ казнѣ; въ случаѣ надобности, онѣ отчислялись къ сосѣднимъ деревнямъ и даже уѣздамъ и раздавались имѣющимъ право на подушный участокъ. Раздача этихъ земель производилась въ 10 лунѣ, при чемъ бѣдный предъ богатымъ, состоящій на службѣ предъ неслужащимъ имѣли преимущество. Отведенный подушный участокъ находился безперемѣнно во владѣніи одного лица до 60-лѣтняго возраста. Когда владѣлецъ по старости лѣтъ дѣлался неспособнымъ къ обработыванію такого большаго количества земли и отправленію казенныхъ службъ, тогда его подушный участокъ отбирался въ казну.

Только раны и увѣчья, полученныя на сраженіи противъ враговъ правительства, давали право владѣть подушнымъ участкомъ до конца жизни; равно сынъ или внукъ убитаго на сраженіи также имѣлъ право пользоваться его подушнымъ участкомъ, хотя бы и не достигъ еще совершеннолѣтія. Эти исключенія для инвалидовъ не давали, впрочемъ, права никому самопроизвольно располагать подушнымъ участкомъ, не только продавать, но и закладывать или уступать другому за извѣстную плату для посѣва; но *каждый* долженъ былъ самъ обработывать надѣленный ему участокъ.

Но изъ всѣхъ этихъ постановленій ничего прочнаго не вышло. Бюрократія оказалась безсильною успѣть въ такомъ дѣлѣ, съ которымъ въ наидревнѣйшія времена могъ такъ хорошо справиться народъ-земледѣлецъ. Последняя изъ описанныхъ системъ земледѣлія сама себя подорвала. Такъ именно, сперва начались залоговые участковые, въ послѣдствіи дѣло дошло и до продажи ихъ. Наступившія войны, а съ ними и объединеніе народа, конечно, только помогли увеличенію количества залоговъ и продажъ.

Кончилось дѣло полнымъ *признаніемъ* со стороны правительства, назадъ тому тысячу лѣтъ, всѣхъ земель *частною собственностью*.

Въ это же время послѣдовало коренное измѣненіе въ системѣ податей. Доселѣ взымались онѣ только съ земли; теперь же положено было брать ихъ со всякаго рода недвижимой собственности, со всякаго промысла и торговаго заведенія. Такимъ образомъ, земля перестала имѣть въ дѣлѣ удовлетворенія государственныхъ потребностей первенствующее значеніе. Реформа эта сопровождалась освобожденіемъ отъ всякихъ налоговъ всѣхъ невладеющихъ землею и какою либо другою собственностью, а система, ею установленная назадъ тому *тысячу лѣтъ*, продолжаетъ существовать, съ разнаго рода частными измѣненіями, и до настоящаго времени.

Подробно излагаемый г. Захаровымъ послѣдствія этой системы сводятся: во 1-хъ, къ увеличенію класса торговаго, вслѣдствіе того, что явилось много охотниковъ промѣнять тяжелый трудъ земледѣльца на несравненно болѣе легкій трудъ купца; во 2-хъ, къ увеличенію числа запущенныхъ и оставленныхъ вовсе безъ обработки земель и, въ 3-хъ, къ прижимкѣ крупными собственниками своихъ арендаторовъ *). При этомъ г. Захаровъ дѣлаетъ тоже весьма подробное изложеніе палліативовъ, принимаемыхъ въ разное время правительствомъ въ видахъ противодѣйствія начавшемуся паденію сельскаго хозяйства и объединенію народа, а также для защиты его отъ притѣсненія крупныхъ владѣльцевъ. Но палліативы, какъ обыкновенно бываетъ, не поправили дѣла, а завоеваніе Китая монголами надолго остановило его развитіе.

Завоеваніе это, кромѣ раззоренія страны, нанесло существенный вредъ еще тѣмъ, что кочевники, привыкнувъ къ степ-

*) Т. е. простаго народа, работниковъ, обрабатывающихъ землю.

ному образу жизни, желали и въ Китаѣ видѣть процвѣтаніе не земледѣлія, а скотоводства, и, вслѣдствіе этого, огромное количество пашень обращали въ угодыя для своихъ многочисленныхъ стадъ.

При началѣ владычества монголовъ, говоритъ одинъ китайскій историкъ, предлагалось даже: *«обратить всю покоренную страну въ степь, а китайцевъ, если можно, вырвать.»* Кромѣ того, монголы, зная только свою степь, простыя и несложныя условія жизни въ ней, стоя вообще по степени своего умственного развитія неизмѣримо ниже китайцевъ, ничего не могли и предпринять въ дѣлѣ рѣшенія сложныхъ государственныхъ вопросовъ покоренной страны. Впослѣдствіи они начали знакомиться волею-неволею съ тѣмъ, что выработано страной послѣ тяжкихъ вѣковыхъ опытовъ. Но въ зеркалѣ китайской исторіи имъ очевидно всего виднѣе было то, что совершалось не въ слишкомъ отдаленное время; а такъ какъ они ничего лучшаго, кромѣ этого недавняго прошлаго, не знали и не видѣли, то естественно, что законы и уставы этого времени, со всѣми ихъ недостатками, взяты ими были за образецъ для своихъ дѣйствій.

Вотъ поэтому-то и держится въ Китаѣ до настоящаго времени, безъ особенно большихъ измѣненій, система землевладѣнія, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ, какъ выше сказано, обезземеленіе народа.

Но идея объ *общественныхъ поляхъ* не угасла и продолжаетъ заявлять о своемъ существованіи, что можно усмотрѣть изъ того, что въ недавнее еще для Китая время, *въ 1724 году, введены были «общественныя запашки»* при устройствѣ военныхъ поселеній въ одномъ пограничномъ уголѣ Китая.

Въ означенномъ году эти поля устроены были по описанному выше древнему плану и образцу, въ провинціи «Чжи-ли» по рѣкѣ «Юнь-динъ-хэ»: сообразно древнему измѣренію были нарѣзаны участки, выстроены дома; крайніе восемь квадратовъ выдѣлены въ пользованіе восьми поселеннымъ тамъ семьямъ; средній же (казенный, общественный) предназначенъ былъ для обработки общими силами всѣхъ восьми семействъ. Но въ 1736 году, со вступленіемъ на престолъ новаго богдыхана, эта возстановленная древняя система, неизвѣстно почему, была уничтожена. «Однако и теперь», замѣчаетъ г. Захаровъ, «по прошествіи ста лѣтъ, простое и вмѣстѣ превосходное устройство водопроводовъ и обработка пашень служатъ какъ бы подтвержденіемъ спра-

ведливости порицаний, которыя въ разное время произносились въ Китаѣ на виновниковъ уничтоженія *общественной системы паашенъ*, и разительнымъ доказательствомъ тому, что лучше этого ничего не было въ Китаѣ и что, по справедливости, надобно сожалѣть о невозможности возстановить эту систему во всемъ государствѣ».

Всѣ вышеизложенныя особенности китайскаго землевладѣнія въ высшей степени интересны для насъ не только потому, что Китай намъ сосѣдь, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что онъ, подобно Россіи, былъ и продолжаетъ быть страной, содержащею себя земледѣльческимъ трудомъ, чего нельзя сказать про государства Западной Европы, которыя не кормятъ себя произведеніями своихъ земель въ строгомъ смыслѣ этого слова, вымѣнивая продукты другихъ родовъ своей промышленности на хлѣбъ и мясо, а также покупая эти первой необходимости предметы на золото, которое стекается къ нимъ путемъ различныхъ банкирскихъ операцій.

На сколько незначительный процентъ населенія государствъ Европы занять земледѣліемъ видно изъ слѣдующихъ цифръ: земледѣльческій классъ въ Англіи составляетъ только 13,3% всего мужскаго населенія и только 7,3% для обоихъ половъ; въ Пруссіи—17,6% для обоихъ половъ; во Франціи—13,7 для обоихъ половъ; въ Австріи—37; въ Венгріи—32. Въ Россіи же на долю земледѣльческаго населенія приходится 86%, а на долю промышленнаго и торговаго 10%; остальные 4% на всѣ другія занятія *)).

Мы, занимая у Западной Европы науки, искусства, цивилизацію, приобрѣли привычку, при разрѣшеніи какого либо труднаго вопроса, сопоставлять свою страну съ государствами Западной Европы и продолжаемъ это дѣлать и при рѣшеніи нашихъ аграрныхъ вопросовъ.

Такъ, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, видя блестящее развитіе въ Западной Европѣ сельскаго хозяйства, ищутъ нашу

*) „Сравн. стат.“ Ю. Э. Янсона, изд. 1878 г. По отзыву г. Самолевскаго, сообщенному имъ въ докладъ Петерб. Собр. Сельскихъ Хозяевъ, въ Америкѣ изъ 38 м. населенія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ земледѣліемъ занято только 6 м.; въ это число, впрочемъ, входятъ фермеры, ихъ рабочіе, пчеловоды, молочники, скотоводы, садовники, цвѣточники и другіе сколько-нибудь причастные сельскому хозяйству.

отсталость въ отсутствіи тѣхъ порядковъ землевладѣнія, которые существуютъ на Западѣ, т. е. въ преобладаніи у насъ общиннаго землевладѣнія надъ личнымъ.

Между тѣмъ, строго говоря, въ аграрныхъ вопросахъ, равно какъ и во всякихъ другихъ вопросахъ, сравненіе возможно и полезно только тогда, когда два сравниваемыхъ государства находятся въ сходныхъ условіяхъ.

При рѣшеніи аграрныхъ вопросовъ можно ли сопоставлять земельные порядки Россіи, гдѣ 86% населенія воздѣлываютъ землю, съ земельными порядками тѣхъ странъ, гдѣ, какъ на примѣръ, въ Англіи, почти столько же процентовъ — 83 заняты промыслами, гдѣ сельское хозяйство, при всемъ его блестящемъ развитіи, не только не обогащаетъ государство, но даже не можетъ обезпечить его продовольствіемъ, гдѣ за то большинство рукъ, занятое промыслами, доставляетъ громадное количество произведеній, оплачиваемыхъ на всемірномъ рынкѣ дороже хлѣба и мяса, и гдѣ, наконецъ, путемъ торговыхъ и биржевыхъ операцій искусственно стягивается золото изъ всѣхъ странъ свѣта.

Говоря о нашей отсталости въ сельско-хозяйственномъ отношеніи отъ Западной Европы, объясняютъ это еще отсталостію нашею въ образованіи и вообще нашею низшею цивилизаціею. Такое объясненіе болѣе умѣстно, но только съ тою оговоркою, что низкая степень уровня нашего развитія составляетъ причину, по которой въ высшихъ и среднихъ классахъ нашего общества существуетъ множество неправильныхъ взглядовъ на нужды страны, практикуются нелѣпыя порядки въ отношеніяхъ помѣстнаго и торговаго классовъ къ земледѣльческому, который вслѣдствіе всего этого получаетъ отовсюду не пособіе въ своемъ дѣлѣ, а непрерывную помѣху, нагляднѣйшія доказательства чему мы приводили въ майской книгѣ «Русской Мысли», заимствуя ихъ изъ новаго солиднаго труда А. С. Ермолова «Организація полеваго хозяйства», приводили вмѣстѣ съ примѣрами изъ той же книги въ подтвержденіе того, что сельско-хозяйственныя познанія нашихъ крестьянъ достаточны въ настоящее время для веденія ими хозяйства на столько же хорошо, на сколько оно хорошо ведется у ихъ собратьевъ въ Западной Европѣ, и что, наоборотъ, крайне несвѣдуци въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ у насъ только высшіе и средніе классы нашего общества, не знающіе, на примѣръ, такой азбуки, что для перевода трехполья въ болѣе улучшенную систему хозяйства нужно, по крайней мѣрѣ, 13 лѣтъ

и что до 3-го и 4-го года этого періода времени хозяйнѣ получаетъ съ своего участка гораздо менѣе того дохода, который онѣ имѣлъ при трехпольи, — что только на пятомъ, шестомъ году доходъ достигнетъ прежняго размѣра, а начинаетъ превышать доходъ отъ трехполья только съ седьмага года.

Въ виду неудобства уяснять многія явленія въ сельско-хозяйственной жизни Россіи путемъ сравненія ихъ съ явленіями, имѣющими мѣсто въ государствахъ Западной Европы, государствахъ, строго говоря, промышленныхъ, мы съ большимъ расчетомъ на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ можемъ обратиться къ сопоставленію земледѣльской Россіи съ искони земледѣльскимъ Китаемъ.

Начавшій жизнь земледѣіемъ болѣе семи тысячъ лѣтъ тому назадъ, Китай уже повтому одному можетъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи разъясненіемъ многихъ явленій, многихъ еще неперепробованныхъ нами осложненій жизни. Въ исторіи этого государства есть особенности, рѣзко бросающіяся въ глаза своею соотвѣтственностью съ главною задачею земледѣльской страны. Одною изъ этихъ особенностей представляется существовавшее въ лучшій періодъ жизни Китая иное, нежели у насъ, отношеніе государства къ земледѣльской дѣятельности. И дѣйствительно, за нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашей эры мы видимъ въ Китаѣ полнѣйшее, такъ сказать, *почтеніе* къ дѣлу воздѣлыванія земли, возведеніе этого дѣла въ рядъ самыхъ *почетныхъ* занятій, признаніе за дѣятельностью земледѣльскою такого же значенія, которое придается у насъ, на примѣръ, отправленію военной службы.

Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ на дѣло земледѣлія, китайское общество было проникнуто сознаніемъ, что воздѣлываніе земли производится земледѣльцемъ не только для своихъ нуждъ, но и для пользы общественныхъ и государственныхъ; слѣдовательно, и самая земля должна принадлежать не лично кому бы то ни было, а всѣмъ, готовымъ работать надъ нею.

Сообразно этимъ понятіямъ установился и порядокъ распредѣленія земли для пользованія ею. Пока существовалъ этотъ порядокъ, китайское государство развивалось и крѣпло и, не смотря на то, что почти со всѣхъ сторонъ оно окружено было дикими кочевниками, оно достигло, по крайней мѣрѣ, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, невѣроятнаго въ ту пору развитія, свидѣтельствуемаго *знакомствомъ Китая за семь тысячъ лѣтъ тому назадъ съ плугомъ и пятью родами хлѣба.*

Этотъ порядокъ въ основѣ своей былъ разрушенъ за 2000 лѣтъ до Рождества Христова, при захватѣ земель китайскою аристократіею и чиновничествомъ; но слѣды его, а также понятія, его создавшія, или изъ него вытекающія, не могли скоро исчезнуть. Вслѣдствіе этого, мы видимъ, что въ послѣдующей исторіи Китая не умираетъ память о прежнихъ порядкахъ; само правительство не разъ пытается искать въ нихъ спасенія отъ обуревавшихъ государство смуть и бѣдствій; но не дѣлаетъ только одного—не признаетъ земли принадлежностію общественной и, такимъ образомъ, сознавъ *de facto* почти прежнюю форму землевладѣнія, не возвращаетъ только вынудой изъ нея души; мертвая форма оказывается безсильною совершить то, для чего она была создана. Такъ именно, китайское правительство отдаетъ почти всѣ земли въ пользованіе народа, распредѣляетъ ихъ такъ, какъ онѣ прежде распредѣлялись, ограждаетъ это раздѣленіе самыми подробными регламентаціями, ограничивая почти до крайности распоряженіе землями частныхъ собственниковъ, запрещаетъ залоги, продажу участковъ и проч.

Видя, что регламентаціи одной системы не достигаютъ цѣли, правительство придумываетъ другія системы. Смѣна ихъ одной другою слѣдуютъ непрерывно во всей продолжительной исторіи Китая и всегда приводятъ къ одному нежелательному концу. Такъ, ни система арендъ, при которой для обереганія арендаторовъ отъ произвола собственниковъ пущены были въ ходъ всевозможныя ограниченія собственности, ни надѣлъ пролетаріата землею на правѣ личной собственности съ ограниченіемъ даже въ правѣ отчужденія, не избавляли отъ сосредоточенія мелкихъ участковъ въ крупныя, отъ злоупотребленій богатыхъ въ отношеніи малоимущихъ. Изъ такого положенія дѣлъ возникали снова бѣдствующій и невѣжественный пролетаріатъ и эгоистичное имущее сословіе, т. е. создавались опять условія для поддержанія самыхъ ужасныхъ междуусобій, степень ожесточенія во время которыхъ достигала невѣроятныхъ размѣровъ, какъ объ этомъ можно судить по истребленію во время одной изъ междуусобныхъ войнъ $\frac{8}{10}$ (восьми десятыхъ) *населенія Китая*.

Почему все это случилось въ китайской исторіи такъ своеобразно, не похоже на образованіе существующаго порядка въ европейскихъ государствахъ, гдѣ проходили завоеватели и прямо или мало-по-малу обезземеливали покоренныхъ, исконныхъ труженниковъ надъ землею, заставляя одну часть ихъ быть работ-

никами на этой землѣ, а другую уходить въ города, гдѣ обезземеленные находили себѣ дѣло въ разнаго рода промышленныхъ производствахъ? Почему эти производства со временемъ сдѣлались занятіемъ главной массы населенія государства, которая, сосредоточившись въ городахъ, подняла голову передъ землевладѣніемъ на столько, что получила почти первенствующее значеніе? Почему не случилось того же самаго въ Китаѣ, почему не шли тамъ массы народа на болѣе легкій трудъ сравнительно съ запряжкой себя въ плугъ вмѣсто вола? Свойства народа здѣсь не мѣшали нисколько: трудолюбіе простаго китайца, его воздержность, довольство небольшимъ барышомъ—все это такія свойства, которыхъ нынѣ больше всего опасаются сѣверо-американскіе рабочіе; а издѣлія китайскихъ рукъ, привозимыя въ Европу, наглядно убѣждаютъ насъ въ способности китайца къ производству самыхъ тонкихъ, самыхъ изящныхъ, по чистотѣ исполненія, издѣлій.

Почему правительство китайское, входившее съ самыми подробными регламентаціями въ дѣло поземельныхъ отношеній, не выказывало въ такой же степени заботъ своихъ въ дѣлѣ промышленномъ и торговомъ? Почему не сыпались на это дѣло, съ такою щедростію, какъ на земледѣліе, поощренія, льготы, не издавались увѣщательныя посланія? Почему классъ купцовъ не сталъ здѣсь *de facto* сильнѣе сословія мандариновъ, чѣмъ какъ извѣстно кончилось дѣло во всѣхъ почти государствахъ Западной Европы?

Разрѣшаются, по нашему мнѣнію, всѣ эти вопросы—необходимостію для всего многочисленнаго населенія Китая кормить себя собственнымъ хлѣбомъ. Необходимость эта является послѣдствіемъ того, что съ сѣвера прилегаютъ къ Китаю обширныя степи, населенныя кочевымъ народомъ, не разъ высылавшимъ на міръ воинственныя орды; съ запада и юга идутъ неприступныя горы, отдѣляющія Китайъ отъ Средней Азіи и отъ той древней страны, изъ которой издревле начали выселяться, не отъ избытка, конечно, продовольствія, племена, занявшія впоследствии всю Европу; наконецъ, съ востока изъ-за моря, съ береговъ Америки, только въ послѣднее время начался вывозъ хлѣба для нуждающихся въ немъ государствъ. Вотъ, эта-то могучая причина—необходимость кормить себя собственнымъ своимъ хлѣбомъ—положила печать своеобразности на экономическую жизнь Китая, въ которой главный центръ тяжести пришелся на дѣло

воздѣлыванія земли. Поэтому понятно, что право владѣнія землею сдѣлалось крайне дорого для народа, что онъ инстинктивно, силою вещей долженъ былъ стремиться къ осуществленію этого владѣнія; что вся громадная масса его должна была стихійно подчинять своему стремленію правящіе классы, которые, не смотря на личный эгоизмъ, на своекорыстные стремленія, должны однако были издавать ограничивающія личную собственность постановленія. Постановленія эти созидали строй жизни, сходный съ тѣмъ, который существовалъ тогда, когда земля была достояніемъ общества и который, однако, не приносилъ ожидаемой пользы, потому что въ немъ желали совмѣстить несовмѣстимое, помирить два враждебныя начала, которыя только на извѣстное время можно держать въ равновѣсіи. Вслѣдствіе этого, строй этотъ обыкновенно разрушался при наступленіи извѣстныхъ условій, затѣмъ, хотя и воскресалъ во вновь измѣненной формѣ, но только затѣмъ, чтобъ рушиться снова.

Если бы совершившійся за 2000 лѣтъ до Р. Х. переворотъ не имѣлъ послѣдствіемъ уничтоженіе общественной собственности, то, вѣроятно, исторія Китая была бы иная, а современная его цивилизація представлялась бы въ такомъ видѣ, до какого могли бы довести ее четыре тысячи лѣтъ постепеннаго, прогрессивнаго развитія; ручательствомъ этому служить предшествовавшая перевороту исторія Китая, представляющая намъ это государство на высокой степени развитія въ столь отдаленное время, когда еще не существовало исторіи другихъ народовъ. Но отчего владѣющіе классы Китая не смогли, при переворотѣ въ 2205 году до Р. Х., убить совершенно въ народѣ идею объ общественной собственности и, взявъ себѣ земли, тотчасъ же поставить весь народъ въ положеніе полныхъ рабовъ?

Не могло этого случиться въ странѣ чисто земледѣльской, гдѣ негодующая масса народа не могла найти никакихъ себѣ занятій, кромѣ земледѣлія; гдѣ хотя и желалось бы уйти отъ тягостнаго положенія, но уйти было некуда, гдѣ крупному землевладѣльцу нельзя было оставлять своихъ земель пустыми, потому что это являлось бы равносильнымъ голоду громаднѣйшихъ массъ работниковъ, слѣдовательно, гдѣ уже по неволѣ приходилось землевладѣльцу заботиться о томъ, чтобъ не стояла передъ нимъ эта масса, страшная уже однимъ тѣмъ, что она голодна. А потому и владѣющіе классы, и правительство должны были постоянно изощряться въ придумываніи мѣръ, предотвра-

щающихъ голодь, и налагать, такимъ образомъ, сами на себя руки, т. е. ограничивать себя въ правѣ распоряженія присвоенною себѣ землею.

Такое положеніе дѣлъ, хотя и исключило возможность образоваться такому царству буржуазіи, которое существуетъ теперь въ Западной Европѣ, но въ то же время, вслѣдствіе непризнанія за народомъ прямого права на землю, не могло создать въ экономической жизни прочнаго строя. Вулканы, вслѣдствіе изложеннаго порядка дѣлъ, пылали не разъ въ Китаѣ. Одно изъ послѣднихъ изверженій было почти на нашихъ глазахъ. Не знаемъ, долго ли продержится наступившее затишье, которое, кажется, нельзя назвать совершенно полнымъ, такъ какъ волненіе дунганъ и другихъ сѣверныхъ монгольскихъ племенъ, о которомъ пишутъ въ иностранныхъ газетахъ, уже поднимаетъ зыбь въ морѣ китайской жизни.

Посмотримъ теперь, не найдется ли чего назидательнаго въ исторіи старика Китая для нашего молодого земледѣльческаго государства. Выше мы привели основанія, по которымъ Россія въ настоящее время не можетъ быть названа иначе, какъ земледѣльческою страной. Къ этимъ доводамъ мы прибавимъ здѣсь только то, что мы—земледѣльцы по преимуществу не только вслѣдствіе того, что у насъ 86% населенія занято воздѣлываніемъ земли, но и потому еще, что мы покупаемъ что либо чужое только на произведенія своей земли, отпуская ихъ во вредъ себѣ въ сыромъ видѣ, безъ приведенія ихъ посредствомъ переработки въ продукты высшаго порядка, т. е. что у насъ не развито даже той промышленности, которая обдѣлываетъ произведенія собственной земли.

Чѣмъ же хорошимъ мы можемъ воспользоваться въ тысячелѣтіяхъ исторіи Китая и что изъ случившагося въ немъ дурнаго можетъ имѣть мѣсто и у насъ, если мы противъ водворенія его у насъ не примемъ своевременно необходимыхъ мѣръ?

Хорошаго много было въ исторіи Китая, начать хоть съ того уваженія къ дѣлу земледѣлія, какое долго держалось тамъ и привело къ высокому развитію сельско-хозяйственной культуры, чѣмъ мы похвастаться не можемъ и чѣмъ мы наносимъ себѣ страшный вредъ.

Классъ земледѣльческій у насъ поставленъ ниже всѣхъ другихъ классовъ; земледѣліе считается дѣломъ унизительнымъ для

дворянина и горожанина; вслѣдствіе этого, у насъ на умѣ и на языкѣ только различныя промышленныя и коммерческія предпріятія, обещающія журавля въ небѣ; мы выпрашиваемъ на нихъ льготы, пособія; просимъ покровительства такимъ, напр. предпріятіямъ, какъ изысканія путей по Сѣверному океану изъ Европы въ Сибирь; мы учреждаемъ компаніи для вывоза лѣсовъ съ нашего Сѣвера за-границу, хлопоча въ то же время о сокращеніи размѣра подсѣчнаго хозяйства въ этихъ лѣсахъ и не зная при этомъ, что подсѣчное хозяйство не имѣетъ вовсе дѣла съ высокорослымъ, строевымъ и мачтовымъ лѣсомъ, ограничиваясь никому ненужными на сѣверѣ, низкорослыми, тонкими деревцами *).

Иногда у насъ начинается какое либо дѣло на пользу земледѣлія, но оканчивается оно обыкновенно въ пользу торговыхъ людей. Такой исходъ имѣли у насъ ссудо-сберегательныя товарищества, служащія нынѣ, какъ извѣстно, службу почти исключительно сельскому кулачеству. Занимающій деньги изъ такого товарищества богатый крестьянинъ скупаетъ на нихъ въ дешевое время хлѣбъ и даетъ изъ нихъ задатки подъ нужныя для него работы, получая за ссуду болѣе 100°/о; наоборотъ, купленная на ссуду изъ товарищества крестьяниномъ средней зажиточности или бѣднякомъ лошадь, или удовлетвореніе имъ другой какой либо сельско-хозяйственной потребности, окупаетъ ссуду только развѣ черезъ годъ, а ежели случится неурожай, то послѣдствія займа изъ такого учрежденія чуть ли не гибельныя окажутся самаго неурожая **).

Вообще всѣ щедро расточаемыя у насъ поощренія, пособія, привилегіи идутъ только въ пользу фабрикантовъ, заводчиковъ, торговцевъ. Что же касается до земледѣлія, то вотъ, между прочимъ, характеристическое заявленіе сенгилевскому земскому собранію (Симбир. земск. газета, № 198, 20 іюля 1880 г.) комиссіи, избранной для обсужденія вопроса объ обезпеченіи жителей уѣзда сѣменами и хлѣбомъ на продовольствіе въ 1880 году:

«Земля.... до сихъ поръ не пользуется вниманіемъ ни государства, ни земства, почему сельское хозяйство, какъ общинное, такъ и частное находится въ такомъ положеніи, что слу-

*) См. въ журналѣ «Сел. Хоз. и Лѣсоводство» 1879 г., ст. Гомилевскаго: «Съ крайняго сѣвера Европейской Россіи».

***) Отеч. Зап. 1880 г. «Результаты краткосрочнаго кредита» А. П.

чись одинъ-два года неурожая, подобнаго настоящему, земледѣліе, вслѣдствіе недостатка капиталовъ не только запаснаго, но и оборотнаго, должно остановиться». Въ этомъ же докладѣ коммисіи не менѣе обращаетъ на себя вниманіе упоминаніе о томъ, что желательно было бы, чтобы ссуды (на продовольствіе и обмененіе) *взыскивались* только при полной возможности къ уплатѣ со стороны получившихъ ссуду и чтобы *взысканіе подажей и другихъ сборовъ* съ крестьянъ производилось никакъ *не изъ денегъ, полученныхъ въ ссуду, и не изъ средствъ на обмененіе полей и продовольствіе*. Если эти факты вѣрны, то они краснорѣчиво указываютъ, до какой степени доведено у насъ презрѣніе къ дѣлу земледѣлія.

Правда, покровительство земледѣльческой промышленности мы отчасти видимъ, но не тамъ, гдѣ населеніе густо, гдѣ пора приступить всѣмъ поголовно къ улучшенному хозяйству, а, наоборотъ, тамъ, гдѣ существуетъ только хищническое, аферистическое хозяйство, т. е. на Югѣ и Юго-Востокѣ; здѣсь покровительство клонится не къ выгодамъ землевладѣльцевъ, обрабатывающихъ землю собственными руками, а въ пользу аферистовъ разныхъ національностей, какъ-то: грековъ, евреевъ, полумолдаванъ, полуполяковъ, полурусскихъ, снимающихъ обширныя казенныя и частныя земли и буквально грабящихъ ихъ плодородіе. Отсюда-то обыкновенно несется вопль: раззорите великороссійскую общину для того, чтобъ все обезземеленное населеніе сдѣлалось нашими батраками; установите рабочія книжки; дайте законъ, который разсматривалъ бы неисполненіе рабочимъ контракта, какъ уголовщину; устройте искусственное орошеніе!

Самымъ освобожденіемъ у насъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости мы сумѣли воспользоваться такъ, что годъ отъ году наши земледѣльцы все болѣе и болѣе должны бросать земледѣліе и идти на заработки, а остающіеся закабалиться въ экономическое рабство торговому люду, покровительствуемому отовсюду, даже и такими учреждениями, какъ наиниберальнѣйшія ссудо-сберегательныя товарищества.

Откуда же началось такое презрѣніе къ земледѣлію и такое покровительство всякому иному промыслу и торговлѣ?

Началось оно вслѣдствіе непреодолимаго желанія перенести на нашу почву формы экономической жизни Запада, завести во что бы то ни стало какъ можно болѣе фабрикъ и другихъ промышленныхъ предпріятій. Что есть тамъ, на Западѣ, то должно

быть у насъ, говорили мы доселѣ, не входя болѣе ни въ какія разсужденія.

Но отчего же у насъ, за весьма рѣдкими исключеніями, весьма долго игнорировался тотъ фактъ, что хорошо на Западѣ, но плохо у насъ земледѣльческое дѣло? Почему мы больше завидовали Западу по части фабричной и заводской дѣятельности? Почему наши помѣщики и казна заводили искусственнымъ путемъ только фабрики и заводы, даже въ такого рода мѣстностяхъ, гдѣ и быть имъ не надлежало вовсе, вслѣдствіе чего онѣ и процвѣли мало, а съ освобожденіемъ крестьянъ чуть ли не всѣ прекратили существованіе? Отвѣтъ на это опять лежитъ въ пренебреженіи къ дѣлу земледѣлія, въ незнакомствѣ съ нимъ, во взглядѣ на помѣстья, какъ на дойную корову, которая сама придетъ къ хозяину отдать ему приготовленное молоко. Хозяиничать въ доброе старое время можно было посредствомъ управляющаго, старосты; репутацію самаго дѣятельнаго хозяина приобрѣталъ тогда помѣщикъ, строже надзиравшій за тѣмъ, чтобъ мужикъ не лѣнился, не тащилъ барскаго добра и чтобъ хлѣбъ продавался во время по хорошей цѣнѣ. Вопросы: что сѣять, гдѣ и какъ сѣять, были вопросами работавшихъ надъ землею рукъ, а не полицейской ихъ власти, ихъ судей и сборщиковъ съ нихъ оброковъ, т. е. ихъ помѣщиковъ.

Чѣмъ занялся главнымъ образомъ нашъ помѣстный классъ по полученіи выкупныхъ ссудъ? Акціонерными, по преимуществу, предпріятіями, что и было въ порядкѣ вещей, такъ какъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ кипитъ жизнь Западной Европы, процессъ дѣла рѣзче бросается въ глаза, самое дѣло проще, чѣмъ земледѣльческое, выгода отъ него получается быстро.

Но пригодно ли все это въ странѣ земледѣльческой, гдѣ притомъ обширнѣйшія пространства лежатъ еще никѣмъ не тронутыя, гдѣ, собственно говоря, только искусственно создано въ извѣстныхъ мѣстностяхъ крестьянское малоземелье, т. е. маленькіе надѣлы цѣлыхъ массъ крестьянъ обведены обширными полями, лугами и лѣсами крупныхъ собственниковъ и казны, на которыхъ крестьянину вдоволь работы въ наше короткое лѣто, въ качествѣ наемщика. Какая при такомъ положеніи дѣлать можетъ развиваться промышленность, кромѣ самой первобытной? И вообще, возможно развѣ поднять и расширить производительность нашихъ фабрикъ и заводовъ въ то время, когда у насъ 86% населенія не собираетъ съ своихъ надѣловъ хлѣба, нужнаго для

собственного продовольствія *), а за годовую работу у помѣщиковъ получаетъ столько же, сколько идетъ американскому рабочему за одинъ мѣсяць **). Бѣдныя эти при томъ прижаты и стѣснены мирѣдомъ, кулакомъ, кабатчикомъ, писаремъ, землевладѣльцемъ и проч.; кѣмъ они не прижаты, кто не дереть съ нихъ—сказать даже трудно. Кто не смотритъ на нихъ съ презрѣніемъ, чувствуя, что онъ можетъ всегда показать надъ ними или свою силу и власть, или, за неимѣніемъ ихъ, свое пронырство и подлость? Послѣдній городской мѣщанинишка, самаго послѣдняго ранга канцелярскій чиновникъ, писарь, сторожъ, козакъ, дѣйствуя подъ покровомъ нашихъ высшихъ и среднихъ классовъ, могутъ издѣваться надъ крестьяниномъ, сколько желаютъ, могутъ стращать его, обижать его, безнаказанно бить его. Спрашивается, какимъ образомъ этотъ, такъ дико обираемый народъ можетъ богатѣть, увеличивать свои потребности и содѣйствовать, такимъ образомъ, развитію заводовъ и фабрикъ?

Эти же 86 процентовъ населенія составляютъ платежную силу государства, и сборы податей съ нихъ идутъ своимъ чередомъ и не могутъ быть пріостановлены ни на одинъ годъ; а, между тѣмъ для развитія хозяйства, напр., для перехода съ трехполья къ многополью, необходимо перенести на третьемъ, четвертомъ и пятомъ году полученіе съ своей земли дохода, меньшаго противъ того, который получался при трехпольи.

При такомъ положеніи дѣлъ, весьма неудивительно встрѣтить у насъ много людей, считающихъ возможнымъ обезземелить все крестьянство для развитія, при помощи ихъ дешеваго труда, сельскаго хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ.

Но справедливы ли расчеты на осуществленіе такого идеала, въ странѣ съ 86% земледѣльческаго населенія, идеала осуществленнаго на небольшихъ территоріяхъ европейскихъ государствъ, при условіяхъ, способствовавшихъ къ занятію промышленности такого же почти процента населенія, какового у насъ едва хватаетъ для воздѣлыванія земель, какъ состоящихъ нынѣ во владѣніи крестьянства, такъ и числящихся за помѣщиками и базною?

*) См. Отеч. Зап. 1879 и 1880 гг. Статьи: «Задолженность частнаго землевладѣнія» и «Хлѣбные избытки и народное продовольствіе»—II. II—ва

**) Средняя цѣна годовому рабочему въ Россіи около 40 р. Въ Сѣверо-американск. Соедин. Штатахъ мѣсячному рабочему платится около 40 долларовъ въ мѣсяць. См. докладъ Самолевскаго С.-Петербург. собр. сельск. хозяйства въ декабрѣ 1875 года.

Если большинство нашихъ крестьянъ нельзя занять ничѣмъ инымъ, какъ только земледѣльческимъ трудомъ, то *возможно ли ожидать, что они, по обезземеленіи, начнутъ съ охотою работать у господъ въ качествѣ батраковъ? *)*

Такая надежда просто нелѣпа въ виду недавно существовавшего у насъ крѣпостнаго права, въ продолженіи котораго крѣпостной мужикъ не слишкомъ-то былъ доволенъ своею участью, не смотря на то, что положеніе его все-таки было лучше положенія будущаго свободнаго батрака-пролетарія, работающаго за грошъ у крупнаго собственника.

Неужели можно допустить, что милліонныя массы забудутъ у насъ о правѣ своемъ на землю, когда онѣ не могли этого забыть во время крѣпостнаго права? Не повторится ли у насъ того факта, который имѣлъ мѣсто въ исторіи Китая, гдѣ правительство, отнявъ собственность у народа, само не могло устоять противъ стихійнаго стремленія многомилліонной массы имѣть въ своихъ рукахъ землю, а потому само пошло противъ своей реформы и въ продолженіи тысячелѣтій энергично хлопотало о передачѣ земли въ пользованіе народа? Мы еще не испытали на практикѣ, что значить огромная въ государствѣ масса пролетаріата; *мы имѣли досель дѣло съ народомъ, сидящимъ на землѣ* и распоряжавшимся ею, даже во время крѣпостничества, по собственному усмотрѣнію,—съ народомъ, у котораго мірское землевладѣніе и общинный бытъ создали свое управленіе, свой судъ, свои финансовыя и вообще экономическія порядки, что все, вмѣстѣ взятое, сильно облегчало намъ и продолжаетъ облегчать управленіе милліонными массами, раскиданными на громаднѣйшей территоріи. Вопросъ: кто держалъ порядокъ и спокойствіе въ пустынныхъ краяхъ сѣвера и востока, гдѣ мало было даже и помѣщиковъ и гдѣ на уѣзды, равныя по пространству нѣкоторымъ западно-европейскимъ государствамъ, съ неудобными, а иногда и недоступными для проѣзда путями сообщенія, существовали исправникъ и два-три становыхъ, видѣв-

*) Передъ читателями „Русской Мысли“ были уже приведены цифры, прекрасно выясняющія, по крайней мѣрѣ для губерній съ земскими учрежденіями, распредѣленіе земельныхъ владѣній въ государствѣ. Такъ, въ Земскомъ Обзорѣніи юнсовской вв. „Русской Мысли“ указано, что во владѣніи 1½% всего населенія состоитъ—37% земель. собст.; другіе 85% жителей имѣютъ въ своемъ владѣніи только 31%; остальные же земли составляютъ собственность государственную, городскую и спорную.

ше два-три раза въ годъ свои участки? Про нескладность крестьянскаго самоуправления мы говоримъ обыкновенно на основаніи мелькомъ видѣнныхъ нами въ послѣднее время фактовъ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя у насъ болѣе подъ глазами, а именно въ губерніяхъ съ развитою промышленною и фабричною дѣятельностью; тамъ дѣйствительно есть мѣсто извѣстной части безобразныхъ явленій, но въ этихъ губерніяхъ сильно искажена общинная жизнь и самоуправленіе взято въ руки кулаковъ, волостнаго писаря и его покровителей. Но совершенно противное представляется въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ и, въ особенности, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи, какъ, на примѣръ, у алтайскихъ крестьянъ *).

И такъ, мы, не имѣвшіе дѣла съ крестьянствомъ, жившимъ и продолжающимъ жить въ общинныхъ порядкахъ, еще не знаемъ, какъ мы справимся съ нимъ, когда оно перестанетъ управляться само собою, потерявъ подъ ногами ту почву для самоуправления, которая заключается въ мірскомъ землевладѣніи, и когда, слѣдовательно, крестьянство усвоитъ всѣ эгоистическіе принципы людей городского закала. Въ городѣ съ массами управиться легко: тамъ есть войско, многочисленная полиція, наблюдающая за скученнымъ населеніемъ, съ помощью домовладѣльцевъ и ихъ челядинцевъ; не то въ остальной, огромной Россіи.

Вотъ это-то обстоятельство, это-то непріятіе въ расчетъ новыхъ условій жизни въ деревенской Россіи, которыя создадутся по обезземеленіи крестьянства, кажется, не принимали еще въ расчетъ лица, пропагандирующія обезземеленіе, какъ средство для развитія сельскаго хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ.

Кромѣ того, люди этого идеала, кажется, не задавали себѣ вопроса, который долженъ тѣмъ не менѣе предстать передъ ними тотчасъ по обезземеленіи крестьянства.

Вопросъ этотъ таковъ: *кто будетъ платить подати съ земель и какое количество ихъ потребуется съ тѣхъ землевладѣльцевъ, которыхъ придется обложить поземельнымъ сборомъ?*

Неужели будетъ допущено тогда столь же высокое обложеніе помѣщичьихъ земель, какое существуетъ теперь въ отношеніи

*) Фактическія данныя по этому предмету мы уже имѣли случай приводить въ статьяхъ «Голось въ Земству» (кн. янв. и февр. Русской Мысли 1880 г.) и «Ходячіе предразсудки относительно крестьянъ» (№ 3, 1879 г. Отеч. Записокъ).

земель крестьянскихъ? Трудно полагать, чтобы обширныя имѣнія вынесли, даже при даровомъ трудѣ, тотъ налогъ, который выносятъ крестьянскіе надѣлы, гдѣ трудъ вовсе не идетъ въ счетъ расходовъ и гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, *подать выплачивается съ дохода отъ заработковъ.*

На быстрое возростаніе доходовъ съ имѣній разсчитывать невозможно, потому что въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ ничто быстро не дѣлается; да и возрастаніе доходовъ зависитъ отъ затраты на имѣніе капиталовъ, которыхъ у насъ нѣтъ; кромѣ того, надобно вспомнить и объ умѣнии хозяйничать, чему скоро выучиться нельзя несвѣдующему въ этомъ дѣлѣ нашему помѣстному классу. Во всякомъ случаѣ, не одинъ десятокъ лѣтъ долженъ пройти прежде, чѣмъ помѣщичьи хозяйства въ состояніи будутъ оплачивать нужды государства. Наконецъ, при обезземленіи крестьянства въ пользу крупнаго землевладѣнія, выдвигается еще одинъ вопросъ, тоже обращающій на себя вниманіе и подлежащій разбору. Это вопросъ о томъ: *сколько нынѣ обрабатываемыхъ земель будутъ пустовать за недостаткомъ рукъ?*

Нынѣ по этой причинѣ лежитъ впускѣ немало помѣщичьихъ земель; когда же для обработки ихъ будутъ привлечены и пролетаріи и когда притомъ на данное пространство потребуется, вслѣдствіе введенія интензивнаго хозяйства, болѣе рабочихъ, нежели при настоящемъ экстензивномъ, то чьими руками *будутъ обрабатываться: во 1-хъ, всѣ нынѣ воздѣлываемыя крестьянскія земли; во 2-хъ, лежащія нынѣ впускѣ помѣщичьи и, въ 3-хъ, откуда придется взять дополнителныя рабочія руки, необходимыя при усиленіи количества работъ, вслѣдствіе введенія интензивнаго хозяйства?*

И какимъ образомъ соберетъ тогда государство, въ видѣ земельной подати, тѣ милліоны, которые даетъ ему нынѣ крестьянство не только съ своихъ надѣловъ, но и изъ *заработной платы* у помѣщиковъ за полевой трудъ? Говоримъ: *за полевой трудъ*, потому что самый распространенный подспорный земледѣлю промыселъ заключается у крестьянъ именно въ работахъ на владѣльческихъ земляхъ.

Взявъ въ совокупности все вышеизложенное, приходится придти къ заключенію: во 1-хъ, что Россія, называемая сообразно факту занятія земледѣліемъ 86% ея населенія, странною земледѣльческою, таковою и должна быть считаема, потому что ея

обширная территория, ея сравнительно рѣдкое населеніе вынуждаютъ ея быть земледѣльческимъ государствомъ; во 2-ыхъ, что, при этихъ условіяхъ, нельзя ея сдѣлать страной промышленною, такъ какъ не будетъ излишнихъ рукъ на занятіе промышленностію и не соберется капиталовъ для вложенія въ промышленныя предпріятія собственно уже потому, что въ земледѣльской странѣ капиталы должны быть затрачиваемы въ землю; въ 3-ыхъ, что со временемъ разовьется у насъ одинъ родъ промышленности, идущей рука объ руку съ земледѣіемъ, это—переработка сырыхъ произведеній земли въ продукты высшаго порядка,—разовьется потому, что назначеніе этой промышленности заключается въ прямомъ служеніи пользамъ земледѣлія, такъ какъ при посредствѣ ея всѣ взятыя растеніями изъ почвы питательныя вещества возвращаются вновь въ почву и на сторону сбывается только то, что берется растеніями изъ воздуха; въ 4-ыхъ, что развитіе этой промышленности нормальнымъ образомъ, т. е. въ самыхъ селахъ и деревняхъ, обусловитъ возможность собирать больше съ каждаго крестьянскаго надѣла, не истощая земли; въ 5-ыхъ, что покровительство земледѣлію, защита крестьянства отъ разнаго рода хищниковъ, установленіе вообще иныхъ отношеній къ земледѣльческому классу со стороны другихъ классовъ общества быстро остановятъ разложеніе сельской общины, а сохраненіе и упроченіе послѣдней есть вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе нравственности народа и обезпеченіе будущаго матеріальнаго его благополучія, такъ какъ общинная форма землевладѣнія, воспитывая поколѣнія въ идеяхъ взаимной помощи, уменьшаетъ количество вражды между людьми, приучаетъ къ общественности, къ совершенію всякихъ дѣлъ при посредствѣ взаимной помощи, а потому и общаетъ въ будущемъ развитіе повсюду въ Россіи такихъ явленій въ области земледѣльской жизни, которыя наблюдаются нынѣ въ нѣкоторыхъ уголкахъ Россіи, въ особенности на нашемъ сѣверѣ, бѣдномъ природою, но счастливымъ тѣмъ, что крѣпостное право на него менѣе накладывало свои руки. Явленія, о которыхъ мы говоримъ, это—работы сообща во многихъ крупныхъ и мелкихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Такъ, въ этихъ мѣстностяхъ Россіи мы находимъ общественныя работы по осушкѣ болотъ, постройкѣ мельницъ, уборкѣ сѣна съ дѣлежемъ урожая и встрѣчаемъ даже дѣтскія артели для разработки новинъ подъ посѣвъ льна. Все это позволяетъ надѣяться, что крестьянское общество, защищенное отъ произ-

вола волостнаго писаря и его покровителей, отъ кулаковъ, слящихся, для своихъ интересовъ, поселять рознь между своими односельцами, и вообще отъ всякаго рода эксплуататоровъ, общество, поднятое въ собственномъ своемъ мнѣніи уничтоженіемъ на дѣлѣ безправности народа, презрительнаго отношенія къ мужику со стороны всего, выше его на общественной лѣстницѣ поставленнаго, — сумѣетъ бросить передѣлы полей и будетъ хозяйничать на своей мірской землѣ, какъ крупный собственникъ хозяйничаетъ въ своемъ обширномъ имѣніи, и тогда-то всѣ вопросы о возможности заведенія на крестьянскихъ земляхъ многопольнаго хозяйства, при помощи даже машинъ, при устройствѣ заведеній, обрабатывающихъ сырыя произведенія земли, получатъ быстрое разрѣшеніе. Достиженіе благосостоянія путемъ развитія общинныхъ порядковъ желательно и съ другой стороны, со стороны нравственной, потому что развитіе богатства здѣсь идетъ неразлучно съ развитіемъ и укрѣпленіемъ идеи *желать добра другимъ*, жить для служенія братьямъ своимъ, а не точить ножъ противъ нихъ. Идея любви къ ближнему царствуетъ здѣсь надъ всѣми, самыми грубыми работами; она улаживаетъ ихъ и облагораживаетъ; она дѣлается цѣлью всякаго дѣла и поддерживаетъ энергію во время тяжелой работы. Воспитанный въ этомъ закалѣ, человѣкъ не будетъ врагомъ отечества; взятый отсюда и перенесенный для дѣйствія на другихъ поприщахъ жизни, онъ не продастъ, не обманетъ. Живущій и работающій подъ вліяніемъ этой идеи человѣкъ никогда не обратится въ узкаго, самодовольнаго буржуа, довольствующагося только матеріальными, узкими благами; апатія и индифферентизмъ будутъ ему несвойственны; душа его всегда будетъ просить чего-то высшаго, лучшаго; ученіе и грамотность, преподаваемая ему человѣкомъ такого же закала, какъ и онъ самъ, не поведутъ его къ оставленію полезнаго другимъ труда и не создадутъ въ немъ стремленія быть общественнымъ паразитомъ *).

*) Говоря это, мы отнюдь не мечтаемъ, а пишемъ почти съ натуры, имѣя передъ глазами пересказанныя намъ русскою литературою послѣднихъ годовъ данныя изъ народной жизни. Благодаря состоявшимся въ послѣднее время разнообразнымъ изслѣдованіямъ народной жизни въ статистическомъ, экономическомъ, этнографическомъ отношеніяхъ, добыто много такихъ фактовъ, которые безусловно позволяютъ сказать: что все то, чего мы желаемъ всему земледѣльческому населенію Россіи въ будущемъ, *есть уже въ настоящемъ въ разнѣхъ уютахъ Россіи*. Для фактическаго убѣжденія въ этомъ, мы отсылаемъ читателей къ тѣмъ статьямъ журналовъ: «Отечественныя Записки», «Русская Рѣчь»

прогрессъ только и можетъ быть обезпеченъ народу при такой организаціи его экономической жизни, которая, именно въ кругѣ хозяйственныхъ интересовъ, способныхъ наиболѣе упражнять эгоизмъ личности, воспитываетъ ее въ духѣ солидарности съ членами одной съ ней группы, а, при развитіи потребностей и соотвѣтствующемъ ему усиленіи взаимодѣйствія отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, расширяетъ понятіе о солидарности до предѣловъ цѣлаго общества, народа, государства и, наконецъ, человѣчества. Передъ нами два идеала будущей Россіи: одинъ—обезземеленіе крестьянъ, другой—сохраненіе за ними земель при помощи упроченія мірскаго землевладѣнія.

Первый изъ нихъ построенъ на примѣрѣ, взятомъ некстати, истолкованномъ ошибочно и опрометчиво и примѣненномъ къ такому государству, условія жизни котораго, какъ страны чисто земледѣльческой, несомѣстимы съ условіями эконоическаго порядка въ странахъ промышленныхъ.

Другой идеаль созидается на основаніи фактовъ, наблюдаемыхъ въ самой Россіи, и имѣетъ для себя назидательный примѣръ въ исторіи такого же земледѣльческаго государства, какъ и Россія, прожившаго притомъ нѣсколько *тысячелетій*.

Въ исторіи Китая мы видѣли, что пока тамъ земля составляла общественное достояніе, жизнь китайская обнаруживала необычайный прогрессъ; при существованіи общественной собственности Китай самъ собою вышелъ изъ первобытнаго состоянія на путь цивилизаціи и болѣе, чѣмъ за семь тысячъ лѣтъ тому назадъ, достигнулъ *умѣнія обрабатывать землю плугомъ и сѣять пять родовъ хлѣба*.

Отнятіе же въ Китаѣ земли отъ народа и передача ея въ частную собственность имѣло послѣдствіемъ развратъ, объединеніе, кровавыя смуты, необычайную потребность въ обезпеченіи за народомъ земли,—потребность, которую нельзя было удовлетворить самыми широкими компромиссами, по причинѣ громадной трудности поправить такое дѣло, какъ обезземеленіе миллионों въ странѣ земледѣльческой. Китайское правительство, какъ извѣстно,—не слишкомъ-то мягкое правительство; недостатка въ

и «Русская Мысль», которыя посвящены специально разработкѣ вопросовъ народной жизни. Статьи эти, частію цитированныя выше нами, будутъ, какъ слышно, цитированы въ томъ сборникѣ изслѣдованій общиннаго землевладѣнія, который издаетъ Императорское Вольно-Экономическое Общество.

самыхъ крутыхъ мѣрахъ въ немъ никогда не замѣчалось. Оно никогда не задумывалось расправляться даже съ мандаринами посредствомъ палокъ, ссылокъ, тюремъ и смертныхъ приговоровъ, и примѣры опустошенія цѣлыхъ провинцій за разныя провинности весьма нерѣдки даже и въ настоящее время. Такъ на примѣръ, кульджинскому населенію нежелательно перейти подъ власть Китая, потому что оно имѣетъ много шансовъ предполагать, что будетъ вырѣзано все поголовно. Однако это правительство ничего не могло подѣлать для поправленія тѣхъ золъ, которыя вытекли изъ обращенія земель въ личную собственность, а между тѣмъ многія изъ этихъ золъ были таковы, что останавливали желательный приливъ денежныхъ средствъ въ богдыханскую казну. И вотъ, если бы состоялось обезземеленіе прѣстѣянства у насъ, то кажущееся слишкомъ простымъ дѣло распредѣленія батраковъ по хозяйствамъ кулаковъ и крупныхъ собственниковъ потребовало бы на первый разъ исходатайствованіе для нихъ драконовскихъ законовъ, такъ какъ собственники южныхъ губерній и теперь признаютъ нужнымъ преслѣдовать уголовнымъ порядкомъ уходъ рабочаго, о чемъ они уже и ходатайствовали назадъ тому нѣсколько лѣтъ. И вотъ, нашъ уголовный кодексъ, вмѣсто желательнаго, въ видахъ общаго прогресса, смягченія наказаній, заперилъ бы еще больше тюрьмами, ссылками, казнями и, вѣроятно, потребовалось бы вновь широкое примѣненіе розогъ и плетей..... Да, заставить человѣка даромъ работать на другаго, потребуетъ всегда много крови, крови и крови, безъ которой оно не обошлось ни въ одномъ изъ государствъ Западной Европы. Въ соотвѣтствіи съ изданіемъ каръ для рабочихъ, т. е. для 86% населенія государства, настала бы необходимость постановить и полицейскіе законы, тагъ какъ была бы непремѣнно частая надобность въ принятіи быстрыхъ, энергичныхъ мѣръ, безъ посредства суда, всегда нуждающагося во времени для внимательнаго разсмотрѣнія спора, а потому пришлось бы дать побольше власти полиціи. И такъ, вотъ на какомъ фундаментѣ созидалось бы дальнѣйшее зданіе государства!

Но какъ, спросимъ мы въ заключеніе, сумѣла Европа обезземелить народъ и, создавъ буржуазію и дворянство, развить свои матеріальныя и умственныя силы, обезпечить политическую свободу своему населенію и правый судъ? Служить ли это возраженіемъ на то, о чемъ мы говорили выше, какъ о неизбѣжномъ послѣдствіи обезземеленія у насъ народа?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы только предоставимъ желающимъ развернуть любую статистику западно-европейскихъ государствъ и найти тамъ цифры, которыя дають отвѣты на слѣдующіе вопросы: кто имѣетъ возможность засѣдать въ англійскомъ, напр., парламентѣ; кто можетъ вести тамъ судебные процессы; какой процентъ населенія получаетъ тамъ очень много и какой столь мало, что обреченъ вырождаться изъ поколѣнія въ поколѣніе; сколько людей живетъ въ домахъ, сколько гнѣздятся въ конурахъ; какому проценту населенія можно получать хорошее образованіе и какъ великъ тотъ процентъ населенія государства, о которомъ недавно говорилось въ англійскомъ парламентѣ въ томъ смыслѣ, что ученіе его должно ограничить по прежнему одною грамотностію, такъ какъ дальнѣйшее образованіе будетъ вести къ развитію потребностей, удовлетворить которыхъ изъ заработной платы нельзя?

Правда, что въ Англии, гдѣ развиты разнообразнѣйшія промышленныя производства, всегда будетъ довольно значительная цифра людей средней зажиточности, владѣльцевъ небольшихъ промышленныхъ заведеній, торговыхъ лавокъ, различныхъ комиссіонерскихъ конторъ, адвокатскихъ, медицинскихъ кабинетовъ и проч. и проч., которые, взятые вмѣстѣ съ ихъ семьями и ближайшими ихъ помощниками, представляютъ собою значительный контингентъ людей, способныхъ пользоваться земными благами. Правда еще, что содержаніе ихъ падаетъ не исключительно на рабочее населеніе государства, а относится въ извѣстной долѣ на Индію и тѣ несчастныя страны, которыя попали въ полнѣйшую экономическую зависимость отъ Англии. Но будетъ ли это все значить, что Англія обезпечиваетъ всѣмъ своимъ гражданамъ политическія и экономическія блага, *не призрачныя*, существующія на бумагахъ, на словахъ, а дѣйствительныя, вкушаемыя на самомъ дѣлѣ его фабричными и земледѣльческими рабочими, т. е. большинствомъ ея населенія?

Что касается до нашихъ соотечественниковъ, мечтающихъ построить величіе Россіи на фундаментѣ обезземеленія брестьянъ, то съ этою мечтою у большей части изъ нихъ конечно, связывается представленіе о порядкахъ, подобныхъ западно-европейскимъ, но ихъ идеаль, для осуществленія котораго необходимо обращеніе гражданскихъ взысканій въ уголовныя, невозможно помирить съ тѣмъ порядкомъ западной жизни, при которомъ всѣ и каждый въ государствѣ имѣютъ право дѣлать

все то, что не наноситъ ущерба другому, т. е. пользуется *«всестороннею законной свободой»*.

Намъ остается теперь сдѣлать сравненіе двухъ земледѣльческихъ государствъ по отношенію къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ въ одномъ изъ нихъ проявлялось, а въ другомъ еще продолжаетъ проявляться общинное землевладѣніе.

Виды нашего общиннаго землевладѣнія весьма различны. Оно проявляется: въ передѣлахъ пахотной и сѣнокосной земли; въ отдахъ неудобныхъ для пользованія данною общиною земель въ аренду; въ составленіи между членами данной общины артелей для исполненія какого либо сельско-хозяйственнаго предпріятія, начиная отъ устройства изгороди, осушки болота, постройки мельницы и кончая обработкою земли; въ пользованіи сообща общественными пастбищами, лѣсами и другими угодьями; въ исполненіи различныхъ сельско-хозяйственныхъ операцій сообща, цѣлою общиною съ дѣлежемъ продуктовъ или вырученныхъ за продажу ихъ денегъ.

Что касается до китайскаго общиннаго землевладѣнія, то исторія не рисуесть намъ опредѣленно формъ его, только рассказываетъ намъ о томъ порядкѣ распредѣленія земель на квадраты, который былъ введенъ самимъ правительствомъ послѣ взятія земель у народа и обращенія ихъ въ личную собственность правящихъ классовъ. Однако всѣ подробности этого распредѣленія говорятъ о ихъ происхожденіи изъ склада общинной жизни, а сопровождавшія ихъ учрежденія историческія условія свидѣтельствуютъ, какъ выше мы говорили, о томъ, что правительство, по уничтоженіи въ принципѣ общественной собственности, не могло не оставить de facto народъ при тѣхъ излюбленныхъ порядкахъ его экономической жизни, къ которымъ онъ привыкъ въ продолженіи тысячелѣтій. На этомъ-то основаніи мы позволили себѣ смѣло заключить, что, распредѣляя земли послѣ переворота за 2205 лѣтъ до Р. Х., законодатель не самъ изобрѣлъ эти порядки, а взялъ и только урегулировалъ ихъ. Конечно, здѣсь дѣло безъ измѣненій не обошлось, но эти измѣненія, предпринятія въ видахъ согласованія стараго съ новымъ, имѣли, слѣдовательно, характеръ компромиссовъ и, такимъ образомъ, не уничтожили совершенно многого.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе предполагать, что китайское общинное землевладѣніе имѣло до переворота 2205 г.

до Р. Х. форму, схожую съ той, какую установило правительство въ отношеніи пользованія землями послѣ переворота. Сообразно этой формѣ, зерно земледѣльческой общины составляло нѣсколько земледѣльческихъ семей; каждая изъ этихъ семей имѣла въ постоянномъ владѣніи усадьбу и часть пашень, прилегающихъ къ усадьбѣ. Остальная, меньшая часть пашень, вмѣстѣ съ пастбищемъ, находилась въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи. Доходы съ перваго рода пашень принадлежали лично каждой изъ владѣющихъ ими семей; доходы со втораго рода пашень шли на общественныя нужды всей общины и на удовлетвореніе потребностей государственныхъ.

Изъ всѣхъ существующихъ у насъ видовъ общиннаго землевладѣнія ни одинъ, строго говоря, не похожъ на описанный видъ китайской общины. Правда, что въ значительной части нашихъ общинъ не существуетъ почти передѣловъ пашенной земли, т. е. подѣлившись, послѣ послѣдней ревизіи, общины не измѣняли и не собираются вводить измѣненія участковъ до новой ревизіи, но эти общины допускаютъ возможность измѣненія пространства и формъ участковъ и переносъ права владѣнія какого либо члена общества съ даннаго пространства общинной земли на другое. Сообразно нашимъ понятіямъ, распредѣленіе земель зиждется, главнымъ образомъ, на количествѣ владѣнія и качествѣ владѣемой земли, т. е. у насъ надѣляется каждый участкомъ, равнымъ другому по количеству и вмѣстѣ съ тѣмъ по качеству. *Положеніе* участка въ данномъ мѣстѣ общественнаго владѣнія хотя и берется въ расчетъ при передѣлахъ, но имѣетъ второстепенное значеніе. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ у насъ практикуется лѣсопольное хозяйство, вновь разработанная лядина остается въ постоянномъ (личномъ) владѣніи семьи, потратившей на нее трудъ, извѣстное число лѣтъ, совпадающее обыкновенно съ временемъ совершенной оплаты труда, потраченнаго на обработку лядины; по истеченіи этого времени, новый участокъ присоединяется къ общиннымъ землямъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, община до тѣхъ только поръ допускаетъ сыну и внуку владѣть на данномъ мѣстѣ участкомъ, которымъ владѣли отецъ и дѣдъ, пока это владѣніе не мѣшаетъ почему либо должному распредѣленію общинной земли между всѣми членами общества.

Китайская община, напротивъ, пріурочиваетъ всѣ свои расчеты по распредѣленію земли къ данному участку, занимающему

опредѣленное мѣсто и не подлежащему никакимъ измѣненіямъ въ пространствѣ и положеніи. Взявъ таковой участокъ точкою отправленій дальнѣйшихъ дѣйствій, она разсматриваетъ затѣмъ: какая семья въ состояніи держать въ порядкѣ хозяйство на этомъ участкѣ и, найдя такую семью, садитъ её на участокъ. Въ русской общинѣ земля передвигается, смотря по личности, въ китайской, наоборотъ, личность передвигается сообразно условіямъ земли. Вслѣдствіе этого, въ русской общинѣ лицо, разъ получившее въ свое владѣніе землю извѣстнаго количества и качества, можетъ ежегодно просить о взятіи у него части земли, или о прибавкѣ ея на счетъ семьи, желающей сдать отъ себя часть владѣнія. Въ китайской же смерть работника, ослабленіе вообще силъ семьи не влечетъ за собою измѣненій въ границахъ участка. Въ русской общинѣ существуетъ право каждаго на соотвѣтственное его силамъ *количество и качество* земли, въ китайскомъ—право поселиться на *строго очерченномъ пространствѣ земли*, 100 «му» (6-ти десятинахъ).

Вслѣдствіе недостаточной выясненности условій китайскаго сельскаго хозяйства, мы не беремся объяснять причинъ, по которымъ возникъ распорядокъ земель въ Китаѣ; что же касается до порядковъ русскаго землевладѣнія, то причины ихъ болѣе или менѣе ясны для насъ и коренятся прежде всего въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ мѣстности. Неодинаковость качества земли въ одной и той же общинѣ, высокое или низкое ихъ положеніе, затруднительность или легкость проѣзда къ нимъ, все это вліяетъ на удобство или неудобство работъ на каждомъ клочкѣ земли. Вслѣдствіе этого, окончательная размежевка отдѣльныхъ участковъ — для каждаго двора въ одномъ мѣстѣ—представила бы картину самыхъ разнообразнѣйшихъ по степени трудности или легкости обработки участковъ, явились бы участки, которые легко воздѣлывать одному человѣку для полученія съ нихъ извѣстнаго количества хлѣбовъ; нашлись бы такіе, съ которыхъ при всей неустанной работѣ одного же человѣка, невозможно было бы собрать и четверти того, что можетъ давать первый участокъ. Затѣмъ, настоящее распредѣленіе земель у насъ имѣетъ въ своемъ основаніи существующіе порядки финансовыя, административныя, экономическія. Такъ, наша система податей, облагающая населеніе налогами по числу ревизскихъ душъ, сталкиваясь съ существующими въ деревнѣ общинными порядками, влечетъ за собою, какъ необходимое слѣд-

ствіе, такое распредѣленіе земель, при которомъ общество, отвѣчающее круговою порукою за исправность каждаго изъ своихъ членовъ въ платежѣ податей, гарантируется въ томъ, что каждый добываетъ изъ земли столько хлѣба, сколько можетъ сообразно своимъ силамъ, и что при этомъ ни одна полоса общинной земли не пропадаетъ даромъ, т. е. не остается безъ приложенія силы, соотвѣтственной ея качеству и количеству. Вслѣдствіе этого, наши общины, перекладывая всю сумму налога на землю, оцѣниваютъ доходъ каждаго поля, каждой части этого поля, и въ каждой такой однородной части нарѣзываютъ извѣстное количество полосъ, которыя и являются, такимъ образомъ, равными одна другой и по качеству. Каждый изъ дворовъ беретъ себѣ, по общему согласію, столько полосъ въ каждой части каждаго поля, сколько онъ по хозяйственной своей силѣ можетъ обработать и, слѣдовательно, получить возможность заплатить причитающіяся за землю подати. Тамъ, гдѣ налоги несоотвѣтственны качеству земли, гдѣ, напр., подать беретъ значительную часть чистаго дохода, тамъ для обѣдѣвшаго двора является интересъ сдать часть своего участка; гдѣ же существуетъ обратное положеніе дѣлъ, тамъ дворъ, потерявшій, напр., работника, и дѣлающійся не въ силахъ совладать со всею надѣленною ему землею, отдаетъ часть ея въ аренду кому либо изъ своихъ сообщественниковъ.

Всѣ эти порядки наши, давая ббльшій просторъ дѣйствию *личности*, выборомъ ею для себя соотвѣтственнаго положенія при постоянно измѣняющихся климатическихъ, финансовыхъ и экономическихъ условіяхъ, въ то же время *не отучаютъ* ее отъ общинныхъ порядковъ, ставя ее въ постоянное сопрікосновеніе съ нуждами общины. Между тѣмъ, въ порядкахъ китайскаго землевладѣнія мы видимъ цѣлый рядъ такихъ дѣйствій каждаго двора, въ которыхъ онъ совершенно *изолированъ* отъ общинной жизни: часть пашень, отведенная ему для продовольствія и удовлетворенія личныхъ нуждъ, стоитъ особнякомъ отъ другихъ участковъ. Дѣствуя на ней, какъ личный собственникъ, онъ *пріобрѣтаетъ черезъ это наклонности*, не соотвѣтствующія условіямъ общиннаго землевладѣнія. Этимъ путемъ въ жизнь общины вносятся такое зерно раздора, которое опаснѣе нашего кулачества, потому что народившійся въ деревнѣ кулакъ является сейчасъ же чѣмъ-то виѣшнимъ въ общинѣ. Хотя наружно онъ какъ бы и принадлежитъ къ ней, но всѣ внутреннія связи съ нею у него

разорваны. Вся масса селенія, дѣйствующая по общиннымъ правиламъ и порядкамъ, является чѣмъ-то противоположнымъ кулаку, каждое дѣйствіе котораго разсчитывается на прибыль своего собственнаго кармана. Съ перваго момента появленія такого паразита въ жизнь, онъ становится, по роду своей дѣятельности, яснымъ и видимымъ врагомъ всего общества, которое, терпя отъ него, крестить его позорными названіями «кулака», «міроѣда». Община же, дѣйствуя по своему, продолжаетъ, слѣдовательно, упражнять прежнія свои привычки. Такимъ образомъ, размноженіе у насъ кулачества имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только увеличеніе числа лицъ, живущихъ на счетъ труда земледѣльцевъ; между тѣмъ, какъ порядокъ, существовавшій въ китайской общинѣ, прямо подготовлялъ значительный переворотъ въ привычкахъ, обычаяхъ, идеяхъ каждаго общинника, приучая его къ порядкамъ жизни личнаго землевладѣльца. Можетъ быть, эта особенность, эта форма повліяла на весь послѣдующій ходъ исторіи китайскаго землевладѣнія, сложивъ въ народѣ навѣянную къ личному землевладѣнію, которое и сдѣлалось потомъ единственною формою землевладѣнія во всемъ государствѣ.

Борьба эта поучительна для насъ еще и въ томъ отношеніи, что правительство китайское, или, лучше сказать, правительственная партія, видя дурныя послѣдствія уничтоженія общиннаго землевладѣнія, пытались въ продолженіи тысячелѣтій возстановить многіе его порядки, стараясь согласить ихъ съ существовавшимъ уже на практикѣ личнымъ землевладѣніемъ. Пробы эти не увѣнчались успѣхомъ.

У насъ, какъ извѣстно, подобнаго компромисса личнаго землевладѣнія съ общиннымъ на одномъ и томъ же участкѣ земли не существуетъ; у насъ обыкновенно личная собственность стоитъ подлѣ общинной, но въ одно цѣлое онѣ не сливаются. Дворянинъ, купецъ, владѣя на правѣ личной собственности участками, сопредѣльными съ общинными землями, ничего общаго съ послѣдними не имѣютъ. Деревенскій кулакъ, пріобрѣтшій въ личную собственность участокъ земли, сопредѣльный съ его общиннымъ надѣломъ, остается собственникомъ по отношенію къ первому участку и общинникомъ по отношенію ко второму. Общинный его надѣлъ можетъ подвергаться всѣмъ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подвергаются всѣ вообще общинныя земли при наступленіи условій для передѣловъ. Платежъ податей и исполненіе вообще всѣхъ общественныхъ обязанностей лежитъ, въ

принципъ, на кулакѣ, какъ и на всякомъ другомъ членѣ общины, но только по отношенію къ причитающейся на его долю надѣльной общинной земли. Эта наша особенность служить, по нашему мнѣнію, одною изъ причинъ, по которой у насъ не состроится никогда дѣло всесословной волости. Стойкій умъ русскаго народа какъ-то неспособенъ запутаться ни въ какой массѣ напирających на него разнообразѣвшихъ явленій жизни; могучая его логика указываетъ ему на невозможность согласить несогласимое, т. е. мѣръ общинныхъ порядковъ и возрѣній съ возрѣніями и порядками противоположнаго строя жизни. Гибкая и упругая форма общиннаго землевладѣнія всегда способна на всевозможныя измѣненія подъ вліяніемъ давящихъ виѣшнихъ условий; она изгибается во всѣ стороны и принимаетъ различныя формы, оставаясь, однако, вѣрною своей сущности.

Вслѣдствіе этого, у насъ и существуетъ не одинъ, а весьма много видовъ общиннаго землевладѣнія, и каждый изъ нихъ остается вѣренъ своему главному принципу. Въ «формахъ землевладѣнія у русскаго народа» мы старались привести всѣ почти доселѣ извѣстные виды землевладѣнія, въ которыхъ проявляется общинное начало и, кромѣ того, тамъ же мы пытались указать и такіе факты изъ области отношеній нашего народа ко всему, виѣ его живущему, которые рѣзко свидѣтельствуютъ о томъ, что на отношенія эти всегда накладывается общинный отпечатокъ. Такъ, напр. при арендѣ помѣщичьихъ участковъ, сдаваемыхъ каждому крестьянину порознь, они, не смотря на это, распределяются между арендаторами сообразно тѣмъ же порядкамъ, по которымъ разверстываются между ними ихъ общинныя земли.

Когда не соотвѣтствующіе крестьянскимъ обычаямъ законы начинаютъ примѣняться подъ давленіемъ волостнаго писаря въ волостномъ судѣ, крестьянскій судъ уходитъ изъ волости въ селеніе, гдѣ, непризнанный закономъ, онъ дѣйствуетъ, однако, безапелляціонно *). Въ большомъ торговомъ селеніи, съ волостнымъ правленіемъ, уже нельзя найти такъ сказать, на самомъ дѣлѣ крестьянскаго самоуправленія: оно обращается тамъ въ какое-то особенное управленіе, дѣйствующее по произволу кулаковъ, волостнаго писаря и его покровителей; крестьянство не принимаетъ въ немъ участія, сторонится отъ него и концентрируется опять въ сельскихъ обществахъ **). Въ сибирскихъ волостныхъ правле-

*) См. Голосъ къ земству, стр. 117, 118. „Русская Мысль“, январь.

**) „Предразсудки относительно крестьянства“. Отецъ. Зап. 1879 г. № 3.

нѣхъ существуютъ два рода приходо-расходныхъ книгъ; однѣ изъ нихъ, установленныя правительствомъ, представляются для ревизіи начальству, въ другія, называемыя *темными*, записываются, своимъ чередомъ, всѣ общественные расходы въ томъ видѣ, какъ они разрѣшаются обществомъ и существующими обычаями. Въ эти книги вносятся, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ, еще, такъ сказать, темные, *непоказные* расходы, какъ напр. расходы на взятки, подарки, подкупъ; въ нихъ можно найти отмѣтки: сколько, напр. яицъ, куръ и проч. употреблено на столъ проѣзжему чиновнику и т. п. Эти темныя книги дѣйствительно повѣряются и строго повѣряются обществомъ и сообразно имъ производятся общественныя расклады. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, многіе изъ мировыхъ посредниковъ и такіе изслѣдователи народной жизни, какъ покойный Якушкинъ, подмѣтили фактъ различія двухъ счетовъ, одной—въ присутствіи начальства, для рѣшенія даннаго вопроса, другой—гдѣ либо на задворкахъ, секретно отъ придерживающихъ властей. Во время самаго крѣпостнаго права общинная власть продолжала существовать и дѣйствовать, не смотря на угнетающую ея власть помѣщика; самое исполненіе велѣній этой власти производилось не иначе, какъ при слѣдованіи своимъ излюбленнымъ общиннымъ приемамъ и обычаямъ. Нагонецъ, кому уже нынѣ неизвѣстно, что наложенная на крестьянство подушная подать обращена крестьянскими общинами въ поземельный налогъ, разверстываемый сообразно распредѣленію земли и другимъ общиннымъ обычаямъ. Однимъ словомъ, введеніе всесловной воласти послужить не умиротвореніемъ, а началомъ новой борьбы въ жизни деревенской Россіи: крестьянская общинная жизнь еще болѣе замкнется въ самой себѣ, уйдетъ отъ свѣта, отъ нашихъ глазъ, противодѣйствуя тѣмъ насиліямъ надъ нею, которыя явятся послѣдствіемъ вмѣшательства въ ея дѣла людей, воспитавшихся въ иномъ строѣ жизни, не совмѣстимомъ съ общинными воззрѣніями и обычаями. Проникнуть тогда въ крестьянскую душу, хотя бы даже затѣмъ, чтобъ сдѣлать для крестьянства что либо хорошее, окажется еще болѣе труднымъ, чѣмъ въ настоящее время. Совершится здѣсь нѣчто, подобное расколу въ религіи, гдѣ зачастую мы видимъ, что исповѣдывающіе внѣшнее православіе раскольники умѣютъ прятать настоящія свои религіозныя вѣрованія и убѣжденія отъ всего нераздѣляющаго эти убѣжденія и вѣрованія.

Въ виду всего этого, а также въ виду плачевныхъ послѣдствій китайской формы общиннаго землевладѣнія, допустившей у себя постоянное, наслѣдственное пользованіе извѣстной частію общинной земли, намъ не слѣдовало бы въ настоящее время радоваться *удлинению сроковъ передѣловъ*, которое ведетъ къ послѣдствіямъ, болѣе опаснымъ, для общиннаго землевладѣнія, нежели даже кулачество, именно—къ выработкѣ въ каждомъ членѣ общества привычекъ личнаго собственника.

У насъ радуются этому удлинению вслѣдствіе того, что съ помощію его надѣются достигнуть уваженія крестьянами своихъ участковъ и вообще лучшей ихъ обработки, ждуть, однимъ словомъ, улучшеній въ хозяйствѣ.

Полное почти отсутствіе сельско-хозяйственныхъ знаній у всѣхъ тѣхъ классовъ нашего общества, которые не воздѣлываютъ собственными руками земли, о чемъ мы говорили подробно и доказательно, на основаніи фактовъ изъ книги А. С. Ермолаева «Организація полеваго хозяйства» (майская кн. Рус. Мысли), малая степень знакомства съ русскою дѣйствительностью и, въ особенности, съ сельско-хозяйственными условіями цѣлой Россіи, представляютъ собою обстоятельства, объясняющія такое примитивное мнѣніе реформаторовъ крестьянскаго быта.

Все оно основано на незнаніи сути дѣла, а именно: во 1-хъ, того, что крестьяне всѣхъ сѣверныхъ губерній уваживаютъ земли; во 2-хъ, даже на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ преобладаетъ первобытное лѣсопольное (подсѣчное) хозяйство, существуетъ общинное правило: «если крестьянинъ какой либо деревни *переведетъ* изъ усадьбы своей въ этой деревнѣ *скотъ* на занятія имъ новыя земли *новины*, то онъ *теряетъ право на пользованіе надѣломъ* изъ окружающихъ деревню общинныхъ земель». Отобраніе здѣсь надѣла совершается вслѣдствіе того, что, съ переводомъ скота на «новину», хозяинъ лишается уже возможности вносить удобреніе въ общинную землю; въ 3-ихъ, на черноземныхъ, еще неистощенныхъ почвахъ, крестьяне не вывозятъ навоза, потому что удобреніе такого чернозема не только не способствуетъ лучшему произростанію хлѣбовъ, но даже мѣшаетъ этому. Крайне густая, роскошная растительность обыкновенно производитъ весьма большое отѣненіе и хлѣба полегають; въ 4-ыхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ черноземъ уже отчасти повыпахался и потому удобреніе не было бы для него излишнимъ, къ вывозкѣ навоза еще не приступили вслѣдствіе того, что прежде убѣжденіе во

вредѣ удобренія не успѣло еще замѣниться новымъ знаніемъ не только у крестьянъ, но и у большей части землевладѣльцевъ, какъ это видно изъ многихъ заявленій ихъ на сельско-хозяйственныхъ сѣздахъ; въ 5-ыхъ, не удобряется во многихъ мѣстностяхъ земля собственно только потому, что нѣтъ достаточныхъ пастбищъ, а слѣдовательно, и навоза. Случается, что въ мѣстностяхъ, гдѣ есть и пастбища, навозъ, однако, не вывозится на поля собственно потому, что его нужно на отопленіе зимою и варку пищи лѣтомъ, за совершеннымъ неимѣніемъ лѣса; въ 6-ыхъ, есть селенія, которые продаютъ свой навозъ помѣщику собственно потому, что иногда нужно бываетъ до зарѣзу хотя бы небольшая денга на самый неотложный расходъ, безъ удовлетворенія котораго можетъ погибнуть самая возможность вести хозяйство.

Въ послѣдніе два года число свѣдѣній о крестьянской сельско-хозяйственной жизни начало быстро расти; свѣдѣнія эти бросаютъ много свѣта на многіе прежде темные вопросы этой жизни и въ томъ числѣ на вопросъ: есть ли въ передѣлахъ какой либо тормазъ дѣлу вывозки на поля навоза? Если прежде, а можетъ быть и нынѣ, на распросы неподготовленнаго изслѣдователя сельской жизни и отвѣчаютъ крестьяне, что «удобрай—не удобрай, земля, можетъ быть, уйдетъ отъ меня къ другому при новомъ передѣлѣ», то неужели можно допустить, что крестьянинъ, хорошо умѣющій управляться съ различными сложными расчетами по общиннымъ распорядамъ, не можетъ сообразить такого простаго обстоятельства, что если всѣ будутъ удобрять свои участки, то вся общинная, идущая въ передѣлъ земля, окажется удобренною. Нѣтъ, такой отвѣтъ здѣсь свидѣтельствуетъ скорѣе о существованіи одного довольно сложнаго явленія изъ сферы отношеній нашихъ къ крестьянству, явленія, замѣченнаго не разъ людьми, имѣвшими близкія соотношенія съ деревенскимъ людемъ. Дѣло здѣсь заключается именно въ томъ, что нашъ крестьянинъ рѣдко отвѣтитъ прямо и искренно на какой либо, касающійся его быта, вопросъ, предложенный человѣкомъ, котораго онъ не знаетъ, или, зная, имѣетъ мало къ нему довѣрія и расположенія.

Соблюдая извѣстнаго рода деликатность, онъ не оставитъ вопроса безъ отвѣта, но отвѣтъ этотъ будетъ заключаться изъ разнаго рода обиняковъ, нисколько не разъясняющихъ истиннаго положенія дѣла. При очерченномъ нами выше отношеніи къ на-

роду всего виѣ его стоящаго, не могло сложиться у крестьянства ни расположенія, ни любви, ни уваженія къ остальнымъ сословіямъ. При столкновеніяхъ не со своимъ братомъ, при разговорахъ съ нами и распросахъ нашихъ, крестьянинъ привыкъ чутъ что-то не доброе и какъ-то инстинктивно боится дать ясный отвѣтъ. Эта боязнь, это опасеніе побуждаетъ часто простолюдина вывѣдать причину даннаго вопроса, вывѣдать посредствомъ затяжки разговора неясными, неразрѣшающими дѣла отвѣтами. И вотъ, если вы подошли къ нему съ вопросомъ именно о томъ, почему онъ оставляетъ навозъ около избы, или валить его въ оврагъ, а не везетъ на поле, то имѣйте въ виду, что въ дальнѣйшемъ разговорѣ по этому предмету вы такъ или иначе выскажете деревенскому дипломату ваши предвзятые мнѣнія о томъ, что мужикъ или глупъ, что оставляетъ поле безъ удобренія, или что онъ лѣнивъ для этого, или, наконецъ, что не радѣетъ онъ объ удобреніи участка собственно только потому, почему бы вы, человекъ городского закала, и сами сдѣлали бы это, если бы земля была ваша и если бы на будущій годъ вы намѣревались продать эту землю. Что первыя два ваши мнѣнія будутъ обидны для мужика, — это вы сами знаете; послѣднее, кажущееся необиднымъ съ вашей точки зрѣнія, покажется обиднымъ съ точки зрѣнія крестьянской, потому что по общинному складу крестьянской жизни, всякое дѣйствіе, наносящее другому убытокъ или вредъ, есть непохвальное дѣйствіе. Да, кромѣ того, такое ваше мнѣніе будетъ заключать въ глазахъ крестьянина прямое обвиненіе его въ глупости, т. е. въ неумѣннн сообразить того, что если каждый общинный участокъ уваживается его владѣльцемъ, то при какомъ угодно передѣлѣ, ему все-таки достанется земля уваженная. Вообще, надобно здѣсь замѣтить, что такіе передѣлы, послѣдствіемъ которыхъ является большая, радикальная перетасовка участковъ, бывають весьма рѣдки, а частые передѣлы обыкновенно ограничиваются измѣненіемъ пространства нѣкоторыхъ только участковъ, что и совершается посредствомъ перевода полосъ изъ одного владѣнія въ другое; а самыя причины этого перевода заключаются обыкновенно въ убыли работниковъ въ однихъ дворахъ и увеличеніи ихъ числа въ другихъ и вообще въ разстройствѣ чьего либо хозяйства.

Хлопоты наши объ удлинении сроковъ передѣловъ въ крестьянской общинѣ вредны еще по другой причинѣ; именно потому,

что хозяйствованіе общины при системѣ передѣловъ не есть идеальное хозяйствованіе. Оно установилось и держится дониндѣ, какъ особый видъ общиннаго землевладѣнія, складывающійся въ слѣдствіе различныхъ, неблагопріятствующихъ крестьянству условій, изъ числа которыхъ самое важное—ослабленіе проявленія общинной воли по причинѣ постоянного насилія надъ нею. Во всякомъ случаѣ, форма передѣловъ не есть окончательная, неизмѣнная форма. Мы видѣли выше, что существуютъ у насъ и другія болѣе выгодныя для развитія сельскаго хозяйства формы общиннаго землевладѣнія. Изъ числа ихъ обработка полей сообща, на которую мы тоже указывали выше и блистательные результаты примѣненія которой въ Россіи мы приводили въ «Голосѣ къ земству», (стр. 108 февр. кн. «Рус. Мысли») представляетъ въ себѣ всѣ залоговъ къ тому, чтобы крестьянскія общинныя земли могли бы въ будущемъ обрабатываться по самымъ улучшеннымъ, интензивнымъ (раціональнымъ) системамъ хозяйства, о чемъ мечтать при системѣ передѣловъ невозможно.

Оканчивая на этомъ сопоставленіе нѣкоторыхъ явленій изъ земледѣльческой жизни Россіи съ явленіями измѣряемой *тысячелѣтіями* земледѣльческой жизни Китая, мы выносимъ изъ этого сопоставленія то окончательное заключеніе, что перемены и реформы въ дѣлѣ землевладѣнія— дѣло далеко не столь простое, какъ привыкли у насъ полагать ходатаи о разрушеніи общины для цѣлей заселенія Юга и Юго-Востока, устроители хуторскаго хозяйства, вводители долгосрочныхъ передѣловъ, пропагандисты различныхъ регламентацій, стѣсняющихъ во имя чего бы то ни было общину въ дѣлѣ ея хозяйственныхъ распоряженій, что каждая часть этого дѣла сопровождается поднятіемъ цѣлаго ряда такихъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый становится вопросомъ самостоятельнымъ и важнымъ въ жизни государства. Таковы, напримѣръ, вопросы: *чѣмъ пополнитъ государство ту часть своего дохода, который оно взимаетъ теперь изъ заработанной платы крестьянъ на земляхъ помѣщичьихъ и на тѣхъ казенныхъ земляхъ, которыя сдаются въ аренду различнымъ предпринимателямъ, слѣдовательно, на цѣлой половинѣ воздѣлываемыхъ въ государствѣ земель?*

Будутъ-ли землевладѣльцы въ состояніи обработать, какъ нынѣшнюю свою, такъ и поступившую въ ихъ владѣніе отъ обезземеленныхъ крестьянъ землю наличнымъ числомъ всѣхъ земледѣльческихъ работниковъ, во 1-хъ, потому, что въ слѣдствіе

обложения тогда налогомъ всѣхъ удобныхъ въ государствѣ земель, число обрабатываемыхъ земель увеличится необходимою воздѣлывать всѣ лежащія нынѣ впустѣ помѣщичьи земли, и во 2-хъ, потому, что введеніе улучшеннаго хозяйства, для котораго собственно и находятъ у насъ необходимымъ обезземленіе, потребуетъ на первой стадіи своего развитія, т. е. для введенія при трехпольной системѣ такъ называемаго «занятаго» пара, *увеличенія* числа работниковъ на каждыя 100 десятинъ пахатной земли *десятью* человѣками, а при дальнѣйшемъ введеніи улучшеннаго хозяйства—*двадцатью* человѣками *).

Можно ли ожидать, чтобы при такомъ положеніи дѣлъ государству возможно было оставить на всѣхъ земляхъ, бывшихъ во владѣніи крестьянства, тотъ *высокій налогъ*, какой онѣ платятъ нынѣ и который пополняется большею частью изъ заработной платы крестьянства, а земли, и нынѣ состоящія во владѣніи помѣстнаго класса, *обложить сборомъ высшимъ противъ того*, который онѣ платятъ нынѣ *земству*, и платятъ, къ сожалѣнію, довольно неисправно, что доказывается постоянными недоимками на помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Возможно ли будетъ государству пополнить свои доходы высшимъ, противъ существующаго, обложеніемъ промышленности и торговли въ виду того, что *промышленныя и торговля предпріятія должны сократиться*: во 1-хъ, вслѣдствіе того, что съ возникновеніемъ дешеваго труда, какъ послѣдствія обезземленія, и увеличеніемъ количества земель, предоставленныхъ частной предпріимчивости большинство обращающихся нынѣ у насъ въ промышленности и торговлѣ капиталовъ обратятся къ земледѣлію и во 2-хъ, по той причинѣ, что количество потребленія предметовъ различныхъ видовъ промышленности должно уменьшиться за обѣднѣніемъ 86% населенія Россіи, обращеннаго въ пролетаріатъ.

Возможно ли будетъ, чтобы воспитанная на основахъ общиннаго землевладѣнія и вдругъ обезземеленная *громадная масса народа оставалась довольной при работѣ за крайне дешевую плату на той же землѣ, на которой она работала досель въ качествѣ хозяина*, въ особенности если принять во вниманіе что всѣ представленія, соединенныя съ носящимся въ умахъ

*) Справочная книга для сельск. хоз. Ф. А. Баталина.

крестьянства призракомъ, такъ называемаго, «чернаго передѣла» не улетучились, даже подъ давленіемъ крѣпостнаго права.

Въ виду этого, а также въ виду вѣковой практики нашей администраціи въ государствѣ, гдѣ 86% населенія управлялись, главнымъ образомъ, при посредствѣ своихъ общинныхъ суда и расправы, *возможно ли будетъ правительству перейти вдругъ на управленіе народомъ—пролетаріемъ, изъ-подъ ногъ котораго взята основа его жизни—общинное землевладѣніе*, съ его гарантіями противъ различнаго рода волненій, съ его дисциплиною, нравственностію и проч. Изъ кого государство создастъ громадную, добросовѣстную, умную и честную армію ближайшихъ къ 60-мил. пролетаріату чиновниковъ? И вообще не совершится ли у насъ чего либо подобнаго не Западной Европѣ, подражать которой мы мнимъ, обезземеливая крестьянство, а Китаю, печальную исторію котораго мы видѣли выше и съ незавиднымъ положеніемъ котораго знакомятъ насъ нынѣ постоянно журналы и газеты.

С. К.....тинъ.

Русская земельная община.

VIII*).

Круговая порука и принципъ общинной солидарности.

Есть одна чрезвычайно характерная поговорка у народа, гласящая, что «съ міру по ниткѣ—голому рубашка». Смысль этой поговорки довольно ясенъ. Міръ представляетъ такую могучую силу, что обезпеченіе жизненныхъ потребностей одного какого-нибудь своего члена не можетъ представить для него, какъ коллективной единицы, предмета особенныхъ усилій и заботъ. Коллективизмъ есть гарантія жизнѣдѣтельности лица. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ является лицо? Положеніе его можетъ быть охарактеризовано двумя совершенно противоположными отношеніями къ другимъ такимъ же, какъ оно, лицамъ: во-первыхъ, въ союзѣ съ этими лицами оно есть «міръ» и, въ качествѣ такового, гарантируетъ правильное отправление жизни всей общины; во-вторыхъ, какъ представитель единоличной жизни, оно, наоборотъ,—зависимый членъ того же міра, членъ, несущій извѣстныя обязанности по отношенію къ этому послѣднему и, въ положеніи такового, гарантируемая все тѣмъ же міромъ единица въ своей индивидуальной жизнѣдѣтельности. Такъ, въ одномъ и томъ же лицѣ перекрещиваются и совмѣщаются совершенно противоположные интересы — личный интересъ и общественное благо. И вотъ въ этомъ-то совмѣщеніи двухъ противоположныхъ интересовъ и кроется ключъ къ разгадкѣ, къ уясненію того начала, которое лежитъ въ основѣ важнѣйшихъ жизненныхъ отправленій общинныхъ союзовъ. Лицо въ общинѣ не представ-

*) См. май, июнь, июль августъ и окт.

ляетъ собою чего-то незначущаго, задавленнаго, ничтожнаго, какъ привыкло обыкновенно смотрѣть на этотъ предметъ наше привилегированное общество. Напротивъ, всѣ важнѣйшія отправления общинной жизнедѣятельности направлены къ тому, чтобы дать возможно большій просторъ и свободу именно лицу, единицѣ, одинокому дѣятелю, будетъ ли этотъ дѣятель на самомъ дѣлѣ совершенно одинокимъ лицомъ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и участникомъ цѣлой рабочей группы—семьи, составляющей самостоятельное хозяйство. Какъ ни парадоксаленъ можетъ показаться подобный выводъ; но иной врядъ ли можно извлечь изъ того основнаго принципа, которымъ регулируются всѣ важнѣйшія отправления общинныхъ союзовъ, и только положительное игнорированіе этого принципа можетъ затемнить настоящій характеръ того, что на самомъ дѣлѣ существуетъ, что представляетъ собою не парадоксъ, а фактъ. Попытаемся же ближе опредѣлить основной смыслъ и значеніе этого въ высшей степени важнаго и чрезвычайно своеобразнаго факта.

Взятый особнякомъ, самъ по себѣ, вѣдъ той фактической оболочки, въ которую онъ заключенъ, благодаря внѣшнимъ условіямъ, основной принципъ общинной жизнедѣятельности можетъ быть формулированъ въ немногихъ словахъ: «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ». Это — принципъ общинной солидарности, начало круговой поруки, идея взаимопомощи, — словомъ, назовите, какъ вамъ угодно, это правило; но основной смыслъ его останется одинъ и тотъ же: совокупная дѣятельность есть лучшая гарантія дѣятельности индивидуальной. Народъ прекрасно понимаетъ эту высокой важности истину и весь строй его общинныхъ отношеній служить на этотъ счетъ непрерывнымъ рядомъ доказательствъ. Но такъ какъ народная жизнь обставлена цѣлою массою самыхъ противорѣчивыхъ условій и обстоятельствъ, такъ какъ, слѣдуя своимъ общиннымъ привычкамъ, обычаямъ и инстинктамъ, народу приходится совмѣщать въ этой жизни самые несомвѣстимые интересы и явленія, то, понятно, что анализъ упомянутаго принципа вѣдъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ функционируетъ, былъ бы и не рационаленъ, и безцѣленъ. Необходимо, слѣдовательно, предварительно разсмотрѣть его въ связи съ этими условіями и обстоятельствами, чтобы уловить затѣмъ его общій, такъ сказать, идеальный характеръ. Съ этою цѣлію разсмотримъ прежде всего то, что принято вообще называть «круговою порукою» нашихъ крестьянскихъ общинъ.

Подъ именемъ круговой поруки многіе привыкли разумѣть совершенно не то, чѣмъ она оказывается на самомъ дѣлѣ, привыкли принимать только одностороннее проявленіе ея и, притомъ, проявленіе, направленное къ соглашенію внѣшнихъ вліяній съ внутренними отправлениями общинной жизни. Требования государственнаго фиска издавна внесли въ общинную жизнь особаго рода отвѣтственность общинъ предъ органами правительственной власти за исправное отбываніе ихъ членами извѣстнаго рода податей и повинностей, и вотъ этого-то рода отвѣтственность всѣхъ общинниковъ за исправное отбываніе податей и повинностей ихъ членами-товарищами и принято называть круговою порукою. Такимъ образомъ, наше общество привыкло видѣть, по словамъ одного изъ самыхъ чуткихъ знатоковъ общиннаго быта нашего народа, «круговую поруку только въ отвѣтственности по платежу податей богатаго за бѣднаго, трудолюбиваго за празднаго, способнаго за неспособнаго, что и служить причиною къ составленію многочисленныхъ заявленій объ уничтоженіи этой поруки» *). Воззрѣніе ошибочное. «Въ дѣйствительности по словамъ гг. Тригорова, Нагибина, Борисова и другихъ изслѣдователей жизни русскаго народа, проявленіе круговой поруки въ видѣ платежей состоятельными членами общества за несостоятельныхъ—фактъ чрезвычайно рѣдкій и имѣетъ мѣсто только тогда, когда сходятся всѣ три причины, производящія это ненормальное явленіе: во 1-хъ, накопленіе огромнѣйшей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, недоимки; во 2-хъ, интрига между различными вліятельными личностями изъ мѣстнаго торговаго класса и въ 3-хъ, особа исключительныя личныя качества мѣстнаго административнаго лица» **). Что же въ такомъ случаѣ нужно понимать подъ именемъ круговой поруки въ болѣе широкомъ смыслѣ?—Взаимное обезпеченіе общинниками другъ друга во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ ихъ общинной жизни, и только одно это. Только въ такомъ случаѣ станетъ понятно и та круговая порука, которая вызывается требованиями фиска, и вся нелѣпость существующаго на этотъ счетъ у нашего quasi-образованнаго общества и противниковъ общиннаго землевладѣнія мнѣнія. Представители фиска просто воспользовались широкою практикою взаимной общинной солидарности въ жизни нашего народа, чтобы лучше

*) С. Кап—нѣ. „Голосъ въ земству“, стр. 113 и 114. „Русская Мысль“ за 1880 г. № 1.

**) Тамъ же, стран. 114.

обеспечить исправное получение податей. Въ этомъ заключаются для фиска выгоды простаго практическаго разчета—и только. Затѣмъ самъ народъ какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ является самостоятельнымъ творцемъ своихъ отношеній, согласуя съ основами своей общинной жизни зачастую непосильныя требованія фиска.

Въ высшей степени характерную и интересную картину въ народной жизни представляетъ это соглашеніе общинами непосильныхъ требованій, лежащихъ на работника и хозяйство извнѣ, съ основною справедливостью, царящею во взаимныхъ отношеніяхъ общинниковъ. Благодаря особеннымъ условіямъ современной экономической жизни русскаго народа, благодаря крайней бѣдности крестьянина, незначительности его матеріальныхъ средствъ и ограниченности тѣхъ производительныхъ ресурсовъ, изъ которыхъ только онъ и можетъ, главнымъ образомъ, извлекать, при настоящемъ своемъ положеніи, эти средства, въ его экономической жизни существуетъ много ненормальнаго, наноснаго, несоотвѣтствующаго тѣмъ дѣйствительнымъ основаніямъ и цѣлямъ, къ которымъ принаровленъ весь внутренній строй его общинныхъ отношеній. Рядомъ съ людьми богатыми въ общинахъ встрѣчаются и бѣдняки, и именно большинство общинниковъ состоитъ изъ этихъ послѣднихъ. Это вноситъ неизбѣжную путаницу и диссонансъ во всю экономическую жизнь нѣкоторыхъ общинъ, находящихся подъ гнетомъ самыхъ неблагопріятныхъ условій. А большинство общинъ именно находится въ такомъ положеніи. Между тѣмъ, для фиска онѣ одинаково представляютъ извѣстную платежную силу, въ какихъ бы онѣ ни стояли условіяхъ. Понятно, что большинству общинъ приходится при этомъ выносить двойную борьбу,—борьбу съ непосильными требованіями фиска и съ тѣми ближайшими неблагопріятными условіями, въ какихъ онѣ находятся. Какъ же общины дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи, какъ онѣ соглашаютъ несогласимое? Очень просто: онѣ распределяютъ повинности между своими членами такимъ образомъ, чтобы не задавить окончательно производительную силу и платежныя средства отдѣльныхъ хозяйствъ, потому что только въ экономическомъ благосостояніи или упадкѣ этихъ послѣднихъ кроются средства къ поднятію общаго уровня экономической жизни отдѣльныхъ общинъ. Тутъ въ полномъ смыслѣ практикуются великія слова: «овому таланъ, овому два», и съ того, кому больше всѣхъ дается, съ того и больше другихъ

спрашивается. Народъ не придерживается въ этомъ отноше-
нїи тѣхъ формъ фискальныхъ требованій; въ какихъ ему предлага-
ются къ исполненію эти послѣднія, а создаетъ свои собственныя,
самобытныя, принаравливая ихъ къ истиннымъ идеаламъ своей
общинной жизни.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что общинная земля и угоды
представляютъ такого рода собственность, изъ которой каждый
общинникъ можетъ извлекать извѣстныя средства къ жизни, вся-
кая община преслѣдуетъ по преимуществу двоякаго рода цѣли:
равномѣрное распредѣленіе общинной собственности между своими
членами и исправное отбываніе этими послѣдними повинностей,
налагаемыхъ на нихъ за пользованіе общинною собственностью.
Отсюда вытекаетъ соглашеніе двоякаго рода крайностей: необхо-
димо, во-первыхъ, чтобы отдѣльныя лица не пользовались об-
щинною собственностью въ ущербъ интересамъ другихъ лицъ;
нужно, во-вторыхъ, чтобы несеніе общинниками повинностей,
налагаемыхъ за пользованіе общинною собственностью, не ложи-
лось съ особеннымъ гнетомъ также только на отдѣльныхъ лицъ
и тѣмъ болѣе на такихъ, которыя и безъ того задавлены непо-
сильнымъ бременемъ экономическихъ нуждъ и неурядицъ. Если
бы общины, слѣдуя фискальной системѣ, стали разлагать нала-
гаемые на нихъ платежи по душамъ, числящимся за каждымъ
хозяйствомъ, распредѣляя, сообразно съ этимъ, между отдѣльными
дворами и земельныя угоды, тогда, разумѣется, имъ никогда
не удалось бы согласить упомянутыя крайности. Одни хозяйства
были бы окончательно задавлены, благодаря наложенію на нихъ
непосильнаго бремени фискальныхъ платежей, другимъ пришлось
бы платить за представителей этихъ задавленныхъ хозяйствъ
въ силу общей круговой поруки, и само собою понятно, что
при этомъ никто не былъ бы въ выигрышѣ. Но общины никогда
не придерживались и не придерживаются такой системы; онѣ осно-
вываютъ всѣ свои хозяйственныя дѣла и отношенія на крайне
своеобразныхъ разверсткахъ земельной собственности и фискаль-
ныхъ платежей по своимъ особеннымъ душамъ, не тѣмъ жи-
вымъ душамъ, изъ которыхъ состоятъ отдѣльныя семьи или хо-
зяйства, а по чисто отвлеченной нормѣ, обусловливаемой общемъ
суммою жизненныхъ требованій всей общины, съ одной сто-
роны, и рабочими силами и средствами, съ другой. Что же соб-
ственно въ такомъ случаѣ означаетъ на языкѣ общинника тер-
минъ «душа»?

«Душа» не есть что либо конкретное, въ дѣйствительности существующее. Это—не лицо или группа лицъ; это только отвлеченное понятіе, условный терминъ общинно-хозяйственнаго крестьянскаго языка. Ближе всего, повидимому, подходит къ понятію души понятіе «работника», но провести полнѣйшую аналогію между двумя этими понятіями невозможно. Между ними не существуетъ ни полнаго тождества, ни даже сколько-нибудь близкаго совпаденія. Хотя въ дѣйствительности бываетъ большею частію такъ, что душевые, полу-душевые и четверть-душевые надѣлы соотвѣтствуютъ присутствію въ семьѣ полныхъ и неполныхъ работниковъ мужскаго пола, взрослыхъ и подростковъ; но встрѣчаются и такіе случаи, когда два, напримѣръ, надѣла лежатъ на одномъ работникѣ или когда надѣлъ дается вдовѣ съ малолѣтними дѣтьми, а то и просто однимъ сиротамъ. Такимъ образомъ, понятію о душѣ соподчиняются прежде всего понятія о рабочихъ силахъ и потребностяхъ семьи. Въ этомъ заключается внутренняя обычно-правовая сторона анализируемаго термина. Тутъ же кроются дѣйствительныя причины и той особенности крестьянскихъ возрѣній, въ силу которыхъ они являются результатомъ воздѣйствія на нихъ двухъ факторовъ: начала трудового и принципа общинной солидарности.

Другой логическій отгѣнокъ, придаваемый крестьянами разсматриваемому нами термину, носить чисто внѣшнее происхожденіе, является результатомъ фискальной системы. Онъ заключается въ томъ, что понятіемъ о душѣ предполагается понятіе о полной платежной силѣ. Только тотъ, съ точки зрѣнія народнаго обычая, можетъ, главнымъ образомъ, получить надѣлъ на душу, кто въ состояніи нести платежныя повинности, приходящія также на одну душу. Иногда тутъ понятіе о душѣ близко соприкасается съ понятіемъ о ревизской душѣ, что встрѣчается, напр., въ общинахъ вологодской губерніи, и въ такомъ совпаденіи, конечно, легко замѣтить вліяніе фискальной системы взиманія податей, установленной еще Петромъ. Но чаще такого совпаденія совсѣмъ не оказывается въ наличности. Слѣдовательно, и въ этомъ, какъ и въ предыдущемъ, случаѣ понятіе о душѣ и понятіе о ревизской душѣ нельзя считать вполне тождественными. Часто въ семьѣ совсѣмъ не бываетъ требуемаго количества ревизскихъ душъ, такъ что количество надѣловъ бываетъ больше или меньше количества этихъ послѣднихъ. Иногда даже бываютъ и такого рода случаи, когда въ семьѣ и совсѣмъ

не оказывается ни одной ревизской души и тѣмъ не менѣе такая семья получаетъ надѣлъ на душу, полъ или четверть души. Однимъ словомъ, только необходимость нести повинности въ большей или меньшей мѣрѣ, какъ чисто внѣшнее и стороннее существо общиннаго начала условіе, вводитъ въ понятіе о душѣ элементъ платежной способности. Не будь этой необходимости, тогда, разумѣется, и самое понятіе о душѣ носило бы совершенно иной, чѣмъ какимъ оно теперь отличается, характеръ: общинная жизнь несомнѣнно совершалась бы болѣе правильнымъ и естественнымъ образомъ, чѣмъ какъ совершается она при настоящихъ условіяхъ, а, вслѣдствіе этого, и способы пользованія общинною собственностью приняли бы также болѣе нормальный и ближе соотвѣтствующій такой жизни характеръ.

И такъ, слѣдовательно, уже въ самомъ понятіи народа «о душѣ», какъ обычно-правовомъ терминѣ, заключаются тѣ основанія, которыми опредѣляются существенныя черты общинно-земельныхъ порядковъ. Въ своихъ земельныхъ отношеніяхъ народная община пытается согласить двоякаго рода условія: съ одной стороны, она принимаетъ во вниманіе силы и потребности рабочей семьи, а съ другой, платежныя средства той же семьи. Такимъ образомъ, и самый терминъ «душа» принимаетъ въ языкѣ народа условный характеръ. Таковъ общій выводъ, къ которому пришло въ этомъ отношеніи большинство изслѣдователей общинно-земельнаго быта русскаго народа. Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что понятіе о ревизской душѣ совершенно чуждо общинному строю нашего народа, какъ понятіе наносное, извиѣ привитое. «Въ народѣ, въ его бытѣ, въ его живомъ словѣ, говоритъ Трипировъ, рѣдко можно услышать о ревизской душѣ; она какъ будто вовсе не существовала или совершенно изгладилась изъ его памяти, но за то, вмѣсто ревизской души, какъ вмѣсто одного переродившагося растенія, передъ вами раскрывается множество ея разновидностей. Рѣдкое село не представитъ вамъ всѣхъ или большую часть слѣдующихъ душъ: 1) окладной души, 2) накладной души, 3) чужой души, 4) своей души, 5) прибылой души, 6) убылой души, 7) пустовой души, 8) пропитой души, 9) продажной души, 10) покупной души, 11) земельной души, 12) лѣсной души, 13) рабочей души, 14) неугодной души, 15) длинной души, 16) большой души, 17) малой души, 18) старой души, 19) новой души, 20) прожитой души,

и, наконецъ, 21) души на міру» *). И уже одно это разнообразіе эпитетовъ, прилагаемыхъ народомъ въ разныхъ случаяхъ къ одному и тому же термину «душа», показываетъ, какими разнородными условіями должно опредѣляться въ дѣйствительности экономическое значеніе этого термина. Народъ ставитъ на болѣе широкія основанія свою податную систему, чѣмъ какія установлены для нея требованіями фиска.

«Исчезновеніе ревизской души, говоритъ далѣе тотъ же изслѣдователь земельной общины, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (Саратовской губерніи) одно лишь номинальное ея существованіе объясняется тѣмъ, что, какъ назадъ тому 160 лѣтъ (во время установленія подушной ревизской подати), такъ и въ 1858 году (т. е. во время послѣдней ревизской переписи), весь экономическій строй крестьянина-земледѣльца держался въ земельной общинѣ на домохозяйствѣ, которое представляло своего рода союзъ, экономическую единицу».

«Не смотря на то, что перепись была подушною, опредѣляющею число душъ въ селеніи, въ общинѣ, все-таки перепись эта составлялась по домохозяйствамъ, такъ что каждое значилось въ спискѣ подъ особымъ номеромъ, въ порядкѣ расположенія дворовъ».

«Природа, награждавшая человѣчество прибылью населенія, не соображалась съ разными податными началами государствъ, а по своему распредѣляла дѣтей въ семьяхъ; такъ, у однихъ было въ моментъ ревизіи по двѣ дѣвушки на возрастѣ и по два мальчика годовыхъ и двухъ-лѣтнихъ; у другихъ по одному 16-ти лѣтнему мальчику съ маленькими дѣвочками; семьи первой категоріи, состоя изъ отца и малолѣтнихъ сыновей, значились съ тремя душами, а вторыя, состоя изъ отца и работника-сына, съ двумя душами. Два мальчика въ семьѣ первой категоріи могли только обезсилить домохозяйство; подростки же мужскаго пола, въ семьяхъ второй категоріи, могли увеличивать силу домохозяйства. Естественно, что такая двухдушевая семья сильнѣе трехъ-душевой семьи, о которой мы только-что упоминали. Потеря членовъ семьи мужскаго пола отражалась на домохозяйствахъ двухъ приведенныхъ категорій различно; но въдѣ категоріи семей въ каждомъ селеніи видоизмѣнялись разнообразно,

*) В. Трироговъ. «Душа въ народномъ хозяйствѣ», стр. 181 и 182, Отеч. Записки за 1879 г. № 2-й.

не только по нарожденію и вымиранію разнородныхъ членовъ семей, но и по физическимъ и нравственнымъ недостаткамъ ихъ, которыми надѣляла ихъ та же природа».

«Такимъ образомъ, выбытіе одной ревизской души въ общинѣ передѣлывало весь ревизскій строй въ домохозяйствахъ и, въ силу чисто экономическихъ требованій, создавало цѣлый рядъ разнородныхъ душъ» *)

Выработавъ, такимъ образомъ, понятіе о душѣ, какъ объ извѣстнаго рода нормальной единицѣ, которой соотвѣтствуетъ въ каждой общинѣ опредѣленный размѣръ земельныхъ угодій съ лежащимъ на нихъ опредѣленнымъ количествомъ платежей, народъ ввелъ въ свои экономическія отношенія эту единицу, какъ нѣчто реальное, дѣйствительно существующее. На этомъ основаніи, онъ мѣняется душами, передаетъ ихъ, продаетъ и пр., мѣняя, передавая и продавая въ сущности извѣстное количество угодій съ лежащими на нихъ платежами. Вслѣдствіе же этого, и всѣ тѣ отдѣльныя хозяйства, изъ которыхъ состоятъ общинныя формы и которыя служатъ основными факторами общинной производительности, онъ сортируетъ и подраздѣляетъ по количеству числящихся на нихъ душъ. Такъ, бываютъ дворы однодушные, двухдушные, трех-душные, четырех-душные и т. д. Благодаря такому подраздѣленію, каждое хозяйство имѣетъ возможность отправлять свои производительныя функціи въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ позволяютъ ему его рабочія силы и матеріальныя средства. Сильныя хозяйства, располагающія достаточнымъ количествомъ рабочихъ силъ и матеріальныхъ средствъ, отбываютъ и повинности въ усиленной степени, за нѣсколько душъ, обрабатывая вмѣстѣ съ тѣмъ достаточное количество земельныхъ надѣловъ. Наоборотъ, хозяйства слабыя, состоящія изъ одного какого-нибудь работника, безъ всякихъ рабочихъ средствъ, безъ лошади и сохи, или же съ соотвѣствующими средствами, но изъ крайне слабосильнаго работника, старика, подростка и пр., отбываютъ и повинности на одну или полторы души, въ такомъ лишь размѣрѣ, въ какомъ только они въ состояніи вести свою производительность, при ихъ наличныхъ силахъ и средствахъ. Однимъ словомъ, каждая община, каждое ея хозяйство, каждый ея работникъ приспособляются въ этомъ отношеніи къ существующимъ экономическимъ условіямъ, какъ требуютъ того

*) Тамъ же, стр. 182.

практическія выгоды и общественная справедливость. Ни личность, ни хозяйство, при такомъ порядкѣ дѣль, не бывають стѣснены и придавлены въ ущербъ той доли ихъ самостоятельности, какая только оказывается возможною при данномъ уровнѣ экономической жизни общины и деревни. Въ этомъ и заключается глубокой практической смыслъ общинныхъ порядковъ, смыслъ, придающій имъ особенную силу и устойчивость.

«Изъ всѣхъ единицъ обложенія, справедливо замѣчаетъ по этому поводу Трироговъ, практикующихся нынѣ государствомъ—душа, земствомъ—десятина и общиной—домохозяйство, послѣдняя устойчивѣе, цѣлостнѣе, опредѣленнѣе и цѣлесообразнѣе двухъ первыхъ по одному тому уже соображенію, что мертвыя и младенческія души, прибавляясь ежедневно, считаются миллионами, мертвыя десятины образуютъ цѣлыя области, а мертвыя (пустыя) домохозяйства тоже можно считать, но только вѣками. Души, нарождаясь и умирая, долго бремятъ общину и государство, десятины всегда въ своемъ числѣ неизмѣнны, а домохозяйство было, есть и будетъ продуктомъ экономической жизни человѣка-хозяина не только въ сельскомъ крестьянскомъ мирѣ, но и во всѣхъ другихъ состояніяхъ» *).

Таковы тѣ способы, съ помощью которыхъ народъ соглашается фискальныя требованія, налагаемые на него извнѣ, съ основными задачами внутренней, производительной жизни общины, которыми онъ уравниваетъ экономическія тяжести, ложащіяся на каждое хозяйство, на каждое рабочее лицо, и благодаря которымъ онъ не сдѣлался еще окончательнымъ банкротомъ въ экономическомъ отношеніи. Причемъ же тутъ, однако, круговая порука? Какое отношеніе она имѣетъ къ этимъ способамъ и распоряжаньямъ нашего народа—общинника? Самое ничтожное, если понимать ее въ общепринятомъ, рутинномъ смыслѣ, какъ одно лишь средство уплаты податей одними членами общины за другихъ. Суть общинныхъ порядковъ и приемовъ при отбываніи повинностей, какъ мы сейчасъ видѣли, направлена къ тому, чтобы каждый общинникъ несъ по возможности сильное бремя въ этомъ отношеніи, такое бремя, которое меньше всего могло бы стѣснять его производительную дѣятельность, — и уже однимъ этимъ актомъ устраняется въ народной жизни необходимость при-

*) В. Трироговъ. «Община—типъ и ея податныя основанія», Отеч. Записки на 1879 г. № 9-й, стр. 207.

бѣгать къ круговой порука въ томъ ея видѣ, какой обыкновенно требуется существующею системою государственнаго фиска. Разумѣется, бываютъ случаи, когда круговая порука проявляется и въ такомъ только видѣ; но случаи эти рѣдки, исключительны и положительно теряются въ массѣ другихъ, не похожихъ на нихъ, случаевъ. Есть другаго рода круговая порука, порука, обеспечивающая каждому общиннику, какъ исправное отбываніе платежныхъ повинностей, такъ и возможность нести самостоятельно и независимо свое хозяйство,—и вотъ этотъ-то именно видъ круговой поруки обнаруживается въ общинно-земельныхъ порядкахъ нашего народа въ полной силѣ.

Дѣло въ томъ, что своеобразная народная разверстка по душамъ, какъ общинной собственности, такъ и лежащихъ на ней платежей, ставитъ каждое отдѣльное хозяйство въ наиболѣе благоприятныя экономическія условія. Предоставляя, на основаніи этой разверстки, каждому единичному хозяйству опредѣленный, соответствующій его экономическимъ силамъ и средствамъ надѣлъ, община даетъ ему тѣмъ самымъ возможность извлекать изъ земли столько, сколько оно можетъ. Налагая затѣмъ на него только опредѣленную, также строго соответствующую его экономическимъ силамъ и средствамъ долю платежей, община гарантируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ это посильное извлеченіе изъ земли матеріальныхъ средствъ отъ излишней тягости общественныхъ условій. Въ этомъ именно и заключается свобода веденія частнаго хозяйства, свобода лица, на сколько оно прикосновенно къ этому послѣднему, вообще свобода всей производительной дѣятельности общинника въ сферѣ его ближайшихъ хозяйственныхъ интересовъ. Пока хозяйство слабо, пока въ составъ его входитъ малое количество рабочихъ силъ, пока оно располагаетъ незначительными матеріальными средствами,—и размѣръ его производительности строго сообразуется именно съ этими условіями. Оно даетъ столько, сколько можетъ. Всякій излишекъ въ землѣ и въ лежащихъ на ней платежахъ поставилъ бы его въ прямое несоответствіе съ его рабочими силами и средствами и тѣмъ привелъ бы его рано или поздно къ окончательному банкротству. Но тутъ-то именно и является на выручку круговая порука общины. Въ силу этой поруки, всякій излишекъ, который завилъ бы производительную дѣятельность малосильнаго хозяйства, переносится на хозяйства, болѣе сильныя и лучше обставленныя. Такимъ образомъ, одни хозяйства несутъ этотъ излишекъ

за другія до тѣхъ поръ, пока не представится случая переложить его на третьи. Съ теченіемъ времени, когда слабосильное хозяйство станетъ въ лучшія условія, когда подрастутъ его работники или увеличатся матеріальныя средства, само оно, это хозяйство, можетъ перейти въ разрядъ болѣе сильныхъ домохозяйствъ и, въ свою очередь, взять на себя излишекъ тяготы съ другихъ ослабѣвшихъ хозяйствъ. Точно также и, наоборотъ, нѣкоторыя изъ прежнихъ состоятельныхъ и сильныхъ хозяйствъ могутъ превратиться, благодаря неблагоприятнымъ для нихъ условіямъ, въ разрядъ слабосильныхъ, пошатнувшихся и сложить съ себя тяготѣющій надъ ними излишекъ платежей на хозяйства окрѣпшія и т. д., и т. д. Такъ обыкновенно, въ этомъ постоянномъ несеніи излишка платежей, тяготы одними хозяйствами за другихъ, и идетъ изъ года въ годъ общая круговая порука общинниковъ. Такимъ именно образомъ и обнаруживается во всемъ своемъ объемѣ настоящій характеръ и значеніе круговой поруки, свойственной русской земельной общинѣ, и нелѣпо было бы смѣшивать круговую поруку въ такой широкой и многообъемлющей формѣ съ тѣмъ ея видомъ, который обнаруживается въ непосредственной уплатѣ повинностей одними членами общины за другихъ. Это значило бы принимать часть за цѣлое, придавать второстепенному обстоятельству первенствующее, не подобающее ему значеніе.

Общинная жизнь нашего народа представляетъ массу примѣровъ, въ которыхъ съ особенною силою обнаруживается это, только-что отмѣченное выше, значеніе круговой поруки въ экономической жизни общинника. Такъ, напр., почти въ каждой общинѣ бываютъ ежегодно такъ называемые частные передѣлы или разверстки земельныхъ надѣловъ съ лежащими на нихъ платежами. На одни дворы община «наваливаетъ» эти надѣлы, съ другихъ она ихъ «снимаетъ». Пожары, падежи скота, неурожай, болѣзни, смерть и вообще выбытіе изъ семьи того или другаго члена—все это служитъ причиною того, что сама община, приходитъ на помощь пошатнувшемуся хозяйству и, производя, вслѣдствіе этого, новое распределеніе надѣловъ между своими членами, направляетъ такимъ образомъ, такъ сказать, общее теченіе круговой поруки. Точно также та же община, въ силу все той же круговой поруки, даетъ возможнымъ отдѣльнымъ хозяйствамъ расширить сферу земледѣльской производительности. Она снимаетъ души съ состоятельныхъ хозяевъ и передаетъ ихъ ме-

нѣе состоятельнымъ, у которыхъ вошедшіе въ силу работники требуютъ расширенія хозяйственныхъ оборотовъ, — снимаетъ и передаетъ, конечно, въ томъ случаѣ, когда такая передача не соединена съ непосильными, некупаемыми даже земельною производительностью платежами. Однимъ словомъ, справедливость руководитъ въ этомъ отношеніи каждымъ шагомъ общинниковъ, направляя ихъ дѣятельность такимъ образомъ, чтобы интересы однихъ личностей не подавлялись интересами другихъ. Въ этомъ и заключается вся сила круговой поруки общинно-земельныхъ союзовъ.

Но дѣйствительное значеніе круговой поруки не исчерпывается одними только-что отмѣченными отношеніями общиннаго населенія въ области его экономическихъ нуждъ и потребностей. Нѣтъ, значеніе ея далеко шире и разностороннѣе. Строго говоря, она кроется въ каждомъ сколько-нибудь выдающемся актѣ общественной дѣятельности общины. Безъ такого ея значенія общины утратили бы свой настоящій характеръ. Она, поэтому, одинаково проявляется вездѣ и во всемъ—и въ общинныхъ распорядкахъ, и въ общественныхъ дѣлахъ, и въ обыкновенной повседневной жизни общинника, и въ его борьбѣ съ природою, и вообще во всѣхъ случаяхъ общинной взаимопомощи. Въ такомъ видѣ она принимаетъ характеръ основнаго фактора, регулирующаго весь строй обычно-правовой жизни и отношеній общиннаго населенія, и переходитъ въ могучій принципъ общинной солидарности.

Что такое принципъ общинной солидарности?

Подъ солидарностью принято вообще разумѣть такое соотношеніе между собою лицъ, которое ставитъ ихъ въ извѣстныхъ обязательныхъ и отвѣтственныхъ отношенія другъ передъ другомъ въ виду лучшаго достиженія одной какой-нибудь общей цѣли. Такъ, рабочая артель плотниковъ, преслѣдующая общія экономическія цѣли, налагаетъ извѣстнаго рода обязательства на своихъ членовъ, дѣлая ихъ отвѣтственными другъ передъ другомъ за то или другое исполненіе этихъ обязательствъ, и вотъ такіе-то взаимнообязанные и отвѣтственные другъ передъ другомъ въ своихъ обязательствахъ плотники и будутъ солидарными между собою лицами, а лежащій въ основѣ ихъ артельныхъ отношеній принципъ будетъ принципомъ артельной солидарности. Точно также и сельская община, преслѣдующая свои общія экономическія и всякія другія связанныя съ экономиче-

скими цѣли, ставить своихъ членовъ въ извѣстныя взаимно-обязательныя и отвѣтственныя отношенія, и такія отношенія опять таки будутъ солидарными, а лежащее въ основѣ ихъ общинное начало и составитъ принципъ общинной солидарности. Такимъ образомъ, принципъ общинной солидарности является въ сущности общиннымъ принципомъ, такимъ началомъ, которое совмѣщаетъ въ себѣ извѣстные общественные интересы, какъ лучшую гарантію соподчиненныхъ имъ интересовъ частныхъ, индивидуальныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ.

Если бы крестьянская община представляла собою немногочисленную группу лицъ, стоящихъ въ строго опредѣленныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и руководящихся въ этихъ отношеніяхъ немногосложными писанными правилами въ формѣ устава, тогда-только что высказанное замѣчаніе относительно принципа общинной солидарности было бы до-нельзя яснымъ и понятнымъ для всѣхъ и каждаго. Каждый сторонній общинѣ наблюдатель видѣлъ бы, что общинники исполняютъ извѣстныя обязательства по отношенію къ общинѣ, какъ коллективной представительницѣ ихъ частныхъ, индивидуальныхъ интересовъ, согласно съ требованіями устава, и что за то или другое исполненіе обязательствъ они также являются отвѣтственными лицами предъ тою же общиною, какъ коллективную единицею; но въ дѣйствительности крестьянская община никогда не руководилась такими писанными уставами. Нѣтъ, она искони знала одни свои традиціонные принципы, которые и воплощала непосредственно въ своей жизни, въ своихъ обычаяхъ, варьируя ихъ до безконечности, сообразно съ тѣми требованіями, которыя предъявляли имъ жизнь, окружающая среда и обстоятельства. А это-то именно и дѣлало особенно труднымъ изученіе принципа общинной солидарности. Обычай не такъ легко поддается анализу, какъ искомый законъ. Служа выраженіемъ извѣстныхъ жизненныхъ отношеній, онъ самъ теряется во всевозможныхъ мелочахъ и частностихъ этихъ отношеній.

Тѣмъ не менѣе, всматриваясь въ жизнь общиннаго населенія, легко подмѣтить то широкое и разностороннее значеніе принципа общинной солидарности, которое составляетъ самую характерную и выдающуюся черту этой жизни. Въ интересахъ умственныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ, правовыхъ и экономическихъ — вездѣ въ большей или меньшей степени можно подмѣтить вліяніе этого принципа. Онъ даетъ себя чувствовать и при

устройствѣ общинной школы, и при постановленіи приговора объ уничтоженіи кабака, и при постройкѣ церкви, часовни и ограды, и въ устройствѣ общиннаго праздника, и въ борьбѣ міра за свои права съ должностнымъ лицомъ или съ кулаками, и въ особенности въ обширнѣйшей области экономическихъ нуждъ и потребностей. Здѣсь, въ послѣднемъ случаѣ, онъ и принимаетъ свои наиболѣе характерныя формы, становясь основнымъ и главнымъ регулирующимъ началомъ существующихъ обычно-правовыхъ отношеній народа.

Существуетъ, собственно говоря, двѣ главныхъ формы, въ которыхъ проявляется принципъ общинной солидарности. Одну изъ этихъ формъ можно назвать сложною, другую — простой. Такъ, случаи общинныхъ помочей міромъ и сообща представляютъ сложную форму проявленія названнаго принципа, а одиночная помощь общинника общиннику — простую. Но въ какой бы формѣ въ частности ни проявлялся разсматриваемый нами принципъ, онъ одинаково оказывается средствомъ взаимнаго обезпеченія разными лицами или группами ихъ своихъ интересовъ. Такъ, когда устраняются мірскія помочи для того, чтобы помочь погорѣвшему общиннику постройтись, какъ это водится, напр., въ симбирской губерніи, тогда міръ обезпечиваетъ интересы своего члена самымъ фактомъ помочей, а оправившійся общинникъ въ свою очередь гарантируетъ міру, какъ исправное отбываніе повинностей, такъ и веденіе своего хозяйства такимъ образомъ, чтобы не быть обузою тому же міру. Точно также, когда, въ силу обычая, одинъ общинникъ помогаетъ другому вытащить возъ изъ грязи, происходитъ опять случай взаимнаго обезпеченія интересовъ двухъ различныхъ лицъ. Для перваго изъ этихъ лицъ это обезпеченіе оказывается совершившимся фактомъ, для втораго оно является въ видѣ возможности такой же или подобной, равносильной помощи въ будущемъ, при чемъ эту помощь онъ можетъ одинаково ожидать и отъ того общинника, которому онъ разъ помогъ, и вообще отъ всякаго другаго члена общины. И такъ вездѣ и во всемъ. Вездѣ принципъ солидарности направляетъ въ извѣстную сторону существующіе общинные обычаи. Вездѣ значеніе его обнаруживается въ регулированіи обычно-правовыхъ отношеній народа въ сферѣ его общинной жизни и труда.

Раньше мы имѣли уже случай ознакомиться съ такимъ значеніемъ этого принципа въ обычаяхъ свободной землѣ. Не далѣе,

какъ въ настоящей главѣ, говоря о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ держатся способы распредѣленія общинниками между собою земельныхъ угодій и лежащихъ на нихъ платежей, мы имѣли возможность еще разъ убѣдиться въ томъ же значеніи названнаго принципа. Распредѣленіе это, какъ мы видѣли, не регулируется однимъ какимъ-нибудь началомъ, а опредѣляется всею суммою тѣхъ условій, въ которыхъ находится общинникъ. Положивъ въ основу своего понятія о душѣ, другое соподчиненное ему, понятіе о работникѣ, народъ не ограничился вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніемъ одного трудового начала на возникающіе, при своихъ душевыхъ разверсткахъ, обычные порядки и отношенія. Нѣтъ, онъ ввелъ въ понятіе о душѣ и такіе элементы, какъ потребности рабочей семьи и ея матеріальныя средства, и вотъ здѣсь-то, при возникновеніи тѣхъ отношеній, которыя обуславливаются вліяніемъ на жизнь народа этихъ элементовъ, онъ и прибѣгаетъ къ посредству принципа общинной солидарности. Такъ, онъ часто наваливаетъ на богатаго душевые надѣлы или снимаетъ ихъ съ бѣдняка не потому, что у перваго больше рабочихъ силъ, а у другаго меньше, а потому что одинъ другаго состоятельнѣе, одинъ имѣетъ больше средствъ для удовлетворенія потребностей обыкновеннаго средняго общинника, чѣмъ другой, и что, поѣтому, несправедливо было бы допускать несеніе бѣднякомъ непосильныхъ для него повинностей въ то время, когда отъ этого несенія свободенъ богачъ, для котораго оно не составитъ особенной тяжести, такъ какъ такимъ порядкомъ дѣлъ нарушался бы принципъ круговой поруки или, что одно и то же, принципъ общинной солидарности. Принципомъ общинной солидарности, а не трудовымъ началомъ народъ руководится и тогда также, когда предоставляет въ пользованіе общинный надѣлъ вдовѣ или сиротамъ, въ семьѣ которыхъ совсѣмъ не оказывается работниковъ, да мало того, что предоставляет, но иногда и совсѣмъ избавляетъ такихъ лицъ отъ несенія лежащихъ на ихъ надѣлѣ платежей, какъ это дѣлается въ общинахъ днѣпровскаго уѣзда таврической губерніи, даже обрабатываетъ самую надѣльную землю вдовы и сиротъ при помощи мірскаго труда, помочами, какъ это водится почти повсемѣстно въ Россіи.

Но полное представленіе о широкомъ примѣненіи принципа общинной солидарности въ экономической жизни русскаго народа можно получить только изъ болѣе или менѣе подробнаго ознакомленія со всѣми тѣми порядками, которые входятъ въ область

пользованія и владѣнія общинно-земельною собственностью. При владѣнія и пользованія выгонами, настбищами, лѣсами, водами, минеральными богатствами, сѣнокосами, пашнями, усадьбами и приусадебными землями—вездѣ община одинаково придерживается принципа общинной солидарности, какъ руководящаго начала. Такимъ образомъ, принципъ общинной солидарности проникаетъ собою весь строй существующихъ въ русской земельной общинѣ экономическихъ отношеній. Безъ его регулирующаго вліянія не можетъ совершиться ни одинъ сколько-нибудь выдающійся актъ вытекающихъ изъ этихъ отношеній дѣйствій, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всей общины. Онъ, однимъ словомъ, есть альфа и омега, начало и конецъ общинной жизни и развитія.

Такова-то роль принципа общинной солидарности во внутреннихъ отправленіяхъ общинныхъ союзовъ. Намъ предстоитъ теперь ближе ознакомиться съ этими отправленіями, что мы и сдѣлаемъ въ слѣдующихъ главахъ.

Ф. Щербина.

ПОДРОБНОСТИ АГРАРНАГО ВОПРОСА ВЪ ЧЕРНОЗЕМНОЙ РОССИИ.

Условія экономического положенія крестьянъ, созданныя реформой 19 февраля 1861 г., уже въ средѣ самихъ редакціонныхъ комиссій сознавались, какъ неудовлетворительныя. Известно, что въ первомъ періодѣ своихъ работъ, редакціонныя комиссіи уже задавались мыслью о крестьянскихъ переселеніяхъ, какъ необходимомъ коррективѣ принятыхъ нормъ по надѣленію крестьянъ землею. Но тогда устройство быта крестьянъ прежде всего представлялось, какъ вопросъ политическій, и редакціонныя комиссіи, встрѣтившія дружный отпоръ со стороны представителей дворянства, были вынуждены идти на крупныя уступки въ пользу экономическихъ интересовъ дворянства, чтобы отстоять дѣло *освобожденія* крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Съ того времени прошло около 20 лѣтъ. И то, что гадательно представлялось редакціоннымъ комиссіямъ и заставляло ихъ обращаться къ мысли о переселеніяхъ, то въ настоящее время самому поверхностному наблюдателю рѣжетъ глаза и громко заявляетъ о своемъ несомнѣнномъ существованіи. Надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ оказались совершенно недостаточными для тѣхъ цѣлей, которыя были указаны законодателемъ при надѣленіи крестьянъ землею,—для обезпеченія ихъ быта и для выполнения ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками. Послѣдствіемъ этого явилось крайнее разстройство экономического быта крестьянъ, грозящее въ конецъ подорвать благосостояніе страны. Рядъ самыхъ прискорбныхъ явленій въ экономической жизни крестьянства выдвигаетъ на первое мѣсто вопросъ объ устраненіи тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ возникли и продолжаютъ развиваться эти явленія.

И мы видимъ, что этотъ вопросъ занимаетъ нынѣ рѣшительно всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь способенъ откликаться на жгучіе запросы жизни, кто хоть сколько-нибудь не чуждъ

понимания насущныхъ потребностей страны. Земство, печать, ученые учрежденія, люди теоріи и практики, всё одинаково проникаются убѣжденіемъ, что настоящее положеніе вещей въ крестьянскомъ быту не можетъ, не должно продолжаться въ интересахъ не только самихъ крестьянъ, но и всей страны, въ интересахъ благосостоянія государства, его экономической состоятельности, его политическаго могущества. И всё стараются, по мѣрѣ силъ, найти выходъ изъ такого положенія, развязать гордиевъ узелъ современности.

Къ сожалѣнію, приходится, однако, констатировать, что даже теоретическія изысканія относительно возможныхъ путей къ этому выходу еще не далеко подвинулись впередъ. Можно даже сказать, что серьезныя работы въ этомъ направленіи только что начинаются. Правда, главные изъ возможныхъ путей уже намѣчены, но лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и для изслѣдователей остается еще широкое поле. Что же касается попытокъ практическаго разрѣшенія вопросовъ, выдвигаемыхъ настоящимъ экономическимъ положеніемъ нашего крестьянства, то эти попытки ни по количеству, ни по качеству не отвѣчаютъ размѣрамъ дѣйствительной крестьянской нужды, какъ это будетъ указано въ своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, говоря вообще, вопросъ объ устраненіи условій, создавшихъ и поддерживающихъ настоящее экономическое положеніе нашего крестьянства еще ждетъ своего разрѣшенія; оно еще впереди.

Въ числѣ этихъ условій на первое мѣсто, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ поставить недостаточное надѣленіе крестьянъ землею. Къ разсмотрѣнію этого главнаго источника крестьянской нужды мы и перейдемъ теперь. Но предварительно — нѣсколько общихъ замѣчаній.

Когда говорится о крестьянской нуждѣ, слѣдуетъ разумѣть по преимуществу, хотя и не исключительно, крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ. Крестьяне государственные стоятъ въ лучшихъ условіяхъ; надѣлы у нихъ больше, повинности меньше и т. д. Это, однако, нисколько не умаляетъ значеніе вопроса, а только даетъ указаніе, что, главнымъ образомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на размѣры землевладѣнія помѣщичьихъ крестьянъ и вообще на условія экономическаго быта этой крупной группы нашего крестьянства.

Затѣмъ, не вездѣ земледѣліе составляетъ для крестьянъ главный и единственный источникъ средствъ на удовлетвореніе сво-

ихъ потребностей и на уплату денежныхъ повинностей. Есть мѣстности, гдѣ природа и разныя экономическія условія заставляютъ крестьянъ смотрѣть на земледѣліе, какъ на подспорное занятіе, и обращаться къ разнымъ другимъ промысламъ, изъ которыхъ они и извлекаютъ главный доходъ. Очень понятно, что въ такихъ мѣстностяхъ уровень благосостоянія крестьянъ лишь частію обуславливается размѣрами земельныхъ надѣловъ, а гораздо больше зависитъ отъ причинъ, лежащихъ внѣ земледѣлія. Стало быть, здѣсь размѣры крестьянскаго землевладѣнія не имѣютъ того значенія, какое они имѣютъ въ мѣстностяхъ исключительно земледѣльческихъ.

Наконецъ, по самой постановкѣ задачи нельзя разсматривать вмѣстѣ малоземельныя и многоземельныя мѣстности съ чисто земледѣльческимъ характеромъ. Условія земледѣльческаго труда въ тѣхъ и другихъ мѣстностяхъ не одинаковы, а потому хотя надѣлы по размѣрамъ иногда даже вовсе не разнятся въ обоихъ мѣстностяхъ, но тѣмъ не менѣе выгодность земледѣльческаго труда не одинакова. Напр., въ многоземельныхъ мѣстностяхъ крестьянинъ при маломъ надѣлѣ можетъ дешево арендовать чужія земли для приложенія своего труда или, при недостаткѣ рабочихъ на мѣстѣ, выгодно продавать свой трудъ другимъ землевладѣльцамъ. При томъ же надѣлѣ, но въ малоземельной мѣстности крестьянъ уже оказывается въ иномъ положеніи: арендныя цѣны здѣсь очень высоки, а рыночная цѣна труда крайне незначительна. Всѣ эти соотношенія будутъ подробно разсмотрѣны впереди; здѣсь же они указываются лишь вообще, чтобы, такъ сказать, оправдать принятый порядокъ изложенія.

I.

Губерніи, въ которыхъ земледѣліе составляетъ главный, а часто и единственный источникъ дохода крестьянъ, обнимаютъ собою огромное, сплошное пространство Россіи, границы котораго совпадаютъ съ границами чернозема. Въ свою очередь это пространство дѣлится на двѣ полосы, рѣзко различающіяся по условіямъ и характеру земледѣльческой промышленности: степную, многоземельную, съ преобладающимъ переложнымъ хозяйствомъ и нестепную, малоземельную, съ преобладающимъ трехпольнымъ хозяйствомъ.

Эта послѣдняя полоса и должна, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ приниматься въ расчетъ, когда возбуждается

вопросъ объ устраненіи печальныхъ экономическихъ явленій, порождаемыхъ недостаточностью крестьянскихъ надѣловъ. Здѣсь дана полностью вся совокупность тѣхъ условій, при которыхъ недостаточность земельныхъ надѣловъ неизбѣжно ставитъ земледѣльца въ безвыходное экономическое положеніе, какъ это будетъ выяснено дальше. Если прибавить, что въ этой полосѣ считается свыше 20 милліон. челоувѣкъ сельскихъ сословій (по свѣдѣніямъ 1870 г.), то станетъ совершенно понятнымъ, почему здѣсь изслѣдованіе крестьянскаго землевладѣнія и условій крестьянскаго хозяйства представляетъ особенную важность и наибольшій интересъ. При томъ же эта полоса считается и (вполнѣ справедливо) житницей Россіи и главнымъ поставщикомъ хлѣба въ нашей отпускной торговлѣ; слѣдовательно, такое или иное состояніе земледѣльческой промышленности, условія ея упадка или развитія здѣсь и прямо, и косвенно отражаются на благосостояніи цѣлой страны.

Какъ ни важно, однако, точно опредѣлить размѣры крестьянскаго малоземелья во всей этой полосѣ, отъ такой задачи приходится на половину отказаться. Хотя у насъ не мало вышло разныхъ изслѣдованій, обнимающихъ все черноземье, однако до сихъ поръ точныхъ свѣдѣній о положеніи и главное—о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія въ разныхъ мѣстностяхъ мы не имѣемъ. Всѣ посвященныя этому предмету изслѣдованія, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, были обречены вращаться въ области среднихъ величинъ, добываемыхъ косвенными путями, не всегда изъ надежныхъ источниковъ. Лишь въ самое недавнее время центральный статистическій комитетъ выступилъ съ капитальнымъ трудомъ, представляющимъ результаты весьма тщательнаго детальнаго обслѣдованія поземельной собственности въ восьми губерніяхъ центральной земледѣльческой области. Безъ сомнѣнія за этимъ первымъ выпускомъ не замедлятъ явиться и послѣдующіе, и тогда мы будемъ имѣть настоящую статистику поземельной собственности во всей Россіи. Покуда же лишь по этимъ восьми губерніямъ, вошедшимъ въ 1-й выпускъ, мы можемъ судить о крестьянскомъ землевладѣніи безъ опасенія преувеличить или умалить размѣры крестьянскаго малоземелья. Вотъ почему настоящую попытку болѣе или менѣе точно опредѣлить размѣры этого малоземелья въ черноземной нестепной полосѣ мы и ограничиваемъ лишь слѣдующими губерніями, составляющими около половины этой полосы: Курскою, Орловскою,

Тульской, Рязанскою, Тамбовскою, Пензенскою и Воронежскою *), а по другимъ губерніямъ этой полосы, гдѣ возможны только весьма приблизительные расчеты, размѣры крестьянскаго мало-земелья указаны въ примѣчаніяхъ.

Правда, указанныя губерніи не всѣ тождественны относительно условій народнаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ встрѣчаются мѣстности, гдѣ часть населенія на ряду съ земледѣіемъ занимается кустарничествомъ, или работой на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, какъ, напр., въ сѣверныхъ уѣздахъ Тульской губ. или въ западной лѣсистой части Орловской губ. Но говоря вообще, эти посторонніе земледѣлію крестьянскіе промыслы играютъ здѣсь неважную роль въ хозяйствѣ мѣстнаго населенія; кореннымъ источникомъ средствъ къ жизни и на уплату повинностей остается для крестьянства земледѣльческій трудъ на своихъ надѣльныхъ земляхъ или у другихъ землевладѣльцевъ по найму, такъ что условія народнаго благосостоянія сводятся здѣсь къ тѣмъ условіямъ, которыми опредѣляется выгодность земледѣльческаго труда вообще.

Въ числѣ этихъ условій размѣры крестьянскаго землевладѣнія, какъ уже было сказано, играютъ наиболѣе важную роль. Разсмотрѣнимъ ихъ мы и начнемъ очеркъ условій крестьянскаго хозяйства въ семи перечисленныхъ выше губерніяхъ.

Въ «Статистикѣ поземельной собственности» все крестьянское населеніе этихъ губерній, безъ различія наименованій (т. е. бывшіе владѣльческіе, государственные и удѣльные крестьяне), по размѣрамъ надѣловъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Число крестьянъ съ надѣломъ на 1 ревизскую душу муж. пол.

Губерніи.	Въ 1 дес. и менѣе.	Больше 1 д. до 2 дес.	Больше 2 д. до 3 дес.	Больше 3 д. до 4 дес.	Больше 4 д. до 5 дес.	Больше 5 д. до 6 дес.	Свыше 6 десат.
Курская	27422	82112	236943	131066	118238	80907	38543
Орловская	8203	26688	228921	178817	97081	24182	16671
Тульская	5204	44474	285531	66794	31001	15529	8378
Рязанская	23399	47945	230536	169044	54342	35816	21125
Пензенская	47247	30647	84401	138255	70331	66517	46801
Тамбовская	41451	56834	193366	138159	135453	139007	65899
Воронежская	42753	48101	92911	131109	129283	136368	224681
По всѣмъ 7 губ.	195679	336801	1352609	953244	635729	498326	422098

*) Въ первый выпускъ «Статистики поземельной собственности» вошла, сверхъ того, Калужская губернія, которая, однако, ни по свойствамъ почвъ,

Въ этой таблицѣ сведены цифры всѣхъ вообще крестьянъ съ надѣлами разныхъ величинъ. Если принять известное количество за норму достаточнаго душеваго надѣла, то, пользуясь данными приведенной таблицы, можно вычислить, сколько крестьянъ надѣлены землею недостаточно и сколько именно земли недостаетъ имъ. Съ такимъ вычисленіемъ мы и встрѣтимся впереди. Но для характеристики крестьянскаго землевладѣнія весьма любопытно остановиться на нѣкоторыхъ среднихъ и относительныхъ величинахъ, приведенныхъ въ томъ же «Сборникѣ поземельной статистикѣ» касательно надѣленія крестьянъ землею въ различныхъ губерніяхъ.

Такъ прежде всего для указанныхъ губерній различіе въ надѣленіи крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, съ одной стороны, и бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ, съ другой, различіе, о которомъ вскользь было уже упомянуто, выступаетъ чрезвычайно рѣзко. По отдѣльнымъ губерніямъ это различіе можетъ быть выражено въ слѣдующей табличкѣ, гдѣ указаны среднія количества земли на дворъ, на ревизскую и наличную душу у тѣхъ и другихъ крестьянъ:

Среднее количество земли (въ десятинахъ) на

Губерніи.	дворъ.		ревизск. душу.		наличн. душу.	
	У крест. б. пом.	У крест. б. госуд. и удѣл.	У крест. б. пом.	У крест. б. госуд. и удѣл.	У крест. б. пом.	У крест. б. госуд. и удѣл.
Курская	6,1	12,0	2,2	4,3	1,9	3,5
Орловская	8,3	11,6	2,9	4,1	2,6	3,3
Тульская	8,3	12,5	2,7	4,2	2,2	3,4
Рязанская	7,9	11,1	2,8	4,1	2,3	3,0
Пензенская	6,9	14,2	2,5	4,9	2,2	4,1
Тамбовская	6,6	13,9	2,5	5,0	2,0	3,9
Воронежская	6,7	15,1	2,4	5,7	2,0	4,3
Среднее по всѣмъ 7 губ.	7,2	12,9	2,6	4,6	2,2	3,6

Отсюда можно видѣть, что бывшіе государственные и удѣльные крестьяне, говоря вообще, надѣлены землею гораздо щедрѣе,

ни по характеру занятій населенія не, можетъ разсматриваться въ составѣ черноземной, почти исключительно земледѣльческой полосы. Мы поэтому не сочли удобнымъ включать въ настоящій очеркъ Калужскую губернію.

чѣмъ крестьяне, бывшіе помѣщичьи, особенно въ губерніяхъ Курской, Пензенской, Тамбовской и Воронежской,—гдѣ надѣлы первыхъ вдвое больше *). Обращаясь къ конкретнымъ величинамъ надѣловъ, мы видимъ, что у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ преобладаетъ надѣлъ величиною отъ 2 до 3 десятинъ на ревизскую душу. Именно такой надѣлъ имѣютъ болѣе половины (52,4%) крестьянъ этой категоріи или 1,179,564 ревизскихъ душъ изъ общаго числа ихъ по всѣмъ семи губерніямъ въ

*) Приблизительно въ такой же пропорціи надѣлены крестьяне разныхъ наименованій въ слѣдующихъ 7 другихъ губерніяхъ черноземной нестепной полосы: Подольской, Волынской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской и Симбирской. Въ данныхъ официальныхъ отчетахъ о состояніи выкупной операціи и о введеніи владѣнныхъ записей среднія величины крестьянскихъ душевыхъ надѣловъ въ этихъ губерніяхъ представляются въ такомъ видѣ:

На 1 ревизскую душу.

Губерніи.	У быв. помѣщич. кр.	У быв. госуд. и удѣльн. кр.
Подольская	2,3	4,3
Волынская	3,9	3,6
Киевская	2,5	4,1
Черниговская	3,3	4,5
Полтавская	2,0	3,9
Харьковская	2,6	4,6
Симбирская	3,1	4,3

Для четырехъ изъ этихъ губерній (Полтавской, Черниговской, Харьковской и Симбирской), по которымъ извѣстенъ средній составъ двора (труды подат. комиссіи) мы сдѣлали расчетъ, сколько земли приходится на дворъ у крестьянъ разныхъ наименованій. Именно:

Губерніи.	У быв. помѣщич. кр.	У быв. госуд. и удѣльн. кр.
Въ Полтавской	5,2	10,1
„ Черниговской	7,9	10,8
„ Харьковской	6,8	12,0
„ Симбирской	8,7	11,2

Очевидно, пропорціи надѣленія крестьянъ тѣ же самыя, что и въ разсматриваемой сѣверо-восточной части черноземной незалежной полосы. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ крестьянскомъ населеніи юго-западной части той же полосы, за исключеніемъ Харьковской губ., преобладающій контингентъ составляютъ крестьяне, бывшіе помѣщичьи, именно свыше $\frac{2}{3}$ —въ Полтавской (80%), Подольской (78,5%) и Киевской (76,3%); около $\frac{2}{3}$ въ Волынской губ. (66,7%); менѣе половины только въ трехъ губ.: Черниговской (44,7%), въ Харьковской (30%) и въ Симбирской (42%).

Такимъ образомъ, по размѣрамъ душевыхъ надѣловъ эта часть черноземной незалежной полосы не болѣе, а пожалуй даже менѣе, благоприятна для крестьянскаго населенія, чѣмъ сѣверо-восточная часть той же полосы. Стало быть, всѣ выводы, которые будутъ сдѣланы для этой послѣдней части относительно условій крестьянскаго хозяйства при нынѣшнихъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія приложимы и въ малоземельнымъ югозападнымъ губерніямъ черноземной полосы.

2,170,573 душ. Затѣмъ около одной пятой (20,4%) крестьянъ имѣють надѣлъ отъ 3 до 4 десятинъ и наконецъ около одной седьмой (14,4%) имѣють надѣлъ отъ 1 до 2 десятинъ и около одной десятой (9,7%) въ 1 десятину и менѣе. Имѣющіе надѣлъ болѣе 4 десятинъ составляютъ только 3% всего числа крестьянъ этой категоріи, т. е. около 65,116 ревизскихъ душъ.

У крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ преобладають надѣлы свыше 3 десятинъ на душу, именно: изъ 2,224,013 ревизскихъ душъ—596,035 (или 26,8%) имѣють надѣлы отъ 3 до 4 десятинъ; 589,363 душъ (или 26,5%) — отъ 4 до 5 десятинъ и 791,746 душъ (35,6%)—болѣе 5 десятинъ (въ томъ числѣ съ надѣломъ отъ 5 до 6 десятинъ—20,4% всего населенія и 15,2%—съ надѣломъ свыше 6 десятинъ). Съ надѣлами менѣе 3 десятинъ среди государственныхъ крестьянъ имѣется только 244,641 душа или 11% (въ томъ числѣ 9% съ надѣлами отъ 2 до 3 десятинъ, 1,8% съ надѣлами отъ 1 до 2 десятинъ и 0,2% съ надѣлами 1 десятины и менѣе). Стало быть, распредѣленіе общей массы крестьянъ этой категоріи по величинѣ надѣловъ обратное сравнительно съ бывшими помѣщичьими крестьянами.

II.

Воздерживаясь покуда отъ какихъ-нибудь выводовъ изъ приведенныхъ расчетовъ, мы перейдемъ теперь къ самому капитальному вопросу крестьянскаго землевладѣнія: въ какой степени слѣдуетъ считать достаточными или недостаточными указанные нормы земельныхъ надѣловъ?

Вопросъ этотъ можетъ разрѣшаться и разрѣшается по двумъ совершенно различнымъ основаніямъ. Одно основаніе—тотъ самый принципъ, который ясно выраженъ въ Высочайшемъ рескриптѣ Назимову, отъ 20 ноября 1857 г., когда только что было приступлено къ подготовительнымъ работамъ по освобожденію крестьянъ изъ брѣвостной зависимости,—принципъ, который повторяется и Положеніемъ 19 февраля 1861 г., хотя послѣднее въ дѣйствительности приняло нормы надѣловъ, не выполнѣ отвѣчающія этому принципу, какъ сознавали и составители Положенія. Этотъ принципъ заключается въ слѣдующемъ: *обезпеченіе содержанія семьи и отбыванія повинностей.*

Другое основаніе—*количество рабочей силы*, представляемой крестьянской семьей. По этому основанію нормою надѣла будетъ

то количество земли, которое въ состояніи обрабатывать собственными силами крестьянская семья.

И то, и другое основаніе даютъ выводы, не одинаковые относительно нормальныхъ размѣровъ крестьянскаго надѣла.

Которому изъ двухъ основаній слѣдуетъ отдать предпочтеніе?

Каждое изъ нихъ имѣетъ за себя вѣскіе доводы и чисто теоретическаго свойства, и характера практическаго. При томъ же получаемые по тому и другому основанію выводы, дополняя другъ друга, помогаютъ уяснить общую картину экономическаго положенія крестьянъ; а потому мы остановимся на каждомъ изъ этихъ основаній и будемъ разсматривать существующія нормы крестьянскихъ надѣловъ, какъ съ точки зрѣнія ихъ достаточности для удовлетворенія нуждъ и потребностей крестьянской семьи, такъ и съ точки зрѣнія ихъ соотношенія съ количествомъ рабочихъ силъ, представляемыхъ крестьянскою семьею.

Въ какой степени существующіе душевые надѣлы крестьянъ отвѣчаютъ ихъ потребностямъ въ средствахъ къ жизни и на уплату повинностей? Другими словами: какое количество земли на одну ревизскую душу слѣдуетъ признать достаточнымъ для удовлетворенія этихъ потребностей?

Прямаго отвѣта, основаннаго на тщательномъ изученіи крестьянскаго бюджета въ разныхъ мѣстностяхъ каждой губерніи, и въ этомъ вопросѣ, какъ во множествѣ другихъ сходственныхъ, нѣтъ, потому что нѣтъ достаточнаго количества фактическихъ данныхъ. Отвѣтъ приходится искать косвенными путями, изъ разныхъ отрывочныхъ указаній. Однако, въ виду того, что всѣ имѣющіяся указанія очень сходны между собою, можно думать, что полученный изъ нихъ выводъ будетъ близокъ къ истинѣ.

Въ историческомъ порядкѣ, прежде всего слѣдуетъ указать на имѣвшуюся въ первомъ изданіи свода законовъ статью (т. IX, ст. 631), въ силу которой крестьянамъ предоставлялось право иска о свободѣ, если помѣщикъ оставитъ при нихъ менѣ 4¹/₂ дес. на душу *). «Статья эта, говоритъ Васильчиковъ, была выпущена при второмъ изданіи, по нѣкоторымъ, очень понятнымъ опасеніямъ, но за то перешла въ практику опекунскаго совѣта, который при залогѣ имѣній не принималъ такихъ, гдѣ приходилось менѣ 4 дес. на душу.

Другое подобное же указаніе имѣется въ уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ. Если у казенныхъ крестьянъ

*) Васильчиковъ, земледѣліе и землевладѣніе, т. II, стр. 837.

янь земли оставалось на душу не болѣе 5 дес., то они имѣли право переселяться въ другія губерніи, гдѣ получали 15 или 8 дес. на душу, смотря по мѣстному избытку земель"). Это правило не было отмѣнено и положеніемъ объ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ 1866 г. При введеніи владѣнныхъ записей крестьянамъ предоставлялось право заявлять о своемъ малоземельѣ и просить о переселеніи на прежнихъ основаніяхъ, при чемъ переселенцы избавляются на три года отъ платежа подушной, государственнаго земскаго сбора и оброчной подати и въ теченіе трехъ другихъ лѣтъ платятъ ихъ въ половинномъ размѣрѣ **).

Въ обоихъ этихъ указаніяхъ нормы душеваго надѣла въ 4¹/₂ и 5 десятинъ, рассматриваются какъ minimum, ниже котораго крестьянскій надѣлъ не долженъ спускаться.

Аналогичныя указанія имѣются въ трудахъ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи. Здѣсь о нѣкоторыхъ черноземныхъ мѣстностяхъ положительно заявляется, «что доходами отъ земледѣлія могутъ быть покрыты всѣ налоги только у тѣхъ крестьянъ, которые имѣютъ большіе надѣлы въ 6—7 десятинъ на душу. Что касается бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то даже при высшихъ надѣлахъ въ 3,25—3,5—4 десятины немислимо, чтобы крестьяне могли прокармливать и уплачивать подати съ своихъ надѣловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ налоги въ 5 разъ превышаютъ доходность земли.»

Объ одномъ изъ черноземныхъ уѣздовъ Казанской губ. (именно о Спасскомъ) говорится, что государственные крестьяне доходомъ со своей земли покрываютъ всѣ нужды (при надѣлѣ въ 5 дес.) Между тѣмъ, при 3 десятинахъ надѣла на уплату податей не хватаетъ дохода съ земли.

Такія же указанія имѣются и въ трудахъ податной комиссіи. Напримѣръ, для одной изъ черноземныхъ мѣстностей приводится расчетъ земской управы, изъ котораго оказывается, что и *наименьшій* размѣръ поземельнаго надѣла, дохода съ котораго достаточно на *самое ограниченное* содержаніе и прокормленіе семьи, долженъ быть въ 8 дес., при составѣ семьи изъ 5 душъ обоюго пола; это значитъ, что душевой надѣлъ долженъ быть около 4,5 дес. ***).

*) Янсонъ, «Опыты статистич. изслѣд. о налогахъ и платежахъ», стр. 121.

***) Ibid., стр. 122.

***) Вотъ этотъ любопытный расчетъ: „на семью изъ 5 душъ необходимо въ годъ по крайней мѣрѣ: на съѣстные продукты 56 р. 25 к., на бѣлье 10 р.

Наконецъ, нельзя не указать нѣкоторыхъ расчетовъ, принадлежащихъ ученымъ изслѣдователямъ и основаннымъ на опредѣленіи *minimum*'а потребностей крестьянской семьи.

Такой расчетъ сдѣланъ г. Часловскимъ для Курской губ. (въ его трудѣ «хлѣбная торговля въ центр. районѣ», стр. 11). Онъ полагаетъ, что только при 4,2 дес. земли и $\frac{1}{4}$ дес. лѣсу на душу, принимая во вниманіе и доходъ съ конопляника на усадебной землѣ, могутъ быть оплачены повинности и расходы на содержаніе семьи и прокормъ скота.

Г. Янсонъ, руководясь указаниями г. Чаславскаго о потребностяхъ крестьянской семьи, сдѣлалъ такой же расчетъ вообще для черноземной полосы, но выводъ у него получился нѣсколько иной, потому что онъ взялъ для расчета средній составъ семьи большій, противъ того, который имѣлъ въ виду г. Чаславскій, а именно— 5,94 человекъ обоого пола, тогда какъ г. Чаславскій сдѣлалъ свой расчетъ для семьи изъ 4 душъ обоого пола. По этому расчету г. Янсона крестьянская семья изъ 5,94 душъ обоого пола для своего прокормленія должна имѣть *не менѣе* 8,5 дес. пахаты и 1,5 дес. луга, всего съ усадьбой и подворнымъ выпускомъ не менѣе 10 дес., или по 5 дес. въ душевомъ надѣлѣ. Но и при такомъ надѣлѣ не остается никакихъ избытковъ; «на необходимые расходы для покупки соли, дегтя, на ремонтъ одежды и хозяйственныхъ орудій, покупку лѣснаго матеріала, на церковныя требы и проч., не останется ничего, тѣмъ болѣе на уплату податей» *).

Такимъ образомъ, всѣ эти указанія и расчеты, очень близкіе между собой, сводятся къ тому, что *minimum* душеваго надѣла, при которомъ крестьянская семья въ черноземныхъ мѣстностяхъ можетъ удовлетворять свои насущныя потребности доходомъ отъ своего земельного хозяйства, не можетъ быть ниже 4,5—5 дес. Стало бытъ, не будетъ ни малѣйшаго преувеличенія, если мы нормой душеваго надѣла, по скольку она опредѣляется для этой мѣстности потребностями крестьянской семьи, признаемъ 5 дес.

75 к., верхнюю одежду 25 р. 25 к., ремонтъ двора и топливо 15 р. Всего 107 р. 25 к. Доходъ съ десятины озимаго хлѣба 21 р. 20 к., яроваго 18 руб. 50 коп. Поэтому при трехпольномъ хозяйствѣ для полученія 107 р. надо имѣть 8 дес. (по $\frac{2}{3}$ дес. озимаго, яроваго и толоки), Труды подат. комиссiи, XXII, III, 650.

*) Янсонъ «опытъ изслѣдованія», стр. 65, 66, 67.

Конечно, это—средняя величина, неизбежно подлежащая *модификации* и зависимости от мѣстныхъ условій; но такъ какъ мы беремъ губернии только черноземной полосы, гдѣ почвенныя условія немного разнятся и рыночныя условія хлѣбной торговли (близость хлѣбныхъ портовъ, качество путей сообщенія и т. п.) приблизительно одинаковыя, то эта *модификація* не можетъ быть въ сколько-нибудь широкихъ предѣлахъ.

За тѣмъ необходимо сдѣлать существенную оговорку: приведенныя указанія относительно нормы душеваго надѣла имѣютъ исходною точкою существующую трехпольную систему земледѣлія. Это многимъ даетъ поводъ оспаривать положеніе, что теперешніе надѣлы крестьянъ недостаточны. Говорятъ, что нужно не увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, а увеличеніе производительности крестьянской земли, рациональная культура ея, чтобы экономическое положеніе крестьянъ могло прочно улучшиться. Говорятъ даже, что увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ — не стоящій вниманія паллятивъ, какъ средство для этой цѣли; развѣ на какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, оно можетъ улучшить положеніе крестьянъ, а затѣмъ неизбежно возвратится то самое положеніе, изъ котораго теперь ищутъ выхода. Мало того: Увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ будто бы прямо вредно въ экономическомъ смыслѣ, такъ какъ оно поощряетъ хищническую культуру земли. Съ такимъ мнѣніемъ мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ извѣстномъ изслѣдованіи князя Васильчикова «Земледѣліе и землевладѣніе». Такое мнѣніе въ прошломъ году приводилось нѣкоторыми членами вольно-экономическаго общества при обсужденіи доклада г. Яковлева; оно же имѣетъ много сторонниковъ въ повременныхъ органахъ печати.

Къ сожалѣнію, никто изъ приверженцевъ этого мнѣнія не взялъ на себя трудъ разъяснить, какъ это наше крестьянство въ его настоящемъ экономическомъ положеніи перейдетъ отъ первобытной трехпольной системы къ рациональной многопольной? А это вопросъ далеко не праздный, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Перейти къ многопольной системѣ—это прежде всего значитъ сократить запашку подъ хлѣба для посѣва кормовыхъ, масличныхъ, корнеплодныхъ и др. растений, увеличить количество скота, первобытныя орудія замѣнить усовершенствованными и т. д. Представьте, что все это долженъ сдѣлать крестьянинъ у котораго кромѣ вѣчныхъ дефицитовъ ничего иного не остается отъ земельного хозяйства, благодаря скудости надѣловъ и другимъ

причинамъ. Откуда возьмутся у него средства на приобретение скота и усовершенствованныхъ орудій? За тѣмъ, сокративъ нашу подѣлу хлѣба, крестьянинъ на первыхъ порахъ неизбѣжно получитъ меньше хлѣба, чѣмъ получаетъ теперь, такъ какъ на первыхъ порахъ производительность почвы останется та же, что и была. Наконецъ, усовершенствованная обработка земли потребуетъ отъ крестьянина гораздо больше труда, чѣмъ сколько требуетъ его надѣлъ при трехпольномъ хозяйствѣ; слѣдовательно, онъ по необходимости долженъ будетъ сократить подспорные работы въ родѣ тѣхъ же земледѣльческихъ работъ по найму у другихъ землевладѣльцевъ или арендованія чужихъ земель и т. д. Это значить, что одновременно съ новыми расходами доходы его сократятся. Нужно нѣсколько лѣтъ, чтобы новая система вполне установилась и обнаружила свои выгодныя стороны. Нужно, значить, чтобы крестьянинъ имѣлъ какія-нибудь сбереженія или избытки отъ прежнихъ лѣтъ, приступая къ рациональной культурѣ, сбереженія, которыя позволили бы ему нѣсколько лѣтъ довольствоваться меньшимъ противъ прежняго доходомъ и покрывать большіе противъ прежняго расходы. Но такихъ сбереженій или излишковъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, у средняго нашего крестьянина нѣтъ и быть не можетъ, при томъ жалкомъ экономическомъ положеніи, въ которомъ онъ обрѣтается. Нужна, значить, сторонняя помощь въ томъ или другомъ видѣ. Какъ на болѣе подходящій видъ такой помощи указываютъ обыкновенно на кредитъ. Но и тутъ сторонники рациональной культуры въ крестьянскомъ хозяйствѣ неособенно позаботились уяснить вопросъ: кто же откроетъ крестьянамъ кредитъ, потребный на усовершенствованіе ихъ земледѣльческой культуры, на покрытіе тѣхъ экстраординарныхъ расходовъ и убытковъ, которые неизбѣжны въ періодъ переходнаго времени?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо имѣть въ виду, что кредитъ этотъ можетъ быть только долгосрочный, что онъ потребуется въ весьма крупныхъ размѣрахъ, что онъ сопряженъ съ большимъ рискомъ, что онъ въ значительной степени пойдетъ не на улучшеніе хозяйства, а на удовлетвореніе личныхъ потребностей крестьянина и на выполненіе его повинностей.

Всѣ эти обстоятельства совершенно устраняютъ мысль о возможности и желательности того, чтобы крестьяне для введенія у себя рациональной культуры кредитовались въ существующихъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Если бы даже средства этихъ

кредитныхъ учреждений оказались достаточными для удовлетворенія громадной потребности въ кредитѣ, вслѣдствіе перехода крестьянъ къ рациональной культурѣ, то во всякомъ случаѣ кредитъ этотъ по нашимъ условіямъ не можетъ быть дешевымъ. Значить, ко всѣмъ прочимъ расходамъ и издержкамъ крестьянъ прибавился бы новый крупный расходъ на уплату % за долгъ банку. Затѣмъ, въ виду риска и другихъ указанныхъ обстоятельствъ, банки, разумѣется, не станутъ выдавать ссудъ безъ обезпеченія. Таковымъ можетъ быть прежде всего земля крестьянская. Между тѣмъ, напр., всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне до полного выкупа своихъ надѣловъ, рассчитаннаго, какъ извѣстно, на 49 лѣтъ, не могутъ закладывать своихъ земель, полученныхъ въ надѣлъ. Но и помимо этого: въ какое же положеніе будетъ поставлено крестьянское землевладѣніе, когда всѣ ихъ земли окажутся заложеными въ частныхъ банкахъ? Малѣйшая неудача, возможность которой всегда необходимо принимать въ расчетъ въ новомъ дѣлѣ, несчастная случайность, въ видѣ неурожая, скотскаго падежа и т. п., наконецъ, просто-таки невозможность справиться со всѣми расходами и платежами, при сократившемся временно доходѣ, — каждой изъ этихъ причинъ совершенно достаточно, чтобы масса крестьянъ потеряла свои земли и превратилась въ настоящихъ пролетаріевъ. Эта опасность еще болѣе возрастаетъ въ виду того обстоятельства, что частный кредитъ на усовершенствованіе земледѣльческой культуры у крестьянъ неизбѣжно вызоветъ биржевую спекуляцію съ крестьянскими закладными и, такимъ образомъ, крестьянскія земли подвергнутся всѣмъ случайностямъ биржевой игры. Могутъ возразить, что всѣ эти опасности уменьшатся при вмѣшательствѣ правительства, которое можетъ взять на себя гарантію по облигаціямъ крестьянскихъ поземельныхъ займовъ. Владѣльцы облигацій тогда, конечно, будутъ обезпечены полученіемъ % на свой капиталъ, но этимъ не уменьшится тяжесть ссуды для крестьянъ, а затѣмъ все-таки остается возможность обезцѣненія путемъ биржевой игры этихъ облигацій со всѣми неудобными для цѣлости крестьянскихъ земель послѣдствіями такого обезцѣненія.

Чтобы подобныя явленія стали совершенно невозможны, всю эту кредитную операцію всецѣло должно взять на себя правительство или земство, но послѣднему она будетъ не по силамъ. Что же касается правительства, то, конечно, средства у него нашлись бы. Но разъ вопросъ переносится на почву правитель-

ственныхъ мѣропріятій, то естественно думать, что правительство выберетъ мѣры, самыя удобныя и цѣлесообразныя. Между тѣмъ, кредитъ для введенія рациональной культуры въ крестьянскомъ земельномъ хозяйствѣ далеко не обладаетъ этими качествами. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что крестьяне на самыхъ удобныхъ условіяхъ широко воспользовались кредитомъ и приступили къ усовершенствованію своего полеводства. Спрашивается: можно ли считать переходъ крестьянъ къ рациональной культурѣ обезпеченнымъ?

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, постоянно упускаемое изъ виду поборниками рациональной культуры въ крестьянскомъ хозяйствѣ: такая культура, какъ и всякія другія прогрессивныя явленія въ народномъ хозяйствѣ, обуславливается не одною доброю волею хозяина. Нужны извѣстныя условія, при наличности которыхъ только и возможенъ переходъ отъ одной системы хозяйства къ другой, не въ убытокъ хозяину. Никто, разумѣется, не станетъ требовать отъ крестьянина, чтобы онъ перемѣнилъ систему полеводства во имя отвлеченнаго принципа, какъ то дѣлаютъ иные просвѣщенные наши хозяева, видящіе почтенную миссію въ безплодныхъ затратахъ не ими нажитыхъ капиталовъ на разные опыты интензивной культуры въ степеняхъ новороссійскихъ, самарскихъ и т. п. центрахъ ультра-экстензивнаго переложнаго хозяйства. Крестьянинъ такой миссіей не увлечется. Единственный принципъ, во имя котораго онъ ведетъ свое земельное хозяйство, это—прозаическая необходимость кормиться и платить подати, другими словами: возможность получить отъ земледѣлія извѣстную пользу или выгоду, а потому, рекомендуя крестьянину интензивную культуру, мы прежде всего должны доказать ему, что такая культура безусловно дастъ ему выгоду. Эта задача сводится къ тому, чтобы доказать, что рыночная цѣнность продуктовъ интензивнаго хозяйства: во первыхъ, покроетъ цѣнность того количества зерновыхъ хлѣбовъ, которое получается съ равнаго пространства земли при трехпольномъ хозяйствѣ; во вторыхъ—оплатитъ тотъ излишекъ труда, который требуется для обработки одинаковаго количества земли при интензивномъ хозяйствѣ сравнительно съ трехпольнымъ; при этихъ двухъ условіяхъ только не будетъ убытка отъ перехода къ интензивному хозяйству. Чтобы получалась выгода, цѣнность продуктовъ такого хозяйства не только должна покрывать цѣнность равнаго

количества зерновых хлѣбовъ и оплачивать излишній трудъ, употребленный на усовершенствованную культуру земли, но должна давать еще сверхъ того нѣкоторый избытокъ дохода. Очевидно, что только при этомъ послѣднемъ условіи и можетъ быть интересъ въ переходѣ отъ трехпольной системы хозяйства къ многопольной.

Но есть ли у насъ соотвѣтственныя условія, которыя обеспечивали бы земледѣльцу такую цѣнность продуктовъ интензивнаго хозяйства?

Такия условія заключаются прежде всего въ существованіи рынка, который обеспечивалъ бы выгодный сбытъ продуктовъ интензивнаго земледѣльческаго хозяйства, предъявляя на нихъ постоянный и значительный спросъ. Гдѣ же у насъ этотъ рынокъ?

Разумѣется, хлѣбный рынокъ останется тотъ же. Но кромѣ хлѣбовъ при интензивномъ хозяйствѣ въ сѣвооборотъ вводятся кормовыя, техническія, корнеплодные, маслячныя и т. п. растенія. Кормовыя травы, конечно, не имѣютъ прямого значенія доходныхъ статей; онѣ идутъ на кормъ скоту, главная роль котораго въ интензивномъ хозяйствѣ—вырабатывать удобреніе; но отъ скотоводства получаютъ нѣкоторые продукты (молочныя скопы, мясо и т. п.), могущіе идти непосредственно въ продажу, стало быть, содѣйствовать увеличенію дохода съ хозяйства. Но чтобы эти продукты нашли сбытъ, необходимо, чтобы въ мѣстности была развита городская жизнь, чего у насъ не имѣется. Еще вблизи губернскихъ городовъ крестьяне могутъ найти хорошей сбытъ этимъ продуктамъ; что же касается уѣздныхъ городовъ, то они въ большинствѣ случаевъ могутъ быть продовольствованы двумя—тремя подгородными селами. Затѣмъ осталая масса деревень совершенно лишена возможности выгодно сбывать свое масло, молоко, мясо и т. п. ибо не могутъ же эти продукты, заготавливаемые въ хозяйствѣ незначительными количествами, но постоянно въ теченіи цѣлаго года—идти на заграничные рынки. Затѣмъ, чтобы имѣть сбытъ продуктамъ, получаемымъ отъ воздѣлыванія корнеплодныхъ, маслячныхъ и разныхъ техническихъ растений, нужно, чтобы боже о боже съ земледѣльцемъ стоялъ промышленникъ, имѣющій фабрики и заводы для переработки этихъ сырыхъ продуктовъ. Другими словами чтобы въ странѣ рядомъ съ земледѣліемъ была широко развита промышленная и торговая дѣятельность. Этого условія тоже не имѣется въ разсматриваемой обширной земледѣльческой полосѣ Россіи.

Разсчитывать же на заграничный рынокъ для сбыта какой-нибудь свекловицы, картофеля и т. п. громоздкихъ корнеплодовъ было бы верхомъ неблагоразумія, потому что стоимость ихъ едва ли покроетъ издержки на перевозку за тысячи верстъ.

Выходить, какъ не кинь—все клинъ и это по той понятной причинѣ, что нельзя безнаказанно игнорировать законы, управляющіе экономической жизнью народовъ; что для порожденія тѣхъ или иныхъ новыхъ явленій въ этой жизни необходимо кое-что по сильнѣе доброй воли человѣка—необходимы условія, обеспечивающія возможность этого нарожденія и развитія новорожденныхъ явленій.

Вслѣдствіе только что указанныхъ условій, которыя могутъ сдѣлать переходъ къ интензивной культурѣ въ высшей степени невыгоднымъ, еще больше затрудняется удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о кредитѣ, необходимомъ для такого перехода. Если этотъ кредитъ откроютъ крестьянамъ банки, то крестьяне неизбѣжно потеряютъ свои земли; если откроетъ государство, то оно столь же неизбѣжно потеряетъ свои деньги, если не захочетъ разорить крестьянъ продажей ихъ земель за недоимки по долговымъ обязательствамъ.

Намъ остается разобрать еще одно возраженіе противъ увеличенія крестьянскихъ надѣловъ. Говорятъ, что оно поощряетъ хищническій характеръ хозяйства и такимъ образомъ содѣйствуетъ истощенію почвы.

Готовый отвѣтъ на это возраженіе мы находимъ у спеціалиста по сельскому хозяйству, профессора земледѣльческаго института г. Костычева, который въ своемъ отвѣтѣ князю Васильчикову по поводу его сочиненія «Земледѣліе и землевладѣніе» обстоятельно разобралъ приведенное возраженіе. Желающихъ подробно ознакомиться съ доводами г. Костычева мы отсылаемъ къ его превосходной статьѣ (въ «Отечествен. Запискахъ» 1878 г. № 4 стр. 188 и далѣе), а здѣсь ограничимся краткимъ указаніемъ существа этихъ доводовъ.

„Никакая почва вообще (кромя развѣ очень рѣдкихъ случаевъ), говоритъ почтенный профессоръ, не можетъ быть выпажана до совершеннаго безплодія даже въ сотни лѣтъ и всегда плодородіе почвы, уже выпажанной, можетъ быть скоро восстановлено. Въ каждой изъ нашихъ даже малоплодородныхъ почвъ находится въ настоящее время столько питательныхъ веществъ для растений, что ихъ хватило бы на нѣсколько сотъ урожаевъ; но изъ этихъ веществъ большая часть находится въ такомъ состояніи, что не можетъ принимать участія въ питаніи растений, а въ дѣятельномъ состояніи находится сравнительно очень небольшое количество веществъ, можетъ быть только десятая или два-

цатая часть всей ихъ массы. Когда почва выпахана, это значитъ, что въ ней значительно уменьшился запасъ дѣятельныхъ веществъ, но онъ никогда не можетъ уменьшиться ниже известной нормы; если такую почву продолжать воздѣлывать, то вслѣдствіе разныхъ химическихъ процессовъ ежегодно часть мертвого запаса будетъ превращаться въ дѣятельный и извлекаться изъ почвы урожаями, причемъ послѣ снятія урожая въ почвѣ ежегодно будетъ оставаться приблизительно одинаковое количество дѣятельныхъ питательныхъ веществъ. Такъ какъ для увеличенія плодородія почвы долженъ быть увеличенъ только дѣятельный запасъ, то, очевидно, что послѣ воздѣлыванія растеній на истощенной уже почвѣ и безъ удобрения, напр., въ теченіи хотя 50 лѣтъ, для постановленія прежняго плодородія почвы потребуются почти одинаковыя издержки, какъ по истеченіи этихъ 50 лѣтъ, такъ и теперь. На этомъ основаніи переходъ отъ грубой или экстензивной системы хозяйства къ системамъ интензивнымъ никогда не обуславливается степенью истощенія почвы*).

Значитъ, всѣ эти страхи за истощеніе почвы, благодаря экстензивной культурѣ, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличены, если не совсѣмъ неосновательны. И, во всякомъ случаѣ, эти страхи за будущее должны казаться нѣсколько странными въ виду незавиднаго настоящаго. Крестьянинъ бѣденъ и съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ еще болѣе. Бѣдность подтачиваетъ его физическія, умственные и моральныя силы. Въ интересахъ того же будущаго, но только гораздо болѣе реальныхъ, естественно прежде всего думать не о томъ, какую оставить онъ землю будущимъ поколѣніямъ, а о томъ, какія онъ оставитъ послѣ себя поколѣнія. Не нужно глубокихъ размышленій и тонкихъ соображеній, чтобы понять ту простую вещь, что сильныя, вѣрныя поколѣнія гораздо лучше сумѣютъ обезпечить свое существованіе, даже при условіяхъ дурныхъ, чѣмъ вялыя, апатичныя поколѣнія на самыхъ тучныхъ поляхъ. «Народъ вырождается»—это теперь вы услышите отъ любого врача, имѣвшаго случай сталкиваться съ нашимъ земледѣльцемъ. Но измельчавшій, худосочный народъ не можетъ дать сильнаго потомства, а это уже вопросъ не экономическій только; это—вопросъ силы и могущества цѣлаго государства, вопросъ его самозащиты и политическаго значенія въ ряду другихъ государствъ. Наконецъ, уже совершенно непонятны

*) Свою мысль г. Костычевъ поясняетъ слѣдующею математическою формулою: означаемъ черезъ M весь мертвый запасъ питательныхъ веществъ; черезъ D —дѣятельный запасъ питательныхъ веществъ; черезъ m количество веществъ, переходящее ежегодно изъ мертваго запаса въ дѣятельный, называемое урожаями. Тогда, послѣ воздѣлыванія на такой почвѣ растеній безъ удобрения въ теченіи n лѣтъ запасъ всѣхъ веществъ выразится формулою: $M - mn + D$. Если для полученія обильныхъ урожаевъ нуженъ запасъ дѣятельныхъ веществъ, равный $D + d$, то, для прибавки этого d какъ въ началѣ, такъ и черезъ n лѣтъ потребуются одинаковое количество удобрения.

опасенія за послѣдствія хищническаго хозяйства, которое будто бы получить поощреніе чрезъ увеличеніе надѣловъ, съ той, казалось бы, не мудреной точки зрѣнія, что сильнѣе нужды не можетъ быть другаго поощрителя къ хищническому хозяйству. Брестыянинъ старается взять съ земли все, что только можно взять съ нея, потому что его одолеваетъ нужда, потому что не хватаетъ дохода съ земли на самое необходимое. До того ли тутъ, чтобы думать объ истощеніи почвы, особенно когда знаешь, что думай-не думай, удобрять землю все-таки невозможно, потому что отъ скуднаго скотоводства навоза не хватаетъ даже на топливо. И что такое, какъ не злая иронія, эти опасенія за истощеніе земли, когда самъ дѣлатель ея истощенъ до послѣдней степени и истощается все болѣе и болѣе?...

На основаніи всего, только что сказаннаго, мы приходимъ къ заключенію, что опредѣляя норму душеваго надѣла сообразно потребностямъ крестьянина въ средствахъ къ жизни и на выполненіе его юридическихъ обязанностей передъ правительствомъ, слѣдуетъ выходить изъ существующей системы земледѣлія — трехпольной, т. е. эту норму слѣдуетъ опредѣлять такъ, какъ опредѣлили ее мы—въ 5 десятинъ на душу.

Если эту норму сопоставить съ тѣми размѣрами душевыхъ надѣловъ, которые существуютъ въ разсматриваемыхъ семи губерніяхъ, то мы увидимъ слѣдующее:

Изъ общей массы крестьянскаго населенія этихъ губерній въ 4,394,686 ревизскихъ душъ, достаточно надѣлены землею, по самому широкому разсчету, только 1,556,153 души или около 35%, т. е. немного болѣе одной трети всего населенія, при чемъ къ достаточно надѣленнымъ мы относимъ всѣхъ, имѣющихъ надѣлы свыше 4 десятинъ, хотя бы эти надѣлы и не достигали принятой нами нормы. Стало быть, около двухъ третей населенія имѣютъ надѣлы недостаточные; въ томъ числѣ 1,885,189 душъ имѣютъ надѣлы въ размѣрѣ отъ 3 до 1 десятины и менѣе.

Зная количество малоземельныхъ крестьянъ и величину ихъ надѣловъ, не трудно опредѣлить, сколько земли недостаетъ имъ до нормальнаго размѣра, т. е. чтобы на каждую ревизскую душу приходилось до 5 десятинъ.

Во всѣхъ семи губерніяхъ, какъ показано выше, 195,679 рев. душъ имѣютъ надѣлы въ 1 десятину и менѣе; стало быть, на каждую душу недостаетъ по 4 десятины, а на всѣ—782,716 десятинъ; 336,801 рев. д. имѣютъ надѣлы отъ 1 до 2 деся-

тинь, стало быть, на каждую недостаёт по 3 десятины, а на всѣ—1,010,403 десят. Точно такимъ же образомъ найдемъ, что 1,352,609-ти ревизскимъ душамъ, имѣющимъ отъ 2 до 3 десятинь недостаёт — 2,705,218 десятинь, и 953,244 рев. душамъ, имѣющимъ надѣлы отъ 3 до 4 десятинь, недостаёт 953,244 десятины, а всѣмъ вмѣстѣ малоземельнымъ по семи губерніямъ недостаёт земли 5,451,581 десятины.

Тѣ же количества недостающей крестьянамъ земли по отдѣльнымъ губерніямъ представлены въ слѣдующей табличкѣ:

Въ Курской губ. недостаёт земли . . .	960,976 дес.
» Орловской »	749,535 »
» Тульской »	792,094 »
» Рязанской »	867,547 »
» Пензенской »	587,986 »
» Тамбовской »	861,197 »
» Воронежской »	632,246 »

Тѣ же итоги можно выразить нѣсколько иначе. Если крестьянскому населенію данной губерніи недостаёт известнаго количества десятинь земли до нормальныхъ размѣровъ землевладѣнія, то отсюда слѣдуетъ, что въ составѣ этого населенія имѣется излишекъ противъ того, сколько можетъ быть обезпечено надѣломъ изъ всей отведенной крестьянамъ земли. Число *лишнихъ душъ* легко опредѣлить, дѣля все количество недостающей земли на единицу нормальнаго душеваго надѣла. Такимъ приемомъ отъ вышеприведенной таблицы мы переходимъ къ слѣдующей:

Въ Курской губ.	192,195 лишн. душъ.
» Орловской »	149,907 »
» Тульской »	158,419 »
» Рязанской »	173,509 »
» Пензенской »	117,597 »
» Тамбовской »	172,239 »
» Воронежск. »	126,449 »

1,090,315 *).

*) По другимъ семи губерніямъ черноземной малоземельной полосы (Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской и Симбирской) такіе же итоги крестьянскаго землевладѣнія можно опредѣлить, разумѣется, лишь приблизительно, на основаніи свѣдѣній о числѣ ревизскихъ душъ крестьянъ разныхъ наименованій и о среднихъ размѣрахъ землевладѣнія на одну ревизскую крестьянскую душу. Такія свѣдѣнія имѣются частью въ трудахъ податной комиссіи (Т. XXII, ч. III, отд. I, стр. 466—467, о среднемъ

Приведенныя цифры говорятъ сами за себя. Ихъ необходимо имѣть въ виду, когда возбуждается вопросъ о средствахъ и способахъ къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія.

III.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзорѣннѣ тѣхъ средствъ и способовъ, которые предлагались и предлагаются для указанной цѣли, остановимся нѣсколько на послѣдствіяхъ, вытекающихъ для крестьянства изъ того положенія, которое опредѣляется приведенными цифрами.

Разумѣется, крестьянинъ долженъ такъ или иначе покрывать тотъ дефицитъ, который неизбѣжно образуется въ его бюджетѣ вслѣдствіе недостаточности собственнаго надѣла. Въ странѣ исключительно земледѣльческой, гдѣ никакихъ почти промысловъ внѣ земледѣлія не существуетъ, очевидно, возможные источники дохода, помимо собственнаго хозяйства, исчерпываются, если крестьянинъ останется на мѣстѣ, двумя слѣдующими: продажей своего труда другимъ хозяевамъ и арендованіемъ чужихъ земель. Можно представить себѣ такое сочетаніе условій, что оба эти источника доходовъ будутъ давать значительныя выгоды, такъ что и при недостаточности собственныхъ земельныхъ надѣловъ крестьянинъ все-таки будетъ имѣть значительный доходъ на содержаніе себя съ семьей и на уплату повинностей. Именно такое благоприятное для работнииа сочетаніе экономическихъ усло-

количествѣ земли на 1 рев. душу крестьянъ всѣхъ наименованій), частью въ вѣдомостяхъ о числѣ окладныхъ душъ (послѣднія свѣдѣнія взяты нами изъ статьи Воронопова въ „Вѣст. Евр.“ 1876 г. № 1 стр. 184) и въ трудахъ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи (отсюда мы беремъ только свѣдѣнія о числѣ ревизскихъ душъ крестьянъ всѣхъ наименованій въ Симбирской губ.). На основаніи этихъ свѣдѣній итоги крестьянскаго землевладѣнія по семи названнымъ губерніямъ можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

ГУБЕРНІИ.	Число ревиз. душъ.	Колыч. земли на 1 рев. душу.	Недостаетъ земли.	Лишнія души.
Подольская	688 тыс.	2,5 десят.	1,720 тыс. дес.	344 тыс. душъ.
Волынская	550 „	3,4 „	880 „ „	176 „ „
Кіевская	719 „	2,7 „	1,654 „ „	331 „ „
Черниговская	577 „	3,3 „	981 „ „	196 „ „
Полтавская	765 „	2,5 „	1,912 „ „	382 „ „
Харьковская	638 „	4,1 „	574 „ „	115 „ „
Симбирская	471 „	3,6 „	659 „ „	132 „ „
			8,380 тыс. дес.	1,676 тыс. душъ.

вѣй имѣеть мѣсто въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ значительный спросъ на трудъ, превышающій предложение, или же гдѣ спросъ на трудъ и предложение его находятся въ нормальномъ соотношеніи; конечно, въ послѣднемъ случаѣ трудъ уже не дастъ такой выгоды, какъ въ первомъ; но все-таки онъ не будетъ въ ущербъ работнику. Въ первомъ же случаѣ, т. е. когда спросъ на трудъ превышаетъ предложение, крестьянинъ при самомъ незначительномъ надѣлѣ можетъ жить не хуже и даже лучше, чѣмъ при нормальномъ надѣлѣ въ 5 десят., но въ мѣстности, гдѣ по недостатку спроса на трудъ приходится довольствоваться доходомъ отъ собственнаго хозяйства.

Каковы же экономическія условія, опредѣляющія цѣну труда въ разсматриваемыхъ губерніяхъ; обезпечена ли крестьянину возможность выгодно или по крайней мѣрѣ, безъ убытка продать свой трудъ, или арендовать чужія земли, чтобы этимъ путемъ пополнить дефицитъ въ своемъ бюджетѣ?

И на этотъ вопросъ точный отвѣтъ, по нашему убѣжденію, могутъ дать только цифры, только ихъ краснорѣчіе въ состояніи спорить съ тѣми предрасудочными, а частью и прямо неблагоприятными тенденціями, которыя имѣютъ, къ сожалѣнію, не мало представителей въ нашемъ обществѣ....

Извѣстно, по какимъ причинамъ устанавливается то или иное соотношеніе между спросомъ на трудъ и его предложениемъ. Для земледѣльской мѣстности это соотношеніе опредѣляется тремя факторами: количествомъ воздѣлываемой земли, качествомъ ея обработки или, иначе, системой хозяйства и количествомъ рабочихъ на мѣстномъ рынкѣ труда. Чтобы опредѣлить условія, отъ которыхъ зависить цѣнность земледѣльческаго труда на мѣстномъ рынкѣ, необходимо установить норму земельного участка, которая соотвѣтствуетъ опредѣленной единицѣ рабочихъ силъ.

Князь Васильчиковъ рѣзко выставляетъ для опредѣленія этой нормы слѣдующій принципъ: *«Не нужды, а силы, говоритъ онъ, не продовольствіе и содержаніе, а рабочая способность должны служить мѣриломъ землевладѣнія; не число душъ, требующихъ пропитанія, а число рабочихъ мужиковъ и бабъ, доставляющихъ эти средства (т. II, стр. 807).* Выставляя такой принципъ, князь Васильчиковъ не сомнѣвается въ его осуществимости, только благодаря недоразумѣнію. Какъ извѣстно, на основаніи этого принципа онъ пришелъ къ мысли, что у насъ вообще существующіе надѣлы крестьянъ достаточны,

и даже въ большинствѣ мѣстностей далеко превышаютъ рабочія силы крестьянъ и являются для нихъ тяжелою обузою. (Ibid стр. 813). Такая мысль явилась результатомъ неточности тѣхъ расчетовъ, по которымъ князь Васильчиковъ опредѣляетъ рабочую способность крестьянина. Всего двумя страницами раньше мы самъ же выставляемъ въское противъ себя возраженіе, а именно: онъ замѣчаетъ, что рабочая семья при нормальномъ своемъ составѣ *можетъ обработать болѣе, чѣмъ ей нужно для своего пропитанія* (стр. 809); между тѣмъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ крестьянинъ получаетъ съ своего надѣла *меньше*, чѣмъ сколько нужно на пропитаніе, откуда само собой вытекаетъ заключеніе, что, стало быть, существующіе крестьянскіе надѣлы далеко не отвѣчаютъ рабочимъ силамъ крестьянской семьи. Оно такъ и есть въ дѣйствительности: сейчасъ мы увидимъ, что не только надѣлы существующіе, но даже принятый нами за норму пятидесятинный надѣлъ далеко не отвѣчаетъ рабочимъ силамъ крестьянской семьи: участокъ земли на одну семью, вычисленный по нормѣ душеваго надѣла въ 5 десятинъ, будетъ меньше сравнительно съ тѣмъ количествомъ земли, какое можетъ обработать эта семья. И желать того, чтобы надѣлы крестьянскіе были опредѣлены по рабочимъ силамъ, значить мечтать о невозможномъ, такъ какъ соответственное количество земли могло бы получиться, да и то не вездѣ, лишь съ уничтоженіемъ всякаго некрестьянскаго землевладѣнія и съ обращеніемъ всѣхъ земель на крестьянскіе надѣлы.... Но для уясненія того положенія, въ которомъ стоитъ крестьянинъ, ищущій продать свой трудъ, чрезвычайно важно опредѣлить, какое количество этого труда не находитъ помѣщенія въ собственномъ земельномъ хозяйствѣ крестьянина и въ какомъ размѣрѣ этотъ трудъ требуется на мѣстѣ въ другихъ, некрестьянскихъ, хозяйствахъ. Только въ этомъ смыслѣ мы и придаемъ значеніе той нормѣ земельнаго участковъ, которая выводится на основаніи рабочихъ силъ крестьянской семьи.

Опредѣлить эту норму при нынѣшнемъ состояніи нашей статистики можно лишь приблизительно. Костычевъ полагаетъ, что если извѣстныя рабочія силы могутъ въ надлежащій срокъ убрать хлѣбъ, то онѣ навѣрное не только въ состояніи будутъ выполнять всѣ другія работы на соответственномъ пространствѣ полей, но у нихъ останется еще свободное время (Ibid стр. 179). Справедливость этого соображенія находитъ себѣ подтвержденіе

въ сельско-хозяйственной практикѣ. Напр., по словамъ того же автора, въ Германіи при учетѣ необходимаго числа рабочихъ для хозяйства считаютъ, что нужно имѣть такое количество ихъ, при помощи котораго озимый и яровой хлѣбъ можетъ быть уборанъ въ 30 рабочихъ дней, т. е., считая воскресныя въ 34—35 дней. Такимъ образомъ, для нашей цѣли нужно установить, сколько рабочихъ дней требуется на уборку одной десятины озимаго, яроваго и пароваго поля. Тогда ясно опредѣлится, сколько земли можетъ обработать крестьянская семья опредѣленнаго состава.

По согласному мнѣнію различныхъ изслѣдователей (Часловскій, Васильчиковъ, Костычевъ) на уборку десятины озимаго требуется до 10 рабочихъ дней, на десятину яроваго—6 рабочихъ дней и на десятину пара (запахать, посѣять и сборошить подъ озимь) тоже 6 рабочихъ дней, т. е. на участокъ земли въ 3 десятины (по 1 десятинѣ въ влину), при трехпольномъ хозяйствѣ требуется—22 рабочихъ дня, такъ что на 1 десятину въ средней сложности приходится 7,3 рабочихъ дня.

Кромѣ этого указанія, для опредѣленія рабочихъ силъ крестьянской семьи, которыми она располагаетъ для уборки *пахатной земли*, т. е. во время страды, нужно знать еще два обстоятельства: во-первыхъ, продолжительность по мѣстнымъ условіямъ страдной поры, во-вторыхъ, число взрослыхъ рабочихъ въ семьѣ, зная средній составъ семьи. Последнее можно опредѣлить на основаніи таблицъ Буяковскаго, который относитъ къ рабочему населенію до 50% всего населенія (а именно: мужчинъ въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ 50,21% всего мужскаго населенія и женщинъ, въ возрастѣ отъ 16 до 55 лѣтъ—49,80% женскаго населенія; въ видахъ удобства, мы предполагаемъ число женщинъ равнымъ числу мужчинъ, хотя это не совсѣмъ точно). Что касается продолжительности рабочей поры, то она для разсматриваемой полосы почти повсемѣстно одинакова, а именно около 6 недѣль — съ 15 іюля по 1 сентября. Исключаемъ отсюда 6 воскресеній (хотя въ страду крестьянинъ, какъ всѣмъ извѣстно, по праздникамъ не сидитъ сложа руки) и 6 дней, частью на другіе праздники, частью на разныя непредвидѣнныя помѣхи къ полевымъ работамъ (дождь, ненастье и т. п.); итого остается 30 рабочихъ дней, въ продолженіе которыхъ должна быть произведена уборка хлѣбовъ и посѣвъ озимей.

Съ этими данными и приступимъ къ опредѣленію рабочихъ силъ средней крестьянской семьи по каждой изъ разсматриваемыхъ губерній.

По свѣдѣніямъ «Статистики поземельной собственности», относящимся къ 1878 году, средній составъ крестьянскаго двора въ этихъ губерніяхъ выражается слѣдующими числами:

Въ Курской губ.—6,8 наличныхъ душъ обоего пола (въ томъ числѣ 3,4 мужчинъ и столько же женщинъ); въ Орловской — 7,1 д. об. пола (3,5 муж. и 3,6 женщ.); въ Тульской—7,3 д. об. пола (3,6 муж. и 3,7 женщ.); въ Рязанской—6,7 д. об. пола (3,3 муж. и 3,4 женщ.); въ Пензенской—6,8 д. об. пола (3,3 муж. и 3,5 женщ.); въ Тамбовской—6,9 д. об. пола (3,4 муж. и 3,5 женщ.) и въ Воронежской—7,0 д. об. пола (3,5 муж. и столько же женщинъ).

Относя 50% къ рабочему населенію и помножая полученное число взрослыхъ рабочихъ на 30, т. е. на продолжительность рабочей поры, можно опредѣлить, сколькими рабочими днями располагаетъ средняя семья во время страды. А такъ какъ извѣстно, сколько рабочихъ дней требуется на уборку одной десятины пахатнаго поля въ клину, то не составляетъ никакого труда опредѣлить, сколько десятинъ земли можетъ убрать средняя крестьянская семья. Эти числовые выводы для каждой изъ названныхъ семи губерній представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Г У Б Е Р Н І И.	Число взрослыхъ рабочихъ въ семьѣ.	Число рабочихъ дней въ страду на семью.	Сколько десятинъ можетъ убрать семья.
Курская . . .	3,40	102,0	13,9
Орловская . . .	3,55	106,5	14,6
Тульская . . .	3,65	109,5	14,9
Рязанская . . .	3,35	100,5	13,7
Пензенская . . .	3,40	102,0	13,9
Тамбовская . . .	3,45	103,5	14,2
Воронежская . . .	3,50	105,0	14,4
Среднее . . .	3,47	104,0	14,3

Этотъ расчетъ уже не трудно перевести на ревизскія души, т. е. къ той искусственной единицѣ, на которую у насъ ведутся всѣ расчеты относительно крестьянскаго хозяйства, если извѣстно количество ревизскихъ душъ, отвѣчающее наличному составу средняго двора. Къ сожалѣнію, такихъ данныхъ не приведено въ «Статистикѣ поземельной собственности» и приходится добывать ихъ посредствомъ вычисленій, именно на основаніи свѣ-

дѣній о числѣ крестьянскихъ дворовъ и ревизскихъ душъ въ каждой губерніи. Къ опредѣленному такимъ образомъ ревизскому составу средняго двора мы относимъ послѣднюю графу предъидущей таблицы и въ результатъ получаемъ на 1 ревизскую душу слѣдующихъ размѣровъ участки пахатной земли:

ГУБЕРНІИ.	Число ревизскихъ душъ на дворъ.	Число десятинъ пахатной земли на 1 ревизск. душу.
Бурская . . .	2,8	5,0
Орловская . .	2,8	5,2
Тульская . .	3,1	4,8
Рязанская . .	2,7	5,1
Пензенская . .	2,8	5,0
Тамбовская . .	2,7	5,3
Воронежская .	2,7	5,3
Среднее . . .	2,8	5,1

Такимъ образомъ размѣры душевыхъ участковъ *одной пахатной земли*, рассчитанные по количеству рабочихъ силъ, превышая размѣръ большинства крестьянскихъ надѣловъ, почти совпадаютъ съ тою нормою земельныхъ участковъ, которую мы признали достаточной для обезпеченія потребностей крестьянской семьи и ея платежей въ пользу государства. Между тѣмъ, кромѣ пахатной земли, крестьянская семья можетъ убирать и дѣйствительно убираетъ луга, огороды и т. п. угодья; работы на этихъ угодьяхъ не совпадаютъ съ уборкой хлѣба, стало быть, не могутъ мѣшать послѣдней, а потому пространство такихъ угодій, соотвѣтственное рабочимъ силамъ крестьянской семьи, не можетъ быть незначительнымъ. Г. Костычевъ опредѣляетъ его въ половину того пространства пахатной земли, съ которымъ можетъ управиться крестьянская семья. Этотъ расчетъ нельзя считать преувеличеннымъ, такъ какъ сюда входятъ, кромѣ луговъ и огородовъ, вообще угодій, требующихъ работы, еще и выгоны, усадьбы и т. п.

Принимая указанное профессоромъ Костычевымъ отношеніе пашни къ луговой, выгонной, усадебной, вообще непахатной земли, получаемъ слѣдующіе размѣры земельныхъ участковъ на семью и на одну ревизскую душу соотвѣтственно ихъ рабочимъ силамъ:

ГУБЕРНІИ.	Общее пространство земельныхъ участковъ на семью.	на 1 рев. душ.
Бурская	20,9	7,5
Орловская	21,9	7,8

ГУБЕРНІИ.	Общее распространство земельныхъ участковъ на семью.	земельныхъ участковъ на 1 рев. душу.
Тульская	24,4	7,2
Рязанская	20,6	7,6
Пензенская	20,9	7,5
Тамбовская	21,3	7,9
Воронежская	21,6	8,0
Среднее	21,4	7,6

Отдѣльныя указанія, имѣющіяся для нѣкоторыхъ мѣстностей разсматриваемой полосы, вполне подтверждаютъ умѣренность нашихъ расчетовъ. Такъ, напр., въ трудѣ г. Часловскаго (хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ стр. 17) приведены свѣдѣнія объ одномъ имѣніи Курской губерніи, въ которомъ на 2645 ревизскихъ душъ приходится своей и помѣщичьей земли, ими же снимаемой, 16,500 десят., что составитъ около 6,2 десят. пахатнаго поля на ревизскую душу, т. е. больше чѣмъ сколько принято въ нашемъ расчетѣ; съ лугами и прочими угодьями это составитъ, во всякомъ случаѣ, не меньше вышеприведенной нормы.

Затѣмъ нашъ расчетъ находитъ себѣ вѣское подтвержденіе въ сельско-хозяйственной практикѣ. Такъ, въ извѣстномъ сельско-хозяйственномъ календарѣ *Ө. А. Баталина* (на 1879 г.) находимъ указаніе, выведенное изъ практики, что при трехпольной системѣ хозяйства на 100 десятинъ пахатной земли потребно рабочихъ отъ 19 до 28, значить, среднимъ числомъ 23,5 рабочихъ. Разсчитывая уборку хлѣбовъ на 30 дней, также какъ и въ нашемъ расчетѣ, получимъ, что для 100 десятинъ пахатной земли требуется 705 рабочихъ дней, слѣдовательно, на одну десятину — 7,05 рабочихъ дня, т. е. нѣсколько даже меньше, чѣмъ было принято въ нашемъ расчетѣ; а это значить, что по указанію сельско-хозяйственной практики производительность рабочаго больше, чѣмъ та, на которой построенъ нашъ расчетъ. Если прибавить къ этому, что нашъ расчетъ веденъ на однихъ только взрослыхъ рабочихъ, между тѣмъ, въ дѣйствительности взрослымъ много помогаютъ подростки и старики, вообще такъ называемые полурабочіе, которые по *Буняковскому* составляютъ болѣе 10% всего населенія, — то станетъ совершенно ясно, что наши выводы о количествѣ рабочихъ силъ, представляемыхъ крестьянскою семьею въ разныхъ губерніяхъ, слѣдуетъ считать весьма умѣренными.

Зная рабочую силу одной ревизской души и число ревизских душ по каждой губернии, легко опредѣлить рабочую силу всего крестьянскаго населенія по каждой губернии, другими словами: легко опредѣлить, какое пространство земли можетъ обработать крестьянское населеніе каждой губернии. Эти выводы представлены въ слѣдующей таблицѣ по отдѣльнымъ губерніямъ:

Г У Б Е Р Н І И.	Число ревизскихъ душъ.	Сколько земли можетъ обработать крестьянское населеніе.
Бурская	715,231	5,364,000 десят.
Орловская	580,663	4,529,000 »
Тульская	484,199	3,486,000 »
Рязанская	582,207	4,425,000 »
Пензенская	805,206	5,039,000 »
Тамбовская	770,168	6,084,000 »
Воронежская	805,206	6,442,000 »

Наличное пространство земель во всѣхъ названныхъ губерніяхъ *меньше* того, сколько можетъ обработать мѣстное крестьянское населеніе. Разница показываетъ, сколько недостаетъ земли для насыщенія мѣстныхъ рабочихъ силъ. Зная эту разницу, можно также опредѣлить для каждой губернии, сколько рабочихъ силъ не могутъ найти себѣ помѣщеніе на мѣстномъ рынкѣ земледѣльческаго труда, другими словами: сколько въ каждой губернии имѣется лишнихъ рабочихъ земледѣльцевъ. Весьма простые вычисленія приводятъ къ слѣдующей таблицѣ, гдѣ въ круглыхъ цифрахъ показаны, рядомъ съ количествомъ наличныхъ земель каждой губернии, количество недостающей земли и лишнихъ рабочихъ.

Г У Б Е Р Н І И.	Пространство наличной земли.	Сколько недостаетъ земли.	Сколько лишнихъ рабочихъ.
Бурская	3,994,000 дес.	1,370,000 дес.	181,000
Орловская	4,017,000 »	512,000 »	66,000
Тульская	2,656,000 »	830,000 »	115,000
Рязанская	3,527,000 »	898,000 »	118,000
Пензенская	3,324,000 »	1,715,000 »	229,000
Тамбовская	5,630,000 »	454,000 »	57,000
Воронежская	5,630,000 »	812,000 »	101,000
		<u>6,591,000</u>	<u>867,000</u>

Выводы получаются еще болѣе неблагопріятные, если тотъ же расчетъ вести на однѣ пахатныя земли. Эти послѣдніе выводы будутъ даже правильнѣе, такъ какъ количество спроса на земле-

дѣльческій трудъ въ разсматриваемыхъ губерніяхъ опредѣляется главнѣйшимъ образомъ размѣрами пахатныхъ земель. Сопоставляя наличное количество пахатныхъ земель съ тѣмъ, которое можетъ быть убрано мѣстнымъ населеніемъ въ теченіе страдной поры, мы получаемъ число лишнихъ рабочихъ по всѣмъ семи губерніямъ почти на сто тысячъ больше сравнительно съ вышеуказаннымъ итогомъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующей таблицы:

ГУБЕРНІИ.	Количество пахатной земли въ 100 десат.			Лишніе рабочіе въ тысячахъ душъ.
	есть.	должно быть.	недостаетъ.	
Курская . . .	3,073	3,576	503	101
Орловская . .	2,536	3,019	443	85
Тульская . . .	1,938	2,324	346	72
Рязанская . .	2,026	2,969	943	185
Пензенская . .	2,185	4,026	1,841	368
Тамбовская . .	3,707	4,082	375	71
Воронежская .	3,837	4,268	431	81
			4,982	963

Такимъ образомъ, только въ семи разсматриваемыхъ нами губерніяхъ, при данныхъ условіяхъ земельного хозяйства, недостаетъ около 5 милліоновъ десятинъ одной пашни или свыше 6¹/₂ милліоновъ десятинъ всякой земли вообще, чтобы могло существовать на мѣстномъ рынкѣ земледѣльческаго труда равновѣсіе между его спросомъ и предложеніемъ; около милліона ревизскихъ душъ не могутъ найти помѣщенія своей рабочей силѣ на этомъ рынкѣ, не нарушая равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ земледѣльческаго труда. Если ревизскія души перевести на число взрослыхъ рабочихъ обоого пола, то мы получаемъ крупную для семи губерній цифру—свыше 1,300,000 человекъ (при отношеніи ревизскаго населенія къ наличному, какъ 1: къ 1,23^{*}), считая число женщинъ равнымъ числу мужчинъ и относя къ рабочему возрасту 55% наличнаго населенія ^{**}).

^{*}) Это отношеніе выведено нами для семи разсматриваемыхъ губерній изъ сопоставленія ревизскаго крестьянскаго населенія (4,394,686 душъ мужскаго пола) къ наличному (5,394,833 душъ муж. пола). Цифры взяты изъ той же. Статистики поземельной собственности“, данными которой мы пользовались при всѣхъ другихъ расчетахъ.

^{**}) Для другихъ семи губерній черноземной полосы, о которыхъ нѣсколько указаній сдѣлано нами въ примѣчаніяхъ, къ сожалѣнію, имѣется недостаточно свѣдѣній, чтобы можно было опредѣлить соотношеніе между количествомъ наличныхъ рабочихъ силъ и существующей въ нихъ потребности на мѣстѣ

IV.

Въ ряду попытокъ разрѣшенія вопроса объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія первое мѣсто, безспорно, слѣдуетъ отвести попыткамъ земскимъ.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ земскихъ проектовъ организаціи кредита для покупки крестьянами земель, проектовъ земскаго посредничества между продавцами земель и крестьянами и т. п. Всѣ эти попытки весьма почтенны, дѣлаютъ большую честь ихъ авторамъ и, нѣтъ сомнѣнія, способны принести ощутительную пользу большей или меньшей группѣ малоземельныхъ крестьянъ. Для насъ, въ данномъ случаѣ, самый интересный вопросъ заключается въ слѣдующемъ: по

Однако есть основаніе думать, что за немногими исключениями это соотношеніе здѣсь не болѣе благоприятно для крестьянъ, чѣмъ въ семи губерніяхъ сѣверо-восточной части черноземной полосы. Такъ, г. Вороновъ въ цитированной уже статьѣ вычислялъ, что въ Подольской губерніи всей удобной земли, крестьянской и некрестьянской, приходится по 4,8 десятины на 1 ревизскую душу; въ Волынской—по 8,2 десятины, Киевской—по 5,2 десат., Полтавской—по 5,1 десат., Черниговской—по 6,0 десат. и Харьковской—по 6,2 десат. Въ Симбирской губ. по официальнымъ (прежнимъ) свѣдѣніямъ удобной земли считается до 3558 тыс. десятины, стало быть, на 1 ревизскую душу приходится 7,6 десятины. Если принять для опредѣленія рабочей силы 1 ревизской души выведенную нами для другихъ семи губерній среднюю норму—7,6 десятины всякой земли (т. е. какъ пахатной, такъ и другихъ угодій), то становится очевиднымъ, что лишь въ двухъ губерніяхъ—Волынской и Симбирской—земли имѣется достаточно для насыщенія мѣстныхъ рабочихъ силъ. Въ остальныхъ же губерніяхъ рабочихъ силъ больше, чѣмъ сколько ихъ требуется на мѣстѣ. Зная количество ревизскихъ душъ и сколько всей земли приходится на каждую, не трудно высчитать, сколько недостаетъ земли, а уже отсюда можно вычислить количество лишнихъ рабочихъ рукъ. Результатъ этихъ вычисленій представленъ въ слѣдующей таблицѣ:

ГУБЕРНІИ.	Недостаетъ земли		Лишнія ревизскія души.
	на 1 рев. душу.	на все населеніе.	
Подольская . . .	2,8 дес.	1,926 тыс. дес.	253 тыс.
Киевская . . .	2,4 "	1,726 " "	227 "
Черниговская . . .	1,6 "	923 " "	116 "
Полтавская . . .	2,5 "	1,913 " "	252 "
Харьковская . . .	1,4 "	893 " "	118 "
Итого . . .		7,381 тыс. дес.	966 тыс.

Такимъ образомъ, если доверяться даннымъ, которыми мы пользовались, то въ пяти названныхъ губерніяхъ количество недостающей земли и лишнихъ рабочихъ силъ даже больше, чѣмъ въ семи губерніяхъ сѣверо-восточной части черноземной полосы; отсюда слѣдуетъ, что въ этихъ пяти губерніяхъ несоответствіе мѣстныхъ рабочихъ силъ съ пахатнымъ пространствомъ земель еще болѣе значительно, а, стало быть, рыночныя условія продажи земледѣльческаго труда еще болѣе невыгодныя для земледѣльца.

силамъ ли земству разрѣшеніе этой задачи, т. е. увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія до той нормы, которая требуется размѣромъ крестьянскихъ потребностей въ средствахъ къ жизни и на уплату различныхъ повинностей?

Отвѣтъ легко найти въ тѣхъ цифрахъ, которыя приведены въ предыдущихъ главахъ.

Возьмемъ самый рѣзкій примѣръ: въ Курской губерніи до 5-ти десятинаго душеваго надѣла крестьянамъ недостаетъ 960,976 десятинъ. Для покупки этого количества земли при тѣхъ цѣнахъ на землю, которыя существуютъ въ Курской губерніи потребовался бы огромный многомилліонный капиталъ, которымъ, конечно, не располагаетъ ни земство, ни мѣстное населеніе. Но пусть какимъ-нибудь чудомъ у земства оказались потребные капиталы: ему все-таки пришлось бы встрѣтиться съ неодолимымъ затрудненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, найти продажныхъ земель около милліона десятинъ, когда всѣхъ крестьянскихъ земель въ губерніи только 1529 тысячъ десятинъ, это задача невозможная. Какъ ни велико число продающихся въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ имѣній, однако едва ли можно допустить мысль, чтобы, напримѣръ, въ Курской губерніи дѣло дошло до продажи двухъ третей всего наличнаго пространства земель, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ. Тоже самое можно сказать и о другихъ губерніяхъ, которыя нами рассмотрѣны. Вездѣ пространства недостающей крестьянамъ земли выражаются такими крупными цифрами, что потребовалось бы скупать на пополненіе крестьянскихъ надѣловъ если не большую, то весьма значительную часть некрестьянскихъ земель, имѣющихся въ губерніи.

Но это не всё затрудненія. Количество земель, потребныхъ на пополненіе крестьянскихъ надѣловъ, таково, что если бы земство или другое какое учрежденіе предъявило на мѣстѣ соотвѣтственный спросъ на продажныя земли, то рыночная цѣна послѣднихъ естественно возросла бы до огромныхъ размѣровъ и при рѣшимости скупить нужное количество земель во что бы то ни стало пришлось бы платить за десятину баснословныя деньги, которыхъ не окупить никакая земля, при всѣхъ усиліяхъ земледѣльца, даже при всѣхъ усовершенствованіяхъ, до которыхъ додумалась сельско-хозяйственная наука.

Вообще, по нашему мнѣнію, самое важное препятствіе для удовлетворительнаго разрѣшенія настоящаго вопроса земствомъ заключается въ томъ, что земская дѣятельность ограничивается

предѣлами одной губерніи. Въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ оно можетъ, разумѣется, оказывать крестьянамъ кое какое пособіе на покупку земель, но увеличить до необходимаго размѣра землевладѣніе всего крестьянскаго населенія, оно не можетъ; стало быть, дѣятельность его въ данномъ направленіи по необходимости останется частичною, съ характеромъ скорѣе филантропическимъ, чѣмъ строго экономическимъ и значительныхъ экономическихъ результатовъ невозможно ждать отъ нея.

Въ этомъ отношеніи не лишено нѣкотораго интереса и назидательности слѣдующее обстоятельство, едва ли случайное: больше всего вопросомъ о пособіи крестьянамъ на покупку земель занимаются нѣкоторыя земства сѣверныхъ промысловыхъ и южныхъ степныхъ губерній (Новгородской, Тверской, Московской, Таврической и Херсонской), не смотря на то, что въ первыхъ крестьяне имѣютъ значительные подспорные заработки внѣ земледѣлія, а въ послѣднихъ—возможность дешево арендовать землю и выгодно наниматься на полевые работы къ другимъ землевладѣльцамъ; между тѣмъ, въ губерніяхъ черноземныхъ нестепныхъ, гдѣ малоземелье ставитъ крестьянъ въ безвыходное положеніе, можно указать чрезвычайно немного земствъ, которыя возбуждали вопросъ о пособіи малоземельнымъ крестьянамъ въ приобрѣтеніи земель. Это на первый взглядъ странное явленіе объясняется очень просто, если принять во вниманіе существующую между названными полосами разницу относительно продажныхъ цѣнъ на землю: что сколько нибудь доступно Таврическому земству, при цѣнѣ въ 15—30 руб. за десятину, то представляется почти недоступно Курскому земству, при стоимости десятины земли въ 150—200 р.; словомъ, мы полагаемъ, что въ малоземельной черноземной полосѣ грандіозность задачи выступаетъ рельефнѣе, парализуя въ зародышѣ благородную предпріимчивость небогатыхъ капиталами земствъ. Оттого здѣсь земства и не рискуютъ браться за это дѣло, сознавая его непосильность для себя.

Земскіе проекты кредита для покупки крестьянами земли распадаются на двѣ категоріи, по характеру тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ предполагается получить необходимыя средства для осуществленія предпріятія: проекты кредитныхъ учрежденій *частныхъ*, на подобіе существующихъ поземельныхъ банковъ, и *правительственныхъ*.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что проекты той и другой категоріи нигдѣ не были разработаны въ подробностяхъ, а только намѣчены въ общихъ чертахъ (въ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, въ вольно-экономическомъ обществѣ, на V съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Одессѣ, въ нѣкоторыхъ частныхъ журнальныхъ статьяхъ). Но особенно мелкихъ подробностей этихъ проектовъ и не требуется, чтобы опредѣлить ихъ значеніе въ ряду мѣръ, предлагаемыхъ для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія.

Прежде всего нѣсколько словъ о частныхъ, промышленно-акціонерныхъ предпріятіяхъ съ этою цѣлью. Сколько помнится, проектъ такого предпріятія предлагался въ зашломъ году г. Кошкарковымъ въ вольно-экономическомъ обществѣ. Тогда же этотъ проектъ вызвалъ рѣзкую критику какъ въ печати, такъ и въ вольно-экономическомъ обществѣ, при чемъ было указано на плохо-замаскированный спекулятивный характеръ его. Да иначе и быть не можетъ въ учрежденіяхъ этого рода. Они имѣютъ смыслъ лишь какъ учрежденія промышленныя, рассчитанныя на извѣстныя выгоды учредителей и акціонеровъ предпріятія. Г. Кошкарвъ хотѣлъ сгладить эту черту введеніемъ филантропическаго элемента въ характеръ предпріятія, что, конечно, только усилило невыгодное впечатлѣніе его проекта. Неизбѣжно промышленный характеръ частныхъ учреждений поземельнаго кредита для крестьянъ опредѣляетъ и его непригодность для той цѣли, для которой онъ предназначается: прежде всего этотъ кредитъ не можетъ быть дешевымъ и потому естественно онъ долженъ быть обременителенъ для крестьянъ, а въ такомъ случаѣ вмѣсто улучшенія ихъ быта въ конечномъ результатѣ легко можетъ сдѣлаться новымъ источникомъ крестьянскаго раззоренія, какъ поземельные наши банки сдѣлались источникомъ раззоренія для огромнаго большинства закладчиковъ-землевладѣльцевъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны жалобы екатеринославскихъ землевладѣльцевъ на засѣданіяхъ XIII очередной сессіи губернскаго земскаго собранія. Вотъ что говорилось, между прочимъ, о значеніи поземельныхъ банковъ въ дѣлѣ раззоренія закладчиковъ: «безвыходное положеніе землевладѣльцевъ происходитъ преимущественно отъ несообразно высокихъ процентовъ въ земельныхъ банкахъ; землевладѣльцы, заложивши свои имѣнія, попали въ роль прикащиковъ банковъ или арендаторовъ ихъ» (Постановленія XIII очеред. сессіи екат. губ. зем. собр. стр. 496). То же самое

смѣло могли бы сказать о банкахъ землевладѣльцы и всѣхъ другихъ губерній.

Независимо отъ всѣхъ неудобствъ частнаго кредита въ такомъ дѣлѣ, какъ пособіе крестьянамъ для покупки земель, онъ даже едва ли осуществимъ безъ содѣйствія правительства, въ видѣ ли гарантіи по закладнымъ листамъ кредитнаго учрежденія, въ другой ли какой формѣ. На этотъ базисъ и опираются всѣ проекты частнаго поземельнаго кредита для крестьянъ. Это значитъ, что всѣ барыши предпріятія—учредителямъ, а всѣ убытки—правительству. Но, въ такомъ случаѣ, какой же можетъ быть для правительства резонъ поддерживать предпріятіе, которое крестьянамъ сулитъ обремененіе и, пожалуй, даже разореніе, правительству—убытки и только небольшой кучкѣ капиталистовъ—несомнѣнные барыши! Но и это еще не все.

Правильное разрѣшеніе на практикѣ вопроса объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія возможно лишь въ томъ случаѣ, когда все дѣло будетъ вестись не случайно, а по опредѣленной системѣ, съ строгою регламентаціей. Иначе легко можетъ статься, что одни крестьяне въ ущербъ другимъ приобрѣтутъ земель больше, чѣмъ сколько имъ нужно, а другіе ничего не приобрѣтутъ. Частный банкъ не заинтересованъ, да и не можетъ взять на себя регламентацію этого дѣла. Только правительство, непосредственно ли, или черезъ земскія учрежденія (которыя, къ слову сказать, всего пригоднѣй въ данномъ случаѣ), можетъ вполне правильно поставить столь важное дѣло. Какъ размѣры, такъ и характеръ вопроса о крестьянскомъ малоземельи несомнѣнно ставить его въ ряду важнѣйшихъ *государственныхъ* вопросовъ нашего времени и полное, коренное разрѣшеніе его возможно только государственными мѣрами.

Въ числѣ такихъ мѣръ, предлагавшихся и предлагаемыхъ разными лицами и учрежденіями, наименѣе удачная, по нашему мнѣнію, это организація государственнаго кредита для пособія крестьянамъ спеціально на покупку земель. Съ такимъ предложеніемъ въ прошломъ году выступилъ въ вольно-экономическомъ обществѣ г. Яковлевъ. Правда, онъ не ограничивалъ вопросъ однимъ кредитомъ. Рядомъ съ организаціей кредитнаго учрежденія онъ предлагалъ содѣйствіе къ переселеніямъ крестьянъ и облегченіе платежей, лежащихъ на крестьянской землѣ. Тѣмъ не менѣе, на первомъ мѣстѣ, такъ сказать, во главу всего дѣла онъ поставилъ именно кредитъ.

Какъ ни громадны размѣры средствъ, потребныхъ на покупку недостающей крестьянамъ земли, но по опыту выкупной операціи можно признать, что у государства нашлись бы эти средства. Неудобство государственнаго кредита, какъ главной мѣры противъ теперешняго малоземелья крестьянъ, заключается не столько въ трудности или обременительности его для государства (хотя и этого упускать изъ виду не слѣдуетъ, при извѣстномъ состояніи нашихъ финансовъ), сколько въ свойствахъ самого вопроса, который предполагается разрѣшить путемъ организаціи особаго кредитнаго учрежденія.

Допускаемъ, что такое учрежденіе устроилось. Первый вопросъ, съ которымъ оно должно встрѣтиться, это вопросъ о продающихся земляхъ: гдѣ, въ какомъ размѣрѣ и на какихъ условіяхъ можно купить нужныя земли?

Указываютъ, обыкновенно, на массу имѣній, заложенныхъ въ поземельныхъ банкахъ и продающихся съ молотка за неплатежъ процентовъ на занятый капиталъ. Дѣйствительно, въ общей сложности эти имѣнія составляютъ крупную площадь земли. Но если мы вспомнимъ, что недостатокъ земли у крестьянъ только для семи губерній черноземной нестепной полосы выражается не тысячами, не сотнями даже тысячъ десятинъ, а цѣлыми милліонами, то мы вправѣ усомниться, чтобы этотъ источникъ доступныхъ для покупки земель оказался вполне достаточнымъ.

Какъ же быть кредитному учрежденію, имѣющему своей задачей увеличить крестьянское землевладѣніе до потребнаго размѣра? Ясное дѣло, эта задача не можетъ осуществиться дѣятельностью кредитнаго учрежденія, если покупка земель для пополненія крестьянскихъ надѣловъ будетъ ограничена тѣми мѣстностями, гдѣ имѣются малоземельные крестьяне. Въ этомъ случаѣ въ барышахъ останутся одни повемельные банки, которые нынѣ не знаютъ, что дѣлать съ заложенными и перезаложенными имѣніями, а тогда не только узнаютъ, что дѣлать съ такими имѣніями, но, безъ сомнѣнія, отлично нагрѣютъ свои карманы на казенный счетъ, такъ какъ при огромномъ спросѣ на земли и при ограниченномъ предложеніи ихъ ничто не побуждаетъ банкамъ вознаградить себя за всѣ прежніе протори и убытки.... Между тѣмъ, даже полное угробженіе поземельныхъ банковъ, т. е. когда они сбудутъ правительству всѣ застрявшія въ ихъ рукахъ земли и когда правительство понесетъ огромные

расходы, все-таки для полного разрѣшенія вопроса о крестьянскомъ малоземельи придется изыскивать дополнительные способы.

Если же дѣятельность кредитнаго учрежденія не будетъ стѣснена райономъ крестьянскаго малоземелья, если дѣло будетъ поставлено шире, такъ что государственный кредитъ откроетъ малоземельнымъ крестьянамъ возможность непосредственно или при посредствѣ правительственныхъ и земскихъ органовъ приобрести земли тамъ, гдѣ такое приобретение всего легче и выгоднѣе, тогда, очевидно, на первое мѣсто выступаетъ уже вопросъ не объ организаціи кредита, а объ организаціи переселеній, причемъ кредитъ является лишь однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ — не болѣе, и даже не вездѣ будетъ надобность въ немъ для покупки земель, какъ это мы постараемся выяснитъ далѣе. Словомъ, тогда государственный кредитъ получаетъ особенный смыслъ, совсѣмъ не тотъ, который хотѣли бы придать ему лица, симпатіи которыхъ гораздо больше склоняются на сторону нашихъ поземельныхъ банковъ, чѣмъ малоземельныхъ крестьянъ. Тогда, быть можетъ, государственному учрежденію даже вовсе не пришлось бы имѣть дѣло съ поземельными банками, а если и пришлось бы, то лишь въ томъ случаѣ, когда другіе ресурсы болѣе дешевыхъ или даже даровыхъ земель оказались бы недостаточными для удовлетворенія малоземельныхъ крестьянъ. Но это послѣднее, какъ мы увидимъ, едва ли возможно предполагать.

У.

Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, даже въ той постановкѣ, какая дается ему въ настоящее время, т. е. въ смыслѣ корректива существующихъ нормъ крестьянскихъ душевыхъ надѣловъ, — вовсе не новый вопросъ. Онъ возникъ одновременно съ началомъ великой реформы 19 февраля 1861 г., положившей у насъ основаніе самостоятельному крестьянскому землевладѣнію. Еще редакціонныя комиссіи въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, предвидя недостаточность проектированныхъ надѣловъ, остановились на мысли о переселеніяхъ и даже выработали рядъ положеній, долженствовавшихъ регулировать эти переселенія. Къ сожалѣнію, во второмъ періодѣ своихъ занятій редакціонныя комиссіи, по разнымъ соображеніямъ, совершенно оставили мысль о переселеніяхъ. Однако, устраняя *въ моменты осво-*

божденія составленіе какихъ-нибудь правилъ и предположеній по вопросу о переселеніяхъ, редакціонныя комиссіи не измѣнили своего взгляда на ихъ значеніе и сочли необходимымъ сдѣлать общее указаніе, что *въ послѣдствіи этотъ вопросъ не можетъ не обратить на себя вниманіе правительства* *).

И дѣйствительно, въ послѣдующее время, хотя довольно нерѣшительно, правительство не разъ возвращалось къ вопросу о переселеніяхъ. Въ настоящее время, сколько извѣстно, правительство болѣе, чѣмъ когда либо занято этимъ вопросомъ, а потому всякая попытка уяснить его не будетъ лишнею или несвоевременною. Это соображеніе и побудило насъ собрать во едино отрывочныя указанія по настоящему вопросу, разбросанныя въ различныхъ и въ разное время явившихся изслѣдованіяхъ, статистическихъ матеріалахъ, журнальныхъ статьяхъ и т. п.

Само собою разумѣется, важнѣйшую сторону вопроса о переселеніяхъ составляетъ указаніе земель, куда должны быть направлены переселенія.

Такія указанія во множествѣ даются самою жизнью. Не смотря на то, что крестьянскія переселенія обставлены весьма затруднительными условіями, эти переселенія безостановочно шли, то ослабѣвая (какъ при объявленіи манифеста 19 февраля), то усиливаясь (какъ въ 1868 г.) во все продолженіе послѣдняго двадцатилѣтія. Будучи не въ состояніи одолѣть трудности, поставленныя въ законѣ для выхода изъ общества **), крестьянинъ часто на авось пускается отыскивать обѣтованную страну

*) Скребицкій, т. II, стр. 629.

**) Для увольненія крестьянъ изъ сельскихъ обществъ, между прочимъ, требуется: чтобы на семействѣ увольняемаго не было ни какихъ казенныхъ, земскихъ и мирскихъ недоимокъ и чтобы, при томъ, подати были уплачены имъ по 1-е января слѣдующаго года; чтобы на увольняемомъ не было безспорныхъ частныхъ взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному правленію; чтобы на увольняемомъ крестьянинѣ, если онъ пользуется надѣломъ помѣщичьей земли, не было недоимокъ въ повинностяхъ, причитающихся за такое пользованіе и чтобы желающій получить увольненіе представилъ приемный приговоръ отъ того общества, куда онъ переходитъ (Ст. 130 Общаго Полож. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ вѣрстной зав.). Для крестьянъ, перешедшихъ на выкупъ, эти требованія закона осложняются еще слѣдующими: „Когда земля приобрѣтена отъ помѣщика цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то отдѣльными членамъ сего общества дозволяется увольненіе изъ онаго, по уплатѣ половины капитальнаго долга, причитающагося по выкупной казенной ссудѣ на участки, состоящій въ пользованіи увольняемаго, буде мирское общество приметъ на себя ручательство за остальную половину уплаты.... Если изъ

и нерѣдко дѣйствительно находить таковую въ просторныхъ степяхъ юго-восточной и восточной Россіи. Вопреки требованіямъ закона, безъ всякихъ увольнительныхъ и иныхъ документовъ селится онъ въ обрѣтенной палестинѣ, заводитъ новыя села и поселки, роетъ колодцы, распахиваетъ дѣвственные земли и т. д. и т. д., и все это не только безъ разрѣшенія, но даже сплошь и рядомъ безъ вѣдома начальства. Ядринцевъ рассказываетъ про Алтайскій округъ *), что мѣстное начальство иногда совершенно неожиданно встрѣчаетъ переселенческіе поселки въ такихъ мѣстахъ, гдѣ «деревнѣ быть не положено». И какъ ни сурово относится начальство ко всему тому, что «не указано», однако, разорять неуказанныя селенія оно не всегда рѣшается. Такъ и остаются самовольные поселенцы на новыхъ мѣстахъ и часто въ короткій срокъ достигаютъ такого благосостоянія, которое и во снѣ не снилось имъ на родинѣ. Тотъ же г. Ядринцевъ рассказываетъ про деревню Ярки близъ Бійска, состоящую изъ переселенцевъ, что въ ней имѣется до 4.000 ульевъ пчелъ, распахано до 4.000 десятинъ и производится на продажу до 15.000 просовыхъ и гречневыхъ крупъ. Крестьяне зажиточны, мы встрѣтили ихъ въ праздничный день въ яркихъ костюмахъ и кушакахъ, женщины были въ кружевныхъ воротничгахъ, шелковыхъ платкахъ и башмакахъ. Трудно было узнать въ этой разодрѣтой толпѣ, между парнями въ алыхъ рубахахъ, въ этомъ здоровомъ и сильномъ населеніи, жалкихъ, отощавшихъ новоселовъ-переселенцевъ, тянущихся въ лаптяхъ, въ дерюгѣ, съ короваемъ черного хлѣба за пазухой или христовымъ именемъ **). Картины, мало извѣстныя въ селахъ и деревняхъ какой-нибудь, Воронеж-

сельскаго общества, пріобрѣтшаго свой надѣлъ, уволено до одной трети членовъ онаго, на означенномъ выше основаніи, и члены сіи не замѣнены другими, то дальнѣйшее увольненіе членовъ общества, безъ предварительнаго взноса капитала, соотвѣтствующаго лежащей на нихъ долѣ выкупной уплаты не иначе можетъ быть разрѣшено, какъ съ утверженія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Изъ крестьянскаго общества, на которомъ числится недоимка по выкупнымъ платежамъ или казеннымъ податямъ, никто не можетъ быть уволенъ безъ предварительнаго на то согласія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія“. Ст. 173 и 174. Полож. о выкупѣ). Очень понятно, что эти требованія закона дѣлаютъ почти невозможнымъ выходъ изъ общества для большинства крестьянъ, особенно для бѣднѣйшихъ изъ нихъ, которые больше всего нуждаются въ переселеніи.

*) Ядринцева: „Судьба русскихъ переселеній за Уралъ“. *Отеч. Зап.* 1879 г. № 6 стр. 152.

**) Ibid, стр. 155.

ской или Орловской губерній, откуда прикочевали на Алтай эти переселенцы.... Въ Пятигорскомъ уѣздѣ, по словамъ князя Васильчикова *), самовольные переселенцы изъ русскихъ крестьянъ оказываются зажиточнѣе, чѣмъ, напр., поселенцы греки, которымъ правительство оказывало всевозможныя пособія и льготы. Мало того: вмѣсто пособія иностраннымъ колонистамъ, переселеннымъ на счетъ казны, администрація отдавала ихъ на харчи и содержаніе русскимъ переселенцамъ. Бывали и бываютъ, конечно, случаи и обратнаго характера. Не рѣдко крестьянинъ, задумавши переселиться въ какую-нибудь палестину, въ которой, по словамъ прохожаго странника, рѣки медовыя, съ берегами кисельными, продаетъ за безцѣнокъ домъ, разную движимость, но вмѣсто палестины съ медовыми рѣками попадаетъ въ пересылочную тюрьму, въ качествѣ бродяги и по этапу препровождается во свояси; другіе, истощивъ въ длинномъ пути всѣ ресурсы, сами возвращаются на разоренное пепелище, питаются Христовымъ именемъ. Не всѣ и на новыхъ мѣстахъ находятъ то, что ищутъ. Не рѣдки случаи, что, явившись на новое мѣсто безъ всякихъ средствъ, крестьянинъ, чтобы не умереть съ голоду, нанимается въ батраки и батраческою кабалою заганиваетъ свое житейское поприще. Но всѣ эти невзгоды не останавливаютъ переселеній и число переселенцевъ съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ. Мы не знаемъ, какъ велико это число. Никакой статистики переселенцевъ не ведется. Но есть отдѣльныя указанія, по которымъ можно смѣло утверждать, что число это значительно. Напримѣръ, въ Области Войска Донскаго въ 1854 г. общее населеніе обоаго пола было 829.356 человекъ, въ томъ числѣ лица неказачьяго сословія составляли только 31°/о; черезъ 22 года, въ 1876 г. общее населеніе уже простиралось до 1.249,601 человекъ, при чемъ лица неказачьяго званія составляли 39,4^o/о всего населенія. Такъ какъ трудно предположить, чтобы естественный приростъ населенія, путемъ рождений, былъ больше у лицъ неказачьяго сословія, чѣмъ у казаковъ, то надо думать, что увеличеніе неказачьяго сословія на 8,4^o/о произошло вслѣдствіе притока новыхъ поселенцевъ изъ другихъ губерній Россіи; за то же время въ Кубанской области неказачье населеніе съ 2,7^o/о общаго числа жителей поднялось до 18,1^o/о; въ Уральскомъ съ 2,7^o/о общаго населенія до 21,8^o/о

*) Земледѣліе и Землеустройство, т. II, стр. 965.

и т. д. *). По свѣдѣніямъ, приводимымъ у князя Васильчкова, въ одинъ годъ (съ 1871 по 1872 г.) въ Кубанскую область прибыло новосельцевъ 54.106 душъ обоюго пола **). За восемь лѣтъ (съ 1870 по 1878 г.) въ Томской губерніи причислено добровольныхъ переселенцевъ 12.800 человекъ, не считая «самовольныхъ переселенцевъ», выправляющихъ паспорта по прежнему жительству, которыхъ только въ южной части губерніи въ 1876 г. обнаружилось до 1345 семей, а по другимъ свѣдѣніямъ до 2177 душъ ***). Въ теченіе одного 1878 г. въ Самарскую губернію переселилось 1113 душъ ****).

Какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, они во всякомъ случаѣ показываютъ, что не смотря на стѣснительныя условія переселеній, все-таки замѣтнымъ образомъ совершается передвиженіе земледѣльческаго поселенія изъ тѣсныхъ мѣстностей на обширныя, пустующія по юго-восточнымъ и восточнымъ окраинамъ европейской Россіи плодородныя земли. Безъ сомнѣнія, эти передвиженія, сопряженныя съ такими трудностями и неудобствами, суть ни что иное, какъ продолженіе того историческаго процесса, которымъ съ первыхъ дней своего существованія стала слагаться Россія. Оно и понятно: стоитъ только взглянуть на карту Россіи, чтобы убѣдиться, что процессъ расселенія у насъ еще далеко не законченъ. Рядомъ съ мѣстностями, густо населенными, гдѣ земли оказывается недостаточно для насыщенія наличныхъ рабочихъ силъ, лежатъ пустыри, плодородныя, вполне пригодныя для культуры, по которымъ на милліонахъ десятинъ кочуютъ какія-нибудь тысячи полудикихъ инородцевъ, не имѣющихъ понятія о земледѣліи.... Заселеніе этихъ плодородныхъ пустырей земледѣльцами имѣетъ огромное значеніе не только въ смыслѣ средства поднять благосостояніе малоземельныхъ крестьянъ, но и въ смыслѣ развитія экономическихъ силъ страны, въ смыслѣ увеличенія ея богатства. Вѣдь, напр., страшно сказать, а, между тѣмъ, это фактъ непререкаемый: такая богатѣйшая губернія, какъ Ставропольская, по официальнымъ свѣдѣніямъ за 1876 г., потребовала отъ правительства расходовъ по управленію 10.243,444 руб., а доходу дала почти вдвое меньше —

*) Эти свѣдѣнія взяты изъ журнала *Сельск. Хозяйство и Лѣсоводство* за 1877 г., № 10, «Очерки экономическаго положенія козаковъ», стр. 178.

**) Васильчковъ, *Землед. и Землевлад.* Т. II, стр. 957.

***) Ядринцевъ, *Отч. Зап.* 1879 г. № 6, стр. 143—144.

****) *Правит. Вѣст.* отъ 22 сент. 1879 г.

всего 5.436,259 рублей! Въ Бакинской губерніи правительство тоже приплатило около половины милліона. Въ Оренбургской губерніи государственная казна, за вычетомъ расходовъ по управленію, т. е. чистаго дохода получила всего только 75.931 р.; въ Таврической губерніи правительство должно было приплатить 856.492 руб.; въ Херсонской губерніи эта приплата составила 4,396,805 рубл. *). Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе дѣятельной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ, которыми обладаютъ всѣ эти губерніи, такого баланса не получалось бы. Не говоримъ уже про тѣ общегосударственныя выгоды, которыя всегда связываются съ разработкой новыхъ естественныхъ богатствъ. Такимъ образомъ, переселенцы, побуждаемые, разумѣется, своими личными интересами (какъ въ древнее время новгородскіе укшуйники и т. п. колонизаторы), вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно выполняютъ весьма важную съ государственной точки зрѣнія культурную миссію и государство только исполнило бы свой долгъ, если бы это безсознательное движеніе народныхъ массъ взяло въ свои руки и дало ему правильный ходъ. Этимъ же путемъ одновременно разрѣшился бы и важнѣйшій вопросъ нашего времени—аграрный и разрѣшился бы какъ нельзя легче, потому что тутъ ничего не пришлось бы вводить новаго, невѣдомаго населенію: пришлось бы только урегулировать существующій фактъ жизни, всѣмъ хорошо извѣстный и понятный; даже въ подробностяхъ, напр., относительно мѣръ для переселеній не пришлось бы придумывать чего-нибудь новаго; всѣ такія мѣста болѣею частью совершенно правильно намѣчены теперешнимъ движеніемъ переселенцевъ; пришлось бы только облегчить имъ доступъ на эти мѣста и возможность безъ волокиты получать тамъ потребныя участки земли.

Возлагать такія надежды на переселеніе мы тѣмъ болѣе въ правѣ, что у насъ имѣется огромное количество земель, годныхъ для культуры и нуждающихся въ колонизаціи. Къ обзорѣнію этихъ земель мы и перейдемъ теперь. Прежде всего, однако, сдѣлаемъ общую оговорку о характерѣ тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыми приходится пользоваться въ настоящемъ случаѣ. Эти данныя мы собрали изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ. Понятное дѣло,

*) Эти свѣдѣнія взяты изъ „Русскаго Календаря“ А. Суворина за 1879 г., стр. 187.

тѣ и другіе источники представляютъ неодинаковую достовѣрность; но избѣжать этой, такъ сказать, разношерстности статистическаго матеріала нѣтъ никакой возможности. Статистика окраинныхъ, многоземельныхъ и малолюдныхъ областей и губерній совершенно отсутствуетъ. Есть мѣстности, на примѣръ, такъ называемыя, башкирскія земли, относительно которыхъ извѣстно только, что тамъ милліоны десятинъ земли, но сколько именно милліоновъ, а тѣмъ болѣе сколько удобной земли и кому она принадлежитъ — никто сказать не можетъ; никто тамъ не измѣрялъ земли и даже границы области съ точностію не обозначены. Значить, тутъ по неволѣ приходится довольствоваться приблизительными свѣдѣніями, все равно, будутъ ли они официальнаго или частнаго характера. Не рѣдко объ одномъ и томъ же встрѣчаются противорѣчивыя показанія, не смотря даже на то, что исходятъ изъ официального источника. Но мы и не имѣемъ въ виду точной статистики нашихъ многоземельныхъ областей и губерній; для нашей цѣли будетъ совершенно достаточно въ крупныхъ цифрахъ показать, какими богатыми средствами можетъ располагать наше правительство противъ густуцаго малоземелья въ разныхъ мѣстахъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи. Впрочемъ, собственно казенныхъ свободныхъ земель въ настоящее время осталось въ Европейской Россіи неособенно много. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, которыя приведены г. Янсономъ въ только что вышедшей книгѣ его—«Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ» (т. II); общее пространство такихъ земель въ полосѣ, которая можетъ служить для колонизаціи (степная полоса, начиная съ Херсонской губ. на западѣ и кончая Оренбургской на востокѣ) не превышаетъ 2.880.789 десятинъ *).

*) Мы, однако, не придаемъ этимъ свѣдѣніямъ большой точности и полагаемъ, что свободныхъ казенныхъ земель значительно больше. Чтобы судить о степени точности приводимыхъ г. Янсономъ цифръ, не лишнее имѣть въ виду слѣдующее сопоставленіе: по Воронежской губ. въ книгѣ г. Янсона показано казенныхъ оброчныхъ статей (а размѣръ оброчныхъ статей у него отождествленъ съ пространствомъ свободныхъ земель), 30.076 десятинъ. Между тѣмъ, въ „Статистикѣ поземельной собственности“ центрального статистическаго комитета въ той же губерніи казенныхъ земель показано 103.000 десятинъ; еще рѣзче различіе показаній того и другаго источника о казенныхъ земляхъ Тамбовской губерніи. По свѣдѣніямъ г. Янсона, такихъ земель всего 87.866 дес., а по свѣдѣніяхъ центр. стат. комитета—495.000 дес.

Гораздо больше свободныхъ земель, не принадлежащихъ казнѣ.

Такъ, въ землѣ Войска Донскаго имѣются большія пространства войсковыхъ запасныхъ земель, которыя издавна сдаются въ аренду крупнымъ съемщикамъ-спекулянтамъ. По словамъ г. Часловскаго ¹⁾, нѣкоторые изъ такихъ съемщиковъ арендуютъ по 75,000 десятинъ и болѣе, и уже отъ себя по мелочамъ сдаютъ крестьянамъ, приходящимъ изъ другихъ губерній, разумѣется, по цѣнѣ несравненно болѣе высокой. Пространство запасныхъ земель считается въ 1,562,745 десят. ²⁾. Эти земли можно считать вполнѣ свободными. Затѣмъ, по свѣдѣніямъ г. Часловскаго ³⁾, до 802,000 десятинъ отводится коннозаводчикамъ подъ табуны; всѣхъ же земель, которыя сдаются въ аренду крупнымъ съемщикамъ, можно считать до 2,640,000 дес. ⁴⁾.

Въ Ставропольской губерніи, кромѣ свободныхъ казенныхъ земель (г. Янсонъ считаетъ такихъ 193,785 десят.), осталось, такъ сказать, безъ хозяина 895,000 десят. послѣ ухода ногайцевъ ⁵⁾.

Въ киргизской степи, за исключеніемъ неудобныхъ земель (1,050,000 десятинъ), остается около 6 милліоновъ десятинъ, а за надѣломъ киргизъ по 30 десят. на душу, свободныхъ земель можно считать до 4 милліоновъ десятинъ ⁶⁾.

Наконецъ, огромныя пространства удобныхъ земель лежатъ въ такъ называемой Башкирин, которая обнимаетъ собою часть смежныхъ губерній: Пермской, Оренбургской и Уфимской, а также большую площадь по ту сторону Урала, но точныхъ границъ не имѣетъ, такъ что рѣшительно невозможно опредѣлить ея пространство. По свѣдѣніямъ земской управы, въ одной Уфимской губ. къ 1 января 1875 г. всѣхъ башкирскихъ земель числилось 6,868,515 десят. ⁷⁾, кромѣ тѣхъ дачъ, на которыя со времени генеральнаго межеванія не было выдано плановъ и пространство которыхъ неизвѣстно. Изъ этихъ земель размежевано 2,670,985 и не размежевано 4,197,530. Изъ нихъ выдается 30 десят. въ

¹⁾ «Отеч. Зап.» 1878 г. № 8, стр. 300.

²⁾ Памят. книж. области В. Дон. на 1873 г. отд. II, стр. 17.

³⁾ Сбор. госуд. знаній, т. II.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid, стр. 208.

⁶⁾ Васильчикова. Земледѣліе и землевладѣніе, т. II, стр. 1007.

⁷⁾ Янсонъ. Сравн. ст., т. II, стр. 77.

надѣль башкирскимъ вотчинникамъ, по числу душъ 10 ревизіи, надѣляются припущенники 15-ю десят. на душу и отводятся въ казну запасные участки (въ размѣрѣ 15 дес. на душу), а за надѣленіемъ припущенниковъ остающіяся земли частью уже отошли, частью отходятъ въ казну. По частнымъ свидѣніямъ, въ вѣрности которыхъ, по свидѣтельству г. Янсона, нѣтъ основанія сомнѣваться, такихъ земель до сихъ поръ поступило въ казну болѣе 1 милліона десятинъ, которыя уже и перешли въ частную собственность, а еще имѣется поступить до 5 (или, по соображеніямъ другихъ, до 3 милліоновъ десятинъ ¹⁾). Если принять, какъ болѣе вѣроятную, среднюю цифру для обозначенія пространства земель, имѣющихъ поступить въ казну, стало быть, свободныхъ, то въ одной Уфимской губерніи площадь удобныхъ для колонизаціи земель выразится огромною цифрою—около 4 милл. десятинъ. Затѣмъ, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ Пермской губ., по соображеніямъ князя Васильчикова ²⁾, свободныхъ башкирскихъ земель имѣется 2 милліона десятинъ. Бъ этому нужно добавить, что сами башкиры, владѣя большими надѣлами (иногда на 1 рев. душу считается 300 десят. чернозема ³⁾), очень мало пользуются ими и охотно соглашаются на продажу своихъ надѣльныхъ земель по боснословно дешевой цѣнѣ ⁴⁾).

Такимъ образомъ, свободныхъ земель, считая въ томъ числѣ и казенныя, наберется не менѣе 15—16 милліоновъ десятинъ. ⁵⁾

Но колонизаціонные ресурсы нашего правительства далеко не исчерпываются этими въ тѣсномъ смыслѣ свободными землями, хотя однихъ такихъ земель хватило бы для щедрого надѣленія не менѣе 1¹/₂—2 милліоновъ ревизскихъ душъ изъ числа малоземельныхъ крестьянъ. Но рядомъ съ землями свободными лежатъ огромныя пространства, населеніе которыхъ ни коимъ образомъ не можетъ одними собственными силами эксплуатировать богатая сокровища тучной почвы. На извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, эти земли также могутъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Васильчикова. Земледѣліе и землевлад., т. II, стр. 1007.

³⁾ Труды комиссіи для изслѣд. Положенія сельскаго хоз. въ Россіи. Доклады, отд. IV.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Итогъ предыдущаго перечня свободныхъ земель составляетъ 16,45,789 десятинъ.

пріютить у себя массу переселенцевъ съ великою выгодною для обѣихъ сторонъ. Къ числу такихъ многоземельныхъ мѣстностей слѣдуетъ отнести лежащія по нашимъ юговосточнымъ и восточнымъ окраинамъ земли козачьихъ войскъ (Донскаго, Терскаго, Бубанскаго, Оренбургскаго и Уральскаго), а также губерніи: Таврическую, Херсонскую, Екатеринославскую, Ставропольскую, Самарскую, Уфимскую, Пермскую и Алтайскій округъ за Ураломъ.

Во всѣхъ этихъ областяхъ и губерніяхъ почва, если не повсемѣстно, то по крайней мѣрѣ въ большей части ихъ, представляетъ прекрасный черноземъ. Исключеніе представляетъ развѣ одна Астраханская губернія съ своими песками и солончаками. Однако, и здѣсь удобныхъ земель, если считать такими 6,3% (какъ показано въ официальныхъ свѣдѣніяхъ о количествѣ удобныхъ земель), наберется не менѣе 1,295,000 десятинъ, что при 96,000 душъ ревизскаго земледѣльческаго населенія составить на 1 душу 13,5 десятинъ (въ этотъ расчетъ не вошли природцы и занятыя ихъ кочевьями земли).

Въ большинствѣ другихъ перечисленныхъ губерній и козачьихъ земель несоотвѣтствіе между пространствомъ удобныхъ для обработки земель и наличными силами земледѣльческаго населенія еще разительнѣе. Козачьи земли въ этомъ отношеніи особенно выдѣляются, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы *).

Земли:		Наличное мужское населеніе.	Пространство удобн. земель.	На 1 налич. душу муж. пола.
Донскаго	войска	369,000 душъ	12,779,000 дес.	20 дес.
Бубанскаго	»	322,000 »	7,094,000 »	22 »
Терскаго	»	70,000 »	1,686,000 »	24 »
Уральскаго	»	56,000 »	2,012,000 »	36 »
Оренбургскаго	»	139,000 »	7,217,000 »	52 »

Если этотъ расчетъ перевести на ревизскія души, то несоотвѣтствіе удобныхъ земель съ рабочими силами будетъ, конечно, еще больше.

По остальнымъ губерніямъ, пользуясь разными источниками (которые будутъ указаны въ примѣчаніяхъ), мы сдѣлали, разумѣется, весьма приблизительное сопоставленіе пространства удобныхъ земель съ наличными силами населенія, выраженными числомъ ревизскихъ душъ. Полученныя такимъ образомъ цифровыя данныя представлены въ слѣдующей таблицѣ:

* Свѣдѣнія объ этихъ земляхъ относятся къ 1 января 1876 г. Мы заимствовали ихъ изъ статьи г. Н. Краснова въ Журн. Сельск. Хоз. и Лѣсовод. Октябрь 1877 г.

Губерніи:	Ревизское земледѣльч. население муж. пола.	Пространство удобныхъ земель.	На 1 ревизскую душу.
Таврическая ¹⁾	184,000 ²⁾ душъ	3,963,000 дес.	21 дес.
Херсонская	342,000 ³⁾ »	5,489,000 »	16 »
Екатеринославская .	396,000 ⁴⁾ »	5,365,000 »	13,5 »
Ставропольская ⁵⁾ .	161,000 ⁶⁾ »	3,646,000 »	22,6 »
Астраханская	96,000 ⁷⁾ »	1,295,000 »	13,5 »
Саратовская	584,000 ⁸⁾ »	5,893,000 »	10,0 »
Самарская	642,000 ⁹⁾ »	5,965,000 »	9,2 »

Относительно Уфимской и Пермской губерній приходится ограничиться тѣмъ, что было сказано выше относительно свободныхъ земель. Въ виду крайняго противорѣчія различныхъ указаній о количествѣ и качествѣ удобныхъ земель, имѣющихся здѣсь, мы предпочли совсѣмъ не вводить въ таблицу этихъ губерній.

Наконецъ, къ числу многоземельныхъ мѣстностей съ тѣмъ же характеромъ крайняго несоотвѣтствія наличныхъ силъ земледѣльческаго населенія съ пространствомъ удобныхъ земель нужно отнести Алтайскій округъ (уѣзды: Борнаульскій, Бійскій, Кузнецкій и часть Томскаго),—край, богатѣйшій по плодородію, почти сплошь черноземный. Онъ представляетъ площадь до 3 1/2 мил. дес. съ населеніемъ (по показанію г. Ядринцева) до 400,000 душъ обоего пола. Стало быть, на каждую душу муж. пола здѣсь имѣется до 17,5 дес.

¹⁾ Свѣдѣнія о пространствѣ удобныхъ земель для Таврической, Екатеринославской и Херсонской губ. взяты изъ Статистическаго Временника.

²⁾ Въ томъ числѣ 35,849 колонистовъ.

³⁾ Въ томъ числѣ 27,307 колонистовъ.

⁴⁾ Въ томъ числѣ 12,366 колонистовъ.

⁵⁾ Свѣдѣнія о Ставроп. губ. взяты изъ статьи г. Числовскаго: „Вопросъ Русскаго аграрнаго устройства“. Отд. 3. 1878 г., № 8.

⁶⁾ Въ это число не включены кочевые инородцы, которыхъ по официальнымъ свѣдѣніямъ считается 46,645 человекъ (Стат. Вр. вып. 10). Они занимаютъ своими кочевьями обширную территорію въ 27 тыс. квадр. верстъ, что составитъ на душу около 60 дес. Вся эта территорія отнесена къ неудобнымъ землямъ, что едва ли вѣрно.

⁷⁾ Въ это число не вошли кочевые инородцы, которыхъ считается въ губерніи до 106,765 душъ (Военно-Стат. Сборн. т. IV, стр. 26). Ихъ кочевья большею частью малоплодородные песчанники и солончаки, однако есть и удобныя для культуры земли съ суглинистой и супесковатой почвой. Хотя инородцы ведутъ кочевую жизнь, но уже начало осѣдлости и земледѣнія положено: посѣвы у нихъ все болѣе и болѣе увеличиваются (Часловскій. Ibid, стр. 293). Отсюда можно видѣть, что раздѣленіе земель на удобныя и неудобныя далеко не вполне отвѣчаетъ дѣйствительному состоянію почвы.

⁸⁾ Въ томъ числѣ колонистовъ около 43,000 душъ.

⁹⁾ Въ томъ числѣ колонистовъ до 53,000 душъ.

VI.

Приведенныя цифры относительно многоземельныхъ областей и губерній, конечно, отнюдь не доказываютъ, что въ этихъ мѣстностяхъ повсюду населеніе обильно надѣлено землей. Однако, если даже исключить полудикихъ инородцевъ, надѣленныхъ землею болѣе чѣмъ изобильно, а мѣстами вовсе «безъ счету», все-таки нельзя не признать, что земледѣльческое населеніе въ общемъ здѣсь сравнительно болѣе обезпечено земельными надѣлами, чѣмъ въ какой-нибудь другой части Россіи. Не говоря уже про иностранныхъ колонистовъ Новороссійскаго края, Саратовской и Самарской губ. *), даже преобладающій контингентъ земледѣльческаго населенія этой полосы — государственные крестьяне имѣютъ надѣлы достаточные, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже большіе. Такъ, въ Ставропольской губ. средній душевой надѣлъ у государственныхъ крестьянъ — около 19 дес.; въ Оренбургской губ. — 16 дес.; въ Таврической — болѣе 11¹/₂ дес.; въ Самарской около 11¹/₂ дес., а въ Астраханской — даже свыше 35 дес. Въ другихъ губерніяхъ надѣлы государственныхъ крестьянъ меньше, но не маленькіе, напр., въ Херсонской губ. 7,4 дес., въ Екатеринославской — 8 дес., въ Саратовской — 7,7 дес. и т. д. **).

Гораздо менѣе отвѣчаютъ просторному и привольному многоземелью этой полосы надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Объ этомъ достаточно говорить уже одинъ тотъ фактъ, что, напримеръ, Таврическое земство одно изъ первыхъ возбудило вопросъ о пособіи крестьянамъ для увеличенія ихъ землевладѣнія. Но все-таки это малоземелье по своему значенію далеко не тождественно съ крестьянскимъ малоземельемъ черноземной казенной полосы. Во-первыхъ, крестьяне, бывшіе помѣщичьи, въ полосу многоземелья составляютъ значительное меньшинство населенія, именно около 1 милліона рев. душъ, изъ общаго числа крестьянъ приблизительно въ 4¹/₂ милліона рев. душъ, т. е. около 22%. Во-вторыхъ, средніе душевые надѣлы здѣсь все же не такъ малы, какъ въ нестепной полосѣ, а мѣстами даже могутъ быть признаны достаточными, напр., въ Оренбургской губ. 6,5 дес.,

*) Душевые надѣлы колонистовъ по губерніямъ имѣютъ размѣры (средніе): въ Таврической — 13 дес., въ Херсонской — 9,5 дес., въ Екатеринославской — 9 дес., въ Саратовской — 10 дес. и въ Самарской — 16 дес. Янсонъ, опыт. стат. изслѣд., табл. II.

***) Янсонъ, сравнит. стат., т. II, стр. 116.

въ Таврической—6,3 дес., въ Пермской—около 6 дес., въ Астраханской—10,4 дес., въ Ставропольской—5,5 дес. Затѣмъ въ слѣдующихъ губерніяхъ многоземельной полосы бывшіе помѣщичьи крестьяне получили надѣлы недостаточные или не вполне достаточные: въ Самарской—4,6 дес., въ Уфимской—4,3 дес., въ Херсонской—около 4 дес., въ Саратовской—3,7 дес., Екатеринославской—3,4 дес. и Донской области—3,5 дес. ¹⁾). Но эти цифры не могутъ служить дѣйствительнымъ мѣриломъ благосостоянія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ названныхъ губерніяхъ. Весьма многіе изъ нихъ въ этой полосѣ получили даже не полный надѣлъ, а одну четверть его или такъ-называемый даровой надѣлъ ²⁾) и все-таки условія ихъ экономическаго быта несравненно благоприятѣе, чѣмъ въ черноземной нестепной полосѣ при такихъ же надѣлахъ. Это зависитъ именно отъ указанного выше крайняго несоотвѣтствія площади удобныхъ земель съ тѣми рабочими силами, которыя представляетъ мѣстное населеніе, несоотвѣтствія, имѣющаго здѣсь діаметрально-противоположный характеръ, чѣмъ въ черноземной нестепной полосѣ. Насколько тамъ великъ излишекъ рабочихъ силъ сравнительно съ существующею въ нихъ потребностью, настолько здѣсь великъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Первымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей является дешевая аренда земель. Такія арендныя цѣны, какъ 3—6 р. за дес. пашни (а не въ кругу), считаются уже высокими. Напр., въ Херсонской губ. погодная арендная плата такого размѣра встрѣчается лишь вблизи Чернаго моря, слѣдовательно при особенно выгодныхъ условіяхъ мѣстности. Въ Екатеринославской губ. погодныя арендныя цѣны за пашню отъ 2 до 3½ р., въ Таврической губ., подальше отъ портовъ, средняя плата не выше 50 к.—1 р. за дес. и только вблизи портовъ поднимается до 5—10 р. за дес.; въ среднемъ же по губерніи—около 70 к. за дес. ³⁾). Но это все еще цѣны сравнительно высокія. Бываютъ меньше. Напримѣръ, въ области Войска Донскаго средняя арендная плата по всей области 24 к. за дес., а въ отдѣльныхъ округахъ и того меньше ⁴⁾). Въ Кубанской области арендныя цѣны на долгіе сроки 40—50 к. за

¹⁾ Янсонъ, сравн. стат., т. II, стр. 138.

²⁾ Янсонъ насчитываетъ здѣсь такихъ крестьянъ до 400,000 человекъ. Ibid., стр. 130.

³⁾ Труд. Коммисіи для изсл. с. х. въ Россіи.

⁴⁾ Савельевъ, стат. описаніе области В. Донскаго, стр. 9—11.

дес. кругомъ ¹⁾). Въ Самарской губ. казенныя оброчныя статьи приносятъ доходу въ средней сложности по 43 к. съ дес.; въ Астраханской—по 21 к., въ Пермской—по 23 к., въ Оренбургской—по 11 к., въ Таврической губ.—97 к., въ Херсонской—1 р. 91 к. ²⁾); башкирскія земли сдаются въ аренду не свыше 50 к. за дес., а часто по 12¹/₂ к. ³⁾) и т. д.

Другое прямое послѣдствіе того же недостатка рабочихъ составляетъ сравнительно высокая рабочая плата, которая позволяетъ крестьянину дѣлать значительныя заработки, особенно во время рабочей поры, когда цѣны за трудъ поднимаются до 2, даже до 5 р. въ день, не смотря на массу пришлыхъ рабочихъ, которые, обыкновенно, стекаются сюда ко времени сѣнокоса и уборки хлѣбовъ изъ густо населенныхъ губерній черноземной полосы.

Вотъ эти-то обстоятельства и дѣлаютъ неособенно чувствительнымъ малоземелье бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ черноземныхъ степяхъ южной и юго-восточной Россіи.

Но если недостатокъ рабочихъ силъ обезпечиваетъ мѣстнымъ крестьянамъ сравнительно безбѣдное существованіе, то, съ другой стороны, это обстоятельство крайне невыгодно отражается на производительности плодородной, мѣстами даже тучной земли. Мы видѣли выше, какое количество земли приходится на душу въ рассматриваемой полосѣ. Тѣмъ не менѣе количество хлѣба, собираемаго на каждаго жителя, здѣсь нисколько не больше, чѣмъ въ малоземельной черноземной полосѣ. Такъ, за трехлѣтіе 1871—1873 г. въ Донской области это количество составляло среднимъ числомъ — 2,2 четв.; въ Кубанской — 3,3 четв.; въ Терской—2,2; въ землѣ оренбургскихъ козаковъ—4 четв.; уральскихъ — 1,3 ⁴⁾). За пятилѣтіе (1870—1875 г.) въ Таврической губ. сборъ хлѣбовъ на душу составлялъ 2,9 четв.; въ Херсонской — 1,7; Екатеринославской — 1,8; въ Саратовской — 2,6; въ Самарской — 3,7; въ Уфимской — 3,1; Пермской — 2,8 ⁵⁾) и т. д., т.-е. приблизительно тѣ же самыя цифры, что

¹⁾ Васильчиковъ, землед. и землевлад., т. II, стр. 961.

²⁾ Янсонъ. Очеркъ распредѣленія земельной собственности въ Европейской Россіи. Русская Рѣчь, мартъ 1880 г., стр. 251. Свѣдѣнія относятся къ 1877 г.

³⁾ Васильчиковъ, землед. и землевлад., т. II, стр. 969.

⁴⁾ Сельск. хоз. и гѣс. 1877 г., октябрь, стр. 182.

⁵⁾ «Русск. календ.» А. Суворина, 1880 г., стр. 275.

въ малоземельныхъ черноземныхъ губерніяхъ *), не смотря на то, что въ послѣднихъ вдвое, втрое и въ большее число разъ меньше земли на 1 ревиз. душу. Это значитъ, что въ такой же пропорціи производительность земли въ черноземной степной полосѣ меньше, чѣмъ въ черноземной нестепной. И было бы странно, если бы было иначе. Все, что извѣстно о земельномъ хозяйствѣ во всей этой привольной полосѣ, доказываетъ, что оно здѣсь ведется, какъ попало, часто безъ всякой системы или же по переложной системѣ, причѣмъ огромныя пространства земли лежатъ впустѣ и самое большое, если служить для пастбищъ скота. А случается и такъ, что значительные участки прекрасной земли не воздѣлываютъ вовсе. Не говоря уже про земли, состоящія въ пользованіи кочевыхъ инородцевъ, вродѣ Башкиръ, у которыхъ пустующихъ земель чрезвычайно много, даже въ мѣстностяхъ болѣе культурныхъ, такія земли встрѣчаются не рѣдко, какъ напр. въ Кубанской области. Здѣсь по окончаніи войны съ горцами около 43 тыс. дес. земли было роздано военнымъ лицамъ, участвовавшимъ въ покореніи Кавказа, а частью почетнымъ туземцамъ. Кромѣ того, много земель досталось въ срочное пользованіе (такъ-назыв. срочные участки) офицерамъ и чиновникамъ войска, въ видѣ прибавки къ жалованью, обращенные потомъ (въ 1869 г.) въ потомственную собственность. Вотъ на этихъ-то земляхъ, не смотря на то, что область прорѣзывается желѣзной дорогой, до послѣдняго времени сплошь и рядомъ можно было встрѣтить участки, на которыхъ не велось никакого хозяйства **). Теперь понемногу заводится иной порядокъ; правда, и теперь владѣльцы этихъ пожалованныхъ земель, состоящіе болѣею частью на службѣ, сами не завели и не заводятъ хозяйства на этихъ земляхъ, даже не живутъ на нихъ, но сдаютъ ихъ въ аренду преимущественно спекулянтамъ, которые или устраиваютъ здѣсь хутора, или раздаютъ землю по частямъ въ распахку пришлымъ крестьянамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, обыкновенно, земля немилосердно выпахивается и вслѣдствіе того быстро падаетъ

*) Для сравненія возьмемъ нѣсколько цифръ, относящихся къ этимъ послѣднимъ губерніямъ за то же пятилѣтіе: въ Воронежской губ. 3,4 четв., Киевской—3,2; Курской—1,1; Орловской—1,4; Пензенской—1,6; Полтавской—2,9; Рязанской—3,1; Симбирской—3,8; Тамбовской—5,3; Черниговской—1,8, и т. д. Ibid.

**) Часловскій. Вопросы русск. агр. устр., стр. 299.

въ цѣнѣ; а это въ свою очередь приводитъ къ тому, что владѣльцы, не получая дохода съ земли, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются сбыть свои бездоходныя имѣнія *)).

Та же самая система сдачи въ аренду земель и съ такими же послѣдствіями гораздо раньше водворилась въ землѣ Войска Донскаго. Число хозяевъ-помѣщиковъ быстро уменьшается и замѣчается всеобщее стремленіе сдавать земли въ аренду. Такъ, до 1868 г. такихъ хозяевъ-помѣщиковъ было 85% и только 15% сдавали землю въ арендное содержаніе. Къ 1873 г. эти цифры видоизмѣнились такимъ образомъ: число помѣщиковъ, ведущихъ хозяйство уменьшилось до 70%. Владѣльцы срочныхъ участковъ всегда, и до, и послѣ 1868 г., предпочитали сдавать свои земли въ аренду, такъ что ведущихъ хозяйство между ними было не болѣе 5%, а потомъ пало даже до 3%, когда срочные участки были обращены въ ихъ потомственную собственность. Рядомъ съ этимъ явленіемъ идетъ другое: неурожай стали довольно обыкновеннымъ явленіемъ въ этой богатой черноземной области **).

Еще удивительнѣе порядки эксплуатаціи земель, принадлежащихъ Башкирамъ, а также разнымъ помѣщикамъ, приобрѣвшимъ земельную собственность путемъ дешевой, иногда даже обманной покупки у Башкиръ. И тѣ, и другіе сдаютъ земли въ аренду, причѣмъ арендаторы заботятся единственно о томъ, чтобы возможно легкимъ путемъ получить возможно болѣшій барышъ: озимые посѣвы встрѣчаются въ видѣ исключенія; яровые же посѣвы слѣдуютъ безостановочно покуда что-нибудь родится и почва не заростетъ сорными травами.

Въ большей или меньшей степени тѣ же самыя явленія и порядки можно наблюдать во всей этой полосѣ и, понятное дѣло, было бы наивно ставить это обстоятельство въ особую вину мѣстнымъ хозяевамъ. Г. Чаславскій ***)) доказываетъ, что переходъ отъ переложной системы къ трехпольной можетъ совершиться лишь тогда, когда въ данной мѣстности на 1 душу приходится земли не болѣе 10 десятинъ. Можетъ быть, оно и не совсѣмъ такъ, но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ, признать, что и здѣсь известный порядокъ эксплуатаціи земли не столько зависитъ отъ

*) Васильчиковъ. Землед. и землевлад. Т. II, стр. 961—962.

***) Чаславскій. Ibid, стр. 310.

***) Отхожіе землед. пром. Сборникъ Госуд. Экон. Т. II.

человѣческой воли или усмотрѣнія, сколько отъ тѣхъ естественныхъ условій, въ которыя поставлено земельное хозяйство. Въ самомъ дѣлѣ, земли тутъ изобиліе; выпашавъ одно мѣсто, можно бросить его и перейти на другое. Неразсчитливо тратить трудъ на тщательную обработку земли, удобреніе и т. п., когда дѣятельная почва и безъ всякой почти обработки даетъ два—три хорошихъ урожая. Расчетъ очевидный: при одномъ и томъ же количествѣ труда, благодаря этому необъятному простору плодородныхъ земель, земледѣлецъ получаетъ больше продуктовъ при грубо экстенсивной системѣ хозяйства, чѣмъ при тщательной обработкѣ земли. По тѣмъ же самымъ причинамъ, т. е. вслѣдствіе крайняго несоотвѣтствія пространства земли съ наличными рабочими силами, собственникъ большаго помѣстья неизбѣжно будетъ чувствовать себя въ неустойчивомъ положеніи, ведя хозяйство самолично. Недостатокъ рабочихъ въ нужное время не только погубитъ ожидаемый доходъ, но не дастъ вернуть и тѣ затраты, которыя уже сдѣланы на подготовку урожая. Вотъ почему у собственниковъ крупныхъ участковъ въ этой малолюдной полосѣ вполнѣ понятно стремленіе—обезпечить себѣ хоть какой-нибудь доходъ, но только вѣрный, что и имѣетъ мѣсто при сдачѣ земли въ аренду.

Даже въ такой сравнительно населенной мѣстности разсматриваемой полосы, какъ Екатеринославская губернія, недостатокъ рабочихъ силъ на мѣстѣ вызываетъ горькія сѣтованія землевладѣльцевъ. Не далѣе какъ въ октябрѣ 1878 года, на засѣданіи очереднаго губернскаго земскаго собранія, землевладѣльцы, въ ряду другихъ мѣръ для поднятія земледѣлія въ губерніи, признали необходимымъ ходатайствовать передъ правительствомъ относительно облегченія условій для переселенія крестьянъ изъ густонаселенныхъ губерній на ихъ земли, «а до тѣхъ поръ, пока это ходатайство получить удовлетвореніе, немедленно же устроить при губернской управѣ справочное бюро, гдѣ, съ одной стороны, каждый изъ землевладѣльцевъ, желающій пригласить на свои земли поселенцевъ или колонистовъ, могъ бы заявить свои условія; съ другой — лица, пожелавшія переселиться въ этотъ край, могли бы получить точныя и вѣрныя данныя объ условіяхъ самаго переселенія». По мысли екатеринославскихъ землевладѣльцевъ, это справочное бюро должно было бы войти въ сношенія даже съ зауральскими мѣстностями, которыя ежегодно выселяютъ извѣстный контингентъ эмигран-

товъ *). Намъ не извѣстно, имѣли ли какія-нибудь практическія послѣдствія эти соображенія и планы екатеринославскихъ земле-владѣльцевъ, но они, во всякомъ случаѣ, характерны.

Тѣ же самыя соображенія и планы, но только уже для всей южной Россіи и съ большею опредѣлительностью были изложены въ концѣ того же 1878 г. на V съѣздѣ сельскихъ хозяевъ южной Россіи. Въ докладѣ особой комиссіи о мѣрахъ въ улучшенію южно-русскаго сельскаго хозяйства, между прочимъ, были поставлены слѣдующія предложенія: а) Ходатайствовать передъ правительствомъ, не признаетъ ли оно возможнымъ казенно-оброчныя пустопорожнія земли, находящіяся въ южныхъ губерніяхъ, заселять безземельными крестьянами среднихъ губерній, выдавая имъ опредѣленный душевой надѣлъ; б) ходатайствовать о разрѣшеніи колонизаціи крестьянъ изъ густонаселенныхъ губерній на владѣльческихъ земляхъ по обоюдному согласію, съ надѣленіемъ ихъ землею въ достаточномъ для самостоятельнаго хозяйства размѣрѣ, съ выкупною ссудою отъ правительства; в) ходатайствовать передъ правительствомъ, не признаетъ ли оно возможнымъ облегчить увольненіе изъ общества тѣхъ крестьянъ, которые пожелали бы переселиться въ Новороссію, на земли, купленныя крестьянами по обоюдному согласію ихъ съ земле-владѣльцами, и г) въ видахъ облегченія передвиженія населенія, нуждающагося въ заработкахъ, а, съ другой стороны, для облегченія въ пріисканіи хозяевами рабочихъ, ходатайствовать о коренномъ преобразованіи паспортной системы, въ интересахъ полицейскихъ, а не фискальных, а вмѣстѣ и объ уничтоженіи подушной подати, съ замѣною ея имущественнымъ налогомъ, соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ средствамъ плательщиковъ **).

Понятное дѣло, и эти предложенія имѣютъ значеніе больше теоретическое, какъ выраженіе общаго сознанія, что успѣхи земледѣлія немислимы, при отсутствіи на мѣстѣ потребнаго количества рабочихъ силъ. Между прочимъ, всѣ эти планы и благопожеланія южно-русскихъ хозяевъ даютъ хорошую иллюстрацію тому замѣчанію, которое вскользь было высказано выше, а именно: что переселеніе крестьянъ изъ густонаселенныхъ и малоземель-

*) Постановл. XIII очер. сессіи екат. губ. з. совѣ. стр. 496—499.

***) Мы взяли эту выдержку изъ брошюры Датлова: «Кризисъ или невѣжество», стр. 32.

ныхъ мѣстностей въ мѣстности привольнаго многоземелья имѣеть значеніе не только для самихъ переселенцевъ, но и для всего государства, какъ условіе развитія его экономическихъ силъ, увеличенія его производительности и богатства.

VII.

Для насъ, впрочемъ, эти указанія хозяевъ-землевладѣльцевъ существенно важны въ другомъ отношеніи: они, во-первыхъ, выясняютъ, что земли разныхъ частныхъ владѣльцевъ, точно также какъ и свободныя казенныя земли, съ выгодой для ихъ собственниковъ, могутъ служить мѣстомъ для переселеній; во-вторыхъ, они отчасти намѣчаютъ и самый путь, какимъ должны совершаться переселенія крестьянъ на владѣльческія земли, а именно: правительство должно взять на себя посредничество между собственниками земель, отходящихъ подъ переселеніе, съ одной стороны, и переселенцами, съ другой.

Мы, однако, думаемъ, что это правительственное посредничество должно идти значительно дальше тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ желаютъ видѣть его землевладѣльцы. Нѣтъ сомнѣній, что въ пастоящемъ случаѣ интересы владѣльцевъ земли и переселенцевъ значительно совпадаютъ; однако, полного совпаденія тутъ быть не можетъ по той понятной причинѣ, что каждая сторона сверхъ общихъ интересовъ имѣеть и свои особенныя, діаметрально противоположныя интересы. Такъ, землевладѣльцы, если бы имъ самимъ предоставлено было опредѣлить условія переселеній, весьма естественно, стремились бы поставить такія условія, чтобы, съ возможно меньшими уступками въ пользу поселенцевъ, получить отъ нихъ возможно больше выгодъ. Такъ, напр., они могли бы назначить недостаточныя участки земли на каждаго поселенца съ выкупными платежами, несоотвѣтствующими цѣнности отводимыхъ участковъ; точно также они могли бы отводить подъ поселенія такія земли (какъ это бывало при освобожденіи крестьянъ), которыя ставили бы поселенцевъ въ фактическую зависимость отъ землевладѣльцевъ, напр., земли внутри дачи, гдѣ нѣтъ ни отдѣльнаго выгона, ни отдѣльнаго водопоя, и т. п. А такъ какъ положеніе землевладѣльцевъ, во всякомъ случаѣ, болѣе сносно, чѣмъ положеніе крестьянъ, идущихъ на новыя мѣста, слѣдовательно при заключеніи договора

Фактически землевладѣльцы гораздо болѣе свободны, чѣмъ поселенцы, то, само собой разумѣется, такъ называемое въ приведенныхъ проектахъ «свободное соглашеніе» обѣихъ сторонъ въ большинствѣ случаевъ послужило бы къ выгодѣ землевладѣльцевъ, въ ущербъ поселенцамъ. Оно и понятно: для одной стороны тутъ вопросъ пользы, выгоды, а для другой — вопросъ крайней необходимости; ясное дѣло—послѣдняя сторона сдѣлаетъ гораздо больше уступокъ въ пользу первой и даже въ явный ущербъ себѣ. Вотъ почему на мѣсто этого свободного соглашенія необходимо поставить нѣчто болѣе справедливое. Таковыми и могутъ явиться условія, опредѣленные правительствомъ. Для каждой мѣстности, соотвѣтственно ея наличнымъ условіямъ, правительство могло бы опредѣлить: во-первыхъ, мінімумъ земельного участка на одного поселенца, во-вторыхъ—максимумъ выкупной платы и самый способъ выкупа. Мало того: по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., гдѣ владѣльческія земли не заселены (какъ многія земли, пожалованныя военнымъ и статскимъ чиновникамъ на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ), правительство могло бы сдѣлать обязательнымъ для землевладѣльцевъ продажу подъ поселенія опредѣленнаго количества земли. Подобная мѣра не могла бы особенно стѣснить этихъ землевладѣльцевъ, въ большинствѣ случаевъ, не ведущихъ хозяйства и вынужденныхъ за бездѣнокъ сдавать въ аренду и даже продавать свои земли спекулянтамъ, гуртовщикамъ, овцеводамъ и т. п. люду, какъ это мы имѣли случай указывать выше. Понудительныя мѣры правительства имѣли бы здѣсь единственно то значеніе, что ускорили бы ходъ дѣла, противодѣйствуя російской безпечности... Но въ особенности принудительныя мѣры правительства желательны относительно колонизаціи указанныхъ выше свободныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, земель, не принадлежащихъ казнѣ (иностранческія, казачьи и т. п.); здѣсь правительство могло бы распорядиться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и на свободныхъ казенныхъ земляхъ, т. е. отводить ихъ подъ населеніе колонистовъ за опредѣленный оброкъ—безъ всякаго выкупа, какъ это сдѣлано при устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ.

Затѣмъ, самый выкупъ переселенцами отведенныхъ имъ участковъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти участки отводятся на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, въ большинствѣ случаевъ не можетъ обойтись безъ правительственнаго вмѣшательства, по той

причинѣ, что сразу выкупить участки можетъ развѣ исключительный переселенецъ; большинство же землевладѣльцевъ, конечно, не пожелаютъ ждать полного выкупа поселенцами ихъ земель черезъ 45—50 лѣтъ, довольствуясь ежегодно небольшимъ оброкомъ (въ размѣрѣ процентовъ съ капитальной суммы выкупа и процентовъ погашенія, разсроченнаго на много лѣтъ); правительственное вмѣшательство здѣсь должно выразиться въ той же формѣ, въ какой оно выразилось при освобожденіи крестьянъ, т. е. выдачею выкупныхъ ссудъ, о чемъ предлагалось ходатайствовать и на V съѣздѣ южно-русскихъ хозяевъ.

Такимъ образомъ, по существу дѣла мы въ концѣ концовъ приходимъ къ тому же, что отвергли въ началѣ: къ необходимости правительственнаго кредита для выкупа переселенцами отведенныхъ имъ участковъ на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ. Всего удобнѣе для настоящей цѣли организація особаго выкупнаго учрежденія на подобіе существующаго или расширеніе операций послѣдняго соотвѣтственно новой задачѣ, совершенно, впрочемъ, аналогичной съ задачей теперешняго выкупнаго учрежденія. Но мы отводимъ этому правительственному кредиту въ дѣлѣ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія совсѣмъ не то мѣсто, какое отводится ему въ существующихъ проектахъ этого рода. Мы разсматриваемъ его, какъ средство вспомогательное, къ которому правительство должно прибѣгнуть не прежде, чѣмъ будутъ истощены другіе ресурсы, а именно—свободныя казенныя земли, а также земли, хотя и не принадлежащія казнѣ, но тѣмъ не менѣе свободныя въ такомъ смыслѣ, т. е. или безхозяйныя, или составляющія собственность цѣлыхъ областей, стало быть, довольно близко подходящія фактически къ безхозяйнымъ. А при заселеніи этихъ земель, если и потребуется правительственная помощь, то не на выкупъ отводимыхъ переселенцамъ участковъ, а больше всего отрицательная—въ видѣ различныхъ льготъ на нѣкоторое время по отбыванію государственныхъ повинностей, да развѣ на пособіе переселенцамъ для обзаведенія на новыхъ мѣстахъ. Но даже и въ такихъ размѣрахъ правительственная помощь переселенцамъ, какъ ни желательна она, во всякомъ случаѣ, не составляетъ *conditio sine qua non* переселеній. Мы выше указывали, какъ теперь, при всѣхъ затрудненіяхъ, которыми обставлены у насъ переселенія, все таки переселенцы умѣютъ устроиться на новыхъ мѣстахъ. Стало быть, если эти трудности, большею частью

Формальнаго характера (выходъ изъ общества, отыскиваніе новыхъ земель и т. п.), будутъ устранены правительствомъ, если оно будетъ, напротивъ, всячески облегчать переселенія, то за недостаткомъ денежныхъ пособій и льготъ, если бы таковыя были тяжелы для правительства, дѣло переселеній не можетъ остановиться. Во всякомъ случаѣ, при заселеніи свободныхъ земель расходы правительства могутъ не быть настолько значительны, чтобы потребовалась организація спеціальнаго кредита на этотъ предметъ. Необходимость кредита является лишь при заселеніи владѣльческихъ земель. Но и здѣсь кредитъ по своимъ размѣрамъ вовсе не такъ страшенъ, какъ въ тѣхъ проектахъ, которые предлагаютъ устроить учрежденіе для скупки земель, заложенныхъ въ поземельныхъ банкахъ. Эти послѣднія земли большею частью принадлежатъ внутреннимъ губерніямъ, стало быть, хотя и заложены въ банкахъ, но цѣнность имѣютъ все-таки высокую, немногимъ развѣ меньшую сравнительно съ существующими цѣнами на землю при свободной куплѣ - продажѣ. Между тѣмъ, покупка владѣльческихъ земель для переселенцевъ у насъ предполагается лишь въ многоземельныхъ и малолюдныхъ окраинныхъ мѣстностяхъ, гдѣ рыночныя цѣны на землю покуда очень невысокія. Даже въ такихъ сравнительно населенныхъ губерніяхъ, какъ Новороссійскія, и тамъ цѣна за десятину земли сплошь и рядомъ не выше 15—25 руб. Въ такихъ же мѣстностяхъ, какъ губер. Ставропольская, Кубанская область или земли разныхъ инородцевъ, тамъ цѣны на землю и того меньше. Ясное дѣло, будетъ огромная разница, выкупать ли земли, по дорогой цѣнѣ заложенные въ поземельныхъ банкахъ, или же такія земли, которыя лежатъ впускѣ на окраинахъ и почти не даютъ никакого дохода своимъ собственникамъ. Соблюдая строгую экономію и при выкупѣ владѣльческихъ земель, государство прежде всего обратится въ тѣ мѣстности, которыя наименѣе населены, гдѣ, слѣдовательно, земля стоитъ дешевле и уже за недостаткомъ такихъ земель перенесетъ выкупную операцію въ мѣстности, сравнительно населенныя.

Быть можетъ, въ концѣ концовъ, государству придется не миновать и земли, перешедшія въ собственность поземельныхъ банковъ (хотя мы лично думаемъ, что такая надобность представится государству очень не скоро). Но такъ какъ это случится не прежде, чѣмъ значительная доля излишняго населенія малоземельныхъ губерній будетъ пристроена на новыхъ мѣстахъ,

то есть полное основаніе надѣяться, что къ тому времени и именно вслѣдствіе этого перевода излишка населенія въ другія мѣста, цѣна на земли въ центральныхъ губерніяхъ значительно понизится, стало быть, тогда государство, покупая у банковъ земли, сдѣлаетъ значительныя сбереженія.... Конечно, трудно надѣяться, чтобы банки остались довольны такою политикою правительства, но зато казна государственная несомнѣнно выиграетъ, а въ этомъ только и можетъ заключаться интересъ государства.

Всѣ эти замѣчанія относительно государственнаго кредита въ дѣлѣ расселенія крестьянъ приводятъ къ убѣжденію, что, занимая мѣсто, какое мы отводимъ ему, государственный кредитъ не будетъ особенно обременителенъ для казны, а, между тѣмъ, результаты его будутъ несравненно большіе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда кредитъ былъ бы организованъ для скупки продающихся земель въ малоземельныхъ мѣстностяхъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками полныхъ свѣдѣній о количествѣ земель, заложенныхъ въ поземельныхъ банкахъ и перешедшихъ въ ихъ собственность, вслѣдствіе прекращенія платежей закладчиками. Поэтому, при вычисленіи количества земель, на которыя можетъ направиться колонизація изъ внутреннихъ губерній, волей-неволей приходится ограничиться лишь многоземельными губерніями и областями, о которыхъ свѣдѣнія приведены выше.

Въ собственномъ смыслѣ, какъ земли колонизаціонныя, можно разсматривать лишь свободныя земли, казенныя и другія. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ ихъ можно считать до 15—16 милліоновъ десятинъ. Всѣ эти земли большею частью входятъ въ составъ тѣхъ 15 губерній и областей, которыя отнесены нами къ многоземельнымъ мѣстностямъ. Но если мы исключимъ эти, въ тѣсномъ смыслѣ, свободныя земли, какъ такія, которыя прямо могутъ быть обращены для колонизаціи, то все-таки остальные удобныя земли въ указанной полосѣ многоземелья далеко превышаютъ рабочія силы мѣстнаго земледѣльческаго населенія, а именно: за исключеніемъ 15—16 милліоновъ десятинъ свободной земли въ этой многоземельной полосѣ остается удобныхъ земель свыше 60 милліоновъ десятинъ, при $4\frac{1}{2}$ (приблизительно) милліонахъ ревизскихъ душъ мужскаго населенія*). Въ одной

*) Въ счетъ ревизскаго населенія допущена важная ошибка, а именно: для воеводскихъ земель взяты наличныя души, а, между тѣмъ, здѣсь онѣ приравнены

изъ предыдущихъ главъ мы приняли среднее количество земли, соотвѣтствующее рабочимъ силамъ одной ревизской души, въ 7,6 десятинъ. Очевидно, та же самая пропорція останется и во многихъ мѣстностяхъ разсматриваемой многоземельной полосы, именно въ восточныхъ губерніяхъ и областяхъ до сѣверныхъ границъ Астраханской губ., такъ какъ здѣсь продолжительность страдной поры не больше, чѣмъ въ черноземной нестепной полосѣ. Для южныхъ же губерній и областей указанная пропорція должна нѣсколько повыситься, такъ какъ по географическому положенію этихъ губерній и областей земледѣлецъ располагаетъ здѣсь для полевыхъ работъ большимъ количествомъ времени. Однако, это повышение величины участка, соотвѣтствующаго рабочимъ силамъ одной ревизской души, особенно значительнымъ не можетъ быть, предполагая, конечно, что хозяйство будетъ вестись не переложнымъ порядкомъ, а также по трехпольной системѣ, которая, къ слову сказать, уже вытѣсняетъ переложную тамъ, гдѣ съ возрастаніемъ населенія становится тѣснѣе, особенно на земляхъ, отведенныхъ въ надѣлъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Но чтобы избѣжать упрека въ преувеличеніяхъ, мы допустимъ, что во всей безъ исключенія многоземельной полосѣ рабочимъ силамъ 1 рев. души соотвѣтствуетъ участокъ земли въ 10 дес. И тогда, сверхъ 15—16 милліоновъ десятинъ свободной земли, мы получимъ не менѣе 15 милліоновъ десятинъ удобной земли, для обработки которой на мѣстѣ не имѣется рабочихъ силъ. Это не значить, что такое огромное количество удобной земли совсѣмъ не обрабатывается. Часть ея, дѣйствительно, не обрабатывается, но это меньшая часть; большая же часть вмѣстѣ со всѣми остальными воздѣлываемыми землями обрабатывается самымъ безалабернымъ образомъ, безъ всякой системы, или же по системѣ переложной, причемъ запашка занимаетъ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{12}$, даже $\frac{1}{18}$ всего поля, а остальная часть земли лежитъ непроизводительно. Какъ такое хозяйство отражается на количествахъ получаемыхъ отъ земли хлѣбовъ, мы уже видѣли....

къ ревизскимъ, хотя извѣстно, что ревизское населеніе значительно меньше наличнаго. Такая ошибка отражается въ расчетѣ земель, для эксплуатаціи которыхъ на мѣстѣ не имѣется рабочихъ силъ; она понижаетъ количество излишнихъ земель, такъ какъ на наличную душу мы отводимъ столько же земли, сколько и на ревизскую въ остальныхъ губерніяхъ. Но именно потому, что эта ошибка *понижаетъ* количество излишнихъ земель, а не повышаетъ его, мы и миримся съ нею; значить, нашъ расчетъ ниже, а не выше дѣйствительности и ни какъ не можетъ быть упрекнуть въ преувеличеніяхъ.

Вот эти-то излишки земель на ряду съ свободными землями тѣмъ или инымъ путемъ, по нашему мнѣнiю, могли бы быть обращены подъ поселенiя, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ въ значительной своей части. Такою мѣрою владѣльцы этихъ земель были бы обеспечены рабочими для воздѣлыванiя тѣхъ частей, которыя оставятъ за собою; съ другой стороны, безземельный и малоземельный людъ нашелъ бы обеспечивающiй его участокъ земли и выгодное приложенiе своему труду. Словомъ, это заселенiе излишнихъ земель послужило бы къ обоюдной выгодѣ и владѣльцевъ ихъ, и переселенцевъ.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, не считая даже банковскихъ земель, получается огромная площадь удобной земли около 32 мил. десятинъ, на которыхъ по умѣренному разсчету можетъ прiютиться до 4 миллюновъ ревизскихъ душъ. А за этими ближайшими колонизационными землями лежитъ множество земель въ средней Азiи и въ Сибири, которыя тоже со временемъ могутъ быть обращены въ колонизационныя земли. Словомъ, Россiя обладаетъ такими земельными богатствами, которыя еще надолго могутъ обеспечить ея населенiе отъ малоземелья и тѣсноты, если только мы не захотимъ, подобно неразумному скупцу, зарыть эти богатства и сдѣлать ихъ недоступными для пользованiя.

Что же нужно для того, чтобы эти богатства не лежали втунѣ, чтобы они сдѣлались доступными для нашихъ малоземельныхъ крестьянъ, доведенныхъ малоземельемъ до нищеты и раззоренiя?

То, что мы сказали выше о правительственномъ вмѣшательствѣ въ дѣло крестьянскихъ переселенiй, вовсе не опредѣляетъ подробностей этого вмѣшательства и тѣмъ менѣе изчерпываетъ задачи правительства въ настоящемъ вопросѣ. Мы имѣли въ виду лишь общими чертами намѣтить тотъ путь, по которому всего выгоднѣй можетъ направиться дѣятельность правительства при разрѣшенiи этого важнѣйшаго экономическаго и общественнаго вопроса, выдвинутаго нашею современною жизнью.

Въ частности, относительно правительственной помощи переселенцамъ въ видѣ различныхъ льготъ мы ограничились лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчанiями съ одной стороны, потому что во всякомъ случаѣ это вопросъ подробностей, не измѣняющiй существа дѣла; съ другой — потому что эти формы правительственнаго пособiя переселенцамъ въ достаточной степени опре-

дѣлились изъ прежней практики самого же правительства при переселеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ *), такъ что указать что-нибудь въ этомъ отношеніи новое и существенно важное едва ли можно.

Новое и существенно важное для широкой постановки вопроса о переселеніяхъ и его правильного разрѣшенія, какъ намъ думается, можно свести къ слѣдующему:

Во-первыхъ, необходима полная отмѣна дѣйствующей паспортной системы, или если бы эта отмѣна почему-нибудь оказалась невозможною въ близкомъ будущемъ, такія измѣненія въ паспортной системѣ, чтобы она не могла служить тормозомъ для переселеній, какимъ она является въ настоящее время. Въмѣстѣ съ тѣмъ должны быть устранены тѣ стѣсненія, которыми въ настоящее время обставленъ выходъ крестьянъ изъ общества;

во-вторыхъ, необходимо совершенное уничтоженіе подушной подати и замѣна ея болѣе раціональнымъ видомъ обложенія, безъ чего передвиженія населенія неизбежно будутъ стѣснены, какъ то указывалось на V съѣздѣ южно-русскихъ сельскихъ хозяевъ;

въ-третьихъ, необходимо привести въ извѣстность всѣ земли, удобныя для переселеній, а также тѣ мѣстности на этихъ земляхъ, которыя пригодны для образованія новыхъ переселенческихъ поселковъ;

въ-четвертыхъ, необходимо дѣла по переселеніямъ изъять изъ вѣдѣнія казенныхъ палатъ и другихъ губернскихъ учреждений и сосредоточить ихъ въ особомъ центральномъ учрежденіи (на подобіе комитета по устройству быта крестьянъ), которое могло бы дѣйствовать или чрезъ своихъ агентовъ, или черезъ крестьянскія присутствія. Только при такой концентраціи дѣла переселенія возможно единство и строгій порядокъ въ ходѣ переселеній.

Каждый изъ этихъ вопросовъ требуетъ сложной работы и представляетъ не мало трудностей для своего практическаго разрѣшенія. Поэтому было бы наивно считать легкимъ и удобообразимымъ вопросъ о переселеніяхъ. Но таковы по своей природѣ всѣ вообще крупныя вопросы общественной и экономической жизни. Зато и результаты отъ удовлетворительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ получаются огромныя, и тѣ дѣятели,

*) См. обстоятельную статью проф. Янсона о крестьянскихъ переселеніяхъ въ 1 № „Русской Рѣчи“ за 1880 г.

на чью долю выпадаетъ разрѣшеніе ихъ, становятся историческими личностями. Словомъ, великое дѣло требуетъ великаго труда, но только великими дѣлами человѣчество «живетъ и движется» и какою бы большою цѣною они не покупались, никогда эта цѣна не можетъ считаться слишкомъ дорогою....

А. Никольскій.

Шлиссельбургская крѣпость

изъ лѣтнихъ экскурсій

(Посвящ. памяти брата Алексѣя).

Июль мѣсяцъ нынѣшняго лѣта мнѣ пришлось прожить въ деревнѣ Дубровкѣ, на Невѣ, около Ладожскаго озера, — «въ родѣ какъ на дачѣ», по словамъ моего хозяина.

Какъ-то разъ вечеромъ заходитъ ко мнѣ этотъ хозяинъ и говоритъ: «въ Шлюсинъ поѣдете?»

Шлюсиномъ народъ величаетъ здѣсь уѣздный городъ Шлиссельбургъ.

— Тамъ завтра (разговоръ происходилъ 7-го іюля) престольный праздникъ Казанской Божіей Матери... Явленная икона... Народу что на этотъ праздникъ собирается—страсть! со всѣхъ мѣстъ. Паракходы только лишь успѣваютъ перевозить.... Икона чудотворная, многимъ, говорятъ, помогаетъ... И явилась-то она, братецъ ты мой, спервоначалу въ крѣпости, а ужъ опосля еѣ, значить, въ городъ перенесли. Одначе этотъ день и понынѣ въ крѣпости соблюдаютъ. Невольниковъ выпускаютъ во дворъ и ходятъ они по двору на волѣ цѣлый день... Крѣпость—и ту на этотъ день отворяютъ и всѣхъ, кто, значить, только пожелаетъ— всѣхъ туда пускаютъ. Такое уже разрѣшеніе стало быть—что хошь смотри...

— Да полно, такъ ли это?

Начались энергическія увѣренія, которыя, въ концѣ концовъ, вполне убѣдили меня въ справедливости разсказа. И такъ—ѣду. Это интересно.

Въ разное время мнѣ не разъ приходилось проѣзжать на паракходѣ мимо Шлиссельбурга. И каждый разъ невольно приковывали къ себѣ вниманіе эти сѣрыя, мрачныя, торчація прямо

изъ воды, стѣны крѣпости. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливалось зловѣщимъ видомъ широкихъ крѣпостныхъ башенъ съ едва замѣтными амбразурами крохотныхъ оконъ.

Въ обществѣ распространено безчисленное множество разсказовъ и легендъ изъ временъ, давно минувшихъ, объ ужасахъ пожизненнаго заточенія, о погребеніи за-живо въ каменныхъ «мѣшкахъ» Шлиссельбургской крѣпости и проч. и проч. Всѣ эти легенды въ значительной степени, конечно, имѣютъ историческую почву. Но вотъ что странно. Многие и до сихъ поръ наивно убѣждены, что Шлиссельбургская крѣпость и по настоящее время служитъ мѣстомъ заключенія для разныхъ «интересныхъ» и «секретныхъ» арестантовъ.

Каюсь: и я, пишущій эти строки, до посѣщенія крѣпости, никогда не сомнѣвался въ томъ, что въ ней до сихъ поръ томятся преступники противъ вѣры и государства. Теперь же, послѣ того, какъ я побывалъ въ этой крѣпости, обошелъ ея казармы, казематы, корридоры, башни, «мѣшки» и т. п., теперь я ясно вижу, какъ грубо заблуждался я и какъ до сихъ поръ заблуждается чуть ли не большинство нашего общества относительно той роли, какую играетъ эта крѣпость въ настоящее время.

Но не буду забѣгать впередъ.

8-го іюля, въ десять часовъ утра, пароходъ привезъ меня въ Шлиссельбургъ. Со мной были вещи и потому понятно, что первая мысль, по пріѣздѣ, была о извозчикѣ.

— Извозчики здѣсь есть?

— Какже-съ, есть...

— Гдѣ жъ они?

— Да, признаться, у насъ одинъ извозчикъ-то, такъ должно уѣхавши куда-нибудь.

— А гостинницы есть?

— Ка-акже-съ, сколько угодно.... Лондонъ, Европа, Вѣна, Рязань... Невская волна, Золотой Бережокъ... сколько угодно.

— И можно остановиться, переночевать?

— Едва ли-съ... По правдѣ сказать—невозможно-съ. Потому, первое дѣло продажа питій: распивочно значить и на выносъ—все тутъ вмѣстѣ... А затѣмъ-съ черный народъ... И навалило этого самаго чернаго народу видимо—не видимо... Опять-же клопы, блохи... и даже, съ позволенія сказать....

— Ну, а пообѣдать въ гостинницѣ можно?

— Отчего-же?... можно!... сколько угодно.

Наконецъ, кое-какъ я устроился на частной квартирѣ.

Выхожу на улицу. Повсюду большое оживленіе. Народъ толпами слѣзаетъ къ обѣдни. Толпы стоятъ вокругъ церкви въ ожиданіи крестнаго хода.

— Образковъ-то, образковъ-то, баринъ, купите, окрикиваетъ толстая торговка съ багрово-краснымъ, лупившимся отъ солнца, лицомъ.

Она ужасно хлопочетъ; ее со всѣхъ сторонъ окружили покупатели и она едва успѣваетъ наскоро завертывать въ бумагу продаваемые образки.

— Вамъ кого?... Какого угодника?... Отъ какой болѣсти?... Митрофана Воронежскаго? Засима Савватія? Германа? Тихона Задонскаго?...

— Отъ зубовъ, матушка, стонетъ какая-то старуха, замучили до чиста, моченьки нѣтъ....

— Отъ зубовъ?... Извольте, извольте, матушка, Бонифатій св. угодникъ, 20 копѣекъ.

— Нельзя ли, матушка, пятнадцать?

— Полно, не грѣши, не торгуйся, бери съ Богомъ. Помогись—какъ рукой сниметь...

Какая-то старуха богомолка, не смотря на теплый, солнечный день, вся укутанная во всевозможное тряпье, вмѣшивается въ разговоръ.

— Не вѣрь, голубушка, наставительно обращается она къ покупщицѣ, Бонифатій не зубной угодникъ. Отъ зубовъ помощь даетъ Антипій праведный, а Бонифатій.... Бонифатій тотъ со всѣмъ по другой части.

Торговка вскипѣла.

— Какъ по другой части?! По какой-же это части онъ по твоему?... Слушай ты ее больше, чего еще она тутъ не навретъ.... Ишь какая явилась,—хуже тебя понимаютъ.... У-у, бродяга.... А коли хошь знать, что по зубной части, такъ я тебѣ скажу. что лучше Пантелеймона святителя нѣтъ никого!.. Хочешь? Полунай—тридцать пять копѣекъ штука, за пару пяточекъ уступлю...

— Мнѣ бы отъ чахотки, нерѣшительно и мрачно произноситъ какой-то сухопарый мужикъ съ худымъ, землистаго цвѣта, лицомъ, съ заострившимся носомъ и впалой, тщедушной грудью. Безпокойнымъ взглядомъ маленькихъ, глубоко-ввалившихся глазъ осматриваетъ онъ длинные ряды образковъ, симметрично расположенныхъ на прилавкѣ.

— Отчего?

— Отъ чахотки, глухо слышится изъ больной, надорванной груди.

— Отъ чахотки нѣтъ... Отъ грыжи есть... Отъ поноса тоже есть, а отъ чахотки нѣтъ.

— Нѣту-ти?... Неужто-жь такъ-таки ни одинаго?...

— Да нѣту же, говорятъ тебѣ толкомъ.... Ишь присталъ, прости Господи. Подавай ему отъ чахотки да и шабашъ!

Стоящіе тутъ же какіе-то ни то привашики, ни то молодые провинціальныя купчики, въ долгополыхъ суконныхъ, съ иголочкн, сюртукахъ, съ пухлыми, лоснящимися лицами, весело хохочутъ.

— Захотѣлъ тоже... ха-ха-ха... Отъ чахотки!.. Нѣтъ, братъ, шалишь... Она, братъ, чахотка-то, шалишь не любить... н-да, сдѣлай милость, она, братъ, скрутить....

Купившіе образки идутъ въ часовню, что стоитъ направо отъ площади. Здѣсь происходитъ освященіе образковъ. Священникъ, съ подозрительно припухлымъ лицомъ, въ полномъ облаченіи стоитъ предъ аналоемъ, на который всѣ приходящіе кладутъ свои образки. Онъ крапнть ихъ святой водой и поетъ молитвы; дьячекъ зычнымъ басомъ вторитъ ему съ клироса. Вотъ какой-то мѣщанинъ съ золотушнымъ лицомъ и кривыми ногами свертываетъ въ влѣтчатый платокъ цѣлую кучу только что освященныхъ образковъ. Къ нему подходитъ какая-то баба и плаксивымъ голосомъ спрашиваетъ, что стоитъ освященіе образка.

— Такіи нѣтъ, сурово возражаетъ золотушный буржуа, по силѣ возможности... Извѣстно, меньше пяточка не полагается... Оначе гуртомъ не въ примѣръ дешевле...

Первый часъ. Пора въ крѣпость.

Шлиссельбургская крѣпость расположена на маленькомъ островкѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера. Островокъ этотъ такъ малъ, что крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ идутъ прямо изъ воды. Въ одномъ только мѣстѣ зеленѣетъ крохотный клочекъ земли, а затѣмъ повсюду—вода и камень. Изъ-за стѣнъ виднѣется лишь шпиль колокольни да кургузый куполъ церкви. Узкій проливъ, сажень во сто, отдѣляетъ крѣпость отъ того мѣста материка, гдѣ стоитъ г. Шлиссельбургъ. Съ противоположной же стороны къ ней подходитъ далекая ширь Ладожскаго озера. При истокѣ Невы изъ озера, какъ разъ напротивъ крѣпости, ютится бѣдная деревнюшка Шереметьевка. Между этой деревнею и крѣпостью издавна уста-

новиласть тѣсная связь. Деревня поставляетъ въ крѣпость, какъ для служащихъ въ ней, такъ и для арестантовъ, молоко, яйца, куръ, дрова и т. п. Въ числѣ сторожиловъ этой деревни есть одинъ древній старикъ, который можетъ поразсказать много интереснаго о содержавшихся здѣсь нѣкогда узникахъ. Мнѣ передавали, что недавно одному весьма высокопоставленному лицу, нарочно прїѣзжавшему сюда изъ Петербурга, удалось при помощи этого старика отыскать могилу своего родственника, умершаго въ Шлиссельбургской крѣпости во время заточенія.

Сообщеніе крѣпости съ городомъ производится при посредствѣ особыхъ казенныхъ катеровъ, на которыхъ гребцами являются настоящіе, заправскіе матросы.

Не смотря на сильную качку, катеръ быстро подвигался впередъ. Публики набралось довольно много; преобладалъ «черный народъ»; интеллигенція совершенно отсутствовала. Разговоръ во все время переѣзда вертѣлся около иконы, крѣпости и «невольниковъ». Больше всѣхъ говорилъ «ундеръ» изъ крѣпостной команды.

— А много ли всѣхъ невольниковъ будетъ? спрашиваетъ кто-то изъ публики.

— Порядочно, говоритъ ундеръ, безъ мала человекъ четырехста будетъ.

— Я думаю, другіе есть-ти такъ что совѣмъ безвинно-напрасно, нерѣшительно заявляетъ какая-то поддѣвка.

— За напрасно не посадятъ, это пустое нечего говорить, возражаетъ ундеръ, только что дѣйствительно другой за самые то-исть за пустяки. Грубое слово сказалъ начальнику особливо выпивши, — шабашъ!.. Али опять «промотаніе казенныхъ вещей». Всѣхъ-то вещей, ежели ихъ продать, право, пятіалтынный красная цѣна. Однако же на это не смотрятъ, а сейчасъ судъ да и въ крѣпость....

— А политическихъ много? спрашиваю я.

— Политическихъ? Политическихъ здѣсь нѣтъ ни одного, категорически заявляетъ ундеръ. Сюда сажаютъ только нижнихъ чиновъ за буйство, за ослушаніе, за растрату казенныхъ вещей, за дерзости начальству... за неповиновеніе... (за воровство сюда тоже ни одного не посадятъ)... А политическихъ здѣсь нѣтъ ни единого.

«Ладно. недовѣрчиво думаю я, разсказывай больше».

Катеръ подъѣзжаетъ къ пристани. Мы выходимъ на крохотный клочекъ берега, примыкающій къ крѣпостной стѣнѣ. Почти въ самой срединѣ стѣны высится широкая, массивная башня, называемая «государевой». Черезъ эту башню идетъ ходъ въ крѣпость; день и ночь ходъ этотъ оберегается крѣпкимъ карауломъ. Насъ пропускаютъ, однако, безъ всякихъ процедуръ и затрудненій.

Направо и налево отъ входа, вдоль крѣпостныхъ стѣнъ, расположены помѣщенія для арестантовъ и конвоя; тутъ же помѣщаются различныя мастерскія. Крѣпостной дворъ представляетъ собою маленькую площадку, стиснутою со всѣхъ сторонъ угрюмыми тюремными стѣнами. На этой площадкѣ расположены: церковь, домъ коменданта крѣпости, разныя службы и другія постройки, въ которыхъ помѣщаются офицеры, докторъ, священникъ и т. д. Зеленъ газоновъ и небольшихъ группы деревьевъ, расположенныя между постройками, не въ состояніи смягчить тяжелаго впечатлѣнія, навѣваемаго общимъ видомъ тюремныхъ стѣнъ и башенъ.

Всѣ, пріѣхавшіе на катерѣ, направились въ церковь. Но оказалось, что мы опоздали: обѣдня уже окончилась и священникъ, вмѣстѣ съ явленной иконой, уѣхалъ въ городъ для участія въ крестномъ ходѣ. Насъ встрѣтилъ лишь одинъ церковный сторожъ. На мой вопросъ: нѣтъ ли въ церкви какихъ-нибудь замѣчательныхъ древностей? онъ повелъ меня въ алтарь и показалъ тамъ крестъ и евангеліе, пожертвованные Петромъ Великимъ. Это единственныя вещи, имѣющія историческое значеніе. По стѣнамъ церкви, въ разныхъ мѣстахъ, видѣются позолоченныя доски съ вырѣзанными на нихъ надписями, гласящими о погребеніи тутъ комендантовъ крѣпости.

— А что, можно осмотрѣть архивъ и бібліотеку крѣпости?

— Не могу знать. Это зависитъ отъ полковника. Можетъ, они и разрѣшать. Нужно обратиться къ дежурному офицеру. Прежде на этотъ счетъ было очень строго, то-и-и, и-и, въ такъ строго, беда! Ну, а теперь полечче.

Дежурнымъ офицеромъ оказался г. Х, любезный, образованный молодой человекъ. Онъ съ готовностію предложилъ свои услуги и вызвался быть моимъ чичерони.

— Въ нашемъ архивѣ теперь нѣтъ ничего интереснаго, предупредивъ онъ. Прежде, дѣйствительно, крѣпостной архивъ пред-

ставлялъ большой интересъ, но въ настоящее время въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ дѣлъ и переписки чисто хозяйственнаго характера.

— Куда же дѣвался прежній архивъ?

— Въ 1869 году онъ былъ перевезенъ отсюда въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, такъ какъ съ этого года прекратилась ссылка сюда политическихъ преступниковъ.

— Совершенно прекратилась? недовѣрчиво спрашиваю я.

— Совершенно. Вотъ уже десять лѣтъ какъ здѣсь нѣтъ политическихъ.

— Ни одного человѣка?

— Ни одного.

— А религіозныхъ преступниковъ, т. е. преступниковъ противъ вѣры?

— Теперь точно также нѣтъ ни одного... Въ настоящее время Шлиссельбургская крѣпость не что иное какъ дисциплинарный баталіонъ: сюда заключаются нижніе воинскіе чины за нарушеніе дисциплины, за ослушаніе и т. п. Заключаются не иначе какъ по суду. Для наблюденія за ними здѣсь имѣется военная команда изъ 60 человѣкъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ.

— Когда-же именно произошла та перемѣна, о которой вы говорите?

— До 1869 года Шлиссельбургская крѣпость, дѣйствительно, была чуть-ли не главнымъ мѣстомъ ссылки и заточенія преступниковъ противъ вѣры и государства. Сюда высылались наиболѣе важные изъ секретныхъ арестантовъ. Но въ 1869 году всѣ подобнаго рода преступники были выведены отсюда, и крѣпость обращена въ военно-исправительныя арестантскія роты. Наконецъ, спустя десять лѣтъ, въ прошломъ 1879 году, исправительныя роты были уничтожены и крѣпость обращена въ дисциплинарный баталіонъ.

— А много было выведено отсюда арестантовъ при обращеніи крѣпости въ исправительныя роты?

— Говорятъ, до семидесяти человѣкъ. Всѣ они были, какъ слышно, размѣщены по разнымъ центральнымъ тюрьмамъ... Но если вамъ угодно посмотрѣть архивъ, то намъ нужно подняться въ башню.

Мы отправились. Пройдя нѣсколько узкихъ полутемныхъ корридоровъ, поднявшись по кривымъ лѣстницамъ, грубо высѣченымъ въ каменной массѣ, мы вошли въ довольно большую ком-

нату круглой формы. Темно, сыро, грязно. Прежде эта комната служила арестантской кельей. Теперь она обращена въ архивъ; вдоль стѣнъ идутъ длинныя полки, заваленныя грудями пыльных грязныхъ бумагъ. Пересмотрѣвши заголовки дѣлъ и описей, я убѣдился, что мой новый знакомый былъ совершенно правъ, говоря, что архивъ не представляетъ въ себѣ ничего интереснаго въ историческомъ отношеніи. Онъ состоялъ исключительно изъ дѣлъ о хозяйственной части военно-исправительныхъ ротъ, помѣщавшихся въ крѣпости съ 1869 по 1879 г.

— Вѣроятно, при крѣпости имѣется библіотека?

— До 69 года здѣсь была громадная, можно сказать, замѣчательная библіотека. Она состояла не только изъ русскихъ книгъ, но и французскихъ, и нѣмецкихъ, и англійскихъ. Библіотека эта составлялась въ теченіе долгихъ лѣтъ. Здѣсь въ прежнее время не рѣдко содержались богатые, образованные и ученые люди, обладавшіе значительными, иногда огромными средствами. Многие изъ нихъ, сидя здѣсь, выписывали сюда свои библіотеки и, послѣ смерти или освобожденія, жертвовали ихъ въ пользу крѣпости. Затѣмъ правительство ежегодно ассигновывало довольно крупную сумму на пополненіе этой библіотеки, такимъ образомъ она росла все больше и больше. Но въ 69 году вся эта библіотека, вмѣстѣ съ архивомъ, передана была въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. У насъ остались теперь лишь жалкіе остатки отъ этой библіотеки.

— Можно-ли посмотрѣть тѣ казематы, въ которыхъ томилась въ прежнее время арестанты?

— О, конечно, можно. Только нужно вамъ замѣтить, что въ настоящее время всѣ эти камеры или, какъ вы говорите, казематы совершенно передѣланы. Одиночныя камеры обращены большею частію въ карцеры, куда теперь сажаютъ на двѣ недѣли каждаго новаго арестанта, присылаемаго сюда.

— Это зачѣмъ-же?

— Да ужъ такой уставъ—для смиренія и предупрежденія. По выходѣ-же изъ карцера арестанты размѣщаются въ общихъ палатахъ. Эти палаты большею частію сдѣланы также изъ прежнихъ одиночныхъ камеръ.

— Сколько-же всѣхъ арестантовъ въ настоящее время въ крѣпости?

— Триста пятьдесятъ или триста шестьдесятъ человѣкъ. Хотя полный штатъ считается въ 600 человѣкъ, но размѣстить такое

количество въ нашей крѣпости рѣшительно невозможно. И при настоящемъ числѣ арестантовъ чувствуется тѣснота....

«Казематы», или попросту карцеры, оказались микроскопическими каморками, расположенными вдоль длиннаго корридора. Въ каждую изъ этихъ каморокъ ведетъ особая дверь; въ дверяхъ маленькія отверстія для передачи арестанту пищи. Отворяемъ одну изъ этихъ каморокъ и входимъ... Разъ, два, три. Три шага въ ширину и четыре съ половиною въ длину каждая... По теперешнему виду этихъ казематовъ невозможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ, что представляли они собою въ прежнія времена. Это были кануры въ полномъ смыслѣ слова. Темныя, грязныя, сырыя, тѣсныя, онѣ гораздо болѣе походили на глухія, подземныя норы чѣмъ на помѣщенія, назначенныя для живыхъ людей. Не то теперь. Изъ прежнихъ щелей сдѣланы большія, свѣтлыя окна; эти окна вмѣстѣ съ чисто выбѣленными стѣнами придаютъ уютный, почти веселый видъ этимъ крохотнымъ конуркамъ.

Я спросилъ своего спутника, не сохранилось-ли казематовъ отъ прежняго времени въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ былыя времена?

— Какъ же, есть, отвѣчалъ Х, они называются мѣшками. Если угодно, я покажу вамъ мѣшокъ, въ которомъ томился несчастный Іоаннъ Антоновичъ. Еще недавно для осмотра этого мѣшка сюда нарочно пріѣзжалъ Данилевскій, авторъ извѣстныхъ историческихъ романовъ... Принцъ Іоаннъ былъ перевезенъ сюда изъ Холмогоръ въ началѣ 1756 года. Сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ вывезъ его изъ Холмогоръ тайно, въ глухую ночь. Въ бумагахъ онъ назывался не иначе, какъ «безыменнымъ колодникомъ». Впослѣдствіи это сдѣлалось обыкновеннымъ правиломъ: попадавшіе сюда узники большею частію теряли свое имя; замѣнъ его ихъ называли по номеру, стоявшему на дверяхъ ихъ каземата... Сдерживали ихъ здѣсь съ необыкновенною строгостью. Они не могли переступить порога своей кельи; къ нимъ никого не допускали. Въ то время, когда здѣсь содержался Іоаннъ Антоновичъ, Шуваловъ писалъ начальнику караула, что если бы даже самъ фельдмаршалъ явился и началъ требовать впустить его въ крѣпость, то и его отнюдь не впускать. Предписывалось, чтобы принца никто не могъ видѣть; когда же впускали въ казарму кого-нибудь для убирания нечистотъ, то арестантъ долженъ былъ находиться въ это время за ширмами, чтобы его не могли видѣть...

Обыкновенно «колодники», не знали, гдѣ они находятся, такъ какъ строго запрещалось сообщать имъ, гдѣ именно они содержатся и далеко-ли отъ Петербурга или Москвы. Караулу запрещалось что бы то ни было рассказывать объ арестантахъ. Видѣвшимъ принца, напимѣръ, подъ страхомъ смертной казни запрещалось говорить, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ и т. п. Какъ извѣстно, принцъ былъ убитъ здѣсь. Похоронили его гдѣ-то тайно, ночью. Здѣсь и до сихъ поръ не перестаютъ искать его могилы, но едва-ли этимъ поискамъ суждено увѣнчаться успѣхомъ.

Мы вышли на дворъ и направились къ одной изъ башенъ.

— Да, продолжалъ мой спутникъ, много народу побывало въ этой крѣпости, много умерло въ этихъ стѣнахъ. Нерѣдко сюда заключались люди молодые, полные силъ, надеждъ и замысловъ, широкихъ грандіозныхъ плановъ, которыми такъ богата молодость. Здѣсь они сидѣли десять лѣтъ, старѣлись, тупѣли, дряхлѣли и выпускались отсюда сѣдыми, хилыми, полуразрушенными стариками, неспособными уже ни къ жизни, ни къ счастію... Многие не переносили ужасовъ заточенія и сходили съ ума или же, постепенно тупѣя, становились идиотами... Ссылались сюда и знатные вельможи-временщики и простые смертные. Биронъ, во время суда надъ нимъ, содержался здѣсь вмѣстѣ со своимъ семействомъ до тѣхъ поръ, пока не былъ сосланъ въ Пелымъ. Вѣдь и для Петра III, послѣ сверженія его съ престола, было приготовлено здѣсь особое помѣщеніе. Только внезапная смерть избавила его отъ этой страшной участи.

— Если я не ошибаюсь, однимъ изъ первыхъ узниковъ этой крѣпости былъ извѣстный общественный дѣятель прошлаго столѣтія Николай Ивановичъ Новиковъ?

— Да, этотъ симпатичный, благороднѣйшій дѣятель, горячій поборникъ просвѣщенія, основавшій множество школъ, первый, заговорившій о народѣ, о необходимости облегчить его тяжкую участь, пробудившій молодое поколѣніе къ умственной, нравственной жизни, основатель дружескаго общества, — въ награду за свои труды, понесенные на пользу родной страны, роднаго народа, былъ посаженъ въ казематъ Шлиссельбургской крѣпости. Передъ этимъ на слѣдствіи ему предложена была подписка въ томъ, что онъ отказывается отъ своихъ убѣжденій и признаетъ ихъ ложными. Этимъ хотѣли спасти его отъ суда и заточенія. Но могли пойти на подобную сдѣлку человекъ въ родѣ Новикова? Когда

ему представилась необходимость выбирать одно изъ двухъ: или казematь, или измѣну убѣжденіямъ, онъ не колебался въ выборѣ ни одной минуты. И вотъ человѣкъ, который цѣлую жизнь проповѣдывалъ любовь къ родной странѣ, будилъ въ уснушемъ, лѣнливо-равнодушномъ обществѣ благородныя стремленія къ общественной дѣятельности, который подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа и впервые создалъ у насъ любовь къ наукамъ, литературѣ и охоту къ чтенію, этотъ человѣкъ запирается въ грязный и мрачный подвалъ-мѣшокъ... Извѣстно, какъ повліяло на него это заточеніе... За нимъ слѣдуетъ цѣлый безконечный рядъ другихъ лицъ, судьба которыхъ нерѣдко была еще болѣе печальна и горька... Сколько рассказовъ сохраняется здѣсь объ ужасахъ крѣпостнаго заточенія. Говорятъ, на примѣръ, что кромѣ *мышковъ* здѣсь существовали еще особыя подземныя тюрьмы, подъ водою. Эти тюрьмы соединялись будто бы особыми тайными подземными ходами... Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что легенды о подземныхъ ходахъ не лишены извѣстной доли справедливости.... Посмотрите, на примѣръ, на этотъ сходъ.

Въ эту минуту мы приблизились къ крѣпостной стѣнѣ. Въ срединѣ ея, начиная отъ поверхности земли, выдѣлялось довольно большое отверстіе полукруглой формы. Отъ него шелъ спускъ внизъ: узкая лѣстница со ступеньками изъ бѣлыхъ плитъ вела въ глубь земли. Вокругъ, на землѣ, лежали груды стараго кирпича и камня. Спустившись по лѣстницѣ внизъ, мы очутились на днѣ подземелья, представлявшаго собою довольно просторную комнату со стѣнами, выложенными кирпичомъ.

— Это подземелье, ходъ и лѣстница—все это было замуравлено. Только недавно ихъ очистили отъ кирпича и камня... Обратите вниманіе на кладку кирпича въ этихъ стѣнахъ. Замѣчаете-ли вы, что въ срединѣ стѣны кладка имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ, даже кирпичъ другой. Ясно, что здѣсь существовалъ когда-то ходъ, который былъ замуравленъ впоследствии. Постучите сюда палкой, слышите? звукъ совершенно другой чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ: точно тамъ дальше пустое пространство. Можетъ быть, тамъ-то и существовали тѣ подземныя камеры, о которыхъ рассказываютъ легенды. Не даромъ же почти всѣ убѣждены, что здѣсь существовали пытки. Многіе, осматривая казематы, ищутъ слѣдовъ крови на стѣнахъ! Рассказываютъ, что многихъ изъ узниковъ держали въ

теченіи всей жизни въ наклонномъ положеніи.... Однако, здѣсь такъ холодно и сыро, что меня пробираетъ дрожь... Идемте на верхъ... О, какъ хорошо здѣсь на солнцѣ! Какая благодатная вещь этотъ свѣтъ, небо, воздухъ.

Мы вступили въ корридоръ, чуть-чуть освѣщенный узкой плоской свѣта, падавшего откуда-то сверху. На насъ пахнуло гнилою сыростью подвала.

— Вотъ она, наша историческая темница, подумалъ я, не безъ труда взбираясь по ступенькамъ, грубо высѣченнымъ въ каменной массѣ, вотъ она, наша Бастилія, наша Шпандау. Почти два вѣка служила она пугаломъ ума, эшафотомъ мысли. Печальную память оставила она по себѣ въ памяти народа. Страшную, кровавую роль суждено было играть этой крѣпости въ тѣ мрачныя времена, когда считалось за правило гнать всякое движеніе мысли, давить свободу, насиловать совѣсть, вѣру и убѣжденіе. Ея роль была ролью палача.

Тяжелая дверь, скрипя заржавленными петлями, тихо отворилась.

— Вотъ и мѣшокъ! промолвилъ мой спутникъ и, нагнувшись, переступилъ порогъ. Я вошелъ слѣдомъ за нимъ.

Представьте себѣ пещеру, мрачную, потрясающе-мрачную пещеру, высѣченную въ каменной массѣ съ двумя дырами, просверленными въ этой массѣ; эти дыры замѣняютъ окна. Онѣ сдѣланы такъ высоко, что, даже стоя на полу или, вѣрнѣе, на днѣ этой пещеры, вы не въ состояніи что-нибудь видѣть въ эти окна. Но если бы даже вамъ удалось заглянуть въ необыкновенно глубокія оконныя ниши, то вы не увидѣли бы ничего кромѣ позеленѣлыхъ стеколъ въ толстыхъ переплетахъ рамъ, да еще болѣе толстыхъ и частыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ. Лучъ солнца вовѣки не проникнетъ сюда, не освѣтитъ, не разгонитъ вѣчнаго мрака, вѣчныхъ сумерекъ, что сгустились въ темныхъ углахъ этой «кели». Смертью и громомъ вѣетъ отъ стѣнъ и сводовъ этого подвала. Вы испытываете ощущеніе, какое овладѣваетъ человѣкомъ, попавшимъ въ могильный склепъ. Какъ далеко кажутся отсюда та жизнь, тѣ люди, тотъ міръ, среди которыхъ вы только что жили и дѣйствовали.

Сыростью, затхлою гнилью насквозь пропитанъ спертый воздухъ. Духъ спираетъ отъ этого воздуха; легкія отказываются работать. Передъ глазами встаютъ зеленые круги и пятна... Тяжелыя, горькія думы лѣзутъ въ голову.

Невольно думается: сколько высокихъ, прекрасныхъ идей погнбло подъ сводами этихъ мрачныхъ стѣнъ! Сколько порывовъ чистыхъ, возвышенныхъ и благородныхъ заглохло во мракѣ одиночнаго пожизненнаго заточенія! Сколько свѣтлыхъ стремленій разбилося объ эти толстыя, проржавленныя желѣзныя рѣшетки и тяжелыя окованныя двери... О, Боже! страшно подумать, сколько жизней, сколько здоровья, молодыхъ силъ, энергій, счастья и свѣжести отняли у людей эти холодные камни, эти влажныя плиты, эти замки и рѣшетки!.. Во имя чего?...

Да развѣ идею можно задушить? Развѣ мысль можно убить, уничтожить, похоронить? Развѣ правда, добро, любовь, свобода не вѣчны, не безсмертны?.. Какое роковое заблужденіе, какое страшное недоразумѣніе... Погибли люди, изчахли въ цѣпяхъ и канематахъ; тѣла ихъ сгнили, могилы затеряны, имена ихъ забыты потомствомъ. Но идеи по прежнему живы, стремленія по прежнему жгучи... Омыты кровью человѣческихъ страданій, эти идеи сдѣлались безсмертны, эти стремленія стали завѣтной, горячей мечтой всѣхъ, въ комъ шевелится мысль, въ комъ бьется сердце....

Все это такъ, все это несомнѣнно, все это мы давнымъ—давно знаемъ, но зачѣмъ же опытъ не научаетъ насъ?!.. Обидно и больно, больно нестерпимо....

Я вижу, что мой спутникъ что-то говоритъ мнѣ.

— Не хотите-ли теперь посмотрѣть нашъ клубъ? Бстати сегодня у насъ танцевальный вечеръ. Будетъ много народу... Очень порядочная музыка... Не вздумаете-ли побывать?.. А теперь пора на воздухъ, право здѣсь можно задохнуться,—дышать нечѣмъ...

Вечеръ. Шумно и весело въ крѣпостномъ клубѣ. Кромѣ обычныхъ гостей и посѣтителей наѣхало много знакомыхъ изъ Петербурга. Отсутствие кавалеровъ, отсутствие, которымъ хронически страдаютъ провинціальныя клубы, на этотъ разъ совсѣмъ не было замѣтно. Мамаши, покойно разсѣвшись вдоль стѣнъ главнаго зала, съ довольнымъ видомъ слѣдили, какъ ихъ дочки полонили и вербовали себѣ кавалеровъ изъ наѣхавшей молодежи. Солидные люди усѣлись за карты. Составилось цѣлыхъ пять столовъ, цифра, небывалая въ лѣтописяхъ крѣпостнаго клуба. Впрочемъ не мѣшаетъ замѣтить, что лѣтопись эта черезъ-чуръ молода, такъ какъ клубъ существуетъ не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ.

Музыка грянула вальсъ, и разодрѣтыя барышни съ веселыми, разгорѣвшимися лицами понесли и закружились на паркетѣ.

Все громче играетъ музыка, постепенно ускоряя темпъ; все быстрѣе, все бѣшенѣе кружатся пары танцующихъ. Въ воздухѣ душно и жарко. Жидкимъ свѣтомъ горять лампы и канделябры. Бѣлобрысая петербургская ночь глядитъ въ окна.

На крѣпостномъ дворѣ барабанъ бьетъ зорю. Солдаты съ ружьями скорымъ маршемъ идутъ смѣнять караулы... Необычайность всей обстановки возбуждающимъ образомъ дѣйствуетъ на нервы; усиленно работаетъ воображеніе. Въ головѣ возникаютъ картины изъ далекаго и недавняго прошлаго. Какъ въ панорамахъ развертываются печальныя картины печальнаго прошлаго...

«Прошлаго тѣни встають предо мною!»

Тѣни людей истомленныхъ, измученныхъ въ погребяхъ и казематахъ, что виднѣются изъ этихъ оконъ.

Глухая, молчаливая ночь. Глубокій снѣгъ бѣлымъ саваномъ окуталъ землю. Холодный вѣтеръ съ воемъ несетъ надъ печальной пустынной равниной. Хмурое небо. Тяжелыя, темныя клочья разорванныхъ облаковъ низко повисли надъ землей. Ни луны, ни звѣздъ... Чуть-чуть звякаетъ колокольчикъ. Среди сугробовъ едва замѣтной лентой вьется узкая дорога. Тройка измученныхъ лошадей тащитъ «темную карету». Эта карета-возокъ, наглухо укрытый рогожей, окрашенный въ черный цвѣтъ. Карета подъѣзжаетъ къ воротамъ крѣпости. Изъ нея выходятъ двѣ сѣрыя, высокія фигуры. Начинаются переговоры.

Ворота раскрываются, и повозка медленно вползаетъ во дворъ, нестерпимо царапая желѣзными полозьями о голыя камни подъѣзда. Точно изъ земли вырастають цѣлыя ряды сѣрыхъ фигуръ съ фонарями въ рукахъ. Карета останавливается у одной изъ башенъ. Изъ нея, звякая цѣпами, выходитъ кто-то въ черномъ. Все это молча направляется къ башнѣ. Гремятъ замки и засовы желѣзные, визжать ржавыя петли. Тяжелыя двери со стономъ отворяются. За ними зияетъ, словно пещера, темный, смрадный, сырой и мрачный мѣшокъ. Еще минута, — и снова стонуть двери, снова гремятъ замки. Какъ привидѣнія исчезаютъ сѣрыя фигуры, и все смолкаетъ. Ни звука, ни шороха. Могильная, гробовая тишина... Черная фигура безпомощно озирается вокругъ. Огарокъ свѣчи тускло и печально мерцаетъ въ углу. Кругомъ густая тьма все ширится, все расплывается... Въ головѣ стоитъ тяжелый, какъ свинець, туманъ. Какая-то тупая, почти машинальная по-

корность судьбѣ сковываетъ мысль. Что-то фатальное, неизбѣжное, непоборимое чувствуется во всемъ, что-то такое, противъ чего невозможно ни бороться, ни протестовать. Страшная подавленность гнететъ сознание, не даетъ ему очнуться хоть для того только, чтобы представить себѣ весь ужасъ новаго положенія.... Медленно, мучительно-медленно тянется время....

Но жизнь не ждетъ, и дни, недѣли, годы уходятъ въ вѣчность, унося съ собою бодрость и силы и оставляя взамѣнъ сѣдины и упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Все больше блѣднѣетъ, стирается и замираетъ въ душѣ колодника надежда на лучшее будущее. Только временами, изрѣдка вспыхиваетъ она яркимъ, бѣглымъ пламенемъ, какъ вспыхиваютъ иногда потухающіе угли костра.

— Да, пройдетъ еще годъ, два, три, ну пять, наконецъ, и обо мнѣ вспомнятъ, развѣ можетъ быть иначе? и тогда-то я снова стану свободной, вольной птицей.... Дверь отворится, и войдутъ тюремщики. По лицамъ ихъ я вижу, что они принесли на этотъ разъ хорошую, добрую вѣсть... Сердце сжимается отъ радости, я долго не вѣрю своимъ глазамъ, своимъ ушамъ... Не сонъ-ли это? Такихъ сновъ было такъ много. Какъ часто они безчеловѣчно, безжалостно обманывали меня!.. Давно-ли я держалъ въ своихъ объятіяхъ свою бѣдную, старую мать? Я рыдалъ, она заливалась слезами. Жгучія слезы упали на мое лицо, я поднялъ голову, грязное изголовье тюремной койки было смочено слезами... Это былъ сонъ. Но теперь нѣтъ! Эти раскрытыя двери, этотъ весенній гамъ, врывающійся въ тюрьму вмѣстѣ со свѣжей струей свѣтлаго, уличнаго воздуха, это не сонъ, это сама жизнь.... Я вижу—

Лигуетъ день, щебечутъ птицы,
Красою блещутъ небеса,
Доходятъ до дверей темницы
Любви и воли голоса....

Я свободенъ. Я могу идти, могу летѣть туда, куда хочу. Могу жить тамъ, гдѣ вздумаю, могу быть съ тѣми, кого люблю... И такъ дальше, какъ можно дальше отъ этихъ проклятыхъ стѣнъ, отъ этихъ проклятыхъ башенъ!.. Вотъ выступаетъ городъ огромный, широко раздвинулся онъ во всѣ стороны. Цѣлый безконечный лабиринтъ длинныхъ и короткихъ, широкихъ и узкихъ улицъ, громады церквей и дворцовъ, остроговъ и казармъ. Заводы, ма-

газины, фабрики, монастыри. Грохоть экипажей, звонъ колоколовъ, крики разнощиговъ, пестрая, суетливо бѣгущая толпа, шумъ и гамъ милліонаго населенія. Это Москва. Да, это она, милая сердцу Москва. Встаютъ и тѣснятъ дорогія, завѣтныя воспоминанія молодыхъ, прожитыхъ лѣтъ. Какъ живыя, встаютъ фигуры друзей. Вспоминаются долгіе, зимніе вечера, безконечныя споры, тѣ-живые, горячіе, какъ сама юность, искренніе споры, какіе возможны только въ молодости, «для которой все блескъ впереди». Ярко воскресаетъ въ памяти эта свѣтлая пора энтузіазма, пора увлеченій, пора беззавѣтной вѣры въ людей, въ несокрушимую силу добра и свѣтлое будущее, вѣры въ свои силы, въ свое призваніе, въ свою звѣзду, пора свѣжести и здоровья, пора крѣпкихъ, не разстроенныхъ нервовъ и покойнаго сна. Время, когда мы жаждали подвиговъ и славы, дружбы, любви, участія, когда мы были готовы страдать, терпѣть, сносить гоненія, лишенія, невзгоды, когда мы повторяли: «жизнь-борьба» и смѣло готовились къ схваткѣ со всѣмъ, что стояло на дорогѣ къ общему счастью, я шлю тебѣ, дорогое время, сердечный привѣтъ! Знай: ни для укора, ни для сожалѣнія нѣтъ мѣста въ моей душѣ... Вспомнились друзья,

Вспомнились тѣ, что когда-то такъ смѣло

Вышли на битву съ неправдой и зломъ.....

«О, гдѣ то теперь вы?!..» А вотъ въ кружкѣ друзей выдѣляется свѣтлый образъ *я*. Она все та же, тотъ же прямой, открытый взглядъ, тѣ же смѣлыя, красивыя движенія, та же искра мягкой, вдумчивой грусти свѣтитса въ голубыхъ, глубокихъ глазахъ. Только блѣдныя щеки стали еще блѣднѣй, только тѣнь горечи и скорби легла на знакомыя, милыя черты. Я вижу, ты не забыла былого минувшаго счастья, ты не простила судьбѣ за то, что она отняла у тебя... Ты была любимица моей матери... Но гдѣ же она? Гдѣ моя бѣдная, моя дорогая, изстрадавшаяся мать?.. Къ ней, къ ней скорѣе! Увидѣть ее, обнять, прижать къ сердцу крѣпко, горячо, вотъ что нужно теперь мнѣ больше всего на свѣтѣ... Она далеко. Вдали отъ обѣихъ столицъ, среди широкихъ полей и луговъ, на высокомъ берегу большой рѣки ютится маленькій уѣздный городокъ. Съ одной стороны лѣсъ, съ другой поля почти вплотную подходятъ къ нему... Знакомыя, родныя мѣста! Какое приволье! Какой просторъ!.. Вотъ роща пахнетъ сосной и распускающимися почками березы. По вечерамъ, въ густыхъ кустахъ орѣшника

долго поютъ соловьи... Все ближе, ближе... Какъ сильно бьется сердце... Вотъ и домъ; въ немъ я родился и выросъ. Я спѣшу къ крыльцу, хочу вбѣжать по знакомымъ ступенькамъ, но ноги вдругъ подкашиваются, силы оставляютъ меня. Я задыхаюсь. Какъ трудно дышать степнымъ свѣжимъ воздухомъ больной, надорванной груди... А тутъ еще этотъ тяжелый сѣрый халатъ; онъ давитъ, гнететъ меня. Зачѣмъ онъ здѣсь? Развѣ я не свободенъ?... Только теперь я вижу, какъ я худъ, какъ слабъ... Точно щепки, высохли руки. Кашель душитъ меня... Ахъ, но стоитъ-ли думать объ этомъ: здѣсь меня ждетъ покой, любовь и ласка. А съ ними придетъ и здоровье, вернутся силы, я снова поправлюсь; я еще молодъ, я могу жить еще долго, долго... О, какъ я буду ходить за тобой, лелѣять тебя, моя родная! Ты такъ много, такъ одиноко страдала, такъ долго хоронила въ себѣ свои муки, молча, ни съ кѣмъ не дѣля своего горя. Теперь я заставлю тебя позабыть твои муки, я верну къ тебѣ тѣ былые свѣтлые дни, что улыбались намъ когда то,—помнишь? давно-давно... Но отчего ты не встрѣчаешь меня?..

Длинный столъ стоитъ среди комнаты. Тускло мерцаютъ свѣчи, пахнетъ ладономъ. Монотонно журчитъ голосъ читальщика. Бѣлый саванъ скрываетъ холодные, околѣвшіе члены. Какъ осенній листъ, пожелтѣло лицо. Смерть застыла въ дорогахъ, мильхъ чертахъ

— Цѣльную ночь бредилъ, какъ есть напролетъ, цѣльную ночь... И плакалъ, и кричалъ невѣсть что такое, сумрачно говорить тюремщикъ усатому крѣпостному фельдшеру, явившемуся провѣдать больного, а теперь стихъ: молчитъ. Развѣ только вздохнетъ, да глазами поводитъ....

Фельдшеръ молча подошелъ къ койкѣ и заглянулъ въ широко раскрытые, неподвижно устремленные въ даль глаза больного. По привычкѣ онъ хотѣлъ было пощупать пульсъ, но прикоснувшись къ исхудалой, холодѣвшей рукѣ арестанта, онъ вдругъ остановился и махнулъ рукой.

— Что ты?

— Готовъ... Копайте могилу. И онъ отвернулся, почувствовавъ на себѣ тяжелый неподвижный взглядъ умиравшаго.

— Pardon, monsieur! раздалось около меня. Я оглянулся. Дирижеръ танцевъ, высокій, заѣзжій офицеръ въ шингарномъ мундирѣ неся подъ руку съ дамой—красивой и стройной блондинкой.

За ними слѣдовалъ рядъ танцующихъ паръ. Забѣзжій дирижеръ задумалъ какой-то необычайный, фантастическій *chaine*. Кругомъ все шумно и весело смѣялось и двигалось.... Старцы кончали винтъ и съ серьезными минами подводили итоги... Я пошелъ отыскивать свою шляпу...

А. Пругавинъ.

Уѣздныя крестьянскія присутствія.

(Посвящается Н. В. Калачову).

Ревизирующимъ сенаторамъ, между прочимъ, вмѣнено въ обязанность обратить вниманіе на эти несчастныя учрежденія. Нѣтъ сомнѣнія, что ближайшее наблюденіе такихъ компетентныхъ лицъ убѣдитъ, наконецъ, правительство въ совершенной невозможности оставлять ихъ долѣе, потому что, кромѣ вреда дѣлу, эти присутствія ничего не приносятъ. Вотъ почему считаю своевременнымъ возбудить вопросъ о крестьянскихъ присутствіяхъ въ литературѣ. Безличное обсужденіе въ печати имѣетъ свою хорошую сторону; здѣсь можно говорить, не стѣсняясь, не боясь нареканія, что слова ваши имѣютъ мѣстную или личную подкладку, тогда какъ въ разговорахъ о мѣстныхъ дѣлахъ и нуждахъ съ высокопоставленными лицами всегда мѣшаютъ разныя дипломатическія соображенія, неизбѣжныя во всякой житейской обстановкѣ. Сужденія, высказанныя въ печати, конечно, могутъ быть невѣрны; но во всякомъ случаѣ они двигаютъ вопросъ и помогаютъ его разработкѣ.

Для того, чтобы старое учрежденіе замѣнить новымъ, прежде всего слѣдуетъ выяснитъ всѣ слабыя стороны и недостатки стараго учрежденія, чтобы они не повторились въ новомъ. Поэтому я начну свое изложеніе разсмотрѣніемъ съ этой именно стороны крестьянскихъ присутствій.

Неудача постигла составителей проекта крестьянскихъ присутствій, главнымъ образомъ, отъ того, что они болѣе всего придерживались *буквы* положенія 19 февраля 1861 г. Непремѣнный членъ есть неудачное повтореніе мирового посредника, а уѣздное присутствіе — неумѣлый скологъ съ прежняго съѣзда мировыхъ посредниковъ. Вообще, всѣ послѣдующія узаконенія по крестьянскому управленію ставили себѣ задачею придерживаться,

какъ возможно ближе, *буквы* положенія; но, къ сожалѣнiю, ни въ одной изъ этихъ мѣръ не позаботились сообразоваться съ его *духомъ*. Положеніе 19 февраля есть начальный актъ одной изъ величайшихъ реформъ въ исторіи: естественно, что оно не можетъ считаться законченнымъ, но требуетъ измѣненія и развитія сообразно вновь возникающимъ потребностямъ жизни; слѣдовательно, именно *буква* его не обязательна, а долженъ быть всецѣло сохраненъ и проведенъ его *духъ*, который къ буквѣ имѣетъ такое же отношеніе, какъ идея къ словамъ, ея выражающимъ. Такъ, въ данномъ случаѣ, взглянемъ на посредника и на непремѣннаго члена. Должность мирового посредника вызвана была временною и чрезвычайною задачею введенія уставныхъ грамотъ. Правительство исполненіе этой задачи поручило мѣстнымъ помѣщикамъ. Опытъ показалъ, что правительство въ этомъ случаѣ не ошиблось: лучшая часть помѣщичьей интеллигенціи поступило на первыхъ порахъ въ посредники, и введеніе уставныхъ грамотъ, — если и были кое-гдѣ уклоненія, — гдѣ же ихъ не существуетъ? — совершилось мирно и въ духѣ положенія. Но съ выполненіемъ задачи роль посредника потеряла значеніе. И дѣйствительно, мы видимъ, что лучшие люди покинули эту должность, и она обратилась въ обыкновенную чиновничью и, наконецъ, выродилась и износилась до того, что возбудила всеобщій ропотъ со стороны общества, а со стороны правительства вызвало совершенное уничтоженіе. Спрашивается, было-ли основаніе, уничтожая посредниковъ, какъ лицъ, совершенно несоответствующихъ потребностямъ даннаго времени, воскрешать ихъ во вновь учрежденномъ непремѣнномъ членѣ? Между тѣмъ, послѣдній, тоже помѣщикъ; вмѣсто назначенія по соглашенію уѣзднаго предводителя съ губернаторомъ, избирается губернскимъ собраніемъ; онъ также стоитъ внѣ зависимости отъ губернской администраціи и подчиненъ сенату. Такимъ образомъ, *буква* положенія сохранена. Но подумали-ли объ его *духѣ*? По смыслу положенія, посредникъ былъ самостоятельный и независимый руководитель крестьянскаго управленія. Жалобы на его дѣйствія поступали въ губернское присутствіе, и только въ извѣстныхъ случаяхъ его дѣйствія восходили на обсужденіе сѣзда и тамъ получали санкцію. Непремѣнный членъ, самъ по себѣ, не можетъ разрѣшить самаго пустаго дѣла, не внося въ сѣздъ, никакого прямого вліянія на крестьянское управленіе не имѣетъ, а рядомъ съ этимъ исправникъ можетъ, сколько ему угодно, сажать въ кутузку волостнаго старшину, подъ предлогомъ неисправнаго поступленія недоимки, которая въ большей

или меньшей степени существуетъ въ каждой волости. Вотъ какъ можно придерживаться *буквы* и въ то же время попирать ногами самый *духъ* великаго законодательнаго акта.

Въ частности главнѣйшіе недостатки уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій сводятся къ слѣдующимъ:

1) Ограниченіе выбора непремѣнныхъ членовъ помѣщиками съ довольно крупнымъ цензомъ; личные дворяне, согласно положенію, допускаются только при совершенномъ отсутствіи помѣщиковъ, да и то, если владѣютъ не менѣе 1,000 десятинъ земли. Число помѣщиковъ въ уѣздахъ становится все меньше и меньше, земли переходятъ въ руки купцовъ и крестьянъ, лучшіе и желающіе служить изъ мѣстныхъ дворянъ поступаютъ въ мировые судьи, — должность болѣе независимую, почетную и лучше вознаграждаемую *): очевидно, что укрѣпленіе должности непремѣннаго члена за помѣщикомъ сословіемъ дѣлаетъ крайне затруднительнымъ присканіе для этой должности сколько-нибудь подходящихъ лицъ. Да притомъ это сословное значеніе для непремѣннаго члена въ настоящее время нисколько и не нужно. На первыхъ порахъ правительство желало, чтобы два сословія, такъ неразрывно между собою связанныя, разошлись полюбовно, безъ третьяго лица, но теперь, когда отношенія совершенно преобразились, и помѣщикъ не имѣетъ никакого почти отношенія даже къ временно-обязаннымъ крестьянамъ, кромѣ полученія съ нихъ оброка, какой смыслъ имѣетъ эта сословность? Правда, первоначально непремѣнный членъ, главнымъ образомъ, предназначенъ былъ для выполненія выкупныхъ сдѣлокъ и только впоследствии, когда увидѣли, что другой рабочей силы въ присутствіи нѣтъ, возложили на него все. Но и въ этомъ первоначальномъ смыслѣ никакой нужды въ сословности нѣтъ, такъ какъ производство выкупной сдѣлки есть чисто механическая операція, требующая только гарантіи, чтобы выполняющее лицо не дѣлало намѣренныхъ подлоговъ ни въ ту, ни въ другую сторону.

2) Выборный характеръ непремѣннаго члена. Перенесемтесь мысленно, благосклонный читатель, въ губернское собраніе во время

*) Мировой судья получаетъ до 2,300 р. съ расходами на квартиру, письмоводителя и поѣздки на мировой сѣздъ, непремѣнный членъ получаетъ 2,000 р. также съ расходами на письмоводителя и разъѣзды. Но если непремѣнный членъ будетъ ѣздить сколько нужно, то въ большихъ уѣздахъ онъ истратитъ чуть не половину содержанія на прогоны и расходы въ пути; этотъ расчетъ составляетъ одну изъ существенныхъ причинъ бездѣтельности непремѣнныхъ членовъ.

выборовъ. 12 уѣздовъ имѣютъ каждый своего кандидата и каждый желаетъ, чтобы его кандидатъ прошелъ. Какая самая естественная и надежная сдѣлка должна произойти между уѣздами, чтобы достигнуть этой цѣли? Каждый уѣздъ говоритъ всѣмъ остальнымъ: положите направо моему кандидату, а я въ свою очередь положу направо каждому изъ вашихъ. Дѣло, значить, въ шляпѣ: каждый уѣздъ заручился содѣйствіемъ всѣхъ остальныхъ. Что это такъ, въ этомъ легко убѣдиться разсмотрѣніемъ баллотировочныхъ списковъ въ должность непремѣнныхъ членовъ: почти всѣ имѣютъ за себя громадное преобладаніе избирательныхъ шаровъ.

Очевидно, что уѣздъ дружно держится разъ условленной системы. Но, положимъ, появится значительное число отщепенцевъ, которые на эту сдѣлку не пойдутъ. При отдаленности и разъединенности нашихъ уѣздовъ знать лично всѣхъ, живущихъ въ губерніи, нельзя. Баллотировается лицо, котораго фамилію всѣ въ первый разъ слышатъ: куда ему класть? Очевидно, что часто единственные лица, могущія о немъ дать свѣдѣнія, гласные того уѣзда, которые его предлагаютъ; очевидно тоже, что и спрашивать у нихъ не стоитъ, — конечно, одобрять, а класть человѣку налѣво потому только, что я его не знаю — нѣсколько странно! И потому кандидатъ, предлагаемый уѣздными гласными, не проходитъ только тогда, когда онъ всей губерніи извѣстенъ, какъ невозможный, и потому ни у кого изъ благомыслящихъ людей рука не поднимется положить ему направо. И такъ, собственно выбора на губернскомъ собраніи въ непремѣнные члены не происходитъ, а утверждается шарокатаніемъ рекомендація губернскихъ гласныхъ даннаго уѣзда, а еще чаще самаго вліятельнаго изъ нихъ въ собраніи. Слѣдовательно, достоинство непремѣннаго члена опредѣляется нравственными качествами уѣздныхъ гласныхъ или гласнаго, его рекомендующихъ, и если эти лица придерживаются правила Фамусова: «ну, какъ не порадовать родному человѣчку», то гарантіи въ подобномъ избраніи мало. Опытъ вполне подтвердилъ всю нецѣлесообразность установленной процедуры: насколько извѣстно, выборы въ губернскомъ собраніи признаны неудовлетворившими ожиданіямъ, и возникли толки о перенесеніи выборовъ на уѣздныя собранія. Это еще хуже! На уѣздныхъ собраніяхъ крестьяне, если захотятъ, всегда могутъ имѣть перевѣсъ: число ихъ, въ большинствѣ случаевъ, немного меньше гласныхъ отъ остальныхъ сословій, въ другихъ же собраніяхъ наравнѣ или даже больше, но они вотируютъ всегда солидарно, а гласные отъ землевладѣль-

цевъ всегда разбиваются на партіи. Естественно, что въ выборѣхъ непремѣннаго члена, какъ дѣль первой для нихъ важности, крестьяне получаютъ преобладающее значеніе. Къ несчастію, въ настоящее время гласными изъ крестьянъ являются преимущественно, даже почти исключительно, волостные старшины*), писаря и лица, близкія къ волостному управленію изъ кабатчиковъ и другихъ кулаковъ. Не трудно предусмотрѣть, что произойдетъ. Если непремѣнный членъ мирволить старшинамъ и ихъ приближеннымъ и покрываетъ всѣ ихъ беззаконія, то будетъ безусловно выбранъ, въ противномъ случаѣ — забаллотированъ. Да и самъ непремѣнный членъ, зная отъ кого его судьба зависитъ, будетъ вести себя подходящимъ образомъ: вѣдь такихъ героевъ, которые будутъ поступать справедливо, зная, что за это они непремѣнно лишатся мѣста, немного! Поэтому прежняя комбинація, установленная положеніемъ, — назначеніе по соглашенію уѣзднаго предводителя и губернатора, — была несравненно лучше, и напрасно ее замѣнили. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, происходило соглашеніе двухъ лицъ, не имѣющихъ никакихъ общихъ интересовъ и смотрящихъ на рекомендуемыхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; а въ выборной системѣ — или односторонняя рекомендація уѣздныхъ гласныхъ, принимаемая на-вѣру остальными уѣздами въ губернскомъ собраніи, — или уже просто избирательный подкупъ, котораго слѣдуетъ ожидать въ уѣздномъ собраніи.

3) Но какъ ни мало утѣшительны результаты выборовъ, все же нельзя сказать, чтобы въ числѣ непремѣнныхъ членовъ не было людей честныхъ, дѣльныхъ и желающихъ сердечно отнестись къ своимъ обязанностямъ. Между тѣмъ, общій голосъ удостовѣряетъ, и совершенно справедливо, что всѣ непремѣнные члены ничего не дѣлаютъ, значить, ничего не дѣлаютъ и эти достойные люди. Оче-

*) Странное дѣло, что послѣ разъясненія кассационнаго департамента, устранившаго ихъ отъ званія присяжныхъ, какъ полицейскихъ чиновниковъ, волостные старшины остаются въ земскомъ собраніи, куда чины полиціи также не допускаются. Волостные старшины составляютъ язву уѣздныхъ собраній. Кромѣ того, что они сами по себѣ не составляютъ „солъ“ въ крестьянской средѣ, они лишены самостоятельности. Непремѣнный членъ, если онъ гласный, и во всякомъ случаѣ председатель собранія, который вмѣстѣ съ тѣмъ и председатель уѣзднаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, если захотятъ, всегда могутъ заставить старшинъ вотировать по указанной программѣ. Насколько полезны и заслуживаютъ уваженія въ земскомъ дѣлѣ простые, *сѣрые* крестьяне, настолько же вредна и противна эта крестьянская аристократія старшинъ и разныхъ кулаковъ.

видно, что, помимо нравственныхъ качествъ, въ самой обстановкѣ должности непремѣннаго члена есть что-то такое, что вяжетъ человѣку руки и не даетъ ему возможности работать. И дѣйствительно есть. Крестьянское присутствіе, за исключеніемъ бесплоднаго рассмотрѣнія жалобъ на волостные суды, есть мѣсто административное. Основной принципъ всякой административной дѣятельности есть простота и быстрота исполненія: поэтому къ административнымъ инстанціямъ меньше всего примѣнима коллегія, или по крайней мѣрѣ кромѣ случаевъ, особенно важныхъ и потому рѣдкихъ. Представьте же себѣ административную инстанцію, гдѣ всякое самое ничтожное дѣло обсуждается коллегіально. Каждый членъ присутствія, въ томъ числѣ и непремѣнный, можетъ получать прошенія, заявленія и пр., можетъ собирать по нимъ справки, дѣлать всѣ предварительныя распоряженія, но рѣшать онъ ничего не можетъ, рѣшаетъ присутствіе. Во-первыхъ, это ставить членовъ въ ложное положеніе въ отношеніи къ крестьянамъ. Крестьяне привыкли, что если дѣло началось и если оно выяснено, то тутъ же оно и рѣшается. Вотъ и спрашиваетъ принесшій жалобу, видя, что свидѣтели допрошены, отъ отвѣтчика свѣдѣнія отобраны: — «Какое же будетъ, ваше благородіе, рѣшеніе?» — «Не знаю, братецъ, рѣшать будетъ присутствіе». «А когда это самое присутствіе соберется?» — «Не знаю». Почешетъ крестьянинъ голову и пойдетъ, думая про себя: «и за чѣмъ я эту самую жалобу приносилъ, боли теперь, когда дѣло разобрали, ничего не рѣшили, такъ ужъ послѣ и не жди». И правда, — не жди, несчастный проситель! мѣсяцы и годы пройдутъ, а твое дѣло все будетъ валяться въ присутствіи! Да не лучше и положеніе самого разбиравшаго дѣло, — большаго частью непремѣннаго члена. Дѣло представлено въ присутствіе, но когда оно соберется и какъ его собрать? Предводитель очень часто не живетъ въ своемъ уѣздѣ, исправляющаго его должность кандидата во многихъ уѣздахъ и нѣтъ; предсѣдатель управы не идетъ, онъ смотритъ на присутствіе, какъ на навязанную ему лишнюю обузу, и до нѣкоторой степени правъ, потому что у него своего дѣла по горло; почетный мировой судья участвуетъ только въ обсужденіи рѣшеній волостныхъ судовъ: да и его тоже добромъ не зазовешь; остались непремѣнный членъ и исправникъ, которые вдвоемъ коллегіи не составляютъ. Наконецъ, собралось присутствіе: дѣлъ накопилась масса. Если подписывать, не читая, все, что подготовлено секретаремъ или непремѣннымъ членомъ, то, разумѣется, и въ одно засѣданіе спустить можно много.

Но если дѣла читать, да еще, если по дѣлу возникнетъ разногласіе и споръ, то большинство и подготовленныхъ дѣлъ останется недослушаннымъ. Когда же состоится слѣдующее присутствіе,—одному Богу извѣстно! Правда, существуютъ въ каждомъ уѣздѣ назначенныя для присутствія дни, но вѣдь это только на бумагѣ! Винить-ли послѣ этого непремѣннаго члена, если нѣсколько разъ испытывшій всю трудность собранія присутствія и оставленія на долгое лежаніе разсмотрѣнныхъ уже и подготовленныхъ дѣлъ, въ свою очередь и самъ ложится отдыхать на лаврахъ, не желая продолжать работы «на пустую». А между тѣмъ, повторяемъ, самъ по себѣ, безъ присутствія, онъ ничего сдѣлать не можетъ, кромѣ совершенія выкупныхъ сдѣлокъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ единолично и самостоятельно.

4) Въ присутствіи, дѣйствующемъ коллегіально, во-первыхъ, неестественно давать одному изъ членовъ какую либо привиллегію, которой не пользуются остальные; а во-вторыхъ, если членъ *юридически* получилъ привиллегію, то *фактически* онъ непремѣнно будетъ стремиться къ преобладанію. Членъ присутствія,—исправникъ получилъ право подвергать аресту волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ за бездѣятельность ихъ по взысканію податныхъ недоимокъ, а впослѣдствіи и за нераспорядительность по призыву безсрочно-отпускныхъ. Я не буду разсуждать, на сколько предоставленіе такого права исправнику, по его единоличному усмотрѣнію и безъ права обжалованія,—цѣлесообразно само по себѣ; я только упомяну, какъ это право отражается на его отношеніяхъ къ присутствію. При самомъ обсужденіи въ порядкѣ коллегіальномъ исправникъ ничего, конечно, сдѣлать не можетъ, онъ «голосъ» и больше ничего. Но если только исправникъ не тряпка, то у него сейчасъ же начинается распря съ непремѣннымъ членомъ, въ которомъ исправникъ видитъ себѣ соперника по влиянію на волостное и сельское управленіе. Конечно, фактически, исправникъ уничтожаетъ непремѣннаго члена и подрываетъ къ нему довѣріе. Непремѣнный членъ, чтобы подвергнуть виновнаго старшину взысканію, долженъ представить уѣздному присутствію и ждать его согласія и разрѣшенія; а исправникъ старшину, къ которому благоволитъ непремѣнный членъ, можетъ въ каждый пріѣздъ сейчасъ же посадить въ кутузку. Волостные старшины эту разницу хорошо понимаютъ, и можно сообразить, какъ они ею пользуются, если знаютъ, что исправникъ и непремѣнный членъ во враждѣ, и значитъ, что одному

угодно, то другаго выводить изъ себя. Мало того: исправники, пользуясь своимъ вліяніемъ на крестьянское управленіе и покровительствомъ губернской администраціи, прямо парализовали и отменили распоряженія непремѣнныхъ членовъ. Я знаю примѣръ, гдѣ непремѣнные члены не только не лѣнныя, но равншіеся къ дѣятельности съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, — осылали и складывали руки единственно потому, что вездѣ и всегда поперекъ дороги становился исправникъ, и сдвинуть его, при его привилегированномъ положеніи, оказывалось невозможно.

II.

И такъ, изъ перваго отдѣла нашей статьи выяснилось, что крестьянское присутствіе, въ смыслѣ учрежденія, которому правительствомъ поручено надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ, совершенно не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Значитъ, нужно его передѣлать. Но, мнѣ кажется, прежде всего нужно рѣшить самый важный вопросъ: нуждается-ли крестьянское самоуправленіе въ надзорѣ, и если нуждается, то въ какой степени? Многіе, можетъ быть, найдутъ этотъ вопросъ излишнимъ; большинство аргюи отвѣтитъ: конечно, нуждается! Но дѣло въ томъ, что такіе аргюи стическіе отвѣты только съ толку сбиваютъ и ведутъ къ ложнымъ выводамъ и ошибочнымъ мѣропріятіямъ. Поэтому я считаю нужнымъ разобрать этотъ вопросъ вполне и притомъ съ исторической точки зрѣнія.

Общіе вопросы, — способно-ли русское крестьянство къ самоуправленію, и если способно, то больше или меньше другихъ народныхъ массъ, я считаю праздными. Самоуправленіе есть скрытая сила (*force latente*), присущая всякой общественной массѣ; но измѣрять ее невозможно, потому что для скрытыхъ силъ масштаба не существуетъ. Сила измѣрятся по своимъ результатамъ, т. е. уже въ то время, когда изъ скрытой она переходитъ въ явнодѣйствующую. Но самоуправленіе, переходя въ такую явнодѣйствующую силу, чтобы получить правильное осуществленіе, требуетъ извѣстной подготовки или школы, отыскиваемой имъ въ самомъ себѣ. Если у массы окажется недостаточно энергіи, чтобы пройти самостоятельно эту школу, или если съ самаго начала внѣшнія препятствія окажутся настолько сильными, чтобы убить неокрѣпшій зародышъ самоуправления, то скрытая сила, переходя въ явнодѣйствующую, не приноситъ результатовъ и замираетъ,

встрѣчая въ своемъ отпращиваніи силы, ей противодѣйствующія и болѣе интензивныя. Вотъ именно эту сторону вопроса, насколько наше крестьянство до сихъ поръ приготовилось къ самоуправленію и какую оно въ этомъ смыслѣ прошло школу,— я намѣренъ изложить въ настоящемъ отдѣлѣ статьи.

Существуетъ мнѣніе, что русскій народъ доказалъ свою способность къ самоуправленію и прошелъ въ этомъ смыслѣ извѣстную приготовительную школу еще во время крѣпостнаго права. При этомъ указываютъ на выборнаго бурмистра и на вотчины, которыя управлялись сами собой, безъ всякаго вмѣшательства помѣщика, ограничивавшагося полученіемъ оброковъ. Такое мнѣніе есть историческій non-sens. Были, правда, гуманные помѣщики, которые справедливо и кротко обращались съ крестьянами,—были и такіе, которые не прочь были уступить имъ дѣйствительныя права самоуправления, подъ условіемъ аккуратной уплаты оброка, но все-таки основной принципъ крѣпостнаго права былъ—произволъ и палка. Поколѣнія, воспитавшіяся среди этого строя, привыкли къ произволу и палкѣ, и какъ это ни странно, полюбили ихъ! Это основной историко-физиологическій законъ: какъ ни возмутителенъ извѣстный строй, строй, который никого, повидимому, не можетъ удовлетворить, но если масса къ нему привыкла, то онъ не только держится, но даже находитъ защитниковъ. Сломить его можетъ только или внѣшняя, высшая сила или взрывъ со стороны меньшинства при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обезпечивающихъ удачу. Но и въ этомъ случаѣ, когда старый строй безноворотно сломленъ, онъ обладаетъ могучей способностью переживанія и долго продолжаетъ существовать, всасываясь въ содержаніе, внесенное происшедшимъ переворотомъ, не смотря на радикальную противоположность послѣдняго. До какой степени крестьяне свыклись со всѣми безобразіями крѣпостнаго права и какъ сами они этими безобразіями дорожили,— я приведу въ примѣръ одно изъ моихъ воспоминаній дѣтства. Когда отецъ мой вступилъ въ управленіе имѣніемъ, передъ заговѣньемъ на барскій дворъ явилась вереница подводъ, на которыхъ помѣщались молодые люди обоего пола со своими родителями: по заведенному обычаю слѣдовало помѣщику назначить женихамъ невѣсть. Отецъ мой вышелъ къ пріѣхавшимъ и заявилъ, что онъ отнынѣ навсегда назначенія этого дѣлать не будетъ, такъ какъ это дѣло касается не его, а самихъ вступающихъ въ бракъ. Надо было видѣть, что тогда произошло не только со старостой, но даже съ родителями! Прежде всего они,

что называется, погасли, какъ будто они выслушали что-нибудь непонятное, но необыкновенно страшное. Затѣмъ, когда первое впечатлѣніе прошло, крестьяне начали увѣрять, что это дѣло невозможное, что споконъ-вѣку браки устраивались по барской волѣ и безъ этого дѣвки замужъ не пойдутъ, парни не женятся, а, между тѣмъ, жениться пора пришла, и безъ того хозяйство рушится. Отецъ мой былъ человѣкъ стойкій и хладнокровно заявилъ, что если браки безъ его участія не состоятся, то дѣлать нечего, но что онъ ни въ какомъ случаѣ въ это дѣло не вступится. Конечно, браки состоялись, но эта первая минута отпора тамъ, гдѣ, казалось бы, родители больше всего заинтересованы представившимся случаемъ исправить старое безобразіе, многозначительно и наглядно обрисовываетъ настроеніе массы, выросшей въ условіяхъ крѣпостнаго права. Культъ произвола и палки крестьяне переносили и на выборъ міромъ бурмистра: главная задача міра была найти человѣка, который бы сѣумѣлъ «порядокъ держать и воли не давать». Не только для крестьянина, но даже для помѣщика крѣпостнаго права ужаснѣе всего представлялась *воля*, т. е. отсутствіе сильной, давящей власти, которая все устраивала бы помимо личнаго участія управляемыхъ. Это и понятно: и для раба, и для рабовладѣльца свобода и есть именно то непонятно-страшное, передъ чѣмъ онъ «погасаетъ» и отъ чего сначала онъ отрещивается всѣми силами. Такимъ образомъ, выборный бурмистръ былъ отнюдь не представитель самоуправленія, а органъ крѣпостнаго права, который часто «держалъ порядокъ» суровѣе и произвольнѣе самого помѣщика. Судъ міра и стариковъ, существовавшій въ немногихъ вотчинахъ и то въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ восхваляемый многими любителями старины, также былъ выраженіемъ того же направленія; результатомъ его всегда было то, что кого-нибудь «стегали» и притомъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Признать же за актъ самоуправления существованіе во всѣхъ крестьянскихъ общинахъ сходовъ по разверсткѣ тягольной земли и раскладкѣ повинностей государственныхъ и помѣщичьихъ — странное недоразумѣніе! Основные признаки самоуправления, — это сознаніе своихъ правъ, умѣнье и желаніе ими пользоваться и готовность ихъ защищать. Во всякомъ актѣ дѣйствительнаго самоуправления ни одинъ изъ этихъ признаковъ не можетъ отсутствовать. Котораго же изъ этихъ признаковъ слѣды видны въ подобныхъ общихъ сходахъ крестьянъ для указанныхъ предметовъ? Сознанія правъ здѣсь нѣтъ, ибо раскладываются обязательныя повинности или дѣлится земля,

испоконъ-вѣку принадлежавшая общинѣ, на которую никто претензіи не заявляетъ; защищать здѣсь нечего и не противъ кого; быть на сходѣ для всякаго обязательно, иначе отсутствующій или не получаетъ необходимой ему земли, или рискуетъ быть обложенъ слишкомъ тяжело; умѣнья никакого, кромѣ здраваго смысла, не требуется. Очевидно, что это не актъ самоуправленія, а просто сходка для обсуждения самыхъ настоятельныхъ хозяйственныхъ потребностей общины: иначе каждое акціонерное собраніе придется также признать за актъ политическаго самоуправленія въ данной странѣ. Поэтому, нельзя не признать, что крѣпостное право не только не подготовляло народъ къ самоуправленію, но, напротивъ, надолго убило въ немъ способность сколько-нибудь энергическаго его усвоенія. Слѣдовательно, школа самоуправленія могла для крестьянъ начаться только съ манифеста 19 февраля 1861 г. Правда, указываютъ еще, какъ на приготовительную школу, на устройство государственныхъ крестьянъ. Дѣйствительно, въ учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ есть попытка дать крестьянамъ нѣкоторыя права самоуправленія; но попытка эта въ самомъ законѣ парализована положеніемъ, приданнымъ палатѣ и окружному начальнику съ его помощниками. На дѣлѣ вышло еще хуже. Окружные начальники и помощники сейчасъ же обратились въ помѣщиковъ-чиновниковъ, которые грабили, своевольничали и сѣкли нисколько не меньше настоящихъ помѣщиковъ. Народъ и видѣлъ въ немъ ни что иное, какъ назначенныхъ правительствомъ помѣщиковъ, характеристически называя ихъ даже между собою «нашъ баринъ». Въ концѣ концовъ, состояніе государственныхъ крестьянъ сдѣлалось хуже, нежели въ помѣщичьихъ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ баринъ особенно не разорялъ крестьянъ. Значитъ, и эта подготовительная школа не далеко ушла отъ школы крѣпостнаго права. Но этого мало. Типъ бурмистра крѣпостнаго порядка не вымеръ до сихъ поръ: большинство старшинъ, получившихъ почетныя кафтаны и медали, принадлежатъ къ этому типу. Это люди, которые умѣли «держатъ порядокъ», т. е. держали волюсть въ ежовыхъ рукавицахъ. Начальству это не могло не нравиться: въ дѣлахъ волостнаго правленія порядокъ, старшина исполнительъ, недоимокъ и растратъ нѣтъ, пьянства меньше, народъ занятъ дѣломъ. И крестьянамъ это нравилось, — такого старшину выбирали по нѣскольку трехлѣтій сразу, иначе онъ и награды бы не получилъ. Дѣйствительно, такой старшина, — если онъ не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, не обиралъ крестьянъ и постепенно не заби-

ралъ ихъ въ свою экономическую кабалу, — представляетъ известную хорошую сторону: порядокъ всегда лучше безпорядка. Но въ какой мѣрѣ такіе старшины могутъ считаться насадителями дѣйствительнаго самоуправленія и насколько сами они подходятъ къ этому типу, — предоставляю судить читателю.

Я наблюдалъ первые выборы волостныхъ старшинъ послѣ обнародованія положенія въ одномъ Ветлужскомъ уѣздѣ, гдѣ тогда уже былъ предводителемъ. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, существовало нѣсколько своеобразныхъ оттѣнговъ въ различныхъ волостяхъ, но въ цѣломъ уѣздѣ въ общемъ уровнѣ со стороны крестьянскаго населенія выразилось известное направленіе. Я полагаю, что и въ другихъ уѣздахъ повторилось то же самое, такъ что направленіе, замѣченное мною въ Ветлужскомъ уѣздѣ, можно считать общимъ, до такой степени оно соотвѣтствовало потребностямъ минуты и тогдашнему настроенію крестьянъ. Крестьяне разомъ поняли суть дѣла: они сейчасъ же покончили съ «держателями порядка» и выбрали въ старшины, кто побойчѣе, кто «сможетъ за мѣръ постоять», не принимая въ расчетъ ни нравственныхъ качествъ, ни возраста, ни экономическаго положенія избираемаго. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ избраны были молодые бездомники, известные безпорядочнымъ поведеніемъ и порядкомъ успѣвшіе насолить міру, но беззавѣтно смѣлые и бойкіе на словахъ. Разумѣется, подобные выборы возбудили недоумѣніе; но крестьяне прямо объясняли, что ужъ такое время пришло: онъ хотъ и безпорядочный, да съумѣетъ за мѣръ постоять, а теперь это главное; другой и разумный, честный домохозяинъ, его бы не обошли, да смиренъ очень, сробѣетъ и не сможетъ, гдѣ нужно за мѣръ словечко заложить. Очевидно, что на самыхъ первыхъ порахъ крестьяне придавали старшинѣ настоящее значеніе: онъ въ ихъ глазахъ былъ представителемъ и защитникомъ мірскихъ интересовъ, т. е., другими словами, настояцій органъ самоуправленія. Но не выгорѣло! Посредники, даже самые интеллигентные и расположенные къ крестьянамъ, ежедневно выслушивая и разбирая крестьянъ, обращавшихся къ нимъ за совѣтомъ по всевозможнымъ дѣламъ и недоразумѣніямъ, какихъ встрѣчалось много въ это время совершающагося переворота, не совсѣмъ вдругъ уяснившагося и для людей иной среды, — посредники, незамѣтно для самихъ себя, перешли въ роль благодѣтельныхъ помѣщиковъ крѣпостнаго права. Посредникъ-помѣщикъ энергически поддерживалъ интересы крестьянъ и защищалъ ихъ отъ всего, что виѣ; внутри онъ терпѣливо и спра-

ведливо разбіраў всякую просьбу и жалобу, — но онъ не переносилъ хладнокровно самостоятельности и возраженій, какъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, такъ и со стороны цѣлаго крестыянскаго міра. Крестыяне такому положенію подчинились безропотно: оно было имъ привычѣе и въ то же время для нихъ полезно и безобидно. Посредникъ для нихъ сталъ тоже *баринъ*, но баринъ новаго порядка, баринъ—защитникъ и оберегатель крестыянскихъ интересовъ, баринъ симпатичный и уважаемый, котораго волю крестыянинъ исполнялъ безпрекословно, не ради страха, но изъ чувства благодарности. Такъ установились отношенія первыхъ посредниковъ къ крестыянамъ, и винить въ томъ никого нельзя: случилось, что должно было случиться. Это старый, переживавшій строй неотразимо, въ силу исторической необходимости, всасывался въ отношенія, установленныя новымъ порядкомъ. Но, между тѣмъ, это взаимное положеніе посредника и крестыянъ подѣйствовало губительнымъ образомъ на созданныя словомъ закона формы самоуправления. Значеніе волостнаго старшины, какъ представителя и защитника мірскихъ интересовъ, пропало безслѣдно, а съ тѣмъ вмѣстѣ утратили смыслъ и сходы крестыянъ для выбора должностныхъ лицъ своего управления. Волостной старшина, при посредникѣ-помѣщикѣ, получилъ значеніе прежняго бурмистра, т. е. передаточнаго и исполнительнаго лица распоряженій посредника. Очевидно, что крестыяне стали выбирать старшину не въ собственныхъ интересахъ, а въ угоду посреднику: если посредникъ, передъ выборами, сдѣлалъ указаніе или одобрительно выразился объ извѣстномъ лицѣ, то этого было достаточно для его выбора въ старшины. Между тѣмъ, посредникъ,—не считая подобнаго указанія наслованіемъ самостоятельности схода, побуждался сдѣлать такое указаніе силою вещей: посреднику, для успѣха дѣла, было необходимо, чтобы его главный, можно сказать единственный, агентъ, въ смыслѣ посредника и исполнителя, былъ лицо ему извѣстное и пріятное, на котораго онъ могъ бы положиться. Сельскіе старосты обратились въ безгласныхъ разсылныхъ волостнаго старшины: ихъ участіе въ коллегіальномъ обсужденіи вопросовъ по волостному правленію оказывалось излишнимъ, какъ скоро волостное правленіе вездѣ и во всемъ обратилось въ чисто исполнительную инстанцію распоряженій высшей власти. Самый волостной сходъ обратился въ пустую формальность, куда крестыянъ не привлекалъ никакой интересъ: всякое дѣло заранѣе было предрѣшено мировымъ посредникомъ, и, слѣдовательно, сходъ имѣлъ значеніе только сборнища,

безмолвнымъ и обязательнымъ соглашеніемъ утверждавшаго изложеніе на письмѣ чужаго рѣшенія. Поэтому выборные все болѣе и болѣе теряли участіе къ сходу и посѣщали его все рѣже, за исключеніемъ сходовъ, занимавшихся чисто хозяйственными дѣлами, — разверсткою земли и раскладкою податей, гдѣ посредникъ не принималъ никакого участія. Такимъ образомъ, слѣды теперешнихъ порядковъ были намѣчены въ зародышѣ еще въ первую, лучшую эпоху реформъ 19 февраля.

Мировые посредники первой эпохи, которымъ принадлежить честь мирнаго развода крестьянъ съ помѣщиками, по окончаніи своей задачи, т. е. по введеніи уставныхъ грамотъ, мало по малу оставили поле дѣйствія. На насыженномъ ими мѣстѣ, съ установившимся взглядами и приемами, сѣлъ второй слой, посредники-чиновники *), напоминавшіе, въ лицѣ худшихъ своихъ представителей, окружныхъ начальниковъ стараго времени. Очевидно, что дѣло пошло несравненно хуже. Для посредника-чиновника дѣйствительные интересы крестьянъ почти не существовали: главную суть своей обязанности посредники видѣли въ формальной, бумажной ея сторонѣ. Между тѣмъ, неограниченное право распоряженія въ волости, незамѣтно установившееся при посредникахъ-помѣщикахъ, посредники-чиновники возвели въ принципъ. Если нельзя было обойти и не исполнить дружески-принудительнаго совѣта посредника-помѣщика, — то еще того менѣе возможно было ослушаться предписанія или словеснаго приказанія посредника-чиновника. Подобная смѣлость на чиновничьемъ языкѣ называется «бунтомъ и сопротивленіемъ властямъ». Рядомъ съ этимъ бумага порвала живую связь между посредникомъ и крестьяниномъ. Далѣе чиновнику-посреднику, какъ всякому чиновнику, — необходимъ подчиненный чиновникъ, съ которымъ онъ могъ бы вести переписку и возлагать на него всякое исполнительное дѣйствіе, потому что, вообще, чиновникъ живаго дѣла и соприкосновенія съ жизнью не любитъ: для него гораздо пріятнѣе мертвая, все переносящая и ко всему равнодушная бумага. Такимъ подчиненнымъ въ рукахъ посредника оказался волостной старшина. И вотъ, подъ щитомъ безконтрольной,

*) Я, конечно, не говорю огульно о посредникахъ втораго слоя: въ числѣ ихъ были безъ сомнѣнія люди честные, добросовѣстно трудившіеся и заслуживающіе полнаго уваженія, но такихъ было меньшинство; точно также въ средѣ посредниковъ первой эпохи въ видѣ исключенія попадались личности, вовсе не заслуживавшія такой лестной почести. Но въѣд не исключенія и не меньшинство даютъ тонъ учрежденію.

посреднической власти, въ качествѣ безотвѣтныхъ исполнителей бумажныхъ предписаній и словесныхъ приказаній, воцарились надъ волостью старшина съ писаремъ. Они—ея хозяйева, безъ права приносить на нихъ жалобу, ибо она подавалась тому же посреднику, который вносилъ ея съ своимъ заключеніемъ въ сѣздъ, гдѣ часто рука руку мыла. Et inde ira! здѣсь корень всѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій! Начались застращиванія и всевозможныя интриги на выборахъ, составленіе подложныхъ приговоровъ, гдѣ къ кучкѣ единомышленниковъ, старшина и писарь, съ участіемъ заранѣе приготовленнаго рукоприкладчика, вносили по списку надлежащее число голосовъ, не исключая не только отсутствующихъ, но даже выбывшихъ и умершихъ; ожесточенное преслѣдованіе отдѣльныхъ крестьянъ, почему либо неудобныхъ для старшинъ и писаря; безконтрольное, безъучетное распоряженіе мірскими суммами; подложныя разрѣшенія кабаковъ и трактирныхъ заведеній; вмѣшательство волостныхъ старшинъ по личнымъ соображеніямъ въ волостные суды и вообще нескончаемый рядъ безпорядковъ и злоупотребленій, которыхъ не перечесть. Въ волостное правленіе сдѣлалось невозможнымъ входить безъ приношенія, а за деньги можно было купить все. Въ концѣ концовъ, все это безобразіе заливалось и тонуло въ водкѣ, составляющей преддверіе и заключеніе всякаго дѣла въ волостномъ правленіи. Такъ это продолжается и до сихъ поръ.

Вотъ школа самоуправленія, которую проходили до сихъ поръ крестьяне. Это какой-то возмутительный и деморализующій сумбуръ, гдѣ буква сама по себѣ, а жизненные факты сами по себѣ; гдѣ для человѣка не существуетъ ни суда, ни защиты, и гдѣ онъ можетъ жить, только махнувши съ отчаянія рукой на все и запивая свое горе въ кабакѣ. Очевидно, что для крестьянскаго самоуправления необходимъ правительственный надзоръ и именно съ цѣлью вызвать къ жизни это самоуправленіе, дарованное положеніемъ, но съ самаго начала встрѣтившее подавляющія внѣшнія препятствія, не давшія пробиться даже слабому росту новаго порядка.

III.

Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы видѣли, какую мрачную и безотрадную картину представляетъ злоба дня крестьянскаго самоуправления. Очевидно, что прежде всего въ эту тьму кромѣшную надо внести лучъ свѣта, чтобы разобраться и знать, какъ взяться

за дѣло. До тѣхъ поръ, пока этотъ лучъ свѣта не будетъ внесенъ посредствомъ кореннаго измѣненія условій, способствующихъ существованію тьмы, всякія палліативныя мѣры, всякія преобразованія уѣздныхъ крестьянскихъ учреждений, напоминающія новыя погудки на старый ладъ, — не принесутъ существенной пользы. Бумажныя дѣла двинутся нѣсколько скорѣе, канцелярскаго порядка въ волости будетъ больше, можетъ быть даже водку выпивать въ волостномъ правленіи будутъ осторожнѣе, но и только! Однѣ и тѣ же причины всегда даютъ одни и тѣ же результаты; измѣнить эти результаты переменною формъ надзора, очевидно, невозможно.

И такъ, надо приступить къ серьезной перестройкѣ крестьянскаго управленія и начать снизу: иначе въ государствѣ, гдѣ преобладающую массу населенія составляетъ крестьянское сословіе, — не избѣжать серьезной бѣды. У насъ привыкли утверждать, что вся бѣдность и вся тягость крестьянскаго населенія происходитъ отъ несоразмѣрной тяжести податей; что если съ крестьянъ податей сбавить и учредить для нихъ школы, то въ скоромъ времени крестьяне разбогатѣютъ и всѣ неприглядныя стороны ихъ обстановки мало-по-малу сгладятся. Ни необходимости болѣе равномѣрнаго распредѣленія податей, ни пользы учрежденія школъ нигто, безъ сомнѣнія, отрицать не будетъ. Но тѣ, кто близко всматривались въ крестьянскую жизнь, знаютъ, что ничуть не менѣе экономическихъ неблагоприятныхъ условій, не менѣе неразвитости, на крестьянъ дѣйствуетъ пагубно состояніе ихъ управленія. Представьте себѣ, что вдругъ всѣ суды уничтожены, чиновники обратились во взяточниковъ, правды нигдѣ не существуетъ, личность ваша и имущество обезпечены еще менѣе, чѣмъ теперь и, если бы вы въ крайнемъ случаѣ стали искать защиты, то выигрышъ вашего праваго дѣла зависѣлъ бы отъ предложенія болѣе большой взятки, нежели какую обѣщаетъ вашъ противникъ! Что бы вы сдѣлали при подобной обстановкѣ? Вы бѣжали бы, такъ какъ жить въ подобной обстановкѣ нельзя. Крестьянину бѣжать невозможно, и не куда, и не съ чѣмъ. Но въ такой обстановкѣ онъ прожилъ уже больше десятилѣтій. Вотъ вы и сообразите всю силу деморализаціи, которую такая обстановка внесла въ крестьянскую среду, при такомъ постоянномъ и продолжительномъ воздѣйствіи. Экономическая нужда можетъ загубить человѣка и привести его въ кабакъ, но натура болѣе сильная съ ней еще борется; общественная же деморализація, это такая нравственная эпидемія, которая заражаетъ человѣка еще въ пеленкахъ и противъ которой даже и борьбы не можетъ быть,

точно такъ же какъ противъ чумы, скотскаго падежа и другихъ подобныхъ бѣдствій.

Я сказалъ, что преобразование надо начать снизу. Низомъ или фундаментомъ существующихъ безобразій, какъ я уже объяснилъ, слѣдуетъ признать волостнаго старшину. Его положеніе должно быть совершенно измѣнено. По смыслу положенія, старшина имѣетъ двойственное значеніе: представителя общественныхъ интересовъ и исполнительнаго органа относительно полицейскихъ и другихъ начальствующихъ лицъ, причемъ на него возложена даже самая инициатива по нѣкоторымъ полицейскимъ дѣйствіямъ. Этой двойственности нельзя было избѣжать при самомъ введеніи положенія, во-первыхъ потому, что первоначальныя полицейскія дѣйствія въ ту эпоху не на кого было возложить, кромѣ старшины, а во-вторыхъ потому, что на первыхъ порахъ раздѣленіе властей въ средѣ крестьянскаго населенія провести было трудно. Для только что освобожденныхъ крестьянъ необходимо было создать власть цѣльную, дѣйствующую во всѣхъ направленіяхъ, хотя бы и съ выборнымъ характеромъ. При раздѣленіи властей, крестьяне въ ту пору могли бы растеряться и, придавая исключительное значеніе одной, болѣе къ нимъ близкой, могли бы совершенно отшатнуться отъ другой власти, столь же существенно необходимой, но представляющей другую отрасль управления. Такимъ образомъ, цѣлость крестьянскаго управленія даже могла быть нарушена, что, при неизвѣстности исхода реформы и при спорныхъ и необычныхъ отношеніяхъ, неизбежно возникавшихъ при ея введеніи, — было крайне опасно. Но не бывши пророкомъ, можно было легко предугадать, что, при такомъ двойственномъ значеніи волостнаго старшины, — правительственная сторона, т. е. полицейскія обязанности старшины, отгѣснить на задній планъ сторону общественную, т. е. представительство и защиту мірскихъ интересовъ. Мы видѣли, что на первыхъ порахъ старшина получилъ значеніе передаточнаго и исполнительнаго органа посреднической власти, въ которой сосредоточилось управленіе волостью, по всѣмъ отраслямъ, въ томъ числѣ и хозяйственной, за исключеніемъ передѣловъ земли и разверстки податей, гдѣ посредникъ не вмѣшивался и участіе старшины ограничивалось формальнымъ предсѣдательствомъ на волостномъ сходѣ. Посредники первой эпохи ревниво охраняли крестьянское управленіе отъ расширенія требованій къ нему со стороны полиціи: вездѣ у посредниковъ первой эпохи происходили въ этомъ отношеніи пререванія съ чинами полиціи и, такъ какъ посредники въ то время были

сила, то верхъ оставался на ихъ сторонѣ, полицейскія обязанности волостное и сельское начальство исполняло только въ предѣлахъ, указанныхъ положеніемъ 19 февраля. Но во вторую эпоху различные министерскіе циркуляры и распоряженія мѣстной администраціи сдѣлали изъ волостнаго старшины низшаго полицейскаго агента, которому были поручены всѣ первоначальныя судебныя и административно-полицейскія обязанности и распоряженія въ предѣлахъ своей волости. Рядомъ съ этимъ волостной старшина сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ и отвѣтственнымъ лицомъ по взысканію всякихъ лежащихъ на крестьянахъ податей и повинностей, государственныхъ, земскихъ, помѣщичьихъ и мирскихъ. Такимъ образомъ, общественное значеніе старшины было безслѣдно стерто, и въ сущности старшина обратился въ правительственнаго чиновника, избираемаго волостнымъ сходомъ. Въ отношеніи къ крестьянамъ старшина является въ двойномъ видѣ: какъ *начальникъ*, который каждаго отдѣльнаго члена волости можетъ доухать и облагодѣтельствовать, и какъ *сборщикъ податей*. Первая функція сложилась путемъ обхода закона и факта, хотя начало и коренится въ самомъ положеніи 19 февраля, гдѣ волостному старшинѣ и сельскимъ старостамъ предоставлено право безконтрольно и безапелляціонно подвергать крестьянъ взысканіямъ въ извѣстномъ размѣрѣ за маловажные проступки. Ослабить эту функцію и ввести ее въ надлежащія границы легко возможно, коль скоро устроится правильный и цѣлесообразный надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Но ограничить дѣятельность старшины, какъ сборщика податей, едва-ли возможно, потому что эти обязанности возложены на него закономъ, указавшимъ и послѣдовательный рядъ мѣръ, принимаемыхъ въ данномъ случаѣ. Между тѣмъ, эта обязанность сборщика податей и послужила, главнымъ образомъ, къ разрыву всякихъ нравственныхъ связей между старшиной и населеніемъ волости. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли крестьянинъ имѣть какое-нибудь сочувствіе и уваженіе къ лицу, которое во время и безвременно является въ его домъ, чтобы вытащить послѣднюю копейку въ уплату податей и, если въ домѣ не оказалось ничего, тащить послѣднюю корову? Между тѣмъ, если нѣтъ уваженія и никакого личнаго интереса къ дѣятельности выборнаго должностнаго лица; если наоборотъ, дѣятельность эта представляется чѣмъ-то крайне неприятнымъ и притѣснительнымъ, то не можетъ быть серьезно-нравственнаго отношенія къ самымъ выборамъ, а, следовательно, нельзя отъ нихъ ожидать и хорошихъ результатовъ.

Тѣмъ не менѣе выборъ обязателенъ. Понятно, что крестьяне, сходясь на выборы совершенно равнодушны, чье имя вынется изъ урны; да и дѣйствительно, имъ все равно, тотъ или другой домохозяинъ будетъ старшиной. Подати всякій старшина будетъ выбивать съ одинаковымъ усердіемъ и однимъ способомъ, потому что его одинаково будетъ къ тому побуждать полицейское начальство; а другихъ отношеній къ старшинѣ у большинства крестьянъ нѣтъ и быть не можетъ. Мірскихъ интересовъ старшина не знаетъ, ими не управляетъ и не защищаетъ. Да и мірскихъ интересовъ, мірскаго хозяйства, въ волостяхъ, бѣльшею частью не существуетъ, отчасти потому, что въ настоящее время у большинства крестьянъ одна забота—заплатить подати и не умереть съ голоду, куда же тутъ думать о разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ, а отчасти и потому, что нѣтъ у крестьянъ удобныхъ средствъ и путей для осуществленія мірскихъ предпріятій, если бы желаніе и средства даже нашлись. По смыслу положенія, старшина предлагаетъ на разсмотрѣніе схода всѣ дѣла, касающіяся нуждъ и пользы волостнаго общества; если бы эта обязанность не была вытѣснена, то старшина, поговоривши съ общественниками, могъ бы и долженъ бы былъ принять на себя официальную инициативу на сходѣ и самъ лично осуществить предпріятіе способомъ, указаннымъ сходомъ. Но въ настоящую минуту, когда старшина самъ себя сознаетъ въ смыслѣ правительственнаго агента, а отнюдь не общественнаго представителя, когда онъ заваленъ дѣлами по взысканію податей и исполненію распоряженій начальства когда длинная практика его предшественниковъ не указала ему ни одного случая обсужденія общественныхъ интересовъ,— совершенно естественно, что старшина всѣми мѣрами старается затормозить всякій общественный вопросъ, если бы онъ даже и былъ поднятъ со стороны волости, въ лицѣ отдѣльных ея представителей. Однимъ словомъ, теперешній старшина по отношенію къ общественнымъ интересамъ своей волости точно то же, что чиновничье начальство относительно ходатайствъ со стороны общества: какъ бы ни были просты и доступны эти ходатайства, какъ бы они ни были въ данную минуту необходимы для мѣстности,—ничего другаго, кромѣ безконечной переписки и отказа, ожидать нельзя. Такимъ образомъ, я утверждаю, что для самыхъ разумныхъ и хорошо понимающихъ смыслъ выбора членовъ схода, *выборъ волостнаго старшины съ точки зрѣнія ихъ общественныхъ интересовъ безразличенъ; выбираетъ сходъ*

старшину не для себя, а для начальства, причѣмъ пассивною средою, на которой отражается дѣйствіе этого должностнаго лица, обязательно ему начальствомъ указанное, — является самъ выбирающій его мѣръ. При равнодушіи къ выборамъ неудивительно, что главную роль играетъ водка: опиваютъ тѣхъ, кто старается отдѣлаться и тѣхъ, кто самъ ищетъ или только соглашается принять на себя это званіе. Съ точки зрѣнія крестьянъ, это какъ бы вознагражденіе за явку на сходъ для исполненія обряда безразличнаго для нихъ выбора.

Поэтому я утверждаю, что пока останется прежнее значеніе старшины, ожидать хорошихъ результатовъ отъ выборовъ нельзя, ибо крестьяне вовсе въ нихъ не заинтересованы. Измѣненіе этого положенія волостнаго старшины должно произойти въ слѣдующемъ направленіи:

I. Совершенно устранить волостнаго старшину отъ наблюденія за поступленіемъ денежныхъ повинностей съ крестьянъ, чтобы возстановить нравственную связь между старшиной и волостнымъ обществомъ и снять съ него тотъ отпечатокъ враждебности, который несомнѣнно возникаетъ въ крестьянскомъ населеніи къ фискальному сборщику податей.

Самое нормальное — это учрежденіе особыхъ сборщиковъ подъ вѣдѣніемъ министерства финансовъ. Подобная мѣра измѣнила бы сразу не только положеніе старшины, но и отношенія полиціи къ населенію, которой также невозможно добиться довѣрія и уваженія, ибо она занимается взыскиваніемъ недоимки. Но я не знаю, въ какой степени подобная мѣра возможна по финансовымъ соображеніямъ правительства. Временно можно бы было ограничиться сосредоточеніемъ всѣхъ обязанностей по взиманію податей на избираемыхъ сельскими сходами сборщикахъ податей. По 67 ст. общ. пол., на сборщикъ и безъ того уже лежитъ наблюденіе за бездомочнымъ взносомъ для каждаго хозяина слѣдующихъ съ него платежей и представленіе сходамъ о неплательщикахъ для принятія мѣръ ко взысканію съ нихъ недоимокъ. Если къ этому прибавить еще составленіе тѣми же сборщиками описей по продажѣ крестьянскаго имущества за недоимку, производство продажъ съ разрѣшенія надлежащаго начальства при волостномъ правленіи и другія мѣры къ пополненію недоимокъ, поручаемыя въ настоящее время волостному старшинѣ, то не предвидится никакой нужды въ активномъ вмѣшательствѣ волостнаго старшины по взысканію податей и недоимокъ. Притомъ же это будетъ согласно и съ ду-

хоть положенія, гдѣ въ ст.ст. 83 и 84 общ. пол., перечисляющихъ обязанности волостнаго старшины, нигдѣ не говорится объ его участіи въ отправленіи крестьянами денежныхъ повинностей, за исключеніемъ п. 5 ст. 84, гдѣ сказано вообще: волостной старшина долженъ «наблюдать, какъ за сельскими старостами, такъ и за другими должностными лицами (въ томъ числѣ, разумѣется, и за сборщиками податей), чтобы каждый изъ нихъ исполнялъ въ точности свои обязанности». По ст.ст. 128 и 132 пол. о выкупѣ, ближайшее наблюденіе за своевременнымъ принятіемъ со стороны общества мѣръ взысканія съ недоимщиковъ, при выкупѣ земли цѣлымъ обществомъ, и ближайшее наблюденіе за своевременнымъ взносомъ домохозяевами выкупныхъ платежей, при выкупѣ земли отдѣльными домохозяевами, возлагается на волостное и сельское начальство. Здѣсь опять прямо и опредѣленно не указывается на волостнаго старшину. Между тѣмъ, произвольное толкованіе и измѣненіе этихъ статей привело къ тому, что остальные лица волостнаго и сельскаго управленія стусеивались, и главнымъ дѣйствующимъ и отвѣтственнымъ лицомъ по взысканію податныхъ недоимокъ сдѣлался волостной старшина. Отсюда видно, что, доказывая необходимость устраненія старшины отъ активнаго участія въ этомъ дѣлѣ, мы только возвращаемся къ первоначальному тексту положенія 19 февраля и желаемъ очищенія его отъ позднѣйшихъ прибавокъ, вредъ которыхъ выяснился довольно уже продолжительнымъ опытомъ.

II. Возможное сокращеніе полицейскихъ обязанностей, возложенныхъ на волостнаго старшину.

Подобное сокращеніе оказывается возможнымъ при учрежденіи урядниковъ; можетъ быть, предстоящая реформа полиціи дастъ возможность еще болѣе раздвинуть предѣлы этого сокращенія. Примѣняясь къ ст. 83 общ. пол., я полагалъ бы оставить за старшиной по полицейскимъ дѣламъ слѣдующія обязанности:

а) Охранять благочиніе въ общественныхъ мѣстахъ и безопасность лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, а также принимать первоначальныя мѣры для возстановленія нарушенной тишины, порядка и безопасности, впредь до распоряженія чиновъ полиціи.

б) Задерживать бродягъ, бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ и представлять ихъ полицейскому начальству.

в) Принимать полицейскія мѣры для открытія и задержанія виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ и представлять ихъ на дальнѣйшее распоряженіе подлежащаго начальства.

d) Распоряжаться въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при пожарахъ, наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, падежахъ скота и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ и немедленно доносить по принадлежности земской управѣ и полиціи о чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ волости.

e) Исполнять всѣ распоряженія начальства по призыву поступающихъ въ войска на дѣйствительную службу и чиновъ запаса, а также по сформированію ополченія и отправленію военно-фонской повинности.

f) Наблюдать за исполненіемъ распоряженій мѣсть и лицъ, которымъ порученъ надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ и за исполненіемъ приговоровъ волостныхъ судовъ.

g) Наблюдать за точнымъ исполненіемъ правилъ о припискѣ, увольненіи и переселеніи крестьянъ изъ одного сельскаго общества въ другое.

III. Возможно расширить участіе волостнаго старшины и инициативу въ дѣлахъ, касающихся общественныхъ интересовъ крестьянъ.

Примѣняясь къ ст. 84 общ. пол., обязанности волостнаго старшины въ этомъ случаѣ могли бы быть:

a) Предложеніе на разсмотрѣніе схода, по собственному почину или по инициативѣ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ волостному обществу, всѣхъ дѣлъ и вопросовъ, касающихся общественныхъ нуждъ и пользы, съ правомъ, по уполномочію схода, входить съ представленіемъ ко всѣмъ подлежащимъ начальственнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

b) Завѣдывать волостными мірскими имуществами, капиталами и сборами въ порядкѣ, указанномъ волостнымъ сходомъ, отвѣтствуя за цѣлость ихъ и правильность употребленія и отдавая ежегодные отчеты волостному сходу.

c) Надзирать за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и всякаго рода общественныхъ заведеніяхъ, если они учреждены волостнымъ обществомъ на свой собственный счетъ.

d) Исполнять порядкомъ, указаннымъ сходомъ, всѣ лежащія на крестьянахъ натуральныя повинности, какъ-то: исправленіе проселочныхъ дорогъ, содержаніе на рѣкахъ перевозовъ, содержаніе волостныхъ лошадей и проч.

e) Отводить мѣста подъ двory нуждающимся въ нихъ крестьянамъ, согласно съ указаніями схода, правилами строительнаго устава и обязательными постановленіями земства.

г) Выдавать членамъ волостнаго общества свидѣтельства для полученія ими паспортовъ и билетовъ на отлучку, а также свидѣтельство для перехода въ другія общества и сословія.

г) Наблюдать за цѣлостью, правильной выдачей и своевременнымъ возвратомъ хлѣба по сельскимъ запаснымъ магазинамъ, мѣра, совершенно необходимая при повторяющихся неурожаяхъ, въ виду совершенной невозможности исполненія этой задачи самой земской управой или черезъ мѣстную полицію.

h) Исполненіе распоряженій земства по отправленію взаимнаго земскаго страхованія и по другимъ предметамъ, касающимся облегченія крестьянскихъ нуждъ и поданія помощи живущему въ предѣлахъ волости населенію.

IV. Приданіе званію волостнаго старшины извѣстной самостоятельности, безъ которой никакая выборная должность не имѣетъ смысла.

Въ настоящее время судьба волостнаго старшины самая плачевная. Ежеминутно его можетъ посадить подъ арестъ исправникъ: стоитъ только ему составить постановленіе, что за волостью числится столько-то недоимки, старшина не принимаетъ никакихъ мѣръ къ ея пополненію и потому присуждается къ аресту на столько-то дней. Недоимка, къ услугамъ исправника, въ ббльшей или меньшей степени, что для составленія постановленія безразлично, — существуетъ почти въ каждой волости; а жалобу на подобное распоряженіе со стороны исправника старшина даже и подать не имѣетъ права. Уѣздное присутствіе, въ свою очередь, можетъ налагать на старшину взысканія въ опредѣленномъ размѣрѣ и окончательно удалить его отъ должности. Для послѣдняго требуется согласіе губернатора, но вѣдь это одна только формальность. Представленіе всегда написано въ такомъ тонѣ, что удалить старшину слѣдуетъ, повѣрять справедливость представленія губернаторъ не имѣетъ возможности и потому обязательно соглашается. Что же это за выборное лицо, которое безапелляціонно запирають подъ арестъ и окончательно прогоняють учрежденія и лица, хотя и начальственные, но въ опредѣленіи его на должность не принимавшія никакого участія, такъ какъ утвержденіе въ должности волостнаго старшины уѣзднымъ присутствіемъ имѣетъ значеніе чисто формальное, какъ, напримѣръ, утвержденіе въ должности предсѣдателя уѣздной земской управы губернаторомъ. Вѣдь не смотря на это утвержденіе и на то, что управа также исполняетъ распоряженія правительства по предметамъ своего вѣдомства, предсѣдателя уѣздной

управы никто не сажаетъ и не удаляетъ отъ должности. Почему же этой привиллегіей должно пользоваться единственное выборное лицо—волостной старшина? Между тѣмъ, въ виду подобныхъ болѣе или менѣе неизбѣжныхъ неприятностей, всѣ порядочные крестьяне, имѣющіе развитое чувство чести и сознание собственного достоинства, не идутъ въ волостные старшины и откупаются, смотря по обычаю, водкой, деньгами или простыми слезливыми просьбами, иногда затрагивающими сердца избирателей.

Поэтому для возстановленія значенія должности волостнаго старшины и для привлеченія сюда самыхъ порядочныхъ и почтенныхъ членовъ волостнаго общества необходимо распространить на волостнаго старшину то право, которымъ пользуются у насъ всѣ выборныя должностныя лица: подвергаться какому либо взысканіямъ или удаленію отъ должности не иначе, какъ по судебному опредѣленію.

Съ другой стороны, должно быть уничтожено право, предоставленное 86 и 64 ст. общ. положенія волостному старшинѣ и сельскимъ старостамъ, подвергать за маловажные полицейскіе проступки виновныхъ крестьянъ взысканіямъ въ размѣрѣ ареста не свыше 2 сутокъ, штрафа не свыше 1 рубля или назначеніемъ на общественныя работы до двухъ дней. Что это за выборныя лица, которыя могутъ сажать въ кутузку своихъ избирателей?! Вѣдь это чистый абсурдъ; вѣдь ни кому не придется въ голову предоставить право предсѣдателю уѣздной управы гласныхъ, напримѣръ, за разстройство своего хозяйства, вредное для земскаго благосостоянія, штрафовать или сажать подъ арестъ?!

Я полагаю, что, при такой постановкѣ должности волостнаго старшины, она пріобрѣтетъ надлежащее значеніе представителя и защитника крестьянскихъ общественныхъ интересовъ, поднимется въ глазахъ крестьянъ и возбудитъ въ нихъ такой, въ отношеніи къ себѣ, интересъ, что выборы уже не будутъ представляться безразличными. Я убѣжденъ, что если не сейчасъ, то въ возможно скоромъ времени, когда крестьяне фактически ознакомятся съ происшедшею переменою, они къ выборамъ отнесутся совершенно серьезно, и водка исчезнетъ безслѣдно, но крайней мѣрѣ какъ рѣшающій мотивъ. вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянское самоуправленіе, имѣя для себя почву, представителя и защитника, станетъ, наконецъ, на ноги и не будетъ какимъ-то мифомъ, существующимъ на страницахъ положенія, но мертворожденнымъ и неосуществившимся въ дѣйствительности. Вотъ для начала такого самоуправ-

ленія я и считаю необходимымъ правительственный надзоръ, чтобы дать ему окрѣпнуть и приготовиться къ совершенно независимому отправленію.

Правительственный надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ касается двухъ совершенно разнородныхъ сферъ, судебной и административной.

Ст. 109 общ. пол. говоритъ: «приговоры волостнаго суда по проступкамъ, подлежащимъ его разсмотрѣнію, считаются окончательными». Надо замѣтить, что подобное безапелляціонное значеніе волостныхъ судовъ не входило въ текстъ положенія, составленнаго членами редакціонныхъ комиссій: тамъ апелляціонною инстанціей предполагался судъ подъ предсѣдательствомъ мирового посредника изъ нѣсколькихъ волостныхъ судей. Почему эта инстанція отмѣнена была государственнымъ совѣтомъ при разсмотрѣніи и утвержденіи положенія, неизвѣстно; но опытъ показалъ, что приданное волостнымъ судамъ значеніе окончательно-рѣшающихъ не ограждаетъ интересовъ подсудныхъ имъ лицъ. Что же было сдѣлано? Здѣсь опять погубила *буква* положенія: чтобы оставаться вѣрными ст. 109, рѣшено было допустить самую внѣшнюю и необходимую форму обжалованія, кассационную. Но волостные суды никакими обязательными формальными обрядностями не стѣснены; въ уголовныхъ процессахъ они не имѣютъ въ виду закона, опредѣляющаго соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ; въ гражданскихъ искахъ они руководствуются мѣстными обычаями и не стѣсняются дѣйствующимъ законодательствомъ. Очевидно, что собственно кассационныхъ мотивовъ по отношенію къ волостнымъ судамъ не существуетъ. Поэтому прил. къ 109 ст. установило отмѣну рѣшеній волостныхъ судовъ только въ случаѣ принятія дѣлъ имъ неподсудныхъ, не вызова къ суду отвѣтчика и наложенія взысканій свыше установленныхъ ст. 102 общ. пол. по проступкамъ, подсуднымъ волостному суду. За то оно установило сразу *три* кассационныхъ инстанціи и только за послѣднее время онѣ сокращены до *одной*. Какъ ни пьянствуютъ волостные судьи, но все-таки мнѣ въ теченіи 20 почти лѣтъ не случалось читать жалобы на не принятіе неподсуднаго дѣла или на наложеніе превышающей мѣры взысканія: писарь подобной ошибки, слишкомъ грубой и явно уничтожающей приговоръ, не допустить. Что же касается до невызова отвѣтчика, то этого никогда повѣрять нельзя. Если бы для вызова установлена была извѣстная формальность, напримѣръ, повѣстка, какъ у мирового судьи, то дѣло рѣшалось бы прямо, и

отсутствие повѣстки удостовѣрило бы невызовъ отвѣтчика къ суду. Въ волостномъ же правленіи это дѣлается просто: судьи утверждаютъ, что они послали сторожа изъ правленія наганунѣ съ вызовомъ къ отвѣтчику, сторожъ говоритъ, что онъ отвѣтчика не видалъ, а сказалъ домашнимъ, домашніе говорятъ, что сторожа они не видали, отвѣтчикъ говоритъ, что онъ объ вызовѣ не слышалъ. Какъ тутъ разобратъ, былъ вызовъ или нѣтъ. Если принять, что вызовъ былъ, то вѣдь нѣтъ ни малѣйшей гарантіи, что судьи не врутъ, и что они не научали сторожа, а если принять что вызова не было, то всякій отвѣтчикъ будетъ при появленіи сторожа прятаться и научить домашнихъ показывать, что сторожа они не видали. Притомъ же и то и другое рѣшеніе нельзя назвать опирающимся на безспорные факты и доказательства. Поэтому всѣ отмѣны рѣшеній волостныхъ судовъ со стороны прежнихъ мировыхъ сѣздовъ и теперешнихъ крестьянскихъ присутствій были, есть и будутъ произвольныя толкованія и обходы законовъ; а всякія подобныя толкованія и обходы я считаю положительно вредными, хотя бы и въ видахъ возстановленія справедливости. Порядокъ въ обществѣ обезпеченъ только при полномъ уваженіи и буквально-точномъ исполненіи закона, каковъ бы онъ ни былъ, со стороны его исполнителей; иначе нѣтъ границъ произволу и въ однихъ рукахъ, этотъ произволъ направляется ко благу общества, а въ другихъ онъ содѣйствуетъ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ.

У меня всегда разливается желчь при разсмотрѣніи жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. Ихъ поступаетъ масса: крестьянинъ, при своемъ незнакомствѣ съ закономъ, признаетъ всегда себя правымъ и въ проигрышѣ дѣла, какое бы оно ни было не правое, видитъ несправедливость и притѣсненіе, поэтому онъ всегда жалуется до конца и почти всякое рѣшеніе волостнаго суда вносится въ уѣздное присутствіе проигравшею или недовольною стороною. Обыкновенно въ печатную форму вписывается имя жалующагося, названіе дѣла и вкратцѣ мотивъ обжалованія; затѣмъ слѣдуетъ печатное опредѣленіе: «за объясненіемъ просителемъ въ своей жалобѣ мотивовъ къ отмѣнѣ рѣшенія волостнаго суда, непредусмотрѣнныхъ приложеніемъ къ 109 ст. общ. пол., рѣшеніе утвердить и просителю въ его жалобѣ отказать». Попадаются часто рѣшенія ни на чемъ не основанныя, съ опущеніемъ самыхъ важныхъ доказательствъ которой либо изъ сторонъ, явно несправедливыя, возмутительно безобразныя: все одна и та же печатная форма отказа!

Воображаю, что думаетъ крестьянинъ, когда отъ него отбираютъ подписку о слышаніи рѣшенія присутствія, предварительно его вычитывая. Впервыхъ, онъ ничего не понимаетъ,—крестьянину трудно растолковать, почему дѣло не разбиралось по существу, а къ нему примѣнены кассационные мотивы, установленные прил. къ ст. 55. Во вторыхъ, рѣшеніе, напимѣрь, состоялось такое: беру фактъ дѣйствительно случившійся, а не вымышленный. Крестьянская дѣвушка поѣхала въ гости на лошади своего отца и, сидя тамъ, услышала шумъ, посмотрѣла въ окошко и увидѣла, что съ лошади сняли узду и ее угнали какіе-то два парня. Разумѣется, она выбѣжала, лошадь поймала, а парни съ уздой ушли, впрочемъ въ лицо она ихъ узнала. Отецъ принесъ жалобу въ волостной судъ. Судъ приговорилъ парнямъ возвратитъ узду и заплатить за озорничество 25 коп. штрафа, а дѣвушку высѣчь, за то, что она не хорошо хранила крестьянское добро. Отецъ принесъ жалобу въ мировой съѣздъ посредниковъ. Это было еще до отмѣны права волостныхъ судовъ съчь женщинъ. Съѣздъ прописалъ кабалистическую формулу отказа въ видѣ представленія въ жалобѣ мотивовъ, не предусмотрѣнныхъ приложеніемъ къ 109 ст. общ. пол., такъ какъ дѣвушкѣ назначено было узаконенное число 20 розогъ. Я воображаю, что подумалъ принесшій жалобу отецъ о мировомъ съѣздѣ и о самомъ законѣ, если съѣздъ не могъ защитить его дочь отъ подобнаго безобразнаго приговора потому, что законъ чего-то не предусмотрѣлъ.

Я поэтому убѣжденъ, что для волостныхъ судовъ несравненно важнѣе и должна быть непременно установлена апелляціонная инстанція. Всего лучше она можетъ быть выполнена въ формѣ, близкой къ проектированной членами редакціонной комиссіи. Если каждый мировой судебный округъ разбитъ будетъ на 4 части и въ каждую такую часть разъ въ годъ будетъ пріѣзжать участковый мировой судья, гдѣ, подъ его предсѣдательствомъ, составитсѣ присутствіе изъ волостныхъ судей, по одному съ каждой входящей въ составъ этой части волости, по выбору остальныхъ судей, то подобная обязанность для всякаго мирового судьи удобоисполнима. Это присутствіе обязано разобрать въ апелляціонномъ порядкѣ всѣ жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ, поступившія изъ волостей, входящихъ въ составъ части, гдѣ присутствіе засѣдаетъ. Если всѣ участвующія въ дѣлахъ лица заблаговременно вызваны, то для подобнаго разбора потребуется 3—5 дней. Противъ такого проекта можно сдѣлать одно возраженіе: долго проле-

жать жалобы до времени ихъ разбирательства. Дѣйствительно, если жалоба поступила на другой день послѣ закрытія сессіи въ извѣстной части, то она поступить къ разбору только черезъ годъ. Но вѣдь все на свѣтѣ относительно и можетъ быть осуществлено по мѣрѣ возможности. Возлагать на обязанность участковыхъ мировыхъ судей болѣе частое открытіе подобныхъ сессій—значить, излишне ихъ затруднять, и послѣдствіемъ будетъ только то, что болѣшая часть самыхъ дѣльныхъ и полезныхъ мировыхъ судей уйдетъ, а замѣнить ихъ въ соотвѣтствующей степени не найдется охотниковъ. Затѣмъ въ настоящее время жалобы валяются по цѣлымъ годамъ и только для того, чтобы выслушать неизбежно отказъ, какъ бы онѣ не были справедливы по существу. Не существенный-ли будетъ выигрышъ, что только въ крайнемъ, исключительномъ случаѣ жалобы поступятъ къ разсмотрѣнію черезъ годъ, — но по крайней мѣрѣ обязательно и получатъ правильное разрѣшеніе, сообразное съ обстоятельствами дѣла, а не чисто формальный отказъ.

Затѣмъ перехожу къ устройству надзора за крестьянскимъ управленіемъ съ административной стороны.

Я начну съ замѣчанія, что при измѣненіи значенія волостнаго старшины и сельскаго старосты *) въ смыслѣ, главнымъ образомъ, представителей общественныхъ интересовъ и при лишеніи ихъ права налагать взысканія на крестьянъ, случаи столкновенія ихъ съ отдѣльными личностями почти вовсе прекратятся. А такъ какъ большинство жалобъ на лицъ волостнаго и сельскаго начальства поступало именно вслѣдствіе столкновенія ихъ съ отдѣльными лицами, то, съ прекращеніемъ подобныхъ жалобъ, число дѣлъ значительно уменьшится. Кромѣ того, я убѣжденъ, что выборы, имѣющіе произойти при измѣнившихся условіяхъ, дадутъ совершенно другіе результаты и привлекутъ на должность волостныхъ старшинъ лицъ болѣе трезвыхъ, способныхъ и честныхъ. Это также должно способствовать упрощенію надзора. Затѣмъ вмѣшательство въ главную функцію крестьянскаго управления — общественные дѣла и вопросы должно ограничиться самымъ отдаленнымъ и чисто формальнымъ надзоромъ, ибо общественное дѣло тогда только спорится и совершенствуется, когда оно пользуется возможно широкою самостоятельностью. Пусть на первыхъ порахъ будутъ ошибки

*) Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ значенія волостнаго старшины, соотвѣтственно должно быть измѣнено и значеніе сельскаго старосты; подробно же объяснять эту статью я счелъ излишнимъ, такъ какъ характеръ такого измѣненія совершенно ясенъ и безъ излишнихъ толкованій.

и злоупотребленія: общество само доработается до ихъ уничтоженія. Напротивъ, опека, какъ бы она ни была благонамѣренна, развиваетъ пассивное отношеніе къ дѣлу и, въ концѣ концовъ, гибель его, какъ гибнетъ все, живущее чужою помощью и не накопившее силъ къ борьбѣ за свое существованіе.

Поэтому въ каждомъ уѣздѣ, соотвѣтственно его пространству, числу населенія и расположенію волостей, я полагалъ бы учредить одно или нѣсколько лицъ, которымъ поручается надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Назначеніе этихъ лицъ я полагалъ бы поручить попережнему соглашенію уѣзднаго предводителя дворянства съ губернаторомъ. Эта комбинація имѣетъ свои хорошія стороны: здѣсь предводитель является лицомъ, знакомымъ съ мѣстными людьми, способными занять эту должность, а губернаторъ представителемъ общей оцѣнки, независимой ни отъ какихъ мѣстныхъ соображеній. Необходимо только дополнить, какъ поступить, если такого соглашенія не состоится. По смыслу закона, здѣсь рѣшающей инстанціей является правительствующій сенатъ: оба несогласныя лица должны каждый представить отъ себя сенату подробное изложеніе мотивовъ отказа принять рекомендованнаго другимъ кандидата, и тогда правительствующій сенатъ, взвѣсивъ доводы въ обоихъ представленіяхъ, безъ сомнѣнія, получитъ возможность остановиться на томъ, чья рекомендація менѣе страдаетъ въ протестъ своего противника. Для поступленія на эту должность не требуется никакихъ сословныхъ и цензовыхъ условій, а равно принадлежности къ тому именно уѣзду, куда послѣдуетъ назначеніе. Но самостоятельность этихъ лицъ должна быть нѣсколько ограждена: они не могутъ быть ни переведены противъ желанія, ни подвергнуты какому, либо взысканію, ни быть устранены отъ должности иначе, какъ по суду.

Этимъ лицамъ должно быть поручено:

1) Наблюдать за правильностью составленія волостныхъ и сельскихъ приговоровъ, съ правомъ отмѣны приговоровъ, неправильныхъ съ формальной стороны, т. е. составленныхъ при незаконномъ числѣ членовъ, съ подложными подписями и проч. Для приученія крестьянъ къ правильному составленію приговоровъ, надзирающій долженъ по возможности часто посѣщать волостные и сельскіе сходы и, присутствуя при самомъ обсужденіи въ качествѣ посторонняго зрителя, — по окончаніи схода повѣрить число присутствующихъ и способъ рукоприкладства за неграмотныхъ.

2) Наблюдать за порядкомъ и правильностью дѣлопроизводства въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ и направлять его своими указаніями.

3) Наблюдать, чтобы волостныя и сельскія начальства не выходили изъ предѣловъ предоставленныхъ имъ правъ и возложенныхъ на нихъ обязанностей; въ случаѣ серьезнаго превышенія власти, возбуждать противъ нихъ преслѣдованія судебнымъ порядкомъ..

4) Наблюдать, чтобы волостные старшины ежегодно представляли сходу отчетъ о порядкѣ храненія, завѣдыванія и расходванія общественныхъ имуществъ, капиталовъ и сборовъ.

5) Принимать жалобы на лицъ волостнаго и сельскаго управленія, требовать отъ нихъ объясненія, производить мѣстныя дознанія и собирать всѣ нужныя свѣдѣнія; и затѣмъ, если жалоба окажется справедливою, передавать ее въ установленномъ порядкѣ прокурорскому надзору, для внесенія въ надлежащее судебное мѣсто.

6) Имъ же могутъ быть поручены и дѣла о выкупѣ.

Я полагаю, что всякое уѣздное коллегіальное учрежденіе по надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ излишне и составляетъ только неумѣстный тормазъ. Но губернское присутствіе необходимо и должно получить значеніе инстанціи, рассматривающей всѣ жалобы на уѣздныхъ органовъ надзора и утверждающей выкупныя сдѣлки. Всѣ прочіе предметы его вѣдомства я считаю безполезными.

Н. Колюпановъ.

С. Рождественское.
31 Октября 1880 года.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Извѣстія о бѣдственномъ экономическомъ положеніи населенія. Необходимыя измѣненія въ нашей финансовой системѣ. Надежды на сенаторскую ревизію и опасенія относительно *саратовскаго полошка*. Роль печати. Комиссія по пересмотру цензурныхъ правилъ. Управленіе народнымъ образованіемъ.

Либеральные журналы и газеты уже давно и настойчиво говорят о неурожаѣ, о бѣдствіяхъ, постигшихъ наше крестьянство. Газеты противоположнаго направленія сначала твердили о томъ, что *мѣстные* недороды хлѣба не вредятъ *общему* благосостоянію государства; но въ послѣднее время и эти органы печати признали существованіе бѣды. Такимъ образомъ, русская интеллигенція внимательно отнеслась къ народному горю, заботливо изыскиваетъ средства къ его устраненію, оказывая этимъ незамѣнимую услугу и высшему правительству. Размѣровъ неурожая и крестьянской нужды съ точностью никто не можетъ опредѣлить, но, во всякомъ случаѣ, требуются и десятки милліоновъ рублей, и умѣлыя руки для распоряженія ими. Представимъ нѣсколько данныхъ, указывающихъ на бѣдственность нашего экономическаго положенія.

Жители бузулукскаго уѣзда и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей самарской губер., раззоренные вслѣдствіе третьяго сряду неурожая, бросаютъ свои земли, тащатся въ степь, думая гдѣ-то подальше найти и удобное мѣсто для поселенія, и достатокъ. «*Оренбургскій Листокъ*» угадываетъ вѣроятную судьбу, то есть окончательное раззореніе этихъ несчастныхъ.

Бѣда за бѣдою такъ и идутъ на нашъ злополучный народъ, пишутъ изъ Чермозкаго завода въ «*Екатеринбургскую Недѣлю*»: воды въ заводскомъ прудѣ становится мало, работы отъ этого на заводѣ также скоро будетъ мало, хлѣбъ, между тѣмъ, все дорожаетъ, а зарабатывать денегъ негдѣ. Самарское губернское земство опредѣляетъ размѣръ ссуды, необходимой мѣстному населенію на обмѣненіе полей, въ 918,139 рублей, и этотъ расчетъ, по отношенію къ нѣкоторымъ уѣздамъ, ниже дѣйствительно требующейся величины ссуды. *) Ржаной печеный хлѣбъ въ Аст-

*) Волга, № 385.

рахани поднялся до 5 коп. за фунтъ. Въ началѣ октября онъ стоялъ въ Новочеркасскѣ 3¹/₂ коп. *) По свѣдѣніямъ «Новороссійскаго Телеграфа», въ одесскомъ уѣздѣ озимые хлѣба погибли еще до апрѣля, ленъ сильно поврежденъ гусеницей, гречиха и просо пострадали отъ засухи, сѣна очень мало. Цѣны на хлѣбъ страшно повышаются, цѣны на скотъ падаютъ. Въ могилевскомъ уѣздѣ (каменецъ-подольской губерніи) урожай свекловицы повсемѣстно ниже средняго, рожь дорожаетъ, падежъ рогатаго скота не уменьшается. Изъ Кривичей, вилейскаго уѣзда, пишутъ въ «Виленскій Вѣстникъ», что падежъ скота становится тамъ повальнымъ. Въ окрестностяхъ Минска и Гомеля цѣны на хлѣбъ стоятъ высокія, только овесъ упалъ въ цѣнѣ. Сало свиное дошло до баснословной дороговизны: пудъ стоитъ до 11 рублей. **) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Херсонской губерніи, сообщаетъ «Одесскій Вѣстникъ» ***), сильно падаютъ овцы. Крестьяне царичинскаго и камышинскаго уѣздовъ, говоритъ «Саратовскій Дневникъ», массами идутъ на зимовку во внутреннія и сѣверныя губерніи. Въ «Молву» ****) пишутъ изъ нерехотскаго уѣзда (костромской губерніи), что тамъ невѣроятная дороговизна на всѣ предметы первой необходимости. Въ началѣ года ржаная мука продавалась по 1 рублю 5 к. пудъ, теперь она выше 1 р. 70 к. Моршанскій корреспондентъ «Русскаго Курьера» сообщаетъ, что и въ этой мѣстности страшная дороговизна. Не менѣе печальныя вѣсти пишетъ корреспондентъ этой послѣдней газеты изъ Богучара, Воронежской губерніи. Въ Твери четверть ржи девятипудоваго вѣса, стоявшая въ прошломъ году 8 р., теперь продается по 16 р. *) Въ псковской губерніи, по свѣдѣніямъ «Голоса», урожай ржи—ниже средняго, цѣны на хлѣбъ небывало высокія. «Мольбы крестьянскаго населенія о хлѣбѣ уже начали раздаваться, а въ запасныхъ магазинахъ хоть шаромъ покати», восклицаетъ корреспондентъ Голоса изъ Дорогобужа. **) Въ таврической губерніи, по свѣдѣніямъ *Правительственнаго Вѣстника* ***), урожай неудовлетворителенъ.

Незачѣмъ продолжать выписокъ: тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производятъ и приведенныя данныя. Но для того, чтобы читателю живѣе представилось народное горе, я приведу сообщеніе о голодѣ въ одномъ изъ уголковъ купянскаго уѣзда, харьковской губерніи. Вотъ, что пишетъ намъ человекъ, на полную добросовѣстность котораго должно положиться, такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу профессоровъ харьковскаго университета

*) Донской Голосъ, № 77.

**) Виленскій Вѣстникъ, № 208.

***) № 241.

****) № 286.

*) Тверской Вѣстникъ, № 43.

**) Голосъ, № 309.

***) Правительственный Вѣстникъ, № 239.

•Свѣдѣнія относятся къ той части купянскаго уѣзда, которая расположена на правой, нагорной сторонѣ рѣки Оскола, по близости слободы Сенькова, и вмѣщаетъ въ себѣ западныя полосы волостей сеньковской и гороховатской.

Урожай въ этомъ уголкѣ у крестьянъ былъ плохъ въ 1879 году. Озимый хлѣбъ былъ поврежденъ жучками. Яровое, посѣянное до Пасхи (1 апрѣля), дало хорошую жатву. Посѣянное на еоминной недѣлѣ (съ 8 апрѣля) и позднѣе почти все погибло отъ майской засухи. На запросы—почему жъ не спѣшили посѣвомъ—получался одинъ и тотъ же отвѣтъ: «не успѣли, не управились».

По уборкѣ хлѣба оказалось, что и умолотъ былъ плохъ, ниже средняго. Въ иныхъ хозяйствахъ онъ давалъ только 1 мѣру съ копны.

Зима грозила бѣдствіями.

Цѣна ржи стояла лѣтомъ 1879 года 5 р. за четверть. Съ сентября она стала возвышаться и дошла до 10 и 12 р. къ веснѣ 1880 года. Еще въ октябрѣ прошлаго года доходили до меня слухи, что въ окрестностяхъ Сенькова стали питаться хлѣбомъ, изготовленнымъ изъ желудей, на которые былъ чрезвычайный урожай во всѣхъ окрестныхъ, еще сохранившихся, лѣсахъ.

Въ июнѣ 1880 года я засталъ въ этой мѣстности твердо установившіяся цѣны: пудъ ржаной муки 1 р. 25 к.—1 р. 30 к., пудъ пшеничной 1 р. 50 к., ячной и гречневой 1 р. 10 к. и выше, мѣра пшена 2 р. 25 к.

Неурожай 1880 года въ этой же мѣстности какъ бы приравнивалъ цѣны на всѣ хлѣба. Въ концѣ августа въ слободѣ Сеньковѣ были базарные дни, когда и за рожь, и за ячмень, и за пшеницу, и за гречиху платили 3 рубля за мѣшокъ (чувалъ) муки, т. е. около 1 р. 50 к. за пудъ муки всякаго хлѣба. Постоянные дожди въ августѣ мѣшали молотбѣ хлѣба настоящаго сбора. Поэтому въ теченіе всего августа мѣсяца, на сеньковскихъ водяныхъ мельницахъ молотся крестьянами одинъ только ячмень прошлогодняго урожая *).

Хлѣбный общественный магазинъ въ слободѣ Сеньковѣ опустѣлъ за зиму 1879—1880 г.

То же было и въ другихъ мѣстахъ. Въ деревнѣ Геновѣ выдавали изъ общественнаго магазина по 1 четверти хлѣба (ржи и ячменя) на надѣлъ. Въ деревнѣ Пришибѣ выдавали на надѣлъ 1 мѣру, 2, 3 и 4 мѣры, смотря по нуждѣ. Въ Пришибскомъ общественномъ магазинѣ оставалось къ 1 іюля сего года на лицо всего 6 мѣръ ячменя.

*) Въ прежніе годы за помолъ на простыхъ водяныхъ мельницахъ бралось по обычаю 2 ковшы съ мѣшка (2 мѣры) всякаго хлѣба, или $\frac{1}{10}$. Съ сентября 1879 года установились новыя условія: съ мѣшка (2 мѣры) берутъ только $1\frac{1}{2}$ ковшы ($\frac{1}{15}$ часть) и даже 1 ковшъ ($\frac{1}{30}$), лишь бы только была работа.

Въ двухъ послѣднихъ деревняхъ покупали хлѣбъ уже съ декабря прошлаго года. Не покупали хлѣба: въ Пришибѣ (изъ 36 семействъ) только 1 семейство, въ Геновѣ (изъ 33 семействъ) только 5.

Къ 1-му іюля сего года приступлено было къ энергическимъ мѣрамъ для взмысканія податей, которыхъ никто въ свое время не платилъ.

Въ слободѣ Сеньковѣ, сл. Гороховаткѣ, деревнѣ Пришибѣ указывали мнѣ на семейства, оставшіяся прошлою зимою по 3 сутокъ безъ пищи.

Но самыя печальныя вѣсти, которыя только до меня доходили, относились къ хутору Бѣлому (сеньковской волости, въ 7 верстахъ отъ слободы Сенькова).

На сеньковской почтовой станціи *) прожилъ всю зиму ямщикомъ крестьянинъ изъ этого хутора, получая поденную плату 10 к. въ день. Поработавъ 6 дней и получивъ 60 к., онъ въ воскресный день покупалъ на сеньковскомъ базарѣ 4 печеныхъ хлѣба и уходилъ съ ними домой, въ свой хуторъ для недѣльнаго харчеванія семьи. Хлѣба на его нивѣ не уродило. Были только запасы картофеля. Его варили постоянно. Купленный же на сеньковскомъ базарѣ хлѣбъ ѣли оставшіеся дома члены семьи въ теченіе всей недѣли только ломтиками.

Одинъ изъ крестьянъ хутора Бѣлаго ѣлъ хлѣбъ изъ желудей.

Наконецъ, одинъ горемыка, имѣвшій до 10 душъ семейства и всего одинъ надѣлъ (и то дарственный), указалъ мнѣ прямо на семейства двухъ братьевъ Люшныхъ, въ хуторѣ Бѣломъ, которыя всю зиму питались только желудями. Онъ рассказалъ и нѣкоторыя подробности: «желуди мололи на вѣтрякахъ, такъ какъ, по его мнѣнію,—не будутъ пакостить» для этого водяныхъ мельницъ. У обоихъ братьевъ есть надѣлъ. Но оба ушли на Донъ на заработки. Жена одного изъ братьевъ покупаетъ по воскреснымъ днямъ хлѣбъ на сеньковскомъ базарѣ. Отъ нея-то онъ слышалъ, что хлѣбъ изъ желудей—«гиркій хлѣбъ».

«У! бѣдно живутъ!» закончилъ онъ рассказъ съ нервнымъ содроганіемъ въ лицѣ.

Воскличаніе горемыки, знавшаго всю жизнь одни только «недостатки», меня поразило. Мнѣ стало ясно, что есть еще болѣе глубокія бездны челоѣческой нищеты, которыя и для горемыки кажутся чѣмъ-то ужаснымъ.

Попытки мои—отыскать семейства Люшныхъ на хуторѣ Бѣломъ были однако безуспѣшны. Люшныхъ на хуторѣ не оказывалось. Люди «порядка» увѣрили меня, что слышанное мною—чистый вздоръ, что распускающихъ такой вздоръ слѣдуетъ сажать въ «холодную», и просили меня—назвать ихъ по имени. Я сообщилъ это горемыкѣ. Тогда онъ энергически принялся за розыскваніе знакомой ему женщины, которая все лѣто про-

*) По показанію содержателя станціи, работника можно было содержать прежде за 4 рубля въ мѣсяцъ. Содержаніе его обходится теперь въ 8 рублей. Припомнимъ, что мѣра пшена стоитъ теперь 2 р. 25 к. вмѣсто 1 р.

вела на поденщинѣ, — нашелъ ее на поляхъ одного землевладѣльца на работѣ и привелъ ее ко мнѣ.

Оказалось, что «Лышной» — уличное прозвище. Настоящая фамилія семейства—Гнетенко:

Преде мною стояла сильная, здоровая, съ загорѣлымъ лицомъ женщина, видъ которой не давалъ мнѣ никакого повода предполагать, чтобы она кормилась всю зиму одними желудями. Она поспѣшила объяснить, что все лѣто она проводитъ на чужой работѣ и отъ чужихъ харчей поправилась. «На чужой работѣ,—говорила она,—и шматокъ (кусокъ хлѣба) какъ слѣдуетъ, а дома, какъ отъ вѣтру, валишься. Дѣти ходятъ, какъ мученыя. Мужъ распухъ отъ пищи,—и, больной, ушелъ на заработки».

Съ какою-то радостію она сообщила мнѣ, что съ Петрова дня (29 іюня) положеніе ея семейства улучшилось: вмѣсто хлѣба изъ желудей, они имѣютъ теперь хлѣбъ изъ межитки.

Я заказалъ ей хлѣбъ изъ обоихъ матеріаловъ и просилъ ее принести и образцы самыхъ матеріаловъ, имѣя въ виду сельско-хозяйственную выставку въ Харьковѣ въ октябрѣ сего года, гдѣ эти предметы могли бы занять видное мѣсто въ отдѣлѣ продовольственномъ.

Хуторъ Бѣлый состоитъ собственно изъ двухъ хуторовъ: Вышаго Бѣлаго (37 дворовъ и 42 жилыхъ строенія) и Низшаго Бѣлаго, Игнатенковъ тожъ, (48 дворовъ и 52 жилыхъ строенія). Онъ составляетъ часть сеньковского общества. Съ трехъ сторонъ (исключая сѣверной) онъ окруженъ землями и лѣсами частныхъ землевладѣльцевъ. Населеніе его, раскинувшееся по балкамъ и оврагамъ,—уничтоживъ близъ лежащіе общественные лѣса, является постоянною грозою для сосѣднихъ лѣсовладѣльцевъ.

Какъ во всякомъ хуторѣ есть и тутъ богатые крестьяне, изъ древнѣйшихъ поселенцевъ, владѣющіе въ чертѣ самаго хутора до 20 и болѣе десятинами одной усадьбы *). Но бѣдняку хорошо извѣстно, что за все отхваченное въ разное время отъ общества, каждый разъ поставленъ былъ тому же обществу въ соответственномъ (и признанномъ справедливымъ) размѣрѣ магарычъ, безъ котораго въ предѣлахъ крестьянскаго міра не происходитъ ни одинъ общественный актъ. Воспоминаніе объ этомъ магарычѣ охраняетъ владѣніе землею надежнѣе всякихъ крѣпостныхъ актовъ и вводныхъ листовъ.

Нынѣшній годъ уже третій, кончающійся для бѣлянъ полнымъ недоходомъ хлѣба. Жукъ, сгоняемый веревками съ полей сосѣднихъ землевладѣльцевъ, уничтожилъ весь хлѣбъ хуторянъ въ этомъ году. Имъ при-

*) Зимой прошлаго 1879—1880 года, когда у всѣхъ овцеводовъ въ окрестности истощились запасы сѣна, у одного изъ крестьянъ хутора Бѣлаго оказались трехлѣтніе запасы сѣна. Онъ продалъ 3 стога по 80 р. каждый. Въ его усадьбѣ 21 десятина. Своихъ рабочихъ этотъ богачъ кормилъ также желудями, а по скуности и самъ ѣлъ хлѣбъ изъ желудей.

дется переживать тяжелую зиму, и о прошлогодней, можетъ быть, будутъ вспоминать со вздохомъ.

Въ зиму 1879—1880 г. на обѣихъ хуторахъ (состоящихъ изъ 85 дворовъ) только 10 дворовъ не покупало хлѣба. Остальные домохозяева покупали хлѣбъ и то мѣшали его съ мякиною отъ пшена, то съ сухими толчеными грушами (на которыя также былъ урожай въ 1879 году въ сосѣднихъ лѣсахъ), съ отрубями и межиситкою; случалось, что подмѣшивали и муки изъ желудей. Но только два семейства Люшныхъ въ хуторѣ Вышемѣ Бѣломѣ питались всю осень, зиму и весну однимъ только хлѣбомъ изъ желудей. Когда наконецъ запасъ муки желудиной сталъ истощаться, то на Петровъ день (29 іюня) желудь былъ замѣненъ межиситкою.

Жена младшаго Гнетенко, Аксенія, дала мнѣ показанія, записанныя мною почти дословно.

Семейство Григорія Гнетенко состоитъ изъ 9 душъ: мужа, жены Аксеніи, 2 мальчиковъ, 4 дѣвочекъ и старой полуслѣпой матери Григорія.

Осень 1879 года открывалась для Гнетенковыхъ полнѣйшимъ отсутствіемъ запасовъ хлѣба. Дѣти начали пухнуть отъ голода. «Пухнуть они и до сихъ поръ», прибавила Гнетенко.

Тогда Гнетенки стали прислушиваться къ разсказамъ стариковъ, вспоминавшихъ голодные годы, когда люди питались желудями. Такимъ образомъ, первая мысль о желудяхъ брошена была на улицѣ, среди вечернихъ разговоровъ.

Гнетенки рѣшились испробовать «новый» хлѣбъ. Какъ только стали падать желуди, Григорій Гнетенко купилъ 5 мѣръ желудей (по 25 к. за мѣру), потомъ прикупилъ еще, такъ что весь запасъ составилъ 16 мѣръ (на 4 р.). Этотъ запасъ осенью же смололи въ вѣтрянкѣ; причемъ за перемоль заплатили по 5 к. отъ мѣры.

Хлѣбъ изъ этой муки начали ѣсть; отъ Воздвиженія по 29 іюня 1880 г. потреблено было около 15 мѣръ. Въ этотъ день оставалась всего 1 мѣра въ кадушкѣ, про запасъ. Въ этотъ же день куплено было 1½ п. мяжеситки (по 60 к. за пудъ).

Въ жарко-вытопленную печь кладутся желуди на всю ночь и въ ней они сушатся. На мельницу поступаютъ желуди съ шелухою. Затѣмъ полученная мука просѣвается сквозь сито, при чемъ отдѣляется отъ нея шелуха.

При изготовленіи хлѣба необходима ржаная мука. Приготавливается сначала опара изъ ржаной муки (примѣрно фунтовъ 5). Затѣмъ ее замѣсятъ мукою изъ желудей по вѣсу въ 3 раза болѣе противъ ржаной (слѣдовательно, фунт. 15), сейчасъ же сажаютъ въ печь (такъ какъ хлѣбъ изъ этой смѣси подойти не можетъ) и хлѣбъ печется, какъ обыкновенный, ржаной.

Хлѣба пекутся небольшіе (большой хлѣбъ разваливался бы); поэтому хлѣбъ выходитъ низкій, расплюснутый, растрескавшійся, цвѣта землянаго.

Хлѣбъ этотъ ѣдятъ понемногу. Съѣсть его много никто не въ состояніи; притомъ безъ борщу и ѣсть его нельзя. Поэтому ѣдятъ его вмѣстѣ съ борщомъ. Самый борщъ въ семействѣ Гнетенко приготовлялся изъ серевца (кваса), капусты, бурака или свеклы, затирался (заправлялся) онъ мукою съ примѣсью цыбули (луку), петрушки или укропу, но рѣдко для заправки находилось сало (свиное) или конопляное масло. Соль прибавлялась въ ничтожномъ количествѣ.

Этой пищей въ семействѣ Гнетенко питались утромъ и вечеромъ. Другаго почти ничего не было. Пшено и гречневая крупа попадали въ хозяйство случайно и рѣдко. Пшеничныхъ галушекъ никогда не бывало. За отсутствіемъ коровы, дѣти лишены были необходимой для нихъ пищи—молока и молочной пшенной каши.

Послѣ такой пищи, рассказываетъ Аксенія Гнетенко, «во рту потерпеть. Затѣмъ тошнить и начинается рвота, особенно у дѣтей. Какъ только дитя поѣло, сейчасъ же и открывается рвота».

Я не отваживался попробовать хлѣба изъ желудиной муки, принесеннаго мнѣ Аксенію Гнетенко. Объясненіе по этому поводу будетъ не лишнимъ. Гнетенко нашла меня на берегу рѣки. Въ складкахъ хлѣба, принесеннаго мнѣ Гнетенко, нашелъ я плѣсень (хлѣбъ былъ выпеченъ два дня тому назадъ). Собираясь удалить эту плѣсень, я нечаянно уронилъ половину распавшагося хлѣба на землю. Три лѣсныхъ собаки, привыкшія ко всякой пищѣ, бросились на хлѣбъ, но, обнюхавъ, не тронули его и отошли прочь. Я поднялъ кусокъ, раздробилъ на части и бросилъ въ воду. Хлѣбъ тонулъ въ водѣ, но рыба не клевала.

Слезы брызнули изъ глазъ бѣдной женщины. «Собава не ѣсть, рыба не клюеть», сказала она, а дѣти мои ѣдятъ тотъ хлѣбъ шѣ дня (изо дня въ день»).

И этотъ хлѣбъ ѣли 2 семейства изо дня въ день 10 мѣсяцевъ! Великъ Богъ земли русской: въ обѣихъ семействахъ не было за это время ни одного смертнаго случая!

Но бывали дни зимою, когда не хватало и такого хлѣба, такъ какъ выходилъ запасъ ржаной муки, необходимой для опары.

Единственное средство къ покупкѣ ржанаго хлѣба представляла работа самой хозяйки. Она брала на сторонѣ прядево и пряла нитки для холста. За работу получала миску пшена или муки. Когда такой работы не было, она оставляла дѣтей дня на два, ходила на поденщину и зарабатывала хлѣбъ. Безъ ея работы семейство бы погибло.

И все же настало, наконецъ, такое время, когда изсякли всѣ источники заработковъ. Случилось, что въ теченіе трехъ сутокъ никто въ домѣ и крохи не видѣлъ. Тогда пущенъ былъ въ оборотъ единственный надѣлъ (5 десятинъ), находившійся во владѣніи Гнетенко. (Тягла у него не было. Обработка земли на свой счетъ была немислима). Три десятины отданы были подъ сѣнокосъ, трому за мѣру, тому за коробку ($\frac{1}{2}$ мѣры)

муки. Одна десятина уступлена была зимою подъ пахоть за 2 мѣры ржи (2 р. 60 к.); одну десятину отдали изъ бороздны (т. е. съ копны). Но хлѣбъ на послѣдней десятинѣ (скопшинѣ) поѣденъ былъ жуками въ 1880 году, и семейство осталось на зиму безъ всякихъ запасовъ хлѣба еще одинъ разъ, какъ и въ прошломъ году.

Раздавши другимъ землю, самому Гнетенко не осталось ничего болѣе, какъ искать себѣ заработковъ внѣ дома.

Съ братомъ Мирономъ они рѣшились отправиться на Донъ. Но Миронъ пошелъ на косовицу за недѣлю до Николая (9 мая). Большой Григорій запоздалъ и, отправившись позднѣе, попалъ на Кубань.

Съ Петрова дня желудь въ семействѣ Григорія Гнетенко вытѣснился межезиткою. Въ этотъ день на крупчаткахъ въ сл. Гороховаткѣ куплено 1½ пуда за 90 к.

Хлѣбъ изъ межезитки сравнительно съ хлѣбомъ изъ желудей—просто роскошь. Замѣна эта какъ-бы свидѣтельствовала, что и для семьи Гнетенко лучшіе дни наступили. Хлѣбъ изъ межезитки, на видъ желтоватый, выходитъ и лучшій на вкусъ. Выпеченный, онъ трескается, изрѣзывается складками, но въ нихъ не такъ скоро замѣчается плѣсень. Нужно, однако, умѣть его приготовить. И здѣсь нужна ржаная мука.

Хлѣбъ изъ межезитки готовится такъ. Дѣлается опара 5 фунт. ржи и 5 фунт. межезитки и потомъ замѣшивается 20 фунт. одной межезитки. Изъ этой смѣси выходитъ 8 хлѣбовъ средней величины. Какъ только замѣсятъ, сейчасъ же сажаютъ и въ печь, чтобы тѣсто не подходило. Хлѣбъ въ такомъ случаѣ будетъ слаще. Если жъ, по замѣшиваніи, тѣсто перестойтъ (т. е. его сейчасъ же въ печь не посадить), то хлѣбъ выйдетъ осколоватый (т. е. очень кислый), и ѣсть его нельзя.

Сдѣлаю еще здѣсь небольшую замѣтку о дрожжахъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Хмѣль здѣсь дорогъ (40 к. за фунтъ). Его имѣютъ немногіе. Растетъ онъ въ описываемой мѣстности только въ частныхъ лѣсахъ, и лѣсники собираютъ его и для собственной надобности, и для продажи. А потому въ крестьянскихъ хозяйствахъ дрожжи дѣлаются рѣдко, а вмѣсто настоящихъ дрожжей употребляется тѣсто, оставшееся послѣ печенія хлѣба на стѣнкахъ дижки (кадушки) или макитры. Впрочемъ, я рѣдко встрѣчалъ макитры въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И горшки сдѣлались дороги для народа съ тѣхъ поръ, какъ стало невыгодно мѣнять ихъ на хлѣбъ. Обмѣнъ же производился прежде на такихъ условіяхъ: горшокъ отдавался за такое количество зерна, какое въ него войдетъ. Почти всегда для опары употребляется деревянная дижка. Со стѣнки этой посуды соскабливаютъ оставшееся тѣсто, сейчасъ же подмѣшиваютъ его мукою и оставляютъ такъ до печенія слѣдующаго хлѣба, сохраняя его въ холодномъ мѣстѣ, чтобы оно не высохло. Этотъ кусокъ тѣста кладутъ въ опару вмѣсто настоящихъ дрожжей. Хлѣбъ отъ такихъ дрожжей выходитъ низ-

ній, тверже и кислѣе. И такого качества хлѣбъ встрѣчается почти во всѣхъ крестьянскихъ хозяйствахъ!

Для покупки межевитки нужны деньги. Но и желудей въ 1880 году совсѣмъ не было въ лѣсахъ. Дубы съ весны были объѣдены до самой вершины гусеницею и стояли еще въ іюнь совершенно обнаженными. Подъ вліяніемъ постоянныхъ дождей они только зазеленѣли къ концу іюля.

Гдѣ же бѣдняку взять денегъ? Большой Гнетенко вернулся съ Кубани только съ 15 руб., тогда какъ другіе принесли домой 40—50 р. Судьба преслѣдовала его все лѣто. Сначала онъ попалъ въ партію косарей къ одному землевладѣльцу, у котораго оказался неурожай. Землевладѣлецъ скрылся, не разчитавшись съ рабочими. Ихъ «нанялъ» тогда какой-то агентъ, отобралъ у нихъ паспорта и «погналъ» ихъ къ Кубани. Харчи на этомъ новомъ мѣстѣ были до того невозможны, что рабочіе уходили толпами, спасая только свою жизнь. Не получивъ своего паспорта, Гнетенко попалъ въ разрядъ безпаспортныхъ, прошелъ цѣлый рядъ мытарствъ и вернулся домой больной, измученный передрыганиями. По уплатѣ податей ему останется всего около 5 р. изъ лѣтняго заработка, и съ нимъ нужно встрѣтить лицомъ къ лицу знакомыя уже страданія прошлогодней зимы. Запасовъ хлѣба никакихъ.

Помощи извнѣ ожидать трудно. Кто знаетъ сколько-нибудь крестьянскую обстановку, тотъ наблюдалъ, конечно, за печальнымъ явленіемъ, сопровождающимъ всегда нищету. Это—развитіе эгоизма, который я назову въ отяччіе его отъ другихъ его видовъ—эгоизмомъ нищеты. Бѣдняку нѣбогда думать о другихъ. Вся жизнь его поглощена заботами о настоящемъ днѣ и всѣхъ его лишеніяхъ. Горе ближняго скрыто для него за его собственнымъ горемъ.

Въ горѣ Гнетенковыхъ въ прошлую зиму не принялъ участія никто изъ сосѣдей-хуторянъ. Только чужія дѣти, посѣщая дворъ Гнетенковой, печалились тому, что дѣти ея ѣли хлѣбъ, по виду схожій съ землею, и приносили имъ настоящаго хлѣба. Да еще священникъ въ деревнѣ Сенихъ (къ приходу котораго принадлежитъ х. Бѣлый), разспрашивая Гнетенко о его положеніи, далъ ему одинъ разъ коробку ($\frac{1}{2}$ мѣры) сухарей и 3 хлѣба. Затѣмъ, передъ Рождествомъ, обходя хуторъ Бѣлый съ молитвою, тотъ же священникъ зашелъ въ домъ Гнетенко и оставилъ тамъ 3 хлѣба.

Другой помощи не было ни откуда.

Объѣзжая слободы и хутора въ описываемой мѣстности, я долженъ былъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на межевиткѣ, которая — какъ это сдѣлалось для меня ясно—входила уже въ теченіе двухъ лѣтъ довольно значительною долею въ продовольствіе населенія въ томъ уголѣ, къ которому относятся мои замѣтки.

Межевитка то же что и отруби.

Но отруби получаютъ послѣ просѣванія черезъ сито муки, смолотой на простыхъ мельницахъ (раструсахъ и вѣтрякахъ). Межеситка сама отходитъ отъ крупчатой муки на крупчаткахъ, послѣ просѣванія муки на 4-хъ ситахъ. (Отходитъ она обыкновенно въ рукавъ и собирается въ мѣшокъ, подъ него подставленный).

Отруби крупнѣе и грубѣе межеситки. На 1 пудъ пойдетъ 2 мѣры отрубей.—Межеситка мельче, чище, лучше на видѣ. На 1 пудъ нужно 1¹/₂ мѣры межеситки.

Для ссыпки отрубей и межеситки существуетъ обыкновенно на крупчаткахъ особый, такъ-называемый, «полевой» амбаръ. Этими остатками отъ мукомольнаго производства заваливали прежде эти амбары. Остатки эти покупались для корма коровъ, лошадей, но преимущественно свиней. Но выбрать всего изъ амбара въ прежнее время никогда не успѣвали. Межеситка въ такомъ случаѣ прѣла, слегалась, — и для очистки отъ нея амбара приходилось пускать въ дѣло ломъ и топоры.

Мѣра межеситки продавалась тогда по 6 к.

Голодные годы измѣнили дѣло.—Теперь ничто изъ этихъ остатковъ не пропадаетъ. Межеситка уже не складывается въ амбаръ. Ее раскупаютъ въ мѣшкахъ, въ то время, когда она выходитъ изъ подъ рукава. Все, что прежде прѣло и гнило, все теперь идетъ въ кормъ людямъ, все даетъ доходъ. Въ октябрѣ межеситка уже продавалась на пуды, по сортамъ, за 40, 60 и даже 80 коп. Худшій сортъ называется *луна*.

Человѣку, впрочемъ, дается нѣкоторое предпочтеніе предъ свиньями. Ему достается «свѣжая» межеситка. Но запросъ на межеситку для человѣческихъ харчей усиливается до такой степени, что крупчатки едва успѣваютъ удовлетворить запросу. И если лежалая межеситка, оставшаяся въ амбарахъ отъ прежнихъ лѣтъ, предназначается теперь еще для свиней, то — при поднятіи цѣнъ на «свѣжую» межеситку — вытѣсненіе послѣднихъ людьми изъ сферы этого потребленія, быть можетъ, только вопросъ времени!

Въ 1879 году (при 40 к. за пудъ межеситки) ею питались хутора: Гавриловка, Морозовка, Киктевъ, х. Высокій, слобода Калинова и отчасти сл. Гороховатка.

Къ этому списку присоединились въ 1880 году (при 60 к. за пудъ): хутора Козиновка, Базы, Бѣлый, деревня Генова.

Главными поставщиками этого новаго продовольственнаго матеріала — владѣльцы крупчатокъ въ сл. Цареборисовомъ (Изюмскаго у.) и въ сл. Гороховаткѣ (Купянскаго у.), такъ какъ эти крупчатки находятся въ районѣ, гдѣ уже открылся голодъ.

Все, что осталось еще у сельскихъ населеній отъ благородной гордости, сознанія собственного достоинства, неудержимаго стремленія къ самостоятельности, — все это готовится ступешаться и погибнуть подъ бременемъ долговъ, отработковъ и разнаго рода зависимостей, создаваемыхъ

для массы сельскаго населенія роковымъ стеченіемъ разныхъ бѣдствій. Главное изъ нихъ то, что земля, которая кормила — устала родить, требуетъ отдыха! На «усталую» навидываются со всѣхъ сторонъ паразиты, отъ которыхъ нѣтъ отбою! Жукъ, засухи, дожди не вовремя, градобитія, падежи скота, затопы луговъ отъ самовольнаго поднятія мельничныхъ плотинъ, гусеница, черви, саранча, — все соединилось за послѣдніе годы, чтобы убить въ сердцѣ селянина всякое довѣріе къ себѣ, къ своему труду, — и все, что разрушительно дѣйствуетъ на трудовыя силы народа, все это обращается въ пользу поднимающаго свою голову капитала, для котораго горе народное — широкая дорога къ обогащенію задаромъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, можетъ быть даже помимо личнаго желанія, по чистой прихоти судьбы.

Впрочемъ, народныя бѣдствія застаютъ въ расплохъ и самый капиталъ. Въ сторонѣ отъ большаго движенія, безъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, капиталъ въ Купянскомъ уѣздѣ шелъ до сихъ поръ торною дорогою, не покидая патриархальныхъ пріемовъ, упражнясь въ нагулъ скота, въ топкѣ сала, въ истребленіи частныхъ лѣсовъ, въ поглощеніи дворянскихъ помѣстій.

Событія торопятъ его — стать лицомъ къ лицу съ трудомъ, и предъ этимъ дѣятелемъ народной жизни показать свою силу и мощь».

Передъ грозною задачею, какъ спасти массу населенія отъ совершеннаго разоренія, должны смолкнуть всѣ различія партій. Мы уже замѣтили, что такого рода единодушіе почти достигнуто въ русской печати. Всѣ согласны теперь, что крестьянинъ бѣдствуетъ, что помочь ему необходимо. Но какъ? За нынѣшнюю зиму можетъ послѣдовать новый *мѣстный* неурожай. Благотворительность не справится съ нуждою, а средства государства и земства будутъ все болѣе и болѣе уменьшаться. Очевидно, что надо поставить сельское населеніе въ такое положеніе, чтобы одна плохая жатва не разоряла безвозвратно крестьянина, чтобы подати не уносили его послѣдняго достатка. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія представляется намъ историческою необходимостью, осуществленіе которой, можно отсрочить и затянуть, но только съ страшнымъ вредомъ для государства. Другая часть задачи, — коренное измѣненіе русскаго государственнаго хозяйства, — въ свою очередь требуетъ немедленнаго исполненія.

Подушная подать и соляной акцизъ безвозвратно осуждены и исторіей, и общественнымъ мнѣніемъ. Но отъ теоретическаго осужденія до его практическаго приложенія оказывается, къ сожалѣнію, огромное разстояніе. Возникаетъ вопросъ: чѣмъ замѣнить сотни слишкомъ милліоновъ, которую доставляетъ подушная подать и соляной налогъ? Переложить подушную подать на крестьянскую землю невозможно: вѣдь дѣло идетъ не объ одной перемѣнѣ названія, не объ измѣненіи только основы обложенія.

Увеличить налоговое бремя крупнаго и средняго землевладѣнія, конечно, возможно, но безъ раззоренія хозяйства нельзя и на нихъ переложить всю сумму или даже большую часть суммы, выплачиваемой теперь въ формѣ подушныхъ.

Что касается до косвенныхъ налоговъ, то и ихъ увеличеніе по меньшей мѣрѣ опасно. Государственная роспись за истекающій годъ показываетъ, что изъ 653,379,000 р. общаго количества доходовъ 381,188,000 рублей собираются въ формѣ косвенныхъ сборовъ. Если принять во вниманіе, какое почтенное мѣсто въ послѣдней категоріи налоговъ отведено питейному акцизу, то вредное вліяніе непрямыхъ податей станетъ еще болѣе очевиднымъ. Въ 1878 году съ водки и другихъ питей акцизу было получено болѣе 200,000,000 рублей, т. е. почти треть государственныхъ доходовъ.

Должно сознаться, что этотъ видъ дохода способенъ къ дальнѣйшему возрастанію, что поступаетъ онъ правильно, съ ничтожными и случайными недонимками. Для народнаго благосостоянія сокращеніе приготовления хлѣбнаго вина весьма желательно: хлѣба для ѣды не хватаетъ; для народной нравственности и здоровья, для спасенія отъ нищеты, необходимо сокращеніе потребленія вина; но для государственнаго бюджета достиженіе моральныхъ цѣлей было бы тяжелымъ ударомъ.

Намъ не разъ уже приходилось высказывать мысль о необходимости соотвѣтствія между расходами и доходами государства, соотвѣтствія, которое распространяется не на количество лишь тѣхъ и другихъ, что не подлежитъ сомнѣнію, но и на формы ихъ. Если расходы государства все растутъ и растутъ, а налоги вмѣстѣ съ тѣмъ превращаются изъ прямыхъ въ косвенные и начинаютъ отымать весь чистый доходъ земледѣльца, наконецъ поражаютъ самые источники дохода, то подобное государственное хозяйство сближается съ тѣмъ, которое агрономы называютъ обыкновенно хищническимъ.

Поэтому-то, не только не отрицая, но особенно настаивая на отиѣнѣ подушной подати и солянаго акциза, на преобразованіи (и увеличеніи) промысловыхъ податей, мы думаемъ, что безъ значительнаго сокращенія государственныхъ расходовъ, наши финансы не поправятся. Новому министру финансовъ, г. Абазѣ, предстоитъ тяжелая задача, разрѣшеніе которой ни на волосъ не подвинулось при его предшественникѣ. Россія не можетъ, безъ истощенія, тратить громадныхъ суммъ, идущихъ теперь на армію и флотъ. Пройдетъ еще десять-двадцать лѣтъ, и войско раззоритъ страну. Необходимы, конечно, и другія, болѣе мелкія сокращенія. Управленіе третье отдѣленіе употребляло на «секретныя расходы» 558,977 рублей. Знаменитая корова Ливадія *), которая не можетъ безъ смерте-

*) Кстати о потонувшей Ливадіи. „Молва“ сообщаетъ, что по смѣтѣ 1880 и 1881 года бывшему командиру этого погибшаго судна полагалось и полагается добавочное содержаніе „за сбереженіе“ яхты, находящейся на морскомъ днѣ.

ной для себя опасности наталкиваться въ морѣ на плавающіе обломки, поглотила нѣсколько милліоновъ, которыя не только спасли бы населеніе самарской, напримѣръ, губерніи отъ голода, но и упрочили бы благосостояніе ея населенія.

Что печать не преувеличивала бѣдственности положенія рабочихъ классовъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, въ этомъ, по всей вѣроятности, убѣдятся ревизующіе нѣкоторыя губерніи сенаторы. Ежедневно въ газетахъ появляются корреспонденціи, въ которыхъ указывается на сильную нужду населенія или на вопіющія злоупотребленія. Мы надѣемся, что многія изъ послѣднихъ будутъ раскрыты и устранены, благодаря ревизіи; но опасаемся, чтобы *саратовскій половикъ* не сыгралъ значительной роли во время этой ревизіи. Исторію о половикѣ рассказала саратовская газета *Вола*. Къ пріѣзду ревизующаго саратовскую губернію сенатора Шамшина, мѣстныя власти, конечно, усиленно готовились. Въ городской управѣ между прочимъ разостланъ былъ новый и представительный половикъ на лѣстницѣ. Изъ управы г. Шамшинъ поѣхалъ въ Александровское училище, куда былъ командированъ и управскій половикъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе какихъ-то пререканій, сенаторъ пріѣхалъ въ училище раньше водворенія въ немъ половика.

Половикъ, конечно, пустое дѣло самъ по себѣ, но онъ—знаменіе времени, неутратившаго своего сходства съ временемъ гоголевскаго *Ревизора*. Трудно разобраться въ массѣ мелкой лжи и крупныхъ обмановъ, подготовленныхъ случайностей и поддѣланныхъ признаковъ благосостоянія. На обязанности печати лежитъ сообщеніе свѣдѣній, которыя могли бы помочь ревизующимъ сенаторамъ въ ихъ тяжеломъ и важномъ дѣлѣ. Печать въ Россіи уже стала силою, а всякая общественная сила, нуждаясь въ признаніи своихъ правъ, будетъ крѣпка только исполненіемъ своихъ обязанностей.

Читателю извѣстно, что положеніе печати является теперь злобою дня. Цензурныя правила подвергаются всестороннему пересмотру комиссіей подъ предсѣдательствомъ графа Валуева. Комиссія эта пригласила въ свое засѣданіе главныхъ представителей петербургской и московской журналистики для выслушанія ихъ заявленій о нуждахъ печати. Само собою разумѣется, что редакторы повременныхъ изданій единогласно высказались за отиѣну административныхъ взысканій. Система циркуляровъ, предостереженій и лишенія права печатанія объявленій, система приостановокъ и закрытій журналовъ и газетъ «вреднаго» направленія уже достаточно испробована въ Россіи. Ни отъ чего и ни кого она не оградила. Наоборотъ: мысль, не имѣя возможности показываться открыто, стала проникать въ общество въ полусказанной или совсѣмъ искаженной формѣ. Уловить «духъ», его подвергнуть предварительному разсмотрѣнію или конфискаціи, оказалось не подъ силу и русской цензурѣ. Печать блѣднѣла, замолкала по временамъ окончательно то по одному, то по другому во-

просу, а «духъ» общества становился все болѣе и болѣе недовольнымъ. Закрывали изданіе съ вреднымъ направленіемъ, вырывали, какъ будто, зло съ корнемъ; но оказывалось, что число сторонниковъ этого направленія все росло и росло. Какъ преслѣдовать *направленіе*? Что такое *духъ* сочиненія, журнала или статьи? Лоренцъ Штейнъ говоритъ, что «духъ» книги начинается съ того момента, когда читатель, на основаніи отдѣльныхъ мѣстъ или всего сочиненія, путемъ собственныхъ умозаключеній побуждается дойти до результата, который имѣетъ въ виду авторъ *). Какъ этотъ логическій процессъ подвергать цензурному усмотрѣнію?!

Кромѣ отрицны предварительной и карательной административной цензуры, съ замѣною ея обыкновеннымъ судомъ, русская печать нуждается и въ другомъ обезпеченіи ея независимости и, слѣдовательно, добросовѣстности. Изданіе газеты и журнала требуетъ весьма значительныхъ затратъ, которыя окупаются только при продолжительномъ существованіи органа печати. Административная кара, безсильная оградить общество отъ вредныхъ идей, легко можетъ раззорить издателя, поставить на время, по крайней мѣрѣ, въ большое затрудненіе сотрудниковъ закрытаго или пріостановленнаго журнала, лишить ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ куска хлѣба. Вопросъ объ обезпеченіи права собственности на изданіе является поэтому вопросомъ первостепенной важности, и редакторъ «*Отечественныхъ Записокъ*», М. Е. Салтыковъ, оказалъ печати большую услугу, возбудивши его въ комиссіи.

Если правительство дѣйствительно желаетъ видѣть въ печати добросовѣстную выразительницу разнообразныхъ направленій, существующихъ въ обществѣ, если оно считаетъ для себя полезнымъ близкое и подробное знакомство съ жизнью нашей провинціи, то указанныя потребности печати получатъ скорое удовлетвореніе. Для насъ, непосвященныхъ въ тайны приготовленія законопроектовъ, кажется долгимъ тотъ срокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, который, по мнѣнію одного изъ членовъ комиссіи, графа Лорисъ-Меликова, необходимъ для выработки законопроекта о печати. Установленіе руководящихъ началъ не требуетъ продолжительнаго времени, ибо эти начала, очевидно, уже положены въ основаніе трудовъ комиссіи, и остается только формулировать ихъ. Если же проступки и преступленія по дѣламъ печати будутъ вѣдаться судомъ, то дѣятельность послѣдняго невозможно опредѣлить заранѣе до мелкихъ подробностей. Излишняя регламентація въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, стѣснить судъ, вредно отразится на свободѣ печати и не принесетъ ни малѣйшей пользы правительству.

Редакторъ «*Современныхъ извѣстій*», Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, высказалъ въ комиссіи желаніе, раздѣляемое и другими, конечно, предста-

*) «Der Geist beginnt da, wo der Leser durch das Druckwerk selbst veranlasst wird, zu dem Resultate desselben erst durch Schlussfolgerungen zu gelangen».

вителями печати, чтобы правительство видѣло въ повременныхъ изданіяхъ не врага, а друга. Это выраженіе можетъ дать поводъ къ не совсемъ правильнымъ толкованіямъ. Прежде всего, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ остерегаться отъ смѣшенія правительства съ верховною властью. Мы видимъ, что въ каждое царствованіе происходитъ смѣна лицъ, которымъ ввѣряется управление государствомъ. Иногда такого рода смѣна бываетъ нѣсколько разъ въ одно царствованіе. Поэтому газета, которая, положимъ, горой стояла бы за Аракчеева, за Муравьева или за графа Толстаго, съ отставкою этихъ лицъ невольно попадала бы въ оппозицію. Но есть-ли какое-либо основаніе такую газету считать *врагомъ* правительства? Газета можетъ относиться враждебно къ новому министерству, отъ котораго также нельзя требовать, чтобы оно относилось къ строптивой газетѣ, какъ къ другу, но тѣмъ не менѣе она можетъ быть въ то же время другомъ правительства какъ представителя государственной власти и охранителя государственнаго порядка и возставать на дѣйствія даннаго лица и ради пользы самаго правительства. Пояснимъ примѣромъ изъ текущей жизни. Направленіе *«Московскихъ Вѣдомостей»*, совершенно соотвѣтствовавшее направленію министерства народнаго просвѣщенія при графѣ Толстомъ, на сколько можно судить по доступнымъ печати свѣдѣніямъ и по фактамъ, происходящимъ у всѣхъ на глазахъ, не соотвѣтствуетъ въ такой степени по крайней мѣрѣ, взглядамъ статсъ-секретаря Сабурова. *«Московскія Вѣдомости»* не принадлежатъ къ числу друзей новаго министра народнаго просвѣщенія. Но было бы верхомъ нечестности занозозрять эту газету въ враждѣ къ правительству, было бы великою несправедливостью стѣснять выраженіе мнѣній тѣхъ людей, которые до сихъ поръ остаются убѣжденными въ превосходствѣ учебной системы графа Толстаго надъ всѣми остальными. Министры смѣняются, печать остается.

Надъ вольной мыслью Богу не угодно

Насиліе и гнеть.

Она, въ душѣ рожденная свободно,

Въ оковахъ не умретъ.

Очень жаль, что въ комиссію не были приглашены представители областной печати, положеніе которой не только не улучшается, но какъ будто даже ухудшается. Недавно административнымъ путемъ прекращено изданіе одесской *«Правды»*, газеты подцензурной. Поводомъ къ убіенію газеты послужила, говорятъ, статья *«Николаевъ счастливѣе Одессы»*, гдѣ указывалось на то, что одесской думѣ не дозволили сдѣлать постановленія подобнаго тому, которое сдѣлано было николаевскою думою (ходатайствовать о допущеніи реалистовъ въ университетъ). Можетъ быть на югъ полагаютъ, какъ цензоръ въ сценѣ Пнина, *«Сочинитель и цензоръ»*, напечатанной въ *«Журналь Россійской Словесности»* (въ 1805 году), что «не всякая истина должна быть напечатана».... Преслѣдуется, оче-

видно, ядъ. Помните, судья Поль-Луи-Курье сказалъ: «печатайте, публикуйте все, что вамъ угодно, только не ядъ». А что такое ядъ?

Когда типографскій станокъ былъ изобрѣтенъ, немедленно явилась и цензура; но гениальное изобрѣтеніе оказалось неизмѣримо спльнѣ своей противницы, и цензурныя плотины могли остановить потокъ идей только тамъ, гдѣ этотъ потокъ былъ ничтоженъ. Европейская мысль въ настоящее время такъ могуча, что о подобнаго рода борьбѣ съ ней приходится отложить всякое попеченіе.

Добросовѣстные изъ противниковъ свободы печати указываютъ на вредъ, который эта свобода можетъ принести въ неподготовленной средѣ, и совершенно отрицать такой опасности никто не станетъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя крайнія идеи, къ тому же поверхностно схваченныя, произведутъ нѣкоторую путаницу въ головѣ читателей; но, во первыхъ, эта путаница исчезнетъ, когда будетъ прочтено еще нѣсколько книгъ или статей, и, во вторыхъ, цензура не могла и не можетъ предохранить отъ подобнаго рода увлеченій. Факты на лицо. Этого мало: благодаря цензурѣ, вредная мысль, не находя себѣ законнаго выраженія, ищетъ и найдетъ для своего распространенія незаконную форму.

Опасаться «дезорганизаціи» общественной мысли со введеніемъ свободы печати представляется поэтому неосновательнымъ. Изъ столкновенія мнѣній, какъ извѣстно, бьетъ ключемъ истина. Государство должно ограничиться въ этомъ случаѣ ролью охранителя законовъ, привлекая къ суду редактора и писателя за нарушеніе закона. Вся правительственная система такую охраною и должна была бы исчерпываться. Естественно, что у власти, у министровъ, должна быть система управленія, которую можно поддерживать и полуофициальною печатью. Но газеты и журналы, питающіеся изъ фонда для пресмыкающихся, всегда будутъ возбуждать недовѣріе и отвращеніе въ лучшей части общества и только скомпрометируютъ правительство. Наконецъ, такое употребленіе казенныхъ денегъ незаконно (да и непроизводительно, какъ доказываютъ недавніе примѣры).

Мы сказали, что у правительства должна быть система, и на этой мысли особенно настаиваемъ. Колебанія и шатанія правящихъ по истинѣ вносятъ въ общество ту дезорганизацію, которую будто бы можетъ внести свобода печати. И нигдѣ, конечно, правильная и опредѣленная постановка задачъ управленія не нужна въ такой степени, какъ въ области народнаго образованія.

Со вступленіемъ въ должность нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія возникли, съ одной стороны, опасенія, а съ другой надежды. Хотя и не было обѣщано никакихъ измѣненій въ систему, но духъ этой системы несомнѣнно подвергнулся сильному испытанію. Это возбудило глухое недовольство въ панурговомъ стадѣ. У немногихъ достало мужества прямо выразить свое несочувствіе новымъ вѣяніямъ, и этимъ немногимъ нельзя, конечно, отказать въ полномъ уваженіи, какъ людямъ твер-

дыхъ убѣжденій. Такъ поступили, напримѣръ, учителя керченской классической гимназіи, высказавшись, по приглашенію статсъ-секретаря Сабурова, противъ всякихъ измѣненій въ системѣ графа Толстаго *). Съ честными противниками дѣло имѣть несравненно лучше, чѣмъ съ рабскими душами, не говоря уже объ іезуитахъ. Но затаенная вражда и не потерянная еще надежда на возвращеніе къ старымъ учебнымъ порядкамъ является большою опасностью для дѣла воспитанія. Этотъ разладъ не укроется отъ учениковъ и вредно отразится на нихъ. Мы вовсе не стоимъ за механическое однообразіе въ школѣ, за канцелярскіе приемы, за бюрократическую подчиненность. Наоборотъ, нигдѣ Молчалины и Скалозубы не ненавистны такъ, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Но мы утверждаемъ, что въ высшемъ управленіи народнымъ образованіемъ должна чувствоваться направляющая рука, что немислимо сослуженіе лицъ, отдающихъ разныя приказанія, направляющихъ учебное дѣло въ разныя стороны. Другими словами, мы стоимъ за единство системы управленія и за разнообразіе школы, за единство въ администраціи и за возможно широкій просторъ въ чисто педагогическомъ отношеніи. Необходимо, чтобы низшій администраторъ не тормозилъ дѣятельности высшаго администратора; необходимо, чтобы учитель былъ живымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ.

Поэтому-то отставка князя Мещерскаго отъ должности попечителя московскаго учебнаго округа и считается въ обществѣ, сочувствующемъ направленію дѣятельности статсъ-секретаря Сабурова, весьма утѣшительнымъ признакомъ. Она даетъ увѣренность въ относительной прочности новаго порядка вещей и представляетъ собою единственный покуда выдающийся фактъ въ безконечномъ множествѣ законопроектовъ и предположеній. Въ обществѣ существуетъ такое сильное нерасположеніе къ классической системѣ, усвоенной графомъ Толстымъ, что съ этимъ нерасположеніемъ волею или неволею приходится считаться. Кромѣ Одессы и Николаева, о чемъ мы уже упоминали, за допущеніе реалистовъ въ университетъ, по крайней мѣрѣ на медицинскій и математическій факультеты, ходатайствуетъ и ростовская (на Дону) городская дума. О томъ, какъ относятся къ нашей учебной системѣ многія земства, хорошо извѣстно читателю. «Современныя Извѣстія» возбудили недавно очень важный вопросъ и правильно поставили его разрѣшеніе. Газета справедливо указываетъ на ненормальность такого порядка вещей, благодаря которому рѣшать вопросъ о томъ, подготовлены-ли молодой человѣкъ къ университету или нѣтъ, предоставляется безапелляціонно не высшему, а среднему учебному заведенію. Ошибочное вообще, это возрѣніе особенно вредно у насъ, потому что судьи, удостоверяющіе «зрѣлость» воспита-

*) *Русскій Курьеръ*, № 310. Намъ кажется страннымъ, что корреспондентъ газеты иронизируетъ надъ керченскими педагогами, называя ихъ „доблестными помощниками“ *Моск. Вѣд.*

ника, часто получали образование или за границей, или въ филологическомъ институтѣ, достоинства котораго довольно сомнительны. Но если даже этотъ институтъ и превосходитъ, если даже (что совершенно неправдоподобно) учителя нерусскіе владѣютъ большими свѣдѣніями, чѣмъ кончившіе курсъ въ нашихъ университетахъ, то на сторонѣ послѣднихъ все же остается много преимуществъ. Гимназія преддверіе къ университету. Какъ же готовить къ тому, чего не знаешь самъ? Графъ Толстой и его послѣдователи стремились къ тому, чтобы совершенно преобразовать университеты. Измѣненіе устава должно было повести къ измѣненію личнаго состава профессоровъ; дрессированные по извѣстному шаблону и «созрѣвшіе» гимназисты должны были создать новый типъ студента. Къ педагогическимъ цѣлямъ искусно примѣшали политическія обѣщанія, открывая въ близкой перспективѣ полное уничтоженіе всякихъ *измовъ*. Знаменитая система, если бъ она продержалась еще лѣтъ десять, повела бы къ самымъ гибельнымъ и почти не поправимымъ послѣдствіямъ, да и теперь уже сказываются нѣкоторыя изъ вредныхъ ея вліяній. Привычка безпрекословно повиноваться и бессмысленно зубрить выработывала или совершенно нечувствительнаго ко всѣмъ радостямъ науки и искусства чело-вѣка, то-есть истиннаго нигилиста, или безсодержательнаго, неустойчиваго мечтателя, готоваго пойти за первымъ убѣжденнымъ чело-вѣкомъ куда угодно.

Будемъ надѣяться, что ломка университетовъ не состоится; будемъ во всякомъ случаѣ отстаивать право общества принимать участіе въ рѣшеніи вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ судьба и дѣтей, и государства. Когда университетъ потеряетъ значеніе высшей школы гуманности, когда интересы преподаваемой въ немъ науки будутъ подчинены постороннимъ соображеніямъ, тогда придется отчаяться за будущее родины. Но отъ этого отчаянія мы далеки, и событія послѣдняго времени подкрѣпляютъ радостную увѣренность, что отброшены будутъ тѣ безобразныя надстройки, которыя затемняли свѣтлый образъ университета.

В. Г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РОССІЯ И ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

Чѣмъ болѣе развивается государство, тѣмъ яснѣе опредѣляются его политическія задачи и тѣмъ разрѣшеніе этихъ задачъ становится возможнымъ и вѣроятнѣе. Но достиженіе благопріятныхъ результатовъ находится въ прямой зависимости отъ степени пониманія народомъ и правительствомъ сущности этихъ задачъ. Исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ, когда, вслѣдствіе непониманія правительствомъ въ чемъ именно должна заключаться его политика въ данный моментъ, народу приходилось переживать тяжелые годы и уклоняться отъ прямого пути, который ведетъ къ разрѣшенію существенныхъ для него задачъ.

За послѣдніе двадцать пять лѣтъ Россія настолько уже политически развилаь, что въ настоящее время опредѣленіе того пути, которому мы должны слѣдовать въ политикѣ, не можетъ представлять уже большихъ затрудненій. Переживаемое нами десятилѣтіе многому научило насъ и многіе вопросы, недавно еще считавшіеся фиктивными, теперь получили уже право гражданства. Къ числу подобныхъ вопросовъ безспорно относится и вопросъ славянскій, политическое значеніе котораго для Россіи признано всѣми лишь въ послѣднее время.

Такъ какъ опредѣленіе характера нашей будущей политики, благодаря которой было бы возможно благопріятное для Россіи разрѣшеніе нашихъ политическихъ задачъ, въ значительной степени обуславливается нашими отношеніями къ другимъ государствамъ, то прежде всего необходимо ознакомиться съ положеніемъ Россіи въ Европѣ. Безпристрастно разсматривая наши отношенія къ великимъ державамъ, нельзя не признать, что между ними мы имѣемъ лишь сомнительныхъ друзей и явныхъ противниковъ.

Какъ ни тяжело приходитъ къ этому убѣжденію, но въ собственныхъ нашихъ интересахъ не слѣдуетъ успокоивать себя ложными представленіями. Зная, чего должно опасаться, можно своевременно принять необходимыя мѣры. Въ настоящую минуту изъ всѣхъ великихъ державъ болѣе дружественно къ намъ расположена Великобританія; но это расположеніе

находится въ зависимости отъ личныхъ симпатій Гладстона и его политическихъ убѣжденій, которыя не раздѣляются даже многими изъ сторонниковъ англійскаго премьера. Поэтому о серьезномъ сближеніи съ Великобританіей, результатомъ котораго было бы достиженіе общими сторонами тѣхъ цѣлей, которыя имѣютъ существенное значеніе для народа, не можетъ быть и рѣчи. Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ мы можемъ рассчитывать теперь на Англію лишь какъ на государство, временное сближеніе съ которымъ будетъ отчасти способствовать обезпеченію въ данную минуту нашихъ интересовъ. Другое государство, на расположеніе котораго мы можемъ до нѣкоторой степени рассчитывать, — это Италія. образъ дѣйствій которой въ послѣдніе годы свидѣтельствуетъ о ея симпатіяхъ къ Россіи. Но не говоря уже о томъ, что Италія—самая слабая изъ великихъ державъ, сближеніе съ ней едва-ли принесетъ намъ существенную пользу, потому еще, что при новыхъ переѣнахъ на Балканскомъ полуостровѣ наши интересы могутъ столкнуться съ ея интересами, какъ ихъ понимаетъ настоящее итальянское правительство. Отношенія наши къ третьей великой державѣ, Франціи, тоже оставляютъ многого желать; но не смотря на неопредѣленность нашего взаимнаго положенія, по нѣкоторымъ даннымъ, можно съ увѣренностью сказать, что это государство не должно быть нашимъ естественнымъ противникомъ. Правда, намъ неоднократно приходилось имѣть столкновенія съ Франціей, но эти столкновенія всегда были лишь послѣдствіемъ ложной политики одной изъ сторонъ. Если же и донинѣ нѣтъ соглашенія между Россіей и французской республикой, то причины этого заключаются, во-первыхъ, въ традиционныхъ связяхъ, стѣсняющихъ образъ дѣйствій правительствъ; во-вторыхъ, въ непониманіи французскими республиканцами, что при преслѣдованіи политическихъ цѣлей не слѣдуетъ принимать во вниманіе государственный строй своихъ союзниковъ.

Чтобы судить о нашихъ отношеніяхъ къ двумъ великимъ сосѣдственнымъ съ нами державамъ, Германіи и Австріи, не лишнимъ будетъ указать на тѣ результаты, которыхъ мы достигали, имѣя ихъ союзниками.

Уже при Петрѣ I, во время сѣверной войны, Пруссія, не смотря на ея дружественныя отношенія къ Россіи, не только не ограничивалась строгимъ нейтралитетомъ, но иногда дѣйствовала прямо въ ущербъ нашимъ интересамъ. Вообще, въ прошедшее столѣтіе Пруссія по возможности старалась лишь эксплуатировать Россію и не рѣдко достигала своей цѣли. Ознакомившись съ вышедшимъ недавно V томомъ «Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами», — «Трактаты съ Германіей», — профессора Мартенса, приходишь къ убѣжденію, что Пруссія въ XVIII столѣтіи не была нашимъ другомъ, а только союзникомъ, но весьма ненадежнымъ. Это сознавалось, по всей вѣроятности, и государственными людьми того времени. Слѣдующее замѣчаніе Мартенса высказанное по поводу отказа императрицы Елизаветы Петровны въ 1743

году оказать прусскому королю помощь, вполне характеризует настроеніе Россіи въ то время по отношенію къ Пруссіи и весьма поучительно для настоящаго времени: «Причинъ, вызвавшихъ поворотъ въ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи было нѣсколько. Широкіе завоевательные замыслы прусскаго короля не могли не вызвать сильныхъ опасеній русскаго правительства, не имѣвшаго никакихъ ручательствъ въ томъ, что Россія также не сдѣлается мишенью ненасытнаго его славолюбія. Къ тому же, средства, къ которымъ прибѣгалъ прусскій король и авторъ сочиненія «Anti-Machiavel», были до такой степени лишены всякихъ предразсудковъ и нравственныхъ соображеній, что русское правительство вынуждено было не только остерегаться Фридриха II, но даже соединиться съ его врагами, чтобы положить предѣлъ захватамъ и измѣненіямъ созданной вѣками политической системы Европы».

Въ текущемъ столѣтіи Пруссія дѣйствительно нѣсколько разъ была нашимъ союзникомъ, но Россіи ни разу не удалось извлечь изъ союза съ ней какую-либо выгоду. Какъ Тильзитскій миръ, такъ и Священный Союзъ не только ничего не доставили намъ, но, напротивъ, неблагоприятно отразились на внутреннемъ развитіи государства. Уклончивый образъ дѣйствій Пруссіи во время первой восточной войны и берлинскій конгрессъ еще живы у насъ въ памяти, а, между тѣмъ, многіе даже не сомнѣвались въ искренности дружественнаго къ намъ расположенія Германіи. Чѣмъ же объяснить подобное кажущееся страннымъ явленіе? Слова бывшаго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма, что онъ любитъ сильныхъ друзей, а не могущественныхъ сосѣдей, могутъ служить хорошимъ объясненіемъ. То-есть, что пока Россія не будетъ заявлять о себѣ, какъ о великой славянской державѣ, она можетъ вполне разсчитывать на дружественную поддержку Пруссіи. Всякая же попытка ея выступить въ этой роли встрѣтитъ противодѣйствіе со стороны Германіи. Германія, вполне естественно, не желаетъ имѣть сосѣдомъ могущественную славянскую державу. Въ виду этихъ-то соображеній, можно съ увѣренностью утверждать, что при настоящихъ условіяхъ Германія—дружественная Россіи держава. Но можетъ-ли Россія навсегда отказаться отъ своихъ политическихъ задачъ?

По отношенію къ другой сосѣдней великой державѣ, Австріи, мы поставлены въ наименѣе благоприятныя условія для поддержанія съ ней дружбы. Хотя въ настоящій моментъ находимся въ дружественныхъ съ нею сношеніяхъ, но неоспоримо, что наши интересы во многихъ вопросахъ діаметрально противоположны интересамъ Габсбургской имперіи и что согласить ихъ едва-ли представляется кака-либо возможность.

Только выяснивъ себѣ настоящее положеніе Россіи, мы можемъ судить о направленіи нашей будущей политики, которая способствовала бы развитію и усиленію страны. Россія изолирована. Но то уже, что мы сознаемъ нашу изолированность, служитъ ручательствомъ, что наше поло-

женіе будетъ улучшено, если только мы избѣгнемъ новыхъ политическихъ промаховъ. Вопросы арабъ-табійскій, гартмановскій, румелійскій и имъ подобныя; недовольство нами Англій и другихъ великихъ державъ, вслѣдствіе прибытія въ Румелію русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ; наконецъ, послѣднее столкновеніе между Австріей и Сербіей, ясно свидѣтельствуютъ, что Россія не можетъ ни на кого разсчитывать. Сербское правительство, какъ извѣстно, отказывается подписать крайне невыгодный для княжества торговый трактатъ съ Австріей; чтобы побудить Сербію быть стоворчивѣе, вѣнскій кабинетъ прибѣгъ къ угрозѣ. Ристичу официально объявлено было, что если онъ будетъ противиться подписанію трактата, то Австрія немедленно приступитъ къ Grenz regel, то-есть воспретитъ ввозъ сербскихъ товаровъ въ предѣлы Габсбургской имперіи. Конечно, каждое государство имѣетъ право воспрещать ввозъ тѣхъ или другихъ товаровъ, но къ подобной мѣрѣ прибѣгаютъ обыкновенно вслѣдствіе экономическихъ соображеній. Австро-венгерское же правительство смотритъ на нее, въ настоящемъ случаѣ, какъ на мѣру политическую. Россія въ этомъ вопросѣ остается теперь нейтральною, а, между тѣмъ, онъ имѣетъ для насъ существенное значеніе. Если вѣнскій кабинетъ добьется угрозой исполненія своихъ требованій, то это будетъ служить доказательствомъ, что Сербія, благодаря экономической зависимости отъ Австріи, и въ политическомъ отношеніи будетъ подчинена имперіи Габсбурговъ. Между тѣмъ, въ интересахъ Россіи, это было бы весьма нежелательно. Поэтому относительная безучастность Россіи въ данномъ вопросѣ доказываетъ только, что мы ни на кого не можемъ разсчитывать, кто бы оказалъ совмѣстно съ нами воздѣйствіе на Вѣну. Не то было въ 1872 г., когда въ видѣ возмездія за сочувствіе, оказанное омадинѣ въ Сербіи, принята была стѣснительная для сербской торговли мѣра. Тогда, по распоряженію графа Андраши, суда дунайскаго общества пароходства получили приказаніе не останавливаться болѣе въ сербскихъ портахъ для нагрузки товаровъ, и австро-венгерская таможня была переведена изъ Бѣлграда въ Землинъ, что заставляло отправителей товаровъ въ Австро-Венгрію терять много лишняго времени и подвергаться лишнимъ расходамъ. Возникшій вслѣдствіе этого въ сербскомъ торговомъ мѣрѣ ропотъ заставилъ Ристича лично пріѣхать въ Вѣну и ходатайствовать объ отменѣ распоряженія, причинившаго Сербіи въ сравнительно короткое время громадный убытокъ. Поѣздка Ристича не была безплодна, но несомнѣнно, что на рѣшеніе Австріи имѣли вліяніе совѣты дружественныхъ ей въ то время державъ. Нынѣ же дружественные совѣты Россіи не были бы приняты.

Изолированное положеніе, въ которомъ мы находимся въ настоящее время, имѣетъ впрочемъ и свою хорошую сторону. Не будучи ничѣмъ связана, Россія можетъ дать теперь своей политикѣ то направленіе, которое дѣйствительно отвѣчало бы всѣмъ ея интересамъ. Поэтому, опре-

дѣленіе нашихъ политическихъ задачъ, именно теперь, имѣеть особенное значеніе.

Едва-ли возможно оспаривать, что географическія условія имѣють громадное вліяніе на политику государства. Исторія Россіи можетъ служить этому лучшимъ доказательствомъ. Еще при Великихъ Князяхъ замѣтно было стремленіе московскаго государства къ сѣверо-западу и юго-западу. Впослѣдствіи, съ паденіемъ Золотой Орды, явственно обнаружилось и движеніе на востокъ. Страна искала исхода изъ замкнутаго положенія, въ которомъ находилась въ то время. Въ Москвѣ сознавали необходимость опереться на море. XVIII и текущее столѣтія представляютъ намъ картину поступательнаго движенія Россіи къ Балтійскому и Черному морямъ съ одной стороны и къ крайнему востоку съ другой. Относительно Балтійскаго побережья мы уже достигли такихъ результатовъ, что дальнѣйшее движеніе наше вперед по направленію къ сѣверу-западу становится немислямымъ. Теперь намъ необходимо тамъ только удерживать то положеніе, которое мы уже заняли. По отношенію же къ Черному морю задача остается далеко не разрѣшенной и осложняется еще нашими связями съ народами, населяющими Балканскій полуостровъ. Что же касается до крайняго востока, то только въ послѣднее время мы начинаемъ сознавать, что здѣсь на насъ также лежатъ извѣстнаго рода обязанности и что, уклоняясь отъ нихъ, мы дѣйствуемъ въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Ложные слухи, распространявшіеся за границей относительно завѣщанія Петра Великаго и вымышленныя копія съ него, неоднократно появлявшіяся въ печати, безспорно имѣють нѣкоторое значеніе. Они указываютъ, что въ Европѣ сознавали естественность поступательнаго движенія Россіи на юго-западъ, но старались объяснить его искусственно созданнымъ Преобразователемъ Россіи планомъ. Извѣстно, съ какимъ недовѣріемъ и неудовольствіемъ встрѣчаетъ Европа всякій успѣхъ нашъ на юго-западѣ. Чувства эти вполне понятны, такъ какъ они обусловливаются инстинктивнымъ опасеніемъ, что каждый успѣхъ нашъ въ этомъ направленіи доставляетъ намъ нѣчто существенное. На западѣ озабочены даже тѣмъ, чтобы Черное море не сдѣлалось русскимъ озеромъ. Конечно, подобное предположеніе не имѣеть серьезнаго основанія, но оно свидѣтельствуемъ, до какой степени возбуждено въ Европѣ воображеніе относительно тайныхъ замысловъ Россіи. Что только несомнѣнно—это дальнѣйшее движеніе наше вперед на юго-западъ. Вопросъ заключается въ томъ только, въ какой формѣ выразится это движеніе.

По настоящее время Россія прочно утвердилась на берегахъ Чернаго моря, но выходы изъ этого моря не только не находятся въ нашихъ рукахъ, но мы даже не можемъ считать ихъ вполне обезпеченными для нашей торговли. А, между тѣмъ, экономическое положеніе южной Россіи находится въ прямой зависимости отъ свободы проходовъ изъ Чернаго моря. Какъ ни важно, однако, для насъ обезпечить свободный выходъ,

всякія насильственныя мѣры къ достиженію этой цѣли были бы съ нашей стороны политическимъ промахомъ. Въ данномъ вопросѣ тѣсно связаны наши политическіе и экономическіе интересы, а какъ скоро первые будутъ обезпечены, мы можемъ быть спокойны и относительно вторыхъ. Для обезпеченія же нашихъ политическихъ интересовъ не встрѣчается ни малѣйшей необходимости прибѣгать къ силѣ. Напротивъ, только мирнымъ путемъ мы можемъ достигнуть благопріятныхъ результатовъ. Одна изъ самыхъ главныхъ нашихъ политическихъ задачъ и заключается въ мирномъ завоеваніи прочнаго положенія отъ устья Дуная до Адриатики и отъ границы Германіи до Эгейскаго моря. Всякое насиліе, употребленное нами противъ славянскихъ народовъ, населяющихъ эти мѣстности, неизбѣжно неблагоприятно отразится на Россіи. Мы должны избѣгать даже всякаго нравственнаго насилія надъ ними. Национальная и историческая связь между ними и нами служатъ гарантіей, что наши взаимныя отношенія съ ними при правильной постановкѣ вопроса могутъ съ каждымъ годомъ только улучшаться и упрочиваться, хотя бы противники Россіи употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы разъединить насъ. Достиженіе благопріятныхъ результатовъ этимъ путемъ потребуетъ, правда, и много времени, и необыкновенную выдержку съ нашей стороны. Но только при этомъ мы можемъ рассчитывать на успѣхъ. Намъ придется бороться со многими препятствіями потому еще, что между самими славянами установилась рознь, которую не легко уничтожить. Нельзя не согласиться съ нѣкоторыми выводами профессора Макушева по этому вопросу, сдѣланными имъ въ статьѣ «Возможности объединеніе славянъ подъ гегемоніей Россіи?» *). Такъ, напримѣръ, относительно поляковъ онъ говоритъ: «Поляки обращаютъ взоры къ Западной Европѣ: прежде они чаяли своего спасенія отъ наполеоновской Франціи, а теперь возлагаютъ надежды на Австро-Венгрію. Какъ друзья австріяковъ, мадьяръ и даже турокъ, поляки — враги всѣхъ славянъ, а въ особенности восточныхъ и южныхъ». Но слѣдуетъ добавить къ этому, что подобное отношеніе поляковъ обуславливается ихъ настоящимъ положеніемъ, и трудно утверждать, что условія эти не измѣнятся со временемъ. Нельзя не согласиться также, что «поляки вѣрные союзники турокъ, польская политика руководится просто одной ненавистью къ Россіи. Такъ какъ Россія стремится прекратить господство турокъ въ Европѣ, то по этому самому поляки на сторонѣ Турціи, надегая, что авось удастся ей оправиться и усилиться какъ-нибудь, и тогда она изъ благодарности возстановитъ прежнюю Польшу». Но будутъ ли они упорствовать въ своемъ заблужденіи, когда представится имъ выходъ изъ теперешняго тяжелаго положенія, — это вопросъ. Желательно бы было, чтобы вожди польскаго народа убѣдились въ основательности и истинности Штура, въ чемъ должно заключаться спасеніе для Польши. «Своими п-

*) *Березь.*

стоянно легкомысленными и безуспѣшными возстаніями, говоритъ Штуръ, и своими союзами съ иноплеменниками, поляки потеряли довѣріе и расположеніе своихъ соплеменниковъ.... Почти всюду пробовали они удачу и никогда съ успѣхомъ. Со всѣми почти вступали они въ союзы, и только единственно къ своимъ ближнимъ, своимъ братьямъ становились спиною, а между тѣмъ полякамъ, какъ и всѣмъ славянамъ, возможно спасеніе лишь въ общественной жизни».

Объ отношеніяхъ чеховъ и хорватовъ къ славянскому вопросу Макушевъ говоритъ: «Чехи, руководимые Палацкимъ, возлагали большія надежды на Австрію, которую мечтали ослабить, и относились къ Россіи съ презрѣніемъ и даже съ враждою. Во время послѣдняго польскаго возстанія они не только публично, устно и письменно, высказывали свое сочувствіе повстанцамъ, но даже тайно помогали имъ оружіемъ и деньгами. За такую дружбу поляки, при первомъ же удобномъ случаѣ, отплатили чехамъ неблагодарностью: они не только не поддержали ихъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ, но даже открыто перешли на сторону нѣмцевъ и мадьяръ. Разочаровавшись въ дружбѣ поляковъ и увидѣвъ, что Австрія обманула всѣ ихъ ожиданія, чехи съ бѣльшимъ сочувствіемъ стали относиться къ Россіи; но пока еще младочехамъ не подѣ силу бороться съ старочехами, предводимыми Ригеромъ. Продолжая политику Палацкаго, онъ надѣется, что съ присоединеніемъ къ Австріи Боснія, Герцеговины и еще не занятаго австріяками пространства до Солуня, имперія Габсбурговъ ослабнѣетъ и тогда, конечно, посыпятся на вѣрныхъ чеховъ всевозможныя блага.

Такія же надежды питаютъ и хорваты. Въ дружбѣ съ австріяками и мадьярами они мечтаютъ о гегемоніи въ юго-славянскомъ мірѣ и уже заблаговременно назвали свою академію «юго-славянскою», а свою столицу — Загребъ величаютъ «юго-славянскими Афинами». Но именно съ этими-то стремленіями намъ и слѣдуетъ бороться и указать славянамъ такой выходъ, гдѣ каждая народность сохранила бы свое собственное я, не разрывая связи съ другими славянскими народами.

На сколько опредѣленны наши политическія задачи на западѣ, на столько же ясны онѣ и на востокѣ. Европа совершенно права, говоря, что наша работа въ Азіи; Россіи не зачѣмъ отречься отъ нея, но только наши союзники забываютъ, что распространеніе въ Азіи цивилизаціи только одна изъ политическихъ задачъ русскаго народа и что не менѣе, если не болѣе, существенныя задачи мы имѣемъ на западѣ. Что на насъ лежитъ обязанность вносить цивилизацію въ Азію, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Россіи предстоитъ особенно выдающаяся роль въ Азіи потому, что мы должны выполнить нашу задачу мирнымъ путемъ, а не путемъ насилій, какъ дѣйствовала и дѣйствуетъ Англія. Собственнымъ примѣромъ Россія докажетъ Европѣ, что мирное завоеваніе — самое прочное и что, благодаря насилію, получается только временный успѣхъ. Къ сожалѣнію, мы недостаточно еще уяснили себѣ это. Напеча-

танная нѣсколько лѣтъ тому назадъ книга Скайлера о системѣ управленія въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ рисуеъ далеко не привлекательную картину, но въ книгѣ этой много преувеличеннаго. Тѣмъ не менѣе настоящая система весьма неудовлетворительна, и необходимо обратить серьезное вниманіе на положеніе этого края. На будущее время намъ слѣдуетъ избѣгать всякихъ кровавыхъ расправъ, подобныхъ тѣмъ, которыя производились, напримѣръ, въ Ферганской области, вскорѣ послѣ занятія ея, и строго слѣдить за дѣятельностію нашихъ ташкентцевъ. Не смотря однако на недостатки нашего управленія, русское имя пользуется въ значительной степени уваженіемъ и расположеніемъ не только въ средней Азіи, но и въ Индіи. Это доказываетъ, что все же мы дѣйствовали лучше, чѣмъ наши соперники, и намъ слѣдуетъ развивать эти чувства. «При громѣ пушекъ и кликахъ побѣды, грозно и торжественно, говоритъ г. Терентьевъ*), вносимъ мы сюда наши гражданскіе законы, а это уже шагъ къ христіанству. Наше уложеніе основано на началахъ христіанства, идея возмездія «око за око» не имѣетъ здѣсь мѣста. Запрещающая и карающая воровство, убійство, лжесвидѣтельство и т. д.,— законы наши караютъ все то, что противно и самой идеѣ христіанства. Искореняя рабство, мы приготавливаемъ нашему закону и нашей религіи — незыблемый памятникъ.

Не подлежитъ, конечно, ни спору, ни сомнѣнію, что христіанство смягчаетъ нравы, облагораживаетъ человѣчество, и проч., но для пропаганды его еще не настало время. Прежде надобно приготовить почву, — иначе всякій прохожій растопчетъ посѣянное, птицы поклюютъ, солнце изсушитъ, терній заглушитъ!»

Но именно для того, чтобы приготовить почву, мы не только должны забыть, что вошли въ этотъ край при громѣ пушекъ, но постараться, чтобы объ этомъ забыли и сами туземцы. Тогда мы дѣйствительно будемъ имѣть прочную точку опоры въ Азіи. Въ сожалѣнію, до послѣдняго времени, мы не всегда понимали это.

Въ Европѣ мы тоже неоднократно дѣйствовали въ ущербъ нашимъ интересамъ, даже когда и признавали за славянами громадное для насъ значеніе. Причина этого очень простая:—мы смотрѣли на славянскіе народы, какъ на должнствующихъ быть подчиненными намъ, забывая, что подобной постановкой вопроса мы уже отталкиваемъ ихъ отъ себя, и если нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ же не высказывали намъ этого, то потому только, что рассчитывали извлечь отъ насъ какую-либо выгоду. Впослѣдствіи же они отворачивались отъ насъ. Многихъ поражалъ тотъ фактъ, что славяне, освободившіеся съ помощью Россіи, становились впослѣдствіи нашими противниками. Между тѣмъ, это вполне естественно;—недовѣрье къ Россіи невольнo должно было зарождаться въ томъ, кто лично имѣлъ

*) Россія и Англія.

возможность убѣдиться, что, въ случаѣ сближенія съ Россіей, его отечеству предстоитъ подчиненная роль, а, можетъ быть, грозить даже самоуничтоженіе въ сліяніи съ Россіей; понятно, что отъ насъ сторонились и предпочитали намъ западъ. Если бы стремленіе поглотить всѣ славянскіе ручьи въ русское море сохранилось въ русскомъ обществѣ и до настоящей минуты, — то Австріи не трудно было бы привлечь къ себѣ симпатіи славянъ. Но надо полагать, что наши отношенія къ славянамъ будутъ теперь все болѣе и болѣе выясняться и что это отразится и на нашей политикѣ, въ которой часто проглядывалъ начальственный тонъ по отношенію къ славянамъ. Такъ, напр., въ Сербіи представители Россіи постоянно принимали прямое участіе въ государственныхъ перемѣнахъ и борьбѣ партій, указывали, какъ дѣйствовать, и нерѣдко навязывали свой авторитетъ. Правда, въ послѣднее время положеніе ихъ значительно измѣнилось, но было бы желательно, чтобы сербы видѣли въ русскомъ дипломатическомъ агентѣ не опекуна, а истиннаго ихъ доброжелателя, совѣтника и защитника; чтобы они убѣдились, что мы не имѣемъ никакихъ заднихъ цѣлей относительно ихъ, и сознали значеніе для нихъ существованія славянской Россіи. Точно такія же отношенія должны установиться между нами и другими славянскими народами, — пользуются-ли они самостоятельностью или нѣтъ. Какъ ни трудно нашимъ агентамъ привыкать къ такой политикѣ, но это необходимо въ виду интересовъ Россіи. Столкновенія, подобныя бывшему между нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Рагузѣ и княземъ Даниломъ Черногорскимъ, предмѣстникомъ нынѣшняго князя, не должны повторяться. Даже дѣятельность теперешняго нашего министра-резидента въ Цетиньѣ, г. Юнина, едва ли отвѣчаетъ той задачѣ, которую предстоитъ намъ преслѣдовать. Хотя г. Юнинъ и пользуется расположеніемъ Цетиньевскаго двора, но такъ какъ, благодаря своему исключительному положенію, онъ не можетъ не вліять лично на направленіе дѣлъ въ Черногоріи, то такого рода внимательство представителя Россіи, не приносящее намъ никакой выгоды, со временемъ можетъ имѣть неблагопріятныя для насъ послѣдствія. Но если въ Черногоріи исключительное положеніе нашего агента можетъ быть объяснено нашей политикой семидесятихъ годовъ, то относительно Болгаріи несомнѣнно мы вправѣ рассчитывать, что Россія не будетъ принимать на себя роли опекуна или распорядителя. Было бы желательно, чтобы новый нашъ генеральный консулъ въ Софіи, г. Бумани, замѣнившій г. Давыдова, раздѣлялъ этотъ взглядъ. Какъ невыгодно для государства, когда дипломатическіе агенты его выступаютъ изъ опредѣленныхъ рамокъ, можетъ служить исторія нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Молдавіей и Валахіей. Одно время, именно съ тридцатыхъ и до пятидесятыхъ годовъ, русскіе консулы въ Бухарестѣ и Яссахъ были почти распорядителями судебъ княжества. Такъ, напримѣръ, отъ нашего яссаго консула Коцебу зависѣло даже назначеніе министровъ. Какихъ же результатовъ достигли мы

по отношенію къ Румыніи? Въ княжествахъ сложилось убѣжденіе, что Россія стремится подчинить ихъ въ той или другой формѣ, а теперь число противниковъ Россіи весьма и весьма значительно. Замѣчательно, что враждебное къ намъ настроеніе въ Румынахъ обуславливается не личной антипатіей, какъ, напримѣръ, къ австрійцамъ, а опасеніемъ захватовъ съ нашей стороны и посягательствъ на ихъ самостоятельность. Управляя Молдавіей и Валахіей чрезъ своихъ консуловъ, мы невольно возбуждали въ румынахъ опасенія, чтобы княжества не сдѣлались русскими провинціями, и теперь многіе румыны глубоко убѣждены въ тайныхъ завоевательныхъ планахъ Россіи. Не удивительно поэтому, что въ Бухарестѣ недавно распространились слухи о намѣреніи Россіи и Австріи раздѣлить Румынію. Между тѣмъ, для насъ очень важно убѣдить всѣ балканскіе народы, что въ основѣ политики Россіи — мирное завоеваніе симпатій. Сознаніе необходимости этой политики начинаетъ проникать все болѣе и болѣе и въ наши руководящіе кружки. Но, къ сожалѣнію, мы озабочены главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы убѣдить въ нашемъ миролюбіи и въ нашемъ безкорыстїи Западную Европу, а не тѣ народы, съ которыми мы имѣемъ общіе интересы. Такъ высоко офиціозная статья, помѣщенная въ послѣдней книжкѣ «Nouvelle Revue», по поводу русско-турецкой войны, проникнута желаніемъ засвидѣтельствовать передъ Европой о нашемъ безкорыстїи, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ искренности сдѣланныхъ въ ней разъясненій. Такъ, коснувшись момента, когда русская армія приближалась къ Константинополю, авторъ статьи, лицо весьма компетентное, говоритъ: «Въ самую критическую минуту этой потрясающей драмы въ Петербургѣ явилась идея не удерживать стремленія русской арміи вступить въ Константинополь и въ то же время возвѣстить державамъ, что турецкое владычество окончилось въ Европѣ, что Россія, удовлетворенная тѣмъ, что ей удалось совершить этотъ христіанскій подвигъ, приглашаетъ Европу собраться и рѣшить вмѣстѣ будущую судьбу Балканскаго полуострова. Мысль эта была грандіозная. Быть можетъ, это блистательное доказательство умѣренности и благородства, въ связи съ свидѣтельствами силы Россіи, только что данными ею, обезоружило бы недовѣріе кабинетовъ и державы соединились бы въ единодушномъ рѣшеніи прекратить соперничество и воздвигнуть сообща на опустошенной почвѣ Востока зданіе, достойное 19 столѣтія. Скорость, съ которою послѣдовали событія, не дозволяла развиваться этой идеѣ, могшей оказаться столь плодотворной. Россія, конечно, имѣла бы право жалѣть о своей умѣренности, въ виду того, что послѣдовало, въ виду тяжелаго и оскорбительнаго для достоинства и для славнаго престижа ея положенія, которое она должна была вынести въ продолженіи шести мѣсяцевъ, въ виду недовѣрія и недоброжелательства кабинетовъ, все яенѣе и яенѣе обнаруживавшихся и окружавшихъ ее коалиціей, которая заставила ее, побѣдоносную державу, одиноко предпринимающую и вынесшую съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ

все время войны, принятой ею на себя изъ-за христіанскаго человѣколюбія, явиться какъ обвиненною на конгрессъ, созванный въ Берлинѣ, передъ недоброжелательной Европой и присутствовать при распластаніи, искалчченіи и кастрированіи творенія ея рукъ. Мы пойдемъ еще далѣе, и въ виду всего, что ежедневно происходитъ передъ нами, въ виду печальной путаницы, называемой восточнымъ вопросомъ, снова возрождающимся изъ своего пепла и угрожающимъ миру Запада безконечными затрудненіями, будемъ утверждать, что Европа должна сама сожалѣть о недостаточности исправленій, послѣдовавшихъ по винѣ ея виѣшательства». Мы, слѣдовательно, ничего не искали для себя, а только стремились совмѣстно съ другими державами создать новое положеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Насъ же не только не поняли, но даже заставили вынести рядъ оскорбленій и униженій. Подобное отношеніе Европы ни сколько не должно насъ удивлять. Она не можетъ уяснить себѣ нашего образа дѣйствій и естественно не довѣряетъ намъ. А, между тѣмъ, мы дѣйствовали искренно, но только свои заявленія о безкорыстїи посылали не по адресу. Поступи мы такъ относительно славянъ, мы бы упрочили наше положеніе на Балканскомъ полуостровѣ и, можетъ быть, избѣгли бы многихъ непрїятностей. Главная наша ошибка заключается въ томъ, что мы разсчитываемъ на единодушіе Европы и полагаемъ найти въ другихъ подобное нашему безкорыстію.—Пора перестать вѣрить этому. Не повидимому мы все еще разсчитываемъ, что Европа общими усиліями можетъ чего либо достигнуть въ восточномъ вопросѣ. Такъ, въ той же статьѣ «Nouvelle Revue» сказано слѣдующее о дѣятельности дипломатїи: «Дипломатїя могла создать великое дѣло, полезное для человѣчества, для цивилизаціи и ея собственнаго спокойствія. У нея были для этого и случаи, и средства. Въ ея рукахъ находилась власть, передъ которой уступили бы всѣ препятствія на востокѣ. Ея собственная коллективная сила и присутствіе русскихъ войскъ позволяли ей дѣлать свои рѣшенія обязательными. Просвѣщенная опытомъ прошлаго, дипломатїя могла дать восточнымъ затрудненіямъ рациональное, практическое и прочное рѣшеніе, отдѣливъ племена и интересы и давъ имъ справедливое удовлетвореніе. Тогда Порта, ограниченная и сосредоточенная въ самой себѣ, была бы не въ состоянїи дѣлать зла на будущее время; но могла бы преобразовать себя, никого не подвергая опасности въ Константинополѣ, и изъ возрожденной Турціи образовался бы правильно развивающійся членъ европейской семьи. Но виѣсто того, европейскіе кабинеты, поглощенные чувствомъ недоувѣрія и политическаго соперничества, не имѣли иной мысли, какъ унизить дѣло Россїи, лишить ее плодовъ его и на ея счетъ самимъ пожинать дипломатическіе лавры. Они мало принимали въ расчетъ интересы христіанъ и предоставили ихъ самимъ себѣ слишкомъ свободными для подчиненія и слишкомъ слабыми для независимости, жертвами возбужденныхъ и вооруженныхъ турокъ. Они унизили турецкую

гордость, умалили Турцію подь предлогомъ спасти ее, рассчитывая между тѣмъ на ея смерть и, однако, оставляя ей достаточно жизненности, чтобы дѣлать зло. Поддерживая въ Портѣ убѣжденіе въ ея собственной безнаказанности, которую обезпечивала ей обоюдная зависть державъ, они оставили ей надежду когда-нибудь вернуть все утраченное ею. Такимъ образомъ, они положили зародышъ къ безчисленнымъ столкновеніямъ на будущее время, увѣковѣчивая восточный вопросъ, который они считали разрѣшеннымъ. Даже они и теперь провозглашаютъ уваженіе къ верховнымъ правамъ султана, а, между тѣмъ, налагаютъ на него территоріальныя жертвы, реформы, финансовую опеку во имя европейскаго концерта. Россія сознаетъ, слѣдовательно, что дѣятельность европейской дипломатіи привела совершенно къ другому результату, чѣмъ предполагалось». Къ этому можно добавить, что только къ такому результату она и могла привести. Опытъ послѣднихъ лѣтъ долженъ бы былъ убѣдить насъ въ этомъ. Въ заключеніе официозная статья «Nouvelle Revue» высказываетъ увѣренность, что Россія не дастъ погибнуть доброму дѣлу, залогъ котораго ею положенъ. «Исторія скажетъ, что Россія побуждена была къ войнѣ благородными чувствами, что она вела ее честно и безъ всякой задней мысли, и что, преслѣдуя свою гуманитарную цѣль, не потеряла изъ виду ни своихъ обязанностей въ качествѣ христіанской державы, ни своихъ обязательствъ, какъ держава европейская. Энергія, которую она проявила при выполненіи этого добраго дѣла,—вѣрный залогъ того, что она не дастъ ему погибнуть». Слѣдовательно, мы можемъ рассчитывать, что Россія и теперь будетъ руководствоваться безкорыстными соображеніями.

Но слѣдуя политикѣ мирныхъ завоеваній, мы все-таки не избѣжимъ столкновенія съ державою, поднимающею теперь свое знамя на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ намъ должно дѣйствовать по отношенію къ этой державѣ,—это одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ. Главная опасность для Россіи заключается въ томъ, что между славянами-католиками и славянами-православными существуетъ нѣкоторое разъединеніе. Австрія, объявивъ себя славянскою католическою державою, можетъ привлечь къ себѣ симпатію не только поляковъ, но чеховъ и хорватовъ и, такимъ образомъ, сильно поколебать вліяніе Россіи и затруднить намъ разрѣшеніе нашей политической задачи. Что многіе руководители политическихъ партій между западными славянами будутъ сочувствовать тогда Австріи,—это несомнѣнно. На дняхъ еще одинъ изъ вожаковъ польской партіи въ Вѣнѣ, докторъ Смолка, откровенно заявилъ, что прямое сближеніе между правительствомъ и поляками можетъ быть достигнуто именно при условіи славянской политики вѣнскаго кабинета. Многія вліятельныя австрійскія газеты тоже склоняются къ убѣжденію, что Габсбургская имперія должна искать себѣ точку опоры на Балканскомъ полуостровѣ, хотя большинство и противъ преобразованія Австріи въ славянскую державу. Даже «Пештскій Лойдъ» и тотъ требуетъ сознательной и энергичной политики для

упроченія австрійскаго вліянія въ балканскихъ земляхъ. «Если этого нельзя достигнуть при помощи той « *douce violence* », говоритъ венгерская газета, которая употреблялась до сихъ поръ, то мы должны пустить въ ходъ болѣе сильныя мѣры и прежде всего мы рекомендовали бы слѣдующее, а именно: пока эти государства находятся въ состояніи открытой или тайной вражды къ австрійской монархіи, самый настоятельный долгъ нашей дипломатіи требуетъ, чтобы всѣми силами поддерживать или по крайней мѣрѣ заботливо охранять всѣ тѣ элементы, которые идутъ наперекоръ нынѣшнему движенію на Балканскомъ полуостровѣ. Это въ особенности касается албанцевъ. Благодаря храбрости и духу независимости, это племя пользуется ненавистью сербовъ, черногорцевъ и другихъ народовъ; во всякомъ случаѣ жаль, что упорство албанцевъ грозитъ дальше затянуть пресловутый дульцинскій вопросъ; но не менѣе прискорбно было бы, если бы австрійская дипломатія одобрила какую-нибудь насильственную мѣру, которая сломила бы сопротивленіе албанцевъ. Будемъ учиться у Россіи бороться съ противникомъ повсюду, гдѣ онъ встрѣчается и, наоборотъ, поддерживать миролюбивое настроеніе вездѣ, гдѣ она находитъ его; пусть бы черногорцы сами справлялись съ албанцами. Если имъ не удастся это дѣло и теперь, когда уйдутъ турки, то все-таки не надо, чтобы наша дипломатія вмѣшивалась въ это дѣло, потому что вовсе нѣтъ надобности для Австріи создавать себѣ враговъ тамъ, гдѣ она до сихъ поръ встрѣчала одну симпатію». Венгерская газета забываетъ, кажется, что, проповѣдуя *Drang nach Osten*, она подготавливаетъ почву для славянской Австріи, что едва-ли отвѣчаетъ интересамъ мадьяръ. Австрійское правительство несомнѣнно сильно склоняется къ этой политикѣ. Образъ дѣйствій его за послѣднее время не оставляетъ почти ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. Изъ недавно обнародованныхъ въ Красной Книгѣ дипломатическихъ документовъ видно, что теперь въ основаніи политики Австро-Венгрии лежитъ поддерживать Порту всѣми прямыми и косвенными путями. Вѣнскій кабинетъ старался даже изолировать державы, чтобы избѣгнуть совмѣстнаго воздѣйствія на Турцію. Само собой разумѣется, что самъ онъ рѣшительно уклонился отъ коллективнаго дѣйствія.

Такая двуличная политика Австрія обуславливается отчасти неопредѣленнымъ ея положеніемъ. Правительство не можетъ разорвать связи съ кѣмъ-то, тѣмъ болѣе съ мадьярами, хотя сознаетъ, что единственно-возможное положеніе для Габсбургской монархіи, это—католическая славянская держава. Затрываніе съ чехами, уступки хорватамъ и, наконецъ, необыкновенная величественность, выказанная по отношенію къ полякамъ во время послѣдней поѣздки императора Франца-Иосифа въ Галицію, свидѣтельствуютъ, что касательно славянъ имѣются тайные планы. Слова австрійскаго императора, сказанныя на станціи въ Бракровѣ въ отвѣтъ на прѣвѣтвенную рѣчь графа Водзинскаго, маршала Краковскаго Сейма, весьма знаменательны: «охотно осуществляя давнишнее намѣреніе, я съ радостью

прибыль въ Галицію, сказалъ Францъ-Юсифъ, и проведу нѣкоторое время, чтобы утѣшиться вашею искреннею любовью и преданностью, а равно, чтобы обратить самое тщательное вниманіе и позаботиться о вашихъ нуждахъ».

Но пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ въ Вѣнѣ рѣшатся на опредѣленный шагъ. Намъ поэтому не слѣдуетъ упускать благоприятной минуты. Теперь Россія можетъ спокойно разъяснить свою программу. Ни одна изъ великихъ державъ не вправѣ будетъ претендовать на насъ за подобный образъ дѣйствій.

Но рѣшимся-ли мы на это? Разбирая политику Россіи за послѣднее время, невольно приходишь къ убѣжденію, что трудно ожидать съ нашей стороны рѣшительнаго шага.

Заявивъ послѣ берлинскаго конгресса о своемъ твердомъ намѣреніи поддерживать миръ, Россія до настоящей минуты ограничивается тѣмъ, что содѣйствуетъ другимъ державамъ приведенію въ исполненіе постановленій конгресса. Мы даже серьезно относимся ко всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ Портою для улучшенія положенія ея христіанскихъ подданныхъ, какъ, напримѣръ, къ органическому уставу для вилайетовъ Европейской Турціи. Конечно, если-бы примѣненіе его состоялось во всѣхъ частяхъ правильно и добросовѣстно, то результаты получились бы самые благоприятные, и въ администраціи турецкихъ провинцій осуществился бы важный прогрессъ. Но этого нельзя ожидать. Провинціальныя совѣты избирались бы и имъ гарантировались бы такія полномочія, которыя въ правахъ уравниваютъ ихъ съ настоящими парламентами. Утверждаемая этимъ собраніемъ (меджлисами) законодательныя мѣры требуютъ санкціи султана, который не можетъ ихъ отвергать, такъ какъ по существу своему онѣ должны касаться внутренняго управленія краемъ и не имѣютъ прямыхъ отношеній къ политическимъ интересамъ государства. Судебная власть находилась бы въ полной независимости отъ административной. Судопроизводство должно быть публичное. Судъ гласный во всѣхъ своихъ инстанціяхъ, и немусульманскіе свидѣтели уравниваются въ правахъ съ мусульманскими. Предсѣдатели и члены апелляціоннаго суда несмѣняемы. Но, къ сожалѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти мѣры останутся жертвою буквы. «Deutsche Zeitung» совершенно основательно замѣтила объ уставѣ, что «подобныя реформы уже въ сотый разъ выработываются для Турціи. Бумаги исписано не мало; архивы завалены благотворными проектами, но мусульманская неподвижность едва-ли извлечетъ что либо на пользу турецкаго отечества. Въ способность Османской имперіи цивилизоваться не вѣрять и самая коммиссія, выработавшая вышеприведенный проектъ».

Трудно понять, для чего мы показываемъ видъ, что вѣримъ въ возможность достиженія какихъ либо результатовъ, благодаря той дипломатической игрѣ, которой вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ приходится быть свидѣтелями. Даже большинство англійской прессы и въ томъ числѣ и ор-

ганы, расположенные къ министерству, давно уже откровенно заявляли, что въ официальномъ мірѣ и въ Константинополѣ укрѣпляется убѣжденіе, что крайній предѣлъ, до котораго державы дойдутъ—безобидная морская демонстрація, и что ни въ какомъ случаѣ дѣло не дойдетъ до употребленія физической силы. Европейское согласіе, говорить Таймсъ, сначала вызвало сильную тревогу въ Ильдизъ-Бюскѣ, и остроумные планы составлялись для отдѣленія Россіи или Германіи отъ коалиціи, однако, хотя эти планы и не удались, тревога все-таки мало-по-малу прошла, и стамбульскіе государственные люди съ изумительною способностью, свойственною туркамъ, спокойно подчиняются неизбѣжному, стараются убѣдить себя, что европейское согласіе представляетъ скорѣе охрану, чѣмъ опасность для имперіи. Они сравниваютъ европейскую коалицію съ каретой, въ которую впряжены шесть лошадей, стремящихся всѣ въ разныхъ направленіяхъ, и утверждаютъ, что для зрителей отъ этого опасности гораздо меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы лошади всѣ носились на свободѣ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, что имъ не слѣдуетъ дѣлать никакихъ уступокъ, они приводятъ тотъ фактъ, что хотя европейское согласіе существуетъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, но еще рѣшительно ничего не сдѣлано для исполненія пунктовъ тождественной ноты, и они не видятъ никакой причины предполагать, что средства для проволокъ, бывшія удачными въ прошломъ, не будутъ столько же удачными и въ будущемъ. Они убѣждены, что державы утомились борьбою и желаютъ выдти изъ своего затруднительнаго положенія, и потому думаютъ, что если имъ придется покориться, то достаточно будетъ и весьма незначительныхъ уступокъ. Если уже въ Англіи слагается подобный взглядъ на отношенія Порты къ великимъ державамъ, то мы болѣе, чѣмъ кто либо, имѣемъ право прямо и откровенно высказаться о всѣхъ обсуждающихся теперь вопросахъ, какъ о безплодной дипломатической игрѣ, на которую тратимъ теперь и время, и силы и,—что главное, на которую тратимъ свое вліяніе. Нельзя же вѣдь чтобы, напримѣръ, слѣдующая коллективная нота державъ по греческому вопросу, не приведшая ни къ какимъ результатамъ, не производила неблагоприятнаго для насъ впечатлѣнія. «Нижеподписавшіеся, по приказанію ихъ правительствъ, имѣютъ честь заявить Абединъ-пашѣ, что рѣшеніе берлинской конференціи приято послѣ тщательнаго обсужденія, а также и по зрѣломъ всестороннемъ разсмотрѣніи различныхъ трассировокъ, послѣдовательно предложенныхъ Оттоманскимъ и Греческимъ правительствами, въ виду чего посредничающія державы не считаютъ возможнымъ согласиться на возобновленіе переговоровъ по тому же самому предмету. Великія державы могутъ только держаться рѣшенія конференціи, имп одобреннаго, и вновь предложить его Блистательной Портѣ, какъ вполне согласное съ духомъ и смысломъ протокола берлинской конференціи. Правительства Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Великобританіи, Италіи и Россіи находятся вслѣдствіе того въ невозможности разрѣшить нижепод-

писавшимся принятія какого либо рѣшенія относительно трассировки греческой границы. Они могутъ имъ представить только возможность разрѣшить предложенія, какія можетъ сдѣлать имъ Порта относительно наилучшаго способа очищенія оттоманскими войсками территорій, указанныхъ въ рѣшеніи конференціи, и передачи ихъ Эллинскому правительству» (слѣдуютъ подписи).

Только къ одному Дульцинскому вопросу Россіи необходимо теперь относиться серьезно и дѣйствительно употребить усилія, чтобы добиться благопріятнаго рѣшенія его. По отношенію къ этому вопросу мы находимся въ исключительномъ положеніи. Во-первыхъ, Россія должна принимать горячее участіе въ вопросѣ о территоріальномъ вознагражденіи Черногорін, потому что Англія, взявъ на себя починъ дѣла, рассчитывала на наше содѣйствіе. Было бы нежелательно, чтобы между нами и кабинетомъ Гладстона произошли недоразумѣнія, что можно ожидать, если бы въ Дульцинскомъ вопросѣ мы отказались содѣйствовать Англіи. Во-вторыхъ, потому что Черногоріи мы всегда оказывали исключительную поддержку и теперь было бы неудобно измѣнить относительно ея нашъ образъ дѣйствій. Но по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, Россіи не представляется необходимости заботиться о приведеніи въ исполненіе постановленій берлинскаго конгресса. Намъ надо по возможности ограничиваться пассивною ролью, имѣя въ виду, что напряженіе силъ потребуется для обезпеченія собственныхъ интересовъ.

Слѣдую девизу Гладстона по отношенію къ балканскимъ народностямъ: «руки прочь» и держа себя въ восточномъ вопросѣ въ сторонѣ отъ дразгъ европейской дипломатіи, мы достигнемъ несравненно болѣе благопріятныхъ для насъ результатовъ, если только сѣужемъ стать относительно славянъ въ то положеніе, которое мы должны занимать. Руководствуясь этимъ девизомъ, Россія не можетъ ничего потерять, потому что у насъ съ славянами есть болѣе прочная связь, чѣмъ установившаяся благодаря нашимъ политическимъ вмѣшательствамъ въ ихъ дѣла. Эта-то связь и будетъ тогда все болѣе и болѣе усиливаться и побудитъ недобѣряющихъ насъ и сомнѣвающихся въ насъ славянъ обратиться къ Россіи. Имѣть опору въ державѣ, въ безкорыстіи которой не будетъ основаній усомниться, много значить и странно бы было предполагать, что славяне не поймутъ и не оцѣнятъ нашего образа дѣйствій. Для Австріи, правда, это будетъ непріятно, но такъ какъ она въ своихъ собственныхъ интересахъ не можетъ не противиться благопріятному для Россіи разрѣшенію нашихъ политическихъ задачъ на Балканскомъ полуостровѣ, то едва-ли мы должны затрудняться этимъ. Нельзя не пожалѣть только, что Германія также, по всей вѣроятности, не будетъ довольна тѣмъ положеніемъ, которое мы займемъ. Не говоря уже о солидарности, установившейся съ нѣкотораго времени между Германіей и Австріей, первая не можетъ почувствовать Россіи въ упроченіи ея положенія въ славянскихъ земляхъ

и потому, что естественное прочное сближеніе между собой славянскихъ народностей всегда возбуждало страхъ въ нѣмцахъ. Поэтому-то въ Германіи и относятся сочувственно къ идеѣ преобразованія Австріи въ католическую славянскую державу. Разъединенные на двѣ отдѣльныя единицы, славяне уже не внушаютъ нѣмцамъ большихъ опасеній. Не только Европа, но и Турція понимаютъ истинныя чувства Германіи по отношенію къ славянамъ, и органъ султана, газета «Osmanly» прямо высказывается даже за союзъ Германіи съ Портою. «Турецкій союзъ, говоритъ «Osmanly» — абсолютная политическая необходимость для Германіи. Когда нѣсколько времени назадъ германская политика по отношенію къ Россіи испытала неожиданную, но весьма существенную пережѣну, совмѣстныя дѣйствія между княземъ Бисмаркомъ и Турціей должны были сдѣлаться болѣе неудобными для русскаго царя, чѣмъ какое-либо сближеніе между Вѣною и Берлиномъ. Обладая значительными военными силами и благоприятнымъ географическимъ положеніемъ, Турція могла бы оказать весьма драгоцѣнныя услуги Германіи. Если предположимъ, что Германія и Франція приходятъ между собою въ столкновение, Турція, принуждая Россію соблюдать нейтралитетъ, будетъ чрезвычайно полезна для тевтонской рати. Что касается отношеній между Германіею и Турціею, то, правда, положеніе князя Бисмарка на берлинскомъ конгрессѣ было несовсѣмъ благоприятно для Турціи. Но Турція въ тѣ дни была жертвою постоянныхъ клеветъ, и князь принужденъ былъ вѣрить, что оттоманы — варвары, мучаютъ христіанъ и желаютъ сохранить господство для подавленія ордъ страдающихъ рабовъ. Съ тѣхъ поръ князь, подобно всѣмъ людямъ сердца и ума, имѣлъ возможность составить лучшее мнѣніе о туркахъ. Онъ былъ свидѣтелемъ жестокостей, совершенныхъ болгарами надъ мусульманами, и узналъ, кто угнетатели и кто угнетаемые. Онъ знаетъ теперь, кто нарушаетъ договоры и кто соблюдаетъ ихъ». Конечно, подобныя заявленія турецкой официальной газеты не могутъ серьезно быть приняты въ Берлинѣ, но уже то, что въ Турціи могли рассчитывать опереться на Германію, имѣетъ значеніе.

Приходится убѣждаться, что въ Европѣ ни одна держава не имѣетъ къ намъ довѣрія и, не смотря на необыкновенно искреннюю и миролюбивую политику Россіи, на западѣ продолжаютъ остерегаться насъ и, какъ говорится, «держатъ камень за пазухой». Такого рода отношеніе къ намъ еще болѣе развязываетъ Россіи руки. Если даже наша политика послѣднихъ годовъ не могла поколебать на западѣ вкоренившееся тамъ убѣжденіе въ нашей двуличности, убѣжденіе, не основанное ни на какихъ данныхъ, то было бы странно рассчитывать, что когда-либо исчезнетъ предубѣжденіе противъ насъ. Поэтому откровенно объявивъ, что мы желаемъ установить прочную связь съ славянами, но связь, основанную не на принужденіи, а на взаимномъ сочувствіи и общности интересовъ, и что въ виду этого Россія считаетъ своимъ долгомъ по мѣрѣ возможности

оберегать интересы славянъ, мы займемъ прочное и опредѣленное положеніе. Теперь, какъ бы мы не отрекались отъ всякихъ панславистскихъ стремленій, Европа не вѣритъ намъ, потому что понимаетъ важность для Россіи славянскаго вопроса. О насъ она слишкомъ хорошаго мнѣнія, чтобы полагать, что мы будемъ дѣйствовать въ ущербъ своимъ выгодамъ; объясненія же наши, что теперь Россія намѣрена держаться въ славянскомъ вопросѣ пассивной роли, считаетъ хитрой уловкой, за которой мы будто бы желаемъ скрыть наши тайные планы. Невозможность постоянно уклоняться отъ роли великой славянской державы, впрочемъ, надо полагать, сознается временами и въ Петербургѣ и, не смотря на наше искреннее желаніе поддержать миръ и дѣйствовать согласно со всѣми западными державами, мы все же иногда принимаемъ болѣе участія въ славянахъ чѣмъ другія правительства. Выступить теперь съ мирной, но самостоятельной программой Россія можетъ и потому еще, что пресловутое единодушіе державъ *de facto* не существуетъ, и никто уже не вѣритъ въ него. Само австрійское правительство призналось, что оно не во всемъ солидарно съ другими державами. Такъ въ рѣчи, сказанной барономъ Гаймерле въ венгерской делегаціи, онъ прямо заявилъ, что Австрія будетъ противиться всякому воинственному дѣйствію противъ Турціи. Официозная же и полуофициозная періодическая печать въ Вѣнѣ начинаетъ уже говорить прямо въ враждебномъ тонѣ по отношенію къ Россіи и Англии, которыя будто бы подстрекаютъ славянскія государства противъ Австріи. Отъ Галаца до Бѣлграда обнаруживаются, по словамъ «*Presse*», явные признаки заговора, имѣющаго цѣлью лишить Австрію подобающаго ей вліянія на дальнѣйшее развитіе восточнаго вопроса. Само собою разумѣется, что мысль эта возникла не въ Бухарестѣ, не въ Софіи и не въ Бѣлградѣ, а въ зданіи у Пѣвческаго моста въ Петербургѣ и въ лондонскомъ «*Foreign office*». Она обнаруживается въ сопротивленіи Румыніи и Сербіи праву Австріи председательствовать въ дунайской комиссіи, въ медленности, съ которою Болгарія приступаетъ къ срытію придунайскихъ крѣпостей, въ отвращеніи Сербіи къ заключенію торговыхъ и иныхъ договоровъ съ Австро-Венгерією, наконецъ, въ панславистской агитаціи, театромъ которой являются въ настоящее время Боснія и Герцеговина. Пора, наконецъ, дать понять балканскимъ государствамъ, взявшимъ такъ охотно на себя роль передовыхъ отрядовъ Россіи и Англии, что Австрія не можетъ далѣе оставаться равнодушною къ ихъ образу дѣйствій. Если въ Австріи не стѣсняются преслѣдовать свои собственные выгоды въ ущербъ европейскому соглашенію, (которое въ дѣйствительности никогда и не существовало, но въ которомъ желали убѣдить общество многія правительства), то нельзя же требовать отъ Россіи, чтобы она продолжала слѣдовать политикѣ, основанной на солидарности великихъ державъ. Мы, съ своей стороны, можемъ только порадоваться, что несостоятельность этой политики такъ скоро обнаружилась.

Едва-ли кто будетъ теперь возражать противъ того, что европейскій концертъ съ 1875 года и до послѣдняго времени былъ далеко не гармониченъ и что всѣ правительства, заботясь яко-бы объ общеевропейскихъ интересахъ, въ сущности преслѣдовали свои собственные. Правда, послѣдніе нерѣдко понимались вкривъ и вкось, и признаваемое хорошимъ сегодня осуждалось завтра, но подобныя заблужденія объясняются недостаточнымъ пониманіемъ народами и правительствами своихъ политическихъ задачъ.

Россія въ отношеніи опредѣленія своихъ политическихъ задачъ находится сравнительно въ лучшемъ положеніи чѣмъ другія государства. Наша исторія и народныя чувства постоянно указывали намъ, что Балканскій полуостровъ и славянскіе народы должны играть громадную роль въ нашемъ будущемъ, но болѣе ясное понятіе о сущности нашихъ задачъ на западѣ могло сложиться лишь въ послѣднее время. Сознаніе, что путь мирныхъ завоеваній есть наилучшій и наивыгоднѣйшій, только недавно начинаетъ проникать въ руководящіе кружки. Потребовалось много ошибокъ и много горькихъ разочарованій, чтобы понять, въ чемъ заключаются дѣйствительныя выгоды государства. Чего въ настоящій моментъ нельзя еще опредѣлить, это—въ какой политической формѣ выразится наша связь съ славянскимъ миромъ; ясно только, что каждая народность вполне сохранить свою индивидуальность. Быть можетъ, въ отдаленномъ будущемъ многія особенности сгладятся и въ отдаленныхъ славянскихъ племенахъ будетъ больше единства, чѣмъ въ настоящее время, но такія измѣненія должны происходить добровольно, а не насильственно. Весьма естественно, что каждый народъ будетъ брать отъ другаго его лучшее. Такой обмѣнъ долженъ способствовать только большому сближенію славянъ. Трудно предположить, чтобы объединенію на подобныхъ условіяхъ могла не сочувствовать какая-нибудь славянская народность. Вопросъ о главенствѣ или гегемоніи теперь надо признать неумѣстнымъ: сама жизнь выработаетъ тѣ условія, которыя наиболѣе удовлетворятъ общимъ требованіямъ. Было бы странно, если бы славяне не поняли своихъ собственныхъ выгодъ. Сосредоточивая вокругъ себя разрозненныя силы славянъ, Россія въ своихъ собственныхъ интересахъ не посягнетъ на ихъ самобытность.

Относительно будущности славянъ нельзя не раздѣлить взглядъ г. Будиловича, высказанный въ рѣчи, произнесенной имъ 3-го ноября 1874 года въ засѣданіи Петербургскаго отдѣленія Славянскаго благотворительнаго комитета. «Всѣ почти славянскіе народы, сказалъ Будиловичъ, не только не имѣютъ признанія на своей территоріи, какъ народности равноправныя съ другими, но даже всюду должны терпѣть надъ собою по нѣсколько инородныхъ поработителей, всѣ усилія которыхъ направлены къ искорененію народностей славянскихъ. Эта борьба славянъ за существованіе продолжается уже много вѣковъ, но съ особеннымъ оже-

сточиеніемъ и рѣшительностью ведется въ наши дни, при чемъ во многихъ мѣстахъ славяне уже пали, а въ другихъ падаютъ подъ ударами ино-родцевъ.

Главною причиною этихъ потерь слѣдуетъ признать внѣшнюю и внутреннюю разрозненность славянъ. Единственное ихъ спасеніе заключается въ сосредоточеніи и организаціи ихъ соединенныхъ силъ. Но для этого соединенія имъ нуженъ какой-нибудь нравственный и матеріальный центръ. Природа и исторія создали такой центръ въ Россіи.

Если эти истины во время будутъ поняты и осуществлены, какъ славянами, такъ и Россією, то многое погибнувшее еще можетъ быть спасено, и даже мертвое воскрешено; если же нѣтъ, то большую часть славянъ, не только западныхъ, но и южныхъ, ожидаетъ судьба ихъ погибшихъ соплеменниковъ прибалтійскихъ, дунайскихъ, морейскихъ и т. д.»

Надо надѣяться, что политическія задачи Россіи будутъ разрѣшены удовлетворительно. Что касается до Азіи, то благопріятное разрѣшеніе тамъ нашей задачи зависитъ прямо отъ насъ, а мы можемъ разсчитывать на свои силы. Несравненно труднѣе сказать что-нибудь положительное относительно славянскаго вопроса, но собственные интересы славянъ должны побуждать ихъ содѣйствовать благопріятному для Россіи разрѣшенію нашей политической задачи на западѣ.

Пушкинскій вопросъ.

«Прекрасные дни въ Аранжуэцѣ окончились», говорится у Шиллера въ «Донъ Карлосъ» *). И мы можемъ теперь сказать, что прекрасные пушкинскіе дни прошли. Намъ успѣли уже окатить нѣсколькими ведрами холодной воды.

Такъ оно, впрочемъ, у насъ уже заведено. Не смущаясь этимъ, посмотримъ, въ чемъ заключаются наши положительныя пріобрѣтенія по «пушкинскому вопросу».

Бо дню открытія памятника не было еще новаго полного изданія Пушкина, взамѣнъ давно распроданныхъ прежнихъ. Тогда вышли только два разрозненныхъ тома 2-го Исаковскаго изданія, редактируемаго П. А. Ефремовымъ. Редакторъ извѣстенъ своею библиографическою добросовѣстностью и оправдалъ благопріятную о себѣ молву и въ настоящемъ случаѣ. Но онъ, къ несчастью, довелъ свою добросовѣстность до крайности, и позабылъ слова самого поэта: «стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати, простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ». Самъ поэтъ, разумѣется, «не долженъ (употребляю его же выраженіе) отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ своего отрочества», всего того, что, по его словамъ, «желалъ бы онъ уничтожить, какъ недостойное его дарованія» или, что «тяготѣеть, какъ упрекъ, на его совѣсти» **). Само собою разумѣется, что сюда не могутъ относиться «вольнoлюбивыя мечты» его юности. Все, включенное изъ нихъ въ первый разъ въ новое изданіе, не можетъ, конечно, оскорбить тѣни поэта. Уваженіе къ ней не должно также намъ помѣшать воспользоваться и его дѣйствительными «грѣхами», какъ матеріаломъ для его жизнеописанія. Имъ только не мѣсто въ классическомъ изданіи поэта.

*) Die schönen Tage zu Aranjuez sind nun zu Ende.

***) Соч. Пушкина, изд. Анненкова. Т. V, стр. 27—28.

Для жизнеописанія Пушкина получили мы во дни открытія ему памятника нѣсколько новыхъ матеріаловъ, но отъ насъ скрываютъ нѣкоторые, неблагоприятные поѣту отзывы. «Два голоса замогильныхъ обвинителей, говоритъ редація «Русской Старины», произнесли надъ Пушкинымъ свой приговоръ и вѣсть съ тѣмъ выяснили отношенія крайнихъ декабристовъ къ Пушкину. Мы говоримъ объ отзывахъ о немъ покойныхъ М. И. Горбачевского и М. А. Бестужева, высказанныхъ ими въ ихъ перепискѣ 1861 г. Письма эти и записки принадлежатъ собранію «Русской Старины». Какъ крайне рѣзкіе о личномъ характерѣ великаго поэта и голословные отзывы, мы не рѣшаемся ихъ приводить *)». Совершенно напрасно. Сообщила же «Русская Старина» нѣкоторые весьма неблагоприятные отзывы о Грибоѣдовѣ; и что же? проверенные критически, они ни мало не поколебали уваженія къ характеру автора «Горя отъ ума». Надо думать, что то же самое вышло бы и съ Пушкинымъ послѣ критической проверки отзывовъ его недруговъ. Спасибо кн. П. П. Вяземскому, что онъ не скрылъ отъ насъ въ высшей степени неблагоприятнаго для Пушкина отзыва лица, повидимому, весьма вѣскаго—лицейскаго товарища великаго поэта, покойнаго М. А. Корфа. **) Если его неблагоприятное отношеніе къ Карамзину (въ біографіи Сперанскаго) оправдывается въ значительной мѣрѣ, то едва-ли случится то же съ его взглядомъ на Пушкина. Покойный статсъ-секретарь самъ выдаетъ себя, говоря, между прочимъ, о Пушкинѣ: «ни несчастіе, ни благотвореніе императора Николая его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары монарха, онъ другою омокать перо для злобной эпиграммы». Не даромъ же покойный кн. П. А. Вяземскій замѣтилъ на это: «Императору Николаю былъ онъ душевно преданъ». Это вполне подтверждается и переданнымъ сыномъ поэта въ редакцію «Русской Мысли» отрывкомъ изъ записокъ Пушкина. «Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ, говоритъ онъ тутъ. Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ». Но по всему видно, какъ тяготила его эта милость. «Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молокососами 18-лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать?» ***). Давно извѣстно, каково было Пушкину сносить посред-

*) Русская Старина, 1880 г. Январь, стр. 130.

**) М. А. Корфъ употребилъ слово „благовореніе“. Не лишнее будетъ привести взглядъ на это Пушкина изъ письма его къ брату: „*p'acceptez jamais des bienfaits. Un bienfait pour la plupart du temps est une perfidie. Point de protection, car elle asservit et dégrade*“. (Матер. Анненкова П. С. Соч. Пушкина, I, 234). Пушкинъ едва-ли смотрѣлъ на отношенія къ нему самого государя, какъ на отношенія покровительственныя и едва-ли видѣлъ „благовореніе“ въ томъ, что скорѣе должно было представляться вполне законною данью великому таланту, не зарыванье котораго въ землю есть своего рода служба и обществу, и государству.

***) А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива, С.-Петербургъ, 1880 (слѣва напечатано въ „Берегъ“).

ничество между нимъ и государемъ лица, на которое не безъ основанія падаетъ подозрѣнiе въ томъ, что онъ могъ и не съумѣлъ предотвратить дуэль Пушкина—графа Бенкендорфа. Понятно, что такое посредничество могло нѣсколько охладить отношенія Пушкина къ государю, котораго, по собственному выраженiю поэта, онъ «полюбилъ». Нельзя не пожалѣть отъ всей души, что полныя записки Пушкина не могутъ еще быть напечатаны. Мы вѣримъ на слово сыну поэта, что онъ, конечно, не сталъ бы безъ независимыхъ отъ него основанiй скрывать отъ русскаго общества драгоценный дневникъ своего великаго отца, какъ вѣримъ и тому, что обнаруженiе его заставило бы насъ еще болѣе полюбить Пушкина.

Но мы просто не понимаемъ образа дѣйствiй перваго толковаго издателя сочиненiй поэта, П. В. Анненкова. До сихъ поръ обладаетъ онъ драгоценными матеріалами и дѣлится ими съ публикою только по кусочкамъ. Конечно, и онъ, можетъ быть, вынуждаемъ на то независимыми отъ него обстоятельствами, устраняемыми только съ величайшею постепенностью. Но какъ же ему въ такомъ случаѣ рѣшаться на смѣлые выводы, вѣрность которыхъ не можетъ быть усмотрѣна самимъ читателемъ, вынужденнымъ вѣрить г. Анненкову, что онъ вѣрно понялъ извѣстныя ему одному строки Пушкина. Вопросъ этотъ возникаетъ невольно при прочтенiи любопытной статьи г. Анненкова: «Общественные идеалы А. С. Пушкина» *). Г. Анненковъ сообщаетъ тутъ нѣсколько новыхъ выдержекъ изъ находящихся у него въ рукахъ бумагъ Пушкина—въ дополненiе къ выдержкамъ, давно уже напечатаннымъ имъ въ «Матеріалахъ». Часть этихъ новыхъ выдержекъ предназначена на то, чтобы еще болѣе доказать извѣстный «аристократизмъ» Пушкина, принятый г. Анненковымъ подъ свое покровительство еще въ «Матеріалахъ». Но вѣдь въ томъ же направленiи сложилась у Пушкина и извѣстная пiеса: «Моя родословная или русской мѣщанинъ», выражающая не что иное, какъ предпочтенiе старыхъ захудалыхъ родовъ той новой знати, всѣ права которой опираются на избытокъ холопства.

„Настоящая (въ смыслѣ теперешней) наша аристократія, говоритъ Пушкинъ въ одномъ изъ отрывковъ, приводимыхъ у г. Анненкова, съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древнiе роды ихъ восходятъ до Петра и Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы — вотъ ихъ родоначальники. Мы гордимся не славой предковъ, но чинами какого-нибудь дяди дурака или баломъ двоюродной сестры“ (В. Евр. июнь, стр. 611).

Съ другой стороны, этотъ Пушкинскій «аристократизмъ» связывается съ его уваженiемъ къ «предкамъ» вообще—въ самомъ широкомъ значенiи слова. Въ этомъ смыслѣ истолковывается взглядъ поэта въ рѣчи И. С. Аксакова **).

*) Вѣстникъ Европы, 1880 г. июнь.

***) Произнесенной, къ сожалѣнiю, не вполне, но потомъ напечатанной въ полномъ видѣ во 2 книгѣ „Русскаго Архива“ 1880 г.

„Было бы желательно, говорить онъ, чтобы связь преданій и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству (гдѣ оно почти и не живетъ), но и всѣмъ сословіямъ, чтобы память о предкахъ жила и въ куличествѣ, и въ духовествѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между ними уважаются старинныя честныя роды“.

Извѣстно, что Пушкинъ съ любовію вспоминалъ о томъ, какъ одному изъ его предковъ довелось засѣдать рядомъ съ Бузьмой Мининымъ, (объ этомъ напомнилъ въ своей рѣчи А. И. Невеленовъ). Не даромъ и г. Анненковъ въ той же новѣйшей своей статьѣ приводитъ слова Пушкина: «конечно, есть достоинства выше знатности—именно достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя» (стр. 612). Не слѣдуетъ забывать и тѣхъ словъ Пушкина, которые недавно еще приведены В. Я. Стоюнинымъ: «я имѣю своего рода демократическіе предрасудки, которые, думаю, стоятъ предрасудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости» *).

Знаменитый сподвижникъ князя Пожарскаго, «художествомъ говядаръ», упоминается также въ одной изъ программъ Пушкина, сообщаемыхъ въ той же статьѣ г. Анненковымъ, но упоминается такъ, что трудно добраться до прямого смысла. «Какъ пало боярство при Юаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться? Были ли дворянскія грамоты?—*Мининъ!* Было ли зло мѣстничество? Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно?» (стр. 609). Относительно *мѣстничества* г. Анненковъ склоненъ, повидимому, думать, что Пушкинъ сочувствовалъ и ему, сочувствуя вообще *боярству*. Это, повидимому, подтверждается давно извѣстнымъ замѣчаніемъ Пушкина про того изъ своихъ предковъ, который подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества, что это «мало дѣлаетъ чести его характеру» **). Но, съ другой стороны, давно напечатано и то, чѣмъ думалъ Пушкинъ доказать существованіе въ нашемъ дворянствѣ чувства чести. Усматривая это чувство «въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержания какого-нибудь условнаго правила», Пушкинъ полагалъ, что эта, весьма, стало быть, сомнительная въ нравственномъ смыслѣ честь «во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ» ***). Привожу это съ тѣмъ, чтобы показать, какъ трудно на основаніи какихъ-нибудь отрывочныхъ набросковъ составить себѣ вѣрное понятіе о дѣйствительной мысли ихъ автора. Но г. Анненковъ въ своей послѣдней статьѣ приводитъ еще нѣсколько набросковъ Пушкина, указывающихъ, повидимому, на то, что его «аристократизмъ» далеко не ограничивался тѣмъ, что видитъ въ немъ И. С. Аксаковъ. На вопросъ: какіе люди составляютъ дворянство? Пушкинъ отвѣчаетъ: «люди, которые имѣютъ

*) Истор. Вѣстникъ, 1880 г., августъ, стр. 661.

**) Соч. Пушкина. Изд. Анненкова, V, стр. 4.

***) Тамъ же, стр. 21.

время заниматься чужими дѣлами.... Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain*.... Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству, *чести* вообще.... Нужны-ли они въ народѣ, такъ-же, какъ, напримѣръ, трудолюбіе? Нужны, и дворянство — *la sauve garde* трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сія качества....» Во всемъ этомъ можно бы усмотрѣть своего рода преемственную связь со взглядами знаменитаго екатерининскаго публициста, кн. Щербатова, (а затѣмъ и со взглядами Карамзина, имѣвшаго свою прямую долю вліянія на Пушкина), если бы далѣе не было у нашего поэта вотъ чего: «Чѣмъ *кончается* (погибаетъ) дворянство въ республикѣ? Аристократіей правъ. А въ государствѣ? рабствомъ народа» (стр. 605). Пушкинъ, стало быть, считалъ крѣпостное право не прерогативой дворянства (какъ Щербатовъ и Карамзинъ), а его концомъ или *гибелью*. Онъ, стало быть, исключалъ крѣпостное право изъ тѣхъ наслѣдственныхъ преимуществъ высшихъ классовъ, безъ которыхъ они, по его мнѣнію, «становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности». Но въ недоумѣніе несомнѣнно приводитъ въ наброскахъ Пушкина то, что говорится далѣе и что совсѣмъ уже не подходитъ подъ толкованіе Пушкинскаго аристократизма И. С. Аксаковымъ. «Вотъ уже 150 лѣтъ, *que la tabeyle o ranгахъ balaye la noblesse*, а затѣмъ уничтоженіе маіоратства плутовскимъ образомъ при Аннѣ Іоанновнѣ довершило паденіе передоваго класса, начатое табелью. Что изъ этого слѣдуетъ? восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.». Ужъ не есть-ли это набросокъ мыслей вовсе не самого поэта, а какого-нибудь *дѣйствующаго лица* въ одномъ изъ предполагавшихся романовъ Пушкина? Можетъ быть, это и обнаружилось бы, если бы г. Анненковъ не продолжалъ таить множество пушкинскихъ матеріаловъ, а сообщилъ ихъ цѣликомъ публикѣ? На такое значеніе наброска, быть можетъ, указываетъ и самая примѣсь французскаго языка, встрѣчающаяся также и въ одномъ изъ выше приведенныхъ набросковъ, въ свою очередь, принадлежащихъ, быть можетъ, какому-нибудь дѣйствующему лицу изъ той среды, въ которой, по грибоѣдовскому выраженію, господствовала «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ». Во всякомъ случаѣ, сочувствіе самого Пушкина даже *маіоратству* представляется весьма сомнительнымъ. Не могъ же онъ не знать, что оно было у насъ искусственно заведено тѣмъ же, кто завелъ и табель о рангахъ, и что заведеніе маіоратства составляло со стороны Петра по крайней мѣрѣ такое же «революціонное» дѣйствіе, какъ и всякая другая ломка, ради которой Пушкинъ, по увѣренію г. Анненкова, видѣлъ въ Петрѣ «соединеніе Робеспьера съ Наполеономъ.» Способный замолвить слово за наше старинное боярство, Пушкинъ однако же прекрасно его отличалъ отъ западно-европейской аристократіи, къ существеннѣйшимъ принадлежностямъ которой относится и маіоратство.

В. Я. Стоюнинъ въ своей биографіи Пушкина привелъ очень кстати взглядъ Пушкина на неудачу у насъ аристократическихъ попытокъ послѣ смерти Петра II: «это спасло насъ, по его мнѣнію, отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отделилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ» *).

Самъ г. Анненковъ говоритъ, что Пушкинъ противопоставлялъ феодализму институтъ боярства, который ничего общаго съ первымъ не имѣлъ, и «восходилъ отъ этого противопоставленія до опредѣленія разницы въ духѣ и характерѣ западныхъ и русскихъ среднихъ вѣковъ». (В. Е. стр. 609). Изъ «Матеріаловъ» же, напечатанныхъ еще въ 1855 г., извѣстно, что Пушкинъ шелъ въ этомъ смыслѣ очень далеко. «Россія, говорилъ онъ въ своихъ возраженіяхъ на исторію Полеваго, никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго запада» **). При такомъ взглядѣ, если Пушкинъ видѣлъ въ Петрѣ державнаго «революціонера», то конечно, не потому только, что Петръ былъ «безжалостнымъ истребителемъ единственнаго сословія, которое еще могло умѣрять его порывы и увлеченія». Рука у Пушкина, готовившагося писать исторію Петра, «дрогнула», по выраженію г. Анненкова, при видѣ его двойнаго лица, лица «геніальнаго созидателя государства», но также и «старога восточнаго типа бича божія» — конечно, не потому только, что бичъ этотъ билъ по боярщинѣ, но и потому, что многіе изъ его «писанныхъ вкнутомъ указовъ», какъ бы «вырвавшихся у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика», насмивали народную жизнь вообще (и въ томъ, между прочимъ, что думали ей навязать институтъ маіоратства). Въ связи съ этимъ долженъ находиться и тотъ «ненапечатанный монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ мѣднымъ всадникомъ», содержащій въ себѣ около 30 стиховъ и производившій «потрясающее впечатлѣніе», котораго тщетно доискивался кн. П. П. Вяземскій въ бумагахъ своего отца, зная объ его существованіи по фамильнымъ воспоминаніямъ. Полнаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія строки кн. П. П. Вяземскаго:

„Мнѣ все кажется, что великолѣпный монологъ таится вслѣдствіе какихъ-либо тенденціозныхъ соображеній, такъ какъ въ немъ слишкомъ энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи.“

Неужели тутъ преднамѣренная утайка, и въ ней скрывается опасеніе, какъ бы авторитетомъ Пушкина не придать силы славянофильству? ***)

*) Истор. Вѣсти. Августъ, стр. 633. Курьезна послѣ этого кличка „либерально-олигархической“, данная теоріи Пушкина въ книжкѣ „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“ (стр. 156).

***) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, I, 270.

***) Весьма подходящимъ къ ихъ взгляду оказывается и недавно приведенное у г. Стоюнина мнѣніе Пушкина, что „греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное

Но въѣдъ позволили же намъ узнать, что Еврона у Пушкина названа «обветшалой», и даже не прикрыли этого авторитетомъ Байрона, также вырвавшегося однажды: онъ *outwore* Егоре (наша изможденная Европа)— конечно, уже вполне независимо отъ славянофильства. Да и въѣдъ въ утѣшеніе такъ-называемымъ «западникамъ» можетъ служить то, что Пушкинъ, при всѣхъ своихъ наклоненіяхъ въ сторону такъ-называемаго «славянофильства» (столь же несомнѣнныхъ у него, какъ и у Грибоѣдова), видѣлъ въ нашей старой знати *все-же болѣе, чѣмъ видитъ въ ней И. С. Аксаковъ*, и видѣлъ, конечно, не безъ оттѣна западнаго вліянія. Все то, наприимѣръ, что говоритъ онъ о дворянской *чести*, очень отзывается «Наказомъ» Екатерины, въ «Наказѣ» же пошло цѣликомъ изъ «*Esprit des lois*» Montesquieu. Во взглядѣ Пушкина на дворянство, какъ на классъ, по самой своей обеспеченности независимый и просвѣщенный, а потому и способный по преимуществу служить нравственною опорой государству, все же есть (минусъ крѣпостничество) извѣстная связь со взглядами кн. М. М. Щербатова. У этого же послѣдняго взглядъ этотъ несомнѣнно заимствованъ у самой просвѣтительной философіи XVIII ст., которая, при всей своей казовой очищенности отъ всякихъ преданій, на самомъ дѣлѣ сохраняла въ себѣ извѣстный слѣдъ феодальной подпочвы западно-европейской цивилизаціи. Пушкинъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ коротко знакомъ со всею французскою литературою. Зналъ онъ и тѣхъ второстепенныхъ французскихъ писателей, у которыхъ зарождался настоящій демократизмъ, но перевѣшивающее вліяніе на него имѣли писатели съ *перевѣшивающимъ* талантомъ, а у нихъ, съ Вольтеромъ во главѣ, аристократизмъ, хотя и въ самомъ переработанномъ видѣ, былъ все же, такъ сказать, закваскою міросозерцанія. Сила вліянія этой чуждой стихіи не переставала и въ зрѣлые годы Пушкина бороться съ тяготѣніемъ его къ своему родному и, достигнувъ полной народной цѣльности въ творчествѣ, Пушкинъ, повидимому, оставался раздвоеннымъ, какъ мыслитель. Но этой раздвоенности, по всему вѣроятію, насталъ бы конецъ, если бы, по нѣскольکو риторическому выраженію чешскаго адреса *), жизнь его «не сократила преждевременно святотатственная рука Запада»—въ лицѣ Геккерна и того служилаго русскаго нѣмца, который могъ бы, но не сумѣлъ предотвратить дуэль Пушкина.

Борьба въ самомъ Пушкинѣ народнаго съ чужимъ выяснится оочнательно лишь тогда, когда будутъ открыты для насъ всѣ драгоценныя матеріалы. Если г. Анненковъ бережетъ ихъ для біографіи Пушкина въ Николаевскую эпоху, то онъ обязанъ поскорѣе подарить намъ это необходимое дополненіе къ своему прекрасному труду: «Пушкинъ въ Александров-

отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ» (Истор. Вѣстникъ, августъ, стр. 634).

*) См. „Вѣнокъ на памятникъ Пушкина“, стр. 176.

скую эпоху». (Хорошо бы, если-бъ напечатанное теперь въ «Вѣстникѣ Европы» служило предвѣстникомъ скорого появленія въ свѣтъ этого новаго труда). Между тѣмъ, «Историческій Вѣстникъ» далъ намъ начало біографіи Пушкина, составляемой В. Я. Стоюнинымъ. Появившееся до сихъ поръ написано дѣльно и живо. Но какъ бы почтенному автору и далѣе не повредило нѣкоторое доктринерство, приводящее къ вдвиганію фактовъ въ заранѣе готовыя рамки. Въ силу такого вдвиганія мѣстами тутъ замѣчается что-то въ родѣ историческаго фатализма. Пушкинъ получилъ первоначальное воспитаніе въ великосвѣтской офрануженной средѣ; — но и то благо, и то добро. Г. Стоюнинъ увѣряетъ насъ, будто бы

«аристократическая русская семья въ началѣ настоящаго столѣтія стояла на почвѣ *космополитизма*, которая противопоставлялась почвѣ народной или мужицкой. Другаго значенія не имѣло слово народный. Если космополитизмъ, съ одной стороны, отрывалъ русскихъ людей отъ народной почвы и обезличивалъ ихъ, то, съ другой стороны, онъ приносилъ и большую пользу, какъ извѣстный моментъ нашего историческаго развитія: онъ воспитывалъ въ духѣ европейскаго просвѣщенія, онъ былъ связью Россіи съ Европою, онъ способствовалъ выясненію обще-человѣческихъ стремленій, которыя спасаютъ народы отъ гибельнаго застоя и даютъ историческое значеніе». (Ист. Вѣст., июнь, 291).

Неужели тотъ кругъ, въ которомъ суждено было родиться Пушкину и который, конечно, очень напоминаетъ Грибоѣдовскихъ героевъ, стоялъ на почвѣ *космополитизма*? Неужели слушаніе, разиня ротъ, каждаго француза доказываетъ причастность «духу европейскаго просвѣщенія», такъ что Чацкій стоялъ за «гибельный застой» и противодѣйствовалъ «общечеловѣческимъ стремленіямъ»? Правда, семья дала Пушкину цѣлую богатую бібліотеку иностранныхъ, преимущественно французскихъ авторовъ, но пресыщеніе этою умственною пищею не даромъ же привело его къ гиперболически-парадоксальному заключенію, что «французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила *)». Сужденіе о влияніи ея на молодого Пушкина извѣстнаго лицейскаго директора Энгельгардта (человѣка умнаго и благороднаго) сводится, какъ извѣстно, къ тому, что «воображеніе его было осквернено всѣми эротическими произведеніями французской литературы **»). Вѣрность этого отзыва подтверждается тѣми произведеніями первой поры Пушкина, которыя, по собственному его выраженію, остались у него «на совѣсти». Не даромъ также называлъ онъ свое воспитаніе «проклятымъ» (что отчасти распространялось и на лицей). Конечно, влияніе французской литературы

*) Соч. Пушкина, изд. Анненкова. V, 25.

***) Самъ г. Стоюнинъ приводитъ этотъ отзывъ. (Ист. Вѣст. июнь, 241). По всей вѣроятности не что иное, какъ это, составляетъ долю правды и въ гиперболическомъ отзывѣ озлобленнаго за что-то на Пушкина М. А. Корфа, будто поэтъ нашъ въ лицѣ «превосходилъ всѣхъ въ чувственности, а послѣ въ свѣтъ преданъ распутствамъ всѣхъ родовъ, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій». (Брошюра кн. П. П. Вяземскаго, стр. 48 и 49).

на Пушкина не сводится лишь на одно зараженіе его воображенія. Конечно, вліяніе имѣлъ на него не только какой-нибудь Парни и т. п., но и самъ Вольтеръ—не исключительно какъ авторъ Кандида и другихъ повѣстей того же покроя, но и какъ умственный властелинъ современной ему Европы, оракулъ и законодавецъ эпохи «просвѣщеннаго деспотизма». Но неужели и тѣ стороны его рационалистическаго исповѣданія, которыя приводили его къ самымъ презрительнымъ отношеніямъ къ непросвѣщенному народу, постоянно обзываемому у него *la canaille*, слѣдуетъ относить къ «общечеловѣческимъ стремленіямъ?» Если Пушкинъ, не смотря на ревностную защиту имъ даже и нашей, такъ-называемой, «интеллигенціи», ни мало однако же не проникся культурнымъ презрѣніемъ къ *masse*, то слѣдуетъ-ли поставить ему дурную отмѣтку за неполнѣ, стало-быть, усвоенный курсъ французской просвѣтительной философіи?... Впрочемъ, можно подумать, что и Пушкинъ проникся презрѣніемъ къ народу, если послушать автора «Очерковъ Пушкинской Руси,» (печатавшихся въ «Молвѣ» предъ самымъ Пушкинскимъ праздникомъ, а затѣмъ появившихся и отдѣльно). Правда, авторъ сначала васъ увѣряетъ, что Пушкинъ, хотя и «аристократъ, помѣщикъ по происхожденію», въ своихъ отношеніяхъ къ «низшей братіи» всегда оставался простымъ гуманнымъ человѣкомъ, что онъ «видѣлъ въ этомъ жалкомъ рабѣ человѣка». Но потомъ вы узнаете, что въ своей «Лѣтописи села Горохина» Пушкинъ представилъ нѣчто въ родѣ «Исторіи одного города» Щедрина. Вы недоумѣваете, зная, что подъ этимъ «городомъ» нашъ современный сатирикъ разумѣлъ всю Русь—и съ той земской ея стороны, которая ярко въ свое время проявлялась въ исторіи и была совершенно пришиблена уже въ наши «культурныя» времена, а затѣмъ еще и осмѣяна *), заодно съ подавившей ее казенщиной, современнымъ «культурнымъ» писателемъ! Сколько вы помните, Пушкинъ не представлялъ образцовъ того ложнаго рода, который однимъ критикомъ Щедрина названъ «историческою сатирою». Но авторъ «Очерковъ Пушкинской Руси» представляетъ вамъ и свои доказательства: «Лѣтопись села Горохина» выставляетъ, по его увѣренію, и самый мужицкій языкъ, бѣдный и странный, «со всякими сокращеніями и усѣченіями, обнаруживающій жалкое умственное развитіе этихъ полудикарей»... Въ этой «Лѣтописи» не забыта и обыкновенная кабацкая народная музыка—балалайка и волынка, и въ заключеніе приводится даже образецъ простонародной пѣсни:

*) Съ этимъ мы не можемъ согласиться. Въ „Исторіи одного города“ осмѣяна не земская русская жизнь, какъ таковая, а та сторона ея, которая отмѣчена отсутствіемъ сознанія достоинствъ личности человѣка, неумѣніемъ оцѣнить начала свободы, лежавшія въ основѣ формъ ея жизни, неминуемымъ послѣдствіемъ чего получилась полная неспособность дать энергическій отпоръ казенницѣ, охватившей ее незамѣтно для нея самой и задавившей ее, какъ бы во время ея сна, и безсиліе сохранить то, что обѣщало великую и прекрасную будущ-

Ко боярскому двору

Якимъ староста идетъ.... и т. д.

Какъ же такъ, думаете вы,—не Пушкинъ-ли находилъ, что «изученіе старинныхъ пѣсень, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка, и критики наши напрасно ими презираютъ»; не онъ ли утверждалъ, что разговорный языкъ простаго народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій «и что намъ не худо бы иногда прислушиваться къ московскимъ просвириямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ» *). А дѣло объясняется просто. «Лѣтопись села Горохина (на это уже давно обратилъ вниманіе покойный Ап. Григорьевъ) написана Пушкинымъ отъ имени Ивана Петровича Бѣлина, и носитъ на себѣ отпечатокъ возрѣній этого человѣка, далеко не глупаго и добродушнаго, однако же исповѣдающагося передъ читателемъ въ томъ, что однажды не только «погрозилъ ямщику побоями, но и на самомъ дѣлѣ три раза ударилъ его». И къ своимъ мужикамъ Иванъ Петровичъ хотя и добръ, но все же смотритъ на нихъ съ неизбежной въ его средѣ высоты своего барскаго величія. Съ другой стороны, хотя онъ и воспитанъ, по его собственному признанію, на мѣдный грошъ, все-таки онъ начитался

ность. Много было дано намъ, но изъ этого многого много и потеряно. Если казенщина виновна въ томъ, что пришибла земскую русскую жизнь, то не менѣе виновна, даже можетъ болѣе, и послѣдняя, допустивши пришибить себя, виновна въ исключимости, какой-то нравственной лѣни, выразившихся только въ одной уррозѣ утѣсителямъ: „разойтись врозь, оставить землю впустѣ“, благо просторомъ наградила Господь, въ отсутствіи стремленія къ гражданской полноправности и свободѣ. Мы не менѣе другихъ глубоко понимаемъ и высоко цѣнимъ тѣ духовныя сокровища, которыя сохранилъ русскій народъ въ душѣ своей и въ основѣ своего быта и которыя служатъ залогомъ, быть можетъ, лучшей для него, чѣмъ для другихъ народовъ, будущности—о чемъ здѣсь не мѣсто говорить—но нельзя закрывать глаза и на отрицательныя стороны нашей жизни Самообольщеніе въ этомъ отношеніи неразумно и опасно. И благо писателю, который въ живой картинѣ пороковъ и недостатковъ, глубоко залегшихъ въ природу русскаго человѣка, будитъ въ немъ сознаніе ихъ и отрезвленіе. По истинѣ, горькимъ чувствомъ наполняется душа, когда, созерцая исторію русской жизни, видишь, сколько погребено ея сокровищъ, погребено и завалено на глухо разнымъ мусоромъ, и, чувствуешь себя, какъ бы наслѣдникомъ великаго имущества, обремененнаго громадными долгами, имущества, котораго даже и инвентаря не составлено. Горькое чувство овладѣваетъ душею, когда представишь себѣ, какія неопцѣненные богатства утрачены, и стоишь въ тяжкомъ раздумьи, какъ обрѣсти ихъ вновь! Это самое горькое чувство вызвало въ душѣ нашего высоко-талантливаго сатирика „исторію одного города“. И мы, сознаемся откровенно, не можемъ себѣ уяснить, почему такой родъ сатиры ложень.

Ред.

*) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, V, 34, 43. Когда, вспоминаетъ И. С. Аксаковъ, критикъ однажды напалъ на Пушкина за его стихъ: Людская мольва и конскій топъ... утверждая, что это не по русски, Пушкину пришлось уличить критиковъ въ безграмотности и невѣжествѣ цитатами изъ сборника Кирши Данилова. (Р. Архивъ 1880 г. II, 476).

кое-чего во вкусъ конца XVIII и начала XIX ст., и самый штиль его носить на себѣ отпечатокъ стремленія выказать отчасти свою «культурность». Произнося съ этой точки зрѣнія строгій приговоръ надъ языкомъ Горохинскимъ, онъ однако же признаетъ его за «отрасль языка Славянскаго», хотя и съ оговоркою, что онъ «столь же разнится отъ него, какъ и русскій». Что же касается того, будто бы языкъ Горохинцевъ «обнаруживаетъ жалкое умственное развитіе этихъ полудикарей», то это мнѣніе даже не И. П. Бѣлкина, а самого автора «Очерковъ Пушкинской Руси». За послѣднее время какъ-то вошло у насъ въ моду проповѣдывать гуманныя чувства и либеральныя взгляды посредствомъ приравниванія русскаго мужика къ дикарю или даже скоту. Пушкинъ, при всемъ своемъ культурномъ аристократизмѣ, всегда былъ и слишкомъ уменъ, и слишкомъ благороденъ для подобнаго взгляда. У него можно найти зачатки «Записокъ Охотника», народныхъ очерковъ Л. Толстаго, но никакъ не щеринской «Исторіи одного города», а тѣмъ менѣе Глѣбовъ Успенскихъ и tutti quanti.

Между тѣмъ, толкуя по своему и «Дубровскаго», авторъ «Очерковъ Пушкинской Руси» увѣряетъ насъ, будто и тутъ крестьянство выставлено такимъ образомъ, что въ немъ «попрано всякое человѣческое достоинство», такъ что ожесточеніе приводитъ его «къ безчеловѣчному сожженію четырехъ живыхъ людей въ запертомъ домѣ». Но кто хоть разъ прочиталъ «Дубровскаго» безъ предвзятой мысли, тотъ, конечно, никогда не забудетъ, какъ тотъ же самый поджигатель кузнецъ, съ опасностью для себя, спасаетъ изъ пламени кошку, вразумляя потѣшающихся надъ нею ребятъ: «Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь». Подмѣтъ такую черту современный писатель, онъ бы, конечно, предположилъ тутъ культурное вліяніе на мужика «общества покровительства животныхъ» — но вѣдь въ ту пору такого общества не существовало. Пушкинъ же видѣлъ тутъ слѣдъ добродушія даже въ разсвирѣпѣвшемъ русскомъ человѣкѣ. Не даромъ же зналъ нашъ поэтъ, что созданный творчествомъ простаго народа богатырь-крестьянинъ, избѣгая напрасной крови, не задумывается однако же раззорить гнѣздо Соловья-разбойника. Гибель безвредной кошки и представляется Архипу кузнецу *напрасною кровью*, а кровопійцы приказные, запираемые ими на ключъ въ зажженномъ домѣ, на взглядъ его вовсе даже не люди!

Но «Очерки Пушкинской Руси» самую нашу природу считаютъ изображенною у Пушкина такимъ образомъ, что послѣ этого «становится понятна жертвящая вѣковая спячка нашего народа и насъ самихъ».... «А еще требуютъ отъ Пушкина, замѣчаетъ авторъ, чтобы онъ представлялъ какую-то интеллигенцію въ этой странѣ мятежей и снѣговъ». Требовали отъ него и изображенія хорошей русской женщины, но и тутъ, по мнѣнію автора, опять приходится сказать, что на нѣтъ и суда нѣтъ. Но какъ же однако самъ Пушкинъ былъ совершенно другаго мнѣнія? «Не

смѣшно-ли, спрашивалъ онъ, почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостью чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? *Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщенны, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?* *)

Добродушно выражаясь тутъ въ первомъ лицѣ, нашъ поэтъ просто взводитъ на себя напраслину. Не лишенный, конечно, извѣстнаго права *гордиться*, онъ, по глубокой нравственности своей природы, постоянно отказывался отъ этого права, какъ это видно изъ его отношеній къ обыкновеннымъ смертнымъ, къ подростающему поколѣнію, къ начинающимъ способностямъ и т. п. Вообще чуждымъ всякой *гордости* постоянно оставался Пушкинъ и по отношенію къ русской природѣ и жизни. Едва ли какой поэтъ былъ когда-нибудь такъ невѣрно понятъ, какъ это случилось съ Пушкинымъ у автора «Очерковъ Пушкинской Руси» **). Но вотъ за то настоящій взглядъ на дѣло, высказанный въ одной изъ тѣхъ рѣчей, которыя «не чета другимъ».

Пушкинъ первый въ нашей литературѣ, замѣтилъ И. С. Аксаковъ, отнесся не только къ русской природѣ, но и къ воспроизведеннымъ имъ явленіямъ Русской бытовой жизни, съ ихъ положительной стороны и при томъ съ такою вѣрностью, которой могъ бы позавидовать любой реалистъ нашего времени. Вспомните его изображенія русской уѣздной сельской жизни въ «Овѣгнѣ», его «Капитанскую дочку» и множество другихъ: сколько въ нихъ правды, и какъ эта правда согрѣта и освѣщена теплымъ свѣтомъ сочувствія, но въ то же время ограждена въ читателѣ отъ ложной окраски тонкою, незлобивою ироніею! Вотъ эта способность шутки, это присутствіе ироніи въ умѣ—тоже коренная народная черта истинно русскаго человѣка. Это постоянно присущій русскому духу антидотъ противъ всякой излишней, а потому и фальшивой идеализаціи и противъ собственного самообольщенія». (Р. Архивъ 1880 г., II, 477). «Пушквинъ, говорить тотъ же ораторъ далѣе, не былъ поэтомъ отрицанія.... Кстати можно привести и собственные слова Пушкина: «Нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви». (Тамъ же, стр. 478). ***)

Послѣ всего этого И. С. Аксаковъ, кажется, имѣлъ полное право спросить о Пушкинѣ:

*) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, V, 15.

**) Совсѣмъ не вѣрно, по моему мнѣнію, замѣчаніе рецензента „Историч. Вѣстника“ (августъ, стр. 782), будто „Очерки Пушкинской Руси“—просто „отрывочная передача, правда, въ восторженной формѣ, давно сказаннаго Бѣлинскимъ“. Что касается восторженности, то она несомнѣнно сказывалась у Бѣлинскаго, и даже самое лучшее у него именно то, что восторженно. Но въ „Очеркахъ Пушкинской Руси“ нѣтъ на самомъ дѣлѣ ни восторженности, ни сколько-нибудь вѣрнаго отраженія взглядовъ Бѣлинскаго. Они—сами по себѣ, а всего менѣе въ нихъ и Руси, и Пушкина.

***) В. Я. Стоюнинъ въ VI гл. своей біографіи Пушкина (Истор. Вѣстникъ, Октябрь) очень кстати напомнилъ слова поэта: „гдѣ у меня сатира? О ней и помину нѣтъ въ Евгеніи Овѣгнѣ“ (стр. 253).

«Можно-ли толковать серьезно о какомъ бы то ни было вліяніи на него Байрона? Не было геніевъ болѣе другъ другу по природѣ своего творчества противоположныхъ.... Онъ называетъ Байрона «поэтомъ гордости», «мрачнымъ, какъ море». Пушкинъ же былъ поэтомъ дневнаго блага свѣта, а личной гордости въ немъ нѣтъ и тѣни». (Тамъ же, стр. 480).

Значительно иначе посмотрѣлъ на это профессоръ Н. И. Стороженко въ своей рѣчи объ отношеніи Пушкина къ иностранной словесности. Пушкинъ, по выраженію этого оратора,

„подпалъ подь могучее вліяніе“ Байрона, и „не одной силой таланта условливалось это вліяніе“.... „Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга.... озлобленный противъ власти, полный презрѣнія къ обществу, которое эгоистически отвернулось отъ него въ годину невзгодъ.... Такое настроеніе было какъ нельзя болѣе благоприятно для воспринятія байронизма“....

Я думаю, впрочемъ, что участія этихъ «личныхъ причинъ» для байроновскаго вліянія не станеть отрицать и И. С. Аксаковъ, какъ съ другой стороны и проф. Стороженко не отрицаетъ, что вліяніе Байрона было не продолжительно (а, стало быть, и не коренилось въ самой природѣ Пушкина). Кромѣ того, г. Стороженко признаетъ байронизмъ Пушкина «низведеннымъ до самыхъ скромныхъ размѣровъ», но онъ при этомъ усматриваетъ въ немъ и своеобразную окраску, данную уже нашею жизнью. «Байроновскій индивидуализмъ, говоритъ г. Стороженко, эта апогеоза личности въ борьбѣ ея съ обществомъ и его устарѣлыми предразсудками, превратилась на русской почвѣ въ обожаніе собственной личности и презрѣніе ко всякой чужой». Вотъ съ этимъ никакъ не согласился бы И. С. Аксаковъ, видящій въ самомъ Байронѣ «обожаніе собственной личности». Но такъ же смотрѣлъ и самъ Пушкинъ, отозвавшись о Байронѣ, что въ «унылый романтизмъ» облеклось у него ни что иное, какъ «безнадежный эгоизмъ». Въ этихъ двухъ словахъ—глубина пониманія: эгоизмъ этотъ былъ именно *безнадежный* и сталъ наконецъ *ненавистенъ* самому Байрону *).

Если кто изъ иностранныхъ поэтовъ имѣлъ на Пушкина не мимолетное, но въ то же самое время и не порабощающее вліяніе, то это, конечно, всемірно-воспитательный геній Шекспира, на что и указано проф. Стороженко, умѣвшимъ оцѣнить и геніальную глубину пониманія особенностей Шекспира Пушкинымъ. Кромѣ того, г. Стороженко указалъ и на одну психологическую черту, самобытно внесенную нашимъ поэтомъ въ свою передѣлку Шекспировскаго Анджео (можно было бы за одно указать и на столь-же самобытную Пушкинскую варьяцію темы о Фаустѣ).

* Я намекнулъ на это въ своей рѣчи о Пушкинѣ, напечатанной въ июльской книжкѣ *Русской Мысли*. Взглядъ этотъ вполне выясняется въ послѣдней главѣ моего этюда о Байронѣ, котораго двѣ первыхъ главы напечатаны были въ *Вѣстникѣ Европы* 1877 г. (Февраль и Апрель). Редакція отказалась отъ напечатанія послѣдней главы, т. е. не дала мнѣ высказаться до конца.

Самобытность Пушкина является господствующим мотивомъ во всѣхъ рѣчахъ. Но въ нѣкоторыхъ о ней говорится прямо и смѣло, въ другихъ же замѣтно въ этомъ отношеніи какое-то «хожденіе вокругъ да около».

Между тѣмъ, по мнѣнію одного изъ ораторовъ, А. Н. Островскаго, Пушкинъ, именно

„завѣщаль намъ искренность, самобытность, завѣщаль каждому быть самимъ собою, даль всякой оригинальности смѣлость, даль смѣлость русскому писателю быть русскимъ“.

Какъ же это именно *смѣлости*-то и не хватило во многихъ рѣчахъ на Пушкинскомъ праздникѣ,—и это совершенно помимо цензурныхъ соображеній? Такъ даже Н. С. Тургеневъ заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что онъ «не рѣшается дать Пушкину названіе національно-всемірнаго поэта, хотя и не дерзаетъ его отнять у него». Другой ораторъ, И. С. Некрасовъ выразился, по крайней мѣрѣ, опредѣлительно, указавъ на «весьма неблагоприятныя условія, не давшія генію Пушкина приобрѣсть міровое значеніе». А вѣдь по мнѣнію (и вполнѣ справедливому) одной изъ нашихъ *нѣмецкихъ* газетъ (*St.-Petersburger Herold*) «народъ, чествующій своего поэта, чтитъ самъ себя». Но не въ этомъ-ли и разгадка, почему мы далеко не единодушно сказали нашему поэту:

Во всемірномъ пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ,
Ужъ тебя поеть и славить
Всякъ народъ и всякъ языкъ *).

Вѣдь проводить его во «всемірный пантеонъ» значитъ проводить туда и свою народность.

„Истинный поэтъ, поясняетъ „*St.-Petersburger Herold*“, освободившійся отъ узъ подражанія иноземному творчеству, крѣпко стоитъ на почвѣ своей народности, онъ черпаетъ изъ народа съ тѣмъ, чтобы возвратитъ тому же народу въ благоуженныхъ образахъ то, что заимствовано изъ него“ **).

Но нашей-ли сиволапой Руси лѣзть вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ пантеонъ? Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!

„Художество, какъ воспроизведеніе, воплощеніе идеаловъ, лежащихъ въ основахъ народной жизни и опредѣляющихъ его духовную и нравственную фізіономію, составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ человѣка“....

Такъ было началъ И. С. Тургеневъ, введя, такъ сказать, *народность* въ самую сущность художества. Но далѣе начинаются оговорки.

„Поддѣлываться подъ народный тонъ, вообще подъ народность—также немѣстно и бесплодно, какъ подчиняться чужимъ авторитетамъ; лучшимъ доказательствомъ тому служатъ: съ одной стороны, сказки Пушкина, съ другой — Русланъ и Людмила, самыя слабыя, какъ извѣстно, изъ всѣхъ его произведеній“.

*) Стихи А. Н. Майкова.

**) Вѣнокъ на памятникъ Пушкину, стр. 116.

Впрочемъ, въ этой оговоркѣ Тургеневъ, можно сказать, даже сходится не съ кѣмъ другинъ, какъ съ Аксаковымъ, замѣтившимъ въ своей рѣчи:

„Русская, стало быть, и вполнѣ народная стихія, слышится у Пушкина едва ли не наиболѣе тамъ, гдѣ онъ не ставитъ себѣ „народность“ внѣшнею цѣлью“. (Р. Архивъ, 1880 г. II, 475).

Далѣе мы встрѣчаемся у Тургенева съ другой оговоркой:

„Выставлять лозунгъ народности въ художествѣ, поэзін, литературѣ свойственно только племенамъ слабымъ.... Поэзія ихъ должна служить.... сбереженію самаго ихъ существованія. Слава Богу, Россія не находится въ подобныхъ условіяхъ“....

Но и рѣчь Аксакова признаетъ у насъ

«то странное явленіе, которому почти нѣтъ подобнаго въ другихъ странахъ, именно: что сама народность въ народѣ становится объектомъ сознанія, внѣшнею цѣлью, искомымъ... что въ русской землѣ могло возникнуть отдѣльное русское же направленіе»...

Но Аксаковъ не ограничивается указаніемъ на *странность* явленія, онъ старается при этомъ *истолковать* его вполнѣ естественною реакціею тому, что

«русская земля подверглась внезапно страшному внѣшнему и внутреннему насилванію: рукою палача совлекался съ русскаго человѣка образъ русскій и напалывалось подобіе общеевропейца»...

У Тургенева же явленіе, уподобляющее насъ народу, лишившемуся независимости, просто осуждается, и рѣчь знаменитаго романиста все болѣе и болѣе задается урѣзываніемъ понятія о *народности* посредствомъ противопоставленія ея *національности*... Тутъ, конечно, уже не оказывается совпаденія со взглядомъ Аксакова.

«Какой же великій поэтъ, спрашиваетъ Тургеневъ, читается тѣми, кого мы называемъ простымъ народомъ? Нѣмецкій простой народъ не читаетъ Гёте, французскій—Мольера, даже англійскій не читаетъ Шекспира. Ихъ читаетъ нація»...

Все это ведетъ къ тому, что и Пушкинъ не *народный*, а *національный* поэтъ. Очень дерзко будетъ, конечно, противопоставить авторитету Тургенева голосъ представителя нашего простаго народа, сказавшійся по случаю Пушкинскаго праздника въ «Русскомъ Курьерѣ» и «Голосѣ». Крестьянину Тверской губерніи Желнобобову казалось, что хорошо бы было въ какой-нибудь изъ рѣчей «сопоставить Пушкина и наше время — время свободнаго народнаго труда, *когда великій поэтъ становится доступенъ этому народу*» *). Съ радостью увѣрялъ онъ, что «Пушкинъ былъ и крестьянскій поэтъ», что

„въ свѣтлой и гениальной душѣ его была теплая струнка и къ этому у насъ сословію, которое по баренки считается низкимъ, по человѣчески же и по житейски, или же прямо по божьи, оно есть *выше всѣхъ*: на немъ, какъ на огромнѣйшемъ и сильнѣйшемъ столбѣ, все наше государство стоитъ“.

* „Вѣнокъ“, стр. 160 и 193.

Можно, конечно, сказать, что этот внезапный публицист крестьянин просто подставлен какими-нибудь почитателями Пушкина съ славянофильскимъ пошибомъ! Да,—но въ самомъ заподозрѣваніи его *подлинности* не сказывается ли своего рода *барство*? Тургеневъ разграничиваетъ *народное съ національнымъ*, опирающемся, очевидно, на мнѣніи, что *народу*, т. е., выражаясь прямо, *простонародью* принадлежить въ жизни *нации* роль исключительно грубой, *стихийной силы*.

Для большей убѣдительности—Тургеневъ безпристрастно указываетъ и на великихъ поэтовъ запада: поймите, что и они не доступны всему народу! Но какъ ни великъ авторитетъ Тургенева—уже потому, что онъ долженъ быть признаваемъ за непосредственнаго наблюдателя западной жизни, за *очевидца*,—да будетъ позволено усомниться въ томъ, чтобы великіе поэты Германіи, Франціи и Англіи были уже совершенно недоступны своему простому народу. Они, конечно, гораздо менѣе доступны ему, чѣмъ привилегированнымъ классамъ,—потому что простой народъ и тамъ, какъ вездѣ, остается по преимуществу обреченнымъ на тяжелый физическій трудъ. Но на сколько при этомъ трудъ доступна духовная пища, на столько грамотный простолюдинъ на западѣ, при помощи дешевыхъ изданій великихъ писателей, можетъ читать ихъ и узнавать у нихъ кое въ чемъ—плоть отъ своей же плоти и кость отъ своихъ же костей. И у насъ крестьянину Желнобобову не зачѣмъ быть непременно подставнымъ лицомъ, а есть полная возможность вѣрить въ реальное существованіе цѣлаго множества Желнобобовыхъ въ будущемъ,—только бы завелись и дешевыя изданія, и побольше хорошихъ (но не принудительныхъ) школъ и, главное, та обеспеченность и довольство, при которыхъ бы было досужно крестьянину не давать «зарости тропѣ» къ нерукотворному памятнику поэта. Вѣдь Пушкинъ не даромъ же говорилъ объ этой «народной» тропѣ. Онъ, можетъ быть, доступнѣе для общаго пониманія всѣхъ другихъ мировыхъ поэтовъ—по тѣмъ свойствамъ своей поэзіи, на которыя, по свидѣтельству самого же Тургенева, указалъ извѣстный французскій писатель Мериме. «Ваша поэзія, говорилъ онъ нашему славному романисту, ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою.... У Пушкина поэзія самымъ чудеснымъ образомъ разицвѣтаетъ какъ бы сама собою изъ самой трезвой прозы»... Но если Пушкинъ, по мнѣнію иностраннаго цѣнителя, отличается этими качествами передъ великими поэтами другихъ странъ, то такая его особенность должна объясняться характеристическими чертами его народа.

„Русскій въ душѣ, поясняетъ въ своей рѣчи С. А. Юрьевъ, онъ былъ также далеко отъ отвлеченнаго идеализма, какъ и отъ грубаго реализма, не идущаго далѣе внѣшности явленія; въ немъ жило то трезвое, живое чувство правды, которое схватываетъ всѣ факты и явленія жизни въ ихъ цѣльной дѣйствительности и безъ чуждыхъ имъ красокъ. Его великій духъ былъ исполненъ той святой простоты, въ силу которой русскій человѣкъ совершаетъ великій нравственный подвигъ, не замѣчая даже его величія, какъ дѣло простое.

заурядное, чему примѣровъ знаетъ каждый изъ насъ не мало". (Русская Мысль, июль, стр. 5.)

Но не самъ-ли Тургеневъ выставилъ въ свое время съ тою же самою «святою простотою» это свойство *простаго* русскаго человѣка, — еще находившагося подъ вѣрнопостнымъ ярмомъ! Не онъ-ли въ своихъ «Живыхъ Мощахъ» далъ безграмотной, вѣчно прикованной къ одру болѣзни крестьянкѣ понять чуткимъ сердцемъ Орлеанскую дѣву, да и вообще по широтѣ своихъ сочувствій явиться по истинѣ тѣмъ «всечеловѣкомъ», о которомъ говорилъ въ своей рѣчи Ф. М. Достоевскій.

Относительно И. С. Тургенева, мы невольно останавливаемся передъ вопросомъ: отчего его *творчество* говорить одно, а его *мысленіе* совсѣмъ другое? Между тѣмъ, какъ «Записки охотника» остаются самой яркой уликой во лжи для жалкихъ его эпигоновъ, каковымъ это чудомъ нѣкоторыми изъ своихъ разсужденій онъ какъ будто бы хочетъ придать авторитетъ этимъ господамъ, съ огульнымъ разсвирѣпѣніемъ бурсака, только что вышедшаго изъ-подъ розги, опроверживающимся не только на «унизителей» и «оскорбителей», но и на самихъ «униженныхъ» и «оскорбленныхъ».

Но остановимся теперь на томъ, кому принадлежать эти выраженія и кто увѣнчалъ своей рѣчью праздникъ — на Ф. М. Достоевскомъ. Вотъ у него совсѣмъ уже не «хождение вокругъ да около», — все становится прямо ребромъ, безъ всякой «умѣренности и аккуратности». Спорить съ нимъ, разумѣется, можно, и даже съ успѣхомъ, останавливаясь на частностяхъ; но сила вовсе не въ этомъ, а въ томъ, чтобы схватить его мысль въ ея *цѣлости*. Къ частностямъ отношу я самыя характеристики Татьяны, Онѣгина и Алеко. На счетъ Татьяны съ Достоевскимъ можетъ поспорить не одинъ авторъ «Очерковъ Пушкинской Руси», находящій возможнымъ отнести Татьяну, за московскія ея отношенія къ Онѣгину, къ разряду «неприступныхъ великосвѣтскихъ львицъ». Нѣтъ надобности стоять на подобной точкѣ зрѣнія, чтобы видѣть нѣкоторое преувеличеніе въ словахъ Достоевскаго про Татьяну: «это типъ положительной красоты, это апофеоза русской женщины», хотя и нельзя не видѣть много вѣрнаго въ словахъ С. А. Юрѣва:

«вы чувствуете, что эта самая Татьяна съ такою же святою непосредственною правдою въ душѣ взойдетъ, ни минуты не колеблясь, прежнею безстрашною Таней на эшафотъ или костеръ, если того потребуетъ долгъ святой правды и высшая любовь.»

Дѣло въ томъ, что всходить на эшафотъ и на костеръ оказываются способными и не во всѣхъ отношеніяхъ возвышенныя лица. Самъ Пушкинъ показалъ намъ геройскую смерть весьма заурядныхъ людей въ *Капитанской дочкѣ*, какъ напомнилъ о томъ въ своей рѣчи А. И. Незеленовъ. Что Татьяна выходитъ замужъ, уступая мольбамъ своей матери и не любя этого стараго генерала, — черта, конечно, выхваченная изъ дѣйствительности — но, разумѣется, не изъ положительныхъ сторонъ дѣйстви-

тельности. Точно также не становясь въ ряды тѣхъ эманципаторовъ женщины, которые оказываютъ ей этимъ самую медвѣжью услугу, можно не согласиться съ мнѣніемъ Достоевскаго, «что такой красоты положительный типъ русской женщины (какъ типъ Татьяны) почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ — кромѣ развѣ образа Лизы въ *Дворянскомъ инъздѣ* Тургенева». Можно замѣтить, что Елена того же Тургенева, посвящая себя, послѣ смерти мужа, уходу за ранеными и больными въ Болгаріи, скорѣе «избираетъ благуя часть», чѣмъ Лиза, идущая въ монастырь. Но, возвращаясь къ Татьянѣ, нельзя не признать въ ней вмѣстѣ съ Достоевскимъ положительную черту въ томъ, что она не хочетъ основать своего счастья на несчастіи другаго — хотя бы этого старика генерала, которому все же она сама дала слово (хотя сочувственныя стороны этого старика составляютъ только предположеніе Достоевскаго). Точно также, просто по здравому смыслу, нельзя съ нимъ не согласиться и въ томъ, что,

если бы даже Татьяна стала свободною, если бы умеръ ея старый мужъ и она овдовѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинимъ.... Вѣдь она уже видитъ, кто онъ такой: вѣчный скиталецъ, увидѣвъ вдругъ женщину, которому прежде пренебрегъ, въ новой блестящей, недостижимой обстановкѣ, — да вѣдь въ этой-то обстановкѣ, пожалуй, и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвочки, которую онъ чуть не презиралъ, теперь поклонится свѣтъ, — свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина, не смотря на всѣ его міровыя стремленія... Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущности любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную, какъ и прежде, Татьяну!... Любитъ фантазію, да вѣдь онъ и самъ фантазія! Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо.

Вотъ въ чемъ нельзя не признать самаго трезваго отпора взгляду, пушенному въ свое время въ ходъ Бѣлинскимъ и окончательно исчерпанному тѣми его послѣдователями, у которыхъ совсѣмъ не стало громко говорившаго въ немъ спасительнаго идеализма. Въ силу этого взгляда, женщина обязана слѣдовать своему влеченію, т. е., по просту, кидаться на шею всякому, кто приглянется и поманитъ, т. е. она обязана становиться тѣмъ, что презрительно обозначается въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ словомъ: *наметкинья*. Но не въ одной сербской, и въ нашей народной поэзіи женщина, легко кидаящаяся на шею, вызываетъ къ себѣ презрѣніе. Да и въ народной поэзіи всѣхъ странъ существуетъ типъ гордой, неподатливой женщины, служащей, конечно, однимъ изъ проявленій высокоаго идеальнаго начала въ умѣ и воображеніи народа. Пушкинская Татьяна, по своимъ московскимъ отношеніямъ къ Онѣгину, является какъ бы литературнымъ воспроизведеніемъ этого народнаго типа, а критика наша тутъ, какъ и во многомъ, не хотѣла понять органической связи поэзіи Пушкина съ народною почвою (именно *народною*, а не только *національною*). Но Достоевскій, какъ въ свое время Ап. Григорьевъ, становится въ критикѣ въ уровень съ творчествомъ Пушкина. Между

тѣмъ, въ частностяхъ можно съ нимъ поспорить и на счетъ Онѣгина. Можно думать, во-первыхъ, что Онѣгинъ, изученный Татьяною по отщѣт-камъ его на книгахъ, былъ на самомъ дѣлѣ проще, честиѣ и добродушнѣе, чѣмъ самъ выставлялъ себя (онъ въ этомъ смыслѣ вѣрно понятъ въ рѣчи г. Незеленова). Съ другой стороны, не много-ли однако же чести относить его къ тѣмъ «мировымъ страдальцамъ», о которыхъ говоритъ Достоевскій, хотя онъ и не ставитъ ихъ черезъ-чуръ высоко, замѣчая, что въ нихъ, «такъ много подъ часъ лакейства духовнаго». Какъ ни мѣтко замѣчаніе, что Ленскій могъ быть убитъ подобнымъ страдальцемъ «можетъ быть отъ хандры по мировому идеалу»,—но въ Онѣгинѣ-то хандра, говоря языкомъ философскимъ, едва-ли имѣла такой высокой объектъ. Онѣгинъ просто открываетъ въ нашей литературѣ рядъ неудачниковъ и лишннихъ людей, но вѣдь они еще не мировые страдальцы. «Учившись, какъ мы всѣ, понемногу—чему нибудь, да какъ нибудь», онъ оторвался отъ непосредственной жизни, и не знаетъ, какъ примѣнить къ дѣлу то, что вычитано имъ изъ книжекъ. Между тѣмъ, «наука наслажденій» извѣдана имъ вполне, и пресыщеніе ею поддерживаетъ въ немъ пресыщеніе своимъ малознаніемъ, а то и другое вмѣстѣ становится самою благодарною почвою для воспріятія байроновской разочарованности. Также слишкомъ много чести, какъ Онѣгину, дѣлаетъ Достоевскій и герою «Цыганъ» Алеко, возводя его въ санъ того «русскаго свитальца», которому «необходимо всемірное счастье, чтобъ успокоиться;—дешевле онъ не помирится». Я, съ своей стороны, думаю, что Алеко сложился еще у Пушкина подъ прямымъ влияніемъ Байрона (и отчасти Руссо), но самостоятельность Пушкина ярко сказалась уже въ этой поэмі тѣмъ, что онъ тутъ же и обнажилъ эгоистическій корень байронизма, именно *корень* (а не напластованіе, яко бы полученное имъ на Руси). Я указалъ на это въ своей рѣчи *), но дѣло теперь не въ томъ.

Замѣчательно, что въ пониманіи не только Онѣгина, но и Алеко, какъ русскихъ огорченныхъ людей, Достоевскій отчасти совпадаетъ во взглядѣ съ авторомъ «Очерковъ Пушкинской Руси», у котораго оба они—также „печальные странники, не находящіе себѣ покоя... отъ которыхъ уже не услышишь смѣлыхъ рѣчей Чацкаго.... прямое выраженіе той эпохи, когда жизнь русская временно какъ бы замерла, остановилась и ничего не представляла и впереди, кромѣ туманной дали.... Этихъ-то бѣдныхъ, одинокихъ странниковъ, этихъ-то бесплодно бродячихъ, хоть и небольшихъ но все-таки силъ, не забылъ поэтъ,—и да не забудетъ его самого благодарный потомокъ за эту хотя и печальную, но правдивую картину столь знакомой намъ русской хандры“. (стр. 66). **)

*) Русская Мысль, июнь.

***) Недавно, въ VI гл. біографіи Пушкина, „свитальчество“ Алеко и Онѣгина призналъ и В. Я. Стоюнинъ, при чемъ указалъ на козны того же „свитальчества“ въ древней руси: представителемъ его является у г. Стоюнина и Гришка Отрепьевъ (Ист. Вѣст., Октяб. 263).

Къ тому же взгляду пришелъ и ополчившійся на *Θ. М. Достоевскаго* проф. *Градовскій*. Но дѣло въ томъ, что *Достоевскій* объясняетъ скитальчество пушкинскихъ лицъ ихъ безпочвенностью, ихъ гордою оторванностью отъ родной страны и роднаго народа, а профессоръ *Градовскій* (выразившійся только ярче автора «Очерковъ Пушкинской Руси»), тѣмъ, что больно много уже развелось у насъ разныхъ Коробочекъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Держимордъ. Самъ *Достоевскій* передаетъ этотъ взглядъ своего противника такимъ образомъ:

„Не могъ дескать не убѣжать къ цыганамъ, ибо ужъ слишкомъ гадою былъ *Держиморда*. А я утверждаю, отвѣчаетъ *Достоевскій*, (*Дневникъ писателя*, 1880 г.), что *Алеко* и *Онѣгинъ* были тоже въ своемъ родѣ *Держиморды* и даже въ иномъ отношеніи и похуже. *) „Я не обвиняю ихъ за это вовсе, оговаривается *Достоевскій*, вполне признавая трагичность судьбы ихъ, а въ ихъ хвалите за то, что они убѣжали: „дескать такіе великіе и интересные люди могли-ли ужиться съ такими уродами?“... „Вовсе де они и не горды были“, вотъ, что вы даже утверждаете. Да тутъ гордость прямое, логическое и неминуемое послѣдствіе ихъ отвлеченности и оторванности отъ почвы... *Алеко* и *Онѣгинъ* къ Россіи были высокомерны и нетерпѣливы, какъ всѣ люди, живущіе отъ народа отдѣльной кучкой на всемъ на готовомъ, т. е. на мужичьемъ трудѣ и на европейскомъ просвѣщеніи, тоже имъ даромъ доставшемся... Не *Держимордой* онъ (скиталецъ) погибъ, а тѣмъ, что не умѣлъ объяснить себѣ *Держиморду* и происхождение его“.

Относительно происхожденія *Держиморды* приведу слѣдующее замѣчаніе *И. С. Аксакова* **) о нашемъ дворянствѣ (а вѣдь оно же и «интеллигенція»):

Оно пользовалось правами, какихъ не имѣло ни одно сословіе въ мірѣ;—кромя губернатора, оно выбирало всѣ власти губернскія, судебныя и административныя, начиная отъ предсѣдателей судебныхъ палатъ и включая исправниковъ и становыхъ. Но какъ же оно пользовалось!! Кто же воспиталъ этихъ *Держимордъ*? Самъ помѣщикъ, бывшій всегда *Держимордой* для своихъ крестьянъ.

Да, интеллигенція, долго отстаивавшая крѣпостное право, въ то же время содѣйствовала разведенію у насъ *Держимордъ*, а потомъ сама же возненавидѣла ихъ, какъ возненавидѣла наконецъ и крѣпостное право. Но ненависть эта, по выраженію *Достоевскаго*, сказывалась у нея «по своему, по европейски»....

„То-то вотъ и есть, продолжаетъ онъ, что ненавидѣли они крѣпостное право не ради русскаго мужика, на нихъ работавшаго, ихъ питавшаго, а, стало-быть, ими же въ числѣ другихъ и угнетеннаго... То-то вотъ и есть, что въ мѣстечкѣ *Парижѣ*—съ все-таки надобны деньги, хотя бы и на баррикадахъ участвуя, такъ вотъ крѣпостные-то и присылали оброкъ. Дѣляли и еще проще: закладывали, продавали или обмѣнивали (не все-ли равно?) крестьянъ.... и убѣжали въ *Парижъ* способствовать изданію французскихъ радикальныхъ газетъ и журналовъ для спасенія уже всего человѣчества, не только русскаго мужика. Вы

*) *Алеко* несомнѣнно и доказалъ это своимъ самоуправствомъ въ цыганскомъ таборѣ.

**) Въ частномъ письмѣ ко мнѣ по поводу рѣчи *Достоевскаго* и возраженій на нее.

увѣряете, опять обращается Достоевскій къ проф. Градовскому, что ихъ всёхъ заѣдала скорбь о крѣпостномъ мужикѣ. Не то, чтобъ о крѣпостномъ мужикѣ, а вообще отвлеченная скорбь о рабствѣ въ человѣчествѣ; „не надо-де ему быть, это непросвѣщенно, Liberté, дескать, Egalité et Fraternité“.... А вѣдь съ отвлеченно—мировымъ характеромъ скорби весьма и весьма можно ужить-ся, питаясь духовно созерцаніемъ своей нравственной красоты и полета своей гражданской мысли, ну, а тѣлесно все-таки питаюсь оброкомъ съ тѣхъ же крестьянъ, да еще какъ питаюсь-то!» (Дневникъ писателя. 1880 г., стр. 26—29).

Но и переставъ питаться, или даже никогда не питавшимся оброкомъ или выкупными, наша интеллигенція (не изъ помѣщиковъ) сумѣла сохранить духовно, такъ сказать, держимордскія отношенія къ народу. Вотъ что рассказываетъ Достоевскій (а въ правдѣ его словъ, конечно, не усомнит-ся никто—даже самъ А. Д. Градовскій).

«Этого народъ не позволить», сказалъ по одному поводу, года два назадъ, одинъ собесѣдникъ одному ярому западнику. «Такъ уничтожить народъ!» — отвѣтилъ западникъ спокойно и величаво. И былъ не кто-нибудь, а одинъ изъ представителей нашей интеллигенціи“. Анекдотъ этотъ вѣренъ. (Дневникъ писателя, стр. 4).

Это-ли не Держиморда? Конечно, не заурядный, а возведенный, такъ сказать, въ перлъ созданія.

Но пора предоставить слово А. Д. Градовскому. Изъ всёхъ возраженій на рѣчь Достоевскаго онъ представилъ, конечно, самыя солидныя (а кто не пускался возражать—даже составитель сборника «Вѣнокъ на памятникъ Пушкина»). И вотъ не всё изъ его возраженій были заранѣе предусмотрѣны Достоевскимъ, сказавшимъ въ концѣ своей рѣчи: «все это покажется самонадѣяннымъ». «Бѣгства отъ Держиморды», Достоевскій не предусмотрѣлъ. Но вѣдь не даромъ А. Д. Градовскій—профессоръ. Въ самомъ дѣлѣ, «восторженнымъ, преувеличеннымъ и фантастическимъ» словамъ Достоевскаго, какъ самъ онъ ихъ называетъ (предвосхищая эти слова у своихъ противниковъ), слѣдовало противопоставить такую статью, какъ «Мечты и дѣйствительность».

Профессоръ Градовскій захотѣлъ удержать насъ отъ увлеченія какою-то «народною правдой», которой, по мнѣнію Достоевскаго, не признаютъ Алены съ Онѣгиними и передъ которою онъ имъ предписываетъ сми-ряться.

„Значительная часть скитальцевъ, счелъ впрочемъ нужнымъ признать профессоръ, не отрицала, что въ глубинѣ русскаго духа таится нѣчто величавое въ нравственномъ смыслѣ. Но позволительно сказать, что это „прекрасное“ было прикрыто толстымъ слоемъ грязи и что народная „правда“ какъ-то странно выражалась въ „еривосудіи“ отжившихъ учрежденій“.

Точно будто бы самъ народъ не противопоставлялъ этой жизненной «кривды»—и слово-то чисто народное—той «правдѣ», которая жила и живетъ въ его духовныхъ запросахъ и требованіяхъ! Если же онъ все-таки уживался съ этою кривдою, то вѣдь и мы, интеллигенція, уживали-сь и даже преспокойно получали, состоя подъ ея «режимомъ», свои

служебные оклады. Но вскорѣ А. Д. Градовскій пошелъ далѣе (въ фельетонѣ своемъ о «тревожномъ вопросѣ» въ томъ же «Голосѣ»), замѣчая:

„Возрожденіе, говорятъ намъ, возможно чрезъ общеніе съ народомъ, чрезъ проявленіе его духомъ и его правдою. Это было бы прекрасно, если бъ дѣйствительно въ глубинѣ народнаго духа было заключено нѣчто опредѣленное, неизбѣжное, вѣчное и ясно проявленное въ какомъ-нибудь откровеніи“.

Знакомая, давно знакомая фраза, еще имѣющая свой смыслъ, когда думаютъ ею поразить тѣхъ, въ чьихъ устахъ и «народный духъ» является такою же *фразою*. Но дѣло въ томъ, что у Достоевскаго «народный духъ», «народная правда», «смирненіе передъ народною правдою» — совсѣмъ ужъ не фраза. Профессоръ прежде всего позабылъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и это вынудило у Достоевскаго слѣдующія автобіографическія напоминанія:

„Да, народъ нашъ грубъ,—говоритъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, — хотя и далеко не весь. О, не весь, въ этомъ я клянусь уже какъ свидѣтель, потому что я видѣлъ народъ нашъ и знаю его, жилъ съ нимъ довольно дѣтъ, *мѣ съ нимъ, спалъ съ нимъ и самъ къ „злodingамъ причтенъ былъ“, работалъ съ нимъ настоящей мозольной работой* *), въ то время, когда другіе, „умывавшіе руки въ крови“, либеральничая и подхихивая надъ народомъ, рѣшали на лекціяхъ и въ отдѣленіи журнальныхъ фельетоновъ, что народъ нашъ „образа звѣринаго и печати его“. Не говорите же мнѣ, что я не знаю народа. (*Дневникъ писателя*, 1880 г. стр. 22—23).

Да, профессоръ забылъ, что онъ имѣетъ дѣло съ героемъ-авторомъ *Мертвого Дома*, давшимъ намъ заглянуть такъ глубоко и въ душу этихъ, засаженныхъ въ немъ «несчастныхъ», и въ душу того народа, который съумѣлъ ихъ назвать «несчастными». Вотъ тотъ университетъ, въ которомъ изучилъ Достоевскій «народную правду», изучилъ въ тѣхъ слѣдахъ, которые оставлены ею въ самыхъ уклоненіяхъ отъ нея, не только изучилъ умомъ, но и воспринялъ сердцемъ, выйдя изъ этой школы не озлобившимся, тогда какъ другіе выходятъ остервенившимися противъ самого народа—не болѣе, какъ изъ-подъ бурсацкой розги. Побывавъ въ этой школѣ, Достоевскій не могъ создать образа того интеллигентнаго ссыльнаго, котораго заставилъ Некрасовъ обучать неинтеллигентныхъ ссыльныхъ уваженію къ таинству смерти (въ поэмѣ *Несчастные*, — народной, впрочемъ, не только по заглавію, но и по многимъ строфамъ, полнымъ того истиннаго пафоса, который признается у Некрасова и Достоевскимъ **). Сцена смерти, списанная, конечно, съ натуры, есть и въ *Мертвомъ Домѣ*, и она производитъ умиленное дѣйствіе безъ всякаго смягчающаго вліянія образованнаго острожника, какимъ въ самомъ

*) Подчеркнуто мною. О. М.

**) Вотъ одна изъ такихъ строфъ:

Лишь Богъ помочь бы русской груди
Дохнуть пошире, повольнѣй,
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть. грядущее у ней!

дѣлѣ и былъ и могъ бы выставить самого себя Достоевскій. Но въ томъ-то и дѣло, что и въ *Мертвомъ Домѣ* не сказалась въ немъ, какъ, по его же выраженію, во многихъ интеллигентныхъ русскихъ, «гадливость», не только къ обыкновенному мужику, но и къ мужику-преступнику. Потому-то и относится онъ съ презрѣніемъ къ тѣмъ «презрительнымъ анекдотамъ», которые, по его замѣчанію, ходятъ между нашею интеллигенціею (сердобольно называемою у А. Д. Градовскаго «бѣдною») «о русскомъ мужикѣ, объ его рабской душѣ, объ его идолопоклонствѣ»....

Но вѣдь увлекаться «народною правдою» тѣмъ опаснѣе, что есть чудачи, противопологающіе ее — о ужасъ! европейскому просвѣщенію, а «уйти отъ этого просвѣщенія, — по словамъ проф. Градовскаго, — намъ некуда, да и не зачѣмъ».... «Предусматривая даже сильное развитіе русской науки, русскаго искусства, — поясняетъ онъ, — мы должны будемъ признать, что всѣ эти вещи выростутъ на почвѣ западно-европейскаго просвѣщенія, подобно тому, какъ послѣднее выросло на почвѣ греко-римской культуры». На это Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ» отвѣтилъ вопросомъ, чтѣ разумѣть подъ просвѣщеніемъ? «Науки запада, полезныя знанія, ремесла, или просвѣщеніе духовное? Первое, т. е. науки и ремесла, дѣйствительно, не должны насъ миновать и уходить намъ отъ нихъ дѣйствительно некуда, да и не зачѣмъ» *). Но и тутъ, мнѣ кажется, нужна оговорка. Собственно въ области такъ-называемыхъ точныхъ или положительныхъ знаній возможна непосредственная пересадка изъ страны въ страну. Если и тутъ порою сказывается та или другая *бытовая* подкладка, то это лишь рѣдкое исключеніе. Но такая подкладка сказывается и часто, и сильно въ области знаній — потому, между прочимъ, и не называющихся точными или положительными, но наиболѣе возбуждающихъ интересъ — по своему общественному значенію. Полезно-ли и тутъ *пересаживаніе цѣликомъ*? Вполнѣ-ли благо, что «западно-европейское просвѣщеніе не только выросло на почвѣ греко-римской культуры, но во многомъ вполнѣ сохранило ея отпечатокъ?» Благо-ли въ частности то, что римское право не только пережило римское государство, но и пустило глубокіе и долговѣчные корни по всей Европѣ? Все-ли благо и въ возрожденіи классической древности (*renaissance*), не оставшемся только *моментамъ*, (смыслъ котораго заключался въ *секуляризаціи* знанія), а обратившемъ классицизмъ въ постоянную, такъ сказать, стихію духовной жизни Европы? Не является-ли вся эта закваска греко-римская, никогда не исчезающая въ Европѣ и еще усилившаяся съ «возрожденіемъ древности», только исполненнымъ фактомъ такъ-называемаго *переживанія* (*survival*)?

Но все это уже переводитъ насъ въ область «просвѣщенія духовнаго». Христіанскій источникъ его былъ несомнѣнно отравленъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ Европы, именно этимъ чудовищнымъ фактомъ

*) Дневникъ писателя, стр. 21.

переживанія. Не только жизнь, но и міросозерцаніе христіанскихъ народовъ остались, по крайней мѣрѣ на половину, языческими. Когда даже Руссо говорилъ: «для того, чтобы свободный былъ вполне свободенъ, рабъ долженъ быть вполне рабомъ», онъ, конечно, былъ, не смотря на свое казовое отреченіе отъ всякой культуры, исповѣдникомъ греко-римскихъ культурныхъ началъ. Но благо-ли это?

Профессоръ Градовскій, вѣроятно, полагаетъ, что благо, если говорить: «каждая народность въ свое время проходила чрезъ школу всечеловѣческаго, какъ прошли ее народы Европы въ эпоху среднихъ вѣковъ и возрожденія». И такъ, не только renaissance, но и средніе вѣка составляли «школу всечеловѣческаго». Стало быть, и феодализмъ составляетъ неминутыя врата для вступленія въ царство настоящей цивилизаціи? Чадаевъ считалъ такими вратами католицизмъ; къ нему можетъ отнынѣ присоединиться и феодализмъ.

Мы видѣли выше, что П. В. Анненковъ готовъ считать самого Пушкина вздыхавшимъ по феодализмѣ. Оно, можетъ быть, и не совсѣмъ такъ, но это не отнимаетъ у феодализма его міровой культурности. Намъ, бѣднымъ, въ нашей жалкой исторіи не достался ни онъ, ни католицизмъ; за то насъ съ избыткомъ вознаградили за отсутствіе у насъ renaissance *).

Отличая отъ «полезныхъ знаній, ремеслъ» и т. п. «просвѣщеніе духовное», Достоевскій замѣчаетъ проф. Градовскому, что «такое просвѣщеніе намъ нечего черпать изъ западно-европейскихъ источниковъ за полнѣйшимъ присутствіемъ (а не отсутствіемъ) источниковъ русскихъ». Эти источники, какъ не трудно понять, заключаются въ христіанствѣ. Достоевскій не касается при этомъ вопроса, досталось-ли оно и намъ-то во всей своей чистотѣ, перейдя къ намъ изъ Византіи, этого познѣйшаго отпрыска того же греко-римскаго міра съ его неподатливою языческою основою. Благодаря славянскимъ первоучителямъ, мы однако же получили непосредственный доступъ къ самому евангелію, читавшемуся передъ народомъ на доступномъ для него языкѣ. О томъ, что, при всѣхъ остаткахъ обрядоваго язычества, многое изъ нравственнаго ученія христіанства прямо и глубоко запало намъ въ душу, свидѣтельствуетъ рядъ

*) Сказавъ это, я коснулся вопроса, о которомъ слѣдуетъ когда-нибудь поговорить отдѣльно. Замѣчательно, что заданный намъ въ послѣднее время сильный пріемъ классицизма не пришелся по вкусу очень многимъ западникамъ, тогда какъ противъ него, сколько извѣстно, неособенно высказывались славянофилы. А можно бы ожидать, что оно выйдетъ наоборотъ. Тутъ спутались самые различные мотивы и все это должно быть распутано. Ограничусь пока замѣчаніемъ, что въ одной изъ рѣчей на Пушкинскомъ праздникѣ было сказано: „русскій народъ долженъ имѣть свою національную школу... только подъ условіемъ національности наша родная школа будетъ въ состояніи занять такое же мѣсто между европейскими школами, какое Пушкинъ далъ русской поэзіи среди поэзіи другихъ народовъ“. (Рѣчь Н. П. Некрасова; см. „Вѣнокъ на пам. Пушкина“, стр. 215).

фактовъ, начиная отъ завѣщанія Мономаха: «ни правого, ни виновнаго не убейте, не повелѣвайте убить» и вплоть до отношенія простаго русскаго человѣка къ преступнику, какъ къ *несчастному*. И оставленный, наконецъ, (по стеченію многихъ невыгодныхъ обстоятельствъ) безъ проповѣди, народъ, по замѣчанію Достоевскаго, не переставалъ никогда слышать въ церкви молитву: «Господи, Владыко живота моего», въ этой же молитвѣ «вся суть христіанства, весь его катехизисъ, а народъ знаетъ эту молитву наизусть». (Это та самая молитва, которую подъ конецъ жизни переложилъ въ стихи Пушкинъ *).

„Главная же школа христіанства, которую прошелъ онъ, говоритъ Достоевскій, это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій, имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ... оставался лишь съ однимъ Христомъ утѣшителемъ, котораго и принялъ тогда въ свою душу на вѣки и который за то спасъ отъ отчаянія его душу!“ (Дневникъ Писателя, стр. 21—22, 25).

Тоже порою говорилъ и Некрасовъ, напримѣръ, въ поэмѣ *Тишина*, коснувшись значенія для народа сельскаго храма, а подъ конецъ упоминая и о себѣ, о своихъ колѣнопреклоненныхъ возгласахъ къ «Богу скорбящихъ». Достоевскій же говоритъ о себѣ, «причтенномъ къ злодѣямъ», т. е. къ «несчастливымъ» *Мертваго Дома*, что «отъ народа онъ принялъ вновь въ свою душу Христа, котораго узналъ въ родительскомъ домѣ еще ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился, въ свою очередь, въ «европейскаго либерала». Онъ приглашаетъ всѣхъ нашихъ «скитальцевъ» къ тому же:

„Смирись, говоритъ онъ, гордый человѣкъ... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собою и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя, не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою“.

„Въ этихъ словахъ, справедливо замѣчаетъ проф. Градовскій, Достоевскій высказалъ „святая святыхъ“ своихъ убѣжденій“... „Въ этихъ словахъ, продолжаетъ онъ, заключенъ великій *религіозный* идеалъ, мощная проповѣдь *личной* нравственности, но нѣтъ и намева на идеалы *общественные*“.

Но тутъ у почтеннаго профессора начинается странное смѣшеніе понятій, окончательно сказывающееся въ словахъ:

„Общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства *общественныхъ учреждений*, воспитывающихъ въ человѣкѣ если не христіанскія, то гражданскія доблести“.

Дѣло въ томъ, что общественная нравственность есть только итогъ, получаемый отъ нравственности отдѣльныхъ членовъ общества. Учрежденія же сами по себѣ еще не создаютъ ни христіанскаго, ни гражданскаго совершенства (христіанское непременно оказывается и гражданскимъ). Хорошія учрежденія предоставляютъ большій просторъ для дѣятельности нравственныхъ силъ, и въ этомъ отношеніи, конечно, хорошія учрежденія дѣйствуютъ воспитательно. Съ другой стороны, назначеніе учрежде-

*) „Отцы пустынники и жены непорочны“,

ній—по возможности устранять вредъ, происходящій отъ неизбежной безнравственности извѣстныхъ членовъ общества искусственнымъ сдерживаніемъ ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. *) Такое сдерживаніе никогда не можетъ быть окончательнымъ, и при самомъ лучшемъ механизмѣ общественномъ всегда можно умудриться приносить даже настоящія человѣческія жертвы идолу своихъ чувственныхъ вождѣній. Ни одна изъ республикъ въ мірѣ не умудрилась еще прогнать того величайшаго деспота, власть котораго основывается на томъ, что въ рукахъ у него *золотой ключъ*. Ровня Достоевскому по глубинѣ и силѣ таланта, гр. Л. Н. Толстой, перенесъ насъ однажды въ республиканскую Швейцарію, чтобы показать, какъ и тамъ преклоняютъ голову передъ лордомъ, не считающимъ ниже своего достоинства даромъ прослушать бѣдняка-пѣвца, и поднимаютъ носъ передъ русскимъ путешественникомъ, который уронилъ себя тѣмъ, что угостилъ этого бѣдняка на глазахъ у этихъ благородныхъ лордовъ. Въ учрежденіяхъ—свобода и равенство; въ правахъ—все то же холопство и поклоненіе золотому тельцу! Но вернемся и на этотъ разъ къ «учителю Пушкину». Не онъ-ли сказалъ про своего Алеко,—что

....не всегда мила свобода

Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.

Вспомнимъ также, что Некрасову въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ деревню слышался всюду голосъ:

Зачѣмъ ты здѣсь, *изнѣженный пѣвецъ?*

Дѣло въ томъ, что пѣвецъ этотъ при своей изнѣженности воспѣвалъ нужду и страданія деревни! Глубокой трагизмъ въ его жизни составляло то, что онъ постоянно сознавалъ это внутреннее противорѣчіе. Но мы, его почитатели, по большей части, не сознаемъ этого. Всѣ мы съ дѣтства направлены «къ нѣгѣ»; направлены къ ней, даже еще не имѣя возможности съ нею знаться, приучены о ней думать и день, и ночь,—постоянно видѣть передъ собою, хотя бы въ будущемъ, именно ее—или, въ переводѣ на болѣе грубый языкъ современнаго намъ сатирика,—«кусокъ», все тотъ же лакомый, завѣтный кусокъ! Намъ всѣмъ одинаково невразумительно слово, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»; потому-то намъ и не войти въ настоящее царство свободы. Всѣ наши проповѣди либе-

*) Мы полагаемъ, что учрежденія въ государствѣ имѣютъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія народа не одно лишь отрицательное значеніе, въ смыслѣ только доставленія простора его нравственнымъ силамъ и устраненія вреда, происходящаго отъ неизбежной безнравственности извѣстныхъ его членовъ. Государственныя учрежденія обладаютъ и положительною, воспитательною силою. Возбуждая самодѣятельность въ человѣкѣ и направляя ее къ нравственнымъ цѣлямъ, они воспитываютъ въ немъ нравственное сознание и укрѣпляютъ его нравственныя убѣжденія. Кому неизвѣстна нравственно-созидающая сила свободныхъ учрежденій и развращающее въ корень народную жизнь значеніе деспотизма.

ральныхъ учрежденій подрываются въ самомъ корнѣ матеріализаціе нашихъ понятій и нравовъ. Это ничего не значитъ, что мы, и совершенно, быть можетъ, искренно, ищемъ «куска» не только себѣ, но и всѣмъ; такъ какъ всѣ наши вождѣнія направлены на «кусокъ», а подавлять свои вождѣнія значитъ насилловать свою природу, то рано или поздно тотъ изъ насъ и отхватитъ себѣ наибольшую часть «куска», на чьей сторонѣ окажется сила. «Сила—право»—вотъ та сжатая и полная формула матеріализма, которая съ настоящею послѣдовательностію проведена Гобсомъ. И этотъ старый примѣръ до сихъ поръ не вразумилъ насъ, что вполне послѣдовательный матеріализмъ можетъ вести только къ крайнему деспотизму. Но люди съ глубокимъ умомъ и талантомъ, какъ Некрасовъ и Достоевскій, понимаютъ въ чемъ дѣло. Некрасовъ выражалъ это пониманіе высокимъ пафосомъ своихъ самобичеваній и порою касался не только народной нужды и страданій, но и «народной правды»,—на сколько это ему позволяли. Достоевскій въ послѣднемъ своемъ *Дневникѣ*, привыкнувъ ни у кого не спрашиваться и никого не бояться, открыто заявилъ, что проводить свои задушевные взгляды, т. е. дѣйствовать всѣми силами пера своего противъ матеріализаціи понятій и нравовъ, онъ не перестанетъ до гробовой доски. И онъ избралъ благую часть,—пошли ему Богъ долгій вѣкъ! Но я имѣю основаніе думать, что и А. Д. Градовскій хорошо понимаетъ это. Въ его возраженіяхъ Достоевскому невольно чувствуется какая-то нотка «оппортюнизма». Ему почему то кажется, что въ настоящее время надо именно *такъ* возражать. Но онъ глубоко ошибается.

«Работать надъ собой и смирять свои страсти, говоритъ онъ, можно и въ пустынѣ, и на необитаемомъ островѣ». Въ томъ-то и дѣло, что мы отсылаемъ аскетизмъ въ пустыни и на необитаемые острова, воображая, что онъ возможенъ только въ своей вполне эгоистической византійской или же буддійской формѣ. Профессоръ Градовскій не безъ ироніи замѣчаетъ, что «Алеко-христианинъ ушелъ бы въ монастырь и обратился бы въ старца Зосиму». Но старецъ Зосима у Достоевскаго и въ монастырѣ не порываетъ связей съ міромъ, любовно относясь къ его болѣзнямъ и нуждамъ. Такъ не порывали связей своихъ съ міромъ и наши древніе иноицѣтисцы, типъ которыхъ воспроязведенъ Пушкинымъ въ лицѣ Пимена. Это, можетъ быть, наша русская *поправка* къ византійскому аскетизму. Не перерождаясь, какъ въ Византіи, въ праздную гимнастику воли ради *личной* выслуги передъ Богомъ, аскетизмъ и можетъ, и долженъ быть вѣчной стихіею въ человѣчествѣ, тою стихіею, безъ которой невозможно самоотверженное служеніе обществу,—а настоящее служеніе ему именно и есть служеніе *до самоотверженія*. *) Оно-то и составляетъ сущность

*) Правда, служеніе обществу съ самоотверженіемъ немислимо безъ извѣстнаго рода внутренняго аскетизма, но только не такого, который бѣжить въ пустыню и изъ своей пустынной дали только относится съ любовью къ болѣзнямъ и нуждамъ міра, а такого аскетизма, которому прототипомъ можетъ

идеала общественнаго, который нигдѣ и никогда не создавался одними учреждениями. Напротивъ, только съ этимъ идеаломъ въ груди можно дѣйствительно вызвать къ жизни и незыблемо утвердить и самыя учрежденія.

Они не возникнутъ отъ однихъ разговоровъ объ нихъ—въ статьяхъ или на первыхъ попавшихся посидѣлкахъ. А мы какъ будто приписываемъ такимъ разговорамъ *заклинательное* значеніе, безсознательно заимствуясь на этотъ разъ у нами же презираемаго *темнаго* люда именно тѣмъ, что является у него самымъ вопіющимъ фактомъ переживанія. Да, мы какъ будто возвращаемся на почву *заговора*, повторяя, и кстати и не кстати, все одни и тѣ же *слова* о томъ, чего хочется и что требуется. Такъ и на Пушкинскомъ праздникѣ мы заявляли свою платоническую любовь къ тому, чего не достаетъ намъ, какъ не доставало въ свое время ему. При этомъ договорились мы до того, что ему было будто бы ни мало даже не труднѣе, чѣмъ намъ теперь. Но подобное пользованіе гиперболою вредно потому, что умаляетъ въ нашихъ глазахъ заслуги Пушкина. А намъ особенно нуженъ примѣръ—именно *примѣръ* не только *поэта*, но и *человѣка*. Пушкинъ на самомъ дѣлѣ находился въ положеніи еще болѣе трудномъ, чѣмъ наше; эта трудность его положенія, надо признаться, вѣрно выставлена въ «Очеркахъ Пушкинской Руси» (въ чемъ и заключается здоровая сторона этой, какъ видѣли мы, во многомъ фальшиво составленной книжки). На то же налегаль въ своей рѣчи проф. Качубинскій (произнесена въ Одессѣ), тѣмъ болѣе превознося постоянно бодрый тонъ поэзіи Пушкина. Сперва испытавъ гоненіе, потомъ не менѣе обременительное полупокровительство, Пушкинъ оставался однако же на столько стойкимъ, что имѣлъ несомнѣнное право сказать:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И идоламъ молвы народной
Кадиломъ лести не кадилъ....

А можемъ-ли мы по совѣсти сказать это про себя? Положеніе наше на самомъ дѣлѣ лучше, чѣмъ положеніе Пушкина, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы оно было вполнѣ хорошо и мы не были правы, разсчитывая на большее. М. И. Сухомлиновъ въ своей рѣчи самымъ разумнымъ образомъ выразилъ это, опираясь на самого же Пушкина, на его знаменитый стихъ:

На поприщѣ ума нельзя намъ отставать!

Но мы полагались только на *слова*, а не на *поведеніе*. Мы, прежде всего,

служить ангелъ не съ молитвенными только слезами на очахъ, но и съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ на всякую неправду, ангелъ, весь пламенѣющій огнемъ несокрушимой энергіи безуставной не только духовной, но и практической дѣятельности во благо человѣчеству.

Ред.

не умѣли молчать, когда отъ насъ ждали и хотѣли, чтобъ мы подали голосъ, но все-таки не позволяли намъ высказаться вполне. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы хотя не много переговаривали черезъ край, мы обыкновенно искупали свою мимолетную рѣзвость протяжною нотой «тише воды ниже травы», порою переходя изъ нея даже въ тонъ преусерднаго дирирамба. Мы постоянно доставляли тѣмъ, у кого бы должны были вынуждать уваженіе къ себѣ, потѣшное зрѣлище нашихъ междуусобиць «изъ-за выѣденнаго яйца», какъ мѣтко выразился современный сатирикъ. Мы не дорожили даже тѣми проявленіями единодушія, которыя порою бывають у насъ какъ бы совершенно неожиданно-негаданно, и поскорѣ спѣшили не только отречься отъ нихъ, но и закидать ихъ грязью. Такъ оно начинаетъ уже выходить и съ Пушкинскимъ праздникомъ.*)

Но вернемся же не къ *словамъ*, а къ *поступку* на немъ Достоевскаго: то, чего я еще не коснулся, именно составляло поступокъ (по выраженію И. С. Аксакова), оказавшійся цѣлымъ *событіемъ*. Это та смѣлость, съ какою Достоевскій сказалъ:

«укажите хоть на одного изъ великихъ гениевъ, который бы обладалъ такою способностію всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ... Даже у Шекспира его итальянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность».

Еще смѣлѣе объяснилъ онъ это свойство нашего великаго поэта тѣмъ же, чѣмъ, по его мнѣнію, объясняется и возможность успѣха у насъ Петровской «революціи» (какъ называлъ ее Пушкинъ).

„Русскій народъ, сказалъ Достоевскій, не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу... Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному воссоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ казалось должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовью приняли въ душу нашу гениі чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій“.

Но вѣдь на то же дѣлали въ сущности указанія и другіе.

„Нашъ великій поэтъ, сказалъ Н. П. Некрасовъ, представляетъ собою лучшее доказательство того, что русская національность не можетъ отличаться исключительностію или нетерпимостію къ другимъ народамъ“....

„Въ этой безграничной отзывчивости на все сущее,—напечатано было въ *Недѣль*,—въ этой ассимиляціи духа всѣхъ вѣковъ и народовъ выражается

* Къ области нашего непохвальнаго поведенія принадлежитъ и то, какъ недавно было встрѣчено у насъ извѣстіе, что оказывается наконецъ возможнымъ снова издавать газету лицу, котораго всѣ прежнія предпріятія этого рода приводили къ болѣе или менѣе скорому запрещенію. Послѣ всѣхъ своихъ жалкихъ словъ о свободѣ мысли, одна газета привѣтствовала это извѣстіе неприличнымъ намекомъ на ту постороннюю литературную дѣятельность возвращающагося къ своему поприщу публициста, къ которой его привело систематическое преслѣдованіе его изданій.

ширина симпатій и воззрѣвій, отличающая славянскую, преимущественно русскую натуру“.

Да, но Достоевскій еще прибавилъ къ этому:

„назначеніе русскаго человѣка есть безспорно все европейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполне русскимъ, можетъ быть, и значить только (въ концѣ концовъ это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *все-человѣкомъ*, если хотите“.

И это исповѣданіе въ русскомъ — *всечеловѣка* было высказано съ такой глубиной убѣжденія, что неувлеченнымъ остался лишь тотъ, кто, какъ бы заранѣе ожидая чего-то, совсѣмъ не пошелъ на чтеніе Достоевскаго. «Если бъ вы видѣли, писалъ мнѣ одинъ изъ ближайшихъ участниковъ праздника, что такое было, и не со стороны одной молодежи, а со стороны старыхъ столповъ такъ-называемаго западничества, не исключая Тургенева и Анненкова». По свидѣтельству Н. И. Страхова, послѣдній сказалъ ему послѣ рѣчи Достоевскаго: «вотъ что значитъ геніальная художественная характеристика! Она разомъ порѣшила дѣло» *).

„Рядомъ съ славянофилами, говоритъ самъ Достоевскій, обвинявшими меня и жавшими мнѣ руку, тутъ же на эстрадѣ, едва лишь я сошелъ съ кафедры, подошли ко мнѣ позжать руку и западники, и не какіе-нибудь изъ нихъ, а передовые представители западничества, занимающіе въ немъ первую роль, особенно теперь. Они жали мнѣ руку съ такимъ же горячимъ и искреннимъ увлеченіемъ, какъ славянофилы, и называли мою рѣчь геніальною, нѣсколько разъ напирая на слово это, произнесли, что она геніальна! (Дневникъ писателя 1880 г., стр. 5—6).

Самъ Достоевскій скромно объясняетъ дѣло вовсе не тѣмъ, а «искренностію» и «нѣкоторою неотразимостію выставленныхъ имъ фактовъ». Но именно за эту-то ихъ «неотразимость», подчинившую себя моментально *всплхъ*, и пришлось ему въ скоромъ времени поплатиться: *проступокъ* его обратился въ *проступокъ*, такъ что, по его же рѣзкому выраженію, «надо бы и полицію привести, чтобы сдерживать порывы публики». (Дневникъ, стр. 20). Но приводите впередъ какую угодно полицію, не только «моральную и либеральную», но хотя бы и *настоящую*, вооружитесь даже какими угодно свистками, трещотками или кошками, а «проступки» Достоевскаго еще повторятся: не разъ еще будетъ увлеченъ его рѣчью и младъ, и старъ, потому что онъ «всегда говорить, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи». **)

*) «Семейные вечера», 18-0 г. іюль, стр. 270.

***) Въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ раздался совсѣмъ неожиданно единственный подходящий откликъ на рѣчь Достоевскаго, въ видѣ письма къ нему К. Д. Кавелина. „Можетъ быть, говоритъ авторъ, я увлекаюсь золотой мечтой, но мнѣ думается, что новое слово, котораго многие ожидаютъ, будетъ заключаться въ новой правильной постановкѣ вопроса о нравственности въ наукѣ, воспитаніи и практической жизни, и что это живительное слово скажемъ именно мы... Съ этимъ же вопросомъ соединяются, въ самыхъ неопредѣленныхъ сочетаніяхъ и неясныя представленія о будущемъ значеніи русскаго

Между тѣмъ, взглядъ Достоевскаго на всемірную отзывчивость Пушкина совпадаетъ съ тѣмъ, что высказано въ прочтенномъ на Пушкинскомъ праздникѣ письмѣ къ И. С. Тургеневу Бертольда Ауербаха:

„Прекрасно и поучительно, пишетъ онъ, что изъ Россіи входитъ въ настоящее время въ міръ вѣсть о чествованіи генія и притомъ генія, бывшаго и остающагося далекимъ отъ новомодной, или, скорѣе, варварски старомодной исключительности, по которой въ царствѣ духа народы не должны болѣе творить и дѣйствовать въ соединяющемъ и примирающемъ мірѣ взаимоотношеніи свободного даванія и свободного же полученія. (Торжество открытія памятника Пушкину. Москва, 1880 г., въ типографіи Гатцука, стр. 36.)

Въ строкахъ этихъ сказывается, можетъ быть, намѣреніе противопоставить Пушкина такъ-называемой русской народной партіи, отличающейся, по заграничному мнѣнію, своей нетерпимостію и исключительностію. На самомъ же дѣлѣ приписываніе себѣ права «считать другія національности только за лимонъ, который можно выжать», по выраженію Достоевскаго, по преимуществу развито въ школѣ Бисмарка, а если называется и въ Россіи, то собственно у русскихъ бисмаркистовъ. Въ самомъ корнѣ отличный отъ нихъ (хотя рѣчь его по какому-то капризу и появилась въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*) Достоевскій, представитель настоящаго русскаго воззрѣнія, какъ бы прямо въ отвѣтъ на намекъ Ауербаха, указываетъ на то, что «быть русскимъ значитъ быть *всечеловѣкомъ*». Онъ долженъ былъ этимъ озадачить и нашихъ западниковъ, которые также привыкли ратовать противъ воображаемой ими національной исключительности народниковъ. Подъ первымъ живымъ впечатлѣніемъ западники, очевидно, были обрадованы и увлечены этимъ *«всечеловѣкомъ»*, раздавшимся изъ устъ Достоевскаго; а потомъ изъ ихъ же лагеря вдругъ раздался вопросъ: «и къ чему въ самомъ дѣлѣ явился этотъ всечеловѣкъ? Да быть имъ даже не особенно лестно; лучше быть оригинальнымъ русскимъ человѣкомъ, чѣмъ этимъ безличнымъ всечеловѣкомъ*»). Т. е. теперь они сами же заговорили то, въ чемъ прежде винили славянофиловъ, видя въ ихъ запросѣ на оригинальность—какую то исключительность. Но Достоевскій, какъ глубокій психологъ, уже объяснилъ намъ, въ чемъ дѣло (въ недавно вышедшемъ *Дневникѣ*). Ему слышатся со стороны западниковъ слѣдующія соображенія:

„А, вы согласились-то наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и препираній, что стремленіе наше въ Европу было законно и нормально... что жъ, мы принимаемъ ваше признаніе радушно.... но.... тутъ видите ли является опять нѣ-

и славянскаго племени въ судьбахъ міра. Громадный успѣхъ Вашей рѣчи о Пушкинѣ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вы въ ней касаетесь этой сильно звучащей струны, что въ вашей рѣчи нравственная красота и правда отождествлены съ русскою народною психею“ (стр. 440—41). Послѣ этихъ словъ можно и не спорить съ многуважаемымъ авторомъ изъ-за частныхъ его писемъ.

*) Вѣстникъ Европы, июль.

которая новая запятая.... Дѣло въ томъ, что ваше-то положеніе.... что мы, въ увлеченіяхъ нашихъ, совпадали будто бы съ народнымъ духомъ и таинственно направлялись имъ, ваше-то это положеніе все-таки остается для насъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ.... Знайте, что мы направлялись Европой, наукой ея и реформой Петра, но отнюдь не духомъ народа нашего, ибо духа этого мы не встрѣчали и не обоняли на нашемъ пути.... Въ народѣ русскомъ, такъ какъ ужъ пришло время высказаться вполнѣ, мы по прежнему видимъ лишь косную массу.... народъ нашъ нищъ и смердъ, какимъ онъ былъ всегда, и не можетъ имѣть ни лица, ни идеи. Вся исторія народа нашего есть абсурдъ, изъ котораго вы до сихъ поръ чертъ знаете что выводили, а смотрѣли только мы трезво». (Дневникъ писателя, стр. 6).

Такимъ образомъ, на повѣрку оказалось, что И. С. Аксаковъ увлекся, признавъ рѣчь Достоевскаго за *событіе*—въ томъ смыслѣ, будто она привела къ примиренію, окончательно давъ сознать и почувствовать, что «все это славянофильство и западничество есть только одно великое у насъ недоразумѣніе». Оно остается еще далеко не устраненнымъ; примиреніе только промелькнуло и скрылось. Памятникъ Пушкина собралъ насъ воедино лишь на минуту, и русскому Мефистофелю остается только весело потирать себѣ руки и приговаривать: *divide et impera*.

Но на Пушкинскомъ праздникѣ послѣдовалъ призывъ еще и къ другому *примиренію*. Указано было на другія *недоразумѣнія*. На самомъ же дѣлѣ тутъ уже были вовсе не недоразумѣнія, а потому и понятно, что сказанная хотя и съ большимъ тактомъ рѣчь М. Н. Каткова не вызвала однако же особеннаго сочувствія. Подъ перомъ нѣкоторыхъ этотъ фаятъ превратился въ цѣлую враждебную ему демонстрацію, подобно тому, какъ съ другой стороны во многихъ изданіяхъ умышленно умалялся самый *фактъ* впечатлѣнія, произведеннаго Достоевскимъ (какъ будто недостаточно было, *признавъ фактъ*, обрушиться на него всею силою критики). Но оставивъ въ сторонѣ тенденціозную ложь про катковскую рѣчь, нельзя не признать, что она не достигла своей цѣли. Да оно и не могло быть иначе. Слишкомъ еще свѣжо у всѣхъ на памяти, какимъ образомъ отнесся редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* даже къ первымъ признакамъ сказавшагося наконецъ поворота на нѣсколько иной путь въ дѣлѣ расправы съ нашею смутю. Когда всѣ единодушно заговорили о подъемѣ общественныхъ силъ предоставленіемъ имъ подобающаго простора, кто, ссылаясь на примѣръ запада, кто, находя опору въ земскихъ стихіяхъ нашей собственной старины, однѣ *Московскія Вѣдомости* упорно продолжали рекомендовать только щедринское «подтянуть». Въмѣсто замаскировавшаго обращенія къ слову: «недоразумѣніе» нужно было прямое сознаніе въ своемъ заблужденіи. Самолюбіе не позволило этого г. Каткову, и Ѳ. М. Достоевскому слѣдовало бы шепнуть и ему, какъ Пушкинскому Алеко: смирись, гордый человекъ! Въмѣсто этого, къ сожалѣнію, мы встрѣтили рѣчь Достоевскаго на столбцахъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Потомъ она, правда, была имъ выдѣлена въ *Дневникъ* (съ приложеніемъ предисловія и послѣсловія), но тяжелое впечатлѣніе уже было

произведено, не смотря даже на поговорку, что «человѣкъ краситъ мѣ-то». Не будучи психологомъ, какъ Достоевскій, я и не берусь разгадать этого страннаго для меня, какъ для многихъ, факта. Но именно *всечеловѣчность* всего менѣе и подходитъ къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Онѣ запечатали рѣчь, но кто же бы отказался отъ рѣчи Достоевскаго?

„Впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т. е., конечно, не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всё до единаго, что статья настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже *окончательно*, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, *всечеловѣчной* и *всесоединяющей*, вмѣстѣ въ ней съ братскою любовью *всѣхъ нашихъ братьевъ*, а, въ концѣ концовъ, можетъ быть и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, общей гармоніи, братскаго *окончательно* согласія *всѣхъ племенъ* по Христову евангельскому закону“.

Вотъ къ чему, по выраженію проф. Градовскаго, «предназначаетъ Россію Достоевскій». Каковъ бы ни былъ этотъ языкъ (можно, если угодно, называть его даже «юродствующимъ»), но это, конечно, не языкъ *Московскихъ Вѣдомостей*. А у Достоевскаго съ этимъ выжется и взглядъ его на скитальцевъ. Громко ихъ вина въ томъ, что они «не смиряются передъ народною правдою», онъ однако же видитъ и на нихъ, хотя бы и въ искаженіи, отпечатокъ нашего народнаго духа въ томъ, что они стремятся къ *мировой дѣятельности*: «на меньшемъ они не мирятся». Тамъ ли относились и относятся къ «нигилизму» *Московскія Вѣдомости*? Да и у профессора Градовскаго находятся для него собственно вотъ какія выраженія: «мы выпускаемъ теперь изъ своей среды такихъ «апостоловъ», которые дивятъ всю Европу именно *озлобленіемъ* своимъ, и даютъ странное понятіе о «всепримиряющей» русской душѣ». Только Достоевскій относится къ нимъ человѣчно, видя въ нихъ по народному тѣхъ же «несчастливыхъ». Этотъ взглядъ, разумѣется, имъ не понравится, но дѣло не въ томъ, чтобы нравиться.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать имъ смиреніе передъ народною правдою, правильнѣе было бы, по мнѣнію проф. Градовскаго, сказать современнымъ *скитальцамъ* и *народу* одинаково: «смирнитесь передъ требованіями той общечеловѣческой гражданственности, къ которой вы, слава Богу, приобщились, благодаря реформѣ Петра». Увы, что касается *современныхъ нашихъ скитальцевъ*, то они-то и не смиряются передъ этою «общечеловѣческою гражданственностью», на которой слишкомъ ясенъ еще отпечатокъ той «школы всечеловѣческаго», какую прошли народы Европы въ эпоху среднихъ вѣковъ. *Скитальцы* очень хорошо понимаютъ, что профессору Градовскому только такъ померещилось, будто «Европа давнымъ давно справилась съ несогласіями и противорѣчіями». *Наши скитальцы* скорѣе повторяютъ ему съ Достоевскимъ: «Это Европа-то справилась? да кто только могъ вамъ это сказать?» Конечно, на взглядъ *скитальцевъ*, вовсе не бѣда, что она, по выраженію автора *Мертваго Дома*—«муравейникъ, давно уже создавшійся безъ церкви и безъ Христа....

съ расшатаннымъ до основанія нравственнымъ началомъ*)... Но *скитальцы* несомнѣнно повторятъ съ Достоевскимъ, что, — какія бы ни были тажъ причины,

„Грядетъ четвертое сословіе, стучится и ломится въ дверь, и, если ему не отворять, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякій доселѣ бывшій законъ. На компромиссъ, на уступочки не пойдетъ, подпорожками не спасете зданія.... Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдуемыя теперь гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки, науки, жида, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно—кромѣ развѣ жидовъ, которые и тогда найдутся какъ поступить **)... Все это близко, при дверяхъ“.

Но вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, если и можно поспорить о томъ, до того ли ужъ это близко, то едва-ли возможно не признать вполне вѣрнымъ общаго тона этой картины, которой вовсе «не радуется» самъ Достоевскій. Впрочемъ, и А. Д. Градовскій въ душѣ признаетъ, что она вѣрна. Онъ самъ ее рисовалъ когда-то,—можетъ быть, не настолько ярко.

*) Слово *жиды* не должно оскорблять „скитальцевъ“ иудейскаго происхожденія: сами они называютъ себя „интеллигентными евреями“.

**) Мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что картина Европы начертанная Ф. М. Достоевскимъ, вѣрна по своему тону, и онъ имѣтъ основаніе утверждать, что „всѣ парламентаризмы, всѣ исповѣдуемыя гражданскія теоріи, богатства и науки (Европы) рухнутъ въ одинъ мигъ, безслѣдно.“ Не можемъ признать хоть сколько-нибудь справедливымъ и намъ сочувственнымъ утвержденіе почтеннаго и талантливаго писателя, что народы христіанскаго запада—„муравейникъ, давно создавшійся безъ церкви и Христа“. Оставимъ въ сторонѣ другіе доводы, обличающіе несостоятельность такихъ положеній и, становясь на ту почву вѣроисповѣданія, на которой утвердилъ свое міровоззрѣніе нашъ даровитый романистъ, спросимъ:

Какое основаніе и право имѣтъ христіанія, принадлежащій къ восточной христіанской соборной церкви провозглашать, что всѣ западные Европейскіе народы, принадлежаще къ другимъ христіанскимъ церквамъ—, безъ Христа и безъ церкви“. Нашъ талантливый романистъ говоритъ, конечно, не о тѣхъ языческихъ временахъ, когда современные намъ западные народы только начали создаваться, а о тѣхъ, когда они *окончательно созданы* и утверждаетъ, что уже *созданы давно* они безъ Христа и церкви, и кому но извѣстно, что и бытъ этихъ народовъ и строй ихъ государственной жизни слагались и сложились подъ вліаніемъ западныхъ христіанскихъ церквей. Или эти церкви — нехристіанскія церкви? Какое-же можно имѣтъ основаніе и право говорить такъ? Какимъ церковнымъ соборнымъ постановленіемъ церкви, подъ вліаніемъ которыхъ создавались западные народы, объявлены безъ Христа, не христіанскими церквами, а народы Западно-Европейскаго христіанскаго человечества внѣ царства благодати христовой или хотя еретиками? Какое имѣтъ право православящій христіанія предвосхищать судъ у Бога и пророчить всему западному христіанству конечную и даже въ единый мигъ погибель, такую, что отъ всѣхъ его совровищъ духовныхъ и матеріальныхъ не останется и слѣда?

Бытъ народъ, избранный самимъ Богомъ на то, чтобы стать краеугольнымъ камнемъ зиждительства промышленности Божія о человечествѣ, народъ, изъ среды котораго вышелъ Тотъ, Кто исполнилъ чаяніе народовъ, и не смотря на то, этотъ самый краеугольный камень, этотъ избранный народъ былъ отвергнуть

Но профессоръ Градовскій полагаетъ, что ужъ во всякомъ случаѣ упреждать русскому народу, вмѣстѣ съ Достоевскимъ, столь «высокій жребій» (употребляю выраженіе Пушкина) не подобало,—потому «не къ лицу».

„Странное дѣло! недоумѣваетъ онъ, человѣкъ, казнящій гордость въ лицѣ отдѣльныхъ скитальцевъ, призываетъ къ гордости цѣлый народъ, въ которомъ онъ видитъ какого-то всемірнаго апостола. Однимъ онъ говоритъ: „смирись!“ Другому говоритъ: „возвышайся!“

Но Достоевскій уже отвѣтилъ ему и на это недоумѣніе:

„Вообразите, г. Градовскій, что вы своимъ роднымъ дѣтямъ говорите: „дѣти, возвышайте духъ вашъ, дѣти, будьте благородны!“ Неужели же это значить, что вы ихъ гордости учите?... Помилуйте, да одна уже надежда на то, что и мы, русскіе, можемъ хоть что-нибудь значить въ человѣчествѣ и хотя бы въ концѣ концовъ удостоимся братски послужить ему, вызвала слезы восторга въ тысячной массѣ слушателей“. (Дневникъ писателя, стр. 40—41).

Ну, а Христось, говоря: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный», возбуждалъ въ людяхъ тоже гордость, что ли?

Но о томъ, что значить возбуждать такъ-называемую «гордость» въ цѣломъ народѣ, прекрасно замѣчено было—съ точки зрѣнія вполне положительной во *Врачебныхъ Вѣдомостяхъ*:

„Национальная гордость, сознаніе, что мы тоже не хуже другихъ, что мы тоже способны на рѣшеніе міровыхъ задачъ, — есть великая реальная сила. Она вноситъ бодрость и энергію въ людскую дѣятельность, она гонитъ сонъ, апатію и уныніе. Пушкинъ былъ для насъ такою силою“. (Вѣнокъ на памятникъ Пушкина, стр. 120—121).

Да, онъ былъ для насъ ею, потому что у него были и «слезы для нашихъ печалей» и «пѣсни для нашихъ побѣдъ». Онъ былъ такою силою потому, что, какъ выразился онъ о Петрѣ: «не презирала родной страны, а знала ея предназначенье», потому наконецъ, что онъ заставилъ самого Наполеона «указать русскому народу высокій жребій».

Въ послѣднемъ случаѣ можно, конечно, видѣть у Пушкина патриотическое увлеченіе. Жребій нашъ на вѣнскомъ конгрессѣ не остался, разумѣется, высокимъ жребіемъ, и если, вмѣсто вѣчной свободы, завѣщанной міру «Наполеономъ», по словамъ Пушкина, въ мірѣ стали усиленно водворять то, что называется на извѣстномъ языкѣ «порядкомъ», то мы усердно приложили къ тому нашу руку, изъ роли «освободителей» перейдя въ роль прислужниковъ Меттерниха. Профессоръ Градовскій совершенно

зиждательемъ царства благодати, отвергнуть за гордыню, за превозношеніе правотою своего вѣроисповѣданія, окаменѣлъ въ обрядности и былъ разсѣянъ по лицу земли, и Свѣтъ благодатной истины озарилъ народы языческіе. А здѣсь идетъ рѣчь уже и не о языческихъ народахъ, а о народахъ христіанскихъ! И неизвѣстно еще, кто удостоится первый войти въ царство Христа и воплотить въ своей жизни его истину, мы, получившіе эту истину безъ личной нашей заслуги, даромъ, ходомъ нашей исторіи, или народы запада. И хочется сказать: „Смирись, гордый, православящій Господа своими устами, христіанинъ, да не отвимется отъ тебя и то, что получилъ ты тупѣ“. Ped.

правъ, говоря, что наше «служеніе» Европѣ въ эпоху конгрессовъ не можетъ быть предметомъ нашей «гордости». Но и Достоевскій, касаясь въ своей рѣчи нашего политическаго «служенія» Европѣ болѣе, можетъ быть, чѣмъ себѣ, вовсе не думалъ хвалить (поясняетъ онъ въ *Дневникѣ*) «то, какъ мы служили», а только хотѣлъ отмѣтить «фактъ нашего служенія ей—почти всегда безкорыстнаго», прибавляетъ онъ. Съ послѣднимъ, конечно, нельзя вполне согласиться: служа въ Европѣ такъ — называемому «легитимизму», мы, т. е. заправлявшіе тогда у насъ, считали этотъ принципъ въ высшей степени полезнымъ и для себя (разумѣется, ошибаясь). Но дѣло въ томъ, что Достоевскій и сквозь самую искаженность факта усматриваетъ и цѣнитъ основное начало — готовность принимать участіе въ мировыхъ дѣлахъ, точно такъ же, какъ цѣнитъ то же наше стремленіе (только въ обратномъ смыслѣ) къ мировой дѣятельности и въ лицѣ нашихъ «скитальцевъ», не смотря на меньшую, но въ другомъ только родѣ, искаженность ея и тутъ.

А все же, хотя рекомендованный намъ Меттернихомъ легитимизмъ и довелъ насъ, по выраженію проф. Градовскаго, до того, что мы «рѣшились даже на единовѣрныхъ Грековъ», въ концѣ концовъ, по свидѣтельству Стоутона, Греки своею независимостью обязаны были «преимущественно службѣ, услугамъ и жертвамъ Россіи» (при Николаѣ Павловичѣ). Вѣдь объ этомъ напомнилъ, приводя Стоутона, тотъ же *Голосъ*, въ которомъ создалъ себѣ публицистическую кафедру проф. Градовскій. Но тутъ какъ разъ будетъ кстати отмѣтить фактъ, приводимый П. И. Бартевнымъ.

„Настанетъ время, говоритъ онъ, когда все, что сохранилось изъ записокъ Пушкина, будетъ обнародовано. Нѣкоторыя мѣста очень важны, наприм., то, гдѣ Пушкинъ рассказываетъ, какъ онъ встрѣтился въ Петербургѣ съ кишиневскимъ своимъ знакомцемъ, участникомъ Ипсилантиевскаго возстанія 1821 г., кн. Суцую, и какъ тотъ изумился, узнавъ отъ Пушкина, что императора Александра Павловича увѣрилъ, будто греческое возстаніе есть только вѣтвь зловреднаго карбонаризма, никто иной, какъ Пестель“... (Русскій Архивъ, 1880 года, кн. 2).

Не объясняется-ли это тѣмъ, что нѣкоторымъ изъ либераловъ того времени могла представляться вовсе нежелательною наша «освободительная» роль въ иностранной политикѣ. По крайней мѣрѣ такъ оно вышло въ недавнее время съ нашимъ движеніемъ въ пользу Славянъ; оно представилось вскорѣ весьма для насъ неприличнымъ именно многимъ изъ «либераловъ». И взглядъ ихъ въ этомъ отношеніи совершенно совпалъ со взглядомъ покойнаго III отдѣленія; оно также нашло, что все это намъ «не къ лицу» *). Не случайностью, надо думать, было и то, что дипло-

*) Замѣчанія на этотъ счетъ г. Суворина въ фельетонѣ 17 авг., по моему совершенно вѣрны. У пишущаго эти строки за вступительную лекцію въ курсъ сербскаго эпоса въ петербургскомъ университетѣ, въ которой онъ коснулся восточнаго вопроса, отнято было по распоряженію III отдѣленія право когда-

мату, поступившемуся на берлинскомъ конгрессѣ половиной того, что стяжали безпримѣрные подвиги русскаго народа въ пользу своихъ несчастныхъ братьевъ, предварительной школой служило тоже III отдѣленіе. Намъ не слѣдуетъ этого забывать, хотя Европа охотно это забыла, такъ что тотъ самый человекъ, на котораго при назначеніи его посломъ въ Лондонъ, поглядывала она очень свысока, именно по причинѣ прежняго мѣста его службы, сразу прослылъ самымъ умнымъ и просвѣщеннымъ государственнымъ мужемъ Россіи—потому, что поступился ея интересами, хотя и вполне совпадавшими въ данномъ случаѣ съ интересами гуманности и свободы!

Но какъ бы ни относились къ тому «либералъ» извѣстнаго пошиба, III-е отдѣленіе и Европа (та самая Европа, которая привыкла насъ корить Меттерниховщиной), стихійное, если угодно, вмѣшательство въ міровыя дѣла, не спрашиваясь ничего позволенія, громко, сказалось въ русскомъ народѣ—во *всемъ* народѣ. «Онъ жадно слушалъ, жадно разспрашивалъ и самъ читалъ о войнѣ (войнѣ не за «легитимизмъ», а за «освобожденіе отъ ига»), и мы тому всё свидѣтели, много насъ есть тому свидѣтелей», говоритъ Достоевскій (Дневникъ писателя, стр. 24). Въ числѣ этихъ свидѣтелей, оказался незадолго до смерти и Некрасовъ, у котораго вылились тогда теплыя строки:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка Русь!

Встали—не бужены,
Вышли—не прошены
Серебра—золота
Горы навошены!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное—
Золото, золото
Сердце народное!

Рать поднимается
Неисчислимая!
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

Спать, словно мертвая,
Русь недвижимая,
А загорѣлась въ ней
Искра незримая.

Ты—и убогая,
Ты—и обильная,
Ты—и могучая
Ты—и безсильная,
Матушка Русь!

Да, и *безсильная*—потому, что ея не признаютъ и не понимаютъ ея *верхи*, у которыхъ Достоевскій подслушалъ вопросъ: «у этихъ дескать смердовъ собирательная идея, у нихъ гражданское чувство, политическая мысль—развѣ можно это позволить?» И третье отдѣленіе не позволяло, а многіе изъ «интеллигенціи» и теперь не хотятъ позволить, вызывая у Достоевскаго мудреный вопросъ:

либо читать публичныя лекціи. Оно было ему возвращено, справедливость заставляеть его вспомнить объ этомъ, только по настоящему старанію бывшаго министра народнаго просвѣщенія.

„Почему въ Европѣ называющіе себя демократами всегда стоятъ за народъ, по крайней мѣрѣ на него опираются, а нашъ демократъ зачастую аристократъ и, въ концѣ концовъ, всегда почти служитъ въ руку всему тому, что подавляеть народную силу и кончаетъ господчиной?“

Почему, въ самомъ дѣлѣ, и Пушкину позволяется быть *національнымъ*, но отнюдь не *народнымъ* поэтомъ?

Но вѣдь и въ томъ, что онъ національный поэтъ — въ смыслѣ міроваго — мы еще сомнѣваемся. Начинаютъ раздаваться наконецъ и сомнѣнія въ томъ, въ самомъ-ли дѣлѣ все это торжество было *ради* Пушкина, а не только *по его поводу*. «Вѣстникъ Европы» былъ совершенно правъ, высказывая опасеніе, какъ бы наше увлеченіе Пушкинымъ не оказалось только порывомъ, какъ и недавнее наше увлеченіе славянскимъ вопросомъ.

Но неужели же самый фактъ *единодушнаго* увлеченія — сперва нашимъ мировымъ призываньемъ въ восточномъ вопросѣ, потомъ мировымъ значеніемъ нашего поэта — конечно, подъ непремѣннымъ условіемъ *прочности* этого увлеченія — не важнѣе всего того, что могло бы, пусть даже и самымъ краснорѣчивымъ образомъ, сказаться *по поводу*? Вѣдь во всякомъ *прочномъ* *единодушіи* сказывается *общественная сила*, а она, конечно, значитъ болѣе всевозможныхъ *словъ*! Но мы, чуть только она въ насъ проявится, сейчасъ же и начинаемъ отрекаться отъ нея, какъ Петръ отъ Христа: все потому, что гдѣ же намъ проявлять въ самомъ дѣлѣ общественную силу, когда у насъ нѣтъ еще того и того.... Но вѣдь это «то», какъ и царствіе Божіе, не даромъ берется, а приобрѣтается, — приобрѣтается тою же силою общественного самосознанія, самоуваженія, единодушія, стойкости въ единодушіи! Мы же думаемъ залучить къ себѣ «то» при помощи «жалкихъ словъ» и «самооплеванія!» И народа-то у насъ нѣтъ, а какая-то косная масса давно и въ конецъ оскотиненная; и исторіи-то у насъ нѣтъ, а какая-то проходящая чрезъ вѣка пустота или даже хуже пустоты — «глушовщина»; такъ пролейся же на насъ наконецъ живая вода, ороси намъ мозги, оберни насъ добрыми молодцами! Но если мы дѣйствительно таковы, какими сами себя рисуемъ, то намъ на запросъ нашъ могутъ отвѣтить пословицей: «по Сенькѣ и шапка». Къ тому же живая вода существуетъ лишь въ сказкахъ!

Нѣтъ, не такъ смотрѣли на дѣло тѣ люди двадцатыхъ годовъ, которыхъ «вольнoлюбивыя мечты» раздѣляли въ свое время и Пушкинъ. Если вѣренъ фактъ, переданный Пушкину Суцою, что одинъ изъ нихъ старался отклонить Александра Павловича отъ покровительства Грекамъ, то онъ, по всей вѣроятности, руководился при этомъ особаго рода іезуитизмомъ — не допустить до *освободительной* роли то самое *правительство*, противъ котораго заводились тогда у насъ тайныя общества. Но самый этотъ іезуитизмъ является, повидимому, только *личною* чертою *). Въ за-

*) Изъ записокъ Греча видно, что то же самое лицо видѣло въ греческомъ возстаніи полнѣйшее сходство съ нашимъ освобожденіемъ отъ татарскаго ига.

пискахъ одного изъ участниковъ той же партіи (Фонъ-Визина) мы встрѣчаемъ неблагоклонный отзывъ о «выдачѣ Эллиновъ султану, возбуждившей общее негодованіе Русскихъ». Сочувствуя этому негодованію, авторъ очевидно желалъ бы для своего народа иной роли, особливо послѣ того, какъ «взятіе Парижа... необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ»... По свидѣтельству другаго лица той же партіи (Якушкина), «союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію» и императоръ Александръ спасъ ее; мы были вполне увлечены такимъ дѣйствительно «высокимъ жребіемъ» (никто вѣдь тогда не предчувствовалъ, что будетъ впереди). «При такой обстановкѣ, говоритъ онъ, каждый изъ насъ сколько нибудь выросъ». Сознавалось, что своею блестящею ролью прозванный впоследствии Благословеннымъ вполне обязанъ своему народу, тому народу, который «не по распорядженію начальства» при приближеніи французовъ удалялся въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Тѣмъ оскорбительнѣе было то, что «до слуха всѣхъ безпрестанно доходили изрѣченія, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ»... Въ видѣ отпора такому презрѣнію сверху явилось тщательное изученіе родныхъ лѣтописей, исканіе въ нихъ стародавней основы тѣхъ сторонъ народнаго духа, которыя такъ блистательно проявились теперь на глазахъ у всѣхъ. Рыльцевъ—этотъ «гражданинъ, а не поэтъ», какъ самъ онъ себя называлъ въ письмѣ къ Пушкину, — сложилъ цѣлый рядъ историческихъ думъ, выставившихъ доблести русскихъ людей съ древнѣйшихъ временъ, и указывалъ Пушкину, какъ на тему для вдохновенія, на Псковъ, гдѣ «задушены послѣднія вѣтви русской свободы». Исторія Карамзина—не удовлетворяла: въ ней не находили того, чего стали доискиваться—земской жизни... Увлекаясь приманкою учреждений, видѣнныхъ за-границей, наше право на нихъ основывали однако же на нашей же старинѣ, на историческихъ подвигахъ и заслугахъ роднаго народа. (Записки Фонъ-Визина).

Да, уже люди 20-хъ годовъ (перейдя, послѣ постигшаго ихъ погрома въ 30-ые) по поводу одного иностраннаго сочиненія (также замѣтившаго свободную земскую стихію въ нашей жизни) писали:

„Въ средніе вѣка Русскіе были на высшей степени гражданственности, нежели остальная Европа... общинныя или муниципальныя учрежденія и вольности были въ древней Россіи... во всей силѣ, когда еще западная Европа оставалась подъ игомъ феодализма“... Съ XVI в. исторія указываетъ на частныя созванія государственнаго собора или великой земской думы... но при Петрѣ Великомъ уже болѣе не собиралась земская дума“....

Тѣмъ же людямъ двадцатыхъ годовъ, тоже послѣ постигшаго ихъ погрома, пришлось однако жъ сознаться, что они не вполне поняли русскую старину:

„Болѣе всего желая уничтоженія крѣпостнаго состоянія, они, по выраженію одного изъ нихъ, *при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ предметъ*, были увѣрены, что человекъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности“... (Записки Якушкина).

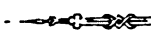
Когда, уже на нашихъ глазахъ, исполнилось заветное желаніе 20-лѣтняго Пушкина—«рабство пало по манію царя», то это совершилось уже на основаніи «не европейскаго воззрѣнія на этотъ предметъ», а съ земельнымъ надѣломъ. Съ исторической точки зрѣнія, на которую ушли становиться во многомъ уже люди двадцатыхъ годовъ, это является возвращеніемъ народу того, что составляло его древнее историческое право,—и всякій дальнѣйшій правительственный шагъ въ томъ же направленіи долженъ представляться только дальнѣйшимъ успѣхомъ въ органическомъ развитіи нашей жизни. Съ той же исторической точки зрѣнія и многое другое, также давно желанное и искомое, также должно представляться не милостивымъ даромъ—не сказочною живою водою на «глуховскія» поля—а прежде всего признаніемъ тѣхъ *корней*, которые имѣлись уже въ наличности въ отечественной старинѣ. Историческій смыслъ прежде всего заставляетъ желать возвращенія къ стародавней привычкѣ выслушивать земскій голосъ, который, само собой разумѣется, въ мѣру уже несомнѣнно достигнутаго Русью окончательнаго совершеннолѣтія, долженъ все болѣе и болѣе мужать и крѣпнуть. Изъ старыхъ корней земской дѣятельности должна безпрепятственно развиваться и развиваться дальнѣйшая широкая и свободная земская жизнь. Право на ея безпрепятственное развитіе давно куплено испытанною вѣрностію земли государству, но право это, по старому русскому пониманію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность—положить, какъ и въ смутное время, конецъ нашимъ неурядицамъ и неурядицѣ, вслѣдствіе которыхъ мы и страдаемъ отъ голодовокъ и съ помощію которыхъ и удалось Европѣ отсрочить для насъ рѣшеніе нашей міровой задачи.

Подъ сѣнью памятника Пушкину могла бы, повидимому, сплотиться въ насъ настоящая общественная сила, сила, проникнутая уваженіемъ къ себѣ—къ родному народу и родной исторіи. И въ томъ только случаѣ, если она въ самомъ дѣлѣ у насъ окажется, намъ можно будетъ повторить съ почетомъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни.

Ор. Миллеръ.

	Р. К.		Р. К.
Моды и рукодѣлія	6 50	Русскій Начальный Учитель	2 50
Морской Сборникъ, 12 №№	7	Русская Старина, 12 №№	8
Морскія вѣдомости	17	Русскій Архивъ, 6 №№	9
на 1/2 года	10 50	Русскій Вѣстникъ, 12 №№ съ пересыл.	17
Мотивы Русской Архитектуры, 12 №№	9	въ Москвѣ съ достав.	16
Молва, ежедневная газета на годъ	17	Русская Мысль, ежемѣс. журн., съ перес.	17
на полгода	10	въ Москвѣ, съ достав..	16
Мужскія моды, пер. изд. съ 2-мя прилож.	7 50	Родина, 12 выпусковъ въ годъ	2
втор. изд. съ 6-ю	12	Русскія Вѣдомости, ежеднев. газ. на годъ.	10
Мысль, ежемѣсич. журн.	6	» на полгода	5 50
» безъ доставки	5	» въ Москвѣ на годъ	9
Новое Время, ежедневная газета	17	» на полг.	5
» на полгода	10	Русскій Музыкальный Вѣстникъ	6
Народная Школа, 12 №№	4 50	Русскій Еврей	7
Нева, ежемѣсичный иллюстриров. журн.	6 50	» на полгода	4
Нева, съ Иллюстрированными Вѣстник..	9 50	Русскій Инвалидъ, ежедневная газета.	7 50
Недѣля, ежемед. газ. съ прилож. романовъ.	8	Русская Рѣчь, ежемѣсичный журналъ.	17
Нива, ежемед. иллюстрирован. журналъ.	6	Русскій Инвалидъ, съ военнымъ Сборн.	14
безъ доставки	5	для гг. военнымъ	10
Новости, ежедневная газета	9	Русское богатство	8
Новый Русскій Базаръ, ежемед. мод. жур.	7	Сборникъ по Судебн. Медици, 3 книги.	13
» безъ доставки	8	Свѣтъ и Тѣнь, съ Мирскимъ толкомъ	7
» II из. 24 мод. кар.	9	Сельское Хозяйство и Лѣсоводство	4 50
» безъ доставки	8	Семейные вечера старш. возраста	5 50
» III из. 48 мод. кар.	11	Семейные вечера младш. возраста	5 50
» безъ доставки	10	Семья и Школа, 12 №№	12
Нувелястъ, музыкал. журналъ 12 №№	6	Слово, ежемѣсич. жур. (быв. «Знаніе»).	17
Обзоръ графическихъ искусствъ	5	» на полгода	9
Огонекъ, ежемед. иллюстрир. журналъ	6	С.-Петербур. Вѣдомости, ежеднев. газета.	17
безъ доставки	5	» на полгода	10
Оружейный Сборникъ, 4 кн. въ годъ	6 60	Современность	7
Отголоски, на годъ	8	» на полгода	4
на полгода	5	Современныя Извѣстія	10
Отечественныя Записки, 12 №№	17	Странникъ	6
Педагогическій Сборникъ, 12 №№	5	Стрелоза, ежемед. худож. юморист. жур.	10
Педагогическій Музей	6	» на полгода безъ премій	5 50
Перев. Отдѣльн. Романовъ, 12 №№	9	Собраніе Иностранн. Романовъ, 12 №№	12
Петербургская Газета	9	Суфлеръ	8
» на полгода	5	» на полгода	4 50
Петербургскій Листокъ	9	Сынъ Отечества, ежедневная газета	8
» на полгода	6	Техническій Сборникъ	16
Правительственный Вѣстникъ, ежемед. газ.	12	» на полгода	9
» на полгода	7	Труды Импер. Вол. Экон. Общества	4
Порядокъ, ежед. г. подъ р. М. М. Стасюлев.	17	Указатель Прав. распор. по М-ву Финанс.	3
» на полгода	9	Хозяйственный строитель, 12 №№	14
Православное Обозрѣніе	7	Христіанское Чтеніе, съ Церковн. Вѣстник.	7
Природа и Охота	14	Чтеніе для солдатъ, съ прилож.	4
Природа и Люди	6	Чтеніе въ Импер. Общест. исторіи древн.	8 50
Развлеченіе, ежемедѣльный журналъ	5	Церковно-Общественный Вѣстникъ	7
Росс. библиог. (Вѣс Рус. печ.) 2р. въ м. ваг.	5	Шахматный Листокъ, 12 №№	6
Русь, ежемед. газ. подъ р. И. С. Аксакова.	8	Шутъ, ежеднев. юм. жур. съ прем. и перес.	7 50
Русскій Курьеръ, ежедневная газета	9	Юридическій вѣстникъ	8
Рижскій Вѣстникъ	8	Journal de St.-Petersbourg	22
» на полгода	5	» на полгода	12 25
Россія, ежемед. газета на годъ	16	St.-Petersburger Zeitung	14
» на полгода	9	» на полгода	7 50

Съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ открыта подписка

НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ 1881 ГОДУ

САМАГО ДЕШЕВАГО ЕЖЕДНЕВНАГО ИЗДАНІЯ

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Газеты русской и заграничной (политической) жизни, литературной, коммерческой, казенныхъ и частныхъ объявленій.

«Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно въ ФОРМАТѢ столичныхъ и провинціальныхъ большихъ газетъ. Печататься будетъ новымъ отчетливымъ шрифтомъ.

Приступая къ реформѣ нашего изданія по новой широкой программѣ, мы считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ о нашемъ восьмилѣтнемъ опытѣ, который даетъ намъ право рассчитывать на довѣріе ихъ, даетъ намъ право сказать, что въ этомъ случаѣ читателю придется имѣть дѣло не съ новичками въ дѣлѣ изданія газеты. Нашей завѣтной мечтой въ теченіи восьми лѣтъ было создать типъ ежедневной газеты, которая бы удовлетворяла всѣмъ требованіямъ читателей, къ какому классу общества онъ бы ни принадлежалъ, и которая, по своей цѣнѣ, была бы доступна одинаково для всѣхъ классовъ читателей.

Цѣли своей мы не измѣняемъ. Стремленіе наше сосредоточено на той же одной мысли, чтобы за половинную, почти, подписную плату, противъ прочихъ большихъ газетъ, дать читателю, если не больше, то во всякомъ случаѣ, всё то, что онъ имѣетъ въ названныхъ газетахъ. Цѣли нашей мы надѣемся достигнуть; въ этомъ намъ порукой то живое участіе, которое принимаютъ въ изданіи газеты известные силы провинціальной русской прессы и ученаго міра.

Не прибѣгая къ громкимъ рекламамъ и многорѣчивымъ обѣщаніямъ, мы повторимъ уже разъ нами высказанное. Мы употребимъ всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы, чтобы «Одесскій Листокъ» могъ вполне отвѣчать требованіямъ минуты и чтобы въ глазахъ своихъ читателей онъ имѣлъ значеніе руководящаго органа, немудрствующаго лукаво, безъ предвзятыхъ мнѣній и заднихъ цѣлей, освѣщающаго факты и событія изъ ежедневной общественной жизни.

Краткое изложеніе фактовъ, всесторонній анализъ и освѣщеніе ихъ, полнота и свѣжесть извѣстій стоять у редакціи на первомъ планѣ...

«Одесскій Листокъ» будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

I. Правительственныя распоряженія.

Акты, исходящіе отъ высшей законодательной власти. Высочайшія повелѣнія и указы. Производства и увольненія. Правительственныя сообщенія по внутреннимъ и внѣшнимъ вопросамъ. Распоряженія административныхъ властей по разнымъ отраслямъ управленія краемъ. Отчеты правительственныхъ лицъ и учреждений, имѣющіе общественное значеніе и касающіеся экономической, торговой, сельско-хозяйственной и промышленной жизни Россіи.

II. Внутренний отдѣлъ.

Статьи по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу и касающимся преимущественно городского и земскаго хозяйства, сельско-хозяйственной, экономической, торговой и промышленной жизни края.

III. Телеграммы.

«Международнаго телеграфнаго агентства» и отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ странъ свѣта о важнѣйшихъ политическихъ и другихъ событіяхъ.

IV. Ежедневная хроника.

Заручившись уже сотрудничествомъ лучшихъ мѣстныхъ хроникеровъ и репортеровъ, мы постараемся въ этомъ отдѣлѣ дать читателямъ самый обширный и обстоятельный отчетъ о текущихъ событіяхъ. Сюда войдутъ слѣдующія рубрики: а) всѣ новости дня, выдающиеся случаи и явленія города и предмѣстій, а также городскія происшествія; б) судебные рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и коммерческаго суда, для чего редакция пригласила спеціальнаго стенографа; в) рефераты о засѣданіяхъ городской думы, земскихъ собраній, мѣщанской и ремесленной управъ, общества врачей, разныхъ кредитныхъ учреждений и другихъ различныхъ обществъ, а равно желѣзнодорожная и пароходная хроника и вообще свѣдѣнія путей сообщенія.

г) «Мимходомъ» — различныя сцены, слухи и рассказы, схваченныя на улицѣ, бульварѣ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, и

д) Театральная и библиографическая хроника, какъ-то: разборъ новыхъ пьесъ, игры артистовъ, извѣщенія о выходѣ и постановкѣ новыхъ произведеній искусства и краткій отчетъ о новыхъ книгахъ и журналахъ.

V. Внутреннія извѣстія.

Корреспонденціи изъ губернскихъ уѣздныхъ городовъ, посадовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень преимущественно южнаго края; позаимствованія изъ другихъ столичныхъ, провинціальныхъ и мѣстныхъ газетъ болѣе интересныхъ и выдающихся новостей и фактовъ, касающихся нашей общественной жизни, а также взглядъ другихъ газетъ и журналовъ на крупныя вопросы дня.

VI. Заграничныя извѣстія.

Корреспонденціи равно и позаимствованія ихъ иностранныхъ и русскихъ газетъ свѣдѣній, касающихся крупныхъ и выдающихся явленій политической и экономической жизни Европы.

VII. Фельетоны.

Для воскреснаго фельетона редація заручилась сотрудничествомъ одного изъ выдающихся провинціальныхъ фельетонистовъ. Кромѣ обязательнаго воскреснаго фельетона, редація будетъ давать по возможности и въ будніе дни фельетоны, смотря по матеріалу, — серьезнаго или юмористическаго содержанія.

VIII. Сатиры.

Свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, практическіе совѣты изъ популярныхъ научныхъ произведеній почерпнутые; выдающіяся новости изъ области «дамскихъ модъ»; а также все смѣшное, веселое, печальное и серьезное, юмористическія сцены и рассказы въ стихахъ и прозѣ, самостоятельныя и перепечатки.

IX. Коммерческій отдѣлъ.

Коммерческія телеграммы и корреспонденціи изъ значительныхъ по торговлѣ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ городовъ. Статьи по вопросамъ экономическимъ, финансовымъ, хозяйственнымъ и промышленно-торговымъ. Цѣны на хлѣбъ, шерсть, сахаръ и прочіе товары внутренней и отпусковой торговли. Цѣны на кредитныя бумаги и звонкую монету. Извѣстія объ образованіи новыхъ обществъ и компаній съ торговою и промышленною цѣлями и о ликвидацияхъ.

X. Справочный отдѣлъ.

Въ этомъ отдѣлѣ будемъ помѣщать свѣдѣнія о дѣлахъ назначенныхъ къ разбирательству въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ, городскомъ и уѣздномъ сѣздахъ мировыхъ судей и коммерческомъ судѣ; объ отходѣ и приходѣ пассажирскихъ и товарныхъ пароходовъ и поѣздовъ ж. д.; о прибывающихъ въ г. Одессу и вышедшихъ; адреса главныхъ городскихъ учреждений и высшихъ должностныхъ лицъ.

XI. Отдѣлъ объявленій.

Объявленія казенныя и частныя на всѣхъ европейскихъ языкахъ печатаются по весьма умеренной таксѣ, а для большаго распространенія объявленій въ публикѣ, «Листокъ» во

многихъ частяхъ города расклеивается на особо устроенныхъ доскахъ, что даетъ возможность каждому желающему бесплатно читать, вслѣдствіе чего объявленія достигаютъ скорѣе своей цѣли.

Страницы нашей газеты открыты для всякаго желающаго принести посильную пользу общественнымъ интересамъ путемъ гласнаго печатнаго опубликованія фактовъ и освѣщенія ихъ положительной и отрицательной сторонъ. Редакція проситъ корреспондентовъ, репортеровъ и стороннихъ лицъ, интересующихся успѣхомъ печатнаго слова, сообщить ей о всякомъ выдающимся явленіи въ общественной жизни. Сообщившій можетъ быть вполне увѣренъ, что фамилія его сохранится редакціей въ глубокой тайнѣ, если только онъ самъ этого пожелаетъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ ежедневною доставкою на домъ:

Годъ (12 мѣсяцевъ) 6 р. — к.
Полгода (6 мѣсяцевъ) . . . 3 » 50 »
Три мѣсяца 2 » — »
Одинъ мѣсяць — » 85 »

Для иногороднихъ подписчиковъ съ ежедневною пересылкою по почтѣ:

Годъ (12 мѣсяцевъ) 7 р. — к.
Полгода (6 мѣсяцевъ) . . . 4 » — »
Три мѣсяца 3 » — »
Одинъ мѣсяць 1 » 20 »

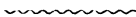
«Одесскій Листокъ» по вышеизложенной программѣ начнетъ выходить въ Денабрѣ мѣсяцѣ текущаго года. Подписавшіеся до Денабря мѣсяца на получение газеты въ 1881 году за Денабръ получаютъ бесплатно.

Подписка на газету принимается въ Одессѣ, въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Дерибасовской и Краснаго переулка, въ домъ Роте.

Покорнѣйше просить гг. иногород. подписчиковъ: 1) заявлять свои требованія заблаговременно, такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣста жительства, а также ближайшей почтовой конторы, отдѣленія или станціи, въ которой производится выдача газетъ и изъ которой подписавшійся получаетъ свою корреспонденцію.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкий**

„ПРИРОДА и ОХОТА“

IX ГОДЪ.

Выходитъ ежемѣсячно, книгами до 250 страницъ, съ политпажами въ текстѣ и 2—3 отдѣльными рисунками (частію хромолитографированными) въ каждой книгѣ. Въ Январѣ будетъ разослана годовымъ подписчикамъ большая *олеграфія*, исполненная въ Берлинѣ, съ оригин. рисунка, заказаннаго редакціей: «Привалъ охотниковъ».

Программа: Популярныя естественно-историч. статьи. Этнографія. Путешествія. Акклиматизація. Монографіи охотничьихъ и промысловыхъ, вредныхъ и полезныхъ животныхъ.—Звѣриный, рыбный и птицй промыслы. Ружейная, псовая, голубинная охота. Коннозаводство. Уженье рыбы, рыбоводство, птицеводство. Охотничьи законы. Воспитаніе, разведеніе, обученіе и леченіе собакъ, лошадей и птицъ. Выставки животныхъ. Ружье и охотн. принадлежности. Новости охотничьяго міра. Охотничьи рассказы и очерки. Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей Европ. и Азіатск. Россіи.—Отчеты и дѣйствія охотничьихъ обществъ.

Подписная цѣна: на годъ 13 р., съ пер. 14 р., на полгода 7 р., съ пер. 8 р.

Лицамъ, подписавшимся на 1881 г. до 1-го Января въ редакціи (а не въ книжн. магазинахъ) выдаются немедленно или высылаются въ Январѣ (вмѣстѣ съ преміей 1881 г.) литографир. портретъ *С. Т. Аксакова* и двѣ большія *гравюры*, исполненныя въ Парижѣ (Парфорсная охота).—Подписка въ разсрочку допускается за ручательствомъ казначеевъ или по соглашенію съ редакціей, съ правомъ полученія преміи по уплатѣ всѣхъ подп. денегъ.

Журналь «Природа и Охота» за 1878 и 1879 гг. можно получать по 10 р. за годъ (на пересылку кажд. года прилагается за 10 ф. по разстоянію).—«Журналь Охоты» и Сборникъ «Природа», издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо и литографіями) за 25 р. (пересылка за 20 ф.); Журналь Охоты 1875—1877 безъ отдѣльныхъ рисунковъ за 12 р. и по 4 р. за годъ (пересылка за 17 ф.); Сборникъ «Природа» за 1873—1877 гг. (17 томовъ съ 1400 рис. въ текстѣ) съ 100 хромолитогр. и литографіями за 25 р. (вмѣсто 53 р.); съ 50 приложениями за 15 р. На пересылку каждаго экземпляра Сборника по почтѣ прилагается за 1 пудъ 5 фун., по разстоянію; можно пересылать чрезъ транспортныя конторы, съ переводомъ платежа и уплатой пересылочныхъ денегъ на мѣстѣ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается исключительно въ редакціи (Москва, Тверская, Пименовскій переул. д. Коровина.)

Ред. Над. Л. П. Сабанѣвъ.

„БУДИЛЬНИКЪ“,

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

(Семнадцатый годъ изданія.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

Въ 1881-мъ году «Будильникъ» будетъ выходить, на прежнихъ основаніяхъ, еженедѣльно (50 номеровъ въ годъ), тетрадами въ 4-ю долю листа большого формата, отъ 14 до 20 страницъ въ каждой. Такимъ образомъ, въ теченіи года «Будильникъ» дастъ своимъ подписчикамъ: 100 хромофотографированныхъ рисунковъ (по два въ каждомъ номерѣ), болѣе ста страницъ мелкихъ карриатуръ до 1.500 столбцовъ текста.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Юмористическая лѣтопись русской жизни: столичная хроника, правоописательныя и бытовые корреспонденціи изъ провинціи; карриатурные портреты героевъ дня.

II. Обзорѣніе политической и общественной жизни иностранныхъ государствъ въ юмористическихъ разсказахъ, очеркахъ, стихотвореніяхъ, фельетонахъ и карриатурахъ.

III. Литературная лѣтопись: новости и курьезы печати; портреты (шаржъ) современныхъ литераторовъ и журналистовъ; статьи полемическаго содержанія.

IV. Театральная хроника,—преимущественно московская, художественныя новости: портреты и апотеозы выдающихся артистовъ; «Домашній театръ» «Будильника»: пародіи, фееріи, арлекинады.

V. Беллетристика: повѣсти, разсказы, драматическія сцены, бытовые очерки и стихотворенія.

VI. Смѣсь („Звонки“): новости, слухи, памфлеты, анекдоты, каламбуры, остроты, шутки и проч.

VII. Рисунки и карриатуры: гг. *Богданова, Грибкова, Кланга, Коремева, Лебедева, Любовникова, Малышева, Рачкова, Чичаова и Чехова.*

VIII. Рекламы и объявленія, среди которыхъ помѣщаются анекдоты, мелкія стихотворенія и карриатуры.

ВЕСПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ,

право на полученіе которыхъ предоставляется исключительно годовымъ подписчикамъ:

1) Альманахъ «Будильника» на 1881 годъ (3-й годъ изданія), въ который войдутъ, между прочимъ:

а) РЕБУСЪ, за разгадку котораго до 1-го января 1881 года редація «Будильника» объявляетъ денежную премію въ 300 рублей,—и б) «Кас-

кадная галлерей: восемь, въ краскахъ исполненныхъ, рисунковъ *К. Н. Чачагова*: 1) Клерета («Дочь рынка»),—2) Камарго,—3) Габриель («Парижская жизнь»),—4) Серполетта («Борневильскіе колокола»),—5) Булотта («Синяя борода»),—6) Прекрасная Елена,—7) Периколла и 8) Лянсинъ («Чайный цѣтокъ»).

Разсылка альманаха гг. подписчикамъ начнется съ 15 октября текущаго 1880 года, въ розничную же продажу онъ будетъ выпущенъ (по цѣнѣ 1 р. 50 коп. за экз., съ пересылк. 2 р.)—не ранѣе первыхъ чиселъ января будущаго 1881 года.

2) «Альбомъ Марала Терихонскаго»: 12 юмористическихъ поэмъ, изъ которыхъ каждую будутъ сопровождать большой (форматъ «Будильника») хромолитографированный рисунокъ. —Разсылка листовъ альбома предполагается ежемѣсячная (черезъ каждые три нумера журнала); вмѣстѣ съ послѣднимъ листомъ разослана будетъ, для брошюровки альбома, золотомъ отпечатанная обложка.

3) «Пикантная исторія», олеографія съ картины Л. Германа, исполненная (подъ акварель), по заказу редакціи «Будильника», торговымъ домомъ А. и С. Кауфманъ въ Берлинѣ.

Желающіе могутъ получить, вмѣсто этой олеографіи, другую—съ картины Низля: «Лѣтница»; желающіе получить обѣ олеографіи доплачиваютъ, сверхъ подписной суммы, одинъ рубль. Какъ та, такъ и другая олеографія будутъ высылаемы навѣрнутыя на скалѣхъ.

Подписная цѣна на „Будильникъ“ на 1881 годъ:

	на годъ.	на 6 мѣс.
Въ Москвѣ, безъ доставкн.	7 р. — к.	4 р. — к.
» съ доставк. на домъ	8 „ — „	4 „ 50 „
Съ пересылкой на города	9 „ — „	5 „ — „

Подписка принимается: въ Москвѣ,—въ конторѣ редакціи (Деонтьевскій пер., домъ Мичинера), у гг. Соловьева, Суворина, Вольфа, Мамонтова, Васильева и друг. книгопродавцевъ; въ Петербургѣ—у гг. Исакова, Мелье, Мамонтова, Вольфа, Суворина, Черкесова, Малышева и друг.; въ провинціи—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Парижѣ—у гг. Гавасъ и К^о (Place de la Bourse, 8). Подписная деньги присылаются исключительно на имя издательницы, Л. Н. Уткиной. Гг. подписчики благоволятъ высылать доли рубля—деньгами, а не почтовыми марками. Недославшимъ денегъ не будутъ досланы, въ концѣ года, по расчету, послѣднія нумера журнала. Контора отвѣчаетъ за неисправную доставку журнала подписавшимся у книгопродавцевъ только въ томъ случаѣ, если ей сообщенъ адресъ подписчика.

Хотя конторою редакціи «Будильникъ» и приняты всѣ мѣры къ своевременной и аккуратной высылкѣ журнала гг. иногороднымъ подписчикамъ, но эта послѣдняя, очевидно, можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если сами гг. подписчики будутъ заявлять свои требованія возможно заблаговременно и точно.

Издательница Л. Н. Уткина.

Редакторъ Н. П. Кичеевъ.

въ 1881 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

и

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАВІЯ.

будеть издаваться по той же программѣ, въ тѣ же сроки и въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1880 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и 40 №№ «Педагогической хроники». Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки 11 руб., съ доставкой и пересылкой 12 руб.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки 9 р., съ доставк. и перес. 10 р.

II. Учебно-воспитательный отдѣлъ (*для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ «Педагогической хроники», выходящей въ количествѣ 40 №№ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки 4 р. и съ дост. и перес. 5 р.

Первый отдѣлъ (*для дѣтей*) даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Второй отдѣлъ (*для родителей и воспитателей*) содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему, и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій и пр. «Педагогическая хроника» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границую, и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Семья и школа» (адресъ Почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамилія и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-издатель **Е. Краевичъ.**

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ЮРИДИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1881 ГОДУ.

Годъ тринадцатый.

Ежемесячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“ служить органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкѣмъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по экономическому и финансовому законодательству, международному, государственному, гражданскому и уголовному праву.—Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника русскаго законодательства, хроника гражданскаго и уголовного суда, земская хроника, извлеченіе изъ кассационныхъ рѣшеній сената уголовныхъ и гражданскихъ, библиографія, разныя замѣтки и т. д.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою и доставкою, безъ доставки **СЕМЬ** рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ редакціи „ЮРИДИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“ въ Скатертномъ пер., домъ Муромцевой; въ книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, А. Л. Васильева; на Страстномъ бульварѣ, И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ, и Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библиотекою.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками сорокъ коп.

Экземпляры журнала за 1880 годъ высылаются по 8 руб.; отдѣльныя книжки этого года по 1 руб.

Экземпляры журнала за 1879 годъ высылаются по 6 руб.; отдѣльныя книжки того же года по 1 руб.

Экземпляры за предыдущіе годы высылаются по 5 руб.: за 1878 годъ безъ переплета, а за прочіе годы въ переплетѣ. За годы 1871 и 1872 экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

Редакторы: { С. А. Муромцевъ.
В. А. Гольцевъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ

НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстриров. журн. въ Россіи.

Съ 1 января 1881 года «Модный Свѣтъ» начнетъ XIV годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1881 году будетъ выходить также

ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 24-мя экотренными приложениями новѣйшихъ парижскихъ модъ и будетъ заключать въ себѣ въ теченіи года:

Болѣе 2,000 полнѣйшихъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.
Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскраш. рисунки канвов. тамбура. и друг. работъ. Рисунки въ русск. вкусѣ.
Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинки для II изданія, исполненыя лучшими иностран. художниками.

36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками, для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарADOW, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственныя отдѣлы и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Кромѣ разныхъ отдѣльныхъ приложеній, въ „Модному Свѣту“ 1881 года будутъ приложены, безплатно:

ДВѢ ИЗЯЩНЫЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРЕМІИ, КАРТИНЫ:

1) «ОЖИДАНИЕ» и 2) «КУПАЛЬЩИЦА»,

работы знаменитаго французскаго художника Шаплена (Chaplin).

Преміи эти, по своему художественному исполненію, могутъ служить украшеніемъ всякой гостиной и будутъ рассланы гг. подписчикамъ въ прочной упаковкѣ, отдѣльно отъ журнала, во избѣжаніе порчи въ дорогѣ,—поэтому цѣна „Моднаго свѣта“ увеличивается для иногород. подписчиковъ на 50 коп.

Для удобства подписчиковъ, редакція вошла въ соглашеніе съ лучшими магазинами объ изготовленіи рамокъ для премій по удешевленной цѣнѣ. Рисунки рамокъ и цѣна имъ будутъ сообщены въ одномъ изъ №№ „Моднаго Свѣта“.

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1881 г.:

I изданію, съ 12 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—4 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 .;

съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 6 руб. 50 коп.

II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.;

съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 руб. 50 коп.

III изданію, съ 36 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.;

съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 8 руб. 50 коп.

Главная контора редакціи „Моднаго Свѣта“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Корована, № 16.

Съ 1880 года Редакція „Моднаго Свѣта“ открыла, для охоты годовыхъ подписчиковъ, конкурсъ на дамскія рукодѣльныя работы.

Съ 10-тѣмъ дешевыми преміями, суммой на 500 рублей. Подробности смотрите въ №№ 16, 18 и 32 „Мод. Свѣта“ 1880 года.

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ

НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ,“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го января 1881 г. журналъ „Всемирная Иллюстрація“ начнетъ XIII годъ (т. е. томы XXV и XXVI) своего существованія и будетъ выходить такъ же аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16 — 24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемирная Иллюстрація“, благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, приобрѣла въ теченіи двѣнадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацию и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстриров. и литератур. журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, Редакція „Всемирной Иллюстраціи“ стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желан. подписчиковъ, не останавливаясь передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ общала.

Убѣжденная, что въ теченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только общаніемъ, что употребить всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію Всемирной Иллюстраціи на 1881 г.:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ. . . 13 р.—к. } Съ дост. въ С.-Петербургѣ 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ. . . 14 „—> } Съ перес. въ другіе города. 16 „—

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“⁶⁴

представляетъ политическія событія, войны, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр., однимъ словомъ:

цивилизацию, нравы и обычаи народовъ **ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача „Всемирной Иллюстраціи“ — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событій во всѣхъ сферахъ политической и обществен. жизни.

Каждый годъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ представляютъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА

каждый до 500 печати. страницъ, съ 300—400 рисунками,

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настоящихъ украшеній каждой гостиной, какъ изданіе, имѣющее историческій интересъ, при помощи котораго можно навести не только необходимую справку, но и возобновить въ памяти событіе во всей его обстановкѣ, благодаря рисункамъ.

“ ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“

изъ англ. каленкора, съ золотыми тиснен. по рис. художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 22 томовъ „Всемирной Иллюстраціи“:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес.; въ англ. каленкоромъ перепл. 14 р.
1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ., тисненн. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложений), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложений) и 1879 г. (т. XXI и XXII)—по 9 р. безъ перес., кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждого года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Глѣдная контора Редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., № 16.

—*— Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты. *—

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ

НА

„ОГОНЕКЪ“, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ Литературы, Наукъ и Искусствъ.

52 НУМЕРА ВЪ ГОДЪ.

Цѣна 4 р. безъ дост., 6 руб. съ перес.

ПРОГРАММА „ОГОНЬКА“:

1. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводы (съ рисунк. къ нимъ). 2. Историческіе очерки, бытовые картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ). 3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами). 4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по необходимости) замѣчательныхъ явленій	въ области всѣхъ наукъ: Естественная, Археологія, Географія, Медицина, Механика и т. д., и искусствъ: Скульптура, Живопись, Архитектура, Музыка и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній). 5. Хроника наукъ, искусствъ и литературы. 6. Слѣдъ анекдотовъ, афоризмовъ и т. п. 7. Почтовый ящикъ; отзывы редакціи. 8. Тиражи эмигрантскія 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ. 9. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ „ОГОНЬКА“ въ первый и второй годы изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому „ОГОНЕКЪ“ обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большому литературному журналу, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ „ОГОНЬКѢ“ были помѣщены произведенія, между прочимъ, слѣдующихъ писателей: В. Г. Аветъенко, Д. В. Авертѣева, К. Алексѣева, К. Н. Галлера, Г. М. Данилевскаго, В. В. Крестовскаго, В. Корнѣевскаго (псевд.), К. Орловскаго, А. Н. Майкова, А. Ѳ. Писемскаго, Я. Н. Ноловскаго, П. Полеваго, Гр. Е. А. Салиаса, К. К. Случевскаго, Д. И. Садовникова, А. Фета и др.

При томъ-же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ, въ 1881 г. съ первыхъ номеровъ редакція начнетъ печатать: „Принцесса Владимірская“, историческій романъ Гр. Е. А. Салиаса; „Порченая“, повѣсть А. А. Потѣхина; „Очарованныя“, повѣсть В. Г. Аветъенко и друг.

къ журналу „Огонекъ“ 1881 г. будутъ приложены, безплатно,

ДВѢ БОЛЬШИХЪ, РОСКОШНЫХЪ, ОЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЫ:

1) Портретъ Е. М. Ж. Государя Наслѣдника Цесаревича.

2) „Проводы новобранца“, картина академика И. Е. Рѣпина. Такъ какъ премія эти, возмѣщеніе порчи ихъ въ дорогѣ, будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ прочной картонной трубкѣ, что потребуетъ большихъ расходовъ,—то цѣна за доставку „Огонька“ увеличивается: для подписчиковъ въ С.-Петербургѣ на 50 к., а для иногороднихъ на 1 р.

Для удобства и въ интересахъ подписчиковъ, редакція вошла въ соглашеніе съ лучшими магазинами, объ изготовленіи для премій „Огонька“ рамъ, по превосходн. рисунк. редакціи и по возможно дешевой цѣнѣ. Рисунки и цѣны будутъ сообщены въ одномъ изъ №№ „ОГОНЬКА“.

Годовая цѣна „Огонька“ съ преміями: безъ доставки 4 р. съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ перес. во всѣ города Россіи 6 р.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала „ОГОНЕКЪ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала „ОГОНЕКЪ“
Н. П. Аловертъ.

Издатель журнала „ОГОНЕКЪ“
Германъ Дмитр. Гоппе.

ДВѢ БЕЗПЛАТНЫЯ, БОЛЬШАЯ, РОСКОШНЫЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРЕМІИ.

1) Портретъ Ш. М. Ж. Государя Наслѣдника Цесаревича.
2) Проводы новобранца. Картина академика И. Е. Рѣпина.

Н Е В А

1881. ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА, ГОДЪ XXIV.

Всѣ годовые подписчики получаютъ **ДАРОМЪ** слѣдующія **ПРЕМИИ**, которыя **ПЕРВЫМЪ ТЫСЯЧАМЪ ПОДПИСЧИКОВЪ** будутъ разосланы уже въ **ДЕКАБРЪ** **НЫНѢШНЯГО (1880) ГОДА:**

1. Олеографія: Морской видъ, знаменитаго мариниста **Айвазовскаго**.
2. Олеографія: Зимній видъ **Жювера**, одна изъ замѣчательныхъ картинъ послѣдней художественной выставки.
3. Гравюра на стали: большой портретъ **Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича**, замѣчательнаго сходства и рѣдкой тонкости выполненія.
4. Гравюра на деревѣ: Въ поляхъ. Великолѣпная картина **Гейльбута** съ парижской выставки.

Подписчики на „Неву съ Вѣстникомъ“ сверхъ того получаютъ еще:

5. Гравюра на стали: большой портретъ **Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича**, образующій наряду къ портрету Государя Наслѣдника.

Цѣна за всѣ 5 премій для неподписчиковъ 19 р

НЕВА СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ИЛЛЮСТРИРОВ. ИЗДАНИЙ:

- а. **Нева**, полный журналъ: политика, литература (русская и иностранная), искусство, наука, промышленность, судебная хроника и пр. 52 №№ въ годъ.
- б. **Семейное Чтеніе**. Журналъ романовъ, повѣстей, рассказовъ. Юмористика, карикатуры и проч. 52 №№ въ годъ.
- в. **Парижскія моды**. Полный модный журналъ. 12 №№ съ 12 приложен. Помѣщаются новѣйшія моды, получаемыя прямо изъ Парижа и появляющіяся одновременно съ парижскими журналами.

Всѣ эти 3 изданія, стоящія въ годъ только 6 руб. и за тщательную упаковку и пересылку премій 50 к. (можно высылать марками), содержатъ болѣе

4000 столбцевъ текста и 600 гравюръ.

Безъ доставки 5 р., съ доставкою 6 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ

12 №№ въ годъ (1125 столбцевъ текста), благодаря прекрасному выбору, помѣщающихся въ немъ романовъ, снискавшей общую любовь публики, стоитъ вмѣстѣ съ Невой только 9 р. и за тщательную упаковку и пересылку премій 50 к. (безъ доставки 8 р., съ доставкою 9 р.). Отдѣльно 3 р 50 к. (безъ доставки 3 рубля),

Пользующійся такой извѣстностью, сборникъ: „**Наши дѣятели**“ будетъ имѣть продолженіе на страницахъ „Невы“, которая нынѣ будетъ держаться слѣдующей программы.

Наши Дѣятели: 24 портрета съ биографіями.

Обзоръ текущей жизни въ Россіи.

Серія картинъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ.

Рядъ видовъ русскихъ городовъ, памятниковъ, пейзажей и проч. и проч.

Что касается до иллюстрацій текущей жизни за границей, то на нихъ нами приобретено право собственности въ Россіи по условіямъ, заключеннымъ съ главнѣйшими издателями заграничныхъ журналовъ.

Всѣ гравюры будутъ выполняться лучшими есилогафами здѣшними и заграничными.

Что касается до литературнаго отдѣла, то въ нашемъ распоряженіи находится значительное число рукописей: интересные рассказы и повѣсти русскихъ авторовъ, между прочимъ историческая повѣсть: „*Ближняя лавка при Петрѣ*“, удостоенная преміи на конкурсѣ. Нѣкоторые извѣстные писатели обѣщали намъ свое содѣйствіе.

Что касается до отдѣла иностранной литературы, то мы постараемся всѣми силами сохранить благосклонность публики, пріобрѣтенную уже нашими изданіями. Три иллюстрированныхъ романа: французскій, англійскій и нѣмецкій уже переведены. Выборъ нашъ по прежнему будетъ клониться къ тому, чтобы читатели имѣли возможность слѣдить за всѣмъ, что только появляется выдающагося въ литературѣ.

Мы просимъ тѣхъ гг. подписчиковъ, которые пожелаютъ получить преміи въ декабрѣ нынѣшняго года, послѣдить высылкой подписной цѣны съ приложеніемъ печатнаго адреса съ бандероли, или адреса, написаннаго подробно и четко.

Объявленія принимаются съ платою 15 коп. за строку непареля или мѣсто занимаемое ею.

ПРЕМІИ ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ:

Доводимъ до свѣдѣнія нашихъ подписчиковъ, что наша коллекція олеографій обогатилась 4 новыми великолѣпными картинками. Въ настоящее время составъ ея слѣдующій:

1. а. *Молодая двушка съ цвѣтами*
б. *Молодая двушка съ бонбоньеркой* } Цуберъ-Бюллера.
Величина 34 × 43 сант. Цѣна каждой 50 к., съ пересылкой 75 к. Обѣ вмѣстѣ 85 к., съ пересылкой 1 р. 30 к.
2. а. *Христосъ на Крестѣ* Фанъ-Дейка.
б. *Ессе ното* (голова Христа) Гвидо-Рени.
Величина 39 × 51 сант. Каждая 75 к., съ пересылкою 1 р. Обѣ вмѣстѣ 1 р. 40 к., съ пересылкою 1 р. 85 к.
3. а. *Святое семейство.*
б. *Не возбраняйте дѣтямъ.* } Мурильо.
Величина 39 × 51 сант. Каждая 75 к., съ пересылкой 1 р. Обѣ вмѣстѣ 1 р. 40 к., съ пересылкой 1 р. 85 к.
4. Два вида Саксонской Швейцаріи:
а. *Трекеништейнъ.* б. *Есништейнъ.*
Величина 39 × 51 сант. Каждая 50 к., съ пересылкой 75 к. Обѣ вмѣстѣ 85 к., съ пересылкой 1 р. 30 к.
5. Два пейзажа Энгельгарда:
а. *На Бриенцкомъ озерѣ.* б. *Мельница близъ Бертесгадена.*
Величина 39 × 51 сант. Каждая 75 к., съ пересылкой 1 р. Обѣ вмѣстѣ 1 р. 40 к., съ пересылкой 1 р. 85 к.
6. Двѣ жанровыя картины Бриара:
а. *Добрая тетя.* б. *Злая тетя.*
Величина 41 × 52 сант. Каждая 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к., Обѣ вмѣстѣ 1 р. 85 к., съ пересылкой 2 р. 50 к.
7. Два морскихъ вида Краузе:
а) *Берегъ въ Голландіи.* б. *Берегъ въ Нормандіи.*
Величина 42 × 58 сант. Каждая 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к. Обѣ вмѣстѣ 1 р. 85 к., со пересылкой 2 р. 50 к.
8. Два большихъ пейзажа Энгельгарда:
а. *Водопадъ.* б. *Зимой.*
Величина 51 × 73 сант. Каждая 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р. Обѣ вмѣстѣ 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р. 30 к.

9. Два очень больших морских вида Дюпье:
а. *Сверный фюрдъ*. б. *Южный фюрдъ*.
Величина 60 × 86 сант. Каждая 2 р., съ пересылкой 2 р. 60 к. Обѣ вмѣстѣ 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р. 50 к.
10. Двѣ гравюры съ картины Рафаеля:
а. *Несеніе Креста*. б. *Сикстинская Мадонна*.
Величина 33 × 46 сант. Каждая 60 к., съ пересылкой 85 к. Обѣ вмѣстѣ 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Всѣ 18 олеографій № 1—9, вмѣсто 15 р. 60 к., только 13 р. 50 к.; съ перес. вмѣсто 21 р. 15 к., только 17 р. Съ 2 гравюрами № 10 14 р., съ перес. 18 р.

Гг. подписчики могутъ приобрѣсть у насъ сверхъ того слѣдующія изданія:

„НЯНЯ“. Романъ изъ современной русской жизни, Г. Гр., полный животрепещущаго интереса. Цѣна 85 к., съ перес. 1 р. Въ красивомъ переплетѣ 1 р. 30 к., съ пересылк. 1 р. 50 к.

„ВОЯЖЪ ГОСПОДИНА НЕЗАВУДКИ ВЪ ПЯТИГОРСКЪ“, составилъ князь Ѳ. Туркестановъ. Съ 69 юмористич. рисунками. 40 к., съ пересылк. 50 к.

Вниманіе новыхъ подписчиковъ мы обращаемъ на нашъ замѣчательный сборникъ

„НАШИ ДѢЯТЕЛИ“

состоящій изъ 8 томовъ, въ каждомъ помѣщено 12 портретовъ, *трагированныхъ на стали*, съ біографіями.

Каждый томъ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ пересылкой 2 руб.

(Цѣна для неподписчиковъ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.; въ переплетѣ 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р.).

NB. Списокъ портретовъ высылается желающимъ по первому требованію.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1881 ГОДЪ.

Пользующійся благосклонностью публики, *Иллюстрированный Календарь Ваумана* появится въ октябрѣ, украшенный олеографіей: СЧАСТЬЕ МАТЕРИ. Кромѣ календарныхъ свѣдѣній онъ содержитъ въ себѣ, романъ изъ современной русской жизни „Наслѣдство Ксенія“, справочный отдѣлъ, интересныя и полезныя статьи, повѣсти, рассказы, множество практическихъ совѣтовъ, юмористики и проч. Въ красивой папкѣ 1 р. 30 к. въ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 1 р. 80 к. Для подписчиковъ на „Неву“ или „Вѣстникъ“ 75 к., въ перепл. 1 р. 20 к.; съ пересылкою: въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

Требованія адресовать: въ контору журнала „НЕВА“, Исаакіевская площадь, № 6, на углу Вольшой Морской, въ С.-Петербургѣ или въ Москву: въ Центральную контору объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ (Л. Метцль), Петровка, домъ Солодовникова.

Открыта подписка на 1881 годъ

ХІІ годъ

„НИВА“

годъ ХІІ.

иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни.

выходитъ ежемѣсячно, т. е. 52 номера въ годъ (болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2200 столбцовъ текста, съ особыми даровыми ежемѣсячными приложеніемъ

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣлья въ годъ, 400 выкроекъ въ натуральную величину и 350 рисунковъ руководѣльныхъ работъ)

И РАЗНЫМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ

(на 1881 г. двѣ большія акварели М. Зичи, въ повѣсти „Тарасъ Вульба“ Гоголя и большой Стѣнной Календарь на 1881 годъ)

будетъ издаваться въ 1881 году по той же программѣ, какъ и прошедшія одинадцать лѣтъ.

Подписка принимается въ Спб., въ конторѣ редакціи, по Бол. Морской № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „И И В Ы“

съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ приложеній и премій въ теченіи 1881 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 руб.
Съ доставкою съ С.-Петербургѣ	5 „
Безъ достав. въ Москвѣ чер. И. Г. Соловьева, А. Ланга и А. Ф. Живарева	5 „
Съ достав. въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи	6 „
За границей	8 „

„НИВА“, въ продолженіи одиннадцати лѣтъ своего существованія поставляла себѣ задачей быть наилучшимъ общественнымъ и общеполовымъ журналомъ для семейнаго чтенія въ Россіи. Сочувствіе и довѣріе, которымъ нашъ журналъ пользуется, выразилось въ небываломъ до сего въ русской журналистикѣ количествѣ подписчиковъ. „Нива“ имѣла уже въ 1880 г. 55,000 подписчиковъ.

ПРЕМИИ, которыя мы уже нѣсколько лѣтъ давали нашимъ подписчикамъ, а въ особенности двѣ преміи выданныя въ 1880 году, писанныя красками знаменитымъ Е. И. Вел. придворн. художникомъ М. Зичи, двѣ большія олеографическія картины, напечатанныя масляными красками, имѣютъ достоинства, которыхъ никто не можетъ не оцѣнить. Ими Зичи уже ручается за изящество композиціи новыхъ, ему исключительно для „Нивы“ заказанныхъ двухъ акварелей (Сцены изъ «Тараса Вульба» Гоголя) какъ преміи Нивы за 1881 годъ.

Для 1881 г. нами приготовлено, кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, какъ то повѣсти, рассказы и романы В. Соловьева, М. Баразина, Н. Морскаго, В. Алѣксенко, П. Грѣдича, А. Максимова, массы популярныхъ, научныхъ статей и пр. в пр. Такимъ образомъ будутъ въ „НИВѣ“ помѣщены произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

С.-Петербургъ.

Издатель «НИВЫ» А. Ф. МАРКСЪ.

Въ статьѣ Л. А. Леонова, «объ управленіи московскими казенными театрами», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ журнала, оказались погрѣшности, вслѣдствіе чего нижеслѣдующая таблица представляется въ исправленномъ видѣ:

Персоналъ московской драматической группы за 1879 годъ.

	Жало-	Разо-	Бенефис-	Гарде-	Пенси.		Жало-	Разо-	Бенефис-	Гарде-	Пенси.
	ванье.	ване.		нине.			роби.	ванье.		ване.	
	Руб.	Руб.		Руб.	Руб.		Руб.	Руб.		Руб.	Руб.
Режиссеръ Черневскій	900	—	1/2	—	—	Женскій персо-					
Помощникъ режиссе-						наль.					
ра Кондратьевъ.....	500	—	1/4	—	—	Акимова.....	1143	25	1/2	600	1143
1-й суфлеръ Курбатовъ	400	—	1/4	—	—	Александрова.....	400	—	—	—	—
2-й суфл. Ерушенинъ	300	—	—	—	—	Аристова.....	500	—	—	—	—
А р т и с т ы :						Брешко.....	600	5	—	—	—
Александровъ.....	600	5	1/4	300	—	Ворождина.....	400	—	—	200	—
Бергъ.....	1143	35	1/2	1000	—	Вильская.....	600	—	—	—	—
Грековъ.....	940	15	1/2	100	—	Васильева.....	600	5	—	—	—
Вильде.....	1143	25	1/2	1000	—	Ильинская.....	800	10	1/4	—	—
Охоткинъ.....	600	5	—	200	—	Голодкова.....	550	—	—	—	—
Гецманъ.....	400	—	—	—	—	Кондратьева.....	240	—	—	—	—
Дурново.....	700	5	1/2	—	—	Егорова.....	500	—	—	—	—
Живоксинъ.....	600	10	1/2	—	—	Ермолова 1-я.....	800	10	1/2	—	—
Колосовъ.....	600	4	1/2	—	—	Ермолова 2-я.....	360	—	—	—	—
Лаповъ.....	725	10	—	—	—	Зелинова.....	300	—	—	—	—
Лепскій.....	800	20	1/2	—	—	Иогансонъ.....	200	—	—	—	—
Лептовскій.....	700	10	1/2	400	—	Колпакова.....	500	—	—	—	500
Махмеевъ.....	800	15	1/2	700	—	Махлакова.....	400	—	—	—	—
Мягкнскій.....	500	—	—	500	—	Медвѣдова.....	1143	25	1/2	1000	—
Музыль.....	1143	25	1/2	300	—	Мочалина.....	600	—	—	—	—
Накифоровъ Н.....	600	7	1/2	600	—	Някуллина.....	1143	25	1/2	1000	—
Накифоровъ С.....	400	—	—	—	—	Рыкалова.....	1143	8	300	—	—
Петровъ.....	1143	10	1/4, или 600р.	—	—	Рябова.....	300	—	—	—	—
Правдинъ.....	900	15	1/2	—	—	Скюдери.....	800	5	—	—	—
Рѣшиновъ.....	800	15	1/2	700	—	Родионова.....	360	—	—	—	—
Рябовъ.....	800	—	1/4	—	—	Талапова.....	1143	15	1/4	—	—
Садовскій.....	1000	15	1/4	—	—	Шужская.....	600	5	—	—	—
Самаринъ.....	1143	35	3000	1000	1143	Шенина.....	400	5	—	—	—
Сампелъ.....	300	—	—	—	—	Яблочкина.....	900	5	—	—	—
Шеламитовъ.....	500	—	—	500	—	Федотова.....	1143	25	1/2	1000	—
Леоновъ.....	500	—	—	—	—	Ракина.....	—	—	—	—	—
Давидовъ.....	—	—	—	—	—	Заверкова.....	—	—	—	—	—
Владиславлевъ, сит-	—	—	—	—	—	Федорова.....	—	—	—	—	—
тающийся въ опер-	—	—	—	—	—						
ной группѣ.....	1143	10	—	—	—						

Въ конторѣ Редаціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Федотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и рассказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвиг (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: Мессалина. Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

выходящій ежемѣсячно безъ предварительной цензуры, книжки отъ 28 до 35 лѣтъ

Открыта подписка на 1881 годъ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.)

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 мѣсяць:
Цѣна доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкой въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	} 2 р. 50 к.
Съ пересылкою къ другимъ городамъ	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	
За-границу:	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

Годовымъ подписчикамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 7, 6 или 5 руб., соотвѣтственно цѣвѣ съ пересылкой, и ставкой или безъ доставки, 5 р. къ 1 Апрѣля и 5 р. къ 1 Юля.

НИЖНИЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЮ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ Дрезе мейера, и во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера.

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ тѣми подписчиками, которые подписываются въ ея конторѣ или высылають деньги на имя послѣдней

Подписка на 1880 годъ продолжается.

О переимѣнн адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца при чемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничныя—недо ставяще до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой либо книги журнала препровождается въ редакцію со обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ часу до трехъ пополудни, кромя воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лица, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ райѣбра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія, расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятія, сохраняются редакціей въ продолженіи года, за исключеніемъ тѣхъ, разбиръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, при чемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.
Издатель В. М. Лавровъ.

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO \$1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.

SEP 25 1940

CLIF (N)

OCT 3 1985

REC CIR OCT 28 1985

MAR 20 1986

REC CIR FEB 25 1986

LIBRARY USE MAR 20 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 15 '90

LD 21-100m-7,39 (402s)

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C022991162

